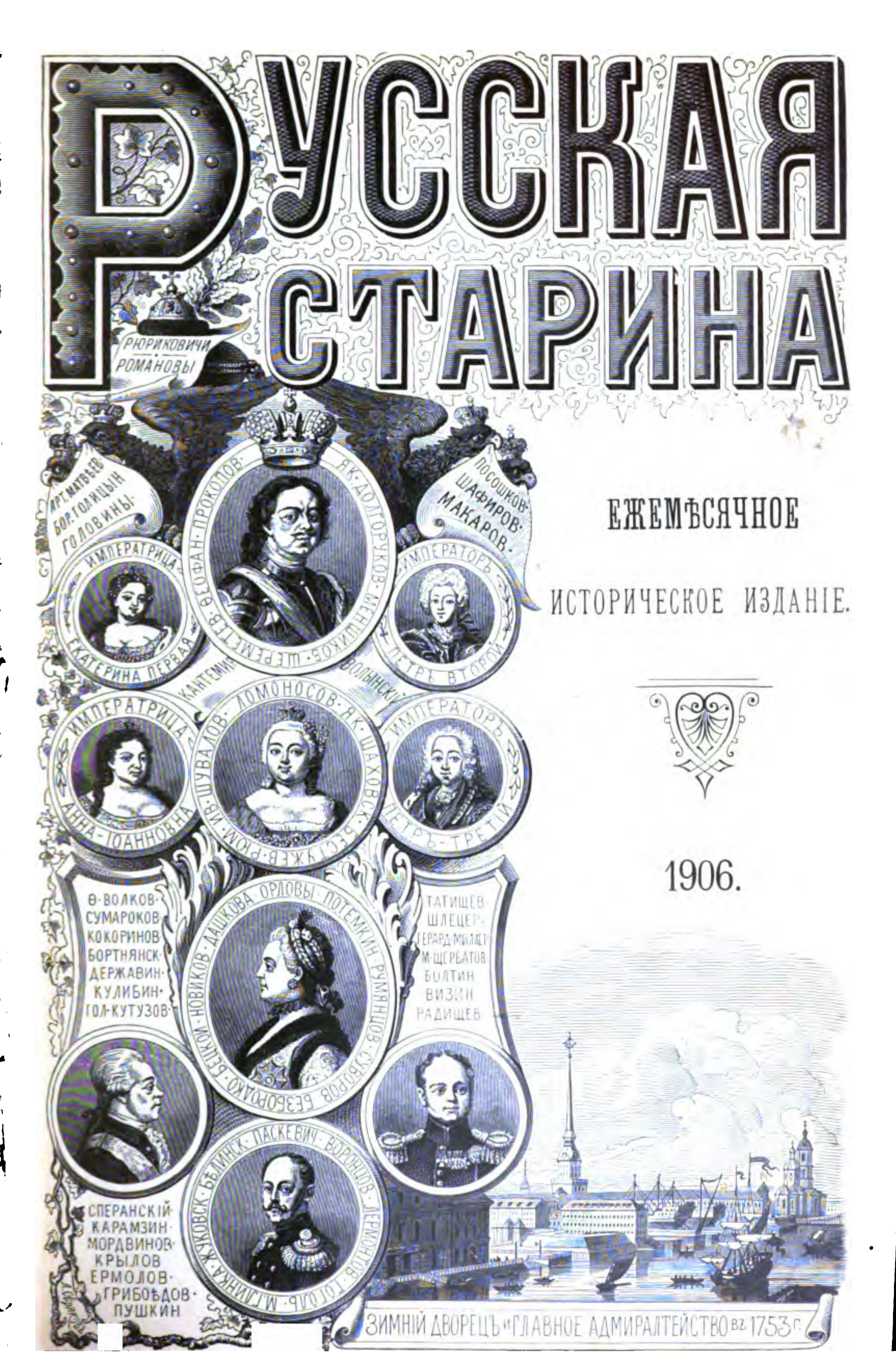

РУССКАЯ СТАРИНА
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
АРТ. МАТВЕЕВ
БОР. ГОЛИЦЫН
ГОЛОВИНЫ
ПОСОШКОВ
ШАФИРОВ
МАКАРОВ
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ-ТРЕТІЙ
КАНТЕМИР
ВОЛЫНСКИЙ
Ѳ. ВОЛКОВ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИН
КУЛИБИН
ГОЛ. КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВ
ШЛЕЦЕР
ГЕРАРД МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИН
ВИЗИН
РАДИЩЕВ
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИН
МОРДВИНОВ
КРЫЛОВ
ЕРМОЛОВ
ГРИБОѢДОВ
ПУШКИН
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
1906.
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. ІЮЛЬ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Портретъ императрицы Екатерины II.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1906.

...„Русской Старины" вышла 1-го іюля 1906 года.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. ІЮЛЬ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Портретъ императрицы Екатерины II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1906.

Библіографическій листокъ.

Книги, доставленныя въ редакцію:

1. Декабристы съ 86 портретами и съ рисунками. Изданіе Зензинова. Изданіе роскошное.
2. Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій. Ев. Попова.
3. Книгоиздательство Свѣточъ. Редакція С. А. Венгерова: Рѣчь о свободѣ печати. Эпоха Бѣлинскаго 20 к. Порогъ. Тургенева 3 к., стихотвореніе въ прозѣ. Салтыковъ-Щедринъ 1 р. 50 к. Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Самодержавіе и печать 25 к.
4. Опытъ географіи и статистики тунгузскихъ племенъ Сибири. Паткановъ. Два выпуска. Изд. Имп. Геогр. О-ва.
5. Вопросы Соціологіи. Проф. Исаевъ.
6. Сборникъ Областнаго войска Донскаго Статистическаго Комитета. Выпускъ V.
7. Изнанка войны. Картинки съ натуры. А. Молотовъ.
8. Забытый герой (А. В. Мельниковъ). Изъ воспоминаній А. К. Детенгофа.
9. Введеніе въ исторію русско-турецкой войны 1877—78 гг. П. А. Гейсманъ.
10. Революціонный неврозъ. Кабанесъ и Нассъ. Переводъ Д. Ф. Коморскаго. Цѣна 2 р.
11. Послѣ войны о нашей арміи. Геруа.
12. Юго-западныя желѣзныя дороги. Составилъ П. Н. Андреевъ.
13. Древнія иконы изъ разныхъ церквей и частныхъ собраній. А. И. Успенскій.
14. Косино и его святыни. Священники І. И. Померанцевъ и А. И. Рѣчменскій.
15. Небесные цѣлители отъ трясовичнаго недуга. Изданіе коммиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи.
16. Церковь св. пророка Иліи, что слыветъ обыденной. Свящ. Л. П. Любимовъ. То же изд.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Екатерина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1906.

ІЮЛЬ. — АВГУСТЪ. — СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

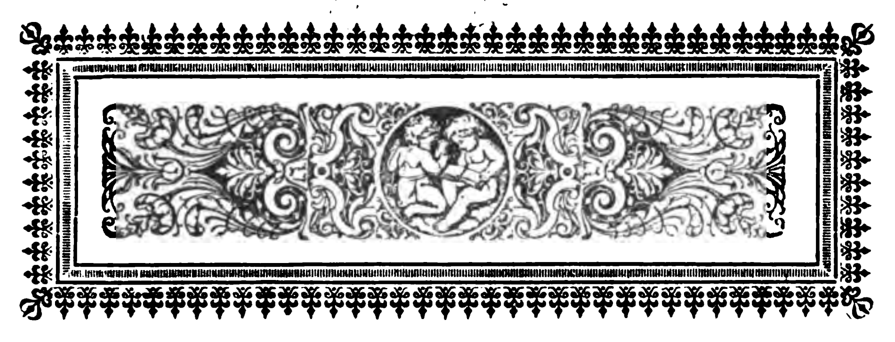
ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“ 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.



Записки императрицы Екатерины Второй.

(1729—1751).

Въ самый день смерти матери, императоръ Павелъ приказалъ графу Растопчину запечатать и потомъ разобрать ея бумаги, въ числѣ которыхъ находилась знаменитая записка полуграмотнаго Алексѣя Орлова: „Матушка, пощади и помилуй, дуракъ нашъ вздумалъ драться, мы его и порѣшили“... Прочитавъ записку, Павелъ перекрестился и сказалъ: „слава Богу, наконецъ, я вижу, что мать моя не убійца“. Растопчинъ нашелъ и эти мемуары. Они запечатаны были въ пакетѣ съ надписью: „Его императорскому высочеству великому князю Павлу Петровичу, моему любезнѣйшему сыну“, и состояли изъ самаго текста и коротенькихъ отмѣтокъ на клочкахъ бумаги, на которыхъ Екатерина означала отдѣльные случаи своего прошедшаго, и, вѣроятно, потомъ составляла по нимъ разсказъ свой. Въ такомъ видѣ подлинная рукопись хранится въ Государственномъ архивѣ, въ Петербургѣ. Мемуары написаны въ послѣдніе годы царствованія, не раньше 1783 года, потому что Екатерина говоритъ въ одномъ мѣстѣ о графѣ Никитѣ Панинѣ, какъ о покойникѣ, а онъ умеръ въ 1783 году, въ мартѣ. Цѣль ихъ очевидна; это—потребность души, великой при всѣхъ недостаткахъ и даже преступленіяхъ, оправдаться въ глазахъ сына и потомства, которое, конечно, должно оцѣнить и побужденіе, и искренность этихъ признаній. Но невозможность полнаго оправданія какъ будто выражается въ томъ самомъ, что мемуары не доведены до конца, ни даже до главной катастрофы.

---

[1]) Печатано съ лейпцигскаго изданія.

Какъ будто великая женщина сама поддалась недостаткамъ, столь живо ею изображаемымъ; она, дѣйствительно, приняла участіе во всѣхъ интригахъ двора, превышая своихъ противниковъ только умомъ и ловкостью, а не нравственнымъ достоинствомъ. Обманутая Салтыковымъ, послѣ долгихъ искушеній, она рѣшается на борьбу съ судьбой и, въ свою очередь, не разбираетъ средствъ.

Говорятъ, что Павелъ далъ только одну копію мемуаровъ другу и товарищу своего дѣтства, князю Александру Куракину. Когда онъ умеръ въ 1818 году, Александръ Ивановитъ Тургеневъ успѣлъ проникнуть въ его библіотеку и снялъ для себя списокъ. Отсюда пошли всѣ списки, существовавшіе въ Россіи. Пушкинъ въ Одессѣ собственноручно переписалъ для себя всѣ мемуары изъ библіотеки графа Воронцова. Около 1827 года, когда императоръ Николай приказалъ Блудову разобрать дворцовый бумажный хламъ, мемуары были ему показаны, и потомъ подъ государственною печатью положены въ Главный архивъ. Еще отъ матери своей, предубѣжденный противъ Екатерины, Николай называлъ ее обыкновенно „черною женщиной", простирая свою ненависть не только къ личности ея, но и къ ея учрежденіямъ. Разсказываютъ, что когда Арсеньевъ, преподавая наслѣднику русскую исторію, дошедши до царствованія Екатерины, началъ восхвалять ея мудрость и славное правленіе, ученикъ сталъ глядѣть на него съ удивленіемъ, и на вопросъ, что его удивляетъ, отвѣчалъ: „Какъ же я всегда слышалъ, что она запятнала нашъ родъ". Преслѣдованіе мемуаровъ началось съ тѣхъ поръ, какъ Тургеневъ проговорился императору Николаю, что знаетъ ихъ. Николай посылалъ черезъ III отдѣленіе къ тѣмъ лицамъ, у кого были списки, просить ихъ для себя, и потомъ сожигалъ. Даже наслѣдникъ его не могъ достать завѣтной рукописи до самаго вступленія своего на престолъ; въ мартѣ 1855 года, когда Государственный архивъ находился въ Москвѣ (его увезли на всякій случай отъ англичанъ, стоявшихъ подъ Петербургомъ), одинъ изъ важныхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ нарочно пріѣзжалъ съ ключами архива доставать мемуары для прочтенія государю. Съ тѣхъ поръ начались новые списки.

I.

Мать Петра III, дочь Петра I, скончалась отъ чахотки, черезъ два мѣсяца послѣ его рожденія, въ небольшомъ голштинскомъ городѣ Килѣ. Ее сокрушила тамошняя жизнь и несчастное супружество. Отецъ Петра III, голштинскій герцогъ Карлъ-Фридрихъ — племян-

никъ шведскаго короля Карла XII — былъ государь слабый, бѣдный, дуренъ собою, небольшаго роста и слабаго сложенія (смотри журналъ Берхгольца въ „Магазинѣ“ Бюшинга). Онъ умеръ въ 1739 г., и опеку надъ его сыномъ, которому тогда было около 11 лѣтъ, принялъ его двоюродный братъ, герцогъ голштинскій и епископъ любекскій, Адольфъ-Фридрихъ, вступившій потомъ, вслѣдствіе абовскаго мира и по ходатайству императрицы Елизаветы, на шведскій престолъ. Главнымъ воспитателемъ Петра III былъ гофмаршалъ двора его, Брюмеръ, родомъ шведъ, потомъ оберъ-камергеръ Берхгольцъ, авторъ вышеупомянутаго журнала, и четыре камергера, изъ которыхъ одинъ, Адлерфельдтъ, написавшій исторію Карла XII. Вахмейстеръ былъ шведъ, а двое другихъ, Вольфъ и Мардефельдтъ, голштинцы. Принца воспитывали, какъ наслѣдника шведскаго престола. Дворъ его, слишкомъ многочисленный для Голштиніи, раздѣлялся на нѣсколько партій, ненавидѣвшихъ другъ друга. Каждая партія старалась овладѣть душою принца, воспитать его по-своему и, разумѣется, внушить ему отвращеніе къ своимъ противникамъ. Молодой принцъ отъ всей души ненавидѣлъ Брюмера и не любилъ никого изъ своихъ придворныхъ, потому что они его тяготили.

Съ десятилѣтняго возраста Петръ III обнаружилъ склонность къ пьянству. Его часто заставляли являться на придворные выходы и слѣдили за нимъ неусыпно. Въ дѣтствѣ и въ первые годы пребыванія въ Россіи онъ любилъ двоихъ стариковъ-камердинеровъ: лифляндца Крамера и шведа Румберга. Сей послѣдній былъ для него дороже всѣхъ. Это былъ человѣкъ довольно грубый и неотесанный; онъ служилъ драгуномъ въ полкахъ Карла XII. Брюмеръ, а слѣдовательно и Берхгольцъ, который на все глядѣлъ глазами Брюмера, были приверженцы принца, опекуна и правителя. Всѣ остальные не любили этого принца и еще менѣе его приближенныхъ.

Императрица Елизавета, вступивъ на престолъ русскій, послала за племянникомъ въ Голштинію камергера Корфа, и принцъ-правитель немедленно отправилъ его въ сопровожденіи гофмаршала Брюмера, камергера Берхгольца и камергера Дикера (который былъ племянникомъ Брюмера). Пріѣздъ его чрезвычайно обрадовалъ императрицу. Вскорѣ затѣмъ она отправилась короноваться въ Москву. Она рѣшилась объявить принца временно своимъ наслѣдникомъ, но прежде всего онъ долженъ былъ принять греческую вѣру. Враги гофмаршала Брюмера, а именно оберъ-камергеръ графъ Бестужевъ и графъ Никита Панинъ, долго бывшій русскимъ посланникомъ въ Швеціи, увѣряли, будто, какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что императрица объявитъ своего племянника наслѣдникомъ русскаго престола, Брюмеръ всячески старался испортить душу и сердце своего питомца,

между тѣмъ какъ прежде онъ прилагалъ стараніе, чтобы воспитать его достойнымъ шведской короны. Но я никогда не могла повѣрить столь жестокому обвиненію и объясняла воспитаніе Петра III стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ. Разскажу, что видѣла и слышала. Этимъ объяснится многое.

Въ первый разъ я увидала Петра III, одиннадцати лѣтъ, въ Евтинѣ, у его опекуна принца-епископа любекскаго, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины отца его, герцога Карла-Фридриха. Это было въ 1739 г. Принцъ-епископъ созвалъ въ Евтинъ всѣхъ родственниковъ, чтобы представить имъ своего питомца. Моя бабушка (мать принца-епископа) и сестра его, моя мать, пріѣхали изъ Гамбурга и привезли меня съ собою. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Кромѣ того, тамъ были еще принцъ Августинъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и правителя Голштиніи. Тутъ я услыхала, какъ собравшіеся родственники толковали между собою, что молодой герцогъ наклоненъ къ пьянству, что его приближенные не даютъ ему напиваться за столомъ, что онъ упрямъ и вспыльчивъ, не любитъ своихъ приближенныхъ и особливо Брюмера; что, впрочемъ, онъ довольно живаго нрава, но сложенія слабаго и болѣзненнаго. Дѣйствительно, цвѣтъ лица его былъ блѣденъ; онъ казался тощъ и нѣжнаго темперамента. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, но придворные хотѣли, чтобы онъ держалъ себя, какъ совершеннолѣтній. Это тяготило его, заставляя быть въ постоянномъ принужденіи. Натянутость и неискренность перешли отъ внѣшнихъ пріемовъ обращенія и въ самый характеръ.

Вскорѣ по пріѣздѣ этого голштинскаго двора въ Россію, явилось шведское посольство съ просьбою, чтобы императрица дозволила племяннику своему быть наслѣдникомъ шведскаго престола. Но Елисавета, уже объявившая свои намѣренія на этотъ счетъ въ предварительныхъ статьяхъ абовскаго мира (какъ выше сказано), отвѣчала шведскому сейму, что племянникъ ея наслѣдуетъ русскій престолъ, и что она не отступаетъ отъ предварительныхъ статей абовскаго мира, по которому наслѣдникомъ шведскаго престола долженъ быть принцъ-правитель Голштиніи. Старшій братъ принца-правителя былъ обрученъ съ императрицею Елисаветою незадолго до смерти Петра I. Бракъ не состоялся, потому что женихъ умеръ отъ оспы черезъ нѣсколько недѣль послѣ обрученія. Но императрица Елисавета сохранила объ этомъ принцѣ самое нѣжное воспоминаніе, которое выражала всѣмъ его родственникамъ.

Такимъ образомъ Петръ III, исповѣдавъ вѣру по обряду греческой церкви, былъ объявленъ наслѣдникомъ Елисаветы и великимъ княземъ русскимъ. Въ учители ему дали Симона Тодорскаго, бывшаго потомъ

епископомъ псковскимъ. Принцъ былъ крещенъ и воспитанъ по обряду и въ правилахъ самаго строгаго и наименѣе вѣротерпимаго лютеранства. Съ дѣтства онъ не хотѣлъ ничему учиться, и я слышала отъ его приближенныхъ, что въ Килѣ по воскресеньямъ и въ праздничные дни стоило великихъ трудовъ, чтобъ заставить его идти въ церковь и подчиниться благочестивымъ обрядамъ, и что въ разговорахъ съ Симономъ Тодорскимъ онъ по большей части обнаруживалъ отвращеніе отъ религіи. Его императорское высочество не хотѣлъ ни съ чѣмъ согласиться, спорилъ о каждомъ предметѣ, и приближенные его часто бывали призываемы, чтобъ охладить его горячность и склонить къ болѣе мягкимъ выраженіямъ. Наконецъ, послѣ многихъ для себя непріятностей, онъ подчинился волѣ императрицы, своей тетки, но, можетъ быть, по предразсудку, по привычкѣ или по охотѣ противорѣчить, онъ нѣсколько разъ выражалъ, что ему пріятнѣе было бы уѣхать въ Швецію, нежели оставаться въ Россіи. Брюмеръ, Берхгольцъ и другіе голштинцы оставались при немъ до его женитьбы. Къ нимъ для виду присоединили нѣсколько учителей. Преподаватель русскаго языка, Исаакъ Веселовскій, съ самаго начала являлся рѣдко, а потомъ вовсе пересталъ ходить; профессоръ Штелинъ, который долженъ былъ учить его математическимъ наукамъ и исторіи, собственно только игралъ съ нимъ и служилъ вмѣсто шута. Всѣхъ точнѣе былъ балетмейстеръ Ланге, учившій танцованію. Во внутреннихъ своихъ комнатахъ великій князь занимался исключительно военною выправкою нѣсколькихъ лакеевъ, которые были даны ему въ услуженіе. Онъ возводилъ ихъ въ чины и степени, и потомъ разжаловалъ, какъ ему вздумалось. Это были настоящія дѣтскія игры, постоянное ребячество. Вообще онъ былъ очень ребячливъ, хотя ему было уже шестнадцать лѣтъ въ 1744 г. Въ 1744 г., 9-го февраля, я съ матерью своею пріѣхала въ Москву, гдѣ тогда находился русскій дворъ.

Русскій дворъ въ то время раздѣленъ былъ на два большіе стана, или партіи. Во главѣ первой, начинавшей снова возвышаться послѣ своего униженія, стоялъ вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Онъ внушалъ къ себѣ гораздо больше страха, нежели привязанности, былъ до чрезвычайности пронырливъ и подозрителенъ, твердъ и непоколебимъ въ своихъ мнѣніяхъ, довольно жестокъ съ подчиненными, врагъ непримиримый, но другъ друзей своихъ, которыхъ не покидалъ, пока они сами не измѣняли ему: впрочемъ, неуживчивъ и во многихъ случаяхъ мелоченъ. Онъ управлялъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ. Передъ поѣздкою двора въ Москву онъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ приближенными императрицы, которыхъ хотѣлъ отмѣнить, но теперь онъ начиналъ оправляться. Онъ держался Англіи и дво-

ровъ вѣнскаго и дрезденскаго. Пріѣздъ мой и матери былъ ему непріятенъ, какъ дѣло, тайно отъ него устроенное противною партіею. У него было множество враговъ, но всѣ они трепетали передъ нимъ. Онъ имѣлъ надъ ними превосходство въ занимаемой имъ должности, а характеромъ своимъ неизмѣримо превышалъ дипломатовъ царской передней.

Противоположная партія держала сторону Франціи, находившейся подъ французскимъ покровительствомъ Швеціи и короля прусскаго. Душою этой партіи былъ маркизъ де-ла-Шетарди, а матадорами— прибывшіе ко двору голштинцы. Они привлекли къ себѣ Лестока, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ переворотѣ, который возвелъ на русскій престолъ императрицу Елисавету. Лестокъ въ значительной степени пользовался ея довѣренностью. Онъ служилъ при императрицѣ Екатеринѣ I и по кончинѣ ея сдѣлался лейбъ-медикомъ Елисаветы. И матери и дочери онъ оказалъ существенныя услуги. Онъ былъ довольно уменъ, хитеръ и умѣлъ вести интригу, но нрава злаго и сердца чернаго. Всѣ эти иностранцы поддерживали и выводили впередъ графа Михаила Воронцова, который также участвовалъ въ переворотѣ и сопровождалъ Елисавету въ ту ночь, когда она вступала на престолъ. Она женила его на племянницѣ императрицы Екатерины I, на графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской. Сія послѣдняя воспитывалась вмѣстѣ съ императрицею Елисаветою и была къ ней очень привязана. Къ этой же партіи присоединился графъ Александръ Румянцевъ, отецъ фельдмаршала, заключившій съ Швеціею абовскій миръ, почти безъ участія Бестужева. Сюда же отчасти принадлежали генералъ-прокуроръ Трубецкой, все семейство Трубецкихъ, и, слѣдовательно, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, пользовавшійся въ то время большимъ уваженіемъ; самъ по себѣ онъ ничего не значилъ, его уважали по многочисленной семьѣ жены его, отецъ и мать которой были еще живы. Старуха Трубецкая была въ большомъ почетѣ.

Главными изъ остальныхъ приближенныхъ къ императрицѣ были тогда Шуваловы. Они соперничали съ оберъ-егермейстеромъ Разумовскимъ, который на ту пору считался первымъ фаворитомъ. Бестужевъ умѣлъ пользоваться ими; но главною опорою служилъ ему баронъ Черкасовъ, кабинетъ-секретарь императрицы, бывшій нѣкогда при кабинетѣ Петра I, человѣкъ суровый и упрямый, любившій порядокъ и справедливость и требовавшій, чтобы во всемъ соблюдалась заведенная форма. Остальные придворные присоединялись то къ той, то къ другой партіи, смотря по выгодамъ и по личнымъ видамъ.

Казалось, великій князь былъ радъ пріѣзду моей матери и моему. Мнѣ тогда шелъ пятнадцатый годъ. Въ первые дни онъ былъ очень предупредителенъ ко мнѣ. Уже тогда, въ это короткое время, я увидала и поняла, что онъ мало цѣнилъ народъ, надъ которымъ ему

суждено было царствовать, что онъ держался лютеранства, что не любилъ своихъ приближенныхъ, и что былъ очень ребячливъ. Я молчала и слушала, и тѣмъ пріобрѣла его довѣренность. Помню, какъ, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что ему всего болѣе нравится во мнѣ то, что я—его двоюродная сестра, и что по родству онъ можетъ говорить со мною откровенно; вслѣдъ за тѣмъ онъ мнѣ открылся въ своей любви къ одной изъ фрейлинъ императрицы, удаленной отъ двора по случаю несчастія ея матери, госпожи Лопухиной, которая была сослана въ Сибирь; онъ мнѣ объяснилъ, что желалъ бы жениться на ней, но что готовъ жениться на мнѣ, такъ какъ этого желаетъ его тетка. Я краснѣла, слушая эти изліянія родственнаго чувства, и благодарила его за предварительную довѣренность, но въ глубинѣ души я не могла надивиться его безстыдству и совершенному непониманію многихъ вещей.

Въ десятый день по пріѣздѣ моемъ въ Москву, въ субботу, императрица отправилась въ Троицкій монастырь. Великій князь остался съ нами въ Москвѣ. Мнѣ уже дали троихъ учителей: Симона Тодорскаго для наставленія въ греческой вѣрѣ, Василія Ададурова для русскаго языка и балетмейстера Ланге для танцевъ. Желая поскорѣе выучиться русскому языку, я вставала по ночамъ, и въ то время, какъ все кругомъ спало, я, сидя на постели, вытверживала наизусть тетради, которыя мнѣ давалъ Ададуровъ. Въ комнатѣ было жарко, и, не зная московскаго климата, я не считала нужнымъ обуваться, а какъ вставала съ постели, такъ и учила мои уроки. Вслѣдствіе этого на пятнадцатый день у меня открылось воспаленіе въ боку, которое чуть было не свело меня въ могилу. Въ среду, послѣ отъѣзда императрицы въ Троицкій монастырь, я одѣвалась, чтобы идти съ матушкой обѣдать къ великому князю, какъ вдругъ почувствовала сильную дрожь. Насилу я выпросила у матушки позволеніе лечь въ постель. Воротившись отъ обѣда, она нашла меня въ безпамятствѣ: я была вся въ жару и чувствовала нестерпимую боль въ боку. Матушкѣ вздумалось, что у меня начинается оспа; она послала за докторами и требовала, чтобы они меня лѣчили отъ оспы. Доктора говорили, что мнѣ надо пустить кровь, но она никакъ не соглашалась на это, говоря, что братъ ея умеръ въ Россіи отъ оспы послѣ кровопусканія, и что она не хочетъ, чтобы и со мной случилось то же. Доктора и приближенные великаго князя (у котораго еще не было оспы) послали обо всемъ подробное донесеніе къ императрицѣ, а я лежала въ постели, окруженная докторами и матушкою, которые спорили между собою, не зная дѣла. Лихорадочный жаръ и боль въ боку чрезвычайно меня мучили; я стонала, и матушка меня бранила за это, требуя, чтобы я терпѣливо переносила страданія.

Наконецъ, въ субботу вечеромъ, въ семь часовъ, то-есть на пятый день моей болѣзни, императрица возвратилась въ Москву и прямо изъ кареты пришла ко мнѣ въ комнату, гдѣ я лежала въ безпамятствѣ. Съ ней былъ графъ Лестокъ и еще одинъ лейбъ-медикъ. Выслушавъ мнѣніе врачей, она сѣла у моего изголовья и приказала пустить мнѣ кровь. Я очнулась въ ту же минуту, какъ потекла кровь, и, открывъ глаза, увидала себя въ объятіяхъ императрицы, которая приподымала меня. Но я была между жизнью и смертью 27 дней, въ теченіе которыхъ шестнадцать разъ мнѣ пускали кровь, иногда по четыре раза въ день. Матушку почти не пускали ко мнѣ въ комнату. Она по-прежнему вооружалась противъ этихъ частыхъ кровопусканій и громко говорила, что меня хотятъ уморить. Однако, она стала убѣждаться, что у меня не будетъ оспы. Императрица приставила ко мнѣ графиню Румянцеву и еще нѣсколькихъ женщинъ. По всему было видно, что не довѣряли уму моей матушки. Наконецъ, благодаря стараніямъ доктора Санше (родомъ португальца), нарывъ въ правомъ боку прорвался; я его выплюнула, и съ тѣхъ поръ мнѣ стало легче. Я тотчасъ замѣтила, что поступки матушки во время моей болѣзни унизили ее въ общемъ мнѣніи. Когда мнѣ было очень дурно, она хотѣла привести ко мнѣ лютеранскаго священника. Чтобы предложить мнѣ это (какъ я послѣ узнала), меня старались привести въ чувство или воспользовались минутами облегченія, но я отвѣчала: „Зачѣмъ же? Позовите лучше Симона Тодорскаго; я охотно поговорю съ нимъ". Его привели, и мой разговоръ съ нимъ въ присутствіи постороннихъ былъ всѣмъ очень пріятенъ. Это значительно расположило въ мою пользу какъ императрицу, такъ и весь дворъ. Еще другое мелкое обстоятельство повредило моей матушкѣ. Около святой недѣли, поутру, она послала одну изъ своихъ камерфрау сказать мнѣ, чтобъ я ей уступила голубую съ серебромъ матерію, которую передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію подарилъ мнѣ братъ моего отца, потому что она мнѣ очень понравилась. Я отвѣчала матушкѣ: „пусть возьметъ, это въ ея волѣ, хотя я очень люблю эту матерію, потому что мнѣ ее подарилъ дядя, видя, какъ она мнѣ нравится". Окружавшіе меня, видя, что я отдаю матерію противъ воли, и зная, что я такъ долго находилась между жизнью и смертью и всего нѣсколько дней какъ стала оправляться, начали толковать между собою, что со стороны моей матери вовсе неблагоразумно причинять малѣйшее неудовольствіе умирающей дочери, и что не только что отнимать у меня матерію, она не должна бы и поминать о томъ. Все это было пересказано императрицѣ, которая тотчасъ же прислала мнѣ множество богатыхъ и великолѣпныхъ матерій, и между прочимъ одну голубую съ серебромъ, но она сдѣлала это въ

досаду моей матери. Сію послѣднюю обвиняли, что она вовсе не бережетъ меня и не имѣетъ ко мнѣ никакой нѣжности. Во время болѣзни я привыкла оставаться съ закрытыми глазами; думая, что я сплю, графиня Румянцева и остальныя женщины разговаривали между собою, нисколько не стѣсняясь, и этимъ путемъ я многое узнала.

Такъ какъ я начинала выздоравливать, то великій князь приходилъ проводить вечера въ комнатахъ матушки, которыя въ то же время были моими. Онъ, какъ всѣ, принималъ во мнѣ большое участіе. Во время болѣзни императрица часто плакала обо мнѣ. Наконецъ, 21 апрѣля 1744 г., въ день моего рожденія, когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, я почувствовала себя въ силахъ показаться публикѣ въ первый разъ послѣ этой тяжкой болѣзни.

Полагаю, что любоваться во мнѣ было нечѣмъ. Я исхудала, какъ скелетъ, выросла; лицо мое, всѣ черты стали длиннѣе, волосы лѣзли, и я была блѣдна, какъ смерть. Я сама видѣла, что я безобразна, какъ пугало, не могла узнать себя. Въ этотъ день императрица прислала мнѣ баночку румянъ и приказала нарумяниться.

Какъ скоро наступила весна, хорошая погода, великій князь сталъ тоже посѣщать насъ. Онъ предпочиталъ гулять, стрѣлять, охотиться въ московскихъ окрестностяхъ. Но по временамъ онъ приходилъ къ намъ обѣдать или ужинать и тутъ по-прежнему пускался со мною въ ребяческія откровенности. Свита его обыкновенно разговаривала съ моею матерью, къ которой съѣзжалось много гостей. Разные толки въ этихъ собраніяхъ вовсе не нравились тѣмъ, кто въ нихъ не участвовалъ, и, между прочимъ, графу Бестужеву. Всѣ враги сего послѣдняго собирались у насъ, и въ числѣ ихъ былъ маркизъ де-ла-Шетарди, который въ то время еще не заявилъ себя посланникомъ Франціи, но уже получилъ отъ своего двора кредитивную грамоту на эту должность.

Въ маѣ мѣсяцѣ императрица снова отправилась въ Троицкій монастырь. Великій князь, я и матушка поѣхали вслѣдъ за нею. Съ нѣкотораго времени императрица стала очень холодно обращаться съ матушкою. Въ Троицкомъ монастырѣ дѣло вышло на чистоту. Разъ послѣ обѣда великій князь сидѣлъ у насъ въ комнатѣ; неожиданно явилась императрица, сказала матушкѣ, чтобы она шла за нею въ другую комнату. Графъ Лестокъ пошелъ туда же. Мы съ великимъ княземъ сѣли на окошко и ждали, что изъ этого будетъ. Разговоръ продолжался довольно времени. Мы хохотали, какъ вдругъ явился графъ Лестокъ, проходя мимо, подошелъ къ намъ и сказалъ: „Это веселье тотчасъ кончится“. Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: „Укладывайтесь, вы тотчасъ же отправляетесь въ дорогу и возвращаетесь къ

себѣ домой“. Великій князь спросилъ, что это значитъ. Лестокъ отвѣчалъ: „Узнаете послѣ“, и съ этимъ словомъ пошелъ исполнять порученіе, которое было дано ему, и котораго я не знала. Мы съ великимъ княземъ начали разгадывать, что̀ бы это значило. Онъ толковалъ вслухъ слова Лестока, я обдумывала дѣло молча. Онъ говорилъ: „но если матушка ваша виновата, то это до васъ не относится“. Я ему отвѣчала: „долгъ мой ѣхать вмѣстѣ съ матушкой и дѣлать, что она прикажетъ“. Я видѣла ясно, что онъ разстался бы со мною безъ сожалѣнія. Что касается до меня, то, зная его свойства, я бы не пожалѣла его, но къ русской коронѣ я не была такъ равнодушна. Наконецъ, дверь въ спальню отворилась, императрица вышла оттуда вся красная и съ разгнѣваннымъ видомъ. Вслѣдъ за нею вышла матушка съ красными и заплаканными глазами. Окошко, на которое мы вскарабкались, было довольно высоко, и мы торопливо соскочили съ него. Это разсмѣшило императрицу; уходя, она поцѣловала насъ обоихъ. Когда она удалилась, мы нѣсколько разузнали, въ чемъ было дѣло.

Маркизъ де-ла-Шетарди, прежде, или, лучше сказать, когда былъ въ первый разъ посланникомъ въ Россіи, пользовался милостью и довѣренностью императрицы, но теперь, во второй пріѣздъ, онъ ошибся въ своихъ надеждахъ. Слова его были скромнѣе его писемъ, пропитанныхъ желчью и горечью. Письма эти были вскрыты и дешифрованы; изъ нихъ обнаружились во всѣхъ подробностяхъ его разговоры съ моей матерью и со многими другими лицами о тогдашнихъ обстоятельствахъ и объ императрицѣ. Такъ какъ онъ еще не успѣлъ представить свою кредитивную грамоту, то его велѣно было выслать изъ имперіи. У него взяли назадъ орденъ св. Андрея и портретъ императрицы, но всѣ остальные ея подарки, состоявшіе изъ брильянтовъ, не были отняты. Я не знаю, успѣла или нѣтъ матушка оправдаться во мнѣніи императрицы, но дѣло въ томъ, что мы не уѣхали, хотя съ матушкой по-прежнему обращались крайне недовѣрчиво и холодно. Какіе у нея были разговоры съ маркизомъ Шетарди, мнѣ не извѣстно; знаю только, что однажды обратился ко мнѣ и поздравилъ меня съ тѣмъ, что я причесана en Moyse. Я отвѣчала, что въ угоду императрицѣ я готова носить всякую прическу, лишь бы она ей нравилась. Послѣ такого отвѣта онъ сдѣлалъ пируэтъ налѣво, ушелъ отъ меня въ другую сторону и больше со мной не заговаривалъ.

По возвращеніи въ Москву съ великимъ княземъ, мы съ матушкою начали вести болѣе уединенную жизнь, чѣмъ прежде. Къ намъ меньше стало ѣздить гостей, и меня приготовляли къ исповѣданію вѣры; 28-е іюня было назначено для этого обряда, а на другой день,

въ праздникъ св. Петра, должно было послѣдовать мое обрученіе съ великимъ княземъ. Помню, что въ это время гофмаршалъ Брюмеръ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ жалобами на своего питомца и говорилъ, чтобы я постаралась исправить или образумить великаго князя; но я ему отвѣчала, что мнѣ невозможно принять на себя эту обязанность, что въ такомъ случаѣ я ему опротивлю точно такъ же, какъ его приближенные. Въ это время матушка очень подружилась съ принцемъ и съ принцессою Гессенъ-Гомбургскими, и особливо съ братомъ принцессы, камергеромъ Бецкимъ. Дружба эта не нравилась графинѣ Румянцевой, гофмаршалу Брюмеру и вообще всѣмъ. Матушка обыкновенно сидѣла съ ними въ своей комнатѣ, а мы въ это время съ великимъ княземъ возились въ передней комнатѣ, гдѣ намъ была своя воля. Въ обоихъ насъ было много дѣтской рѣзвости.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ императрица праздновала въ Москвѣ миръ съ Швеціею, и по этому поводу мнѣ, какъ русской великой княжнѣ-невѣстѣ, составила особый придворный штатъ. Тотчасъ послѣ празднества императрица приказала намъ ѣхать въ Кіевъ. Сама она отправилась черезъ нѣсколько дней вслѣдъ за нами. Мы ѣхали не торопясь: матушка, я, графиня Румянцева и матушкина камерфрау—въ одной каретѣ; великій князь, Брюмеръ, Берхгольцъ и Дикеръ—въ другой. Разъ, послѣ обѣда, великій князь, которому надоѣли его педагоги, пересѣлъ къ намъ въ карету, и съ тѣхъ поръ не хотѣлъ иначе ѣхать, какъ съ нами. Матушкѣ наскучило видѣть передъ собою только его да меня, и она вздумала увеличить компанію. Она сказала объ этомъ молодымъ кавалерамъ нашей свиты, въ числѣ которыхъ были князь Голицынъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) и графъ Захаръ Чернышевъ. Тотчасъ опростали одну изъ каретъ, ѣхавшихъ съ нашими постелями, устроили кругомъ лавки, и на другой день великій князь, матушка, я, князь Голицынъ, графъ Чернышевъ и еще кто-то, или двое, кто былъ помоложе изъ нашей свиты, усѣлись въ этой каретѣ и такъ продолжали наше путешествіе. Намъ было очень весело ѣхать, но остальные спутники вооружились противъ этого нововведенія, особливо гофмаршалъ Брюмеръ, оберъ-камергеръ Берхгольцъ, графиня Румянцева, матушкина камерфрау, да и вся остальная свита, потому что мы ихъ не пускали къ себѣ и веселились всю дорогу, между тѣмъ какъ они ссорились и умирали со скуки.

Такимъ образомъ, въ исходѣ третьей недѣли мы пріѣхали въ Козельскъ, гдѣ въ теченіе трехъ другихъ недѣль дожидались императрицы, которая была задержана въ пути разными обстоятельствами. Въ Козельскѣ мы узнали, что многія лица изъ императрицыной свиты съ дороги отправились въ ссылку, и что она въ очень дурномъ расположеніи духа. Наконецъ, въ половинѣ августа, она пріѣхала въ

Козельскъ, и мы оставались тамъ еще съ нею до послѣднихъ чиселъ августа. Въ большой залѣ, занимавшей средину дома, постоянно съ утра до вечера шла игра въ фараонъ, и по большой цѣнѣ. Зато въ остальныхъ комнатахъ была тѣснота. Матушка и я спали въ одной комнатѣ, графиня Румянцева и матушкина камерфрау—въ слѣдующей, и такъ далѣе. Разъ великій князь пришелъ къ намъ въ комнату. Матушка писала, подлѣ нея стояла ея отпертая шкатулка. Великому князю изъ любопытства хотѣлось порыться въ ней; матушка не позволила, и онъ ушелъ отъ нея, подпрыгивая. Но, прыгая въ комнатѣ, чтобы разсмѣшить меня, онъ зацѣпился за отпертую шкатулку и опрокинулъ ее. Матушка разгнѣвалась, и они стали браниться. Матушка говорила, что онъ нарочно уронилъ ея шкатулку; онъ отвѣчалъ, что она говоритъ неправду, и оба они ссылались на меня и требовали моего подтвержденія. Зная нравъ матушкинъ, я боялась, что она надаетъ мнѣ пощечинъ, если я не буду держать ея сторону; но въ то же время мнѣ не хотѣлось ни лгать, ни обидѣть великаго князя, и, такимъ образомъ, я была между двухъ огней. Однако, я сказала матушкѣ, что я не думаю, чтобы великій князь имѣлъ дурной умыселъ, но, что, прыгая, просто зацѣпилъ платьемъ крышку шкатулки, стоявшей на крошечномъ табуретѣ. Тутъ матушка кинулась на меня; когда она бывала сердита, ей нужно было на кого-нибудь излить свой гнѣвъ. Я замолчала и заплакала. Великій князь, видя, что весь гнѣвъ матушки обрушился на меня, потому что я взяла его сторону, упрекалъ ее въ несправедливости и говорилъ, что она бѣсится со злости, а она называла его невоспитаннымъ мальчишкой. Однимъ словомъ, брань дошла до того, что оставалось только драться, на чтб, впрочемъ, они оба не рѣшились.

Съ этихъ поръ великій князь былъ предубѣжденъ противъ матушки и никогда не могъ забыть этого спора. Матушка тоже не переставала сердиться на него; имъ было неловко другъ съ другомъ, и между ними возникла взаимная недовѣрчивость и злоба. Оба они не скрывали этого отъ меня, и мнѣ стоило большихъ трудовъ успокоивать ихъ, въ чемъ я не всегда успѣвала. Они безпрестанно были готовы осмѣять другъ друга и наговорить другъ другу колкостей. Такое положеніе становилось для меня съ каждымъ днемъ тяжелѣе. Я старалась не выходить изъ повиновенія матушки, угождать великому князю, который въ самомъ дѣлѣ въ то время былъ со мною откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо, потому что онъ видѣлъ, что матушка часто бросалась на меня, когда не могла придраться къ нему. Это очень располагало его въ мою пользу, и онъ довѣрялся мнѣ.

Наконецъ, 29-го августа, мы пріѣхали въ Кіевъ. Мы оставались

тамъ десять дней и затѣмъ отправились назадъ въ Москву точно такимъ же манеромъ, какъ ѣхали въ Кіевъ.

Въ Москвѣ этою осенью при дворѣ не прекращались балеты, комедіи и маскарады. Но, несмотря на это, императрица часто бывала въ дурномъ расположеніи духа. Однажды мы смотрѣли комедію. Ложа, въ которой мы сидѣли, матушка, я и великій князь, была насупротивъ ложи ея величества. Я замѣтила, что императрица о чемъ-то говорила графу Лестоку съ большимъ жаромъ и сердцемъ. Когда она кончила, Лестокъ явился къ намъ въ ложу, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Вы видѣли, какъ императрица говорила со мною?" Я отвѣчала ему, что видѣла. „Ну, такъ знайте же,—сказалъ онъ,—что она очень на васъ гнѣвается". — „На меня, за что?"—„За то, что у васъ много долговъ,—отвѣчалъ онъ.—Она говоритъ, что колодезь можно, наконецъ, вычерпать, что, когда она была великою княжною, то не получала больше вашего и должна была содержать цѣлый домъ, но не смѣла входить въ долги, потому что знала, что за нее никто не станетъ платить". Все это онъ произнесъ сухимъ и рѣзкимъ тономъ, конечно, для того, чтобы она изъ своей ложи могла видѣть, какъ онъ исполнилъ ея приказаніе. У меня въ глазахъ показались слезы, и я замолчала. Послѣ этого онъ ушелъ. Великій князь, сидѣвшій возлѣ меня и слушавшій нашъ разговоръ, спросилъ у меня, чего не разслышалъ, и потомъ больше выраженіемъ лица, нежели словами, давалъ мнѣ знать, что онъ соглашается съ императрицею, и что онъ доволенъ, что меня побранили. Это былъ у него обыкновенный способъ дѣйствія, онъ думалъ сдѣлать угодное императрицѣ, поддакивая ей, когда она на кого-нибудь гнѣвалась. Матушка, узнавъ, въ чемъ дѣло, стала говорить, что все это отъ того, что ее отстранили отъ меня и дозволили мнѣ не спрашиваться ея совѣтовъ, и что поэтому она умываетъ руки. Такимъ образомъ оба они были противъ меня.

Что касается до меня, то я рѣшилась тотчасъ же привести въ порядокъ дѣла свои и на другой день потребовала счеты. Оказалось, что я должна 17.000 рублей. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Кіевъ императрица мнѣ прислала 15.000 и большой сундукъ съ богатыми матеріями. Слѣдовательно, долгу всего было 2.000 рублей, и мнѣ казалось, что это не Богъ знаетъ, какая сумма. Разныя причины вовлекли меня въ эти издержки.

Во-первыхъ, я пріѣхала въ Россію съ весьма плохимъ гардеробомъ. Много, если у меня было три или четыре платья, между тѣмъ, какъ при русскомъ дворѣ переодѣвались по три раза въ день. Все мое бѣлье состояло изъ дюжины рубашекъ, и я спала на матушкиныхъ простыняхъ.

Во-вторыхъ, мнѣ сказали, что въ Россіи любятъ подарки, и что щедростью задобриваются люди и пріобрѣтаются друзья.

Въ-третьихъ, ко мнѣ приставили графиню Румянцеву, которая мотала больше всѣхъ въ Россіи и постоянно возилась съ купцами. Ежедневно она приносила мнѣ всякую всячину и совѣтовала купить. Часто я брала только для того, чтобы подарить ей, потому что ей очень этого хотѣлось.

Великій князь также мнѣ дорого стоилъ, потому что любилъ подарки.

Кромѣ того, я замѣтила, что матушка переставала сердиться, какъ скоро ей дадутъ что-нибудь, что́ ей нравилось, и такъ какъ она въ то время часто сердилась, и особливо на меня, то я не пренебрегала этимъ средствомъ. Причина, отчего матушка была сердита, заключалась отчасти въ томъ, что императрица была очень не довольна ею, унижала ее и дѣлала ей непріятности. Кромѣ того, матушкѣ было непріятно, что я, обыкновенно ходившая позади ея, теперь стала ходить впереди; я избѣгала этого, гдѣ было можно, но въ публикѣ я должна была быть впереди. Вообще я поставила себѣ правиломъ оказывать ей всевозможное предпочтеніе и покорность, но пользы отъ этого было мало: она безпрестанно, при всякомъ случаѣ, бранила меня. Это вредило ей самой и не располагало общаго мнѣнія въ ея пользу.

Многія лица, и особливо графиня Румянцева, своими пересказами и разными сплетнями вооружали императрицу противъ матушки. Много значила тутъ и восьмимѣстная карета, въ которой мы ѣхали въ Кіевъ. Въ ней сидѣла одна молодежь и никого изъ пожилыхъ. Богъ знаетъ, какой оборотъ дали этой забавѣ, въ сущности совершенно невинной. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые, имѣвшіе право сидѣть съ нами по чинамъ своимъ, обидѣлись тѣмъ, что мы предпочли имъ тѣхъ, съ кѣмъ было веселѣе. Но все дѣло пошло отъ того, что мы не пустили въ карету Бецкаго и Трубецкихъ; матушка во время путешествія въ Кіевъ была совершенно увѣрена въ ихъ дружбѣ. Брюмеръ и графиня Румянцева также не остались въ долгу, и восьмимѣстная карета осталась намъ памятна.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ великій князь заболѣлъ въ Москвѣ корью. Такъ какъ у меня еще не было ея, то взяты были предосторожности, чтобы она ко мнѣ не пристала. Окружавшіе великаго князя не ѣздили къ намъ, и всѣ увеселенія прекратились. Съ наступленіемъ зимы болѣзнь эта прошла, и мы отправились изъ Москвы въ Петербургъ въ саняхъ, матушка со мною—въ однѣхъ, великій князь съ Брюмеромъ—въ другихъ. День рожденія императрицы, 18-е декабря, мы праздновали въ Твери, и на другое утро поѣхали

дальше. На полудорогѣ, въ Хотиловскомъ яму, вечеромъ великій князь занемогъ, сидя у меня въ комнатѣ. Его увели въ его комнату и положили спать. Ночью у него былъ сильный жаръ. На другой день, около полудня, мы съ матушкой пошли навѣстить его. Но едва я переступила порогъ, какъ Брюмеръ очутился передо мною и сказалъ, чтобы я не ходила дальше. Я спросила—зачѣмъ, и узнала, что у великаго князя показались оспенныя пятна. Такъ какъ у меня не было оспы, то матушка поспѣшила увести меня изъ комнаты. Рѣшено было, что мы съ матушкой въ тотъ же день отправимся въ Петербургъ, а великій князь съ своею свитою останется въ Хотиловѣ. Графиня Румянцева и матушкина камерфрау также остались тамъ, какъ говорили, ходить за больнымъ.

Къ императрицѣ, которая опередила насъ и была уже въ Петербургѣ, послали курьера. Мы встрѣтились съ нею недалеко отъ Новгорода; узнавъ, что великій князь заболѣлъ оспою, она ѣхала изъ Петербурга къ нему въ Хотилово, гдѣ и оставалась во все время болѣзни. Была полночь, когда мы съ нею встрѣтились; но она велѣла остановиться санямъ и спрашивала у насъ о здоровьѣ великаго князя. Матушка сказала ей, какъ его оставили, и вслѣдъ за тѣмъ императрица велѣла ямщику ѣхать дальше. Мы также поѣхали и къ утру были въ Новгородѣ.

Было воскресенье, и я ходила къ обѣднѣ. Потомъ мы обѣдали и затѣмъ собирались въ путь, какъ увидали камергера князя Голицына и камеръ-юнкера Захара Чернышева. Они ѣхали изъ Москвы въ Петербургъ. Матушка разсердилась на князя Голицына, потому что онъ ѣхалъ съ графомъ Чернышевымъ, а графъ Чернышевъ, не знаю, что-то солгалъ. Матушка говорила, что отъ него надобно бѣгать, какъ отъ человѣка опаснаго и сплетника. Она дулась на нихъ обоихъ; но такъ какъ это было очень скучно, при томъ же выбирать было не изъ чего, оба они были умнѣе и разговорчивѣе остальныхъ, то я вовсе не раздѣлила матушкина гнѣва и тѣмъ заслужила ея брань.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ насъ помѣстили въ одной изъ пристроекъ дворца. Великому князю также отвели особый домъ, между нашимъ помѣщеніемъ и дворцомъ; дворецъ тогда былъ тѣсенъ, и для него не было тамъ мѣста. Мои комнаты были налѣво отъ дворца, матушкины—направо. Увидавъ это, матушка разсердилась: во-первыхъ, ей показалось, что мои комнаты лучше расположены, нежели ея; во-вторыхъ, ей непріятно было, что наши комнаты раздѣлялись общею залою. На самомъ же дѣлѣ у каждой изъ насъ было по четыре комнаты, двѣ на улицу и двѣ на дворъ, всѣ комнаты были одинаковы, обиты голубою и красною матеріею, безъ

*

всякаго различія. Но вотъ главная причина, отъ чего матушка сердилась. Въ Москвѣ императрица присылала мнѣ черезъ графиню Румянцеву планъ этого дома, спрашивала моего мнѣнія, какъ размѣстить насъ, и приказала, чтобы я никому о томъ не сказывала. Выбирать было нечего, потому что оба отдѣленія были одинаковы; я такъ и сказала графинѣ; но изъ словъ сей послѣдней я заключила, что императрицѣ было бы пріятнѣе, чтобы я жила особо, а не въ однѣхъ комнатахъ съ матушкою. Я сама желала этого, потому что мнѣ было неловко въ комнатахъ матушки, и, короче сказать, быть въ ея обществѣ никому не нравилось. Матушка провѣдала, что ко мнѣ приносили планъ, стала меня спрашивать, и я ей сказала всю правду, какъ было дѣло. Она бранила меня, зачѣмъ я не сказала ей тотчасъ. Я отвѣчала, что было запрещено говорить; но она этимъ не удовольствовалась. Вообще я замѣчала, что она съ каждымъ днемъ все больше на меня гнѣвается; что она перессорилась почти со всѣми, такъ что больше не приходила къ намъ за столъ, а обѣдала и ужинала у себя въ комнатахъ. Что касается до меня, то я ходила къ ней раза по три или по четыре въ день. Остальное время я училась русскому языку и играла на клавикордахъ. Я покупала себѣ книгъ; въ 15 лѣтъ вела уединенную жизнь и была довольно углублена въ себя для моего возраста.

Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Москвы пріѣхало шведское посольство, въ главѣ котораго находился сенаторъ Цедеркрейцъ. Черезъ нѣсколько времени затѣмъ пріѣхалъ еще графъ Гилленбургъ, имѣвшій порученіе извѣстить императрицу о свадьбѣ шведскаго принца (брата моей матери) съ принцессою шведскою. Мы познакомились съ графомъ Гилленбургомъ и со многими другими шведами еще въ то время, какъ наслѣдный принцъ уѣзжалъ въ Швецію. Это былъ очень умный человѣкъ, уже не молодой и очень уважаемый моею матушкою. Во мнѣ онъ оставилъ признательное воспоминаніе, потому что въ Гамбургѣ, видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, онъ говорилъ ей, что она напрасно не обращаетъ на меня вниманія, что я дитя выше лѣтъ моихъ, и что у меня философское расположеніе ума. Пріѣхавъ въ Петербургъ и посѣтивъ насъ, онъ спрашивалъ, что сталось съ моей философіей въ суетѣ придворной жизни. Я ему пересказала, чѣмъ я занималась у себя въ комнатѣ. Онъ возражалъ, что философъ въ 15 лѣтъ не можетъ знать себя, что я окружена препятствіями, съ которыми не могу бороться, что надо имѣть очень возвышенную натуру, чтобы преодолѣть ихъ, и что надо питать душу чтеніемъ лучшихъ книгъ. Онъ мнѣ совѣтовалъ читать житія знаменитыхъ мужей Плутарха, житіе Цицерона и о причинахъ величія и упадка Римской республики, сочиненіе Монтескье. Я тот-

часъ послала за этими книгами (ихъ тогда едва можно было сыскать въ Петербургѣ) и сказала ему, что я напишу свой портретъ, такъ какъ знаю себя, для того, чтобы онъ могъ видѣть, знаю ли я себя, или нѣтъ.

Дѣйствительно, я описала самое себя, назвала мое сочиненіе: „Изображеніе философа въ 15 лѣтъ" и отдала его ему. Много лѣтъ спустя, именно въ 1758 году, я нашла у себя эту тетрадь, и сама удивилась, съ какою глубиною и точностью изобразила я себя, Къ сожалѣнію, я тогда же сожгла ее вмѣстѣ со всѣми другими бумагами; это было во время несчастнаго дѣла Бестужева; я уничтожила тогда всѣ бумаги, какія у меня были въ комнатахъ.

Графъ Гилленбургъ черезъ нѣсколько дней возвратилъ мнѣ мое сочиненіе. Не знаю, снялъ ли онъ съ него списокъ. Онъ прибавилъ къ нему страницъ двѣнадцать своихъ размышленій обо мнѣ, въ которыхъ старался укрѣпить во мнѣ возвышенность и твердость души, равно и другія качества ума и сердца. Много разъ я читала и перечитывала эти размышленія и старалась проникнуться ими. Я дала себѣ обѣтъ искренно слѣдовать его совѣтамъ; а какъ скоро я давала себѣ въ чемъ-нибудь обѣтъ, то я не помню, чтобъ когда-нибудь не исполнила его. По желанію графа Гилленбурга, я отдала ему назадъ его размышленія. Я должна признаться, что складъ ума моего и души моей образовался и укрѣпился подъ его значительнымъ вліяніемъ.

Въ началѣ февраля императрица съ великимъ княземъ возвратились изъ Хотилова. Какъ скоро намъ сказали, что она пріѣхала, мы пошли встрѣчать ее и нашли ее въ большой залѣ. Это было между четвертымъ и пятымъ часомъ вечера, въ залѣ было почти темно; но, несмотря на то, я едва не испугалась, увидавъ великаго князя: онъ чрезвычайно выросъ и перемѣнился, всѣ черты его сдѣлались грубѣе, опухоль на лицѣ еще не прошла, и не было никакого сомнѣнія, что у него останутся сильныя рябины. Онъ былъ остриженъ и носилъ огромный парикъ, который еще больше безобразилъ его. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, узнаю ли я его. Я пробормотала ему какую-то любезность на счетъ его выздоровленія, но въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ ужасно дуренъ.

II.

9 февраля прошелъ ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала къ русскому двору. 10 февраля 1745 г., императрица праздновала день рожденія великаго князя. Ему наступилъ 18-й годъ. Императрица

обѣдала на тронѣ со мною одной. Великій князь не являлся въ публику ни въ этотъ день, ни долго послѣ. Его не торопились показывать, потому что оспа обезобразила его. Въ этотъ день императрица была со мною очень ласкова. Она сказала мнѣ, что ее очень утѣшали русскія письма, которыя я ей писала въ Хотилово (правду сказать, ихъ сочинялъ Ададуровъ, я только переписывала), и что она знаетъ, какъ я прилежно занимаюсь русскимъ языкомъ. Она говорила со мною по-русски, хотѣла, чтобы я отвѣчала ей также по-русски, и изволила хвалить мое произношеніе. Потомъ она говорила, какъ я похорошѣла послѣ московской болѣзни; однимъ словомъ, во все время обѣда она безпрестанно оказывала мнѣ знаки расположенія и милости. Послѣ обѣда я возвратилась къ себѣ веселая и счастливая, и всѣ поздравляли меня съ этимъ. Императрица приказала принести къ себѣ мой портретъ, начатый живописцемъ Каравакомъ, и оставила его у себя въ комнатѣ. Это—тотъ самый портретъ, который скульпторъ Фальконетъ увезъ съ собою во Францію. Онъ былъ въ то время необыкновенно похожъ.

Чтобы идти къ обѣднѣ или къ императрицѣ, мы съ матушкою должны были проходить комнатами великаго князя, которыя были рядомъ съ моими, такимъ образомъ мы его часто видали. По вечерамъ онъ также являлся къ намъ на нѣсколько минутъ, но безъ особеннаго удовольствія; напротивъ, онъ всегда бывалъ радъ какому-нибудь предлогу остаться у себя въ комнатахъ, гдѣ предавался своему обыкновенному ребячеству, о которомъ я упоминала.

Вскорѣ послѣ пріѣзда императрицы и великаго князя въ Петербургъ матушка была очень опечалена и не могла скрыть этого. Вотъ какъ это было.

Братъ ея, принцъ Августъ, написалъ къ ней въ Кіевъ о своемъ желаніи пріѣхать въ Россію. Матушку извѣстили, что онъ собирается въ Россію только затѣмъ, чтобы прибрать въ свои руки управленіе Голштиніею, именно: хотѣли заранѣе объявить великаго князя совершеннолѣтнимъ и такимъ образомъ уничтожить опеку старшаго брата, сдѣлавшагося наслѣднымъ принцемъ шведскимъ; младшій братъ, принцъ Августъ, сталъ бы править Голштиніею отъ имени великаго князя.

Таковы были замыслы голштинской партіи, враждебной наслѣдному принцу шведскому. Въ интригѣ этой участвовали также и датчане, они не могли простить шведскому принцу того, что онъ одержалъ верхъ надъ датскимъ принцемъ, котораго далекарлійцы хотѣли выбрать наслѣдникомъ шведскаго престола. Матушка отвѣчала брату своему, принцу Августу, изъ Козельска, что вмѣсто того,

чтобы принимать участіе въ замыслахъ людей, враждебныхъ брату, ему слѣдуетъ ѣхать къ мѣсту своей службы, въ Голландію, и что лучше съ честію погибнуть въ сраженіи, нежели строить козни противъ своего брата и въ Россіи мѣшаться съ врагами сестры своей. Подъ сими послѣдними матушка разумѣла графа Бестужева, который благопріятствовалъ этимъ замысламъ, желая черезъ то повредить Брюмеру и всѣмъ остальнымъ приверженцамъ наслѣднаго принца шведскаго, бывшаго опекуномъ великаго князя по управленію Голштиніей. Матушкино письмо было вскрыто и прочтено графомъ Бестужевымъ и императрицею, которая была очень недовольна матушкою, и противъ наслѣднаго принца шведскаго была также заранѣе предубѣждена, потому что онъ, по совѣтамъ жены своей, сестры короля прусскаго, поддался французской партіи и французской политикѣ, вовсе несогласной съ видами Россіи. Его называли неблагодарнымъ, а матушку обвиняли въ томъ, что она вовсе не любитъ своего младшаго брата, такъ какъ она писала ему о погибели въ сраженіи. Выраженіе это находили жестокимъ и безчеловѣчнымъ, между тѣмъ какъ матушка хвалилась имъ передъ друзьями своими и называла его твердымъ и торжественнымъ. Какъ бы то ни было, мнѣнія матушки не были уважены. Напротивъ, чтобы насолить ей и досадить всей голштино-шведской партіи, графъ Бестужевъ, безъ вѣдома матушки, выхлопоталъ принцу Августу позволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Узнавъ, что онъ ѣдетъ, матушка чрезвычайно разгнѣвалась и огорчилась. Она встрѣтила его очень холодно; но это нисколько не смутило его, такъ какъ онъ опирался на Бестужева. Императрицу убѣдили благосклонно принять ѐго, что̀ она и сдѣлала для виду. Впрочемъ, все это не продолжалось и не могло продолжаться, потому что самъ по себѣ принцъ Августъ былъ лицо вовсе не замѣчательное. Уже одна наружность не располагала въ его пользу: онъ былъ малъ ростомъ и неуклюжъ; сверхъ того небольшаго ума и раздражительнаго нрава. Имъ руководили его приближенные, тоже люди, ничего не значащіе. Сказать правду, онъ былъ просто глупъ и тѣмъ очень сердилъ матушку, которую пріѣздъ его довелъ почти до отчаянія. Черезъ приближенныхъ совершенно овладѣвъ принцемъ Августомъ, графъ Бестужевъ разомъ попалъ въ нѣсколько цѣлей. Ему хорошо было извѣстно, что великій князь такъ же, какъ и онъ, терпѣть не могъ Брюмера, котораго, въ свою очередь, не любилъ и принцъ Августъ за его приверженность къ наслѣдному принцу шведскому. Подъ предлогомъ родства и въ качествѣ голштинца, принцъ Августъ не отходилъ прочь отъ великаго князя, безпрестанно говорилъ съ нимъ о Голштиніи, твердилъ о его будущемъ совершеннолѣтіи, и по его навѣтамъ великій князь сталъ

просить тетку и графа Бестужева, чтобы его заранѣе объявили совершеннолѣтнимъ. Для этого нужно было согласіе римскаго императора, которымъ въ то время былъ Карлъ VII, изъ Баварскаго дома; но между тѣмъ какъ шли переговоры, онъ умеръ, и дѣло было отложено до избранія въ императоры Франца I.

Дурно принятый матушкою, принцъ Августъ не оказывалъ ей уваженія и тѣмъ самымъ еще болѣе унизилъ ее во мнѣніи великаго князя. Съ другой стороны, какъ принцъ Августъ, такъ и старый камердинеръ, фаворитъ великаго князя, вѣроятно, опасаясь моего будущаго вліянія, часто твердили ему о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ женою. Ромбергъ, бывшій шведскій драгунъ, говорилъ ему, что его жена не смѣла передъ нимъ пикнуть, не только что мѣшаться въ дѣла его, что какъ только она разѣвала ротъ, онъ ей приказывалъ молчать, что онъ былъ глава дома, и что мужчинѣ стыдно быть простакомъ и слушаться жены своей. Но они, видно, не разсчитывали на скромность великаго князя, или не знали, что когда у него бывало что-нибудь на сердцѣ или въ головѣ, то онъ немедленно являлся разсказывать обо всемъ тѣмъ, съ которыми обыкновенно говорилъ, вовсе не обращая вниманія, кто были эти лица. Такимъ образомъ я узнала объ этихъ внушеніяхъ отъ самого великаго князя при первой нашей встрѣчѣ. Вообще онъ воображалъ, что всѣ люди держатся одного съ нимъ мнѣнія, и что это очень естественно и такъ должно быть. Я, разумѣется, все это держала про себя, но въ то же время не переставала серьезно обдумывать предстоявшую мнѣ участь. Я рѣшилась щадить откровенность великаго князя для того, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, видѣлъ во мнѣ лицо, которому можетъ довѣряться во всемъ безъ малѣйшихъ для себя непріятностей, и въ теченіе долгаго времени мнѣ это удавалось. Вообще я обращалась со всѣми, какъ могла лучше, и старалась пріобрѣсти дружбу, или, по крайней мѣрѣ, смягчить непріязнь тѣхъ людей, которыхъ я могла подозрѣвать въ неблагопріятномъ къ себѣ расположеніи. Я не хотѣла держаться никакой партіи, ни во что не вмѣшивалась, всегда показывала веселый видъ, была предупредительна, внимательна и вѣжлива со всѣми. Я была отъ природы веселаго нрава и съ удовольствіемъ замѣчала, что съ каждымъ днемъ росло расположеніе ко мнѣ публики, которая смотрѣла на меня, какъ на замѣчательнаго и умнаго ребенка. Я показывала великую почтительность матушкѣ, безпредѣльное послушаніе императрицѣ, отличную внимательность великому князю и однимъ словомъ всѣми средствами старалась снискать любовь публики.

Еще въ Москвѣ императрица назначила мнѣ дамъ и кавалеровъ, составлявшихъ мой дворъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ,

она приставила ко мнѣ русскихъ женщинъ для того, чтобы, какъ она говорила, я могла скорѣе выучиться русскому языку. Я была очень этимъ довольна. Самой старшей изъ дѣвушекъ, которыхъ мнѣ дали, было около двадцати лѣтъ; всѣ онѣ были очень веселаго нрава, такъ что съ этого времени, вставши чуть съ постели и до самой ночи, я не переставала пѣть, танцовать, рѣзвиться и дурачиться у себя въ комнатѣ. Вечеромъ, послѣ ужина, ко мнѣ приходили въ спальню три мои фрейлины, двѣ княжны Гагарины и Кошелева, и тутъ мы играли въ жмурки и въ разныя другія игры, по нашему возрасту. Всѣ эти дѣвушки ужасно боялись графини Разумовской, но, такъ какъ она съ утра до вечера играла въ карты въ передней комнатѣ либо у себя и вставала изъ-за стола только за нуждою, то мы почти не видали ея. Посреди этихъ веселостей мнѣ пришло въ голову распредѣлить обязанности моихъ фрейлинъ. Деньги, расходы и бѣлье я оставила на попеченіи мамзель Шенкъ, старой фрейлины, пріѣхавшей со мною изъ Германіи, глупой и ворчливой, которой вовсе не нравились наши веселости, и которой досадно было, что всѣ эти молодыя дѣвушки стали раздѣлять ея должность и мое расположеніе. Брильянты я поручила дѣвицѣ Жуковой, такъ какъ она была умнѣе, веселѣе и откровеннѣе другихъ, и я начала очень любить ее. Камердинеръ Тимоѳей Евреиновъ принялъ въ свое вѣдѣніе мои платья; дѣвица Балкова, вышедшая потомъ замужъ за поэта Сумарокова, должна была смотрѣть за моими кружевами; ленты я отдала дѣвицѣ Скороходовой старшей, впослѣдствіи вышедшей за Аристарха Кашкина; младшая сестра ея, Анна, ничего не получила, потому что ей всего было 13 или 14 лѣтъ. На другой день вечеромъ послѣ того, какъ я совершенно полновластно, никого не спрашиваясь, устроила свое хозяйство, давали комедію. Надо было проходить туда комнатами матушки. Комедію смотрѣли императрица, великій князь и весь дворъ. Ее давали въ маленькомъ театрѣ, который былъ устроенъ въ манежѣ, принадлежавшемъ въ царствованіе Анны герцогу Курляндскому (я занимама его комнаты). Послѣ комедіи, когда императрица возвратилась къ себѣ, графиня Разумовская явилась ко мнѣ въ комнату и объявила, что императрица не довольна тѣмъ, что я раздала мои вещи подъ присмотръ моимъ женщинамъ, и что она приказала взять назадъ у Жуковой ключи отъ моихъ брильянтовъ и отдать ихъ по-прежнему мамзель Шенкъ. Графиня Румянцева тутъ же, въ моемъ присутствіи, исполнила это приказаніе и ушла затѣмъ. У насъ съ Жуковой вытянулись лица, а мамзель Шенкъ торжествовала послѣ такого довѣрія, оказаннаго ей императрицею. Она начала подымать носъ предо мною и оттого стала еще глупѣе прежняго и еще менѣе внушала къ себѣ расположенія.

На первой недѣлѣ великаго поста у меня была очень странная сцена съ великимъ княземъ. Утромъ я съ своими женщинами, которыя всѣ были очень набожны, была у себя въ комнатѣ и слушала заутреню, которую служили въ передней комнатѣ, какъ вдругъ ко мнѣ явилось посольство отъ великаго князя: онъ прислалъ своего карлика спросить о моемъ здоровьѣ и сказать, что по случаю великаго поста онъ въ этотъ день не придетъ ко мнѣ. Когда карликъ вошелъ, мы всѣ слушали молитвы и во всей точности исполняли правила поста, по нашему обряду. Я велѣла передать великому князю обыкновенное привѣтствіе, и карликъ ушелъ назадъ. Въ самомъ ли дѣлѣ онъ былъ тронутъ тѣмъ, что видѣлъ, или вообразилъ, что дорогой господинъ его, вовсе не имѣвшій охоты молиться, захочетъ послѣдовать нашему примѣру, или, можетъ быть, по глупости, только что возратившись въ комнату великаго князя, онъ началъ чрезвычайно расхваливать благочестіе, царствовавшее у меня въ комнатахъ, и этимъ самымъ очень разсердилъ противъ меня великаго князя. При первой нашей встрѣчѣ я увидала, что онъ на меня дуется, и когда спросила—за что, онъ сталъ меня бранить за чрезмѣрную набожность. Я спрашивала, кто ему сказалъ о моей набожности, и онъ сослался на карлика, какъ на очевидца. Я возражала ему, говоря, что исполняю только приличіе, котораго невозможно обойти безъ скандала, и дѣлаю то, что всѣ дѣлаютъ, но онъ оставался при своемъ мнѣніи. Споръ этотъ кончился такъ же, какъ кончается большая часть споровъ, т.-е. каждый остался при своемъ; но, такъ какъ во время обѣдни его императорскому высочеству не съ кѣмъ было больше говорить, какъ со мною, то понемногу онъ пересталъ дуться на меня.

Чрезъ два дня послѣ этого произошла другая тревога. Было утро; у меня служили заутреню, какъ вошла ко мнѣ въ комнату мамзель Шенкъ, вся взволнованная, и объявила, что матушкѣ дурно и что она въ обморокѣ. Я тотчасъ побѣжала къ ней и нашла ее на полу, на матрацѣ, но въ памяти. Я осмѣлилась спросить, что съ нею; она отвѣчала, что хотѣла пустить себѣ кровь, но что фельдшеръ по неловкости четыре раза не попадалъ, куда слѣдуетъ въ обѣихъ рукахъ и ногахъ, и что отъ этого она лишилась чувства. Я знала, какъ матушка боялась кровопусканія, и не могла понять, какъ ей вздумалось пустить себѣ кровь, и зачѣмъ это было нужно. Тѣмъ не менѣе она упрекала меня, что я вовсе не принимаю въ ней участія, и по этому поводу наговорила мнѣ множество непріятностей. Я защищалась, какъ могла, и извиняла себя невѣдѣніемъ; но, видя, что она въ дурномъ нравѣ, я замолчала, старалась удерживать слезы и оставалась при ней до тѣхъ норъ, пока она съ неудо-

вольствіемъ приказала мнѣ уйти. Я возвратилась въ свою комнату въ слезахъ, и, когда мои женщины спрашивали, о чемъ я плачу, я имъ разсказала все, какъ было. По нѣскольку разъ въ день я ходила въ комнаты къ матушкѣ и оставалась тамъ, сколько слѣдовало, чтобы не быть ей въ тягость, чего она строго всегда требовала, и къ чему я очень привыкла. Въ жизни моей я ничего такъ не избѣгала, какъ быть кому-нибудь въ тягость, и я всегда удалялась тотчасъ же, какъ скоро въ душѣ моей рождалось подозрѣніе, что я могу быть въ тягость и слѣдовательно могу наскучить; но я знаю по опыту, что не всѣ держатся этого правила, потому что мнѣ часто приходилось терпѣть отъ людей, которые не умѣютъ удаляться, прежде чѣмъ отяготятъ собою и наскучатъ.

Во время поста матушка испытала и настоящее огорченіе; совершенно неожиданно она получила извѣстіе, что младшая сестра моя, Елисавета, трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду, скоропостижно скончалась. Матушка была очень огорчена; я также плакала по сестрѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, въ одно прекрасное утро, императрица пришла ко мнѣ въ комнату. Она послала за матушкою и вмѣстѣ съ нею пошла въ мою уборную, гдѣ онѣ долго наединѣ разговаривали, и затѣмъ возвратились въ мою спальню, матушка съ красными глазами и въ слезахъ. Онѣ продолжали говорить, и я узнала, что дѣло шло о кончинѣ императора Карла VII, о которой императрица тогда получила извѣстіе. Въ это время императрица еще ни съ кѣмъ не заключила союза и колебалась между Пруссіею и Австріею, которыя обѣ имѣли своихъ приверженцевъ. Она имѣла однѣ и тѣ же причины неудовольствія, какъ противъ Австрійскаго дома, такъ и противъ Франціи, съ которою былъ въ дружбѣ король прусскій; ибо, если маркизъ Ботта, министръ Вѣнскаго двора, былъ принужденъ выѣхать изъ Россіи за дурные отзывы на счетъ императрицы, которымъ въ то время постарались придать значеніе заговора, то, съ другой стороны, подъ этимъ же предлогомъ былъ высланъ изъ Россіи и маркизъ де-ла-Шетарди. Я не знаю, что собственно было цѣлью разговора императрицы съ матушкою; но матушка, повидимому, осталась очень довольна имъ и возымѣла великія надежды. Въ то время она вовсе не была расположена къ Австрійскому дому. Что касается до меня, то во всемъ этомъ я была просто зрителемъ весьма страдательнымъ, весьма скромнымъ и, можно сказать, даже равнодушнымъ.

Послѣ святой, когда настала весна, я сказала графинѣ Румянцевой, что мнѣ хотѣлось бы выучиться ѣздить верхомъ, и она испросила на то согласіе императрицы. Ровно черезъ годъ послѣ воспаленія, которымъ я была больна въ Москвѣ, у меня начались

боли въ груди; я по-прежнему была чрезвычайно худа и по совѣту докторовъ пила каждое утро молоко и зельцерскую воду. Въ домѣ Румянцевой въ казармахъ Измайловскаго полка, я взяла первый урокъ верховой ѣзды; въ Москвѣ я ѣздила нѣсколько разъ верхомъ, но очень дурно.

Въ маѣ мѣсяцѣ императрица съ великимъ княземъ переѣхали въ Лѣтній дворецъ, а мнѣ съ матушкой дали каменное строеніе, въ то время находившееся вдоль Фонтанки, возлѣ дома Петра I. Часть этого строенія занимала матушка, а другую часть—я. Тутъ прекратились частыя посѣщенія великаго князя; онъ послалъ человѣка начисто сказать мнѣ, что живетъ слишкомъ далеко отъ меня и потому не можетъ часто видаться со мною. Я хорошо чувствовала, какъ ему мало было до меня дѣла, и какъ мало онъ меня любитъ. Мое самолюбіе и моя суетность страдали, но я была слишкомъ горда, чтобы горевать о томъ; я сочла бы себѣ униженіемъ, если бы кто-нибудь смѣлъ изъявлять мнѣ состраданіе. Но, тѣмъ не менѣе, оставаясь одна, я заливалась слезами, потомъ тихонько утирала ихъ и отправлялась шалить съ моими дѣвушками. Матушка также обращалась со мною очень холодно и церемонно; но не проходило дня, чтобы я по нѣскольку разъ не навѣщала ея. Въ сущности мнѣ было очень скучно, но я никому о томъ не говорила. Жукова однажды подмѣтила мои слезы и стала разспрашивать. Я ей сказала причины, какія мнѣ показались наиболѣе правдоподобными, но скрыла настоящія. Больше, чѣмъ когда-либо, я старалась снискать расположеніе всѣхъ вообще большихъ и малыхъ. Никто не былъ забытъ мною, и я поставила себѣ правиломъ думать, что я нуждаюсь во всѣхъ, и всячески пріобрѣтать общую любовь, въ чемъ я и успѣла.

Черезъ нѣсколько дней послѣ переѣзда въ Лѣтній дворецъ начали говорить о приготовленіяхъ къ моей свадьбѣ. Дворъ переселился въ Петергофъ, гдѣ мы всѣ были больше вмѣстѣ, нежели въ городѣ. Императрица и великій князь занимали верхъ дома, построеннаго Петромъ I, матушка и я жили внизу, въ комнатахъ, принадлежавшихъ великому князю. Мы каждый день обѣдали съ нимъ вмѣстѣ въ палаткѣ, на открытой галлереѣ, пристроенной къ его комнатамъ; ужиналъ онъ у насъ. Императрицы часто не было: она уѣзжала въ разныя деревни свои. Мы много гуляли—пѣшкомъ, верхомъ и въ коляскѣ. Тутъ для меня стало ясно, какъ день, что всѣ приближенные великаго князя, и въ томъ числѣ его воспитатели, не пользовались вовсе его уваженіемъ и утратили надъ нимъ всякую власть. Военныя забавы, которымъ онъ до сихъ поръ предавался тайкомъ, производились теперь чуть ли не въ ихъ присутствіи. Графъ Брю-

меръ и другой главный воспитатель бывали при немъ только въ публикѣ, составляя его свиту. Все остальное время онъ проводилъ исключительно въ обществѣ лакеевъ и предавался ребячеству, удивительному для его возраста, именно игралъ въ куклы. Матушка, пользуясь отсутствіемъ императрицы, уѣзжала на ужины въ окрестныя деревни, всего чаще къ принцу и принцессѣ Гессенъ-Гомбургскимъ. Моя комната прямо выходила въ садъ, такъ что стоило отворить дверь, чтобъ быть въ саду. Однажды вечеромъ матушки не было дома (она уѣхала верхомъ въ гости), и я послѣ ужина захотѣла воспользоваться прекрасною погодою и предложила моимъ женщинамъ и тремъ моимъ фрейлинамъ прогуляться по саду. Уговорить ихъ вовсе было не трудно. Насъ собралось восьмеро, мой камердинеръ былъ девятый, и за нами шли еще два лакея. Мы гуляли до полночи невиннѣйшимъ образомъ. Когда матушка возвратилась, мамзель Шенкъ, отказавшаяся гулять съ нами и осуждавшая нашу прогулку, тотчасъ же побѣжала къ ней и сказала, что я ушла гулять, несмотря на то, что она меня отговаривала. Матушка легла спать, и когда я возвратилась съ моей свитою, мамзель Шенкъ торжественно возвѣстила мнѣ, что матушка два раза присылала спрашивать, возвратилась ли я, и хотѣла меня видѣть, но, за позднимъ временемъ и уставши дожидаться меня, легла почивать. Я тотчасъ побѣжала къ ней, но дверь была уже заперта. Я говорила мамзель Шенкъ, зачѣмъ она меня не кликнула; она увѣряла, что не могла насъ отыскать, но все это было сдѣлано, чтобы только досадить мнѣ и побранить меня. Я хорошо это чувствовала и легла въ постель съ большимъ безпокойствомъ. На другой день, только-что проснувшись, я поспѣшила къ матушкѣ и нашла ее еще въ постели. Я хотѣла подойти и поцѣловать у нея руку, но она съ гнѣвомъ не допустила меня до себя и начала страшно бранить меня, какъ я смѣла гулять въ саду безъ ея позволенія. Я отвѣчала, что ея не было тогда дома. Она говорила, что въ это время гулять неприлично, и прибирала еще разнаго рода упреки, вѣроятно, для того, чтобы отнять у меня охоту къ ночнымъ прогулкамъ; тѣмъ не менѣе, если и можно было назвать эту прогулку неблагоразумною, то во всякомъ случаѣ она была самымъ невиннымъ дѣломъ. Но всего больше меня огорчало ея обвиненіе, будто мы ходили на верхъ, въ комнаты великаго князя. Я назвала это вопіющею клеветою, послѣ чего она такъ разсердилась, что, казалось, выходила изъ себя. Чтобы укротить ея гнѣвъ, я поскорѣе стала на колѣни, но она говорила, что я разыгрываю комедію изъ своей покорности, и прогнала меня отъ себя. Со слезами возвратилась я въ мою комнату. Обѣдать мы пошли наверхъ къ великому князю. Матушка все еще была очень сердита. Великій князь, видя мои красные глаза, спро-

силъ, что со мною, и я ему разсказала всю правду. На этотъ разъ онъ принялъ мою сторону и обвинялъ матушку въ капризахъ и раздражительности. Я просила его, чтобъ онъ ни слова не говорилъ ей; онъ послушался, и гнѣвъ матушкинъ понемногу прошелъ, но она продолжала обращаться со мною очень сухо. Изъ Петергофа въ исходѣ іюля мы переѣхали назадъ въ городъ, гдѣ все готовилось торжествовать нашу свадьбу.

Наконецъ, императрица назначила быть свадьбѣ 21-го августа. По мѣрѣ того, какъ приближался этотъ день, меланхолія все болѣе и болѣе одолѣвала мною. Сердце не предвѣщало мнѣ счастія; одно честолюбіе меня поддерживало. Въ глубинѣ души моей было, не знаю, что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мнѣ сомнѣнія, что рано или поздно я добьюсь того, что сдѣлаюсь самодержавною русскою императрицею. Свадьба была отпразднована съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ. Наканунѣ я встрѣтила въ моихъ комнатахъ мадамъ Крузе, сестру императрицыной первой камерфрау: императрица опредѣлила ее ко мнѣ въ первыя камерфрау. На другой же день я замѣтила, что она приводила въ отчаяніе всѣхъ остальныхъ моихъ женщинъ; я по обыкновенію подошла было къ одной изъ нихъ, но она мнѣ сказала: „ради Бога, не подходите ко мнѣ, намъ запрещено говорить съ вами вполголоса“. Съ другой стороны, любезный супругъ мой рѣшительно не занимался мною, но все время проводилъ съ своими лакеями, играя въ солдаты, экзерцируя ихъ въ своей комнатѣ, или перемѣняя мундиры по двадцати разъ въ день. Я скучала и зѣвала; мнѣ не съ кѣмъ было сказать слова; либо же я должна была разыгрывать великую княгиню. На третій день свадьбы, въ день роздыха, графиня Румянцева увѣдомила меня, что императрица отставила ее отъ меня, и что она переѣзжаетъ въ свой домъ къ мужу и дѣтямъ. Я не очень сожалѣла о ней, потому что черезъ нее выходило много сплетней.

Свадебные праздники продолжались десять дней. Затѣмъ мы съ великимъ княземъ переселились въ Лѣтній дворецъ, гдѣ жила императрица. Въ это же время стали говорить объ отъѣздѣ матушки, съ которою со времени моего замужества я уже не видалась ежедневно, и которая съ той поры стала обращаться со мною гораздо мягче. Въ исходѣ сентября она уѣхала; великій князь и я провожали ее до Краснаго Села. Ея отъѣздъ искренно огорчилъ меня, и я много плакала. Простившись съ нею, мы поѣхали назадъ въ городъ. Возвратившись во дворецъ, я велѣла позвать дѣвицу Жукову; мнѣ отвѣчали, что она отправилась навѣстить больную мать свою. На другой день я опять спросила о ней; женщины мои отвѣчали мнѣ то же. Въ этотъ день, около полудня, императрица съ великимъ торжествомъ

переселилась изъ Лѣтняго дворца въ Зимній; мы слѣдовали за нею въ ея покои. Дошедши до парадной спальни своей, она остановилась, и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ стала говорить объ отъѣздѣ моей матушки и, повидимому, милостиво приказывала мнѣ, чтобы я перестала горевать о ней. Но какъ же я была изумлена, когда вслѣдъ за тѣмъ, въ присутствіи тридцати человѣкъ, она мнѣ объявила, что Юкова взята отъ меня по просьбѣ матушки, которая опасалась, чтобы я не пристрастилась черезчуръ къ этой дѣвушкѣ, вовсе того не заслуживающей; и при этомъ императрица говорила о бѣдной Юковой съ замѣтнымъ раздраженіемъ. Сказать правду, эта сцена вовсе не была для меня ни убѣдительна, ни поучительна; но меня глубоко опечалила судьба Юковой, которую удалили отъ двора единственно потому, что я любила ее больше другихъ моихъ женщинъ за ея общительный нравъ. Зачѣмъ же опредѣлили ее ко мнѣ,— говорила я сама себѣ, — если она не заслужила того? Матушка не могла ее знать, не могла даже говорить съ нею, потому что не знала по-русски, а Юкова не говорила ни на какомъ другомъ языкѣ; матушка не могла имѣть съ ней никакихъ сношеній иначе, какъ чрезъ глупую мамзель Шенкъ, которая была почти вовсе безъ здраваго смысла. Юкова терпитъ за меня, ergo не слѣдуетъ оставлять ее въ ея несчастіи, причина котораго заключается единственно въ моемъ расположеніи къ ней. Я никогда не могла узнать навѣрное, въ самомъ ли дѣлѣ матушка просила императрицу удалить отъ меня эту дѣвушку; если это было такъ, то матушка предпочла насильственныя мѣры мѣрамъ кроткимъ, потому что она никогда ничего не говорила мнѣ о Юковой, между тѣмъ, какъ стоило ей сказать одно слово, и я, по крайней мѣрѣ, стала бы остерегаться этой привязанности, хотя совершенно невинной. Впрочемъ, съ другой стороны, императрица также могла бы поступить не столь рѣзкимъ образомъ. Юкова была молода, стоило бы сыскать ей приличную партію, что́ было бы очень легко. Вмѣсто того, съ нею поступили, какъ я разсказала выше.

Откланявшись императрицѣ, мы съ великимъ княземъ пошли въ свои комнаты. Дорогою я замѣтила, что онъ заранѣе зналъ отъ своей тетушки о томъ, что она мнѣ теперь объявила. Я ему передала свое неудовольствіе и объяснила, что эта дѣвушка потерпѣла несчастіе единственно изъ-за того, что возымѣли подозрѣніе, будто я къ ней пристрастилась, и что такъ какъ она терпитъ изъ любви ко мнѣ, то я считаю себя въ правѣ не покидать ея, по крайней мѣрѣ, насколько это зависитъ отъ меня. Дѣйствительно, я тотчасъ же послала ей денегъ черезъ моего камердинера, но онъ мнѣ сказалъ, что она уже уѣхала съ матерью и сестрою въ Москву. Я приказала передать ей

деньги через брата, служившаго сержантомъ въ гвардіи. Мнѣ сказали, что ему также и женѣ его велѣно ѣхать, и что его перевели офицеромъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Въ то время я никакъ не могла объяснить себѣ, какая была всему этому причина; мнѣ казалось, что тутъ зло дѣлали даромъ, по капризу, безъ малѣйшей причины и даже безъ предлога. Но дѣло не остановилось на этомъ. Посредствомъ моего камердинера и другихъ людей моихъ я старалась сыскать для Юковой приличную партію; мнѣ предложили одного гвардейскаго сержанта Травина, дворянина съ состояніемъ. Онъ поѣхалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы жениться на ней, если понравится ей, и дѣйствительно женился. Его сдѣлали капитаномъ въ одномъ армейскомъ полку. Какъ скоро императрица узнала объ этомъ, она сослала ихъ въ Астрахань. Трудно понять, что была за цѣль этого преслѣдованія.

Въ Зимнемъ дворцѣ мы съ великимъ княземъ жили въ отведенныхъ намъ покояхъ. Комнаты великаго князя отдѣлялись отъ моихъ огромною лѣстницею, которая вела также въ покои императрицы. Чтобы ему прійти ко мнѣ, или мнѣ къ нему, надо было пройти часть этой лѣстницы, что́, разумѣется, было не совсѣмъ удобно, а особливо зимою. Тѣмъ не менѣе мы съ нимъ по нѣскольку разъ въ день совершали это путешествіе. По вечерамъ я приходила въ его переднюю комнату играть съ оберъ-камергеромъ Берхгольцемъ, а великій князь въ другой комнатѣ дурачился съ своими кавалерами. Моя игра на бильярдѣ прекратилась съ отъѣздомъ господъ Брюмера и Берхгольца, которыхъ императрица уволила отъ великаго князя въ исходѣ зимы 1746 года.

Въ эту зиму было много маскарадовъ въ значительныхъ домахъ Петербурга, которые въ то время были очень малы. Дворъ и весь городъ обыкновенно собирались на эти маскарады. Послѣдній былъ данъ Татищевымъ въ домѣ, принадлежавшемъ императрицѣ и называвшемся Смольнымъ дворцомъ. Середина этого деревяннаго дома сгорѣла, и оставались только двухъэтажные флигеля. Въ одномъ изъ нихъ танцовали, а въ другомъ приготовленъ былъ ужинъ, такъ что надо было въ серединѣ января проходить дворомъ по снѣгу; и послѣ ужина всѣ опять отправились въ первый флигель. Возвратившись домой, великій князь легъ спать, но на другой день проснулся съ сильною болью, такъ что не могъ встать съ постели. Я велѣла позвать докторовъ, которые объявили, что у него жестокая горячка. Вечеромъ его перенесли съ моей постели въ мою аудіенцъ-камеру, гдѣ пустили ему кровь и уложили въ приготовленную постель. Ему нѣсколько разъ отворяли кровь, и онъ былъ очень опасенъ. Императрица по нѣскольку разъ въ день приходила навѣщать его и была очень довольна, замѣчая у меня на глазахъ слезы.

Однажды вечеромъ, я читала вечернія молитвы въ небольшой образной, находившейся возлѣ моей уборной комнаты, какъ вошла ко мнѣ г-жа Измайлова, одна изъ любимицъ императрицы. Она сказала мнѣ, что императрица, зная, какъ я огорчаюсь болѣзнью великаго князя, прислала сказать мнѣ, чтобъ я надѣялась на Бога и не огорчалась, и что она ни въ какомъ случаѣ меня не покинетъ. Измайлова спросила, что я читаю; я показала ей молитвы на сонъ грядущимъ, на что она замѣтила, что молитвенникъ напечатанъ слишкомъ мелко, и что я испорчу себѣ глаза, читая со свѣчею. Затѣмъ я попросила ее поблагодарить императрицу за ея ко мнѣ милости, и мы разстались весьма дружелюбно; она отправилась къ императрицѣ передать ей то, что я сказала, а я пошла спать. На слѣдующее утро императрица прислала мнѣ молитвенникъ, напечатанный крупными буквами, для того, какъ она говорила, чтобъ я не портила глазъ. Въ комнату, гдѣ лежалъ великій князь, хотя она была возлѣ моей, я нарочно не ходила часто, потому что замѣтила, что ему все равно, тутъ ли я, или нѣтъ, и что ему пріятнѣе было оставаться со своими приближенными, которые, сказать правду, были мнѣ не совсѣмъ пріятны. При томъ же я не привыкла проводить время такъ, чтобы быть среди людей и, несмотря на то, оставаться въ одиночествѣ. Между тѣмъ наступилъ великій постъ. На первой недѣлѣ я говѣла. Вообще въ то время я была наклонна къ набожности. Я очень хорошо видѣла, что великій князь вовсе не любитъ меня; черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы онъ опять признался мнѣ въ своей страсти къ дѣвицѣ Карръ, императрицыной фрейлинѣ, вышедшей потомъ замужъ за князя Голицына, шталмейстера императрицы. Графу Дивьеру, своему камергеру, онъ сказалъ, что между этой дѣвушкой и мною не можетъ быть никакого сравненія. Дивьеръ былъ противнаго мнѣнія, онъ на него разсердился за это. Эта сцена происходила почти въ моемъ присутствіи, и я видѣла, какъ онъ дулся на Дивьера. Въ самомъ дѣлѣ,—разсуждала я сама съ собою,—не истребляя въ себѣ нѣжныхъ чувствъ къ этому человѣку, который такъ дурно платитъ за нихъ, я непремѣнно буду несчастлива и измучусь ревностью безъ всякаго толку. Вслѣдствіе этого я старалась восторжествовать надъ моимъ самолюбіемъ и изгнать изъ сердца ревность относительно человѣка, который не любилъ меня; но для того, чтобы не ревновать, было одно средство — не любить его. Если бы онъ желалъ быть любимымъ, то относительно меня это вовсе было не трудно: я отъ природы была наклонна и привычна къ исполненію моихъ обязанностей, но для этого мнѣ былъ нуженъ мужъ съ здравымъ смысломъ, а мой его не имѣлъ. Я ѣла постное первую недѣлю великаго поста. Въ субботу императрица велѣла сказать мнѣ, что ей было

бы пріятно, чтобъ я попостилась еще вторую недѣлю. Въ отвѣтъ на это я просила, чтобы ея величество позволила мнѣ ѣсть постное всѣ семь недѣль. Переговоры эти шли черезъ гофмаршала ея двора, Сиверса, зятя г-жи Крузе; онъ сказалъ мнѣ, что императрица была чрезвычайно довольна моею просьбою и совершенно на нее согласна. Великій князь, узнавъ, что я продолжаю ѣсть постное, сталъ бранить меня; я возражала ему, что не могла поступить иначе. Оправившись отъ болѣзни, онъ продолжалъ притворяться, чтобы не выходить изъ своей комнаты, гдѣ ему было пріятнѣе, чѣмъ на придворныхъ представленіяхъ. Онъ вышелъ уже на Страстной недѣлѣ, на которой говѣлъ.

Послѣ Святой онъ устроилъ у себя въ комнатѣ кукольный театръ, на который приглашалъ гостей и даже дамъ. Эти представленія были величайшею глупостью. Въ комнатѣ, гдѣ они давались, одна дверь была задѣлана, потому что она выходила въ покои императрицы, и именно въ ту комнату, гдѣ стоялъ столъ съ машиною, опускавшійся и подымавшійся, такъ что на немъ можно было обѣдать безъ прислуги. Однажды великій князь, приготовляя такъ называемый спектакль свой, услышалъ, что въ этой сосѣдней комнатѣ кто-то говорилъ. Будучи непомѣрно живъ, онъ тотчасъ схватилъ находившійся тутъ столярный приборъ, которымъ обыкновенно просверливаютъ дыры въ доскахъ, и принялся сверлить задѣланную дверь, такъ что наконецъ можно было видѣть, что за нею было. Императрица обѣдала тамъ; съ нею сидѣлъ оберъ-егермейстеръ графъ Разумовскій въ стеганомъ шлафрокѣ (онъ въ этотъ день принималъ лѣкарство) и еще человѣкъ двѣнадцать самыхъ приближенныхъ людей. Его императорское высочество, мало того, что самъ наслаждался плодами своей искусной работы, но еще пригласилъ тѣхъ, кто былъ съ нимъ, раздѣлить его удовольствіе и поглядѣть въ щели, просверленныя имъ съ такимъ искусствомъ. Когда онъ и его приближенные насытились вдоволь этимъ нескромнымъ удовольствіемъ, онъ началъ звать къ себѣ мадамъ Крузе, меня и моихъ дамъ, предлагая намъ посмотрѣть кое-что, чего мы никогда не видали. Онъ намъ не сказывалъ, что это такое, вѣроятно, для того, чтобы пріятно изумить насъ. Я не слишкомъ торопилась исполнить его желаніе, но Крузе и мои дамы пошли за нимъ. Я подошла послѣдняя и нашла ихъ передъ этою дверью, гдѣ онъ наставилъ скамеекъ, стульевъ и подножекъ для удобства зрителей, какъ говорилъ онъ. Подходя, я спросила, что это такое; онъ подбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу и сказалъ, въ чемъ дѣло. Эта дерзкая глупость испугала и привела меня въ негодованіе. Я тотчасъ объявила, что не хочу ни смотрѣть, ни принимать участіе въ такой

опасной забавѣ, которая, конечно, навлечетъ ему непріятностей, если тетушка узнаетъ о томъ, и что трудно, чтобъ она не узнала, такъ какъ онъ посвятилъ въ свою тайну, по крайней мѣрѣ, человѣкъ двадцать. Всѣ тѣ, которые собирались посмотрѣть въ щели, видя мой отказъ, начали поодиночкѣ уходить отъ двери. Великій князь тоже нѣсколько смутился и сталъ по-прежнему заниматься своимъ кукольнымъ театромъ, а я ушла къ себѣ въ комнату. До воскресенья все было тихо. Въ этотъ день не знаю почему-то, противъ обыкновенія, я опоздала къ обѣднѣ. Возвратившись къ себѣ, я пошла снимать придворное платье, какъ вдругъ явилась императрица съ весьма разгнѣваннымъ видомъ и раскраснѣвшись. Я не видала ея за обѣднею, потому что она стояла у обѣдни въ своей особой, малой церкви. Поэтому я, какъ обыкновенно, подошла къ ней къ рукѣ. Она поцѣловала меня, приказала кликнуть великаго князя, а между тѣмъ бранила меня, зачѣмъ я опоздала къ обѣднѣ и предпочла блачестію наряды. Она прибавила, что при императрицѣ Аннѣ, хотя она не жила при дворѣ, а въ особомъ домѣ, довольно далеко отъ дворца, но, тѣмъ не менѣе, всегда исполняла свои обязанности, и что для этого она даже часто вставала при свѣчахъ. Потомъ она велѣла позвать моего парикмахера и сказала ему, что, если впередъ онъ будетъ такъ медленно убирать мнѣ голову, то она его прогонитъ. Когда она кончила съ нимъ, явился великій князь. Онъ только-что раздѣлся и пришелъ въ шлафрокѣ, съ ночнымъ колпакомъ въ рукѣ, очень веселый и живой. Онъ подбѣжалъ къ рукѣ императрицы. Она его поцѣловала и начала спрашивать, какъ онъ осмѣлился сдѣлать то, что сдѣлалъ. Она сказала, что была въ комнатѣ, гдѣ столъ съ машиною, и нашла дверь всю въ дырахъ, что всѣ дыры были противъ того мѣста, гдѣ она обыкновенно сидитъ, что онъ, вѣроятно, забылъ, чѣмъ ей обязанъ, что она считаетъ его неблагодарнымъ, что у ея отца, Петра I, также былъ неблагодарный сынъ, котораго онъ наказалъ, лишивъ его наслѣдства, что при императрицѣ Аннѣ она всегда оказывала ей почтеніе, подобающее лицу коронованному и Богомъ помазанному, что императрица Анна не любила много говорить и сажала въ крѣпость тѣхъ, кто не оказывалъ ей почтенія, что онъ мальчишка, котораго она выучитъ, какъ нужно жить. Тутъ великій князь началъ сердиться, хотѣлъ отвѣчать ей и пробормоталъ нѣсколько словъ, но она приказала ему молчать и взволновалась до такой степени, что больше не знала мѣры своему гнѣву, что съ нею обыкновенно случалось, когда она сердилась. Она наговорила ему множество оскорбительныхъ и рѣзкихъ вещей, показывая ему и гнѣвъ свой и презрѣніе. Мы оба были изумлены и поражены, и хотя эта сцена не относилась прямо

до меня, но у меня навернулись слезы. Она замѣтила это и сказала: „все, что я говорю, до тебя не относится; я знаю, что ты не принимала участія въ его поступкѣ, и что ты не смотрѣла и не хотѣла смотрѣть сквозь дверь“. Произнесши это справедливое сужденіе, она черезъ это самое нѣсколько успокоилась и замолчала. Впрочемъ, трудно было еще что-нибудь прибавить къ тому, что она сказала. Поклонившись намъ, она ушла къ себѣ, вся красная и со сверкающими глазами. Великій князь пошелъ къ себѣ, а я стала молча раздѣваться и обдумывала слышанное. Когда я раздѣлась, великій князь пришелъ ко мнѣ и сказалъ нѣсколько пристыженнымъ и нѣсколько насмѣшливымъ тономъ: „она была точно фурія и не знала, что говорила“. Мы толковали слова ея и потомъ сѣли вдвоемъ обѣдать у меня въ комнатѣ. Когда великій князь ушелъ къ себѣ, ко мнѣ явилась мадамъ Крузе и сказала: „надо сказать правду, императрица нынче поступила, какъ настоящая мать“. Я видѣла, что она хочетъ вызвать меня на разговоръ, и потому нарочно молчала. Она продолжала: „мать гнѣвается и бранится на дѣтей своихъ, и потомъ гнѣвъ проходитъ. Вамъ обоимъ стоило сказать ей: „виноваты, матушка“, и вы бы ее обезоружили“. Я замѣтила, что мы были изумлены и поражены гнѣвомъ ея величества, и что я ничего не могла сдѣлать въ эту минуту, какъ только слушать и молчать. Крузе ушла отъ меня, по всему вѣроятію, чтобъ передать императрицѣ, что она отъ меня вывѣдала. Что же касается до меня, то слова: виноваты, матушка, какъ средство смягчить гнѣвъ императрицы, остались у меня въ головѣ, и потомъ я при случаѣ съ успѣхомъ воспользовалась ими, какъ будетъ показано ниже.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ императрица уволила графа Брюмера и оберъ-камергера Берхгольца отъ должностей, которыя они занимали при великомъ князѣ, однажды утромъ я вышла въ переднюю комнату раньше обыкновеннаго и нашла въ ней Брюмера. Пользуясь тѣмъ, что мы были наединѣ, Брюмеръ просилъ и заклиналъ меня ежедневно ходить въ уборную императрицы. Надо сказать, что матушка передъ отъѣздомъ своимъ выпросила мнѣ эту привилегію, но до сихъ поръ я очень мало ею пользовалась, потому что мнѣ чрезвычайно было тамъ скучно; разъ или два я ходила туда, но женщины императрицы обыкновенно удалялись одна за другой, такъ что я оставалась одна въ уборной. Я передала все это Брюмеру. Онъ мнѣ говорилъ, что на это смотрѣть нечего, и что надо продолжать. Сказать правду, я ничего не понимала въ этомъ царедворческомъ постоянствѣ; можетъ быть, онъ имѣлъ тутъ свои виды, но для себя я не видала никакой нужды торчать въ императрицыной уборной и, сверхъ того, быть въ тягость ей. Я сказала

Брюмеру, что чувствую отвращеніе къ этимъ дежурствамъ; онъ всячески старался убѣдить меня, но не успѣлъ. Мнѣ гораздо было пріятнѣе оставаться у себя въ комнатахъ и особливо безъ мадамъ Крузе. Въ эту зиму я подмѣтила за ней рѣшительную страсть къ пьянству. Она выдавала тогда дочь свою за гофмаршала Сиверса и часто отлучалась, либо люди мои находили средство напоить ее, послѣ чего она уходила спать, и я такимъ образомъ избавлялась отъ этого ворчливаго аргуса.

По увольненіи графа Брюмера и оберъ-камергера Берхгольца отъ должностей при великомъ князѣ, императрица опредѣлила состоять при немъ генералу князю Василію Репнину. Лучшаго выбора императрица не могла сдѣлать; князь Репнинъ былъ не только благородный и честный, но сверхъ того умный и очень любезный человѣкъ, проникнутый чувствомъ законности, и съ чистыми правилами. Въ отношеніи лично ко мнѣ князь Репнинъ дѣйствовалъ выше всѣхъ похвалъ. О графѣ Брюмерѣ я не жалѣла; онъ мнѣ надоѣдалъ своими вѣчно политическими разговорами и страстью къ интригамъ. Напротивъ, открытый нравъ князя Репнина, который, какъ военный человѣкъ, чуждъ былъ всякихъ козней, внушалъ мнѣ довѣріе. Что касается до великаго князя, то онъ былъ въ восторгѣ, избавившись отъ своихъ педагоговъ, которыхъ терпѣть не могъ. Но, прощаясь съ нимъ, они порядочно настращали его, сказавъ, что оставляютъ его въ жертву интригамъ графа Бестужева, который былъ главною пружиною во всѣхъ перемѣнахъ, совершавшихся въ Голштинскомъ герцогствѣ, подъ мнимымъ предлогомъ совершеннолѣтія великаго князя. Дядя мой, принцъ Августъ по-прежнему жилъ въ Петербургѣ, выжидая, чтобъ ему поручили управленіе Голштиніей.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы переѣхали въ Лѣтній дворецъ. Въ исходѣ мая императрица приставила ко мнѣ, въ качествѣ главной надзирательницы, родственницу свою и статсъ-даму, Чоглокову. Это назначеніе поразило меня, какъ громомъ. Чоглокова во всемъ слушалась графа Бестужева, была до крайности проста, злаго сердца, капризна и очень корыстолюбива. Мужъ ея, камергеръ, въ это время ѣздилъ въ Вѣну, не знаю съ какимъ-то порученіемъ отъ императрицы. Увидавъ, что она переѣзжаетъ ко мнѣ, я весь тотъ день много плакала; на слѣдующее утро я должна была пустить себѣ кровь. Утромъ императрица пришла ко мнѣ въ комнату и, замѣтивъ, что у меня красны глаза, сказала, что молодыя женщины, которыя не любятъ мужей своихъ, обыкновенно плачутъ, что матушка моя увѣряла ее въ моемъ расположеніи къ великому князю, что, впрочемъ, она меня не принуждала къ этому браку, и что

какъ скоро я уже за мужемъ, то нечего больше плакать. Я вспомнила наставленіе мадамъ Крузе и сказала ей: виновата, матушка; послѣ чего она утихла. Между тѣмъ пришелъ великій князь; императрица на этотъ разъ приняла его сухо и затѣмъ удалилась. Мнѣ пустили кровь, въ чемъ я имѣла большую нужду. Потомъ я легла въ постель и цѣлый день проплакала. На другой день послѣ обѣда великій князь отвелъ меня въ сторону, и изъ словъ его я тотчасъ догадалась, что ему сказали, что Чоглокова приставлена ко мнѣ, потому что я его не люблю. Я сказала ему, что не могу понять, какимъ образомъ вздумали усилить мою нѣжность къ нему, давъ мнѣ эту женщину. Другое дѣло быть моимъ аргусомъ, но для этого слѣдовало выбрать кого-нибудь поумнѣе; для такой должности мало злости и капризовъ. Чоглокова слыла очень добродѣтельною женщиною, потому что въ то время безъ памяти любила своего мужа. Она вышла за него по любви: мнѣ дали ее, какъ прекрасный примѣръ для подражанія. Увидимъ, до какой степени удался опытъ. Но тутъ было обстоятельство, которое, какъ кажется, ускорило опредѣленіе ко мнѣ Чоглоковой. Я говорю только—ускорило, ибо думаю, что и съ самаго начала графъ Бестужевъ старался окружить насъ своими клевретами; ему хотѣлось точно то же устроить и при дворѣ императрицы, но тамъ дѣло было труднѣе. Когда я пріѣхала въ Москву, у великаго князя было трое камерлакеевъ, по фамиліи Чернышевы, всѣ трое сыновья гренадеровъ изъ императрицыной лейбъ-кампаніи (эти лейбъ-кампанцы состояли въ капитанскомъ чинѣ въ вознагражденіе на то, что возвели императрицу на престолъ). Великій князь очень любилъ ихъ всѣхъ троихъ. Они считались въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему людей, и въ самомъ дѣлѣ были очень услужливы; всѣ трое высокаго роста и прекрасно сложены, особливо старшій, который исполнялъ всѣ порученія великаго князя и потому по нѣскольку разъ въ день являлся ко мнѣ. Когда великому князю не хотѣлось идти ко мнѣ, то всѣ свои тайны онъ передавалъ Чернышеву. Чернышевъ былъ очень близокъ и друженъ съ моимъ камердинеромъ, Евреиновымъ, и черезъ нихъ я часто узнавала много такого, чего бы мнѣ никогда не пришлось узнать. Кромѣ того, оба они были ко мнѣ душевно и сердечно привязаны; нерѣдко я получала отъ нихъ такія свѣдѣнія о разныхъ вещахъ, которыя иначе мнѣ было бы трудно получить. Не знаю, по какому-то случаю, старшій Чернышевъ однажды сказалъ великому князю: „вѣдь она не моя невѣста, а ваша". Великій князь разсмѣялся этому, передалъ это выраженіе мнѣ, и съ этихъ поръ называлъ меня въ шутку: его невѣста, а Андрея Чернышева, говоря со мною: вашъ женихъ. Чтобы положить конецъ этому вздору, Андрей Чернышевъ послѣ

нашей свадьбы предложилъ великому князю называть меня его матушкою, а я стала звать его: мой сынокъ. Мы безпрестанно толковали съ великимъ княземъ объ этомъ сынкѣ; онъ не чаялъ въ немъ души, и я также очень привязалась къ нему. Но мои люди этимъ были недовольны, одни изъ зависти, другіе—опасаясь послѣдствій, которыя могли изъ этого выйти и для нихъ и для насъ. Однажды, во время придворнаго маскарада, я пришла къ себѣ въ комнату перемѣнить платье; камердинеръ мой, Тимоѳей Евреиновъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что онъ и всѣ мои люди чрезвычайно боятся за меня, и что я подвергаю себя великой опасности. Я спросила, что это значитъ. Онъ отвѣчалъ: „вы безпрестанно говорите объ Андреѣ Чернышевѣ и имъ однимъ заняты".—„Ну, такъ что же?—возразила я въ невинности сердца:—что тутъ дурнаго? Онъ мой сынокъ, великій князь любитъ его также и еще больше моего; онъ къ намъ привязанъ и вѣренъ намъ".—„Да,—отвѣчалъ онъ,—все это правда; великій князь можетъ дѣлать, что ему угодно, но вы—другое дѣло. Вы награждаете этого человѣка за его вѣрную службу вашею милостью и привязанностью, но ваши люди толкуютъ о любви". Когда онъ произнесъ это слово, оно поразило меня, какъ громомъ. Ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову. Меня крайне встревожили и дерзкіе толки людей моихъ и то, что я находилась въ такомъ опасномъ положеніи, нисколько не подозрѣвая его. Евреиновъ сказалъ мнѣ, что изъ дружбы къ Чернышеву онъ посовѣтовалъ ему сказаться больнымъ для того, чтобы прекратить эти толки. Тотъ послушался, и мнимая болѣзнь его продолжалась почти до апрѣля мѣсяца. Великій князь очень часто навѣдывался о немъ и безпрестанно говорилъ со мною объ этой болѣзни, ничего не подозрѣвая. Когда мы переѣхали въ Лѣтній дворецъ, Андрей Чернышевъ появился вновь; я не могла больше его видѣть безъ смущенія. Между тѣмъ императрица нашла нужнымъ подчинить дворцовую прислугу новому распорядку. Камерлакеи, слѣдовательно, въ числѣ ихъ и Андрей Чернышевъ, должны были служить во всѣхъ комнатахъ, поочередно. Послѣ обѣда у великаго князя часто бывали концерты, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ, играя на скрипкѣ. Я обыкновенно скучала на нихъ и однажды ушла съ концерта къ себѣ въ комнату. Комната эта выходила въ большую залу Лѣтняго дворца, въ которой тогда расписывали потолокъ, и которая была загромождена подмостками. Императрицы не было дома, мадамъ Крузе отправилась къ своей дочери, мадамъ Сиверсъ; у себя въ комнатѣ я не нашла ни души. Отъ скуки я отворила дверь въ залу и на другомъ концѣ ея увидала Андрея Чернышева. Я подозвала его знаками, и онъ подошелъ къ двери, правду сказать, съ большимъ

опасеніемъ. Я спросила его, скоро ли будетъ императрица; онъ сказалъ мнѣ: „вы меня не разслышите, въ залѣ слишкомъ стучатъ; позвольте мнѣ войти къ вамъ въ комнату“. Я отвѣчала ему: „нѣтъ, не нужно“. Говоря это, я держала дверь полуотворенною, а онъ стоялъ за дверью въ залѣ. Случайно я повернула голову въ противоположную сторону и увидѣла за собою у другой двери моей уборной комнаты камергера, графа Дивьера; онъ сказалъ мнѣ: „великій князь спрашиваетъ ваше высочество“. Я затворила дверь въ залу и вмѣстѣ съ графомъ Дивьеромъ возвратилась въ комнаты, гдѣ великій князь давалъ свой концертъ. Впослѣдствіи я узнала, что графъ Дивьеръ, какъ и многіе другіе изъ состоявшихъ при насъ лицъ, занимался подслушиваніемъ и переносами. На другой же день, въ воскресенье, послѣ обѣдни, мы съ великимъ княземъ узнали, что трое Чернышевыхъ были опредѣлены офицерами въ Оренбургскіе полки; и въ этотъ же самый день послѣ обѣда ко мнѣ приставили Чоглокову.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого намъ велѣно было готовиться къ путешествію вмѣстѣ съ императрицею въ Ревель. Въ это же время Чоглокова объявила мнѣ отъ имени ея императорскаго величества, что я могу больше не приходить въ ея уборную, и если мнѣ что-нибудь нужно сказать ей, то, чтобы я относилась къ ней не иначе, какъ черезъ нее, Чоглокову. Въ сущности это распоряженіе очень меня обрадовало, избавивъ отъ обязанности торчать между императрицыными женщинами; впрочемъ, я не слишкомъ часто ходила туда и очень рѣдко видала императрицу. Съ тѣхъ поръ, какъ я стала ходить въ уборную, мнѣ удалось видѣть ее всего три или четыре раза, и обыкновенно, когда я входила, императрицыны женщины одна за другой удалялись. Чтобъ не быть одной, я тоже не оставалась тамъ подолгу.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ императрица поѣхала въ Ревель, и мы вслѣдъ за нею. Великій князь и я ѣхали въ четырехмѣстной коляскѣ; остальныя два мѣста занимали принцъ Августъ и Чоглокова. Путешествіе наше отличалось скукой и неудобствами. Въ почтовыхъ и станціонныхъ домахъ обыкновенно располагалась сама императрица; для насъ разбивали палатки, либо помѣщали насъ въ кухнѣ. Помню, что однажды во время этого путешествія мнѣ пришлось одѣваться у печки, въ которой пекли хлѣбъ, а въ другой разъ я вошла въ палатку, гдѣ мнѣ приготовлена была постель, и по колѣна замочилась въ водѣ. Кромѣ того, мы всѣ, и господа и слуги, вели самую безпокойную жизнь, такъ какъ у императрицы не было опредѣленнаго часа ни для остановокъ, ни для поѣздовъ, ни для обѣда, ни для ночлега. Наконецъ, на десятый или на двѣнадцатый день, мы пріѣхали

въ имѣніе графа Штейнбока, находящееся въ сорока верстахъ отъ Ревеля. Оттуда императрица съ великою пышностью двинулась дальше, съ тѣмъ, чтобы къ вечеру быть въ Катериненталѣ; но не знаю, по какой причинѣ, только путешествіе наше продлилось до втораго часа утра. Во всю дорогу, начиная отъ Петербурга до самаго Ревеля, Чоглокова, сидѣвшая съ нами въ коляскѣ, страшно надоѣдала намъ и приводила насъ въ отчаяніе. При всякой шалости она твердила: „это будетъ не угодно ея императорскому величеству, или императрица не останется этимъ довольна". Подобныя замѣчанія вызывались самыми невинными и самыми ничтожными случаями. Съ моей стороны, я не думала возражать и почти всю дорогу проспала въ коляскѣ.

На другой день по пріѣздѣ нашемъ въ Катериненталь придворная жизнь пошла прежнимъ, обыкновеннымъ порядкомъ, т.-е. въ залѣ, занимавшей середину двухъэтажнаго дома и составлявшей переднюю комнату императрицы, съ утра до вечера и до поздней ночи происходила карточная игра, довольно значительная. Чоглокова была игрица. По ея настоянію я наравнѣ съ другими играла въ фараонъ, которымъ обыкновенно занимались всѣ любимицы императрицы, если не уходили въ покои ея величества, или, лучше сказать, въ ея палатку. Эта большая и великолѣпная палатка была разбита возлѣ ея комнатъ, которыя находились въ нижнемъ этажѣ и были очень малы, какъ всѣ, построенныя Петромъ I (этотъ загородный домъ былъ его постройки; имъ же разведенъ и садъ). Князь и княгиня Репнины, бывшіе съ нами въ этомъ путешествіи и знавшіе, какъ высокомѣрно и безсмысленно обращалась съ нами Чоглокова, настаивали, чтобы я сказала о томъ Измайловой и графинѣ Шуваловой, главнымъ любимицамъ императрицѣ. Обѣ онѣ не любили Чоглоковой и уже провѣдали, какъ она вела себя во время путешествія. Маленькая графиня Шувалова, до чрезвычайности болтливая, не дождалась меня и, подсѣвъ ко мнѣ во время игры, сама завела рѣчь объ обращеніи Чоглоковой. У нея былъ очень острый языкъ, и она умѣла придать такой видъ всему, что дѣлала Чоглокова, что вскорѣ эта послѣдняя стала общимъ посмѣшищемъ. Шувалова сдѣлала еще больше; она обо всемъ разсказала императрицѣ. По всему вѣроятію, Чоглоковой дали нагоняй, такъ какъ послѣ этого она обращалась со мною гораздо вѣжливѣе, въ чемъ по истинѣ я имѣла великую нужду, потому что мной начинала одолѣвать страшная тоска. Я чувствовала себя въ совершенномъ одиночествѣ. Въ Ревелѣ великій князь временно влюбился въ мадамъ Цедерпарре и, по обыкновенію, не замедлилъ открыться мнѣ въ этой любви. Я часто чувствовала боль въ груди и въ Катериненталѣ стала харкать кровью, вслѣдствіе

чего мнѣ пускали кровь. Въ этотъ день послѣ обѣда Чоглокова вошла ко мнѣ въ комнату и увидѣла, что я плачу. Тутъ она сдѣлалась чрезвычайно нѣжна, спрашивала, что со мною, и отъ имени императрицы предложила мнѣ прогуляться по саду, чтобы разсѣять мою ипохондрію, какъ говорила она. Въ этотъ день великій князь ѣздилъ охотиться съ оберъ-егермейстеромъ Разумовскимъ. Кромѣ того, Чоглокова принесла отъ императрицы три тысячи рублей на игру въ фараонъ; дамы замѣтили, что у меня недостаетъ денегъ, и сказали о томъ ея величеству. Я попросила Чоглокову поблагодарить императрицу за ея милости, и мы пошли вмѣстѣ въ садъ подышать воздухомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ насъ въ Катериненталь пріѣхалъ великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, съ императорскимъ посломъ, барономъ Претлахомъ, и изъ словъ сего послѣдняго мы узнали, что оба императорскіе двора заключили между собою союзный договоръ. Затѣмъ императрица отправилась смотрѣть морскіе маневры; но, кромѣ дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ, мы ничего не видали; день былъ чрезвычайно жаркій, и на морѣ была совершенная тишина. По возвращеніи съ этихъ маневровъ, былъ балъ въ палаткахъ императрицы, разбитыхъ на террасѣ; ужинать приготовили на чистомъ воздухѣ вокругъ фонтановъ, которые должны были играть; но едва императрица сѣла за столъ, какъ начался проливной дождь, перемочившій все общество, которое кое-какъ нашло убѣжище подъ палатками и въ домахъ, чѣмъ и кончился этотъ праздникъ. Черезъ нѣсколько дней потомъ императрица поѣхала въ Рогервикъ, гдѣ опять маневрировалъ флотъ, и мы опять ничего не видали, кромѣ дыма. Отъ этой поѣздки у насъ у всѣхъ разболѣлись ноги. Рогервикъ построенъ на скалѣ, покрытой толстымъ слоемъ маленькихъ камешковъ, такъ что, если нѣсколько времени стоять на одномъ мѣстѣ, то ноги уходятъ вглубь и совершенно обсыпаются камешками. Мы останавливались въ палаткахъ, и по этимъ камнямъ приходилось безпрестанно ходить, какъ въ самыхъ палаткахъ, такъ и изъ одной палатки въ другую. Слишкомъ четыре мѣсяца послѣ этого у меня болѣли ноги. Работники, строившіе плотину, надѣвали деревянные башмаки, которые не выдерживали такой ходьбы дольше восьми или десяти дней. Императорскій посолъ сопровождалъ насъ въ этотъ портъ. Онъ тамъ обѣдалъ у императрицы и потомъ ужиналъ на полдорогѣ между Рогервикомъ и Ревелемъ; во время ужина къ императрицѣ привели стотридцатилѣтнюю старуху, которая была похожа на ходячій скелетъ. Императрица велѣла дать ей кушанья со своего стола и денегъ, послѣ чего мы поѣхали дальше. По возвращеніи въ Катериненталь Чоглокова была обрадована свиданіемъ съ мужемъ, который пріѣхалъ назадъ изъ Вѣны. Императрица намѣревалась

ѣхать въ Ригу, и многіе придворные экипажи уже были высланы впередъ; но по пріѣздѣ изъ Рогервика она внезапно отмѣнила эту поѣздку. Многіе ломали себѣ голову и не могли догадаться, что была за причина такой отмѣны. Много лѣтъ спустя, дѣло объяснилось. Проѣздомъ черезъ Ригу Чоглоковъ встрѣтилъ одного изступленнаго, либо помѣшаннаго лютеранскаго пастора, который подалъ ему письмо и записку къ императрицѣ съ убѣдительными просьбами не ѣхать въ Ригу и съ увѣщаніемъ, что императрица можетъ подвергнуться величайшей опасности, что враги ея разставили по дорогѣ убійцъ, и тому подобныя глупости. Получивъ эти бумаги, императрица раздумала ѣхать дальше. Пасторъ оказался сумасшедшимъ, но, тѣмъ не менѣе, поѣздка не состоялась.

Изъ Ревеля мы поѣхали назадъ въ Петербургъ и дорогою безпрестанно останавливались. Послѣ этого путешествія у меня разболѣлось горло, такъ что я нѣсколько дней пролежала въ постели. Затѣмъ мы отправились въ Петергофъ и оттуда каждую недѣлю ѣздили въ Ораніенбаумъ.

III.

Въ началѣ августа императрица прислала сказать великому князю и мнѣ, чтобы мы говѣли. Мы оба покорились ея волѣ. Немедленно у насъ начались заутрени и вечерни, и мы ежедневно должны были ходить къ обѣднѣ. Въ пятницу, послѣ исповѣди, объяснилось, почему насъ заставили говѣть. Симонъ Тодорскій, епископъ псковскій, разспрашивалъ насъ поодиночкѣ, что такое у насъ было съ Чернышевыми; мы съ невиннымъ чистосердечіемъ разсказали ему все, и онъ нѣсколько смутился, увидавъ, что тутъ даже не было и тѣни того что бы могло дать поводъ къ дерзкимъ подозрѣніямъ. Мнѣ онъ нечаянно сказалъ: „но почему же императрица думаетъ иначе?“ Я отвѣчала, что не знаю. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ разсказалъ нашу исповѣдь императрицыну духовнику, а тотъ передалъ ее императрицѣ, что, разумѣется, не могло повредить намъ. Въ субботу мы пріобщились, а въ понедѣльникъ уѣхали на восемь дней въ Ораніенбаумъ; императрица отправилась въ Царское Село. По пріѣздѣ въ Ораніенбаумъ, великій князь записалъ въ полкъ всю свою свиту. Камергеры, камеръюнкеры, придворные чиновники, адъютанты князя Репнина, даже сынъ его, дворцовые слуги, егеря, садовники, всѣ получили по мушкету. Его императорское высочество ежедневно упражнялъ ихъ, разставлялъ ихъ по часамъ и обратилъ коридоръ нашего дома въ гауптвахту, гдѣ они должны были проводить цѣлый день. Къ обѣду

кавалеры входили наверхъ, а по вечерамъ являлись въ залу танцовать въ штиблетахъ. Дамъ было всего: я, Чоглокова, княгиня Репнина, три мои фрейлины и мои камерфрау; слѣдовательно, эти балы были не очень многолюдны. Танцы вовсе не удавались, потому что мужчины чрезвычайно бывали утомлены этими безпрестанными военными упражненіями, которыя сердили ихъ и были не по душѣ придворнымъ. Послѣ бала ихъ увольняли домой спать. Вообще, образъ жизни, который мы вели въ Ораніенбаумѣ, смертельно надоѣдалъ, какъ мнѣ, такъ и всѣмъ: съ утра до вечера пятеро или шестеро дамъ сидѣли вмѣстѣ и не видали посторонняго лица, а мужчины противъ воли должны были заниматься военнымъ ученіемъ. Отъ скуки я принималась за книги, которыя привезла съ собою. Вообще, послѣ свадьбы я безпрестанно читала. Первая книга, прочтенная мною въ замужествѣ, была романъ, подъ заглавіемъ: „Tiran le blanc", и въ теченіе цѣлаго года я читала одни романы. Но они стали мнѣ надоѣдать; случайно мнѣ попались „Письма г-жи Севинье", которыя я прочла съ удовольствіемъ и очень скоро. Потомъ мнѣ подвернулись подъ руку сочиненія Вольтера, и послѣ нихъ я стала разборчивѣе въ моемъ чтеніи.

Мы возвратились въ Петергофъ, потомъ еще раза два или три ѣздили въ Ораніенбаумъ, гдѣ проводили время по-прежнему, и затѣмъ переселились въ Петербургъ, въ Лѣтній дворецъ. Въ концѣ осени императрица перешла въ Зимній дворецъ и заняла комнаты, гдѣ жилъ великій князь, будучи женихомъ. Комнаты эти очень намъ понравились, потому что дѣйствительно были очень покойны. Въ нихъ нѣкогда жила императрица Анна. Каждый вечеръ къ намъ собирался весь нашъ дворъ. Тутъ заводились разнаго рода игры, либо давались концерты. По два раза въ недѣлю мы ѣздили на представленія въ большой театръ, находившійся тогда противъ Казанской церкви. Однимъ словомъ, эта зима была самая веселая и самая удачная, какую я когда-либо проводила въ моей жизни. Каждый день мы то и дѣло, что хохотали и танцовали.

Около середины зимы императрица приказала намъ ѣхать за собою въ Тихвинъ. Это было богомолье. Но въ ту самую минуту, какъ мы вышли садиться въ сани, намъ было сказано, что поѣздка отложена. Мы узнали по секрету, что оберъ-егермейстеръ, графъ Разумовскій, заболѣлъ подагрою, и что безъ него императрица не хотѣла ѣхать. Но недѣли черезъ двѣ или черезъ три дѣйствительно отправились въ Тихвинъ. Это путешествіе продолжалось всего пять дней. На возвратномъ пути мы проѣзжали Рыбачьей Слободкою мимо того дома, гдѣ, какъ я знала, находились Чернышевы. Я глядѣла въ окна, думая увидать ихъ, но ничего не увидала. Князь Репнинъ не

участвовалъ въ этомъ путешествіи. Намъ сказали, что у него открылась болѣзнь въ мочевомъ пузырѣ. Ко всеобщему неудовольствію должность его во время путешествія исполнялъ мужъ Чоглоковой, гордый и грубый дуракъ, котораго, какъ и жены его, всѣ страшно боялись. Въ самомъ дѣлѣ, оба они были нелюбезные люди. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ впослѣдствіи, нашлись средства не только усыпить этихъ аргусовъ, но и расположить ихъ въ свою пользу. Одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ было играть съ ними въ фараонъ, потому что оба они любили игру и еще больше выигрышъ. Средство это было найдено прежде другихъ, остальныя послѣ.

Въ эту зиму скончалась отъ горячки моя фрейлина, княжна Гагарина, тотчасъ послѣ своей помолвки съ камергеромъ, княземъ Голицынымъ, который потомъ женился на ея младшей сестрѣ. Мнѣ было очень жаль ее, и во время ея болѣзни я много разъ ее навѣщала, несмотря на запрещеніе Чоглоковой. На мѣсто ея императрица выписала изъ Москвы старшую сестру ея, которая потомъ вышла за графа Матюшкина.

Весною мы переѣхали въ Лѣтній дворецъ и оттуда въ деревню. Князь Репнинъ подъ предлогомъ болѣзни получилъ позволеніе переселиться къ себѣ въ домъ, и Чоглоковъ продолжалъ временно исполнять его должность. Онъ съ самаго начала ознаменовалъ свою дѣятельность удаленіемъ отъ нашего двора камергера графа Дивьера и камеръюнкера Вильбуа: они не нравились Чоглокову, потому что нравились намъ съ великимъ княземъ, и по его представленію оба были переведены въ армію, первый бригадиромъ, второй полковникомъ. Эта была уже третья отставка, считая первую въ 1745 г., когда отъ насъ удалили, по просьбѣ матушки, графа Захара Чернышева. Подобнаго рода удаленія считались при дворѣ немилостью и, слѣдовательно, не могли быть пріятны удаляемымъ лицамъ. Мы съ великимъ княземъ были очень огорчены отъѣздомъ Дивьера и Вильбуа. Принцъ Августъ, добившись желаемаго, былъ извѣщенъ отъ имени императрицы, что онъ можетъ ѣхать. Это было также устроено происками Чоглоковыхъ, которымъ непремѣнно хотѣлось, чтобы мы съ великимъ княземъ не имѣли довѣренныхъ лицъ, и которые въ этомъ случаѣ дѣйствовали по наставленіямъ графа Бестужева, подозрѣвавшаго все и всѣхъ.

Этимъ лѣтомъ отъ нечего дѣлать и отъ скуки, которая у насъ царствовала, я пристрастилась къ верховой ѣздѣ. Остальное время я сидѣла у себя въ комнатѣ и читала все, что мнѣ попадалось подъ руку. Что касается до великаго князя, то онъ, лишившись любимыхъ людей своихъ, не замедлилъ выбрать себѣ новыхъ любимцевъ между придворными слугами. Въ это время, однажды по утру, камердинеръ

мой, Евреиновъ, убирая мнѣ голову, разсказалъ, какимъ страннымъ случаемъ ему удалось узнать, что Андрей Чернышевъ и братья его находятся въ Рыбачьей Слободѣ, подъ арестомъ, въ увеселительномъ домѣ императрицы (составлявшемъ ея личную собственность и доставшемся по наслѣдству отъ матери). Вотъ какъ онъ сдѣлалъ это открытіе. На масленицѣ онъ катался въ саняхъ съ женою своею, сестрою и ея мужемъ; женщины сидѣли въ саняхъ, а мужчины стояли на запяткахъ. Мужъ сестры его былъ секретаремъ въ петербургскомъ магистратѣ, а сестра сего послѣдняго была замужемъ за помощникомъ секретаря въ тайной канцеляріи. Однажды они отправились кататься въ Рыбачью и заѣхали къ управителю этого императрицына помѣстья. У нихъ зашелъ споръ о томъ, на какое число придется Свѣтлое Воскресенье. Хозяинъ дома сказалъ, что онъ тотчасъ рѣшитъ споръ, и что для этого стоитъ только послать къ арестантамъ и взять у нихъ святцы, гдѣ показаны всѣ праздники и расписанъ календарь на нѣсколько лѣтъ впередъ. Книгу черезъ нѣсколько минутъ принесли; зять Евреинова взялъ ее и только-что раскрылъ, какъ увидалъ руку Андрея Чернышева, означившаго на книгѣ свое имя и число дня, въ который великій князь подарилъ ее ему. День Свѣтлаго Воскресенья былъ найденъ, споръ кончился, и книгу отослали назадъ, а гости возвратились въ Петербургъ, гдѣ черезъ нѣсколько дней зять Евреинова передалъ ему по секрету о своемъ открытіи. Евреиновъ настоятельно просилъ, чтобы я ни слова не говорила о томъ великому князю, на скромность котораго онъ не надѣялся. Я обѣщала и сдержала слово.

Въ срединѣ великаго поста мы ѣздили съ императрицею въ Гостилицы на именины къ оберъ-егермейстеру, графу Разумовскому. Тамъ были танцы, и было довольно весело, послѣ чего мы возвратились въ городъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой поѣздки мнѣ сказали о кончинѣ отца моего, которая очень меня огорчила. На восемь дней меня оставили въ покоѣ, и я могла плакать, сколько хотѣла; но въ восьмой день Чоглокова объявила мнѣ, что довольно плакать, и что императрица приказала перестать, такъ какъ отецъ мой былъ не король. Я отвѣчала ей, что дѣйствительно онъ не былъ королемъ; на это она мнѣ замѣтила, что великой княгинѣ не прилично такъ долго плакать по отцѣ, который былъ всего только принцъ. Наконецъ, было положено, чтобы шесть недѣль я носила трауръ, но чтобы въ слѣдующее воскресенье явилась въ публику.

Въ первый разъ, что я вышла, въ передней комнатѣ императрицы мнѣ повстрѣчался графъ Санти, оберъ-церемоніймейстеръ ея величества. Я перекинулась съ нимъ нѣсколькими словами, ничего не значащими, и прошла дальше. Черезъ нѣсколько дней узнаю отъ

Чоглоковой, что императрица получила отъ графа Бестужева бумагу, за подписью графа Санти, въ которой сей послѣдній сообщалъ, будто я ему передавала свое неудовольствіе, почему послы иностранныхъ дворовъ не представились мнѣ и не изъявили сожалѣнія по случаю кончины отца моего. „Императрица, — говорила Чоглокова, — очень недовольна этимъ; она находитъ, что вы черезчуръ горды, тогда какъ должны были бы помнить, что отецъ вашъ былъ не король, и потому вы не можете и не имѣете никакого права требовать, чтобы иностранные послы изъявляли вамъ сожалѣніе по случаю его смерти“. Эти слова Чоглоковой ошеломили меня. Я отвѣчала ей, что, если графъ Санти сказалъ или написалъ, будто я говорила ему что-нибудь подобное или даже объ этомъ предметѣ, то онъ— отъявленный лгунъ; что ничего похожаго никогда не приходило мнѣ въ голову, и что, слѣдовательно, ни съ нимъ, ни съ кѣмъ другимъ я не могла имѣть подобнаго разговора. Это была сущая правда, потому что я поставила себѣ неизмѣннымъ правиломъ не имѣть ни въ какомъ случаѣ ни малѣйшихъ притязаній, во всемъ согласоваться съ волею ея величества и поступать такъ, какъ мнѣ прикажутъ. Чистосердечіе, съ которымъ я возражала, повидимому, убѣдило Чоглокову. Она обѣщалась доложить императрицѣ, что я обвиняю графа Санти во лжи. Дѣйствительно, она пошла къ ея величеству и возвратилась съ извѣстіемъ, что императрица очень гнѣвается на графа Санти за такую ложь и приказала сдѣлать ему выговоръ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого ко мнѣ являлось нѣсколько человѣкъ отъ графа Санти, въ томъ числѣ камергеръ графъ Никита Панинъ и вице-канцлеръ Воронцовъ съ объясненіемъ, что графъ Бестужевъ вынудилъ у него это ложное показаніе, и что онъ чрезвычайно огорчается, заслуживъ мою немилость. Я отвѣчала этимъ господамъ, что лгунъ остается лгуномъ, каковы бы ни были причины, заставляющія его лгать, и что я рѣшилась вовсе не говорить съ нимъ изъ опасенія, чтобы онъ еще чего не налгалъ на меня. Я объясняю себѣ это дѣло слѣдующимъ образомъ. Санти былъ итальянецъ. Посредничать было его страстью, и онъ былъ очень занятъ своею должностью оберъ-церемоніймейстера. Я никогда не говорила съ нимъ больше, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Онъ, можетъ быть, думалъ, почему бы дипломатическому корпусу не явиться ко мнѣ съ изъявленіемъ сожалѣнія по случаю кончины отца моего, и, по своимъ понятіямъ, вѣроятно, разсчитывалъ одолжить меня, устроивъ это представленіе. Съ этою цѣлью онъ отправился къ великому канцлеру и своему начальнику, графу Бестужеву, и сказалъ ему, что я вышла въ первый разъ, что онъ нашелъ меня очень печальною, и что, по всему вѣроятію, я еще больше огорчилась, не встрѣтивъ дипломатическаго корпуса съ изъявленіемъ

сожалѣній. Графъ Бестужевъ, по своему всегдашнему недоброжелательству, обрадовался случаю насолить мнѣ, тутъ же велѣлъ написать то, что ему сказалъ, или то, что совѣтовалъ ему, ссылаясь на меня, графъ Санти, и потребовалъ отъ сего послѣдняго, чтобы онъ выставилъ свое имя подъ бумагою. Графъ Санти боялся своего начальника, какъ огня, и еще больше боялся потерять мѣсто и потому, разумѣется, предпочелъ солгать, чѣмъ пожертвовать собою. Бестужевъ препроводилъ бумагу къ императрицѣ, которая разгнѣвалась и послала ко мнѣ Чоглокову, какъ разсказано выше; но, такъ какъ бтвѣтъ мой основанъ былъ на сущей правдѣ, то изъ всего этого ничего не вышло, только господинъ оберъ-церемоніймейстеръ остался съ носомъ.

Въ деревнѣ великій князь устроилъ себѣ псарню и началъ самъ дрессировать собакъ. Когда надоѣдало ему ихъ мучить, онъ принимался за скрипку. Онъ не зналъ ни одной ноты, но имѣлъ сильное ухо и полагалъ главное достоинство игры въ томъ, чтобы сильнѣе водить смычкомъ, и чтобы звуки были какъ можно громче. Игра его раздирала слухъ, и нерѣдко слушателямъ приходилось сожалѣть, что они не смѣютъ заткнуть себѣ уши. Образъ нашей жизни былъ одинаковъ, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. По возвращеніи въ Лѣтній дворецъ, мадамъ Крузе, хотя не переставала быть аргусомъ, но очень смягчилась въ своемъ обращеніи, даже до того, что заодно съ нами обманывала Чоглоковыхъ, которые для всѣхъ сдѣлались ненавистны. Она доставляла великому князю игрушки, куклы и другія дѣтскія бездѣлушки, до которыхъ былъ онъ страстный охотникъ. Днемъ ихъ прятали подъ моей постелью; великій князь тотчасъ послѣ ужина уходилъ въ спальню, и какъ скоро мы были въ постели, мадамъ Крузе запирала дверь на замокъ, и великій князь принимался играть до часу и до двухъ утра. Я наравнѣ съ мадамъ Крузе, рада—не рада, должна была участвовать въ этомъ пріятномъ занятіи. Иногда я забавлялась имъ, но гораздо чаще оно меня утомляло и даже безпокоило, потому что куклы и игрушки, иныя очень тяжелыя, наполняли и заваливали собою всю кровать. Не знаю, провѣдала ли Чоглокова объ этихъ ночныхъ увеселеніяхъ, но только однажды около полуночи она постучалась къ намъ въ спальню; прежде чѣмъ отпереть ей, великій князь, Крузе и я торопливо оправили постель и упрятали всѣ игрушки подъ одѣяло. Затѣмъ дверь была отперта, но Чоглокова страшно разсердилась на то, что мы заставили ее дожидаться, и объявила, что императрица будетъ очень недовольна, если узнаетъ, что мы до сихъ поръ не спимъ. Она удалилась съ бранью, но ничего не догадалась. Вслѣдъ затѣмъ великій князь продолжалъ свою забаву, пока ему не захотѣлось спать.

Въ началѣ осени мы опять поселились въ тѣхъ комнатахъ Зимняго дворца, въ которыхъ жили первые мѣсяцы послѣ нашей свадьбы. Тутъ черезъ посредство Чоглокова послѣдовало отъ имени ея величества строжайшее запрещеніе, чтобы никто безъ особеннаго позволенія Чоглокова и жены его не смѣлъ ходить въ комнаты къ великому князю и ко мнѣ; кавалерамъ и дамамъ нашего двора приказано было оставаться въ предспальней и никакъ не переступать дальше, и, кромѣ того, всѣмъ, даже и слугамъ, подъ страхомъ отставки, отнюдь не говорить съ нами втихомолку. Такимъ образомъ я и великій князь могли быть свободны только другъ съ другомъ; это было своего рода заточеніе, котораго ни я, ни онъ не заслужили. Мы передавали другъ другу наше негодованіе и наши мысли на этотъ счетъ. Для большаго развлеченія во время зимы великій князь велѣлъ привести изъ деревни около восьми или десяти собакъ и помѣстилъ ихъ въ деревянномъ чуланѣ, отдѣлявшемъ альковъ моей спальни отъ большихъ сѣней, которыя были позади нашихъ комнатъ. Сквозь дощатую стѣну алькова несло псиной, и въ нашей спальнѣ была постоянная вонь. На мои жалобы великій князь отвѣчалъ, что нѣтъ возможности устроить иначе. Онъ держалъ собакъ безъ позволенія, и, чтобы не выдать его тайну, я терпѣливо сносила эту вонь. На масленицѣ при дворѣ не было въ этотъ годъ никакихъ увеселеній, и потому великому князю вздумалось завести маскарады у меня въ комнатѣ. Онъ наряжалъ своихъ и моихъ лакеевъ и моихъ служанокъ и заставлялъ ихъ плясать въ моей спальнѣ, а самъ игралъ на скрипкѣ и подплясывалъ, что̀ продолжалось до поздней ночи. Я подъ предлогомъ усталости, головной боли, или выдумавъ какую-нибудь другую причину, обыкновенно ложилась на диванъ, но не смѣла снимать маскараднаго платья. Эти нелѣпые танцы, чрезвычайно забавлявшіе его, надоѣдали мнѣ до смерти. Въ началѣ великаго поста у него отняли еще четырехъ человѣкъ, въ томъ числѣ троихъ пажей, которыхъ онъ особенно любилъ. Эти частыя отставки сердили его, но онъ не думалъ противиться и возражать, или если возражалъ, то такъ неловко, что отъ этого дѣло выходило еще хуже.

Въ эту зиму мы узнали, что князь Репнинъ, несмотря на болѣзнь свою, долженъ былъ принять начальство надъ войсками, посланными въ Богемію въ помощь императрицѣ-королевѣ Маріи-Терезіи. Это назначеніе означало явную немилость. Князь Репнинъ уѣхалъ и не возвратился. Онъ умеръ съ горя въ Богеміи. Фрейлина моя, княжна Гагарина, сообщила мнѣ о томъ первое извѣстіе, какъ ни запрещали доводить до насъ малѣйшіе слухи о происходившемъ въ городѣ или при дворѣ. Изъ этого можно видѣть, какую цѣну имѣютъ подобныя запрещенія; нельзя добиться, чтобъ они соблюдались во всей точ-

ности, потому что всегда найдутся люди, готовые нарушить ихъ. Всѣ окружавшіе насъ, даже ближайшіе родственники Чоглоковыхъ, были на нашей сторонѣ, и, благодаря имъ, строгое политическое заточеніе, въ которомъ было вздумали насъ держать, вовсе не удавалось. Самъ братъ Чоглоковой, графъ Гендриковъ, тайкомъ передавалъ мнѣ полезныя и нужныя свѣдѣнія, а черезъ него то же дѣлали и другіе, такъ какъ онъ всегда исполнялъ подобныя порученія съ чистосердечіемъ честнаго и прямаго человѣка. Онъ смѣялся надъ глупостью и грубостью сестры своей и зятя, никогда не выдавалъ и не измѣнялъ никому, такъ что всѣ его любили и обращались съ нимъ довѣрчиво. Это былъ человѣкъ прямаго нрава, но ограниченный, дурно воспитанный, безъ всякихъ познаній, хотя твердый и доброжелательный.

Этимъ же постомъ, однажды послѣ обѣда, я вышла въ комнату, гдѣ сидѣли наши кавалеры и дамы. Чоглоковы еще не приходили. Разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ, я подошла къ двери, у которой стоялъ камергеръ Ушинъ. Онъ вполголоса завелъ рѣчь о нашей скучной жизни и прибавилъ, что сверхъ того насъ стараются очернить въ глазахъ императрицы. „Нѣсколько дней тому назадъ,— продолжалъ онъ,—императрица за столомъ говорила, что у васъ множество долговъ, что всѣ ваши поступки носятъ печать глупости, что, несмотря на то, вы воображаете себя очень умною, но такого мнѣнія рѣшительно никто не раздѣлялъ, что вы никого не обманете, потому что ваша глупость всѣмъ извѣстна, что поэтому нужно гораздо строже слѣдить за вашими поступками, чѣмъ за поступками великаго князя". Тутъ, съ навернувшимися на глазахъ слезами, онъ признался, что сама императрица велѣла ему передать мнѣ всѣ эти слова, и просилъ, чтобы я не показывала вида, что знаю о такомъ приказаніи. Я отвѣчала ему, что относительно глупости я не виновата, если Господь Богъ создалъ меня такою; что вовсе не мудрено объяснить долги мои, потому что я получаю содержанія 30.000 рублей, а между тѣмъ матушка, уѣзжая, приказала заплатить за нее 6.000; графиня Румянцева вовлекла меня въ множество издержекъ, которыя она называла неизбѣжными, и въ одинъ нынѣшній годъ я истратила на Чоглокову 17.000, безпрестанно играя съ нею въ карты, а онъ самъ знаетъ, какую страшную игру они ведутъ; что онъ можетъ передать мой отвѣтъ, кому слѣдуетъ; что, впрочемъ, мнѣ очень горько слышать, какъ меня чернятъ въ глазахъ императрицы, къ которой я не переставала никогда питать чувства покорности, преданности и уваженія, и что чѣмъ дальше будутъ слѣдить за мною, тѣмъ больше убѣдятся въ этомъ. Я обѣщалась ему не выдавать того, о чемъ онъ меня просилъ, и сдержала слово. Не знаю, передалъ ли онъ слова мои, но думаю, что такъ, хотя о томъ больше

не было рѣчи; мнѣ же вовсе непріятно было возобновлять подобный разговоръ.

На послѣдней недѣлѣ поста я занемогла корью, въ субботу пріобщалась у себя въ комнатѣ и на Пасху не выходила. Во время этой болѣзни Чоглокова, хотя была беременна на сносяхъ, можно сказать, не отходила отъ меня ни на шагъ и всячески старалась развлекать меня. У меня тогда была маленькая дѣвочка-калмычка, которую я очень любила. Она заразилась отъ меня корью. Послѣ Святой мы переселились въ Лѣтній дворецъ, а въ исходѣ мая, въ Вознесенье, поѣхали въ Гостилицы, къ графу Разумовскому. 23 числа того же мѣсяца императрица пригласила туда императорскаго посла, барона Претлаха, собиравшагося назадъ въ Вѣну. Онъ провелъ тамъ вечеръ и ужиналъ съ императрицею. Ужинъ этотъ продолжался далеко заполночь, такъ что, когда мы возвратились въ отведенный намъ маленькій домикъ, то уже солнце взошло. Этотъ деревянный домикъ стоялъ на небольшомъ пригоркѣ у катальной горы. Графъ Разумовскій думалъ сдѣлать намъ удовольствіе, помѣстивъ насъ въ немъ, потому что онъ намъ понравился прошлый разъ, когда мы были въ Гостилицахъ на именинахъ. Въ немъ было два этажа, верхній состоялъ изъ лѣстницы, залы и трехъ кабинетовъ, изъ которыхъ въ одномъ была наша спальня, другой служилъ уборною великому князю, а третій занимала мадамъ Крузе. Въ нижнемъ этажѣ расположились Чоглоковы, мои фрейлины и мои камерфрау. Возвратившись съ ужина, всѣ улеглись спать. Около шести часовъ утра нѣкто Левашовъ, сержантъ гвардіи, пріѣхалъ изъ Ораніенбаума переговорить съ Чоглоковымъ насчетъ построекъ, которыя тогда производились тамъ. Такъ какъ въ домѣ все спало, то онъ пошелъ къ часовому и сѣлъ подлѣ него. Ему послышалось, что что-то трещитъ, и это возбудило въ немъ подозрѣніе. Солдатъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоитъ на часахъ, этотъ трескъ уже нѣсколько разъ возобновлялся. Левашовъ отправился осмотрѣть домъ снаружи и увидалъ, что внизу дома отваливались большіе куски камня. Онъ тотчасъ побѣжалъ разбудить Чоглокова и сказалъ ему, что фундаментъ дома опускается, и что надо изъ него всѣхъ вывести. Чоглоковъ надѣлъ шлафрокъ и побѣжалъ наверхъ; стеклянныя двери были заперты на ключъ, и онъ долженъ былъ взломать замки. Пришедши въ кабинетъ, гдѣ мы спали, онъ отдернулъ занавѣски, разбудилъ насъ и сказалъ, чтобъ мы скорѣе вставали и уходили, потому что подъ домомъ нѣтъ фундамента. Великій князь спрыгнулъ съ постели, надѣлъ шлафрокъ и убѣжалъ. Я сказала Чоглокову, что выйду вслѣдъ за нимъ, и онъ ушелъ. Я торопилась одѣться и, одѣваясь, вспомнила про мадамъ Крузе, которая спала въ сосѣд-

немъ кабинетѣ. Я пошла разбудить ее, но такъ какъ она спала очень крѣпко, то я едва добудилась ея и насилу могла ей растолковать, что надо поскорѣе выходить изъ дома. Я помогла ей одѣться, и, когда она была совсѣмъ готова, мы пошли въ залу, но едва успѣли переступить порогъ, какъ домъ началъ рушиться, и послышался шумъ, похожій на то, какъ когда спускаютъ корабль въ воду. Обѣ мы, мадамъ Крузе и я, упали на земь. Но въ эту самую минуту изъ противоположной двери, со стороны лѣстницы, явился Левашевъ; онъ поднялъ меня и вынесъ изъ комнаты. Случайно я взглянула въ окно на катальную гору: прежде она стояла въ уровень со вторымъ этажемъ, теперь, по крайней мѣрѣ, на аршинъ была выше. Левашовъ дошелъ со мною до лѣстницы, по которой онъ взошелъ; но ея уже не было: она вся обвалилась. Нѣсколько человѣкъ взобрались наверхъ по доскамъ и бревнамъ; Левашовъ передалъ меня ближайшимъ, тѣ дальше, и такимъ образомъ я очутилась въ сѣняхъ, откуда меня вынесли на лугъ, гдѣ я встрѣтила великаго князя въ шлафрокѣ. Какъ скоро никакой опасности не было, я стала пристальнѣе разсматривать, что происходило съ домомъ, я увидѣла, какъ оттуда выбирались и выносились окровавленные люди. Въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ была моя фрейлина, княжна Гагарина. Она думала выбраться изъ дома, какъ и всѣ другіе; но только-что успѣла перейти изъ своей комнаты въ слѣдующую, какъ печка стала рушиться, повалила экранъ и опрокинула ее на стоявшую тамъ постель, на которую посыпались кирпичи; съ нею была еще одна дѣвушка, и обѣ онѣ очень пострадали. Въ этомъ же нижнемъ этажѣ находилась небольшая кухня, гдѣ спало нѣсколько человѣкъ изъ прислуги; трое изъ нихъ были задавлены обвалившеюся печкою. Но это еще было ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло между фундаментомъ дома и нижнимъ этажемъ: тамъ спало шестнадцать работниковъ, приставленныхъ смотрѣть за катальною горою; всѣ они до одного погибли подъ осѣвшимъ зданіемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ домъ выстроенъ былъ осенью, на скорую руку. Весь фундаментъ состоялъ изъ четырехъ рядовъ необожженныхъ кирпичей; въ первомъ этажѣ архитекторъ поставилъ въ сѣняхъ двѣнадцать матицъ, оборотивъ ихъ вертикально. Ему нужно было ѣхать въ Малороссію, и, уѣзжая, онъ сказалъ гостилицкому управителю, чтобы до его возвращенія онъ не позволялъ трогать этихъ подпорокъ. Но, несмотря на запрещеніе архитектора, управитель, какъ скоро узналъ, что мы займемъ этотъ домъ, тотчасъ приказалъ вынести подпорки, потому что безъ нихъ сѣни дѣлались гораздо красивѣе. Съ наступленіемъ оттепели, все строеніе осѣло на четыре ряда кирпичей, которые отъ того расползлись въ разныя стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый домъ по-

ползъ внизъ по пригорку, пока новая мѣстность не привела его въ равновѣсіе. Я отдѣлалась отъ всего этого нѣсколькими синяками и страшнымъ испугомъ, вслѣдствіе котораго мнѣ пустили кровь. Всѣ мы были дотого перепуганы, что въ продолженіе слишкомъ четырехъ мѣсяцевъ вздрагивали всякій разъ, какъ кто-нибудь громко захлопывалъ дверь. Въ тотъ же день, какъ скоро прошелъ первый страхъ, императрица, помѣщавшаяся въ другомъ домѣ, призвала насъ къ себѣ; наше происшествіе было ей досадно, и потому всѣ старались представить его незначительнымъ; нѣкоторые утверждали, что опасности вовсе никакой не было. Испугъ мой очень не понравился императрицѣ, и она за него дулась на меня. Хозяинъ былъ въ отчаяніи, плакалъ и говорилъ, что съ горя застрѣлится. Но, видно, ему отсовѣтовали, потому что онъ остался живъ. На другой день мы возвратились въ Петербургъ и черезъ нѣсколько недѣль перешли въ Лѣтній дворецъ.

Не помню хорошенько, но, кажется, въ это время или около того, пріѣзжалъ въ Россію кавалеръ Сакрамозо. Съ давняго времени въ Россіи не было мальтійскаго кавалера, и вообще иностранцы рѣдко тогда пріѣзжали въ Петербургъ; поэтому появленіе Сакрамозо считалось въ нѣкоторомъ родѣ событіемъ. Его приняли какъ нельзя лучше и показывали ему все, что было замѣчательнаго въ Петербургѣ и Кронштадтѣ. Для этого ему былъ данъ одинъ изъ лучшихъ флотскихъ офицеровъ, капитанъ линейнаго корабля, впослѣдствіи адмиралъ, Полянскій, который всюду сопровождалъ его. Онъ представился намъ и, цѣлуя у меня руку, незамѣтно всунулъ мнѣ небольшую записку, шепнувъ: „это отъ вашей матушки". Я обомлѣла отъ страха, когда онъ это сдѣлалъ, и смертельно боялась, чтобъ кто-нибудь не замѣтилъ, особливо Чоглоковы, стоявшіе близко. Однако я придержала записку и пропустила ее за правую перчатку, такъ что все обошлось благополучно. Возвратившись къ себѣ въ комнату, я нашла въ перчаткѣ двѣ свернутыя вмѣстѣ записки: одну отъ Сакрамозо, который извѣщалъ меня, что будетъ ждать отвѣта черезъ одного итальянскаго музыканта, участвовавшаго въ концертахъ великаго князя, и другую отъ матушки. Матушка писала, что она безпокоится, не получая отъ меня писемъ, спрашивала, что это значитъ, и желала знать, что со мною дѣлается. Я отвѣчала на всѣ ея вопросы и извѣстила ее, что мнѣ не позволено писать ни къ ней, ни къ кому бы то ни было, подъ тѣмъ предлогомъ, что русской великой княгинѣ не прилично писать другія письма, кромѣ тѣхъ, которыя сочиняются въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и подъ которыми я должна была только выставлять свое имя, вовсе не участвуя въ ихъ сочиненіи, такъ какъ въ коллегіи лучше моего знаютъ, что

прилично писать. (Олсуфьевъ едва было не пострадалъ изъ-за того, что я прислала къ нему нѣсколько строкъ съ просьбою помѣстить ихъ въ письмѣ къ матушкѣ). Я написала ей также о многихъ другихъ предметахъ, о которыхъ она желала имѣть извѣстіе. Свернувъ свою записку точно такъ, какъ была свернута полученная мною, я съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ выжидала минуты, чтобы передать ее. Въ первый же концертъ великаго князя я начала прохаживаться около оркестра и остановилась за стуломъ скрипача-солиста Ологліо, про котораго писалъ мнѣ Сакрамозо. Тотъ, увидавъ меня, полѣзъ какъ будто невзначай за платкомъ и разставилъ заднiй карманъ, куда я незамѣтно кинула записку. Затѣмъ я преспокойно отошла въ другую сторону, такъ что никто ничего не замѣтилъ. Сакрамозо, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, доставилъ мнѣ еще двѣ или три записки того же содержанія, и я точно такъ же препроводила ему мои отвѣты, не возбудивъ ни въ комъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

Изъ Лѣтняго дворца мы пріѣхали въ Петергофъ, который въ то время перестроивался. Насъ помѣстили на верху, въ старомъ зданіи Петра I, которое тогда еще было цѣло. Здѣсь отъ скуки великій князь каждыя послѣ обѣда игралъ со мною въ Lombre à deux. Проигрывая, онъ сердился, а выигрывая, требовалъ немедленной уплаты; но, такъ какъ у меня не было ни копѣйки, то онъ вздумалъ играть со мною вдвоемъ въ азартныя игры. Помню, какъ однажды мы условились, что ночной колпакъ его пойдетъ въ десять тысячъ рублей. Какъ скоро счастіе не везло ему, онъ приходилъ въ неистовство и способенъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ этого дуться на меня. Мнѣ вовсе не было весело играть въ такую игру.

Въ этотъ разъ, живя въ Петергофѣ, однажды мы замѣтили изъ нашихъ оконъ, выходившихъ въ садъ къ морю, что Чоглокова съ мужемъ то и дѣло ходятъ взадъ и впередъ изъ верхняго дворца на берегъ въ Монплезиръ, гдѣ тогда жила императрица. Намъ точно такъ же, какъ и мадамъ Крузе, хотѣлось провѣдать, какая бы могла быть причина этихъ безпрестанныхъ переходовъ. Мадамъ Крузе отправилась разузнать дѣло у сестры своей, которая была первая императрицына камерфрау. Она возвратилась оттуда съ сіяющимъ лицомъ. Дѣло заключалось въ томъ, что до свѣдѣнія императрицы дошла любопытная интрига Чоглокова съ одною изъ моихъ фрейлинъ, Кошелевою, которая отъ него забеременѣла. Императрица призвала къ себѣ Чоглокову и объявила ей, что ея мужъ, въ которомъ она души не чаетъ, обманщикъ; что она ничего за нимъ не замѣчаетъ, между тѣмъ какъ почти вмѣстѣ съ нею живетъ его любовница. Императрица сказала, что самый бракъ ихъ

вовсе ей не нравился, и потому, если она хочетъ, то ей позволяется тотчасъ развестись съ мужемъ. Тутъ же она рѣшительно объявила, что не можетъ оставить его возлѣ насъ и уволитъ его, и что пусть она сама исполняетъ его должность. Чоглокова сначала не хотѣла вѣрить обвиненію и говорила, что это все клевещутъ на ея мужа; но императрица тутъ же, разговаривая съ нею, послала допросить Кошелеву, которая во всемъ начисто призналась. Это привело Чоглокову въ бѣшенство; она пошла домой и раскудахталась на мужа. Тотъ на колѣняхъ просилъ у нея прощенія и воспользовался всею властью, которую имѣлъ надъ нею, чтобъ смягчить ея гнѣвъ. Ради дѣтей они помирились, но прежняго супружескаго согласія больше не было. Они продолжали жить вмѣстѣ, но уже не по любви, а изъ выгоды. Жена простила мужа, пошла къ императрицѣ и сказала, что забываетъ его невѣрность и остается жить съ нимъ изъ любви къ дѣтямъ. Она на колѣняхъ просила императрицу не безчестить ея мужа и не увольнять его отъ двора, говорила, что это опозоритъ ее и довершитъ ея несчастіе; однимъ словомъ, она дѣйствовала такъ хорошо, съ такою твердостью и великодушіемъ, и, кромѣ того, огорченіе ея было так искренно, что весь гнѣвъ императрицы прошелъ. Мало того, она привела мужа, разбранила его въ присутствіи императрицы, потомъ вмѣстѣ съ нимъ бросилась на колѣни и упросила императрицу простить его изъ милости къ ней и ради того, что онъ—отецъ шестерыхъ дѣтей ея. Эти сцены продолжались дней пять или шесть. Мы, можно сказать, по часамъ узнавали обо всемъ, что происходило, потому что въ этотъ промежутокъ насъ меньше прежняго сторожили. Всѣ мы надѣялись, что Чоглокова отставятъ, и всѣ обманулись въ ожиданіяхъ: отставлена была только Кошелева, которой велѣли ѣхать къ дядѣ, обергофмейстеру Шепелеву. Чоглоковы удержались на мѣстѣ, впрочемъ, такого почета, какъ прежде, они уже не имѣли. Назначенъ былъ день для нашего отъѣзда въ Ораніенбаумъ: мы поѣхали въ одну сторону, а Кошелеву повезли въ другую.

Въ Ораніенбаумѣ на этотъ разъ мы поселились въ самомъ городѣ, въ обоихъ флигеляхъ небольшаго зданія—въ правомъ и въ лѣвомъ. Послѣ Гостилицкаго происшествія велѣно было во всѣхъ придворныхъ строеніяхъ осмотрѣть потолки и перекладины и починить, что было ветхо. Вотъ образъ моей жизни въ Ораніенбаумѣ. По утру я вставала въ три часа и безъ прислуги съ ногъ до головы одѣвалась въ мужское платье. Мой старый егерь дожидался меня, чтобы идти на морской берегъ къ рыбачьей лодкѣ. Пѣшкомъ съ ружьемъ на плечѣ мы пробирались садомъ и, взявъ съ собою лягавую собаку, садились въ лодку, которою правилъ рыбакъ. Я

стрѣляла утокъ въ тростникѣ по берегу моря, по обѣимъ сторонамъ тамошняго канала, который на двѣ версты уходилъ въ море. Часто мы огибали каналъ, и иногда сильный вѣтеръ уносилъ нашу лодку въ открытое море. Великій князь являлся часомъ или двумя позже, потому что ему всегда нужно было имѣть съ собою завтракъ и всякую всячину. Если онъ встрѣчалъ насъ, мы отправлялись дальше вмѣстѣ; если же нѣтъ, то стрѣляли и охотились порознь. Часовъ въ десять, иногда позже, я возвращалась домой и одѣвалась къ обѣду. Послѣ обѣда отдыхала, а по вечерамъ у великаго князя бывала музыка, либо мы катались верхомъ. Черезъ шесть или семь дней такой жизни я стала чувствовать жаръ во всемъ тѣлѣ и головную боль, и рѣшила, что мнѣ необходимы отдыхъ и діэта. Въ теченіе 24-хъ часовъ я ничего не ѣла, пила одну холодную воду и двѣ ночи спала столько, сколько могла, и послѣ этого продолжала прежній образъ жизни и чувствовала себя, какъ нельзя лучше. Помню, что въ это время я читала «Записки Брантома», которыя очень занимали меня. Передъ тѣмъ я прочла «Генриха Четвертаго», сочиненіе Перификса.

Около осени, мы возвратились въ городъ, гдѣ намъ объявили, что зимой мы поѣдемъ въ Москву. По этому случаю мадамъ Крузе сочла нужнымъ прибавить мнѣ бѣлья, и она думала позабавить меня, приказавъ кроить бѣлье у меня въ комнатѣ, для того, чтобъ, какъ она говорила, я могла научиться, какимъ образомъ изъ полотнища выходятъ рубашки. Но такое ученье или забава, какъ видно, не понравились Чоглоковой, которая послѣ исторіи съ мужемъ была въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Не знаю, что такое она наговорила императрицѣ, но только однажды послѣ обѣда она явилась ко мнѣ съ извѣстіемъ, что мадамъ Крузе увольняется отъ службы при мнѣ и переѣзжаетъ къ зятю своему, камергеру Сиверсу. На другой день на ея мѣсто Чоглокова привела ко мнѣ г-жу Владиславову. Это была женщина статная и, какъ видно было, съ хорошими манерами. Прежде я никогда ея не видала. Умное лицо ея съ перваго раза мнѣ довольно понравилось. Я прибѣгла къ своему оракулу, Тимоѳеею Евреинову, и узнала отъ него, что Владиславова—теща совѣтника Пуговишникова, бывшаго главнымъ чиновникомъ при графѣ Бестужевѣ, что она женщина умная и веселая, но слыветъ очень хитрою, что надобно подождать, какъ она будетъ вести себя, и вообще не слишкомъ ей довѣряться. Ее звали Прасковьей Никитичной. На первыхъ же порахъ она показала себя съ хорошей стороны; она была общительна, любила говорить, говорила и разсказывала умно, знала всѣ анекдоты прошедшаго и настоящаго времени, могла перечесть отъ четырехъ до

пяти поколѣній въ каждомъ семействѣ и твердо помнила генеалогію всѣхъ отцовъ, матерей, бабушекъ, дѣдушекъ, прадѣдовъ и такъ дальше съ материнской и съ отцовской стороны. Я ни отъ кого не слыхала такого множества разсказовъ и узнала изъ нихъ все, что происходило въ Россіи въ послѣднія сто лѣтъ. Мнѣ довольно нравились умъ и обращеніе этой женщины, и когда мнѣ бывало скучно, я заставляла ее болтать, и она всегда охотно начинала свои разсказы. Скоро я замѣтила, что ей не нравились многіе слова и поступки Чоглоковыхъ; но, такъ какъ она сама часто ходила въ комнаты ея величества, и вовсе неизвѣстно, по какимъ причинамъ, то мы до нѣкоторой степени остерегались ея, зная, что самыя невинныя слова и дѣйствія могутъ быть всячески растолкованы.

Изъ Лѣтняго дворца мы перешли въ Зимній. Тутъ намъ представлялась мадамъ Латуръ-Ланнуа. Она состояла при императрицѣ во время ея первой молодости и въ царствованіе императора Петра II выѣхала изъ Россіи вмѣстѣ съ принцессой Анной Петровной, дочерью Петра I, когда сія послѣдняя съ мужемъ своимъ переселилась въ Голштинію. По смерти Анны Петровны, мадамъ Ланнуа возвратилась во Францію и теперь вновь пріѣхала въ Россію, въ надеждѣ остаться совсѣмъ или воспользоваться отъ ея величества какими-нибудь милостями. По праву стараго знакомства она разсчитывала быть одною изъ самыхъ приближенныхъ особъ, но жестоко ошиблась, потому что придворные тотчасъ составили между собою союзъ, чтобы не допускать ея до такой близости. Съ первыхъ же дней ея прибытія я могла впередъ сказать, что съ нею будетъ, и вотъ по какому случаю. Однажды вечеромъ въ комнатахъ императрицы происходила игра; ея величество, по своему обыкновенію, прохаживалась изъ одной комнаты въ другую, нигдѣ не оставаясь подолгу. Думая, вѣроятно, сдѣлать ей угодное, мадамъ Ланнуа всюду слѣдовала за нею. Замѣтивъ это, Чоглокова сказала мнѣ: „посмотрите, какъ она не отходитъ отъ императрицы; но это не надолго; скоро отучатъ ее гоняться за ея величествомъ". Я догадалась, въ чемъ дѣло, и дѣйствительно ее начали удалять, и потомъ, получивъ подарки, она принуждена была уѣхать во Францію.

Въ эту зиму графъ Лестокъ женился на дѣвицѣ Менгденъ, императрицыной фрейлинѣ. Весь дворъ былъ на свадьбѣ, и ея величество почтила молодыхъ своимъ посѣщеніемъ. Можно было подумать, что они—въ величайшей милости; но не прошло мѣсяца или двухъ, какъ обстоятельства перемѣнились. Однажды вечеромъ мы играли въ комнатахъ императрицы. Увидавъ графа Лестока, я подошла къ нему и хотѣла говорить съ нимъ, но онъ сказалъ вполголоса: „не подходите ко мнѣ, я въ подозрѣніи". Мнѣ казалось, что онъ шутитъ, и я спро-

сила, что это значитъ. Онъ отвѣчалъ: „я не на шутку повторяю вамъ, чтобы вы не подходили ко мнѣ, потому что я въ подозрѣніи, и отъ меня надобно быть дальше". Лицо его перемѣнилось противъ прежняго, и онъ былъ очень красенъ. Я подумала, вѣрно, онъ выпилъ лишнее, и ушла въ другую сторону. Это было въ пятницу. По утру въ воскресенье, Тимоѳей Евреиновъ, причесывая мнѣ голову, сказалъ: „знаете ли, нынче ночью арестовали графа Лестока съ женою и отвезли въ крѣпость, какъ государственныхъ преступниковъ". Никто не зналъ, за что; извѣстно только, что слѣдователями назначены были генералъ Степанъ Апраксинъ и Александръ Шуваловъ.

Въ Москву положено было ѣхать 16-го декабря. Чернышевыхъ перевели въ крѣпость, въ домъ, принадлежавшій императрицѣ и называвшійся Смольнымъ дворомъ. Старшему Чернышеву иногда удавалось напоить приставовъ, такъ что онъ могъ ходить въ городъ къ друзьямъ своимъ. Однажды, дѣвушка моя, чухонка, ходившая за моимъ платьемъ и помолвленная съ однимъ придворнымъ лакеемъ, родственникомъ Евреинова, принесла мнѣ письмо отъ Андрея Чернышева, въ которомъ онъ просилъ меня о разныхъ вещахъ. Эта дѣвушка видѣла его у своего жениха, гдѣ они вмѣстѣ провели вечеръ. Получивъ письмо, я не знала, куда спрятать его. Я не хотѣла его сжечь, чтобы не забыть, о чемъ онъ меня просилъ. Съ давнихъ поръ мнѣ было запрещено писать, даже къ матушкѣ. Черезъ ту же дѣвушку я купила себѣ серебряное перо и чернильницу. Днемъ письмо было со мною въ карманѣ, раздѣвшись я засовывала его въ чулокъ за подвязку, а ложась спать вынимала его оттуда и прятала въ рукавъ. Наконецъ, я написала отвѣтъ и послала ему, чего онъ хотѣлъ, тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ получила его письмо, которое, выбравши благопріятную минуту, сожгла и избавилась такимъ образомъ отъ великаго безпокойства.

Въ половинѣ декабря мы поѣхали въ Москву. Великій князь и я ѣхали въ большихъ саняхъ; напереди сидѣли кавалеры нашей свиты. Днемъ великій князь съ Чоглоковымъ переходилъ въ городскія сани, а я оставалась въ большихъ саняхъ, которыхъ мы вовсе не закрывали, и обыкновенно разговаривала съ сидѣвшими напереди. Помню, какъ въ это время камергеръ, князь Александръ Юрьевичъ Трубецкой, разсказывалъ мнѣ, что графъ Лестокъ, послѣ того какъ его арестовали и посадили въ крѣпость, первые одиннадцать дней хотѣлъ уморить себя голодомъ и ничего не ѣлъ, но потомъ его принудили принять пищу. Онъ былъ обвиненъ въ полученіи 1.000 рублей отъ прусскаго короля за то, что поддерживалъ его сторону, и также въ отравленіи нѣкоего Эттингера, улики котораго опасался. Лестока пытали и потомъ отправили въ Сибирь.

Въ это путешествіе императрица обогнала насъ въ Твери; всѣ лошади и вся провизія, заготовленныя для насъ, были взяты ея свитою, и вслѣдствіе этого мы цѣлыя сутки оставались въ Твери безъ лошадей и ѣды. Мы страшно проголодались; къ вечеру Чоглоковъ добылъ намъ жареную стерлядь, которая показалась намъ очень вкусною. Въ ночь мы поѣхали дальше и прибыли въ Москву за два или за три дня до Рождества. Первая новость, которую мы узнали, была та, что камергеръ нашего двора, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, въ самое то время, какъ мы уѣхали изъ Петербурга, получилъ приказаніе ѣхать въ Гамбургъ, куда его назначили русскимъ министромъ съ четырьмя тысячами рублей жалованья. Это была тоже ссылка. Его свояченица, фрейлина моя, княжна Гагарина, много плакала по этому случаю, и мы всѣ сожалѣли о немъ.

Въ Москвѣ мы занимали тѣ самыя комнаты, въ которыхъ я жила съ матушкою въ 1744 г. Изъ нихъ въ большую придворную церковь надо было объѣзжать кругомъ дворца. На Рождество мы собрались къ обѣднѣ, шли садиться въ экипажъ и уже были на лѣстницѣ, какъ насъ извѣстили отъ имени императрицы, что по случаю сильнаго холода мы можемъ не ѣздить къ обѣднѣ. Дѣйствительно, было около 29 градусовъ, и морозъ хваталъ за носъ. Первое время московской жизни я принуждена была оставаться у себя въ комнатѣ, потому что у меня по всему лицу высыпали прыщи; я до смерти боялась, чтобъ отъ нихъ не остались на лицѣ пятна, и велѣла позвать доктора Боергава; чтобы вывести съ лица эти прыщи, онъ далъ мнѣ успокоивающихъ кровь микстуръ и разныхъ разностей. Но все это не помогало, и тогда онъ сказалъ: я вамъ дамъ лѣкарство, которое непремѣнно очиститъ лицо. Онъ вынулъ изъ кармана небольшую скляночку Фальковаго масла (l'huile de Falk), приказалъ развести въ водѣ одну каплю и этою смѣсью отъ времени до времени, хоть разъ въ недѣлю, умывать лицо; дѣйствительно, всѣ прыщи пропали, такъ что дней черезъ десять я могла показаться въ свѣтъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву (1749) я узнала отъ Владиславовой, что императрица приказала поспѣшить свадьбою чухонки-дѣвушки, ходившей за моимъ гардеробомъ. Единственная причина, почему торопились выдать ее замужъ, по всему вѣроятію, заключалась въ томъ, что я любила ее больше другихъ дѣвушекъ: она была веселая толстушка, иногда очень смѣшившая меня своимъ искусствомъ передразнивать и чрезвычайно забавно представлявшая Чоглоковыхъ. Ее обвѣнчали, и съ тѣхъ поръ о ней не было слуху.

Въ серединѣ масленицы (въ продолженіе которой не было никакихъ праздниковъ, ни увеселеній) императрица занемогла сильною коликою, и не на шутку. Владиславова и Тимоѳей Евреиновъ шеп-

нули мнѣ на ухо объ этой болѣзни, прося, чтобы я никому не говорила, что узнала о томъ отъ нихъ. Я ихъ не выдала, однако сказала объ императрицыной болѣзни великому князю и встормошила его этою новостью. Однажды утромъ Евреиновъ сообщилъ мнѣ, что наканунѣ канцлеръ Бестужевъ и генералъ Апраксинъ всю ночь просидѣли въ комнатѣ у Чоглоковыхъ; это давало поводъ думать, что императрицѣ очень худо. Чоглоковъ и жена его казались сумрачнѣе обыкновеннаго, приходили къ намъ, обѣдали и ужинали съ нами, но ни полслова не говорили объ этой болѣзни. Мы тоже молчали и не смѣли послать навѣдаться о здоровьѣ императрицы, потому что въ такомъ случаѣ тотчасъ начались бы разспросы, какъ, откуда и черезъ кого знаемъ мы, что она больна, и названныя или подозрѣваемыя лица непремѣнно были бы отставлены, или сосланы, или даже попали бы въ тайную канцелярію,—мѣсто, котораго всѣ боялись, какъ огня. Наконецъ, дней черезъ десять, когда императрицѣ сдѣлалось лучше, при дворѣ праздновали свадьбу одной изъ ея фрейлинъ. За столомъ возлѣ меня сидѣла императрицына любимица, графиня Шувалова; она стала мнѣ разсказывать, что ея величество послѣ страшной болѣзни своей еще очень слаба, потому не пришла на свадьбу и даже не могла встать совсѣмъ съ постели, а, только спустивши съ кровати ноги, убирала своими брильянтами голову невѣстѣ (этотъ почетъ она обыкновенно оказывала всѣмъ своимъ фрейлинамъ). Я притворилась, что въ первый разъ слышу о болѣзни императрицы, и сказала, что очень сожалѣю, что императрица находится въ такомъ состояніи, и принимаю въ ней большое участіе. Шувалова отвѣчала, что ея величеству пріятно будетъ узнать, какъ я люблю ее. Не прошло двухъ дней, какъ по утру пришла ко мнѣ въ комнату Чоглокова и въ присутствіи Владиславовой объявила, что императрица очень гнѣвается на великаго князя и на меня, видя, какъ мало участія принимали мы въ ея болѣзни, и узнавши, что мы даже ни разу не послали спросить, лучше ли ей. Я сказала Чоглоковой, что ссылаюсь на нее, что ни она, ни мужъ ея даже не заикнулись намъ о болѣзни ея величества, и что, ничего не зная, мы, разумѣется, не могли выразить нашего участія. „Какъ,—возразила она,—вы говорите, что ничего не знали; какимъ же образомъ графиня Шувалова сказывала императрицѣ, что за столомъ вы разговаривали съ ней объ этой болѣзни?“ Я отвѣтила: правда, я разговаривала съ нею о томъ, услыхавъ отъ нея, что императрица еще слаба и не можетъ выходить, и разспрашивала у ней подробности болѣзни. Чоглокова удалилась съ ворчаньемъ, а Владиславова стала говорить, что странно придираться къ людямъ изъ-за того, чего они не могли знать; что такъ какъ Чоглоковы одни имѣли право извѣстить насъ о болѣзни императрицы, и не сдѣлали этого,

то ихъ вина, а не наша, если мы не посылали узнавать, здорова ли ея величество. Нѣсколько времени спустя, въ одинъ изъ куртаговъ императрица подошла ко мнѣ, и я, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, сказала ей, что ни Чоглоковъ, ни жена его ни слова не говорили намъ о ея болѣзни, и что поэтому намъ не было возможности изъявить ей нашего участія. Императрица благосклонно выслушала меня, и съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ казалось, стала меньше прежняго довѣряться Чоглоковымъ.

Первую недѣлю Великаго поста Чоглоковъ началъ говѣть и исповѣдывался, но духовникъ императрицынъ не допустилъ его до причастія. При дворѣ всѣ говорили, что это было сдѣлано по приказанію императрицы, чтобы наказать его за любовную связь съ Кошелевою. Нѣкоторое время, какъ мы жили въ Москвѣ, казалось, что Чоглоковъ чрезвычайно подружился съ графомъ Бестужевымъ и съ закадычнымъ другомъ сего послѣдняго, генераломъ Степаномъ Апраксинымъ. Онъ безпрестанно бывалъ у нихъ, и, слушая его розсказни, можно было подумать, что графъ Бестужевъ совѣтуется съ нимъ о самыхъ важныхъ дѣлахъ, чего, разумѣется, на самомъ дѣлѣ не могло быть, потому что Бестужевъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ принимать совѣты такого вздорнаго дурака, какъ Чоглоковъ. Но около половины того времени, которое мы прожили въ Москвѣ, эта чрезвычайная пріязнь вдругъ кончилась, не знаю точно, по какой причинѣ, и Чоглоковъ сдѣлался заклятымъ врагомъ недавнихъ друзей своихъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, отъ скуки я принялась читать исторію Германіи отца Барра, каноника св. Женевьевы, въ 9 частяхъ, въ четверку. Каждую недѣлю я прочитывала по части; послѣ этого я читала сочиненія Платона. Комнаты мои были на улицу; въ параллельныхъ комнатахъ жилъ великій князь, и его окна выходили на небольшой дворъ. Когда я сидѣла за книгою, въ комнату ко мнѣ обыкновенно являлись горничныя дѣвушки, то одна, то другая; придутъ, постоятъ и опять уйдутъ, какъ имъ вздумается. Я дала замѣтить Владиславовой, что эти дежурства ни на что не нужны и только мѣшаютъ мнѣ, и что, кромѣ того, мнѣ вовсе непріятно слишкомъ близкое сосѣдство великаго князя и его занятія. Отъ горничныхъ она также терпѣла, какъ и я, потому что жила въ небольшомъ кабинетѣ, составлявшемъ послѣднюю комнату моего отдѣленія. Она согласилась уволить горничную отъ дежурствъ и сказала имъ, чтобы онѣ больше не приходили стоять на посылкахъ. Что же касается до занятій великаго князя, которыя ни утромъ, ни днемъ, ни позднимъ вечеромъ не давали намъ покою, то они состояли въ слѣдующемъ. Онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ обучалъ нѣсколько собакъ, наказывая ихъ палочными ударами, выкрикивая охотничьи термины и прохажи-

ваясь съ одного конца двухъ своихъ комнатъ (у него всего ихъ было двѣ) до другаго. Какъ скоро какая-нибудь собака уставала или убѣгала, онъ подвергалъ ее жестокимъ истязаніямъ, отъ чего она выла еще громче. Когда эти упражненія, невыносимыя для ушей и спокойствія его сосѣдей, наконецъ, надоѣдали ему, онъ принимался за скрипку и, прогуливаясь по комнатамъ, начиналъ выводить такіе звуки, что хоть бѣжать. Затѣмъ, снова происходила дрессировка собакъ и истязаніе ихъ, которое по истинѣ казалось мнѣ чрезвычайно жестокимъ. Разъ я услышала страшный, не прекращавшійся собачій визгъ. Спальня моя, гдѣ я сидѣла, находилась возлѣ комнаты, гдѣ происходила собачья выучка. Я отворила дверь и увидала, какъ великій князь поднялъ за ошейникъ одну изъ собакъ, маленькую шарло англійской породы, велѣлъ мальчику, калмыченку, держать ее за хвостъ, и толстою палкою кнута своего изъ всей силы билъ бѣдное животное. Я стала просить его, чтобы онъ пощадилъ несчастную собаченку, но вмѣсто того, онъ началъ бить ее еще сильнѣе. Я ушла къ себѣ въ комнату со слезами на глазахъ, будучи не въ состояніи выносить такое жестокое зрѣлище. Вообще, слезы и крики, вмѣсто того, чтобы возбуждать жалость въ великомъ князѣ, только сердили его. Жалость была для души его тягостнымъ и, можно сказать, нестерпимымъ чувствомъ.

Около этого времени камердинеръ мой, Тимоѳей Евреиновъ, доставилъ мнѣ письмо отъ своего стараго товарища, Андрея Чернышева, котораго, наконецъ, выпустили на волю, и который проѣзжалъ недалеко отъ Москвы въ свой полкъ, куда его опредѣлили капитаномъ. Я поступила съ этимъ письмомъ точно такъ же, какъ съ предыдущимъ, послала ему все, о чемъ онъ меня просилъ, и ни великій князь, ни кто другой ничего не узнали отъ меня о томъ.

Весною императрица позвала насъ въ Перово, гдѣ мы вмѣстѣ съ нею провели нѣсколько дней у графа Разумовскаго. Великій князь и Чоглоковъ почти ежедневно рыскали по лѣсамъ съ хозяиномъ помѣстья. Я читала у себя въ комнатѣ, либо Чоглокова отъ скуки приходила сидѣть со мною, когда не играла въ карты. Она очень жаловалась на владѣльца этого имѣнія и на безпрестанныя отлучки своего мужа, который сдѣлался страстнымъ охотникомъ, съ тѣхъ поръ, какъ ему подарили очень красивую англійскую левретку. Я стороною слышала, что всѣ другіе охотники потѣшались надъ нимъ и увѣряли его, что его Цирцея (такъ называлась его собака) не упускала ни одного зайца. Вообще, Чоглоковъ очень склоненъ былъ думать, что все принадлежавшее ему, его жена, его дѣти, слуги, домъ, столъ, лошади, собаки, все было на диво и чрезвычайно хорошо. Какъ вещь ни была посредственна, но какъ скоро она принадлежала ему, то онъ считалъ

долгомъ самолюбія находить ее несравненною. Однажды въ Перовѣ у меня страшно разболѣлась голова; я въ жизнь свою не помню такой головной боли; кромѣ чрезвычайной тяжести въ головѣ, я чувствовала сильную боль въ сердцѣ; меня нѣсколько разъ рвало, и малѣйшій шумъ въ комнатѣ увеличивалъ мои страданія. Я оставалась въ такомъ состояніи около сутокъ, наконецъ, заснула и на другой день уже чувствовала только слабость. Чоглокова всячески ухаживала за мною во время этой болѣзни. Вообще, всѣ люди, которыхъ помѣстили ко мнѣ, безъ сомнѣнія, изъ явнаго недоброжелательства, въ самое короткое время становились поневолѣ доброжелательны ко мнѣ; и если имъ не давали за это пощечинъ и не дѣлали новыхъ внушеній, то они начинали дѣйствовать вопреки данному приказанію, и часто совершенно располагались въ мою пользу или скорѣе поддавались тому участію, которое я вселяла въ нихъ къ себѣ. Я никогда не капризничала, не дулась на нихъ, но всегда цѣнила малѣйшую предупредительность, которую мнѣ они оказывали. Веселый нравъ мой много помогалъ мнѣ въ этомъ, потому что всѣ эти аргусы нерѣдко забавлялись моими рѣчами и мало-по-малу поневолѣ сами дѣлались веселѣе и мягче.

Въ Перовѣ ея величество вновь занемогла коликою. Она приказала перевезти себя въ Москву, и мы должны были ѣхать за нею шагомъ, до самаго дворца, т. е. около 4 верстъ. Припадокъ этотъ продолжался недолго, и вскорѣ затѣмъ императрица отправилась къ Троицѣ на богомолье. Она дала себѣ обѣтъ пройти пѣшкомъ всѣ 60 верстъ и начала это странствіе изъ Покровскаго дворца. Намъ приказано было перебраться на Троицкую дорогу, для чего мы и поселились въ Раевѣ, деревнѣ, которая принадлежала Чоглоковой, въ одиннадцати верстахъ отъ Москвы, на пути къ Троицѣ. Тамъ все наше помѣщеніе состояло изъ небольшой залы въ срединѣ дома и четырехъ крошечныхъ комнатокъ по сторонамъ. Для свиты кругомъ дома были разбиты палатки, въ одной изъ которыхъ помѣщался великій князь. Я занимала одну комнатку, Владиславова другую, Чоглоковы жили въ двухъ остальныхъ. Въ залѣ мы обѣдали. Императрица проходила версты три или четыре и потомъ нѣсколько дней отдыхала, такъ что это путешествіе продолжалось почти цѣлое лѣто. Каждый день послѣ обѣда мы ѣздили на охоту.

Когда ея величество дошла до Тайнинскаго, находящагося почти напротивъ Раева, на другой сторонѣ большой Троицкой дороги, къ намъ въ Раево началъ ежедневно пріѣзжать гетманъ, графъ Разумовскій, младшій братъ фаворита. Онъ жилъ тогда въ имѣніи своемъ Петровскомъ, что на Петербургской дорогѣ, по другую сторону Москвы. Онъ былъ очень веселаго нрава и

почти одних съ нами лѣтъ. Мы очень любили его, и мы всегда съ большимъ удовольствіемъ встрѣчали его. Обыкновенно онъ обѣдалъ у насъ и ужиналъ, а послѣ ужина уѣзжалъ къ себѣ въ Петровское, дѣлая такимъ образомъ ежедневно около 40 или 50 верстъ. Лѣтъ двадцать спустя, однажды, мнѣ вздумалось спросить его, что ему была за охота пріѣзжать къ намъ въ Раево и раздѣлять съ нами скуку и нелѣпость тамошней жизни, тогда какъ у него въ Петровскомъ ежедневно собиралось множество гостей изъ самаго лучшаго общества, какое тогда было въ Москвѣ. На этотъ вопросъ, ни минуты не задумавшись, онъ отвѣчалъ: „я былъ влюбленъ".— „Что вы!—возразила я:—да въ кого же вы могли быть влюблены у насъ?"—„Въ кого?—сказалъ онъ:—въ васъ". Это чрезвычайно меня разсмѣшило, потому что я въ жизнь свою даже и не подозрѣвала объ этой любви, тѣмъ болѣе, что онъ въ то время уже давно былъ женатъ. Императрица женила его отчасти противъ воли его на богатой невѣстѣ изъ семьи Нарышкиныхъ. Онъ жилъ съ нею, повидимому, согласно, хотя всѣ красавицы при дворѣ и въ городѣ были отъ него безъ памяти. Дѣйствительно, онъ былъ хорошъ собою, оригинальнаго нрава, очень пріятенъ въ обращеніи и умомъ несравненно превосходилъ брата своего, который также былъ красавецъ, но былъ великодушнѣе и благотворительнѣе его. Я не знала другой семьи, которая, будучи въ отмѣнной милости при дворѣ, была бы такъ любима всѣми, какъ эти братья.

Около Петрова дня императрица прислала сказать, чтобы мы пріѣхали къ ней въ Братовщину, куда мы тотчасъ же и отправились. Я очень загорѣла, и лицо у меня было все красное, потому что всю весну и часть лѣта безпрестанно ѣзжала на охоту, а въ Раевѣ по тѣснотѣ дома мы почти цѣлый день проводили на воздухѣ, уходили въ сосѣдній лѣсъ. Увидѣвъ меня въ Братовщинѣ, императрица вскрикнула отъ удивленія: такъ я перемѣнилась, и сказала, что пришлетъ мнѣ притиранія отъ загара. Дѣйствительно, она тотчасъ прислала склянку, въ которой яичный бѣлокъ былъ разведенъ лимоннымъ сокомъ и французской водкой. Она приказала выучить моихъ дѣвушекъ, какъ дѣлается это притиранье, и сколько нужно класть чего. Загаръ мой черезъ нѣсколько дней прошелъ; это притиранье я употребляла и впослѣдствіи и давала его многимъ отъ загара. Я не знаю лучшаго средства противъ воспаленія кожи. Имъ также хорошо выводить пятна, которыя по-русски называются лишай; я не припомню теперь французскаго названія; это тоже родъ воспаленія, отъ котораго кожа зудитъ. Петровъ день мы провели въ Троицкомъ монастырѣ; послѣ обѣда отъ нечего дѣлать великій князь вздумалъ устроить балъ у себя въ комнатѣ, но гостей на этомъ балѣ

было всего два его лакея и двѣ пріѣхавшія со мною горничныя, изъ которыхъ одной было за пятьдесятъ лѣтъ. Изъ Троицкаго монастыря императрица отправилась въ Тайнинское, а мы опять въ Раево, гдѣ началась прежняя жизнь. Мы оставались тамъ до половины августа, и потомъ поѣхали съ императрицею въ Софьино, въ 60 или 70 верстахъ отъ Москвы. Тамъ мы расположились въ палаткахъ. На другой день по пріѣздѣ въ Софьино мы пошли въ палатку къ императрицѣ и застали ее съ управителемъ этого помѣстья, котораго она въ ту минуту бранила. Надо сказать, что въ Софьино она пріѣхала охотиться, но, по несчастію, тамъ не было ни одного зайца. Управитель стоялъ блѣдный и дрожалъ; императрица не щадила бранныхъ словъ и была въ изступленіи отъ гнѣва. Когда мы подошли къ рукѣ, она поцѣловала насъ, какъ будто ничего не происходило, и затѣмъ снова принялась бранить управителя. Разгнѣвавшись, она обыкновенно начинала дѣлать намеки, на кого ей вздумается, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе, при чемъ произносила слова чрезвычайно быстро. Между прочимъ, она говорила, что ей очень хорошо извѣстно, какъ нужно управлять имѣніемъ, что она научилась этому въ царствованіе императрицы Анны, что, не получая большихъ доходовъ, она не позволяла себѣ роскошничать и не дѣлала долговъ, боясь погубить свою душу, что, если бы она въ то время умерла съ долгами, то никто не сталъ бы платить за нее и душа ея пошла бы въ адъ, чего она не хотѣла; что для этого, будучи у себя дома и запросто, она нарочно ходила въ самомъ простомъ костюмѣ, въ серенькомъ платьѣ и бѣлой тафтяной кофтѣ, этимъ дѣлала экономію и никакъ не позволяла себѣ наряжаться въ богатое платье въ дорогѣ. Это уже явно относилось ко мнѣ, и потому, что на мнѣ тогда было лиловое съ золотомъ платье. Я проглотила пилюлю. Мы всѣ не смѣли вымолвить слова; императрица чрезвычайно раскраснѣлась, и глаза у нея сверкали отъ гнѣва. Шутъ ея Аксаковъ положилъ конецъ этой диссертаціи, продолжавшейся слишкомъ полчаса. Онъ вошелъ въ палатку и поднесъ ей въ шапкѣ маленькаго ежа. Императрица подошла посмотрѣть, громко вскрикнула, промолвивъ: настоящая мышь! и опрометью убѣжала во внутренность палатки: она смертельно боялась мышей. Мы больше не видали ея. Она обѣдала одна и послѣ обѣда отправилась на охоту, взявъ съ собою великаго князя и приказавъ, чтобы я съ Чоглоковой ѣхала въ Москву. Мы поѣхали. Великій князь черезъ нѣсколько часовъ также явился въ Москву, потому что охота по случаю сильнаго вѣтра продолжалась недолго.

Затѣмъ мы опять поселились въ Раевѣ и оттуда въ одно воскресенье приглашены были въ Тайнинское, гдѣ имѣли честь обѣ-

дать за однимъ столомъ съ ея величествомъ. Императрица сидѣла на главномъ мѣстѣ. Великій князь по правую руку, а я—по лѣвую, напротивъ него; подлѣ великаго князя—фельдмаршалъ Бутурлинъ, а подлѣ меня—графиня Шувалова. Столъ—очень длинный и узкій. Находясь такимъ образомъ между императрицею и фельдмаршаломъ Бутурлинымъ, который любилъ выпить и подпивать, великій князь до того наклюкался, что потерялъ всякое сознаніе, не могъ связать двухъ словъ и обратилъ на себя общее вниманіе. Въ это время я всячески старалась прикрывать и сглаживать его недостатки, и потому его поведеніе довело меня до слезъ. Императрица оцѣнила мою чувствительность, и сама вышла изъ-за стола раньше обыкновеннаго. Его императорское высочество уговорился было послѣ обѣда ѣхать на охоту съ графомъ Разумовскимъ, но долженъ былъ остаться въ Тайнинскомъ, а я поѣхала назадъ въ Раево. Дорогою у меня страшно разболѣлись зубы. Становилось холодно и сыро, а въ Раевѣ, можно сказать, негдѣ было укрыться. Братъ Чоглоковой, графъ Гендриковъ, состоявшій при мнѣ въ должности камергера, хвалился сестрѣ, что онъ разомъ меня вылѣчитъ. Та сказала о томъ мнѣ, и я согласилась попробовать его лѣкарства, тѣмъ болѣе, что не видала въ немъ ничего существеннаго и скорѣе считала его шарлатанствомъ. Онъ тотчасъ вышелъ въ другую комнату и принесъ оттуда крошечный свертокъ бумаги, который я должна была положить на больной зубъ и жевать. Только-что я это сдѣлала, зубъ мой разболѣлся еще сильнѣе, и я принуждена была лечь въ постель. Меня принялась бить такая лихорадка, что я себя не помнила. Чоглокова испугалась и раскудахталась на брата, приписывая болѣзнь мою его лѣкарству. Во всю ночь она не отходила отъ моей постели, послала сказать императрицѣ, что я сильно заболѣла, и что мнѣ не возможно оставаться у нея въ Раевѣ, и однимъ словомъ хлопотала такъ усердно, что на другой же день меня перевезли въ Москву. Десять либо двѣнадцать дней я пролежала въ постели; и зубная боль моя возобновлялась ежедневно послѣ обѣда, въ одинъ и тотъ же часъ.

Въ началѣ сентября императрица отправилась въ Воскресенскій монастырь, куда намъ велѣно было явиться къ ея именинамъ. Въ этотъ день она пожаловала въ камеръюнкеры Ивана Шувалова. Это было событіемъ при дворѣ. Всѣ на ухо поздравляли другъ друга съ новымъ фаворитомъ. Шуваловъ обращалъ на себя мое вниманіе, еще будучи пажемъ, какъ прилежный и много обѣщавшій молодой человѣкъ; его всегда можно было застать съ книгой въ рукѣ, потому я очень была довольна его возвышеніемъ.

По возвращеніи изъ этой поѣздки, я снова занемогла сильной лихорадкою, къ которой присоединилась горловая боль. Въ эту бо-

лѣзнь императрица навѣстила меня. Но только-что я начала оправляться и еще не совсѣмъ окрѣпла, какъ ея величество черезъ Чоглокову приказала мнѣ быть на свадьбѣ и убирать къ вѣнцу племянницу графини Румянцевой, выходившую замужъ за Александра Нарышкина, что впослѣдствіи былъ оберъ-мундшенкомъ. Видя, что я едва начинаю выздоравливать, Чоглокова не безъ нѣкотораго неудовольствія сообщила мнѣ это приказаніе; мнѣ же оно было очень горько, ибо я могла ясно видѣть, какъ мало думали о моемъ здоровьѣ и, можетъ быть, даже о моей жизни. Я говорила о томъ съ Владиславовой, которая также не одобрила этого распоряженія, сдѣланнаго безъ толку и безъ пощады. Я собралась съ силами; въ назначенный для свадьбы день невѣсту привели ко мнѣ въ комнату. Я наколола ей мои брильянты, послѣ чего ее увезли подъ вѣнецъ въ придворную церковь. Я съ Чоглоковой и съ дворомъ моимъ должна была слѣдовать въ домъ къ Нарышкинымъ. Надо сказать, что дворецъ, гдѣ мы жили, былъ на концѣ Нѣмецкой слободы, и оттуда до дома Нарышкиныхъ надо было проѣзжать всю Москву, по крайней мѣрѣ, верстъ семь. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ около девяти часовъ вечера. Стоялъ жестокій морозъ съ гололедицей, и не было возможности иначе ѣхать, какъ самымъ тихимъ шагомъ. По крайней мѣрѣ, два съ половиной часа прошло въ дорогѣ и столько же оттуда; и изъ всей нашей свиты не было ни одного человѣка и ни одной лошади, которая бы не поскользнулась разъ или нѣсколько. Наконецъ мы добрались до Казанской церкви, неподалеку отъ такъ называемыхъ Троицкихъ воротъ. Тутъ новое затрудненіе. Въ этой церкви въ самую ту минуту вѣнчали сестру Ивана Ивановича Шувалова (которую убирала сама императрица точно такъ, какъ я Румянцеву), и по этому случаю у Троицкихъ воротъ стѣснилось множество экипажей. Мы ежеминутно должны были останавливаться, и потомъ опять начинались поскальзыванія, такъ какъ лошади не были, какъ слѣдуетъ, подкованы. Наконецъ добрались до мѣста, разумѣется, не въ очень веселомъ нравѣ. Мы долго дожидались молодыхъ, потому что они ѣхали точно такъ же, какъ и мы. Великій князь сопровождалъ молодаго; затѣмъ еще ждали императрицу, и наконецъ усѣлись за столъ. Послѣ ужина сдѣлано было въ передспальней комнатѣ нѣсколько туровъ парадныхъ танцевъ, и затѣмъ намъ сказали, чтобъ мы вели молодыхъ въ ихъ покой. Для этого надобно было миновать множество коридоровъ довольно холодныхъ, взбираться по лѣстницамъ, тоже не совсѣмъ теплымъ, потомъ проходить длинными галлереями, которыя были выстроены на скорую руку изъ сырыхъ досокъ, и гдѣ со всѣхъ сторонъ капала вода. Наконецъ добрались до комнаты, присѣли за столомъ съ десертомъ,

чтобъ выпить за здоровье молодыхъ, и новобрачную повели въ спальню, а мы отправились назадъ домой. На другой день вечеромъ надо было опять туда ѣхать. Но кто бы могъ подумать? Послѣ всей этой возни я не чувствовала себя хуже, напротивъ—на другое утро мнѣ было лучше, чѣмъ наканунѣ.

Въ началѣ зимы я стала замѣчать, что великій князь что-то очень тревоженъ. Я не знала, что бы это такое. Дрессировка собакъ прекратилась. Разъ по двадцати на день онъ являлся ко мнѣ въ комнату, съ озабоченнымъ видомъ, разсѣянный, и все о чемъ-то думалъ. Онъ накупилъ себѣ нѣмецкихъ книгъ. Но что это были за книги! Часть ихъ состояла изъ лютеранскихъ молитвенниковъ, другую составляли юридическіе процессы и разсказы о разбойникахъ, грабившихъ по большимъ дорогамъ, повѣшенныхъ или колесованныхъ. Онъ читалъ ихъ одну за другою, когда не игралъ на скрипкѣ. Я не торопилась его разспрашивать, зная напередъ, что, если у него есть что на сердцѣ, онъ не утерпитъ долго и непремѣнно разскажетъ, а разсказать было некому другому, какъ мнѣ. Наконецъ, однажды онъ открылъ мнѣ свою тревогу. Почти все лѣто, по крайней мѣрѣ, во все время нашей жизни въ Раёвѣ, на Троицкой дорогѣ, я видала великаго князя, можно сказать, только за столомъ и въ постели. Онъ приходилъ въ спальню, когда уже я спала, и вставалъ прежде, чѣмъ я просыпалась, а все остальное время проводилъ либо на охотѣ, либо въ приготовленіяхъ къ охотѣ. Подъ предлогомъ увеселенія великаго князя, Чоглоковъ выпросилъ у оберъ-егермейстера двѣ собачьи своры, одну, состоявшую изъ русскихъ собакъ и съ русскими егерями, другую—изъ французскихъ и нѣмецкихъ собакъ. За сею послѣднею ходили старый берейторъ-французъ, мальчикъ-курляндецъ и одинъ нѣмецъ. Чоглоковъ взялъ на себя завѣдываніе русскою сворой, а его императорское высочество принялъ начальство надъ иностранною, до которой Чоглоковъ уже не долженъ былъ касаться. Оба они до мельчайшихъ подробностей занимались каждый своею частью. Такимъ образомъ, его императорское высочество постоянно ходилъ въ свою собачню, либо къ нему являлись егеря докладывать о благосостояніи своры, о происшествіяхъ и нуждахъ. Короче и начисто сказать, онъ съякшался съ этими людьми, пилъ и бражничалъ съ ними на охотѣ и почти не разлучался съ ними. Тогда въ Москвѣ стоялъ Бутырскій полкъ. Въ этомъ полку былъ нѣкій капитанъ, по имени Яковъ Батуринъ, игрокъ, весь въ долгахъ, прослывшій негодяемъ, но, впрочемъ, человѣкъ очень рѣшительный. Не знаю, какъ и по какому случаю онъ свелъ знакомство съ егерями великаго князя, ходившими за французскою сворой (если не ошибаюсь, они стояли въ одномъ

мѣстѣ, недалеко отъ Мытищъ, либо Алексѣевскаго); но только егеря стали говорить великому князю, что въ Бутырскомъ полку есть одинъ капитанъ, чрезвычайно преданный его императорскому высочеству, и что, по его словамъ, весь полкъ раздѣляетъ это чувство преданности. Великій князь съ удовольствіемъ выслушалъ все это и разспрашивалъ у егерей разныя подробности о Бутырскомъ полку. Ему наговорили много дурнаго о начальникахъ и много хорошаго о подчиненныхъ. Наконецъ, Батуринъ, все черезъ егерей, испросилъ позволенія представиться великому князю во время охоты. Великій князь сначала не совсѣмъ поддавался на это, но потомъ согласился. Сказано—сдѣлано: великій князь поѣхалъ на охоту, и Батуринъ дождался его въ уединенномъ мѣстѣ. Какъ скоро они поравнялись, Батуринъ бросился на колѣни и произнесъ клятву, что онъ, кромѣ его, не признаетъ надъ собою другаго государя, и сдѣлаетъ все, что онъ прикажетъ. Великій князь разсказывалъ мнѣ, что эта клятва испугала его до чрезвычайности, что онъ въ ту же минуту пришпорилъ лошадь и оставилъ Батурина на колѣняхъ въ лѣсу, и что обогнавшіе его егеря не слыхали клятвы. Великій князь увѣрялъ, что не имѣлъ съ этимъ человѣкомъ никакихъ другихъ сношеній и даже предупреждалъ егерей, чтобъ они остерегались этого человѣка, который можетъ завести ихъ въ бѣду. Но въ настоящее время его очень тревожило полученное черезъ егерей извѣстіе, что Батуринъ схваченъ и отвезенъ въ Преображенское, гдѣ тогда находилась тайная канцелярія, вѣдавшая государственныя преступленія. Великій князь трепеталъ за егерей своихъ и боялся, чтобы самому не быть замѣшаннымъ. Относительно егерей опасенія его скоро подтвердились: ихъ черезъ нѣсколько дней арестовали и увезли въ Преображенское. Я старалась ободрить его и говорила, что ему ничего не будетъ, если только дѣйствительно его сношенія съ Батуринымъ ограничивались тѣмъ, что онъ мнѣ разсказалъ, и что по-моему вся вина его заключается въ томъ, что онъ неблагоразумно связался съ людьми такого дурного общества. Я не знаю навѣрно, дѣйствительно ли во всемъ онъ мнѣ открылся. Должно быть, было что-нибудь еще, потому что даже со мною онъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ полусловами и какъ будто нехотя; впрочемъ, это могло происходить также и отъ того, что онъ чрезвычайно трусилъ. Вскорѣ я узнала отъ него, что нѣсколько человѣкъ егерей были выпущены изъ Преображенскаго и сосланы изъ Москвы, и что они велѣли сказать ему, что на допросахъ ни разу не упоминали его имени. Великій князь прыгалъ отъ радости, получивъ это извѣстіе. Вся его тровога прошла, и обо всемъ этомъ больше не было рѣчи. Что касается до Батурина, то замыслы его дѣла вовсе не шуточны.

Я не читала послѣ и не видала его дѣла; но мнѣ сказывали навѣрное, что онъ хотѣлъ лишить жизни императрицу, поджечь дворецъ и, воспользовавшись общимъ смущеніемъ и сумятицею, возвести на престолъ великаго князя. Послѣ пытки онъ былъ осужденъ на вѣчное заточеніе въ Шлиссельбургѣ, откуда въ мое царствованіе пытался бѣжать и былъ сосланъ въ Камчатку, а изъ Камчатки убѣжалъ вмѣстѣ съ Беньовскимъ, по дорогѣ ограбилъ островъ Формозу и былъ убитъ въ Тихомъ океанѣ.

15 декабря мы поѣхали назадъ изъ Москвы въ Петербургъ. Мы ѣхали день и ночь въ открытыхъ саняхъ. Въ серединѣ дороги у меня опять страшно разболѣлись зубы; но, несмотря на то, великій князь не позволялъ закрыть сани. Едва могла я выпросить позволеніе немного спустить циновку, чтобы хоть сколько-нибудь укрыться отъ холоднаго и сыраго вѣтра, который дулъ мнѣ прямо въ лицо. Наконецъ, мы пріѣхали въ Царское Село, гдѣ застали императрицу, которая, по обыкновенію своему, обогнала насъ въ дорогѣ. Только-что вышедши изъ саней, я поспѣшила въ отведенныя намъ комнаты и послала за Боергавомъ, первымъ медикомъ ея величества, племянникомъ знаменитаго. Я просила его вырвать мнѣ этотъ зубъ, который не давалъ мнѣ покоя уже четыре или пять мѣсяцевъ. Онъ не соглашался, но я рѣшительно настаивала. Наконецъ, онъ велѣлъ позвать моего лейбъ-хирурга Гіона. Меня посадили на полъ; Боергавъ держалъ съ одной стороны, Чоглокова съ другой, и Гіонъ выдернулъ мнѣ зубъ, но въ ту минуту, какъ онъ дергалъ, изо рта у меня хлынула кровь, изъ носу потекла вода и изъ глазъ слезы. Боергавъ, обыкновенно судившій очень здраво, воскликнулъ при этомъ: „Экій неловкій!“ и, когда ему подали зубъ, сказалъ: „Я именно этого боялся и оттого не хотѣлъ, чтобъ его вырывали“. Вмѣстѣ съ зубомъ Гіонъ оторвалъ часть десны, приросшей къ зубу. Императрица стояла у дверей моей комнаты въ то время, какъ мнѣ рвали зубъ. Послѣ я узнала, что она очень сожалѣла обо мнѣ и даже плакала. Меня уложили въ постель. Несмотря на то, на другой же день мы поѣхали въ городъ опять въ открытыхъ саняхъ. Я очень страдала въ теченіе слишкомъ четырехъ недѣль и вышла изъ комнаты не раньше половины января 1750 г., потому что на щекѣ у меня долго оставались отпечатанными всѣ пять пальцевъ господина Гіона въ видѣ синихъ и желтыхъ пятенъ. Въ новый годъ, сидя за туалетомъ, я замѣтила, что парикмахеръ мой, калмыченокъ, мною воспитанный, что-то необыкновенно красенъ, и глаза у него сверкали. Я спросила, что съ нимъ. Онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ жаръ и сильную головную боль. Я приказала ему лечь въ постель, потому что онъ былъ дѣйствительно боленъ. Онъ ушелъ

и вечеромъ мнѣ сказали, что у него началась оспа. Я очень боялась заразиться оспою, но не заразилась, хотя онъ мнѣ чесалъ голову.

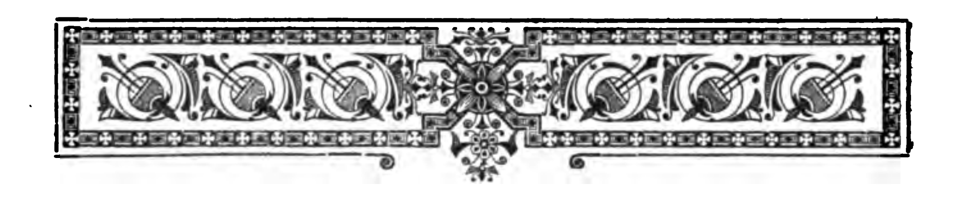
Почти всю масленицу императрица прожила въ Царскомъ Селѣ. Въ Петербургѣ было совсѣмъ пусто. Большая часть достаточныхъ людей жили въ немъ по обязанности, отнюдь не по собственному желанію, и когда дворъ возвратился изъ Москвы, почти всѣ придворные, чтобы остаться въ Москвѣ, наперерывъ брали отпускъ, кто на годъ, кто на шесть мѣсяцевъ, кто на мѣсяцъ или на нѣсколько недѣль. Точно то же дѣлали должностныя лица, сенаторы и проч.; если же нельзя было получить отпуска, то являлись разные предлоги, мнимыя и настоящія болѣзни мужей, отцовъ, женъ, братьевъ, матерей, сестеръ или дѣтей, тяжбы, либо другія неотлагаемыя дѣла; однимъ словомъ, прошло слишкомъ шесть мѣсяцевъ, прежде чѣмъ дворъ и городъ снова населились, какъ были передъ отъѣздомъ императрицы въ Москву; и въ этотъ промежутокъ петербургскія улицы поросли травою, потому что ѣзда въ экипажахъ почти совсѣмъ прекратилась. При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, нельзя было разсчитывать на многочисленное общество, и особенно намъ, которыхъ держали взаперти. Чтобы сколько-нибудь развлечь насъ съ великимъ княземъ, или, скорѣе, сами не зная, что дѣлать отъ скуки, Чоглоковъ и жена его ежедневно послѣ обѣда приглашали насъ на карточную игру въ отдѣленіе, которое они занимали во дворцѣ, и которое состояло изъ четырехъ или пяти весьма небольшихъ комнатъ. Туда являлись также кавалеры и дамы двора, и въ томъ числѣ принцесса Курляндская, дочь герцога Эрнеста-Іоанна Бирона, бывшаго фаворитомъ императрицы Анны. Императрица Елисавета вызвала герцога этого изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ въ правленіе принцессы Анны, и назначила ему для житья городъ Ярославль, что на Волгѣ. Тамъ онъ жилъ съ женою, сыновьями и дочерью. Сія послѣдняя не отличалась ни красотою, ни стройностью, напротивъ—была маленькаго роста и съ горбомъ назади, но она имѣла прекрасные глаза и была одарена умомъ и необыкновенною способностью интриговать. Родители не слишкомъ ее жаловали и, по ея словамъ, обращались съ нею дурно. Въ одинъ прекрасный день она сумѣла выбраться изъ-подъ отеческаго крова и убѣжала къ госпожѣ Пушкиной, женѣ ярославскаго воеводы. Пушкина обрадовалась случаю обратить на себя вниманіе при дворѣ, привезла принцессу въ Москву и съ помощью графини Шуваловой умѣла представить ее несчастною жертвою родительскихъ преслѣдованій, которыя будто она навлекла на себя усердіемъ своимъ къ православной вѣрѣ. Дѣло повернули быстро и тотчасъ же положили окрестить ее. Императрица была крестною матерью, и принцессу поселили съ

фрейлинами ея величества. Чоглоковъ вообразилъ своимъ долгомъ оказывать ей особенное вниманіе, потому что старшій братъ ея нѣкогда вывелъ его въ люди, взявши изъ кадетскаго корпуса, гдѣ онъ воспитывался, въ конную гвардію, и держа его при себѣ въ родѣ прислуги. Такимъ образомъ принцесса Курляндская втерлась въ наше общество и ежедневно по нѣскольку часовъ играла въ карты со мною, великимъ княземъ и Чоглоковою. Сначала она вела себя какъ нельзя скромнѣе. Она была вкрадчива умомъ своимъ, заставляла забывать непріятное впечатлѣніе, производимое ея наружностью, особливо, когда сидѣла. Съ кѣмъ бы ни говорила, она всякому умѣла сказать что-нибудь пріятное. Всѣ смотрѣли на нее, какъ на интересную сиротку, безъ связей и безъ помощи. Въ глазахъ великаго князя она имѣла еще одно достоинство, весьма, по его мнѣнію, важное: она была въ нѣкоторомъ родѣ иностранная принцесса, да еще принцесса нѣмецкая, вслѣдствіе чего онъ объяснялся съ нею не иначе, какъ по-нѣмецки; она его плѣняла этимъ, и онъ началъ оказывать ей всевозможное вниманіе, къ какому только былъ способенъ. Когда она обѣдала у себя, онъ посылалъ ей вино и лакомыхъ блюдъ со стола своего, или доставши какую-нибудь новую гренадерскую каску или перевязь, посылалъ ихъ показывать ей. Ей было тогда около 24 или 25 лѣтъ. Кромѣ принцессы Курляндской, дворъ сдѣлалъ въ Москвѣ еще другія пріобрѣтенія: именно, императрица взяла ко двору двухъ графинь Воронцовыхъ, племянницъ вице-канцлера, дочерей младшаго его брата, графа Романа. Старшей, Маріи, было въ то время около 14 лѣтъ. Она поступила въ число фрейлинъ императрицы. Младшую Елисавету, одиннадцати лѣтъ, отдали мнѣ. Это была дѣвочка очень невзрачная, оливковаго цвѣта лица и до чрезвычайности нечистоплотная.

Къ концу масленицы ея величество возвратилась въ городъ. На первой недѣлѣ поста мы стали говѣть. Въ среду вечеромъ я должна была идти въ баню, въ домъ къ Чоглоковымъ; но наканунѣ Чоглокова пришла ко мнѣ въ комнату и, увидавъ великаго князя, который сидѣлъ у меня, сказала ему отъ имени императрицы, чтобы онъ также сходилъ въ баню. Надо замѣтить, что бани и всѣ русскіе обычаи и мѣстные нравы были не только непріятны великому князю, но онъ ихъ просто ненавидѣлъ. Онъ начисто объявилъ, что не пойдетъ въ баню. Но Чоглокова не меньше его была упряма и не умѣла удерживать языкъ свой. Она сказала ему, что это значитъ неповиновеніе ея императорскому величеству. Онъ стоялъ на своемъ и говорилъ, что не слѣдуетъ приказывать ему поступать вопреки своей природѣ, что онъ знаетъ, какъ ему вредна баня (онъ въ ней ни разу не бывалъ), что ему вовсе не хочется умереть, что нѣтъ

ничего дороже жизни, и что императрица не можетъ заставить его идти въ баню. На это Чоглокова стала говорить, что ея величество суметъ наказать его за такое неповиновеніе. Тутъ великій князь разсердился еще больше и съ жаромъ сказалъ: „посмотримъ, что она со мною сдѣлаетъ; вѣдь я не ребенокъ". Тогда Чоглокова погрозилась, что императрица посадитъ его въ крѣпость. Послѣ этого онъ принялся горько плакать; они наговорили другъ другу самыхъ оскорбительныхъ вещей, и, по правдѣ сказать, оба показали, какъ мало въ нихъ человѣческаго смысла. Наконецъ Чоглокова ушла, объявивъ, что все отъ слова до слова перескажетъ императрицѣ. Не знаю, исполнила ли она эту угрозу, но только она вернулась и совершенно неожиданно повела рѣчь совсѣмъ о другомъ. Именно она объявила, что императрица чрезвычайно гнѣвается на насъ, отчего у насъ нѣтъ дѣтей, и желаетъ знать, кто изъ насъ обоихъ виноватъ въ этомъ, и что поэтому она пришлетъ ко мнѣ повивальную бабушку, а къ нему доктора. Къ этому Чоглокова прибавила еще нѣсколько другихъ оскорбительныхъ и безсмысленныхъ словъ и въ заключеніе сказала, что императрица разрѣшаетъ намъ не говѣть эту недѣлю, такъ какъ великій князь сказалъ, что баня вредна для его здоровья. Надо замѣтить, что въ обоихъ этихъ разговорахъ я почти не участвовала ни полсловомъ, во-первыхъ, потому, что они оба чрезвычайно горячились и не давали мнѣ говорить, а, во-вторыхъ, потому, что я видѣла, до какой степени они оба безсмысленны. Не знаю, какъ разсудила о томъ императрица, но только послѣ вышеописанной сцены не было рѣчи ни о банѣ, ни о дѣтяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки кн. Адама Чарторыйскаго).

(1795—1805).

III.

Свиданіе съ Александромъ въ Таврическомъ дворцѣ.—Знаменательный разговоръ. — Начало дружбы. — Вліяніе Гатчины на Александра. — Ошибка Екатерины. — Рожденіе великаго князя Николая Павловича. — Воспитаніе Александра. — Роль Лагарпа.—Н. И. Салтыковъ. — Графъ Протасовъ. — Сакенъ.— Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.—Баронъ Будбергъ.—Пріѣздъ шведскаго короля.—Великая княгиня Александра Павловна.—Графъ Морковъ.—Неожиданный разрывъ.—Отъѣздъ Густава IV.—Кончина Екатерины.

Во время вскрытія Ладожскаго озера и прохода его льдинъ по Невѣ, въ Петербургѣ обыкновенно начинается рѣзкій холодъ; это бываетъ почти всегда въ концѣ апрѣля, но до этого времени выдаются ясные солнечные дни, при холодѣ, не превышающемъ нѣсколько градусовъ. И тогда набережныя переполнены гуляющими. Тутъ можно встрѣтить все общество: дамъ въ тщательныхъ утреннихъ туалетахъ, точно также и кавалеровъ.

Великій князь Александръ часто гулялъ по набережнымъ, иногда одинъ, иногда съ великою княгинею, и это еще болѣе привлекало туда великосвѣтскую толпу. Мы съ братомъ также были въ числѣ гуляющихъ, и каждый разъ, какъ великій князь встрѣчалъ одного изъ насъ, онъ останавливался, вступалъ съ нами въ разговоры и оказывалъ намъ особое благоволеніе.

Эти утреннія встрѣчи нѣкоторымъ образомъ служили продолженіемъ придворныхъ вечеровъ, и наши сношенія съ великимъ княземъ съ каждымъ днемъ принимали характеръ болѣе близкаго знакомства. Дворъ по обыкновенію переѣзжалъ весною въ Таврическій дворецъ, гдѣ императрица Екатерина жила менѣе открыто и допу-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь 1906 г.

скала къ себѣ по вечерамъ лишь избранное общество, въ которое не включалась толпа придворныхъ чиновъ, развѣ по случаю концертовъ, на которые разсылались отдѣльныя приглашенія. Великій князь еще не прекращалъ своихъ прогулокъ по набережной. Однажды, встрѣтясь со мною, онъ выразилъ сожалѣніе, что мы рѣдко видимся, и пригласилъ меня посѣтить его въ Таврическомъ дворцѣ и прогуляться съ нимъ по садамъ, которые онъ хотѣлъ мнѣ показать. Онъ назначилъ мнѣ день и часъ.

Весна уже установилась и, какъ бываетъ въ этомъ климатѣ, природа наверстала упущенное время: растительность быстро развивалась въ нѣсколько дней; все зеленѣло и цвѣло.

Въ назначенный день и часъ я не приминулъ явиться въ Таврическій дворецъ. Жалѣю, что не записалъ числа: этотъ день имѣлъ рѣшительное вліяніе на значительную часть моей жизни и на судьбу моего отечества. Съ этого знаменательнаго для меня дня и разговора начинается моя преданность великому князю, могу сказать, моя дружба и рядъ событій, счастливыхъ и несчастныхъ, цѣпь коихъ еще длится и даетъ себя чувствовать въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Какъ только я вошелъ, великій князь взялъ меня за руку и предложилъ мнѣ пойти въ садъ, чтобы я посудилъ, сказалъ онъ, объ искусствѣ англійскаго садовника, сумѣвшаго придать саду много разнообразія и распорядиться такъ, что ни откуда не видно предѣловъ его весьма ограниченнаго пространства. Мы исходили садъ во всѣхъ направленіяхъ во время трехчасоваго, неумолкаемаго и оживленнаго разговора. Великій князь сказалъ мнѣ, что наше поведеніе (моего брата и мое), наша покорность судьбѣ, столь для насъ тягостной, спокойствіе и равнодушіе, съ коимъ мы все приняли, не придавая цѣны ничему и не отвергая милостей для насъ стѣснительныхъ, внушили ему къ намъ уваженіе и довѣріе, что онъ сочувствуетъ нашимъ побужденіямъ, что онъ угадываетъ ихъ и одобряетъ; что онъ ощутилъ потребность познакомить насъ съ истиннымъ своимъ образомъ мыслей, что онъ не можетъ помириться съ мыслью, чтобы мы имѣли о немъ понятіе, несогласное съ дѣйствительностью. Онъ сказалъ мнѣ затѣмъ, что онъ нисколько не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ кабинета и двора, что онъ далеко не одобряетъ политики и образа дѣйствій своей бабки, что всѣ его желанія были за Польшу и за успѣхъ ея славной борьбы, что онъ оплакивалъ ея паденіе; Косцюшко въ его глазахъ былъ человѣкомъ великимъ по своимъ добродѣтелямъ и потому, что защищалъ дѣло правды и человѣчества. Онъ сознался мнѣ, что онъ ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди; что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за фран-

цузскою революціею; что, осуждая ея крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ. Онъ съ благоговѣніемъ говорилъ мнѣ о своемъ наставникѣ, г. Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, истинной мудрости, строгихъ правилъ, сильнаго характера. Ему онъ былъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что онъ знаетъ; ему въ особенности онъ былъ обязанъ всѣми началами истины и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастье носить въ своемъ сердцѣ и которыя развилъ въ немъ Лагарпъ. Прохаживаясь вдоль и поперекъ по саду, мы нѣсколько разъ встрѣтили великую княгиню, прогуливавшуюся отдѣльно. Великій князь сказалъ мнѣ, что его супруга—повѣренная всѣхъ его мыслей, что она одна знаетъ и раздѣляетъ его чувства, но что, за исключеніемъ жены, я первое и единственное лицо, съ которымъ послѣ отъѣзда его наставника, онъ рѣшился о нихъ говорить; что онъ не можетъ довѣрить этихъ мыслей никому, ибо никто въ Россіи еще не способенъ раздѣлить ихъ или даже понять; при этомъ великій князь высказалъ мнѣ, насколько ему будетъ отрадно имѣть человѣка, съ которымъ онъ можетъ говорить откровенно и съ полнымъ довѣріемъ.

Этотъ разговоръ, какъ легко себѣ представить, сопровождался изъявленіями дружбы съ его стороны, а съ моей выраженіями удивленія, благодарности и увѣреніями въ преданности. Онъ отпустилъ меня, сказавъ, что постарается видѣться со мною какъ можно чаще, и предписалъ мнѣ крайнюю осторожность и безусловную тайну; впрочемъ онъ позволилъ мнѣ сообщить брату содержаніе нашего разговора.

Я разстался съ великимъ княземъ глубоко взволнованный, не зная, сонъ ли это, или дѣйствительность. Я не хотѣлъ вѣрить, что наслѣдникъ Екатерины, ея любимый внукъ и воспитанникъ, тотъ, кого она мечтала, обойдя сына, возвести послѣ себя на престолъ, тотъ, о которомъ говорили, что въ немъ возродится духъ Екатерины—этотъ самый великій князь отрицалъ правила своей бабки, отрекался отъ нихъ и не сочувствовалъ ея политикѣ! Онъ страстно любилъ свободу и правду, онъ жалѣлъ о Польшѣ и хотѣлъ бы видѣть ее счастливою! Не было ли чудомъ, что въ этой обстановкѣ могли развиться столь благородные помыслы, столь высокія добродѣтели?

Я былъ молодъ, исполненъ восторженныхъ мыслей и чувствъ; самыя необычайныя вещи меня не удивляли; я охотно вѣрилъ всему, что казалось мнѣ величіемъ и добродѣтелью. Я легко поддался понятному очарованію. Въ словахъ и въ поведеніи этого царственнаго юноши было столько искренности, чистоты, столько рѣшительности, повидимому несокрушимой, столько самозабвенія и великодушія, что онъ казался мнѣ существомъ, избраннымъ свыше, ниспосланнымъ

Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей родины. И я возымѣлъ къ нему безграничную привязанность, и чувство, которыя онъ внушалъ мнѣ въ эту первую минуту, пережило даже постепенное разочарованіе въ возбужденныхъ имъ надеждахъ: позже оно устояло противъ всѣхъ ударовъ, нанесенныхъ ему самимъ Александромъ, и никогда не угасло, несмотря на всѣ причины, на всѣ печальныя разочарованія. Я сообщилъ моему брату о бывшемъ между нами разговорѣ и, изливши другъ передъ другомъ нашъ восторгъ и наше удивленіе, мы вмѣстѣ предались мечтамъ о свѣтломъ будущемъ, которое, казалось, раскрывалось передъ нами. Слѣдуетъ припомнить, что въ то время такъ называемыя либеральныя воззрѣнія были гораздо менѣе распространены, чѣмъ теперь, что они еще не проникали во всѣ классы общества и въ кабинеты государей, и что все на нихъ похожее, напротивъ того, клеймилось и предавалось анаѳемѣ при дворахъ и въ салонахъ большинства европейскихъ столицъ; въ особенности въ Россіи и въ Петербургѣ, гдѣ всѣ воззрѣнія стараго французскаго строя, доведенныя до крайности, привились къ русскому деспотизму и рабо-лѣпству. Встрѣтить среди этихъ элементовъ человѣка, призваннаго царствовать надъ этимъ народомъ, оказать огромное вліяніе на Европу, съ мнѣніями столь рѣшительными, столь благородными, столь противуположными существующему порядку, — не была ли то самая счастливая, самая знаменательная случайность?

Черезъ сорокъ лѣтъ оглядывая событія, совершившіяся и послѣ этого разговора, слишкомъ ясно видишь, какъ мало они соотвѣтствовали надеждамъ, которыя были ими въ насъ вызваны. Причина была та, что въ то время либеральныя идеи являлись для насъ въ сіяніи, которое съ тѣхъ поръ поблекло, и попытки приложить ихъ къ дѣлу привели къ жестокимъ разочарованіямъ. Французская республика, очнувшись отъ террора, казалось, шла непобѣдимымъ шагомъ къ дивной будущности, счастливой и славной. 1796 и 1797 годы были лучшимъ ея временемъ. Имперія еще не охладила и не сбила съ толку самыхъ горячихъ приверженцевъ революціи. Пусть представятъ себѣ наши польскія чувства, наши желанія, нашу неопытность, нашу вѣру въ конечный успѣхъ правды и свободы, и тогда легко поймутъ, что въ то время мы съ восторгомъ предались самымъ заманчивымъ мечтамъ.

Послѣ этого знаменательнаго разговора, мы въ теченіе нѣсколькихъ дней не находили случая къ бесѣдамъ съ великимъ княземъ, но при всякой встрѣчѣ мы обмѣнивались дружескими словами, многозначительными взглядами.

Вскорѣ дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Обыкновенно всѣ придворные чины пріѣзжали туда въ праздничные и въ воскресные

дни, присутствовали у обѣдни, обѣдали, проводили вечеръ. Иные оставались ночевать и даже проводили по нѣскольку времени въ маленькихъ домикахъ, окружавшихъ дворъ противъ дворца, и въ которыхъ жить было весьма неудобно, или въ городѣ (гдѣ жить было столь же неудобно, но нѣсколько свободнѣе), въ домахъ, въ коихъ кромѣ стѣнъ, дверей и оконъ ничего не было. Великій князь приглашалъ насъ пріѣзжать почаще въ Царское Село, чтобы имѣть случай проводить болѣе времени вмѣстѣ. Онъ любилъ наше общество и искалъ его, ибо только съ нами могъ говорить онъ откровенно и высказывать всѣ свои мысли. Мы имѣли право являться въ апартаменты дворца, когда императрица выходила туда по вечерамъ, участвовать въ прогулкахъ и въ игрѣ въ бары, что повторялось каждый разъ, какъ была хорошая погода, или присоединяться къ придворнымъ, собиравшимся подъ колоннадою въ той части дворца, которую императрица предпочитала всѣмъ прочимъ и которая соприкасалась съ ея внутренними покоями. Въ обыкновенные дни за столомъ императрицы обѣдали лишь дежурные. Однажды мнѣ выпалъ этотъ случай. Я былъ помѣщенъ противъ Екатерины и ей прислуживалъ, что исполнялъ довольно неловко.

Мы часто выѣзжали въ Царское Село и вскорѣ поселились въ немъ почти на все лѣто. Наши сношенія съ великимъ княземъ были въ высшей степени завлекательны. Это было своего рода франъ-масонство. коему не оставалась чуждою и великая княгиня. Эта близость, возникшая при такихъ условіяхъ была намъ дорога и вызывала разговоры, которые мы прерывали лишь нехотя, обѣщая другъ другу возобновлять ихъ. Политическія мнѣнія, которыя нынѣ показались бы избитыми общими мѣстами, были тогда животрепещущими новостями; и тайна, которую мы должны были соблюдать, мысль, что это происходитъ передъ глазами двора, погрязшаго въ предразсудкахъ абсолютизма, на зло всѣмъ этимъ министрамъ, столь убѣжденнымъ въ своей непогрѣшимости, придавала еще болѣе занимательности и соли этимъ сношеніямъ, которыя становились все болѣе частыми и близкими.

Императрвца Екатерина повидимому благосклонно относилась къ близости, возникавшей между ея внукомъ и нами; она одобрила это сближеніе, не угадывая, конечно, ни истиннаго его повода, ни послѣдствій. Полагаю, что по ея представленіямъ и по стариннымъ воззрѣніямъ на значеніе аристократіи, она сочла полезнымъ привязать къ своему внуку представителей вліятельной польской семьи. Она не подозрѣвала, что эта дружба укрѣпитъ его въ мнѣніяхъ, внушавшихъ ей опасенія и ненависть, и что она будетъ одною изъ тысячи причинъ успѣха либеральныхъ идей въ Европѣ, и, увы, кратко-

временнаго появленія на политической сценѣ Польши, которую она считала на всегда похороненною. Одобреніе, высказанное императрицею этому сближенію, заставило молчать всѣхъ недоброжелателей и поощрило насъ въ нашихъ сношеніяхъ, и безъ того столь привлекательныхъ.

Великій князь Константинъ, изъ подражанія и угодливости императрицѣ, также возымѣлъ дружбу къ моему брату, сталъ приглашать его къ себѣ, вводить его насильно въ свой семейный кругъ, но при этихъ сношеніяхъ о политикѣ и рѣчи не было. Судьба въ этомъ отношеніи не благопріятствовала моему брату; ни одинъ изъ поводовъ, сблизившихъ насъ съ Александромъ, не существовалъ относительно Константина; и его характеръ капризный, вспыльчивый, не знавшій никакого удержу, кромѣ страха, внушалъ мало желанія съ нимъ сближаться. Великій князь Александръ попросилъ моего брата не уклоняться отъ этого сближенія, но только скрывать наши тайные разговоры отъ Константина, къ которому, впрочемъ, онъ питалъ братскія чувства.

Великій князь въ началѣ этого лѣта жилъ въ большомъ зданіи и еще не переселялся въ отдѣльный расположенный въ паркѣ, дворецъ, который велѣла для него выстроить императрица и который только-что былъ оконченъ. Въ теченіе нѣкотораго времени посѣщеніе этого дворца служило намъ цѣлью въ нашихъ послѣобѣденныхъ прогулкахъ. Великій князь, наконецъ, переселился туда, и тогда наши свиданія стали гораздо болѣе свободными. Онъ часто оставлялъ насъ обѣдать у себя, и рѣдко проходилъ день безъ того, чтобы одинъ изъ насъ не ходилъ къ нему ужинать, когда изъ Большаго Дворца разъѣзжались. По утрамъ мы прогуливались пѣшкомъ, дѣлая иногда по нѣскольку верстъ. Великій князь любилъ ходить пѣшкомъ, заходить въ окрестныя деревни и тутъ въ особенности предавался онъ любимымъ своимъ разговорамъ. Онъ находился подъ обаяніемъ едва начинавшейся юности, создающей себѣ образы, утѣшающей себя ими, не останавливающейся на препятствіяхъ, создающей безконечные планы для будущаго. Мнѣнія его были мнѣніями школьника 89-го года, который желалъ бы видѣть повсюду республику и считалъ эту форму правленія единственною, сообразною съ желаніями и правами человѣчества. Хотя я самъ въ это время былъ очень восторженъ, хотя родился и выросъ въ республикѣ, съ жаромъ принявшей всѣ начала французской революціи, тѣмъ не менѣе, въ нашихъ спорахъ я всегда склонялся въ сторону благоразумія и старался умѣрять крайнія мнѣнія великаго князя. Между прочимъ, онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола есть установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи, которая сумѣетъ из-

брать способнѣйшаго къ управленію ею. Возражая ему, я старался представить ему всѣ доводы противъ этого мнѣнія, указывалъ на трудность и случайность избранія, на все то, что отъ этого претерпѣла Польша и какъ мало Россія была подготовлена къ такому порядку вещей. Я присовокуплялъ, что, на этотъ разъ по крайней мѣрѣ, Россія отъ этого ничего не выиграла бы, ибо она лишилась бы того, кто всѣхъ достойнѣе верховной власти, чьи намѣренія самыя благодѣтельныя и самыя чистыя. По этому поводу у насъ шли нескончаемыя пренія. Иногда во время нашихъ долгихъ прогулокъ, разговоръ обращался къ инымъ предметамъ. Дѣло шло уже не о политикѣ, а о природѣ. Юный великій князь восторгался ея красотами. Нужна была большая склонность къ наслажденіямъ этого рода, чтобы находить ихъ въ мѣстности, по которой мы совершали свои прогулки; но такъ какъ все въ этомъ мірѣ относительно, то великій князь восхищался цвѣткомъ, зеленью дерева, нѣсколько открытымъ видомъ съ небольшаго пригорка, ибо нѣтъ ничего менѣе живописнаго, болѣе некрасиваго, чѣмъ окрестности Петербурга. Александръ очень любилъ земледѣльцевъ и наивную красоту крестьянокъ. Сельскія занятія, сельскіе труды, жизнь простая и тихая на хорошенькой фермѣ, въ странѣ отдаленной и цвѣтущей,—вотъ идеалъ, который ему хотѣлось осуществить и къ которому онъ постоянно стремился.

Я очень хорошо чувствовалъ, что такія мечты ему не пристали, что при столь высокомъ призваніи и для того, чтобы произвести въ общественномъ строѣ великія и счастливыя перемѣны, нужно было болѣе возвышенности, болѣе силы, болѣе вѣры въ себя, чѣмъ имѣлъ ихъ великій князь, что въ своемъ положеніи онъ заслуживалъ порицанія за то, что желалъ сбросить съ себя громадное бремя, ему предназначенное, мечтая о досугахъ спокойной жизни; что сознавать трудности своего положенія и страшиться ихъ недостаточно, но что слѣдуетъ стремиться къ ихъ продолженію. Эти размышленія приходили мнѣ на умъ лишь по временамъ, но и тогда, когда истина ихъ болѣе всего меня поражала, они не уменьшали моего восторга и моей преданности къ великому князю. Его искренность, его прямота, легкость, съ которою онъ предавался прекраснымъ заблужденіямъ, имѣли свою неотразимую прелесть. При томъ же онъ былъ еще такъ молодъ, что могъ пріобрѣсти все то, чего ему не доставало; обстоятельства, необходимость—могли развить способности, не имѣвшія ни времени, ни случая обнаружиться; но его воззрѣнія, его намѣренія оставались чистымъ золотомъ, и хотя онъ съ тѣхъ поръ сильно измѣнился, однако до своей кончины сохранилъ онъ нѣкоторые вкусы и мнѣнія своей юности.

Многія лица, въ особенности изъ моихъ соотечественниковъ, упрекали меня впослѣдствіи за то, что я слишкомъ поддался увѣреніямъ Александра; я часто отстаивалъ передъ его порицателями искренность и неподдѣльность его мнѣній. Впечатлѣніе, произведенное первыми годами нашего знакомства, не могло изгладиться. Нѣтъ сомнѣнія, что когда 19-ти лѣтній Александръ изливалъ мнѣ подъ величайшею тайною волнующія его душу сомнѣнія и чувства, которыя онъ отъ всѣхъ скрывалъ,—онъ дѣйствительно испытывалъ ихъ и чувствовалъ потребность съ кѣмъ-нибудь подѣлиться ими. Какое иное побужденіе могло тогда быть у него? Кого хотѣлъ бы онъ обмануть? Онъ, очевидно, повиновался влеченію своего сердца и довѣрялъ мнѣ истинныя свои мысли. Впослѣдствіи я еще буду имѣть случай вернуться къ этому предмету, говоря объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ характерѣ этого государя.

Но кромѣ описанныхъ выше великодушныхъ наклонностей и стремленій у великаго князя Александра было еще одно влеченіе, которому онъ предавался съ особеннымъ рвеніемъ и которое онъ, повидимому, унаслѣдовалъ отъ своего отца—это любовь къ военной выправкѣ, смотрамъ и ученіямъ, словомъ,—та парадоманія, та страсть къ чисто внѣшней, показной сторонѣ военнаго дѣла, происхожденіе которой надо искать въ Гатчинѣ и ея пресловутой арміи.

Императрица Екатерина, пожаловавшая своему сыну почетный титулъ генералъ-адмирала флота, предоставила ему также имѣніе Гатчину, устройствомъ котораго великій князь занялся съ обычной ему стремительностью. Здѣсь, хотя и въ миніатюрномъ масштабѣ, онъ могъ осуществить свой прусскій идеалъ и создать себѣ маленькое Гатчинское государство, на которое Екатерина снисходительно смотрѣла какъ на безвредную затѣю. Насколько помню, Гатчинская „армія" состояла изъ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, кирасиръ, гусаръ, артиллеріи и морскихъ командъ. Здѣсь Павелъ распоряжался вполнѣ самостоятельно, награждалъ чинами, орденами, граматами и рескриптами, которые впрочемъ имѣли значеніе только въ Гатчинѣ.

Оба великіе князя получили командованіе въ этихъ войскахъ, и надо сказать, что какъ Александръ, такъ и Константинъ чрезвычайно серьезно относились къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, и самымъ ревностнымъ образомъ входили во всѣ мелочи военной службы, стараясь доказать отцу свое рвеніе къ службѣ. При томъ же самолюбію ихъ льстило, что на нихъ лежала отвѣтственность за ввѣренныя имъ части, и молодые люди гордились сознаніемъ, что въ этой миніатюрной арміи они играютъ уже извѣстную роль, въ то время какъ при Большомъ дворѣ они находились

на положеніи любимыхъ внуковъ бабушки, смотрѣвшей на нихъ почти какъ на дѣтей. И это была большая ошибка Екатерины, которая, несмотря на заботу о ихъ образованіи (особенно же Александра), не предоставила имъ живой активной дѣятельности. Послѣдствія этого были самыя плачевныя, особенно для Александра, какъ будущаго императора. Оба великіе князя въ душѣ считали себя въ рядахъ Гатчинской арміи, но отнюдь не въ русской; Гатчина была для нихъ особымъ міромъ, и мнѣ нерѣдко приходилось слышать какъ въ разговорѣ между собою братья съ особеннымъ оттѣнкомъ говорили: „это по-нашему, по-гатчински". Я помню, что, когда императрица однажды захотѣла отправить Александра съ генераломъ Кутузовымъ для инспектированія крѣпостей по шведской границѣ, великій князь не выказалъ при этомъ никакого интереса, и дѣло это окончилось ничѣмъ. А между тѣмъ всѣ мелочи гатчинскихъ вахтъ-парадовъ и смотровъ его интересовали, и впослѣдствіи въ теченіе всего его царствованія парадоманія, эта эпидемическая болѣзнь многихъ монарховъ, заставила его потерять много драгоцѣннаго времени, которое онъ съ успѣхомъ могъ бы употребить на пользу государственную. Эта же парадоманія явилась звеномъ, связывавшимъ его особенною дружбою съ Константиномъ, котораго онъ считалъ великимъ знатокомъ военнаго дѣла.

Въ этомъ (1796) году произошло событіе, имѣвшее впослѣдствіи огромное значеніе для Европы и самыя плачевныя послѣдствія для Польши. У великой княгини Маріи Ѳеодоровны родился сынъ. Крещеніе новорожденнаго съ большою торжественностью совершено въ Царскомъ Селѣ. Въ обширной Дворцовой церкви собрался Дворъ и всѣ высшіе сановники Имперіи и дипломатическій корпусъ. Не помню, какіе именно послы держали новорожденнаго отъ имени ихъ монарховъ, младенецъ же получилъ имя Николая. Смотря на этого миловиднаго ребенка, лежавшаго на подушкахъ, я не могъ предвидѣть, что это слабое, нѣжное существо сдѣлается со временемъ бичемъ моей родины.

Одною изъ причинъ, невольно привлекавшихъ Александра и Константина къ ихъ отцу, являлось и болѣе благородное высокое чувство, внушавшее симпатію къ Гатчинскому Двору. На воображеніе обоихъ великихъ князей, несомнѣнно, производила сильное впечатлѣніе необычайная рѣзкость, почти жескокость Екатерины, не позволявшей своему сыну и его супругѣ пользоваться законнымъ родительскимъ правомъ по отношенію къ дѣтямъ. Едва только у Маріи Ѳеодоровны рождался ребенокъ, его немедленно отбирали у матери, и вмѣстѣ съ другими своими братьями и сестрами онъ переходилъ на попеченіе бабки. Пока императрица Екатерина была жива, ни

одинъ изъ дѣтей Павла не былъ предоставленъ своимъ родителямъ. Такая несправедливость сильно возмущала обоихъ великихъ князей и отдаляла ихъ отъ императрицы, особенно Александра, который въ душѣ совершенно не сочувствовалъ политикѣ своей бабки. Что касается Константина, то, хотя онъ и не раздѣлялъ многихъ либеральныхъ воззрѣній своего брата, но въ томъ, что касалось нравовъ и распущенности Екатерининскаго Двора, онъ съ такимъ же недоброжелательствомъ относился къ своей бабкѣ. Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ него крайне рѣзкіе отзывы объ императрицѣ, и даже послѣ ея смерти онъ относился къ ея памяти съ необычайной суровостью.

Дружественныя отношенія наши съ в. к. Александромъ не могли, къ сожалѣнію, повліять на смягченіе участи плѣнныхъ нашихъ соотечественниковъ, томившихся въ крѣпости или жившихъ въ городѣ подъ арестомъ. Мы часто бесѣдовали съ нимъ о Косцюшкѣ, къ судьбѣ котораго Александръ относился съ большимъ сочувствіемъ, но, робкій по природѣ и не имѣя по своему положенію никакой власти, онъ не считалъ себя даже въ правѣ ходатайствовать за него. Несмотря на то, что Александръ всегда считался любимымъ внукомъ Екатерины, онъ, не взирая на свое положеніе, какъ будущаго государя, не имѣлъ никакого вліянія на дѣла, въ которыя его и не посвящали.

Совершенно непонятно, почему Екатерина, несомнѣнно, смотрѣвшая на Александра, какъ на своего наслѣдника и продолжателя ея славнаго царствованія, не подготовила его съ самаго начала къ этой тяжелой и отвѣтственной задачѣ и не пріучала постепенно къ дѣламъ государственнымъ, посвящая его въ тѣ или другія отрасли управленія. Ничего подобнаго не было сдѣлано [1]). Допуская даже, что великій князь не успѣлъ бы даже усвоить себѣ въ совершенствѣ многихъ необходимыхъ познаній, но во всякомъ случаѣ онъ пріучился бы къ серьезному труду и это спасло бы его отъ праздности, этой обычной спутницы придворной жизни. Эта жизнь, устроенная по

[1]) Обвиненіе это едва-ли справедливо, если принять во вниманіе ту заботливость, которую Екатерина проявила къ воспитанію и образованію Александра цѣлымъ рядомъ инструкцій его воспитателямъ и литературно-педагогическихъ произведеній, спеціально ему посвященныхъ. Надо помнить, что въ описываемую эпоху Александру было всего 18 лѣтъ, и поэтому вполнѣ естественно, что императрица считала еще преждевременнымъ активно посвящать его въ сложныя дѣла внѣшней политики и внутренняго управленія. Съ другой стороны, извѣстно, что именно въ годъ ея смерти она собиралась объявить его наслѣдникомъ престола и постепенно подготовить его къ дѣламъ государственнымъ. Внезапная ея кончина послужила препятствіемъ къ осуществленію этихъ плановъ. К. В.

шаблону, безсодержательна, заставляя тратить время на ничтожныя мелочи, и по самому существу своему даетъ тысячу причинъ, оправдывающихъ бездѣйствіе. Когда Александръ возвращался домой послѣ цѣлаго ряда экзерцицій или придворныхъ церемоній, онъ отдыхалъ, и ему, конечно, было не до чтенія. Читалъ онъ, что попадалось подъ руку, въ нѣсколько пріемовъ, безъ увлеченія и безъ пользы. Женился Александръ слишкомъ рано и хотя сознавалъ необходимость болѣе серьезныхъ занятій, но не имѣлъ достаточной силы воли, чтобы превозмочь рядъ мелочныхъ препятствій, вытекавшихъ изъ условій придворной жизни.

Воспитаніе великаго князя Александра пріостановилось ко времени его женитьбы, совпавшей съ отъѣздомъ изъ Россіи Лагарпа. Въ это время ему было 18 лѣтъ. Послѣ отъѣзда Лагарпа онъ остался безъ руководителя научныхъ занятій и даже безъ опредѣленной программы, столь необходимой при выборѣ чтенія. Въ то время, а также впослѣдствіи я говорилъ съ нимъ много по этому поводу и даже предлагалъ ему разныя сочиненія по исторіи, законовѣдѣнію и политикѣ. Онъ сознавалъ ихъ пользу и значеніе, но, къ сожалѣнію, распредѣленіе и порядокъ придворной жизни отнимали у него возможность правильныхъ занятій.

Несмотря, однако, на все это, въ послѣдующіе годы своего царствованія Александръ сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ самостоятельнаго царствованія, постоянное соприкосновеніе съ множествомъ государственныхъ людей, необходимость заниматься важными дѣлами сдѣлали изъ Александра не только вполнѣ свѣтскаго человѣка, но, къ удивленію многихъ, опытнаго политика, съ тонкимъ проницательнымъ умомъ, самостоятельно редактировавшаго самыя сложныя дипломатическія бумаги, всегда обаятельнаго, даже въ самыхъ серьезныхъ бесѣдахъ. При такихъ блестящихъ данныхъ невольно спрашиваешь себя: что вышло бы изъ Александра, если бы первоначальное воспитаніе его было болѣе тщательно.

Изъ числа лицъ, которымъ поручено было воспитаніе Александра, имя Лагарпа, о которомъ нельзя не отозваться съ похвалою, несомнѣнно, должно быть поставлено на первомъ планѣ. Я не знаю, кому именно Екатерина поручила сдѣлать этотъ важный выборъ, но полагаю, что Лагарпъ былъ ей, вѣроятно, рекомендованъ однимъ изъ энциклопедистовъ изъ кружка Гримма и Гольбаха [1]).

Ни одну изъ отраслей наукъ Лагарпъ, повидимому, не проходилъ

[1]) Лагарпъ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ 1783 года въ качествѣ наставника молодаго Ланскаго, брата фаворита, которому онъ былъ рекомендованъ барономъ Гриммомъ, а затѣмъ взятъ ко двору великаго князя. (Le gouverneur d'un prince. Frédéric César de Laharpe et Alexandre. Paris, 1902).

съ великимъ княземъ особенно серьезно, по крайней мѣрѣ, при томъ вліяніи, которое онъ пріобрѣлъ на умъ и сердце своего воспитанника, можно было бы ожидать бо́льшаго. Впрочемъ, надо сказать, что Лагарпъ все-таки сдѣлалъ очень много, внушивъ Александру любовь къ человѣчеству, къ справедливости, равенству и свободѣ, и сдѣлалъ, съ своей стороны, все возможное, чтобы предразсудки, лесть и т. п., свойственные придворной жизни, недостатки не загасили въ немъ этихъ благородныхъ принциповъ. Внушеніе и развитіе всѣхъ этихъ великодушныхъ душевныхъ качествъ русскому великому князю, было заслугою Лагарпа. Но, къ сожалѣнію, эти прекрасные принципы установились во взглядахъ Александра лишь поверхностно, въ видѣ общихъ фразъ и теорій и не были въ состояніи . . . .

. . . .

Выборъ остальныхъ руководителей воспитанія Александра (только образованіе, т. е. научная часть предоставлена была Лагарпу) былъ таковъ, что ему нельзя было не удивляться.

Графъ Николай Салтыковъ, который со времени Семилѣтней войны не служилъ въ дѣйствительной военной службѣ, что́ не мѣшало ему, однако, достичь высшихъ военныхъ степеней—былъ главнымъ руководителемъ обоихъ великихъ князей. Человѣкъ маленькаго роста, съ громадной головой, нервный, постоянно больной, требовавшій за собой постояннаго ухода—Н. И. Салтыковъ слылъ за самаго ловкаго царедворца въ Россіи. Послѣ паденія Дмитріева-Мамонова Салтыковъ представилъ Платона Зубова императрицѣ и повліялъ на судьбу этого избранника. Обстоятельство это и послѣдовавшая затѣмъ вскорѣ смерть Потемкина (ненавидѣвшаго Зубова и стремившагося въ Петербургъ, чтобы вырвать этотъ „Зубъ“) упрочили положеніе Салтыкова при дворѣ императрицы. Онъ не только служилъ посредникомъ, черезъ котораго Екатерина передавала свою волю великимъ князьямъ, но былъ также довѣреннымъ лицомъ ея въ сношеніяхъ съ цесаревичемъ Павломъ. И Салтыковъ смягчалъ и сглаживалъ всѣ рѣзкости въ отношеніяхъ матери къ сыну и обратно, умалчивалъ нерѣдко о многомъ и достигалъ того, что обѣ стороны оставались имъ довольны. Многое такимъ образомъ оставалось недосказаннымъ, но объ этомъ зналъ только онъ одинъ и, конечно, остерегался высказать всю правду. Всѣ эти качества, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о дипломатическихъ талантахъ Салтыкова, но едва-ли человѣкъ съ такимъ характеромъ могъ быть полезенъ въ качествѣ воспитателя великихъ князей и имѣть благотворное на нихъ вліяніе. Кромѣ Н. И. Салтыкова, на котораго возложено было высшее наблюденіе за воспитаніемъ великихъ князей, каждый изъ нихъ имѣлъ еще спеціальнаго наставника.

При вел. кн. Александрѣ въ этой должности состоялъ графъ Про-

тасовъ [1]), всѣ заслуги котораго заключались только въ томъ, что онъ приходился родственникомъ фрейлинѣ фаворитки императрицы, весьма доброй женщины, но по поводу обязанностей которой ходили самые невѣроятные толки [2]). Я думаю, что не буду преувеличивать, если назову Протасова совершенно пустымъ и ограниченнымъ человѣкомъ: великій князь Александръ, который вообще не былъ насмѣшникомъ, никогда не трунилъ надъ нимъ, но, конечно, не могъ относиться къ нему съ уваженіемъ.

Ближайшее наблюденіе за вел. кн. Константиномъ было поручено графу Сакену [3]), человѣку доброму и мягкосердечному, но слабохарактерному, который являлся предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и выходокъ своего взбалмошнаго питомца. Изъ другихъ окружавшихъ великихъ князей лицъ можно отозваться съ похвалою о гр. Муравьевѣ [4]), котораго, по восшествіи на престолъ, Александръ хотѣлъ сдѣлать своимъ статсъ-секретаремъ по принятію прошеній и котораго впослѣдствіи назначилъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Это былъ достойный человѣкъ и, какъ говорятъ, очень образованный, но по характеру своему необычайно робкій, нерѣшительный и мало подготовленный для самостоятельной, отвѣтственной должности. Я назову еще г-на Будберга [5]), который впослѣдствіи замѣнилъ меня въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что окружавшіе великихъ князей люди едва-ли могли принести имъ существенную пользу. Что же касается Александра, то проявленныя имъ впослѣдствіи достоинства должны были особенно удивить всѣхъ и дѣлаютъ его достойнымъ еще большей похвалы, такъ какъ они обнаружились, несмотря на полученное имъ воспитаніе.

Въ 1796 году—пребыванія Екатерины и ея двора въ Таврическомъ дворцѣ, только и было рѣчи объ ожидаемомъ пріѣздѣ молодаго шведскаго короля, который долженъ былъ вступить въ бракъ со старшей внучкой императрицы, великой княжной Александрой Павловной. Императрица велѣла великимъ княжнамъ и фрейлинамъ изучить въ совершенствѣ французскую кадриль, танецъ наиболѣе модный при шведскомъ дворѣ.

---

[1]) Александръ Яковлевичъ Протасовъ, отецъ графа и оберъ-прокурора Синода. Считался дядькою великаго князя Александра Павловича.

[2]) Анна Степановна Протасова, приближенная камеръ-фрейлина Екатерины II. Род. 1754 † 1826.

[3]) Баронъ Карлъ Ивановичъ Остенъ-Сакенъ. Род. 1733 † 1808.

[4]) Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. Впослѣдствіи попечит. Моск. уч. округа и товар. мин. нар. пр. Писатель. Род. 1757 † 1807.

[5]) Будбергъ, баронъ Андрей Яковлевичъ. Род. 1750 † 1812.

Шведскій король былъ принятъ съ изысканной любезностью: Густавъ IV прибылъ со своимъ дядей герцогомъ Зюдерманландскимъ, регентомъ королевства, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Шведскій костюмъ придворныхъ кавалеровъ, напоминавшій собою старые испанскіе костюмы, былъ чрезвычайно живописенъ и особенно выдѣлялся на выходахъ, балахъ и празднествахъ, которые давались въ честь молодаго короля и его свиты. Великія княжны танцовали почти исключительно со шведами, которымъ, согласно желанію императрицы, оказывали особенное вниманіе.

Между тѣмъ, пока въ Зимнемъ дворцѣ продолжались празднества и торжественные пріемы, а въ Таврическомъ шли балы, концерты и почти ежедневно устраивались катанья съ горъ, шведскій король былъ представленъ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, въ качествѣ будущаго ея жениха. Эта внучка Екатерины блистала рѣдкою красотою и плѣняла всѣхъ своею привлекательностью и ангельскою кротостью характера. Знать ее—значило уже восхищаться ею, и поэтому вполнѣ естественно, что молодой король, подъ вліяніемъ ежедневныхъ бесѣдъ съ нею, долженъ былъ стремиться къ осуществленію этого брачнаго союза, долженствовавшаго и по соображеніямъ политическимъ скрѣпить дружескія узы между Швеціей и домомъ Романовыхъ. Взгляда этого держался и регентъ, герцогъ Зюдерманландскій, которому принадлежала мысль о поѣздкѣ короля въ Россію, пріѣздъ котораго въ Петербургъ не оставлялъ уже никакихъ сомнѣній въ намѣреніяхъ Густава IV.

Такимъ образомъ, въ принципѣ все уже было рѣшено, и оставалось лишь оформить статьи брачнаго договора, подписаніе котораго не должно было, повидимому, вызвать никакихъ затрудненій. Дѣло это поручено было графу Моркову [1]), котораго Зубовы выдвигали, съ цѣлью обойти графа Безбородко, не склонявшаго головы передъ всесильнымъ фаворитомъ и сохранившаго, несмотря на это, довѣріе императрицы. Послѣ нѣсколькихъ недѣль празднествъ и увеселеній день торжественнаго обрученія былъ, наконецъ, назначенъ [2]) и торжество должно было состояться вечеромъ. Митрополитъ, высшее духовенство, весь дворъ и дипломатическій корпусъ собрались въ назначенное время; наконецъ, прибыла сама императрица. Всѣ ждали короля, который почему-то не являлся. Началось довольно томительное ожиданіе и таинственное перешептываніе между наиболѣе приближенными лицами, которыя на глазахъ всего двора быстро пробѣгали во внутренніе аппартаменты императрицы и снова возвращались. Наконецъ,

[1]) Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ. Дипломатъ. Бывшій посланникомъ въ Нидерландахъ и Швеціи. Род. 1747 † 1827.

[2]) Это было въ четвергъ, 11-го сентября 1796 г.

послѣ четырехъ часовъ мучительнаго ожиданія было объявлено, что церемонія откладывается. Императрица послала придворнаго [1]), который отъ ея имени высказалъ извиненіе ея величества передъ духовенствомъ и всѣми собравшимися чинами и заявилъ, что подписаніе брачнаго договора вслѣдствіе нѣкоторыхъ подробностей временно пріостановлено.

Вскорѣ, однако, сдѣлалось извѣстно, что все кончено. Самонадѣянность и небрежность Моркова, не давшаго себѣ труда изложить письменно всѣхъ статей договора и представить ихъ предварительно на просмотръ короля, были причиною этого небывалаго въ дипломатическихъ и придворныхъ лѣтописяхъ происшествія. Будучи увѣренъ, что король подпишетъ безъ колебанія всѣ статьи договора, онъ представилъ его королю въ самый день совершенія церемоніи. А между тѣмъ оказалось, что Густавъ IV ни за что не соглашался подписать той статьи, въ которой говорилось, что будущая королева, сохраняя свое вѣроисповѣданіе, будетъ публично отправлять богослуженіе въ особомъ помѣщеніи, по обрядамъ греко-россійской церкви. Тщетно шведскіе министры, совѣтники и даже самъ регентъ уговаривали юнаго короля [2]) не настаивать на отмѣнѣ этой статьи, а придти къ соглашенію, путемъ взаимныхъ уступокъ, Густавъ IV былъ непреклоненъ и отвергъ всѣ предложенія Моркова, пытавшагося уладить этотъ инцидентъ.

Все оживленіе, которое возбудилъ своимъ пріѣздомъ шведскій король, на другой день смѣнилось при дворѣ совершенно подавленнымъ настроеніемъ. Въ этотъ день по случаю дня рожденія младшей изъ великихъ княженъ (Анны Павловны—впослѣдствіи королевы Нидерландской) [3]) былъ назначенъ придворный балъ. Императрица появилась на немъ съ обычною улыбкой на устахъ, но взглядъ ея изобличалъ глубокое волненіе и негодованіе. Всѣ удивлялись ея твердости и наружному спокойствію, съ которымъ она принимала гостей. На балу появился и король со свитою, который держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, хотя также имѣлъ видъ удрученный. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ казался чрезвычайно раздраженнымъ, а многіе подъ шумокъ увѣряли, что онъ втайнѣ радовался дипломатической неудачѣ большаго двора. Александръ былъ глубоко возмущенъ поступкомъ короля, но во всемъ обвинялъ графа Моркова.

---

[1]) Оберъ-гофмаршалъ князь Θеодоръ Сергѣевичъ Барятинскій. Участникъ переворота 1762 года. Онъ скончался въ 1813 г.

[2]) Въ 1796 году Густаву IV было всего 16 лѣтъ.

[3]) Авторъ, очевидно, ошибается: рожденіе вел. княгини Анны Павловны было 7-го января. 12-го же сентября былъ день рожденія вел. княжны Анны Θеодоровны, супруги вел. кн. Константина Павловича.

Черезъ два дня король уѣхалъ изъ Петербурга, который сразу потерялъ свой шумный, оживленный видъ. Весь дворъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ событіемъ, которое могло имѣть весьма серьезныя послѣдствія. Всѣ удивлялись смѣлости „маленькаго шведскаго короля“, рѣшившагося нанести такое оскорбленіе могущественной монархинѣ, и спрашивали себя, чѣмъ все это кончится. Трудно было допустить, чтобы Екатерина оставила безнаказаннымъ подобный поступокъ... Собранія и вечера при дворѣ прекратились, великій князь Павелъ Петровичъ вернулся въ Гатчину, а императрица не появлялась, оставаясь все время въ своихъ внутреннихъ апартаментахъ. Поговаривали, что она хочетъ сосредоточиться и обдумываетъ свое рѣшеніе, послѣ котораго шведскому королю придется жестоко раскаяться въ своемъ поступкѣ. Предположенія эти, однако, не подтвердились: вышло совсѣмъ другое—сама императрица не вынесла этого удара.

Ноябрь былъ въ началѣ. Наступили пасмурные, холодные дни, вполнѣ соотвѣтствовавшіе мрачному настроенію всего двора. Великій князь Александръ продолжалъ свои обычныя прогулки по набережной. Однажды (это было 5-го ноября) онъ встрѣтился съ моимъ братомъ и, бесѣдуя съ нимъ, дошелъ до нашего помѣщенія. Я только-что спустился внизъ, и мы бесѣдовали втроемъ, когда придворный скороходъ впопыхахъ прибѣжалъ къ великому князю и сообщилъ ему, что графъ Салтыковъ проситъ его высочество немедленно пожаловать къ нему. Александръ тотчасъ пошелъ за скороходомъ, не догадываясь о причинѣ такого спѣшнаго вызова.

Вскорѣ всѣ узнали, что съ императрицей произошелъ апоплексическій ударъ. Уже съ давнихъ поръ она страдала опухолью ногъ и, пренебрегая совѣтами врачей (которымъ вообще мало довѣряла), прибѣгала къ домашнимъ способамъ лѣченія, которые ей настойчиво рекомендовали ея ближайшія комнатныя прислужницы. Въ этотъ день она встала довольно рано и чувствовала себя, повидимому, хорошо. Затѣмъ она прошла въ свою уборную и долго изъ нея не выходила, что безпокоило ея камердинера, который, не видя долго императрицы, подошелъ къ уборной и пріотворилъ дверь. Съ ужасомъ увидѣлъ онъ императрицу, лежащую на полу безъ сознанія. Увидѣвъ своего вѣрнаго Захара [1]), Екатерина взглянула на него и съ выраженіемъ сильнаго страданія поднесла руку къ сердцу и затѣмъ закрыла глаза и больше ихъ не открывала. Это былъ единственный признакъ жизни, обнаруженный ею за все это время. Созваны были врачи, но всѣ ихъ усилія возвратить къ жизни угасавшую императрицу не имѣли успѣха.

[1]) Захаръ Константиновичъ Зотовъ. Любимый камердинеръ императрицы Екатерины. Род. 1755 † 1802 г. въ чинѣ ст. совѣтника.

На другой день вѣсть о смертельной болѣзни Екатерины распространилась по всей столицѣ. Всѣ, кто имѣлъ право пріѣзда ко двору, поспѣшили во дворецъ и въ страхѣ и нерѣшительности ожидали дальнѣйшихъ событій. Большинство присутствующихъ выражали искреннюю скорбь, но было не мало и такихъ, которые боялись потерять свое положеніе при дворѣ и служебныя преимущества, съ ужасомъ помышляя о завтрашнемъ днѣ. Мы съ братомъ находились также во дворцѣ и были свидѣтелями всеобщей растерянности и страха, охватившаго многихъ высокопоставленныхъ лицъ, еще вчера столь гордыхъ своимъ вліяніемъ и властью. Князь Платонъ Зубовъ имѣлъ растерянный и жалкій видъ и естественно привлекалъ всеобщее вниманіе. Онъ то сжигалъ нѣкоторыя бумаги, могущія его скомпрометтировать, то возвращался въ комнату умирающей, тщетно ожидая, что помощь врачей подастъ еще надежду на выздоровленіе императрицы. Этикета уже не существовало, и полный безпорядокъ царилъ во дворцѣ.

Наконецъ, намъ удалось проникнуть въ комнату, гдѣ съ ужасомъ увидѣли императрицу, лежавшую безъ признаковъ жизни на матрацѣ, положенномъ на полу; она не открывала глазъ, и отъ времени до времени слышалось ея тяжелое дыханіе, прерывающееся хрипомъ.

Когда князь Зубовъ получилъ категорическое заявленіе врачей, что уже нѣтъ надежды, онъ немедленно уничтожилъ множество бумагъ и тотчасъ же отправилъ брата своего, графа Николая, въ Гатчину, чтобы доложить в. к. Павлу Петровичу о безнадежномъ положеніи императрицы, его матери. Хотя Павелъ не разъ подумывалъ о возможности вступить на престолъ, но извѣстіе это его сильно взволновало, и онъ прибылъ въ Петербургъ очень разстроеннымъ, и до послѣдней минуты Екатерины держался въ сторонѣ, не считая себя императоромъ. Пока императрица находилась въ безсознательномъ положеніи, онъ два раза въ день являлся въ ея комнату со всѣмъ своимъ семействомъ.

IV.

(1801).

Пріѣздъ въ Петербургъ.—Свиданіе съ императоромъ Александромъ. Частная съ нимъ бесѣда о событіи 11 марта.—Паденіе Палена.—Генералъ-прокуроръ Беклешовъ.—Недовольство участниковъ заговора.—Бесѣда съ гр. Валеріаномъ Зубовымъ.—Положеніе Александра.—Графъ Н. П. Панинъ.—Его характеристика.—Роль Палена.

По мѣрѣ моего приближенія къ Петербургу я сильно волновался, находясь подъ вліяніемъ двухъ противуположныхъ чувствъ: съ одной стороны, я испытывалъ радость и нетерпѣніе при мысли о свиданіи съ

людьми мнѣ близкими и дружественными, съ другой же—тяготился неизвѣстностью, размышляя о могущихъ произойти въ этихъ людяхъ перемѣнахъ вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ и ихъ новаго положенія.

Навстрѣчу мнѣ посланъ былъ фельдъегерь, заставшій меня въ Ригѣ. Онъ вручилъ мнѣ письмо отъ императора Александра и подорожную съ предписаніемъ почтовому начальству ускорить мое путешествіе. Адресъ на конвертѣ написанъ былъ рукою государя, въ которомъ я былъ названъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ—чинъ соотвѣтствующій военному чину генералъ-аншефа. Я былъ не мало удивленъ, что императоръ такъ быстро произвелъ меня въ этотъ чинъ, и твердо рѣшился не принимать его, считая это недоразумѣніемъ. И дѣйствительно, когда по пріѣздѣ въ Петербургъ, я представился государю и показалъ ему конвертъ, то убѣдился, что надпись эта была сдѣлана имъ по ошибкѣ. Но въ Россіи можно было легко воспользоваться ошибкою государя, считая такую надпись высочайшимъ повелѣніемъ. Я и не думалъ объ этомъ и съ тѣхъ поръ не получилъ въ Россіи ни одной почетной награды, исключая чина [1]), пожалованнаго мнѣ императоромъ Павломъ.

Наконецъ, я снова увидѣлъ Александра, и первое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, подтвердило мои тревожныя предчувствія. Императоръ возвращался съ парадовъ или ученій такимъ же, какъ бывало при жизни своего отца: блѣднымъ и утомленнымъ. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково и имѣлъ видъ человѣка печальнаго и убитаго горемъ, чуждаго той сердечной жизнерадостности, свойственной людямъ, не имѣющимъ основанія слѣдить за собою и сдерживаться. Теперь, когда онъ былъ уже самодержцемъ, я сталъ замѣчать въ немъ, быть можетъ ошибочно, особенный оттѣнокъ сдержанности и безпокойства, отъ которыхъ невольно сжималось сердце. Онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ:—„Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали: всѣ наши ожидаютъ васъ съ нетерпѣніемъ",— намекая на нѣкоторыхъ болѣе близкихъ ему лицъ [2]), которыхъ онъ считалъ болѣе просвѣщенными и передовыми и которыя пользовались его особеннымъ довѣріемъ.—„Если бы вы находились здѣсь", продолжалъ государь, „всего бы этого не случилось: будь вы со мною, меня никогда бы не удалось увлечь"... Затѣмъ, онъ сталъ говорить мнѣ о кончинѣ своего отца въ выраженіяхъ, въ которыхъ слышалась сильная скорбь и сильное раскаяніе.

---

[1]) Въ придворномъ календарѣ 1799 года князь Адамъ Чарторыйскій указанъ въ чинѣ генералъ-маіора.

[2]) Вѣроятно, Н. Н. Новосильцевъ и гр. П. А. Строгановъ, которые вмѣстѣ съ Чарторыйскимъ составили знаменитый тріумвиратъ, игравшій видную роль въ первые годы Александровскаго царствованія.

Это печальное и трагическое обстоятельство, въ теченіе нѣкотораго времени, сдѣлалось предметомъ частныхъ продолжительныхъ бесѣдъ между нами, при чемъ государь, несмотря на видимыя страданія, испытываемыя имъ въ этихъ разговорахъ, съ особенной подробностью описывалъ это ужасное событіе. Объ этихъ подробностяхъ я упомяну ниже, сопоставивъ ихъ съ другими свѣдѣніями, полученными мною отъ непосредственныхъ участниковъ этой мрачной драмы.

Что касается многихъ другихъ вопросовъ, о которыхъ я прежде бесѣдовалъ съ Александромъ и по поводу которыхъ я желалъ узнать его теперешніе взгляды въ виду измѣнившихся обстоятельствъ— я убѣдился, что въ общемъ государю, какъ я и ожидалъ, по-прежнему не были чужды его былыя мечты, къ которымъ онъ невольно возвращался; но уже чувствовалось, что онъ находился подъ давленіемъ желѣзной руки дѣйствительности,—уступая силѣ, не властвуя еще ни надъ чѣмъ, не сознавая своего могущества и не умѣя еще имъ пользоваться.

Петербургъ, когда я туда пріѣхалъ, напоминалъ мнѣ видъ моря, которое, послѣ сильной бури, продолжало еще волноваться, успокаиваясь лишь постепенно.

Государь только-что уволилъ графа Палена. Человѣкъ этотъ, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ покойнаго императора Павла, былъ вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ, главнымъ виновникомъ и душою заговора, прекратившаго дни этого злополучнаго монарха. Событіе 11 марта 1801 г. никогда бы не осуществилось, если бы Паленъ, имѣвшій въ рукахъ власть и располагавшій всѣми средствами въ качествѣ военнаго губернатора Петербурга, не сталъ во главѣ предпріятія. Когда переворотъ совершился, Паленъ считалъ себя всемогущимъ, надѣясь на свои силы. И дѣйствительно, съ первыхъ же дней новаго царствованія онъ выказалъ энергію, принялъ на себя руководительство во внѣшней и внутренней политикѣ рядомъ мѣръ, ставшихъ неотложными въ виду возможнаго появленія англійскаго флота въ водахъ Ревеля, Риги и Кронштадта послѣ кровавыхъ копенгагенскихъ событій. Нельсонъ торжествовалъ побѣду въ Копенгагенѣ наканунѣ того дня, когда императоръ Павелъ погибъ въ Петербургѣ [1]), куда извѣстіе о разгромѣ датскаго флота пришло черезъ два дня послѣ смерти императора. Пользуясь замѣшательствомъ и всеобщей растерянностью правительства въ первые

[1]) Тутъ очевидно ошибка. Англійская эскадра подъ начальствомъ Паркера и Нельсона вошла въ Копенгагенскій рейдъ 18/30 марта 1801 г., т. е. недѣлю спустя послѣ смерти императора Павла.

дни послѣ катастрофы, Паленъ возъимѣлъ мысль захватить въ свои руки расшатанныя бразды правленія и къ всесильной должности военнаго губернатора Петербурга присоединить должность статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ. И дѣйствительно, въ главнѣйшихъ правительственныхъ актахъ этого времени всюду фигурируетъ его подпись [1]). Ничто не должно было дѣлаться безъ его согласія: онъ принялъ роль покровителя юнаго государя и дѣлалъ ему сцены, когда онъ не давалъ немедленнаго согласія на его представленія, или вѣрнѣе на то, что онъ навязывалъ Александру. Уже поговаривали, что Паленъ претендуетъ на роль „палатнаго мэра". Императоръ Александръ, погруженный въ горе и отчаяніе, окруженный безутѣшной семьею, казался въ собственномъ дворцѣ во власти заговорщиковъ, которыхъ признавалъ необходимымъ щадить и подчинять свою волю ихъ желаніямъ.

Между тѣмъ одна изъ важнѣйшихъ должностей государства—генералъ-прокурора Сената, которому подчинены были внутреннія дѣла юстиція, финансы и полиція—была вакантна послѣ удаленія одного изъ павловскихъ фаворитовъ, который ее занималъ [2]). Императоръ Александръ сдѣлалъ удачный выборъ, назначивъ на эту должность генерала Беклешова [3]), который въ это время находился въ Петербургѣ, будучи вызванъ сюда императоромъ Павломъ, желавшимъ быть можетъ предоставить ему это мѣсто. Это былъ русскій стараго закала, по внѣшнимъ пріемамъ человѣкъ грубый и рѣзкій, не говорившій по-французски или по крайней мѣрѣ не понимавшій этого языка, но который подъ этой суровой внѣшностью обнаруживалъ твердость и прямоту и обладалъ чуткимъ отзывчивымъ сердцемъ. Общественное мнѣніе создало ему репутацію благороднаго человѣка, которую онъ сохранилъ даже во время своего управленія (въ качествѣ генералъ-губернатора) польскими юго-западными губерніями. Здѣсь онъ выказалъ себя человѣкомъ справедливымъ по отношенію къ подвластному ему населенію и строгимъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, преслѣдуя и сурово карая воровство, взяточничество и злоупотребленія. Покидая этотъ край, онъ заслужилъ всеобщую любовь и признательность всего мѣстнаго населенія—обстоятельство,

---

[1]) Паленъ уже завѣдывалъ иностранными дѣлами, такъ какъ еще въ февралѣ 1801 года, послѣ увольненія Ростопчина, завѣдываніе внѣшними сношеніями было передано ему, а 18 февраля того же года ему подчиненъ почтовый департаментъ.

[2]) Извѣстный Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ. Род. 1752 † 1841.

[3]) Александръ Андреевичъ Беклешовъ, предмѣстникъ и преемникъ Обольянинова по должности генералъ-прокуроръ, которую онъ занималъ до учрежденія министерствъ. Род. 1745 † 1808.

особенно знаменательное для представителя высшей русской администраціи въ завоеванномъ краѣ [1]).

Совершенно незнакомый съ вопросами внѣшней политики, но изучившій въ совершенствѣ многочисленные указы и знавшій всѣ тонкости административной рутины русскаго правительства, Беклешовъ умѣло пользовался своею властью, проводя начала справедливости въ примѣненіи правосудія. Онъ былъ совершенно чуждъ политическихъ партій и не принималъ никакого участія въ заговорѣ, что являлось особенною заслугою въ глазахъ императора Александра, который относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ и однажды откровенно высказалъ ему, насколько онъ тяготится ролью Палена. Беклешовъ отвѣчалъ государю со свойственной ему рѣзкостью, выражая совершенное недоумѣніе при мысли, что самодержецъ на что-то жалуется и не рѣшается высказать своей воли.—„Когда мнѣ досаждаютъ мухи"—сказалъ государь—„я просто ихъ прогоняю". Вскорѣ послѣ этого императоръ подписалъ указъ, въ которомъ Палену повелѣвалось немедленно оставить Петербургъ и выѣхать въ свои помѣстья. Беклешовъ, бывшій съ нимъ, какъ въ прежнія времена, такъ и теперь—въ двужественныхъ отношеніяхъ, въ качествѣ генералъ-прокурора, взялся вручить ему указъ вмѣстѣ съ повелѣніемъ выѣхать изъ столицы въ 24 часа. На слѣдующій день рано утромъ, Беклешовъ явился къ Палену, разбудилъ его и передалъ волю императора. Послѣдній повиновался [2]). Такимъ образомъ Александръ впервые проявилъ самодержавную волю, не имѣющую въ Россіи преградъ.

Обстоятельство это надѣлало много шума среди участниковъ заговора, которые обвиняли императора въ двуличіи и неискренности. Говорили, что наканунѣ того дня, когда Паленъ долженъ былъ лишиться всѣхъ должностей и отправиться въ ссылку, Александръ, во время доклада, который происходилъ поздно вечеромъ, принялъ его по обычаю совершенно спокойно, бесѣдовалъ о дѣлахъ и ни въ

---

[1]) Мнѣніе чрезвычайно характерное въ устахъ поляка—князя Чарторыйскаго—который въ отзывѣ своемъ о Беклешовѣ сходится, вѣроятно, того не подозрѣвая, съ А. С. Шишковымъ. Въ „Запискахъ" послѣдняго мы находимъ слѣдующую фразу: „А. А. Беклешовъ—одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, которыми было сильно царствованіе Екатерины. Его дѣятельность, какъ администратора русскихъ окраинъ, могла бы и въ наше время послужить примѣромъ управленія этими областями. При немъ балтійскіе нѣмцы учились говорить по-русски, а поляки юго-западныхъ губерній забывали упражняться въ подпольныхъ интригахъ". (Записки адм. Шишкова, т. I, Берлинское изданіе 1870 г.).

[2]) Случай этотъ въ „Запискахъ Саблукова" описанъ нѣсколько иначе („Историч. Вѣстн." мартъ 1906 г.].

чемъ не измѣнилъ своего обращенія. Но могъ ли онъ поступить иначе? Какъ бы то ни было этотъ первый актъ проявленія самостоятельности молодаго государя вызвалъ неудовольствіе среди главарей заговора и сильно ихъ встревожилъ.

Съ Зубовыми, игравшими столь выдающуюся роль въ событіи 11 марта, я имѣлъ отношенія еще въ царствованіе императрицы Екатерины. Благодаря ихъ всемогущему въ то время заступничеству намъ удалось вернуть значительную часть имѣній нашего отца. Послѣ вступленія на престолъ императора Павла, въ то время, когда при дворѣ всѣ старались избѣгать Зубовыхъ, боясь даже подойти къ нимъ, мнѣ удалось доставить имъ аудіенцію у великаго князя Александра.

Спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, графъ Валеріанъ Зубовъ высказалъ желаніе увидѣться со мною. Во время разговова онъ много и подробно говорилъ о совершившемся переворотѣ и о современномъ настроеніи умовъ, жалуясь, что государь не высказался за своихъ истинныхъ друзей, которые возвели его на престолъ, пренебрегая всѣми опасностями ради его дѣла.— „Не такъ дѣйствовала императрица Екатерина"—говорилъ Зубовъ— „она открыто поддерживала тѣхъ, кто ради ея спасенія рисковали своими головами. Она не задумалась искать въ нихъ опору и благодаря этой политикѣ, столь же мудрой, сколь предусмотрительной, она всегда могла разсчитывать на ихъ безграничную преданность. Обѣщая съ первыхъ дней вступленія на престолъ не забывать оказанныхъ ей услугъ, она этимъ пріобрѣла преданность и любовь всей Россіи. Вотъ почему—продолжалъ Зубовъ—царствованіе Екатерины было столь могущественнымъ и славнымъ, потому что никто не поколебался принести величайшую жертву для государыни, зная, что онъ будетъ достойно вознагражденъ. Но императоръ Александръ своимъ двумысленнымъ, нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій, рискуетъ самыми плачевными послѣдствіями; онъ колеблется и охлаждаетъ рвеніе своихъ истинныхъ друзей, тѣхъ, которые только желаютъ доказать ему свою преданность". Графъ Зубовъ затѣмъ прибавилъ, что императрица „Екатерина категорически заявила ему и его брату князю Платону, что на Александра имъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на единственнаго законнаго ихъ государя и служить ему и никому другому, вѣрой и правдой. Они это исполнили свято, а между тѣмъ какая имъ за это награда?" Слова эти несомнѣнно были сказаны съ цѣлью оправдаться въ глазахъ молодаго императора за участіе въ заговорѣ на жизнь его отца и чтобы доказать ему, что этотъ образъ дѣйствій былъ естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ обязательствъ, которыя императрица на нихъ возложила по отношенію

къ своему внуку. Но они очевидно не знали, что Александръ и даже великій князь Константинъ вовсе не были проникнуты по отношенію къ своей бабкѣ тѣмъ чувствомъ, которое они въ нихъ предполагали.

Въ теченіе этой бесѣды, длившейся около часа, я нѣсколько разъ перебивалъ моего собесѣдника, стараясь объяснить ему причину нѣкоторыхъ дѣйствій молодаго государя, не входя однако въ обсужденіе подробностей послѣднихъ событій, тѣмъ болѣе, что въ виду моего отсутствія изъ Петербурга, я стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ переворота. Что касается графа Зубова, то онъ очевидно желалъ высказать мнѣ свои взгляды съ тѣмъ, чтобы я передалъ нашъ разговоръ государю. Хотя я и не далъ ему прямаго обѣщанія, тѣмъ не менѣе при первомъ же случаѣ я сообщилъ объ этомъ императору Александру. Послѣдній, повидимому, не придалъ этому особеннаго значенія, хотя я почти дословно передалъ ему нашъ разговоръ. Слова Зубова доказывали, что заговорщики, а особенно главные ихъ руководители, повидимому открыто хвастались своимъ поступкомъ, считая это дѣло заслугой передъ отечествомъ и молодымъ государемъ, на благодарности и милости котораго они были въ правѣ разсчитывать. Они даже давали понять, что удаленіе и недовольство могутъ быть опасными для Александра и что изъ чувства благодарности, а равно изъ благоразумія ему слѣдуетъ окружить себя тѣми лицами, которыя возвели его преждевременно на высоту престола и на которыхъ онъ долженъ смотрѣть какъ на самый вѣрный и естественный оплотъ. Такое разсужденіе, довольно естественное въ Россіи, традиціонной странѣ дворцовыхъ переворотовъ, не произвело однако желаемаго впечатлѣнія на Александра. Да и странно было бы предположить, чтобы онъ могъ когда нибудь сочувствовать убійцамъ своего отца (котораго онъ все-таки любилъ, несмотря на его недостатки) и добровольно предаться въ ихъ руки.

Образъ дѣйствій императора Александра являлся результатомъ его характера, воспитанія, его чувства и его положенія, и измѣнить его онъ не могъ. При томъ же онъ уже удалилъ Палена, единственнаго быть можетъ изъ главарей заговора, который могъ возбудить серьезныя опасенія и сдѣлаться дѣйствительно опаснымъ въ силу своей ловкости, обширныхъ связей, личной отваги и огромнаго честолюбія. Вскорѣ затѣмъ Александръ постепенно удалилъ и другихъ главарей переворота,—удалилъ не въ силу того, что считалъ ихъ опасными, но изъ чувства гадливости и отвращенія, которыя онъ испытывалъ при одномъ ихъ видѣ. Графъ Валеріанъ Зубовъ былъ единственный, который остался въ Петербургѣ и былъ сдѣ-

лагъ членомъ Государственнаго Совѣта [1]). Его пріятная внѣшность искренность и прямота нравились государю и внушали къ нему довѣріе; послѣднее поддерживалось еще тою привязанностью, думаю вполнѣ искреннею, которую онъ выказывалъ къ особѣ императора, а также его мягкимъ, нѣсколько безпечнымъ характеромъ и отсутствіемъ карьеризма. Онъ имѣлъ особенную слабость къ прекрасному полу, которымъ былъ почти исключительно занятъ.

Теперь я постараюсь сообщить о заговорѣ и его ближайшихъ послѣдствіяхъ все то, что мнѣ извѣстно лично, а также тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось получить нѣсколько позже, какъ о возникновеніи самаго плана, какъ и о томъ, какимъ образомъ приступлено было къ выполненію заговора. Я буду излагать факты такъ, какъ я ихъ припоминаю или по мѣрѣ того, какъ они стали мнѣ извѣстны, не придерживаясь строго хронологическаго порядка оффиціальнаго повѣствованія. Изъ этого разсказа читатель увидитъ, что люди наиболѣе опытные и ловкіе нерѣдко впадаютъ въ ошибки вслѣдствіе ложной оцѣнки своихъ обязанностей и тѣхъ средствъ, которыми они располагали, а также благодаря невѣрному опредѣленію характера тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ окончательный успѣхъ ихъ предпріятія и осуществленіе ихъ стремленій.

Тотчасъ послѣ совершенія кроваваго дѣла, заговорщики предались безстыдной, позорной, неприличной радости. Это было какое-то всеобщее опьяненіе не только въ переносномъ, но и въ прямомъ смыслѣ, ибо дворцовые погреба были опустошены и вино лилось рѣкою въ то время какъ пили за здоровье новаго императора и главныхъ „героевъ“ заговора. Въ теченіе первыхъ дней послѣ событія заговорщики открыто хвалились содѣяннымъ злодѣяніемъ, наперерывъ выставляя свои заслуги въ этомъ кровавомъ дѣлѣ, выдвигаясь другъ передъ другомъ на первый планъ, указывая на свою принадлежность къ той или другой партіи и т. п. А среди этой всеобщей распущенности, этой непристойной радости, императоръ и его семейство, погруженные въ горе и слезы, почти не показывались изъ дворца.

По мѣрѣ того, однако, какъ постепенно улеглось возбужденное состояніе умовъ, большинство убѣдилось, что вся эта радость, которую такъ открыто выказывали, не раздѣляется большинствомъ и что такого рода хвастовство, не обнаруживающее ни ума, ни сердца, вызываетъ только презрѣніе и негодованіе; наконецъ, если самая смерть Павла, быть можетъ, и избавила государство отъ большихъ

---

[1]) А Уваровъ и Беннигсенъ, которые до послѣдняго времени пользовались неизмѣннымъ благоволеніемъ императора Александра?

бѣдствій, то во всякомъ случаѣ участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ едва-ли могло считаться заслугою. Тѣмъ не менѣе главари заговора прикрывались высокими фразами, говоря, что главною и единственною побудительною причиною ихъ было спасеніе Россіи.

Между тѣмъ молодой государь, оправившись послѣ первыхъ дней треволненій и упадка духа, сталъ чувствовать непреодолимое отвращеніе къ главарямъ заговора, особенно же къ тѣмъ изъ нихъ, чьи доводы заставили его согласиться съ ихъ планомъ, выполненіе котораго, по ихъ мнѣнію, отнюдь не угрожало жизни его отца, ибо, говорили они, для спасенія Россіи было достаточно лишить его престола, убѣдивъ Павла въ необходимости сложить съ себя бремя правленія, отказавшись отъ власти въ пользу сына, чему бывали неоднократные примѣры среди государей Европы.

Императоръ Александръ сообщилъ мнѣ, что первый, который подалъ ему эту злополучную мысль, былъ графъ Панинъ [1]), которому онъ никогда не могъ простить этого. Этотъ человѣкъ былъ повидимому созданъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, играть выдающуюся роль въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ обладалъ всѣми необходимыми для этого качествами: громкимъ именемъ, недюжинными способностями и большимъ честолюбіемъ. Будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ уже сдѣлалъ блестящую карьеру. Назначенный русскимъ посланникомъ въ Берлинъ, онъ вскорѣ былъ призванъ императоромъ Павломъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ подъ начальство князя Александра Куракина [2]), который приходился ему дядей со стороны матери. Этотъ князь Куракинъ, другъ и товарищъ дѣтскихъ игръ императора Павла, былъ единственнымъ изъ близкихъ ко двору лицъ, которые не коснулись выходки государя и который оставался въ милости за все время его царствованія. Графъ Н. П. Панинъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ сыномъ извѣстнаго генерала [3]), оставившаго послѣ своей смерти весьма почтенное и уважаемое имя и племянникомъ графа Панина, бывшаго министра и воспитателя великаго князя Павла Петровича. Молодой гр. Панинъ не могъ не воспользоваться всѣми этими данными и весьма скоро пріобрѣлъ

---

[1]) Графъ Никита Петровичъ Панинъ, д. т. с., посланникъ въ Гаагѣ и Берлинѣ при Екатеринѣ II. Вице-канцлеръ и мин. ин. дѣлъ при Павлѣ и въ началѣ царств. Александра, † 1837 г.

[2]) Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ. Внучатый племянникъ графа Н. И. Панина. Другъ дѣтства цесаревича Павла. Впослѣдствіи канцлеръ росс. орденовъ и д. т. с. Былъ посланникомъ при Наполеонѣ передъ войной 1812 года. Род. 1752 † 1818 г.

[3]) Гр. Петръ Ив. Панинъ. Генер.-аншефъ. Сенаторъ и членъ Госуд. Сов. Род. 1721 † 1789 г.

вѣсъ и значеніе въ обществѣ и быстро сталъ двигаться по служебной лѣстницѣ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, холодный, владѣвшій въ совершенствѣ французскимъ языкомъ: мнѣ не разъ приходилось читать его донесенія, которыя всегда отличались глубиной мысли и блестящимъ слогомъ. Въ Россіи онъ пользовался репутаціей чрезвычайно даровитаго человѣка, энергичнаго и съ большимъ здравымъ смысломъ, но характеръ его былъ сухой, черствый, властный и непокладливый.

Прослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ иностранной коллегіи, графъ Никита Петровичъ вызвалъ чѣмъ-то неудовольствіе императора, былъ отрѣшенъ отъ должности и высланъ на жительство въ Москву. Какъ мы увидимъ ниже, онъ воспользовался этимъ временемъ пребыванія въ Москвѣ, переписывался со своими единомышленниками и, несмотря на ссылку, продолжалъ вліять на умы. Извѣстіе о кончинѣ Павла онъ принялъ съ нескрываемою радостью и тотчасъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ самыми радужными надеждами на будущее. И дѣйствительно онъ вскорѣ былъ назначенъ управляющимъ иностранными дѣлами. Въ бытность мою въ Петербургѣ мнѣ не пришлось съ нимъ встрѣтиться, такъ какъ въ виду своей заграничной дипломатической службы, онъ рѣдко пріѣзжалъ въ столицу. Жена его, рожденная Орлова, осталась въ Петербургѣ. Это была чрезвычайно симпатичная, милая и любезная особа, которая относилась ко мнѣ весьма дружелюбно. Когда я вернулся въ Петербургъ, она очень хотѣла сблизить меня съ ея мужемъ и сдѣлала все возможное, чтобы связать насъ дружбою. Усилія ея, однако, не имѣли успѣха, такъ какъ помимо всѣхъ другихъ причинъ, самая внѣшность графа, его ледяная холодность и почти суровая сдержанность, мало располагали въ его пользу. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ далъ мнѣ прозвище „Сармата“ и въ обществѣ, когда рѣчь заходила обо мнѣ, постоянно спрашивалъ: „а что дѣлаетъ Сарматъ?“

Панинъ и Паленъ, иниціаторы заговора, были, несомнѣнно, въ то время наиболѣе выдающимися и способными людьми въ имперіи, среди правительства и двора. Они были несравненно дальновиднѣе и умнѣе всѣхъ остальныхъ чиновъ совѣта Павла, въ составъ котораго они оба входили. Они сговорились между собою и рѣшили привлечь на свою сторону Александра. Какъ люди благоразумные и осторожные, они поняли, что прежде всего имъ необходимо заручиться согласіемъ наслѣдника престола и что безъ его одобренія такое опасное предпріятіе, въ случаѣ неудачи, можетъ окончиться для нихъ крайне плачевно. Будь на ихъ мѣстѣ люди молодые, увлекающіеся и преданные дѣлу, они непремѣнно бы поступили иначе: не вмѣшивая въ такое дѣло сына, гдѣ вопросъ идетъ о низверженіи отца, они пошли бы на смерть, пожертвовавъ собою ради спасенія отечества, дабы избавить будущаго

государя отъ всякаго участія въ переворотѣ. Но такой образъ дѣйствій былъ почти немыслимъ и требовалъ отъ заговорщиковъ или беззавѣтной отваги или античной доблести, на чтò едва-ли были способны дѣятели этой эпохи.

Графъ Паленъ, который, въ качествѣ военнаго губернатора Петербурга, имѣлъ всегда возможность видѣться съ Александромъ, убѣдилъ великаго князя согласиться на тайное свиданіе съ Панинымъ. Это первое свиданіе произошло въ ванной комнатѣ. Панинъ изобразилъ Александру въ яркихъ краскахъ плачевное состояніе Россіи и тѣ невзгоды, которыя можно ожидать въ будущемъ, если Павелъ будетъ продолжать царствовать. Онъ старался доказать ему, что содѣйствіе перевороту является для него священнымъ долгомъ по отношенію къ отечеству, и что нельзя приносить въ жертву судьбу милліоновъ своихъ подданныхъ самодурству и жестокости одного человѣка, даже въ томъ случаѣ, если этотъ человѣкъ его отецъ. Онъ указалъ ему, что жизнь, по меньшей мѣрѣ, свобода его матери, его личная и всей царской семьи находится въ опасности, благодаря тому отвращенію, которое Павелъ питалъ къ своей супругѣ; съ послѣдней онъ совсѣмъ разошелся и свою ненависть, которая все возрастала, онъ даже не скрывалъ и естественно могъ при такомъ настроеніи принять самыя суровыя и крутыя мѣры; что дѣло идетъ вѣдь только о низверженіи Павла съ престола, дабы воспрепятствовать ему подвергнуть страну еще большимъ бѣдствіямъ, спасти императорское семейство отъ угрожающей ему опасности, создать самому Павлу спокойное и счастливое существованіе, вполнѣ обезпечивающее ему полную безопасность отъ всевозможныхъ случайностей, которымъ онъ подверженъ въ настоящее время. Что, наконецъ, дѣло спасенія Россіи находится въ его, великаго князя, рукахъ, и что, въ виду этого, онъ нравственно обязанъ поддержать тѣхъ, кто озабочены теперь спасеніемъ имперіи и династіи.

Эти слова Панина произвели сильное впечатлѣніе на Александра, но не убѣдили его окончательно дать свое согласіе. Только послѣ шестимѣсячныхъ увѣщаній и убѣжденій удалось, наконецъ, вырвать у него согласіе. Что касается гр. Палена, то онъ, какъ чрезвычайно ловкій человѣкъ, заставилъ предварительно высказаться Панина, считая его наиболѣе скромнымъ и способнымъ для столь труднаго дѣла, какъ склоненіе наслѣдника престола къ образу дѣйствій, противному его мыслямъ и чувствамъ. Послѣ опалы Панина и высылки его въ Москву, Паленъ приступилъ уже къ личному воздѣйствію на великаго князя путемъ всевозможныхъ намековъ, полусловъ и словечекъ, понятныхъ одному Александру, сказанныхъ подъ видомъ откровенности военнаго человѣка—каковая манера говорить являлась отличи-

тельнымъ свойствомъ краснорѣчія этого генерала [1]). Такимъ образомъ, послѣ отъѣзда въ Москву Н. П. Панина, Паленъ остался одинъ во главѣ заговора, и, въ концѣ-концовъ, ему удалось вырвать у Александра роковое согласіе на устраненіе Павла отъ престола.

Нельзя не сожалѣть, что благодаря всѣмъ этимъ роковымъ обстоятельствамъ, Александръ, который всегда стремился къ добру и который обладалъ столькими качествами для его осуществленія, не остался чуждымъ этой ужасной, но вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемой катастрофы, положившей предѣлъ жизненному поприщу его отца.

Несомнѣнно, что Россія страдала подъ управленіемъ такого человѣка, душевное равновѣсіе котораго было весьма сомнительно, и что самый переворотъ былъ вызванъ силой вещей, тѣмъ не менѣе Александръ всю свою жизнь носилъ въ душѣ этотъ тяжелый упрекъ въ соучастіи съ заговорщиками, посягнувшими, хотя и безъ его вѣдома, на жизнь его отца. Въ его глазахъ событіе 11-го марта было несомнѣннымъ пятномъ на его репутаціи какъ государя и человѣка, хотя въ сущности оно доказывало только его юношескую неопытность, полное незнаніе людей и своей страны. Этотъ упрекъ преслѣдовалъ его всю жизнь и подобно коршуну терзалъ его чувствительное сердце, парализуя въ началѣ его царствованія лучшія его способности и начинанія, а въ концѣ жизни привелъ его къ мистицизму, доходившему иногда до суевѣрія.

Императоръ Павелъ велъ государство къ неминуемой гибели и разложенію, внеся полную дезорганизацію въ правительственную машину. Онъ царствовалъ порывами, минутными вспышками, не заботясь о послѣдствіяхъ своихъ распоряженій, какъ человѣкъ, не дающій себѣ труда взвѣсить всѣ обстоятельства дѣла, который приказываетъ и требуетъ только немедленнаго исполненія своей воли. Всѣ, т. е. высшіе классы общества, правящія сферы, генералы, офицеры, значительное чиновничество—словомъ все, что въ Россіи составляло мыслящую и правящую часть націи—было болѣе или менѣе увѣрено, что императоръ не совсѣмъ нормаленъ и подверженъ болѣзненнымъ при-

---

[1]) Паленъ слылъ всегда за самаго тонкаго и хитраго человѣка, обладавшаго удивительною способностью выворачиваться изъ положеній самыхъ затруднительныхъ, особенно когда дѣло шло о быстромъ движеніи корабля его фортуны. Послѣдній тѣмъ не менѣе благодаря непредвидѣнной случайности потерпѣлъ крушеніе у самаго входа въ гавань, когда ему почти нечего было опасаться. Въ Лифляндіи на родинѣ Палена, мѣстное дворянство, хорошо его знавшее, говорило о немъ такъ: „Er hat die Pfiffologie studiert“—отъ нѣмецкаго слова „pfiffig“: хитрый, ловкій, пронырливый человѣкъ, который всегда мистифицируетъ другихъ, а самъ никогда не остается въ дуракахъ. Самъ Паленъ всегда употреблялъ это выраженіе, когда онъ хотѣлъ похвалить кого-нибудь. (Примѣчаніе автора).

падкамъ. Это было настоящее царство страха и въ концѣ-концовъ его ненавидѣли даже за добрыя его качества, хотя въ глубинѣ души онъ искалъ правды и справедливости и нерѣдко въ своихъ гнѣвныхъ порывахъ онъ каралъ справедливо и вѣрно. Вотъ почему въ его кратковременное царствованіе русскіе чиновники допускали менѣе злоупотребленій, были болѣе вѣжливы, держались на чеку, менѣе грабили и были менѣе заносчивы, чѣмъ въ предыдущія и послѣдующія царствованія. Но это правосудіе императора, воистину слѣпое, преслѣдованіе правыхъ и виноватыхъ, карало безъ разбора, было своевольно и ужасно, ежеминутно грозило генераламъ, офицерамъ, арміи, гражданскимъ чиновникамъ и въ результатѣ вызывало глухую ненависть къ человѣку, заставлявшему всѣхъ трепетать и державшаго ихъ въ постоянномъ страхѣ за свою судьбу.

Такимъ образомъ, заговоръ можно было назвать всеобщимъ: высшая аристократія, дворянство, гвардія и армія, среднее сословіе, ремесленники, словомъ, все населеніе столицы, а также помѣщики, чиновники и купечество — всѣ трепетали, всѣ чувствовали невыносимый гнетъ его жестокаго самовластія и утомились подъ вліяніемъ постояннаго страха. Такое состояніе общества, подавленнаго и терроризированнаго, должно было наконецъ разразиться катастрофой.

Въ такомъ положеніи находилась Россія съ первыхъ дней царствованія Павла, при чемъ съ каждымъ годомъ странности и причуды императора все возрастали. Это и было истинной причиной заговора, закончившагося его смертью. Многіе увѣряли, что успѣху заговора способствовало англійское золото. Я лично этого не думаю. Если даже допустить, что тогдашнее британское правительство было лишено всякихъ нравственныхъ принциповъ, то и обвиненіе его въ соучастіи въ заговорѣ едва-ли основательно, такъ какъ событіе 11 марта 1801 г. вызвано вполнѣ естественными причинами. Со времени вступленія на престолъ Павла, въ Россіи существовало хотя и смутное, но единодушное предчувствіе скорой давно желанной перемѣны правленія. Объ этомъ говорили полусловами, намеками, но весьма усиленно. Еще въ 1797 году, до моего отъѣзда изъ Петербурга, среди придворной молодежи считалось признакомъ хорошаго тона критиковать и высмѣивать дѣйствія Павла, составлять на его счетъ эпиграммы и вообще допускать такія вольности, которыя при этомъ говорились почти во всеуслышаніе. Это была государственная тайна, которая довѣрялась всѣмъ, даже женщинамъ и юнымъ щеголямъ общества, и между тѣмъ никто не проговорился, никто эту тайну не выдалъ. И это при монархѣ столь подозрительномъ и недовѣрчивомъ, какимъ былъ Павелъ.

Но предпріятіе это никогда бы не осуществилось и тайна была бы все-таки раскрыта, если бы постъ петербургскаго военнаго губернатора, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи войска и полицію, не находился въ рукахъ рѣшительнаго человѣка, который самъ руководилъ всѣмъ заговоромъ.

Говорятъ, что однажды, во время доклада, императоръ Павелъ, устремивъ испытующій взоръ на Палена, сказалъ ему:—„Мнѣ извѣстно, что противъ меня задуманъ заговоръ".—„Это невозможно, государь",—отвѣтилъ совершенно спокойно Паленъ—„ибо въ такомъ случаѣ я, который все знаю, былъ бы самъ въ числѣ заговорщиковъ".— Этотъ отвѣтъ и добродушная улыбка генералъ-губернатора совершенно успокоили Павла. Увѣряютъ, однако, что нѣсколько анонимныхъ писемъ все-таки возбудили подозрѣнія императора, и наканунѣ своей смерти онъ велѣлъ тайно вызвать въ Петербургъ Аракчеева, который долженъ былъ занять мѣсто Палена. Будь Аракчеевъ вó-время въ столицѣ—ходъ дѣла могъ бы совершенно измѣниться и въ Петербургѣ произошли бы самыя трагическія событія. Суровый, почти звѣрскій характеръ этого человѣка служитъ тому порукою. Вмѣстѣ съ Аракчеевымъ явился бы и Ростопчинъ, и Павелъ вѣроятно былъ бы спасенъ. Но судьба устроила иначе: разогнавъ благодаря своей вспыльчивости многихъ преданныхъ ему и энергичныхъ людей, Павелъ окружилъ себя людьми бездарными и неспособными, которымъ розданы были лучшія правительственныя должности. Таковъ былъ князь Куракинъ, человѣкъ добрый, но ограниченный, стоявшій во главѣ иностранныхъ дѣлъ; генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, получившій этотъ высокій и отвѣтственный постъ только потому, что онъ когда-то управлялъ гатчинскими землями. Наконецъ, самымъ довѣреннымъ и близкимъ къ императору лицомъ былъ гр. Кутайсовъ, бывшій брадобрей Павла и состоящій теперь шталмейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ. Это былъ не злой человѣкъ, но безпечный, любившій пожить, у котораго на другой день, когда его арестовали, въ карманѣ камзола найдены были письма, сообщавшія подробный планъ заговора и списокъ всѣхъ его участниковъ. Но Кутайсовъ даже не распечаталъ этихъ писемъ, сказавъ очень спокойно: „ну, дѣла можно отложить и до завтрашняго дня". Онъ положилъ ихъ въ карманъ, не читая, такъ какъ спѣшилъ на ночное свиданіе.

V.

Постройка Михайловскаго замка.—Заговоръ.—Ужинъ у Платона Зубова.— 11 марта 1801 г.—Беннигсенъ.—Валеріанъ Зубовъ.—Императрица Марія Ѳеодоровна.—Молодая императрица.—Въ какой мѣрѣ справедливо обвиненіе Александра въ смерти отца.

Императоръ Павелъ только-что окончилъ постройку Михайловскаго дворца. Этотъ дворецъ, стоившій громадныхъ денегъ, представлялъ собою тяжелое массивное зданіе, похожее на крѣпость, въ которомъ императоръ считалъ себя совершенно безопаснымъ отъ всякихъ случайностей. Изъ удобнаго и помѣстительнаго Зимняго дворца онъ переѣхалъ въ новый замокъ, стѣны котораго еще были сыры и мокры, и несмотря на это былъ въ восхищеніи отъ новой постройки, которую расхваливалъ своимъ приближеннымъ и вообще считалъ себя счастливымъ и довольнымъ, съ восхищеніемъ показывая своимъ гостямъ роскошные аппартаменты новаго дворца. Это было въ январѣ 1801 года.

Между тѣмъ заговоръ, который постепенно подготовлялся, былъ близокъ къ осуществленію. Необходимъ былъ толчекъ, который быстро долженъ былъ подвинуть дѣло, и толчкомъ этимъ явилось согласіе, вызванное у великаго князя Александра Павловича главарями заговора: графомъ Н. П. Панинымъ, Паленомъ и братьями Зубовыми—Платономъ и Николаемъ. Графъ Панинъ находился въ ссылкѣ въ Москвѣ, въ Петербургѣ же всѣ нити заговора находились въ рукахъ Палена и Зубовыхъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, были недавно возвращены изъ ссылки и осыпаны милостями Павла, который, не считая ихъ болѣе опасными, весь отдался чувству великодушія по отношенію къ бывшимъ врагамъ.

Тѣмъ временемъ Паленъ и Зубовы, подъ разными благовидными предлогами, вызвали въ столицу многихъ генераловъ и офицеровъ которыхъ они считали своими единомышленниками. Многіе сановники и генералы были также приглашены въ Петербургъ императоромъ для присутствованія на празднествахъ по случаю бракосочетанія одной изъ великихъ княженъ. Паленъ и Зубовы не замедлили воспользоваться и этимъ, чтобы войти въ сношеніе съ многими изъ этихъ лицъ и узнать ихъ образъ мыслей, не открывая имъ однако подробностей заговора. Такое положеніе вещей не могло однако продолжаться долго: малѣйшій намекъ, малѣйшій доносъ, даже не подтвержденный доказательствами, могли возбудить подозрительность Павла и вызвать гнѣвъ, послѣдствія котораго всегда были ужасны. Ходили слухи, что онъ уже сдѣлалъ тайное распоряженіе о вызовѣ въ Петербургъ Аракчеева и Ростопчина,—людей, на безусловную

преданность которыхъ онъ могъ всегда положиться. Первый изъ нихъ находился въ это время въ своемъ имѣніи не далеко отъ Петербурга и менѣе чѣмъ въ сутки могъ прибыть въ столицу. Положеніе заговорщиковъ становилось дѣйствительно опаснымъ, и всякое промедленіе, всякое колебаніе угрожало теперь страшными бѣдствіями.

Въ виду всего этого, выполненіе заговора было назначено на 11-ое марта 1801 года. Вечеромъ въ тотъ же день кн. Платонъ Зубовъ устроилъ большой ужинъ, на который были приглашены всѣ генералы и высшіе офицеры, взгляды которыхъ были хорошо извѣстны. Большинство изъ нихъ только въ этотъ вечеръ узнали всю суть дѣла, на которое имъ придется идти тотчасъ послѣ ужина. Надо сознаться, что такой способъ, несомнѣнно, слѣдуетъ считать наиболѣе удачнымъ для заговора: всѣ подробности его были извѣстны лишь двумъ—tремъ руководителямъ, всѣ же остальные участники этой драмы должны были узнать ихъ лишь въ самый моментъ его выполненія, чѣмъ естественно лучше всего обезпечивались сохраненіе тайны и безопасность отъ случайнаго доноса.

За ужиномъ Платонъ Зубовъ сказалъ рѣчь, въ которой, описавъ плачевное положеніе Россіи, указывалъ на бѣдствія, угрожающія государству и частнымъ людямъ, если безумныя выходки Павла будутъ продолжаться. Онъ указалъ на безразсудность разрыва съ Англіей, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ея экономическое благосостояніе; доказывалъ, что при такомъ положеніи нашей внѣшней политики Балтійскимъ портамъ и самой столицѣ можетъ грозить неминуемая опасность, что, наконецъ, никто изъ присутствующихъ не можетъ быть увѣренъ въ личной безопасности, не зная, что его ожидаетъ на слѣдующій день. Затѣмъ, онъ сталъ говорить о прекрасныхъ душевныхъ качествахъ наслѣдника престола великаго князя Александра, на котораго покойная императрица Екатерина всегда смотрѣла, какъ на истиннаго своего преемника и которому она, несомнѣнно, передала бы имперію, еслибы не внезапная ея кончина. Свою рѣчь Зубовъ закончилъ заявленіемъ, что великій князь Александръ, удрученный бѣдственнымъ положеніемъ родины, рѣшился спасти ее и, что, такимъ образомъ, все дѣло сводится теперь лишь къ тому, чтобы низложить императора Павла, заставивъ его подписать отреченіе въ пользу наслѣдника престола. Провозглашеніе Александра, по словамъ оратора, спасетъ отечество и самого Павла отъ неминуемой гибели. Въ заключеніе гр. Паленъ и Зубовы категорически заявили всему собранію, что настоящій проектъ вполнѣ одобренъ Александромъ. Они только умолчали о томъ, какихъ усилій и увѣреній стоило имъ получить это согласіе.

Съ этого момента колебанія заговорщиковъ прекратились: пили здоровье будущаго императора, и вино полилось рѣкою. Паленъ, оставившій на время собраніе, поѣхалъ во дворецъ и вскорѣ вернулся, принеся извѣстіе, что ужинъ въ Михайловскомъ замкѣ прошелъ спокойно, что императоръ, повидимому, ничего не подозрѣваетъ и разстался съ императрицей и великими князьями, какъ обыкновенно. Лица, бывшія во время ужина во дворцѣ, впослѣдствіи, вспоминали, что Александръ, прощаясь съ отцомъ, не выказалъ при этомъ никакого волненія, и жестоко обвиняли его въ безсердечіи и двоедушіи. Это глубоко несправедливо, такъ какъ въ послѣдующихъ моихъ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ послѣдній неоднократно разсказывалъ мнѣ совершенно искренно о своемъ ужасномъ душевномъ волненіи въ эти минуты, когда сердце его буквально разрывалось отъ горя и отчаянія. Да оно и не могло быть иначе, ибо въ такія минуты онъ не могъ не думать объ опасности, угрожавшей ему, его матери и всему семейству въ случаѣ неудачи заговора. При этомъ необходимо сказать, что вырванное у него почти насильно согласіе на отреченіе отца было дано имъ послѣ торжественнаго обѣщанія не причинять никакого зла Павлу, и что мысль о лишеніи его жизни не могла придти ему въ голову. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ планы заговора входило лишь устраненіе Павла отъ престола, и что роковая катастрофа произошла совершенно неожиданно для большинства заговорщиковъ, среди которыхъ исполнителями этой драмы явились нѣсколько человѣкъ, потерявшихъ самообладаніе, благодаря чрезмѣрному количеству выпитаго вина и сводившихъ въ этотъ моментъ свои личные счеты съ злополучнымъ монархомъ. Что касается поведенія Александра во время ужина, то извѣстно, что оба великіе князя были всегда чрезвычайно сдержанны въ присутствіи отца, и эта привычка скрывать свои мысли и чувства, это вынужденное спокойствіе могутъ служить лучшимъ объясненіемъ того, что никто изъ присутствующихъ въ этотъ вечеръ не замѣтилъ той глубокой душевной борьбы, которая, несомнѣнно, происходила въ душѣ Александра.

Ужинъ между тѣмъ продолжался, и всеобщее возбужденіе росло благодаря обильнымъ возліяніямъ. Только главари заговора воздерживались, стараясь сохранить присутствіе духа, столь необходимое въ эти минуты, большинство же гостей были сильно навеселѣ, при чемъ нѣсколько человѣкъ уже едва держались на ногахъ. Наконецъ, время, назначенное для исполненія заговора, наступило. Въ полночь всѣ встали со стола и двинулись въ путь. Заговорщики раздѣлились на двѣ партіи, въ каждой изъ которыхъ было до 60-ти человѣкъ. Первая группа, во главѣ которой находились братья Платонъ и Николай Зубовы

и генералъ Беннигсенъ, направились прямо къ Михайловскому замку, другая подъ предводительствомъ гр. Палена, должна была проникнуть во дворецъ со стороны Лѣтняго сада. Плацъ-адъютантъ замка (капитанъ Аргамаковъ), знавшій всѣ ходы и выходы дворца по обязанности своей службы, шелъ во главѣ перваго отряда, съ потайнымъ фонаремъ въ рукѣ и провелъ заговорщиковъ до передней государевой опочивальни. Стоявшій у двери лакей (камеръ-гусаръ) не пропускалъ заговорщиковъ и сталъ звать на помощь. Защищаясь отъ наступавшихъ на него заговорщиковъ, онъ былъ раненъ и упалъ, обливаясь кровью. Между, тѣмъ императоръ, заслышавъ крики и шумъ въ передней, проснулся, быстро всталъ съ кровати и направился къ двери, ведшей въ комнату императрицы, которая была завѣшена большой портьерой.

Къ несчастью злополучнаго Павла, эта дверь еще недавно была наглухо заколочена по его же приказанію. Въ то же время громкіе крики взывавшаго о помощи вѣрнаго камеръ-гусара привели заговорщиковъ въ смущеніе: они остановились въ нерѣшительности и стали совѣщаться. Шедшій во главѣ отряда Зубовъ растерялся и уже хотѣлъ скрыться, увлекая за собою другихъ; но въ это время къ нему подошелъ генералъ Беннигсенъ и, схвативъ его за руку, сказалъ:—„Какъ? Вы сами привели насъ сюда и теперь хотите отступать? это невозможно, мы слишкомъ далеко зашли, чтобы слушаться вашихъ совѣтовъ, которые насъ ведутъ къ гибели. Жребій брошенъ, надо дѣйствовать. Впередъ!"—Слова эти я слышалъ впослѣдствіи отъ самого Беннигсена.

Такимъ образомъ, этотъ человѣкъ, благодаря своей рѣшительности, сталъ во главѣ событія, имѣвшаго такое важное вліяніе на судьбы имперіи и европейской политики. А между тѣмъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые узнали о заговорѣ лишь въ этотъ самый день. Онъ рѣшительно становится во главѣ отряда, и наиболѣе смѣлые слѣдуютъ за нимъ. Они врываются въ спальню императора и идутъ прямо къ его кровати, но съ ужасомъ видятъ, что Павла уже нѣтъ. Тревога снова охватываетъ заговорщиковъ: они ходятъ по комнатѣ и со свѣчей ищутъ Павла. Наконецъ, злополучный монархъ найденъ за портьерой, куда онъ скрылся, заслышавъ шумъ. Его выводятъ изъ этого прикрытія, и генералъ Беннигсенъ, въ шляпѣ и съ обнаженной шпагой въ рукѣ, говоритъ императору: „государь, вы мой плѣнникъ и вашему царствованію наступилъ конецъ; откажитесь отъ престола и подпишите немедленно актъ отреченія въ пользу великаго князя Александра". Тѣмъ временемъ императору подносятъ заготовленный черновикъ акта отреченія. Павелъ беретъ въ руки перо, но въ это время за дверью снова раздаются крики. Беннигсенъ

выходить изъ комнаты, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и принять необходимыя мѣры для безопасности императорскаго семейства, но едва онъ переступилъ порогъ, какъ произошла возмутительная сцена. Несчастный Павелъ остался одинъ среди толпы заговорщиковъ, окруженный людьми, изъ которыхъ многіе пылали жаждою мщенія: одни за преслѣдованія, другіе за оказанныя имъ несправедливости, иные наконецъ за простые отказы на ихъ просьбы. Тутъ начались надъ нимъ возмутительныя издѣвательства со стороны этихъ людей, озвѣрѣвшихъ при видѣ жертвы, очутившейся въ ихъ власти. Возможно, что смерть его была заранѣе рѣшена наиболѣе мстительными и свирѣпыми заговорщиками, вѣроятно, безъ вѣдома главныхъ руководителей и во всякомъ случаѣ безъ ихъ формальнаго согласія. Ужасную развязку, повидимому, ускорили крики, раздавшіеся въ коридорѣ и вызвавшіе уходъ Беннигсена. Графъ Николай Зубовъ, человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія, какъ говорятъ, первый нанесъ ударъ императору, и послѣ этого ничто уже не могло удержать разсвирѣпѣвшихъ заговорщиковъ. Теперь въ лицѣ Павла они видѣли только изверга, тирана, непримиримаго врага: беззащитность жертвы уже ихъ не останавливала, возбуждая въ нихъ дикое чувство мести.

На несчастнаго посыпались удары. Одинъ изъ заговорщиковъ, имени котораго я теперь не припоминаю, отвязалъ свой офицерскій шарфъ и накинулъ его на шею злополучнаго монарха. Послѣдній сталъ отбиваться и по естественному чувству самосохраненія, высвободивъ одну руку, просунулъ ее между шеей и охватывавшимъ ее шарфомъ, крича: воздуху! воздуху!—Въ это время увидавъ красный конно-гвардейскій мундиръ одного изъ заговорщиковъ и принявъ послѣдняго за сына своего Константина, императоръ въ ужасѣ закричалъ: „ваше высочество, пощадите! воздуху! воздуху!“ Но заговорщики схватываютъ руку Павла и затягиваютъ шарфъ съ безумной силой. Несчастный императоръ уже испустилъ послѣдній вздохъ, но озвѣрѣвшіе злодѣи продолжаютъ затягивать петлю и влекутъ безжизненное тѣло по комнатѣ. Между тѣмъ болѣе трусливые, бросившіеся было къ выходу, снова возвращаются въ комнату, принимаютъ участіе въ убійствѣ и даже превосходятъ первоначальныхъ убійцъ своимъ звѣрствомъ и жестокостью. Генералъ Беннигсенъ въ это время возвращается и съ ужасомъ видитъ страшную картину. Не знаю, насколько искренно было его негодованіе при видѣ всего, что произошло въ его отсутствіе, но онъ поспѣшилъ положить конецъ этой возмутительной сценѣ.

Между тѣмъ крики „Павелъ болѣе не существуетъ!“ распространяются среди другихъ заговорщиковъ, пришедшихъ позже, которые, не стѣсняясь, громко высказываютъ свою радость, забывъ о всякомъ

чувствѣ приличія и человѣческаго достоинства. Они толпами ходятъ по коридорамъ и заламъ дворца, громко разсказываютъ другъ другу о своихъ подвигахъ, и нѣкоторые проникаютъ въ винные погреба, продолжая оргію, начатую въ домѣ Зубовыхъ.

Паленъ, заблудившійся, повидимому, со своимъ отрядомъ въ аллеяхъ лѣтняго сада, прибылъ со своей партіей во дворецъ, когда все уже было кончено. Говорили, что онъ умышленно опоздалъ съ тѣмъ. чтобы, въ случаѣ неудачи заговора, выступить въ роли защитника императора и при надобности арестовать своихъ единомышленниковъ. Какъ бы то ни было, извѣстно только то, что Паленъ, явившись во дворецъ, тотчасъ проявилъ необычайную дѣятельность, сталъ отдавать приказанія и въ теченіе всей остальной ночи выказалъ распорядительность и энергію, свойственныя его характеру и сдѣлавшія его въ эти времена почти полновластнымъ вершителемъ судебъ государства.

Изъ всего сказаннаго легко убѣдиться, насколько, несмотря на всѣ принятыя мѣры, судьба заговора была въ зависимости отъ цѣлаго ряда случайностей, благодаря которымъ все предпріятіе могло рушиться. Послѣдующія событія докажутъ справедливость этого предположенія.

Можно сказать, не ошибаясь, что заговоръ былъ составленъ при почти единодушномъ согласіи высшихъ классовъ общества и преимущественно офицеровъ. Но не то было среди солдатъ. Гнѣвныя выходки и строгости императора Павла обыкновенно обрушивались на сановниковъ и высшихъ чиновъ военнаго сословія. Чѣмъ выше было служебное положеніе лица, тѣмъ болѣе подвергалось оно опасности вызвать гнѣвъ государя; солдаты же рѣдко бывали въ отвѣтѣ. Напротивъ, положеніе ихъ было гораздо лучше, и нижніе чины послѣ вахтъ-парадовъ и смотровъ получали удвоенную пищу, порцію водки и денежныя награды. Особенно въ гвардіи, среди которой было не мало женатыхъ, солдаты жили въ извѣстномъ довольствѣ и въ большинствѣ были преданы императору. Генералъ Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, одинъ изъ видныхъ заговорщиковъ, человѣкъ, пользовавшійся любовью солдатъ, взялся доставить во дворецъ, въ ночь заговора, баталіонъ командуемаго имъ полка. Послѣ ужина у Зубовыхъ, онъ собралъ баталіонъ и обратился къ солдатамъ съ рѣчью въ которой объявилъ людямъ, что тягость и строгости ихъ службы скоро прекратятся, что наступаетъ время, когда у нихъ будетъ государь милостивый, добрый и снисходительный, при которомъ все пойдетъ иначе. Взглянувъ на солдатъ, онъ, однако, замѣтилъ, что слова его не произвели на нихъ благопріятнаго впечатлѣнія; всѣ хранили молчаніе, лица сдѣлались угрюмыми, и въ рядахъ послышался

сдержанный ропотъ. Тогда онъ прекратилъ свою рѣчь и суровымъ командным голосомъ сказалъ: „полу-оборотъ на право.—Маршъ!"— послѣ чего войска машинально повиновались его голосу. Баталіонъ былъ приведенъ въ Михайловскій дворецъ и занялъ всѣ его выходы.

Графъ Валеріанъ Зубовъ, потерявшій ногу во время польской войны, не находился вмѣстѣ съ заговорщиками и прибылъ во дворецъ значительно позже, когда извѣстіе о смерти императора Павла уже распространилось. Онъ прошелъ въ одну изъ залъ, въ которой стоялъ пѣхотный караулъ, и захотѣлъ убѣдиться въ настроеніи солдатъ. Онъ подошелъ къ караулу и поздравилъ солдатъ съ новымъ государемъ. Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на его слова, и графъ поспѣшилъ удалиться, не желая подвергнуться враждебнымъ манифестаціямъ.

Всѣ эти подробности указываютъ на то, что императору Павлу было бы легко справиться съ заговорщиками, если бы ему удалось вырваться изъ ихъ рукъ хотя на минуту и показаться войскамъ. Найдись хоть одинъ человѣкъ, который явился бы отъ его имени къ солдатамъ—онъ былъ бы быть можетъ спасенъ, а заговорщики арестованы. Весь успѣхъ заговора заключался въ быстротѣ его выполненія. Это доказываетъ также, насколько труднымъ и неосуществимымъ являлся планъ Александра взять императора подъ опеку. Останься Павелъ живъ, кровь полилась бы на плахахъ, полъ - Россіи сослано было бы въ Сибирь, и весьма вѣроятно, что необузданный гнѣвъ его распространился и на членовъ собственнаго его семейства.

Посмотримъ теперь, что происходило въ эту ужасную ночь въ той части дворца, гдѣ помѣщалось императорское семейство. Великому князю Александру уже было извѣстно, что въ эту ночь отцу его будетъ предложено отреченіе отъ престола. Взволнованный разнообразными чувствами, переживая жесточайшія душевныя муки, великій князь не раздѣваясь бросился на постель. Ночью, въ началѣ 1-го часа раздался стукъ въ его дверь, и на порогѣ появился графъ Николай Зубовъ, всклокоченный, съ дикимъ, блуждающимъ взоромъ, съ лицомъ, измѣнившимся подъ вліяніемъ вина и только что совершеннаго злодѣянія. Онъ подошелъ къ великому князю и глухимъ голосомъ сказалъ: „Все совершено".—„Что такое? Что совершилось?"—спросилъ съ испугомъ Александръ. Великій князь плохо слышалъ и не сразу понялъ эти слова; съ своей стороны, Зубовъ тоже не рѣшался высказаться прямо. Произошла небольшая пауза. Великій князь былъ такъ далекъ отъ мысли о смерти отца, что не допускалъ даже мысли объ этомъ. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе, что въ разговорѣ Зубовъ все время называлъ его „государь" и „ваше величество"... Тогда наконецъ Александръ (разсчитывавшій

быть только регентомъ имперіи) понялъ ужасную истину и предался самой искренней неудержимой печали.

Слѣдуетъ ли этому удивляться? Величайшіе честолюбцы и тѣ не могутъ совершить преступленіе или считать себя его виновниками безъ ужаса и содроганія, а вѣдь Александръ въ то время былъ чуждъ всякаго честолюбія, да впослѣдствіи никогда не проявлялъ его. Мысль, что онъ даже косвенно является виновникомъ смерти отца, была для него острымъ мечомъ, терзавшимъ его чувствительное сердце, сознавая, что это будетъ вѣчнымъ укоромъ и ляжетъ чернымъ пятномъ на его репутацію.

Между тѣмъ слухъ о возмущеніи и о покушеніи на жизнь Павла дошелъ до императрицы. Она быстро встала съ кровати и наскоро одѣвалась. Извѣстіе о совершившемся преступленіи повергло ее въ ужасъ, горе и отчаяніе, смѣшанные съ опасеніями за собственную участь. Несомнѣнно, что многія императрицы и вообще иностранныя принцессы, занесенныя судьбою въ Россію, не могли иногда не думать въ глубинѣ души о возможности вступленія на престолъ при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ. Императрица Марія Ѳеодоровна предстала передъ заговорщиками сильно взволнованною, и крики ея раздавались въ коридорахъ, прилегающихъ къ ея аппартаментамъ. Увидавъ гренадеръ, она направилась къ нимъ и сказала, повторивъ нѣсколько разъ: „Что же, разъ нѣтъ болѣе императора, который палъ жертвою злодѣевъ - измѣнниковъ,—то теперь я ваша императрица, я одна ваша законная государыня! Защищайте меня и слѣдуйте за мною!"—Тогда Беннигсенъ и Паленъ, которые привели во дворецъ преданный имъ отрядъ войскъ, съ большимъ трудомъ уговорили императрицу вернуться въ ея аппартаменты, около которыхъ немедленно поставленъ караулъ. Императрица, подъ вліяніемъ охватившаго ее волненія, пыталась однако не щадить никакихъ мѣръ воздѣйствія на войска, чтобы добиться престола и отомстить за смерть своего супруга. Но ни въ ея внѣшности, ни въ характерѣ не было тѣхъ качествъ, которыя дѣйствуютъ на людей и увлекаютъ на подвиги и отважныя рѣшенія. Какъ женщина и императрица, она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, но ея отрывистыя фразы, ея русская рѣчь съ довольно сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ не произвели должнаго впечатлѣнія на солдатъ, и часовые молча скрестили передъ ней ружья. Тогда, поборовъ свое волненіе, она удалилась въ свою комнату, предавшись безмолвному горю.

Мнѣ никогда не удалось узнать подробностей о первомъ свиданіи Александра съ матерью послѣ катастрофы [1]). Что они говорили?

---

[1]) Свиданіе это весьма подробно описано въ „Запискахъ Саблукова". („Историч. Вѣстникъ" мартъ 1906 г.).

Какое объясненіе произошло между ними по поводу происшедшихъ ужасныхъ событій? Несомнѣнно, что впослѣдствіи они поняли другъ друга, но въ эти первыя ужасныя минуты императоръ Александръ, подавленный всѣмъ тѣмъ, чтó ему пришлось пережить, былъ почти не въ силахъ высказать что бы то ни было. Съ другой стороны императрица-мать дошла до высшей степени экзальтаціи и раздражительности и смотрѣла на самыхъ близкихъ ей лицъ почти враждебно, утерявъ всякое чувство самообладанія и справедливости.

Въ эти тяжелыя для всей царской семьи минуты, среди царившей во дворцѣ сумятицы, молодая императрица Елизавета была, по отзывамъ всѣхъ очевидцевъ, единственнымъ лицомъ, сохранившимъ спокойствіе и полное присутствіе духа. Впослѣдствіи императоръ Александръ не разъ вспоминалъ объ этомъ. Нѣжная и любящая, она утѣшала Александра, поддерживая его мужество и самообладаніе. Она не покидала его всю эту ночь и отлучалась только на время, чтобы успокоить вдовствующую императрицу, уговаривая ее оставаться въ своихъ аппартаментахъ, сдерживая ея порывы, указывая на печальныя послѣдствія, могущія произойти отъ излишняго неосторожнаго слова въ такое время, когда заговорщики, опьяненные успѣхомъ, наполняли всѣ залы и властвовали во дворцѣ. Словомъ, въ эту ночь, полную ужаса и тревоги, императрица Елизавета являлась умиротворительницей, примиряющей властью, авторитетъ которой признавался всѣми, настоящимъ ангеломъ утѣшителемъ и посредникомъ между супругомъ, вдовствующей государыней и заговорщиками.

Въ первое время императоръ Александръ находился въ ложномъ, крайне затруднительномъ и тяжеломъ положеніи по отношенію къ дѣятелямъ заговора. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ чувствовалъ себя какъ бы въ ихъ власти, не рѣшаясь дѣйствовать во всемъ вполнѣ самостоятельно. И это не изъ чувства страха или опасеній, а благодаря присущему ему чувству справедливости, которое и впослѣдствіи помѣшало ему предать суду наиболѣе виновныхъ изъ нихъ. Александръ зналъ, что мысль о заговорѣ сложилась въ умахъ чуть ли не съ первыхъ дней царствованія Павла, но что она осуществилась лишь съ того момента, когда имъ стало извѣстно о согласіи наслѣдника престола. Какимъ же образомъ могъ онъ принять строгія мѣры, когда это согласіе, хотя бы и вынужденное и условное, было все-таки дано имъ? Какъ долженъ будетъ поступить судъ, выдѣляя главныхъ дѣятелей отъ менѣе виновныхъ? Къ послѣдней же категоріи придется отнести главнѣйшихъ представителей высшаго общества, гвардіи и арміи. Почти все Петербургское общество было замѣшано въ этомъ дѣлѣ. Какъ установить по закону различіе этой

отвѣтственности между лицами, принявшими непосредственное участіе въ убійствѣ, и тѣмъ, кто желалъ только отреченія? Заставить Павла подписать отреченіе — не есть ли это уже насиліе надъ его личностью, допускающее само по себѣ возможность, въ случаѣ сопротивленія и борьбы, поднять на него руку?

Вотъ почему едва-ли справедливы тѣ, кто осуждалъ императора Александра за то, что онъ немедленно не предалъ суду лицъ, принимавшихъ ближайшее участіе въ этомъ преступленіи, вопреки ясно выраженной имъ волѣ. При томъ же онъ долгое время не зналъ ихъ именъ, которыя естественно отъ него скрывали. Никто изъ заговорщиковъ не хотѣлъ ихъ выдать, такъ какъ въ качествѣ ихъ сообщниковъ и единомышленниковъ, они сознавали грозившую имъ всѣмъ опасность. Александру лишь черезъ нѣсколько лѣтъ постепенно удалось узнать имена этихъ лицъ, которыя частью сами удалились со сцены, частью же были сосланы на Кавказъ при содѣйствіи весьма многочисленныхъ ихъ соучастниковъ, сохранившихъ свои мѣста и положеніе. Всѣ они умерли несчастными, начиная съ Николая Зубова, который, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Александра, умеръ вдали отъ двора, не смѣя появляться въ столицѣ, терзаемый болѣзнью, угрызеніями совѣсти и неудовлетвореннымъ честолюбіемъ.

Беннигсенъ никогда не вернулся ко двору. Должность литовскаго генералъ-губернатора, которую онъ занималъ, была передана Кутузову. Только въ концѣ 1806 года военныя дарованія Беннигсена побудили императора Александра снова призвать его къ дѣятельности и поставить во главѣ арміи, сражавшейся подъ Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ.

Князь Платонъ Зубовъ, оффиціальный руководитель заговора, не добился, несмотря на всѣ свои старанія, никакой высшей должности въ управленіи и, сознавая, насколько его присутствіе непріятно императору Александру, поспѣшилъ удалиться въ свои помѣстья. Затѣмъ онъ предпринялъ заграничное путешествіе, долго странствовалъ и умеръ, не возбудивъ ни въ комъ сожалѣній.

Я уже упомянулъ выше, какимъ образомъ былъ удаленъ графъ Паленъ. То же произошло и съ графомъ Панинымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ, незадолго до коронаціи, императоръ Александръ отнялъ у него портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Эти главные руководители и вдохновители всего заговора были поставлены подъ надзоръ высшей военной полиціи и получили приказаніе не только не показываться при дворѣ, но никогда не появляться даже вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ находиться императоръ. Карьера ихъ была навсегда закончена и обоимъ

имъ пришлось навсегда отказаться отъ государственной дѣятельности, которая между тѣмъ была ихъ элементомъ, и закончить существованіе въ одиночествѣ и полномъ забвеніи.

Если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, то легко убѣдиться, что императоръ Александръ въ его положеніи не могъ поступить иначе по отношенію къ заговорщикамъ, несмотря на увѣщанія своей матери.

Эта форма наказанія, избранная для нихъ Александромъ, была имъ наиболѣе чувствительна, но несомнѣнно и то, что болѣе всѣхъ наказалъ онъ себя самого, какъ бы умышленно терзая себя упреками совѣсти, вспоминая объ этомъ ужасномъ событіи въ теченіе всей своей жизни. Приближалось время коронованія. Въ концѣ августа 1801 года дворъ и высшія власти Петербурга переѣхали въ Москву. Здѣсь среди величественныхъ церемоній празднествъ и увеселеній, среди трогательныхъ проявленій народной любви и восторга, воображенію Александра невольно представлялся образъ его отца, еще недавно съ тою же торжественностью входившаго на ступени трона, вскорѣ обагреннаго его кровью. Пышная обстановка коронаціонныхъ торжествъ, съ ея блестящимъ ореоломъ самодержавной власти, не только не прельщала Александра, но еще болѣе растравила его душевную рану. Я думаю, что онъ въ эти минуты былъ особенно несчастенъ. Цѣлыми часами оставался онъ въ безмолвіи и одиночествѣ съ блуждающимъ взоромъ, устремленнымъ въ пространство, и въ такомъ состояніи находился почти въ теченіе многихъ дней, не допуская къ себѣ почти никого.

Я былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, съ которыми онъ видѣлся болѣе охотно въ эти тяжелыя минуты, тѣмъ болѣе, что съ давнихъ поръ онъ дѣлился со мною самыми тайными, сокровенными мыслями и довѣрялъ свое горе. Получивъ отъ него разрѣшеніе входить къ нему во всякое время безъ доклада, я старался по мѣрѣ силъ вліять на его душевное состояніе и призывать его къ бодрости, напоминая о лежащихъ на немъ обязанностяхъ. Нерѣдко однако упадокъ духа былъ настолько силенъ, что онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующей фразой: „Нѣтъ, все, что вы говорите, для меня невозможно, я долженъ страдать, ибо ничто не въ силахъ уврачевать мои душевныя муки“.

Всѣ близкіе къ нему люди, видя его въ такомъ состояніи, стали опасаться за его душевное равновѣсіе и такъ какъ я былъ единственный человѣкъ, который могъ говорить съ нимъ откровенно, то меня часто просили навѣщать его. Смѣю думать, что усилія мои повліяли благотворно на его душевное состояніе и что многіе мои доводы поддержали его падающую энергію. Нѣсколько лѣтъ спустя,

великія событія, въ которыхъ императоръ Александръ игралъ такую выдающуюся и славную роль, доставили ему успокоеніе и въ теченіе нѣкотораго времени поглотили все его вниманіе и вызвали кипучую дѣятельность. Но въ послѣдніе годы его царствованія та же мрачная идея снова завладѣла имъ, вызвала отвращеніе къ жизни и повергла въ мистицизмъ, близкій къ ханжеству.

Во время неоднократныхъ бесѣдъ нашихъ о событіи 11 марта, Александръ не разъ говорилъ мнѣ о своемъ желаніи облегчить насколько возможно участь отца послѣ его отреченія. Онъ хотѣлъ предоставить ему въ полное распоряженіе его любимый Михайловскій дворецъ, въ которомъ низверженный монархъ могъ бы найти спокойное убѣжище и пользоваться комфортомъ и покоемъ. Въ его распоряженіе хотѣлъ отдать обширный паркъ для прогулокъ и верховой ѣзды, хотѣлъ выстроить для него манежъ и театръ—словомъ, доставить ему все, что могло бы въ той или иной формѣ скрасить и облегчить его существованіе.

Въ благородномъ и великодушномъ характерѣ Александра было, однако, что-то женственное, со всѣми качествами и недостатками этихъ натуръ. Вотъ почему нерѣдко на-ряду съ прямотой и ясностью взгляда, съ мужествомъ и твердостью, отличающими истинно великихъ людей, онъ соединялъ въ себѣ чисто женскую мечтательность и фантазерство. Къ числу такихъ иллюзій слѣдуетъ отнести фантастическій, можно сказать, романическій планъ Александра успокоить низверженнаго императора, отнявъ у него корону и водворивъ въ Михайловскій дворецъ. Это была конечно фантазія, неосуществимая мечта, которую слѣдуетъ приписать его молодости, неопытности и полному незнанію жизни.

Я счелъ необходимымъ ничего не умалчивать о печальной катастрофѣ, которою началось царствованіе Александра, считая это лучшимъ средствомъ воздать должную справедливость этому монарху, о которомъ стоустая молва распространила множество слуховъ, незаслуженно пятнающихъ его память. Простая безыскусственная правда, чуждая всякихъ прикрасъ, обѣляетъ его отъ этого возмутительнаго обвиненія и лучше всего объясняетъ, какимъ образомъ онъ былъ вовлеченъ въ дѣйствіе, совершенно противное его образу мыслей, его наклонностямъ, а также причину, почему онъ не наказалъ болѣе строго людей, къ которымъ питалъ органическое отвращеніе.

Чтобы оправдать память императора Александра отъ столь ужаснаго возмутительнаго обвиненія, я рѣшилъ лишь описать съ полной правдивостью его совершенную неопытность и полное отсутствіе честолюбія, благодаря которому онъ стремился избѣгать пре-

*

стола, чѣмъ добиваться царскаго вѣнца. Если уяснить себѣ всѣ эти многообразныя причины, безпристрастный читатель несомнѣнно придетъ къ заключенію, что, по всей справедливости, можно только жалѣть объ Александрѣ, но не предъявлять къ нему столь тяжкаго и несправедливаго обвиненія.

Прочтя недавно „Исторію Консульства и Имперіи" Тьера, я нашелъ въ ней матеріалъ, относящійся къ этому событію. Это записка гр. Ланжерона о кончинѣ императора Павла. Описанные въ ней факты справедливы, но, чтобы освѣтить этотъ разсказъ и сдѣлать его вполнѣ справедливымъ, необходимо сдѣлать слѣдующія весьма важныя добавленія:

1) Необходимо добавить тѣ доводы и средства, къ которымъ прибѣгли Панинъ и Паленъ, чтобы получить отъ Александра согласіе на отреченіе его отца.

2) Согласіе это было получено ими послѣ продолжительной борьбы и послѣ формальнаго и торжественнаго обѣщанія не причинять никакого зла императору Павлу. Необходимо также указать на искреннюю скорбь Александра при извѣстіи о гибели отца.

3) Эта скорбь продолжалась многіе годы и была настолько сильна, что заставила опасаться за здоровье и жизнь Александра, и была причиной его влеченія къ мистицизму.

4) Александръ не могъ простить Панину и Палену—двумъ иниціаторамъ заговора—что они вовлекли его въ поступокъ, который онъ считалъ несчастіемъ всей своей жизни. Оба они навсегда были удалены отъ двора и не смѣли показаться ему на глаза.

5) Императоръ Александръ не наказалъ второстепенныхъ участниковъ заговора потому, что они имѣли въ виду лишь отреченіе Павла, необходимое для блага имперіи. Онъ не считалъ себя въ правѣ карать ихъ, ибо почиталъ себя столь же виновнымъ, какъ и они. Что касается ближайшихъ участниковъ убійства, то имена ихъ долгое время были ему неизвѣстны, и онъ узналъ ихъ только черезъ нѣсколько лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ (какъ, напримѣръ, гр. Николай Зубовъ) къ этому времени уже умерли, другіе же были сосланы на Кавказъ, гдѣ и погибли.

Записки княгини Дашковой.

XXV [1]).

По возвращеніи изъ Круглова въ Троицкое я занялась новыми постройками. Четыре дома были построены, и я развела цвѣтники—совершенный рай, по крайней мѣрѣ для меня. Здѣсь не было ни одного дерева, ни одного куста, посаженнаго если не моей собственной рукой, то подъ моимъ непосредственнымъ надзоромъ и указаніемъ. Мы особенно любимъ произведенія собственнаго труда, и потому я искренно была убѣждена, что мое Троицкое самое очаровательное загородное мѣсто, какое только я видѣла гдѣ-либо.

Высшее достоинство Троицкаго заключалось въ счастливомъ положеніи крестьянъ. Въ продолженіе сорокалѣтняго моего владѣнія, число ихъ возросло отъ восьми сотъ сорока до тысячи пяти сотъ пятидесяти девяти. Я говорю о мужскомъ полѣ, который обыкновенно одинъ принимается у насъ въ счетъ; женская половина увеличилась, по моему предположенію, въ той же пропорціи, и если нѣкоторыя дѣвушки, съ замужествомъ, переходили въ другія помѣстья, то молодые люди, обратно, избирали себѣ женъ на сторонѣ, въ сосѣднихъ деревняхъ.

Я продолжала постепенно обогащать библіотеку новыми пріобрѣтеніями, и теперь она была очень велика. Нижній этажъ моего дома былъ устроенъ для моего житья осенью, во время которой, обыкновенно, усиливался мой ревматизмъ—плодъ путешествія по шотландскимъ озерамъ. Я не избѣжала его и въ этотъ годъ, и особенно страдала въ октябрѣ и первыхъ числахъ ноября, когда припадки достигли высшей степени и едва не свели меня въ могилу.

---

1) См. „Русскую Старину“, іюнь 1906 г.

Городничій города Серпухова, Григорьевъ, почтенный и честнѣйшій человѣкъ, другъ мой зашелъ однажды вечеромъ ко мнѣ. Когда онъ явился, я испугалась его встревоженнаго и блѣднаго лица: „скажите, ради Бога, что съ вами?“ воскликнула я.

— Развѣ вы не слыхали о несчастьѣ? сказалъ онъ: императрица скончалась.

Дочь моя, находившаяся при мнѣ, бросилась поддержать меня, боясь, что я упаду.

— Нѣтъ не, бойся, сказала я, за мою жизнь; умереть въ эту горькую минуту было бы слишкомъ большимъ счастьемъ. Судьба бережетъ меня для болѣе черныхъ дней; я осуждена видѣть паденіе и бѣдствіе Россіи въ той же мѣрѣ, въ какой она была доселѣ счастлива и велика.

Общее потрясеніе организма сопровождалось мучительными спазмами, и я болѣе трехъ недѣль была предметомъ сожалѣнія для всѣхъ окружавшихъ меня. Съ этой поры жизнь была для меня въ тягость.

Предчувствія мои, къ сожалѣнію, скоро сбылись. Ужасъ и общее безпокойство отразились на всѣхъ: не было ни одного семейства, которое бы не оплакивало въ своемъ кругу падшей жертвы. Мужъ, отецъ, дядя боялись своихъ родныхъ:одно слово деспота могло забросить ихъ въ тюрьму или въ снѣга Сибири.

До меня не замедлило дойти извѣстіе объ указѣ новаго царя, которымъ онъ отрѣшилъ меня отъ должности. Я просила Самойлова, все еще генералъ-прокурора Сената, поблагодарить покорно государя за освобожденіе меня отъ бремени, выше моихъ силъ.

Написавъ письмо съ этой цѣлью, я готовилась спокойно встрѣтить преслѣдованіе, ожидавшее меня; но здѣсь представилась дилемма, трудная для разрѣшенія. Первое извѣстіе о моей отставкѣ получено съ письмомъ Донаурова, безъ всякаго другаго званія. Такъ какъ я совершенно не знала, кто это такой „Донауровъ“, то мнѣ трудно было отвѣчать на его письмо; не признать приказанія Павла 1 значило оскорбить императора; отвѣтить на письмо, не поставивъ имени моего кореспондента, его чина и званія, значило выразить къ нему презрѣніе и тѣмъ нажить себѣ новаго врага. Вслѣдствіе всего этого, я написала своему родственнику, князю Куракину, любимцу новаго двора, прося его увѣрить Донаурова, что я не отвѣчала ему тотъ часъ же единственно по незнанію его полнаго адреса; что же касается до содержанія письма его, я признаю распоряженіе государя особенной для меня милостью.

Объ этомъ происшествіи я извѣстила брата Александра, и отъ него, къ крайнему удивленію, узнала, что сей Донауровъ былъ ни больше, ни меньше, какъ сынъ одного изъ ключниковъ, служившихъ

у моего дяди, канцлера, и послѣ женитьбы его на калмычкѣ, одной изъ горничныхъ моей тетки, былъ повышенъ въ смотрителя погреба и главнаго ключаря по всему дому.

Каждодневные слухи объ арестахъ и ссылкахъ доходили даже до моихъ ушей, несмотря на то, что друзья мои старались скрыть отъ меня печальныя новости, чтобъ не прибавлять новыхъ ранъ въ моемъ сердцѣ.

Смерть Екатерины была потрясающимъ событіемъ. Я блѣднѣла при взглядѣ на жалкую перемѣну дѣлъ и тотъ общій терроръ, который оцѣпенилъ весь народъ; не было ни одного благороднаго семейства, которое бы не оплакивало бы кого-нибудь изъ своихъ членовъ въ изгнаніи или въ тюрьмѣ.

Физическія и нравственныя страданія тяготили мое существованіе; желая сколько-нибудь облегчить себя, я согласилась переѣхать въ Москву—не для совѣта съ докторами, потому что я ни на волосъ не вѣрила имъ, но чтобъ попробовать, не успокоятъ ли волненія крови и не дадутъ ли правильнаго обращенія ей піявки.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ постели, среди спазмовъ, я въ состояніи была двинуться изъ Троицкаго, въ надеждѣ немедленно возвратиться для исполненія одного дѣла, задуманнаго мной. Въ Москву я пріѣхала около девяти часовъ утра, на 4-ое декабря; многіе изъ родныхъ тревожно ожидали моего свиданія, опасаясь за мое прискорбіе о смерти Екатерины II.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ братъ Александръ. Я принуждена была лечь въ постель, и въ это самое время вошелъ генералъ-губернаторъ Измайловъ. Онъ повидимому торопился и, присѣвъ, сказалъ въ полголоса, что въ силу императорскаго приказанія онъ считаетъ долгомъ объявить мнѣ, чтобъ я немедленно выѣхала изъ города въ деревню, и вспоминала тамъ объ эпохѣ 1762 года.

Я отвѣтила вслухъ передъ своими друзьями, что этотъ годъ я никогда не забывала, и безусловно повинуясь волѣ монарха, отнюдь не отказываюсь вспоминать о томъ, въ чемъ нѣтъ для меня ни упрека, ни раскаянія; и если разсматривать дѣло безпристрастно, едва ли оно не даетъ мнѣ права на лучшее положеніе, чѣмъ то, на которое меня обрекаетъ государь. Потомъ я попросила генерала обратить вниманіе на то, что болѣзнь лишаетъ меня возможности выѣхать немедленно; что я пріѣхала для необходимой медицинской операціи и что завтра вечеромъ или послѣ завтра утромъ непремѣнно оставлю Москву. Измайловъ поклонился и ушелъ.

Всѣ, бывшіе со мной въ комнатѣ, за исключеніемъ меня самой, грустили и негодовали. Мой братъ такъ глубоко былъ тронутъ, что мнѣ стоило немалаго труда успокоить его.

Обѣщаніе было исполнено буквально. Я покинула Москву 6 декабря; но здоровье мое колебалось между жизнью и смертью; при всемъ томъ, я регулярно писала своему брату и нѣкоторымъ изъ родственниковъ; они и въ особенности братъ совѣтовали не отчаяваться и беречь здоровье, увѣряя, что поведеніе Павла относительно меня было исполненіемъ нѣкотораго долга къ памяти его отца. „Подождите до коронаціи, прибавилъ онъ, и вы увидите, что государь совершенно перемѣнится“.

Я выпишу свой отвѣтъ на это письмо, какъ одно изъ многихъ моихъ предсказаній, сбывшихся впослѣдствіи. „Вы говорите мнѣ, любезный другъ, что Павелъ послѣ коронаціи оставитъ меня въ покоѣ. Повѣрьте мнѣ, что вы сильно ошибаетесь въ его характерѣ. Когда тиранъ одинъ разъ поразилъ свою жертву, онъ поражаетъ ее до тѣхъ поръ, пока совершенно ее добьетъ. Я знаю, что моимъ преслѣдованіямъ не будетъ конца, и потому готова съ полнымъ самоотверженіемъ и надеждой на Бога вынести ихъ всѣ. Сознаніе невинности и чувство негодованія передъ лицомъ опасностей, угрожающихъ моей личной независимости, надѣюсь, замѣнятъ мнѣ мужество, пока до васъ и другихъ близкихъ моему сердцу не коснется его злоба; но будь, что будетъ, никакія обстоятельства не принудятъ меня сказать или сдѣлать что-либо унизительное для меня“.

Болѣзнь не покидала меня; среди безпрерывныхъ агоній лишенная возможности двигаться, я лежала въ постели или переносилась на носилкахъ и только въ короткіе промежутки могла читать. Такимъ образомъ у меня было довольно времени обдумать свое положеніе и рѣшиться на дальнѣйшія дѣйствія. Уѣхать за границу, если позволятъ, было единственнымъ моимъ желаніемъ; но любовь къ сыну удерживала меня. Дѣла его, о которыхъ онъ мало заботился, были разстроены; онъ надѣялся единственно на меня въ уплатѣ своихъ долговъ, и еслибъ я, вмѣсто личнаго управленія своимъ имѣніемъ, истратила все, что имѣла, за границей, онъ могъ быть доведенъ до крайнихъ недостатковъ.

Взглядъ на прошедшее былъ не безъ утѣшенія. Извѣстная твердость характера и безкорыстіе, устоявшія противъ различныхъ испытаній, если не искупали всѣхъ недостатковъ, то, по крайней мѣрѣ, послужили вѣрной опорой въ несчастіи. Я всегда держала себя насторожѣ съ фаворитами Екатерины; съ нѣкоторыми изъ нихъ я была вовсе не въ ладу, что побуждало ихъ ставить меня въ двухсмысленныя отношенія къ императрицѣ, раздувая между нами вражду, и я, вслѣдствіе своей врожденной вспыльчивости, не рѣдко забывалась и вызвала со стороны ея заслуженное негодованіе.

Между моими врагами—фаворитами былъ графъ Мамоновъ, же-

лавшій, подобно своимъ предшественникамъ, поссорить меня съ Екатериною. Будучи похитрѣй своихъ собратій, онъ замѣтилъ, что я на обыкновенную удочку не поддамся; поэтому онъ избралъ самый удачный способъ—охуждать меня и моего сына. Къ счастью, моя привязанность къ императрицѣ основывалась на уваженіи. Опытъ доказалъ мнѣ, какъ мало я была обязана доброжелательству царскаго гарема, отнюдь не приклоняясь, подобно остальному стаду, передъ фаворитами, и когда они были въ силѣ, я даже не хотѣла признавать ихъ вліянія. За всѣмъ тѣмъ, мнѣ ясно было видно, когда Екатерина дѣйствовала въ отношеніи ко мнѣ подъ вліяніемъ ихъ интригъ, и когда слушалась внушеній своего собственнаго сердца.

Прискорбіе о невозвратимой потерѣ, понесенной нами со смертью императрицы, было чуждо для меня угрызеній совѣсти, когда я размышляла о своемъ участіи въ прошлыхъ событіяхъ; напротивъ, воспоминанія о нихъ при настоящемъ моемъ горѣ и общемъ уныніи страны, скорѣе успокаивали и примиряли мой духъ.

Съ первой минуты своего восшествія на престолъ, Павелъ обнаружилъ яростную ненависть и презрѣніе къ памяти своей матери; онъ спѣшилъ опрокинуть все, что она успѣла сдѣлать. Благоразумныя мѣры ея политики смѣнились самыми произвольными и безумными капризами. Назначенія и увольненія отъ общественныхъ должностей слѣдовали такъ быстро, что едва газета успѣвала объявить объ опредѣленіи извѣстнаго лица, какъ его опять лишалъ мѣста произволъ императора. Нерѣдко должностной человѣкъ не зналъ, къ кому должно обратиться. За общимъ ужасомъ, распространеннымъ безнаказаннымъ злоупотребленіемъ деспота, подорвавшимъ не только общественное, но и частное довѣріе, послѣдовало роковое оцѣпенѣніе, угрожавшее ниспроверженіемъ основнаго двигателя всѣхъ добродѣтелей—любви къ отечеству.

Съ надорваннымъ сердцемъ, трепещущая отъ страха за своихъ друзей, родныхъ и отечество, я замирала при видѣ тѣхъ мрачныхъ картинъ зла, которыя рисовались въ воображеніи, я жила только одной надеждой, что жизни моей уже осталось немного.

Предчувствіе, что императоръ не пощадитъ меня, скоро сбылось. Полковникъ Лаптевъ, дальній родственникъ моей бабушки, которому я нѣкогда помогла по службѣ, пришелъ повидаться со мной и провести у меня вечеръ наканунѣ отъѣзда его въ полкъ, отъ котораго онъ съ трудомъ отлучился. Просидѣвъ съ нимъ до полночи, я просила его идти отдохнуть. Около трехъ часовъ утра, меня разбудила дѣвушка, которая сказала, что Лаптевъ получилъ письмо на мое имя и желаетъ говорить со мной. Будетъ еще время, отвѣчала я горничной; да и ему необходимъ покой послѣ дороги. Тогда доложили мнѣ, что письмо было нарочно послано изъ Москвы.

Увѣренная, что оно принесло мнѣ новую казнь, я позвала Лаптева, вручившаго мнѣ письмо отъ генералъ-губернатора Измайлова. Оно заключало приказаніе императора, въ силу котораго я должна была оставить Троицкое и переѣхать въ имѣніе моего сына, лежавшее въ сѣверной части Новгородской губерніи, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій Павла.

Я просила позвать къ себѣ дочь и, продиктовавъ ей отвѣтъ московскому губернатору, увѣдомила его, что я не замедлю исполнить волю монарха и совершенно равнодушно смотрю, гдѣ бы мнѣ ни было суждено прозябать или кончить дни свои, но считаю долгомъ предупредить, что мнѣ невозможно отправиться немедленно на мѣсто вовсе неизвѣстное мнѣ. Не зная ни мѣста ссылки, ни дороги къ нему, я могу заблудиться и потому выѣду не раньше, какъ дождусь гонца изъ Москвы, посланнаго достать мнѣ проводника въ глухое помѣстье моего сына.

Не легко было успокоить дочь, которая упала ко мнѣ на колѣна, заливаясь слезами. Кто-то разбудилъ миссъ Бетси, милую англичанку, жившую въ моемъ семействѣ, и сообщилъ ей печальную вѣсть, всполошившую весь домъ. Увидѣвъ ее, трепещущую, подобно листу плакучей ивы, я просила ее заступить мое мѣсто въ домѣ и остаться въ Троицкомъ или переѣхать въ Москву—на какое угодно время.

Она отвѣчала, что никакая человѣческая сила не поборетъ ея твердой рѣшимости сопровождать меня въ ссылку. Я обняла ее, и мы заплакали, какъ дѣти.

Лаптевъ, передавъ мое письмо курьеру и отправивъ съ нимъ слугу въ городъ, возвратился и совершенно спокойно объявилъ, что онъ намѣренъ проводить меня до самаго мѣста.

Я спорила и жарко протестовала противъ такого поступка, доказывая ему самыя печальныя послѣдствія его и вѣчное мое раскаяніе, если онъ погибнетъ ради меня. Я напомнила ему, что онъ уже и безъ того просрочилъ отпускъ нѣсколькими днями, что мое путешествіе по проселочнымъ дорогамъ и на собственныхъ клячахъ, вѣроятно, будетъ замедленно и протянуто на неопредѣленное время, что его примутъ, на пути со мной, за дезертира и что, наконецъ, такое теплое участіе его къ моему несчастію можетъ оскорбить императора и стóить ему разжалованія въ солдаты. Сколько я ни убѣждала Лаптева, но напрасно. Солдатъ, полковникъ, генералъ—все равно и безразлично было для него въ эту минуту.

— Я надѣюсь, сказалъ онъ, вы не прогоните меня; и если вы не дадите мнѣ мѣста между вашими слугами, я поѣду за вашей кибиткой, и ничто не удержитъ меня отъ намѣренія видѣть мѣсто вашего заточенія.

Хорошо зная настойчивый и упорный характеръ моего молодаго друга, я больше не препятствовала ему, боясь еще больше испортить дѣло и подвергнуть его страшной отвѣтственности за участіе къ моему изгнанію. Я принуждена была уступить его желанію, чѣмъ онъ остался совершенно доволенъ, доказавъ свое искреннее расположеніе ко мнѣ, если только оно нуждалось въ доказательствѣ.

Одно обстоятельство особенно обезпокоивало его на мой счетъ. По сосѣдству со мной поселился какой-то таинственный пришлецъ, часто заглядывавшій въ мой домъ и деревню, записывая все, что видѣлъ и слышалъ. Въ пьяномъ видѣ загадочный воришка открылъ тайну;—это былъ шпіонъ, посланный развращать моихъ слугъ, съ цѣлью узнать отъ нихъ все, что происходило вокругъ меня, какъ напр. имена моихъ домашнихъ, гостей, посѣтителей и пр.; потомъ онъ признался, что планъ, заранѣе составленный, заключался въ томъ, чтобъ схватить меня на дорогѣ, разлучить съ друзьями и сослать въ самый отдаленный край Сибири.

Такимъ образомъ, я невольно находилась во власти каждаго шпіона. Недовольный изъ моихъ слугъ могъ уничтожить мое благополучіе, составивъ свое собственное, обратившись въ доносчика, что̀ было самымъ выгоднымъ торгомъ этого времени.

Одинъ изъ крестьянъ той деревни, куда мнѣ приказано было удалиться, къ счастію находился въ Москвѣ; онъ былъ избранъ моимъ вожатымъ. Извѣстіе о моей новой ссылкѣ уже дошло до княгини Долгорукой, которая осталась со мной до самаго выѣзда моего изъ Троицкаго.

Въ это время жили со мной дочери двухъ двоюродныхъ сестеръ, Исленьева и Кочетова; послѣднюю отдали родители подъ безусловный мой надзоръ. Несмотря на всю прелесть ея общества и искреннее желаніе сопутствовать мнѣ въ изгнаніе, я не хотѣла принять такой жертвы, потому что здоровье ея было самое нѣжное и требовало попеченій и медицинскихъ средствъ, недоступныхъ той глуши, куда изгоняли меня. Поэтому я написала отцу ея въ Москву, попросивъ его взять назадъ его дочь и ея сестру. Онъ прибылъ за день до моего отъѣзда и на слѣдующій увезъ своихъ родственницъ. Онъ обѣщалъ отослать Исленьеву къ ея матери и часто извѣщать меня о своей дочери.

XXVI.

Княгиня Долгорукая—одна изъ моихъ друзей, была вовсе недюжиннаго характера, но женщина замѣчательнаго ума и добродѣтельная; я особенно дорожила ея искренней и теплой дружбой. По прі-

ѣздѣ ко мнѣ, она дѣятельно занялась приготовленіемъ моего будущаго комфорта, уложивъ собственными руками множество вещей, необходимыхъ и даже роскошныхъ для моей жизни въ крестьянской избѣ. Она всевозможно утѣшала меня въ присутствіи духа и старалась скрыть свою собственную грусть; за всѣмъ тѣмъ тайныя слезы ея лились потокомъ. Наканунѣ моего отъѣзда я кое-какъ добрела до ея комнаты и увидѣла ее въ глубоко-скорбномъ состояніи.

Нѣжно поцѣловавъ княгиню, я упрекнула ее за малодушіе, столь несвойственное ея мощному духу.—Будьте покойны,—сказала я,—если черезъ двадцать четыре часа я останусь живой, если черезъ нѣсколько станцій не привезутъ моего трупа и Небо сохранитъ меня для дальнѣйшихъ испытаній, путешествіе и перемѣна воздуха укрѣпятъ меня, и мы еще разъ увидимся.

Такъ и сбылось. Я возвратилась изъ ссылки и снова увидѣлась съ Долгорукой; но по прошествіи двухъ лѣтъ она сошла въ могилу, и мнѣ суждено было еще долго оплакивать потерю этого благороднаго существа.

Въ день моего отъѣзда 1796 года, 26 декабря, я полубольная была приведена въ церковь. Посовѣтовавъ друзьямъ и приказавъ прислугѣ не тревожить меня напраснымъ сожалѣніемъ, я съ трудомъ простилась и поспѣшила сѣсть въ дорожную кибитку. Пускаясь въ неизвѣстный путь, я совершенно не думала о будущемъ моемъ положеніи; меня не безпокоила даже послѣдняя молва, что меня на половинѣ дороги будто нечаянно схватятъ и заключатъ въ отдаленный и глухой монастырь.

Ничего подобнаго, однакожъ, не случилось; и день за день силы мои поправлялись. Сомнѣнія моихъ знакомыхъ относительно моего путешествія въ кибиткѣ, къ которой я вовсе не привыкла, также были неосновательны; движеніе и тряска не только укротили ревматическія боли, но возстановили дѣятельность желудка и дали аппетитъ къ пищѣ.

Первую ночь нашего путешествія мы провели въ хижинѣ одного мужика. Лаптевъ, замѣтивъ, что онъ разговаривалъ съ неизвѣстнымъ лицомъ, проходившимъ и подсматривающимъ за нами, спросилъ его, кто это такой.

Хозяинъ нашъ, немножко подъ хмѣлькомъ, отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, за кого и принять его: одинъ разъ онъ назвалъ себя спутникомъ княгини, а „вотъ теперь онъ съ важнымъ видомъ приказалъ мнѣ заглянуть въ комнату ея, тамъ ли она, взаправду, находится“.

Лаптевъ съ свойственной ему запальчивостью обратился къ шпіону и спросилъ его, какое ему дѣло до княгини и какъ онъ смѣетъ посылать всякаго въ ея комнату и безпокоить ее. Шпіонъ довольно

ясно выразился на счетъ своего ремесла; онъ слѣдилъ за мной по приказанію не императора, а Архарова; боясь, чтобъ я не узнала объ этомъ обстоятельствѣ, онъ грозилъ Лаптеву опасными послѣдствіями, если онъ доведетъ до моего свѣдѣнія это дѣло.

На другой день, прежде чѣмъ мы доѣхали до Твери, два раза угрожала намъ рѣшительная гибель; между прочимъ, поднялась страшная буря, засыпавшая дорогу снѣгомъ, и мы принуждены были семнадцать часовъ блуждать ощупью. Ни одного признака человѣческаго жилья не было видно, и когда наступила ночь, усталыя лошади едва переступали. Намъ оставалось или похоронить себя въ снѣгу, или умереть отъ холода, или сдѣлаться добычей хищныхъ звѣрей, и напуганному воображенію казалась одна изъ этихъ крайностей неизбѣжной. Слуги оробѣли; одни плакали, другіе молились и каялись.

Я приказала кучеру остановиться и подождать до разсвѣта, въ надеждѣ, что вѣтеръ спадетъ, лошади отдохнутъ, и мы наткнемся на какое-нибудь человѣческое жилье и потомъ отыщемъ свою дорогу.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ возница вообразилъ, что въ дали засверкалъ огонекъ. Онъ послалъ одного смѣтливаго моего слугу къ тому мѣсту, откуда виднѣлся свѣтъ; посолъ освѣдомился и черезъ полчаса воротился съ радостнымъ извѣстіемъ, что недало отъ насъ находится деревня. Мы поплелись къ ней и, наконецъ, нашли безопасный пріютъ для себя и своихъ животныхъ, избавившись такимъ образомъ отъ ужасной и, можетъ быть, продолжительной смерти.

Мы далеко сбились съ своего пути, потому что въ двадцать девять часовъ проѣхали только шесть верстъ. По прибытіи въ Тверь, мы превосходно помѣстились въ квартирѣ, приготовленной для насъ губернаторомъ Поликарповымъ. Этотъ почтенный человѣкъ немедленно посѣтилъ меня; когда я поблагодарила его за вниманіе и выразила опасеніе, чтобъ его доброта не навлекла на него злобы мстительнаго царя, онъ отвѣчалъ: „я не хочу знать о частныхъ отношеніяхъ между государемъ и вами; мнѣ только извѣстно, что о вашемъ изгнаніи не было издано никакого указа; поэтому позвольте мнѣ дѣйствовать относительно васъ, какъ человѣку, всегда искренно уважавшему вашъ характеръ". Городъ Тверь былъ полонъ въ это время гвардіей, проходившей въ Москву для коронаціи, чтó не помѣшало добродушному начальнику губерніи присылать намъ превосходный ужинъ съ своего стола.

На другое утро мы двинулись впередъ. Лошади у насъ были однѣ и тѣ же, и потому мы должны были часто останавливаться, часто не проѣзжая болѣе шести верстъ.

Въ Красномъ Холмѣ мы имѣли счастье встрѣтить въ начальникѣ благовоспитаннаго и обязательнаго человѣка. Это былъ нѣкто Краузе,

городничій, племянникъ знаменитаго медика; онъ помогъ намъ запастись необходимой провизіей, которую трудно было достать на дорогѣ. Послѣ легкаго сна и отдыха, даннаго лошадямъ, мы поднялись ранней зарей и поѣхали дальше.

Въ этотъ день мы вполнѣ убѣдились, что шпіонъ, слѣдившій за нами во время нашей поѣздки, былъ наушникомъ молодаго Архарова и доносилъ своему наемнику о всемъ, что наблюдалъ вокругъ насъ.

Архаровъ — это былъ русскій инквизиторъ императора Павла — обязанность отнюдь не отвратительная его мелочной и рабской душенкѣ, лишенной всякаго человѣческаго чувства. Лаптевъ вошелъ въ избу въ то самое время, когда шпіонъ изъ нея вышелъ, забывъ на столѣ открытое письмо, адресованное Архарову. Въ немъ говорилось о моихъ недугахъ, о Лаптевѣ, сопровождавшемъ меня, и еще кое о чемъ, вѣроятно, для пополненія своего разсказа; между прочимъ о томъ, что одинъ изъ моихъ лакеевъ укралъ шубу у крестьянина — что было чистѣйшей ложью, потому что всѣ они были одѣты очень тепло, между тѣмъ скажу мимоходомъ, слуга нашего полицейскаго воришки казался жалкимъ горемыкою.

Послѣ этого мы были осторожны; отворяли двери, когда останавливались въ крестьянскихъ избахъ, чтобъ увѣриться, не подслушиваетъ ли насъ агентъ Архарова.

Скоро овладѣлъ мной дѣйствительный страхъ; поводомъ этого новаго безпокойства было одно обстоятельство, пугавшее меня до самаго возвращенія въ Троицкое, гдѣ я узнала отъ брата, что мой сынъ внѣ опасности. По прибытіи моемъ въ Весьегонскъ, меня посѣтилъ вновь назначенный городничій и въ то же время предшественникъ его, опредѣленный императрицей въ награду за его военныя заслуги и девять ранъ, полученныхъ въ разныхъ битвахъ; Павелъ I лишилъ его должности единственно потому, чтобъ очистить родственнику Аракчеева, одного изъ самыхъ усердныхъ и преданныхъ исполнителей его тиранніи.

Такая вопіющая несправедливость, конечно, вызывала самыя горькія жалобы со стороны отрѣшеннаго; принимая участіе въ его положеніи, я старалась по возможности утѣшить горюющаго старика, но никакъ не могла заставить его говорить о другихъ предметахъ: онъ постоянно думалъ о своемъ несчастьѣ. Наконецъ, я придумала средство— попросивъ обоихъ городничихъ проводить дочь мою и миссъ Бетси на ярмарку, самую знаменитую въ это время во всей Россіи. Едва они ушли, какъ явился офицеръ съ письмомъ отъ моего сына. Онъ поручилъ отдать его мнѣ прямо въ руки, и, освѣдомившись, такимъ образомъ, о моемъ здоровьѣ, проѣхать въ Коротову,—мѣсто моей ссылки,— приготовить крестьянъ къ моему пріему и о всемъ этомъ извѣстить его.

Еслибъ громъ упалъ на голову, я была бы поражена менѣе, чѣмъ полученіемъ такого письма. Я знала неумолимую строгость государя относительно военной дисциплины; извѣстно, что онъ выбранилъ Суворова и Репнина за то, что они отправили къ нему свои депеши съ офицерами. Представивъ все это, я опасалась за сына, который за посылку офицера съ письмомъ къ гонимой матери и за нарушеніе царскаго указа легко могъ подвергнуться гоненію его и побывать въ Сибири.

Я спросила офицера, видѣли ли его въ городѣ и не встрѣтилъ ли онъ на дорогѣ городничаго. Онъ увѣрялъ, что его никто не видѣлъ. Я совѣтовала ему немедленно отправиться въ Коротову, отъ которой мы находились только въ тридцати трехъ верстахъ, гдѣ я надѣялась вскорѣ увидѣть его. Выѣхать изъ города незамѣченнымъ было главнымъ дѣломъ.

Когда мои дѣти возвратились съ ярмарки, мы сѣли въ кареты и поздно вечеромъ достигли мѣста моего назначенія.

Моя изба была довольно просторная; противоположная комната была отведена для кухни, а лучшая хижина неподалеку была приготовлена для моей дочери.

Я немедленно послала за Шридманомъ, посломъ моего сына, и когда онъ уѣхалъ, я узнала отъ слуги, что этотъ офицеръ не только велъ себя всѣмъ напоказъ, но имѣлъ глупость сообщить о своемъ поступкѣ городничему, который отобралъ у него паспортъ.

Ни днемъ, ни ночью я не могла успокоиться; во снѣ постоянно мнѣ видѣлся сынъ, сосланный въ Сибирь. Я умоляла брата и моихъ друзей извѣстить меня о положеніи Дашкова, но не совсѣмъ довѣряла ихъ утѣшительнымъ письмамъ и безпокоилась до тѣхъ поръ, пока не узнала, что онъ, дѣйствительно, назначенъ командиромъ полка.

У Павла I были свѣтлые промежутки справедливости; онъ даже проявлялъ нѣкоторую смышленость и благородство. Онъ услышалъ отъ городничаго о поступкѣ Шридмана и нисколько не разсердился на моего сына; когда же ему донесли черезъ шпіоновъ Архарова, что многіе изъ моихъ друзей навѣщали меня въ ссылкѣ, онъ сказалъ: „ничего нѣтъ удивительнаго; въ это-то время и надо доказать дружбу или благодарность княгинѣ Дашковой тѣмъ, кто любилъ ее прежде“.

Ссылка, относительно моего личнаго положенія, была легка и удобовыносима. Я жила въ просторной и, сверхъ ожиданія, опрятной избѣ. Правда, три моихъ горничныхъ спали въ одной со мною спальнѣ; но, благодаря ихъ вниманію, уваженію и чистотѣ, я не чувствовала никакого неудобства; при томъ миссъ Бетси устроила темнозеленую занавѣску, отдѣлявшую меня отъ служанокъ.

По прибытіи моемъ въ Коротову, пріемъ мой сопровождался небольшой церемоніей, я опишу ее, потому что въ ней выразилась черта народнаго характера и, при настоящемъ моемъ положеніи, чрезвычайно тронула меня. Между русскими помѣщиками есть обычай идти прямо въ церковь по пріѣздѣ въ деревню; попы служатъ благодарственный молебенъ и потомъ являются въ домъ господина, съ поздравленіемъ, при чемъ они благословляютъ его крестомъ, помѣщикъ цѣлуетъ крестъ и потомъ руку священнику. Такъ было и со мной; какъ только я вышла изъ саней, попъ явился въ мою горницу и, совершивъ религіозный обрядъ, вмѣсто того, чтобы протянуть мнѣ свою руку, умолялъ со слезами на глазахъ позволить ему поцѣловать мою. „Не чинъ вашъ, моя матушка, я уважаю, сказалъ онъ; нѣтъ, слава вашихъ добродѣтелей глубоко проникаетъ мое сердце. Я говорю вамъ отъ всей деревни. Вашъ сынъ, добрый баринъ, потому что вы хорошо его воспитали, потому-то мы и счастливы; для васъ—несчастіе жить между нами—мы жалѣемъ о томъ; но для насъ—благодать видѣть васъ, какъ ангела-хранителя“.

Я устала и ослабѣла; но это неожиданное, наивное и задушевное выраженіе любви этихъ добрыхъ крестьянъ, никогда не знавшихъ меня и при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ одушевило, осчастливило меня; прервавъ рѣчь достойнаго пастыря, я обняла его, какъ друга. Мои спутники были до слезъ тронуты этой сценой и послѣ сказали, что никогда во время самаго полнаго счастья они не чувствовали ко мнѣ такого уваженія, какъ въ ту минуту.

XXVII.

Первымъ моимъ дѣломъ по пріѣздѣ было—отослать Лаптева назадъ; я постоянно безпокоилась за него; къ счастью судьба пощадила его пасть жертвой безграничной признательности и расположенія ко мнѣ. Императоръ, услышавъ о его поступкѣ, съ величайшей похвалой сказалъ: „это не изъ числа вашихъ голоштанниковъ; это человѣкъ, умѣющій носить панталоны“, — любимая поговорка Павла I, когда онъ хотѣлъ выразить удивленіе къ сильному характеру.

Стрѣлковый батальонъ, которымъ командовалъ Лаптевъ, былъ въ числѣ уничтоженныхъ полковъ; но императоръ далъ ему другой и затѣмъ вскорѣ пожаловалъ его орденомъ Мальтійскаго креста.

Остановившись въ Твери, проѣздомъ въ Коротову, я написала своему двоюродному брату князю Репнину, съ цѣлью дать почувствовать несправедливость моего изгнанія; въ то же время я напом-

нила ему о своихъ чувствахъ въ отношеніи Петра III, которыя онъ зналъ и могъ подтвердить государю и всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ — что я никогда не искала личнаго возвышенія или отличія своего семейства въ паденіи монарха. Я назвала мѣсто моей ссылки и указала на извѣстныхъ членовъ академіи, душевно преданныхъ мнѣ, и которымъ онъ могъ безопасно вручить свое письмо, пока я не пришлю въ Петербургъ нарочнаго гонца за полученіемъ другихъ писемъ.

Отвѣтъ тѣмъ удобнѣе былъ переданъ, что ему благопріятствовало слѣдующее небывалое распоряженіе царя. Прежде приводили къ присягѣ на вѣрноподданничество однихъ дворянъ; остальная часть общества, гражданскіе чиновники и крѣпостные люди не присягали. Павелъ I по какому-то капризу приказалъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, не исключая крестьянъ, отобрать клятву покорности.

Эта новая мѣра замутила всю Россію. Крѣпостные приняли ее за освобожденіе отъ своихъ помѣщиковъ, и многія деревни начали бунтовать, отказываясь отъ работы и отъ платежа оброка. Императоръ началъ усмирять бунтъ вооруженной силой; въ имѣніяхъ Апраксина и княгини Голицыной, урожденной Чернышевой, возстаніе мужиковъ до такой степени разгорѣлось, что ихъ приводили къ покорности пушечнымъ огнемъ; многіе погибли жертвой непонятой мѣры, вовлеченные въ ошибку безумной выходкой императора.

Духъ мятежа, прорвавшійся такъ непредвидѣнно, въ нѣкоторыхъ поддерживался низшими чиновниками—самымъ мерзкимъ сословіемъ въ государствѣ; они обходили богатыя помѣстья и увѣряли бѣдныхъ и невѣжественныхъ мужиковъ, что если они объявлены казенными крестьянами, то прежніе ихъ владѣтели не имѣютъ на нихъ никакого права.

Къ чему клонились эти нелѣпые толки—трудно отгадать; но двое изъ этой шайки распространили этотъ слухъ по всей Архангельской губерніи и въ сѣверной полосѣ Новгорода; и не задолго до моего пріѣзда въ Коротову, они поджигали крестьянъ Дашкова, обѣщая имъ за какую-то ничтожную сумму перевести ихъ подъ власть лучшаго помѣщика. Мужики приняли предложеніе съ негодованіемъ и объявили, что они теперь счастливѣе, чѣмъ будутъ въ рукахъ государства.

При такомъ положеніи дѣлъ, императоръ послалъ князя Репнина, въ эти бунтовавшія провинціи. Войско проходило городомъ, лежавшимъ близъ той деревни, гдѣ я жила; Репнинъ вручилъ свое письмо сельскому священнику и приказалъ подъ строгимъ секретомъ доставить его ко мнѣ. Священникъ буквально исполнилъ порученіе. Однажды я смотрѣла изъ окна и замѣтила неизвѣстнаго мнѣ цер-

государя, и, наконецъ, я просила объ одномъ, дозволить мнѣ переѣхать въ Троицкое и тамъ заключиться въ уединеніе; если государь считаетъ меня недостойной и этой милости, то я прошу его ради моихъ горюющихъ слугъ и друзей.

Эти письма были отправлены по почтѣ и, разумѣется, мы тревожно ожидали отвѣта.

Послѣ я слышала отъ людей, жившихъ въ то время въ Петербургѣ и хорошо знавшихъ о всемъ, что происходило во дворцѣ; письмо мое къ государю угрожало намъ самыми ужасными послѣдствіями. Къ счастью непостоянство императора, котораго головой кружилъ вихрь ребяческой воли и случайное замедленіе курьера, готоваго отправиться ко мнѣ съ послѣднимъ роковымъ ударомъ, измѣнили жестокій приговоръ на милость.

Когда императрица получила письмо и представила мужу другое, на его имя адресованное, онъ разсвирѣпѣлъ, и, съ бранью прогнавъ ее отъ себя, сказалъ, что онъ вовсе не желаетъ потерять престолъ, подобно своему отцу и читать мои письма. Въ припадкѣ злобы онъ отправилъ курьера съ приказаніемъ отобрать у меня перья, чернила, бумагу и запретить мнѣ переписываться и сноситься съ кѣмъ бы то ни было, за исключеніемъ только тѣхъ лицъ, которыя жили вмѣстѣ со мной. Послѣ этой неудачной попытки, государыня обратилась къ дѣвицѣ Нелидовой, фавориткѣ Павла I. Она отдала письмо меньшему великому князю Михаилу и повела его вмѣстѣ съ государыней къ императору. Онъ принялъ письмо кротко и, прочитавъ его, поцѣловалъ своего сына: „Вы, женщины,—сказалъ онъ,—знаете, какъ разжалобить".

Марія Ѳеодоровна и Нелидова осыпали размягченнаго деспота тысячами ласкъ, и онъ тутъ же написалъ мнѣ по-русски отвѣтъ. Вотъ буквальный смыслъ его:

„Княгиня Катерина Романовна, вы желаете переѣхать въ свое Калужское имѣніе;—переѣзжайте; вашъ доброжелательный и совершенно преданный вамъ Павелъ".

Архарову, военному губернатору Петербурга, было немедленно приказано отправить другаго курьера, чтобъ остановить перваго, посланнаго совершенно съ другимъ порученіемъ и уже бывшаго на пути къ Калугѣ. По невниманію или по злонамѣренности Архарова, старшій братъ московскаго губернатора назначилъ вторымъ гонцомъ только-что возвратившагося курьера изъ Сибири, куда онъ отвезъ одного гвардейскаго офицера въ ссылку.

Трудно было предположить, чтобъ онъ, проскакавъ взадъ и впередъ не менѣе четырехъ тысячъ верстъ и, снова безъ отдыха отправленный въ догоню, въ состояніи былъ нагнать перваго. Но судьба,

казалось, устала преслѣдовать меня; послѣдній посолъ настигъ своего предшественника и воротилъ его назадъ.

Когда онъ подъѣхалъ къ воротамъ, я сидѣла у окна; увидѣвъ кибитку, окруженную моими слугами, я вышла навстрѣчу императорскому гонцу. Напрасно миссъ Бетси умоляла его объявить о новостяхъ, привезенныхъ имъ. Онъ не могъ сказать, потому что ничего не зналъ; но съ нимъ былъ царскій указъ къ княгинѣ Дашковой. Ему показали на меня, и онъ подалъ письмо.

Прежде чѣмъ я сломила печать, миссъ Бетси бросилась къ моимъ ногамъ: „не будемъ унывать, милая княгиня,—сказала она,—вѣдь и въ Сибири есть Богъ".

Когда я раскрывала пакетъ, она вся поблѣднѣла и затряслась; я попросила ее успокоиться, чтобы дать мнѣ прочитать письмо. Пробѣжавъ его, я объявила, что намъ позволено возвратиться въ Троицкое; Бетси чуть не обезумѣла отъ радости; она упала на землю, и я приказала отнести ее въ постель.

Тогда я приказала дать курьеру вина и закуску, но онъ отказался отъ питья и ѣды, попросивъ уголокъ, гдѣ бы онъ могъ заснуть, изнуренный безсонницей нѣсколькихъ дней сряду.

Счастливая новость, необычайно обрадовавшая всѣхъ моихъ слугъ, была передана дочери. На другое утро, я спросила курьера, что онъ получаетъ въ годъ; заплативъ ему почти двойное годовое жалованье, я отпустила его, и онъ весело покинулъ Коротову, гдѣ все радовалось, за исключеніемъ меня самой. Я одна была бы хладнокровна и равнодушна, еслибъ не безпокоилась за Бетси. За первымъ припадкомъ ея послѣдовала лихорадка; въ продолженіе болѣзни она изъ всѣхъ окружающихъ ее лицъ меня одну узнавала, и я рѣдко отходила отъ ея постели — только для отправленія писемъ и нѣкоторыхъ дорожныхъ приготовленій. Желая налегкѣ и скорѣе ѣхать, когда поправится Бетси, я впередъ послала нѣкоторыхъ слугъ.

Курьеру я поручила отдать незапечатанное письмо Архарову, съ тѣмъ, чтобы онъ препроводилъ его Лепехину, непремѣнному секретарю Академіи наукъ, одному изъ добрыхъ моихъ друзей; я написала ему о послѣднемъ происшествіи и приложила свой адресъ въ Троицкое; но Архаровъ имѣлъ глупость уничтожить его.

Воспользовавшись отъѣздомъ одного крестьянина въ Петербургъ, я послала съ нимъ нѣсколько писемъ моимъ друзьямъ въ Англію, на имя мистера Глина, англійскаго купца, жившаго въ Россіи. Въ восемь дней, пока продолжалась лихорадка миссъ Бетси, я приготовилась въ путь и желала, какъ можно скорѣй, увидѣть Троицкое. Между тѣмъ, миссъ Бетси, хотя и не совсѣмъ выздоровѣла, но въ

состоянiи была ѣхать; такимъ образомъ, въ концѣ марта среди страшныхъ морозовъ, мы покинули мѣсто ссылки.

Я не могу не засвидѣтельствовать на этихъ страницахъ благодарности тѣмъ бѣднымъ крестьянамъ, которые съ необыкновеннымъ усердiемъ помогали мнѣ. Возвращаясь два раза въ недѣлю съ базара, изъ сосѣдняго города, они приносили мнѣ все, что можно было достать лучшаго для моего стола, и ни за что не хотѣли брать деньги. Незадолго до моего отъѣзда, я узнала, что женщины, каждый день приходившiя съ запасомъ пироговъ и яицъ, договорились между собой являться ко мнѣ по очереди, чтобъ имѣть случай повидать меня и освѣдомиться о моемъ здоровьѣ.

Я часто спрашивала, какимъ образомъ онѣ могутъ любить меня, когда уже давно потеряли во мнѣ госпожу: отвѣтъ всегда былъ одинъ и тотъ же: „когда мы были твои, тогда посчастливѣли и разбогатѣли; ты дала намъ добраго барина, своего сына; хоть онъ и прибавилъ намъ оброку, все же мы платимъ меньше, чѣмъ наши сосѣди своимъ помѣщикамъ“.

XXVIII.

На перемѣнныхъ лошадяхъ, которыми снабдили меня добрые крестьяне, мы возвратились гораздо скорѣе, чѣмъ ѣхали сюда. Девятый день нашего путешествiя былъ днемъ истинной радости. Когда мы подъѣзжали къ Троицкому, гдѣ каждый изъ моихъ слугъ имѣлъ жену, мать, дѣтей или прiятелей, нами овладѣлъ безграничный восторгъ. Къ вечеру я услышала торжественные возгласы; передъ нами струилась рѣка Пратва, текущая въ моемъ имѣнiи. Кучеръ первый привѣтствовалъ ея знакомыя воды; при этой первой встрѣчѣ съ родной землей, я выбросила послѣднiя деньги изъ кошелька.

Поздравленiямъ и радости не было конца. Всѣ забыли о прошлыхъ страданiяхъ; всѣ спѣшили, но, увы, наши бѣдныя лошади еще слишкомъ далеко были отъ яслей, чтобъ раздѣлять общiй восторгъ. Имъ осталось работать еще одинъ день; растаявшiе снѣга затруднили нашу поѣздку на саняхъ, и мы принуждены были провести лишнюю ночь въ дорогѣ.

На десятый день мы прибыли въ Троицкое. Подъѣхавъ къ церкви, я увидѣла ее полную народа, собравшагося изъ шестнадцати деревень и поселковъ, принадлежавшихъ мнѣ.

Послѣ молебновъ крестьяне цѣловали у меня руку и поздравляли съ прiѣздомъ; но я не имѣла силъ поздороваться со всѣми и потому

попросила ихъ отложить эту церемонію до будущаго, болѣе удобнаго времени.

Меня глубоко тронуло это выраженіе искренной привязанности и общаго задушевнаго веселья; но я такъ ослабѣла и утомилась, что мнѣ крайне необходимъ былъ отдыхъ.

На другой день я послала вѣстоваго въ Москву къ моему брату, увѣдомить его о своемъ пріѣздѣ; также написала своимъ племянницамъ, княгинѣ Долгорукой и Маврокордато, чтобъ узнать отъ нихъ о здоровьѣ своихъ друзей, знакомыхъ и объ участи своего сына.

Къ крайнему удовольствію, я убѣдилась, что всѣ близкіе моему сердцу миновали общихъ ударовъ господствующей тиранніи.

Мой домъ въ Москвѣ обратили въ казарму, въ которой очень удобно расположился одинъ офицеръ и восемьдесятъ семь солдатъ. Благодаря предусмотрительности управляющаго, главный корпусъ зданія не былъ занятъ; онъ заперъ и запечаталъ всѣ двери, сказавъ, что я уѣхала изъ дому поспѣшно и оставила на его отвѣтственность всѣ свои вещи. Это благоразумное распоряженіе избавило меня отъ расходовъ, столь неизбѣжныхъ въ томъ случаѣ, когда бы здѣсь побывалъ одинъ изъ гатчинскихъ генераловъ: мебель и домъ все было бы загрязнено и переломано.

Моя загородная дача была обречена той же участи. Въ ней обитали девяносто городовыхъ и шесть унтеръ-офицеровъ. Такимъ образомъ, кромѣ расходовъ, по случаю этихъ произвольныхъ распоряженій чужой собственностью, изъ моего имѣнія переправили въ Москву три тысячи бревенъ и все еще было мало.

Вслѣдствіе этихъ насилій и самоуправства, я рѣшилась, впрочемъ, не безъ сожалѣнія, сбыть съ рукъ московское владѣніе. Оно служило мнѣ въ зимнюю пору своимъ прекраснымъ садомъ, за которымъ я ухаживала тридцать лѣтъ. Въ немъ были проведены аллеи, дорожки, всегда опрятныя и чистыя; я могла гулять здѣсь цѣлый годъ, потому что зимой ихъ очищали отъ снѣга и посыпали пескомъ. Впрочемъ, это удовольствіе стоило мнѣ не дешево, особенно послѣ посѣщенія такихъ гостей, каковы были гатчинскіе гвардейцы. При томъ я не знала, позволятъ ли мнѣ посѣщать Москву, гдѣ, признаюсь, не хотѣла бы жить; потому что по возвращеніи въ Троицкое, всѣ достойные друзья и родственники навѣстили меня здѣсь; наконецъ, мнѣ не безъизвѣстно было и то, что во всѣхъ большихъ городахъ, особенно въ Москвѣ, была организована строгая система шпіонства, тѣмъ болѣе опасная, что она доставляетъ самыя надежныя средства попасть въ милость у подозрительнаго и неумолимаго тирана.

Лѣтомъ я спокойно начала свои сельскіе труды, и такъ какъ у меня не было помощника въ этомъ дѣлѣ, то время было занято сполна.

Дневное утомленіе съ избыткомъ вознаграждалось раннимъ и глубокимъ сномъ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что я вставала утромъ всегда въ тотъ самый часъ, въ который подняли меня по случаю извѣстія о ссылкѣ въ Коротову. Днемъ я спала рѣдко, за исключеніемъ одного часа послѣ обѣда. Въ ненастные дни я не выходила изъ комнатъ, рисуя въ это время чертежи плановъ для новыхъ построекъ и разведенія садовъ, или занималась въ своей библіотекѣ.

Мнѣ хотѣлось пріобрѣсти нѣкоторыя новыя заграничныя изданія; съ этой цѣлью я отдала приказаніе и назначила годовую сумму; но ввозъ иностранныхъ книгъ былъ почти совершенно прекращенъ, хотя былъ открытъ свободный пропускъ всѣмъ памфлетамъ, клеветавшимъ на Екатерину II; но друзья не присылали мнѣ подобныхъ сочиненій. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ, ходившія по Москвѣ, достигали и до меня. Еслибъ моя жизнь продолжалась еще немного, я не положила бы пера безъ того, чтобъ не прибавить къ этимъ запискамъ [1]), недостойнымъ вниманія потомства, но не лишеннымъ интереса для моихъ друзей, нѣсколько опроверженій этой лжи, придуманной ненавистью.

Въ 1798 году князь Дашковъ находился въ Петербургѣ. Императоръ почти не разлучался съ нимъ, и эта любовь доходила до такого царскаго каприза, что, когда мой сынъ не обѣдалъ при дворѣ, государь сердился. Дашковъ проводилъ многіе часы наединѣ съ Павломъ I и часто съ нимъ заходилъ въ комнаты императрицы, когда она, кромѣ Нелидовой, никого, даже великихъ князей, не принимала къ себѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ мой сынъ немедленно просилъ великаго князя Александра выхлопотать позволеніе жить мнѣ въ Москвѣ и посѣтить другія помѣстья. Я однакожъ убѣдительно совѣтовала ему не думать обо мнѣ, но позаботиться о его собственномъ благополучіи. Во всякомъ письмѣ я просила его объ этомъ, увѣряя, что я довольна своей жизнью въ Троицкомъ и предпочитаю его всѣмъ другимъ мѣстамъ Россіи; что же касается до моихъ помѣстій, мое управленіе крестьянами, обязанными самымъ умѣреннымъ оброкомъ, не требуетъ личнаго надзора. Поэтому я убѣждала его не хлопотать за меня напрасно.

Несмотря на то Дашковъ продолжалъ напоминать обо мнѣ великому князю, но прошелъ мѣсяцъ, и обѣщанія Александра не были исполнены. Онъ также говорилъ объ этомъ съ Николаи, директоромъ Академіи наукъ, самымъ довѣреннымъ лицомъ у императрицы, у которой онъ былъ первымъ секретаремъ.

---

[1]) Это намѣреніе Дашковой никогда не осуществилось.

Однажды случилось Николаи находиться въ кабинетѣ государыни; она разговаривала съ Нелидовой о блестящемъ положеніи Дашкова при дворѣ и о вліяніи его на императора, при чемъ она выразила удивленіе, что сынъ не хочетъ употребить своего содѣйствія для полнаго прощенія матери. Николаи, услышавъ это, сказалъ, что Дашковъ не одинъ разъ умолялъ великаго князя объ этой милости и глубоко сокрушается, что данныя ему обѣщанія до сихъ поръ остаются безъ исполненія. Онъ пошелъ дальше и намекнулъ, какъ было бы великодушно и благородно, еслибъ государыня и Нелидова поддержали своимъ вліяніемъ просьбу великаго князя.

Директоръ Академіи наукъ передалъ этотъ разговоръ моему сыну. Черезъ нѣсколько дней князь Алексѣй Куракинъ навѣстилъ Дашкова и отъ имени императора предложилъ ему даръ въ пять тысячъ крестьянъ. Онъ отъ всей души благодарилъ государя за доброту, но замѣтилъ, что онъ ничего другого не желалъ бы, какъ свободы своей матери.

На другое утро Куракинъ, во время гвардейскаго развода, подошелъ къ Дашкову и объявилъ ему, что государь далъ мнѣ полную свободу и приказалъ увѣдомить меня о томъ.

Письмо князя Куракина было такого содержанія:

„Любезнѣйшая тетушка!

Я считаю особеннымъ для себя счастьемъ увѣдомить васъ, по приказанію государя, что вы совершенно свободно можете располагать мѣстомъ своего жительства — посѣщать свои имѣнія, жить гдѣ угодно и даже бывать въ столицѣ, когда отлучается отсюда царская фамилія; но если она здѣсь, вы можете жить не иначе, какъ за городомъ“.

Когда императоръ явился на разводъ, мой сынъ хотѣлъ упасть передъ нимъ на колѣни, но Павелъ I, предупредивъ его, облобызалъ; Дашковъ въ пылу благодарнаго чувства, забывъ, что императоръ былъ низкаго роста, приподнялъ его отъ земли, чтобъ ловчѣй возвратить ему поцѣлуй. И потомъ оба заплакали. Въ первый и послѣдній разъ гвардейцы были свидѣтелями такой сентиментальности царя.

Расположеніе Павла I къ моему сыну продолжалось до самаго отъѣзда его изъ Петербурга. Государь совѣтовался съ нимъ о всѣхъ военныхъ замыслахъ и предпринимаемой имъ войнѣ. Онъ заставлялъ его составлять въ своемъ кабинетѣ чертежи стратегическихъ плановъ, расположеніе войскъ сосѣднихъ державъ и рѣшился назначить его командиромъ корпуса, стоявшаго въ это время въ Кіевѣ. Онъ даже далъ ему нѣсколько бланковыхъ подписей, чтобъ, въ случаѣ надобности, употребить ихъ по собственному желанію. Въ то же время

были посланы инструкціи къ константинопольскому и вѣнскому посланникамъ, графу Разумовскому и Тамарѣ—войти въ сношенія съ княземъ Дашковымъ, а адмиралу черноморскаго флота было приказано дѣйствовать согласно съ его совѣтами.

Послѣ того, мой сынъ былъ посланъ прямо изъ Петербурга въ Кіевъ, гдѣ ему поручено было исполнять всѣ чрезвычайныя распоряженія и доносить о томъ императору.

Послѣ такой безпредѣльной довѣренности и горячей любви, кто бы могъ думать, что Дашковъ менѣе чѣмъ черезъ годъ получитъ отставку? Но это такъ было; и за что же? За то, что Дашковъ донесъ князю Лопухину, генералъ-прокурору Сената, что нѣкто Альтести (Altesti), заключенный въ кіевскую крѣпость, былъ невиненъ въ преступленіи, въ которомъ его обвиняли.

Этотъ человѣкъ былъ преданъ суду за то, что будто онъ поселилъ нѣсколькихъ солдатъ, въ качествѣ хлѣбопашцевъ, на земляхъ, подаренныхъ ему Екатериной II. Обвиненіе было ложное; въ его имѣніи не было ни одного солдата. Но Альтести въ прошлое царствованіе пользовался особеннымъ покровительствомъ и безграничной, хотя, можетъ быть, и не безукоризненной довѣренностью Зубова, у котораго онъ служилъ секретаремъ: въ этомъ одномъ заключалась его вина. Вѣроятно, князь Лопухинъ, докладывая государю мнѣніе моего сына, избралъ неудачную минуту, когда онъ былъ не въ духѣ. Могло статься и то, что генералъ-прокуроръ искалъ нарочно этого случая потому, что это былъ человѣкъ фальшивый, скрытный и мстительный. Какъ бы то ни было, но императоръ написалъ Дашкову слѣдующее письмо:

„Такъ какъ вы мѣшаетесь въ дѣла, не относящіяся до васъ, то вы увольняетесь отъ службы. Павелъ“.

Мой сынъ, не повѣривъ курьеру, просилъ императора послать къ нему болѣе довѣренное лицо, чтобъ вручить ему бланковыя подписи и другія нужныя бумаги. Павелъ I не торопился отправленіемъ новаго посла; Дашковъ поручилъ очередному курьеру, ѣхавшему въ Петербургъ, отдать государю всѣ оффиціальные документы и письма его. Потомъ, устроивъ наскоро свои дѣла въ Кіевѣ, удалился отсюда въ свое тамбовское имѣніе.

XXIX.

Въ слѣдующее лѣто я посѣтила свое Бѣлорусское имѣніе, гдѣ пробыла нѣсколько недѣль. Имѣніе было разорено моимъ управляющимъ, родомъ полякомъ, который надѣялся, что меня сошлютъ въ Сибирь.

Поправивъ немного положеніе крѣпостныхъ, я поставила во главѣ ихъ одного изъ русскихъ крестьянъ. На возвратномъ пути отсюда я провела шесть недѣль у брата; здѣсь я занималась улучшеніемъ его усадебъ; разсадила новые деревья и кустарники, перенесла на другое мѣсто старыя, дурно разведенныя, и тѣмъ придала болѣе красоты его садамъ.

Проводя каждый день по нѣсколько часовъ вмѣстѣ, мы часто разговаривали о предметѣ обще-грустномъ для насъ, о несчастіи отечества и опасномъ положеніи каждаго частнаго лица, ибо тотъ, кто самъ ускользалъ отъ всепоражающей тиранніи Павла, тотъ оплакивалъ судьбу друга, родственника или сосѣда.

Не знаю почему, но въ моемъ умѣ зародилась полная увѣренность, что 1801 годъ будетъ роковымъ годомъ для императора. Я не могла дать отчета въ этомъ убѣжденіи, но часто повторяла его брату, и эта идея глубоко проникала мою душу.

Въ началѣ этого года братъ напомнилъ мнѣ: „ну, вотъ наступилъ и вашъ обѣтованный годъ“, сказалъ онъ.

— Ну да, отвѣчала я, онъ только начинается; и вы увидите, что мое предсказаніе сбудется до исхода его.

Въ самомъ дѣлѣ, 12 марта стараго стиля, Провидѣніе, прекративъ дни Павла I, избавило народъ отъ государственныхъ и семейныхъ бѣдствій, которыя, подъ вліяніемъ всевозможныхъ преслѣдованій и деспотическаго гнета, прогрессивно распространялись по всей имперіи.

Не разъ я благодарила судьбу за то, что она, поставивъ меня въ число его жертвъ, избавила отъ постыдной обязанности находиться при дворѣ такого монарха. Да и что я могла дѣлать при немъ, лишенная способности притворяться, этой главной способности въ жизни царей и клевретовъ; я—на лицѣ которой выражалось всякое движеніе души—чувство досады, презрѣнія и гнѣва. Это обстоятельство, конечно, спасло меня отъ многихъ и многихъ неудовольствій и бѣдъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Павелъ I, хотя и не былъ совершенно злымъ существомъ, но его безуміе превосходило всякую мѣру; какъ императоръ, онъ проявлялъ себя въ безграничномъ злоупотребленіи власти; какъ солдатъ, онъ былъ жалкимъ рабомъ прусскаго капральства.

По временамъ Павелъ I являлся подозрительнымъ трусомъ и постоянно боялся воображаемыхъ заговоровъ противъ его жизни. Его дѣла были взрывами минутныхъ впечатлѣній и, къ несчастью, почти всегда носили на себѣ характеръ жестокости и обиды. Никто не подходилъ къ нему безъ страха съ примѣсью полнаго презрѣнія къ деспоту.

Какая разительная противоположность между жизнью окружавшихъ его рабовъ, забитыхъ страхомъ капризной воли, и жизнью людей, стоявшихъ близъ трона Екатерины II. Въ ея пріемахъ было что-то поражающее, и за всѣмъ тѣмъ каждый приближался къ ней безъ раболѣпія и боязни. Она внушала къ себѣ своимъ присутствіемъ уваженіе, соединенное съ любовью и благодарностью. Привѣтливая веселая, она забывала о своемъ достоинствѣ въ частномъ обществѣ; но если и были забыты ея внѣшнія отличія, то каждый питалъ чувство почтенія къ ея природному превосходству.

Мой братъ, возвратившись въ Москву, многимъ разсказывалъ о моемъ пророчествѣ и тѣмъ возбудилъ всеобщее любопытство, на которое мнѣ нечего было отвѣчать; я уже сказала, что эта мысль безсознательно волновала мое воображеніе.

Вслѣдъ за тѣмъ братъ получилъ письмо отъ новаго государя, который просилъ его возвратиться немедленно въ Петербургъ и принять участіе въ правительственныхъ дѣлахъ. Ко мнѣ въ Троицкое также былъ присланъ гонецъ, мой племянникъ Татищевъ [1]), съ приглашеніемъ явиться ко двору. Впрочемъ, для меня эта честь уже миновала: въ мой возрастъ, съ моими понятіями о придворной жизни и въ моемъ нездоровьѣ было бы странно вновь выступать на сцену.

Я не удерживала своего племянника болѣе трехъ дней, чтобъ дать ему возможность пробыть подольше у матери и родственниковъ въ Москвѣ. Убѣдивъ его какъ можно скорѣе возвратиться къ своему посту, изъ опасенія потерять его по случаю непредвидѣнныхъ перемѣнъ новаго царствованія, я вручила ему письмо къ государю. Поблагодаривъ его за добрую память, я отказалась немедленно явиться въ столицу подъ предлогомъ плохаго здоровья, но съ первой возможностью обѣщала представиться ко двору.

Съ этой цѣлью, въ концѣ апрѣля я оставила Троицкое, по дорогѣ навѣстила своего брата прежде, чѣмъ отправилась въ Петербургъ. Здѣсь мы условились, чтобъ онъ выѣхалъ недѣлей раньше: во-первыхъ, я хотѣла собраться съ силами для предстоящаго путешествія; во-вторыхъ, избѣжать остановки на почтовыхъ станціяхъ по случаю недостатка лошадей.

Въ маѣ я прибыла въ Петербургъ. Если мнѣ было пріятно видѣть государя, котораго я давно привыкла любить, то еще пріятнѣе было встрѣтить его красавицу жену. Ея умъ, образованіе, скромность и необычайная симпатичность, признакъ дружелюбной при-

---

[1]) Татищевъ былъ членъ департамента иностранныхъ дѣлъ, камергеръ, управляющій всѣмъ, что относилось до азіатскихъ державъ.

роды, соединялся съ тактомъ и благоразуміемъ выше ея лѣтъ: она плѣняла всѣхъ своими прекрасными качествами и по-русски уже говорила правильно, безъ малѣйшаго признака иностраннаго акцента. Но къ сожалѣнію я замѣтила, что Александра окружали молодые люди, готовые осмѣивать стариковъ, которыхъ императоръ уже началъ избѣгать вслѣдствіе извѣстной застѣнчивости, можетъ быть происходившей отъ его глухоты.

Четыре года Павловскаго царствованія, поучительные для его дѣтей одной солдатчиной, были потеряны для ихъ относительнаго истиннаго образованія. Покойный государь обращалъ вниманіе ихъ исключительно на гвардейскіе парады и военную форму. Я предвидѣла, что настоящій добродушный императоръ, руководимый чувствомъ справедливости и уваженія къ человѣческому достоинству, заранѣе воспитаннаго въ немъ, не безъ упрека и сожалѣнія смотрѣлъ на упадокъ Россіи подъ рукой его отца.

Я оставила Петербургъ въ концѣ іюля, проѣхавъ въ Бѣлоруссію, чтобъ приготовиться къ коронаціи, запастись платьемъ и экипажами, вовсе забытыми въ послѣднія семь лѣтъ.

Съ этой цѣлью я заняла въ банкѣ сорокъ четыре тысячи рублей, изъ которыхъ девятнадцать тысячъ пять сотъ употребила на погашеніе заемнаго письма моего сына, одиннадцать тысячъ на уплату долга моего племянника Татищева, а остальное пошло на поправку дома и на то, чтобъ явиться при коронаціи, если не въ блестящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ приличномъ видѣ.

Передъ отъѣздомъ, я взяла съ государя обѣщаніе, что по случаю предстоящаго производства, моя племянница Кочетова будетъ назначена фрейлиной, а князь Урусовъ, только-что женившійся на моей родственницѣ Татищевой, будетъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ.

Я пріѣхала въ Москву двумя недѣлями раньше царской семьи. Въѣздъ императора въ старую столицу былъ великолѣпенъ. Болѣе пятидесяти придворныхъ каретъ и множество другихъ экипажей тянулись въ процессіи.

Послѣ царскихъ каретъ слѣдовалъ экипажъ, въ которомъ сидѣла Амелія, сестра императрицы, и я, какъ старшая статсъ-дама двора. Потомъ ѣхали статсъ-дамы и фрейлины, а за ними тянулись сановники.

Государь прямо остановился у Кремлевскаго собора, гдѣ отслушалъ обѣдню. Впрочемъ, у меня нѣтъ особеннаго желанія описывать эту церемонію; всѣ коронаціи походятъ одна на другую; я одно замѣчу, что молодой монархъ и его прелестная супруга возбудили общую любовь къ себѣ въ жителяхъ Москвы.

Въ продолженіе этого царскаго праздника, я до крайности утоми-

лась. Хотя слобода, гдѣ поселился императоръ, отстояла отъ моего дома около десяти верстъ, но я пойти каждый день являлась во дворецъ, учащала свои визиты потому, что надѣялась въ нѣкоторомъ отношеніи быть полезной императрицѣ Елисаветѣ; я знакомила ее съ характерами нѣкоторыхъ лицъ и сообщила нѣсколько не лишнихъ замѣчаній о томъ, какъ лучше вести себя въ отношеніи къ подданнымъ, которыхъ она любила.

Эти посѣщенія не только хорошо были приняты, но, какъ я слышала отъ брата, заслужили самые лестные отзывы со стороны государыни, слѣдовательно, не совсѣмъ были и безполезны. Впрочемъ, только вслѣдствіе этого убѣжденія и горячей моей привязанности къ Елисаветѣ, я могла обречь себя скукѣ, всѣмъ стѣсненіямъ этикета, всей тяжести душной придворной атмосферы; всякіе личные разсчеты были далеки отъ меня.

Послѣ отъѣзда двора въ Петербургъ, я очень была рада начать свою обычную жизнь, и потому какъ обыкновенно, въ началѣ марта удалилась въ Троицкое.

На слѣдующій годъ, я снова побывала въ своемъ Бѣлорусскомъ имѣніи, гдѣ кончила и освятила церковь, воздвигнутую посреди главной площади Круглова. Въ то же лѣто мой братъ Семенъ возвратился въ Петербургъ изъ Англіи, гдѣ онъ былъ уполномоченнымъ министромъ при Екатеринѣ II, и частнымъ жителемъ при Павлѣ I ради его пріѣзда я отправилась въ Петербургъ въ іюлѣ.

Всѣ лица, окружавшія юнаго царя, при всемъ разнообразіи ихъ мнѣній, сходились въ одной мысли—унижать правленіе и характеръ Екатерины II. Я чувствовала невыразимую досаду, когда на счетъ покойной императрицы до небесъ возносили Петра I. Я не сдерживала своихъ чувствъ въ этомъ отношеніи и, можетъ быть, иногда выражала ихъ слишкомъ горячо.

Однажды, я помню, почти всѣ министры новаго и нѣсколько разноцвѣтнаго правительства и многіе изъ частныхъ друзей и фаворитовъ императора обѣдали у моего брата (Александра); рѣчь зашла о царствованіи Екатерины II; дѣла ея безпощадно критиковали, смѣшивая злоупотребленія князя Потемкина съ собственными распоряженіями государыни и нисколько не различая невѣжества ея министра съ чистотой и глубиной ея намѣреній, всегда клонившихся къ благу страны. Этотъ разговоръ такъ глубоко оскорбилъ и встревожилъ меня, что я рѣшилась защитить ее со всей искренностью и жаромъ, что̀ не мало озадачило все общество. Нѣкоторые изъ моихъ родственниковъ согласились съ моимъ мнѣніемъ. Но эта горячая оппозиція моихъ противниковъ стоила мнѣ болѣзни, съ которой я возвратилась домой и нѣсколько дней прохворала. Въ продолженіе этого

времени, двери мои постоянно осаждались посѣтителями обоего пола, пріѣзжавшими справиться о моемъ здоровьѣ; и я приписываю это необыкновенное вниманіе ревности, съ которой эти лица, одинаково со мной, отстаивали честь и довѣріе покойной императрицы. Мой разговоръ пошелъ по всему городу; отсюда, между прочимъ, вытекало участіе къ моей болѣзни—и цѣна, которую я придавала этому участію.

Впрочемъ, Петербургъ во многомъ измѣнился. Между выскочками и первыми актерами не сценѣ были люди двухъ цвѣтовъ—якобинскаго и сѣро-солдатскаго, потому что каждый военный, начиная отъ солдата и до генерала, занимался единственно шагистикой и ружистикой; и такъ какъ требованія дисциплины постоянно измѣнялись, то каждый долженъ былъ старое забыть и учиться новому.

Глубокой осенью я возвратилась въ Москву и потомъ въ Троицкое, откуда я не могла на долго отлучаться, потому что на мнѣ лежали обязанности архитектора, садовника и на случай нужды, если почва требовала особеннаго ухода, обязанность фермера.

Нѣсколько слѣдующихъ лѣтъ моей жизни я пройду молчаніемъ; впрочемъ, они и не имѣютъ особеннаго интереса. И если мои душевныя скорби были такого свойства, что я охотно желала бы скрыть ихъ отъ самой себя, то тѣмъ менѣе считаю нужнымъ передавать ихъ читателю.

Не могу однакожъ не упомянуть, что императоръ принялъ на себя долгъ, сдѣланный мной въ банкѣ.

Въ концѣ августа 1803 года я имѣла счастіе встрѣтить у себя миссъ Уильмоттъ, двоюродную сестру мистриссъ Гамильтонъ, дочери архіепископа. Миссъ Уильмоттъ явилась въ Троицкое, окруживъ меня всѣми тихими удовольствіями, въ которыхъ я такъ давно нуждалась для пробужденія своего нравственнаго существованія; ея бесѣда, чтеніе, ея кроткій и симпатичный характеръ оживили мою дряхлую старость. Родители такъ превосходно воспитали ее, что она была предметомъ общаго удивленія для всѣхъ, кто ее зналъ.

Я не умѣю выразить вполнѣ той благодарности, которою я обязана моему молодому другу—за довѣренность ея отцовъ, за ея собственную великодушную рѣшимость навѣстить престарѣлую женщину, неспособную раздѣлять ея удовольствій и уже наскучившую самой жизнію. Такой поступокъ выше всѣхъ моихъ похвалъ. Она озарила лучемъ новой радости мое уединеніе—да это такъ, еслибъ . . . . и не зависѣло отъ нея.

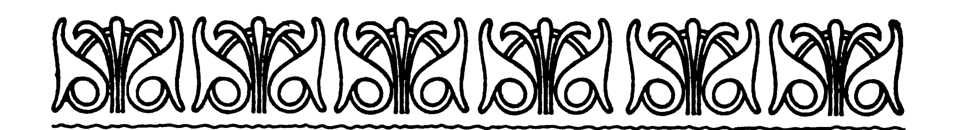
Я ужъ сказала, что эти записки принадлежатъ ей; я отказалась

писать ихъ по просьбѣ родственниковъ и друзей, но уступила ея пламенному желанію. Поэтому она одна можетъ располагать ими, съ однимъ однакожъ условіемъ, чтобъ прежде моей смерти онѣ не являлись въ свѣтъ.

Относительно содержанія ихъ, я могу увѣрить, что безпристрастная истина водила моимъ перомъ. Опустивъ нѣкоторыя оскорбительныя событія для другихъ я, можетъ быть, не отдала должной справедливости себѣ; но отъ этихъ пропусковъ читатель ничего не теряетъ. Если позволитъ мнѣ жизнь, я намѣрена изложить нѣсколько анекдотовъ о Екатеринѣ II, исчислить ея добрыя дѣла и провести параллель между ею и Петромъ I, котораго сравниваютъ съ этой знаменитой царицей, поставившей Россію въ самое видное, почетное и грозное положеніе передъ лицомъ западнаго міра.

Въ заключеніе скажу, что я съ своей стороны сдѣлала все доброе по силамъ и никому не сдѣлала зла; единственнымъ орудіемъ моей мести за всю несправедливость, интриги и клеветы, взведенныя противъ меня, было забвеніе или презрѣніе ихъ. Я исполнила свой долгъ такъ, какъ въ состояніи была понять его; съ честнымъ сердцемъ и чистыми намѣреніями я вынесла много сокрушительныхъ ударовъ и, еслибъ не поддерживала меня безупречная совѣсть, я конечно пала бы подъ ними. Наконецъ, скажу, что я смотрю на свою близкую смерть безъ страха и тревоги.

Троицкое. Окт. 27. 1805 года.



Историческія замѣтки.

Дикій маркизъ [1]).

Одинъ изъ авантюристовъ прошлаго вѣка.

1784 — 1868.

I.

Имя маркиза де Мобреля, одного изъ извѣстнѣйшихъ авантюристовъ своего времени, нынѣ совершенно забытое, прогремѣло въ Европѣ въ 1814 г. и было тѣсно связано съ весьма важнымъ и любопытнымъ періодомъ французской исторіи, а именно съ паденіемъ Наполеона и реставраціей Бурбоновъ.

Это была оригинальнѣйшая личность; его жизнь представляетъ собою рядъ необычайныхъ эпизодовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что дѣйствительность превосходитъ иной разъ самый смѣлый вымыселъ.

Яковъ Арманъ де Мобрель родился въ 1784 г., незадолго до великой французской революціи, во время которой его отецъ эмигрировалъ и служилъ въ арміи принца Конде.

Молодому Мобрелю было 15 лѣтъ въ то время, когда вспыхнуло возстаніе въ Вандеѣ (1799 г.), въ которомъ онъ принялъ участіе сражаясь въ рядахъ королевскихъ войскъ; въ 1800 г., когда возстаніе было подавлено, и инсургенты разсѣяны, Мобрель поступилъ въ училище для довершенія своего образованія.

Въ то время Наполеонъ I, провозглашенный уже императоромъ, поставивъ себѣ задачею разрушить козни роялистовъ и упрочить свою власть, и съ этой цѣлью старался привлечь во Францію тѣхъ дворянъ, кои отказавшись отъ традицій своихъ предковъ были готовы, признавъ совершившійся фактъ, поддержать императорское правительство.

---

[1]) The wild Marquis. The life and adventures of Armand Guerry de Maubreuil, marquis d'Orvault. by Ernest A. Vizetelly. London. 1905.

то, что онъ самоотверженно увезъ съ поля битвы подъ выстрѣлами командира полка и тѣмъ спасъ его жизнь.

Вслѣдствіе полученныхъ имъ ранъ, Мобрель оставилъ военную службу и, возвратившись въ Кассель, окунулся снова въ водоворотъ веселой придворной жизни.

Въ то время среди красавицъ, блиставшихъ при дворѣ Іеронима Бонапарта, находилась статсъ-дама Біанка Каррега, уроженка Генуи, на которой, по желанію короля, женился сынъ одного марсельскаго купца, Лафлетъ, за что онъ получилъ титулъ барона Кейдельсгейма.

По возвращеніи молодаго Мобреля въ Кассель, его имя, какъ доносилъ Наполеону его посланникъ при Вестфальскомъ дворѣ, Рейнгардъ, произносилось при дворѣ не иначе, какъ вмѣстѣ съ именемъ красавицы Біанки и ея сестры.

Само собою разумѣется, что Наполеона не могли интересовать любовныя похожденія Мобреля, и Рейнгардъ счелъ долгомъ донести объ этомъ только потому, что имя Біанки Карреги упоминалось также часто съ именемъ самого короля.

Эта особа была очень хороша собою, очень легкомысленна и большая кокетка. У нея было одновременно нѣсколько поклонниковъ: во-первыхъ, король Іеронимъ, во-вторыхъ, братъ его супруги, наслѣдный принцъ Виртембергскій; кромѣ того, она зачислила въ число близкихъ ей людей Мобреля и нѣкоего Лассере—красавца креола, привезеннаго королемъ Іеронимомъ во время одного изъ своихъ путешествій и занимавшаго при Кассельскомъ дворѣ какое-то скромное мѣсто.

Мобрель, которымъ Біанка увлеклась по возвращеніи его съ войны, зналъ, что за ней ухаживали Іеронимъ и принцъ Виртембергскій, но она дала ему поводъ думать, что онъ занимаетъ въ ея симпатіяхъ первое мѣсто; молодому человѣку, вѣроятно, льстило то обстоятельство, что онъ вытѣснилъ изъ ея сердца двухъ царственныхъ поклонниковъ. Но онъ скоро узналъ, что, хотя его предпочли королю и принцу, зато ему предпочли, въ свою очередь, молодаго креола.

Мобрель былъ человѣкъ слишкомъ пылкій, чтобы помириться съ этимъ. Однажды вечеромъ онъ напалъ на Лассере, схватилъ его за плечи и выбросилъ изъ Кассельскаго дворца, но это не успокоило его. Кипя негодованіемъ, онъ кинулся къ вѣроломной Біанкѣ, которая стояла передъ нимъ трепеща. Поднялись крики, истерики, произошелъ страшный скандалъ. Какъ отнесся къ этому супругъ Біанки, баронъ Кейдельсгеймъ, неизвѣстно, но, когда эта исторія дошла до слуха короля Іеронима, то онъ былъ въ негодованіи, лишилъ Мобреля всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и повелѣлъ ему покинуть Вестфалію въ самый короткій срокъ.

Мобрель отправился въ Парижъ, гдѣ онъ встрѣтился со своимъ старымъ знакомымъ, де Бойне, служившимъ нѣкогда при Вестфальскомъ дворѣ помощникомъ церемоніймейстера, который по неизвѣстной причинѣ также былъ уволенъ королемъ въ отставку. Онъ такъ же какъ и Мобрель былъ одушевленъ жаждою мести, и они сочинили риѳмованное письмо къ Біанкѣ, въ которомъ въ самыхъ недвусмысленныхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ передавали, болѣе или менѣе правдиво, разные интимные эпизоды изъ ея жизни. Шестнадцать копій съ этого письма было разослано къ разнымъ лицамъ, проживавшимъ въ Касселѣ, гдѣ это вызвало цѣлую бурю.

Рейнгардъ, донося о случившемся французскому правительству, писалъ, что „къ счастью, въ моментъ полученія этого письма, супругъ Біанки находился въ отсутствіи, такъ что отъ него удалось скрыть этотъ пасквиль".

Въ Парижѣ Мобрель познакомился также съ двумя представителями старинной французской аристократіи, изъ коихъ одинъ Вильневъ былъ женатъ на одной изъ многочисленныхъ незаконныхъ дочерей Людовика XV и дѣйствовалъ во время революціи въ качествѣ агента графа Артуа. Эти роялисты пріѣхали въ Парижъ въ надеждѣ поправить свое состояніе какими-нибудь спекуляціями.

Одною изъ самыхъ выгодныхъ были въ то время подряды по снабженію французской арміи.

Роялисты, съ коими сошелся Мобрель, были хорошо знакомы съ этимъ дѣломъ, но у нихъ не было денегъ; при томъ, какъ приверженцы стараго режима, они не имѣли никакого вліянія, тогда какъ Мобрель, служившій въ арміи, былъ лично извѣстенъ военному министру и, кромѣ того, имѣлъ средства. Поэтому эти господа привлекли его въ свою компанію.

Въ то время управляющимъ военнымъ министерствомъ былъ графъ де Сесакъ, человѣкъ высоко честный, пользовавшійся довѣріемъ и уваженіемъ Наполеона I. Благодаря рекомендаціи генерала, подъ начальствомъ котораго Мобрель служилъ въ Испаніи, онъ отдалъ ему подрядъ на поставку мяса для французской арміи, а затѣмъ на ремонтъ кавалеріи въ Испаніи, чтó принесло Мобрелю такую большую выгоду, что уже въ 1811 г. онъ имѣлъ помѣстье близъ Булоня и домъ въ Парижѣ.

Въ 1812 г. военное министерство заключило съ Мобрелемъ новый контрактъ: на поставку съѣстныхъ припасовъ для арміи. Въ то время французское правительство сильно нуждалось въ деньгахъ, и Мобрелю пришла въ голову блестящая финансовая комбинація: онъ предложилъ правительству, чтобы вмѣсто уплаты денегъ за припасы ему было разрѣшено ввозить колоніальные продукты по цѣнамъ англій-

каго тарифа (au prix du tarif anglais); это нѣсколько темное выраженіе означало, что означенные продукты должны были приниматься министерствомъ по той цѣнѣ, какая существовала на нихъ въ Англіи

Въ надеждѣ получить въ скоромъ времени отъ этого предпріятія огромные барыши, Мобрель продалъ и заложилъ за большіе проценты свое недвижимое имущество и сдѣлалъ всѣ нужныя закупки. Но вмѣсто того, чтобы нажиться, онъ разорился.

19 октября 1812 г. французы выступили изъ Москвы, и началось знаменитое отступленіе великой арміи.

Въ ночь на 18 декабря Наполеонъ былъ уже въ Парижѣ и пригласилъ военнаго министра явиться на слѣдующій день рано утромъ въ Тюильрійскій дворецъ.

„Я засталъ императора", разсказывалъ министръ „у камина, гдѣ онъ стоялъ одинъ въ глубокой задумчивости. Дружески поздоровавшись со мною, онъ сказалъ неожиданно, глядя на меня въ упоръ: Г. Сессакъ, вы были правы! [1]) Вамъ извѣстно все, что случилось. Постигшее насъ бѣдствіе велико, но я полагаю, что наши средства еще больше. Мы должны энергично приняться за дѣло. Я разсчитываю на васъ". Затѣмъ императоръ перешелъ къ обсужденію различныхъ мѣръ, которыя предполагалось принять въ ближайшемъ будущемъ. Между прочимъ Сессакъ представилъ императору контрактъ, заключенный съ Мобрелемъ. Разсмотрѣвъ его, Наполеонъ былъ въ восторгѣ отъ изобрѣтательности Мобреля, но не одобрилъ контрактъ, такъ какъ онъ не согласовался съ его политикой по отношенію къ Великобританіи. И онъ ни подъ какимъ видомъ не могъ допустить, чтобы англійскіе продукты ввозились во Францію или въ тѣ мѣстности, кои были заняты французскими войсками. Несмотря на всѣ доводы военнаго министра, который предвидѣлъ большія затрудненія въ продовольствіи французскихъ войскъ въ Испаніи, Наполеонъ однимъ росчеркомъ пера уничтожилъ заключенный съ Мобрелемъ контрактъ, обѣщавъ современемъ выдать потерпѣвшему нѣкоторое вознагражденіе.

Если бы дѣла приняли иной оборотъ, быть можетъ, Мобрелю удалось бы получить какое-либо вознагражденіе за свои убытки, но французское казначейство было опустошено послѣдней войною, и для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ надобностей пришлось „прибѣгнуть къ тому знаменитому фонду, который хранился въ кладовыхъ Тюильрійскаго дворца". Каждый свободный франкъ былъ необходимъ для предстоящей кампаніи, которая, начавшись побѣдами подъ Люценомъ и Бауценомъ, окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ императорскихъ войскъ подъ Лейпцигомъ.

---

[1]) Сессакъ былъ противъ похода въ Россію.

Въ самомъ началѣ кампаніи, Сессакъ, бывшій противъ продолженія войны, отъ которой онъ не ожидалъ ничего хорошаго, оставилъ постъ военнаго министра. Съ его выходомъ въ отставку исчезли послѣднія надежды Мобреля.

Въ то время какъ онъ предавался грустнымъ размышленіямъ о постигшей его бѣдѣ, онъ встрѣтился въ Парижѣ со многими недовольными роялистами; ихъ рѣчи еще болѣе разожгли его озлобленіе, и онъ выражалъ свою ненависть къ Наполеону и его правительству въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Однако, когда союзныя войска перешли Рейнъ и вступили въ предѣлы Франціи, а Наполеонъ долженъ былъ покинуть Парижъ, чтобы стать во главѣ войска и отразить нашествіе непріятеля, то отчаянное положеніе, въ какомъ очутилась страна, пробудило въ душѣ Мобреля патріотическія чувства. Онъ не могъ долѣе оставаться бездѣятельнымъ и предложилъ употребить всѣ оставшіяся у него средства на сформированіе двухъ эскадроновъ иррегулярной кавалеріи, которые онъ предполагалъ навербовать въ Бретани. Его предложеніе было отклонено. Это было послѣдней каплей, наполнившей его душу непримиримой злобою. „Имперія не принимаетъ моихъ услугъ, да погибнетъ имперія!“ воскликнулъ Мобрель.

Между тѣмъ, событія шли быстрыми шагами къ роковой развязкѣ. Звѣзда Наполеона, вспыхнувшая на короткое время яркимъ пламенемъ, склонялась къ низу.

Пораженіе императорскихъ войскъ при Арсисъ-сюръ-Оби открыло передъ союзниками дорогу въ Парижъ. Въ этотъ критическій моментъ, Мобрель отрѣшился отъ послѣднихъ проблесковъ сочувствія Наполеону. Императорское правительство разорило его и презрительно отвергло его послѣднее патріотическое предложеніе; онъ рѣшилъ удовлетворить свою злобу мщеніемъ. Его лозунгомъ стало:

„Долой императора!—да здравствуетъ король!“

II.

По мѣрѣ приближенія союзниковъ къ границѣ Франціи, роялисты, мечтавшіе о возстановленіи на престолѣ династіи Бурбоновъ, начали организоваться.

Въ то же время, стали мало-по-малу появляться на сцену и принцы Бурбонскаго дома. Въ Базелѣ къ союзникамъ присоединился графъ Артуа; нѣсколько позже старшій сынъ его, герцогъ Ангулем-

скій присоединился къ Вашингтону, а его братъ, герцогъ Беррійскій, пріѣхалъ въ Джерси, гдѣ онъ выжидалъ начала предполагавшагося возстанія въ Вандеи.

По пути въ Парижъ, союзники были свидѣтелями многочисленныхъ манифестацій роялистовъ, и, въ тотъ моментъ, когда союзныя войска появились подъ Парижемъ, тамъ дѣйствовало уже два комитета, учрежденныхъ съ цѣлью низверженія имперіи.

29-го числа, на разсвѣтѣ, передъ Тюильрійскимъ дворцомъ собралась огромная толпа народа, чтобы видѣть отъѣздъ Маріи-Луизы и ея сына; по свидѣтельству одного англичанина, бывшаго въ то время въ Парижѣ, съ улицы можно было видѣть, какая суматоха происходила во дворцѣ всю ночь. Всѣ ставни были открыты настежь, восковыя свѣчи догорали въ подсвѣчникахъ, придворныя дамы бѣгали изъ комнаты въ комнату, нѣкоторыя изъ нихъ въ отчаяніи рыдали; прислуга также бѣгала взадъ и впередъ въ величайшемъ смятеніи.

Уже пробило одиннадцать часовъ, когда длинная вереница императорскихъ экипажей потянулась по дорогѣ въ Рамбулье и Блуа. Въ это время у сѣверной заставы уже грохотала артиллерія.

Началась бомбардировка Парижа, окончившаяся его взятіемъ союзными войсками.

Іосифъ Бонапартъ, оставленный Наполеономъ въ Парижѣ, далъ маршаламъ Мортье и Мармону полномочія для веденія переговоровъ о перемиріи и капитуляціи Парижа, а самъ бѣжалъ.

Было условлено, что французскія войска немедленно выступятъ изъ столицы, а союзныя вступятъ въ городъ на слѣдующій день.

Роялисты совѣщались всю ночь и рѣшили дѣйствовать безъ промедленія.

Семалле, агентъ бурбонской партіи, заказалъ себѣ даже визитныя карточки, на которыхъ стояло:

„Fondé de pouvoirs de m-r le comte d'Artois, lieutenant générale du Royaume (уполномоченный его высочества графа Артуа, регентъ королевства). Онъ посѣтилъ многихъ вліятельныхъ лицъ, изъ сторонниковъ Бурбоновъ, и ему удалось склонить на ихъ сторону полицейскаго префекта Пакье, сенскаго префекта Шаброля и Беллари, стоявшаго во главѣ муниципальнаго совѣта, а жена его позаботилась изготовить множество бѣлыхъ кокардъ и флаговъ для предстоявшихъ демонстрацій.

Онѣ начались съ того, что нѣкій Вовинэ, принимавшій дѣятельное участіе въ агитаціи въ пользу Бурбоновъ, отправился въ девять часовъ утра, 31-го марта, вмѣстѣ съ роялистами на площадь Согласія, гдѣ онъ прочелъ воззваніе, изданное кн. Шварценбергомъ, »коимъ жители Парижа призывались содѣйствовать возстановленію мира.

Окончивъ чтеніе, Вовинэ воскликнулъ: „Да здравствуетъ король!“ и нацѣпилъ бѣлую кокарду. Его товарищи, въ числѣ коихъ были Ларошфуко и Мобрель, прокричали то же и направились къ бульварамъ, крича: „да здравствуютъ Бурбоны“ и раздавая встрѣчнымъ кокарды, изготовленныя госпожею Семалле. Большинство встрѣчныхъ полагало, что это пьяные или сумасшедшіе; нѣкоторые отвѣчали на ихъ возгласы бранью. У одного караула, занятаго національной гвардіей, манифестантовъ встрѣтили такъ враждебно, что они сочли благоразумнѣе ретироваться.

Парижскіе бульвары, обстроенные нынѣ великолѣпными домами, представляли собою въ ту пору пустынную мѣстность, окруженную вѣковыми деревьями, подъ которыми зеленѣли лужайки.

31-го марта 1814 г. эти бульвары были переполнены несмѣтной толпой парижанъ, одѣтыхъ въ характерные костюмы временъ первой имперіи, которые устремились навстрѣчу вступавшимъ въ Парижъ иноземнымъ войскамъ. Прежде всего показались казаки, за ними шла легкая конница, австрійскіе гренадеры, русскіе кирасиры и пѣхота разной національности. Наконецъ, показались русскій императоръ и король прусскій, окруженные княземъ Шварценбергомъ, лордомъ Каткартомъ и прочей многочисленной свитой.

Парижанамъ бросилось прежде всего въ глаза, что мундиры союзныхъ войскъ не были такъ хорошо сшиты и не облегали такъ хорошо фигуру солдата, какъ во французской арміи. Затѣмъ ихъ поразило то, что у каждаго солдата была на рукѣ бѣлая перевязь. Всѣ задавались вопросомъ: что это могло означать? и не зная, что это былъ отличительный знакъ, по которому союзныя войска различали другъ друга въ бою, чтобы не смѣшать друзей и враговъ, парижане рѣшили, что эти перевязи были эмблемой миролюбивыхъ намѣреній союзниковъ, какъ бы любезнымъ вниманіемъ со стороны побѣдителей.

Въ толпѣ пронеслось: „насталъ миръ; войны больше не будетъ!“ и впечатлительные парижане, въ отвѣтъ на безмолвный дружескій залогъ, замахали платками, и привѣтствовали союзныхъ солдатъ и монарховъ громкими криками.

Хотя въ окнахъ развѣвались бѣлые флаги роялистовъ и сами они разукрасились бѣлыми кокардами; но большинство парижанъ отнюдь не желало возвращенія старой династіи и привѣтствовало союзниковъ не какъ своихъ освободителей отъ тирана „Буонапарте“. Демонстрація, устроенная на бульварахъ, была ошибкою, недоразумѣніемъ, парижане ликовали только по поводу заключенія мира. Огромное большинство французовъ было готово признать регентство Маріи-Луизы, и только весьма немногіе желали возвращенія Бурбоновъ, подъ управленіемъ которыхъ французскій народъ такъ долго страдалъ.

По словамъ Мобреля толпа отнеслась холодно къ призыву бывшихъ съ нимн роялистовъ, Полиньяка, Ларошфуко, Лагранжа и другихъ, и они собирались уже спрятать свои бѣлыя кокарды въ карманъ, какъ вдругъ раздались звуки военной музыки и появились союзныя войска, привѣтствуемыя, какъ сказано выше, толпою.

Въ этотъ моментъ, одному изъ роялистовъ пришла въ голову смѣлая мысль. Онъ и его товарищи стали передъ свитой союзныхъ монарховъ и поѣхали впереди нихъ, съ приколотыми къ груди бѣлыми кокардами, махая шляпами и громко крича: „да здравствуетъ король! да здравствуетъ король!“ а къ хвосту лошади, на которой ѣхалъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ приверженцевъ Бурбоновъ, былъ прицѣпленъ, на красной лентѣ, учрежденный Наполеономъ орденъ Почетнаго Легіона, который то скрывался въ облакахъ пыли, которую подымали лошади, то появлялся вновь ко всеобщему изумленію.

Послѣ полудня, въ Парижѣ разыгрался еще одинъ эпизодъ, въ которомъ, какъ видно изъ полицейскихъ протоколовъ, Мобрель игралъ не послѣднюю роль. Была сдѣлана попытка сбросить статую Наполеона съ колонны, стоявшей на Вандомской площади.

Мобрель отрицаетъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ, утверждая, что „эта мысль была подана молодымъ Ларошфуко и приведена въ исполненіе Лакомбомъ де-Монбадонъ, который получилъ за это отъ временнаго правительства около 3.600 франковъ“.

Семалле говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что „онъ самъ уплатилъ ему эти деньги, и что одинъ изъ адъютантовъ императора Александра I подалъ ему эту мысль, что было бы хорошо поднести эту статую русскому императору, но онъ отклонилъ это предложеніе, точно такъ же, какъ и предложеніе одной англійской компаніи, предлагавшей за эту статую 2.400 ф. ст.

Вандомская колонна была сооружена по повелѣнію Наполеона, въ воспоминаніе Аустерлицкаго сраженія, изъ 1.200 ружей, взятыхъ французами у непріятеля. На верху ея стояла статуя Наполеона въ римской тогѣ; Ларошфуко и его друзья, въ числѣ коихъ по увѣренію свидѣтелей находился лордъ Сеймуръ, предложилъ сбросить ее съ этой колонны.

Для выполненія этого плана, они притащили толстыя веревки и, набросивъ ихъ на статую, пытались стащить ее, но это имъ не удалось. Тогда Мобрель, бывшій въ тотъ день при деньгахъ, вынулъ изъ кармана нѣсколько монетъ 20-ти франковаго достоинства и размѣнялъ ихъ на пяти франковыя монеты, которыя были розданы бродягамъ, выразившимъ желаніе оказать помощь роялистамъ. Они принялись тащить статую, но она не поддавалась, тогда роялисты, внѣ себя отъ злости припрягли къ веревкамъ лошадей и стали гнать и

хлестать ихъ изо всѣхъ силъ, надѣясь, что такимъ образомъ удастся добиться цѣли. Но всѣ усилія оказались тщетны; тогда Ларошфуко обратился къ подошедшему въ эту минуту великому князю Константину Павловичу, просилъ его на помощь нѣсколько человѣкъ русскихъ солдатъ.

— Это не мое дѣло, отвѣчалъ великій князь, сдѣлавъ презрительный жестъ рукою [1]).

Такимъ образомъ роялистамъ пришлось отложить на нѣсколько дней свой замыселъ и удовольствоваться тѣмъ, что они набросили покрывало на статую императора. Услыхавъ объ этомъ, Наполеонъ, находившійся въ то время въ Фонтенебло, сказалъ: „они хорошо сдѣлали, покрывъ меня, чтобы я не видѣлъ ихъ низости“.

Демонстрація, происшедшая на бульварахъ во время вступленія въ Парижъ союзныхъ войскъ, произвела на императора Александра сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что возгласы: „да здравствуетъ король“, маханье платками и т. п. были приняты имъ за желаніе парижанъ засвидѣтельствовать этимъ свою преданность Бурбонамъ и ихъ фамильному бѣлому знамени, и хотя Нессельроде увѣрялъ его, что „Бурбоны имѣютъ приверженцевъ только въ салонахъ“ и среди дворянства, но событія этого дня оставили въ душѣ царя иное впечатлѣніе, и онъ рѣшилъ устроить будущее Франціи согласно желанію народа.

Въ тотъ же день, къ девяти часамъ вечера въ Парижѣ были расклеены сотни воззваній къ французскому народу, подписанныхъ императоромъ Александромъ отъ имени союзныхъ монарховъ, въ коихъ объявлялось, что они не хотятъ имѣть дѣло ни съ кѣмъ изъ Бонапартовъ, и сенатъ призывался учредить временное правительство.

Объ этомъ тотчасъ дошло до свѣдѣнія роялистовъ, собравшихся въ улицѣ Сентъ-Оноре и послѣ короткаго совѣщанія, во время котораго Мобрель, бывшій снова въ крайне возбужденномъ состояніи, громилъ „узурпатора“ и его сторонниковъ, къ русскому императору была отправлена депутація съ Семалле во главѣ, съ цѣлью благодарить царя за воззваніе и поддержаніе права Бурбоновъ.

Депутація была принята Нессельроде, который, по словамъ Волабелла, отвѣтилъ ей:

— Возвратитесь къ своимъ друзьямъ и передайте всѣмъ французамъ, что его императорское величество, тронутый слышанными имъ кликами и выраженными желаніями, возвратитъ корону тому, кому она принадлежитъ по праву. На французскій престолъ вступитъ Людовикъ XVIII.

---

[1]) Vaulabelle „Histoire des Deux Restaurations“. Парижъ, 1847 г., т. I.

Семалле опровергаетъ это, говоря, что русскій канцлеръ ограничился обѣщаніемъ, что на слѣдующій день будетъ издано новое воззваніе, но не упомянулъ о томъ, каково будетъ его содержаніе.

III.

Мобрель разсказываетъ, что на слѣдующій день, т. е. на другой день по вступленіи въ Парижъ союзныхъ войскъ, онъ видѣлся съ Лабори, секретаремъ временнаго правительства, человѣкомъ весьма близкимъ къ Талейрану, который сдѣлалъ ему отъ имени временнаго правительства предложеніе, чрезвычайно поразившее его.

Наполеонъ находился въ то время въ Фонтенебло, куда онъ пріѣхалъ рано утромъ 31 марта. Узнавъ о капитуляціи Парижа, онъ послалъ туда преданнаго ему Коленкура, который пріѣхалъ въ городъ въ тотъ же день вечеромъ. Къ этому времени воззваніе союзныхъ монарховъ было уже обнародовано, и императоръ Александръ, послѣ трогательнаго свиданія съ Коленкуромъ не могъ ничего обѣщать ему, какъ только дать слово, что съ Наполеономъ обойдутся, какъ подобаетъ его сану. Между прочимъ, Александръ I подалъ мысль, чтобы Наполеонъ немедленно отрекся отъ престола въ пользу своего сына. Конечно, это не вполнѣ согласовалось съ воззваніемъ, въ которомъ было сказано, что союзники не войдутъ въ переговоры ни съ кѣмъ изъ членовъ семьи Бонапарта, ни съ заявленіемъ Нессельроде, что на престолъ вскорѣ вступитъ Людовикъ XVIII. Несмотря на это, императоръ Александръ, если вѣрить Коленкуру, обѣщалъ посланному Наполеона, что онъ „сдѣлаетъ все возможное", чтобы возбудить вопросъ о назначеніи регентшей Маріи-Луизы.

Талейранъ тотчасъ узналъ объ этомъ отъ бывшаго у него Коленкура, и это сообщеніе вѣроятно крайне встревожило предсѣдателя временнаго правительства, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ все еще находился во главѣ войска; отряды Мортье и Мармона легко могли присоединиться къ нему, а зная характеръ императора, можно было предположить, что онъ сдѣлаетъ отчаянную попытку, чтобы овладѣть вновь властью. Какъ бы то ни было, роялисты зашли слишкомъ далеко, чтобы отступить; имъ необходимо было во что бы то ни стало помѣшать воцаренію Наполеона или его сына, такъ какъ это повлекло бы за собой гибель Талейрана и всѣхъ его друзей.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Мобрель, возвратясь 1 апрѣля домой, въ 7 часовъ вечера, нашелъ у себя ни болѣе ни менѣе какъ

пять записокъ отъ Лабори, который настоятельно просилъ его немедленно пріѣхать къ Талейрану.

— Почему вы не пріѣхали?—писалъ онъ въ одной изъ этихъ записокъ.

— Возможно ли такъ долго заставлять себя ожидать? Вы приводите меня въ отчаяніе. Наконецъ, въ послѣдней запискѣ было всего нѣсколько словъ:

— Я ожидаю васъ съ минуты на минуту въ домѣ князя.

Мобрель и Лабори были знакомы раньше, и матеріальное положеніе Мобреля было какъ нельзя лучше извѣстно секретарю Талейрана, у котораго онъ часто бывалъ послѣдніе три мѣсяца. Лабори зналъ, что отставной капитанъ разорился по винѣ Наполеона и пылалъ къ нему злобою и жаждою мести, что это былъ человѣкъ пылкій и смѣлый; онъ слышалъ о его странномъ поведеніи наканунѣ на бульварѣ и на Вандомской площади. Все это было, конечно, передано Талейрану, которому и пришло въ голову воспользоваться Мобрелемъ, какъ орудіемъ для выполненія своихъ замысловъ.

Когда Мобрель явился въ квартиру Талейрана, Лабори принялъ его въ кабинетѣ князя, и первый его вопросъ былъ:

— Ужинали ли вы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мобрель; Съ утра я ничего не ѣлъ; я былъ цѣлый день внѣ дома.

— Ну такъ ступайте, скушайте бульона. Я поклялся, что я не буду говорить съ вами до тѣхъ поръ, пока вы не поужинаете.

— Не заботьтесь о моемъ ужинѣ; говорите, зачѣмъ вы посылали за мной.

— Нѣтъ, я далъ слово. Ступайте, поужинайте и возвращайтесь сюда не позже какъ черезъ часъ. Я буду просить васъ о большомъ самопожертвованіи. Я поручился за васъ князю и полагаю, что въ этомъ случаѣ я не ошибся.

— Вамъ извѣстно, дорогой Лабори, возразилъ Мобрель, что мною руководитъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ одно желаніе—это вернуть то положеніе, которое я занималъ до революціи. Я единственный сынъ въ семьѣ, имѣлъ когда-то большое состояніе и меня всегда огорчаетъ мысль, что моя жизнь искалѣчена. Сдѣлайте все возможное, чтобы я могъ достигнуть этой цѣли, хотя бы это было сопряжено для меня съ опасностью жизни—я готовъ на все.

— Прекрасно, но теперь уходите, отвѣчалъ Лабори. Возвращайтесь черезъ часъ или черезъ часъ и десять минутъ. Сейчасъ я не могу болѣе говорить съ вами. Я долженъ васъ оставить. Идите, идите.

Мобрель простился съ нимъ и отправился въ кафе на Италіан-

скій бульваръ. Около восьми часовъ онъ возвратился въ улицу Сенъ-Флорентенъ. Въ это время происходило засѣданіе членовъ временнаго правительства, на которомъ Лабори, какъ секретарь, долженъ былъ присутствовать, но когда ему доложили о приходѣ Мобреля, онъ поспѣшилъ къ нему, ввелъ его снова въ кабинетъ Талейрана и усадилъ въ кресло.

— Вы человѣкъ смѣлый и рѣшительный, сказалъ онъ,—при томъ вы очень честолюбивы. Вы говорили мнѣ, что вы хотѣли бы вернуть утраченное вами положеніе и состояніе. Вы можете получить несравненно больше. Въ случаѣ успѣха вы будете богаты и займете видное положеніе. Вы будете имѣть 200 тысячъ франковъ годоваго дохода; вы будете герцогомъ, генералъ-лейтенантомъ и правителемъ одной изъ провинцій. Но имѣйте въ виду, что дѣло сопряжено съ большимъ рискомъ. Можете ли вы собрать завтра къ 5 часамъ по полудни сто человѣкъ, готовыхъ на все. Если возможно, то вамъ придется отправиться въ главную квартиру князя Шварценберга, гдѣ вамъ дадутъ денегъ, лошадей и все, что вы потребуете".

Мобрель былъ пораженъ. Послѣдніе два три дня онъ громко высказывалъ желаніе содѣйствовать реставраціи Бурбоновъ и, отправляясь къ Лабори, полагалъ, что на него будетъ возложено какое-либо политическое дѣло. Но то, что онъ слышалъ отъ Лабори, заставляло его предполагать, что отъ него ждутъ чего-то необычайнаго.

— Что же вы хотите поручить мнѣ? воскликнулъ онъ.

— Говоря откровенно, другъ мой, сказалъ Лабори, подвинувшись къ нему ближе, мы хотимъ, чтобы вы освободили насъ отъ императора. Разъ его не будетъ на свѣтѣ, вся Франція,—все войско, все рѣшительно будетъ въ нашихъ рукахъ!

Мобрель съ минуту молчалъ, не находя словъ.

— Неужели у васъ не хватитъ на это рѣшимости? воскликнулъ Лабори.

— Если дѣло идетъ объ убійствѣ, сказалъ Мобрель, то я на это не способенъ; но я полагаю, что вы мнѣ этого и не предлагаете.

— Это ужъ ваше дѣло, поспѣшно вмѣшался Лабори. Дѣлайте, какъ знаете, только освободите насъ отъ него. Поспѣшите въ главную квартиру. На-дняхъ ожидается большое сраженіе! оно неизбѣжно [1]). Соберите, какъ я уже вамъ сказалъ, сотню смѣлыхъ людей. Одѣньте ихъ въ гвардейскіе мундиры. Пусть они смѣшаются съ войсками въ Фонтенебло... Исполните ли вы свое дѣло до предстоя-

[1]) Въ Парижѣ опасались, что Наполеонъ, собравъ оставшееся у него войско, сдѣлаетъ попытку вернуть свою власть.

щаго сраженія или послѣ него—это для насъ безразлично; только бы намъ освободиться отъ него!

— Я никогда не совершу убійства, сказалъ Мобрель; а я одинаково называю убійствомъ стрѣлять въ человѣка изъ засады на большой дорогѣ или убить его подобно Равальяку, или, что еще хуже, отравить его. Нѣтъ, я никогда за это не возьмусь; хотя бы я рѣшился на это дѣло, оно мнѣ не удастся. Я для этого человѣкъ неподходящій. Другое дѣло, если бы надобно было напасть на императора открыто. Я бы не считалъ этого измѣной; это можетъ сдѣлать всякій офицеръ; это не можетъ быть истолковано въ дурномъ смыслѣ.

Выслушавъ его, Лабори подумалъ и сказалъ:

— Быть можетъ, вы правы. Быть можетъ, вашъ планъ наилучшій. Рѣшайте сами, какъ дѣйствовать. Во всякомъ случаѣ, рѣшено, что вы беретесь за это дѣло? Не правда ли? Въ сущности, я никогда не сомнѣвался въ томъ, что вы согласитесь. Я сказалъ князю, что вы единственный человѣкъ, который могъ бы взяться за это дѣло.

Затѣмъ, перейдя къ вопросу о томъ, что понадобится Мобрелю для осуществленія замысла, Лабори сталъ говорить о лошадяхъ, коихъ онъ обѣщалъ доставить ему, и сказалъ между прочимъ, что онъ получитъ ихъ отъ русскаго императора; вообще, по увѣренію Мобреля, Лабори неоднократно произносилъ во время этого разговора имя императора Александра и даже давалъ отъ его имени обѣщанія.

Зная, что Мобрель, какъ бывшій кавалерійскій офицеръ, былъ знатокъ лошадей и любилъ имѣть хорошую лошадь, онъ предложилъ ему для его собственнаго употребленія великолѣпную лошадь, привезенную въ Парижъ императоромъ Александромъ, которой любовались всѣ видѣвшіе ее. Это былъ жеребецъ, на которомъ ѣздилъ адъютантъ Александра I, генералъ Рапатель, убитый подъ Фершампенуазомъ [1]).

Не взирая на столь соблазнительныя предложенія, Мобрель не далъ Лабори своего согласія и, между прочимъ, указалъ на то, что трудно будетъ собрать въ столь короткій срокъ сто человѣкъ, такъ какъ нельзя брать перваго встрѣчнаго; во всякомъ случаѣ, онъ считалъ необходимымъ получить извѣстныя полномочія, чтобы дать повышенія и награды тѣмъ, кто будетъ дѣйствовать съ особымъ усердіемъ.

— Все, что вы желаете, будетъ сдѣлано,—сказалъ Лабори, присовокупивъ:—для насъ безразлично, имѣть десять или двѣнадцать лишнихъ полковниковъ, офицеровъ или другихъ чиновъ.

---

1) Рапатель былъ адъютантомъ Моро, а когда послѣдній былъ тяжело раненъ подъ Дрезденомъ, то Александръ взялъ его къ себѣ на службу.

Предложенія Лабори сводились въ сущности къ тому, чтобы „убить императора и захватить короля римскаго; за что Мобрелю было обѣщано огромное состояніе, герцогскій титулъ, генеральскій чинъ и знаменитый жеребецъ Рапателя“.

— Будете ли вы дожидаться князя? — спросилъ въ заключеніе Лабори,—онъ въ сенатѣ; онъ подтвердитъ вамъ все, что я сказалъ. Желаете ли вы этого? въ сущности это излишне.

— Какъ хотите,—отвѣчалъ Мобрель, уходя.—Я полагаюсь на ваше слово. Сегодня же ночью я займусь пріисканіемъ нужныхъ людей.

На этомъ окончилось ихъ первое свиданіе; Мобрель утверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ тотъ вечеръ онъ отнюдь не рѣшилъ выполнить сдѣланное ему предложеніе, а напротивъ, просилъ Лабори дать ему время на размышленіе.

По словамъ Мобреля, подъ вліяніемъ крайне возбужденнаго состоянія, въ какомъ онъ находился второй день, и подъ вліяніемъ рѣчей своихъ друзей-роялистовъ, въ первый моментъ онъ не былъ особенно удивленъ предложеніемъ Лабори. Но, по мѣрѣ того, какъ секретарь развивалъ ему свой планъ, мысль объ убійствѣ все болѣе и болѣе претила ему. Какъ военный, онъ преклонялся передъ геніемъ Наполеона и не могъ согласиться на столь ужасное преступленіе. Предложеніе Лабори было для него ушатомъ холодной воды, которая совершенно отрезвила его.

Въ концѣ-концовъ разговоръ съ Лабори повергъ его въ такой ужасъ, что онъ счелъ долгомъ предостеречь, кого слѣдуетъ, чтобы его не сочли впослѣдствіи безмолвнымъ участникомъ замысловъ, направленныхъ противъ Наполеона.

Поэтому, выйдя изъ дома Талейрана, онъ тотчасъ отправился къ Коленкуру, сообщилъ ему и его зятю Сентъ-Эньяну о сдѣланномъ ему предложеніи и просилъ у нихъ совѣта, какъ дѣйствовать дальше.

Они совѣтовали ему сдѣлать видъ, что онъ соглашается на предложеніе Лабори, такъ какъ иначе послѣдній могъ обратиться къ кому-либо другому, кто не задумался бы взять на себя это дѣло. Согласно съ этимъ, Мобрель отправился вторично къ Лабори, чтобы уговориться о дальнѣйшемъ.

— Вы можете употребить еще сегодняшній день на приготовленія,— поспѣшно сказалъ секретарь.—Приходите ко мнѣ въ пять часовъ вечера.

— Въ пять часовъ,—возразилъ Мобрель.—Откровенно говоря, я очень этому радъ. Въ Парижѣ все еще идетъ вверхъ дномъ, и я не успѣлъ ничего сдѣлать.

Въ пять часовъ Мобрель зашелъ къ Лабори вторично, но тотъ все еще былъ занятъ.

— Зайдите еще разъ въ девять часовъ, другъ мой,—сказалъ онъ,—мы получили важныя извѣстія. Продолжайте ваши приготовленія и приходите сюда къ 9-ти часамъ.

Когда Мобрель явился въ назначенный часъ, и они занялись съ съ Лабори въ кабинетѣ Талейрана, секретарь сказалъ:

— Мы получили весьма важное извѣстіе, другъ мой. Мы добились того, что Мармонъ перешелъ съ войскомъ на нашу сторону; кажется, вся армія послѣдуетъ его примѣру. Маршаламъ сдѣланы извѣстныя предложенія, и мы питаемъ большія надежды.

Секретарь сіялъ. Опасенія относительно предстоявшаго „большаго сраженія" разсѣялись, несмотря на то, что въ тотъ же день утромъ, 3 апрѣля, Наполеонъ послѣ свиданія съ Коленкуромъ и отказа отречься отъ престола въ пользу своего сына, произвелъ смотръ оставшимся у него войскамъ и обѣщалъ вести ихъ противъ непріятеля.

На вопросъ Мобреля, можетъ ли это извѣстіе повліять на данное ему порученіе, Лабори отвѣчалъ:

— Разумѣется нѣтъ,—будьте на-готовѣ, но подождемъ до завтра.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Мобрель сказалъ:

— Извѣстно ли вамъ, что въ Парижѣ рѣшительно всѣ—роялисты, бонапартисты и конституціоналисты возбуждены противъ князя (Талейрана)? Всѣ хотятъ знать, чего онъ хочетъ, и, мнѣ лично, для моихъ собственныхъ соображеній, хотѣлось бы знать, дѣйствительно ли онъ работаетъ въ пользу Бурбоновъ.

— Парижане всегда таковы,—сказалъ Лабори.—Не прошло и двухъ дней, какъ они освобождены, а они уже жалуются. Какъ это несправедливо! Не далѣе какъ сегодня, другъ мой, я трепеталъ за судьбу Бурбоновъ. Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало бы говорить этого, но участь этого дома три раза висѣла сегодня на волоскѣ. Коленкуръ три раза пытался повліять на императора Александра. Сколько усилій пришлось употребить! Прибавьте къ этому вопросъ о регентствѣ; съ одной стороны Австрія, съ другой—русскій императоръ, который не знаетъ, на что̀ рѣшиться и которому все это до того наскучило, что онъ предоставилъ Нессельроде дѣйствовать въ этомъ важномъ вопросѣ по его собственному усмотрѣнію. Поэтому вы можете судить, насколько Бурбоны обязаны Талейрану. Что касается меня, то я переутомленъ. Мнѣ никогда не приходилось такъ много работать. Вы не можете себѣ представить, чего стоило вырвать декларацію у императора Александра! Во всякомъ случаѣ добились своего, сегодня вечеромъ Наполеонъ будетъ свергнутъ съ престола, а завтра сенатъ объявитъ о возвращеніи Бурбоновъ.

Такъ какъ никто не зналъ, какой оборотъ примутъ дѣла, то въ

результатѣ этого свиданія исполненіе замысла, возложеннаго на Мобреля, было отложено.

4-го апрѣля Наполеонъ подписалъ актъ отреченія въ пользу своего сына, назначивъ регентшей императрицу Марію-Луизу. Но было уже поздно, такъ какъ въ то время Мармонъ присоединился со своимъ войскомъ къ временному правительству, что́ имѣло огромное нравственное значеніе. Послѣ этого союзные монархи могли уже не опасаться со стороны Наполеона энергичной попытки вернуть утраченный престолъ.

Подписывая актъ отреченія, обращенный не къ временнымъ правителямъ Франціи, а къ союзнымъ монархамъ, Наполеонъ сказалъ: „Замѣтьте, что я веду переговоры съ побѣдителемъ, а не съ такъ называемымъ временнымъ правительствомъ, которое представляетъ собою не что иное, какъ шайку мятежниковъ и измѣнниковъ“.

IV.

Вернемся, однако, къ Мобрелю. Послѣ своего перваго свиданія съ Лабори, онъ отправился въ улицу Тебу, къ Ванто, у котораго засталъ большое собраніе роялистовъ, коимъ онъ тотчасъ сообщилъ, что ему поручено собрать человѣкъ двадцать офицеровъ, отправиться съ ними въ главную квартиру союзныхъ войскъ, гдѣ они будутъ играть роль колоновожатыхъ во время предстоящаго большаго сраженія, присовокупивъ, что онъ уполномоченъ обѣщать чинъ полковника всѣмъ тѣмъ, коихъ усердіемъ онъ останется доволенъ.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ тотчасъ выразили готовность сопровождать его, но, когда на ихъ вопросъ о цѣли этой экспедиціи Мобрель нѣсколько замялся, то многіе отказались ѣхать съ нимъ.

11-го апрѣля, между Наполеономъ и союзными монархами былъ подписанъ въ Фонтенебло договоръ, коимъ резиденціей бывшаго императора былъ назначенъ островъ Эльба.

Въ то же утро Мобрель и Лабори окончательно условились обо всемъ; несмотря на то, что императоръ отрекся отъ престола и уѣзжалъ изъ Франціи, временное правительство все-таки было не прочь разъ навсегда отдѣлаться отъ него. Эльба была такъ близко отъ Франціи, что присутствіе на этомъ островѣ великаго человѣка могло быть для новаго правительства постояннымъ источникомъ страха и тревоги.

Лабори условился съ Мобрелемъ, что покушеніе на Наполеона будетъ произведено во время его путешествія изъ Фонтенебло на

о. Эльбу; немного позже было рѣшено захватить короля римскаго во время переѣзда его съ матерью изъ Рамбулье, что, по словамъ Мобреля, „представлялось дѣломъ гораздо болѣе труднымъ (нежели убійство Наполеона), такъ какъ принцу и его матери былъ бы данъ вѣроятно сильный конвой австрійскаго войска".

Мобрель не зналъ, удастся ли ему выполнить взятое на себя дѣло; между тѣмъ онъ не считалъ возможнымъ отказаться отъ него, такъ какъ онъ навлекъ бы этимъ на себя гнѣвъ всемогущаго Талейрана. Въ глубинѣ души онъ рѣшилъ спасти императора, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ видъ, что онъ старается оправдать возложенное на него довѣріе. Онъ думалъ даже послѣдовать за Наполеономъ на о. Эльбу, но вскорѣ оставилъ эту мысль, считая невозможнымъ явиться передъ императоромъ послѣ того, какъ онъ принималъ участіе въ попыткѣ сбросить его статую съ пьедестала.

Обдумавъ сдѣланное ему предложеніе, Мобрель рѣшилъ, что было бы безуміемъ взяться за такое дѣло, получивъ отъ Лабори однѣ словесныя инструкціи, такъ какъ въ случаѣ неудачи онъ могъ отказаться отъ своихъ словъ. Поэтому утромъ 16 апрѣля онъ отправился, къ нему въ сопровожденіи Дассіеза и сказалъ: „я не отказываюсь, другъ мой, сдѣлать то, о чемъ мы говорили, но одного вашего слова мнѣ мало. Я долженъ видѣть самого г. Талейрана и получить инструкціи непосредственно отъ него".

— Въ самомъ дѣлѣ! Можно подумать, что вы боитесь! воскликнулъ Лабори. Соберитесь съ духомъ и если вы непремѣнно желаете, чтобы г. Талейранъ подтвердилъ вамъ сказанное мною, то это будетъ сдѣлано. Подождите здѣсь. Онъ пройдетъ по этой комнатѣ, сдѣлаетъ вамъ знакъ рукой и улыбнется; это будетъ доказательствомъ того, что все дѣлается съ его вѣдома.

Лабори удалился на нѣсколько минутъ и возвратился въ сопровожденіи Талейрана, который, какъ было обѣщано, улыбнулся и сдѣлалъ знакъ рукою. Видимо это совершенно убѣдило Мобреля; онъ зналъ, что подобныя дѣла должны пониматься съ полуслова и что поэтому князь не могъ дѣйствовать открыто.

Давъ Мобрелю письмо по разнымъ лицамъ, въ коихъ онъ просилъ оказать ему содѣйствіе, Лабори сказалъ на прощанье:

— Что касается вещей, принадлежащихъ Бонапартамъ, дѣлайте съ ними, что хотите, другъ мой, мы даемъ вамъ carte blanche, князь вполнѣ полагается на васъ и убѣжденъ въ томъ, что никто не можетъ лучше васъ выполнить его намѣреній.

Упоминая о „вещахъ, принадлежащихъ Бонапартамъ", Лабори имѣлъ въ виду, данное Мобрелю, второстепенное порученіе—а именно, разыскать пропавшіе коронные брилліанты и казенныя драгоцѣнности.

— Обѣщаю сдѣлать все возможное, — отвѣчалъ Мобрель, — и надѣюсь, что вы будете мною довольны.

Отъ Лабори Мобрель и Дассіезъ отправились къ военному министру. Дюпонъ взялъ Мобреля подъ руку и подвелъ его къ камину, возлѣ котораго они бесѣдовали съ полчаса вполгоса, такъ что Дассіезъ, стоявшій въ другомъ концѣ комнаты, едва могъ разслышать два-три слова, однако, до его слуха ясно донеслось имя Наполеона, неоднократно произнесенное собесѣдниками. Когда совѣщаніе было окончено, министръ подошелъ къ Дассіезу, сказалъ ему, чтобы онъ въ точности исполнилъ всѣ приказанія Мобреля и разрѣшилъ ему носить подполковничій мундиръ, обѣщавъ утвердить его въ этомъ чинѣ по возвращеніи. Затѣмъ, обернувшись еще разъ къ Мобрелю, министръ сказалъ: „постарайтесь захватить деньги и брилліанты, которые увозитъ съ собою „этотъ негодяй“ и, въ особенности, ящики за номерами 2-мъ и 3-мъ“.

Отъ военнаго министра Мобрель и Дассіезъ отправились къ министру полиціи и къ директору почтъ. Неизвѣстно, были ли они у русскаго генерала Сакена и у прусскаго генералъ-адъютанта Брокенгаузена, но дѣло въ томъ, что они получили предписанія, въ коихъ мѣстнымъ властямъ повелѣвалось оказывать имъ всевозможное содѣйствіе, и эти предписанія были подписаны военнымъ министромъ Дюпономъ, директоромъ департамента Англезомъ, директоромъ почтъ Бурріеномъ и генералами Сакеномъ и Брокенгаузеномъ. „На генерала (?) Мобреля“, говорилось въ предписаніи генерала Сакена, „возложено порученіе величайшей важности“, для выполненія котораго ему разрѣшено обращаться къ войскамъ его величества императора всероссійскаго; въ виду этого, командующій русской пѣхотой и губернаторъ г. Парижа, баронъ Сакенъ, разрѣшаетъ командирамъ отдѣльныхъ частей предоставлять ихъ въ его распоряженіе по первому требованію.

Приказъ прусскаго генерала гласилъ:

„Такъ какъ генералу (?) Мобрелю, ѣдущему по дѣлу высочайшей важности, для выполненія весьма важнаго порученія, можетъ представиться надобность въ содѣйствіи войскъ великихъ державъ, то, согласно приказу командующаго русскими войсками, барона Сакена, командирамъ отдѣльныхъ частей союзныхъ войскъ повелѣвается давать ему нужное число войскъ по первому его требованію, для выполненія возложеннаго на него важнаго порученія“. Подписано: генералъ баронъ Брокенгаузенъ.

Основываясь на этихъ документахъ, подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, Мобрель формулировалъ впослѣдствіи обвиненіе, „что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1814 г. ему было предложено отъ имени Россіи, Пруссіи и династіи Бурбоновъ убить Наполеона I“.

Былъ ли достаточный поводъ для такого обвиненія?

Допустивъ, что у враговъ Наполеона могло явиться желаніе отдѣлаться отъ него въ то время, когда онъ еще не отрекся отъ престола, когда у него было войско и когда Мармонъ и прочіе начальники не измѣнили ему, т.-е. въ то время, когда Мобрель впервые видѣлся съ Лабори, 1 апрѣля, несомнѣнно, что двѣ недѣли спустя, когда ему были даны окончательныя полномочія, подобной причины не существовало.

Вопросъ объ исчезновеніи Наполена и о дальнѣйшемъ, въ связи съ этимъ, ходѣ событій, какъ извѣстно, обсуждался, начиная съ 1812 г., не только въ частныхъ разговорахъ, но и въ бесѣдахъ и перепискѣ многихъ государственныхъ людей того времени; такъ, напр., въ одной изъ депешъ, коими Меттернихъ и Коленкуръ обмѣнялись во время Шатильонскаго конгресса, когда Наполеонъ старался всѣми силами оттолкнуть Австрію отъ Священнаго Союза, встрѣчается слѣдующая знаменательная фраза: „въ скоромъ времени на особу императора будутъ сдѣланы покушенія, которыя нѣтъ возможности предупредить".

Извѣстно также, что Фуше, проѣздомъ чрезъ Флоренцію, въ разговорѣ съ сестрою Наполеона, Елизой Банапартъ, высказалъ, что „со смертью Наполеона вездѣ возстановится прежній порядокъ".

Говоря такимъ образомъ, Меттернихъ и Фуше несомнѣнно имѣли въ виду партію крайнихъ роялистовъ, которые стремились какимъ бы то ни было путемъ возстановить прежнюю монархію; что касается союзныхъ монарховъ, то, несмотря на увѣреніе Мобреля, трудно допустить, чтобы они захотѣли омрачить подобнымъ дѣломъ одержанную ими въ 1814 г. побѣду.

Въ описываемый моментъ изъ семьи Бонапартовъ находилась въ Парижѣ только бывшая королева вестфальская, Екатерина, супруга Іеронима Бонапарта, вынужденнаго бѣжать изъ Касселя вскорѣ послѣ Лейпцигскаго сраженія.

И она и Іеронимъ рѣшили не принимать ни гроша изъ тѣхъ 20 тысячъ ф. ст., которые правительство Бурбоновъ обязалось выплачивать имъ ежегодно согласно 6 ст. договора, заключеннаго въ Фонтенебло, при отреченіи Наполеона I; поэтому имъ было необходимо устроить какъ можно скорѣе свои личныя дѣла, обратить въ деньги все, чтó они имѣли, избрать новое мѣсто жительства и т. п. Бывшая королева обратилась къ своему отцу, королю виртембергскому, съ просьбою дозволить поселиться въ его владѣніяхъ, на чтó онъ отвѣчалъ согласіемъ, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она разсталась со своимъ мужемъ и обѣщала никогда болѣе не видѣться съ нимъ. На это Екатерина, нѣжно любившая своего супруга, несмотря на всѣ его вины передъ нею, отвѣчала отказомъ.

Пріѣхавъ въ Парижъ, она обратилась къ своему брату, герцогу Евгенію виртембергскому, командовавшему одной изъ союзныхъ армій, но онъ грубо уклонился отъ всякихъ переговоровъ съ нею. Дипломатическій представитель Виртембергскаго королевства, къ которому она также обращалась, подтвердилъ предложеніе, сдѣланное ей отцомъ. Въ отчаяніи, она прибѣгла, наконецъ, къ своему двоюродному брату, императору Александру I; онъ обѣщалъ ей немедленно свою помощь и покровительство и заявилъ, что если она и ея супругъ не захотятъ принять помощи отъ Бурбоновъ, что̀ онъ съ своей стороны вполнѣ одобрялъ, то онъ постарается сдѣлать что-нибудь для нихъ на предстоявшемъ конгрессѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ предложилъ имъ пріютъ въ своихъ владѣніяхъ. Но до Россіи было слишкомъ далеко, и Іеронимъ предпочиталъ поселиться въ Швейцаріи, гдѣ находились его братья.

Положившись на покровительство императора Александра, Екатерина осталась нѣкоторое время въ Парижѣ, не обращая вниманія на пріѣздъ графа Артуа и занялась устройствомъ своихъ денежныхъ дѣлъ.

По сосѣдству съ роскошнымъ дворцомъ кардинала Феша, гдѣ поселилась временно королева Екатерина, въ улицѣ Тебу жилъ Мобрель, у котораго, кромѣ этой постоянной квартиры, было нанято по близости нѣсколько меблированныхъ комнатъ, адресъ которыхъ онъ держалъ отъ всѣхъ въ тайнѣ.

Въ то время было много толковъ о сокровищахъ, которыя Бонапарты хотѣли вывезти изъ Франціи. Императрица Марія-Луиза и сопровождавшія ее, при отъѣздѣ изъ Парижа, должностныя лица захватили съ собою не мало денегъ и драгоцѣнностей. Это вызвало обнародованіе 9 апрѣля декрета о неприкосновенности общественной собственности, и въ Орлеанъ, куда переѣхала Марія-Луиза, были посланы уполномоченные временнаго правительства съ ген.-ад. Шуваловымъ и отрядомъ союзныхъ войскъ въ 1.500 чел., которые захватили не только всѣ бывшія при императрицѣ деньги, но и личныя вещи Маріи-Луизы и Наполеона.

При ней оказалось около десяти милліоновъ франковъ, оставшихся отъ личнаго состоянія Наполеона, которые были взяты не изъ казначейства, а изъ кладовыхъ Тюильрійскаго дворца, гдѣ они хранились долгое время. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ императоръ взялъ большую часть этого капитала передъ походомъ въ Россію, и эти 10 милліоновъ представляли собою все, что осталось отъ его капитала. Несмотря на всѣ протесты Маріи-Луизы, эти деньги были у нея отобраны, равно какъ и всѣ золотыя и серебряныя вещи, до послѣдней ложки, такъ что когда она сѣла въ тотъ день за обѣдъ,

то у нея не оказалось ни ложки, ни вилки и ей пришлось бы ѣсть пальцами, если бы ее не выручилъ епископъ Орлеанскій. У императрицы были отобраны также всѣ принадлежности ея туалета, ея платья, одежда Наполеона и даже носильное бѣлье, словомъ, все то, что, по свидѣтельству Савари, было пріобрѣтено Наполеономъ и Маріей-Луизой на ихъ собственныя средства.

Впослѣдствіи, въ Парижѣ ходилъ слухъ, что Наполеонъ пытался увезти на о. Эльбу не принадлежавшія ему вещи на сумму 1.120.000 ф. ст., его обвиняли также въ присвоеніи пропавшихъ двухъ ящиковъ съ коронными бриліантами, обозначенныхъ подъ №№ 2 и 3, но любимый мамелюкъ Наполеона, Рустанъ, заявилъ, что по отъѣздѣ императора изъ Парижа въ январѣ мѣсяцѣ 1814 г. эти ящики были переданы Іерониму Бонапарту, который и возвратилъ ихъ кому слѣдуетъ.

Несмотря на это заявленіе, толки о пропажѣ ящиковъ не прекращались, и правительство Людовика XVIII воспользовалось ими, чтобы объяснить приказы, данные Мобрелю за подписью французскихъ властей и союзныхъ генераловъ, необходимостью розыскать эти ящики и возвратить похищенныя драгоцѣнности.

Эта грубая сказка была сочинена съ цѣлью доказать, что противъ Наполеона не существовало заговора. Но кто повѣритъ, что подобныя полномочія были даны двумъ частнымъ лицамъ только съ цѣлью разыскать два какихъ-то ящика, хотя бы въ нихъ и заключались драгоцѣнности. Вдобавокъ пресловутые ящики были найдены за нѣсколько дней до того, какъ Мобрель и Дассіезъ отправились въ свою экспедицію.

Мобрель утверждаетъ въ своихъ запискахъ, что когда онъ окончательно условился обо всемъ съ Лабори, то было рѣшено, что вопросъ о пропавшихъ драгоцѣнностяхъ будетъ служить предлогомъ для того, чтобы захватить Наполеона и что, если бы при исполненіи этого порученія ему попались въ руки какія-нибудь вещи, принадлежащія Бонапартамъ, то ему предоставлялась полная свобода поступить съ ними по своему усмотрѣнію.

Въ послѣдніе дни пребыванія королевы Екатерины въ Парижѣ, Мобрель и Дассіезъ часто бродили подлѣ дворца кардинала Феша и вступали въ разговоръ съ служащими королевы. Екатерину предупреждали о томъ, что какой-то человѣкъ неоднократно справлялся о томъ, какого числа она уѣдетъ, и ей совѣтовали просить конвоя изъ союзныхъ войскъ, но она считала это лишнимъ, полагая, что паспортъ, полученный ею, за подписью императора Александра будетъ служить ей достаточной защитой. 17 апрѣля Мобрель и Дассіезъ зашли еще разъ во дворецъ Феша, объяснивъ свое появленіе тѣмъ, что у

нихъ была посылка, которую они хотѣли препроводить королю Іерониму. Во дворцѣ они узнали, что королева ѣдетъ на другой день въ Орлеанъ.

V.

18 апрѣля въ три часа утра Екатерина дѣйствительно выѣхала изъ Парижа. Она ѣхала съ графиней Бошольцъ и личнымъ секретаремъ Іеронима, извѣстнымъ уже намъ гр. Фюрстенштейномъ, въ „берлинѣ", запряженномъ шестеркой лошадей, за которымъ слѣдовали экипажи для людей и повозки съ вещами. Въ берлинѣ находилось при ней одиннадцать маленькихъ ящичковъ или шкатулочекъ, изъ коихъ семь были полны брилліантами и другими драгоцѣнностями. Въ восьмомъ, самомъ большомъ ящикѣ, ключъ отъ котораго находился у Іеронима, помѣщался его гардеробъ, въ двухъ другихъ изящный письменный приборъ королевы, ея туалетныя принадлежности, и наконецъ, въ одиннадцатомъ, небольшомъ, но очень тяжеломъ квадратномъ ящикѣ лежали въ холщевомъ мѣшкѣ 84.000 франковъ золотомъ, предназначенные для путевыхъ издержекъ. Королева ѣхала въ помѣстье одного польскаго шляхтича близъ Орлеана, гдѣ Іеронимъ нашелъ временное убѣжище.

Большія дороги во Франціи были переполнены въ то время отрядами союзныхъ войскъ и бродящими остатками императорскихъ армій; вслѣдствіе большаго числа проѣзжавшихъ военныхъ на почтовыхъ станціяхъ трудно было получить лошадей. Поэтому Екатерина только къ вечеру 18 апрѣля достигла Etampes, до котораго, какъ она писала затѣмъ императору Александру, за ней ѣхалъ слѣдомъ какой-то человѣкъ „возбудившій ея подозрѣніе".

Въ Этампѣ ее ожидалъ посланный отъ ея супруга, который писалъ ей, что такъ какъ о его мѣстопребываніи стало извѣстно роялистамъ и его жизни угрожала опасность, то онъ не могъ ожидать ее долѣе въ условленномъ мѣстѣ, а поспѣшно отправился въ Бернъ, куда онъ и просилъ ее ѣхать вслѣдъ за нимъ. Переночевавъ въ Этампѣ, Екатерина доѣхала на слѣдующій день благополучно до Немура, гдѣ ей пришлось остановиться за неимѣніемъ лошадей. Это было 20 апрѣля. Около одиннадцати часовъ утра ей только-что обѣщали дать въ скоромъ времени лошадей, какъ вдругъ, къ величайшему своему изумленію, она услышала громкіе клики: „Да здравствуетъ императоръ!" и, выѣхавъ изъ постоялаго двора, увидѣла на большой дорогѣ толпу военныхъ и простолюдинъ.

Оказалось, что они привѣтствовали Наполеона, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ уѣхавшаго изъ Фонтенебло, послѣ своего историческаго прощанья со старой гвардіей. Онъ пріѣхалъ въ Немуръ въ дорожной каретѣ, въ сопровожденіи четырехъ уполномоченныхъ отъ союзныхъ державъ и конвоя изъ войскъ гвардіи.

Узнавъ о его пріѣздѣ, бывшіе въ Немурѣ солдаты и горожане поспѣшили на большую дорогу, чтобы привѣтствовать Наполеона, который, выйдя изъ экипажа, расхаживалъ въ задумчивости взадъ и впередъ, ожидая лошадей.

Королева подошла къ Наполеону, и онъ позабывъ всѣ происходившія между ними недоразумѣнія и зная, что Іеронимъ до послѣдней минуты находился при Маріи-Луизѣ и защищалъ ее, обнялъ свою невѣстку, поцѣловалъ ее и заговорилъ съ нею ласково [1]). Когда лошади были готовы, Наполеонъ сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ далѣе.

Екатеринѣ пришлось остаться въ Немурѣ до вечера, такъ какъ приготовленныя для нея лошади были отданы императору. На слѣдующее утро, 21 апрѣля, когда она подъѣзжала къ Монтеро, ей преградилъ путь отрядъ кавалеріи и къ ея каретѣ приблизилось два человѣка, изъ коихъ одинъ былъ въ мундирѣ гусарскаго полковника, а другой въ формѣ національной гвардіи. Именемъ короля Людовика XVIII они предложили ей выйти изъ экипажа. Въ одномъ изъ нихъ она сразу узнала Мобреля, бывшаго шталмейстера Кассельскаго двора. Другой, ей незнакомый человѣкъ, былъ Дассіезъ.

Мобрель заявилъ королевѣ, что ее подозрѣваютъ въ томъ, что она везетъ коронные брилліанты, на что Екатерина возразила съ негодованіемъ, что она неспособна на такую низость, и спросила, по какому праву ей мѣшаютъ ѣхать далѣе. Тогда Мобрель и Дассіезъ предъявили свои полномочія, но не позволили ни королевѣ, ни Фюрсенштейну взять ихъ въ руки. Екатерина, со своей стороны, предъявила Мобрелю паспорта, данные ей за подписью императора Александра, но онъ отказался признать ихъ и приказалъ бывшимъ съ нимъ егерямъ и мамелюкамъ окружить сопровождавшіе ее экипажи и повозки, ея „берлинъ“ вкатили во дворъ почтовой станціи, а Екатерина и ея спутники должны были выйти изъ экипажа и были отведены въ какой-то сарай.

Почтмейстеръ, его семейство и слуги были, по приказанія Мобреля, заперты въ почтовомъ домѣ, одинъ изъ почталіоновъ былъ посланъ въ Монтеро за войскомъ; когда прискакали егеря и мамелюки, то они были разставлены на всѣхъ перекресткахъ, съ приказаніемъ никого не пропускать.

---

[1]) Эти подробности приведены въ „Воспоминаніяхъ и корреспонденціи короля Іеронима и королевы Екатерины“.

У королевы потребовали ключей отъ ея сундуковъ, сказавъ, что они должны быть осмотрѣны; сундуки были внесены въ сарай, такъ какъ Екатерина заявила рѣшительно о своемъ желаніи присутствовать при осмотрѣ, который продолжался очень долго, такъ какъ Мобрель и Дассіезъ тщательно пересмотрѣли всѣ бриллiанты. Окончивъ осмотръ и положивъ ключи отъ сундуковъ и ящичковъ въ карманъ, Мобрель велѣлъ подать себѣ завтракъ. Королева, отказавшись войти въ почтовое зданіе, удрученная всѣмъ происшедшимъ, сидѣла въ сараѣ, едва сдерживая слезы въ то время, какъ Мобрель и Дассіезъ угощались въ почтовой гостиницѣ. Ей пришлось прождать такимъ образомъ съ семи часовъ утра до полудня.

Въ это время какимъ-то торговцамъ, несмотря на разставленныхъ часовыхъ, удалось пробраться къ почтовому дому со своей повозкой, крытой полотномъ. Увидавъ ее, Мобрель, не знавшій, что дѣлать съ вещами королевы, приказалъ захватить повозку и уложить въ нее ящики съ драгоцѣнностями.

Услыхавъ это, Екатерина воскликнула: Вы ѣли нѣкогда мой хлѣбъ; вамъ должно бы быть стыдно исполнять такое порученіе! То, что вы дѣлаете, гнусно!

Эти слова смутили Мобреля, но онъ быстро оправился и отвѣчалъ:

— Я только командую войскомъ. Обратитесь къ правительственному коммиссару. Я обязанъ исполнять всѣ его приказанія.

Тогда Екатерина обратилась къ Дассіезу:

— Вы похищаете мои вещи! Король (Людовикъ XVIII) никогда не могъ этого приказать! Клянусь честью и даю свое королевское слово въ томъ, что у меня нѣтъ ничего принадлежащаго французской коронѣ!

— Вы принимаете насъ за мошенниковъ! гнѣвно возразилъ Дассіезъ. Мы должны исполнить данное намъ приказаніе; всѣ эти ящики должны быть отправлены въ Парижъ!

Вмѣстѣ съ прочими вещами былъ взятъ ящикъ съ деньгами.

— Какъ! воскликнула несчастная королева, не будучи въ силахъ долѣе сдерживать своихъ слезъ. Вы хотите взять всѣ мои драгоцѣнности и деньги и оставить меня безъ гроша на большой дорогѣ!

Отъ сильнаго волненія ей сдѣлалось дурно. Пришедши въ себя, она слезами умоляла Мобреля и Дассіеза оставить ей, по крайней мѣрѣ, деньги.

— Я не въ правѣ этого сдѣлать, отвѣчалъ Мобрель,—я долженъ исполнить предписаніе правительства; я обязанъ препроводить всѣ ваши сундуки въ Парижъ. Единственно, что я могу сдѣлать, это дать вамъ мой кошелекъ; въ немъ сто наполеоновъ,—и онъ подалъ

его королевѣ, которая вначалѣ отказалась взять, но по совѣту Фюрстенштейна оставила его у себя. Когда пересчитали содержимое кошелька, то въ немъ оказалось не сто, а всего 44 двадцати-франковыя монеты.

Несмотря на всѣ мольбы королевы, ей не было разрѣшено послать въ Парижъ съ вещами довѣренное лицо. Повозка, къ которой были припряжены свѣжія лошади, быстро умчалась съ ея драгоцѣнностями, конвоируемая отрядомъ солдать, а Екатерину усадили въ берлинъ, и Дассіезъ на прощанье совѣтовалъ ей слѣдить за королемъ Іеронимомъ, жизни котораго, по его словамъ, угрожала опасность; то же онъ подтвердилъ и Фюрстенштейну.

Когда берлинъ отъѣхалъ отъ почтовой станціи, его окружили солдаты, съ саблями на-голо сопровождавшіе экипажъ до тѣхъ поръ, пока недалеко отъ Вильнева не встрѣтился отрядъ союзныхъ войскъ, оказавшійся по счастью отрядомъ Виртембергской арміи, подъ командою генерала Гегерта, въ лицѣ котораго королева нашла временнаго защитника.

Несмотря на все свое волненіе, и отчаяніе королева успѣла въ тотъ же день написать и отправить коротенькую записку императору Александру I, а на слѣдующій день, 22 апрѣля, она послала ему болѣе обстоятельное сообщеніе о случившемся. Разсказавъ все подробно, королева писала: „Мое положеніе весьма тягостное, такъ какъ я поставлена, какъ в. в. увидите изъ прилагаемой при семъ копіи съ письма моего отца, въ необходимость пренебречь или священнѣйшею моею обязанностью (слѣдовать за моимъ супругомъ) или угрозами моего отца и мнѣ надобно призвать всю мою твердость, чтобы принять какое-нибудь рѣшеніе. Я поручаю себя покровительству вашего величества и прошу у васъ правосудія противъ разбойниковъ, которые ограбили меня и бросили на большой дорогѣ. Я вынуждена остановиться здѣсь (въ Вильневѣ) вслѣдствіе испытаннаго мною страшнаго потрясенія, которое отразилось на моемъ здоровьѣ. Я пробуду здѣсь до полудня завтрашняго дня и надѣюсь получить отъ вашего величества какія-либо утѣшительныя вѣсти. Вашему величеству извѣстно, какъ я смотрю на сдѣланныя мнѣ предложенія относительно разлуки съ моимъ супругомъ; мнѣ служитъ утѣшеніемъ то, что мои чувства раздѣляются благороднымъ сердцемъ вашего величества. Я прибѣгаю къ вамъ, государь, и полагаюсь на ваше великодушіе. Вы не допустите, чтобы по отношенію ко мнѣ было употреблено насиліе. Поэтому я рѣшаюсь просить ваше величество обезпечить мнѣ возможность спокойно продолжать мое путешествіе, дабы я могла, возможно скоро, присоединиться къ королю, моему супругу, въ Швейцаріи. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ о моей

признательности; ваше величество не сомнѣваетесь въ ней, точно такъ же, какъ и въ искренней преданности, съ какою я остаюсь вашего величества двоюродная сестра Екатерина".

Когда Мобрель, по возвращеніи въ Парижъ, сообщилъ Лабори, что ему не удалось исполнить возложенную на него задачу, но что онъ задержалъ бывшую королеву Вестфальскую и захватилъ ея сундуки, полагая, что въ нихъ окажутся коронные брилліанты, то Лабори воскликнулъ. „Возможно ли это? Впрочемъ, это ваше дѣло; но если русскій императоръ будетъ жаловаться, то князь (Талейранъ), конечно, не заступится за васъ!"

Сказавъ это, онъ направился въ кабинетъ Талейрана, оставивъ смущеннаго этимъ заявленіемъ Мобреля.

Дѣйствительно, узнавъ о насиліи, учиненномъ надъ королевою, Александръ I немедленно заявилъ свой протестъ.

Уже 21 числа вечеромъ, т. е. въ тотъ самый день, когда Екатерина сообщила императору о случившемся, королевскій совѣтъ, засѣдавшій въ Тюильри, получилъ отъ канцлера Нессельроде заявленіе, въ которомъ онъ писалъ, что шайка роялистовъ захватила драгоцѣнности и деньги бывшей королевы Вестфальской и что императоръ Александръ требуетъ скораго и примѣрнаго наказанія тѣхъ, кто осмѣлился оскорблять принцессу, состоящую съ нимъ въ столь близкомъ родствѣ и въ которой онъ принимаетъ горячее участіе.

23 апрѣля императоръ писалъ Екатеринѣ собственноручно, что онъ съ негодованіемъ узналъ объ учиненномъ надъ нею дерзкомъ насиліи. По всей вѣроятности, писалъ онъ, она подверглась нападенію шайки разбойниковъ, но онъ потребовалъ отъ французскаго правительства, чтобы немедленно были приняты мѣры къ розысканію и примѣрному наказанію виновниковъ. Императоръ присовокуплялъ, что для обезпеченія ея безопасности во время дальнѣйшаго путешествія онъ посылаетъ къ ней генерала, графа Потоцкаго, которому приказано зорко слѣдить за ней; и выражалъ свое сожалѣніе по поводу того, что ей не было дано конвоя ранѣе.

Наканунѣ этого дня, 22 апрѣля, маршалъ Монсей заявилъ совѣту, что Нессельроде обратился къ нему съ жалобой, вслѣдствіе чего были разосланы приказанія о розыскѣ и арестѣ Мобреля.

Два дня спустя Мобрель явился къ государственному секретарю, который принялъ его въ своемъ кабинетѣ и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ по поводу того, что онъ захватилъ драгоцѣнности королевы, на что Мобрель возразилъ, что ему было поручено захватить все, принадлежащее Бонапартамъ, присовокупивъ:

— Если вы скомпрометтируете меня, то я выдамъ многихъ другихъ.

И онъ передалъ ему о тайныхъ переговорахъ, происходившихъ между

нимъ, Лабори и Талейраномъ, утверждая, что главное порученіе, данное ему, заключалось въ убійствѣ Наполеона, въ доказательство чего онъ предъявилъ полученные имъ приказы и въ концѣ концовъ возобновилъ свое предложеніе убить императора, сказавъ, что все можетъ быть кончено въ два дня, такъ какъ у него есть наготовѣ преданные ему люди.

Когда Витроль, въ ужасѣ отъ всего слышаннаго, поспѣшно отклонилъ это предложеніе, то Мобрель замѣтилъ, что онъ, статсъ-секретарь, не можетъ ничего рѣшить своей властью, что онъ обязанъ узнать, каковы будутъ приказанія графа Артуа.

— Мнѣ не къ кому обратиться за приказаніями— возразилъ Витроль,—я не знаю человѣка, у котораго хватило бы смѣлости обратиться съ этимъ вопросомъ къ его высочеству.

Любопытно, что Витроль никому не передалъ о слышанномъ; это доказываетъ, что онъ вѣрилъ Мобрелю и боялся дать дѣлу огласку, рѣшивъ, что Мобреля легко было заставить замолчать, арестовавъ его, согласно требованію русскаго императора за самовольный захватъ драгоцѣнныхъ вещей бывшей королевы Вестфальской.

На слѣдующій день вечеромъ Мобрель и Дассіезъ были снова вызваны въ Тюильри, куда прибыли къ тому времени для провѣрки драгоцѣнныхъ вещей уполномоченные отъ королевы Екатерины и Іеронима, баронъ Маренвиль, бывшій гардеробмейстеръ короля, и г-жа Малле-де-ла-Рошеттъ, бывшая чтица Екатерины; въ сосѣднемъ залѣ находились министръ полиціи Англезъ и его секретарь Сонье. Когда былъ вскрытъ одинъ изъ ящиковъ, то онъ оказался пустымъ. На вопросъ, куда дѣлись брилліанты, Мобрель отвѣчалъ: „Я ничего не знаю. Они не были отданы мнѣ на храненіе“, а когда Витроль сталъ настаивать, то онъ сказалъ съ ироніей: „Сундуки были открыты въ Фоссардѣ. Можетъ быть, сама королева вытащила брилліанты!“

Мобрель, Дассіезъ и два ихъ собщника были немедленно арестованы и отправлены вмѣстѣ съ сундуками въ четырехъ наемныхъ каретахъ, подъ конвоемъ жандармовъ, въ полицейскую префектуру. Мобрель утверждаетъ, что главнымъ поводомъ къ его арестованію было желаніе правительства вырвать у него изъ рукъ приказы, о коихъ мы знаемъ. чтобы имѣть возможность сказать, что онъ дѣйствовалъ на свой страхъ, безъ всякихъ полномочій. У него были сняты съ этихъ приказовъ копіи, спрятанныя въ надежномъ мѣстѣ, но оригиналы находились при немъ; онъ неосторожно показалъ ихъ наканунѣ Витролю, и правительство опасалось, чтобы участіе администраціи не было обнаружено, и дѣйствительно, несмотря на сопротивленіе Мобреля, были отняты у него въ префектурѣ силою. Нѣсколько дней спустя, со

шкатулокъ и сундуковъ, принадлежавшихъ королевѣ, были сняты печати и они были вскрыты въ присутствіи Мобреля, Дассіеза, г-жи де-ла Рошеттъ и представителя полиціи, при чемъ оказалось, что почти всѣ драгоцѣнности и деньги исчезли, а въ мѣшкахъ вмѣсто золотыхъ оказались серебряныя монеты. Пропавшія драгоцѣнныя вещи были оцѣнены въ 60.000 ф. ст., денегъ оказалось всего 80 ф. ст. серебромъ вмѣсто 3.360 ф. ст. золотомъ.

Мобрель отрицалъ свою вину, обвинялъ графа Артуа, Талейрана и Лабори, и сказалъ, что, если бы императоръ Александръ не вступился за королеву, то дѣло было бы замято, и что онъ сдѣлался козломъ отпущенія вслѣдствіе жалобы русскаго императора.

Между тѣмъ полиціей были перехвачены весьма загадочныя письма, писанныя Мобрелемъ къ своему слугѣ, въ коихъ онъ упоминалъ о какой-то тайнѣ, которая „умретъ вмѣстѣ съ нимъ"; въ одномъ письмѣ была, между прочимъ, такая фраза „будьте покойны, деревья съумѣютъ сохранить тайну" и далѣе: „со своей стороны не забывайте этихъ вѣрныхъ свидѣтелей".

Это подало поводъ произвести обыскъ въ комнатахъ, которыя Мобрель нанималъ въ Парижѣ, и въ одной изъ нихъ, подъ периной, 4 мая найдены полиціей золотая серьга, осыпанная изумрудами, рубины безъ оправы и брилліантъ, завернутый въ писанную бумагу.

Серьга была признана принадлежавшей королевѣ, а на бумажкѣ баронъ Маренвиль призналъ свой почеркъ и заявилъ, что въ эту бумажку, въ моментъ отъѣзда королевы Вестфальской изъ Парижа, было завернуто 150 брилліантовъ. Нѣсколько дней спустя были найдены нѣкоторыя другія вещи, но такъ какъ обыски производились не въ присутствіи Мобреля, то онъ имѣлъ основаніе говорить, что это было подброшено полиціей.

Императоръ Александръ, которому Екатерина часто напоминала о своихъ вещахъ, дѣлалъ представленія французскому правительству, требуя, чтобы королевѣ были немедленно возвращены, по крайней мѣрѣ, тѣ немногія драгоцѣнности, которыя были найдены въ шкатулкахъ, и сундукъ съ личнымъ гардеробомъ Іеронима. Но французское правительство день за днемъ оттягивало исполненіе этого требованія.

3-го мая въ Парижъ прибыли Людовикъ XVIII и герцогиня Ангулемская; вскорѣ были подписаны договоры, произведены смотры союзнымъ войскамъ, обнародована знаменитая хартія и, наконецъ, 5 іюля союзные монархи уѣхали изъ Парижа; въ водоворотѣ этихъ событій не было времени отстаивать права бывшей королевы Вестфальской, но требованія представителей Россіи становились все болѣе и болѣе настойчивы, какъ вдругъ, въ августѣ мѣсяцѣ, они получили оффиціальное увѣдомленіе о томъ, что пропавшія драгоцѣнныя вещи найдены.

VI.

Если вѣрить донесеніямъ полицейскихъ властей, хранящимся въ архивѣ парижской полицейской префектуры, то эти вещи были найдены совершенно случайно. Въ этихъ донесеніяхъ передаются слѣдующія подробности этой романической исторіи.

Утромъ 3-го іюля 1814 г. нѣкто Гюэ, или, по другимъ свѣдѣніямъ, Генэ, удилъ рыбу въ Сенѣ, противъ дома инвалидовъ, какъ вдругъ его удочка зацѣпилась за какой-то узелъ, который онъ попытался вытянуть изъ воды, но это ему не удалось: узелъ сорвался. Закинувъ удочку вторично, онъ вытащилъ какой-то странный предметъ, который, будучи очищенъ отъ ила, оказался большимъ женскимъ гребнемъ, какіе были въ то время въ модѣ.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ, которому жена Гюэ показала этотъ гребень, оцѣнилъ его въ пять тысячъ франковъ, сказавъ, что, хотя онъ и попорченъ, но все же онъ дастъ за него три тысячи франковъ.

Услыхавъ это, супруги рѣшили, взявъ багры отправиться на другой день на берегъ Сены, гдѣ, послѣ долгихъ поисковъ, имъ удалось вытащить еще три гребня и браслетъ, запутавшіеся въ водоросляхъ. Всѣ эти вещи, такъ же, какъ и первый гребень, были золотыя, осыпанныя драгоцѣнными камнями.

Когда Гюэ показалъ найденныя вещи тому же золотыхъ дѣлъ мастеру, то это возбудило его подозрѣніе, онъ донесъ объ этомъ полиціи, и у супруговъ Гюэ былъ произведенъ обыскъ. Ничего подозрительнаго, кромѣ 800 франковъ золотомъ, въ началѣ не оказалось, какъ вдругъ полицейскій коммиссаръ, обративъ вниманіе на гипсовый бюстъ, стоявшій въ одной изъ комнатъ, спросилъ, шутя:

— Чей это бюстъ?

— Это мой дѣдушка,—отвѣтила необдуманно г-жа Гюэ. Это показалось полицейскому подозрительно, такъ какъ это былъ бюстъ Гомера. Онъ поднялъ его и внутри оказались три гребня, найденные въ Сенѣ, и много неоправленныхъ драгоцѣнныхъ камней. Всѣ эти вещи были показаны г-жѣ ла-Рошеттъ, которая признала ихъ принадлежащими королевѣ Екатеринѣ.

Разсказъ Гюэ навелъ полицію на мысль, что непонятныя въ письмѣ Мобреля слова о таинственныхъ деревьяхъ и о какомъ-то „седьмомъ деревѣ противъ дома“ могли имѣть связь съ этой находкой и дѣйствительно, когда полицейскіе агенты отправились къ тому мѣсту, гдѣ онъ удилъ рыбу, и взглянули на противоположный берегъ Сены, то они очутились какъ разъ противъ седьмаго дерева аллеи, насаженной передъ домомъ инвалидовъ.

Было рѣшено произвести поиски на днѣ рѣки. 2-го и 3-го августа семь водолазовъ спустились въ воду на томъ мѣстѣ, гдѣ закидывалъ свою удочку Гюэ; нашли узелъ съ множествомъ драгоцѣнныхъ камней, діадемъ, ожерелій, серегъ, звѣздъ и т. д. Въ зачерпнутомъ илѣ оказалось также много бриллiантовъ, жемчуга и обломковъ золота. Это была половина вещей, принадлежавшихъ королевѣ. Всѣ вещи были опечатаны и препровождены судебному слѣдователю; о находкѣ былъ немедленно извѣщенъ русскій посланникъ.

Мобрель просидѣлъ въ тюрьмѣ до марта мѣсяца 1816 г., когда въ Парижѣ разнеслась вѣсть, что Наполеонъ бѣжалъ съ о. Эльбы и приближается въ своемъ побѣдоносномъ шествіи къ Парижу. Въ виду этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, было бы вполнѣ естественно, если бы о Мобрелѣ забыли. Но случилось какъ разъ наоборотъ.

Въ мемуарахъ Витроля разсказывается, что 19-го марта, въ шестомъ часу вечера, всего за нѣсколько часовъ до отъѣзда Людовика XVIII изъ Тюильри, префектъ полиціи г. Парижа, Буріеннъ, явился во дворецъ, чтобы узнать, какъ поступить съ нѣкоторыми заключенными, въ томъ числѣ съ Мобрелемъ и съ лицами, которыя хотѣли организовать въ Версалѣ легіонъ роялистовъ.

— Было бы опасно,—сказалъ на это Буріеннъ,—если бы подобные люди попались въ руки Бонапарта, ибо послѣдній могъ бы воспользоваться ими намъ во вредъ.

Это соображеніе было признано весьма вѣскимъ, и Мобреля вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами рѣшено было освободить.

Но оказалось, что Мобрель уже цѣлыя сутки былъ на свободѣ. Онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, наканунѣ въ 5 часовъ вечера, по приказанію самого Людовика XVIII. Кто подалъ этотъ совѣтъ королю, неизвѣстно, но во французскихъ архивахъ хранится „черновикъ письма, продиктованнаго Низеромъ, помощникомъ секретаря военнаго министерства, 19-го марта 1815 г. въ 10 ч. ночи".

Содержаніе этого любопытнаго документа таково:

„Г-ну графу де-Блаказъ, министру королевскаго двора. Ваше сіятельство, г. маршалъ герцогъ Рагузскій (Мармонъ) прислалъ ко мнѣ сегодня утромъ своего адъютанта, чтобы сообщить о желаніи короля освободить г. Мобреля изъ заключенія.

„Считаю долгомъ обратить вниманіе вашего превосходительства на то, что эта мѣра не достигла бы желаемой цѣли, ежели бы документы, касающіеся его дѣла, не были уничтожены. Поэтому, прошу васъ испросить на это разрѣшеніе его величества и сообщить о томъ мнѣ".

Но предосторожность относительно документовъ не была соблюдена, они остались въ военномъ министерствѣ, и императорское правительство ими воспользовалось.

Освобожденіе Мобреля, при столь исключительныхъ обстоятельствахъ, представляетъ собою фактъ весьма любопытный. Оно, несомнѣнно, было вызвано какими-нибудь вѣскими соображеніями. Любопытно также то обстоятельство, что, хотя драгоцѣнныя вещи были найдены въ августѣ мѣсяцѣ 1814 г., но королевѣ онѣ не были возвращены до марта мѣсяца слѣдующаго года, т. е. до торжественнаго возвращенія Наполеона въ Парижъ, и только по его приказанію вещи эти были препровождены Іерониму.

Когда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы, то сообщникъ Мобреля, Дассіезъ, выпущенный изъ тюрьмы нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, боясь послѣдствій своего участія въ дѣлѣ Мобреля и полагая, что онъ лучше спасетъ свою шкуру, донеся обо всемъ, что ему было извѣстно, выѣхалъ навстрѣчу императора въ Оксеръ и передалъ графу Бертрану копіи съ пяти приказовъ, подписанныхъ Дюпономъ, Англезомъ, Буріенномъ, Сакеномъ и Брокенгаузеномъ, и разныя письма къ нему Мобреля и Лабори.

На основаніи доноса, сдѣланнаго Дассіезомъ, Мобрель, всего нѣсколько дней передъ тѣмъ выпущенный на свободу, былъ снова арестованъ.

На допросѣ и ласками и угрозою у Мобреля старались вынудить сознаніе о соучастіи въ заговорѣ не только Талейрана, но даже графа Артуа и Людовика XVIII.

„Бурбоны", замѣчаетъ по этому поводу Мобрель, „держали меня въ тюрьмѣ съ цѣлью заставить молчать, а Бонапарты посадили меня въ тюрьму, чтобы заставить меня говорить", и присовокупляетъ, что за извѣстныя разоблаченія ему предлагали свободу; но, видимо, онъ недостаточно компрометтировалъ своими показаніями Бурбоновъ, такъ какъ онъ просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока ему не удалось бѣжать въ апрѣлѣ 1815 г. при содѣйствіи друзей въ Бельгію.

Но тутъ онъ встрѣтился съ Семалле, который былъ озлобленъ на него за обвиненіе въ кражѣ бриллiантовъ Вестфальской королевы. Узнавъ о его пріѣздѣ въ Бельгію, Семалле рѣшилъ арестовать его и передать въ руки Людовика XVIII за то, что онъ запятналъ передъ Европой имя короля, обвинивъ его въ соучастіи въ заговорѣ противъ Наполеона.

Мобрель, въ тотъ же вечеръ, подъ конвоемъ жандармовъ былъ отправленъ въ Гентъ, гдѣ находился Людовикъ XVIII съ своими министрами. Но, такъ какъ французскія военныя власти не имѣли права арестовать его на иностранной территоріи, то онъ былъ переданъ въ руки нидерландской полиціи, которая и задержала его.

Было бы слишкомъ долго передавать всѣ перипетіи дальнѣйшей судьбы Мобреля; достаточно сказать, что, то выпускаемый на корот-

кое время на свободу, то заточаемый по первому подозрѣнію въ тюрьму, онъ провелъ, со времени своего перваго ареста въ 1814 г. по апрѣль мѣсяцъ 1817 г., когда ему удалось бѣжать въ Англію, въ общей сложности 500 дней въ одиночномъ заключеніи.

Французское правительство, видимо, боявшееся его разоблаченій, предпочитало держать его въ тюрьмѣ, постоянно откладывая судебное разбирательство дѣла. Несчастный Мобрель нигдѣ не зналъ покоя; гдѣ бы ни возникло какое-либо политическое дѣло или какой-нибудь заговоръ, полицейскіе агенты тотчасъ заподозрѣвали его участіе въ немъ, арестовывали его и начинали противъ него судебное преслѣдованіе, и относительно его распускались самые невѣроятные слухи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1817 г. ему удалось, наконецъ, бѣжать въ Англію, а въ маѣ того же года онъ былъ заочно приговоренъ къ пяти годамъ тюремнаго заключенія, десятилѣтней ссылкѣ и къ уплатѣ 500 франковъ штрафа за то, что онъ самовольно захватилъ драгоцѣнности королевы Вестфальской.

Узнавъ объ этомъ заочномъ рѣшеніи, Мобрель, проживавшій въ то время въ Лондонѣ, тотчасъ энергично протестовалъ противъ этого „акта беззаконія", разославъ копіи съ своего протеста пэрамъ Англіи и лордъ мэру г. Лондона; въ частномъ письмѣ къ этому послѣднему, отъ 16-го мая 1818 г., упомянувъ о заговорѣ противъ Наполеона, Мобрель писалъ:

„Англія должна знать о великомъ преступленіи, которое хотѣли совершить безъ ея вѣдома. Какъ видно изъ данныхъ мнѣ приказовъ, о возложенномъ на меня порученіи было извѣстно только правительствамъ Россіи, Франціи и Пруссіи. Англія осталась великой, великодушной и незапятнанной".

Послѣ того, какъ это письмо было напечатано въ газетахъ, за Мобрелемъ стали зорко слѣдить французскіе шпіоны. Въ это время онъ былъ занятъ сочиненіемъ „воззванія" къ конгрессу державъ, собравшемуся въ Ахенѣ [1]), что, конечно, было извѣстно шпіонамъ, и этимъ объясняются старанія французскаго посланника добиться ареста Мобреля и высылки его во Францію.

Какъ только воззваніе было окончено, Мобреля убѣдили издать его одновременно на англійскомъ и французскомъ языкахъ; надъ переводомъ трудилось четыре или пять человѣкъ, которые очень быстро перевели его на англійскій языкъ.

Этотъ памфлетъ, заключавшій описаніе всѣхъ испытанныхъ Мобрелемъ страданій и преслѣдованій, произвелъ въ Европѣ огромную

---

[1]) „Adresse au Congrès d'Aix-la-Chapelle par monsieur Marie-Armand de Guerry de Maubreuil, marquis d'Orvault, concernant l'assassinat de Napoléon et de son fils, attentat ordonné par la Prusse, la Russie et les Bourbons", 1818, 4°

сенсацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обвиненія, брошенныя его авторомъ, озлобили русское и прусское правительства, которыя обратились оффиціально съ жалобой къ великобританскому кабинету, требуя немедленнаго наказанія человѣка, дерзнувшаго обвинить ихъ въ соучастіи въ заговорѣ противъ Наполеона. Лордъ Батурстъ отвѣчалъ, что посланники означенныхъ державъ имѣютъ право привлечь Мобреля къ суду. Однако, ни русское, ни прусское правительство этимъ правомъ не воспользовалось. За то агенты французскаго посольства не оставляли Мобреля въ покоѣ, и онъ былъ постоянно въ страхѣ, что его арестуютъ.

Доведенный до отчаянія и до изступленія, Мобрель писалъ угрожающія письма къ Поццо-ди-Борго, по поводу участія въ заговорѣ императора Александра, подавалъ прошеніе главнокомандующему великобританской арміи, герцогу Іоркскому, просилъ о дозволеніи отправиться на о. св. Елены, чтобы имѣть свиданіе съ свергнутымъ императоромъ и удостовѣрить истину своихъ словъ, что, согласившись для вида исполнить данное ему порученіе, онъ въ дѣйствительности предостерегалъ Наполеона отъ несчастья. Эта поѣздка не была ему разрѣшена.

Наконецъ, въ 1821 г., не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, онъ рѣшился, не взирая на состоявшійся противъ него обвинительный приговоръ, возвратиться во Францію и явился въ полицейскую префектуру, гдѣ онъ былъ на короткое время арестованъ, но правительство, видимо, старалось отдѣлаться отъ него, такъ какъ онъ получилъ снова свободу и, какъ говорили, даже небольшое вспомоществованіе отъ казны и могъ уѣхать въ Бельгію, а затѣмъ возвратился снова во Францію и поселился въ Бретани. Но, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ самымъ неожиданнымъ образомъ напомнилъ о себѣ и заставилъ снова нѣкоторое время говорить о себѣ весь Парижъ.

VIII.

Во времена реставраціи, въ исторической усыпальницѣ французскихъ королей, въ Сенъ-Дени, совершалась ежегодно, 20-го января, въ присутствіи двора, торжественная месса за упокой души Людовика XVI.

20-го января 1827 г., среди придворныхъ, толпившихся у входа въ церковь, замѣшался статный старикъ съ черными, огненными глазами; онъ былъ одѣтъ весь въ черномъ, на рукавѣ у него былъ крепъ, а въ петлицѣ виднѣлась лента ордена Почетнаго Легіона.

Это былъ Мобрель, явившійся въ Сенъ-Дени, какъ оказывается не изъ простаго любопытства, а съ опредѣленной цѣлью, которую онъ привелъ въ исполненіе, какъ только среди блестящей толпы чиновныхъ и придворныхъ лицъ появился Талейранъ.

Поспѣшно подойдя къ князю Беневентскому, онъ далъ ему пощечину. Ударъ былъ не сильный, но Талейранъ вообразилъ, что ему нанесенъ ударъ кинжаломъ, и упалъ навзничь. Всѣ столпились вокругъ него. Мобрель былъ арестованъ.

Назвавъ себя, онъ передалъ полицейскому коммиссару записку, въ которой объяснялъ, что, давъ Талейрану пощечину въ присутствіи двора, онъ хотѣлъ этимъ отомстить ему за свою поруганную честь и вызвать его публично на объясненіе.

„Теперь, по крайней мѣрѣ,—писалъ онъ въ своей запискѣ,—„предъ нимъ будутъ трепетать только одни трусы; пэры, депутаты и судьи перестанутъ дрожать передъ нимъ, и Франція будетъ въ состояніи узнать, наконецъ, кто болѣе заслуживаетъ уваженія, тотъ ли, кто отдалъ приказаніе убить Наполеона и его сына, и подтвердилъ это приказаніе даже послѣ того, какъ императоръ отрекся отъ престола, или человѣкъ, рѣшившій не допускать самаго гнуснаго нарушенія трактатовъ".

Нѣсколько дней спустя, Талейранъ, оправившись отъ полученнаго имъ удара и отъ испуга, написалъ прокурору, прося его не преслѣдовать Мобреля.

Передъ отсылкою къ прокурору, это письмо читалось Талейраномъ и его секретеремъ всѣмъ навѣщавшимъ князя, и всѣ, въ особенности дамы, восторгались его добротою и великодушіемъ.

Тѣмъ не менѣе, судъ надъ Мобрелемъ состоялся, онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на пять лѣтъ. Но уже въ іюлѣ мѣсяцѣ 1830 г. онъ былъ опять на свободѣ, и съ тѣхъ поръ велъ скитальческую жизнь. Куда бы Мобрель ни поѣхалъ, онъ всюду возилъ съ собой огромный сундукъ, въ которомъ хранились многіе компрометтирующіе документы. Этотъ сундукъ „la malle de Maubreuil" сдѣлался легендарнымъ. Между прочимъ, разсказывали, будто однажды Мобрель вывезъ въ немъ изъ Франціи одного заговорщика.

Въ 1835 г. Мобрель написалъ памфлетъ подъ заглавіемъ „M-r de Maubreuil et la Diplomatie, ou Adresse au Congrès de Taeplitz, par m-r de Maubreuil, marquis d'Orvault". La Haye, 1835. 8⁰, въ которомъ онъ изложилъ вновь свои жалобы.

Въ это время въ Теплицѣ происходило свиданіе императора Николая съ австрійскимъ императоромъ Фердинандомъ, на которомъ обсуждались польскія дѣла.

Былъ ли этотъ памфлетъ посланъ его авторомъ въ Теплицъ, какъ

можно судить по заглавію, неизвѣстно; какъ бы то ни было, этотъ шагъ Мобреля увѣнчался успѣхомъ. Дипломатическій корпусъ обратился въ Парижъ съ представленіемъ къ французскому правительству, и министръ иностранныхъ дѣлъ, въ вознагражденіе за всѣ испытанныя Мобрелемъ злоключенія и, желая, вѣроятно, отдѣлаться отъ него, назначилъ ему пенсію въ размѣрѣ 2 тыс. рублей (200 ф. ст.) въ годъ. Весьма вѣроятно, что Мобрелю было поставлено при этомъ въ условіе, чтобы онъ не появлялся болѣе во Франціи, такъ какъ онъ тогда же уѣхалъ въ Германію, былъ затѣмъ въ Англіи, Америкѣ и во Франціи, о немъ позабыли, такъ что составители французскихъ біографическихъ словарей считали его умершимъ. Но въ 1841 г. Гизо, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи, лишилъ Мобреля пенсіи, и послѣдній появился снова въ Парижѣ, гдѣ онъ жилъ на средства частной благотворительности до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ III, снисходя къ его нуждѣ, не назначилъ ему въ 1856 г., изъ своихъ личныхъ суммъ, пенсію въ 100 ф. ст. въ годъ.

Въ то время Мобрелю шелъ уже семьдесятъ третій годъ; казалось бы, въ его жизни не могло произойти болѣе никакихъ выдающихся событій, но его жизнь до конца была полна неожиданностей.

Мобрель, пользовавшійся до тѣхъ поръ, несмотря на свои преклонныя лѣта, превосходнымъ здоровьемъ, сталъ прихварывать, и, при его недугахъ, незначительной пенсіи не хватало на его надобности. Тогда одинъ изъ его друзей вздумалъ вывести его изъ затруднительнаго положенія и посовѣтовалъ ему, воспользовавшись своимъ титуломъ маркиза д'Орво, усыновить за извѣстное вознагражденіе какого-нибудь мальчика, которому онъ передалъ бы свой титулъ и гербъ. Съ этой цѣлью пріятель познакомилъ восьмидесятилѣтняго маркиза съ дамой полусвѣта, Каролиной Шумахеръ, бывшей наѣздницей цирка, которую до того прельстила возможность сдѣлаться маркизой, что она предложила восьмидесятилѣтнему старику свою руку и состояніе, въ разсчетѣ, что онъ усыновитъ затѣмъ и ея сына.

Мобрель, испытавъ на своемъ вѣку такъ много волненій и нужды, не устоялъ передъ соблазномъ провести остатокъ дней въ довольствѣ и женился на бывшей наѣздницѣ, съумѣвшей скрыть отъ него подробности своего прошлаго.

Но ихъ совмѣстная жизнь была непродолжительна. У бывшей наѣздницы оказался братъ—величайшій негодяй, который ее эксплоатировалъ, вымогая у нея деньги, и, когда она, однажды, отказала ему въ нихъ, то онъ едва не застрѣлилъ ее. Когда эта грязная исторія сдѣлалась достояніемъ газетъ, то Парижъ съ изумленіемъ узналъ, что маркизъ д'Орво или Мобрель, котораго считали давно умершимъ, былъ живъ; по этому поводу припомнили все связанное съ его име-

немъ, которое въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ снова было такъ же популярно, какъ въ дни его юности.

Скандалъ съ маркизой д'Орво, заставившій говорить о Мобрелѣ весь Парижъ, былъ послѣднимъ событіемъ въ жизни этого оригинальнѣйшаго авантюриста наполеоновскихъ временъ. Дни его были сочтены, онъ скончался 17-го іюля 1868 г., 85-лѣтнимъ старцемъ, не утративъ до конца жизни своей изумительной энергіи и бодрости.

Турція и прогрессъ [1]).

Авторъ настоящаго очерка, турецкій принцъ Сабахединъ, племянникъ султана Абдулъ-Гамида, горячій сторонникъ реформъ и прогресса, покинулъ свою родину, чтобы выразить этимъ протестъ противъ безумной политики своего коронованнаго дяди, и поселился во Франціи, гдѣ онъ продолжаетъ работать на пользу будущей освобожденной Турціи.

Его имущество было конфисковано по повелѣнію султана; во время пребыванія Сабахедина въ Турціи его жизни неоднократно угрожала опасность, такъ какъ Абдулъ-Гамидъ всячески старался отдѣлаться отъ него, считая его, вполнѣ основательно, самымъ опаснымъ противникомъ своего жестокаго, варварскаго деспотизма.

Турокъ не только мало знаютъ, но о нихъ судятъ весьма превратно. Такъ, вся Европа, за малымъ исключеніемъ, считаетъ ихъ врагами современной цивилизаціи.

„Въ мірѣ все мѣняется, все идетъ впередъ, только одни турки остаются неподвижны и какъ бы застыли на томъ фазисѣ, который Европа пережила въ средніе вѣка",—такъ говорятъ о нихъ многіе съ полнымъ убѣжденіемъ, и, надобно сознаться, что на первый взглядъ это мнѣніе можетъ показаться вполнѣ справедливымъ.

Когда, въ 1854 г., Оттоманская имперія заняла, по Парижскому договору, мѣсто среди европейскихъ державъ, это было обставлено извѣстными гарантіями и условіями.

Обнародовавъ извѣстное гульхане гатти (gulhané hatti), правительство султана Абдулъ-Меджида возвѣстило о своемъ намѣреніи

---

[1]) La Turquis et la progrès. S. A. J. le prince Sabaheddine (La Revue, 15 décembre 1905).

предпринять рядъ реформъ съ цѣлью преобразовать Турцію коренньмъ образомъ и создать изъ нея государство въ современномъ духѣ. Этимъ самодержавнымъ актомъ были обѣщаны подданнымъ султана неприкосновенность личности и имущества, равенство всѣхъ турецкихъ подданныхъ передъ закономъ, полная свобода вѣроисповѣданія и образованія, доступъ къ почетнымъ должностямъ всѣмъ гражданамъ, безъ различія вѣроисповѣданія, учрежденіе смѣшанныхъ судовъ, взиманіе прямыхъ налоговъ самимъ государствомъ, отмѣна откуповъ и связанныхъ съ этимъ злоупотребленій, воспрещеніе торговли мѣстами, наградами и т. д.

Каждая изъ двадцати четырехъ статей рескрипта вносила существенную перемѣну въ политическій строй имперіи.

Къ сожалѣнію, современное положеніе Турціи свидѣтельствуетъ, что всѣ надежды, возбужденныя либеральнымъ актомъ 1856 г., разлетѣлись прахомъ.

Европу то и дѣло волнуютъ слухи о потрясающихъ событіяхъ, которыя разыгрываются то въ Аравіи, то въ Македоніи, то въ Арменіи или въ какомъ-либо иномъ пунктѣ Турецкой имперіи. Всякій, самъ по себѣ незначительный, фактъ принимаетъ быстро самые преувеличенные разговоры и грозитъ нарушить общеевропейскій миръ.

Державы обмѣниваются взглядами, нотами, заключаютъ конвенціи, но несмотря на это вскорѣ возникаютъ новыя осложненія и „восточный вопросъ“ служитъ для всѣхъ неизсякаемымъ источникомъ тревогъ и волненій. А Порта или султанъ только подтверждаютъ обѣщанія произвести реформы, но не держатъ этихъ обѣщаній, и такимъ образомъ революціонное броженіе въ Оттоманской имперіи не прекращается.

Народы, населяющіе эту имперію, борятся за политическое преобладаніе, стараются захватить въ свою пользу власть, не заботясь о томъ, что они наносятъ этимъ ущербъ общему дѣлу. Эти внутреннія междоусобія, ознаменованныя большею частію кровопролитіями, даютъ поводъ къ вмѣшательству великихъ державъ, дѣйствующихъ большею частью своекорыстно, при чемъ каждая изъ нихъ надѣется добиться, въ ущербъ другимъ, преобладающаго вліянія надъ той или иной частью Турецкой имперіи.

Эти постоянныя столкновенія, это соперничество и борьба вожделѣній замедляютъ желанное для всѣхъ рѣшеніе вопроса; и быть можетъ оно отодвинулось бы на неопредѣленное время, если бы въ нѣдрахъ самой Турецкой имперіи не появился съ теченіемъ времени новый факторъ, коему суждено измѣнить кореннымъ образомъ положеніе вещей.

Мы говоримъ о соціальной эволюціи, совершившейся въ Турціи.

Въ самомъ дѣлѣ, способны ли турки воспользоваться успѣхами европейской цивилизаціи? готовы ли они пріобщиться къ ней? и если справедливо, что они не являются закоренѣлыми противниками всякаго прогресса, то чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что они такъ отстали отъ прочихъ народовъ?

Для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо бросить бѣглый взглядъ на самое происхожденіе турецкой расы и на три характерныхъ періода ея исторіи.

I.

Среднеазіатское плоскогорье, колыбель туранской расы, къ которой принадлежатъ турки, сообщаетъ народамъ, обитающимъ на ней, своеобразный отпечатокъ.

Оставаясь въ своей родной средѣ, они дѣлаются совершенно неспособны къ какому бы то ни было прогрессу. Необозримыя степи этой части свѣта всецѣло подчиняютъ себѣ человѣка; въ этомъ царствѣ травы онъ можетъ вести только пастушескій образъ жизни. Частыя колебанія барометра, непостоянство погоды, быстрыя смѣны температуры, удручающія жары, сопровождающіяся проливными дождями, не даютъ возможности обрабатывать землю и допускаютъ только занятіе скотоводствомъ.

Но трава истощается, и населеніе бываетъ вынуждено перекочевать въ новое мѣсто, а кочевой образъ жизни несовмѣстимъ съ развитіемъ общественности, необходимымъ условіемъ которой является осѣдлый образъ жизни.

Подвижность кочевника ведетъ къ неподвижности и неизмѣняемости его соціальнаго строя.

„Въ степяхъ центральной Азіи, гдѣ кочуютъ монголы-татары и родственныя имъ племена, также какъ въ пустыняхъ Аравіи и Сахары, никогда не существовало правильно организованныхъ политическихъ государствъ", говоритъ Демоленъ [1]), „этотъ соціальный типъ не можетъ породить подобныхъ организацій, точно такъ же, какъ яблоко не можетъ приносить вишень, а вишневое дерево—яблокъ. Это такой же непреложный соціальный законъ, какъ всякій законъ природы".

---

[1]) Demolins. Comment la route crie le type social.

„Татарія отнюдь не походитъ на наши страны“, пишетъ Гюкъ (Huc), цитированный Демоленомъ; „тамъ нѣтъ городовъ, зданій, нѣтъ искусства, промышленности, культуры, нѣтъ лѣсовъ, всюду и вездѣ одни луга. Очутившись въ тихую погоду въ этихъ обширныхъ, пустынныхъ лугахъ, коихъ очертанія сливаются съ далекимъ горизонтомъ, можно вообразить, что находишься среди безбрежнаго океана. Видъ монгольскихъ луговъ не возбуждаетъ ни радости, ни грусти, а вызываетъ скорѣе смѣсь того и другаго чувства, какое-то меланхолическое и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное настроеніе, которое возвышаетъ душу, не отвлекая ее окончательно отъ земнаго“.

Оставляя человѣку большой досугъ, эта обстановка развиваетъ въ немъ способность къ размышленію, къ созерцанію и мечтательности, но не можетъ вызвать духа инниціативы, безъ котораго человѣкъ не въ состояніи использовать естественныхъ богатствъ природы, и поэтому онъ привыкаетъ безропотно покоряться имъ, его роль становится пассивной, изъ него вырабатывается фаталистъ.

Величавый видъ необозримыхъ степей пробуждаетъ въ душѣ человѣка смутное религіозное чувство, въ основѣ котораго лежитъ нравственное чувство; но въ то время какъ нравственное чувство развивается въ этой обстановкѣ, внѣшнее богопочитаніе не выливается ни въ какую опредѣленную форму; вслѣдствіе чего населенію степей совершенно чуждъ религіозный фанатизмъ.

Человѣку, ведущему пастушескій образъ жизни, незнакомы суровые законы конкуренціи со всѣми проистекающими изъ нихъ выгодами и неудобствами, коимъ подчиняются члены болѣе сложно организованнаго общества.

Ему незнакомъ духъ интриги, онъ легковѣренъ, честенъ, великодушенъ, храбръ, но неспособенъ къ упорству. Преобладающими чувствами у него являются: почтеніе къ главѣ общины—патріарху, повиновеніе ему и чувство братской любви къ прочимъ членамъ общины.

Эти качества и недостатки составляютъ и до настоящаго времени основныя черты характера турка, хотя онѣ проявляются менѣе рѣзко, нежели у его предковъ.

Эта эволюція, которую необходимо принять во вниманіе, объясняется перемѣной той среды, въ которой протекалъ наиболѣе долгій періодъ исторіи турецкаго народа.

Окруженные со всѣхъ сторонъ непреодолимыми преградами,—на сѣверѣ Ледовитымъ океаномъ, на югѣ неприступной цѣпью Гималайскихъ горъ, на востокѣ Китаемъ и Тихимъ океаномъ, на западѣ Ураломъ и Персіей, турки были доступны вліянію только двухъ, застывшихъ въ своей цивилизаціи, древнихъ странъ: Китая и Персіи.

Живя въ обширномъ бассейнѣ р. Оби, они страдали вѣками отъ климата, то знойно-жаркаго, то леденяго; безотрадная судьба выработала изъ нихъ людей мрачныхъ, покорно сносившихъ всѣ испытанія и горести жизни.

Единственнымъ ихъ занятіемъ было разведеніе скота, единственной роскошью—война; она была для нихъ единственнымъ средствомъ отличиться и хоть на время отвлечься отъ монотонности повседневной жизни. Не имѣя возможности проложить себѣ путь въ страны съ болѣе мягкимъ климатомъ, турки съиграли неблагодарную роль посредниковъ, внеся нѣкоторое оживленіе въ ту часть земнаго шара, гдѣ смерть торжествовала до тѣхъ поръ надъ жизнью.

Говоря объ этомъ періодѣ исторіи турокъ, который предшествовалъ основанію Оттоманской имперіи, Леонъ Кагюнъ, въ предисловіи къ „Исторіи Азіи", пишетъ:

„Начиная съ перваго вѣка христіанской эры и до нашихъ дней, Азія испытала болѣе крупныя и глубокія перемѣны, нежели Европа.

Самая значительная изъ этихъ перемѣнъ совершилась между V и XIII вѣками и измѣнила рѣшительно все. Все послѣдующее было не болѣе какъ естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ этой перемѣны, самымъ главнымъ и дѣятельнымъ факторомъ которой былъ тюркскій народъ; описывая происхожденіе тюркскихъ племенъ и ихъ жизнь до нашествія монголовъ, въ исходѣ XII вѣка, можно лучше всего обрисовать жизнь тѣхъ азіатскихъ странъ, которыя не входили никогда въ составъ Римской имперіи и подвергались греко-римскому вліянію только случайно, какъ бы мимоходомъ. Надобно оговориться, что нравственная роль и сфера дѣятельности тюркскихъ племенъ была весьма ограничена; они только проводили въ жизнь идеи, выработанныя арабами, китайцами, иранцами, но, не будь ихъ, ни иранская, ни китайская, ни арабская цивилизація не переступили бы въ необъятной Азіи политическихъ границъ, за которыя ее перенесли турки, увлекшіеся жаждою завоеваній.

Съ VII вѣка тюркскіе народы вступаютъ во второй періодъ своей эволюціи. Когда опустошительный потокъ монголо-арабскаго нашествія низвергъ царство Сассанидовъ, то часть турецкихъ эмигрантовъ, спасаясь отъ монгольскаго погрома, устремилась въ Персію, Малую Азію и Сирію.

По мѣрѣ того какъ турки удалялись отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ первоначально обитало ихъ племя, измѣнялся и ихъ соціальный бытъ.

Оставивъ кочевой образъ жизни, они получили возможность проявить зачатки культуры, организовать сообщества, образовать болѣе или менѣе прочныя государства.

Выше мы говорили, что въ степи возможенъ только патріархальный образъ правленія.

Вступивъ въ предѣлы Персіи, турки ознакомились съ чуждымъ ихъ нравамъ образомъ правленія: съ коварной и недовѣрчивой политикой неограниченнаго самодержавія, съ присущей ей сложной администраціей, пороками и опасностями.

Впослѣдствіи, проникнувъ въ Месопотамію, предводители тюркскихъ племенъ поступали, въ качествѣ наемниковъ, на службу къ арабскимъ халифамъ. Халифы, восторгавшіеся вначалѣ легендарной доблестью турокъ, стали вскорѣ относиться къ нимъ недовѣрчиво и, желая отдѣлаться отъ нихъ, поощряли ихъ къ завоеванію Малой Азіи, обѣщая имъ почести и выгоды.

Такимъ образомъ турки начали колонизовать Малую Азію. Надобно замѣтить, что они нашли у халифовъ ту же форму правленія, какъ у персовъ, т. е. неограниченный деспотизмъ. Между тѣмъ осѣдлая жизнь приносила мало-по-малу свои плоды.

Медленно и постепенно возники три большія турецкія династіи: Газневидовъ, Сельджуковъ и Османовъ, оставившія въ Азіи несомнѣнные слѣды своей цивилизаціи. Они образовали мало-по-малу цивилизованныя общества, начали заниматься литературой, наукой и искусствами, архитектурой, медициной (извѣстный ученый Авиценна былъ турокъ) и прочими распространенными въ то время умственными занятіями.

Цѣлая плеяда ученыхъ прославила мусульмано-арабскую цивилизацію. Но, подобно тому какъ въ Европѣ всѣ ученые писали, въ средніе вѣка, по-латыни, такъ же точно турки, евреи и персы писали въ то время по-арабски, а позднѣе по-персидски: что и было причиною ошибки, вслѣдствіе которой всѣ успѣхи этой цивилизаціи, сдѣлавшей, несмотря на ея кратковременное существованіе, эпоху въ лѣтописяхъ человѣческой исторіи, были приписаны однимъ арабамъ.

Говоря объ этомъ періодѣ, Элизе Реклю пишетъ въ своей всеобщей географіи:

„Коніе (древній Иконіумъ)—городъ, пришедшій въ упадокъ, болѣе любопытенъ своими средневѣковыми памятниками, чѣмъ современной промышленностью. Его старинныя стѣны и башни сохранили изваянія и надписи греческія, арабскія, турецкія, напоминающія различныя владычества, подъ которыя послѣдовательно подпадалъ Иконіумъ; мечети эпохи Сельджуковъ (турокъ), почти всѣ сильно поврежденныя временемъ,—по изяществу арабесокъ и разнообразію изразцовъ, безспорно прекраснѣйшіе мусульманскіе храмы на полуостровѣ: „минаретъ, поднимающійся до звѣздъ“ есть образцовое произведеніе искусства по нѣжности формъ и колориту украшеній“.

Позднѣе, послѣдняя изъ великихъ туранскихъ династій, Османы, пододвинулись еще нѣсколько къ западу въ томъ направленіи, которое привело ихъ къ Константинополю.

Сохранивъ, какъ наслѣдіе своего прежняго быта, присущую всѣмъ патріархальнымъ обществамъ неспособность къ развитію экономической жизни, турки сохранили вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя прежнія качества: храбрость, честность и тотъ духъ порядка, который далъ имъ возможность упрочить, въ болѣе ранній періодъ оттоманской исторіи, сравнительное спокойствіе внутри государства, установить извѣстное равновѣсіе въ томъ хаосѣ разнородныхъ элементовъ, гдѣ всѣ были готовы пожрать другъ друга и довести свою имперію до апогея военной славы. Но рядъ продолжительныхъ войнъ, которыя имъ пришлось вести съ врагами, число которыхъ все болѣе и болѣе возрастало, долженъ былъ роковымъ образомъ задержать ихъ соціальное развитіе.

Въ самомъ дѣлѣ, выгоды, которыя доставляли имъ удачныя войны, богатства, завоеванныя силою меча, военная добыча, избавивъ ихъ отъ необходимости добывать все необходимое для жизни трудомъ и получать самимъ изъ почвы необходимыя средства къ существованію, были причиною изнѣженности ихъ нравовъ. Въ такъ называемый періодъ упадка, эта изнѣженность должна была роковымъ образомъ лишить Турцію способныхъ и энергичныхъ вождей.

Упадокъ политическаго и военнаго могущества турокъ поражаетъ тѣмъ болѣе, что онъ совпалъ съ моментомъ, когда вся Европа вступила на путь современнаго прогресса.

Мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе на одинъ соціальный фактъ, прошедшій совершенно незамѣченнымъ, но который представляется весьма интереснымъ. Дѣло въ томъ, что въ тотъ именно періодъ, который принято называть „періодомъ упадка", страна вступила въ своей эволюціи на новый путь, который сблизилъ ее впослѣдствіи съ Европой.

Итакъ, въ началѣ исторія Турціи представляетъ рядъ непрерывныхъ побѣдъ, благодаря которымъ турки распространились далеко за свои естественные предѣлы. Они несутъ и до сихъ поръ на себѣ одни всю тяготу военной службы. Эти побѣды имѣли для нихъ весьма важныя послѣдствія въ соціальномъ отношеніи.

Въ то время, какъ побѣжденные народы могли заниматься земледѣліемъ, промышленностью и торговлей, турки-побѣдители покидали свои дома, свои земли и, неся военную и гражданскую службу, затерявались въ обширной имперіи, какъ соціальный элементъ. Между тѣмъ существенное отличіе втораго крупнаго періода въ исторіи турецкой расы составляетъ именно приспособляемость ея къ земледѣльческой жизни.

Тогда какъ въ первый періодъ турецкая раса вела исключительно кочевой образъ жизни, во второмъ періодѣ турки становятся, благодаря нѣкоторой культурѣ, народомъ осѣдлымъ.

Въ силу того, что турки утратили мало-по-малу свой воинственный пылъ и что границы ихъ государства постепенно отодвигались, въ самыхъ нѣдрахъ Малой Азіи произошло уплотненіе турецкаго элемента и турецкая раса совершила другаго рода завоеваніе, несравненно болѣе важное для соціальнаго прогресса, а именно завоеваніе земледѣльческое.

Полвѣка тому назадъ турки вступили въ третій періодъ своей эволюціи; періодъ этотъ столь же характеренъ, какъ и оба предыдущіе.

До этого періода турки сохранили свой азіатскій характеръ, т. е. совершенно неподвижную форму цивилизаціи. Это было нѣчто роковое. Въ Азіи природа властвуетъ надъ человѣкомъ гораздо болѣе, нежели въ Европѣ. При видѣ необозримыхъ степей и пустынь, бурныхъ потоковъ и недоступныхъ горныхъ кряжей, которые своей гигантскою высотою вліяютъ на распредѣленіе воздушныхъ теченій во всемъ мірѣ, подавленный величіемъ природы, человѣкъ чувствуетъ тамъ свою слабость, свое безсиліе.

Для того, чтобы человѣкъ могъ преобразовать, по своему желанію, ту часть суши, которая можетъ быть имъ использована, ему необходимо стоять на довольно высокой степени культуры. Человѣчество могло достигнуть этого только въ Европѣ, потому что умѣренный климатъ Европы способствуетъ труду.

Человѣческая воля могла одержать тамъ побѣду надъ природою; самый характеръ препятствій, встрѣченныхъ человѣкомъ на своемъ пути, способствовалъ развитію въ немъ духа предпріимчивости и освобожденію его личности. Но страшно подумать, сколько вѣковъ человѣку пришлось страдать и бѣдствовать въ глубинѣ Азіи, прежде чѣмъ до него дошелъ первый проблескъ западной цивилизаціи, достигшей такого пышнаго расцвѣта въ Греціи, гдѣ воплотились въ миніатюрѣ всѣ характерныя черты южно-европейскихъ странъ.

Безъ участія Азіи пелазги не могли бы создать безсмертную греко-римскую цивилизацію, такъ же точно, какъ восточные кочевники, коихъ римляне называли „варварами", не могли бы создать современной Европы.

Въ самыхъ противорѣчивыхъ, на первый взглядъ, дѣйствіяхъ людей существуетъ извѣстная, ими самими часто не сознаваемая, общность. Изучая соціальную жизнь турокъ, которые не соприкасались съ греко-римскимъ міромъ, мы замѣчаемъ постепенное развитіе той же солидарности, которая связываетъ невидимыми нитями самыя разнородныя цивилизаціи.

Мы видѣли, что на кочевыя тюркскія племена вліяли китайцы и иранцы, на осѣдлыхъ турокъ вліяли персы и византійцы. Въ настоящее время турки подчиняются непосредственно вліянію европейскихъ народовъ.

Оттоманская имперія, отдѣленная отъ Европы какъ бы неприступною стѣною цѣпью Балканскихъ горъ, чрезвычайно затруднявшей непрерывныя сношенія съ остальнымъ материкомъ, жила долгое время обособленною жизнію, и только за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ нѣкоторая часть турецкаго общества вошла непосредственно въ сношенія съ Западомъ. Сношенія моремъ начали развиваться въ второй половинѣ XVIII вѣка, со времени вступленія на престолъ султана Селима III.

Съ тѣхъ поръ Турція медленно эволюціонировала въ духѣ западныхъ идей. Попытка пріобщить ее къ западной цивилизаціи была сдѣлана ея правительствомъ. Народъ былъ въ то время къ этому вполнѣ равнодушенъ. Селимъ III, котораго по справедливости можно считать отцомъ молодой Турціи, былъ свергнутъ съ престола однимъ изъ тѣхъ возстаній, которыя бываютъ во всѣхъ странахъ, гдѣ царствуетъ политическая анархія.

Несмотря на эту неудачу, его преемники Махмудъ II и Абдулъ-Меджидъ шли настойчиво по намѣченному имъ пути. Освободившись отъ гнета янычаръ, которые были постояннымъ тормозомъ всякаго прогресса, Турція съумѣла организовать у себя армію, обученную на европейскій ладъ, и пыталась реорганизовать свои административныя и политическія учрежденія.

Мы дошли, такимъ образомъ, до момента обнародованія либеральнаго рескрипта гульхане, о которомъ было упомянуто въ началѣ статьи.

Лица, издавшія этотъ указъ, Абдулъ-Меджидъ и Решидъ-паша, дѣйствовали вполнѣ чистосердечно, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но ихъ попытка провести реформы встрѣтила внутри государства противодѣйствіе какъ со стороны мусульманъ, такъ и со стороны христіанъ, коими руководили въ этомъ случаѣ конечно совершенно различныя побужденія, извнѣ они встрѣтили непобѣдимое враждебное отношеніе къ задуманнымъ реформамъ со стороны русскаго самодержавія.

Нельзя отрицать вполнѣ справедливой аксіомы, которая подтверждается ежедневно опытомъ, что одними законами, какъ бы либеральны они ни были, нельзя измѣнить соціальныхъ условій. Прежде всего нужно воспитать людей; законы должны вытекать изъ нравовъ.

Всѣ были поражены неудачей сдѣланной правительствомъ въ 1850-хъ годахъ попытки къ либеральнымъ реформамъ, но при этомъ

упускаютъ изъ виду, что это либеральное движеніе не прошло безслѣдно, что оно отразилось на соціальномъ строѣ имперіи. Упадокъ административнаго строя совпалъ съ умственнымъ возрожденіемъ извѣстной части турецкаго народа. Если авторамъ гульхане-гатти не удалось достигнуть непосредственной цѣли, къ которой они стремились, все же они подготовили новое поколѣніе, которое является нынѣ двигателемъ возрожденія Турціи.

На это могутъ возразить: такъ почему же это новое поколѣніе ничѣмъ не проявляетъ своей дѣятельности? Отвѣтъ очень простъ:

Для самыхъ простыхъ, физическихъ отправленій человѣческаго организма требуется извѣстное время. Нужно время для того, чтобы переварить принятую пищу, и еще долѣе для того, чтобы переваренныя вещества всосались въ кровь. Точно также нужно время для того, чтобы вновь возникшее общество осмотрѣлось и оріентировалось на новомъ пути, чтобы оно усвоило мало-по-малу новые принципы и, ассимилировавъ ихъ, начало дѣйствовать и заявило энергично о своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ.

Хотя европейская цивилизація находитъ въ восточномъ обществѣ благопріятную почву для своего развитія, но для того, чтобы могло возникнуть движеніе, которое захватило бы болѣе глубокіе слои общества, необходимо, чтобы хотя два, три поколѣнія воспитались въ современномъ духѣ. А давно ли турки начали получать современное образованіе? Не болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ выросло всего два поколѣнія. Слѣдовательно, турки не должны отчаяваться въ своемъ будущемъ. Возможно ли ожидать, чтобы соціальный бытъ милліона людей цѣлаго общества примѣнился въ періодъ болѣе короткій, нежели человѣческая жизнь.

На это могутъ возразить, что японцы совершили же это чудо.

Но и на это есть отвѣтъ. Быстрая и благопріятная перемѣна, совершившаяся въ Японіи, не опровергаетъ сдѣланнаго нами вывода.

Въ имперіи Восходящаго солнца иниціатива реформы государственнаго строя исходила отъ самого правительства, такъ же точно, какъ въ Турціи. Въ лицѣ японскаго императора мы видимъ человѣка богато одареннаго; трудно найти другой примѣръ монарха, который отказался бы добровольно отъ своихъ правъ и преобразовалъ бы свою монархію изъ неограниченной въ конституціонную. И микадо за это боготворятъ въ Японіи!

Въ Турціи Мурадъ V обнаружилъ не менѣе либеральныя наклонности, а въ лицѣ Решида и Мидхада-пашей и ихъ сотрудниковъ у него были достойные соперники Ито, Ямагата, Окума и другимъ государственнымъ дѣятелямъ Японіи.

Но у Токіо было одно огромное преимущество передъ Констан-

тинополемъ, а именно: его отдаленность отъ опасныхъ сосѣдей. Либеральное движеніе, во главѣ котораго стоялъ султанъ Мурадъ V и его государственные дѣятели, было подавлено въ самомъ началѣ тайнымъ, а затѣмъ открытымъ противодѣйствіемъ Россіи,—700.000 русскихъ штыковъ, которыхъ поддержали 60.000 румынъ, побѣда коихъ была подготовлена содѣйствіемъ всѣхъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Такимъ образомъ, пораженіе, нанесенное конституціонной и либеральной Турціи, значительно способствовало укрѣпленію неограниченнаго правленія Абдулъ-Гамида II. Но султанъ, носящій это имя, не есть, строго говоря, „національный продуктъ" Турціи; онъ есть продуктъ русской неограниченной реакціи, которой помогли балканскіе народы, эти борцы за свободу, которые тысячами возставали противъ тогдашней Турціи и образовали авангардъ русской самодержавной власти, тогда какъ Японіи посчастливилось объявить Россіи войну въ то время, когда всѣ ея реформы уже были окончены.

Этимъ объясняется отсталость турецкаго народа. Константинополь не имѣетъ огромнаго преимущества быть расположеннымъ на островахъ, но онъ обладаетъ другими выгодами, коими онъ можетъ воспользоваться, когда къ тому настанетъ время, а время это уже близится.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всего прочнѣе бываютъ тѣ реформы, которыя совершаются по иниціативѣ самого народа, а не представителей административной власти. Нынѣшній наслѣдникъ турецкаго престола, принцъ Решадъ, третій сынъ Абдула-Меджида II, могъ бы найти среди турецкой молодежи энергичныхъ пособниковъ для того, чтобы поставить имперію наравнѣ съ самыми цивилизованными державами,—чего не доставало султану Абдулъ-Меджиду въ то время, когда имъ былъ изданъ гульхане. Это передовое поколѣніе есть непосредственный продуктъ воздѣйствія Европы на современную Турцію.

Основанныя за послѣднія сорокъ лѣтъ высшія учебныя заведенія въ Константинополѣ, Мулькіэ, Сультаніэ, военная школа въ Панкальди, мореплавательная школа въ Халки, земледѣльческая школа въ Халкали, медицинскіе факультеты военнаго и гражданскаго вѣдомства, юридическій факультетъ и пр., и пр., гдѣ студенты получаютъ научное образованіе и знакомятся съ современными теченіями, переполнены слушателями и образовали цѣлый контингентъ молодыхъ людей, готовыхъ энергично бороться противъ всего ретрограднаго и пропагандировать либеральныя доктрины и прогрессивныя идеи.

Подъ вліяніемъ нѣсколькихъ поколѣній ученыхъ, писателей и другихъ тружениковъ пера, энергично стремящихся къ прогрессу и

реформамъ, усовершенствовался и самый турецкій языкъ; онъ сдѣлался болѣе гибкимъ и способнымъ передавать съ удивительной точностью всѣ оттѣнки самыхъ тонкихъ чувствъ, самыхъ сложныхъ и глубокихъ мыслей. Несмотря на страшный гнетъ цензуры, установленной нынѣшнимъ правительствомъ, ни одинъ языкъ, на которомъ говорятъ магометане, не сдѣлалъ за послѣднее время такихъ успѣховъ, какъ турецкій языкъ, на которомъ появилось не мало образцовыхъ произведеній, принадлежащихъ перу талантливѣйшихъ писателей.

Вмѣстѣ съ этими произведеніями современной литературы, распространятся въ Азіи великія идеи, преобразовавшія Европу и открывшія человѣчеству обширные горизонты. Въ странѣ накопился огромный запасъ потенціальной энергіи, которая можетъ проявиться во всякое время и будетъ способствовать возрожденію Востока, ибо не слѣдуетъ забывать, что мусульманскій міръ съ его трехсотъ милліоннымъ населеніемъ подчиняется нравственному воздѣйствію Константинополя.

Поэтому, можно смѣло сказать, что въ современномъ турецкомъ обществѣ существуетъ достаточно жизненныхъ элементовъ, и можно надѣяться, что народъ скоро проснется отъ вѣковой спячки, угрожавшей ему смертью.

Невольно вспоминаются при этомъ извѣстныя слова императора Николая I, которыми такъ часто злоупотребляли, но можно сказать, что въ настоящее время передъ лицомъ Европы находится не „больной человѣкъ“, стоящій на краю гроба, а колыбель здороваго, крѣпкаго младенца, котораго держали, правда, слишкомъ долго въ пеленкахъ, но изъ котораго разовьется сильный юноша, когда съ него будутъ сняты путы, которыя стѣсняли и атрофировали его члены.

Мы коснемся теперь самыхъ вопіющихъ язвъ современнаго положенія: тѣхъ внутреннихъ раздоровъ и междоусобій между турками и прочими національностями, которыя раздираютъ Турецкую имперію.

Прежде всего надобно оговориться, что за эти раздоры отвѣтственъ не турецкій народъ, а коварная политика правительства, которое народъ имѣлъ слабость терпѣть до настоящаго времени, и, во главѣ котораго стоятъ самые недостойные люди, набранные среди всѣхъ національностей, обитающихъ въ Турецкой имперіи.

Всѣ тѣ, кои считаютъ отвѣтственными за это турокъ, ставятъ имъ въ вину то, что они остаются косны и не подаютъ своего голоса въ то время, какъ христіанское населеніе возстаетъ противъ тиранніи султана.

Соціальная эволюція турецкой расы, которую мы прослѣдили, начиная съ ея колыбели, даетъ намъ возможность отвѣтить на это и представить вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ

1) Турки поселились въ Малой Азіи гораздо позже христіанъ, которые возстаютъ теперь противъ нихъ. Въ то время, когда началось переселеніе турокъ въ Малую Азію, армяне и славяне, а именно греки жили тамъ уже нѣсколько вѣковъ осѣдло и отличались довольно высокой культурой. А между тѣмъ, переходъ народа отъ кочеваго образа жизни къ осѣдлому, со всѣми связанными съ этимъ перипетіями, представляетъ самую трудную и медленную эволюцію.

2) Возставая противъ турецкаго правительства, христіанскіе народы находятъ поддержку внутри государства, въ тѣхъ религіозныхъ общинахъ, которыя всегда пользовались уваженіемъ турокъ и которыя представляютъ настоящія политическія организаціи; извнѣ они могутъ разсчитывать на сочувствіе своихъ западныхъ единовѣрцевъ.

Турки же не встрѣчаютъ поддержки ни внутри, ни извнѣ; у нихъ нѣтъ никакого политическаго центра, около котораго они могли бы сплотиться; они страдаютъ отъ тиранніи, которая угнетаетъ ихъ еще болѣе, чѣмъ все остальное населеніе имперіи, и вдобавокъ ихъ, угнетенныхъ, упрекаютъ въ томъ, что они являются угнетателями. Въ этомъ заключается вторая причина, вслѣдствіе которой турки медлятъ возстать противъ современнаго режима.

3) Не мусульманское населеніе возстаетъ противъ правительства, чуждаго ему по происхожденію, традиціямъ, нравамъ и религіи. Въ силу этой третьей, весьма важной причины, его политическая пропаганда и призывъ къ возстанію противъ тиранніи имѣютъ гораздо болѣе успѣха, нежели пропаганда турокъ; то обстоятельство, что они подвергаются преслѣдованію со стороны правительства, такъ же безспорно, какъ и глубокая разница, существующая между ихъ нравственными свойствами и свойствами этого правительства. Это различіе бросается всѣмъ занимавшимся безпристрастнымъ изученіемъ турецкаго вопроса.

Элизе Реклю говоритъ о туркахъ слѣдующее:

„Турокъ, не испорченный употребленіемъ власти, не униженный угнетеніемъ, есть безспорно одинъ изъ людей, которые производятъ наиболѣе пріятное впечатлѣніе совокупностью своихъ нравственныхъ качествъ. Онъ никогда не обманываетъ. Онъ честенъ, прямодушенъ, правдивъ. Этими именно качествами онъ вызываетъ насмѣшку или сожалѣніе у своихъ сосѣдей—грека, сирійца, персіанина, армянина. Очень солидарный со своими, онъ охотно дѣлится съ ними тѣмъ, что имѣетъ, но самъ никогда не проситъ; что бы тамъ ни говорили, злоупотребленіе „бакшишемъ“ гораздо болѣе велико въ Европѣ, нежели въ восточныхъ странахъ, кромѣ городовъ, гдѣ толпятся левантинцы. Есть ли хотя одинъ путешественникъ, даже между самыми гордыми, или самыми недовѣрчивыми, который не былъ бы глубоко

тронутъ сердечнымъ и безкорыстнымъ пріемомъ, оказаннымъ ему турецкими поселянами“.

И далѣе.

„Хотя турки и потомки расы завоевателей, среди которой набираются по-преимуществу чиновники правительства, но они не менѣе угнетены, чѣмъ другія національности Оттоманской имперіи, если не болѣе, потому что въ посольствахъ никто не заступается за нихъ, никто не ходатайствуетъ въ ихъ пользу“.

Говоря о системѣ откуповъ и причиняемомъ ею злѣ, Реклю присовокупляетъ:

„Налоги ложатся тяжелымъ бременемъ на бѣдныхъ османовъ, обремененныхъ, сверхъ того, многими другими повинностями. Когда проѣзжаютъ чиновники или проходятъ солдаты, поселяне обязаны доставлять все необходимое для удовлетворенія потребностей этихъ посѣтителей, и часто это вынужденное гостепріимство разоряетъ ихъ столько же, сколько разорилъ бы грабежъ настоящихъ разбойниковъ. Когда разнесется слухъ о предстоящемъ проѣздѣ чиновниковъ или военныхъ, жители деревень покидаютъ свои жилища и скрываются въ лѣса или горныя ущелья.

„Отбываніе воинской повинности лежитъ единственно на туркахъ, какъ будто султанъ желаетъ перемѣстить въ ущербъ своей расѣ центръ тяжести населенія имперіи; для народа, у котораго такъ сильно развиты семейныя чувства, этотъ налогъ крови особенно тяжелъ и ненавистенъ“.

Замѣтьте, эта мысль высказана не туркомъ, а европейскимъ мыслителемъ. Далѣе Реклю вынужденъ отмѣтить, что

„Съ давняго времени крикъ: „вонъ изъ Европы“, раздался не только противъ османскихъ правителей, но также противъ массы турецкой націи, и извѣстно, что это жестокосердое желаніе въ большей части уже осуществилось: сотнями тысячъ ушли въ Малую Азію эмигранты изъ греческой Ѳессаліи, изъ Македоніи, изъ Ѳракіи, изъ Болгаріи, и эти бѣглецы составляютъ лишь тотъ остатокъ тѣхъ несчастныхъ, которые должны были покинуть отеческіе дома. Этотъ походъ османлисовъ изъ Европы продолжается, и не прекратится безъ сомнѣнія, до тѣхъ поръ, пока вся нижняя Румелія не сдѣлается европейской страной по языку, нравамъ и обычаямъ. Но и въ самой Азіи имъ угрожаетъ та же участь. Поднимается новый зловѣщій крикъ: „въ степи“ и съ ужасомъ спрашиваешь себя, неужели и это слово должно исполниться? Неужели нѣтъ возможнаго примиренія между расами въ борьбѣ и неужели необходимо, чтобы единство цивилизаціи достигалось принесеніемъ въ жертву цѣлыхъ народностей, да еще такихъ, которыя отличаются самыми высокими нрав-

ственными качествами: прямотой, сознаніемъ собственнаго достоинства, мужествомъ, терпимостью".

Да, этотъ крестьянинъ, работающій безъ устали, платящій нѣсколько разъ въ годъ одинъ и тотъ же налогъ, не говоря уже о налогѣ крови, который онъ несетъ одинъ, настоящій турокъ, котораго постоянно преслѣдуетъ и тиранитъ его собственное правительство, котораго осуждаетъ общественное мнѣніе Европы, этотъ честный крестьянинъ, есть въ сущности истинный піонеръ цивилизаціи. Не менѣе достойны сочувствія его дѣти, которыя получаютъ въ школахъ современное воспитаніе и готовятъ ему въ будущемъ свободу, которая обезпечитъ ихъ человѣческое достоинство.

Такихъ людей не мало среди ссыльныхъ, коихъ правительство Абдулъ-Гамида II высылаетъ во всѣ части обширной имперіи; имъ нѣтъ счета, точно такъ же, какъ и жертвамъ, погибшимъ въ борьбѣ за свободу. Широко раскрываются двери тюремъ и темницъ передъ обыкновенными преступниками, но за ними надолго исчезаютъ представители той энергичной молодежи, которая стремится жить жизнью самыхъ цивилизованныхъ народовъ.

Европа жестоко заблуждается относительно стремленій и желаній современнаго поколѣнія турокъ. Къ чему оно стремится, чего оно требуетъ? Просто-на-просто свободы мыслить, работать, передвигаться, владѣть законными плодами своего труда и быть увѣреннымъ, что его жизнь и честь не зависятъ отъ прихоти и интриги.

Этихъ реформъ турки требуютъ не только для себя, но одинаково и для всѣхъ подданныхъ султана: для армянъ, грековъ, арабовъ, болгаръ, албанцевъ и прочихъ народовъ.

Они не только не осуждаютъ тѣхъ, кто пытается стряхнуть невыносимое и ненавистное иго нынѣшняго правительства, а, напротивъ, одобряютъ ихъ и обращаютъ вниманіе своихъ соотечественниковъ единственно на то, что для борьбы слѣдуетъ выбирать средства, которыя соотвѣтствовали бы той высокой цѣли, какую они себѣ поставили, и что необходимо отказаться отъ политики, которая ставитъ задачею, чтобы будущій либеральный режимъ былъ монополіей одной расы.

Какое раздирающее душу зрѣлище представляютъ кровавыя распри, происходящія на Балканскомъ полуостровѣ чуть не ежедневно между греками и болгарами, исповѣдующими одну и ту же вѣру? Еще недавно въ консульскихъ донесеніяхъ сообщалось, что на воспитанниковъ одной греческой школы напали болгары и, въ результатѣ происшедшаго между ними побоища, нѣкоторые изъ нихъ были вынесены замертво.

Нѣтъ, для того чтобы выказать себя достойными свободы, надобно дѣйствовать иначе. Но съ другой стороны, было бы ошибочно думать

что только чувство справедливости побуждаетъ насъ поддерживать недовольныхъ.

Мы убѣждены, что только уничтоженіе политическаго неравенства, при которомъ первое мѣсто отводится мусульманамъ, и вытекающаго изъ этого экономическаго неравенства, служащаго источникомъ всевозможнаго зла и порождающаго безконечную вражду, можетъ привести къ такому рѣшенію восточнаго вопроса, которое удовлетворитъ большинство.

Необходимо провести децентрализацію въ широкихъ размѣрахъ и упорядочить управленіе финансами.

Политическое неравенство исчезнетъ только тогда, когда въ мѣстное и государственное управленіе будетъ допущено большее число христіанъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшится число чиновниковъ мусульманъ; когда государственныя должности будутъ распредѣлены болѣе равномѣрно между турками и остальными національностями, сообразно относительной численности населенія.

Несправедливо было бы думать, что образованные турки относятся недоброжелательно къ этой реформѣ, которая будетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія; они считаютъ ее, напротивъ, даже болѣе необходимой для нихъ самихъ, нежели для прочихъ національностей, такъ какъ этимъ было бы устранено экономическое неравенство, отъ коего страдаетъ въ настоящее время турецкій народъ.

Чиновничество сдѣлалось бичемъ страны. Реформа, о которой мы говоримъ, дастъ множеству молодыхъ и образованныхъ турокъ, которые заняты исключительно государственной службой и обезличены ею, посвятить свои силы занятію земледѣліемъ, торговлею и промышленностью.

Турки, которые уже начали проявлять несвойственный имъ ранѣе духъ инициативы, сдѣлаются со временемъ болѣе настойчивы и упорны въ трудѣ. Турецкое общество покажетъ, вопреки существующему предразсудку, что оно дѣйствительно можетъ быть прогрессивнымъ обществомъ.

Если совершатся всѣ намѣченныя широкія реформы, то Балканскій полуостровъ не будетъ болѣе ареною тѣхъ страшныхъ потрясеній, которыя то и дѣло вызываютъ тревогу въ Европѣ. Небольшія государства не могутъ существовать предоставленныя своимъ собственнымъ силамъ, ибо они становятся, въ такомъ случаѣ, предметомъ алчныхъ вожделѣній всѣхъ и каждаго; они всегда должны опираться на болѣе могущественную державу, которая не имѣла бы желанія поглотить ихъ. Даже великія державы стремятся волей неволей къ другимъ великимъ державамъ, съ которыми онѣ заключаютъ союзы или вступаютъ въ дружественныя соглашенія.

На самомъ дѣлѣ, что же мы видимъ нынѣ?

Нѣкоторыя балканскія княжества вынуждены искать поддержки то у Австріи, то у Россіи. Это ведетъ къ безконечнымъ распрямъ и осложненіямъ, которыя то и дѣло угрожаютъ разразиться общеевропейской войною. Когда же Турція будетъ реорганизована, то этимъ княжествамъ не будетъ грозить никакой опасности ни съ политической, ни съ военной точки зрѣнія. Новая форма правленія будетъ способствовать ихъ мирному развитію, облегчивъ военное и финансовое бремя, тяготѣющее надъ каждымъ народомъ въ отдѣльности.

Никто не будетъ оспаривать того факта, что молодая Турція, несмотря на признанное всей Европой множество ея арміи, не стремится къ завоеваніямъ, ибо она знаетъ, что непрерывный рядъ побѣдъ, одержанныхъ ею въ прошломъ, является въ значительной степени источникомъ ея современнаго экономическаго упадка.

Такимъ образомъ, съ возрожденіемъ Турціи, въ южной Европѣ, которая освободится, наконецъ, отъ призрака восточнаго вопроса, водворится вновь благосостояніе, къ вящшей пользѣ всемірной цивилизаціи.

Ужасная система управленія, введенная Абдулъ-Гамидомъ, которую нельзя изобразить довольно яркими красками, расшатывается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ распространяются либеральныя идеи, принимая все болѣе и болѣе осязательныя формы.

Когда установится, наконецъ, тотъ образъ правленія, который просвѣщенная часть общества стремится ввести въ страну, Турція сдѣлается очень скоро важнымъ факторомъ прогресса и внесетъ европейскую культуру въ Азію и даже въ нѣкоторую часть Африканскаго материка.

Вторичное отреченіе Наполеона и Бѣлый терроръ[1]).

18 іюня 1815 г. парижане проснулись подъ грохотъ орудій изъ Дома Инвалидовъ. Всѣ поспѣшили въ Тюильри, Пале-Рояль, на Вандомскую площадь, чтобы узнать подробности одержанной побѣды. Въ Moniteur'ѣ появилась коротенькая депеша, всего въ шесть строкъ, отправленная 16 іюня вечеромъ, съ извѣстіемъ о рѣшительной побѣдѣ, одержанной императоромъ надъ арміями Веллингтона и Блюхера въ окрестностяхъ Линьи.

По словамъ очевидцевъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, „радость была неописуема; на всѣхъ лицахъ сіяла гордость“.

---

1) „La terreur blanche“, par Henry Houssaye.

День былъ воскресный, улицы и бульвары были переполнены народомъ. Люди останавливались группами и читали вслухъ „Прибавленіе“ къ Moniteur'у, отпечатанное на отдѣльномъ листкѣ, который раздавался публикѣ безплатно. Краткій бюллетень о побѣдѣ дополнялся самыми фантастическими подробностями; говорили, что Веллингтонъ взятъ въ плѣнъ, Блюхеръ смертельно раненъ; что 25.000 плѣнныхъ. Извѣстіе о побѣдѣ при Линьи, быстро разнесшееся въ провинціи, привело въ восторгъ патріотовъ, привлекло на сторону императора колебавшихся и повергло въ уныніе его противниковъ.

Но въ политическихъ кругахъ самые ярые приверженцы императора сомнѣвались въ значеніи одержанной побѣды и были встревожены тѣмъ, что не было получено обстоятельнаго бюллетеня о сраженіи.

Люсьенъ Бонапартъ, тревожимый мрачными предчувствіями, совѣтовалъ даже своему брату Іосифу не стрѣлять изъ орудій по случаю побѣды.

20 іюня, послѣ полудня, Іосифъ получилъ письмо, написанное Наполеономъ наканунѣ, во время остановки въ Филиппвилѣ, въ которомъ императоръ сообщалъ ему подробности бѣдствія, постигшаго его подъ Ватерлоо, и о своемъ немедленномъ возвращеніи въ Парижъ. Вмѣстѣ съ этимъ конфиденціальнымъ письмомъ было получено другое, которое Іосифъ долженъ былъ прочесть въ совѣтѣ министровъ; въ немъ сообщалось объ исходѣ сраженія съ нѣкоторыми недомолвками.

Роковое извѣстіе было получено одновременно принцессой Гортензіей, герцогомъ Ровиго и Лавалеттомъ. Замѣчательно, что никто изъ нихъ не обмолвился объ этомъ ни словомъ; только Фуше сообщилъ о пораженіи двумъ—тремъ пріятелямъ, такъ что въ тотъ вечеръ почти никто не зналъ о происшедшей катастрофѣ. Въ салонахъ, театрахъ, кафе, на бульварахъ и въ Пале-Роялѣ чувствовалась тревога; говорили, что въ Тюильри получены дурныя вѣсти, но никто не зналъ ничего опредѣленнаго. Даже въ домѣ Карно, у котораго собралось въ тотъ вечеръ нѣсколько близкихъ знакомыхъ, всѣ терялись въ догадкахъ и предположеніяхъ. Было уже поздно. Министръ, котораго всѣ засыпали вопросами, во избѣжаніе необходимости отвѣчать сѣлъ играть въ вистъ. Въ то время, какъ погруженный въ думы, онъ медленно и совершенно машинально тасовалъ карты, его партнеръ, баронъ Жерандо поднялъ на него глаза. Лицо Карно дышало грустью; его глаза были полны слезъ. Волненіе выдало его. Онъ всталъ, бросилъ карты и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Да, сраженіе проиграно!

На слѣдующій день, рано утромъ всѣ уже знали о постигшемъ несчастіи.

Фуше не былъ удивленъ побѣдою союзниковъ. Еще въ маѣ мѣсяцѣ онъ говорилъ Паскье: „императоръ выиграетъ одно или два сраженія, но проиграетъ третье; тогда настанетъ наша очередь съиграть роль“.

Эта роль заключалась въ томъ, чтобы, воспользовавшись пораженіемъ, свергнуть Наполеона съ престола.

Прикидываясь то возбужденнымъ, то подавленнымъ, смотря по настроенію собесѣдника, запугивая однихъ, воодушевляя другихъ, дѣлая видъ, что онъ соглашается со всѣми, и въ то же время заставляя всѣхъ присоединиться къ его взгляду, Фуше, съ чисто дьявольскимъ искусствомъ съумѣлъ сплотить людей самыхъ противуположныхъ взглядовъ и направить ихъ къ достиженію одной цѣли. Либераламъ, какъ напримѣръ, Лафайету онъ говорилъ: „Наполеонъ внѣ себя отъ ярости; онъ хочетъ распустить палату и учредить диктатуру. Допустите ли вы такой возвратъ къ деспотизму? Опасность велика. Черезъ нѣсколько часовъ палата прекратитъ свое существованіе. Нельзя ограничиваться однѣми фразами“.

Приверженцамъ императора, въ родѣ Реньо де Сен-Жанъ-д'Анжели онъ доказывалъ, что палата крайне возбуждена, и что большинство склоняется къ мысли низложить императора, какъ въ предыдущемъ году, намекая при этомъ, что императоръ могъ избѣгнуть этого, спасти страну отъ вторженія непріятеля и спасти свою династію только добровольнымъ отреченіемъ отъ престола. Монархи, начавшіе войну только для того, чтобы покончить съ императоромъ, навѣрно остановятъ свои войска, говорилъ онъ, и не откажутся признать Наполеона II, при этомъ герцогъ Отрантскій давалъ понять, что, имѣя тайныя сношенія съ Вѣною, онъ былъ въ этомъ почти увѣренъ. Другимъ бонапартистамъ, которыхъ было легче провести, онъ говорилъ предательски, что палата настроена очень патріотично и что, заботясь объ общемъ благѣ, она не откажетъ въ содѣйствіи Наполеону, если только онъ вполнѣ довѣрится ей, такъ какъ въ минуту столь великой опасности между императоромъ и народомъ должно существовать полное единодушіе. Своими происками Фуше достигъ того, что отреченіе Наполеона сдѣлалось почти неизбѣжнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обезпечилъ себя на тотъ случай, если бы событія приняли иной оборотъ. Если бы власть осталась въ рукахъ Наполеона, герцогъ Отрантскій нашелъ бы среди лицъ, близкихъ къ императору, убѣжденныхъ защитниковъ, несмотря на то, что онъ сдѣлалъ все возможное чтобы свергнуть его съ престола.

Въ то время какъ происходили эти происки и совѣщанія, 21 іюня, въ 8 часовъ утра, Наполеонъ пріѣхалъ въ Елисейскій дворецъ.

Его сопровождали Бертранъ, Друо, адъютанты Корбино, Гурго, Лабедойеръ, шталмейстеръ Канизи и второй секретарь Флери де Шабулонъ. Герцогъ Бассано, разставшись съ императоромъ въ Ланѣ, наканунѣ вечеромъ, пріѣхалъ въ Парижъ ранѣе его.

Коленкуръ, не ожидая часа, назначеннаго Іосифомъ Бонапартомъ для засѣданія совѣта министровъ, былъ въ Елисейскомъ дворцѣ съ ранняго утра. Онъ подбѣжалъ къ императору въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ экипажа. Наполеонъ видимо былъ совершенно измученъ пережитыми злополучными днями. Онъ дышалъ съ трудомъ. Его осунувшееся лицо было желто какъ воскъ; его прекрасные, нѣкогда столь блестящіе, обворожительные глаза, въ которыхъ сверкали молніи, были безжизненны. Съ тяжелымъ вздохомъ, въ которомъ сказалось страданіе и безъисходное горе, онъ произнесъ прерывающимся голосомъ:

— Армія сдѣлала чудеса, но ее охватила паника и все было потеряно. Ней велъ себя какъ безумецъ; по его винѣ истреблена вся моя кавалерія... Я изнемогаю... Мнѣ нужно отдохнуть часа два прежде, чѣмъ заняться дѣлами". Онъ схватился за грудь:

— Я задыхаюсь!

Приказавъ приготовить ванну, онъ продолжалъ:

— Какая роковая судьба! Побѣда три раза ускользала у меня изъ рукъ! Не будь измѣны, я бы застигъ непріятеля врасплохъ; я бы разбилъ его при Линьи, если бы правое крыло исполнило свой долгъ; я бы сокрушилъ его при Мон-Сен-Жанѣ, если бы лѣвое крыло... исполнило свой долгъ... Но не все еще потеряно! Я дамъ палатамъ отчетъ въ происшедшемъ. Я опишу имъ бѣдственное положеніе арміи; я потребую у нихъ средствъ, чтобы спасти родину. Надѣюсь, что появленіе непріятеля на французской землѣ вернетъ депутатамъ сознаніе ихъ долга и что мой искренній шагъ заставитъ ихъ сплотиться вокругъ меня. Послѣ этого я уѣду".

Послѣдніе три мѣсяца герцогъ Виченскій поддавался отчаянію; предчувствуя неизбѣжность катастрофы, онъ былъ готовъ покориться ей безъ борьбы, какъ чему-то роковому. Не сказавъ Наполеону ни слова въ утѣшеніе, въ коемъ онъ такъ нуждался, Коленкуръ поспѣшно сообщилъ ему о враждебномъ настроеніи депутатовъ, высказавъ опасеніе, что императоръ не встрѣтитъ поддержки въ палатахъ, и пожалѣлъ о томъ, что Наполеонъ не остался въ арміи, которая была „его силой и охраной".

Наполеонъ прервалъ его:—У меня нѣтъ болѣе арміи, у меня остались только одни бѣглецы!

Затѣмъ, поддаваясь снова надеждѣ, онъ продолжалъ, оживляясь:

— Но у меня будутъ люди и ружья. Все еще можетъ поправиться. Депутаты поддержатъ меня. Мнѣ кажется, вы судите о нихъ превратно. Большинство благонадежно и патріотично. Противъ меня только Лафайетъ и нѣсколько лицъ, которыхъ я стѣсняю. Они хотѣли бы дѣйствовать въ своихъ личныхъ интересахъ. Но я этого не допущу. Мое присутствіе сдержитъ ихъ.

Простившись съ Коленкуромъ, императоръ пошелъ брать ванну. Онъ уже сидѣлъ въ ней нѣсколько минутъ, когда ему доложили о пріѣздѣ Даву. Наполеонъ приказалъ ввести его. Когда генералъ вошелъ, императоръ поднялъ обѣ руки кверху и опустилъ ихъ какъ плети въ воду, забрызгавъ мундиръ маршала.

— Ну что же! Даву! ну что же!—воскликнулъ онъ.

Затѣмъ онъ описалъ постигшее его бѣдствіе и разгромъ арміи и горько жаловался, такъ же точно, какъ Коленкуру, на князя Нея. Даву защищалъ Нея:

— Служа вашему величеству, онъ не щадилъ себя, сказалъ онъ. Императоръ прервалъ его:

— Что же будетъ дальше?

— Еще ничего не потеряно, отвѣчалъ Даву, если только ваше величество поспѣшите принять энергическія мѣры. Прежде всего необходимо отложить засѣданіе палатъ, такъ какъ враждебное настроеніе палаты депутатовъ, доходящее до страстности, парализуетъ дѣйствія людей наиболѣе преданныхъ вашему величеству.

Въ то время какъ эти переговоры происходили въ Елисейскомъ дворцѣ, депутаты съ ранняго утра собрались въ корпуса, наполнили всѣ залы и кулуары и громко высказывали свое негодованіе по адресу Наполеона. Возбужденіе росло; тѣмъ болѣе, что агенты Фуше передавали слухъ, будто императоръ намѣренъ распустить палаты и объявить себя диктаторомъ.

Когда этотъ слухъ былъ подтвержденъ Реньо, пріѣхавшимъ изъ совѣта министровъ, Лафайетъ рѣшилъ предупредить этотъ шагъ и съ этой цѣлью поспѣшилъ открыть засѣданіе, несмотря на то, что было всего четверть перваго; засѣданія же палаты начинались обыкновенно въ два часа.

Во время чтенія протокола, депутаты сидя на скамьяхъ и стоя на ступеняхъ амфитеатра продолжали одушевленно бесѣдовать. Въ обширномъ залѣ стоялъ неясный гулъ многочисленныхъ голосовъ. Мгновенно все умолкло. На трибуну взошелъ Лафайетъ.

Спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, къ которому всѣ прислушивались со вниманіемъ, граничившимъ съ благоговѣніемъ, онъ произнесъ: „впервые послѣ многихъ лѣтъ, я чувствую себя обязаннымъ

указать вамъ на опасность, угрожающую отечеству и которую вы одни можете предотвратить... Позвольте, господа, ветерану священнаго дѣла борьбы за свободу, представить на ваше обсужденіе нѣсколько пунктовъ, которые должны быть приняты немедленно и неотложность которыхъ, надѣюсь, вы вполнѣ поймете: пунктъ I. Палата депутатовъ заявляетъ, что независимости народа угрожаетъ опасность. Пунктъ II. Палата засѣдаетъ непрерывно. Всякая попытка распустить ее будетъ считаться государственнымъ преступленіемъ; виновный въ таковой попыткѣ будетъ объявленъ врагомъ отечества и какъ таковой будетъ подлежать суду. Пунктъ III. Армія и національная гвардія оказали важныя услуги отечеству. Пунктъ IV. Министру внутреннихъ дѣлъ предлагается укомплектовать до полнаго состава парижскую національную гвардію, состоящую изъ истинныхъ гражданъ, коихъ патріотизмъ и усердіе, испытанные за послѣднія двадцать шесть лѣтъ, даютъ прочную гарантію свободы, собственности, спокойствія столицы и неприкосновенности личности представителей народа. Пунктъ V. Министры военный, иностранныхъ, внутреннихъ дѣлъ и полиціи приглашаются безотлагательно прибыть въ собраніе".

Рѣчь Лафайета была покрыта громомъ апплодисментовъ. Первые три пункта были приняты безъ преній.

Наполеонъ, не нашедшій въ себѣ достаточно энергіи, чтобы дѣйствовать рѣшительно и предупредить это постановленіе, явившись въ палату до полудня, продолжалъ обсуждать съ совѣтомъ планъ новаго похода, когда ему донесли о предложеніи, сдѣланномъ въ палатѣ Лафайетомъ и о томъ, что оно было принято депутатами.

Съ быстротою молніи, императоръ взвѣсилъ всѣ послѣдствія этого факта.

— Мнѣ слѣдовало распустить этихъ господъ до моего отъѣзда, сказалъ онъ. Теперь все кончено. Они погубятъ Францію!

Таково же было впечатлѣніе, произведенное этимъ сообщеніемъ на министровъ. Подкупленные пламеннымъ краснорѣчіемъ императора, они одобряли его обширные планы; теперь они поняли всю ихъ несостоятельность.

Самъ Даву, горячо совѣтовавшій принять не только энергичныя, но въ случаѣ надобности насильственныя мѣры, сробѣлъ и испугался незаконности этихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что если бы палату пришлось распустить силою, то это порученіе было бы возложено на него, военнаго министра. Онъ побоялся отвѣтственности.

— Моментъ энергичныхъ дѣйствій упущенъ, сказалъ онъ. Рѣшеніе представителей народа противорѣчитъ конституціи, но это

фактъ совершившійся. При настоящихъ обстоятельствахъ, нельзя льстить себя надеждою повторить 18 брюмера. Что касается меня, я отказался бы быть орудіемъ въ этомъ дѣлѣ.

Право оказалось на сторонѣ тѣхъ, кто нарушилъ законъ. Наполеонъ, часъ тому назадъ, обладавшій всею полностью законной власти, былъ обезоруженъ.

Послѣ минутнаго раздумья императоръ сказалъ:

— Я вижу, что Реньо былъ правъ. Если нужно, я отрекусь отъ престола. Впрочемъ, прежде нежели принять какое-либо рѣшеніе, нужно обдумать, что изъ этого выйдетъ.

Онъ приказалъ Реньо возвратиться въ палату и успокоить представителей.

— Скажите имъ, что армія, одержавшая блестящія побѣды, была охвачена паникою; что она сосредоточивается, что я пріѣхалъ въ Парижъ для того, чтобы обсудить совмѣстно съ министрами и палатами способы возстановить матеріальную часть арміи и законодательныя мѣры, какихъ требуютъ обстоятельства, что совѣтъ обсуждаетъ эти мѣры, которыя будутъ представлены на утвержденіе палатъ.

Наскоро составленная въ этомъ смыслѣ записка, переписанная въ двухъ экземплярахъ, была вручена Карно для прочтенія въ палатѣ пэровъ и Реньо—для сообщенія палатѣ депутатовъ.

Въ палатѣ депутатовъ заявленіе императора было выслушано при гробовомъ молчаніи, палата не измѣнила своего постановленія, о чемъ и было доведено до свѣдѣнія палаты пэровъ, и послѣдняя присоединилась къ высказаннымъ депутатами чувствамъ и къ сдѣланному ими постановленію.

Императору доносили ежеминутно о томъ, что́ происходило въ законодательномъ корпусѣ и въ Люксембургскомъ дворцѣ.

Измѣна верхней палаты, на которую Наполеонъ впрочемъ не особенно разсчитывалъ, зная, что она не имѣла никакого вліянія, такъ же точно, какъ и сенатъ, не разстроила его планы, но глубоко опечалила его; требованіе палаты депутатовъ, чтобы министры явились въ ея засѣданіе, привело его въ негодованіе.

— Я запрещаю вамъ тронуться съ мѣста, сказалъ онъ.

Однако приходилось либо прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, чего императоръ отнюдь не хотѣлъ, либо уступить. Послѣ долгихъ колебаній, Наполеонъ разрѣшилъ министрамъ отправиться въ законодательный корпусъ, но для того чтобы не показать, что они повиновались крамольному приказанію палаты, министрамъ было дано порученіе: передать депутатамъ отъ имени императора второе посланіе.

Воспользовававшись тѣмъ, что императоръ, по дополнительной статьѣ конституціи, имѣлъ право посылать въ парламентъ замѣстителя по своему собственному выбору, Наполеонъ послалъ съ министрами принца Люсьена Бонапарта, въ качествѣ своего уполномоченнаго. Видя, что министры совершенно пали духомъ и относились ко всему безучастно, Наполеонъ сомнѣвался, чтобы они могли отстоять его права, и желая обратиться послѣдній разъ къ патріотизму палатъ, онъ болѣе разсчитывалъ на усердіе и твердость своего брата.

— Ступайте, сказалъ онъ, напомните имъ о благѣ Франціи, которое должно быть дорого всѣмъ ея представителямъ. Когда вы возвратитесь, я приму рѣшеніе, какое предпишетъ мнѣ долгъ.

Было шесть часовъ, когда Люсьенъ Бонапартъ вошелъ въ зало засѣданій въ сопровожденіи министровъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, военнаго и министра полиціи.

Депутаты были взволнованы слухомъ о томъ, что несмѣтная толпа народа, собравшаяся около Елисейскаго дворца, громкими криками выражала свое сочувствіе императору.

Говорили, будто отдано приказаніе вызвать часть гвардіи и два баталіона стрѣлковъ и двинуть ихъ противъ палаты. Когда въ зало вошелъ принцъ Люсьенъ, бывшій 18-го брюмера предсѣдателемъ совѣта пятисотъ, невольная дрожь охватила присутствующихъ; всѣ взоры обратились къ входу, какъ бы желая увидѣть, не блестятъ ли за спиною императорскихъ посланцевъ штыки. Но, увидавъ смущенное лицо Люсьена Бонапарта и невозмутимость Фуше, собраніе успокоилось.

Люсьенъ прочелъ императорское посланіе, въ которомъ говорилось о необходимости возобновить переговоры, миръ, если это окажется совмѣстимымъ съ независимостью и достоинствомъ націи, и о томъ, что принцу Люсьену и министрамъ было приказано дать палатѣ всѣ объясненія, какихъ она потребуетъ.

„Намъ необходимо дѣйствовать въ самомъ тѣсномъ единеніи“, заканчивалъ императоръ свое посланіе, „и я разсчитываю на содѣйствіе и патріотизмъ палатъ и на ихъ преданность моей особѣ“.

Люсьенъ закончилъ чтеніе, призывая политическія партіи къ тѣсному единенію; затѣмъ на каѳедру входили по очереди Даву, Коленкуръ и Карно, давшіе довольно робко нѣсколько оптимистическихъ справокъ относительно военныхъ средствъ страны и ея дипломатическихъ надеждъ.

Жэ, креатура Фуше, просилъ слова:

— Я не заблуждаюсь на счетъ опасности, которая можетъ угрожать мнѣ,—сказалъ онъ напыщенно,—въ томъ случаѣ, если предло-

женіе, которое будетъ мною сдѣлано, не будетъ поддержано палатой. Но, хотя бы меня постигла участь бывшихъ депутатовъ жиронды, я не отступлю предъ своимъ долгомъ. Но предварительно я обращаюсь къ г. президенту съ просьбою просить г.г. министровъ высказать откровенно, можетъ ли Франція, по ихъ мнѣнію, противустоять соединеннымъ силамъ Европы, и не является ли присутствіе Наполеона непреодолимымъ препятствіемъ къ заключенію мира?

Вопросъ этотъ былъ предложенъ Фуше устами своего клеврета Жэ. Онъ самъ и отвѣтилъ на него. Въ то время какъ смущенные министры смотрѣли другъ на друга вопросительно, Фуше, не давъ имъ времени принять какое-либо рѣшеніе, сказалъ небрежно, что „министрамъ ничего не остается добавить къ сдѣланнымъ ими заявленіямъ".

Воспользовавшись этимъ, Жэ обратился къ министрамъ съ рѣчью, въ которой изобразилъ армію разрозненною, истощенною, неспособною энергично противустоять непріятелю, который усиливался ежедневно; онъ напомнилъ о воззваніи союзныхъ монарховъ, въ которомъ говорилось, что они заключили союзъ не противъ независимой французской націи, а единственно противъ Наполеона.

Поощряемый молчаливымъ одобреніемъ палаты, Жэ обратился затѣмъ къ Люсьену Бонапарту:

— Принцъ, вы выказывали всегда въ вашихъ поступкахъ истинное благородство, не забудьте же, что вы французъ, что любовь къ родинѣ должна стоять выше всего. Вернитесь къ вашему брату, скажите ему, что собраніе народныхъ представителей ожидаетъ отъ него такого рѣшенія, которое сдѣлаетъ ему современемъ болѣе чести, нежели его многочисленныя побѣды; скажите ему, что, отказавшись отъ власти, онъ можетъ спасти Францію, которая принесла ему такія большія и тяжкія жертвы.

Когда Люсьенъ Бонапартъ возвратился въ Елисейскій дворецъ, императоръ обѣдалъ одинъ въ присутствіи принцессы Гертензіи. Когда Гортензія совѣтовала ему, для обезпеченія себя въ будущемъ, написать императору австрійскому или царю, то Наполеонъ воскликнулъ:

— Я ни за что не буду писать моему тестю. Я слишкомъ золъ на него за то, что онъ отнялъ у меня жену и сына. Это было слишкомъ жестоко! Что касается Александра, то онъ дѣйствуетъ единолично, своей собственной властью; если же я буду доведенъ до этой крайности, то я предпочту обратиться къ народу,—къ Англіи.

Въ тотъ же день вечеромъ, принцы Іосифъ и Люсьенъ, министры и десять делегатовъ объ обѣихъ палатъ собрались подъ предсѣдательствомъ Камбасереса, въ залѣ государственнаго совѣта въ Тюиль-

рійскомъ дворцѣ, для обсужденія средствъ къ обезпеченію общественной безопасности.

Пренія были весьма оживленныя; присутствующіе разгорячились. Лафайетъ воспользовался этимъ, чтобы коснуться вопроса объ отреченіи императора.

Несмотря на настойчивое требованіе нѣкоторыхъ лицъ, Камбасересъ рѣшительно отказался поставить подобное предложеніе на голосованіе.

Собраніе разошлось въ три часа по полуночи, въ твердой увѣренности, что наступавшій день долженъ былъ ознаменоваться паденіемъ Наполеона.

Наполеонъ провелъ ночь на 22 іюня въ глубокомъ раздумьи. Отречься отъ престола, или опираясь на свои конституціонныя права обуздать парламентъ? Такова была представлявшаяся ему дилемма. Былъ моментъ, когда императоръ остановился на мысли распустить палаты и отправиться съ этой цѣлью рано утромъ съ министрами въ Тюильрійскій дворецъ, вызвавъ для охраны его находившіяся въ Парижѣ гварейскія и линейныя войска, волонтеровъ и нѣсколько баталіоновъ національной гвардіи. Въ Тюильри императоромъ былъ бы подписанъ декретъ о распущеніи палаты, который былъ бы немедленно сообщенъ депутатамъ. Въ случаѣ сопротивленія съ ихъ стороны, пришлось бы прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Но это были однѣ мечты, а не твердо принятое опредѣленное рѣшеніе.

Какъ только императоръ всталъ, къ нему явились Коленкуръ, Реньо, Ровиго и Лавалеттъ. Они доказывали ему необходимость отречься отъ престола. Онъ уже примирился къ тому времени съ этой мыслью.

— Я ничего не могу сдѣлать одинъ. Губя меня, люди думаютъ спасти самихъ себя, но они жестоко ошибаются, повторилъ онъ съ грустью.

Было около полудня. Засѣданіе было прервано. Лафайетъ, о чемъ-то оживленно говорившій съ нѣсколькими лицами, обратился неожиданно къ Люсьену Бонапарту и сказалъ рѣзко:

— Скажите вашему брату, чтобы онъ прислалъ намъ свое отреченіе; иначе мы пошлемъ ему актъ о его низложеніи.

— А я, возразилъ Люсьенъ, пошлю къ вамъ Лабедойера съ гвардейскимъ батальономъ!

Тщетная угроза, которая не могла уже испугать Лафайета и въ дѣйствительность которой менѣе всего вѣрилъ самъ Люсьенъ Бонапартъ.

Депутаты возобновили свое засѣданіе, чтобы выслушать Даву, который былъ присланъ императоромъ съ извѣстіями, только-что по-

лученными изъ арміи. Хотя извѣстія эти были довольно благопріятныя, но они не произвели ожидаемаго впечатлѣнія; Даву заподозрили даже въ сообщеніи ложныхъ свѣдѣній. Засѣданіе было прервано среди неистоваго шума.

Тѣмъ временемъ Реньо, разъѣзжавшій взадъ и впередъ изъ зданія Законодательнаго корпуса въ Елисейскій дворецъ, явился къ императору, у котораго находились въ ту минуту министры и принцы Іосифъ и Люсьенъ, и передалъ ему, что сообщеніе, сдѣланное Даву, вызвало неудовольствіе палаты, что нетерпѣніе и раздраженіе депутатовъ возрастало съ каждымъ мгновеніемъ, что онъ слышалъ даже и угрозы. Это было равносильно напоминанію, что побѣжденному монарху былъ данъ всего часъ на то, чтобы исполнить требованіе собранія.

Наполеонъ вскипѣлъ негодованіемъ.

— Если меня хотятъ принудить силою,—воскликнулъ онъ голосомъ, дрожавшимъ отъ негодованія,—то я не отрекусь отъ престола. Палата есть собраніе якобинцевъ, сумасбродныхъ головъ и честолюбцевъ. Мнѣ слѣдовало объявить ихъ измѣнниками и разогнать ихъ. Потерянное время можно еще наверстать.

Онъ расхаживалъ большими шагами по кабинету и прилегавшей террасѣ, говорилъ вслухъ, произносилъ безсвязныя, непонятныя слова. Нѣсколько успокоившись, онъ остановился; глаза его стали мягче.

— Ваше величество,—сказалъ тогда Реньо,—умоляю васъ, не пытайтесь долѣе бороться противъ непобѣдимой силы вещей. Время идетъ, непріятель приближается. Не дайте палатѣ и народу возможности обвинить васъ въ томъ, что вы явились препятствіемъ къ заключенію мира. Въ прошломъ году вы принесли себя въ жертву для общаго спасенія.

Гнѣвъ императора смѣнился досадой. Онъ сказалъ угрюмо:

— Я подумаю. Я не имѣлъ въ мысляхъ отказываться подписать отреченіе, но пусть мнѣ дадутъ обдумать это спокойно.

Наконецъ, рѣшеніе было принято; Наполеонъ продиктовалъ Люсьену Бонапарту актъ отреченія, обращенный не къ представителямъ народа, коихъ онъ игнорировалъ, а къ самому французскому народу. Отказываясь отъ престола и отъ всѣхъ своихъ правъ, Наполеонъ не выговорилъ себѣ никакихъ гарантій, никакихъ условій, которыя обезпечивали бы его личную безопасность. Карно и Реньо, крайне изумленные тѣмъ, что онъ не упомянулъ даже о своемъ сынѣ, замѣтили ему это и настоятельно просили отречься не иначе, какъ въ пользу императорскаго принца.

На замѣчанія одного изъ присутствующихъ, что необходимо устранить Бурбоновъ, императоръ воскликнулъ:

— Бурбоны!... Ну, по крайней мѣрѣ, они не будутъ находиться подъ ферулой Австріи.

Однако, онъ уступилъ, приказавъ приписать:

— Провозглашаю моего сына императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона II. Принцы Іосифъ и Люсьенъ и теперешніе министры образуютъ временно государственный совѣтъ. Забота о благѣ моего сына побуждаетъ меня предложить палатамъ издать немедленно законъ объ учрежденіи регентства.

Палата выслушала чтеніе этого акта въ глубокомъ молчаніи, а когда Ренье, въ прочувствованной рѣчи, превознесъ величіе принесенной Наполеономъ жертвы и предложилъ бюро палаты отправиться къ императору, чтобы выразить ему благодарность отъ имени французскаго народа, то его предложеніе было принято восторженно.

Члены бюро отправились въ Елисейскій дворецъ; императоръ принялъ эту депутацію, въ составъ которой вошли его враги, Ланжюинэ, Лафайетъ, Фложеръ, не только холодно, но и сурово. За ихъ вѣжливыми подходящими къ случаю рѣчами онъ угадывалъ ихъ истинныя мысли.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ,—за выраженныя вами чувства. Я желалъ бы, чтобы мое отреченіе могло послужить ко благу Франціи, но я на это не разсчитываю; государство остается безъ главы, безъ политическаго существованія. Время, употребленное на то, чтобы ниспровергнуть монархію, могло бы быть употреблено на приведеніе Франціи въ такое состояніе, чтобы она могла побѣдить непріятеля... Надобно какъ можно скорѣй послать подкрѣпленіе арміи. Тотъ, кто хочетъ мира, долженъ готовиться къ войнѣ. Не отдавайте эту великую націю во власть побѣдителя. Бойтесь, чтобы вамъ не пришлось обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, въ этомъ вся опасность.

Произнеся эти пророческія слова, Наполеонъ присовокупилъ, что онъ поручаетъ своего сына Франціи и надѣется, что страна не забудетъ того, что онъ отрекся отъ престола только въ его пользу.

— Ваше величество, холодно отвѣтилъ Ланжюинэ, палата подвергла обсужденію только самый фактъ отреченія, я почту своимъ долгомъ передать ей желаніе вашего величества

Въ засѣданіи палаты пэровъ, начавшемся въ половинѣ третьяго, присутствовали Люсьенъ и Іосифъ Бонапартъ, кардиналъ Фешъ и самые преданные сторонники императора. Они надѣялись, что имъ удастся добиться провозглашенія императоромъ Наполеона II.

„Если подобное рѣшеніе было бы принято верхней палатой,—думали они,—то, упираясь на него, императоръ могъ бы добиться, чтобы палата депутатовъ признала права его сына; иначе онъ могъ бы взять обратно свое отреченіе“. Послѣ того, какъ Ласепедъ, посланный

палатою въ Елисейскій дворецъ, чтобы „выразить Наполеону признательность за доблестный шагъ, коимъ онъ закончилъ доблестное политическое поприще“, доложилъ о посѣщеніи Наполеона,—Люсьенъ воскликнулъ:

— Императоръ скончался.—Да здравствуетъ императоръ!—Императоръ отрекся отъ престола.—Да здравствуетъ императоръ!—Между кончиною или отреченіемъ императора и вступленіемъ на престолъ его преемника не можетъ быть промежутка, я требую, чтобы, во исполненіе конституціи, палата пэровъ, безъ преній, единогласно и добровольно провозгласила Наполеона II императоромъ французовъ. Я первый подаю къ тому примѣръ и присягаю ему на вѣрность.

Отстаивая права молодаго принца, Люсьенъ заботился вмѣстѣ съ тѣмъ и о себѣ, такъ какъ, въ силу конституціи, провозглашеніе Наполеона II влекло за собою учрежденіе совѣта регентства, въ которомъ засѣдали бы, разумѣется, братья императора.

Пылкая рѣчь Люсьена не только не увлекла собраніе, но вызвала ропотъ. Противъ его предложенія говорилъ Понтекуланъ. Онъ спросилъ, по какому праву Люсьенъ говорилъ передъ палатой.

— Развѣ онъ французъ? Я не считаю его таковымъ. Онъ ссылается на конституцію, между тѣмъ онъ не имѣетъ конституціонныхъ правъ. Онъ принцъ римскій, а Римъ не принадлежитъ болѣе къ французской территоріи.

— Я готовъ на это отвѣчать,—возразилъ Люсьенъ, который могъ бы привести въ свое оправданіе весьма вѣскіе аргументы.

Но Понтекуланъ прервалъ его:

— Вы отвѣтите послѣ, принцъ; уважайте принципъ равенства, чему вы неоднократно подавали примѣръ.

Перейдя затѣмъ къ дѣлу по существу, Понтекуланъ продолжалъ:

— Ораторъ требуетъ невозможнаго. Мы не можемъ присоединиться къ его взгляду, не потерявъ во мнѣніи общества, не нарушивъ нашего долга и не измѣнивъ отечеству. Я заявляю, что я никогда не признаю королемъ ребенка, не признаю своимъ монархомъ лицо, не живущее во Франціи. Принять подобное рѣшеніе было бы равносильно пресѣчь всякую возможность къ переговорамъ.

Люсьенъ возразилъ:

— Если я не французъ въ вашихъ глазахъ, то я французъ въ глазахъ всего народа. Коль скоро Наполеонъ отрекается отъ престола, ему наслѣдуетъ его сынъ. Не будемъ спрашивать мнѣнія иностранцевъ. Признавъ Наполеона II императоромъ, мы исполняемъ свой долгъ, мы призываемъ на престолъ того, кто долженъ вступить на него въ силу конституціи и воли народа.

— Я предвидѣлъ это затрудненіе,—сказалъ простодушно Буасси Дангла и присовокупилъ:

— Будемъ дѣйствовать послѣдовательно. Мы рѣшили единогласно, что императоръ долженъ отречься отъ престола, остается избрать временное правительство. Я надѣюсь, что мы остановимъ иностранныя войска, но мы не должны лишить себя возможности вести съ ними переговоры.

Это было откровенное признаніе факта, на который Понтекуланъ только намекнулъ, а именно, что верхняя палата помирилась съ мыслью принять монарха изъ рукъ побѣдителя.

Возмущенный этимъ недостаткомъ патріотической порядочности, молодой генералъ Лабедойеръ вскочилъ съ мѣста и такъ поспѣшно взобрался на трибуну, какъ будто онъ хотѣлъ взять ее приступомъ. Онъ былъ страшно возбужденъ.

— Я повторяю еще разъ сказанное мною сегодня утромъ!—воскликнулъ онъ.—Наполеонъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына; его отреченіе будетъ недѣйствительно, совершенно недѣйствительно, если Наполеонъ II не будетъ сію же минуту провозглашенъ императоромъ. Но кто же возстаетъ противъ этого? Тѣ люди, кои преклонялись всегда передъ властью и которые съумѣли такъ же ловко отвернуться отъ императора, какъ ловко они умѣли льстить ему. Я видѣлъ этихъ людей около трона, у ногъ монарха въ то время, когда ему улыбалось счастье. Теперь, когда его постигло несчастье, они покидаютъ его! Они отворачиваются отъ Наполеона II потому, что они спѣшатъ подчиниться закону иноземцевъ, коихъ они величаютъ уже союзниками, быть можетъ, даже друзьями!

Никогда еще поступки царедворцевъ-измѣнниковъ не были заклеймены такъ заслуженно. При каждомъ словѣ, которымъ ихъ бичевалъ Лабедойеръ, бросая имъ въ лицо новыя обвиненія, раздавались гнѣвныя восклицанія и слышался угрожающій ропотъ: „Къ порядку! къ порядку! Довольно! Долой съ трибуны!“ По мѣрѣ того, какъ усиливался шумъ, голосъ энергичнаго Лабедойера раздавался все громче, покрывая всѣ остальные. Онъ продолжалъ говорить, прерываемый гнѣвными восклицаніями, которыя заглушали иногда его слова.

— Да, — продолжалъ Лабедойеръ, — отреченіе Наполеона тѣсно связано съ провозглашеніемъ его сына; если мы откажемся сдѣлать это, Наполеонъ будетъ вынужденъ обнажить мечъ. На его сторонѣ будутъ всѣ благородные люди, и горе тѣмъ презрѣннымъ генераламъ, которые покинули его и замышляютъ, быть можетъ, сію минуту новую измѣну. Какъ! Всего нѣсколько дней тому назадъ, передъ лицомъ Европы, передъ собравшимися представителями Франціи вы клялись защищать его! Гдѣ же эти клятвы, это упоеніе, тысячи избирателей? Но они будутъ снова на сторонѣ Наполеона, если будетъ заявлено, какъ я на томъ настаиваю, что всякій французъ, измѣнившій импе-

ратору, будетъ подлежать законному суду; что его имя будетъ предано позору, его имущество конфисковано, его семья осуждена на изгнаніе! Тогда не будетъ болѣе измѣнниковъ, не будетъ болѣе происковъ, вызвавшихъ послѣднія несчастныя событія, дѣятели которыхъ засѣдаютъ, быть можетъ, среди насъ.

Произнеся эти слова, Лабедойеръ бросаетъ молніеносный взглядъ на злополучнаго маршала Нея. Поднимается страшный гамъ. Всѣ депутаты вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, крича: „Къ порядку, къ порядку“. Слышатся негодующіе возгласы.

— Возьмите свои слова назадъ!—кричитъ повелительнымъ тономъ генералъ Валансъ.

— Молодой человѣкъ, вы забываетесь!—говоритъ Массена.

— Вы воображаете, что вы находитесь въ кордегардіи!—кричитъ графъ Ламетъ.

Ласепедъ призываетъ къ порядку. Но Лабедойеръ хочетъ говорить еще. Съ искаженнымъ лицомъ и дрожащими губами, онъ не боится поднятой имъ бури; его красивые сѣрые глаза мечутъ молніи. Президентъ накрываетъ голову; всѣ кидаются къ трибунѣ и стаскиваютъ съ нея Лабедойера, который клеймитъ палату, бросая на ходу:

— Великій Боже, и такъ рѣшено,—въ этихъ стѣнахъ могутъ раздаваться только подлые голоса!

Около пяти часовъ дня, въ городѣ разнесся слухъ объ отреченіи императора. Эта вѣсть, которая должна была, по мнѣнію его враговъ, обрадовать многочисленныхъ мирныхъ гражданъ, вызвала неистовый гнѣвъ толпы.

— Нѣтъ, нѣтъ! Отреченіе императора невозможно! Это измѣна!—слышалось въ толпѣ. Какъ допустилъ императоръ, чтобы палаты низвергли его, тогда какъ ему слѣдовало распустить ихъ? Министры измѣнники. У насъ не будетъ короля римскаго, намъ придется испытать месть Бурбоновъ.—Да здравствуетъ императоръ!

На улицѣ происходили побоища; всякаго, заподозрѣннаго за неосторожное слово или улыбку въ приверженности къ королю, избивали и поносили. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толпу разгоняли патрули національной гвардіи. На Вандомской площади человѣкъ двѣсти или триста преклонили колѣна передъ колонной и поклялись умереть за Наполеона.

Народъ не могъ примириться съ унизительной мыслью, что Франція не сдѣлаетъ попытки отомстить за нанесенное ей пораженіе. Сознавая, что это пораженіе было великимъ несчастіемъ, народъ былъ увѣренъ въ томъ, что, дѣйствуя энергично и смѣло, „можно было спасти Францію такъ же точно, какъ въ 93 году“. Толпа, руководствуясь тайнымъ инстинктомъ, который замѣняетъ нерѣдко разумъ,

вѣрила, что только Наполеонъ могъ сплотить еще разъ французовъ, организовать оборону и одержать побѣду; она чувствовала, что палаты, добившись отреченія императора, въ надеждѣ, что этимъ удастся остановить союзныхъ монарховъ, сдѣлались жертвою заблужденія; народъ понималъ, что отреченіе Наполеона, лишивъ оборону ея главы, будетъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вступленіе во Францію иноземныхъ войскъ и реставрацію Бурбоновъ.

Буржуазія, со своей стороны, также была увѣрена, что Бурбоны возвратятся вторично подъ охраною иноземныхъ штыковъ. Но она мирилась съ этимъ.

Бонапартисты были побѣждены, уничтожены и, повидимому, не могли уже оказать никакого противодѣйствія. Приверженцы короля ожидали своего монарха. Либералы, горюя о побѣдѣ союзниковъ, радовались вмѣстѣ съ тѣмъ паденію Наполеона. Они считали его самымъ опаснымъ врагомъ свободы и полагали, что при Людовикѣ XVIII ей будетъ угрожать менѣе опасности. Что касается огромнаго большинства лицъ, которыя, не имѣя опредѣленныхъ взглядовъ, судятъ о событіяхъ съ точки зрѣнія своихъ личныхъ интересовъ, то твердая надежда на скорое заключеніе мира и на вступленіе жизни въ обычную колею служила имъ утѣшеніемъ при мысли, что въ Парижѣ снова появились пруссаки и казаки. 21-го іюня, въ день полученія прискорбнаго извѣстія о пораженіи французской арміи, рента поднялась на 2 франка; 22-го іюня, въ день отреченія Наполеона, она поднялась еще на 4¹/₂ франка. Это обидное, но вполнѣ логическое обстоятельство вызвало негодованіе патріотовъ, они обвиняли въ этомъ приверженцевъ короля, хотя, въ сущности, это было дѣломъ спекуляціи.

„Повѣришь ли,—читаемъ въ одномъ письмѣ, писанномъ въ тотъ вечеръ,—рента повысилась на пять франковъ!—Говорятъ, будто она повысится еще болѣе. Ее скупаютъ негодяи-роялисты, которые надѣются, что ихъ гнусный король появится за спиною казака, какъ онъ изображенъ на одной каррикатурѣ сидящимъ на лошади позади казака, топча трупы защитниковъ отечества".

Наполеонъ былъ озлобленъ тѣмъ, что палата депутатовъ и въ особенности палата пэровъ уклонилась отъ обсужденія вопроса о провозглашеніи его сына. Хотя онъ включилъ эту статью въ актъ отреченія только по настоянію Люсьена и нѣкоторыхъ министровъ, отнюдь не разсчитывая, что она будетъ соблюдена коалиціей, но коль скоро онъ на это рѣшился, то онъ считалъ поведеніе парламента оскорбленіемъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекнулъ Реньо, что онъ не съумѣлъ защитить интересовъ его сына. Реньо, искренно опечаленный оборотомъ дѣла, склонявшій Наполеона къ отреченію, только въ надеждѣ на учрежденіе регентства, увѣрилъ императора

въ своей преданности и предложилъ еще разъ поднять этотъ вопросъ въ палатѣ.

Фуше понималъ, съ своей стороны, что было необходимо успокоить гнѣвъ императора и дать улечься народнымъ страстямъ, для чего палатѣ было необходимо признать Наполеона II, конечно, ничѣмъ не связывая себя; въ особенности, нельзя было допустить, чтобы эти права были признаны безъ всякаго ограниченія, такъ какъ это могло повлечь за собою, по смыслу конституціи, учрежденіе совѣта регентства, который заступилъ бы мѣсто правительственной коммиссіи. Слѣдовательно, признаніе Наполеона II палатою должно было свестись къ простой формальности, въ то же время, палата должна была заявить, что исполнительная коммиссія не прекратитъ своихъ функцій. Составивъ этотъ планъ, герцогъ Отрантскій изложилъ его Мануэлю, и этотъ молодой депутатъ взялся развить его и склонить палату вотировать то, чего желалъ его покровитель.

Въ искусной рѣчи онъ съумѣлъ удовлетворить бонапартистовъ, польстить роялистамъ и сдержать либераловъ.

Доказывая необходимость признать Наполеона II, онъ указалъ въ то же время на опасность этого шага и закончилъ свою рѣчь, предложивъ вотировать слѣдующую резолюцію: палата переходитъ къ порядку дня: 1) въ силу отреченія Наполеона I и по смыслу имперской конституціи, Наполеонъ II сталъ императоромъ французовъ; 2) палаты, сдѣлавъ наканунѣ постановленіе о назначеніи правительственной коммиссіи, имѣли въ виду дать народу тѣ гарантіи, въ коихъ онъ нуждается для обезпеченія своей свободы и спокойствія при управленіи коммиссіи, которая пользовалась бы полнымъ довѣріемъ народа.

Это двусмысленное постановленіе, которое должно было, якобы, удовлетворить бонапартистовъ, оставило въ сущности власть въ рукахъ Фуше и поддерживало надежды орлеанистовъ и бонапартистовъ; но оно было принято палатою почти единогласно. Бонапартисты прокричали нѣсколько разъ: „да здравствуетъ императоръ!" какъ будто побѣда была на ихъ сторонѣ. Были ли они искренни въ своемъ заблужденіи, или же все это дѣлалось только для вида?

Такимъ образомъ, Мануэль, какъ было условлено имъ съ Фуше, добился провозглашенія Наполеона временно или только для проформы. Фокусъ былъ продѣланъ мастерски.

Наполеонъ, между тѣмъ, занялся обсужденіемъ вопроса о томъ, гдѣ онъ поселится. Сперва онъ думалъ просить гостепріимства у англійскаго народа, находя въ этомъ величіе, вполнѣ достойное его. Но, уступая просьбамъ принцессы Гортензіи, совѣтамъ Бассано и увѣщаніямъ Флаго, который доказывалъ, что нельзя вѣрить обѣща-

ніямъ англичанъ, онъ отказался отъ этого плана и рѣшилъ поселиться въ Соединенныхъ Штатахъ, предполагая остаться до своего отъѣзда въ Елисейскомъ дворцѣ. Но Фуше не хотѣлъ, чтобы императоръ долго оставался въ Парижѣ, ибо около дворца происходили непрерывно народныя манифестаціи. Комедія провозглашенія Наполеона II ввела въ заблужденіе только тѣхъ, кои хотѣли быть обманутыми. Дворяне и буржуазія, ожидавшіе возвращенія Бурбоновъ, не повѣрили ей; солдаты и простой народъ отнеслись къ этому также скептически. Они не довѣряли временному правительству, министрамъ, палатамъ, подозрѣвали ихъ во всевозможныхъ интригахъ, чувствовали вездѣ измѣну, и предвидѣли, что престолъ этого четырехлѣтняго младенца будетъ скоро низвергнутъ Бурбонами.

Вслѣдствіе временной пріостановки всѣхъ строительныхъ работъ, въ Парижѣ была масса безработныхъ, которые расхаживали по улицамъ огромными толпами, неся трехцвѣтные флаги и зеленыя вѣтки и крича: „Да здравствуетъ Наполеонъ II! Да здравствуетъ императоръ! Смерть роялистамъ! Оружія! Оружія!"

Шумныя толпы этихъ рабочихъ, къ которымъ присоединялись солдаты и отставные офицеры, осаждали Елисейскій дворецъ, дѣлая оваціи императору и требуя, чтобы онъ вступилъ вновь въ командованіе войскомъ.

„Никогда еще,—говоритъ одинъ очевидецъ,—народъ, тотъ самый народъ, который платитъ подати и сражается въ рядахъ арміи, не высказывалъ ему болѣе преданности".

Наполеонъ прислушивался къ этимъ восторженнымъ кликамъ, которые вызывали въ немъ сердечный трепетъ, но не возбуждали никакихъ надеждъ. Онъ не хотѣлъ воспользоваться столь опасными пособниками, не хотѣлъ быть виновнымъ въ потокахъ крови, которые обагрили бы страну, если бы въ ней вспыхнула междоусобная война.

Когда депутація волонтеровъ проникла во дворъ Елисейскаго дворца, императоръ появился у окна.

— Пусть намъ дадутъ оружіе!—кричали волонтеры,—мы поддержимъ императора!

— Вы получите оружіе, — сказалъ, обращаясь къ нимъ, Наполеонъ,—но вы должны употребить его противъ внѣшнихъ враговъ.

Нѣсколько часовъ спустя, когда онъ прогуливался въ саду, какой-то офицеръ, перепрыгнувъ черезъ ровъ, окружавшій садъ, подбѣжалъ къ императору, бросился передъ нимъ на колѣни, цѣловалъ полы его сюртука и отъ имени офицеровъ своего полка умолялъ его стать во главѣ арміи. Императоръ поднялъ его и, слегка потрепавъ за ухо, сказалъ:

— Ступайте. Возвратитесь къ своему посту.

Несмотря на осторожность, съ какою держалъ себя императоръ, Фуше волновался. 23 іюня, послѣ полудня, народу раздавали деньги, чтобы онъ не кричалъ: да здравствуетъ императоръ! Люди брали деньги, но, минутъ пять спустя, снова начинали кричать. Патрулямъ національной гвардіи было приказано разгонять толпу, не пуская въ ходъ оружія. Толпа расходилась ропща, но, какъ только отрядъ гвардіи удалялся, она снова возвращалась. Не имѣя возможности прекратить этихъ манифестацій, Фуше рѣшилъ удалить Наполеона изъ дворца, убѣдивъ его уѣхать въ Мальмезонъ, или принудить его къ тому силою. 24 іюня депутатъ Дюшенъ, по наущенію Фуше, заявилъ палатѣ, что „бывшему императору надобно предложить, во имя отечества, покинуть столицу, гдѣ его присутствіе можетъ быть причиною волненій и даже можетъ угрожать общественной безопасности". Герцогъ Отрантскій тотчасъ поручилъ Даву отправиться къ императору и склонить его къ отъѣзду въ Мальмезонъ (въ 6 верстахъ отъ Парижа).

Прибывъ въ Елисейскій дворецъ, Даву увидѣлъ во дворѣ довольно значительное число офицеровъ, которые „выставляли тутъ, какъ онъ выразился, напоказъ тѣ чувства, коими они кичились". Онъ сдѣлалъ имъ строгое замѣчаніе, сказавъ, что „стоять тутъ безъ дѣла, вдали отъ опасности, недостойно ихъ мундира".

Увидавъ Даву, которому Наполеонъ не могъ простить того, что онъ такъ поспѣшно покинулъ его, императоръ былъ крайне раздраженъ и, хотя не сдѣлалъ ему лично никакого упрека, но началъ громить депутатовъ, пэровъ, министровъ, членовъ временнаго правительства (этихъ „пятерыхъ императоровъ", какъ онъ ихъ называлъ), при чемъ князь Экмюльскій, разумѣется, могъ принять его осужденіе и презрѣніе на свой счетъ.

— Слышите эти клики!—сказалъ Наполеонъ.—Если бы я захотѣлъ стать во главѣ этихъ людей, которые инстинктивно понимаютъ истинную пользу отечества, то я скоро бы покончилъ съ тѣми, которые осмѣлились пойти противъ меня, когда они увидѣли меня беззащитнымъ... Они хотятъ, чтобы я уѣхалъ. Сдѣлать это будетъ мнѣ такъ же легко, какъ и все остальное.

Наполеонъ и Даву, такъ долго пожинавшіе вмѣстѣ лавры на полѣ брани, чувствовали, что они видятся въ послѣдній разъ; но они разстались, не пожавъ другъ другу руку, не сказавъ ни слова о томъ, что ихъ волновало: Наполеонъ кипѣлъ негодованіемъ, Даву былъ холоденъ и невозмутимъ.

За обѣдомъ Наполеонъ сказалъ принцессѣ Гортензіи:

— Я хочу переѣхать въ Мальмезонъ. Онъ принадлежитъ вамъ. Согласны ли вы пріютить меня?

Въ тотъ же вечеръ Гортензія отправилась въ этотъ загородный дворецъ, чтобы приготовить все къ пріѣзду императора. Фуше, ничего не зная объ этихъ приготовленіяхъ, со свойственнымъ неискреннимъ людямъ недовѣріемъ, полагалъ, что Наполеонъ не сдержитъ обѣщанія, даннаго Даву, поэтому онъ старался напугать его. Въ ночь съ 24 на 25 іюня онъ приказалъ удвоить караулъ у Елисейскаго дворца, подъ предлогомъ, что роялисты замышляли совершить на него нападеніе; при этомъ солдатамъ было приказано произвести какъ можно больше шума.

Но Наполеонъ объ этомъ даже не узналъ. Зарядъ Фуше пропалъ даромъ. Офицеры, стоявшіе въ караулѣ, не были смущены этимъ приказаніемъ и даже не довели о немъ до свѣдѣнія императора. Тогда Фуше и его коллеги, члены временнаго правительства, прибѣгли къ содѣйствію Карно. 25 іюня, рано утромъ, онъ явился въ Елисейскій дворецъ. Императоръ просматривалъ въ эту минуту и жегъ письма, записки и петиціи, которыя могли скомпрометтировать ихъ авторовъ. Дружески принявъ Карно, онъ спокойно заявилъ ему, что онъ уѣдетъ въ тотъ же день. Во время ихъ бесѣды, довольно продолжительной и которая велась въ дружескомъ тонѣ, Наполеонъ спросилъ, гдѣ онъ посовѣтуетъ ему поселиться.

— Не ѣздите въ Англію,—сказалъ Карно.—Вы возбудили тамъ слишкомъ много ненависти; васъ могутъ оскорбить боксеры. Поѣзжайте въ Америку. Тамъ вы еще будете страшны вашимъ врагамъ. Если Франціи суждено подпасть еще разъ подъ иго Бурбоновъ, то ваше присутствіе въ этой свободной странѣ будетъ служить поддержкой народному чувству.

Императоръ приказалъ всѣмъ быть готовыми къ отъѣзду къ полдню. Прислуга разболтала объ этомъ, и толпа уже съ одиннадцати часовъ стала собираться въ улицѣ Сентъ-Оноре, крича во все горло: „Да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императоръ! не покидайте насъ!“ Слишкомъ растроганный, чтобы выйти къ толпѣ, опасаясь, чтобы народъ не заставилъ его вернуться во дворецъ, вопреки обѣщанію, данному Карно, Наполеонъ приказалъ, чтобы въ его карету, запряженную шестеркой лошадей, сѣли его адъютанты и свита, и чтобы она выѣхала въ главныя ворота, а самъ вышелъ пѣшкомъ чрезъ маленькую садовую калитку, къ которой былъ поданъ экипажъ Бертрана; императоръ уѣхалъ, пересѣвъ въ свою карету за заставой.

Фуше доложили объ отъѣздѣ императора въ то время, когда онъ предсѣдательствовалъ въ правительственной коммиссіи. Этого показалось ему недостаточно. Мальмезонъ былъ, въ сущности, слишкомъ близко отъ Парижа, можно было ожидать со стороны нѣкоторыхъ генераловъ и офицеровъ такихъ шаговъ, которые могли увлечь императора. Для

большей безопасности, Фуше потребовалъ, чтобы коммиссія, не расходясь, назначила для охраны Наполеона въ Мальмезонѣ начальникомъ караула генерала Бекера. Этотъ генералъ былъ въ опалѣ съ 1810 г. за свое свободомысліе; потому-то Фуше и избралъ его для этой роли, но храбрый генералъ, не желая играть этой двусмысленной роли, поспѣшилъ къ Даву и убѣдительно просилъ его возложить эту обязанность на кого-нибудь другаго. Министръ подтвердилъ приказаніе отъ имени исполнительной коммиссіи, и Бекеръ долженъ былъ въ тотъ же вечеръ отправиться въ Мальмезонъ. Въ его инструкціяхъ было сказано, что „честь Франціи повелѣваетъ слѣдить за безопасностью императора Наполеона. Интересы отечества требуютъ, чтобы злонамѣренные люди не могли, дѣйствуя его именемъ, вызвать волненія“.

Само собою понятно, что Наполеонъ былъ въ глазахъ Фуше въ Мальмезонѣ плѣнникомъ, въ глубинѣ души герцогъ Отрантскій смотрѣлъ на этого плѣнника какъ на заложника.

20 іюня 1815 г. Людовикъ XVIII выѣхалъ изъ Гента, намѣреваясь возвратиться во Францію. Въ Гентѣ, гдѣ онъ жилъ во время похода Наполеона на Нидерланды, Людовикъ и его приближенные пережили тревожные дни. Извѣстіе о томъ, что Наполеонъ вступилъ въ Бельгію, полученное вечеромъ 15 іюня, крайне встревожило маленькій дворъ короля-эмигранта. 17-го числа тревога перешла въ смятеніе, пронесся слухъ, что пруссаки разбиты и англичане отступаютъ. Герцогъ Беррійскій приказалъ отряду въ тысячу человѣкъ, прозванному „королевской арміей“, занять позицію передъ Алостомъ, а самъ поспѣшилъ въ Гентъ съ тѣлохранителями короля и началъ приводить городъ въ оборонительное положеніе. Царедворцы, полагая, вѣроятно, что это подобіе арміи и эти декоративныя укрѣпленія не будутъ достаточной защитой противъ войскъ Бонапарта, убѣждали короля уѣхать изъ Гента. Но Людовикъ XVIII былъ спокоенъ, полагая, что его другъ, Веллингтонъ, предупредитъ его въ случаѣ опасности. На совѣты и мольбы перетрусившихъ приближенныхъ онъ отвѣчалъ:

— Я не получилъ никакихъ оффиціальныхъ извѣстій. Я не двинусь отсюда до тѣхъ поръ, пока меня не вынудитъ къ тому крайняя необходимость. Кто боится, тотъ можетъ уѣхать.

Многіе воспользовались этимъ позволеніемъ. Всѣ, у кого были собственныя лошади, уѣхали въ Нимвегенъ; вѣроятно, уѣхало бы еще большее число лицъ, если бы Кларкъ, считая нужнымъ имѣть наготовѣ почтовыхъ лошадей на случай отъѣзда короля, министровъ и учрежденій, не отдалъ строгое приказаніе не давать никому ни одной почтовой лошади.

На слѣдующій день всѣ немного успокоились, благодаря полученнымъ въ теченіе дня оптимистичнымъ бюллетенямъ, которые усердно распространялись въ Брюсселѣ и его окрестностяхъ.

Но въ шесть часовъ вечера, когда въ Брюсселѣ появились первые раненые и бѣглецы, и разнеслась вѣсть о побѣдѣ, одержанной императоромъ, городъ былъ объятъ паникой, которая быстро распространилась и въ Гентѣ. Въ Брюсселѣ ожидали съ минуты на минуту вступленія императорскихъ войскъ. По полученіи этихъ извѣстій, коронные бриліанты и всѣ драгоцѣнности, увезенные изъ Тюильри, были нагружены въ фургоны; запряженныя кареты стояли наготовѣ у королевскаго подъѣзда.

Людовикъ XVIII еще колебался, уѣзжать ли ему изъ Гента, но онъ уже не скрывалъ болѣе своей тревоги. Крайне взволнованный, позабывъ отъ волненія о своихъ больныхъ ногахъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, то и дѣло подходя къ окну, и при малѣйшемъ шумѣ, думалъ, что прискакалъ курьеръ. Король объявилъ, что онъ не ляжетъ спать. Весь дворъ былъ на ногахъ до поздней ночи. Только во второмъ часу утра Людовикъ могъ, наконецъ, лечь въ постель и уснуть спокойно, когда отъ Веллингтона была получена депеша, извѣстившая объ истребленіи французской арміи.

Роялисты и жители Гента ликовали. На другой день въ церквахъ звонили въ колокола, городъ былъ иллюминованъ. Всѣ пожимали другъ другу руки, обнимались, крича: „да здравствуетъ король!“ и поздравляя другъ друга съ тѣмъ, что скоро можно будетъ вернуться во Францію.

Этого пришлось ждать недолго. Уже 21 іюня было получено отъ Веллингтона письмо, въ которомъ онъ предлагалъ королю приблизиться къ французской границѣ. Это было разрѣшеніе, данное въ вѣжливой формѣ совѣта. Людовикъ XVIII поспѣшилъ имъ воспользоваться. Въ тотъ же день онъ далъ приближеннымъ приказаніе выѣхать изъ Гента и на утро самъ уѣхалъ въ Монсъ.

Въ сѣверной части Франціи, въ департаментахъ Па-де-Кале и Соммы, большая часть населенія состояла изъ убѣжденныхъ роялистовъ. Во многихъ городахъ появились агитаторы, возбуждавшіе народъ къ возстанію, а войска къ измѣнѣ. Въ Лиллѣ въ одинъ день дезертировало 1.645 человѣкъ, изъ состава пяти баталіоновъ, мобилизованныхъ въ сѣверныхъ департаментахъ, въ которыхъ числилось 2.476 человѣкъ. Не мало измѣнниковъ оказалось и въ Дюнкирхенѣ, гдѣ жители угрожали истребить гарнизонъ.

Ближе къ Парижу царствовалъ иной духъ. Въ Сенлисѣ жители привѣтствовали колонну англійскихъ войскъ кликами: да здравствуетъ король! но когда капитанъ королевской конной артиллеріи (Royal

horde Artillery) Мерсеръ закричалъ въ шутку: „да здравствуетъ императоръ!“ то всѣ съ энтузіазмомъ повторили этотъ возгласъ и „были, по словамъ Мерсера, въ восторгѣ, что они могли выразить свои дѣйствительныя чувства“. „По всему пути къ Парижу, присовокупляетъ тотъ же офицеръ, я подмѣтилъ вездѣ тѣ же чувства. Крестьяне усердно выражали свою любовь къ Наполеону и свою ненависть къ Бурбонамъ“.

Въ Нормандіи, гдѣ сельское населеніе могло, никѣмъ не стѣсняемое, выражать свои чувства, крестьяне стрѣляли изъ ружей въ знакъ радости, жгли костры; мэры приказали замѣнить трехцвѣтныя знамена бѣлымъ знаменемъ, ксендзы пѣли „Domine, salvum fac regem“.

Въ городахъ Бретани преобладали бонапартисты. Съ криками: „да здравствуетъ императоръ!“ волонтеры изодрали объявленія. Народъ взялъ изъ ратуши бюстъ Наполеона и, соорудивъ изъ зелени нѣчто въ родѣ алтаря, поставилъ въ него этотъ бюстъ, который солдаты, національная гвардія, волонтеры и народъ украшали ежедневно живыми цвѣтами; по вечерамъ алтарь былъ иллюминованъ. Въ Брестѣ къ объявленіямъ, присланнымъ изъ Парижа, отнеслись съ такимъ же недовѣріемъ и даже со злобою. Толпа, окруживъ генерала Бреньера, требовала съ угрозою, чтобы онъ кричалъ: „да здравствуетъ императоръ!“ онъ отвѣчалъ: „да здравствуетъ Франція!“ да здравствуетъ правительство!“ Ему угрожали саблями и палками. Тогда онъ рѣшился закричать то, что требовали. Въ нѣкоторыхъ коммунахъ роялисты старались, впрочемъ, довольно безуспѣшно, поднять крестьянъ, но въ городахъ они ничѣмъ не проявляли своей дѣятельности. „Они никому не внушаютъ страха, говорилось въ донесеніи мѣстныхъ властей; напротивъ, имъ самимъ приходится бояться гнѣва волонтеровъ“.

Восточныя провинціи были одушевлены самыми патріотическими чувствами и остались вѣрны императору. Въ Эльзасѣ, Лотарингіи, Франшконте, Шампаньи, на границѣ Бургундіи, крестьяне вооружались, мѣстная національная гвардія соперничала съ ними въ усердіи, за неимѣніемъ ружей, занимая караулы съ пиками и вилами. Даже въ Нанси и Безансонѣ, двухъ роялистскихъ центрахъ, приверженцы Бурбоновъ держали себя смирно, ограничиваясь молитвами о скоромъ возвращеніи короля и держа наготовѣ свои бѣлыя кокарды, но не осмѣливаясь нацѣпить ихъ.

Въ центральныхъ департаментахъ народъ былъ спокойнѣе, но въ общемъ высказывалъ не менѣе скорби. Роялисты вели себя сдержанно. Весьма немногіе рѣшились произвести манифестаціи, въ чемъ имъ пришлось раскаяться. Въ Лиможѣ собраніе бунтовщиковъ было быстро разсѣяно волонтерами; 25 іюня, въ Дижонѣ, роялисты, полагая, что право на ихъ сторонѣ, столпились крича: „да здравствуетъ ко-

роль!“ Народъ бросился на нихъ и убилъ четвертыхъ. Въ Муленѣ солдаты вытолкали изъ церкви народъ и самого священника, который пѣлъ „Domine, salvum fac regem“.

Жители Бордо, напуганные твердостью генерала Клозеля и угрожающимъ видомъ гарнизона, скрывали свою радость. Солдатамъ, занимавшимъ караулы, были на глазахъ у всѣхъ розданы патроны. Въ Ліонѣ не оказалось, какъ въ Бордо, надобности въ энергичномъ начальникѣ гарнизона и преданныхъ солдатахъ для того, чтобы сдерживать радость преданной королю буржуазіи. 24 іюня по улицамъ города расхаживали толпы народа, срывая объявленія, въ коихъ говорилось о пораженіи при Монъ-Сенъ-Жанѣ; народъ, съ громкими кликами „да здравствуетъ императоръ!“ поносилъ и избивалъ всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ, какъ ему казалось, его преданности къ Наполеону. Лавки стали поспѣшно закрываться. Ночью шумъ усилился; волонтеры, вооруженные факелами, ходили по городу вмѣстѣ съ солдатами, держа сабли наголо. Въ городѣ опасались грабежей и пожаровъ. На другой день народъ вылѣпилъ изъ воска бюстъ Наполеона II, который торжественно носили по городу при восторженныхъ крикахъ народа. Солнце сіяло ярко, и роялисты видѣли, съ плохо скрываемой радостью, что восковой бюстъ мало-по-малу таялъ. „Къ шести часамъ“, пишетъ одинъ изъ нихъ, „Наполеонъ II растаялъ“.

На югѣ Франціи, тотчасъ по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, возгорѣлась гражданская война. Всѣ сто дней, роялисты и бонапартисты, католики и протестанты, милиція и волонтеры таили въ душѣ надежды, ненависть и жажду мести и хотя не брались за оружіе, но были готовы идти другъ на друга. Извѣстіе объ отреченіи Наполеона окончательно озлобило взволнованный народъ; отъ Севеннъ до берега моря, отъ Пиреней до береговъ Роны, въ нѣсколько дней все заволновалось. Вездѣ вспыхнули волненія, возникли заговоры, слышались угрозы, всѣ жаждали крови. Деревня волновалась, въ городахъ поднялись подонки населенія. Началось открытое возстаніе; арестовывались мѣстныя власти, коменданты крѣпостей, обезоруживались небольшіе гарнизоны. 27 іюня, въ Перпиньянѣ народъ бѣгалъ по улицамъ, крича: „да здравствуетъ императоръ! смерть роялистамъ!“ Ночью эти манифестаціи продолжались при зловѣщемъ свѣтѣ факеловъ.

Въ Авиньонѣ волонтеры окружили съ угрозами камендента крѣпости, генерала Кассана, котораго они обвиняли въ бездѣйствіи власти. Ночью одинъ роялистъ былъ убитъ на улицѣ толпою озлобленныхъ бонапартистовъ.

26 іюня въ Тулузѣ роялисты, нацѣпивъ на шляпы бѣлыя кокарды, явились къ дому генерала Декена, на площади св. Стефана. Въ то

время, какъ передъ домомъ выстраивался вызванный генераломъ отрядъ пѣхоты, Декенъ вышелъ на балконъ и произнесъ рѣчь, убѣждая мятежниковъ разойтись. Большая часть повиновалась, но кто-то выстрѣлилъ въ офицера изъ пистолета. Тогда раздраженные солдаты направили на толпу штыки. Человѣкъ пять или шесть было убито и ранено. Шли волонтеры, неся черное знамя. Подобныя сцены разыгрались и въ Монпеллье.

Марсель была глубоко предана королю. По образному выраженію Брюна, тамъ „подъ каждымъ булыжникомъ росла лилія". Для марсельцевъ побѣда при Линьи была народнымъ трауромъ, а пораженіе при Ватерлоо синонимомъ избавленія. По полученіи этого извѣстія, толпа была охвачена безумной радостью. Мѣщане, національная гвардія, носильщики, рабочіе, матросы братались и ликовали. Всѣ кричали: „да здравствуетъ король!" Со всѣхъ шляпъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, мгновенно слетѣли трехцвѣтныя кокарды. Съ кафе и лавокъ были сорваны императорскіе флаги и замѣнены бѣлыми флагами. Бюстъ императора, взятый изъ кафе Рикарда, былъ разбитъ въ дребезги. Останавливаясь передъ караулами, толпа требовала, чтобы солдаты кричали: „да здравствуетъ король", чтобы они сняли свои кокарды, выдали оружіе. Солдаты, раздраженные угрозами, начали стрѣлять. Нѣсколько человѣкъ упало на мостовую. Патруль егерей стрѣлялъ въ толпу и рубилъ ее саблями. Толпа разсѣялась, но такъ же быстро собралась опять и угрожала солдатамъ, кидала въ нихъ камни, осколки разбитой посуды, бутылки; народъ вооружился палками, ружьями, пистолетами, саблями, ножами. Во всѣхъ церквахъ били въ набатъ, чтобы созвать милицію, разбѣжавшуюся по окрестностямъ.

Марсель былъ въ рукахъ мятежниковъ. Роялисты торжествовали побѣду, распѣвая пѣсни, зажгли иллюминацію, совершали убійства. На улицахъ убивали солдатъ, отставныхъ офицеровъ, волонтеровъ, мѣщанъ, рабочихъ, заподозрѣнныхъ въ приверженности къ бонапартизму. Въ какой-то харчевнѣ узнали переодѣтаго полицейскаго; его изрубили саблями; трупъ его бросили въ канавку. Какой-то офицеръ спрятался въ погребъ; пять или шесть человѣкъ преслѣдовали его и нашли между двумя бочками, за которыми онъ спрятался. Барабанщикъ національной гвардіи проткнулъ ему саблей животъ, повернувъ саблю въ ранѣ.

Утромъ 26 числа убійства возобновились; этотъ разъ убивали не отдѣльныхъ лицъ, а совершали массовыя убійства. Въ Марселѣ была маленькая колонія египтянъ, эмигрировавшихъ во Францію въ 1801 г. послѣ взятія Каира, ихъ называли мамелюками; самые бѣдные изъ нихъ жили на скромную пенсію, которую императоръ давалъ имъ изъ своихъ собственныхъ суммъ. Чернь накинулась прежде

всего на этихъ мамелюковъ. Всѣ, кои не успѣли бѣжать ночью или скрыться, были безжалостно убиты, изрублены, разстрѣляны. Одну негритянку, жившую въ услуженіи у египтянъ, задержали на императорской набережной.

— Кричи: „да здравствуетъ король!"

— Нѣтъ, Наполеонъ даетъ мнѣ средства къ жизни; да здравствуетъ импе...!

Ударъ штыкомъ повергъ ее на землю. Она поднялась, схватившись обѣими руками за животъ, чтобы удержать вывалившіяся кишки, и продолжала кричать: „да здравствуетъ императоръ!" Ее бросили въ воду; она погрузилась, но, всплывъ на поверхность, крикнула еще разъ: „да здравствуетъ императоръ!"

Отъ египтянъ марсельцы перешли къ своимъ согражданамъ. Они убивали отставныхъ офицеровъ, полицейскихъ, мѣщанъ, ремесленниковъ. Въ числѣ убійцъ были бывшіе члены клуба якобинцевъ 93 года. Тѣ самые люди, которые убивали нѣкогда во имя народа, убивали теперь во имя короля. Удовольствіе было то же. Одному бывшему тюремному сторожу удалось бѣжать, вмѣсто него убили его жену и двоихъ дѣтей. Террье, синдикъ булочнаго цеха, и его восемнадцатилѣтній сынъ были связаны спина къ спинѣ и забиты до смерти палками и ружейными прикладами. Семидесятилѣній адвокатъ Англезъ, другъ Брюна, умеръ медленной смертью, исполосанный ножами:

— Къ нему были безжалостны, говоритъ очевидецъ,—воспитанникъ юридической школы; вѣдь онъ былъ якобинецъ!

Изъ Касси были приведены бѣжавшіе туда три полицейскихъ агента; передъ тѣмъ какъ ихъ убить, ихъ раздѣли догола; по этому можно судить, какъ ихъ истязали. Плотника Маре взяли прямо изъ мастерской и потащили въ улицу Tapis-Vert, чтобы разстрѣлять; но толпа нашла болѣе забавнымъ убить его ударами палокъ по головѣ. Въ то же время толпа грабила и разносила дома бонапартистовъ, а женщины танцовали въ кружокъ вокругъ труповъ.

День склонялся уже къ вечеру, а потоки крови лились все сильнѣе. Королевскій комитетъ рѣшился, наконецъ, выйти изъ своего бездѣйствія. Для уборки труповъ были посланы телѣги; толпы народа были разсѣяны патрулями. Но для того, чтобы защитить гражданъ, заподозрѣнныхъ въ бонапартизмѣ или якобинствѣ, не нашли ничего лучшаго, какъ арестовать ихъ и отводить въ тюрьму, гдѣ они просидѣли до конца октября. Избіеніе горожанъ продолжалось семь или восемь часовъ. Число жертвъ доходило до двухсотъ. Марсельцы назвали этотъ день: днемъ забавы „le jour de la Farce".

Ниспровергая Наполеона изъ боязни диктатуры, палаты создали анархію, и Франція, въ виду наступавшаго непріятеля, очутилась

безъ правительства. Депутаты и пэры ввѣрили власть исполнительной коммиссіи и одобрили всѣ мѣры, принятыя или предложенныя этой коммиссіей; быть можетъ, они рѣшились бы даже облечь ее той диктаторской властью, которую они такъ боялись дать въ руки императору. Но исполнительная коммиссія была пустымъ звукомъ, подобіемъ, тѣнью правительства. Не имѣя будущности, лишенная воли, она была порабощена своимъ предсѣдателемъ Фуше, который пользовался своею властью только для того, чтобы парализовать послѣдніе проблески энергіи исполнительной коммиссіи.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней герцогъ Отрантскій искусно скрывалъ свое предательство. Обнародовавъ прокламацію къ французамъ, нѣсколько посланій къ палатамъ и проекты новыхъ законовъ, которые онъ просилъ утвердить отъ имени правительственной коммиссіи, Фуше съумѣлъ сохранить довѣріе французовъ.

Онъ видѣлся ежедневно съ Витролемъ, который держалъ въ своихъ рукахъ нити заговора, составленнаго приверженцами Бурбоновъ. 24 іюня Фуше послалъ къ Веллингтону своего стараго друга Гальяра, который долженъ былъ выхлопотать у него пропускъ для проѣзда въ Гентъ и, воспользовавшись свиданіемъ съ маршаломъ, развѣдать, какъ отнесутся державы къ кандидатурѣ герцога Орлеанскаго. Интригуя въ пользу Людовика XVIII, избраніе котораго оправдывалось логикой событій, Фуше считалъ болѣе легкимъ и цѣлесообразнымъ возвести на престолъ сына Филиппа Эгалитэ. Для этого нужно было только заручиться согласіемъ державъ, такъ какъ реставрація законнаго монарха въ лицѣ герцога Орлеанскаго не могла представить, по его мнѣнію, никакихъ затрудненій.

На герцога Орлеанскаго возлагало втайнѣ надежды большинство обѣихъ палатъ, у него было много сторонниковъ среди генералитета, его избраніемъ была бы довольна либеральная буржуазія, наконецъ, народъ и армія охотно стали бы на сторону человѣка, подъ знаменами котораго французы сражались при Жемапѣ...

Фуше велъ двойную игру, но онъ былъ готовъ поставить все на карту, въ надеждѣ, что она окажется козырной. Поэтому имъ и было возложено на Гальяра двоякаго рода порученіе; но генералъ, съ первыхъ же словъ, сказанныхъ Веллингтономъ, понялъ, что союзные монархи были противъ кандидатуры герцога Орлеанскаго.

Поэтому онъ поспѣшно отправился въ Камбрэ, гдѣ выжидалъ Людовикъ XVIII.

Прибывъ въ Мальмезонъ 25 іюня, послѣ полудня, Наполеонъ былъ принялъ принцессой Гортензіей, которая пріѣхала туда наканунѣ, чтобы привести въ порядокъ этотъ дворецъ, въ которомъ никто не жилъ со дня смерти императрицы Жозефины.

Для почетной стражи и караула были присланы триста гренадеръ и егерей старой гвардіи и пикетъ гвардейскихъ драгунъ.

Съ перваго же дня въ Мальмезонъ явились посѣтители: принцы Іосифъ, Люсьенъ и Жеромъ Бонапартъ, герцогъ Бассано, Лавалеттъ, герцогъ Ровиго, рѣшившій эмигрировать вмѣстѣ съ императоромъ, генералы Пиро, Лабедойеръ, Каффарелли, Шартранъ. Пріѣхалъ также банкиръ Лаффитъ, съ которымъ императоръ долго и дружески бесѣдовалъ, сказавъ ему между прочимъ слѣдующія слова, освѣщающія историческій смыслъ событій:

— Державы воюютъ, не со мною, а съ революціей. Онѣ видѣли всегда во мнѣ не что иное, какъ воплощеніе революціи, человѣка, созданнаго революціей.

Наполеонъ былъ очень грустенъ, но не падалъ духомъ. Онъ говорилъ всѣмъ о своей твердой рѣшимости уѣхать въ Рошфоръ, лишь только фрегатамъ, на которыхъ онъ долженъ былъ отплыть въ Америку, дано будетъ разрѣшеніе выйти въ море.

Еще до пріема этихъ посѣтителей, тотчасъ по пріѣздѣ въ Мальмезонъ, императоръ продиктовалъ воззваніе или, лучше сказать, обращеніе къ войску, въ которомъ онъ прощался съ нимъ.

Подъ вечеръ, въ Мальмезонъ пріѣхалъ генералъ Бекеръ, которому оффиціально было приказано охранять Наполеона; секретное же предписаніе, данное ему, заключалось въ томъ, чтобы неотступно слѣдить за императоромъ.

Бекеръ былъ сконфуженъ и огорченъ даннымъ ему порученіемъ, за которое онъ взялся неохотно. Онъ съ смущеніемъ подалъ императору приказъ, подписанный маршаломъ Даву.

— Ваше величество, сказалъ онъ,—вотъ приказъ, коимъ мнѣ повелѣвается отъ имени временнаго правительства принять начальство надъ вашей охраной и слѣдить за вашей личной безопасностью.

Императоръ понялъ, почему Фуше и Даву такъ заботились о его безопасности. Онъ былъ возмущенъ до глубины души, но быстро овладѣлъ собою и сказалъ гордо:

— Я считаю, что это дѣлается скорѣй для вида, нежели для надзора. Не было никакой надобности подвергать меня этому надзору, ибо я не имѣлъ намѣренія нарушить даннаго мною слова.

Бекеръ былъ тронутъ до слезъ.

— Ваше величество, проговорилъ онъ,—я принялъ на себя эту обязанность, единственно для того, чтобы защищать васъ. Если на это не будетъ согласія и одобренія вашего величества, я немедленно удалюсь.

Неподдѣльное волненіе Бекера тронуло императора. Смягчивъ тонъ, онъ сказалъ ласково:

— Успокойтесь, генералъ, я очень доволенъ видѣть васъ подлѣ себя. Если бы мнѣ предоставили выборъ, то я остановилъ бы его предпочтительно на васъ, такъ какъ ваша честность мнѣ давно извѣстна.

Затѣмъ Наполеонъ повелъ его въ паркъ и началъ разспрашивать о настроеніи общественнаго мнѣнія въ Парижѣ, о томъ, какіе виды имѣло правительство, какія извѣстія были получены изъ арміи, какъ шли переговоры. Въ теченіе этой бесѣды, длившейся два часа, Бекеръ сказалъ между прочимъ, что императору было бы лучше остаться во главѣ арміи; что онъ выигралъ бы такимъ образомъ три мѣсяца и что, отрекшись условно въ пользу своего сына, онъ тѣмъ самымъ поставилъ въ крайне затруднительное положеніе своего тестя, императора австрійскаго. Императоръ прервалъ эту рѣчь.

— Вы не знаете этихъ людей!

Затѣмъ онъ высказалъ причины, побудившія его возвратиться въ Парижъ.

— Но я вижу, сказалъ онъ въ заключеніе, что у всѣхъ пропала энергія. Все истощилось, все деморализовано. Возможно ли разсчитывать на народъ, коль скоро потеря одного сраженія отдаетъ его въ руки непріятеля?

Въ теченіе трехъ дней Наполеонъ три раза просилъ позволенія отправиться въ Рошфоръ и оттуда въ Соединенные Штаты. На первыя двѣ просьбы, переданныя устно Бертраномъ, 23 и 24 іюня, морскому министру Декруа, который доложилъ о томъ Фуше,—герцогъ Отрантскій медлилъ отвѣтомъ, но 25 іюня, не давъ еще Декрезу никакихъ инструкцій, относительно выхода фрегатовъ въ море, онъ поручилъ министру иностранныхъ дѣлъ испросить у герцога Веллингтона оффиціальнымъ письмомъ паспортъ для Наполеона.

Связанный письмомъ къ Веллингтону, Фуше не могъ тотчасъ дать своего согласія на отъѣздъ Наполеона. Между тѣмъ Даву считалъ его присутствіе въ Мальмезонѣ не только крайне неудобнымъ но даже весьма опаснымъ. Онъ боялся, чтобы императоръ не принялъ вновь командованія арміей.

Подъ вліяніемъ этихъ опасеній, Фуше добился того, что правительственной коммиссіей было сдѣлано ниже слѣдующее постановленіе:

„Пунктъ I-й. Морскому министру предписывается сдѣлать соотвѣтственное распоряженіе, чтобы два фрегата, стоявшіе въ Рошфорской гавани, были предоставлены для перевозки Наполеона Бонапарта въ Соединенные Штаты. Пунктъ II. Ему будетъ данъ для сопровожденія его до гавани конвой подъ командою генерала Бекера, которому поручается слѣдить за его безопасностью... Пунктъ V.

Фрегаты выйдутъ въ море только по полученіи требуемыхъ охранныхъ листовъ".

Тѣмъ временемъ министры и генералы союзныхъ державъ обсуждали вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ человѣка, который такъ долго разрушалъ всѣ ихъ политическіе планы, нарушалъ ихъ трактаты, наносилъ пораженія ихъ войскамъ и разорялъ ихъ государства.

Меттернихъ писалъ своей дочери, Маріи:

„Мы забрали шляпу Наполеона; надобно надѣяться, что намъ удастся взять и его самого".

Нѣсколько дней спустя, съѣхавшіеся въ Гагенау коммиссары союзныхъ державъ заявили французскимъ уполномоченнымъ оффиціально, что „такъ какъ для обезпеченія мира и всеобщаго спокойствія державы считаютъ необходимымъ, чтобы Наполеонъ Бонапартъ былъ лишенъ впредь возможности нарушать спокойствіе Франціи и Европы, то онѣ требуютъ, чтобы охрана бывшаго императора была предоставлена имъ".

Самые умѣренные люди предлагали заключить его пожизненно въ какую-нибудь крѣпость на континентѣ или сослать подъ надежной охраной на какой-нибудь отдаленный островъ. Лордъ Ливерпуль полагалъ, что „лучше всего было бы передать Бонапарта французскому королю, который могъ бы поступить съ нимъ, какъ съ мятежникомъ".

Блюхеръ предлагалъ, для блага человѣчества, просто-на-просто казнить Наполеона передъ фронтомъ прусской арміи и сдѣлать это безъ промедленія. Блюхеръ и Гнейзенау, какъ добрые піэтисты, считали себя „орудіемъ Провидѣнія, даровавшаго имъ такую побѣду для того, чтобы они явились вершителями неисповѣдимыхъ путей Господнихъ".

Посылая въ главную квартиру Веллингтона новыхъ уполномоченныхъ, назначенныхъ правительственной коммиссіей по его личному указанію, Фуше далъ имъ секретную инструкцію и уполномочилъ ихъ сдѣлать предложеніе о выдачѣ Наполеона Англіи или Австріи, если это предложеніе могло имѣть послѣдствіемъ скорѣйшее заключеніе перемирія.

Несмотря на всѣ принятыя мѣры, присутствіе императора въ Мальмезонѣ сильно тревожило предсѣдателя исполнительной коммиссіи и военнаго министра, которые предпочли бы, чтобы онъ находился плѣннымъ на Рошфорскомъ рейдѣ, нежели въ окрестностяхъ Парижа. По совѣту Фуше, Даву, въ тотъ же день, послалъ генералу Бекеру депешу съ требованіемъ, чтобы онъ настоялъ на отъѣздѣ императора, если же это не удастся, то чтобы мѣры предосторожности, принятыя въ Мальмезонѣ, были удвоены.

*

„Если императоръ не приметъ окончательнаго рѣшенія, писалъ Даву, то вамъ надлежитъ слѣдить возможно строже за тѣмъ, чтобы его величество не могъ отлучиться изъ Мальмезона; вы должны предупредить всякую попытку, направленную противъ его особы, устроить надзоръ за всѣми дорогами, ведущими въ Мальмезонъ. Я пишу главному инспектору жандармеріи и коменданту Парижской крѣпости, чтобы въ ваше распоряженіе по первому требованію были предоставлены жандармы и войска. Всѣ эти мѣры должны быть приняты въ величайшей тайнѣ. Повторяю, этотъ приказъ (отъ 26 іюня) отданъ единственно для блага государства и для личной безопасности императора. Его необходимо привести въ исполненіе какъ можно скорѣй. Отъ этого зависитъ дальнѣйшая участь его величества“.

Но императоръ твердо рѣшилъ не уѣзжать изъ Мальмезона до тѣхъ поръ, пока фрегаты не получатъ приказаніе сняться съ якоря тотчасъ по его пріѣздѣ въ гавань.

— Заявите, сказалъ онъ Бекеру, что я отказываюсь ѣхать въ Рошфоръ, такъ какъ я буду считать тамъ себя въ плѣну, ибо мой отъѣздъ въ Америку будетъ зависѣть отъ полученія паспорта, въ которомъ мнѣ навѣрно будетъ отказано. Я твердо рѣшилъ выслушать свой приговоръ, тутъ и здѣсь до тѣхъ поръ, пока судьба моя не будетъ рѣшена Веллингтономъ, которому правительство можетъ объявить, что я предаю себя на волю Божію.

Всѣ убѣжденія были напрасны и хотя императору изображали опасность, которой онъ могъ подвергнуться съ приближеніемъ непріятеля, но это видимо не тревожило его.

— Не бѣда! говорилъ онъ. Иногда онъ отвѣчалъ: „Мнѣ нечего бояться. Мнѣ служитъ охраною честь французовъ“.

Но окружающіе чувствовали, что эти слова были не вполнѣ искренни и что Наполеонъ не заблуждался на счетъ истинныхъ размѣровъ угрожавшей ему опасности. Онъ выдалъ себя однажды, сказавъ принцессѣ Гортензіи:

— Мнѣ нечего здѣсь опасаться. Но вы, дитя мое, уѣзжайте, оставьте меня!

Онъ подозрѣвалъ замыслы Фуше. Нѣкто г-жа П., бывшая во время ста дней близкой къ Наполеону, пріѣхавъ въ Рюель (Rueil), видѣлась тайно съ маршаломъ и просила его предупредить императора, что Фуше находится въ сношеніяхъ съ Витролемъ, что Даву парализуетъ оборону и что герцогъ Отрантскій способенъ выдать императора, если это окажется выгодно для него.

Императоръ, которому это было передано, сказалъ только:

— Все, что я предсказалъ, оправдывается. Лафайетъ глупъ.

По утру, 28 іюня, императоръ поручилъ одному изъ своихъ адъютантовъ, генералу Флаго, еще разъ попытать счастья у исполнительной коммиссіи. Будучи введенъ въ зало засѣданій, Флаго повторилъ требованіе, чтобы фрегаты подняли якорь, не ожидая паспортовъ, и заявилъ, отъ имени императора, что если правительство откажетъ въ этомъ, то императоръ не уѣдетъ изъ Мальмезона. Даву былъ тутъ же. Онъ стоялъ, прислонившись къ колоннѣ. Онъ не могъ простить Флаго того, что, будучи еще молодымъ генералъ-лейтенантомъ, онъ игралъ въ военномъ министерствѣ, во время ста дней, по требованію императора, роль инквизитора. Вдобавокъ онъ не хотѣлъ болѣе говорить о Наполеонѣ. Перейдя, изъ патріотическихъ соображеній, на сторону короля и сдѣлавшись, по справедливому выраженію одного современника, „правой рукою политики, душою которой былъ Фуше", принцъ Экмюльскій считалъ справедливое требованіе императора только уловкой съ его стороны, чтобы выиграть время; его озлобленіе вылилось въ гнѣвномъ окрикѣ. Не давъ предсѣдательствующему времени формулировать отвѣтъ, который былъ бы конечно отрицательнымъ, онъ сказалъ повелительно, обращаясь къ Флаго:

— Генералъ, отправьтесь къ императору и скажите ему, чтобы онъ уѣзжалъ; что его присутствіе стѣсняетъ насъ; что онъ служитъ помѣхою для какихъ бы то ни было соглашеній, что благо родины требуетъ, чтобы онъ уѣхалъ. Пусть онъ уѣдетъ немедленно! Иначе мы будемъ вынуждены арестовать его... Я самъ арестую его.

Флаго посмотрѣлъ на Даву въ упоръ, ихъ глаза метали молніи; онъ отвѣтилъ прерывистымъ голосомъ:

— Г. маршалъ, только тотъ, кто даетъ подобное порученіе, можетъ исполнить его. Что касается меня, то я не берусь передать его. Если нужно выйти въ отставку для того, чтобы ослушаться васъ, то я прошу объ отставкѣ.

Въ тотъ вечеръ Флаго далъ императору, въ краткихъ словахъ, отчетъ о слышанномъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ, рѣшивъ не упоминать о столкновеніи съ Даву, чтобы не доставить Наполеону новаго огорченія. Но Наполеонъ, со свойственной ему проницательностью, замѣтилъ, что Флаго что-то скрываетъ; онъ сталъ разспрашивать его, говоря, что ему необходимо все знать. Тогда Флаго рѣшился повторить слова военнаго министра.

— Ну что же, пусть попробуетъ,—сказалъ императоръ.

Наполеонъ надѣялся на успѣхъ своего послѣдняго ходатайства и въ ожиданіи Флаго сдѣлалъ уже кое-какія приготовленія къ отъѣзду.

Подъ вечеръ въ Мальмезонъ прискакалъ во весь опоръ Габріель Делессеръ, командовавшій 3-мъ легіономъ національной гвардіи. Бу-

дучи принятъ принцессой Гортензіей, онъ сообщилъ ей, что пруссаки близко, что они появились уже въ окрестностяхъ Гонесса и что императору необходимо принять мѣры предосторожности, такъ какъ штабъ непріятельскаго войска, зная, что онъ находится въ Мальмезонѣ, могъ послать туда отрядъ войска. Гортензія тотчасъ сообщила объ этомъ императору. Бросивъ взглядъ на карту, онъ сказалъ, смѣясь:

— Ай, ай, да меня въ самомъ дѣлѣ обошли!

Въ 9 часовъ вечера Фуше послалъ правительственной коммиссіи извѣщеніе, въ которомъ говорилось:

„Въ настоящій моментъ ничто не препятствуетъ отъѣзду (Наполеона). Интересы государства и его собственные настоятельно требуютъ, чтобы онъ уѣхалъ тотчасъ послѣ того, какъ ему будетъ сообщено о нашемъ рѣшеніи“.

На другой день, на разсвѣтѣ, Наполеонъ отдалъ приказаніе готовиться къ отъѣзду, не назначая, впрочемъ, опредѣленнаго часа. Часовъ около девяти пріѣхали изъ Парижа Бассано и Лавалеттъ. Въ то время, какъ Наполеонъ разговаривалъ съ ними, на большой дорогѣ раздались громкіе крики. Наполеонъ освѣдомился о томъ, что это значило. Это оказался отрядъ пѣхоты, шедшей занять Сенъ-Жерменское предмѣстье. Солдаты, зная, что ихъ императоръ былъ въ Мальмезонѣ, привѣтствовали его громкими кликами. Наполеонъ видимо былъ тронутъ. Съ минуту подумавъ, онъ нагнулся надъ каретой и переставилъ воткнутыя въ нее булавки. Когда онъ поднялъ голову, его глаза сверкали.

— Франція не можетъ быть покорена горстью пруссаковъ,—сказалъ онъ,—я еще могу задержать непріятеля и дать правительству время начать переговоры съ державами, послѣ чего, исполняя велѣнія судьбы, я уѣду въ Соединенные Штаты.

Онъ быстро поднялся въ свою комнату по маленькой потайной лѣстницѣ, которая вела изъ библіотеки въ первый этажъ, и почти моментально спустился обратно въ мундирѣ и приказалъ позвать генерала Бекера.

Бекеръ ожидалъ, что ему будетъ дано какое-нибудь новое приказаніе относительно отъѣзда, и былъ не мало удивленъ, увидавъ Наполеона въ мундирѣ гвардейскихъ егерей, въ ботфортахъ со шпорами, при шпагѣ, со шляпой подъ мышкой. Его спокойное лицо и твердый голосъ дышали увѣренностью. Онъ какъ будто помолодѣлъ и преобразился.

— Генералъ,—сказалъ онъ,—положеніе, въ какомъ находится Франція, желаніе патріотовъ и призывъ солдатъ требуютъ моего присутствія для спасенія отечества. Поручаю вамъ отправиться въ правительственную коммиссію и заявить, что я прошу дать мнѣ командованіе войскомъ, не какъ императоръ, а какъ генералъ, коего имя и

репутація еще могутъ съиграть большую роль въ судьбѣ народа. Я даю слово солдата, гражданина и француза уѣхать въ Америку навсегда въ тотъ день, когда непріятель будетъ оттѣсненъ мною за предѣлы Франціи.

Въ первую минуту Бекеръ не хотѣлъ брать на себя это порученіе, сославшись на то, что оно можетъ быть лучше выполнено однимъ изъ адъютантовъ императора. Но онъ скоро былъ побѣжденъ. Слова Наполеона возродили въ его душѣ гордость военнаго и возбудили въ немъ новыя надежды. Онъ немедленно уѣхалъ съ искреннимъ желаніемъ, чтобы его миссія оказалась успѣшной. Принцесса Гортензія, узнавъ о новыхъ планахъ Наполеона, въ моментъ отъѣзда Бекера, задала вопросъ: разсчитываетъ ли императоръ, что у него будетъ перевѣсъ силъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Наполеонъ,—съ французами нѣтъ ничего невозможнаго!

Перебравшись не безъ труда черезъ баррикаду, сооруженную у моста Нельи, генералъ Бекеръ пріѣхалъ въ Парижъ, явился въ Тюильри и былъ введенъ въ зало засѣданія. Увидавъ его, всѣ были изумлены и озлоблены. Полагали, что онъ уже уѣхалъ съ Наполеономъ въ Рошфоръ. Безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, Бекеръ повторилъ дословно то, что императоръ приказалъ ему передать,

— Онъ смѣется надъ нами?—воскликнулъ Фуше съ гнѣвомъ.— Развѣ мы не знаемъ, какъ бы онъ сдержалъ свои обѣщанія, если бы его предложенія могли быть приняты!

Затѣмъ, обращаясь къ Бекеру, продолжалъ:

— Какъ вы могли взять на себя подобное порученіе; коль скоро вы были обязаны ускорить его отъѣздъ, въ интересахъ его личной безопасности, за которую мы болѣе не можемъ ручаться? Скажите мнѣ, кто находился съ императоромъ въ то время, какъ онъ далъ вамъ это порученіе?

Бекеръ назвалъ нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ герцога Бассано. Услыхавъ его имя, Фуше прервалъ его:

— Я вижу, кто тутъ во всемъ виновенъ. Передайте императору, что его предложеніе не можетъ быть принято, ибо тогда была бы потеряна всякая надежда на возможность вести переговоры. Необходимо, чтобы онъ немедленно уѣхалъ въ Рошфоръ, гдѣ онъ будетъ въ большей безопасности, нежели здѣсь.

Сидѣвшіе за столомъ, по обѣ стороны предсѣдателя, Коленкуръ, Карно, Кинетъ и Гренье молчали, но видимо были крайне смущены. Разстроенныя лица Коленкура и Карно выдавали происходившую въ ихъ душѣ борьбу. Наконецъ, Карно, не выдержавъ, поспѣшно всталъ

и до самаго ухода Бекера ходилъ большими шагами взадъ и впередъ въ глубинѣ залы, но молчалъ такъ же, какъ всѣ остальные. Повидимому, Фуше подчинилъ ихъ всѣхъ своей волѣ.

Недовѣріе и ненависть, звучавшія въ голосѣ герцога Отрантскаго, его гнѣвныя выраженія и смущеніе его коллегъ поразили Бекера. Онъ былъ смущенъ взятымъ на себя порученіемъ. Когда онъ сталъ увѣрять, что обѣщаніе, данное императоромъ, вполнѣ искренно, то Фуше возразилъ съ горячностью:

— Да что, вы полагаете, намъ здѣсь сладко? Мы не имѣемъ права измѣнить принятыхъ нами мѣръ.

Понявъ, что было бы напрасно бороться противъ всесильной воли Фуше, Бекеръ былъ „огорченъ до глубины души". Онъ сказалъ:

— Я хотѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, получить отъ правительства какое-нибудь письменное удостовѣреніе, такъ какъ если я вернусь въ Мальмезонъ съ устнымъ отвѣтомъ, то его величество можетъ усомниться въ томъ, что я добросовѣстно исполнилъ его порученіе.

Фуше поспѣшно набросалъ записку на имя герцога Бассано и вручилъ ее Бекеру.

„Такъ какъ временное правительство не можетъ принять предложенія, переданныя ему генераломъ Бекеромъ отъ имени его величества, въ силу соображеній, которыя вы конечно оцѣните сами", писалъ Фуше, „то я прошу васъ, г. герцогъ, употребить вліяніе, которое вы всегда имѣли на императора, чтобы убѣдить его немедленно уѣхать въ виду того, что пруссаки приближаются къ Версалю".

Фуше говорилъ все время не только не совѣтуясь со своими коллегами, которые были простыми свидѣтелями происходившаго, но и не дожидаясь съ ихъ стороны ни малѣйшаго знака одобренія. Точно такъ же была написана и записка. Къ величайшему изумленію Бекера, герцогъ Отрантскій рѣшалъ самостоятельно важнѣйшіе вопросы и судьбы Франціи, какъ полновластный диктаторъ.

Наполеонъ ожидалъ Бекера въ кабинетѣ. Онъ выслушалъ его, не прерывая.

— Эти люди не знаютъ настроенія умовъ,—сказалъ онъ.—Они раскаются въ томъ, что отвергли мое предложеніе.

Подумавъ съ минуту, онъ продолжалъ:

— Передали ли вы имъ мои слова и мою клятву?

— Передалъ, ваше величество.

— Хорошо! ну такъ мнѣ остается только уѣхать. Отдайте приказанія. Когда все будетъ готово, доложите мнѣ.

Фуше и его коллеги, конечно, заблуждались, полагая, что Наполеонъ находился въ ихъ власти. Въ Мальмезонѣ императоръ былъ

плѣнникъ, но плѣнникъ на честное слово. Если бы онъ захотѣлъ выполнить во что бы то ни стало свое намѣреніе, то никакія приказанія Фуше, ни чисто номинальная власть генерала Бекера не помѣшали бы ему сѣсть на лошадь и отправиться къ арміи.

— Мнѣ достаточно было бы сдѣлать знакъ рукою, и войско, охраняющее меня, арестовало бы Бекера и конвоировало бы меня куда бы я ни захотѣлъ,—говорилъ Наполеонъ.

Принявъ рѣшеніе, императоръ поднялся снова въ свою комнату, снялъ шпагу, надѣлъ коричневый сюртукъ и взялъ круглую шляпу. Онъ приказалъ отворить комнату, въ которой скончалась Жозефина, и, заперевъ двери, пробылъ тамъ нѣсколько минутъ одинъ, затѣмъ, возвратясь въ кабинетъ, простился съ Іосифомъ и Гортензіей, которая заставила его взять съ собою брилліантовое ожерелье, стоимостью въ 200.000 франковъ, которое она сама зашила ему въ поясъ. Потомъ онъ принялъ офицеровъ гвардейскаго отряда, которые составляли въ Мальмезонѣ маленькій гарнизонъ. Они плакали. Одинъ изъ нихъ, желая сказать нѣсколько словъ отъ имени своихъ товарищей, былъ въ состояніи пробормотать только:

— Мы видимъ, что намъ не суждено умереть, служа вамъ!

Императоръ обнялъ его.

Около пяти часовъ генералъ Бекеръ вошелъ къ императору и объявилъ, что все готово. Наполеонъ обнялъ еще разъ Гортензію, окинулъ, послѣдній разъ, взоромъ кабинетъ, полный для него столькихъ воспоминаній, гдѣ онъ обдумывалъ свои глубокіе планы, и, не сказавъ ни слова, послѣдовалъ за генераломъ.

Вмѣстѣ съ нимъ сѣли Бертранъ, Ровиго и генералъ Бекеръ.

Наполеонъ былъ погруженъ въ думу. До самаго Рамбулье, гдѣ императоръ пожелалъ остановиться, не было произнесено ни слова.

Даву настаивалъ на отъѣздѣ императора, потому что онъ сознавалъ необходимость примириться съ возвращеніемъ Бурбоновъ и надѣялся, что, признавъ немедленно Людовика XVIII, можно будетъ выговорить для страны и для отдѣльныхъ лицъ извѣстныя гарантіи.

Фуше также былъ убѣжденъ, что вторичная реставрація Бурбоновъ была единственнымъ выходомъ, но, желая, подобно Даву, выговорить гарантіи для народа, онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ добиться выгодъ и для себя лично; притомъ онъ разсчитывалъ достигнуть этихъ гарантій и выгодъ скорѣе тайными происками своихъ эмиссаровъ, нежели путемъ оффиціальныхъ переговоровъ. Поэтому иниціатива, выказанная въ этомъ случаѣ Даву, шла вразрѣзъ съ его планами.

Тѣмъ временемъ союзныя войска приближались къ Парижу. Всякая надежда задержать ихъ, заключивъ перемиріе, исчезла.

Великолѣпный планъ Фуше, исполнителями коего должны были явиться Витроль и Груши, былъ оставленъ. Парижъ капитулировалъ передъ непріятелемъ.

Извѣстіе о капитуляціи было принято равнодушно только одною палатою. Войска точно такъ же, какъ и волонтеры, горѣли желаніемъ сразиться съ непріятелемъ.

Когда, по утру, 3-го іюля, сраженіе неожиданно прекратилось, солдаты негодовали.

„Насъ продаютъ",—говорили они.

Тревога и волненія возрастали съ каждымъ часомъ, люди перестали повиноваться.

4-го іюля, около полудня, войска получили извѣстіе о капитуляціи. Они должны были покинуть свои позиціи, бѣжать передъ непріятелемъ и безъ выстрѣла и сопротивленія отдать ему Парижъ и его окрестности, на 30 верстъ въ окружности, до Луары. Войско было охвачено гнѣвомъ. Ряды смѣшались. Среди страшнаго шума и возгласовъ доносилось: „Насъ всегда предаютъ!—Сколько взялъ маршалъ Даву, чтобы передать Парижъ? — Насъ продаютъ, какъ рогатый скотъ! — Останемся тутъ. Будемъ сражаться.—Пусть насъ прогонятъ пруссаки.— Если бы императоръ былъ тутъ!—Да здравствуетъ императоръ!— Парижъ наполненъ роялистами и разбойниками.—Расправимся съ ними.—Сожжемъ этотъ городъ предателей.—Уйдемъ только тогда, когда все будетъ сожжено".

Пѣхотные офицеры и многіе генералы были возмущены и озлоблены не менѣе солдатъ. Они требовали, чтобы Даву былъ смѣненъ, считая его недостойнымъ командовать войскомъ. Эксельманъ, Фрессине и нѣкоторые ихъ товарищи приступили къ генералу Вандамму, умоляя его стать во главѣ войска и вести ихъ противъ непріятеля. Но Вандаммъ, уже два дня передъ тѣмъ, перешедшій на сторону Даву, отвѣчалъ, что онъ заявилъ на военномъ совѣтѣ, бывшемъ въ Ла-Виллетѣ (предмѣстьѣ Парижа), что, по зрѣломъ размышленіи, онъ присоединяется къ мнѣнію большинства и находитъ капитуляцію неизбѣжной.

— Я и такъ достаточно сражался,—закончилъ онъ философски.

Но генералы не были убѣждены этимъ отвѣтомъ; не павъ духомъ, они стали совѣщаться о томъ, кого избрать своимъ начальникомъ.

День уже склонялся къ вечеру. Надежда Даву вывести войска изъ Парижа въ тотъ день не сбылась. Они провели ночь на своихъ позиціяхъ и хотя подчинялись приказаніямъ начальства, но далеко не успокоились, и были готовы пойти за всякимъ, кто захотѣлъ бы вести ихъ противъ непріятеля.

Въ слѣдующіе два дня, 5-го и 6-го іюля, войско выступило изъ

Парижа, озлобленное, раздраженное; солдаты говорили во всеуслышаніе, что еще не все кончено, что они еще вернутся съ Наполеономъ. Проходя по улицамъ, съ поднятыми къ верху саблями, они заставляли прохожихъ кричать: „да здравствуетъ императоръ!“ Проходя мимо постовъ національной гвардіи, посылали ей угрозы.

Послѣ выступленія войскъ, когда палата занялась обсужденіемъ конституціоннаго акта, правительственная коммиссія подпала окончательно подъ вліяніе своего предсѣдателя и, такимъ образомъ, Фуше оказался единственнымъ представителемъ власти въ столицѣ. Онъ былъ хозяиномъ Парижа и всей Франціи. Ему даны были полномочія вести переговоры съ Людовикомъ XVIII, подъ условіемъ, что, если Людовикъ вступитъ на престолъ, то Фуше будетъ министромъ. Но послѣдній былъ настолько ловокъ, что не предложилъ королю подобнаго условія, а добился того, что король самъ предложилъ ему постъ министра. Онъ съумѣлъ повести дѣло такъ, что всѣ партіи нуждались въ немъ. Всѣмъ казалось, что онъ одинъ могъ дать хорошій исходъ дѣлу. Парижская буржуазія смотрѣла на него, какъ на своего спасителя, такъ какъ она была ему обязана „этой неожиданной капитуляціей“. Палата продолжала довѣрять ему, несмотря на то, что противъ него высказывались разныя подозрѣнія. Роялисты разсчитывали на него, полагая, что онъ одинъ могъ безъ шума и скандала ввести Людовика XVIII въ Тюильрійскій дворецъ. Конституціоналисты, умѣренные, бонапартисты, равно и цареубійцы надѣялись, что онъ охранитъ ихъ отъ мести якобинцевъ и отъ нападковъ эмигрантовъ. Наконецъ, Веллингтонъ, который былъ по убѣжденіямъ роялистъ и умѣренный, считалъ Фуше хорошимъ помощникомъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ и возможныхъ осложненіяхъ въ будущемъ.

На другой же день, послѣ капитуляціи Парижа, 4-го іюля, Веллингтонъ послалъ къ Фуше неаполитанскаго полковника Мачироне сказать, что онъ приметъ его на слѣдующій день въ главной квартирѣ.

Свиданіе произошло вечеромъ, 5-го іюля, въ Нельи, куда Веллингтонъ перенесъ свою главную квартиру. Это предмѣстье, такъ же точно, какъ предмѣстья Сенъ-Дени, Клити и Монмартръ, было занято непріятелемъ, въ силу капитуляціи. У Веллингтона Фуше засталъ Талейрана, Поццо-ди-Борго, Гольца и сэра Чарльза Стюарта. Фуше держалъ себя холодно и осторожно. Онъ не хотѣлъ высказаться, не получивъ, въ свою очередь, никакихъ гарантій. Онъ упомянулъ о дурномъ впечатлѣніи, произведенномъ угрозами, которыя были высказаны въ воззваніи, обнародованномъ въ Камбрэ, сообщилъ о томъ, что всѣ относятся къ бѣлому флагу несочувственно, и сдѣлалъ видъ, что съ палатой, которая была, какъ онъ это отлично зналъ, только

тѣнью представительнаго собранія, надобно считаться, какъ съ сильной властью.

Соглашаясь въ принципѣ на возвращеніе Людовика XVIII, онъ поставилъ условіемъ, что король объявитъ всеобщую амнистію и приметъ трехцвѣтную кокарду. На это Талейранъ возразилъ, что король, въ своемъ воззваніи отъ 28-го іюня, уже простилъ всѣхъ тѣхъ, кои были вынуждены служить правительству узурпатора.

— Сдѣланныя изъ этого изъятія,—сказалъ онъ,—касаются исключительно лицъ, принимавшихъ участіе въ возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы.

Относительно вопроса о трехцвѣтномъ флагѣ Талейранъ, взявъ въ свидѣтели Веллингтона, сказалъ, что король не можетъ уступить.

— Если бы моего совѣта спросили въ прошломъ году,—сказалъ Веллингтонъ,—то я посовѣтовалъ бы сохранить трехцвѣтную кокарду. Но она сдѣлалась теперь символомъ возстанія. Король не можетъ принять знамя, подъ которымъ сражалась его армія противъ него. Кромѣ того, многіе департаменты признали уже бѣлую кокарду. Принуждая вѣрноподданныхъ короля отказаться отъ этой эмблемы, мы могли бы вызвать большія осложненія.

Совѣщаніе продолжалось до четырехъ часовъ утра, но присутствующіе не пришли ни къ какому заключенію.

Фуше не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія вступать въ переговоры съ палатами, о которыхъ онъ такъ же мало заботился, какъ о вешнемъ снѣгѣ, но ему было необходимо настаивать на затрудненіяхъ и препятствіяхъ, чтобы придать болѣе цѣны своему содѣйствію и заставить короля считаться съ собою.

Талейранъ могъ бы уже въ тотъ же день предложить Фуше столь желанный имъ постъ министра, онъ былъ готовъ сдѣлать это, но его смутилъ недовѣрчивый и высокомѣрный тонъ герцога Отрантскаго, равно какъ и присутствіе Моле, Валенса и въ особенности Мануэля. На другой день утромъ Талейранъ сказалъ Витролю съ досадой:

— Ну и что же? вашъ герцогъ Отрантскій ровно ничего не сказалъ намъ.

Въ тотъ же день, послѣ полудня, Фуше говорилъ Витролю, возвратившемуся въ Парижъ изъ Арнувиля:

— Что же можно сказать людямъ, которые ничего не говорятъ вамъ?

Но самое главное было сдѣлано: согласіе короля было получено. Выѣхавъ изъ Камбрэ 30-го іюня, по совѣту Веллингтона, который считалъ необходимымъ, чтобы король былъ ближе къ Парижу, Людовикъ XVIII прибылъ 5-го іюля послѣ полудня въ Арнувильскій замокъ. Тутъ было приступлено рѣшительно къ обсужденію вопроса о назна-

ченіи Фуше министромъ. Король былъ противъ этого назначенія. Когда ему впервые намекнули на это,—во время одной изъ остановокъ въ пути,—то онъ заявилъ, что никогда на это не согласится. Онъ считалъ даже несовмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ „принять бразды правленія изъ нечистыхъ рукъ Фуше“, и придумалъ такую комбинацію: Фуше передастъ свои полномочія Макдональду, а тотъ почтительно передастъ ихъ законному монарху; герцога Отрантскаго можно будетъ какъ-нибудь вознаградить за это. Но приближенные короля были не такъ разборчивы. Всѣ они, за весьма немногими исключеніями, считали назначеніе Фуше министромъ неизбѣжнымъ; нѣкоторые находили это даже желательнымъ.

На слова Витроля, что было бы достаточно сдѣлать его пэромъ Франціи, Людовикъ XVIII отвѣтилъ добродушно:

— Я предпочитаю назначить министра, котораго я могу смѣнить, нежели сдѣлать несмѣняемаго пэра.

6-го іюля, когда состоялось назначеніе Фуше, у него все уже было подготовлено для реставраціи Бурбоновъ. Благодаря Фуше, возвращеніе короля въ Парижъ могло совершиться мирнымъ путемъ, какъ бы съ общаго согласія. Но если бы Фуше пошелъ противъ короля, то его возвращеніе въ Тюильри было бы опасно и могло бы окончиться скандаломъ.

Даже послѣ ухода французской арміи, Парижъ не сдѣлался городомъ роялистовъ. Не только волонтеры и все еще озлобленный простой народъ относились съ ненавистью къ измѣнникамъ, отдавшимъ столицу въ руки ненавистныхъ союзниковъ Людовика XVIII, но даже буржуазія и мелкіе торговцы, привѣтствовавшіе капитуляцію, какъ избавленіе отъ большихъ бѣдъ, не хотѣли признать короля, не выговоривъ себѣ гарантій.

На улицахъ стояли группы, съ восторгомъ читали отдѣльный выпускъ „Moniteur'a“, въ которомъ была напечатана довольно платоническая декларація палаты о томъ, что „правительство, которое будетъ навязано странѣ силой, не приметъ національныхъ цвѣтовъ и не гарантируетъ конституціонныхъ свободъ, будетъ только временнымъ“.

Со стѣнъ срывали печатныя „воззванія короля къ французамъ“, которыя вызывали въ умахъ призраки эшафота и разстрѣловъ. Народъ не хотѣлъ ни возмездія, ни возврата къ прежнему режиму. Въ толпѣ говорили, что для защиты Парижа достаточно Луарской арміи, что всѣ, коимъ будетъ угрожать опасность, будутъ искать въ ней убѣжища, что командованіе надъ нею приметъ Наполеонъ. Изъ двѣнадцати начальниковъ легіоновъ, изъ коихъ состоялъ штабъ національной гвардіи, одиннадцать человѣкъ заявили въ открытомъ письмѣ къ обществу, что „они считаютъ за честь сохранить навсегда трехцвѣтную кокарду“.

Въ Парижѣ не было видно ни одной бѣлой кокарды. Самые смѣлые люди ограничивались тѣмъ, что носили кокарду, въ которой бѣлый цвѣтъ преобладалъ надъ голубымъ и краснымъ. Роялисты, ѣздившіе въ Арнувиль или Сенъ-Дени, прятали въ карманъ свои бѣлыя кокарды, которыя они гордо нацѣпляли на шляпу, миновавъ заставу, и предусмотрительно снимали, возвращаясь въ Парижъ. Тѣхъ, которые забывали соблюсти, на обратномъ пути, эту предосторожность, встрѣчали криками: „На фонарь роялистовъ!" Народъ избивалъ ихъ, національная гвардія преслѣдовала ихъ; на нихъ накидывались съ яростью даже конные жандармы. Напечатанныя въ „Moniteur'ѣ" ложныя заявленія французскихъ уполномоченныхъ о томъ, что союзные монархи намѣрены предоставить Франціи свободу избрать самимъ правительство, оживили въ сердцахъ надежды. Говорили, что будетъ избранъ Наполеонъ II или герцогъ Орлеанскій, или же Евгеній Богарнэ, король Саксонскій, эрцгерцогъ Карлъ, даже какой-либо англійскій принцъ. Боязнь реакціи была такъ велика, что находились люди, готовые предпочесть Бурбонскому принцу иностранца!

5-го и 6-го іюля пронесся слухъ, что на 7-ое число назначена демонстрація роялистовъ. Палата заволновалась, народъ роптал, грозилъ кулаками и намѣревался расправиться съ слишкомъ рьяными приверженцами Бурбоновъ. Ни появленіе союзныхъ войскъ у воротъ Парижа, ни оккупація города пруссаками не могли успокоить возбужденія толпы. 6-го іюля нѣсколько роялистовъ, нацѣпившихъ бѣлую кокарду, были прогнаны за заставу Сентъ-Оуенъ, гдѣ ихъ преслѣдовали на разстояніи полуверсты. 7-го іюля 6 гренадеръ королевскаго конвоя, въѣхавшіе въ Парижъ въ своихъ красивыхъ мундирахъ, подверглись нападенію на площади Согласія и были вынуждены спрятаться въ домѣ, гдѣ жилъ Веллингтонъ. Три конвойныхъ были избиты въ саду Палэ-Рояля. То же случилось на Луврской площади, гдѣ были побиты конвойные брата короля, вздумавшіе кричать: „да здравствуетъ король!"

Народъ накинулся на нихъ, крича: „да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ народъ! въ воду! въ воду!"

Сена была близка. Имъ съ трудомъ удалось отбиться саблями и бѣжать.

Фуше могъ бы воспользоваться этимъ недовѣріемъ и раздраженіемъ народа, чтобы образовать противъ короля сильную оппозицію. Ближайшіе совѣтники Людовика XVIII вполнѣ понимали это; но они поспѣшили забыть объ этомъ, когда реставрація стала совершившимся фактомъ.

7 іюля правительственная коммиссія собралась, по обыкновенію, на засѣданіе въ Тюильри. Никто не зналъ, что это засѣданіе было послѣднимъ. Фуше объявилъ объ этомъ своимъ кліентамъ, передавая имъ о своемъ вторичномъ свиданіи съ Веллингтономъ.

— Донесеніе Лафайетта о совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Гагенау, совершенно невѣрно,—сказалъ онъ.—Союзные монархи рѣшили возстановить на престолѣ Людовика XVIII. Непріятельскія войска занимаютъ Парижъ, король въѣзжаетъ въ столицу завтра. Поэтому намъ остается только разойтись, увѣдомивъ о томъ палаты посланіемъ.

Само собою разумѣется, что Фуше не обмолвился ни словомъ о томъ, что указъ о назначеніи его министромъ полиціи уже былъ у него въ карманѣ. Коленкуръ какъ будто одобрилъ сказанное Фуше, но Карно, Гренье и Кинеттъ протестовали. Они предлагали отправиться къ арміи, перенести мѣстопребываніе правительства за Луару и предложить палатамъ собраться въ Блуа или Турѣ. Фуше, котораго поддержалъ Коленкуръ, возсталъ противъ этого плана, принятіе котораго могло, по его словамъ, только увеличить бѣдствіе страны, вызвавъ междоусобную войну. Барабанный бой прервалъ ихъ споръ. Во дворъ Тюильрійскаго дворца вступилъ отрядъ прусской пѣхоты съ двумя орудіями.

Присутствіе пруссаковъ во дворѣ Тюильрійскаго дворца, въ десяти метрахъ отъ залы совѣщаній, было самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что Фуше былъ правъ. Все было кончено. Оставалось толко разойтись. Фуше составилъ посланіе къ народу, въ которомъ, желая облегчить отвѣтственность коммиссіи, онъ объяснялъ предстоявшее возвращеніе короля единодушнымъ и неизмѣннымъ желаніемъ союзныхъ монарховъ.

Его удрученные коллеги покорились необходимости и подписали этотъ актъ, развязный тонъ котораго плохо гармонировалъ съ унизительнымъ признаніемъ въ неспособности, ослѣпленіи и безсиліи, которыя онъ выражалъ по существу. Это жалкое заявленіе, въ своей полной несостоятельности, гласило:

„До сихъ поръ мы не имѣли основанія предполагать, что рѣшеніе союзныхъ монарховъ относительно выбора короля, долженствующаго царствовать во Франціи,—единодушно. Это же утверждали и наши уполномоченные. Между тѣмъ вчера министры и генералы союзныхъ державъ заявили предсѣдателю правительственной коммиссіи, что монархи обязались возстановить Людовика XVIII на престолѣ и что онъ сегодня или завтра долженъ совершить свой въѣздъ въ столицу. Иностранныя войска только-что заняли Тюильрійскій дворецъ. При данныхъ обстоятельствахъ, намъ ничего не остается, какъ возносить мольбы о благѣ отечества и, такъ какъ наши засѣданія не могутъ долѣе происходить свободно, то мы считаемъ долгомъ разойтись“.

Въ тотъ же вечеръ королю было доложено, что его въѣздъ въ его „добрый городъ Парижъ“ можетъ совершиться на слѣдующій день послѣ полудня. Въ ту минуту, какъ Людовикъ XVIII подписывалъ

указъ о назначеніи генерала Дессоля командующимъ національной гвардіей, вмѣсто Массены, у него испросилъ аудіенцію князь Эслингскій, пріѣхавшій изъ Парижа умолять короля отъ имени національной гвардіи сохранить трехцвѣтное знамя. Людовикъ XVIII избавилъ его отъ затрудненія самому начать этотъ щекотливый разговоръ.

— Эти цвѣта очень выцвѣли,— сказалъ король, указывая на кокарду, украшавшую шляпу маршала.

— Весь Парижъ носитъ эти цвѣта,—гордо возразилъ Массена.— Если бы ваше величество рѣшились надѣть ихъ, вступая въ свою столицу, вамъ былъ бы сдѣланъ восторженный пріемъ.

Король топнулъ ногою.

— Нѣтъ! нѣтъ! г. маршалъ. Я никогда не надѣну цвѣта мятежнаго народа.

Этотъ взглядъ раздѣлялся всѣми приближенными короля. Мармонъ заявилъ, что это значило бы „обезчестить себя". Графъ Артуа говорилъ: „я согласился бы скорѣй взять комокъ грязи и нацѣпить его на свою шляпу!".

По утру Парижъ еще не зналъ о готовящемся великомъ событіи. На улицахъ собирались группы, народъ спорилъ, кое-гдѣ происходили маленькія столкновенія, но нигдѣ не было видно на шляпахъ ни одной бѣлой кокарды, въ окнахъ не развѣвалось ни одного бѣлаго флага. Часовъ около десяти или одиннадцати появился „Moniteur". Извлеченія изъ этого номера, украшенныя королевскимъ гербомъ, были расклеены полицейскими чинами и продавались газетчиками. Оффиціальная газета, набранная болѣе крупнымъ шрифтомъ, чѣмъ обыкновенно, была редактирована Витролемъ. Сообщеніе было лаконично и ограничивалось однимъ изложеніемъ фактовъ безъ всякихъ комментаріевъ.

„Правительственная коммиссія извѣстила короля черезъ своего предсѣдателя о томъ, что она распущена. Палаты распущены. Король совершитъ свой въѣздъ въ Парижъ около трехъ часовъ по полудни".

Трехцвѣтные флаги, развѣвавшіеся на памятникахъ, на Тюильрійскомъ дворцѣ, на Домѣ Инвалидовъ, на Военной школѣ, на Ратушѣ, на зданіяхъ мэріи и министерствахъ, были замѣнены бѣлыми флагами. Увидавъ эти флаги, роялисты стали кричать: „да здравствуетъ король!" нацѣпили свои кокарды, стали махать платками, пѣли „Vive Henri IV"; въ окнахъ и на балконахъ появились бѣлые флаги. Всѣ тѣ, кои относились къ событіямъ безразлично, и даже многіе изъ тѣхъ, которые, не далѣе какъ наканунѣ, клялись трехцвѣтнымъ флагомъ, помирились съ совершившимся фактомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель **С. Зыковъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. АВГУСТЪ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Портретъ графа Константина Лубенскаго, епископа Сейнынскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

Библіографическій листокъ.

1. **Послѣ войны о нашей арміи**. А. Геруа. Типографія А. С. Суворина. 1906 года. 284 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

На основаніи историческихъ данныхъ и опыта минувшей японской войны, авторъ указываетъ, что духъ воина является по-прежнему главнымъ рѣшителемъ боевъ и войнъ. Духъ этотъ—продуктъ бытовыхъ и историческихъ условій, въ которыхъ данный народъ находится. Использовать въ наибольшей степени этотъ духъ можно только при соотвѣтственной этому духу организаціи. Между тѣмъ, современную намъ военную организацію мы создали рабскимъ копированіемъ иностранныхъ, преимущественно, прусскихъ образцовъ, совершенно не отвѣчающимъ духу нашего народа. Забыты уроки Петра и Екатерины II и вмѣсто „стаи славной": Румянцова, Потемкина, Суворова, Багратіона, мы стали копировать то нѣмцевъ, то французовъ и дошли до позора японскихъ пораженій. Безсмысленной организаціей хозяйства, штабовъ, канцелярій, офицерскаго состава мы обратили строевыхъ чиновъ въ мастеровыхъ и канцеляристовъ, ставящихъ хозяйство выше боя и бумагу выше дѣла.

Организаціонными ошибками мы губимъ живой духъ войска, но сознаніе его важности живо еще въ нѣкоторыхъ. Организація не даетъ возможности развить этотъ духъ. Выдвинуть его можно только принижая матерію. На этотъ путь встали поклонники духа во главѣ съ генераломъ Драгомировымъ. Отсюда пренебреженіе техникой, за которую мы неоднократно платились. Организаціонная техника: прочная организація боевыхъ массъ, командный составъ, частная иниціатива, телефоны и т. п.—у насъ въ загонѣ. Не лучше обстоитъ дѣло и съ техникой боя. Планомѣрность боя, опредѣленіе боевыхъ задачъ частей войскъ, участвующихъ въ бою — terra incognita въ нашихъ войскахъ. Отсюда путаница понятій: то чрезмѣрное поклоненіе огню съ обученіемъ войскъ трусливымъ пріемамъ переползанія и прятанія, то безсмысленное „штыкоблудіе" — рядъ нелѣпыхъ и неподготовленныхъ штыковыхъ атакъ. По мнѣнію автора, части, подготовляющія атаку, должны развить наибольшую силу огня, части атакующія двигаются возможно прямѣе и безъ выстрѣла на врага. Единственное ихъ оружіе — штыкъ. Авторъ приводитъ въ примѣръ удачную атаку 6 батальоновъ 5-й стрѣлковой бригады на селеніе Чжантаньхепань, 20-го января 1905 г., когда атакующіе шли открыто, безъ выстрѣла $1^1/_2$ версты. Выводъ изъ этого: во время атаки — „пуля—дура, штыкъ—молодецъ", какъ было и прежде, только „при прежнемъ оружіи бросались въ атаку безъ выстрѣла съ 300 шаговъ, а теперь можетъ понадобиться таковая и съ 2 верстъ".

Въ краткой передачѣ нѣтъ возможности даже намѣтить всѣ плодотворныя мысли и практическія замѣчанія, собранныя въ указанной книгѣ. Всѣмъ, интересующимся военнымъ дѣломъ, необходимо ознакомиться съ нею. А тѣмъ, кто въ тиши кабинета, вооруженные теоріей, подготавливаютъ реформы въ нашей арміи, столь ей необходимыя, надо обязательно ознакомиться съ практической постановкой многихъ вопросовъ, поднятыхъ этой книгой.

2. **Поэзія войны**. Баронъ Майдель. Изданіе журнала „Михайловецъ". Цѣна 20 к.

3. **Очерки народнаго быта деревни**. Г. И. Бобрикова. Цѣна 50 коп.

4. **Наброски изъ общественной жизни**. Его же. Цѣна 1 р.

5. **Мотивы преобразованія мѣстныхъ учрежденій**. Его же. Цѣна 70 к.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), Фонтанка, 117.

Графъ

Константинъ Лубенскій

епископъ Сейнынскій.

Записки императрицы Екатерины Второй.

(1729—1751).

IV [1]).

Въ серединѣ поста ея величество уѣхала въ Гостилицы на именины къ графу Разумовскому, а насъ съ своими фрейлинами и нашею обыкновенною свитою отправила въ Царское Село. Погода стояла теплая и даже жаркая, такъ что 17-го марта снѣгъ весь сошелъ, и на дорогѣ показалась пыль. Въ Царскомъ Селѣ великій князь съ Чоглоковымъ охотились, а я съ дамами безпрестанно гуляла то пѣшкомъ, то въ колясках; вечеромъ мы играли въ разныя petits jeux. Въ это время, великій князь, и особенно по вечерамъ, выпивши (что съ нимъ случалось ежедневно), обнаруживалъ рѣшительную склонность къ принцессѣ Курляндской. Онъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ; говорилъ съ нею одною; не церемонился больше ни въ моемъ присутствіи, ни при другихъ, такъ что я, наконецъ, не могла не оскорбляться и не досадовать, видя, какъ онъ предпочиталъ мнѣ этого маленькаго уродца. Однажды вечеромъ, когда мы вставали изъ-за стола, Владиславова сказала мнѣ, что при дворѣ всѣ съ негодованіемъ говорятъ о предпочтеніи, которое оказывается предо мною этой горбушкѣ. „Что дѣлать!"—отвѣчала я съ навернувшимися на глазахъ слезами и ушла спать. Только успѣла я заснуть, какъ пришелъ спать великій князь. Онъ былъ пьянъ до того, что не зналъ, что дѣлалъ, и улегшись сталъ мнѣ твердить о необыкновен-

[1]) См. „Русскую Старину", іюль 1906 г.

ныхъ качествахъ своей красавицы. Чтобы заставить его замолчать, я притворилась спящею, но онъ, думая разбудить меня, началъ говорить громче. Наконецъ, видя, что я не отвѣчаю, онъ раза два или три довольно сильно толкнулъ меня въ бокъ кулакомъ, и, ругаясь за крѣпкій сонъ мой, повернулся и уснулъ. Послѣ такихъ толчковъ я много плакала въ эту ночь, обдумывая мое положеніе, во всѣхъ отношеніяхъ непріятное и несносное. На другой день, какъ видно, ему стало стыдно своего поступка: онъ ни слова не говорилъ о томъ, а я показывала видъ, будто не почувствовала его толчковъ. Черезъ два дня мы возвратились въ городъ и на послѣдней недѣлѣ поста возобновили наше говѣнье. О банѣ больше не поминали великому князю; но съ нимъ въ эту недѣлю случилось другое происшествіе, которое нѣсколько озаботило его. Возня въ его комнатѣ не прекращалась почти цѣлый день. Разъ послѣ обѣда онъ досталъ себѣ предлинный кучерской кнутъ и началъ надъ нимъ свои упражненія. Онъ хлесталъ имъ направо и налѣво, а лакеи, чтобы спастись отъ удара, должны были перебѣгать изъ одного угла въ другой. Не знаю, по неловкости или по неосторожности, но только онъ хлестнулъ въ щеку самого себя, и такъ сильно, что на лѣвой сторонѣ лица образовался большой рубецъ, очень красный. Это очень встревожило его. Онъ боялся, что ему нельзя будетъ показаться на Святой, что императрица, по случаю окровавленной щеки, опять не позволитъ ему причащаться, и какъ скоро узнаетъ объ упражненіяхъ съ кнутомъ, то ему опять будутъ выговоры и какія-нибудь непріятности. Какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, онъ не замедлилъ явиться ко мнѣ за совѣтомъ и просилъ, чтобъ я помогла его горю. „Боже мой! что такое случилось съ вами?" — воскликнула я, увидавъ его съ окровавленной щекою. Онъ мнѣ разсказалъ все, что описано выше. „Погодите", сказала я ему, немного подумавши,—„можетъ быть, я помогу вамъ. Теперь ступайте къ себѣ въ комнату и постарайтесь, чтобы къ вамъ какъ можно меньше приходило постороннихъ. Я приду къ вамъ, какъ только достану, что мнѣ нужно, и надѣюсь, что все обойдется благополучно". Онъ ушелъ. Дѣло въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось упасть въ Петергофскомъ саду, и я до крови оцарапала себѣ щеку; лейбъ-хирургъ мой Іонъ далъ мнѣ помады изъ свинцовыхъ бѣлилъ, которою я замазала рубецъ, такъ что могла свободно выходить, и никто не замѣтилъ оцарапанной щеки моей. Вспомнивъ объ этомъ, я тотчасъ послала за помадой, и когда ее принесли, отправилась къ великому князю и такъ искусно намазала ему щеку, что онъ самъ, глядя въ зеркало, не замѣчалъ рубца своего. Въ четвергъ мы причащались вмѣстѣ съ императрицей въ большой придворной церкви, и когда послѣ причастія опять стали

на наши мѣста, свѣтъ прямо упалъ на щеку великаго князя. Чоглоковъ съ чѣмъ-то подошелъ къ намъ и, взглянувъ на великаго князя, сказалъ ему: „утрите щеку, она вся въ помадѣ“. Я какъ будто въ шутку сказала на это: „не смѣйте утираться; жена ваша не приказываетъ вамъ“.—„Что съ ними станешь дѣлать,—замѣтилъ великій князь, обращаясь къ Чоглокову:—когда женѣ не угодно, мужъ не смѣетъ даже утереться“. Чоглоковъ засмѣялся и сказалъ: „это ужъ настоящій женскій капризъ“. Тѣмъ дѣло и кончилось. Великій князь былъ очень доволенъ мною и за помаду, которая избавила его отъ непріятностей, и за мое присутствіе духа, которымъ я устранила всякое подозрѣніе со стороны Чоглокова.

Такъ какъ въ Свѣтлое воскресенье надо было быть у заутрени, то въ Великую субботу послѣ обѣда я легла уснуть и велѣла разбудить себя, когда будетъ пора одѣваться. Только-что успѣла я лечь въ постель, какъ великій князь опрометью вбѣжалъ и объявилъ, чтобъ я немедленно вставала и шла къ нему ѣсть свѣжихъ устрицъ, которыя ему сейчасъ привезли изъ Голштиніи. Привозъ устрицъ былъ для него великимъ и двойнымъ праздникомъ: во-первыхъ, онъ былъ до нихъ охотникъ, а, во-вторыхъ, онѣ были изъ Голштиніи, родной страны его, которую онъ очень любилъ, но которою, тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, управлялъ очень дурно, дѣлая въ ней и позволяя дѣлать страшныя вещи. Не пойти значило огорчить его, и, кромѣ того, онъ сталъ бы браниться. Поэтому я встала и отправилась къ нему, хотя была очень утомлена безпрестаннымъ стояніемъ въ церкви въ продолженіе Страстной недѣли. Устрицы были уже поданы. Я съѣла около дюжины, и затѣмъ онъ позволилъ мнѣ уйти и лечь спать, а самъ остался доѣдать устрицы. Около полуночи я встала, одѣлась къ обѣднѣ, но не могла выстоять до конца по причинѣ сильной колики. Въ жизнь свою не помню такой страшной боли. Я должна была уйти къ себѣ въ комнату; всѣ мои люди были въ церкви. Со мною пришла одна только княжна Гагарина, которая и помогла мнѣ раздѣться, уложила въ постель и послала за докторами. Мнѣ прописали лѣкарства, и первые два дня праздника я оставалась въ постели.

Около этого времени или немного раньше, въ Россію пріѣхали посолъ вѣнскаго двора, графъ Бернисъ, и посланники: датскій—графъ Линаръ, и саксонскій—генералъ Аргеймъ. Сей послѣдній привезъ съ собою и жену свою, урожденную Гоимъ. Графъ Бернисъ, родомъ изъ Піемонта, пятидесяти съ небольшимъ лѣтъ, былъ уменъ, любезенъ, веселъ, имѣлъ много познаній и такой характеръ, что молодымъ людямъ пріятнѣе было оставаться въ его обществѣ, нежели съ своими сверстниками. Его всѣ любили и уважали, и я тысячу разъ

*

говорила, что для великаго князя проистекла бы величайшая польза, если бы къ нему приставили его или подобнаго ему человѣка. Великій князь наравнѣ со мною оказывалъ ему особенную привязанность и уваженіе и самъ говорилъ, что въ присутствіи такого человѣка, какъ графъ Бернисъ, невольно стыдишься дѣлать глупости—превосходное слово, котораго я никогда не могла забыть. Въ качествѣ кавалера посольства при графѣ Бернисѣ находился графъ Гамильтонъ, мальтійскій кавалеръ. Однажды при дворѣ, спрашивая сего послѣдняго о здоровьѣ графа Берниса (онъ былъ тогда боленъ), я случайно замѣтила, что имѣю очень высокое понятіе о графѣ Батіани, котораго императрица-королева назначила въ то время воспитателемъ старшихъ сыновей своихъ, эрцгерцоговъ Іосифа и Карла, такъ какъ въ этой должности его предпочли даже графу Бернису. Въ 1780 г., въ первое свиданіе мое съ императоромъ Іосифомъ II, его императорское величество сказалъ мнѣ, что знаетъ о такомъ моемъ отзывѣ. Я отвѣчала, что, вѣроятно, ему передалъ его графъ Гамильтонъ (который, по возвращеніи изъ Россіи, былъ опредѣленъ къ Іосифу). Онъ сказалъ, что я угадала, и что хотя онъ не зналъ графа Берниса, но что его считали болѣе способнымъ къ исполненію этой должности, нежели бывшаго его воспитателя. Графъ Линаръ, посланникъ датскаго короля, пріѣхалъ въ Россію для переговоровъ объ обмѣнѣ Голштиніи, принадлежавшей великому князю, на Ольденбургское графство. Этотъ человѣкъ былъ (по крайней мѣрѣ, такъ говорили о немъ) очень талантливъ и имѣлъ много познаній. Наружность его обличала, какъ нельзя больше, пустаго щеголя. Онъ былъ великъ ростомъ и хорошо сложенъ, имѣлъ свѣтлые, почти рыжіе волосы и цвѣтъ лица бѣлый, какъ у женщины. Про него разсказывали, что онъ никогда не ложился въ постель, не натерши лица и рукъ помадою, и засыпалъ въ перчаткахъ и ночной маскѣ. Онъ хвастался тѣмъ, что у него восемнадцать человѣкъ дѣтей, и увѣрялъ, что женщины, кормившія этихъ дѣтей, получали способность кормить, тоже благодаря ему. Весь бѣлобрысый, онъ украшалъ себя бѣлою лентою датскаго ордена и носилъ платья чрезвычайно свѣтлыхъ цвѣтовъ, какъ, напримѣръ, лазореваго, абрикосоваго, лиловаго, тѣлеснаго и проч., хотя въ то время мужчины еще рѣдко употребляли такіе свѣтлые цвѣта. Великій канцлеръ, графъ Бестужевъ и жена его обращались съ графомъ Линаромъ, какъ съ другомъ дома, и чрезвычайно за нимъ ухаживали, что тѣмъ не менѣе было очень смѣшно. Противъ него было еще одно обстоятельство, именно сохранившееся воспоминаніе о чрезмѣрной дружбѣ брата его съ принцессою Анною, правленіе которой было ниспровергнуто. Какъ бы то ни было, только графъ Линаръ, немедленно по прибытіи своемъ, началъ толковать

объ обмѣнѣ Голштиніи на Ольденбургское графство. Великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, призвалъ къ себѣ господина Пехлина, бывшаго министра великаго князя по управленію Голштинскимъ герцогствомъ, и сообщилъ ему предложеніе графа Линара. Пехлинъ доложилъ о томъ великому князю. Сей послѣдній страстно любилъ свою Голштинію. Еще въ Москвѣ ему было доложено о неоплатныхъ долгахъ герцогства; онъ попросилъ денегъ у императрицы, которая дала ему не очень большую сумму; но деньги эти не дошли до Голштиніи и употреблены были на удовлетвореніе наиболѣе неотступныхъ кредиторовъ его императорскаго высочества въ Россіи. Пехлинъ говорилъ, что финансовыя дѣла Голштиніи находятся въ отчаянномъ положеніи. Онъ могъ хорошо знать о томъ, потому что великій князь возложилъ на него все управленіе, а самъ очень мало или совсѣмъ не занимался дѣлами, такъ что, однажды, выведенный изъ терпѣнія, тихимъ голосомъ сказалъ ему: „ваше высочество! государь имѣетъ полное право принимать или не принимать участіе въ управленіи своей страною; если онъ не принимаетъ участія, то страна управляется сама собою, но она управляется дурно“. Этотъ Пехлинъ былъ очень маленькаго роста, очень жирный и носилъ огромный парикъ, но не былъ лишенъ дарованій и былъ человѣкъ свѣдущій. Въ его толстой и коротенькой фигурѣ обиталъ тонкій и проницательный умъ; его обвиняли только въ томъ, что онъ былъ вовсе не деликатенъ въ выборѣ средствъ. Великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, имѣлъ къ нему большую довѣренность, и онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ къ нему лицъ. Пехлинъ представилъ великому князю, что выслушать условія еще не значитъ договариваться, и договариваться не значитъ еще принять условія, и что онъ всегда, какъ скоро найдетъ нужнымъ, можетъ прервать переговоры. Наконецъ, мало-по-малу его склонили уполномочить Пехлина къ выслушанію предложеній датскаго посланника, и этимъ самымъ началась негоціація. Въ сущности, она была непріятна великому князю, и онъ мнѣ говорилъ о томъ. Съ моей стороны, будучи воспитана въ старыхъ предубѣжденіяхъ Голштинскаго дома противъ Даніи и наслышавшись о вредныхъ замыслахъ графа Бестужева противъ великаго князя и меня, я не могла говорить объ этой негоціаціи иначе, какъ съ неудовольствіемъ и безпокойствомъ, и всѣми мѣрами старалась отклонять отъ нея великаго князя. Надо замѣтить, что я только отъ него одного и слышала о ней, а ему самому сказано было, чтобы онъ соблюдалъ въ этомъ отношеніи строжайшую тайну, и особенно говоря съ женщинами. Я полагаю, что послѣдняя предосторожность относилась преимущественно ко мнѣ, но она ни къ чему не повела, потому что его императорское высочество тотчасъ же обо всемъ мнѣ разсказывалъ. Чѣмъ дальше шли

переговоры, тѣмъ больше старались представить ихъ великому князю въ благопріятномъ и выгодномъ свѣтѣ. Часто я видала его въ восторгѣ отъ будущихъ пріобрѣтеній; затѣмъ восторгъ проходилъ, и онъ снова начиналъ сожалѣть о томъ, что приходилось уступить. Какъ скоро онъ колебался, переговоры нарочно были замедляемы до тѣхъ поръ, пока выдумывали какую-нибудь новую приманку и успѣвали увѣрить его, что онъ останется съ барышомъ.

Въ началѣ весны намъ велѣно было переселиться въ Лѣтній садъ, въ небольшой домъ, построенный Петромъ I, гдѣ почти нѣтъ фундамента, изъ комнатъ прямо выходишь въ садъ. Тогда еще не было ни каменной набережной, ни моста черезъ Фонтанку. Въ этомъ домѣ меня постигло горе, тяжелѣе всѣхъ испытанныхъ мною въ царствованіе императрицы Елисаветы. Въ одно утро мнѣ пришли сказать, что императрица отставила отъ меня стараго моего камердинера, Тимоѳея Евреинова. Вотъ предлогъ этой отставки. Евреиновъ бранился въ гардеробной съ другимъ лакеемъ, подававшимъ намъ кофе; великій князь проходилъ мимо и слышалъ отчасти ихъ перебранку. Третій лакей, врагъ того, съ которымъ Евреиновъ бранился, пошелъ къ Чоглокову и донесъ, что тотъ лакей произносилъ неприличныя слова въ присутствіи великаго князя. Чоглоковъ тотчасъ же доложилъ императрицѣ, которая приказала отставить отъ двора обоихъ, и такимъ образомъ Евреиновъ былъ сосланъ въ Казань, гдѣ впослѣдствіи его сдѣлали начальникомъ полиціи. Но настоящая причина заключалась въ томъ, что Евреиновъ и другой сосланный лакей были очень привязаны къ намъ, особенно первый, и уже давно искали предлога, чтобы отнять у меня его. Все мое имущество было у него подъ сохраненіемъ. На его мѣсто императрица назначила бывшаго его помощника Шкурина. Къ сему послѣднему въ то время я вовсе не имѣла довѣренности.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ домѣ Петра I, насъ перемѣстили въ деревянный лѣтній дворецъ, гдѣ для насъ приготовлены были новыя комнаты, выходившія съ одной стороны на Фонтанку, которая тогда была грязнымъ болотомъ, а съ другой—на небольшой очень нечистый дворъ. Въ Духовъ день императрица приказала мнѣ пригласить кататься со мною мадамъ Арнгеймъ, жену саксонскаго посланника. Это была статная и очень хорошо сложенная женщина, лѣтъ 25 или 26-ти, нѣсколько сухощавая и вовсе некрасивая лицомъ, которое было усѣяно довольно крупными рябинами; но издали она казалась бѣлою и производила въ нѣкоторомъ родѣ величественное впечатлѣніе. Мадамъ Арнгеймъ пріѣхала ко мнѣ около 5 часовъ послѣ обѣда, съ ногъ до головы въ мужскомъ нарядѣ: на ней было красное суконное платье, обшитое золотымъ галуномъ, и

зеленый гродетуровый камзолъ съ тѣми же галунами. Она не знала, куда положить шляпу и что дѣлать съ своими руками, и показалась намъ не очень ловка. Зная, что императрица не любитъ, чтобы я ѣздила по-мужски, я приказала приготовить себѣ англійское дамское сѣдло и надѣла верховое на англійскій манеръ платье изъ очень богатой лазореваго съ серебромъ цвѣта матеріи; стеклянныя пуговицы мои сверкали, какъ настоящія брильянтовыя, а на черной шапочкѣ навязана была кругомъ брильянтовая нитка. Я пошла внизъ садиться на лошадь. Въ эту минуту ея величество пришла къ намъ въ комнаты посмотрѣть, какъ мы поѣдемъ. Я въ то время была очень ловка и привычна къ верховой ѣздѣ; подошедши къ лошади, я въ ту же минуту вспрыгнула на нее, съ обѣихъ сторонъ распустила мою юбку, въ которой для этого нарочно была сдѣлана прорѣха. Увидавъ, съ какою ловкостью и проворствомъ я сѣла на лошадь, императрица вскрикнула отъ удивленія и сказала, что невозможно сидѣть красивѣе моего; она спросила, на какомъ я сѣдлѣ, и, узнавши, что на дамскомъ, сказала: „можно было побиться объ закладъ, что она сидитъ на мужскомъ". Затѣмъ пришла очередь садиться мадамъ Арнгеймъ, но она не могла удивить ея величество ловкостью. Лошадь свою она привела изъ дома. Это была дрянная, темно-бурая кляча, очень высокая и неповоротливая; наши придворные увѣряли, будто это—дышловая лошадь и взята изъ-подъ коляски. Чтобы взобраться на нее, надо было подставлять скамейку, и все это было сдѣлано очень церемонно и съ помощью многихъ лицъ. Когда она, наконецъ, взобралась, лошадь начала очень неловко ступать, такъ что всадница ежеминутно могла опрокинуться, не усаживалась, какъ слѣдуетъ, скользила въ стременахъ и должна была держаться рукою за сѣдло. Какъ скоро она усѣлась, я поѣхала впередъ, и вслѣдъ за мною нѣсколько человѣкъ. Я догнала великаго князя, который выѣхалъ раньше, и мадамъ Арнгеймъ на своей клячѣ осталась позади. Послѣ мнѣ сказывали, что императрица много смѣялась надъ верховою ѣздою мадамъ Арнгеймъ. Кажется, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца, Чоглокова, ѣхавшая въ коляскѣ, должна была посадить ее къ себѣ, потому что она безпрестанно теряла то шляпу, то стремена. Наконецъ, мы пріѣхали въ Екатерингофъ. Но этимъ еще не все кончилось. Въ этотъ день, часовъ до трехъ послѣ обѣда шелъ дождь, и когда мы пріѣхали въ екатерингофскій домъ, на лѣстницѣ и на площадкахъ стояли лужи. Слѣзши съ лошади и пробывъ нѣсколько минутъ въ залѣ, куда собралось много народа, я вздумала пройти по открытой площадкѣ въ комнату, гдѣ были мои женщины. Мадамъ Арнгеймъ пошла за мною, и такъ какъ я шла очень скоро, то ей пришлось бѣжать, чтобъ не отстать отъ меня; она нашла на лужу,

поскользнулась и растянулась во всю длину свою, при всеобщемъ хохотѣ стоявшихъ на площадкѣ зрителей. Она поднялась, нѣсколько сконфузившись и приписывая свое паденіе тому, что въ этотъ день на ней были новые сапоги. Мы возвращались съ прогулки въ экипажахъ; дорогою она безпрестанно говорила намъ о достоинствахъ своей клячи; мы кусали себѣ губы, чтобъ не разразиться смѣхомъ. Въ продолженіе многихъ дней при дворѣ и въ городѣ всѣ хохотали надъ ея похожденіями. Мои женщины увѣряли, будто она упала отъ того, что вздумала подражать мнѣ, не имѣя моей ловкости. Чоглокова была вовсе не смѣшлива, но долго смѣялась до слезъ, когда ей вспоминали о мадамъ Арнгеймъ.

Изъ Лѣтняго дворца мы переѣхали въ Петергофъ, гдѣ этотъ годъ жили въ Монплезирѣ. Ежедневно послѣ обѣда мы просиживали по нѣскольку часовъ у Чоглоковыхъ, къ которымъ собирались гости, гдѣ потому было довольно пріятно. Оттуда мы переѣхали въ Ораніенбаумъ, и тамъ каждый Божій день ѣзжали на охоту. Случалось иногда до тринадцати разъ въ день садиться на лошадь. Впрочемъ, лѣто было довольно дождливо. Помню, какъ однажды я возвратилась домой вся мокрая и, слѣзши съ лошади, встрѣтила моего портнаго, который сказалъ: „Ну, теперь я не удивляюсь, отчего не могу наготовиться на васъ верховыхъ платьевъ, и отчего меня безпрестанно заставляютъ шить новыя". Дѣло въ томъ, что я приказывала шить ихъ не иначе, какъ изъ шелковаго камлота: они съеживались отъ дождя и линяли на солнцѣ, и потому надо было безпрестанно заказывать новыя. Въ это время я изобрѣла себѣ сѣдло, на которомъ могла ѣздить, какъ хотѣла. Оно было съ англійскою лукою, такъ что можно было перекинуть ногу и сѣсть по-мужски. Его можно было раздвигать и по произволу, какъ вздумается, опускать или поднимать другое стремя. Когда у кучеровъ спрашивали, какъ я ѣзжу, они отвѣчали, что по приказанію императрицы на дамскомъ сѣдлѣ. Я перекидывала ногу только въ такомъ случаѣ, когда была увѣрена, что никто не донесетъ на меня, и такъ какъ я не хвасталась моимъ изобрѣтеніемъ, а прислуга была рада доставить мнѣ удовольствіе, то все обходилось благополучно. Великому князю мало было заботы, на какомъ бы сѣдлѣ я ни ѣздила. Кучера находили, что гораздо безопаснѣе ѣздить по-мужски, особливо гоняясь безпрестанно на охоту, нежели на англійскихъ сѣдлахъ; сихъ послѣднихъ они терпѣть не могли, увѣряя, что съ ними всегда что-нибудь случается, изъ-за чего послѣ съ нихъ пойдутъ взысканія. Сказать по правдѣ, я была очень равнодушна къ охотѣ, но страстно любила верховую ѣзду, и чѣмъ больше было въ ней опасности, тѣмъ она была милѣе мнѣ; если случалось, что лошадь убѣгала, я бросалась за нею и приводила ее назадъ. Въ это

время также у меня въ карманѣ постоянно бывала книга, которую я принималась читать, какъ скоро была одна. Въ продолженіе этой охотничьей жизни я замѣтила, что Чоглоковъ сдѣлался гораздо мягче, и особливо противъ меня, такъ что я стала опасаться, уже не вздумалъ ли онъ волочиться за мною, чего я вовсе не желала. Прежде всего, онъ мнѣ отнюдь не нравился; онъ былъ бѣлокуръ и щеголеватъ, чрезвычайно толстъ и умомъ такъ же неповоротливъ, какъ и тѣломъ. Его всѣ терпѣть не могли, какъ жабу, и въ самомъ дѣлѣ нечего было любить. Кромѣ того, я должна была опасаться ревности и недоброжелательства злой жены его, тѣмъ болѣе, что я не имѣла никакой опоры въ мірѣ, кромѣ самой себя и моихъ достоинствъ, если только таковыя были во мнѣ. Вслѣдствіе этого я очень искусно избѣгала и уклонялась отъ того, что казалось мнѣ преслѣдованіемъ со стороны Чоглокова; но, впрочемъ, была съ нимъ вѣжлива, и онъ не имѣлъ причины на меня жаловаться. Все это, какъ нельзя лучше, было замѣчено женою его, которая оцѣнила мое поведеніе и впослѣдствіи очень полюбила меня, отчасти именно за это. Но о томъ будетъ сказано ниже.

При дворѣ нашемъ были два камергера Салтыковы, сыновья генералъ-адъютанта Василія Ѳедоровича Салтыкова, жена котораго, Марія Алексѣевна, урожденная княжна Голицына, мать этихъ двухъ молодыхъ людей, пользовалась особенною милостью императрицы за необыкновенную вѣрность, преданность и отличныя услуги, оказанныя ею во время восшествія на престолъ ея величества. Младшій изъ этихъ двухъ братьевъ, Сергѣй, незадолго передъ описываемымъ временемъ женился на императрицыной фрейлинѣ, Матренѣ Павловнѣ Балкъ. Старшій братъ, котораго звали Петръ, былъ дуракъ въ полномъ смыслѣ слова, съ самою безсмысленною физіономіею, какую когда-либо я встрѣчала въ моей жизни: большіе стоячіе глаза, тупой носъ и ротъ всегда полураскрытый. Ко всему онъ былъ въ высшей степени сплетникъ, и, по этому самому, Чоглоковы довольно хорошо принимали его. Владиславова, по старому знакомству съ матерью этого олуха, внушала Чоглоковымъ мысль женить его на принцессѣ Курляндской. По крайней мѣрѣ, онъ принялся за ней ухаживать, сдѣлалъ предложеніе и былъ отвергнутъ, и родители его стали просить у императрицы соизволенія на бракъ. Великій князь узналъ о томъ по возвращеніи нашемъ въ городъ, когда дѣло уже совсѣмъ было улажено. Онъ очень разсердился, не одобрялъ брака и сталъ дуться на принцессу Курляндскую. Не знаю, какъ она умѣла, несмотря на все это, удержать за собою нѣкоторую долю прежней любви великаго князя, и въ теченіе долгаго времени до извѣстной степени продолжала пользоваться его довѣренностью. Что касается

до меня, то я была въ восторгѣ отъ этого брака, и заказала для жениха великолѣпное платье. Императрица изъявила согласіе; но въ то время при дворѣ случалось по цѣлымъ годамъ дожидаться свадьбы, потому что императрица обыкновенно сама назначала день, часто подолгу забывала о томъ и, когда ей напоминали, откладывала отъ времени до времени. Такъ было и тутъ. Однако осенью, возвратившись въ городъ, я имѣла удовольствіе видѣть, какъ принцесса Курляндская и Петръ Салтыковъ благодарили императрицу за то, что она изволила согласиться на бракъ ихъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что Салтыковы принадлежали къ самымъ древнимъ и знатнымъ родамъ въ Россіи и находились даже въ родствѣ съ царскимъ домомъ, ибо мать императрицы Анны была урожденная Салтыкова (по другой линіи), между тѣмъ какъ Биронъ, сдѣланный курляндскимъ герцогомъ по милости императрицы Анны, былъ не болѣе, какъ сынъ ничтожнаго и бѣднаго фермера, жившаго на земляхъ одного курляндскаго дворянина. Фермеръ этотъ назывался Биренъ; но кардиналъ Флери, желая польстить самолюбію его сына, пользовавшагося такимъ значеніемъ въ Россіи, и черезъ то склонить русскій дворъ въ пользу Франціи, уговорилъ французскихъ Бироновъ принять въ домъ свой фаворита императрицы Анны.

По возвращеніи въ городъ, мы узнали, что, кромѣ двухъ дней въ недѣлю, по которымъ обыкновенно давалась французская комедія, назначено еще два дня для маскарадовъ. Пятый день взялъ великій князь для своихъ концертовъ, а по воскресеньямъ, какъ и всегда, были куртаги. На одномъ изъ двухъ маскарадовъ бывалъ только дворъ и тѣ лица, которыхъ императрица удостоивала своимъ приглашеніемъ; въ другомъ маскарадѣ могли участвовать всѣ чиновные люди въ городѣ до полковничьяго чина и всѣ служившіе офицерами въ гвардіи; иногда допускались на нихъ всѣ вообще дворяне и знатнѣйшее купечество. На первыхъ придворныхъ маскарадахъ обыкновенно бывало не болѣе 160 или 200 человѣкъ, на вторыхъ, называвшихся публичными, до 800 человѣкъ.

Въ 1744 г. въ Москвѣ императрицѣ вздумалось приказать, чтобы на придворные маскарады всѣ мужчины являлись въ женскихъ нарядахъ и всѣ женщины въ мужскихъ, и при томъ безъ масокъ на лицахъ. Это были превращенные куртаги: мужчины въ огромныхъ юбкахъ на китовыхъ усахъ, одѣтые и причесанные точно такъ, какъ одѣвались дамы на куртагахъ, а дамы въ мужскихъ придворныхъ костюмахъ. Такія метаморфозы вовсе не нравились мужчинамъ, и большая часть ихъ являлась на маскарадъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, потому что они не могли не чувствовать, какъ они безобразны въ дамскомъ нарядѣ. Съ другой стороны, дамы казались

жалкими мальчиками; кто былъ постарше, того безобразили толстыя и короткія ноги, и изъ всѣхъ ихъ мужской костюмъ шелъ вполнѣ только къ одной императрицѣ. При своемъ высокомъ ростѣ и нѣкоторой дюжести она была чудно хороша въ мужскомъ нарядѣ. Ни у одного мужчины я никогда въ жизнь мою не видала такой прекрасной ноги; нижняя часть ноги была удивительно стройна. Ея величество отлично танцовала и во всякомъ нарядѣ мужскомъ и женскомъ умѣла придавать всѣмъ своимъ движеніямъ какую-то особенную прелесть. На нее нельзя было довольно налюбоваться, и бывало съ сожалѣніемъ перестаешь смотрѣть на нее, потому что ничего лучшаго болѣе не увидишь. Разъ на одномъ изъ такихъ баловъ она танцовала менуетъ, и я не отводила отъ нея глазъ. Кончивши танецъ, она подошла ко мнѣ. „Для женщинъ большое счастіе,—осмѣлилась я замѣтить, — что ваше величество родились не мужчиною; одинъ портретъ вашъ, въ такомъ видѣ, какъ теперь, могъ бы вскружить голову любой женщинѣ". Она была очень довольна этими словами и въ свою очередь сказала мнѣ съ чрезвычайною любезностью, что если бы она была мужчиною, то яблоко непремѣнно досталось бы мнѣ. Я наклонилась поцѣловать у нея руку за столь неожиданный комплиментъ, но она обняла меня. Всѣ стали толковать и догадываться, что такое было между нами. Я не думала дѣлать тайну, сказала Чоглокову, тотъ передалъ на ухо двумъ или тремъ, и изъ устъ въ уста, въ какую-нибудь четверть часа весь маскарадъ зналъ о моемъ разговорѣ съ императрицею.

Въ послѣдній разъ, какъ мы жили въ Москвѣ, главнокомандующимъ въ Петербургѣ оставался, въ отсутствіе двора, сенаторъ и начальникъ кадетскаго корпуса, князь Юсуповъ. Для собственной забавы и для удовольствія знатныхъ людей, какіе оставались тогда въ Петербургѣ, онъ завелъ театральныя представленія: кадеты попеременно разыгрывали лучшія трагедіи, какъ русскія, сочиняемыя въ то время Сумароковымъ, такъ и французскія, сочиненія Вольтера, сіи послѣднія въ искаженіяхъ. По возвращеніи изъ Москвы, императрица приказала, чтобы эта труппа молодыхъ людей продолжала играть пьесы Сумарокова при дворѣ. Ея величество забавлялась этими представленіями, и вскорѣ стали замѣчать, что она занимается ими несравненно болѣе, чѣмъ можно было подумать. Театръ изъ дворцовой залы перенесенъ былъ во внутренніе ея покои. Она забавлялась костюмировкою актеровъ, заказывала имъ великолѣпные наряды, убирала ихъ своими драгоцѣнными каменьями. Какъ и слѣдуетъ, всѣхъ богаче бывалъ одѣтъ первый любовникъ, довольно красивый мальчикъ, лѣтъ 18 или 19. Но вскорѣ и внѣ театра стали замѣчать на немъ брильянтовыя застежки, кольца, часы, кружева и

бѣлье самаго лучшаго сорта. Наконецъ, онъ вышелъ изъ кадетскаго корпуса; оберъ-егермейстеръ, графъ Разумовскій, бывшій фаворитъ императрицы, тотчасъ же взялъ его къ себѣ въ адъютанты, что равнялось капитанскому чину. Придворные не замедлили вывести изъ этого свои заключенія и стали говорить, что единственная причина, почему графъ Разумовскій взялъ къ себѣ въ адъютанты кадета Бекетова, заключается въ томъ, чтобы противопоставить его молодому камеръ-юнкеру Шувалову, который вовсе не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Разумовскими; отсюда, наконецъ, недалеко было до заключенія, что молодой Бекетовъ входитъ въ великій фаворъ у Императрицы. Кромѣ того, извѣстно было, что графъ Разумовскій приставилъ къ новому своему адъютанту другаго, находившагося у него на побѣгушкахъ, человѣка, котораго онъ называлъ Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ. Жена сего послѣдняго съ давнихъ поръ находилась при императрицѣ въ числѣ камерфрау. Она-то и доставляла молодому Бекетову бѣлье и кружева, о которыхъ говорено выше, и такъ какъ она вовсе не была богата, то легко можно было заключить, что деньги на наряды молодому человѣку шли вовсе не изъ ея кошелька. Начавшійся фаворъ Бекетова никого такъ не тревожилъ, какъ фрейлину мою, княжну Гагарину. Она была уже не первой молодости и хотѣла сыскать себѣ партію по вкусу. Она сама имѣла хорошее состояніе, но была не хороша собою, хотя очень умна и уклончива. Ей приходилось во второй разъ отказываться отъ своего предмета въ пользу императрицы: сначала отъ Шувалова, теперь отъ Бекетова, о которомъ идетъ рѣчь. У княжны Гагариной было множество пріятельницъ между молодыми и хорошенькими женщинами; кромѣ того, она имѣла многочисленную родню. Тѣ и другіе терпѣть не могли Шувалова, увѣряя, будто изъ-за него императрица дѣлала княжнѣ Гагариной безпрестанные выговоры и запрещала какъ ей, такъ и многимъ другимъ молодымъ женщинамъ надѣвать то то, то другое платье или нарядъ. Вину всего этого княжна Гагарина и всѣ хорошенькія придворныя дамы взваливали на Шувалова и возненавидѣли его до крайности, между тѣмъ какъ прежде очень любили его. Думая смягчить ихъ гнѣвъ, онъ старался быть съ ними предупредителенъ и черезъ друзей своихъ передавалъ имъ разныя любезности; но въ этомъ онѣ видѣли для себя новое оскорбленіе. Онѣ отворачивались отъ него, не хотѣли говорить съ нимъ, бѣгали отъ него, какъ отъ чумы. Въ это самое время великій князь подарилъ мнѣ маленькую собачку, англійскаго пуделя, котораго мнѣ давно хотѣлось имѣть. Эту собачку вздумали назвать Иванъ Ивановичемъ, по имени истопника Ивана Ушакова, ходившаго ко мнѣ въ комнату топить печку. Сама собачка была презабавное животное;

она ходила, какъ человѣкъ, на заднихъ лапкахъ и большую часть дня чрезвычайно дурачилась; я и мои женщины причесывали и одѣвали ее каждый день иначе; и чѣмъ смѣшнѣе мы наряжали ее, тѣмъ она становилась забавнѣе: она садилась съ нами за столъ, ей подвязывали салфетку, и она очень опрятно ѣла съ своей тарелки; потомъ оборачивала голову, начинала теребить стоявшаго позади человѣка, спрашивая себѣ пить; иногда вспрыгивала на столъ и доставала, чего ей хотѣлось; пирожокъ, бисквитъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ; однимъ словомъ, невозможно было не смѣяться, глядя на нее. Она была очень мала, никому не мѣшала, и ей позволяли дѣлать все, что ей вздумается, потому что она не злоупотребляла этой свободой и была чрезвычайно чистоплотна. Всю зиму забавлялъ насъ англійскій пудель. На слѣдующее лѣто я взяла его съ собою въ Ораніенбаумъ, куда къ намъ ѣздилъ камергеръ Салтыковъ второй съ женою своею. Сія послѣдняя, какъ и всѣ дамы нашего двора, цѣлый день только и дѣлала, что шила и прилаживала разныя наколки и наряды для моей собачки, которую онѣ ласкали наперерывъ другъ передъ другомъ. Наконецъ, Салтыкова такъ полюбила ее, что собачка не отходила отъ нея прочь, и онѣ не могли разстаться другъ съ другомъ. Уѣзжая отъ насъ, Салтыкова просила меня отдать ей собачку. Я согласилась, и она, взявъ ее на руки, поѣхала прямо въ деревню, къ свекрови своей, которая въ то время была больна. Свекровь, увидавъ собачку и забавныя шутки ея, которыя она безпрестанно выдѣлывала, захотѣла узнать ея кличку и, услышавши, что ее зовутъ Иванъ Ивановичемъ, не могла не выразить удивленія своего. Въ это самое время у нея сидѣли разныя придворныя лица, пріѣхавшія навѣстить ее изъ Петергофа и потомъ возвратившіяся ко двору. Дня черезъ три или четыре при дворѣ и въ городѣ только и было толковъ, что молодыя дамы, непріятельницы Шувалова, достаютъ себѣ каждая по бѣлому пуделю, называютъ ихъ Иванъ Ивановичами въ насмѣшку надъ фаворитомъ императрицы и наряжаютъ въ платья свѣтлыхъ цвѣтовъ, до которыхъ Шуваловъ былъ большой охотникъ. Дѣло пошло такъ далеко, что императрица велѣла сказать отцамъ и матерямъ Шуваловскихъ непріятельницъ, что она не понимаетъ, какъ онѣ осмѣливаются позволять себѣ подобныя шутки. Кличка бѣлаго пуделя тотчасъ была перемѣнена; но, несмотря на императорскій выговоръ, онъ остался въ домѣ Салтыковыхъ въ прежнемъ почетѣ и до самой смерти своей былъ любимецъ господъ своихъ. На самомъ дѣлѣ это была пустая сплетня; Иванъ Ивановичемъ назывался только одинъ пудель, и въ то время, какъ ему дали эту кличку, о Шуваловѣ тогда никто и не думалъ. Чоглокова, не любившая Шуваловыхъ, притворялась, будто не обращаетъ вниманія

на эту кличку, хотя слышала ее безпрестанно; она сама забавлялась пуделемъ и часто кормила его пирожками.

Въ послѣдніе мѣсяцы этой зимы во время частыхъ маскарадовъ и придворныхъ баловъ, снова появились оба бывшіе мои камеръ-юнкеры, переведенные полковниками въ армію, Александръ Вильбуа и Захаръ Чернышевъ. Такъ какъ они были искренно привязаны ко мнѣ, то я очень обрадовалась имъ и ласково ихъ встрѣтила; они, съ своей стороны, не пропускали случая и малѣйшей, находившейся въ ихъ власти, возможности, чтобы выразить мнѣ всю преданность. Я въ то время очень любила танцовать; на публичныхъ балахъ я обыкновенно по три раза мѣняла платье и старалась какъ можно лучше одѣваться. Если маскарадное платье мое очень нравилось всѣмъ, то я ни за что больше не надѣвала его, будучи увѣрена, что, если одинъ разъ оно понравилось, то во второй разъ уже непремѣнно понравится меньше прежняго. На придворныхъ балахъ, гдѣ не было публики, я надѣвала самыя простыя платья и тѣмъ не мало заслуживала милость императрицы, которая не любила на этихъ балахъ роскошныхъ нарядовъ. Зато, когда бывали превращенные маскарады, я заказывала великолѣпное мужское платье, все съ шитьемъ и въ самомъ изысканномъ вкусѣ: за это не могло быть выговоровъ; напротивъ, императрица, не могу хорошо объяснить себѣ почему, бывала довольна моимъ богатымъ мужскимъ нарядомъ. Надо замѣтить, что въ то время кокетство было въ большомъ ходу при дворѣ, и всѣ только и думали, какъ бы ухитриться и перещеголять другъ друга нарядомъ. Помню, однажды, я узнала, что всѣ шьютъ себѣ новыя и самыя лучшія платья къ одному изъ такихъ маскарадовъ; я была въ отчаяніи, не имѣя возможности перещеголять другихъ дамъ, и выдумала себѣ свой нарядъ. Лифъ моего платья былъ изъ бѣлаго гродетура (у меня тогда была очень тонкая талія); юбка изъ той же матеріи; волосы мои длинные, густые и очень красивые я велѣла зачесать назадъ и перевязать красною лентою, что называется лисьимъ хвостомъ; на голову я приколола всего одинъ большой розанъ и другой не распустившійся съ листьями (они были сдѣланы такъ искусно, что можно было принять ихъ за живые); еще розанъ я приколола къ корсету; на шею надѣла чрезвычайно бѣлый газовый шарфъ; на руки манжеты и передникъ изъ того же газа. Въ этомъ нарядѣ я отправилась на балъ, и только-что вошла, какъ замѣтила, что нарядъ мой обратилъ на себя общее вниманіе. Не останавливаясь, я прошла поперекъ галлереи и явилась въ комнатахъ, находившихся напротивъ галлереи. Тамъ меня встрѣтила императрица и воскликнула: „Боже мой, какая простота! зачѣмъ нѣтъ мушки?“—Я засмѣялась и отвѣчала: для того, чтобы быть легче. Она вынула изъ кар-

мана коробочку съ мушками, достала одну средней величины и налѣпила мнѣ на лицо. Оставивъ императрицу, я поспѣшила въ галлерею и показала мушку ближайшимъ моимъ дамамъ и также императрицынымъ любимицамъ. Будучи въ очень веселомъ расположеніи духа, я танцовала больше обыкновеннаго и не помню, чтобы когда-нибудь во всю мою жизнь я слышала отъ всѣхъ столько похвалъ, какъ въ этотъ вечеръ. Про меня говорили, что я хороша, какъ день, и какъ-то особенно сіяю. Сказать правду, я никогда не думала про себя, чтобы я была особенно хороша; но я нравилась и полагаю, что въ этомъ заключалась моя сила. Я возвратилась домой очень довольная изобрѣтеннымъ мною простымъ нарядомъ, тѣмъ болѣе, что на другихъ были богатѣйшія платья.

Въ этихъ удовольствіяхъ окончился 1750 годъ. Мадамъ Арнгеймъ танцовала лучше, чѣмъ ѣздила верхомъ. Помню, какъ однажды мы поспорили, кто изъ насъ скорѣе устанетъ на танцахъ, и она должна была уступить: она сѣла на стулъ и призналась, что не можетъ больше танцовать, между тѣмъ какъ я еще танцовала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1751—1758).

Въ началѣ 1751 г. великій князь, такъ же, какъ и я, очень сблизился съ посланникомъ вѣнскаго двора, графомъ Бернисомъ, и вздумалъ поговорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ въ Голштиніи, о долгахъ, въ то время обременявшихъ эту землю, и о датскихъ предложеніяхъ, къ выслушанію которыхъ онъ уполномочилъ Пехлина. Великій князь, однажды, сказалъ мнѣ, чтобы и я также поговорила о томъ съ графомъ Бернисомъ. Я отвѣчала, что непремѣнно поговорю, такъ какъ онъ мнѣ приказываетъ это. Дѣйствительно, въ первый же маскарадъ я подошла къ графу Бернису, остановившемуся недалеко отъ балюстрады, въ срединѣ которой танцовали, и сказала ему, что великій князь велѣлъ мнѣ поговорить съ нимъ о голштинскихъ дѣлахъ. Графъ Бернисъ слушалъ меня съ большимъ участіемъ и вниманіемъ. Я ему прямо сказала, что я молода, и мнѣ не съ кѣмъ совѣтоваться, что, можетъ быть, я плохо смыслю въ дѣлахъ, и вовсе не имѣю опытности, чтобы вести ихъ въ свою пользу; но что смотрю на вещи такъ, какъ понимаю ихъ, и хотя, вѣроятно, многаго не знаю, но мнѣ кажется, во-первыхъ, что голштинскія дѣла вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ хотятъ ихъ представить; а

во-вторыхъ, относительно самаго обмѣна, я очень хорошо понимаю, что онъ можетъ быть гораздо полезнѣе для Россіи, нежели лично для великаго князя; что, конечно, ему, какъ наслѣднику русскаго престола, выгоды Россіи должны быть милы и дороги, но что, если уже необходимо ради этихъ выгодъ, чтобы великій князь раздѣлался съ Голштиніею и тѣмъ положилъ конецъ нескончаемымъ размолвкамъ съ Даніею, то для этого нужно выждать удобнаго времени, а что покончить дѣло въ настоящее время было бы по-моему вовсе неблагопріятно ни для выгодъ Россіи, ни для личной славы великаго князя. Между тѣмъ,—продолжала я,—можетъ наступить такое время, и будутъ такія обстоятельства, когда этотъ обмѣнъ получитъ большее значеніе и совершится съ большею славою для великаго князя и, можетъ быть, съ большею выгодою для самой Русской имперіи; теперь же все это дѣло ведется явными происками, и если удастся, то всѣ будутъ считать великаго князя человѣкомъ слабымъ, такъ что онъ, можетъ быть, во всю свою жизнь не въ состояніи будетъ оправдать себя въ общественномъ мнѣніи. Про него станутъ говорить, что онъ правилъ Голштиніею всего какихъ-нибудь нѣсколько дней, любилъ эту землю страстно и, несмотря на все это, позволилъ склонить себя къ уступкѣ и безъ всякой особенной причины обмѣнилъ Голштинію—на что же?—на Ольденбургъ, вовсе ему неизвѣстный и отдаленный отъ Россіи. Наконецъ, замѣтила я, самая Кильская гавань, въ рукахъ великаго князя, можетъ быть очень полезна для русской навигаціи. Графъ Бернисъ подробно разбиралъ всѣ мои доводы и въ заключеніе сказалъ: „Какъ посолъ, я не имѣю на этотъ счетъ никакихъ предписаній отъ двора моего, но, какъ графъ Бернисъ, я думаю, что вы правы“. Послѣ я узнала отъ великаго князя, что графъ Бернисъ сказалъ ему: „могу вамъ посовѣтовать одно, слушайтесь вашей супруги, которая очень вѣрно судитъ объ этомъ дѣлѣ“. Вслѣдъ за тѣмъ, великій князь очень охладѣлъ къ этой негоціаціи, что, конечно, было замѣчено, и вслѣдствіе чего съ нимъ стали рѣже говорить о ней.

Послѣ Святой, по обыкновенію, мы поѣхали на нѣсколько времени въ Лѣтній дворецъ и оттуда въ Петергофъ, гдѣ съ каждымъ годомъ проживали меньше времени. Въ этотъ годъ въ Петергофѣ случилось происшествіе, главною причиною котораго, были происки господъ Шуваловыхъ, и которое послужило предметомъ толковъ между придворныхъ. Вышеупомянутый полковникъ Бекетовъ пользовался великою милостью до такой степени, что со дня на день ожидали, кто изъ двухъ фаворитовъ уступитъ другъ другу, т. е. онъ ли Ивану Шувалову или Шуваловъ ему. Но, тѣмъ не менѣе, онъ очень скучалъ, и отъ нечего дѣлать заставлялъ у себя пѣть мальчиковъ—пѣвчихъ императрицы. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ особенно полюбилъ за

ихъ прекрасный голосъ. Бекетовъ и другъ его Елагинъ были оба стихотворцы и сочиняли для мальчиковъ пѣсни, которыя тѣ распѣвали. Этому дано было самое мерзкое истолкованіе. Всѣ знали, что императрица ни къ чему не чувствовала такого отвращенія, какъ къ порокамъ этого рода. Бекетовъ, въ невинности сердца, безпрестанно гулялъ съ пѣвчими по саду. Эти прогулки были ему вмѣнены въ преступленіе. Императрица на нѣсколько дней уѣхала въ Царское Село и потомъ возвратилась въ Петергофъ, а Бекетову приказано было оставаться тамъ подъ предлогомъ болѣзни. Онъ остался съ Елагинымъ, вынесъ горячку, отъ которой едва было не умеръ, въ бреду безпрестанно твердилъ объ императрицѣ, которая занимала всѣ его мысли, и, наконецъ, опять явился ко двору. Но милости уже не было; онъ долженъ былъ удалиться отъ двора и потомъ переведенъ былъ въ армію, гдѣ не имѣлъ никакого успѣха. Его черезчуръ обабили, и онъ не могъ уже заниматься военнымъ ремесломъ.

Въ это время мы ѣздили въ Ораніенбаумъ, гдѣ ежедневно бывали на охотѣ. Къ осени, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, мы возвратились въ городъ. Императрица опредѣлила камеръюнкеромъ къ нашему двору Льва Нарышкина, который только-что возвратился изъ Москвы съ матерью, женою брата и тремя сестрами. Это былъ человѣкъ самый странный, какого когда-либо я знала. Никто не заставлялъ меня такъ смѣяться, какъ онъ. Это былъ шутъ до мозга костей, и если бы онъ не родился богатымъ, то могъ бы жить и наживать деньги своимъ необыкновеннымъ комическимъ талантомъ. Онъ былъ вовсе не глупъ, многому наслышался, но все слышанное чрезвычайно оригинально располагалось въ головѣ его. Онъ могъ распространяться въ разсужденіяхъ обо всякой наукѣ и обо всякомъ искусствѣ, какъ ему вздумается, употреблялъ техническіе термины, говорилъ непрерывно четверть часа и болѣе, но ни онъ самъ, ни его слушатели не понимали ни слова изъ его рѣчи, хотя она текла, какъ по маслу, и обыкновенно это оканчивалось тѣмъ, что все общество разражалось смѣхомъ. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ про исторію, что не любитъ исторіи, въ которой есть исторіи, и что для того, чтобы исторія была хороша, надо, чтобы въ ней не было исторій, но что, впрочемъ, исторія произошла отъ Феба. Онъ также бывалъ неподражаемъ, когда принимался говорить о политикѣ: самые серьезные люди не могли удержаться отъ смѣха. Онъ говорилъ еще, что хорошо написанныя комедіи большею частію скучны. Вслѣдъ за его опредѣленіемъ ко двору, императрица приказала старшей сестрѣ его выходить замужъ за нѣкоего Сенявина, который по этому случаю также былъ опредѣленъ камеръюнкеромъ къ нашему двору. Приказъ этотъ поразилъ дѣвушку, но она должна была идти къ вѣнцу, хотя съ великимъ отвращеніемъ

къ жениху своему. Въ публикѣ очень порицали этотъ бракъ и обвиняли въ немъ фаворита императрицы, господина Шувалова; онъ нѣкогда ухаживалъ за этой дѣвушкой, и теперь ее заставили нарочно сдѣлать дурную партію для того, чтобы онъ могъ потерять ее изъ виду. Это было своего рода преслѣдованіе, поистинѣ деспотическое. Нарышкина вышла замужъ, заболѣла чахоткой и умерла.

Въ исходѣ сентября мы перешли опять въ Зимній дворецъ. Дворецъ въ то время былъ такъ бѣдно меблированъ, что зеркала, постели, стулья, столы и комоды перевозились изъ Зимняго дворца въ Лѣтній, оттуда въ Петергофъ, и даже ѣздили съ нами въ Москву; при перевозкахъ, разумѣется, многое ломалось и билось, и потомъ безъ всякой починки ставилось на свои мѣста. Мебель сдѣлалась, наконецъ, почти никуда не годна; чтобы получить новую, надо было просить нарочнаго позволенія императрицы, добраться до которой, большею частью, было очень трудно или даже совсѣмъ невозможно, и потому я рѣшилась исподволь покупать на собственныя деньги комоды и другую необходимую мебель для моихъ комнатъ, какъ въ Зимнемъ дворцѣ, такъ и въ Лѣтнемъ; и, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, я находила свои комнаты совсѣмъ прибранными; при томъ же не было ни возни, ни ломки при перевозкѣ. Такое распоряженіе понравилось великому князю, и онъ то же сдѣлалъ для своихъ комнатъ. Въ принадлежавшемъ ему Ораніенбаумѣ, въ комнатахъ моихъ во дворцѣ, все нужное намъ было сдѣлано на собственный счетъ и на собственныя издержки. Я нарочно тратила свои деньги, чтобы избѣжать споровъ и возраженій; ибо его императорское высочество хотя вовсе не жалѣлъ денегъ для собственнаго увеселенія, обыкновенно скупился, когда нужно бывало что-нибудь сдѣлать для меня, и вообще не отличался особенной щедростью; но такъ какъ я изъ собственнаго кошелька убирала свои комнаты, и это служило къ украшенію его же дворца, то онъ оставался совершенно доволенъ.

Въ теченіе этого лѣта, Чоглокова очень привязалась ко мнѣ, и привязанность ея была до такой степени искренна, что она не хотѣла отходить отъ меня и скучала, когда мы не были вмѣстѣ. Главная причина этого заключалась въ томъ, что я вовсе не отвѣчала на привязанность, которую супругъ ея вздумалъ мнѣ оказывать. Это чрезвычайно возвысило меня въ ея глазахъ. Когда мы поселились въ Зимнемъ дворцѣ, Чоглокова почти каждый день послѣ обѣда присылала звать меня къ себѣ. У нея тоже бывало не многолюдно, но все-таки веселѣе, чѣмъ у меня въ комнатѣ, гдѣ обыкновенно я сидѣла одна одинехонька за книгою, если не являлся великій князь, принимавшійся шагать по комнатѣ и говорившій со мною о предметахъ, которые имѣли цѣну въ глазахъ его, но для меня вовсе не

были занимательны. Его прогулки по комнатѣ продолжались часъ либо два и повторялись нѣсколько разъ въ теченіе дня; надо было ходить съ нимъ вмѣстѣ до истощенія силъ; надо было слушать его внимательно и отвѣчать, между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, большею частью, сущую безсмыслицу, и, нерѣдко, занимался просто игрою воображенія. Помню, что въ теченіе всей этой зимы онъ безпрестанно толковалъ о своемъ намѣреніи выстроить близъ Ораніенбаума увеселительный домъ на манеръ капуцинскаго монастыря; онъ, я и весь дворъ должны были ходить въ капуцинскомъ платьѣ, которое онъ находилъ восхитительнымъ и удобнымъ; у каждаго долженъ былъ быть свой осликъ для того, чтобы по-очередно ѣздить за водою и привозить приказы въ такъ называемый монастырь. Онъ хохоталъ до упаду и восхищался заранѣе своимъ изобрѣтеніемъ, разсказывая, какъ будетъ пріятно и весело жить въ такомъ монастырѣ. Онъ заставилъ меня нарисовать ему карандашомъ планъ будущей постройки, и каждый день я должна была что-нибудь прибавлять или уменьшать. При всей моей твердой рѣшимости угождать ему и быть съ нимъ терпѣливою, очень часто, признаюсь откровенно, его посѣщенія, прогулки и разговоры надоѣдали мнѣ до чрезвычайности. Все это было такъ безсмысленно, что я ничего подобнаго не видала въ жизнь мою. Когда онъ уходилъ, самая скучная книга казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ.

Въ концѣ осени снова начались при дворѣ публичные и придворные маскарады, съ тѣмъ же богатствомъ и изысканностью въ нарядахъ, какъ и прежде. Графъ Захаръ Чернышевъ возвратился въ Петербургъ. По старому знакомству я всегда ласково встрѣчала его и на этотъ разъ могла объяснять себѣ его любезности, какъ мнѣ было угодно. Онъ началъ съ того, что сказалъ мнѣ, что я очень похорошѣла; въ первый разъ въ жизнь мою мужчина говорилъ мнѣ подобнаго рода привѣтствіе. Оно мнѣ понравилось; мало того, я имѣла добродушіе повѣрить ему. На каждомъ балу—какое-нибудь новое замѣчаніе въ этомъ родѣ. Однажды, я получила отъ него девизъ черезъ княжну Гагарину, и, вскрывая коробочку, замѣтила, что она раскрыта и расклеилась. Въ ней былъ, какъ и во всѣхъ, печатный билетикъ со стихами, но два стиха эти были очень нѣжнаго и чувствительнаго содержанія. Послѣ обѣда я приказала принести себѣ девизовъ и стала искать билетца, который бы, не выдавая меня, служилъ отвѣтомъ на его билетецъ. Нашедши такой, я положила его въ девизъ, имѣвшій видъ апельсина, и отдала княжнѣ Гагариной, чтобы она доставила его графу Чернышеву. На другой день она принесла отъ него еще девизъ, но на этотъ разъ на билетцѣ было написано нѣсколько строкъ его руки; я тотчасъ же отвѣчала, и вотъ между

*

нами завязалась правильная, очень чувствительная переписка. Въ первый маскарадъ, танцуя со мною, онъ сказалъ, что у него пропасть, о чемъ нужно поговорить со мною, чего онъ не рѣшается повѣрить бумагѣ, тѣмъ болѣе, что княжна Гагарина можетъ сломать девизъ у себя въ карманѣ, либо обронить дорогою. Онъ просилъ, чтобы я назначила ему минуту аудіенціи у себя въ комнатѣ, или гдѣ я найду удобнымъ. Я отвѣчала, что это рѣшительно невозможно, что комнаты мои недоступны, и сама я не могу изъ нихъ выйти. Онъ замѣтилъ, что готовъ, если нужно, переодѣться лакеемъ, но я начисто отказала, такъ что все ограничилось лишь этою перепискою черезъ девизы. Княжна Гагарина, наконецъ, замѣтила, въ чемъ дѣло. бранила меня, что я дѣлаю ее посредницею, и больше не соглашалась переносить девизы.

Такъ кончился 1751 г. и начался 1752 г. Въ исходѣ масленицы графъ Чернышевъ уѣхалъ въ полкъ. За нѣсколько дней передъ его отъѣздомъ я пускала себѣ кровь. Это была суббота. Въ слѣдующую среду Чоглоковъ пригласилъ насъ къ себѣ на островъ, на устье Невы. Тамъ у него былъ домъ, состоявшій изъ залы посерединѣ и нѣсколькихъ комнатъ съ боку; недалеко отъ дома онъ устроилъ катальную гору. Пріѣхавши туда, я встрѣтила графа Романа Воронцова, который, какъ только увидалъ меня, сказалъ: „я буду катать васъ, у меня для этого сдѣланы прекрасныя маленькія санки". Онъ часто каталъ меня прежде, и потому я приняла его предложеніе. Тотчасъ онъ приказалъ принести санки, въ которыхъ было устроено что-то въ родѣ маленькаго кресла. Я сѣла, онъ сталъ позади, и мы начали спускаться; но на половинѣ склона графъ Воронцовъ не могъ удержать саней, и мы опрокинулись. Я упала, а графъ Воронцовъ, весьма полновѣсный и неуклюжій, упалъ на меня, или лучше сказать, на лѣвую мою руку, изъ которой дня четыре или дней пять тому назадъ была пущена кровь. Я поднялась, онъ также, и мы пошли пѣшкомъ къ придворнымъ санямъ, которыя ждали спускавшихся съ горы и взвозили опять на гору, если кто хотѣлъ еще кататься. Я сѣла въ эти сани съ княжною Гагариною, которая была со мною и графомъ Иваномъ Чернышевымъ (графъ Воронцовъ всталъ на запятки) и ѣдучи почувствовала, что въ лѣвой рукѣ начинается какой-то странный жаръ, причину котораго я не могла себѣ объяснить. Чтобы узнать, въ чемъ дѣло, я просунула правую руку въ рукавъ шубы и вынула ее всю въ крови. Я сказала обоимъ графамъ и княжнѣ, что у меня открылась жила, и что изъ нея течетъ кровь. Они велѣли санямъ ѣхать скорѣе, и вмѣсто катальной горы мы повернули въ домъ. Тамъ никого не было, кромѣ человѣка, накрывавшаго на столъ. Какъ скоро я скинула шубу, онъ далъ намъ уксусу, и графъ Черны-

шевъ принялся исправлять должность хирурга. Мы уговорились не сказывать никому ни слова объ этомъ происшествіи. Перевязавши руку, я возвратилась на катальную гору, остальной вечеръ танцовала, ужинала, и мы пріѣхали домой очень поздно. Никто не подозрѣвалъ, что со мною случилось; около мѣсяца у меня не наростала кожа, но это понемногу прошло.

Постомъ у меня была сильная перебранка съ Чоглоковой, и вотъ по какому случаю. Матушка моя съ нѣкотораго времени жила въ Парижѣ. Возвратившійся оттуда старшій сынъ генерала Ивана Ѳедоровича Глѣбова привезъ мнѣ отъ матушки двѣ штуки очень богатыхъ и прекрасныхъ матерій. Я велѣла Шкурину у себя въ уборной разложить ихъ и, любуясь ими, сказала про себя, что матеріи эти очень хороши, и что мнѣ даже думается поднести ихъ въ подарокъ ея величеству. Дѣйствительно, я выжидала минуту предложить ихъ императрицѣ, которую я видала очень рѣдко, и то, большею частью, въ публикѣ. Но я ни слова о томъ не говорила съ Чоглоковой, предоставляя себѣ сдѣлать этотъ подарокъ лично, и приказала Шкурину, чтобъ онъ рѣшительно никому не говорилъ о томъ, что у меня сорвалось съ языка въ его присутствіи. Вмѣсто того, онъ не замедлилъ тотчасъ же отправиться къ Чоглоковой и разсказалъ ей все, что отъ меня слышалъ. Черезъ нѣсколько дней, въ одно прекрасное утро, Чоглокова пришла ко мнѣ въ комнату съ объявленіемъ, что императрица приказала поблагодарить меня за матеріи, что одну она оставляетъ у себя, а другую посылаетъ мнѣ назадъ. Услыхавъ это, я едва могла опомниться отъ удивленія. Какъ такъ? — спросила я. Тогда Чоглокова сказала, что она относила мои матеріи къ императрицѣ, узнавши, что я назначила ихъ для ея величества. Это меня до чрезвычайности разсердило, и я не помню, чтобы я когда-нибудь была такъ раздражена. Я почти не могла говорить и только бормотала. Однако, я сказала Чоглоковой, что я, какъ праздника, дожидалась минуты, чтобы поднести эти матеріи императрицѣ, и что она лишила меня этого удовольствія, унеся ихъ безъ моего вѣдома и представивъ ея величеству; что она не могла знать моихъ намѣреній, потому что я никогда не говорила съ нею о томъ, и что она узнала ихъ черезъ измѣнника-лакея, который выдалъ госпожу свою, ежедневно осыпающую его благодѣяніями. Чоглокова, любившая всегда стоять на своемъ, возражала, что я не могла ни о чемъ прямо говорить съ императрицею, что она сама сообщила мнѣ это распоряженіе ея величества, что слуги мои обязаны были передать ей все, что я говорила, что, слѣдовательно, Шкуринъ исполнилъ только долгъ свой, точно такъ же, какъ и она, отнесши матеріи, которыя я назначала императрицѣ, безъ моего вѣдома къ ея величеству, и что все

это очень естественно. Я не прерывала ея, потому что не могла говорить отъ раздраженія. Наконецъ, она ушла. Тогда я вышла въ маленькую прихожую, гдѣ обыкновенно по утрамъ сидѣлъ Шкуринъ, и гдѣ были мои платья, и сколько было у меня силы, дала ему пощечину во всю щеку. Я сказала ему, что онъ поступилъ, какъ измѣнникъ и самый неблагодарный человѣкъ въ свѣтѣ, осмѣлившись пересказать Чоглоковой, о чемъ я ему запрещала говорить, что я осыпала его благодѣяніями, а онъ выдалъ меня и не задумался донести даже о такихъ невинныхъ словахъ, что съ этого дня онъ ничего больше не получитъ отъ меня, что я его прогоню и прикажу отодрать. Чего ты ждешь отъ своихъ переносовъ?—говорила я ему:—я останусь все та же, а Чоглоковы, нетерпимые и ненавидимые всѣми, когда-нибудь да будутъ прогнаны императрицею, которая рано или поздно узнаетъ, до какой степени они глупы и неспособны къ исполненію должности, доставшейся имъ, благодаря интригамъ злаго человѣка. Если хочешь, ступай сейчасъ и донеси обо всемъ, что я тебѣ сказала; мнѣ изъ того навѣрное ничего не выйдетъ, а съ тобою—увидишь, что будетъ. Мой Шкуринъ упалъ къ ногамъ моимъ и, обливаясь горькими слезами, просилъ прощенія. Его раскаяніе показалось мнѣ искреннимъ. Мнѣ стало его жаль, и я отвѣчала ему, что посмотрю, какъ онъ будетъ вести себя, и что отъ его поведенія будетъ зависѣть мое обращеніе съ нимъ. Онъ былъ толковый малый и не безъ ума. Онъ никогда больше не обманывалъ меня, напротивъ, я имѣла случаи убѣдиться въ его усердіи и искренней вѣрности въ самыя трудныя для меня времена. Дѣло съ матеріями я нарочно разсказывала всѣмъ, кому могла, для того, чтобы императрица узнала, какую штуку сыграла со мною Чоглокова. При свиданіи ея величество благодарила меня за мои матеріи, и я знаю черезъ третьи руки, что она не одобряла поступка Чоглоковой. Тѣмъ это и кончилось.

Послѣ святой мы пріѣхали въ Лѣтній дворецъ. Еще прежде я стала замѣчать, что камергеръ Сергѣй Салтыковъ что-то чаще обыкновеннаго пріѣзжаетъ ко двору. Его всегда можно было встрѣтить съ Львомъ Нарышкинымъ, всѣхъ забавлявшимъ своими странностями, о которыхъ я выше говорила подробно. Княжна Гагарина, которую я очень любила и къ которой даже имѣла довѣренность, терпѣть не могла Сергѣя Салтыкова. Левъ Нарышкинъ слылъ просто чудакомъ, и ему не придавали никакого значенія. Сергѣй Салтыковъ всячески вкрадывался въ довѣренность къ Чоглоковымъ, и какъ сіи послѣдніе вовсе не были ни умны, ни любезны, ни занимательны, то можно было навѣрное сказать, что онъ дружится съ ними изъ какихъ-нибудь скрытныхъ видовъ. Чоглокова, въ то время беременная, часто бывала нездорова; она увѣряла, что моя бесѣда такъ же

дорога для нея лѣтомъ, какъ и зимою, и часто присылала звать къ себѣ. Когда у великаго князя не было концерта или при дворѣ комедіи, къ ней обыкновенно собирались С. Салтыковъ, Левъ Нарышкинъ, княжна Гагарина и еще нѣсколько человѣкъ. Концерты надоѣдали Чоглокову, однако, онъ не пропускалъ ихъ. Сергѣй Салтыковъ изобрѣлъ оригинальное средство занимать его. Не знаю, какимъ образомъ въ этомъ тучномъ человѣкѣ, въ которомъ было всего меньше ума и воображенія, Салтыкову удалось возбудить страсть къ стихотворству. Чоглоковъ сталъ безпрестанно сочинять пѣсни, разумѣется, лишенныя человѣческаго смысла. Какъ только нужно бывало отдѣлаться отъ него, тотчасъ къ нему обращались съ просьбою написать новую пѣсенку: онъ съ большою готовностью соглашался, усаживался въ какой-нибудь уголъ, большею частью къ печкѣ, и принимался за сочиненіе, продолжавшееся цѣлый вечеръ: пѣсня оказывалась восхитительною, сочинитель приходилъ въ восторгъ и принималъ приглашеніе написать еще новую. Левъ Нарышкинъ клалъ пѣсни на музыку и распѣвалъ ихъ съ нимъ; а между тѣмъ у насъ шелъ непринужденный разговоръ, и можно было говорить все, что хочешь. У меня была толстая книга этихъ пѣсенъ; не знаю, куда она дѣвалась. Въ одинъ изъ такихъ концертовъ С. Салтыковъ далъ мнѣ понять, какая была причина его частыхъ появленій при дворѣ. Сначала я ему не отвѣчала. Когда онъ въ другой разъ заговорилъ о томъ же предметѣ, я спросила, къ чему это поведетъ. Въ отвѣтъ на это онъ плѣнительными и страстными чертами началъ изображать мнѣ счастіе, котораго онъ добивается. Я сказала ему: но у васъ есть жена, на которой вы всего два года женились по страсти; про васъ обоихъ говорятъ, что вы до безумія любите другъ друга. Что она скажетъ объ этомъ? Тогда онъ началъ говорить, что не все золото, что блеститъ, и что онъ дорого заплатилъ за минуту ослѣпленія. Я употребляла всевозможныя средства, чтобы выгнать изъ головы его эти мысли, и добродушно воображала, что я успѣла. Мнѣ было жаль его; по несчастію, я не переставала его слушать. Онъ былъ прекрасенъ, какъ день, и, безъ сомнѣнія, никто не могъ съ нимъ равняться и при большомъ дворѣ, тѣмъ менѣе при нашемъ. Онъ былъ довольно уменъ и владѣлъ искусствомъ обращенія и тою хитрою ловкостью, которая пріобрѣтается жизнью въ большомъ свѣтѣ, и особенно при дворѣ; ему было 26 лѣтъ, и со всѣхъ сторонъ—и по рожденію, и по многимъ другимъ отношеніямъ онъ былъ лицо замѣчательное. Недостатки свои онъ умѣлъ скрывать; главнѣйшіе заключались въ наклонности къ интригамъ и въ томъ, что онъ не держался никакихъ положительныхъ правилъ. Но все это было скрыто отъ меня. Весну и часть лѣта я была совсѣмъ беззаботна, я видала его почти

ежедневно и не мѣняла моего обращенія; я была съ нимъ, какъ и со всѣми, видаясь не иначе, какъ въ присутствіи двора или вообще при постороннихъ. Однажды, чтобы отвязаться отъ него, я вздумала сказать, что онъ дѣйствуетъ неловко; „почемъ вы знаете,—прибавила я,—можетъ быть, мое сердце уже занято?“ Но это нисколько не подѣйствовало: напротивъ, его преслѣдованіе сдѣлалось еще неутомимѣе. О любезномъ супругѣ тутъ не было и помину, потому что всякій зналъ, какъ онъ пріятенъ даже и тѣмъ лицамъ, въ кого бывалъ влюбленъ; а влюблялся онъ безпрестанно и волочился, можно сказать, за всѣми женщинами, исключеніе составляла и не пользовалась вниманіемъ его только одна женщина—его супруга.

Около этого времени Чоглоковъ пригласилъ насъ поохотиться у него на острову. Мы выслали напередъ лошадей, а сами отправились въ шлюпкѣ. Вышедши на берегъ, я тотчасъ же сѣла на лошадь, и мы погнались за собаками. С. Салтыковъ выждалъ минуту, когда всѣ были заняты преслѣдованіемъ зайцевъ, подъѣхалъ ко мнѣ и завелъ рѣчь о своемъ любимомъ предметѣ. Я слушала его внимательнѣе обыкновеннаго. Онъ разсказывалъ, какія средства придуманы имъ для того, чтобы содержать въ глубочайшей тайнѣ то счастіе, которымъ можно наслаждаться въ подобномъ случаѣ. Я не говорила ни слова; пользуясь моимъ молчаніемъ, онъ сталъ убѣждать меня въ томъ, что страстно любитъ меня, и просилъ, чтобы я ему позволила быть увѣреннымъ, что я, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ равнодушна къ нему. Я отвѣчала, что не могу мѣшать ему наслаждаться воображеніемъ, сколько ему угодно. Наконецъ, онъ сталъ дѣлать сравненія съ другими придворными и заставилъ меня согласиться, что онъ лучше ихъ; отсюда онъ заключалъ, что я къ нему не равнодушна. Я смѣялась этому, но въ сущности онъ дѣйствительно очень нравился мнѣ. Прошло около полутора часа, и я стала говорить ему, чтобы онъ ѣхалъ отъ меня, потому что такой продолжительный разговоръ можетъ возбудить подозрѣнія. Онъ отвѣчалъ, что не уѣдетъ до тѣхъ поръ, пока я скажу, что не равнодушна къ нему.—Да, да,—сказала я,—но только убирайтесь.—Хорошо, я буду это помнить,—отвѣчалъ онъ, и погналъ впередъ лошадь, а я закричала ему вслѣдъ: нѣтъ, нѣтъ. Онъ кричалъ въ свою очередь: да, да и такъ мы разъѣхались. По возвращеніи въ домъ, бывшій на острову, мы сѣли ужинать. Во время ужина поднялся сильный морской вѣтеръ, волны были такъ велики, что заливали ступеньки лѣстницы, находившейся у дома, и островъ на нѣсколько футовъ стоялъ въ водѣ. Намъ пришлось оставаться въ домѣ у Чоглоковыхъ до двухъ или до трехъ часовъ утра, пока погода прошла, и волны спали. Въ это время С. Салтыковъ сказалъ мнѣ, что само небо благопріятствуетъ ему

въ этотъ день, дозволяя больше наслаждаться пребываніемъ вмѣстѣ со мною, и тому подобныя увѣренія. Онъ уже считалъ себя очень счастливымъ, но у меня на душѣ было совсѣмъ иначе: тысячи опасеній возмущали меня; я была въ самомъ дурномъ нравѣ въ этотъ день и вовсе не довольна собою. Я воображала прежде, что можно будетъ управлять имъ и держать въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ его, такъ и самое себя, и тутъ поняла, что то и другое очень трудно, или даже совсѣмъ невозможно.

Дня два спустя, С. Салтыковъ сказалъ мнѣ, что великій князь говорилъ у себя въ комнатѣ: Салтыковъ и жена моя обманываютъ Чоглокова, увѣряютъ его, въ чемъ имъ угодно, и потомъ смѣются надъ нимъ. Это передалъ Салтыкову одинъ изъ камердинеровъ его величества, Брессанъ, родомъ французъ. По правдѣ сказать, это отчасти было дѣйствительно такъ, и великій князь замѣтилъ это. Я совѣтовала Салтыкову быть впередъ осмотрительнѣе. Черезъ нѣсколько дней послѣ того у меня страшно разболѣлось горло, и сдѣлалась сильная лихорадка, такъ что я не выходила слишкомъ три недѣли. Въ продолженіе этой болѣзни императрица присылала ко мнѣ княжну Куракину, выходившую замужъ за князя Лобанова: я должна была убрать ей голову. Для этого ее посадили въ придворномъ платьѣ, съ огромными фижмами, ко мнѣ на постель. Я убирала, какъ могла; но Чоглокова замѣтила, что мнѣ это очень трудно, свела ее съ моей постели и сама окончила уборку. Съ тѣхъ поръ я никогда больше не встрѣчала этой дамы.

Великій князь въ то время былъ влюбленъ въ дѣвицу Марѳу Исаевну Шафирову, которая вмѣстѣ съ старшею сестрою своею, Анною Исаевною, была недавно опредѣлена ко мнѣ по приказанію императрицы. С. Салтыковъ умѣлъ вести интригу, словно бѣсъ: онъ сдружился съ этими дѣвушками для того, чтобы развѣдывать черезъ нихъ, что великій князь говоритъ о немъ съ ними, и потомъ употреблять полученныя свѣдѣнія въ свою пользу. Дѣвушки эти были бѣдны, довольно глупы и очень интересливы; дѣйствительно, въ самое короткое время онѣ обо всемъ стали разсказывать Салтыкову.

Между тѣмъ, мы переѣхали въ Ораніенбаумъ, гдѣ по-прежнему я каждый день каталась верхомъ и только по воскресеньямъ скидала мужское платье. Чоглоковъ и жена его сдѣлались кротки, какъ агнцы. Въ глазахъ Чоглоковой я получила новое достоинство: я любила и ласкала одного изъ дѣтей ея, бывшаго съ нею въ Ораніенбаумѣ, шила ему наряды и куклы и дарила разныя бездѣлушки. Все это восхищало матушку, которая была безъ ума отъ своего дитяти, сдѣлавшагося впослѣдствіи такимъ негодяемъ, что его по

судебному приговору за разныя мерзости посадили на 15 лѣтъ въ крѣпость. С. Салтыковъ сталъ другомъ, совѣтникомъ, ближайшимъ лицомъ Чоглоковыхъ. Но человѣку съ здравымъ смысломъ, безъ какой-нибудь особенной выгоды, невозможно было взвалить на себя такую тяжелую обязанность, какъ съ утра до вечера слушать разсужденія двухъ дураковъ, эгоистовъ, гордыхъ и притязательныхъ. Стали подозрѣвать и догадываться, изъ-за чего онъ съ ними возится. Слухи дошли до Петергофа и до самой императрицы. Надо сказать, что въ то время почти всякій разъ, когда ея величество хотѣла побраниться, то начинала бранить не за то, за что бы можно, а выбирала какой-нибудь совершенно неожиданный предлогъ и напускалась. Это было замѣчено придворными, и именно Захаромъ Чернышевымъ, отъ котораго я сама слышала объ этомъ наблюденіи. Въ Ораніенбаумѣ весь нашъ дворъ, какъ мужчины, такъ и женщины, сговорились въ это лѣто носить одинаковое платье, сверху сѣраго цвѣта, остальное синее, и съ бархатнымъ чернымъ воротникомъ, безъ всякихъ украшеній. Такое однообразіе было для насъ во многихъ отношеніяхъ удобно. Къ этому-то платью придрались теперь; мнѣ же въ частности было поставлено въ вину, зачѣмъ я постоянно хожу въ верховомъ платьѣ, и зачѣмъ ѣздила въ Петергофѣ по-мужски. Въ одинъ изъ куртаговъ императрица сказала Чоглоковой, что отъ такой ѣзды у меня нѣтъ дѣтей, и что нарядъ мой вовсе неприличенъ, что когда она ѣзжала на лошади, то мѣняла платье. Чоглокова отвѣчала, что относительно дѣтей тутъ нѣтъ вины, что дѣти не могутъ родиться безъ причины, и что хотя ихъ императорскія высочества уже съ 1745 г. живутъ вмѣстѣ, но причины до сихъ поръ не было. Тогда ея величество стала бранить Чоглокову и сказала, что она взыщетъ съ нея, зачѣмъ она не позаботилась напоминать объ этомъ предметѣ обоимъ дѣйствующимъ лицамъ, и вообще императрица была очень гнѣвна, называла мужа Чоглоковой ночнымъ колпакомъ и говорила, что онъ позволяетъ собою распоряжаться сопликамъ. Не прошло сутокъ, какъ все это было пересказано довѣреннымъ лицамъ; по поводу выраженія „сопляки", сопляки утерлись и держали между собою тайный совѣтъ, на которомъ было положено, чтобы точнѣйшимъ образомъ была исполнена воля ея величества, чтобы Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ притворились, будто получили строгій нагоняй отъ Чоглокова (тотъ, по всему вѣроятію, даже и не зналъ объ этомъ), и чтобы они оба, для прекращенія ходившихъ слуховъ, недѣли на три или на мѣсяцъ удалились къ своимъ родственникамъ, съ цѣлью будто бы навѣстить ихъ во время болѣзни. Такъ и было сдѣлано; и на другой же день Салтыковъ съ Нарышкинымъ отправились въ изгнаніе къ своимъ семьямъ, на цѣлый мѣсяцъ. Что ка-

сается до меня, я тотчасъ же перемѣнила нарядъ свой, тѣмъ болѣе, что онъ уже сдѣлался безполезенъ. Мы придумали этотъ однообразный нарядъ по примѣру того, который носился въ Петергофѣ на куртагахъ: тотъ былъ сверху изъ бѣлой матеріи, остальное зеленаго цвѣта, и все окаймлено серебряными галунами. С. Салтыковъ, который былъ брюнетъ, гаваривалъ, что въ этомъ бѣломъ съ серебромъ костюмѣ онъ похожъ на муху въ молокѣ. Впрочемъ, я не переставала по-прежнему ходить къ Чоглоковымъ, хотя это сдѣлалось мнѣ еще скучнѣе. Мужъ и жена горевали объ отсутствіи двухъ главныхъ героевъ изъ общества; я тоже, разумѣется, поддакивала имъ. Сергѣй Салтыковъ заболѣлъ, что продолжило его отсутствіе. Въ это время императрица приказала намъ пріѣхать къ ней изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, куда она отправилась на открытіе канала, начатаго Петромъ I и тогда оконченнаго. Она пріѣхала въ Кронштадтъ раньше насъ. Въ слѣдующую ночь по ея прибытіи поднялась сильная буря, и императрица, пославши звать насъ, стала бояться, что буря застигнетъ насъ на морѣ. Всю ночь она очень безпокоилась о насъ, глядѣла въ окно на лодку, которая боролась съ волнами, и воображала, что это наша яхта. Въ тревогѣ своей она прибѣгла къ мощамъ, которыя всегда были съ нею въ спальнѣ, подносила ихъ къ окну и дѣлала ими движеніе въ сторону, противоположную той, гдѣ видна была обуреваемая моремъ лодка. Она нѣсколько разъ вскрикивала, говорила, что мы навѣрно потонемъ, и что это будетъ ея вина, потому что она недавно посылала намъ выговоръ, зачѣмъ мы не скоро ѣдемъ и что, вѣроятно, мы, желая сдѣлать ей угодное, поторопились и тотчасъ поѣхали, какъ готова была яхта. На самомъ дѣлѣ яхта пріѣхала въ Ораніенбаумъ уже послѣ бури, такъ что мы сѣли въ нее не раньше, какъ на другой день послѣ обѣда. Въ Кронштадтѣ мы оставались трое сутокъ и присутствовали при освященіи канала, которое совершено было съ великимъ торжествомъ: въ первый разъ каналъ наполнился водою. Послѣ обѣда былъ большой балъ: императрица хотѣла остаться въ Кронштадтѣ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ спускать воду изъ канала, но спуска не было, и на третій день она уѣхала. Канала не могли спустить съ тѣхъ самыхъ поръ до моего царствованія, когда я приказала построить особаго рода мельницу, которая посредствомъ нагрѣванія выбираетъ воду изъ канала; иначе это было невозможно, потому что дно канала стоитъ ниже моря, чего въ то время не замѣчали.

Изъ Кронштадта мы разъѣхались по домамъ: императрица въ Петергофъ, мы въ Ораніенбаумъ. Чоглоковъ попросился и получилъ позволеніе съѣздить на мѣсяцъ въ одну изъ деревень своихъ. Когда

онъ уѣхалъ, супруга его начала очень хлопотать, чтобы буквально исполнить приказаніе императрицы. Прежде всего она вступила въ продолжительные переговоры съ камердинеромъ великаго князя Брессаномъ. Сей послѣдній отыскалъ въ Ораніенбаумѣ хорошенькую вдову одного живописца, по фамиліи мадамъ Гротъ; ее въ нѣсколько дней уговорили, обѣщали ей что-то, потомъ объяснили, что именно отъ нея требуется, и какъ она должна дѣйствовать. Потомъ Брессану было поручено познакомить его императорское высочество съ этою молодою и хорошенькою вдовушкою. Я замѣчала, что Чоглокова чѣмъ-то очень занята, но не могла догадаться причины, пока, наконецъ, Салтыковъ возвратился изъ своего произвольнаго изгнанія и мало-по-малу объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Наконецъ, послѣ многихъ трудовъ Чоглокова достигла своей цѣли, и увѣрившись, доложила императрицѣ, что все идетъ согласно ея волѣ. Она ждала большой награды за труды свои, но обманулась на этотъ счетъ, потому что ей ничего не дали. Тѣмъ не менѣе она говорила, что оказала услугу имперіи. Непосредственно затѣмъ мы возвратились въ городъ.

Въ это время я убѣдила великаго князя прервать переговоры съ Даніею. Я напоминала ему совѣты графа Берниса (который въ то время уже уѣхалъ въ Вѣну); онъ послушался и приказалъ прекратить негоціацію безъ всякаго рѣшенія, что́ и было исполнено. Поживши недолго въ Лѣтнемъ дворцѣ, мы переселились въ Зимній. Мнѣ казалось, что С. Салтыковъ сталъ не такъ предупредителенъ, какъ прежде, сдѣлался разсѣянъ, иногда совсѣмъ пустъ, взыскателенъ и легковѣренъ. Это меня сердило, и я сказала ему о томъ. Его оправданія были не очень сильны; онъ увѣрялъ, что я не постигаю всей ловкости его поведенія; онъ былъ въ этомъ правъ, потому что, дѣйствительно, я находила его поведеніе довольно страннымъ. Намъ велѣно было готовиться къ поѣздкѣ въ Москву, чѣмъ мы и занялись. Мы выѣхали изъ Петербурга 14 декабря 1752 г. Сергѣй Салтыковъ остался и пріѣхалъ въ Москву нѣсколько недѣль послѣ насъ. Я выѣхала въ дорогу съ легкими признаками беременности. Мы ѣхали очень скоро—день и ночь. На послѣдней станціи передъ Москвою признаки беременности прошли съ сильною рѣзью въ животѣ. По пріѣздѣ въ Москву, судя по тому, какой оборотъ принимали обстоятельства, я не сомнѣвалась, что легко могу выкинуть. Чоглокова оставалась въ Петербургѣ родить послѣдняго седьмого ребенка своего. Разрѣшившись дочерью, она пріѣхала къ намъ въ Москву.

Насъ помѣстили въ деревянномъ флигелѣ, только-что выстроенномъ прошедшею осенью: вода текла по стѣнамъ, и всѣ комнаты были чрезвычайно сыры. Въ этомъ флигелѣ было два ряда большихъ

комнатъ, по 5 или по 6 въ каждомъ ряду; выходившія на улицу занимала я, а противоположныя—великій князь. Въ той комнатѣ, которая должна была служить мнѣ уборною, помѣстили моихъ дѣвушекъ и камерфрау съ ихъ служанками. Такимъ образомъ 17 человѣкъ должны были жить въ одной комнатѣ, въ которой, правда, было три большихъ окна, но изъ которой не было другаго выхода, какъ чрезъ мою спальню, и женщины за всякою нуждою проходили мимо меня, что вовсе не было удобно ни для нихъ, ни для меня. Я никогда не видала такого нелѣпаго расположенія комнатъ; но мы обязаны были терпѣть эти неудобства. Вдобавокъ онѣ обѣдали въ одной изъ моихъ переднихъ комнатъ. Я пріѣхала въ Москву больная, и, чтобы какъ-нибудь устроиться получше, велѣла достать большія ширмы и раздѣлила спальню свою на-трое; но отъ этого почти не было никакой пользы, потому что двери безпрерывно растворялись и затворялись, а этого избѣжать было невозможно. Наконецъ, на десятый день меня навѣстила императрица. Замѣтивъ безпрестанную бѣготню, она вышла въ другую комнату и сказала моимъ женщинамъ: я прикажу сдѣлать другой выходъ, чтобы вы перестали таскаться черезъ спальню великой княгини. Но что же она сдѣлала? Приказала прорубить наружную стѣну и такимъ образомъ уничтожила одно изъ оконъ этой комнаты, гдѣ и безъ того 17 человѣкъ съ трудомъ помѣщались. Въ комнатѣ устроился коридоръ, окно, выходившее на улицу, обратилось въ дверь, къ которой придѣлали лѣстницу, и женщины мои должны были ходить улицею. Подъ ихъ окнами устроили для нихъ отхожія мѣста; обѣдать онѣ опять должны были идти улицею. Однимъ словомъ, распоряженіе это было никуда негодно, такъ что я не понимаю, какъ эти 17 женщинъ, изъ которыхъ иныя были нездоровы, могли жить въ такой тѣснотѣ и не занемогли гнилою горячкою, и все это возлѣ самой моей спальни. Ко мнѣ набиралось оттуда столько всякаго рода насѣкомыхъ, что я, бывало, не могла уснуть отъ нихъ. Наконецъ, Чоглокова оправилась отъ родовъ и пріѣхала въ Москву. Черезъ нѣсколько дней послѣ нея явился и С. Салтыковъ. Вслѣдствіе огромности Москвы всѣ жили въ ней какъ-то вразброску, далеко другъ отъ друга, и Салтыковъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы оправдать имъ свое притворное или дѣйствительное отчужденіе отъ двора. Сказать правду, меня очень огорчало, что онъ рѣдко пріѣзжалъ къ намъ; но онъ умѣлъ представлять такіе основательные и разумные доводы, что, повидавшись и поговоривши съ нимъ, я переставала тревожиться. Съ цѣлью уменьшить число враговъ его, мы уговорились, чтобы я сказала нѣсколько любезностей графу Бестужеву и тѣмъ увѣрила его, что я не такъ чуждаюсь его, какъ прежде.

Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ я выбрала нѣкоего Бремзе, служившаго у Пехлина въ Голштинской канцеляріи. Когда онъ не бывалъ при дворѣ, то часто ходилъ въ домъ къ великому канцлеру. Онъ съ большою готовностью взялся за мое порученіе и увѣдомилъ меня, что графъ Бестужевъ обрадовался всѣмъ сердцемъ и сказалъ, что готовъ быть мнѣ полезенъ, и что я могу располагать имъ всякій разъ, какъ то будетъ нужно мнѣ. Онъ просилъ, чтобъ я назначила, какимъ путемъ мы можемъ безопасно сообщать другъ другу тó, что найдемъ нужнымъ. Я поняла намекъ его и отвѣчала Бремзе, что подумаю. Когда я пересказала о томъ С. Салтыкову, тотчасъ рѣшено было, что онъ отправился къ канцлеру, какъ будто сдѣлать ему визитъ по случаю недавняго пріѣзда своего въ Москву. Старикъ принялъ его чудесно, отвелъ въ сторону, говорилъ о жизни нашего двора, о глупости Чоглоковыхъ и между прочимъ сказалъ: „Хотя вы очень съ ними близки, но я знаю, что вы одного со мною мнѣнія о нихъ, потому что вы—умный молодой человѣкъ“. Потомъ онъ говорилъ обо мнѣ и о моемъ положеніи, какъ будто жилъ у меня въ комнатѣ, и затѣмъ сказалъ: „Въ благодарность за доброе расположеніе, которое великая княгиня изволитъ мнѣ оказывать, я хочу сдѣлать ей небольшую услугу, и думаю, что она останется довольна. Владиславова сдѣлается кротка, какъ агнецъ, и будетъ готова на всѣ услуги; пусть великая княгиня увидитъ, что я вовсе не такой звѣрь, какимъ меня представляли ей“. С. Салтыковъ возвратился въ восторгѣ отъ графа Бестужева и отъ своей поѣздки къ нему. Бестужевъ далъ и ему нѣсколько совѣтовъ, столько же благоразумныхъ, какъ полезныхъ. Все это, совершенно безъ вѣдома постороннихъ лицъ, сблизило насъ съ нимъ. Между тѣмъ Чоглокова, по-прежнему занятая своими попеченіями о престолонаслѣдіи, однажды отвела меня въ сторону и сказала: „Послушайте, я должна поговорить съ вами откровенно“. Я, разумѣется, стала слушать во всѣ уши. Сначала, по обыкновенію, она долго разсуждала о своей привязанности къ мужу, о своемъ благоразуміи, о томъ, что нужно и что не нужно для взаимной любви и для облегченія супружескихъ узъ; затѣмъ стала дѣлать уступки и сказала, что иногда бываютъ положенія, въ которыхъ интересы высшей важности обязываютъ къ исключеніямъ изъ правила. Я слушала и не прерывала ея, не понимая, къ чему все это ведетъ. Я была нѣсколько удивлена ея рѣчью и не знала, искренно ли говоритъ она, или только ставитъ мнѣ ловушку. Между тѣмъ, какъ я мысленно колебалась, она сказала мнѣ: „вы увидите, какъ я чистосердечна, и люблю ли я мое отечество; не можетъ быть, чтобы кое-кто вамъ не нравился; предоставляю вамъ на выборъ С. Салтыкова и Льва Нарышкина; если не ошибаюсь, вы отдадите

преимущество послѣднему".—„Нѣтъ, вовсе нѣтъ!"—закричала я.—„Ну, если не онъ,—сказала она,—такъ навѣрное С. Салтыковъ". На это я не возразила ни слова, и она продолжала говорить: „вы увидите, что отъ меня вамъ не будетъ помѣхи". Я притворилась невинною, и она нѣсколько разъ бранила меня за это какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, куда мы отправились послѣ Святой.

Въ то время или около того императрица подарила великому князю село Люберцы и нѣсколько другихъ деревень верстахъ въ 14 или 15 отъ Москвы. Но прежде чѣмъ мы поѣхали въ эти новыя владѣнія его императорскаго высочества, императрица отпраздновала въ Москвѣ годовщину своего коронованія. Это было 25 апрѣля. Намъ объявили, что она приказала, чтобы церемоніалъ торжества былъ точно такой же, какому слѣдовали въ самый день коронованія. Намъ было очень любопытно посмотрѣть на все это. Наканунѣ императрица переѣхала въ Кремль и тамъ ночевала. Мы оставались въ Слободскомъ деревянномъ дворцѣ и получили приказаніе пріѣхать къ обѣднѣ въ соборъ. Въ 9 часовъ утра, въ парадныхъ экипажахъ мы двинулись изъ нашего дворца; впереди шли лакеи; до Кремля было 7 верстъ; шагомъ мы проѣхали всю Москву и вышли изъ экипажей у самой церкви. Черезъ нѣсколько минутъ явилась съ свитою своею императрица; на головѣ у нея была малая корона, и камергеры по обычаю поддерживали сзади императорскую мантію. Она стала на обычное мѣсто свое въ церкви. Во всемъ этомъ еще не было ничего чрезвычайнаго; такъ точно отправлялись и всѣ другія празднества въ ея царствованіе. Въ жизнь мою я не чувствовала такой холодной сырости, какъ въ этотъ день въ церкви; я вся продрогла и посинѣла отъ холода, стоя съ открытою шеею, въ придворномъ костюмѣ. Императрица прислала сказать мнѣ, чтобы я надѣла соболью пелеринку, но ея со мною не было. Она велѣла принести свои пелерины, взяла одну и надѣла; я видѣла, что въ коробкѣ лежала еще другая, и думала, что она пришлетъ мнѣ ее, но ничуть не бывало; она велѣла отнести коробку назадъ. Я сочла это довольно яснымъ знакомъ неблаговоленія. Чоглокова, видя, какъ я дрожу, достала какой-то шелковый платокъ, которымъ я повязала себѣ шею. По окончаніи обѣдни и проповѣди, императрица пошла изъ церкви; мы было хотѣли по обычаю слѣдовать за ней; но она приказала сказать, что мы можемъ возвратиться домой. Тутъ мы узнали, что она будетъ обѣдать одна на тронѣ, чѣмъ и будетъ соблюденъ прежній церемоніалъ ея коронованія, потому что тогда она обѣдала одна. Не удостоенные чести быть на этомъ обѣдѣ, мы двинулись назадъ съ тою же церемоніею, какъ и пріѣхали, т. е. въ предшествіи дворцовой прислуги, и такимъ образомъ взадъ и впередъ

сдѣлали по Москвѣ 14 верстъ, и возвратились, продрогнувъ и страшно проголодавшись. Если за обѣднею императрица казалась намъ въ дурномъ расположеніи духа, то мы еще болѣе убѣдились, что она сердита, увидавъ съ ея стороны столь непріятный для насъ знакъ пренебреженія (чтобъ не сказать болѣе). Въ другіе праздники, когда она обѣдала на тронѣ, мы имѣли честь сидѣть съ нею за однимъ столомъ; на этотъ разъ она публично отлучила насъ отъ себя. Дорогою, сидя вдвоемъ въ коляскѣ съ великимъ княземъ, я говорила ему о томъ. Онъ сказалъ, что будетъ жаловаться на это. Воротившись домой, истомленная и окоченѣлая отъ холода, я жаловалась Чоглоковой на простуду и на другой день сказалась больною и не пошла на балъ, бывшій въ деревянномъ дворцѣ. Великій князь, дѣйствительно, что-то говорилъ по этому поводу съ Шуваловымъ; они дали какой-то вовсе неудовлетворительный отвѣтъ, и больше о томъ не было рѣчи.

Около этого времени мы узнали, что Захаръ Чернышевъ и полковникъ Николай Леонтьевъ поссорились за игрою въ домѣ Романа Воронцова, что они дрались на шпагахъ, и что Захаръ Чернышевъ получилъ тяжелую рану въ голову. Рана была такъ опасна, что онъ не въ состояніи былъ переѣхать отъ Воронцова къ себѣ домой и оставался тамъ. Говорили, что ему будутъ сверлить черепъ. Это меня чрезвычайно огорчало, потому что я очень любила Захара Чернышева. Леонтьевъ, по приказанію императрицы, былъ арестованъ. Въ городѣ только и толковали объ этомъ поединкѣ, потому, что у обоихъ непріятелей было огромное родство. Леонтьевъ женатъ былъ на дочери графини Румянцевой и находился въ близкомъ родствѣ съ Паниными и Куракиными. Чернышевъ также имѣлъ родственниковъ, друзей и покровителей, и поединокъ произошелъ въ домѣ у графа Воронцова, гдѣ и остался раненый. Наконецъ, ему стало легче, толки умолкли, и тѣмъ все кончилось.

Въ маѣ мѣсяцѣ я снова почувствовала признаки беременности. Мы поѣхали въ Люберцы, имѣніе великаго князя, верстахъ въ 12 или 14 отъ Москвы. Тамошній каменный домъ, нѣкогда построенный княземъ Меншиковымъ, развалился, и мы не могли жить въ немъ. Для насъ разбили на дворѣ палатки. По утру, съ 3 или 4 часовъ, я просыпалась отъ ударовъ топора и отъ стукотни плотниковъ, которымъ велѣно было поскорѣе выстроить новый деревянный флигель, чтобы мы въ то же лѣто могли перейти въ него. Они работали, можно сказать, въ двухъ шагахъ отъ нашихъ палатокъ. Почти все время мы охотились или гуляли; я больше не ѣздила верхомъ, а въ кабріолетѣ. Около Петрова дня мы возвратились въ Москву, гдѣ со мною сдѣлалась такая спячка, что я каждый день не просыпалась раньше

12 часовъ, иногда едва могли разбудить меня къ обѣду. Петровъ день отпраздновали по обычаю; я нарядилась, была въ церкви, за обѣдомъ, на балу и на ужинѣ. На другой день я почувствовала боль въ почкахъ. Чоглокова привела повивальную бабушку, которая сказала, что я выкину, что́ дѣйствительно и случилось въ слѣдующую ночь. Беременность моя продолжалась всего два или три мѣсяца. Въ теченіе тринадцати дней я была въ большой опасности; боялись, что послѣдъ не весь вышелъ изъ меня, и не говорили мнѣ о томъ. Наконецъ, въ 13-й день оставшаяся часть послѣда дѣйствительно вышла сама собою, безъ боли и усилій. По этому случаю я должна была шесть недѣль оставаться въ комнатѣ, гдѣ было невыносимо жарко. Императрица навѣстила меня въ первый же день моей болѣзни и, повидимому, очень сострадала мнѣ. Эти шесть недѣль я провела въ смертельной скукѣ. Все мое общество состояло изъ Чоглоковой (да и та приходила довольно рѣдко) и изъ маленькой калмычки, которую я любила, потому что она была премилое существо. Отъ скуки я часто плакала. Что касается до великаго князя, то онъ, по большей части, сидѣлъ у себя въ комнатѣ съ камердинеромъ своимъ, малороссіяниномъ Карновичемъ, пьяницею и дуракомъ, который забавлялъ его, какъ умѣлъ, и доставлялъ ему игрушекъ, вина и другихъ крѣпкихъ напитковъ, сколько могъ. Это дѣлалось тайкомъ отъ Чоглокова, котораго, впрочемъ, всѣ обманывали и надъ которымъ всѣ забавлялись. Но на этихъ ночныхъ и тайныхъ вакханаліяхъ часто случалось, что камердинеры, въ числѣ которыхъ было нѣсколько человѣкъ калмыковъ, не слушались великаго князя и не хотѣли служить ему, потому что напивались до безсознательности и забывали про своего господина, и что господинъ этотъ—великій князь. Въ такихъ случаяхъ его императорское высочество прибѣгалъ къ палочнымъ ударамъ или обнажалъ шпагу; но, несмотря на то, прислуга плохо повиновалась ему, и онъ не разъ приходилъ ко мнѣ жаловаться на людей своихъ и просилъ, чтобы я ихъ вразумила. Я отправлялась къ нему, держала къ нимъ рѣчь, напоминала имъ ихъ обязанности, и они тотчасъ становились покорны и послушны. По этому случаю великій князь не разъ говорилъ мнѣ и повторялъ также Брессану, что онъ не понимаетъ, какъ я умѣю обращаться съ этими людьми, что онъ сѣчетъ ихъ, и все-таки они его не слушаются, а я однимъ словомъ дѣлаю изъ нихъ, что мнѣ угодно. Однажды по этому же случаю я вошла въ комнату его высочества и была поражена представившимся зрѣлищемъ. По серединѣ кабинета, который онъ устроилъ себѣ, прорубивши стѣну, была повѣшена огромная крыса. Я спросила, что это значитъ, и получила въ отвѣтъ, что крыса эта совершила уголовное преступленіе и по военнымъ

законамъ подверглась жесточайшему наказанію, что она забралась въ бастіоны картонной крѣпости, стоявшей у него на столѣ въ этомъ кабинетѣ, и на одномъ изъ бастіоновъ она съѣла двухъ поставленныхъ на стражу часовыхъ изъ крахмала, что за это онъ приказалъ судить преступницу военнымъ судомъ, что его собака-ищейка поймала крысу, которую немедлено затѣмъ повѣсили съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ казни, и которая въ теченіе трехъ сутокъ будетъ висѣть на глазахъ публики для внушенія примѣра. Я не могла удержаться отъ хохота, выслушавъ эту удивительную нелѣпость; но это очень не понравилось великому князю, и видя, какую важность придаетъ онъ казненной крысѣ, я ушла и сказала, что, какъ женщина, ничего не смыслю въ военныхъ законахъ. Но онъ не переставалъ дуться на меня за тотъ хохотъ и за то, что, въ оправданіе крысы, я говорила о необходимости прежде, чѣмъ вѣшать ее, разспросить и выслушать ея оправданіе.

Когда мы въ этотъ разъ жили въ Москвѣ, одинъ изъ придворныхъ лакеевъ сошелъ съ ума и даже сталъ бѣситься. Императрица поручила первому своему медику Боергаву заняться этимъ человѣкомъ. Его помѣстили во дворцѣ, въ комнатѣ, находившейся недалеко отъ комнатъ Боергава. Случайно въ этотъ же годъ еще нѣсколько человѣкъ сошло съ ума. По мѣрѣ того, какъ императрица узнавала о томъ, ихъ брали ко двору и помѣщали по близости къ Боергаву, такъ что при дворѣ образовалось небольшое заведеніе умалишенныхъ. Помню, что замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были майоръ гвардейскаго Семеновскаго полка Чедаевъ, подполковникъ Линтрумъ, майоръ Чоглоковъ, одинъ монахъ изъ Воскресенскаго монастыря, отрѣзавшій себѣ бритвою дѣтородныя части, и многіе другіе. Сумасшествіе Чедаева состояло въ томъ, что онъ воображалъ себя шахомъ Надиромъ, или иначе Тахмасъ-Кулиханомъ, тиранномъ и похитителемъ персидскаго престола. Медики, подобно Господу Богу, не будучи въ состояніи вылѣчить его отъ глупости, передали его на руки попамъ. Тѣ убѣдили императрицу, что его слѣдуетъ отчитывать. Ея величество сама присутствовала при отчитываніи, но Чедаевъ остался такъ же глупъ, какъ былъ или казался прежде. Нѣкоторые сомнѣвались въ его сумасшествіи, потому что онъ говорилъ здраво обо всемъ, какъ скоро не заговаривалъ о Надиръ-шахѣ; даже старые друзья приходили къ нему совѣтоваться о дѣлахъ своихъ, и онъ давалъ имъ весьма благоразумные совѣты. Подозрѣвавшіе его сумасшествіе говорили, что онъ притворяется для того, чтобы этою хитростью развязаться съ однимъ непріятнымъ дѣломъ: съ самаго начала царствованія императрицы онъ занимался повѣркою подушныхъ, былъ обвиненъ въ взяткахъ, долженъ былъ подпасть подъ судъ, и, страшась

суда, выдумалъ свое сумасшествіе, которое избавляло его отъ законнаго преслѣдованія.

Въ половинѣ августа мы возвратились въ деревню. Именины свои, 5-е сентября, императрица провела въ Воскресенскомъ монастырѣ; когда она молилась Богу, громовой ударъ упалъ въ церковь; по счастію, ея величество стояла въ придѣлѣ, а не въ главной церкви, и узнала о случившемся только по испуганнымъ лицамъ своихъ придворныхъ; впрочемъ, не было ни раненыхъ, ни убитыхъ. Вскорѣ затѣмъ она возвратилась въ Москву, куда и мы пріѣхали изъ Люберецъ. Въ самый день пріѣзда въ городъ мы были свидѣтелями, какъ принцесса Курляндская цѣловала публично руку у императрицы, благодаря за то, что ей позволено было идти замужъ за князя Григорія Хованскаго: она поссорилась съ первымъ своимъ женихомъ Петромъ Салтыковымъ, который, въ свою очередь, тотчасъ послѣ этого женился на княжнѣ Сонцовой. 1-го ноября этого года, часовъ около трехъ послѣ обѣда, сидя въ комнатѣ у Чоглоковой, я видѣла, какъ Чоглоковъ, С. Салтыковъ, Л. Нарышкинъ и многіе другіе придворные кавалеры отправились въ покои къ камергеру Шувалову поздравлять его со днемъ рожденія, который приходился въ это число. Мы съ Чоглоковой и княжною Гагариной разговаривали между собою, какъ вдругъ услышали какой-то шумъ въ небольшой молельной, находившейся рядомъ съ комнатою, гдѣ мы сидѣли. Вслѣдъ затѣмъ явилось нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, которые отправились къ Шувалову; они сказали намъ, что въ дворцовыхъ залахъ загорѣлось, такъ что они не могли пройти ими. Я тотчасъ пошла къ себѣ и, проходя одною изъ переднихъ комнатъ, увидала, что угловая балюстрада большой залы вся въ огнѣ. Это было въ двадцати шагахъ отъ нашего флигеля. У себя въ комнатахъ я встрѣтила солдатъ и лакеевъ, которые выбирали мебель и выносили, что было можно. Чоглокова была со мною, и такъ какъ больше ничего не оставалось дѣлать въ домѣ, который долженъ былъ непремѣнно загорѣться, то мы съ Чоглоковой вышли изъ него и, встрѣтивъ у крыльца коляску капельмейстера Арайи, пріѣхавшаго на концертъ къ великому князю (котораго я сама извѣстила о пожарѣ), сѣли въ эту коляску. На улицѣ было очень грязно, потому что нѣсколько дней сряду шелъ дождь, и мы, сидя въ коляскѣ, смотрѣли на пожаръ и на то, какъ выносили мебель изъ всѣхъ выходовъ дворца. Тутъ мнѣ случилось увидѣть удивительную вещь: необыкновенное множество крысъ и мышей спускались съ лѣстницы одна за другою, даже вовсе не торопясь. Не было возможности спасти это огромное деревянное зданіе: пожарныхъ инструментовъ было очень мало, да и тѣ стояли подъ самою тою залою, которая загорѣлась и которая на-

ходилась почти въ самой серединѣ зданія, занимавшаго со всѣми пристройками около двухъ или трехъ верстъ въ окружности. Я вышла изъ него ровно въ 3 часа, а въ 6 часовъ отъ него не осталось уже никакого слѣда. Жаръ отъ огня былъ такъ великъ, что ни я, ни Чоглокова не могли дольше выносить его и приказали кучеру отъѣхать на нѣсколько сотъ шаговъ, въ ближайшую деревню. Наконецъ, къ намъ прибыли Чоглоковъ и великій князь и объявили, что императрица перебралась въ Покровскій дворецъ, а намъ приказала ѣхать въ домъ къ Чоглокову, находившійся на правой рукѣ, на первомъ углу большой Слободской улицы. Мы тотчасъ отправились туда. Домъ этотъ состоялъ изъ залы по серединѣ и четырехъ комнатъ на каждой сторонѣ. Хуже помѣщенія врядъ ли можно было сыскать. Отовсюду несло сквознымъ вѣтромъ, окна и двери на половину сгнили, въ щели между бревнами можно было просунуть три и четыре пальца, и вдобавокъ пропасть всякихъ насѣкомыхъ. Въ немъ жили дѣти и прислуга Чоглоковыхъ; какъ только мы пріѣхали, ихъ тотчасъ вывели, и мы расположились въ этомъ страшномъ домѣ, въ которомъ, сверхъ всего, почти не было на чемъ сѣсть. На другой день моего житья въ этомъ домѣ я имѣла случай сдѣлать наблюденіе надъ калмыцкимъ носомъ. По утру, когда я проснулась, дѣвочка моя, калмычка, показала мнѣ на носъ свой и сказала: „У меня тутъ орѣхъ“. Я пощупала ея носъ и ничего не нашла; но она все утро безпрестанно толковала, что у нея въ носу орѣхъ. Это былъ ребенокъ лѣтъ четырехъ или пяти; никто не могъ понять, о какомъ орѣхѣ говоритъ она. Около обѣда она съ разбѣгу упала, наткнувшись на столъ, стала плакать, вынула платокъ, и когда вытирала себѣ носъ, орѣхъ выпалъ у нея изъ носу. Я сама видѣла это и убѣдилась въ разницѣ между калмыцкимъ и европейскимъ носомъ; въ семъ послѣднемъ орѣхъ никакъ не можетъ помѣститься такъ, чтобы его не было замѣтно, а въ углубленіи калмыцкаго носа, вдающагося въ голову между двумя толстыми щеками, помѣщается. Платья наши и всѣ необходимыя вещи остались въ грязи передъ сгорѣвшимъ дворцомъ; намъ привозили ихъ въ теченіе ночи и на слѣдующій день. Мнѣ особенно жаль было моихъ книгъ; я тогда дочитывала четвертую часть Бэйлева лексикона. Я читала его въ теченіе двухъ лѣтъ, проходя каждые полгода по одной части, изъ чего можно себѣ представить, какую уединенную жизнь я вела. Наконецъ, мнѣ принесли ихъ; платья мои также нашлись. Владиславова, ради любопытства, показала мнѣ при этомъ случаѣ юбки графини Шуваловой: онѣ всѣ были сзади подбиты кожею, потому что владѣтельница ихъ, съ тѣхъ поръ какъ родила въ первый разъ, не могла больше удерживать урины, отчего, разумѣется, юбки страшно

воняли. Я поскорѣе отослала ихъ къ ней. Въ этотъ пожаръ императрица лишилась всего своего огромнаго гардероба, который привезенъ былъ въ Москву. Я имѣла честь слышать отъ нея самой, что при этомъ сгорѣло 4.000 паръ платьевъ, и что изъ всѣхъ ихъ она жалѣетъ только объ одномъ, именно сшитомъ изъ той матеріи, которую я ей подарила, и которая была прислана мнѣ матушкою. Тутъ же погибли и другія драгоцѣнныя вещи императрицы, между прочимъ, огромный тазъ съ рѣзными каменьями, который былъ купленъ графомъ Румянцевымъ въ Константинополѣ, и за который заплачено было 8.000 червонцевъ. Всѣ эти вещи хранились въ гардеробной, находившейся надъ тою самою залою, которая загорѣлась. Зала эта служила аванзалою другой большой дворцовой залѣ; въ 10 часовъ истопники пришли топить ее, положили дровъ въ печь и затопили по обыкновенію. Зала наполнилась дымомъ; истопники подумали, что дымъ проходитъ сквозь незамѣтныя скважины, и начали замазывать промежутки между кафелями фаянсовою глиною; но дымъ не прекращался; они стали искать щелей въ самой печкѣ и, ничего не нашедши, догадались, что щель—въ простѣнкѣ, отдѣлявшемъ залу отъ той комнаты, откуда топилась печь. Этотъ простѣнокъ былъ деревянный. Они пошли за водою и погасили огонь въ печи; но дымъ шелъ еще больше прежняго и проникъ въ переднюю комнату, гдѣ стоялъ на часахъ конногвардеецъ. Сей послѣдній хотѣлъ тушить, но не смѣлъ до срока сойти съ мѣста, и потому разбилъ окошко и началъ кричать. Его никто не слышалъ, и никто не приходилъ на помощь. Тогда онъ выстрѣлилъ изъ ружья въ окно. Этотъ выстрѣлъ услышали на гауптвахтѣ, находившейся напротивъ дворца. Прибѣжавшіе люди были встрѣчены густыми облаками дыма, изъ котораго они вывели часового. Истопниковъ взяли подъ стражу. Они воображали, что могутъ сами потушить огонь или, по крайней мѣрѣ, остановить дымъ, и съ настоящимъ усердіемъ занимались этимъ въ теченіе пяти часовъ. По случаю этого пожара Чоглокову удалось сдѣлать открытіе. Въ комнатахъ великаго князя было нѣсколько огромныхъ комодовъ; когда ихъ выносили, нѣсколько ящиковъ, не запертыхъ или плохо запертыхъ, обнаружили передъ зрителями ихъ содержаніе. Повѣрятъ ли? Всѣ ящики были биткомъ набиты множествомъ винныхъ бутылокъ и водочныхъ штофовъ. Это былъ погребъ его императорскаго высочества. Чоглоковъ разсказалъ мнѣ о томъ; я сказала ему, что обстоятельство это было мнѣ неизвѣстно, и сказала правду: дѣйствительно, я ничего не знала о томъ, хотя часто и почти ежедневно видѣла великаго князя пьянымъ.

Послѣ пожара около шести недѣль мы оставались въ домѣ Чоглокова. Намъ часто приходилось проѣзжать мимо одного дома съ

садомъ, находившагося недалеко отъ Салтыкова моста; домъ этотъ принадлежалъ императрицѣ и назывался архіерейскимъ, потому что императрица купила его у одного архіерея. Намъ вздумалось, безъ вѣдома Чоглоковыхъ, попросить императрицу, чтобы она позволила намъ перейти въ этотъ домъ, который, какъ мы слышали и какъ казалось, былъ помѣстительнѣе Чоглоковскаго одноэтажнаго дома. Печки были такъ ветхи, что, когда ихъ топили, можно было насквозь видѣть огонь, такъ много было скважинъ; дымъ обыкновенно наполнялъ комнаты, и отъ него у насъ болѣли головы и глаза. Мы подвергались опасности сгорѣть живыми; въ домѣ всего была одна деревянная лѣстница, а окна очень высоки отъ земли. Дѣйствительно, пока мы оставались въ немъ, онъ загорался раза два или три, но всякій разъ тушили. У меня разболѣлось горло, и сдѣлалась лихорадка. Въ самый день, когда я занемогла, у насъ долженъ былъ на прощаньѣ ужинать г. Брейтхардъ, вновь пріѣхавшій въ Россію отъ вѣнскаго двора. Я встрѣтила его распухшая и съ красными глазами. Онъ подумалъ, что я плакала, и не ошибся; скука физическая и нравственная неловкость и неудобство моего положенія наводили на меня ипохондрію. Я цѣлый день просидѣла съ Чоглоковою въ ожиданіи тѣхъ, которые не являлись. Чоглокова безпрестанно твердила: вотъ какъ насъ помнятъ. Мужъ ея устроилъ гдѣ-то обѣдъ и всѣхъ пригласилъ на него; С. Салтыковъ увѣрялъ насъ, что уйдетъ отъ этого обѣда, но, несмотря на всѣ свои обѣщанія, воротился не раньше самого Чоглокова. На все это я злилась, какъ собака. Наконецъ, черезъ нѣсколько дней намъ позволили отправиться въ Люберцы, которые показались намъ раемъ. Тамошній домъ былъ только-что выстроенъ и довольно хорошо расположенъ. Мы каждый вечеръ танцовали, и къ намъ собирался весь нашъ дворъ. На одномъ изъ этихъ баловъ мы замѣтили, что великій князь что-то очень долго говорилъ Чоглокову, послѣ чего Чоглоковъ сдѣлался печаленъ, задумчивъ, меньше говорилъ, какъ-то черезчуръ насупился и чрезвычайно холодно обращался съ С. Салтыковымъ. Сей послѣдній подсѣлъ къ дѣвицѣ Марѳѣ Шафировой и сталъ развѣдывать у нея, откуда такая необыкновенная дружба у великаго князя съ Чоглоковымъ. Шафирова отвѣчала, что она не можетъ объяснить этого, но что великій князь нѣсколько разъ говорилъ ей: „С. Салтыковъ и жена моя неслыханнымъ манеромъ обманываютъ Чоглокова. Онъ влюбленъ въ великую княгиню, а она терпѣть его не можетъ. Сергѣй Салтыковъ сдружился съ Чоглоковымъ и увѣряетъ его, будто ухаживаетъ за моею женою для него, между тѣмъ какъ ухаживаетъ для самого себя; а она терпитъ С. Салтыкова, потому что съ нимъ ей весело, и пользуется имъ, чтобы дѣлать изъ

Чоглокова, что ей угодно; на самомъ же дѣлѣ она смѣется надъ ними обоими. Я долженъ разувѣрить бѣднаго Чоглокова; мнѣ жаль его. Я открою ему правду, и тогда онъ увидитъ, кто настоящій другъ ему, я или жена моя". Узнавъ объ этомъ опасномъ діалогѣ и о непріятныхъ послѣдствіяхъ его, С. Салтыковъ разсказалъ обо всемъ мнѣ. Затѣмъ, онъ подсѣлъ къ Чоглокову и сталъ спрашивать его, что съ нимъ. Тотъ сначала ничего не хотѣлъ отвѣчать и только вздыхалъ, потомъ принялся пѣть іеремиаду о томъ, какъ трудно сыскать вѣрныхъ друзей, и, наконецъ, С. Салтыковъ, пытая его съ разныхъ сторонъ, добился того, что онъ передалъ ему свой разговоръ съ великимъ княземъ (надо было непремѣнно узнать о томъ въ точности, ибо догадаться объ ихъ разговорѣ, конечно, было трудно). Его императорское высочество началъ съ того, что распространился передъ Чоглоковымъ въ увѣреніи дружбы, говоря, что истинныхъ друзей можно отличить отъ ложныхъ только въ настоятельныхъ случаяхъ жизни, что онъ хочетъ доказать ему искренность своей дружбы и удостовѣрить его въ своемъ чистосердечіи. „Я знаю навѣрное,—говорилъ онъ, что вы влюблены въ великую княгиню; я вамъ не ставлю этого въ вину; можетъ быть, она кажется вамъ достойной любви, человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ, но я долженъ предупредить васъ, что вы ошибаетесь въ выборѣ друзей. Вы воображаете, что С. Салтыковъ—другъ вашъ, и что онъ ухаживаетъ за великой княгиней для васъ; вы и не подозрѣваете, что онъ—вашъ соперникъ и ухаживаетъ за ней для самого себя; а она смѣется надъ вами обоими. Но ежели вы хотите послѣдовать моему совѣту и довѣриться мнѣ, то увидите, что я—вашъ единственный и настоящій другъ". Чоглоковъ много благодарилъ великаго князя за дружбу и за изъявленія дружбы, но въ сущности онъ считалъ его слова пустяками и игрою воображенія; въ самомъ дѣлѣ трудно было выбрать своимъ повѣреннымъ человѣка, который и по характеру, и по положенію своему былъ столько ненадеженъ, какъ и безполезенъ. Послѣ такого признанія уже не стоило С. Салтыкову большого труда разсѣять сомнѣнія и успокоить Чоглокова, который и самъ привыкъ не придавать большой цѣны и не обращать вниманія на слова человѣка, вовсе безразсуднаго и прослывшаго такимъ. Когда я узнала обо всемъ этомъ, то, признаюсь, очень разсердилась на великаго князя, и, чтобы впередъ отучить его отъ подобныхъ вещей, я дала ему почувствовать, что мнѣ извѣстно происходившее между нимъ и Чоглоковымъ. Онъ покраснѣлъ, не сказалъ ни слова, ушелъ и сталъ дуться на меня. Тѣмъ дѣло и кончилось.

По возвращеніи въ Москву насъ перевели изъ архіерейскаго дома и дали особое помѣщеніе въ такъ называемомъ Лѣтнемъ

дворцѣ императрицы, который уцѣлѣлъ отъ пожара. Императрица приказала отстроить себѣ новые покои въ шесть недѣль; для этого брали и перевозили бревна изъ Перовскаго дома и изъ домовъ графовъ Гендриковыхъ и князей Грузинскихъ. Наконецъ, къ новому году она перешла туда. Первое января 1854 г. императрица праздновала въ этомъ дворцѣ, и мы, великій князь и я, имѣли честь публично обѣдать съ нею подъ балдахиномъ. За столомъ ея величество казалась очень весела и разговорчива. Возлѣ трона разставлены были столы, за которыми обѣдало нѣсколько сотъ человѣкъ первыхъ классовъ. Во время обѣда императрица спросила, указывая на одну дѣвицу: „Кто это сидитъ тамъ, сухая, дурнолицая, съ журавлиной шеей?“ Ей отвѣчали, что это—Марѳа Шафирова. Ея величество захохотала и сказала, обратившись ко мнѣ, что эта дѣвушка напоминаетъ ей русскую пословицу: „шейка долга, на висѣлицу годна“. Я не могла удержаться отъ смѣха, услышавъ этотъ злой императорскій сарказмъ, который тотчасъ былъ подхваченъ придворными, такъ что, когда мы встали изъ-за стола, уже многіе знали о немъ и повторяли его. Не знаю, дошелъ ли онъ до великаго князя; знаю только, что онъ ни слова не говорилъ о немъ, и ежели услышалъ, то, конечно, не отъ меня.

Ни въ одинъ годъ не было такъ много пожаровъ, какъ въ 1753 и 1754 г.г. Изъ моихъ оконъ во дворцѣ мнѣ иногда случалось видѣть разомъ по два, по три, по четыре и даже по пяти пожаровъ въ различныхъ сторонахъ Москвы. На масленицѣ императрица приказала быть баламъ и маскарадамъ у себя въ покояхъ. На одномъ изъ маскарадовъ я замѣтила, что ея величество долго разговаривала съ генеральшей Матюшкиной. Сія послѣдняя не соглашалась на бракъ сына своего съ фрейлиной моей, княжною Гагариной, но императрица уговорила ее, и княжна Гагарина, которой было тогда слишкомъ 38 лѣтъ, получила позволеніе выйти замужъ за Дмитрія Матюшкина. Она была очень довольна этимъ, я—также. Этотъ бракъ былъ по склонности; Матюшкинъ въ то время былъ очень хорошъ собою.

Въ Лѣтнемъ дворцѣ я жила безъ Чоглоковой, которая подъ разными предлогами осталась жить съ дѣтьми у себя въ домѣ, находившемся недалеко отъ дворца. Настоящая причина этого заключалась въ томъ, что Чоглокова, несмотря на свое благоразуміе и любовь къ мужу, возымѣла страсть къ князю Петру Репнину, а вслѣдъ затѣмъ жестокое отвращеніе къ мужу. Она вообразила себѣ, что для счастья ей необходима пріятельница, и выбрала меня въ повѣренныя тайнъ своихъ. Мнѣ показывались всѣ письма, которыя она получала отъ своего возлюбленнаго; я хранила ея тайну строго,

съ самою мелочною точностію и предусмотрительностію. Ея свиданія съ княземъ происходили въ великой тайнѣ, но, несмотря на то, супругъ возымѣлъ нѣкоторыя подозрѣнія. Ихъ внушилъ ему нѣкто Камынинъ, офицеръ Конной гвардіи, старый знакомый Чоглоковыхъ, который по характеру своему былъ воплощенное подозрѣніе и ревность. Чоглоковъ разсказалъ свои подозрѣнія С. Салтыкову, и тотъ старался его успокоить. Я нарочно не говорила С. Салтыкову, что знаю о томъ, потому что боялась нескромности, иногда непроизвольной. Наконецъ, самъ мужъ сталъ со мной заговаривать. Я притворилась ничего не знающею, выразила мое удивленіе и не сказала ни слова.

Въ февралѣ мѣсяцѣ я почувствовала признаки беременности. На самое свѣтлое воскресенье въ церкви Чоглоковъ заболѣлъ сухою коликой. Ему давали много лѣкарствъ, но болѣзнь только усиливалась. На Святой недѣлѣ великій князь поѣхалъ кататься верхомъ съ кавалерами нашего двора, въ числѣ которыхъ былъ и Салтыковъ. Я оставалась дома, потому что меня боялись выпускать въ моемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что я уже два раза выкидывала. Я сидѣла одна въ своей комнатѣ, какъ Чоглоковъ прислалъ просить, чтобы я пришла къ нему. Я пошла въ его комнату и застала его въ постели. Онъ началъ распространяться въ жалобахъ на жену свою, говорилъ, что она видается съ княземъ Репнинымъ, что онъ ходитъ къ ней пѣшкомъ, что однажды на масленицѣ, когда при дворѣ былъ балъ, онъ пришелъ къ ней въ шутовскомъ нарядѣ, что Камынинъ подмѣтилъ его, и проч. Въ ту минуту, какъ Чоглоковъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ передавалъ мнѣ эти подробности, явилась супруга его; тогда онъ въ моемъ присутствіи началъ осыпать ее упреками, говоря, между прочимъ, что она покидаетъ его больнаго. Оба они были люди очень ограниченные и подозрительные. Я смертельно боялась, чтобы Чоглокова, слыша отъ мужа всѣ подробности свиданій своихъ съ княземъ Репнинымъ, не вообразила, будто онъ узналъ ихъ отъ меня. Она, съ своей стороны, говорила мужу, что нечему удивляться, если она наказываетъ его за его поведеніе относительно ея, что до сихъ поръ онъ и никто на свѣтѣ не имѣли права обвинять ее въ супружеской невѣрности, и что, наконецъ, не ему бы жаловаться. Оба они безпрестанно обращались ко мнѣ, ссылались на меня и требовали моего мнѣнія въ своемъ спорѣ. Я отмалчивалась, боясь оскорбить кого-нибудь, или обоихъ вмѣстѣ, и самой попасть въ бѣду. Лицо у меня горѣло отъ волненія; я была одна съ ними. Въ самый разгаръ спора явилась Владиславова съ извѣстіемъ, что императрица пришла ко мнѣ въ комнаты; я тотчасъ побѣжала туда. Чоглокова вышла со мною вмѣстѣ, но вмѣсто

того, чтобы слѣдовать за мною, она, какъ мнѣ сказывали, осталась въ коридорѣ и сѣла на лѣстницѣ, выходившей въ садъ. Я же, вся запыхавшись, пришла къ себѣ въ комнату и дѣйствительно застала тамъ императрицу. Видя меня впопыхахъ и съ лицомъ немного краснымъ, она спросила, гдѣ я была. Я отвѣчала, что была у больнаго Чоглокова, гдѣ мнѣ сказали, что она изволила ко мнѣ пожаловать, и что я бѣжала, желая поскорѣй придти. Больше она не спрашивала меня о томъ, но, повидимому, слова мои показались ей странными и заставили ее задуматься. Однако, она продолжала говорить со мною. Она не спросила у меня, гдѣ великій князь, потому что сама знала о томъ: во все ея царствованіе ни онъ, ни я не смѣли выѣзжать ни изъ дому, ни изъ городу, не пославши напередъ спросить у нея позволенія. Владиславова стояла тутъ же. Императрица нѣсколько разъ обращалась то къ ней, то ко мнѣ, говорила о неважныхъ предметахъ, и, пробывъ съ нами безъ малаго полчаса, сказала, что по случаю беременности моей я могу невыходить въ публику 21 и 25 апрѣля, и затѣмъ ушла. Меня одно удивило, отчего Чоглокова не пришла ко мнѣ въ комнату; по уходѣ императрицы я спрашивала у Владиславовой, что сдѣлалось съ Чоглоковой, и получила въ отвѣтъ, что она сидѣла на лѣстницѣ и плакала. Когда возвратился великій князь, я разсказала С. Салтыкову все, что со мною было во время ихъ прогулки, какъ меня призывалъ Чоглоковъ, какъ я тревожилась, слушая ихъ перебранку съ женою, и какъ потомъ посѣтила меня императрица. Тогда онъ мнѣ сказалъ: „если это такъ, то я думаю, что императрица приходила посмотрѣть, что вы дѣлаете въ отсутствіе великаго князя; я тотчасъ пойду со всѣми нашими къ Ивану Шувалову; пусть тамъ увидятъ насъ, какъ есть, съ ногъ до головы въ грязи; это послужитъ имъ доказательствомъ, что вы оставались однѣ, и были только у Чоглокова“. Дѣйствительно, когда великій князь ушелъ къ себѣ, С. Салтыковъ со всѣми тѣми, которые ѣздили верхомъ съ великимъ княземъ, пошелъ къ Ивану Шувалову, жившему во дворцѣ. Когда они пришли къ нему, онъ сталъ ихъ разспрашивать о подробностяхъ ихъ прогулки, и какъ С. Салтыковъ послѣ разсказывалъ мнѣ, по его разспросамъ можно было догадаться, что ему хотѣлось что-то вывѣдать. Съ этого дня болѣзнь Чоглокова безпрестанно усиливалась; 21-го апрѣля, въ день моего рожденія, доктора отчаялись въ его выздоровленіи. Доложили о томъ императрицѣ, которая, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, приказала перевезти больного въ его собственный домъ, чтобы онъ не умеръ во дворцѣ, потому что она боялась мертвецовъ. Узнавъ, въ какомъ положеніи находится Чоглоковъ, я очень огорчилась. Онъ умеръ въ то самое время, когда послѣ многихъ годовъ труда и усилій удалось сдѣлать его не только

менѣе несноснымъ и зложелательнымъ, но когда онъ сталъ общителенъ, и когда посредствомъ прилежнаго изученія его характера можно было совсѣмъ перевоспитать его. Что касается до жены его, то въ это время она меня искренно любила, сдѣлавшись изъ суроваго и подозрительнаго аргуса преданнымъ и надежнымъ другомъ. Въ домѣ своемъ Чоглоковъ прожилъ еще нѣсколько дней и умеръ 25-го апрѣля послѣ обѣда, въ день коронованія императрицы. Я посылала навѣдываться къ нему каждую минуту, и меня тотчасъ же извѣстили о его кончинѣ. Она меня поистинѣ огорчила, и я долго плакала. Жена его въ послѣдніе дни болѣзни мужа тоже должна была лечь въ постель: онъ лежалъ въ одномъ углу дома, а она—въ другомъ. С. Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ сидѣли у ней въ комнатѣ въ то время, какъ скончался мужъ ея; въ комнатѣ были раскрыты окна; влетѣла птичка и сѣла на карнизѣ потолка, противъ самой постели Чоглоковой. Увидавъ ее, она сказала: „я увѣрена, что мужъ отдалъ душу; пошлите спросить“. Посланный пришелъ съ извѣстіемъ, что онъ дѣйствительно умеръ. Она говорила, что птичка эта—душа ея мужа, и невозможно было разувѣрить ее въ томъ; напрасно говорили ей, что это—обыкновенная птичка: такъ какъ никто не видалъ, какъ она влетѣла, то Чоглокова осталась увѣренною, что душа мужа прилетала навѣстить ее.

Когда похороны Чоглокова были кончены, вдова покойника захотѣла побывать у меня; но императрица, увидавъ ея экипажъ на Яузскомъ мосту, тотчасъ послала человѣка сказать, что она увольняетъ ее отъ должности при мнѣ, и что потому она можетъ ѣхать назадъ. Ея величество находила неприличнымъ такой ранній выѣздъ послѣ смерти мужа. Въ тотъ же день она назначила преемникомъ покойнаго Чоглокова, въ должности при великомъ князѣ, Александра Ивановича Шувалова. Надо сказать, что этотъ Шуваловъ не самъ по себѣ, а по занимаемому имъ мѣсту, наводилъ страхъ на дворъ, на городъ и на всю имперію. Онъ былъ начальникомъ государственнаго инквизиціоннаго судилища, которое тогда называлось тайною канцеляріею. Разсказывали, что отъ этихъ занятій у него сдѣлались особаго рода судорожныя движенія во всей правой сторонѣ лица, начиная отъ глаза и до подбородка. Его дергало всякій разъ, какъ онъ бывалъ чѣмъ-нибудь встревоженъ, чему-нибудь радовался, на что-нибудь сердился, или чего-нибудь боялся. Удивительно, какъ человѣка съ такою отвратительною гримасою выбрали постояннымъ собесѣдникомъ молодой, беременной женщины; ну, если бы я родила ребенка съ такими несчастными подергиваніями, я думаю, императрица была бы не очень этимъ довольна. Между тѣмъ, это могло случиться, потому что я видала его безпрестанно, никогда съ охотою и большею

частію съ нѣкотораго рода отвращеніемъ, внушаемымъ мнѣ и личностью его, и его роднею, и его должностью, отъ которой разговоръ съ нимъ, конечно, не становился пріятнѣе. Но это было лишь слабое начало тѣхъ удовольствій, которыя готовились намъ и въ особенности мнѣ. На утро мнѣ сказали, что императрица хочетъ снова опредѣлить ко мнѣ графиню Румянцеву. Я знала, что женщина эта была заклятымъ врагомъ С. Салтыкова, что она терпѣть не могла княжну Гагарину и очень повредила моей матушкѣ во мнѣніи императрицы. Когда мнѣ сказали, что ее снова приставятъ ко мнѣ, я потеряла всякое терпѣніе, принялась горько плакать и объявила графу Александру Шувалову, что назначеніе этой женщины я почту великимъ для себя несчастіемъ, что она нѣкогда повредила моей матушкѣ, очернивъ ее въ глазахъ императрицы, что теперь она то же сдѣлаетъ со мною, что, когда она жила съ нами, ея боялись, какъ чумы, и что, если онъ не найдетъ средствъ предотвратить это назначеніе, многіе будутъ отъ того несчастны. Онъ обѣщалъ похлопотать и старался меня успокоить. Онъ боялся огорчать меня въ моемъ положеніи, ушелъ къ императрицѣ и, возвратившись оттуда, сказалъ мнѣ, что, можетъ быть, назначеніе графини Румянцевой не состоится. Дѣйствительно, не было больше о томъ рѣчи, и при дворѣ всѣ исключительно занялись сборами въ Петербургъ. Положено было, что мы останемся въ дорогѣ 29 дней, т.-е. будемъ дѣлать въ день не болѣе одной почтовой станціи. Я смертельно боялась, что С. Салтыкова и Льва Нарышкина оставятъ въ Москвѣ; но не знаю, какимъ образомъ умилосердились и внесли ихъ въ списокъ нашей свиты.

Наконецъ, 10-го или 11-го мая мы выѣхали изъ Московскаго дворца. Въ каретѣ со мною сидѣли: жена графа Александра Шувалова, женщина самая скучная, какую можно себѣ вообразить, Владиславова и повивальная бабушка, которую сочли необходимымъ приставить ко мнѣ, потому что я была беременна. Сидя въ каретѣ, я умирала со скуки, и то и дѣло плакала. Наконецъ, княжна Гагарина (которая лично не любила графиню Шувалову за то, что дочь ея, бывшая замужемъ за Головкинымъ, дурно обращалась съ роднею своего мужа) воспользовалась благопріятною минутою и дала мнѣ знать, что она старается расположить въ мою пользу Владиславову, потому что, какъ она, такъ и всѣ боятся, чтобъ ипохондрія моя не повредила мнѣ и моему будущему дитяти. Что касается до С. Салтыкова, то онъ не смѣлъ подходить ко мнѣ ни близко, ни издали, потому что Шуваловы, мужъ и жена, постоянно были со мною и не выпускали меня изъ виду. Дѣйствительно, княжна Гагарина успѣла вразумить Владиславову въ необходимости нѣкотораго снисхожденія, чтобы сколько-нибудь дать мнѣ свободы: ипохондрія моя, овладѣвшая

мною противъ моей воли, происходила именно отъ этого постояннаго принужденія. И такъ мало нужно было, чтобы облегчить меня! Какихъ-нибудь нѣсколько минутъ разговора. Наконецъ, разговоръ этотъ удался. Послѣ 29-ти-дневной скучной дороги, мы пріѣхали въ Петербургъ, въ Лѣтній дворецъ. Великій князь тотчасъ возобновилъ свои концерты, что̀ иногда давало мнѣ возможность имѣть разговоръ; но ипохондрія моя усилилась до такой степени, что я готова была плакать всякую минуту и по всякому случаю: тысячи опасеній волновали меня; я не могла выгнать изъ головы мысли, что все клонилось къ удаленію С. Салтыкова. Мы поѣхали въ Петергофъ; тамъ я много дѣлала движенія; но, несмотря на то, печальныя мысли всюду за мной слѣдовали. Въ августѣ мѣсяцѣ мы возвратились въ городъ и по-прежнему поселились въ Лѣтнемъ дворцѣ. Я была чрезвычайно огорчена, узнавши, что для родинъ мнѣ отвели комнаты рядомъ съ покоями императрицы и составлявшія продолженіе ихъ. Александръ Шуваловъ повелъ меня посмотрѣть мое помѣщеніе. Это были двѣ комнаты, какъ всѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ, печальныя, съ однимъ выходомъ, плохо убранныя пунцовою камкою, почти безъ мебели и безъ всякихъ удобствъ. Я увидѣла, что буду въ полномъ одиночествѣ, безъ всякаго общества, несчастна, какъ камень. Я сказала о томъ С. Салтыкову и княжнѣ Гагариной, которые, хотя не любили другъ друга, но соединялись въ чувствѣ дружбы ко мнѣ. Они были совершенно согласны со мною, но помочь было нечѣмъ. Въ среду я должна была перейти въ эти комнаты, находившіяся очень далеко отъ комнатъ великаго князя. Во вторникъ вечеромъ я легла въ постель и ночью проснулась отъ болей. Я разбудила Владиславову; та послала за повивальною бабушкою, которая объявила, что я должна скоро родить. Пошли разбудить великаго князя, спавшаго у себя въ комнатѣ, и графа Александра Шувалова. Сей послѣдній извѣстилъ императрицу, которая не замедлила прійти. Это было около 2 часовъ утра. Я очень страдала, наконецъ, на другой день, 20-го сентября, около полудня, я родила сына. Только-что спеленали его, явился по приказанію императрицы, духовникъ ея и нарекъ ребенку имя Павла, послѣ чего императрица тотчасъ велѣла бабушкѣ взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели. Надо замѣтить, что постель эта стояла противъ самой двери, сквозь которую падалъ на меня свѣтъ; справа и слѣва были еще двѣ двери, изъ которыхъ одна вела въ мою уборную, а другая въ комнату Владиславовой; сзади меня—два большія окна, плохо затворявшіяся. Какъ скоро императрица удалилась, великій князь, съ своей, стороны тоже ушелъ, вслѣдъ за нимъ графъ и графиня Шуваловы, и я никого больше не видала до самаго четвертаго часа. Я много потѣла и просила Влади-

славову перемѣнить мнѣ бѣлье и положить меня въ мою обыкновенную постель; она отвѣчала, что не смѣетъ. Она нѣсколько разъ приказывала позвать бабушку, но та не приходила. Я спрашивала пить и всякій разъ получала тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, послѣ трехъ часовъ явилась графиня Шувалова, вся разряженная. Увидавъ меня все еще на томъ мѣстѣ, на которомъ она меня оставила, она вскрикнула и сказала, что такъ можно уморить меня. Было чѣмъ утѣшиться! Но я и безъ того заливалась слезами съ той самой минуты, какъ родила. Меня особенно огорчало то, что меня совершенно бросили. Послѣ тяжелыхъ и болѣзненныхъ усилій я оставалась рѣшительно безъ призору, между дверями и окнами, плохо затворявшимися; я не имѣла силъ перейти въ постель, и никто не смѣлъ перенести меня, хотя постель стояла въ двухъ шагахъ. Шувалова тотчасъ ушла и, должно быть, велѣла позвать бабушку, потому что черезъ полчаса сія послѣдняя явилась и сказала намъ, что императрица была очень занята ребенкомъ и не отпускала ея отъ себя ни на минуту. Обо мнѣ вовсе и не думали. Такое забвеніе или небрежность, конечно, не могли быть мнѣ лестны. Я умирала отъ жажды; наконецъ, меня перенесли въ постель, и въ этотъ день я никого больше не видала, даже не присылали навѣдаться о моемъ здоровьѣ. Его императорское высочество, съ своей стороны, не замедлилъ устроить попойку съ тѣми, кто попался ему подъ руку, а императрица занималась ребенкомъ. Въ городѣ и въ имперіи была великая радость по случаю этого событія. На утро я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль, начиная отъ бедра вдоль голени и лѣвой ноги. Боль эта не давала мнѣ спать, и, сверхъ того, со мною сдѣлалась сильная лихорадка; но, несмотря на то, и въ этотъ день я не удостоилась большаго вниманія: никто не приходилъ ко мнѣ, никто не присылалъ спросить, что со мною. Впрочемъ, великій князь на минуту явился въ моей комнатѣ и потомъ ушелъ, сказавъ, что ему некогда больше оставаться. Лежа въ постели, я безпрестанно плакала и стонала; въ комнатѣ со мною была только одна Владиславова; въ душѣ она жалѣла обо мнѣ, но ей нечѣмъ было мнѣ помочь. Да и я не любила, чтобы обо мнѣ жалѣли, и сама не любила жаловаться; я имѣла слишкомъ гордую душу, и одна мысль быть несчастною была для меня невыносима; до сихъ поръ я дѣлала все, что могла, чтобы не казаться таковою. Конечно, ко мнѣ приходили графъ Александръ Шуваловъ и жена его, но это были существа до такой степени скучныя и нелѣпыя, что я всегда радовалась ихъ уходу. На третій день пришли спросить у Владиславовой отъ императрицы, не осталась ли у меня въ комнатахъ голубая атласная мантилья, которую во время моихъ родинъ ея величество надѣла, потому что у меня тогда было

очень холодно. Владиславова стала вездѣ искать эту мантилью и, наконецъ, нашла ее въ углу моей уборной, гдѣ она лежала незамѣченною, потому что въ эту комнату со времени моихъ родинъ почти никто не входилъ. Нашедши, она тотчасъ ее отослала. Вскорѣ затѣмъ мы узнали, что по поводу этой мантильи произошелъ довольно странный случай. У императрицы не было опредѣленнаго часа ни для сна, ни для вставанья, ни для обѣда, ни для ужина, ни для туалета. Въ одинъ изъ этихъ трехъ дней, однажды, послѣ обѣда, она легла на диванѣ, приказавъ положить на него тюфякъ и подушки; такъ какъ было холодно, то лежа она спросила себѣ эту мантилью; ее стали вездѣ искать и не находили, потому что она оставалась у меня въ комнатѣ. Тогда императрица велѣла посмотрѣть, нѣтъ ли ея въ подушкахъ подъ изголовьемъ. Сестра госпожи Крузе, эта любимая камерфрау императрицы, пропустила руку подъ изголовье ея величества и, вынувъ ее, сказала, что мантильи подъ изголовьемъ нѣтъ, но что она ощупала тамъ какой-то свертокъ съ волосами. Императрица немедленно встала съ дивана и приказала снять тюфякъ и подушки. Къ немалому удивленію зрителей, найденъ былъ бумажный свертокъ и въ немъ какіе-то коренья, обверченные волосами. Тогда императрицыны женщины и сама она принялись толковать, что, вѣроятно, это какія-нибудь чары или колдовство, и стали дѣлать догадки, кто бы такой осмѣлился положить этотъ свертокъ подъ изголовье ея величества. Подозрѣніе пало на одну изъ любимѣйшихъ женщинъ императрицы, извѣстную подъ именемъ Анны Дмитріевны Домашевой. Она незадолго передъ тѣмъ овдовѣла и вышла замужъ во второй разъ за одного изъ камерлакеевъ императрицы. Шуваловы не любили ея и боялись, потому что она съ молодыхъ лѣтъ, пользуясь довѣріемъ императрицы, легко могла найти случай, чтобы повредить имъ. У Шуваловыхъ тоже были приверженцы, которые и начали толковать, что дѣло съ сверткомъ есть уголовное преступленіе, императрицу убѣдить въ этомъ было не очень трудно, потому что она сама вѣрила въ чары и колдовство. Вслѣдствіе этого, она приказала графу Александру Шувалову арестовать женщину, мужа ея и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, а другой камерпажемъ императрицы. Мужъ на третій день своего ареста спросилъ бритвы побриться и перерѣзалъ себѣ горло. Что касается до самой Домашевой и дѣтей ея, то ихъ долго держали подъ стражею, и она призналась, что, желая продолжить къ себѣ милости императрицы, дѣйствительно употребляла чары и положила нѣсколько крупинокъ четверговой соли въ стаканъ венгерскаго вина, поднесенный императрицѣ. Дѣло это кончили тѣмъ, что ее съ дѣтьми сослали въ Москву; затѣмъ распущенъ былъ слухъ, будто обморокъ, который

императрица имѣла незадолго до моихъ родинъ, былъ слѣдствіемъ питья, даннаго ей этою женщиной; но дѣло въ томъ, что женщина дала ей всего двѣ или три крупинки четверговой соли, что, конечно, не могло ей сдѣлать вреда. Домашева была виновата только въ смѣлости и суевѣріи.

Наконецъ, великій князь соскучился по моимъ фрейлинамъ; по вечерамъ ему не за кѣмъ было волочиться, и потому онъ предложилъ проводить вечера у меня въ комнатѣ. Тутъ онъ началъ ухаживать за графинею Елизаветою Воронцовой, которая, какъ нарочно, была хуже всѣхъ лицомъ. На шестой день происходили крестины моего сына. Онъ уже едва было не умеръ отъ молочницы; я должна была украдкою навѣдываться о его здоровьѣ; ибо просто послать спросить значило бы усумниться въ попеченіяхъ императрицы и могло быть очень дурно принято. Она его помѣстила у себя въ комнатѣ и прибѣгала къ нему на каждый крикъ его; излишними заботами его буквально душили. Онъ лежалъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, въ фланелевыхъ пеленкахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ, его покрывали одѣяломъ изъ атласнаго пике на ватѣ, а сверхъ этого еще одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Послѣ я сама много разъ видала его такимъ образомъ укутаннаго; потъ текъ у него съ лица и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ выросъ, то простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того, къ нему приставили множество безтолковыхъ старухъ и мамушекъ, которыя своимъ излишнимъ и неумѣстнымъ усердіемъ причиняли ему несравненно больше физическаго и нравственнаго зла, нежели добра.

Въ самый день крестинъ, послѣ церемоніи императрица пришла ко мнѣ въ комнату и принесла мнѣ на золотой тарелкѣ указъ своему кабинету, повелѣвавшій выдать мнѣ сто тысячъ рублей. Къ этому она присоединила небольшой ларчикъ, который я раскрыла уже по ея уходѣ. Деньги очень мнѣ пригодились, потому что я имѣла пропасть долговъ, и у меня не было ни копѣйки; ларчикъ же, когда я раскрыла его, не произвелъ на меня большаго впечатлѣнія: въ немъ лежали очень бѣдное маленькое ожерелье, серьги и два жалкихъ перстня, которые я постыдилась бы подарить моей камерфрау; во всѣхъ вещахъ не было ни одного камня, который бы стоилъ сто рублей, и это не вознаграждалось ни работой, ни вкусомъ. Я не сказала ни слова и велѣла спрятать императорскій ларчикъ. Но ничтожность этого подарка была слишкомъ очевидна, и, вѣроятно, ее почувствовали, потому что графъ А. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что ему велѣно узнать, какъ мнѣ понравился ларчикъ; я отвѣчала, что привыкла считать безцѣннымъ все, что получаю изъ рукъ

ея императорскаго величества. Онъ ушелъ съ этимъ комплиментомъ, очень веселый. Впослѣдствіи онъ опять завелъ о томъ рѣчь, замѣтивъ, что я никогда не надѣваю этого прекраснаго ожерелья и еще менѣе жалкихъ серегъ; онъ говорилъ, чтобы я ихъ надѣла. Я отвѣчала, что на праздники императрицы я привыкла надѣвать, что есть у меня лучшаго, и именно потому не надѣваю этого ожерелья и этихъ серегъ. Дня черезъ четыре или черезъ пять послѣ того, какъ мнѣ принесли пожалованныя императрицею деньги, кабинетъ-секретарь, баронъ Черкасовъ, сталъ просить, чтобы я ради Бога дала ихъ взаймы кабинету, потому что императрица спрашиваетъ денегъ, а въ кабинетѣ нѣтъ ни полушки. Я отослала ему деньги; онъ ихъ возвратилъ мнѣ въ январѣ мѣсяцѣ. Великій князь, узнавъ, что я получила отъ императрицы подарокъ, ужасно разсердился, отчего ему ничего не дали. Онъ съ горячностью говорилъ о томъ графу А. Шувалову, тотъ пересказалъ императрицѣ, которая немедленно приказала выдать ему точно такую же сумму, какую получила я: для этого и занимали у меня деньги. Надо сказать правду, Шуваловы вообще были люди очень боязливаго свойства, и напугавши можно было дѣлать съ ними, что угодно, но въ то время эти прекрасныя стороны характера еще не вполнѣ обнаружились.

Послѣ крестинъ моего сына, при дворѣ были праздники, балы, иллюминаціи и фейерверки, я же по-прежнему оставалась въ постели, въ страшной скукѣ и страданіяхъ. Наконецъ, выбрали семнадцатый день послѣ моихъ родинъ, чтобы разомъ сообщить мнѣ двѣ очень пріятныя новости: первое, что С. Салтыкова отправляютъ въ Швецію съ извѣстіемъ о рожденіи моего сына; второе, что свадьба княжны Гагариной назначена на слѣдующую недѣлю. Это значило попросту, что у меня скоро отнимутъ двухъ людей, которыхъ я наиболѣе любила изъ всѣхъ окружавшихъ меня. Я болѣе чѣмъ когда-либо замкнулась въ своей комнатѣ и то и дѣло плакала. Чтобъ не выходить, я сказала, что у меня возобновилась боль въ ногѣ, и что я не могу встать съ постели, но въ сущности я не могла и не хотѣла никого видѣть, потому что на душѣ было тяжело.

Во время моихъ родинъ великій князь тоже имѣлъ кручину; графъ А. Шуваловъ сказалъ ему, что прежній его егерь, Баштейнъ, которому, нѣсколько лѣтъ назадъ, императрица приказала жениться на моей прежней камеръ-фрейлинѣ Шенкъ, явился къ нему съ доносомъ на Брессана и говорилъ, что онъ, не знаю отъ кого слышалъ, будто Брессанъ хотѣлъ чѣмъ-то опоить его, великаго князя. Надо сказать, что этотъ Баштейнъ былъ большой плутъ и пьяница; онъ иногда участвовалъ въ попойкахъ великаго князя, и, повздорившии съ Брессаномъ, который, какъ ему казалось, пользовался больше,

чѣмъ онъ, милостью великаго князя, вздумалъ насолить ему этимъ доносомъ. Великій князь любилъ ихъ обоихъ. Баштейнъ былъ посаженъ въ крѣпость; Бресcанъ ждалъ той же участи, но отдѣлался однимъ страхомъ. Баштейнъ потерпѣлъ изгнаніе и былъ сосланъ съ женою въ Голштинію, а Брессанъ удержался на мѣстѣ, потому что онъ былъ для всѣхъ нуженъ, какъ шпіонъ. С. Салтыковъ послѣ нѣкоторыхъ отсрочекъ, происходившихъ отъ того, что императрица рѣдко и неохотно подписывала бумаги, отправился; тѣмъ временемъ княжна Гагарина вышла замужъ въ назначенный срокъ.

Черезъ сорокъ дней послѣ родовъ, когда я должна была брать очистительныя молитвы, императрица во второй разъ пришла ко мнѣ въ комнату. Чтобы принять ее, я встала съ постели; но она, видя мое истомленіе и слабость, позволила мнѣ сидѣть въ то время, какъ ея духовникъ читалъ молитвы. Въ комнату ко мнѣ принесли моего сына, котораго я тутъ въ первый разъ увидала послѣ его рожденія. Онъ мнѣ показался очень хорошъ, и видъ его нѣсколько развеселилъ меня; но какъ скоро молитвы были кончены, императрица приказала тотчасъ унести его и сама ушла. Перваго ноября, черезъ шесть недѣль послѣ родовъ, императрица приказала мнѣ принять обычныя поздравленія. Для этого въ сосѣднюю съ моей комнату поставили богатѣйшую мебель; я сидѣла на розовой бархатной постели съ серебрянымъ шитьемъ; всѣ подходили и цѣловали мнѣ руку. Императрица также пришла и потомъ прямо отъ меня отправилась въ Зимній дворецъ, куда намъ было велѣно слѣдовать за нею дня черезъ два или черезъ три. Тамъ насъ помѣстили въ комнатахъ, въ которыхъ жила моя матушка, и которыя собственно составляли часть дома Ягузинскаго и половину дома Рагузинскаго; въ другой половинѣ сего послѣдняго дома помѣщалась коллегія иностранныхъ дѣлъ. Зимній дворецъ на большой площади въ то время еще строился.

Я переѣхала изъ Лѣтняго дворца въ наше зимнее жилище съ твердою рѣшимостью не выходить изъ своей комнаты до тѣхъ поръ, пока не почувствую въ себѣ достаточно силъ для преодолѣнія моей ипохондріи. Я читала тогда исторію Германіи и всеобщую исторію Вольтера, послѣ чего въ эту зиму я прочитала столько русскихъ книгъ, сколько могла достать, въ томъ числѣ два огромныхъ тома Баронія, въ русскомъ переводѣ; потомъ мнѣ попался „Духъ законовъ" Монтескье, послѣ чего я прочла лѣтописи Тацита, произведшія странный переворотъ въ головѣ моей, къ чему, можетъ быть, не мало способствовало печальное расположеніе моего духа въ эту эпоху. Я начинала смотрѣть на вещи съ болѣе дурной стороны и отыскивать въ вещахъ, представлявшихся моему взору, причинъ, болѣе глубокихъ и болѣе зависящихъ отъ различныхъ интересовъ. Я собралась съ

силами, чтобы выйти на Рождество, и дѣйствительно пошла къ обѣднѣ; но въ самой церкви почувствовала во всемъ тѣлѣ боль и лихорадочную дрожь, такъ что должна была пойти назадъ, раздѣться и лечь въ постель. Постель моя состояла изъ длиннаго кресла и находилась у заколоченной двери, сквозь которую, повидимому, вовсе не дуло, потому что дверь, кромѣ двойной суконной занавѣски, была заставлена большимъ экраномъ; но, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что отъ этого происходили всѣ мои простудныя опухоли въ эту зиму. На другой день Рождества лихорадочный жаръ достигъ такой степени, что я не помнила себя; когда я закрывала глаза, мнѣ безпрестанно представлялись скверные рисунки кафельной печки, въ которую упиралось мое длинное кресло; комната была мала и тѣсна. Въ спальню свою я почти вовсе не входила, потому что она была очень холодна и обращена окнами на востокъ и на сѣверъ, съ двухъ сторонъ на Неву. Вторая причина, выгонявшая меня изъ спальни, была близость комнатъ великаго князя, гдѣ во весь день и до поздняго вечера происходила постоянная возня въ родѣ той, какая бываетъ на гауптвахтахъ. Кромѣ того, какъ онъ, такъ и его приближенные чрезвычайно много курили, и оттуда несло сквернымъ табачнымъ запахомъ. Такимъ образомъ, всю зиму я оставалась въ этой жалкой, тѣсной комнатѣ съ тремя дверьми, двумя окнами и однимъ простѣнкомъ, всего на все въ 7 или 8 аршинъ длины и въ 4 ширины.

Такъ начался 1755 г. Съ Рождества до поста при дворѣ и въ городѣ происходили постоянныя празднества, все по случаю рожденія моего сына. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ давали обѣды, балы, маскарады, устраивали иллюминаціи и фейерверки, самые лучшіе, какіе было можно. Я подъ предлогомъ болѣзни не участвовала ни въ одномъ изъ этихъ увеселеній.

Къ концу масленицы С. Салтыковъ возвратился изъ Швеціи. Во время его отсутствія великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, присылалъ мнѣ извѣстія, которыя онъ получалъ о немъ, и депеши тогдашняго русскаго посланника въ Швеціи, графа Панина. Мнѣ передавала эти бумаги Владиславова, получавшая ихъ отъ своего зятя, перваго чиновника при великомъ канцлерѣ, я отсылала ихъ тѣмъ же путемъ. Тутъ же я узнала, что, какъ скоро С. Салтыковъ возвратится, положено было отправить его русскимъ министромъ въ Гамбургъ, на мѣсто князя Александра Голицына, котораго перемѣщали въ армію. Это новое распоряженіе не уменьшило моей печали. Когда С. Салтыковъ возвратился, онъ прислалъ черезъ Льва Нарышкина спросить, не найду ли средствъ увидѣться съ нимъ; я поговорила съ Владиславовой, и та согласилась на это свиданіе. Онъ долженъ былъ прійти къ ней и отъ нея ко мнѣ; я ждала его до трехъ часовъ утра, но

онъ не пришелъ; смертельно мучилась, не зная, что могло помѣшать ему. На другой день я узнала, что графъ Воронцовъ увезъ его въ франкъ-масонскую ложу, и онъ увѣрялъ, что не могъ оттуда выбраться, не возбудивъ подозрѣнія. Но, разспрашивая и вывѣдывая Льва Нарышкина, я увидала ясно, какъ день, что онъ не пришелъ по небрежности и невниманію ко мнѣ; онъ не хотѣлъ оцѣнить моихъ страданій и забылъ, что я такъ давно терплю ихъ единственно изъ привязанности къ нему. Самъ Левъ Нарышкинъ, хотя и другъ его, почти ничего не могъ представить ему въ оправданіе. Признаться, это меня очень оскорбило; я написала къ нему письмо, въ которомъ горько жаловалась на его поступки; онъ отвѣчалъ мнѣ и пришелъ ко мнѣ; ему не стоило труда меня успокоить, потому что я была склонна къ тому. Онъ убѣдилъ меня выйти въ публику; я послѣдовала его совѣту и вышла 10 февраля, въ день рожденія великаго князя, наканунѣ поста. Для этого дня у меня было приготовлено великолѣпное платье изъ голубаго бархата, шитое золотомъ. Въ моемъ уединеніи, послѣ многихъ и многихъ размышленій, я рѣшилась, насколько будетъ отъ меня зависѣть, доказать тѣмъ, которые причинили мнѣ столько различныхъ огорченій, что меня нельзя оскорблять безнаказанно, и что со мною слѣдуетъ обращаться хорошо, если хотятъ склонить меня въ свою пользу и заслужить мое расположеніе. Вслѣдствіе этого я не пропускала ни одного случая, когда могла, показать Шуваловымъ, какъ они мнѣ милы; я выражала имъ глубокое презрѣніе, я указывала другимъ на черноту ихъ сердецъ, на глупость ихъ головъ; вездѣ, гдѣ могла, я находила ихъ смѣшныя стороны и преслѣдовала ихъ сарказмами, которые потомъ распространяли по городу и дѣлались потѣхою злыхъ языковъ; однимъ словомъ, я мстила имъ всѣми средствами, какія могла выдумать: въ ихъ присутствіи я нарочно была внимательна съ тѣми, которыхъ они не любили. Такъ какъ у нихъ было много непріятелей, то это облегчало мнѣ дѣло; я болѣе, чѣмъ когда-либо, ласкала графовъ Разумовскихъ, которыхъ, впрочемъ, всегда любила; я удвоила мое вниманіе и вѣжливость ко всѣмъ, исключая Шуваловыхъ; короче сказать, я шла твердымъ шагомъ, высоко подымала голову, не только не казалась угнетенною и униженною, напротивъ, какъ будто стояла во главѣ цѣлой, огромной партіи. Шуваловы смутились и не знали, на какой ногѣ плясать. Они держали между собою совѣтъ и прибѣгли къ проискамъ и придворнымъ козням. Въ это время появился въ Россіи нѣкто Брокдорфъ, голштинскій дворянинъ, нѣкогда прогнанный отъ русскихъ границъ тогдашними приближенными великаго князя, Брюммюромъ и Берхгольцемъ, которые знали его за интригана и человѣка дурнаго характера. Его пріѣздъ былъ очень съ руки

для Шуваловыхъ. Въ качествѣ голштинскаго камергера, Брокдорфъ имѣлъ право посѣщать великаго князя, который, впрочемъ, готовъ былъ ласково принимать всякаго чурбана, пріѣзжавшаго изъ Голштиніи. Кромѣ того, Брокдорфъ нашелъ доступъ къ графу Петру Шувалову, и вотъ какимъ образомъ. Онъ познакомился съ нимъ въ гостиницѣ, въ которой стоялъ съ нѣкіимъ Брауномъ, человѣкомъ, который шатался по петербургскимъ трактирамъ и безпрестанно ходилъ къ тремъ довольно хорошенькимъ нѣмкамъ, по имени Рейфенштейнъ. Одна изъ этихъ дѣвицъ жила на содержаніи у графа Петра Шувалова. Браунъ, бывшій нѣкотораго рода сводчикомъ по всякимъ дѣламъ, ввелъ Брокдорфа къ тремъ нѣмкамъ, и тотъ познакомился тамъ съ графомъ Петромъ Шуваловымъ. Сей послѣдній увѣрялъ его въ своей необыкновенной привязанности къ великому князю и мало-по-малу сталъ жаловаться на меня. Брокдорфъ при первомъ же случаѣ обо всемъ донесъ великому князю, котораго убѣдили въ необходимости, по ихъ выраженію, образумить супругу. Съ этою цѣлью его императорское высочество однажды послѣ обѣда явился ко мнѣ въ комнату и сталъ говорить, что я начинаю быть невыносимо горда, и что онъ сумѣетъ меня образумить. Я спрашивала, въ чемъ заключается моя гордость. Онъ отвѣчалъ, что я хожу черезчуръ прямо. Я спрашивала, развѣ для того, чтобы быть ему угодною, слѣдуетъ ходить, согнувши спину, какъ рабы великаго могола. Онъ разсердился и сказалъ, что онъ непремѣнно меня образумитъ. Какъ же?—спросила я. Тогда онъ прислонился спиною къ стѣнѣ, обнажилъ до половины шпагу и показалъ ее мнѣ. Я спросила его, что это значитъ; если онъ вздумалъ со мною драться, то мнѣ тоже нужно имѣть шпагу. Тутъ онъ вложилъ полуобнаженную шпагу въ ножны и сказалъ, что я сдѣлалась страшно зла. Въ чемъ же?—Да съ Шуваловыми,—пробормоталъ онъ. На это я ему сказала, что долгъ платежемъ красенъ, и что лучше ему не толковать о томъ, чего онъ не знаетъ и не понимаетъ. Онъ началъ говорить: „вотъ что значитъ не довѣряться истиннымъ друзьямъ своимъ, и выходитъ дурно. Если бы вы довѣрились мнѣ, съ вами было бы все хорошо". Я ему сказала: да въ чемъ же довѣриться? Тогда онъ началъ городить такую околесину, заносился такъ далеко, и слова его были до такой степени лишены самаго обыкновеннаго человѣческаго смысла, что я больше не прерывала его, а, воспользовавшись благопріятною минутой, посовѣтовала ему идти спать, потому что видѣла ясно, что вино помутило ему разумъ и лишило послѣдняго смысла. Онъ послушался и ушелъ спать. Надо сказать, что уже въ то время отъ него начало постоянно нести виномъ и табачнымъ запахомъ, такъ что буквально не было возможности стоять подлѣ него близко. Въ тотъ же вечеръ,

когда я сидѣла за картами, графъ Александръ Шуваловъ пришелъ объявить мнѣ отъ имени императрицы о послѣдовавшемъ запрещеніи дамамъ носить извѣстныя матеріи. Чтобъ показать ему, какъ мало на меня подѣйствовала сцена съ великимъ княземъ, я засмѣялась ему подъ носъ и сказала, что ему вовсе незачѣмъ сообщать мнѣ это запрещеніе, потому что я никогда не ношу матерій, которыя не нравятся ея величеству, и, кромѣ того, полагаю мое достоинство не въ красотѣ и не въ нарядахъ; что, когда первая проходитъ, вторые становятся странны, и неизмѣннымъ остается только характеръ. Онъ выслушалъ это до конца, по своему обыкновенію помаргивая правымъ глазомъ, и ушелъ съ гримасою. Я стала его передразнивать, такъ что все наше общество расхохоталось. Нѣсколько дней спустя, великій князь сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ попросить денегъ у императрицы для своихъ голштинскихъ дѣлъ, которыя съ каждымъ днемъ становились хуже, и что Брокдорфъ присовѣтовалъ ему это. Я видѣла ясно, что Шуваловы хотятъ приманить его на эту удочку, и спросила, нѣтъ ли средствъ поступить какъ-нибудь иначе. Онъ отвѣчалъ, что покажетъ мнѣ то, что голштинцы представляли ему на этотъ счетъ, и дѣйствительно принесъ мнѣ бумаги; разсмотрѣвъ ихъ, я сказала, что мнѣ кажется, онъ могъ бы не просить милостыни у тетушки, которая, очень вѣроятно, ему откажетъ, такъ какъ не далѣе шести мѣсяцевъ онъ получилъ отъ нея сто тысячъ рублей. Но онъ остался при своемъ мнѣніи, я—при своемъ. На повѣрку вышло, что его долго манили обѣщаніями и ничего не дали.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки кн. Адама Чарторыйскаго).

(1795—1805).

VI [1]).

(1796 — 1798).

Новое царствованіе.—Похороны Екатерины и Петра III.—Косцюшко и плѣнные поляки.—Потоцкій.—Пріѣздъ въ Петербургъ Станислава-Августа.—Коронованіе Павла.—Бесѣды съ великимъ княземъ Александромъ.—Новосильцевъ и гр. П. Строгоновъ.

Исторія не знаетъ перемѣны болѣе рѣзкой, внезапной, происшедшей какъ бы по волшебству, чѣмъ та, которая совершилась при вступленіи на престолъ Павла I. Все измѣнилось менѣе чѣмъ въ сутки: одежда, прически, походка, выраженія лицъ, занятія. До этого времени обыкновенно носили довольно высокіе воротники, которые нѣсколько скрывали нижнюю часть лица; ихъ немедленно срѣзали и уменьшили, вслѣдствіе чего появились длинныя шеи и выдающіяся челюсти, которыя до сихъ поръ не были видны. Появились плоскіе парики, крѣпко напомаженные и напудренные, съ тупеями на прусскій манеръ. Екатерининскіе щеголи старались придавать мундирамъ болѣе изящную складку и носили ихъ разстегнутыми. Теперь же прусскій фасонъ временъ Фридриха Великаго, принятый въ Гатчинской арміи, сдѣлался обязательнымъ для всѣхъ. Вахтъпарады, на которыхъ происходили важнѣйшія событія, гдѣ императоръ ежедневно появлялся, сдѣлались первостепеннымъ занятіемъ гвардіи. Здѣсь высшее офицерство и генералитетъ съ трепетомъ ожидали благополучнаго исхода смотровъ, на которыхъ императоръ, со свойственной его натурѣ впечатлительностью, то поощрялъ и

---

[1] См. „Русскую Старину", іюль 1906 г.

награждалъ, то являлся строгимъ и даже жестокимъ по отношенію къ провинившимся.

Въ скоромъ времени маленькая Гатчинская армія торжественно вступила въ Петербургъ. Отнынѣ она должна была служить образцомъ не только для гвардейскихъ полковъ, но и для всей русской арміи. Оба великихъ князя чрезвычайно волновались въ этотъ день: они получили приказаніе стать во главѣ своихъ частей и ввести ихъ въ столицу. Имъ предстояло появиться передъ публикой, до сихъ поръ не выражавшей симпатій гатчинцамъ, и, кромѣ того, что̀ было еще труднѣе—заслужить одобреніе императора. Впрочемъ, все обошлось благополучно.

Прибывшіе въ столицу гатчинцы выстроились въ боевомъ порядкѣ на большой площади Зимняго дворца, среди боязливо-любопытной толпы, съ удивленіемъ смотрѣвшей на необычайные костюмы этого необыкновеннаго войска. Гатчинцы стройно парадировали передъ императоромъ, который высказалъ обоимъ великимъ князьямъ свое удовольствіе. Вновь прибывшіе были размѣщены по квартирамъ обывателей, которые, желая сдѣлать угодное императору, приняли ихъ, по возможности, радушно. На улицахъ Петербурга появились солдаты въ остроконечныхъ, на прусскій манеръ, шапкахъ, изъ которыхъ многіе, послѣ усерднаго угощенія хозяевъ и обильныхъ возліяній въ честь Бахуса, были подбираемы на улицахъ въ безчувственномъ видѣ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ своего гатчинскаго затворничества Павелъ давно уже помышлялъ о реформахъ, которыя онъ произведетъ, когда будетъ у кормила власти. Новыя мѣропріятія и всякаго рода перемѣны шли съ головокружительной быстротой. Гатчинскіе образцы немедленно водворились въ гвардейскихъ полкахъ. Кавалергарды, пополненные изъ эскадроновъ конной гвардіи, образовали отдѣльный полкъ. Гатчинскіе офицеры стали быстро повышаться въ чинахъ, а многіе изъ екатерининскихъ гвардейцевъ принуждены были покинуть полки или подчиниться грубымъ и необтесаннымъ пришлецамъ, имена которыхъ были совершенно неизвѣстны.

Но на-ряду со странностями и причудами, характеризовавшими первые шаги царствованія новаго государя, были и мѣропріятія несомнѣнно полезныя и справедливыя. Къ числу таковыхъ должно отнести приказъ, въ силу котораго молодые люди, занимавшіе придворныя должности, обязаны были избрать себѣ родъ дѣятельности на государственной службѣ. Въ гвардейскихъ же полкахъ введена была дисциплина настолько суровая, что многіе изъ офицеровъ поспѣшили перейти въ гражданскую службу.

Съ первыхъ же дней своего царствованія императоръ захотѣлъ ...жественнымъ образомъ почтить память своего отца и, вмѣстѣ съ

тѣмъ, этимъ самымъ выказать негодованіе ближайшимъ виновникамъ его смерти. Пока тѣло Екатерины находилось во дворцѣ, весь наличный составъ двора, фрейлины, придворные кавалеры и всѣ высшіе сановники государства должны были по-очередно дежурить днемъ и ночью у гроба усопшей. Императоръ, императрица и вся царская фамилія ежедневно два раза являлись для поклоненія тѣлу покойной государыни.

Вскорѣ по приказанію императора бренные останки Петра III были вырыты изъ земли и торжественно перевезены изъ Александро-Невской Лавры въ Зимній дворецъ и поставлены рядомъ съ гробомъ Екатерины. Въ это время находились еще въ живыхъ трое или четверо изъ тѣхъ, которыхъ обвиняли въ убійствѣ Петра III. Въ эпоху переворота всѣ они были въ небольшихъ чинахъ, теперь же это были сановники, занимавшіе важныя государственныя мѣста.

Къ числу таковыхъ принадлежалъ, между прочимъ, оберъ-гофмаршалъ князь Барятинскій, человѣкъ, котораго вообще не любили, благодаря его рѣзкому, грубому характеру; другой—былъ генералъ-губернаторъ Бѣлоруссіи Пассекъ, генералъ-адъютантъ Екатерины. Въ день смерти императрицы Пассекъ исчезъ, а князь Барятинскій въ страхѣ трепеталъ за свою участь. По высочайшему повелѣнію онъ, вмѣстѣ съ другими своими сообщниками, долженъ былъ стоять у гроба Петра III и принимать участіе въ торжественномъ перенесеніи его останковъ. Изъ другихъ дѣятелей переворота и ближайшимъ виновниковъ смерти Петра III одинъ только Алексѣй Орловъ шелъ твердою походкой и съ видимымъ наружнымъ спокойствіемъ.

Императоръ сохранилъ въ Зимнемъ дворцѣ аппартаменты, которые онъ занималъ, будучи великимъ княземъ. Пріемная его была наполнена лицами, имѣвшими къ нему доступъ, которыя проводили здѣсь цѣлые дни. Вообще дворецъ представлялъ своеобразное зрѣлище: движеніе было необычайное, камеръ-лакеи, курьеры, адъютанты, фельдъ-егеря пробѣгали по заламъ дворца, одни съ приказами и записками государя, а другіе отправлялись спѣшно къ лицамъ, которыхъ вызывалъ императоръ. Вызываемые немедленно разыскивались и прибѣгали во дворецъ, запыхавшись и не зная, что ихъ ожидаетъ. Съ трепетомъ входили они въ кабинетъ Павла и въ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ первые дни, выходили съ довольными лицами, украшенные красной или синей лентой. Такимъ образомъ, увидѣлъ я однажды выходящимъ изъ кабинета государя старшаго изъ Зубовыхъ, графа Николая, котораго Павелъ сдѣлалъ шталмейстеромъ и Александровскимъ кавалеромъ за то, что онъ пер-

ый привезъ ему положительныя извѣстія о его близкомъ вступленіи на престолъ.

Несмотря на это, большинство выдающихся дѣятелей прошлаго царствованія, за весьма малыми исключеніями, сходило со сцены. Всюду видны были новыя лица, которыя иногда въ нѣсколько дней дѣлали быструю карьеру. Почти весь составъ министровъ былъ измѣненъ. Бывшій фаворитъ, Платонъ Зубовъ, имѣвшій видъ развѣнчанной владѣтельной особы, удалился въ свои обширныя литовскія помѣстья, пожалованныя ему Екатериной, и вскорѣ выѣхалъ въ Германію, гдѣ нѣкоторое время прожилъ частнымъ человѣкомъ. Но заснувшее было на время въ немъ честолюбіе и тщеславіе снова проявились и внушили ему мысль, что роль его еще не окончена, и онъ снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ принялъ участіе въ заговорѣ, что́ сдѣлало его еще болѣе несчастнымъ и преступнымъ, чѣмъ раньше.

Изъ бывшихъ министровъ Екатерины одинъ Безбородко не только сохранилъ прежнее свое вліяніе, но и удостоился даже милости новаго императора. Причину этого слѣдуетъ искать какъ въ выдающихся талантахъ и способности этого дѣятеля, такъ и въ особенности въ его отношеніяхъ къ Зубовымъ, которыхъ онъ почти игнорировалъ, когда они была на верху могущества. Павелъ щедро наградилъ его и удвоилъ его богатства, надѣлилъ землями, осыпалъ денежными подарками, сдѣлалъ княземъ и всегда пользовался его совѣтами.

Однимъ изъ руководящихъ мотивовъ дѣйствій Павла было желаніе окружить себя людьми, на преданность которыхъ онъ могъ вполнѣ положиться, ибо съ первыхъ же дней своего царствованія онъ сталъ опасаться и какъ бы предчувствовалъ возможность дворцоваго переворота, какъ результата враждебнаго къ нему отношенія приверженцевъ прежняго порядка. Людей этихъ онъ беретъ отовсюду: прежде всего и на первомъ планѣ стоятъ его любимые гатчинцы, которыхъ онъ призываетъ къ себѣ и возвеличиваетъ не по заслугамъ. Онъ ищетъ вѣрныхъ слугъ среди уцѣлѣвшихъ обломковъ царствованія Петра III, среди людей, оказавшихъ когда-то преданность его отцу, среди ихъ потомковъ и родственниковъ. На-ряду съ этимъ онъ удаляетъ и преслѣдуетъ людей, пользовавшихся милостями Екатерины, ихъ друзей и родственниковъ, которыхъ уже только по одному этому считаетъ подозрительными. Постоянная боязнь измѣны являлась такимъ образомъ главнымъ стимуломъ его поступковъ въ теченіе всего царствованія. Къ сожалѣнію, онъ ошибся въ выборѣ какъ людей, такъ и средствъ, которыми онъ хотѣлъ обезпечить свою безопасность и свою власть, и которые только ускорили трагическую развязку.

Исторія едва-ли знаетъ монарха болѣе ужаснаго въ проявленіяхъ своего гнѣва, болѣе щедраго и великодушнаго въ расточеніи милости. Послѣднія, однако, не представляли увѣренности для лицъ, пользовавшихся ими. Одно слово, случайно вырвавшееся въ разговорѣ, малѣйшая тѣнь подозрѣнія—были достаточны, чтобы превратить недавнюю милость въ опалу. Возвеличенные, осыпанные милостями сегодня, съ трепетомъ ожидали завтрашняго дня, который могъ окончиться для нихъ удаленіемъ отъ дворца и даже ссылкой. Въ такомъ положеніи находилась почти вся Россія въ царствованіе Павла, хотя несомнѣнно, что этотъ государь имѣлъ искреннее стремленіе къ правдѣ и добру. Въ душѣ его, на-ряду съ болѣзненными проявленіями необузданной воли, лежало глубоко чувство справедливости, побуждавшее его къ самымъ искреннимъ и высокимъ порывамъ.

Однимъ изъ актовъ, которыми были ознаменованы первые дни царствованія и въ которыхъ сразу сказалась пылкая, но склонная къ великодушнымъ порывамъ натура Павла, было освобожденіе польскихъ плѣнныхъ. Подобно Петру III, нѣкогда посѣтившему въ казематѣ злополучнаго Ивана Антоновича, Павелъ I лично отправился освобождать Косцюшку и его товарищей по заключенію. Императоръ особенно милостиво отнесся къ польскому патріоту и сказалъ ему, что, будь онъ, Павелъ, на престолѣ, онъ никогда бы не далъ согласія на раздѣлъ Польши; что онъ считалъ этотъ актъ несправедливымъ и неполитичнымъ, но теперь, разъ онъ уже выполненъ и имѣетъ международное значеніе, онъ принужденъ считаться съ существующимъ фактомъ.

По просьбѣ Косцюшки, императоръ постепенно предоставилъ свободу и остальнымъ польскимъ плѣннымъ, поставивъ имъ, однако, условіемъ принести присягу на вѣрность. Исключеніе было сдѣлано только для графа Игнатія Потоцкаго, по отношенію къ которому выставлено было требованіе, чтобы всѣ находящіеся въ Петербургѣ поляки явились поручителями его политической благонадежности.

Въ своихъ бесѣдахъ съ Косцюшкой императоръ всегда выказывалъ свойственныя его характеру черты великодушія и деликатности: когда ему случалось отказывать въ его просьбахъ и ходатайствахъ за его соотечественниковъ, онъ дѣлалъ это въ чрезвычайно мягкой формѣ, по возможности, объясняя причины, вынуждавшія его поступать такъ или иначе и препятствовавшія ему слѣдовать влеченію своего сердца. Несомнѣнно, что образъ Косцюшки, этого героя, пострадавшаго за родину, покрытаго ранами, отъ которыхъ онъ не успѣлъ еще оправиться, былъ глубоко симпатиченъ рыцарской на-

турѣ Павла и внушалъ ему уваженіе и довѣріе. Онъ часто навѣщалъ его, нерѣдко въ сопровожденіи царской фамиліи, члены которой выказывали генералу не только сочувствіе, но даже предупредительность и заботливость.

Великій князь Александръ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, очевидно, сочувствовалъ этимъ великодушнымъ стремленіямъ своего отца, хотя непреоборимый страхъ предъ императоромъ не давалъ ему возможности выказать по отношенію къ Костюшкѣ тѣ чувства, которыя онъ съ давнихъ поръ питалъ къ нему. Служебныя занятія поглощали почти все его время, вслѣдствіе чего мнѣ не приходилось встрѣчаться съ нимъ столь же часто, какъ прежде. Вообще, съ наступленіемъ новаго царствованія, сношенія наши сдѣлались болѣе рѣдкими и затруднительными.

Въ скоромъ времени, всѣхъ насъ, поляковъ, пригласили во дворецъ, чтобы подписать актъ, въ которомъ каждый въ отдѣльности долженъ былъ, за своею подписью, засвидѣтельствовать, что онъ ручается, что графъ Потоцкій ничего не будетъ предпринимать въ ущербъ Россіи и что нижеподписавшійся гарантируетъ это за своею отвѣтственностью. Актъ этотъ былъ составленъ въ точныхъ и ясныхъ выраженіяхъ. Князь Куракинъ, назначенный вице-канцлеромъ, находился здѣсь и долженъ былъ наблюдать за правильнымъ выполненіемъ всѣхъ формальностей. Собраніе было многочисленное. Я и братъ мой подписали актъ безъ всякихъ колебаній, такъ какъ мы давно связаны были съ графомъ Игнатіемъ не только родственными узами, но и чувствомъ личнаго уваженія. Среди присутствовавшихъ были, однако, и такіе, которые выказали колебаніе; нѣкоторые же, узнавъ, въ чемъ дѣло, поспѣшили удалиться. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ графъ Ириней Хребтовичъ (сынъ канцлера Хребтовича, который болѣе другихъ побуждалъ Станислава-Августа примкнуть къ Тарговицкой конфедераціи. Онъ въ скоромъ времени совершенно обрусѣлъ). Несмотря на это, количество собранныхъ подписей было настолько значительно, что императоръ согласился на освобожденіе Потоцкаго.

Трудно себѣ представить восторгъ плѣнниковъ, которымъ была возвращена, наконецъ, давно желанная свобода, и радость ихъ при свиданіи послѣ столь продолжительнаго и тягостнаго заключенія. Знаменитѣйшіе члены великаго сейма 1788—1792 гг. находились здѣсь: графъ Потоцкій, графъ Ѳаддей Мостовскій, знаменитый Юліанъ Нѣмцевичъ, варшавскій бургомистръ Закревскій, извѣстный своимъ патріотизмомъ и мужествомъ, генералъ Сокольницкій, который, будучи на свободѣ, добровольно раздѣлилъ съ послѣднимъ тяжесть заключенія, чтобы съ нимъ не разставаться; Килинскій и Капосташъ—достой-

ные варшавскіе граждане, изъ которыхъ первый занимался мастерствомъ и былъ достойнымъ сподвижникомъ Косцюшки, второй—банкиромъ, при чемъ оба пользовались большимъ вліяніемъ на варшавскій народъ.

Императоръ Павелъ осыпалъ милостями генерала Косцюшку, щедро надѣливъ его деньгами, которыя послѣдній принужденъ былъ принять. Эта милость сильно тяготила его и, по пріѣздѣ въ Америку, онъ вернулъ государю свой долгъ при письмѣ, въ которомъ онъ, повидимому, выражалъ императору Павлу какъ личную свою признательность, такъ и всѣхъ плѣнниковъ поляковъ.

Я уже упоминалъ выше, что до пріѣзда нашего въ Петербургъ, мы провели съ братомъ около полугода въ Гроднѣ, гдѣ жилъ подъ охраной русскаго правительства польскій король Станиславъ-Августъ. Во время этого пребыванія въ Гроднѣ, мы часто посѣщали его во всякое время дня, при чемъ король всегда оказывалъ намъ истинно родственное вниманіе и дружбу.

Императоръ Павелъ, обыкновенно поступавшій обратно тому, что дѣлала императрица Екатерина, вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ пригласилъ польскаго короля въ Петербургъ. Еще будучи великимъ княземъ, Павелъ Петровичъ и его супруга Марія Ѳеодоровна во время ихъ путешествія за границу, кажется въ 1785 году, проѣзжали по югу Польши. Въ это время король Станиславъ-Августъ, чтобы встрѣтить высокихъ путешественниковъ и принять ихъ въ своемъ королевствѣ, выѣхалъ изъ Варшавы, чтобы привѣтствовать великаго князя. Оффиціальная встрѣча состоялась въ замкѣ Вишневецъ, принадлежавшемъ графу Мнишекъ, коронному маршалу, женатому на одной изъ племянницъ короля, графинѣ Замойской, палатина Подоліи, который впослѣдствіи жилъ долгое время со своими дѣтьми въ Парижѣ и обратилъ на себя вниманіе своею безтактностью и странными выходками. Замокъ Вишневецъ принадлежалъ нѣкогда семейству Вишневецкихъ, роду, въ настоящее время угаснему, послѣдняя представительница котораго вышла замужъ за Мнишка, потомка того, чья дочь нѣкогда сидѣла на русскомъ престолѣ. Обширные аппартаменты этого дворца были наполнены множествомъ драгоцѣнныхъ историческихъ портретовъ, среди которыхъ находились между прочимъ изображенія знаменитой Марины и Дмитрія, а также громадное полотно, изображавшее ихъ коронованіе въ Москвѣ.

Въ этомъ блестящемъ замкѣ польскій король привѣтствовалъ русскаго великаго князя, встрѣчая его въ своихъ владѣніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во время этого пребыванія въ Польшѣ великій князь Павелъ, въ дружественныхъ бесѣдахъ съ королемъ, имѣлъ возможность ближе сойтись съ Станиславомъ-Августомъ, который въ свою

очередь не преминулъ заручиться симпатіями и благоволеніемъ будущаго императора Россіи.

Говорятъ, что графъ Мнишекъ возымѣлъ въ то время надежду, заручившись благосклонностью наслѣдника Екатерины, на избраніе въ польскіе короли, на что онъ, быть можетъ, претендовалъ въ качествѣ наслѣдника Вишневецкихъ и потомка отца Марины.

И вотъ, по восшествіи на престолъ, Павелъ несомнѣнно вспомнилъ о дружественныхъ отношеніяхъ своихъ съ бывшимъ королемъ Польши и рѣшилъ пригласить его въ Петербургъ. Императрица Марія Ѳеодоровна также сочувственно отнеслась къ этому предложенію, и плѣнный король, покинувъ Гродно, прибылъ въ русскую столицу. Императоръ Павелъ не преминулъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы проявить бывшему королю то великодушіе, которое не выказала ему покойная императрица. Станиславъ-Августъ былъ принятъ въ Петербургѣ со всѣми почестями, подобающими коронованнымъ особамъ. Подъѣзжая къ Петербургу, король былъ привѣтствованъ отъ имени императора и членовъ его семьи нѣкоторыми высокопоставленными сановниками и представителями русскаго двора.

Павелъ предоставилъ Станиславу-Августу одинъ изъ своихъ дворцовъ, который обставилъ съ возможною роскошью и великолѣпіемъ, дабы сдѣлать пребываніе бывшаго короля Польши по возможности пріятнымъ. Первое время этого пребыванія, ознаменованное взаимными пріемами и банкетами, прошло среди блестящихъ торжествъ и являлось какъ бы продолженіемъ дружественныхъ интимныхъ отношеній, завязавшихся между королемъ и русскимъ государемъ еще въ Вишневецкомъ замкѣ. Впрочемъ, вопросъ о возвращеніи Станиславу-Августу его королевства никогда не возбуждался, если не считать нѣкоторыхъ намековъ, которые Павелъ I сдѣлалъ Косцюшкѣ, осуждая принципіально политику Екатерины по польскому вопросу.

Первое время Павловскаго царствованія носило характеръ какой-то особенной нервности и безпорядочности. Цѣлый рядъ поразительныхъ инцидентовъ, курьезныхъ, а иногда и трагическихъ сценъ являлся признакомъ полнаго переворота въ политикѣ, въ государственномъ управленіи и даже въ обычаяхъ и привычкахъ обыденной жизни. Весь этотъ новый порядокъ вещей, къ сожалѣнію, касался не принциповъ, не являлся результатомъ строго обдуманной системы, но проявлялся почти исключительно во внѣшнихъ формахъ жизни. Высшіе сановники, генералы, офицеры и чиновники смѣнялись съ необычайной быстротою и замѣнялись людьми совершенно неизвѣстными, не выказывавшими никакихъ способностей и получавшими мѣста, о занятіи которыхъ они сами никогда и не помышляли.

Въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ императоръ руководствовался

исключительно своею волею, своимъ желаніемъ даннаго момента, своимъ капризомъ и требовалъ при этомъ немедленнаго и безпрекословнаго исполненія. Внушаемый имъ страхъ заставлялъ многихъ исполнять эти приказанія слѣпо, безъ всякой разумной критики—несмотря на совершенную неожиданость и подчасъ несообразность распоряженій. Вахтъ-парады и смотры являлись ареною самыхъ прискорбныхъ и странныхъ происшествій. Генералы и высшіе офицеры за малѣйшую неисправность, за малѣйшія мелочи подвергались немилости и „выбрасывались" по тогдашнему выраженію—„изъ службы". Съ другой стороны—удачный шагъ при маршировкѣ, красивый маневръ, исправность въ формѣ — вызывали отличія, едва-ли оправдываемыя самыми выдающимися государственными заслугами или талантами.

Императоръ строго запретилъ ношеніе круглыхъ шляпъ, которыя онъ считалъ признакомъ либерализма. Если какой-нибудь разночинецъ появлялся въ толпѣ любопытныхъ, смотрѣвшихъ на парадъ, и имѣлъ при томъ неосторожность появиться въ круглой шляпѣ на головѣ, зоркіе адъютанты немедленно накидывались на несчастнаго, который обращался въ поспѣшное бѣгство, рискуя въ случаѣ поимки подвергнуться палочнымъ ударамъ въ ближайшей кордегардіи. Это была настоящая охота, которая начиналась на площадяхъ и кончалась на улицахъ, среди толпы любопытныхъ, съ удивленіемъ взиравшихъ на это зрѣлище и въ тайнѣ сочувствовавшихъ несчастному.

Англійскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Витвортъ, долженъ былъ заказать себѣ шляпу особой формы, въ которой онъ могъ бы спокойно совершать свои утреннія прогулки, не рискуя быть ослушникомъ повелѣнія императора.

Государь совершалъ ежедневныя прогулки по городу въ саняхъ или въ коляскѣ въ сопровожденіи одного изъ генералъ-адъютантовъ. При встрѣчѣ съ нимъ кареты останавливались: кучеръ, лакей и форейторы должны были снимать шляпы, лица же, сидѣвшія въ каретахъ, поспѣшно выходили изъ экипажа, чтобы отдать поклонъ императору, который зорко слѣдилъ за тѣмъ, достаточно ли почтительны привѣтствія. Бывали случаи, что ѣхавшія въ экипажахъ дамы вмѣстѣ съ дѣтьми, несмотря на глубокій снѣгъ или оттепель, спѣшили исполнить требованія этого новаго этикета, дѣлая съ трепетомъ глубокій реверансъ среди улицы. Будучи еще великимъ княземъ, Павелъ всегда думалъ, что къ нему недостаточно почтительны, и потому, сдѣлавшись императоромъ, онъ особенно ревниво относился ко всѣмъ внѣшнимъ проявленіямъ уваженія и даже страха. Не удивительно, поэтому, что большинство жителей столицы съ ужасомъ помышляли о такихъ встрѣчахъ и при одномъ его приближеніи спѣшили скрываться въ боковыя улицы или въ ворота ближайшихъ домовъ.

Кромѣ императора было еще одно лицо́, съ которымъ боялись встрѣчаться петербуржцы—то былъ грозный Архаровъ, петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, который въ свою очередь разъѣзжалъ по городу и слѣдилъ за порядкомъ. Быстрая ѣзда въ саняхъ, которую такъ любятъ русскіе, была строго воспрещена по улицамъ столицы. Когда онъ встрѣчалъ экипажъ, который, по его мнѣнію, нарушалъ его распоряженіе, то немедленно задерживалъ его и, наказавъ кучера палочными ударами, пользовался экипажемъ въ теченіе нѣкотораго времени; владѣльцу же предоставлялось идти домой пѣшкомъ. Братъ мой, Константинъ, однажды испыталъ на себѣ послѣдствія этого своеобразнаго распоряженія. Выѣхавъ однажды въ саняхъ, онъ внезапно встрѣтился съ императоромъ и такъ какъ ѣхалъ довольно быстро, то едва успѣлъ выйти и отдать поклонъ государю. Проѣхавъ мимо, государь крикнулъ ему: „Вы можете такъ себѣ сломать шею!“ Не успѣлъ братъ мой вернуться домой, какъ узналъ, что Архаровъ, по высочайшему повелѣнію, требуетъ къ себѣ экипажъ, лошадей и кучера. Продержавъ ихъ въ теченіе недѣли, онъ возвратилъ ихъ ему обратно.

При дворѣ, какъ и на парадахъ, императоръ велъ строжайшій этикетъ и учредилъ особенный церемоніалъ при представленіяхъ ему и императрицѣ, при чемъ количество и родъ поклоновъ былъ строго опредѣленъ. Завѣдывавшій этой частью оберъ-церемоніймейстеръ Валуевъ былъ неумолимъ при исполненіи своихъ обязанностей и чрезвычайно строгъ къ подвѣдомственнымъ ему придворнымъ чинамъ, которыхъ муштровалъ не хуже рекрутовъ на ученіяхъ. Во время церемоніала цѣлованія руки, повторявшагося при каждомъ случаѣ во время воскресныхъ выходовъ и праздниковъ, надо было, согласно требованію этикета, подойдя къ государю, и, предварительно, отдавъ глубокій поклонъ, стать на одно колѣно и тогда звучно поцѣловать руку императора, который цѣловалъ подходившаго въ щеку. Такимъ же образомъ подходили къ императрицѣ и, удаляясь, пятились задомъ, дабы не поворачиваться спиной къ августѣйшимъ особамъ. При этомъ нерѣдко приходилось наступать на ноги тѣмъ, которые слѣдовали сзади, что́ производило нѣкоторое замѣшательство, несмотря на всѣ усилія оберъ-церемоніймейстера, который долго не могъ добиться необходимаго порядка.

Въ началѣ этого новаго царствованія мнѣ и брату пришлось испытать на себѣ нервность императора и отчасти его неблаговоленіе. Однажды государь съ императрицей находились въ дворцовой церкви въ качествѣ воспріемниковъ при обрядѣ крещенія. Дежурство состояло изъ двухъ канцлеровъ и двухъ камеръ-юнкеровъ, которые должны были предшествовать ихъ величествамъ при выходѣ изъ

внутреннихъ аппартаментовъ. Дежурными камеръ-юнкерами были въ этотъ день я и братъ. Оба мы почему-то запоздали и вó-время не могли быть на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ государь, вышедшій уже изъ кабинета, пришелъ въ сильный гнѣвъ, не увидѣвъ дежурныхъ на своемъ мѣстѣ. Запыхавшись, прибѣжали мы и застали шествіе остановившимся передъ запертыми дверями церкви, куда уже вошелъ государь. Присутствующіе безпокоились не менѣе насъ и высказывали намъ опасенія за ожидавшую насъ участь. Вскорѣ двери отворились, и въ нихъ показался государь, который прошелъ мимо насъ со сверкающимъ взоромъ, и сильно отдуваясь, что у него было признакомъ большаго гнѣва. Несмотря на это, мы отдѣлались сравнительно легко и были наказаны домашнимъ арестомъ. Благодаря заступничеству великаго князя, просившаго за насъ Кутайсова, въ то время еще государева брадобрея, арестъ этотъ ограничился всего двумя недѣлями. Вскорѣ затѣмъ, согласно распоряженію государя, о которомъ я уже упомянулъ и въ силу котораго всѣ придворные кавалеры должны были избрать себѣ соотвѣтствующій родъ службы, мы были зачислены въ армію бригадирами, право на каковой чинъ давало званіе камеръ-юнкера. Назначеніе это обоихъ насъ очень обрадовало, такъ какъ, освобождая насъ отъ придворной службы, оно давало намъ возможность чаще видѣться съ великими князьями въ качествѣ ихъ адъютантовъ. Новыя наши обязанности были немногосложны и заключались въ томъ, чтобы слѣдовать за великими князьями и находиться при нихъ во время смотровъ и парадовъ.

Въ началѣ весны 1797 года императоръ переѣхалъ въ Москву для совершенія обряда коронованія. Туда же переѣхалъ вслѣдъ за нимъ и весь Петербургъ, т.-е. дворъ, высшіе военные и гражданскіе чины столицы и часть гвардіи. Зима хотя уже и окончилась, но холодъ еще чувствовался и обитатели петербургскихъ салоновъ отправлялись въ Москву, закутанные въ шубы и мѣховыя одежды, перегоняя другъ друга, стараясь, по возможности, скорѣе попасть въ древнюю столицу.

Москва въ эту эпоху представляла изъ себя оригинальный городъ, характеръ и видъ котораго сильно измѣнился послѣ пожара двѣнадцатаго года, когда городъ стали перестраивать по новому плану. Въ то время Москва походила на собраніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ городовъ, которыми можно было считать ея обширные кварталы, отдѣленные другъ отъ друга не только садами и парками, но даже громадными незастроенными пространствами, имѣвшими видъ не вспаханныхъ полей. Чтобы сдѣлать визитъ знакомымъ, жившимъ въ другой части города, приходилось ѣхать болѣе часу времени. По

внѣшнему своему виду Москва также производила довольно оригинальное впечатлѣніе: во многихъ мѣстахъ на-ряду съ ничтожными деревянными зданіями, походившими на крестьянскія избы, возвышались величественные дворцы, какъ, напримѣръ, дома Голицыныхъ, Долгорукихъ и другихъ высшихъ сановниковъ, жившихъ въ древней столицѣ съ почти царскою роскошью, которою они старались вознаградить себя за постигшія ихъ нѣкогда придворныя неудачи. Среди этого огромнаго города возвышался древній Кремль, родъ крѣпости, окруженной обширной стѣною—древняя резиденція московскихъ великихъ князей, полный историческихъ воспоминаній. Въ Кремлѣ и должны были происходить торжества коронованія. Государь со всѣмъ своимъ семействомъ за все время коронаціонныхъ торжествъ находился въ Кремлевскомъ дворцѣ, куда переѣхалъ и весь дворъ.

По желанію императора вслѣдъ за нимъ переѣхалъ въ Москву и польскій король, который долженъ былъ присутствовать на всѣхъ торжествахъ коронованія. Надо признаться, что Станиславу-Августу пришлось играть довольно плачевную роль, когда онъ долженъ былъ слѣдовать за императоромъ, окруженнымъ своимъ семействомъ и блестящей свитой. Церковная служба, которою начинается это торжество, чрезвычайно продолжительна. Во время этой службы Станиславъ-Августъ, утомленный до чрезвычайности, попробовалъ сѣсть въ отведенной ему трибунѣ. Императоръ тотчасъ это замѣтилъ и велѣлъ ему сказать, что въ церкви онъ все время долженъ находиться стоя, что́ несчастный король, сильно смущенный, поспѣшилъ исполнить.

По окончаніи коронаціонныхъ празднествъ императоръ Павелъ со всѣмъ семействомъ покинулъ Кремль и переѣхалъ въ другой, находящійся на окраинахъ города, болѣе обширный Петровскій дворецъ. Послѣдніе дни пребыванія въ Москвѣ посвящены были народнымъ торжествамъ, баламъ, празднествамъ, фейерверкамъ и парадамъ. Дворянство въ своемъ обширномъ собраніи дало императору блестящій балъ. Впрочемъ, на всѣхъ этихъ торжествахъ отсутствовала истинная веселость и для большинства они представляли весьма обременительную и скучную обязанность.

Къ этому же времени изъ всѣхъ областей имперіи собрались въ Москвѣ многочисленныя депутаціи отъ всевозможныхъ народовъ, подвластныхъ Россіи, для принесенія государю поздравленій и изъявленія вѣрноподданническихъ чувствъ. Въ числѣ этихъ депутацій находились и представители Польши, еще недавно независимой и свободной, которые теперь съ грустью взирали на своего короля, низведеннаго на степень придворнаго русскаго императора.

Смерть Екатерины и восшествіе на престолъ императора Павла, два обстоятельства, благодаря которымъ великій князь Александръ сталъ теперь близокъ къ престолу, не только не измѣнили политическихъ взглядовъ Александра, но, повидимому, еще болѣе укрѣпили его прежнія убѣжденія, личные взгляды и идеалы. Въ свободныя минуты отъ многочисленныхъ вахтъ-парадовъ и другихъ военныхъ упражненій, которымъ онъ предавался съ увлеченіемъ и съ искреннимъ желаніемъ угодить отцу,—онъ нерѣдко продолжалъ мнѣ развивать свои прежнія идеи относительно той будущности, которую мечталъ создать для Россіи. Странный, подчасъ жестокій и суровый деспотизмъ его отца и плачевные результаты, являвшіеся его послѣдствіемъ, производили угнетающее впечатлѣніе на великодушную и благородную натуру великаго князя, мечтавшаго объ идеальной свободѣ и справедливости. Въ то же время онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ тѣхъ громадныхъ затрудненіяхъ и разочарованіяхъ, которыя ему придется встрѣтить въ будущемъ при осуществленіи его завѣтныхъ идеаловъ.

Въ скоромъ времени, воспользовавшись трехмѣсячнымъ отпускомъ, мы рѣшили отправиться изъ Москвы въ Польшу, чтобы повидать нашихъ родителей. Предстоящій отъѣздъ нашъ, видимо, огорчилъ великаго князя, которому теперь не съ кѣмъ было бесѣдовать о своихъ завѣтныхъ мечтахъ. Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ онъ просилъ меня составить ему проектъ будущаго манифеста, который онъ имѣлъ намѣреніе обнародовать въ случаѣ вступленія своего на престолъ. Несмотря на то, что я всѣми силами отказывался отъ этого порученія, великій князь до тѣхъ поръ убѣждалъ меня, пока я, наконецъ, не набросалъ на бумагѣ и не формулировалъ всѣ тѣ принципы и идеи, которые его такъ занимали. Надо было успокоить великаго князя и удовлетворить его желанія, и я скоро составилъ проектъ будущаго манифеста. Сущность этого документа заключалась въ цѣломъ рядѣ соображеній, въ которыхъ излагались неудобства того режима, въ которомъ до сихъ поръ находилась Россія, и указывались выгоды новаго порядка, который хотѣлъ создать Александръ; благодѣтельныя послѣдствія свободы и истиннаго правосудія, освобожденнаго отъ тѣхъ препятствій, которыя мѣшали правильности ихъ выполненія; наконецъ, непреложное рѣшеніе Александра отказаться отъ власти въ пользу достойнѣйшаго, какъ только будутъ приведены въ исполненіе всѣ эти предначертанія.

Нечего говорить, что всѣ эти отрывочныя разсужденія и высокія фразы, которыя старался я связать между собою насколько это возможно,—были весьма мало, если не совершенно непримѣнимы къ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, работа моя очень понравилась

великому князю, который взялъ ее у меня и спряталъ въ карманъ, горячо выражая мнѣ свою признательность. Онъ, видимо, успокоился и считалъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи этотъ актъ, онъ вполнѣ подготовился къ будущимъ событіямъ и можетъ ожидать ихъ совершенно спокойно. Странныя и почти непонятныя иллюзіи, мечтанія молодаго ума, которыя впослѣдствіи исчезли, когда душа его, умудренная опытомъ жизни, уже не смотрѣла столь идеально на вещи и людей. Я не знаю, что сдѣлалось съ этой бумагой, кажется, что Александръ никому ее не показывалъ, и съ тѣхъ поръ у меня не было съ нимъ объ этомъ разговора. Полагаю, что онъ сжегъ ее впослѣдствіи, убѣдившись въ полной непрактичности этого документа, составленнаго по его приказанію и авторъ котораго самъ сознавалъ всю его неосновательность.

Пока мы занимались этими отвлеченными разсужденіями, новое обстоятельство придало намѣреніямъ великаго князя болѣе практическій характеръ. Со времени моего пріѣзда въ Петербургъ, я особенно часто посѣщалъ домъ графа Строгонова, въ семьѣ котораго я сталъ своимъ человѣкомъ. Привязанность и дружба, которыми почтилъ меня старый графъ, оставили во мнѣ навсегда неизгладимое впечатлѣніе, и я вспоминаю о немъ до сихъ поръ съ живѣйшей признательностью. Съ сыномъ его графомъ Павломъ Строгановымъ и его другомъ Новосильцевымъ, воспитаннымъ въ семьѣ Строгановыхъ, съ которымъ онъ находился въ родствѣ—я былъ связанъ дружбою, какъ съ людьми одного возраста со мной. Молодая графиня Строганова, изящная, умная и любезная женщина, не будучи красавицей, очаровывала всѣхъ своей добротою, сердечностью и умомъ. Старый графъ Строгановъ долго жилъ въ Парижѣ, въ царствованіе Людовика XV. Подобно большинству старыхъ русскихъ баръ того времени, онъ поручилъ воспитаніе сына французу. Этотъ французъ, наставникъ молодаго Строганова, былъ извѣстный впослѣдствіи дѣятель французской революціи—ученый Роммъ (Romme), человѣкъ большаго ума и, какъ мнѣ говорили, добраго сердца, но большой энтузіастъ, восторженный поклонникъ идей Руссо, при помощи которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своего ученика новаго Эмиля. Этотъ планъ воспитанія пользовался сочувствіемъ стараго графа, который, обладая любящимъ сердцемъ и великодушными стремленіями, былъ склоненъ къ нѣкоторымъ доктринамъ женевскаго философа. Итакъ, молодой графъ Строгановъ былъ порученъ Ромму, который путешествовалъ съ нимъ пѣшкомъ и, видимо, стремился дать ему воспитаніе, быть можетъ, черезчуръ согласное съ наставленіемъ Руссо. Когда началась французская революція, какъ извѣстно, считавшая себя послѣдовательницей идей Руссо,

Роммъ увлекся ею совершенно, стараясь въ то же время совмѣстить обязанности гражданина съ обязанностями педагога. Естественно, что теперь ему представилось множество случаевъ доказать своему ученику на практикѣ то, что онъ такъ часто преподавалъ ему въ теоріи; и вотъ, вмѣстѣ съ юнымъ ученикомъ своимъ, Роммъ сталъ посѣщать революціонныя собранія, и вскорѣ наставникъ и ученикъ сдѣлались дѣятельными членами клуба якобинцевъ и аккуратно посѣщали его собранія. Старый графъ Строгановъ вскорѣ узналъ обо всемъ этомъ черезъ русское посольство, еще не покинувшее Парижа, и, какъ говорятъ, даже отъ самого Ромма, который повидимому, считалъ это практическое примѣненіе преподаваемыхъ ученику доктринъ лучшимъ способомъ закончить его воспитаніе.

Спасать молодаго Строганова изъ рукъ его воспитателя, усердіе котораго сдѣлалось столь опаснымъ, было поручено его другу Новосильцеву, весьма удачно выполнившему эту миссію. Молодой Строгановъ, подъ вліяніемъ увѣщаній Новосильцева, скоро разстался съ наставникомъ и затѣмъ вернулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ понялъ, какой опасности онъ подвергался въ Парижѣ, и взгляды его вскорѣ измѣнились. Тѣмъ не менѣе, въ его характерѣ навсегда сохранились нѣкоторыя черты, являвшіяся послѣдствіемъ его первоначальнаго воспитанія.

Въ домѣ графа Строганова въ общемъ всегда царилъ либеральный и нѣсколько фрондерскій тонъ, особенно по отношенію къ двору. Несмотря на это, императрица Екатерина относилась къ старому графу весьма снисходительно. Она видѣла въ немъ человѣка, который нѣкогда посѣщалъ ея друзей энциклопедистовъ и сохранилъ въ себѣ ихъ духъ. Она даже позволяла ему болѣе откровенно выражать ей свои мысли и охотно выслушивала его возраженія. Онъ разсказывалъ мнѣ однажды, что, находясь на утреннемъ пріемѣ у императрицы, къ которому допускались, согласно обычаю, лишь высшіе придворные сановники, онъ узналъ, что въ этотъ день долженъ происходить пріемъ депутатовъ Тарговицкой конфедераціи, которая будетъ благодарить императрицу за оказанныя Польшѣ „благодѣянія“ (лишеніемъ конституціи 3 мая и захватомъ лучшихъ ея провинцій послѣ 2-го раздѣла). Когда доложили о приходѣ депутаціи и императрица собиралась выйти въ тронный залъ для выслушанія рѣчей, графъ Строгановъ, усмѣхнувшись, сказалъ: „вашему величеству не трудно будетъ отвѣтить на благодарность этихъ господъ: по справедливости имъ можно будетъ сказать: „не стоитъ благодарности“. Эта шутка не понравилась императрицѣ, которая отвѣтила на нее холоднымъ молчаніемъ.

Услуга, которую Новосильцевъ оказалъ семьѣ Строгановыхъ,

вернувъ изъ Парижа молодаго графа, еще болѣе сблизила съ нимъ обоихъ Строгановыхъ, смотрѣвшихъ на него, какъ на ближайшаго друга и совѣтника семьи. Новосильцевъ отличался твердымъ независимымъ характеромъ и стойкостью своихъ убѣжденій. Несправедливости онъ не выносилъ. Состоя адъютантомъ принца Нассаускаго, командовавшаго русской эскадрой во время Шведской войны, онъ впослѣдствіи сопровождалъ его также во время штурма Варшавы въ 1794 году. Считая себя въ правѣ получить Георгіевскій крестъ, онъ отказался отъ ордена Владиміра, присланнаго ему императрицей, и хотѣлъ его отослать обратно; съ большимъ трудомъ удалось уговорить его отказаться отъ столь неосторожнаго поступка, могущаго вызвать гнѣвъ Екатерины. Онъ согласился, наконецъ, принять Владимірскій крестъ, но съ бантомъ, который давался кавалерамъ этого ордена за военныя заслуги.

Новосильцевъ былъ человѣкъ большаго и проницательнаго ума и большой работоспособности, которая иногда, къ сожалѣнію, парализовалась его любовью къ наслажденіямъ и чувственнымъ удовольствіямъ; послѣднее, впрочемъ, не мѣшало ему быть человѣкомъ чрезвычайно начитаннымъ, научно образованнымъ какъ въ прикладныхъ наукахъ, такъ и въ юридическихъ, а равно и въ политической экономіи. Это всестороннее образованіе дополнялось философіей, довольно легкой, чуждой всякихъ предразсудковъ, но ни чуть не вліявшей на точность и правильность его взглядовъ и на характеръ. Всѣ эти качества и недостатки отражались какъ бы въ зеркалѣ и на молодомъ Строгановѣ. Взгляды, чувства этихъ двухъ людей, ихъ любовь къ правдѣ, искренность, истинно европейское просвѣщеніе, столь рѣдкіе въ то время въ Россіи, связали меня съ ними чувствами самой искренней дружбы и полнаго довѣрія. Въ разговорахъ со мной они нерѣдко разспрашивали меня про великаго князя Александра и, съ своей стороны, я счелъ себя въ правѣ, съ извѣстною сдержанностью, высказать имъ нѣкоторые его взгляды и благородныя стремленія, которыя онъ выразилъ въ бесѣдахъ со мной. Оба они придали особое значеніе тому, что я имъ говорилъ.

Я не замедлилъ при первомъ удобномъ случаѣ заговорить съ великимъ княземъ о своихъ новыхъ друзьяхъ, при чемъ узналъ, что великій князь уже обратилъ вниманіе на графа Павла Строганова. Съ своей стороны я высказалъ великому князю, что убѣжденія и взгляды моихъ новыхъ друзей совершенно подходятъ къ его взглядамъ и что онъ можетъ вполнѣ положиться на ихъ искренность и скромность. Я сообщилъ ему также, что оба они горятъ искреннимъ желаніемъ бесѣдовать съ нимъ, предложить ему ихъ услуги и сердечное содѣйствіе къ проведенію тѣхъ благородныхъ начинаній, которымъ они отъ всей

души сочувствуютъ. Выслушавъ меня, великій князь согласился принять ихъ въ нашъ дружескій союзъ и довѣрить имъ свои намѣренія.

Разговоръ этотъ происходилъ въ Петербургѣ, вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла, но осуществился этотъ союзъ лишь въ Москвѣ, во время коронаціи этого государя. Было рѣшено собраться въ извѣстный день и часъ въ условленномъ мѣстѣ, куда прибудетъ великій князь.

Новосильцевъ уже подготовился къ этому собранію. Онъ перевелъ на русскій языкъ отрывокъ большаго французскаго труда, заглавія котораго я теперь не помню, но въ которомъ говорилось о совѣтахъ, необходимыхъ молодому правителю при вступленіи его на престолъ для блага народа. Хотя этотъ трудъ Новосильцева представлялъ только введеніе довольно обширнаго трактата по государственному праву и касался лишь въ общихъ чертахъ разныхъ отраслей государственнаго управленія, тѣмъ не менѣе великій князь выслушалъ его съ большимъ вниманіемъ и видимымъ удовольствіемъ. Талантливый авторъ записки сдѣлалъ изъ перевода блестящій почти самостоятельный трудъ, въ которомъ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ взывалъ къ благородному сердцу и патріотическому чувству великаго князя. Новосильцевъ вообще прекрасно владѣлъ перомъ и особенно по-русски, что̀ въ то время было довольно рѣдкимъ явленіемъ; слогъ его былъ изящный, отчетливый и благозвучный. Великій князь осыпалъ его похвалами и увѣрилъ какъ его, такъ и Строганова въ томъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ принципы, положенные въ основаніе записки. Онъ просилъ также Новосильцева работать надъ окончаніемъ этого труда, который просилъ передать ему съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность изучить его болѣе подробно и впослѣдствіи примѣнить его на практикѣ. Впрочемъ, этотъ трудъ никогда не былъ законченъ. Съ этого времени молодой графъ Строгановъ и Новосильцевъ вошли въ полное довѣріе великаго князя и составили тотъ тѣсный союзъ, который впослѣдствіи имѣлъ столь важные результаты.

VII.

Ростопчинъ. — Поѣздка въ Пулавы.—Кончина Станислава-Августа.—Его мемуары.—Путешествіе императора по Россіи.—Жизнь въ Гатчинѣ.—Князь Волконскій.—Князь А. Голицынъ.—Нелидова.—Перемѣны при дворѣ.—Кутайсовъ и его партія.—Лопухина.—Мальтійскій орденъ въ Россіи.—Итальянская кампанія Суворова.—Отъѣздъ брата.—Неожиданное назначеніе меня посланникомъ при Сардинскомъ дворѣ.

На совѣщаніи, которое произошло во время коронаціи между нами, было рѣшено, что Новосильцевъ, который былъ на дурномъ

счету, благодаря своимъ взглядамъ и независимому образу мыслей, уѣдетъ изъ Россіи и поселится въ Англіи на все время царствованія Павла или до того времени, когда ему будетъ возможно вернуться. Великій князь досталъ ему заграничный паспортъ черезъ Ростопчина, стоявшаго въ то время во главѣ военнаго министерства и пользовавшагося большимъ значеніемъ у императора.

Ростопчинъ, одинъ изъ старыхъ гатчинцевъ и приближенныхъ людей къ Павлу, еще задолго до его вступленія на престолъ, былъ, кажется, единственный умный человѣкъ, котораго приблизилъ къ себѣ императоръ.

Великій князь Александръ, искренно преданный своему отцу въ царствованіе Екатерины, особенно отличалъ графа Ростопчина, съ которымъ былъ связанъ чувствами дружбы и уваженія; впослѣдствіи придворныя интриги измѣнили эти хорошія отношенія, но въ описываемое мною время они еще существовали, и Ростопчинъ находился также въ хорошихъ отношеніяхъ съ Новосильцевымъ. Тѣмъ не менѣе, когда незадолго до отъѣзда двора изъ Москвы, я явился къ Ростопчину и отъ имени великаго князя напомнилъ ему объ обѣщаніи выхлопотать паспортъ Новосильцеву, Ростопчинъ былъ видимо затрудненъ, указывая на подозрѣніе, которое отъѣздъ этотъ можетъ вызвать при дворѣ. Тѣмъ не менѣе Новосильцевъ вскорѣ получилъ паспортъ, съ которымъ отправился въ Петербургъ, а оттуда въ Англію. За время пребыванія его въ этой странѣ, въ которой онъ находился въ теченіе всего царствованія Павла, онъ продолжалъ совершенствоваться въ своихъ познаніяхъ и близко сошелся съ лондонскимъ посломъ графомъ Воронцовымъ, знакомство съ которымъ ему впослѣдствіи оказалось очень полезнымъ.

Какъ я уже упомянулъ выше, мы также съ братомъ получили трехмѣсячный отпускъ и вмѣстѣ съ Гурскимъ отправились въ Пулавы, гдѣ насъ съ нетерпѣніемъ ожидали родители послѣ двухлѣтней разлуки. Въ Пулавахъ я получилъ нѣсколько дружественныхъ писемъ отъ великаго князя, въ которыхъ онъ сообщалъ мнѣ о разныхъ событіяхъ, происшедшихъ при дворѣ и между прочимъ о замужествѣ великой княжны Александры Павловны съ венгерскимъ палатиномъ Іосифомъ, что впослѣдствіи, въ 1812 году, во время моего проѣзда черезъ Буда-Пештъ, доставило мнѣ благопріятный у него пріемъ.

Слушая наши разсказы о петербургскомъ дворѣ, отецъ нашъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ русской столицѣ въ царствованіе Елизаветы и Петра III, въ то время еще великаго князя, и въ первые годы Екатерины. Матушка за насъ очень безпокоилась, опасаясь, чтобы наши интимныя бесѣды съ великимъ княземъ не сдѣлались

извѣстны государю. Это служило главнымъ предметомъ нашихъ ежедневныхъ бесѣдъ съ родителями. Во время этого нашего пребыванія въ Пулавахъ къ отцу пріѣхалъ тогдашній губернаторъ Галиціи — графъ Эрдеди. Родомъ венгерецъ, графъ Эрдеди былъ чрезвычайно занятъ любимой идеей, о которой постоянно говорилъ. Онъ хотѣлъ доказать полякамъ, что лучшимъ для нихъ исходомъ было бы соединеніе ихъ съ Венгріей, такъ какъ, по его мнѣнію, австрійскій императоръ предъявлялъ свои права на Галицію лишь въ качествѣ короля Венгріи. Эти рѣчи въ устахъ высшаго австрійскаго правительственнаго чиновника доказывали, насколько идея мадьяризма была еще сильна. Присоединеніе къ Венгріи, если бы таковое было возможно, несомнѣнно предоставило бы Галиціи большія матеріальныя и политическія выгоды, дало бы ей болѣе свободное управленіе и избавило бы ее отъ многихъ бѣдствій, которымъ подвергалась эта страна въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, до 1848 года. Трудно было бы предугадать, каковъ былъ бы результатъ этого соединенія. Во всякомъ случаѣ поляки, пожалуй, охотно побратались бы съ венгерцами, несмотря на то, что общественное мнѣніе и польскій національный духъ воспротивились этой мѣрѣ, которая едва-ли была бы одобрена австрійскимъ правительствомъ.

Пулавы еще недавно только оправились отъ двукратнаго разоренія во время возстанія Косцюшки; въ первый разъ подъ начальствомъ Бибикова, когда разореніе особенно сильно коснулось деревенскихъ жителей, во второй — отъ авангарда корпуса Валеріана Зубова, когда особенно пострадалъ замокъ. Грабежъ былъ здѣсь невѣроятный. Вся внутренняя обстановка и украшенія были уничтожены; драгоцѣнныя картины изрѣзаны въ куски; книги богатѣйшей библіотеки разграблены и разсѣяны. Одна только большая зала была пощажена отъ вандализма казаковъ, которые приняли золотыя украшенія надъ дверями и въ простѣнкахъ, работы знаменитаго Буше—за церковныя украшенія. Всѣ домашніе запасы: вина, масло, варенье, сахаръ, кофе, всевозможные съѣстные припасы,—все было брошено въ прудъ, находящійся посреди двора, въ которомъ казаки купались [1]).

Ко времени нашего пріѣзда все еще были заняты приведеніемъ въ порядокъ разрушенныхъ зданій, стѣнъ, поломанной мебели, возстановленіемъ библіотеки, ремонтомъ комнатъ и т. п. Когда родители мои вернулись въ замокъ, то они съ трудомъ могли найти нѣсколько жилыхъ комнатъ, такъ все было разорено. Ко времени нашего отъѣзда, работы эти еще далеко не были закончены.

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что все это, въ виду враждебности поляковъ, сильно преувеличено.

Во время нашего пребыванія въ Пулавахъ, имѣли мы несчастіе потерять нашего добраго Гурскаго, который умеръ отъ апоплексическаго удара. Однажды утромъ у него отнялся языкъ; призванный на помощь врачъ пустилъ ему кровь. Больного уложили на постель и послали за докторомъ Гольцемъ, который вскорѣ прибылъ, но не могъ уже спасти нашего друга. Онъ умеръ въ полномъ сознаніи въ тотъ же день, узналъ меня и пожалъ мнѣ руку. Смерть этого человѣка, образца честности, истиннаго нашего друга, которому мы съ братомъ были такъ много обязаны, глубоко опечалила меня.

Вскорѣ истекъ срокъ нашего трехмѣсячнаго отпуска, и мы отправились въ Петербургъ, хотя и опечаленные разлукой съ родными, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне заинтересованные возобновленіемъ нашихъ отношеній съ великимъ княземъ. Послѣдній, какъ это видно было изъ его писемъ, а также послѣ перваго нашего съ нимъ свиданія, оставался при прежнихъ чувствахъ и взглядахъ.

Въ концѣ 1797 года придворная и дворцовая жизнь, въ началѣ крайне безпорядочная и нервная, благодаря выходкамъ и странностямъ императора, теперь, повидимому, нѣсколько успокоилась. Будучи еще великимъ княземъ, императоръ Павелъ, проживая въ Павловскѣ и Гатчинѣ, одно время особенно увлекся одной изъ фрейлинъ своей супруги Маріи Ѳеодоровны, по имени Нелидовой. Чувство это чисто платоническаго характера онъ сохранилъ къ ней до самаго вступленія на престолъ. Съ своей стороны, обладая выдающимся умомъ и прекрасными душевными качествами, Нелидова пріобрѣла любовь и полное довѣріе императрицы Маріи Ѳеодоровны, тѣмъ болѣе, что съ внѣшней стороны императрицѣ, которая была величественнаго роста, красивая и представительная, нечего было опасаться соперничества Нелидовой—маленькой, смуглой брюнетки, вся прелесть которой заключалась въ миловидномъ улыбающемся личикѣ и въ веселомъ увлекательномъ разговорѣ. Обѣ эти женщины вскорѣ составили союзъ и шли рука объ руку во всѣхъ дѣлахъ, оказывая, несомнѣнно, благотворное вліяніе на императора, вліяя на его выборъ, подъ часъ смягчая его гнѣвъ и вообще успокоительно дѣйствуя на его пылкую, нервную натуру. Къ несчастію, это благотворное вліяніе продолжалось недолго.

По возвращеніи изъ Москвы, дворъ переѣхалъ въ Гатчину, гдѣ императоръ обыкновенно проводилъ осень, а въ началѣ зимы вернулся въ Петербургъ. Настала зима 1797 на 1798 годъ. Король Станиславъ-Августъ, по возвращеніи своемъ изъ Москвы, жилъ съ своею свитою, насколько помню, въ Мраморномъ дворцѣ, роскошно обставленномъ на средства русскаго правительства. Племянница короля, графиня Мнишекъ, вмѣстѣ со своимъ мужемъ находилась тутъ же. Изъ камер-

геровъ короля я особенно помню Трембецкаго, столь хорошо извѣстнаго въ Польшѣ своими прекрасными стихотвореніями. Обязанности гофмаршала временно исполнялъ полковникъ Вицкій, бывшій капитанъ литовской гвардіи. Лейбъ-медикомъ короля былъ докторъ Беклеръ, который въ дѣтствѣ спасъ мнѣ жизнь. Мы съ братомъ часто навѣщали короля, который принималъ насъ во всякое время чрезвычайно милостиво и радушно. Вспоминаю, какъ нѣсколько разъ, по утрамъ, онъ принималъ меня запросто въ домашнемъ костюмѣ, съ растрепанными волосами, занятый составленіемъ своихъ воспоминаній. Впослѣдствіи мнѣ такъ и не удалось узнать о судьбѣ этихъ мемуаровъ, повидимому, весьма обширныхъ, и видѣлъ я лишь одинъ первый томъ, заключавшій въ себѣ описаніе его посольства въ Петербургѣ во времена Августа III. Остальные томы, представляющіе, несомнѣнно, большій интересъ, были, повидимому, такъ хорошо скрыты или уничтожены, что о судьбѣ ихъ я никогда ничего не слыхалъ.

Окруженный внѣшними знаками вниманія и милости императора, плѣнный король влачилъ довольно грустное существованіе въ столицѣ, стараясь, быть можетъ, чрезмѣрною угодливостью заслужить расположеніе непостояннаго монарха, въ рукахъ котораго находилась его судьба. Императоръ Павелъ часто обѣдалъ у короля со всею царскою семьей. Столъ Станислава-Августа былъ дѣйствительно роскошенъ, благодаря его знаменитому метръ-д' отелю Фремó, который одинъ напоминалъ королю о его прежнемъ образѣ жизни въ Варшавѣ. Желая развлечь государя и его семейство, король собирался устроить любительскій спектакль, когда 2-го февраля 1797 года его внезапно поразилъ ударъ. Извѣстіе это быстро распространилось по городу, и мы съ братомъ поспѣшили въ Мраморный дворецъ. Докторъ Беклеръ уже пустилъ кровь больному и призвалъ на помощь все свое искусство, но тщетно. Король лежалъ на одрѣ смерти уже безъ сознанія, окруженный опечаленной и растерянной свитой. Вскорѣ затѣмъ прибылъ императоръ со своимъ семействомъ. Извѣстный Бачіарелли изобразилъ эту печальную сцену въ прекрасной картинѣ, отличающейся замѣчательнымъ сходствомъ изображенныхъ на ней лицъ. Король умеръ и былъ съ большою пышностью похороненъ въ католической церкви Доминиканцевъ въ Петербургѣ.

Искренно оплакивали короля только тѣ, чье существованіе зависѣло отъ него. Самъ онъ не имѣлъ основанія покидать жизненное поприще съ особеннымъ сожалѣніемъ. Обстоятельства сложились для него такъ, что поляки не видѣли въ немъ представителя національной идеи, съ которой обыкновенно связано было имя Косцюшки. Смерть Станислава не повліяла на судьбу Польши и не возродила надеждъ на ея возстановленіе. Поговаривали также о неестественной

кончинѣ короля, вызванной якобы желаніемъ прекратить чрезмѣрные расходы русской казны на его дворъ; впрочемъ, всѣ обстоятельства его кончины не подтверждаютъ этихъ подозрѣній, которыя въ Россіи обыкновенно возникаютъ среди публики по смерти большинства коронованныхъ особъ.

Жизнь, которую мы вели въ Гатчинѣ и въ Петербургѣ, могла бы съ пользою быть посвящена занятіямъ, если бы мы умѣли распорядиться своимъ временемъ. Всѣ часы были строго распредѣлены; ежедневно было только одно постоянное занятіе—это парадъ; пробывъ на немъ ежедневно два или три часа, съ ранняго утра, мы имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлый день, исключая воскресеній и праздниковъ, когда должны были являться на выходы. Несмотря на это, я не сумѣлъ воспользоваться этимъ временемъ, которое въ большинствѣ случаевъ пропало даромъ. Нерѣдко самыя полезныя и нужныя работы люди откладываютъ до болѣе благопріятнаго времени, а затѣмъ жизнь проходитъ, и лучшіе планы и проекты остаются невыполненными.

Состоя при особѣ великаго князя Александра въ качествѣ его адъютанта, я, по обязанностямъ службы, долженъ былъ слѣдовать за нимъ во время парадовъ, а затѣмъ послѣ обѣдовъ являться къ нему за приказаніями. Это и было временемъ нашихъ дружественныхъ интимныхъ бесѣдъ. У великаго князя былъ еще второй адъютантъ, капитанъ Ратьковъ [1]), очень добрый человѣкъ, но настоящій гатчинецъ, другими словами—ограниченный и никуда не годный. Съ этого же времени началось мое знакомство съ княземъ Петромъ Волконскимъ [2]), адъютантомъ Семеновскаго полка, шефомъ котораго состоялъ великій князь. Послѣднее обстоятельство особенно сблизило его съ Александромъ, который вскорѣ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Впослѣдствіи онъ былъ генералъ-адъютантомъ императора Александра и министромъ двора при Николаѣ I. Не отличаясь особо выдающимися и блестящими способностями, Волконскій былъ человѣкъ чрезвычайно добросовѣстный и исполнительный въ службѣ, который впослѣдствіи пріобрѣлъ отличное знаніе военныхъ наукъ и былъ однимъ изъ основателей русскаго генеральнаго штаба. Характера онъ былъ всегда ровнаго, отличался разумностью и твердостью взглядовъ, которые не стѣснялся высказывать даже тогда, когда они не соотвѣтствовали убѣжденіямъ великаго князя. Онъ всегда и весьма охотно старался оказывать людямъ услуги по мѣрѣ возможности. Въ эту эпоху я съ нимъ хорошо познакомился и долженъ сознаться,

---

[1]) Вѣроятно, Авраамъ Петровичъ, впослѣд. ген.-маіоръ. Род. 1778 † 1829.
[2]) Петръ Мих. Волконскій.

что сохранилъ о немъ самое лучшее воспоминаніе, которое еще и до сихъ поръ, по истеченіи почти полувѣкового промежутка, во мнѣ живо.

Жена его княгиня Софья также изъ рода Волконскихъ, женщина открытаго характера и благороднаго сердца, выказала мнѣ чувства искренней дружбы, которую доказывала неоднократно даже послѣ моего окончательнаго отъѣзда изъ Россіи, за чтò и сохраняю къ ней благодарную память и чувства искренней признательности. Она никогда не могла простить императору Николаю тридцатилѣтнюю ссылку въ рудники Сибири ея молодаго брата, который состарился въ изгнаніи и былъ возвращенъ семьѣ только со вступленіемъ императора Александра II.

Изъ числа придворной молодежи было еще одно лицо, болѣе близкое къ великому князю Александру, съ которымъ онъ также часто бесѣдовалъ. Это былъ одинъ изъ камеръ-юнкеровъ князь Александръ Голицынъ, который, благодаря своему небольшому росту, получилъ прозвище „маленькаго Голицына“. Своей остроумной бесѣдой знакомствомъ со всѣми столичными сплетнями и особеннымъ юморомъ онъ сумѣлъ понравиться великому князю. Онъ обладалъ также особеннымъ талантомъ подражанія, при чемъ съ удивительнымъ искусствомъ передавалъ голосъ, рѣчь, выраженіе лица, манеру говорить тѣхъ лицъ, которыхъ онъ хотѣлъ изобразить. Между прочимъ, когда мы оставались втроемъ съ великимъ княземъ, онъ до поразительности точно подражалъ императору Павлу, такъ, что мы невольно опасались, какъ бы эти выходки не дошли когда-нибудь до свѣдѣнія государя. Этотъ князь Голицынъ былъ восторженнымъ поклонникомъ императрицы Екатерины.

Въ царствованіе Александра I князь Александръ Голицынъ сталъ отличаться на служебномъ поприщѣ и былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода; впослѣдствіи, вѣроятно, подъ вліяніемъ мистическаго настроенія императора Александра, онъ сдѣлался чрезвычайно религіознымъ; еще позже онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, каковое назначеніе было для меня совершенно непонятнымъ. Насколько помню, онъ былъ назначенъ на эту должность въ 1822 году; въ это время я еще былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Вспоминая о томъ маленькомъ Голицынѣ, котораго я когда-то зналъ, я никакъ не могъ представить себѣ этого человѣка, не имѣвшаго никакихъ другихъ талантовъ, кромѣ способности заставлять смѣяться другихъ,—въ роли руководителя народнаго просвѣщенія. Впрочемъ, это былъ человѣкъ не злой и даже благожелательный, хотя во время его управленія министерствомъ, въ Виленскомъ учебномъ округѣ произошли вопіющія злоупотребленія,

которыя и побудили меня оставить должность попечителя. Въ маѣ 1798 года дворъ переѣхалъ въ Павловскъ—теперешнюю лѣтнюю резиденцію, замѣнившую собою любимое мѣсто пребыванія Екатерины, Царское Село. Павловскъ былъ собственностью и созданіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, положившей не мало труда на его устройство и украшеніе. Ея заботами возведено было множество построекъ и устроенъ роскошный паркъ, соединявшій Павловскъ съ Царскимъ Селомъ. Здѣсь устраивала свои пріемы императрица Марія Ѳеодоровна, по желанію которой устраивались въ ея аппартаментахъ послѣобѣденныя чтенія, на которыхъ императоръ не участвовалъ. Чтенія эти, однако, не привились, и каждый старался избавиться отъ этого наводящаго сонъ и скучнаго времяпрепровожденія. Помню одну книгу, выборъ которой былъ дѣйствительно неудаченъ и могъ только наводить скуку на присутствующихъ: это былъ французскій переводъ „Временъ года“ Томсона.

Оба великихъ князя занимали въ Павловскѣ отдѣльный деревянный, на скорую руку выстроенный домъ, неподалеку отъ дворца. Каждый занималъ отдѣльное помѣщеніе, довольно обширное, окна котораго выходили на большую дорогу, отдѣлявшую дворецъ отъ парка. Это отдѣльное помѣщеніе давало намъ возможность чаще видѣться съ обоими великими князьями.

Въ этомъ году императоръ Павелъ пожелалъ совершить путешествіе по Россіи. Оба великихъ князя и въ качествѣ ихъ адъютантовъ и мы съ братомъ сопровождали государя въ этой поѣздкѣ. Государь посѣтилъ большой каналъ, соединяющій Волгу съ Невой и связывающій море Каспійское съ Балтійскимъ. Это грандіозное сооруженіе Петра Великаго, дѣлающее честь его генію и кипучей дѣятельности, прорѣзываетъ по діагонали всю обширную имперію. Государь отправился лично смотрѣть суда, собранныя здѣсь въ большомъ количествѣ, изъ коихъ одни отправлялись въ Петербургъ, а другія въ Астрахань. Графъ Сиверсъ, извѣстный своимъ возмутительнымъ способомъ, съ которымъ онъ осуществилъ второй раздѣлъ Польши, завѣдывалъ въ это время департаментомъ водяныхъ коммуникацій. Онъ также привѣтствовалъ государя, который принялъ его довольно холодно. Онъ показался мнѣ старымъ, худымъ, блѣднымъ, разстроеннымъ, мало энергичнымъ и мало представительнымъ.

Мы проѣхали на Тверь, а вернулись обратно на Ярославль и Владиміръ. Губерніи эти, богатыя и густо населенныя, производятъ пріятное впечатлѣніе довольства и изобилія. Это—внутренняя полоса

Россіи, представляетъ настоящую силу этого государства; при видѣ этого края, хорошо управляемаго администраціей, сосредоточенной въ ея естественныхъ предѣлахъ, невольно приходитъ на мысль, что русскимъ, которымъ такъ хорошо живется у себя дома, должно давно бы имѣть отвращеніе играть роль мучителя и тюремщика сосѣднихъ народовъ (?!).

По прибытіи въ Москву, государь прежде всего занялся смотромъ войскъ, который, къ великому его удовольствію и многочисленной публики, окончился вполнѣ удачно и вызвалъ награжденіе отдѣльныхъ лицъ орденами и другими отличіями. Изъ Москвы путешествіе продолжалось на Нижній-Новгородъ до Казани. Страна эта живописна и по плодородію почвы и множеству рѣкъ должна была быть очень богатой, но, къ сожалѣнію, она мало населена и въ значительной своей части—полудикими инородцами финскаго происхожденія: чувашами и черемисами, сохранившими свои оригинальныя одежды и до сего времени. Костюмы эти даже я зарисовалъ и вмѣстѣ съ коллекціей моихъ рисунковъ передалъ эти наброски моему старому другу Веселовскому. Къ сожалѣнію, мнѣ впослѣдствіи не удалось разыскать ихъ. Въ Казани множество татаръ, которые также сохранили свои одежды и нравы, хотя я и сомнѣваюсь, чтобы они, подобно нашимъ литовскимъ татарамъ, сохранили свой національный духъ. Этотъ духъ патріотизма чувствуется среди болѣе отдаленныхъ нагайскихъ татаръ и народностей, живущихъ въ степяхъ, по сосѣдству съ Великой Татаріей или на склонахъ Кавказскихъ горъ, гдѣ народы эти сохранили свои воинственныя привычки. Въ Казани, какъ и въ Москвѣ, собраны были войска, и маневры окончились также къ удовольствію императора.

Путешествіе это совершалось, однако, настолько быстро, что, конечно, не могло принести той пользы, которую оно могло бы оказать при болѣе внимательномъ ознакомленіи государя посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Назадъ мы вернулись, минуя Москву, и послѣдній этапъ нашъ былъ въ Шлиссельбургѣ, крѣпости, получившей извѣстность благодаря катастрофѣ съ злополучнымъ Иваномъ Антоновичемъ. Отсюда государь отправился по Ладожскому озеру. На кораблѣ государь вызвалъ меня съ братомъ и неожиданно для насъ одѣлъ намъ на шею орденъ Св. Анны 2-го класса, какъ награду за послѣднее путешествіе.

По возвращеніи изъ казанскаго путешествія, остальную часть лѣта мы провели въ Павловскѣ, безусловно наиболѣе пріятномъ, послѣ Царскаго Села, лѣтнемъ мѣстопребываніи двора. Въ началѣ осени императоръ Павелъ переѣхалъ въ Гатчину, одинъ изъ самыхъ

мрачныхъ по виду императорскихъ дворцовъ. Онъ представляетъ нѣсколько большихъ дворовъ, окруженныхъ зданіями, и расположенъ на открытой равнинѣ безъ всякой растительности. Украшенія, сдѣланныя въ паркѣ, имѣли видъ мрачный и угрюмый, солнце рѣдко проникало въ его аллеи, а въ дождливую осеннюю погоду онъ былъ совсѣмъ непривлекателенъ.

Жизнь текла здѣсь обычнымъ чередомъ: по утрамъ парады, иногда маневры; вечеромъ спектакли французской или итальянской труппы, въ общемъ мало развлекавшіе однообразную скучную жизнь двора въ теченіо зимы 1798—1799 г.г.

Въ эту зиму произошло много неожиданныхъ и грустныхъ событій въ жизни лицъ, составлявшихъ тогдашній русскій дворъ. Во время взятія Кутаиса и избіенія его жителей, среди плѣнныхъ турокъ найденъ былъ ребенокъ, черноглазый мальчикъ, привезенный въ даръ малолѣтнему въ то время великому князю Павлу, который воспиталъ мальчика и сдѣлалъ изъ него впослѣдствіи брадобрея, а затѣмъ камердинера. Въ самомъ началѣ царствованія Павла я видѣлъ еще Кутайсова приносившимъ своему господину въ экзерциргаузъ, гдѣ зимою обучалась пѣхота и кавалерія, завтракъ.

Въ качествѣ камердинера императора, онъ былъ одѣтъ въ служебный утренній костюмъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, склонный къ полнотѣ, но еще живой и подвижной, темный брюнетъ, восточнаго типа, съ вѣчно улыбающимися глазами. Уже въ то время въ немъ заискивали, и многія вліятельныя лица и военные генералы дружески пожимали руку этому Фигаро, сдѣлавшемуся вскорѣ самымъ вліятельнымъ лицомъ при дворѣ Павла. Метаморфоза эта совершилась съ невѣроятной быстротой: менѣе чѣмъ въ годъ времени Кутайсовъ изъ простаго брадобрея и камердинера сдѣлался оберъ-шталмейстеромъ. Должность эта сдѣлалась вакантной послѣ смерти стараго Нарышкина, родъ котораго былъ въ родствѣ съ царствующимъ домомъ, по одной изъ Нарышкиныхъ, матери Петра Великаго, и несмотря на это, должность эта не досталась сыну Нарышкиныхъ, который даже пользовался благоволеніемъ Павла, Кутайсовъ же, ко всеобщему удивленію, постепенно награжденъ былъ орденами Св. Анны, Александра Невскаго, и, наконецъ, сдѣланъ Андреевскимъ кавалеромъ. Впрочемъ, Кутайсовъ не сразу достигъ этихъ почестей, сопровождавшихся значительными наградами, какъ денежными, такъ и земельными пожалованіями. Онъ и не достигъ бы всего этого, если бы благотворное вліяніе императрицы Маріи Ѳеодоровны и фрейлины Нелидовой продолжало дѣйствовать на императора. Чтобы парализовать это вліяніе, нѣкоторые честолюбцы стали поддерживать Кутайсова и руководить имъ въ своихъ цѣляхъ, пользуясь его вліяніемъ

на государя. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ, повидимому, и графъ Ростопчинъ, человѣкъ чрезвычайно тонкаго ума, державшій въ своихъ рукахъ всѣ нити этой интриги. Онъ недавно былъ удаленъ отъ управленія военнымъ министерствомъ и замѣненъ генераломъ Нелидовымъ, родственникомъ „портретной фрейлины" [1]) (m-lle au portrait).

Ростопчинъ былъ высланъ въ Москву, несмотря на милость, которою пользовался у императора, который, какъ извѣстно, во всемъ и всегда переходилъ границы. Между тѣмъ Ростопчинъ не былъ человѣкомъ, который могъ забыть подобныя оскорбленія; вотъ почему, желая отмстить лицамъ, способствовавшихъ его паденію, онъ вошелъ въ союзъ съ Кутайсовымъ. Въ этихъ цѣляхъ прежде всего необходимо было изолировать императора отъ вліянія Нелидовой и разссориться съ супругою. Павлу тотчасъ же дали понять, что онъ находился подъ опекою этихъ двухъ женщинъ, которыя фактически царствуютъ, прикрываясь его именемъ, и что въ этомъ увѣрены всѣ. Для того же, чтобы облегчить императору этотъ разрывъ, ему указали на молодую особу, болѣе красивую, чѣмъ Нелидова и которая, какъ утверждали льстецы, будучи влюблена въ императора, никогда не будетъ имѣть мысли управлять имъ. Такимъ образомъ проведена была интрига, выведшая на придворный горизонтъ дѣвицу Лопухину, дочь Лопухина, бывшаго московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ при Екатеринѣ. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ княземъ и Андреевскимъ кавалеромъ, а Ростопчинъ возвращенъ изъ ссылки и получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ.

Съ другой стороны, всѣ лица, принадлежавшія къ партіи императрицы, каковы: Куракины и всѣ ихъ родственники, со старымъ княземъ Репнинымъ во главѣ, потеряли свои должности и удалены въ Москву. Такимъ образомъ, уничтожена была вся партія императрицы. Достаточно было, чтобы императоръ заподозрилъ кого-нибудь въ томъ, что ему покровительствуетъ императрица, и это лицо немедленно было удалено отъ двора. Вообще съ этого времени императоръ становился чрезвычайно подозрительнымъ въ особенности по отношенію къ своему семейству, считая своихъ сыновей недостаточно преданными ему и императрицу—охваченною желаніемъ царствовать. И вотъ началось для всѣхъ близкихъ ко двору лицъ существованіе, полное страха и неизвѣстности. Всякій трепеталъ, всякій боялся быть изгнаннымъ и вдобавокъ быть осрамленнымъ въ присутствіи всего двора по приказанію императора, разсылавшаго нелестные эпитеты черезъ гофмаршала и своихъ генералъ-адъютан-

---

[1]) Такъ называли Нелидову, имѣвшую портретъ императрицы.

товъ. Началось настоящее царство страха, когда балы и празднества сдѣлались мѣстомъ, гдѣ всякій рисковалъ ежеминутно потерять свое служебное положеніе и даже свободу. Императору постоянно казалось, что люди недостаточно почтительны не только къ лицамъ, которыхъ онъ отличалъ, но даже и къ отдаленнымъ ихъ родственникамъ; поэтому было достаточно повернуться къ такому лицу спиной во время танцевъ или сдѣлать несоотвѣтствующій реверансъ, чтобы вызвать неудовольствіе и нерѣдко гнѣвъ императора, послѣдствіемъ котораго часто являлось удаленіе даннаго лица отъ двора. При этомъ психологическій процессъ гнѣва императора былъ также совершенно своеобразенъ. Обыкновенно послѣ нервныхъ вспышекъ гнѣва, люди успокаиваются, смягчаютъ его дѣйствія и даже забываютъ его. Въ послѣднее же время императоръ Павелъ сталъ совершенно неузнаваемъ: сдѣлавъ строгое, иногда жестокое распоряженіе относительно лица, вызвавшаго его неудовольствіе, онъ черезъ нѣкоторое время приходилъ къ заключенію, что наложенное на него наказаніе было недостаточно; и вотъ, постепенно сталъ онъ усиливать наказанія—запрещеніемъ появляться при дворѣ, высылкой въ отдаленныя имѣнія, иногда и въ Сибирь.

Весь дворъ пребывалъ въ неописанномъ страхѣ, никто не могъ быть увѣренъ, ложась спать, что на утро къ нему не явится фельдъегерь съ приглашеніемъ сѣсть въ кибитку и немедленно выѣхать изъ столицы. Таково было положеніе вещей при дворѣ вскорѣ послѣ немилости Нелидовой—положеніе, продолжавшееся до самаго конца его царствованія. Что касается Нелидовой, то послѣдняя все это время держала себя съ большимъ достоинствомъ и твердостью. Она покинула дворъ, не выказавъ никакого желанія тамъ оставаться, и не дѣлала никакихъ попытокъ къ возвращенію. Всѣмъ и всюду она громко говорила, что нѣтъ ничего болѣе скучнаго и утомительнаго, чѣмъ придворная жизнь, и что она рада, что она покончила съ ней.

Новая манія завладѣла умомъ императора и отчасти отвлекла его отъ подозрительности и связанныхъ съ ней суровыхъ выходокъ. Павлу вдругъ захотѣлось стать гросмейстеромъ Мальты. Въ дѣлѣ этомъ, конечно, играла роль и политика, такъ какъ изъ всѣхъ владѣтелей этого острова завладѣвшіе имъ англичане менѣе всего пользовались симпатіями Европы. Отношенія, которыя эта держава завязала съ русскимъ императоромъ ради совмѣстныхъ дѣйствій противъ Франціи, давали основаніе предполагать, что она поспѣшитъ вручить ему этотъ островъ, которымъ она лишь временно владѣла, формально обязавшись передъ Европой возвратить его Мальтійскому

ордену. Между тѣмъ императоръ Павелъ увлекся мыслію соединить въ своемъ лицѣ какъ древнее званіе гросмейстера ордена, такъ и фактическую власть, необходимую для поддержанія независимости острова, являвшагося важнымъ военнымъ пунктомъ на Средиземномъ морѣ.

Будучи верховнымъ главою и защитникомъ греко-восточной церкви, онъ, какъ русскій императоръ, ни на минуту не задумался стать во главѣ древнѣйшаго изъ католическихъ орденовъ, съ цѣлью его возстановленія. Европейскіе кабинеты, исключая, конечно, Англіи, не препятствовали этой фантазіи Павла. Балльи ордена графъ Литта и его братъ папскій нунцій при петербургскомъ дворѣ, ставшій впослѣдствіи кардиналомъ, въ качествѣ представителей ордена поспѣшили одобрить и даже восхвалять великодушныя намѣренія императора. Въ Польшѣ возстановлены были всѣ командорства ордена, а также учреждены новыя въ самой Россіи. Графъ Литта, согласно стариннымъ ритуаламъ ордена, устроилъ торжественное собраніе капитула, во время котораго новый гросмейстеръ долженъ былъ вступить въ инвеституру. Императоръ, въ облаченіи великаго магистра ордена и съ историческимъ крестомъ Лавалетта на шеѣ, который Римъ поспѣшилъ прислать ему,—нѣсколько разъ появлялся на царскомъ тронѣ, окруженный новыми кавалерами. Вся эта торжественная обстановка чрезвычайно тѣшила Павла, большаго любителя церемоній, который съ серьезностью, достойной лучшаго примѣненія, ревностно относился къ малѣйшимъ подробностямъ церемоніала.

Насъ съ братомъ вскорѣ сдѣлали командорами ордена, облачивъ въ древне-орденское платье—черный бархатный плащъ, съ большимъ крестомъ на груди. Секретаремъ капитула нашего назначенъ былъ нашъ старый знакомый г. де-Мезонневъ, родомъ французъ, въ молодости своей искавшій счастья въ Польшѣ, имѣвшій значительный успѣхъ у женщинъ, благодаря которымъ получилъ военный чинъ и Мальтійскій крестъ. На старости лѣтъ онъ прибылъ въ Россію, чтобы поправить свое состояніе, дважды имъ проѣденное. Балльи Литта взялъ его въ секретари. Онъ довольно хорошо владѣлъ перомъ и весьма искусно составлялъ протоколы, владѣя въ совершенствѣ необходимымъ для этого слогомъ.

Новая эта манія не замедлила разссорить императора съ Англіей, которая, не давая положительныхъ отвѣтовъ на запросы Павла, подъ разными предлогами отказывалась отъ эвакуаціи Мальты. Однимъ изъ результатовъ нашихъ орденскихъ засѣданій явился между прочимъ бракъ балльи ордена графа Литты съ любимой племянницей князя Потемкина, графиней Скавронской. Римъ, въ угоду императору,

конечно, поспѣшилъ освободить Литту отъ орденскаго обѣта безбрачія. Хорошенькая графиня доставила впослѣдствіи, въ царствованіе Александра, своему мужу значительное состояніе и должность оберъ-камергера, которую онъ занималъ до самой своей смерти.

Между тѣмъ, придворныя интриги продолжались своимъ чередомъ. Кутайсовъ, сдѣланный оберъ-шталмейстеромъ ордена, сошелся съ актрисой французскаго театра Шевалье, чрезвычайно красивой женщиной, которою недавно увлекался г. Биньонъ, французскій посланникъ въ Касселѣ. Но разсчетливая француженка покинула его, предпочитая его любви щедрость бывшаго царскаго брадобрея. Всѣ эти любовныя интриги господина и его слуги естественно вызывали взаимное довѣріе любовныхъ тайнъ и еще усиливали вліяніе Кутайсова на императора.

Политическія обстоятельства, между тѣмъ, способствовали возбужденному состоянію Павла. Съ Австріей заключенъ былъ союзъ. Графъ Ростопчинъ, снова призванный ко двору, энергично и успѣшно руководилъ иностранными дѣлами. Вся заслуга въ созданіи новой коалиціи и ея первыхъ успѣховъ приписывалась ему, и друзья всемогущаго графа всюду повторяли, что Питтъ и гр. Ростопчинъ суть величайшіе люди своего вѣка.

Фельдмаршалъ Суворовъ былъ возвращенъ изъ ссылки. Императоръ принялъ его съ распростертыми объятіями, осыпалъ милостями и высказалъ много лестныхъ для старика отзывовъ. Онъ поставленъ былъ во главѣ союзной русско-австрійской арміи и ознаменовалъ свое прибытіе рядомъ удивительныхъ успѣховъ противъ французской арміи. Мы, поляки, слѣдившіе съ 1796 года за быстрыми успѣхами Бонапарта, видѣли въ немъ будущаго возстановителя Польши; опасаясь громко называть его по имени, мы называли его „другомъ" на нашемъ условномъ языкѣ. Теперь каждая побѣда надъ французами была для насъ смертельнымъ ударомъ, разрушая мечты о возстановленіи родины.

Дворъ находился въ Павловскѣ, когда къ намъ достигли первыя извѣстія о Суворовскихъ побѣдахъ. Старый казачій генералъ Денисовъ, нѣкогда разбитый Косцюшкой при Рославицахъ, съ злорадной улыбкой всматривался въ наши лица, послѣ каждаго извѣстія о побѣдѣ, приносимаго курьерами изъ Италіи, и говорилъ намъ, что онъ напередъ предсказывалъ пораженіе французовъ. Въ качествѣ истиннаго рыцаря, Павелъ приносилъ къ ногамъ дамы своего сердца всѣ побѣдные трофеи его войскъ. На придворной сценѣ шли пьесы изъ рыцарской эпохи, въ которыхъ вѣнценосный гросмейстеръ видѣлъ свой прообразъ то въ роли Баярда, то Немура. Манія эта дошла даже до того, что онъ велѣлъ однажды напечатать въ иностранныхъ

газетахъ свой вызовъ монархамъ Европы, дабы разрѣшить поединкомъ спорные вопросы политики.

Въ качествѣ поляковъ мы съ братомъ также рисковали впасть въ подозрѣніе императора въ качествѣ либераловъ и быть можетъ тайныхъ якобинцевъ, хотя въ общемъ онъ относился къ намъ довольно милостиво во многихъ случаяхъ, когда намъ приходилось видѣть его на придворныхъ собраніяхъ и вечерахъ. Къ брату моему Константину онъ даже отнесся особенно снисходительно, нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ и шутилъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Петергофа, и, въ качествѣ таковаго, являлся лицомъ, отвѣчавшимъ за внѣшній порядокъ по гарнизону и городу. О всѣхъ лицахъ, пріѣзжавшихъ и уѣзжавшихъ, согласно уставу, начальникъ гауптвахты долженъ былъ рапортовать государю. Случилось какъ-то, что баварскій посланникъ выѣхалъ за городскую черту, и караульный офицеръ у шлагбаума не отрапортовалъ объ этомъ своевременно. Государь, узнавъ объ этомъ, приказалъ моему брату немедленно отправиться къ этому офицеру и передать ему отъ государя обычный комплиментъ, т. е. сказать ему, что онъ дуракъ. Великій князь Константинъ сильно перепугался, но дѣло это окончилось благополучно, т. е. такъ, что моему брату пришлось скрѣпя сердце исполнить это щекотливое порученіе. При этомъ офицеръ очень спокойно отвѣтилъ брату, что это его ни мало не смущаетъ, такъ какъ онъ прекрасно знаетъ, что приказаніе исходитъ отъ человѣка, лишеннаго здраваго смысла. По этому небольшому примѣру можно судить, каковы были чувства, которыя внушалъ императоръ своимъ подданнымъ.

Вскорѣ, однако, оказываемое намъ дó сихъ поръ императоромъ благоволеніе постепенно стало охлаждаться, и онъ съ видимымъ неудовольствіемъ сталъ смотрѣть на наши близкія и дружественныя отношенія съ великими князьями. Мы стали догадываться, что онъ ищетъ случая удалить насъ отъ нихъ, предоставивъ намъ другой родъ службы.

Канцлеръ Безбородко еще былъ живъ, и вліяніе его на императора въ дѣлахъ было болѣе благотворно, хотя Павелъ видимо имъ уже тяготился. Смерть избавила его, быть можетъ, отъ немилости, которой онъ, въ концѣ-концовъ, вѣроятно бы не избѣжалъ. Безбородко совѣтовалъ государю отправить насъ въ австрійскую армію, въ качествѣ завѣдующихъ военно-дипломатической перепиской, возникшей по дѣламъ обѣихъ союзныхъ армій. Проектъ этотъ, однако, не осуществился.

Однажды, въ разговорѣ съ генераломъ Левашовымъ, императоръ началъ высказывать ему свои подозрѣнія по нашему адресу. Лева-

шовъ, нѣкогда близкое лицо и фаворитъ Потемкина, былъ человѣкъ несомнѣнно правдивый и въ данномъ случаѣ не побоялся вступиться за насъ, хотя, сравнительно, зналъ насъ недавно. Когда императоръ вдругъ задалъ ему вопросъ:—„Отвѣчаете ли вы мнѣ за нихъ?"—онъ отвѣчалъ утвердительно.—„Вы отвѣчаете мнѣ вашей головой? Подумайте же хорошенько". Старый Левашовъ на минуту остановился, но, вспомнивъ вѣроятно, что всякое колебаніе можетъ насъ погубить, онъ все-таки отвѣтилъ: „Да, государь, я за нихъ отвѣчаю своей головой". Такой отзывъ временно успокоилъ императора на нашъ счетъ. Все это впослѣдствіи разсказывалъ намъ самъ Левашовъ.

Въ скоромъ времени намъ слѣдовало по чинопроизводству получить чинъ генералъ-лейтенанта, но по должности нашей адъютантовъ при великомъ князѣ намъ нельзя было получить этотъ чинъ. Тогда императоръ рѣшилъ назначить меня па должность гофмейстера двора великой княжны Елены Павловны, которая вскорѣ вышла за великаго герцога Мекленбургскаго; братъ мой былъ сдѣланъ шталмейстеромъ великой княжны Маріи Павловны, невѣсты наслѣднаго принца Веймарскаго. Обѣ эти должности по чинопроизводству соотвѣтствовали чину генералъ-лейтенанта. Я, конечно, чрезвычайно сожалѣлъ, что мнѣ пришлось оставить должность при великомъ князѣ и не сопровождать его какъ прежде по обязанностямъ службы; тѣмъ не менѣе, перемѣна эта нисколько не измѣнила нашихъ прежнихъ отношеній.

Спустя нѣкоторое время, мнѣ пришлось разстаться съ братомъ. Дѣло въ томъ, что родители наши, поселившись въ Галиціи, желали имѣть при себѣ одного изъ насъ, вслѣдствіе чего одному изъ насъ предстояло перейти въ австрійское подданство, а другому оставаться въ Россіи. Братъ мой Константинъ рѣшилъ уѣхать въ Галицію и съ этою цѣлью написалъ императору весьма почтительное письмо, въ которомъ, изложивъ положеніе семейныхъ нашихъ дѣлъ, просилъ у государя разрѣшеніе уѣхать въ Галицію. Это желаніе, вполнѣ естественное и мотивированное, вызвало, однако, негодованіе и гнѣвъ императора; гнѣвъ этотъ, быть можетъ, былъ вызванъ потому, что императоръ, особенно милостиво относившійся къ брату, увидѣлъ въ этой просьбѣ неблагодарность. Говорятъ, что Павелъ въ порывѣ раздраженія готовъ былъ немедленно подписать указъ о ссылкѣ брата въ Сибирь; къ счастью, въ это дѣло вмѣшался Кутайсовъ, который, по просьбѣ великаго князя Александра, совершенно успокоилъ государя и отклонилъ грозившую брату опалу. Императоръ пригласилъ къ себѣ моего брата, разрѣшилъ ему выѣхать изъ Россіи и даже наградилъ его Аннинскимъ орденомъ 1-го класса.

Приведу еще одинъ примѣръ, характеризующій причуды императора Павла. Изъ арміи прибылъ курьеръ, котораго государь довольно подробно разспрашивалъ о вооруженіяхъ, обмундированіи и костюмахъ французскихъ офицеровъ. Когда изъ разговора этого выяснилось, что большинство французскихъ офицеровъ носили бакенбарды, императоръ немедленно приказалъ, чтобы всѣ лица его двора, носившія баки, въ тотъ же день ихъ сбрили. Согласно принятому порядку, приказъ императора черезъ часъ уже былъ приведенъ въ исполненіе, и вечеромъ на балу появился цѣлый рядъ новыхъ физіономій, сразу обратившихъ на себя вниманіе, съ бѣлыми пятнами на щекахъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно красовались у нихъ бакенбарды. При встрѣчѣ другъ съ другомъ они раскланивались, едва удерживаясь отъ смѣха. Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, передавшій этотъ приказъ, долженъ былъ лично присутствовать при его выполненіи.

Дворъ въ это время находился въ Павловскѣ. Послѣ обѣда обыкновенно устраивались кавалькады, въ которыхъ принимали участіе великія княжны, ѣздившія верхомъ ловко и граціозно. Императрица, которой также предписана была верховая ѣзда по распоряженію врача, довольно плохо держалась на сѣдлѣ и все время ѣхала шагомъ. Лѣто было превосходное. Я помѣщался въ одномъ изъ домовъ въ концѣ Павловскаго парка и пользовался его уединеннымъ положеніемъ, посвящая нѣсколько часовъ различнымъ полезнымъ занятіямъ. Сидя однажды дома, я совершенно неожиданно получилъ письмо отъ графа Ростопчина, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что государь назначилъ меня посланникомъ при Сардинскомъ дворѣ, вслѣдствіе чего мнѣ предписывалось немедленно отправиться въ Петербургъ, ознакомиться съ данными мнѣ инструкціями и въ теченіе восьми дней выѣхать въ Италію. Это несомнѣнно была опала подъ видомъ милостиваго назначенія на дипломатическій постъ. Это неожиданное назначеніе, которое застало меня совершенно врасплохъ, сильно меня огорчило. Естественно, что мнѣ было особенно тяжело разстаться, быть можетъ на долгое время, съ великимъ княземъ, къ которому я былъ искренно привязанъ, и съ тѣми немногими друзьями, дружба которыхъ была для меня большимъ утѣшеніемъ на чужбинѣ.

Но надо было повиноваться и на слѣдующій же день выѣхать изъ Павловска. Великій князь чрезвычайно сердечно высказалъ мнѣ свое горе по случаю нашей разлуки, хотя я долженъ сознаться, что онъ былъ уже далеко не тотъ, какимъ я помню его во время моего перваго отъѣзда изъ Москвы тотчасъ послѣ коронаціи императора Павла. Онъ уже много видѣлъ, много испыталъ, и реальный жизненный опытъ уже на немъ отразился. Многіе его мечты и идеалы,

особенно тѣ, которые касались его личной жизни и о которыхъ мы съ нимъ давно не говорили, постепенно уступили мѣсто дѣйствительности. Прощаясь со мною тепло и сердечно, онъ обѣщалъ мнѣ писать при первой возможности. Явившись къ министру, я тщетно просилъ у него разрѣшенія провести нѣсколько дней у родителей, мѣстопребываніе которыхъ находилось на моемъ пути. Я получилъ формальный строгій отказъ. Тѣмъ не менѣе, я все-таки надѣялся повидать ихъ, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, проѣзжая вблизи ихъ имѣнія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Епископъ Сейнынскій,
графъ Константинъ Лубенскій.

Историко-біографическій очеркъ [1]).

I.

Родъ Лубенскихъ.—Воспитаніе и образованіе Лубенскаго.—Удаленіе его изъ Келецкой духовной семинаріи.—Рукоположеніе его въ священники.—Пребываніе его въ Курскѣ.—Проектъ его обращенія Россіи въ католицизмъ.—Служба его при костелѣ св. Екатерины въ Петербургѣ.—Уничтоженіе Пирлингомъ проекта Сестренцевича. — Польское посольство на коронаціи Александра II. — Стремленіе Кидори устроить въ Россіи папскую нунціатуру. — Служба при костелѣ бывшаго Мальтійскаго ордена.—Высылка Лубенскаго изъ Петербурга.—Жизнь его въ Харьковѣ.—Настоятельство въ Ревелѣ. — Начало волненій въ Польшѣ. — Взгляды Лубенскаго на польское возстаніе. — Поѣздка въ Римъ.— Хлопоты Лубенскаго объ открытіи костеловъ.—Ржондъ народовый.

Родъ графовъ Лубенскихъ очень древній и въ польской исторіи славный. Первый — кто его прославилъ — былъ архіепископъ гнѣзненскій, примасъ Польши, Матвѣй Лубенскій (1562—1652). Больше всего фамилія Лубенскихъ дала духовныхъ особъ. Въ теченіе трехъ вѣковъ изъ нея вышли: два примаса, девять епископовъ, свыше двадцати прелатовъ, канониковъ, монаховъ и очень много монахинь.

Константинъ Лубенскій родился 19 февраля (н. с.) 1825 г. въ Варшавѣ. Домашнее воспитаніе и образованіе Лубенскій получилъ, какъ и слѣдовало ожидать, обстоятельное и блестящее, вполнѣ со-

---

[1]) Матеріаломъ для настоящаго очерка послужила вышедшая не очень давно за границею, обширная біографія епископа Константина Лубенскаго, составленная на основаніи писемъ епископа, воспоминаній о немъ лицъ, его близко знавшихъ, оффиціальныхъ документовъ и бумагъ фамильнаго архива графовъ Лубенскихъ.

отвѣтствующее тому положенію, которое занимали въ свѣтѣ его родители. Памятью мальчикъ обладалъ замѣчательною. Девяти лѣтъ въ самое короткое время онъ выучилъ 500 строкъ поздравительныхъ стиховъ на именины своего дѣда, министра Феликса Лубенскаго, и прочиталъ ихъ безъ ошибки въ присутствіи многочисленныхъ гостей.

Въ 1839 г. Лубенскій оставилъ родительскій домъ. Онъ отправился въ Швейцарію, въ Фрейбургъ, въ коллегіумъ іезуитовъ. Коллегіумъ этотъ пользовался тогда громкою славою. Ректоромъ его былъ о. Галишъ, бѣлоруссъ изъ полоцкихъ іезуитовъ. Преподавателями состояли люди, не мало потрудившіеся съ пользою на нивѣ научной. Константинъ Лубенскій пробылъ въ коллегіумѣ четыре года. Благодаря его высокому умственному развитію, науки ему давались легко. Въ письмахъ своихъ къ отцу Лубенскій упоминаетъ о своихъ товарищахъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько поляковъ и одинъ русскій. „Есть тутъ у насъ новичекъ, москаликъ,—писалъ Лубенскій 4 декабря 1842 г.—его мать—полька, Бутурлинъ, славный малый, по-польски говоритъ хорошо, и мы его къ себѣ прибрали... Славный и замѣчательно способный парень"... Константинъ Лубенскій окончилъ курсъ въ Фрейбургѣ въ 1843 г., 18-ти лѣтъ отъ роду. Отецъ рѣшилъ отвезти его въ Парижъ и помѣстить въ Ecole centrale des arts et manufactures. Старый Лубенскій разсчитывалъ впослѣдствіи воспользоваться знаніями сына для своихъ многочисленныхъ фабрикъ. На пути во Францію, на пароходѣ на Рейнѣ, Лубенскіе отецъ съ сыномъ познакомились съ молодымъ аббатомъ Блёндо изъ Парижа. У него-то и поселился Лубенскій. Науки въ Ecole мало интересовали молодаго человѣка. Зато онъ основательно изучилъ французскій языкъ и послѣ владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Служеніе церкви наиболѣе влекло къ себѣ Константина. Когда онъ признался въ этомъ отцу, гр. Генрихъ, родной братъ котораго—Тадеушъ, только-что былъ посвященъ въ санъ епископа-суффрагана куявско-калишскаго, обрадовался такому выбору жизненнаго пути. Въ 1844 г. онъ отправилъ сына въ Берлинъ—прослушать курсы права и философіи—наукъ, подготовительныхъ къ богословію. Берлинъ съ его туманною философіею не понравился Константину, о чемъ онъ и писалъ отцу. Послѣдній дозволилъ ему вернуться домой, подъ условіемъ, что Константинъ прежде проживетъ цѣлый годъ въ имѣніи одного извѣстнаго сельскаго хозяина въ прусской Саксоніи, близъ Кетена. Въ Кетенѣ тогда проживалъ іезуитъ Бексъ (Becks), впослѣдствіи знаменитый генералъ ордена іезуитовъ и личный другъ Пія IX. Молодой Лубенскій познакомился съ нимъ, открылъ передъ нимъ свою душу, и Бексъ утвердилъ его въ предпринятомъ намѣреніи.

Лѣтомъ 1846 г. Константинъ вернулся на родину. Съѣздилъ въ

Ченстохово, навѣстилъ своего дѣда, Феликса Лубенскаго, безвыѣздно проживавшаго въ своемъ помѣстьѣ Гузово, въ Сохачевскомъ уѣздѣ, а затѣмъ отправился въ Келецкую духовную семинарію. Лубенскій пробылъ въ Келецкой семинаріи только одинъ учебный годъ, съ 1 октября 1846 г. по 1 іюля 1847 г. Причина столь непродолжительнаго пребыванія его въ семинаріи была слѣдующая. Учился Константинъ хорошо. Но въ разговорахъ съ товарищами, будучи развитѣе ихъ, часто указывалъ на великое значеніе пастырскаго служенія и на ту нравственную отвѣтственность, которая падаетъ на лицъ, посвящающихъ себя этому служенію безъ внутренняго влеченія. Въ результатѣ—нѣсколько его товарищей оставили семинарію... Потомъ, когда насталъ май мѣсяцъ, посвященный у католиковъ пресв. Дѣвѣ Маріи, Лубенскій, подговоривъ товарищей, началъ вмѣстѣ съ ними отправлять майскія богослуженія, чего до тѣхъ поръ въ Келецкой семинаріи не водилось. Семинарскому начальству не нравились ни бесѣды Лубенскаго съ товарищами, ни его новшества. Лучше было избавиться отъ него. Доложили мѣстному епископу Людовику Лентовскому, этотъ, въ свою очередь, написалъ письмо своему коллегѣ, епископу Тадеушу Лубенскому, дядѣ Константина, прося взять изъ семинаріи племянника. Новый учебный 1847 годъ засталъ К. Лубенскаго въ Варшавской семинаріи св. Креста. Послѣдняя состояла въ завѣдываніи кс.-миссіонеровъ и славилась своими профессорами, въ числѣ которыхъ находился бывшій учитель Константина, кс. Сколимовскій. Здѣсь Лубенскій пробылъ два года. 15 іюля 1849 г. дядя его, еп. Тадеушъ рукоположилъ его въ священники. Посвященіе происходило въ костелѣ св. Креста. Отецъ Константина въ то время былъ уже арестованъ по обвиненію въ злоупотребленіяхъ по должности вице-предсѣдателя польскаго банка. Обвиненіе не подтвердилось. Тѣмъ не менѣе гр. Генрихъ, какъ мы уже сказали, находился подъ арестомъ въ домѣ „подъ орломъ" на Саксонской площади. Въ костелъ на торжество рукоположенія сына его доставили подъ стражею. Константина назначили викаріемъ при костелѣ св. Креста. Ставши священникомъ, гр. Лубенскій сразу выдѣлился не только изъ числа своихъ коллегъ — сельскаго духовенства, но рѣзко отличался и отъ большинства своихъ столичныхъ товарищей. Средняго роста, худощавый, но плечистый, замѣчательно ловкій, сильный, обладавшій желѣзнымъ здоровьемъ — онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на каждаго, кому приходилось видѣть его. Къ этому надо прибавить его обширныя познанія, доступность, умѣнье держать себя съ достоинствомъ, никогда не теряться и изящныя манеры. Не даромъ кс. Константина, по словамъ его біографа, прозвали въ петербургскихъ великосвѣтскихъ салонахъ большимъ бариномъ въ сутанѣ —

ce grand seigneur en soutanne. Можно ли послѣ того удивляться, что сердца пасомыхъ такъ тяготѣли къ своему пастырю?

Осенью 1849 г. графа Генриха Лубенскаго отправили въ крѣпость Замостье. Тамъ его продержали недолго. На слѣдующій годъ его перевезли въ Курскъ. Константинъ исходатайствовалъ у своего духовнаго начальства разрѣшеніе сопровождать отца, въ качествѣ его капеллана. Желѣзной дороги до Курска тогда еще не существовало. Поѣхали на почтовыхъ, съ жандармомъ на козлахъ. Едва добрались до Курска, какъ гр. Генрихъ тяжко занемогъ. Дорогою онъ простудился, и у него сдѣлался тифъ. Нѣсколько недѣль онъ провелъ въ борьбѣ со смертью, но выздоровѣлъ. Организмъ его, однако, былъ уже надломленъ. Человѣкъ, когда-то сильный и энергичный, обратился въ безпомощнаго старца. Въ такомъ состояніи онъ прожилъ еще 30 лѣтъ. Во время трехлѣтняго подневольнаго пребыванія его въ Курскѣ, Константину, за недостаткомъ ксендзовъ, пришлось фактически исполнять обязанности духовника своего роднаго отца. Не легкая эта была обязанность, какъ онъ самъ послѣ признавался. Отправляясь въ Курскъ, кс. Константинъ испросилъ разрѣшеніе подлежащихъ властей выслушивать исповѣдь и устроить домашнюю каплицу въ Курскѣ. Лубенскіе наняли въ Курскѣ для себя цѣлый домъ. Послѣ они его купили. Ксендзъ Константинъ устроилъ въ въ немъ каплицу, отправлялъ богослуженіе и говорилъ проповѣди. Впослѣдствіи, уѣзжая изъ Курска, подарилъ домъ мѣстной католической общинѣ, и до сихъ поръ въ немъ совершаются богослуженія, когда пріѣзжаетъ въ Курскъ католическій ксендзъ.

Вѣсть о пріѣздѣ въ городъ католическаго ксендза скоро разнеслась по цѣлой губерніи. Не разъ приходилось Лубенскому ѣздить къ требующимъ духовной помощи католикамъ за нѣсколько сотъ верстъ. Однажды за 300 верстъ отъ губернскаго города Лубенскій натолкнулся на умиравшаго француза Жувъ (Alexis Jouve), который раньше жилъ въ Римѣ и теперь давалъ уроки. Тамъ же онъ познакомился съ m-lle Гурской, которая, будучи полькой, по-польски ничего не понимала, такъ какъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ воспитывалась въ Петербургѣ, въ Смольномъ институтѣ. Жувъ женился на Гурской, завелъ знакомства съ русскими и получилъ мѣсто учителя въ домѣ богатаго курскаго помѣщика Колокольцева. Лубенскій напутствовалъ Жува. Но послѣдній поправился, подружился съ нимъ и впослѣдствіи не мало оказалъ ему услугъ. Совершая поѣздки по губерніи, Лубенскій постоянно сталкивался съ властями то съ полицейскими, то съ духовными — православными. Принимали его вездѣ, по его словамъ, предупредительно. Одни изъ почтенія къ его графскому титулу, другіе изъ уваженія къ его духовному сану. Одинъ

архіерей пригласилъ его къ себѣ обѣдать. Когда, послѣ обѣда, гости разошлись и архіерей остался съ Лубенскимъ съ глазу на глазъ, онъ откровенно признался, что будь въ Россіи хотя немножко свободы,—многіе епископы, которыхъ онъ лично знаетъ, перешли бы изъ православія въ католицизмъ.

Въ 1852 г. Лубенскій ѣздилъ по дѣламъ отца въ Варшаву, гдѣ въ то время свирѣпствовала холера. Въ Сѣраковскихъ казармахъ устроили холерную больницу, и Лубенскій проводилъ въ ней дни и ночи, напутствуя умирающихъ и помогая ходить за больными. Въ концѣ-концовъ онъ самъ заболѣлъ и поправился только благодаря искусному лѣченію, извѣстнаго въ то время, доктора Мальца. Оправившись, онъ вернулся къ отцу.

Здѣсь, въ Курскѣ, зародилась въ головѣ Лубенскаго смѣлая мысль—обратить Россію въ католицизмъ. Какъ это сдѣлать? Какъ приступить къ осуществленію этой идеи? Не мало думалъ надъ этими вопросами молодой энтузіастъ. И пришелъ къ тому заключенію, что достигнуть этого можно только исподволь, путемъ отдѣльныхъ случаевъ обращеній. Онъ не прежде приступилъ къ дѣлу, какъ основательно изучилъ русскій языкъ. Біографъ его увѣряетъ, что случаи обращенія православныхъ въ католичество въ Курскѣ были не рѣдки. Фамилій этихъ прозелитовъ онъ, ради осторожности, разумѣется, не приводитъ.

Отецъ его былъ высланъ въ Курскъ на три года. Срокъ изгнанія уже кончался, но мѣстный губернаторъ не имѣлъ никакихъ относительно его распоряженій. Тогда гр. Генрихъ Лубенскій позднею осенью 1853 года отправилъ въ Петербургъ сына. Послѣднему удалось исходатайствовать разрѣшеніе отцу возвратиться въ Царство Польское. Въ данномъ случаѣ кс. Константину помогли вліятельные родственники: членъ государственнаго совѣта, д. т. с. гр. Леонъ Потоцкій, вдова ген.-ад. Льва Нарышкина, Ольга, урожденная Потоцкая, и ея дочь Софья Шувалова, жена гр. Петра Шувалова, предводителя дворянства Петербургской губерніи.

Римско-католическимъ митрополитомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и архіепископомъ могилевскимъ, въ то время былъ Головинскій. Резиденцію свою онъ имѣлъ въ Петербургѣ. Лубенскій открылъ ему свои планы относительно обращенія Россіи въ католицизмъ. Головинскій ихъ одобрилъ. Рѣшено было обратиться къ испытанному въ Китаѣ и другихъ языческихъ странахъ средству—тайнымъ миссіямъ, но предварительно узнать взглядъ на это дѣло Рима, для чего черезъ довѣренное лицо и отнестись туда. Нашли и довѣренное лицо и миссіонера. Первымъ вызвался быть извѣстный уже намъ Живъ, а вторымъ—самъ Лубенскій. Не даромъ проводившій зиму 1853 года въ столицѣ,

гр. Альфредъ Потоцкій, впослѣдствіи первый австрійскій министръ и намѣстникъ Галиціи, выражался о Лубенскомъ такъ: „онъ жаждетъ мученичества“.

Скоро началась крымская война, потомъ заболѣлъ и умеръ митрополитъ,—и смѣлый проектъ палъ въ Лету. Преемникъ Головинскаго— пишетъ Лубенскій, — „не былъ посвященъ въ это дѣло и даже никогда ничего о немъ не узналъ“.

Кс. Лубенскій вернулся въ Курскъ, взялъ отца и въ мартѣ 1854 г. былъ уже въ Варшавѣ.

По настоянію митрополита Головинскаго, Лубенскій въ іюнѣ 1854 года пріѣхалъ въ Петербургъ. Митрополитъ назначилъ его французскимъ проповѣдникомъ при костелѣ св. Екатерины, который находился въ управленіи монаховъ доминикановъ; у нихъ въ монастырѣ и поселился кс. Лубенскій. Причтъ состоялъ изъ семи человѣкъ, — людей старыхъ, малоэнергичныхъ и малоспособныхъ. Между тѣмъ приходъ былъ очень обширный—свыше 25.000 душъ— и, по своему составу разнообразный: тутъ были и поляки, и литвины, и нѣмцы, и французы, и итальянцы, и англичане, въ большинствѣ случаевъ владѣвшіе только своимъ роднымъ языкомъ. М. Головинскій отлично понималъ, что отъ престарѣлыхъ монаховъ пользы для прихода очень мало, и не прочь былъ отобрать отъ нихъ костелъ и приходъ. Къ сожалѣнію, у него не доставало каноническаго повода. Кромѣ того, доминикане всегда умѣли найти поддержку въ средѣ своихъ вліятельныхъ духовныхъ дѣтей. Тогда митрополитъ рѣшилъ дать имъ, въ качествѣ помощниковъ, нѣсколько викаріевъ изъ числа такъ называемаго свѣтскаго духовенства. Первымъ такимъ викаріемъ назначили кс. Константина. Къ этому назначенію старцы отнеслись не особенно дружелюбно. Лубенскій это замѣтилъ и рѣшилъ во что бы то ни стало установить съ доминиканами добрыя отношенія. Для этого онъ, во-первыхъ, отказался отъ доходовъ, которые выпадали на его долю. Это онъ могъ сдѣлать безъ особеннаго для себя ущерба, такъ какъ отецъ давалъ ему ежегодно 3.000 руб. на содержаніе. Во-вторыхъ, онъ согласился во всемъ подчиняться существовавшему въ монастырѣ режиму, который былъ довольно строгій. Однажды Лубенскій вернулся изъ гостей отъ своей тетки Нарышкиной немного позже обыкновеннаго. На другой день пріоръ пригласилъ его къ себѣ и сталъ ему выговаривать. Тотъ смиренно всталъ на колѣни, попросилъ прощенія и поцѣловалъ у стараго прелата руку. Товарищемъ Лубенскаго, т.-е. другимъ свѣтскимъ ксендзомъ у св. Екатерины, состоялъ кс. Фелинскій, впослѣдствіи митрополитъ варшавскій. Это также былъ человѣкъ тихій и покорный. На обязанности викарія Лубенскаго лежало отправленіе

очереднаго богослуженія, исповѣдь, требы и произнесеніе проповѣдей на французскомъ языкѣ. Онъ не былъ великимъ ораторомъ, но его проповѣди отличались содержательностью и убѣдительностью, такъ что конечная цѣль ихъ—подѣйствовать на умъ и сердце слушателей—всегда достигалась. Лубенскій очень сожалѣлъ, что русское законодательство лишаго его возможности говорить проповѣди по-русски. Впрочемъ, въ числѣ его слушателей не было недостатка въ русскихъ изъ интеллигентнаго класса, знакомаго съ французскимъ языкомъ.

Въ январѣ 1855 г. митрополитъ Головинскій возложилъ на Лубенскаго обязанность исповѣдывать воспитанниковъ духовной академіи. Но здѣсь случилось съ молодымъ духовникомъ то же самое, что произошло въ Кельцахъ. Пошли у него тѣ же самые разговоры съ молодыми людьми о призваніи. Въ результатѣ былъ выходъ изъ академіи многихъ воспитанниковъ. Противъ него возстали доминикане, капитулъ митрополита, старики-прелаты. Ждали только смерти митрополита. Когда Головинскій умеръ, преемникъ его, митрополитъ Жилинскій отозвалъ Лубенскаго изъ академіи. Теперь онъ отдался всецѣло пастырскимъ обязанностямъ при костелѣ св. Екатерины. Его проповѣди привлекали массу публики. Высшее общество столицы, аристократія польская и заграничная, члены посольствъ постоянно находились налицо, когда знали, что Лубенскій будетъ говорить проповѣдь. Конфессіоналъ, въ которомъ онъ выслушивалъ исповѣдь, былъ постоянно окруженъ толпою исповѣдниковъ.

Баронесса Мейендорфъ, жена бывшаго посла въ Берлинѣ и Вѣнѣ, генеральша Чевкина, жена министра путей сообщенія, баронесса Корфъ, жена ген.-адъютанта, инспектора артиллеріи, мать барон. Моренгеймъ, жена б. русскаго посла въ Парижѣ, графиня Бергъ, жена позднѣйшаго намѣстника Царства Польскаго—были постоянными духовными дочерьми его. Люди простые, бѣдные, съ особенною охотою шли къ нему на исповѣдь. Ихъ влекло къ нему его умѣнье поговорить со всякимъ, утѣшить, дать добрый совѣтъ. Онъ исповѣдывалъ и у себя на дому,—исключительно мужчинъ. Не оставлялъ онъ и своей, какъ называлъ, миссіонерской дѣятельности.

По словамъ одного изъ друзей, у него часто можно было встрѣтить представителей и представительницъ высшаго петербургскаго русскаго общества. Многіе пріѣзжали къ нему, подъ предлогомъ визитовъ, исповѣдываться. Однихъ онъ причащалъ у себя дома, потихоньку, къ другимъ самъ ѣздилъ... Не былъ чуждъ онъ и дѣлъ милосердія. Люди нуждающіеся находили у него вспомоществованіе. Благодаря своимъ связямъ, онъ всегда былъ для нихъ полезенъ. Дѣятельными помощниками его въ данномъ случаѣ были m-me Жонъ (Jaune) и Іосифъ Пирлингъ. М-me Жонъ—вдова француза-учителя, родомъ

итальянка. Въ 1857 г., во время холеры въ Петербургѣ, императрица, организуя помощь больнымъ, пользовалась совѣтами m-me Жонъ. Іосифъ Пирлингъ—сынъ петербургскаго банкира, отецъ извѣстнаго о. Павла Пирлинга ex Societatis Jesu, автора превосходныхъ книгъ о сношеніяхъ Московскаго государства съ папскимъ престоломъ въ XVI—XVII ст., впослѣдствіи также вступилъ въ орденъ іезуитовъ. Онъ состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ отцомъ и братомъ Константина, Эдвардомъ. Гр. Генрихъ Лубенскій когда-то помогъ его отцу, когда дѣла банкирскаго дома Пирлинга пошатнулись, а гр. Эдвардъ Лубенскій, будучи въ Петербургскомъ университетѣ, состоялъ подъ опекою банкира Пирлинга. Отецъ Іосифа Пирлинга—личность въ своемъ родѣ замѣчательная. О немъ сохранился такой разсказъ. Когда митрополитъ Станиславъ Сестренцевичъ-Богушъ (†1826 г.) подалъ министру внутреннихъ дѣлъ проектъ созданія національной католической церкви въ Россіи, т. е. независимой отъ Рима, узналъ объ этомъ и Константинъ Любомірскій, въ то время проживавшій въ Петербургѣ. Перепуганный князь поѣхалъ къ своему другу-Пирлингу. Тотъ выслушалъ его разсказъ и посовѣтовалъ князю подкупить камердинера министра, чтобы тотъ одолжилъ на нѣсколько часовъ проектъ митрополита, лежавшій у министра на столѣ. Любомірскій такъ и сдѣлалъ. Проектъ Сестренцевича въ тотъ же вечеръ былъ у него. Князь отправился съ нимъ къ Пирлингу. Сѣли подлѣ камина, который топился, и стали читать проектъ. Любомірскій ломалъ съ отчаянія руки, предвидя опасность, грозившую римско-католической церкви и католикамъ, проживавшимъ въ Россіи. Пирлингъ молчалъ. Потомъ онъ взялъ тетрадь и бросилъ ее въ каминъ... Ужасъ князя не поддается описанію. Когда онъ пришелъ въ себя, спросилъ: что же теперь дѣлать? Пирлингъ совершенно спокойно посовѣтовалъ ему: когда придетъ камердинеръ за тетрадью, дать, вмѣсто нея, вторично хорошую взятку, и просилъ князя позволить ему предоставить для этой цѣли извѣстную сумму. Князь денегъ не взялъ, но поступилъ по его совѣту. Неизвѣстно, какъ отнесся къ этой пропажѣ министръ: забылъ ли онъ о поданномъ митрополитомъ проектѣ, или ему было стыдно признаться, что онъ столь важный документъ забросилъ, не прочитавъ,—только онъ больше не вспоминалъ о немъ при встрѣчѣ съ Сестренцевичемъ. Послѣдній, не получая отъ министра отвѣта, считалъ молчаніе его равносильнымъ отказу и также, со своей стороны, о проектѣ больше не рѣшался вспомнить. Такъ о немъ и забыли.

Лубенскому, въ качествѣ викарія костела св. Екатерины, пришлось принять участіе въ погребеніи останковъ бывшаго польскаго короля Станислава Лещинскаго. Послѣдніе, какъ извѣстно, были похоронены

(въ 1766 г.) во Франціи, въ соборѣ города Нанси. Во время великой французской революціи, когда подверглись оскверненію королевскіе гробы въ Парижѣ, и въ Нанси были выброшены изъ гробницъ останки Станислава Лещинскаго. Какой-то старикъ-полякъ собралъ ихъ, спряталъ, а въ 1813 г., передъ своею смертію, отдалъ офицеру русской службы, поляку, находившемуся во Франціи. Этотъ, въ свою очередь, поднесъ ихъ императору Александру I. Александръ отослалъ небольшой гробикъ въ Петербургъ и приказалъ хранить его въ императорской библіотекѣ. Когда баронъ М. А. Корфъ, назначенный директоромъ императорской публичной библіотеки, занялся приведеніемъ ея въ надлежащій порядокъ, нашелъ и гробикъ съ останками Лещинскаго. Баронъ обратился съ вопросомъ, что ему съ нимъ дѣлать? Государь приказалъ отдать его высшей духовной власти. Та отослала гробикъ доминиканамъ, съ приказаніемъ помѣстить его въ гробницѣ короля Станислава Понятовскаго, но безъ всякихъ публичныхъ церемоній. И, вотъ въ будничный день, послѣ богослуженія, костелъ заперли пораньше. Собрались доминикане, Лубенскій, его братъ Томашъ, гостившій въ Петербургѣ, и костельная прислуга. Совершили нѣсколько заупокойныхъ богослуженій за душу короля Лещинскаго. Вынули гробъ съ тѣломъ Станислава Понятовскаго, открыли его; набальзамированное тѣло короля совершенно засохло, одежда вполнѣ сохранилась. Когда открывали гробъ, верхняя часть черепа, очевидно, снятая при бальзамированіи, вмѣстѣ съ металлическою на ней короною, среди полнѣйшей тишины, покатилась по каменному полу. Всѣ онѣмѣли отъ неожиданности. Лубенскій, дядя котораго Владиславъ Лубенскій присутствовалъ въ Версалѣ при бракосочетаніи дочери Лещинскаго съ французскимъ королемъ Людовикомъ XV, а потомъ, въ санѣ примаса, возлагалъ на голову Станислава Понятовскаго ту самую корону, которая теперь лежала у его ногъ,—поспѣшно преклонилъ колѣна и затянулъ De profundis. Присутствовавшіе поспѣшили къ нему присоединиться. Затѣмъ гробы опустили, а входъ въ склепъ заложили тою самою плитою, которую въ настоящее время всѣ топчутъ, входя въ сакристію.

Въ 1855 году Лубенскій, получивъ извѣстіе о смерти Головинскаго, поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ.

Въ августѣ 1856 г. состоялась въ Москвѣ коронація императора Александра II. Всѣ иностранные дворы прислали на это торжество своихъ чрезвычайныхъ представителей. Апостольскій престолъ отправилъ въ Москву мирренскаго архіепископа Флавіана, кн. Киджи (Chigi), происходившаго изъ древней римской патриціанской фамиліи. Его сопровождали молодые дипломаты, монсиньоры Біанки (Bianchi) и Франки (Franchi). Посольство слѣдовало черезъ Петербургъ. Находясь

въ Невской столицѣ, Киджи выразилъ желаніе имѣть при себѣ, на время пребыванія въ Россіи, капеллана, который былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и его секретаремъ и который зналъ бы основательно языки русскій и французскій, людей, съ которыми придется послу имѣть дѣла, на отзывы котораго о нихъ онъ могъ бы положиться и, наконецъ, который руководилъ бы имъ среди лабиринта придворнаго церемоніала. Выборъ палъ на ксендза графа Лубенскаго. Кто его рекомендовалъ папскому нунцію и гдѣ—въ Петербургѣ, или еще за границею—неизвѣстно. Такимъ образомъ, Лубенскій отправился съ папскимъ посольствомъ въ Москву. Отправляясь въ Россію, нунцій имѣлъ, между прочимъ, порученіе добиться у русскаго правительства согласія установить при петербургскомъ дворѣ постоянную нунціатуру. Цѣль послѣдней должна была заключаться въ наблюденіи за дѣйствіями русскаго правительства касательно отношеній его къ цѣлости и неприкосновенности римско-католической церкви въ Россіи... Старанія кн. Киджи, какъ извѣстно, успѣхомъ не увѣнчались, несмотря на то, что онъ, подъ разными предлогами, откладывалъ свой отъѣздъ. Въ концѣ концовъ онъ дождался отъ министерства иностранныхъ дѣлъ очень деликатнаго, но не менѣе выразительнаго напоминанія, что пребываніе его нунція въ предѣлахъ русскаго государства превосходитъ обычныя потребности чрезвычайнаго посольства... По желанію кн. Киджи, Лубенскій проводилъ его до Ченстохова, а затѣмъ вернулся въ Петербургъ.

Въ концѣ лѣта 1857 г. новый митрополитъ Вацлавъ Жилинскій старался ѣхать въ Могилевъ (онъ былъ послѣднимъ архіепископомъ могилевскимъ), на торжество своего вступленія на епископскую каѳедру (ingres) и въ Вильну, для сдачи управленія виленскою епархіею, которою онъ также управлялъ временно, вновь назначенному епископу Адаму Красинскому [1]). Жилинскій предложилъ Лубенскому сопутствовать ему.

Когда пріѣхали въ Полоцкъ, Лубенскій пожелалъ осмотрѣть останки блаженнаго Андрея Боболи. Іезуитъ Андрей Боболя жилъ въ XVII ст. въ Бобруйскѣ и Пинскѣ, занимаясь пропагандою католичества. За свое усердіе былъ прозванъ пинскимъ апостоломъ. 17 мая 1657 г. его умертвили въ окрестностяхъ Пинска казаки. Тѣло его сначала похоронили при пинскомъ костелѣ, а въ 1827 г. перенесли въ Полоцкъ. Папа Пій IX, 3 іюля 1853 г., разрѣшилъ городу Пинску и ордену іезуитовъ торжественно праздновать память Боболи въ своихъ костелахъ 23 мая. Русское правительство всегда

---

[1]) Извлеченіе изъ интересныхъ записокъ епископа Адама Красинскаго сдѣлано нами въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1901 г., кн. XI.

было противъ чествованія Боболи. Поэтому, въ глухую ночную пору, подкупивъ лицъ, знавшихъ мѣсто погребенія „пинскаго апостола“, Лубенскій отправился съ ними и на гробѣ Боболи отслужилъ потихоньку панихиду. Потомъ, съ разрѣшенія митрополита, открылъ гробъ, перемѣнилъ одежды, въ которыя было облечено тѣло блаженнаго. Отдѣлилъ руку и послѣ—по возвращеніи въ Петербургъ—отослалъ ее, вмѣстѣ со старыми одеждами Боболи, въ Римъ, генералу ордена іезуитовъ Бексу. Папѣ Пію IX послалъ одинъ перстъ святаго, оправленный въ золото и вложенный въ великолѣпный ковчежецъ, работы извѣстнаго петербургскаго ювелира Вальянъ. Для себя Лубенскій оставилъ тоже перстъ святаго и кусочекъ одежды и хранилъ ихъ въ особой шкатулкѣ. Онъ разсказывалъ послѣ, что, когда онъ открылъ гробъ, все тѣло блаженнаго издавало изъ себя благоуханіе (odor sanctitatis).

По возвращеніи митрополита Жилинскаго въ столицу, Лубенскаго въ награду за труды во время послѣдняго путешествія назначили капелланомъ при костелѣ мальтійскаго ордена (въ зданіи Пажескаго корпуса). Такимъ образомъ, онъ оставилъ оо. доминикановъ и переселился въ новое жилище. Ушелъ отъ нихъ и кс. Фелинскій по случаю назначенія капелланомъ и духовникомъ духовной академіи. Доминикане остались очень довольны тѣмъ, что избавились отъ пришлаго элемента. Вскорѣ и въ средѣ ихъ произошли перемѣны. Пріора доминикановъ Станевскаго возвели въ санъ епископа-суффрагана могилевской архіепископіи. Его мѣсто занялъ кс. Стацевичъ. Будучи человѣкомъ въ сравненіи со своими петербургскими собратьями болѣе образованнымъ и имѣя склонность къ аскетизму, Стацевичъ старался поддерживать какія-то секретныя сношенія съ генераломъ своего ордена, извѣстнымъ о. Жодель (Geaudelle). Жодель былъ страстнымъ поклонникомъ реформы, предпринятой въ орденѣ доминикановъ о. Лякордеромъ.

Лѣтомъ 1858 г. появился въ Петербургѣ, неизвѣстно по иниціативѣ ли генерала ордена доминикановъ, или по приглашенію изъ Петербурга, доминиканецъ о. Суаяръ (Soyard), французъ, сторонникъ новой реформы. Ближайшимъ поводомъ пріѣзда Суаяра—была свадьба его духовной дочери, m-lle Лазаревой, дочери богатаго петербургскаго купца армянина, женатаго на кн. Биронъ, католичкѣ, постоянно проживавшей въ Парижѣ. Не сразу послѣ свадьбы Суаяръ оставилъ Петербургъ. Онъ прожилъ въ столицѣ, подъ разными предлогами, девять мѣсяцевъ. Сначала жилъ у доминикановъ, привлекая публику своими проповѣдями на французскомъ языкѣ, потомъ, въ роли капеллана, у французскаго посла, въ заключеніе переселился во французское посольство. На самомъ дѣлѣ цѣлью пріѣзда Суаяра было

*

желаніе склонить петербургскихъ доминикановъ принять реформу Дякордера, что̀ и удалось ему, хотя и не вполнѣ, и испробовать, по порученію апостольскаго престола, не удастся ли послѣднему достигнуть того, чего добивался нунцій Киджи, т. е. своего частнаго посланника и повѣреннаго, съ теченіемъ времени, превратить въ постояннаго дипломатическаго агента... Суаяръ познакомился съ Лубенскимъ. Они видались другъ съ другомъ ежедневно и даже не по одному разу. Отъ Лубенскаго онъ получалъ всѣ необходимыя, интересовавшія его, свѣдѣнія о положеніи католической церкви, въ Россіи. Когда Лубенскій былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Харьковъ (о чемъ будетъ сказано дальше), Суаяръ, лишившись друга, выѣхалъ въ Варшаву. Здѣсь попытки его поднять духъ своего ордена не удались, и онъ получилъ изъ Рима приказаніе вернуться. Съ переходомъ Лубенскаго въ Мальтійскій костелъ, всѣ, кто только лично зналъ его, былъ слушателемъ его поученій и исповѣдникомъ у него, послѣдовали за нимъ. Мальтійскій костелъ всегда считался аристократическимъ. По воскресеньямъ и праздникамъ въ немъ собирались иностранные послы католики и члены посольствъ. Лубенскій говорилъ проповѣди по-французски. Здѣсь, какъ и въ бытность при костелѣ св. Екатерины, онъ никогда и никому изъ лицъ, имѣвшихъ къ нему надобность, не отказывалъ и съ величайшею охотою помогалъ кому и чѣмъ могъ. Его связи и знакомства теперь еще больше увеличилась. Постоянными гостями кс. Константина были: братъ его, Томашъ, гр. Фредро, племянникъ знаменитаго драматурга, любимецъ большаго свѣта столицы и двора, Маркъ Ходынскій, въ то время чиновникъ статсъ-секретаріата царства Польскаго, впослѣдствіи членъ совѣта управленія, полковникъ Быховецъ, женатый на кн. Друцкой-Любецкой, кн. Стефанъ Любомірскій, предводитель дворянства Минской губерніи, гр. Казиміръ Молодецкій, гвардеецъ, относительно котораго ходили тогда слухи, будто великая княгиня Марія Лейхтенбергская, по смерти своего перваго мужа, настолько интересовалась имъ, что отецъ ея, императоръ Николай, вынужденъ былъ предложить ей выбрать между Молодецкимъ и Строгановымъ; ген.-ад. гр. Адамъ Ржевускій; Мяновскій, домашній докторъ в. кн. Маріи Николаевны, впослѣдствіи ректоръ варшавской главной школы; Іосифъ Пржецлавскій, секретарь кодификаціонной коммиссіи Царства Польскаго и членъ цензурнаго комитета, редакторъ польской газеты „Tigodnik petersburgski“; Малковскій, членъ кодификаціонной коммиссіи, послѣ главный директоръ коммиссіи юстиціи въ Варшавѣ и сенаторъ; Крживицкій, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, впослѣдствіи главный директоръ правительственной коммиссіи исповѣданій и просвѣ-

щенія въ Варшавѣ; Альфъ Вржесневскій, инженерный офицеръ, занятый при постройкѣ с.-петербургско-варшавской ж. д., позднѣе личный адъютантъ при намѣстникахъ Царства Польскаго, начиная отъ гр. Ламберта и кончая в. кн. Константиномъ Николаевичемъ; Сѣраковскій, профессоръ военной академіи [1]) генеральнаго штаба и сотрудникъ новаго періодическаго изданія „Słowo“.

„Слово“ начало выходить съ января 1859 г. подъ редакціею его издателя Огрызко, два раза въ недѣлю, т. е. примѣнительно къ тому, сколько разъ тогда ходила въ провинцію почта. Іосафатъ Огрызко, будучи еще студентомъ Петербургскаго университета, получилъ хорошее мѣсто личнаго секретаря при Карамзинѣ, сынѣ историка, женатомъ на вдовѣ богача Демидова. Во время восточной войны Карамзина командировало, только-что возникшее тогда, общество Краснаго Креста на ревизію военныхъ госпиталей въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи. Тамъ онъ заразился тифомъ и умеръ. Его вдова послала секретаря Огрызку за тѣломъ мужа. Огрызко исполнилъ порученіе аккуратно и отказался отъ платы за труды. Карамзиной это такъ понравилось, что она пристроила Огрызко на службу въ министерство финансовъ и поручила ему воспитаніе своего единственнаго сына Павла Демидова, а впослѣдствіи ссудила его на изданіе журнала 25.000 руб. „Słowo“ выходило не долго, всего семь недѣль. Вышло четырнадцать нумеровъ. Съ самаго начала оно приняло характеръ настолько демагогическій и вызывающій, что намѣстникъ Царства Польскаго, кн. М. Д. Горчаковъ потребовалъ запрещенія журнала. Самъ Огрызко хотя и былъ пламеннымъ польскимъ патріотомъ, однако, не написалъ для своего журнала, кажется, ни одной статьи, такъ какъ, получивъ образованіе въ русскихъ школахъ, не достаточно владѣлъ польскимъ языкомъ. „Слово“ запретили. Редактора-издателя его посадили въ крѣпость. Впрочемъ, черезъ два или три мѣсяца выпустили. Чтобы вознаградить подписчиковъ „Слова“, онъ выдалъ имъ оттиски новаго изданія Volumina legum. Въ началѣ 1863 г. Огрызко занималъ довольно высокій постъ въ министерствѣ финансовъ. Возстаніе положило предѣлъ его дѣятельности. „Tigodnik petersburgski“ уже давно (1856 г.) прекратился. Пржецлавскій въ послѣдніе годы существованія своего журнала предавался пьянству и мало занимался дѣломъ. Такимъ образомъ польское общество осталось безъ печатнаго органа, который какъ бы то ни было поддерживалъ связь между столицею и Царствомъ. Необходимость въ такомъ органѣ чувствовалась. И, вотъ, въ салонѣ кс. Константина возникла мысль объ изданіи новаго печатнаго органа

[1]) Никогда не былъ профессоромъ. Ред.

на польскомъ языкѣ, съ программою, до извѣстной степени напоминающею программу современнаго намъ петербургскаго Kraj'я. Въ качествѣ отвѣтственнаго редактора предполагалъ выступить братъ Лубенскаго, гр. Томашъ. Средства для изданія обѣщалъ дать баронъ Л. Кроненбергъ. Рѣшено было пріобрѣсти у Пржецлавскаго „Tigodnik petersburgski“. Гр. Томашъ Лубенскій обратился съ ходатайствомъ въ главный цензурный комитетъ о разрѣшеніи возобновить „Tigodnik“. Хотя въ комитетѣ и засѣдали его хорошіе знакомые и хотя Пржецлавскій очень старался, гр. Лубенскому отказали. Отказъ мотивировали тѣмъ, что гр. Т. Лубенскій являлся подставнымъ лицомъ, что редакторомъ de facto былъ бы его братъ, Константинъ, котораго тогда только-что выслали административнымъ порядкомъ въ Харьковъ.

Причиною высылки Лубенскаго изъ столицы было вмѣшательство его въ уніатскія дѣла. Во время путешествія съ митрополитомъ Жилинскимъ въ 1857 г. они проѣзжали, между прочимъ, черезъ дер. Славяныче въ Витебской губерніи. Жители этой деревни—уніаты—уже давно проявляли свое упорство, отказываясь быть православными. Дорого это имъ обходилось, но они оставались непреклонными. Когда митрополитъ проѣзжалъ черезъ деревню, мужики заступили ему дорогу, пали на колѣни, просили защитить ихъ, утверждали, что ни за что не хотятъ быть православными. Тщетно старался убѣдить ихъ Жилинскій, что онъ въ подобныя дѣла вмѣшиваться не имѣетъ права—крестьяне стояли на своемъ. Тогда Лубенскій съ обычною своею пылкостью посовѣтовалъ имъ послать депутацію въ Петербургъ, прямо къ государю. Послѣ оказалось, что они такъ и сдѣлали. Неизвѣстно, допустили ли депутацію къ государю, только пріѣзжалъ сенаторъ Щербининъ и производилъ разслѣдованіе на мѣстѣ. Результатомъ разслѣдованія было признаніе ходатайства крестьянъ не заслуживающимъ уваженія, обнаруженіе еще нѣсколькихъ мѣстностей съ упорствующимъ населеніемъ и изданіе распоряженія всѣмъ римско-католическимъ консисторіямъ: обязать ксендзовъ подпискою не мѣшаться въ духовныя дѣла другихъ исповѣданій, а также не принимать на исповѣдь лицъ, о которыхъ имъ неизвѣстно положительно—католики ли они; отъ такихъ требовать предъявленія паспорта. Въ февралѣ 1859 г. распоряженіе это, исходившее съ высочайшаго соизволенія отъ департамента иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ, получила римско-католическая духовная коллегія въ Петербургѣ, для разсылки консисторіямъ. Римско-католическая коллегія, существующая съ 1802 г., исполняла роль передаточной инстанціи въ дѣлѣ сообщенія католическому духовенству распоряженій департамента иностранныхъ исповѣданій. Но въ данномъ случаѣ распоряженіе носило характеръ принципіальный,

поэтому возникалъ вопросъ: на сколько оно согласуется съ каноническими постановленіями католической церкви. М. Жилинскій боялся дать свою подпись подъ такимъ распоряженіемъ. Нѣсколько разъ онъ совѣтовался съ Лубенскимъ. Послѣдній относился къ полученному распоряженію пессимистически. Коллегіи предстояло расмотрѣть отзывъ департамента въ засѣданіи. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Лубенскій представилъ митрополиту обширную „докладную записку", въ которой доказывалъ, что, „никакая духовная власть не можетъ вымогать отъ подчиненныхъ ей священниковъ письменнаго обязательства лишать тѣла и крови Христовой лицъ, не принадлежащихъ къ ихъ приходамъ, или не снабженныхъ паспортами". Въ заключеніе онъ умолялъ митрополита отказать коллегіи въ своей подписи. Жилинскій не послушался, далъ свою подпись, а Лубенскій получилъ черезъ полицію предписаніе того же департамента: въ теченіе 24-хъ часовъ выѣхать въ Харьковъ.

По поводу высылки Лубенскаго тогда были разные толки. Одни говорили, что митрополитъ выдалъ тайну его доклада, желая избавиться отъ ксендза, свидѣтеля слабости его характера. Другіе подозрѣвали, что директоръ департамента, гр. Э. К. Сиверсъ, который не любилъ и боялся Лубенскаго, чувствуя его умственное превосходство поредъ собою, добылъ черезъ слугу митрополита „записку". Наконецъ, третьи утверждали, что митрополитъ самъ разсказалъ членамъ коллегіи о своихъ бесѣдахъ и спорахъ съ Лубенскимъ, а тѣ, желая подслужиться, передали кому слѣдовало слова митрополита.

Получивъ приказаніе выѣхать, онъ написалъ нѣсколько писемъ, сдѣлалъ необходимыя распоряженія, между прочимъ, запретилъ разглашать о его высылкѣ, отслужилъ на другой день обѣдню и выѣхалъ, по Николаевской ж. д., въ Москву. На вокзалъ его проводили: братъ Томашъ, Фелинскій, о. Суаяръ, г-жа Жонъ и еще нѣсколько ближайшихъ друзей. Онъ остановился въ Москвѣ на нѣсколько дней.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, онъ сдѣлалъ необходимые визиты властямъ и занялся работою, помогая мѣстнымъ ксендзамъ слушать предпасхальную исповѣдь. И здѣсь, въ Харьковѣ, проявилась пылкость характера его. Не задолго до его пріѣзда одинъ изъ ксендзовъ викаріевъ сложилъ съ себя духовный санъ, женился и принялъ православіе. Лубенскій, не долго думая, рѣшилъ его „образумить". Онъ отправился на квартиру ренегата, просилъ его, умолялъ, кланялся въ ноги, цѣловалъ руки... Кончилось тѣмъ, что его обругали и вытолкали вонъ. Лубенскій отправился тогда къ архіерею. Архіерей принялъ его весьма предупредительно. Когда разговоръ перешелъ къ цѣли визита Лубенскаго, послѣдній спросилъ преосвященнаго: чѣмъ объяснялъ ксендзъ-отщепенецъ свой переходъ въ право-

славіе? Епископъ отвѣтилъ: „я не смѣлъ его спросить объ этомъ“... Переубѣдить ренегата не удалось. Между тѣмъ возбужденіе противъ него въ городѣ росло. Особенно негодовали студенты университета поляки и „братавшіеся“ съ ними малороссы и украинцы. Они сговорились поколотить публично „отступника“. Когда узналъ объ этомъ Лубенскій, то, съ разрѣшенія настоятеля, въ первый воскресный день, выступилъ съ проповѣдью, въ которой осудилъ ксендза-отступника, призывалъ слушателей оставаться вѣрными „единой истинной Христовой Церкви, основаніемъ коей служитъ Петръ-камень“, обращаясь же къ студентамъ, просилъ ихъ оставить свои намѣренія, не поднимать руки на священнослужителя, „предоставивъ его суду милосерднаго Вѣчнаго Судіи“. Черезъ нѣсколько лѣтъ имъ пришлось встрѣтиться въ Петербургѣ. Бывшій ксендзъ, чувствуя приближеніе смерти, пожелалъ видѣть во что бы ни стало Лубенскаго. Послѣдній явился и напутствовалъ его.

Харьковскія власти во главѣ съ губернаторомъ были недовольны поведеніемъ кс. Константина. Онъ отправлялъ требы не только въ городѣ, но и въ губерніи. Власти задумали его „обуздать“. Тогда кс. Константинъ заручился согласіемъ начальника 3-й кавалерійской дивизіи, ген.-ад. гр. Ад. Ржевускаго быть духовникомъ солдатъ-католиковъ его дивизіи. Теперь онъ безпрепятственно разъѣзжалъ повсюду. Былъ въ Бѣлгородѣ, Корочи, Обояни, Курскѣ, Фатежѣ, Нѣжинѣ. Губернаторъ ничего уже ему сдѣлать не могъ.

Тѣмъ временемъ обстоятельства сложились такъ, что послѣдовало распоряженіе о возвращеніи Лубенскаго въ Петербургъ. Въ началѣ 1860 г. родственникъ его по матери гр. Леонъ Потоцкій тяжко заболѣлъ въ Петербургѣ. Родные и друзья Лубенскаго воспользовались этимъ, чтобы возбудить вопросъ о его возвращеніи въ столицу. Ольга Нарышкина, урожденная Потоцкая, отправилась къ министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Ланскому, и стала его просить возвратить Лубенскаго, такъ какъ гр. Л. Потоцкій хочетъ исповѣдаться у него передъ смертію, другаго же духовника принять не желаетъ и, такимъ образомъ, можетъ умереть безъ покаянія. Черезъ нѣсколько дней послѣ того самъ императоръ Александръ II удостоилъ гр. Леона своимъ посѣщеніемъ. Государь спрашивалъ больнаго: чѣмъ могъ бы быть ему полезнымъ, какое могъ бы сдѣлать ему удовольствіе? Находившаяся тутъ же О. Нарышкина подсказала мысль о возвращеніи изъ Харькова Лубенскаго, духовника гр. Леона, въ которомъ теперь встрѣчалась настоятельная надобность. Въ тотъ же день харьковскій губернаторъ получилъ отъ министра Ланскаго депешу: предложить, по высочайшему повелѣнію, Лубенскому возвратиться въ Петербургъ.

Лубенскій засталъ еще гр. Леона въ живыхъ, приготовилъ его къ

смерти и принималъ участіе въ похоронахъ, на которыхъ присутствовалъ государь императоръ. Власти свѣтскія и духовныя не знали, что теперь дѣлать съ Лубенскимъ: отсылать его снова въ Харьковъ послѣ высочайшаго приказа было уже невозможно, оставлять въ столицѣ, зная его характеръ и допуская возможность новыхъ, нежелательныхъ, вліяній на слабаго митрополита—неудобно. И, вотъ, придумали дать ему мѣсто настоятеля въ Ревелѣ.

Приходъ, данный кс. Константину въ Ревелѣ, обнималъ цѣлую Эстляндскую губернію. Паству его составляли: поляки, литовцы, нѣмцы и представители другихъ національностей—преимущественно моряки, какъ это бываетъ въ портовыхъ городахъ. Богослуженіе отправлялось по-нѣмецки. Помощникомъ Лубенскаго былъ Лимановичъ. На первыхъ порахъ для Лубенскаго новый приходъ представлялся въ полномъ смыслѣ слова terra incognita. Но когда онъ присмотрѣлся, то и здѣсь нашелъ для себя не мало занятій. Проповѣдь поставилъ на первомъ планѣ. Слушатели переполняли костелъ во время его проповѣдей. Въ административно-духовномъ отношеніи ревельскій р.-католическій приходъ входилъ въ составъ могилевской р.-католической епархіи. Лубенскій обратилъ вниманіе на то, что въ такой обширной епархіи, какъ могилевская, не было ни одной духовной семинаріи. И, вотъ, у него явилась мысль устроить интернатъ по образцу французскихъ petit seminaire, въ которомъ молодые люди, получая гимназическое образованіе, при извѣстномъ строгомъ режимѣ, вырабатывали бы свой характеръ къ несенію пастырскимъ обязанностей. Такое учебное заведеніе онъ мечталъ впослѣдствіи преобразовать въ большую семинарію подъ непосредственнымъ управленіемъ митрополита. Онъ уже купилъ на собственныя деньги мѣсто около города и началъ пріобрѣтать строительный матеріалъ. Онъ не сомнѣвался, что ему удастся осуществить свою мысль, разсчитывая на поддержку своихъ вліятельныхъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ. Изъ числа послѣднихъ гр. Бергъ въ то время занималъ постъ генералъ-губернатора въ Финляндіи, а генералъ-губернаторъ Прибалтійскаго края, кн. А. А. Суворовъ былъ женатъ на Нарышкиной, любилъ Лубенскаго и не иначе называлъ его, какъ „своимъ племянникомъ“. Заготовляя матеріалы для будущей семинаріи, Лубенскій началъ думать и о составѣ будущихъ преподавателей. По его просьбѣ, его двоюродный братъ, кс. Войцѣхъ Моравскій прислалъ изъ Рима двоихъ—бельгійца, доктора богословія и каноническаго права Целестина Денсарда и кс. ван-Есса. Первый въ Ревелѣ женился на одной русской, обращенной въ католицизмъ Лубенскимъ, послѣ состоялъ секретаремъ при архіеп. Фелинскомъ, профессоромъ духовной академіи въ Варшавѣ, потомъ, по закрытіи

послѣдней, жилъ въ Сувалкахъ, гдѣ жена его была директриссою женской гимназіи. Онъ не разъ оказывалъ серьезныя услуги Лубенскому, а послѣ его смерти, боясь оставаться въ Россіи, ночью, потихоньку перешелъ границу около Вержболова. Ван-Єссъ съ юныхъ лѣтъ мечталъ о духовной карьерѣ, но, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, ему удалось осуществить свою мечту только на 40 году жизни, похоронивъ мать. Къ его огорченію въ такомъ возрастѣ ни въ гимназію, ни въ семинарію не принимаютъ, поэтому онъ рѣшилъ воспользоваться вызовомъ Лубенскаго. Послѣдній, будучи въ санѣ епископа, посвятилъ его въ ксендзы и назначилъ своимъ капелланомъ. Послѣ ссылки Лубенскаго, Єссъ эмигрировалъ въ Америку. Проектъ устройства семинаріи не удался и, впослѣдствіи—въ санѣ уже епископа—Лубенскій поручилъ брату своему Томашу продать и землю и матеріалы.

Въ началѣ 1861 г. Лубенскій ѣздилъ навѣстить своего отца и по пути останавливался въ Варшавѣ, гдѣ возбужденіе умовъ приняло уже широкіе размѣры, особенно послѣ зловѣщаго выстрѣла 27-го февраля (н. с.), отъ котораго пали, такъ называемыя, „пять жертвъ". Съ тогдашнимъ намѣстникомъ Царства Польскаго кн. Горчаковымъ Лубенскій былъ хорошо знакомъ по Петербургу. Еще ближе онъ зналъ Эноха, тогдашняго секретаря административнаго совѣта Царства. Князь Горчаковъ горько жаловался на участіе духовенства, особенно монашествующаго, въ уличныхъ манифестаціяхъ. Возраженія и замѣчанія Лубенскаго по этому предмету такое произвели впечатлѣніе на намѣстника, что онъ попросилъ изложить ихъ на бумагѣ и дать ему. Лубенскій исполнилъ желаніе Горчакова. Сущность его замѣчаній сводилась къ тому, что правительству необходимо облегчить сношенія настоятелей монастырей съ ихъ генералами, т. е. представителями монашескихъ орденовъ, имѣющими свое пребываніе въ Римѣ, или визитаторами монастырей, что тогда только прекратится своеволіе настоятелей.

Въ августѣ того же года онъ посѣтилъ Петербургъ. Въ это время гр. Ламбертъ, по смерти Горчакова, получилъ назначеніе на должность намѣстника. Генералъ-адъютантъ К. К. Ламбертъ близко зналъ Лубенскаго. Будучи католикомъ, онъ ходилъ слушать его проповѣди и встрѣчался съ нимъ въ обществѣ. Онъ просилъ порекомендовать ему какого-либо поляка на должность адъютанта. Лубенскій рекомендовалъ ему Альфа Вржесневскаго, сына доктора изъ Опатова. Въ это время, родственница и благодѣтельница его, Ольга Нарышкина, тяжко занемогла въ Баденъ-Баденѣ. Она писала ему о своемъ желаніи видѣться передъ смертью. О выѣздѣ за границу „на законномъ основаніи", т. е. съ паспортомъ, нечего было и думать... На счастіе Лубенскаго,

пріѣхала въ Ревель графиня Бергъ по пути за границу. Случайно изъ разговора она узнала, что онъ имѣетъ надобность съѣздить за границу. Она отправилась къ губернатору и исходатайствовала разрѣшеніе на выѣздъ. Послѣ власти спохватились, но было уже поздно, Лубенскій съ графинею Бергъ приближались въ то время на пароходѣ къ Штетину. Въ Штетинѣ Лубенскій разстался съ графиней Бергъ и направился въ княжество Познанское. Здѣсь онъ навѣстилъ своихъ родственниковъ, видѣлся со старымъ знакомымъ, кс. Яномъ Козьмяномъ.

Козьмянъ уговорилъ его съѣздить въ Краковъ и Крешовицы. Тамъ гр. Андрей Потоцкій собиралъ въ своемъ замкѣ всѣхъ друзей Польши на общій совѣтъ, а извѣстный гр. Монталамберъ, нарочно выписанный изъ Парижа, долженъ былъ присутствовать въ качествѣ свидѣтеля ихъ страданія и пыла, чтобы потомъ, описавъ ихъ въ своей книжкѣ „Une nation en deuil", цѣлый свѣтъ заинтересовать несчастною страною. Лубенскаго, разумѣется, встрѣтили съ распростертыми объятіями. Но скоро должны были въ немъ разочароваться. Онъ не раздѣлялъ ихъ увлеченій, не стѣснялся открыто высказывать, что „подъ плащемъ патріотизма кроются революціонныя цѣли, что на днѣ этихъ событій видно подстрекательство масоновъ изъ-за границы", считалъ вожаковъ отвѣтственными передъ Богомъ и народомъ за послѣдствія. Взгляды его скоро сдѣлались извѣстными въ цѣломъ краѣ. Они возбудили противъ него вожаковъ народа, который слѣпо вѣрилъ вожакамъ и слѣдовалъ за ними, журналистовъ, которые сознательно разсѣевали ложь и служили цѣлямъ революціи, низшее духовенство, обуздать которое онъ предлагалъ, и, наконецъ, предводителей международной революціонной партіи. Съ этого времени начались нападки на него въ газетахъ, въ клубахъ, собраніяхъ, салонахъ. Они не прекращались до самой его смерти. Посѣтивъ въ Баденъ-Баденѣ свою тетку Нарышкину и видя, что опасность уже миновала, Лубенскій признался ей въ своемъ намѣреніи съѣздить въ Римъ. Нарышкина одобрила его намѣреніе, снабдила его деньгами и письмами отъ себя и отъ своей сестры, другой теткѣ Лубенскаго, бывшей замужемъ за русскимъ посломъ въ Парижѣ, гр. П. Д. Киселевымъ.

Въ столицѣ Франціи онъ остановился на самое короткое время, уговаривалъ польскую молодежь не поддаваться увлеченію. Отсюда черезъ Марсель и моремъ, черезъ Чивитта-Веккію прибылъ въ Римъ. Вѣчный городъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Вручивъ рекомендательныя письма, онъ на другой же день былъ принятъ кардиналомъ Антонелли, статсъ-секретаремъ папы. Антонелли встрѣтилъ его чрезвычайно любезно.

— Mais il y a longtemps qu'on vous attendait ici avec impatience [1])—привѣтствовалъ его кардиналъ. Очевидно, что въ письмахъ, данныхъ ему, обстоятельно описана была цѣль его поѣздки въ Римъ. Старшій братъ Константина, Эдвардъ, проживалъ съ женою въ Римѣ. Въ его домѣ, на Piazza Navona, собиралось все высшее римское общество, и здѣсь Лубенскій встрѣтился со свои знакомыми. Всѣхъ интересовало современное положеніе католической церкви въ Россіи и начавшееся броженіе умовъ въ Царствѣ Польскомъ. Свѣдѣнія о польскихъ дѣлахъ апостольская столица получила двумя путями: отъ представителя Россіи въ Римѣ, гр. Н. Д. Киселева, брата русскаго посла въ Парижѣ, и изъ польскихъ неоффиціальныхъ источниковъ. Гр. Киселевъ объяснялъ причину волненій вліяніемъ тайныхъ заграничныхъ масонскихъ обществъ, которыя задались цѣлью произвести общій переворотъ, грозящій опасностью церкви, народамъ и государствамъ. Польскіе же неоффиціальные источники считали манифестаціи выраженіемъ чувствъ горячей вѣры, проявленіемъ христіанскихъ добродѣтелей обитателей края и признавали ихъ заслуживающими благословенія. Изъ докладной записки, представленной Лубенскимъ въ 1866 г. великому князю Константину Николаевичу, видно, что и кардиналъ Антонелли и другіе прелаты, занимавшіе высокое положеніе, и, наконецъ, самъ св. отецъ спрашивали его о начавшемся въ Царствѣ Польскомъ движеніи, что въ своемъ отвѣтѣ онъ высказалъ соображенія, которыя клонились къ тому, чтобы „апостольская столица приняла на себя посредничество въ извѣстномъ направленіи, которое помогло бы польскому духовенству въ его борьбѣ съ революціоннымъ духомъ въ краѣ и утвердило бы духовенство въ чувствахъ лояльности въ отношеніи монарха". „Его эминенція кардиналъ Антонелли изволилъ мнѣ сказать,—прибавляетъ Лубенскій,—что я первымъ былъ полякомъ, объясненія котораго относительно событій 1861 г. онъ понялъ". Римская курія рѣшила воспользоваться пребываніемъ его и ему volens-nolens пришлось выступить въ роли посредника между нею и представителемъ Россіи въ Римѣ. Гр. Киселевъ настаивалъ на выдачѣ папскаго breve въ выраженіяхъ и словахъ, на которыя Ватиканъ не могъ согласиться. Переговоры прекратились. Съ пріѣздомъ Лубенскаго Антонелли возобновилъ ихъ. Пользуясь этимъ, Лубенскій подалъ мысль цѣною breve выторговать у русскаго правительства дѣло чрезвычайной важности для католической церкви—нунціатуру въ Петербургѣ, ссылаясь на то, что св. престолъ, не имѣя въ Россіи своего представителя, не можетъ имѣть своихъ собственныхъ свѣдѣній о степени справедливости жалобъ,

---

[1]) Мы уже давно съ нетерпѣніемъ ждали вашего пріѣзда.

какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ Лубенскаго есть указанія на то, что въ 1862 г. дѣло назначенія въ Петербургъ папскаго нунція уже было налажено, что на постъ этотъ въ Римѣ предназначали новаго кардинала, монсеньора Берарди, что послѣдній даже готовился къ отъѣзду, но что переговоры были прерваны въ послѣднюю минуту, вслѣдствіе вспыхнувшаго въ Польшѣ возстанія. Какъ бы то ни было, та роль, которую случайно пришлось играть въ Римѣ Лубенскому, не избавила его отъ нареканій со стороны революціонной партіи. Послѣдняя старалась выставить его „тайнымъ посланникомъ русскаго правительства въ Римѣ“...

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Рима Лубенскій былъ принятъ папою. Пій IX симпатизировалъ полякамъ. 16-го марта 1861 г. онъ въ своей домашней каплицѣ совершилъ заупокойную мессу о „пяти варшавскихъ жертвахъ“, не взирая на то, что изъ пяти человѣкъ одинъ былъ кальвинистъ, другими словами „еретикъ“, а другой много лѣтъ спустя еще здравствовалъ. Когда папа началъ разспрашивать о варшавскихъ событіяхъ, Лубенскій, съ выраженіемъ величайшей покорности, представилъ ему, что „не все, доложенное его святѣйшеству, согласуется съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и установившимся у него убѣжденіемъ“.

Папа вспыхнулъ.

— Alors tout ceci n'est pas vraie? [1])—вскричалъ онъ,—схвативъ со стола книжку Лекера.

— Les faits relatés sont vrais, mais l'ésprit du livre est faux [2])—отвѣтилъ ему Лубенскій.

Дальнѣйшій разговоръ продолжался уже спокойно. Черезъ часъ аудіенція окончилась. Папа не только не выразилъ своего неблаговоленія Лубенскому, но даже, вопреки придворному этикету и несмотря на массу работы, принялъ его въ аудіенціи еще два раза и напутствовалъ въ дорогу своимъ благословеніемъ.

Въ первыхъ числахъ сентября 1861 г. Лубенскій оставилъ Римъ. Онъ отправился въ Баденъ-Баденъ проститься со своею теткою, Нарышкиною, которая вскорѣ потомъ умерла, а оттуда проѣхалъ въ Вѣну. Здѣсь видѣлся съ львовскимъ уніатскимъ митрополитомъ, кардиналомъ Литвиновичемъ, посѣтилъ Краковъ и Гнѣзно. Въ Гнѣзнѣ, въ сентябрѣ 1861 г., былъ возведенъ въ званіе „настоятеля“ существующей при каѳедральномъ соборѣ, фамильной каплицы гр. Лубенскихъ, послѣднимъ настоятелемъ которой былъ епископъ гр. Тадеушъ Лубенскій.

---

[1]) Значитъ, все это неправда?

[2]) Случаи, о которыхъ говорится,—были, но духъ сочиненія ложенъ...

1-го октября 1861 г. возвратился въ Варшаву.

На пятый день по возвращеніи Лубенскаго изъ-за границы, умеръ варшавскій архіепископъ Фіалковскій. 11-го октября состоялись его похороны, сопровождавшіяся шумною патріотическою демонстраціею. Одновременно съ тѣмъ, состоялась манифестація въ мѣстечкѣ Городлѣ на Бугѣ, въ память соединенія съ Польшею Литвы и Руси въ 1413 г.

Въ виду этого правительство объявило 14 октября военное положеніе и запретило всякія манифестаціи. Не взирая на это, на другой день была назначена грандіозная манифестація по случаю сорокалѣтней годовщины смерти Косцюшки. Власти не предприняли предварительныхъ мѣръ къ предупрежденію манифестаціи, и только, когда костелы были уже переполнены публикою, на улицахъ появились войска. Задача послѣднихъ заключалась въ томъ, чтобы окружить костелы и захватить собравшихся. Но эта мѣра удалась въ отношеніи не всѣхъ костеловъ. Только два ближайшіе къ королевскому замку костелы — каѳедральный св. Яна и Бернардиновъ были настолько плотно оцѣплены солдатами, что изъ нихъ никто не могъ выйти безъ того, чтобы не попасть въ руки полиціи. Видя это, собравшіеся въ нихъ рѣшили не расходиться. Устроили баррикады, пѣли, ѣли, потомъ спали— и только на другой день, утромъ, солдаты высадили дверь и силою очистили храмы. Женщинамъ дозволили разойтись по домамъ, а мужчинъ — свыше 2.000 человѣкъ — отправили въ цитадель. Событіе это взволновало умы горожанъ. Тѣмъ временемъ на мѣсто покойнаго Фіалковскаго капитулъ выбралъ администраторомъ епархіи прелата Бялобржескаго. Бялобржескій былъ человѣкъ достойный, всѣми уважаемый, но уже очень старый, легко поддававшійся постороннему вліянію. Такой человѣкъ при тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, конечно, не могъ стоять на высотѣ своего положенія. Собственнаго мнѣнія онъ не имѣлъ, постоянно оглядывался на другихъ, прислушивался къ уличнымъ крикамъ и совѣтовался во всѣхъ дѣлахъ съ молодыми ксендзами Дзяржковскимъ, Сѣклюцкимъ, Стецкимъ и Вышинскимъ. Изъ сихъ послѣдніе два были наиболѣе горячими сторонниками возстанія. Бялобржескій подъ вліяніемъ ихъ приказалъ 17 октября запереть всѣ костелы въ Варшавѣ и назначилъ коммиссію изъ четырехъ ксендзовъ подъ предсѣдательствомъ каноника Ржевускаго, для производства разслѣдованія относительно того: не подверглись ли профанаціи два упомянутые костела и не требуютъ ли они освященія вновь. Распоряженіе это возмутило намѣстника гр. Ламберта. Надо было ожидать репрессій. Тогда Лубенскій, на правахъ хорошаго знакомаго графа, отправился въ замокъ. Графа Ламберта онъ постарался убѣдить въ необходимости въ такихъ трудныхъ об-

стоятельствахъ идти рука объ руку съ духовною властью. Изъ замка направился къ администратору епархіи, уговорилъ прелата Бялобржескаго съѣздить къ намѣстнику. Затѣмъ отправился къ совѣтникамъ Бялобржескаго, кс. Стецкому и Вышинскому, убѣдилъ ихъ, что костелы, во избѣжаніе репрессій со стороны правительства и еще большаго возбужденія умовъ толпы, необходимо немедленно открыть и что въ такомъ смыслѣ надлежитъ воздѣйствовать на администратора епархіи. Всѣ трое поѣхали къ прелату Бялобржескому. Было уже 11 часовъ вечера. Прелата застали въ кровати. Онъ ихъ принялъ и внимательно выслушалъ. Немного онъ удивился, что столь непримиримые до сихъ поръ Стецкій и Вышинскій поддерживаютъ Лубенскаго, но приказалъ разбудить секретаря консисторіи кс. Чаевича, чтобы продиктовать ему распоряженіе объ открытіи костеловъ, которое Лубенскій, Стецкій и Вышинскій вызвались въ теченіе ночи развезти всѣмъ настоятелямъ. Чаевичъ, не имѣя ни малѣйшей охоты работать ночью, обратилъ вниманіе прелата Бялобржескаго на то, что онъ не имѣетъ права отмѣнять постановленіе, которое сдѣлалъ капитулъ, безъ согласія послѣдняго. Бялобржескій былъ сбитъ съ позиціи. Напрасно Лубенскій старался убѣдить, что администраторъ епархіи въ управленіи епархіею не можетъ быть связанъ никакимъ постановленіемъ капитула, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ дѣлѣ даже не было никакого постановленія, былъ спрошенъ только совѣтъ у членовъ капитула. Бялобржескій отложилъ все дѣло до утра. На другой день, утромъ въ полицейской газетѣ появилось новое распоряженіе репрессивнаго характера относительно манифестацій въ костелахъ. Распоряженіе это не согласовалось съ тѣмъ, что гр. Ламбертъ обѣщалъ администратору епархіи. Лубенскій отправился въ замокъ. Оказалось, что намѣстникъ ничего не зналъ. Распоряженіе было отдано безъ его вѣдома. Гр. Ламбертъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Отмѣнить распоряженіе было неудобно, и безъ того въ дѣйствіяхъ правительства не доставало такта. Въ это время прибылъ въ замокъ ген. Герштенцвейгъ. Онъ занималъ постъ генералъ-губернатора и являлся въ данномъ случаѣ отвѣтственнымъ лицомъ. Между намѣстникомъ и Герштенцвейгомъ произошло крупное объясненіе, окончившееся, какъ тогда говорили, оскорбленіемъ дѣйствіемъ однимъ другого. Обида могла быть смыта только американскою дуэлью. Свидѣтель ссоры, дежурный адъютантъ подалъ носовой платокъ. Вытянутый на немъ узелокъ далъ знать Герштенцвейгу, что объ долженъ умереть. Генералъ поѣхалъ домой, онъ жилъ въ Брюлевскомъ дворцѣ, и застрѣлился, стоя у окна, выходящаго въ Саксонскій садъ.

Въ тотъ же самый день и въ то же самое время на Медовой

улицѣ, въ консисторскихъ залахъ, происходило бурное совѣщаніе по вопросу объ открытіи костеловъ. Собралось болѣе 300 человѣкъ. Были тутъ духовныя особы, но болѣе всего явилось свѣтскихъ лицъ. Лубенскій настаивалъ на открытіи костеловъ. Его поддерживалъ одинъ только кс. Топольскій, находя закрытіе костеловъ противнымъ каноническому праву. Стецкій и Вышинскій молчали. Огромнымъ большинствомъ было рѣшено оставить костелы закрытыми. Въ тотъ же день Стецкаго и Вышинскаго арестовали. Прелата Бялобржескаго посадили въ цитадель и предали военному суду. Судъ приговорилъ его къ смерти. Потомъ Бялобржескаго помиловали и заключили въ Бобруйскую крѣпость на одинъ годъ. Нечего и говорить, что образъ дѣйствій Лубенскаго вызвалъ сильное неудовольствіе со стороны комитета повстанцевъ, который вскорѣ послѣ того провозгласилъ себя народнымъ правительствомъ (Rząd narodowy).

Надо обладать сильною волею, чтобы во время господства террора, когда всѣ дрожали за свою жизнь, начиная отъ намѣстника и кончая простымъ поденщикомъ, рѣшиться идти противъ теченія. Тогда же Лубенскій познакомился съ маркизомъ Александромъ Велепольскимъ. Маркизъ вообще не долюбливалъ семью Лубенскихъ. Причиною этого были какіе-то личные счеты между нимъ и гр. Феликсомъ Лубенскимъ. Въ 1850 г. кн. Паскевичъ, празднуя юбилей своей 50-лѣтней службы въ войскахъ, исходатайствовалъ у государя помилованіе гр. Генриха Лубенскаго, присужденнаго къ заключенію въ тюрьмѣ на нѣсколько лѣтъ, якобы за злоупотребленія по службѣ въ польскомъ банкѣ. Гр. Генрихъ сидѣлъ въ крѣпости Замостье. Послали туда коменданту эстафету о помилованіи Лубенскаго. Въ тотъ же самый день, вечеромъ, въ извѣстномъ ресторанѣ француза Маре, въ „Англійской гостиницѣ“ на Вержбовой улицѣ, было полно народу. Молодой маркизъ Александръ Велепольскій громко возмущался надъ несправедливостію власти, которая хочетъ освободить виновнаго тогда, когда столько невинныхъ страдаютъ въ Сибири. Разговоръ этотъ слышалъ гр. Орловъ, адъютантъ императора Николая Павловича, сидѣвшій неподалеку за столикомъ въ штатскомъ платьѣ. Орловъ передалъ разговоръ государю и, вмѣсто совершеннаго помилованія, приказано было отправить гр. Генриха въ ссылку вглубь Россіи. Когда на другой день Лубенскіе явились благодарить Паскевича, онъ самъ имъ разсказалъ о происшедшемъ. Эстафета, посланная въ Замостье, не застала уже гр. Генриха. Его воротили съ дороги. Съ Лубенскимъ маркизъ Велепольскій обошелся довольно любезно, хотя сперва и сдѣлалъ видъ, что будто не узналъ его. Маркизъ собирался въ Петербургъ. Везъ онъ туда различные планы и проекты. Въ числѣ ихъ былъ проектъ замѣщенія архіепи-

скопской каѳедры въ Варшавѣ. Велепольскій желалъ предоставить ее Лубенскому, о трудахъ котораго въ дѣлѣ открытія костеловъ маркизу было хорошо извѣстно. Между тѣмъ Лубенскій уѣхалъ къ отцу въ имѣніе. Тамъ онъ получилъ отъ Велепольскаго телеграмму, приглашавшую его въ Варшаву. Маркизъ открылъ ему свои планы. Лубенскій отказывался. Тѣмъ не менѣе Велепольскому удалось уговорить его ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ. 3 ноября 1861 г. они выѣхали изъ Варшавы.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Велепольскій представилъ канцлеру, кн. А. М. Горчакову подробный докладъ обо всемъ, въ томъ числѣ и о своихъ усиліяхъ склонить Лубенскаго принять санъ варшавскаго архіепископа. Горчаковъ, знавшій уже о пребываніи кс. Лубенскаго въ Римѣ и объ участіи его въ варшавскихъ событіяхъ, пожелалъ лично съ нимъ познакомиться. Его представилъ князю самъ маркизъ. Поговоривъ съ Лубенскимъ и удивляясь ознакомленности его съ обстоятельствами, кн. Горчаковъ попросилъ Лубенскаго изложить свои взгляды и соображенія на бумагѣ. Въ началѣ декабря 1861 г. онъ представилъ князю свои соображенія на 15 листахъ мелкаго письма. Въ бесѣдѣ съ Велепольскимъ Лубенскій откровенно высказалъ ему, что приметъ санъ варшавскаго архіепископа только въ томъ случаѣ, если правительство не согласится представить какого-нибудь другаго соотвѣтственнаго кандидата. Маркизъ спросилъ его: „кто могъ бы быть кандидатомъ?" Лубенскій назвалъ о. Прокопа Лещинскаго. Когда Горчаковъ узналъ, что о. Прокопъ—капуцинъ, не хотѣлъ согласиться, ссылаясь на то, что монашествующіе принимали дѣятельное участіе въ варшавскихъ манифестаціяхъ, тогда Лубенскій указалъ на кс. Фелинскаго, жившаго въ Петербургѣ. Правительство не имѣло основаній быть имъ недоволнымъ. Лубенскій представилъ его сначала Велепольскому, а потомъ канцлеру. Согласились представить Фелинскаго кандидатомъ въ Римъ. Лубенскій писалъ туда своимъ знакомымъ, прося ускорить утвержденіемъ Фелинскаго. 6 января 1862 г. послѣдовало назначеніе Фелинскаго варшавскимъ архіепископомъ. Когда происходилъ въ Петербургѣ обрядъ присяги вновь назначеннаго архіепископа, директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ, гр. Сиверсъ, обратясь къ Лубенскому, громко, такъ что всѣ слышали, сказалъ: „если правительство будетъ имѣть поводъ быть недовольнымъ Фелинскимъ, то будетъ этимъ обязано Лубенскому". Архіепископъ Фелинскій никогда не жилъ въ Польшѣ, не зналъ совсѣмъ края и не имѣлъ въ немъ никакихъ знакомствъ. Лубенскій знакомилъ архіепископа съ положеніемъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, давалъ совѣты, указывалъ людей, которымъ Фелинскій могъ довѣрять и т. д. Самъ проводилъ его на

желѣзную дорогу. Тотчасъ по прибытіи въ Варшаву, Фелинскій совершилъ обрядъ „примиренія“ (reconciliatio) освященіемъ костеловъ, „оскверненныхъ вторженіемъ въ нихъ войскъ“, послѣдствіемъ чего было открытіе ихъ и возобновленіе въ нихъ богослуженія. Въ февралѣ 1862 г., по желанію кн. Горчакова, съ которымъ теперь Лубенскій имѣлъ возможность часто видѣться, онъ подалъ pro memoria о наблюденіи за монашествующимъ духовенствомъ посредствомъ командированія апостольскою столицею визитаторовъ монастырей. Хотя проектъ этотъ и не получилъ реальнаго осуществленія, тѣмъ не менѣе онъ не былъ отъ него далекъ. Въ концѣ февраля 1862 г. Лубенскій вернулся въ Ревель и отдался всецѣло своимъ пастырскимъ обязанностямъ. Между тѣмъ, до него стали доходить слухи, что правительство, намѣреваясь, наконецъ, замѣстить вакантныя епископскія каѳедры въ Царствѣ Польскомъ, въ числѣ кандидатовъ на одну изъ нихъ намѣтило и его. Въ описываемое время изъ девяти р.-католическихъ епархій въ Царствѣ Польскомъ только три (куявско-калишская, сандомірская и подляская) имѣли епископовъ; изъ десяти епископовъ-суффрагановъ (викарныхъ) состояло на лицо только три (въ Кельцахъ, Люблинѣ и Ловичѣ). Писалъ Лубенскій и кн. Горчакову и своимъ друзьямъ въ Петербургѣ и въ Варшавѣ, отказываясь отъ этой кандидатуры. Наконецъ, съ тою же цѣлью рѣшилъ лично съѣздить въ Варшаву, куда, кстати, приглашалъ его архіепископъ Фелинскій.

II.

Пріѣздъ въ Варшаву.—Назначеніе сейнскимъ епископомъ.—Борьба Фелинскаго съ ржондомъ.—Письмо Фелинскаго къ императору Александру II.—Ссылка въ Ярославль.—Вопросъ о формѣ присяги.—Капитулъ и прелатъ Буткевичъ.—Заботы о рукоположеніи.—Отказъ Лубенскаго подписать адресъ Литвы.—Письмо государю.—Князь Черкасскій.—Указъ о монашествующемъ духовенствѣ.—Наложеніе церковнаго траура въ костелахъ. — Сопротивленіе Лубенскаго. — Старанія его водворить спокойствіе въ епархіи. — Борьба съ княземъ Черкасскимъ.—Вопросъ о разграниченіи обязанностей духовенства латинскаго и греко-уніатскаго духовенства.—Споръ Муханова съ Лубенскимъ о духовной коллегіи.—Письмо Лубенскаго папѣ.—Гнѣвъ императора.—Высылка Лубенскаго въ Пермь и смерть его на пути.

Лубенскій пріѣхалъ въ Варшаву 20 ноября 1862 г. и остановился у архіеп. Фелинскаго. Несмотря на всѣ личныя его старанія „отдѣлаться отъ епископства“ — ничто не помогло. Не помогло ему и то обстоятельство, что революціонная партія, узнавъ объ его кандида-

турѣ, всѣми силами старалась очернить его въ глазахъ римской куріи. Она почти уже достигла своей цѣли, но папа былъ иного мнѣнія. 16 марта 1863 г. Пій IX утвердилъ избраніе Лубенскаго епископомъ сейнскимъ или августовскимъ.

Тѣмъ временемъ возстаніе разгоралось. Варшавская цитадель была переполнена арестованными. Нѣсколько человѣкъ изъ варшавскаго духовенства взяли на себя трудъ оказывать религіозно-нравственную услугу заключеннымъ. Пылкій Лубенскій не отсталъ отъ нихъ. Однако „настоящимъ апостоломъ цитаделей" былъ кс. Войцѣхъ Моравскій. Онъ ежедневно въ 6 час. утра съ фонарикомъ въ рукѣ, какъ того требовали полицейскія правила, отправлялся пѣшкомъ въ цитадель. За извѣстное вознагражденіе его пропускали, и онъ исповѣдывалъ и поучалъ арестованныхъ. Случалось, что его выгоняли изъ цитадели. Тогда онъ смиренно садился у ея воротъ, вынималъ молитвенникъ и четки и молился до тѣхъ поръ, пока не смѣнялся караулъ и ему не удавалось выпросить позволенія снова войти.

Проживая у архіепископа Фелинскаго, Лубенскому ежедневно приходилось принимать участіе въ совѣщаніяхъ. Положеніе варшавскаго архіепископа въ то время, время неурядицы, было очень трудное. Распущенное еще при Бялобржескомъ варшавское духовенство игнорировало Фелинскаго, считало его чужимъ. Ржондъ народовый старался поддерживать эту рознь. Умерла тогда жена извѣстнаго политическаго дѣятеля гр. Андрея Замойскаго. Ректоръ духовной академіи разрѣшилъ присутствовать на ея погребеніи только двумъ воспитанникамъ академіи. Въ то же время Ржондъ народовый далъ свое распоряженіе, и на похороны явились всѣ воспитанники безъ исключенія... Въ двухъ шагахъ отъ дворца архіепископа, на той же Медовой, въ монастырѣ капуциновъ, кс. Микошевскій издавалъ „Głos kapłana", журналецъ, наполненный пасквилями на духовенство. Каждый шагъ архіепископа истолковывался по-своему. Видя упадокъ власти, архіепископъ показывался народу преимущественно въ пурпуровомъ одѣяніи, и—вотъ—пустили въ городѣ слухъ, что архіепископъ превышаетъ свою власть, появляясь слишкомъ часто въ пурпурѣ. Несмотря на противодѣйствія, архіепископу Фелинскому, не безъ вліянія кс. Лубенскаго, удалось провести въ жизнь нѣсколько важныхъ распоряженій. Между прочимъ, воспрещено было пѣніе въ костелахъ пѣсней и гимновъ, которые не входили въ кругъ церковныхъ пѣснопѣній. Съ концомъ февраля 1863 г. въ отношеніяхъ Фелинскаго съ Лубенскимъ стало замѣтно нѣкоторое охлажденіе. Въ мартѣ архіепископъ задумалъ послать императору Александру II пресловутое письмо, въ которомъ требовалъ разорвать связь, соединяющую Польшу съ Россіею, сохранивъ лишь одинъ династическій союзъ. Лубенскій, ознаком-

*

ленный съ содержаніемъ письма, не совѣтовалъ его посылать. Фелинскій его не послушалъ, вручилъ письмо намѣстнику, которымъ въ то время былъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Вел. князь, прочитавъ письмо, сказалъ Фелинскому, что въ такой редакціи отправить его своему брату не можетъ. Архіепископъ возражалъ въ защиту своего письма и въ заключеніе сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ вынужденъ послать его по почтѣ. Тогда великій князь, проникнутый самыми лучшими чувствами къ архіепископу и къ несчастному краю, взялъ изъ рукъ Фелинскаго письмо, заперъ его въ письменный столъ, и сказалъ, что никому его не покажетъ, что подождетъ десять дней, пока архіепископъ успокоится и обсудитъ свой поступокъ хладнокровно, но что, если, по истеченіи десяти дней, архіепископъ пожелаетъ, чтобы письмо было отослано,—онъ его отошлетъ въ Петербургъ. Архіепископъ также далъ слово, что до тѣхъ поръ никто отъ него ничего объ этомъ не узнаетъ. Это письмо, однако, появилось какимъ-то образомъ въ оффиціальной французской газетѣ „Moniteur officiel". Предполагаютъ, что тѣ, которые подбили Фелинскаго написать письмо государю, сняли съ него копію и послали въ Парижъ и что Наполеонъ III, для своихъ цѣлей, приказалъ его опубликовать [1]). Черезъ десять дней снова пріѣхалъ въ Лазенки архіепископъ и попросилъ великаго князя отослать письмо. Вел. кн. спокойно его выслушалъ и обѣщалъ исполнить его просьбу. Письмо отправили въ Петербургъ. Въ іюнѣ того же года архіепископа Фелинскаго вызвали въ Петербургъ. Лубенскій телеграфировалъ своему брату Томашу встрѣтить архіепископа на вокзалѣ. Но напрасно ожидали Фелинскаго гр. Т. Лубенскій и г-жа Жувъ... Когда поѣздъ пришелъ въ Гатчину, архіепископа задержали и предложили ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Г-жа Жувъ, узнавъ о причинѣ неприбытія архіепископа, отправилась въ Гатчину на извозчикѣ, гдѣ и нашла его. Гр. Лубенскій поѣхалъ въ Гатчину на слѣдующій день и его уже къ архіепископу не допустили. Черезъ нѣсколько дней государь послалъ въ Гатчину, къ Фелинскому, статсъ-секретаря Платонова съ тѣмъ, чтобы еще разъ обратить вниманіе варшавскаго архіепископа на несоотвѣтственность его поступка съ его званіемъ, склонить его или составить новое письмо, въ которомъ бы Фелинскій отказался отъ солидарности съ тѣми, которые огласили его первое письмо за границею, или, по крайней мѣрѣ, смягчить ту часть письма, которая касалась государственно-правовыхъ отношеній и династіи.

---

[1]) Ходили тогда слухи, будто письмо это составилъ помѣщикъ ломжинскаго уѣзда Діонизій Скаржинскій, архіеп. Фелинскій только его переписалъ и подписалъ.

Въ отвѣтъ на это Фелинскій, въ новомъ письмѣ, еще болѣе категорично высказалъ свои политическіе взгляды и домогательства. Тогда послѣдовало распоряженіе отправить его на жительство въ Ярославль. Лубенскій писалъ ему въ Ярославль, прося прислать въ Римъ и въ Петербургъ одновременно просьбы объ увольненіи съ архіепископской каѳедры. Но Фелинскій проявилъ въ данномъ случаѣ слѣпое упорство, характеризующее партію Замойскаго. Послѣ Лубенскій и Фелинскій состояли долго въ перепискѣ между собою, но лично уже больше не видались [1]).

Когда пришло изъ Рима извѣстіе, что папа утвердилъ избраніе Лубенскаго епископомъ, возникъ вопросъ относительно формулы присяги, которую надлежало вновь избранному епископу принести на вѣрность монарху.

Въ формулѣ присяги были два пункта, съ которыми убѣжденія Лубенскаго не согласовались. Въ одномъ пунктѣ заключалась клятва въ томъ, что епископъ отказывается отъ мысли обращенія православныхъ царскихъ подданныхъ въ католицизмъ. А въ другомъ,—что епископъ обязывается доносить начальству о всякихъ замыслахъ противъ цѣлости и безопасности государства, какими бы путями онъ о томъ ни узналъ, не исключая и исповѣди. Первый пунктъ былъ уже предметомъ обсужденія при заключеніи конкордата съ папою въ 1847 г. Но тогда, какъ кажется, стороны ни къ какому окончательному рѣшенію не пришли, такъ какъ спорный пунктъ значится внесеннымъ подъ № 12 въ протоколъ, подписанный кардиналомъ Лямбрускини, гр. Блудовымъ и Бутеневымъ. Лубенскій писалъ въ Варшаву, что такой присяги онъ не можетъ принести, что глава церкви и монархъ возлагаютъ на него обязанности, которыя не согласуются съ его совѣстію и не отвѣчаютъ довѣрію, которое самымъ назначеніемъ ему оказываютъ. Первый пунктъ противорѣчитъ основой мысли католическаго священства—научать всѣ народы. Второй оскорбляетъ его лично, какъ высокаго государственнаго сановника, требуя отъ него того, что приличествуетъ полицейскому агенту или простому шпіону... Власти отвѣтили, что мѣнять текста присяги онѣ не имѣютъ права, что до сихъ поръ всѣ католическіе епископы безъ всякихъ возраженій приносили присягу по этому тексту. Тогда Лубенскій обратился съ прошеніемъ къ государю, приложивъ къ прошенію текстъ, имъ же составленной, присяги. Императоръ Александръ II, прочитавъ прошеніе, собственноручно на немъ написалъ: „присяга должна быть выполнена по этой формѣ." По этой формѣ принесли присягу Лубен-

[1]) Фелинскій, получивъ амнистію, выѣхалъ за границу. Ум. въ Краковѣ въ 1895 году.

скій, В. Попель и ксендзъ (впослѣдствіи епископъ) Генрихъ Коссовскій (послѣдній на должность ректора духовной академіи). Едва уладили одно затрудненіе, какъ возникло другое. Ржондъ народовый, видя, что, несмотря на всѣ его интриги, въ Римѣ состоялось нареченіе Лубенскаго епископомъ, разослалъ секретный циркуляръ ко всѣмъ епископамъ въ Царствѣ Польскомъ, въ которомъ запрещалъ имъ, подъ страхомъ смерти, принимать участіе въ рукоположеніи Лубенскаго въ епископскій санъ. Такое распоряженіе въ то смутное время не было пустою угрозою. Многимъ еще памятна кровавая дѣятельность жандармовъ-вѣшателей... Будучи поставленъ въ такое затруднительное положеніе, Лубенскій просилъ разрѣшенія правительства съѣздить въ Римъ, или въ Познань и тамъ получить епископское рукоположеніе. Въ этомъ ходатайствѣ ему отказали. Попытки его уговорить мѣстныхъ епископовъ не удались. Вел. кн. Константинъ Николаевичъ предлагалъ Лубенскому доставить въ Варшаву епископовъ подъ охраною войскъ. Но на это не соглашался самъ Лубенскій. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ отложить свое рукоположеніе въ епископскій санъ до болѣе удобнаго времени и вступить въ управленіе епархіею.

Въ первыхъ числахъ октября 1863 г. нареченный епископъ гр. Лубенскій выѣхалъ изъ Варшавы въ свою епархію, въ сопровожденіи капеллана, кс. Карла Болдока. Сейнская или августовская епархія— одна изъ молодыхъ епархій въ Царствѣ Польсломъ. Расположена она среди большихъ лѣсовъ Августовской или Сувалкской губерніи. Въ описываемое время лѣса служили притономъ для повстанческихъ бандъ. Вслѣдствіе чего М. Н. Муравьевъ, занятый подавленіемъ возстанія на Литвѣ, возбудилъ ходатайство предъ высшею властію о включеніи Августовской губерніи въ районъ губерній, состоявшихъ подъ его управленіемъ. Духовенство, находясь подъ управленіемъ администратора епархіи, кс.-каноника Хоинскаго, человѣка почтеннаго, но слабаго, сплошь и рядомъ себя компрометтировало въ глазахъ правительства. Вотъ почему Лубенскій поспѣшилъ выѣхать въ Сейны. До Гродно епископъ доѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Переночевавъ у мѣстнаго декана, кс. Гинтовта (умеръ въ санѣ митрополита р.-католическихъ церквей въ Россіи), Лубенскій, на другой день, выѣхалъ въ каретѣ въ Сейны. Въ лѣсу за Сапоцкиномъ карету остановилъ сильный отрядъ повстанцевъ. Епископъ вышелъ изъ кареты. Выслушавъ упреки начальника отряда отъ имени Ржонда народоваго за его несоотвѣтственный со взглядами Ржонда образъ дѣйствій, онъ отвѣтилъ на нихъ краткимъ словомъ, въ которомъ коснулся христіанскихъ обязанностей человѣка, начерталъ печальный образъ возстанія и закончилъ указаніемъ на необходимость вернуться къ тихой, спокойной, обыден-

ной дѣятельности. Кончилось тѣмъ, что повстанцы слѣзли съ лошадей, пали наколѣни и попросили пастырскаго благословенія. Затѣмъ, они окружили карету и экскортировали ее до самыхъ почти Сейнъ, предупредивъ такимъ образомъ возможность непріятной встрѣчи съ другими бандами, которыя постоянно бродили въ этой лѣсистой мѣстности. Въ Сейны пріѣхавъ въ 10 час. утра, Лубенскій приказалъ ѣхать прямо къ костелу. Начиналась обѣдня. Народъ во множествѣ наполнялъ храмъ. Былъ праздникъ Рожанцевой Божіей Матери и отпустъ. Лубенскій, облеченный въ фіолетовую одежду, прошелъ по срединѣ костела къ главному алтарю и здѣсь распростерся ницъ передъ св. Дарами. Поднявшись, приказалъ снять покровъ съ епископскаго сѣдалища, сѣлъ на немъ и сказалъ прочувствованное слово собравшемуся народу. Онъ обратилъ вниманіе на тѣ опасности, среди которыхъ приходится жить, побуждалъ подражать добродѣтелямъ предковъ, хранить вѣру, почерпая въ Богѣ надежду и силу. „Я—вашъ пастырь—закончилъ свою рѣчь епископъ—вѣрный своему призванію, никогда не оставлю васъ и собою явлю примѣръ. А если бы мнѣ пришлось принять мученическую смерть, то я готовъ, по примѣру древнихъ христіанъ, пролить свою кровь за церковь и родину". Народъ, не видавшій епископа уже 17 лѣтъ, былъ ошеломленъ всѣмъ, что теперь видѣлъ и слышалъ... По окончаніи богослуженія епископъ перешелъ въ капитулярій, предъявилъ собравшемуся духовенству папскую буллу и объявилъ о своемъ вступленіи въ управленіе епархіею. Въ отвѣтъ на это членъ соборнаго капитула, прелатъ Буткевичъ, старавшійся всѣми силами, не разбирая средствъ, достигнуть епископства, въ отборныхъ выраженіяхъ, обратилъ вниманіе Лубенскаго на то, что предварительно вступленія въ управленіе епархіею необходимо избраніе его капитуломъ. Епископъ спокойно ему возразилъ, что каноническое право этого не требуетъ, что онъ уже фактически вступилъ въ управленіе епархіею и что ему было бы весьма прискорбно, если бы на первыхъ же порахъ пришлось привлечь къ отвѣтственности, за неповиновеніе согласно каноническому праву, членовъ капитула своей епархіи, которые должны служить примѣромъ низшему клиру. Давъ капитулу полчаса времени для разсмотрѣнія своихъ документовъ, епископъ Лубенскій пошелъ въ костелъ, помолиться. Когда онъ вернулся, члены капитула встрѣтили его поздравленіями.

Епископъ поселился въ зданіи семинаріи, бывшемъ монастырѣ доминикановъ. Онъ занялъ три небольшія кельи, двѣ для себя и одну для своего капеллана. Устроивъ епархіальныя дѣла, которыя не терпѣли отлагательства, епископъ отправился въ Сувалки, административный центръ губерніи,—познакомиться съ губернаторомъ и

военнымъ начальникомъ, съ которыми ему предстояло имѣть дѣла. Во время пребыванія его въ Сувалкахъ, мѣстному настоятелю, кс.—канонику Вержбовскому, впослѣдствіи преемнику Лубенскаго на сейнской каѳедрѣ, дали знать, чтобы на другой день, утромъ, пришелъ въ тюрьму какой-нибдь ксендзъ напутствовать приговореннаго къ смерти повстанца. На слѣдующій день епископъ самъ отправился въ тюрьму и напутствовалъ несчастнаго. Когда онъ, потомъ, былъ съ визитомъ у военнаго начальника, послѣдній замѣтилъ, что дать религіозное утѣшеніе осужденному составляло обязанность низшаго мѣстнаго духовенства, а не епископа.

Лубенскій возразилъ ему на это, что заботиться о душахъ пасомыхъ—его, епископа, дѣло, что повстанецъ долженъ быть великимъ грѣшникомъ, если его приговариваютъ къ смерти, что поэтому онъ и считалъ долгомъ обстоятельно напутствовать его, дабы и смерть вѣчная не стала его удѣломъ, что, не зная еще достаточно своего духовенства, онъ предпочиталъ самъ исполнить этотъ долгъ. Военный начальникъ, вслѣдствіе этого случая, задержалъ приведеніе въ исполненіе приговора, донесъ обо всемъ въ Вильну, Муравьеву; и дѣло затянулось и, наконецъ, пришло приказаніе сослать обвиненнаго въ Сибирь. Объ этомъ военный начальникъ пріѣзжалъ лично сообщить епископу.

Скоро обстоятельства потребовали знакомства епископа и съ Муравьевымъ. Вступивъ въ управленіе епархіею, епископъ потребовалъ отъ подчиненнаго ему духовенства, чтобы никакія и ничьи распоряженія безъ его, епископа, письменнаго разрѣшенія, не были оглашаемы съ каѳедры въ костелахъ. Строгая эпитимія грозила ослушникамъ. Распоряженіе это имѣло важное значеніе, такъ какъ такими именно средствами пользовались вожди возстанія. Но случилось, что къ такому же средству вздумали прибѣгнуть и правительственныя власти. Свои приказы, направленные противъ повстанцевъ, онѣ разослали настоятелямъ приходовъ съ тѣмъ, чтобы тѣ прочитали ихъ, каждый въ своемъ костелѣ, въ первое воскресенье. Разосланный приказъ содержалъ въ себѣ текстъ пастырскаго посланія жмудскаго епископа Волончевскаго, въ которомъ порицалось возстаніе. Посланіе было написано подъ вліяніемъ Муравьева. Послѣдній, добившись включенія Августовской губерніи въ районъ находившагося въ его управленіи с.-з. края, приказалъ военнымъ властямъ разослать посланіе еп. Волончевскаго по костеламъ сейнской епархіи, для прочтенія. Ксендзы, за исключеніемъ одного, отказались читать присланные имъ приказы. Непослушнаго ксендза Лубенскій вызвалъ на свой судъ. Ксендзъ, подъ разными предлогами, не являлся. Тогда епископъ потребовалъ его черезъ уѣзднаго начальника. Перепуганный настоя-

тель самъ пріѣхалъ и повинился во всемъ. Епископъ отправилъ его на двѣ недѣли въ монастырь. Объ этомъ доложили Муравьеву. Муравьевъ по телеграфу вызвалъ къ себѣ епископа. По поводу пастырскаго посланія еп. Волончевскаго, Лубенскій объяснилъ Муравьеву, что ввѣренное ему стадо въ дѣлахъ религіозныхъ должно слушать только его одного, что его обязанность заключается въ томъ, чтобы поддерживать въ духовенствѣ строгій порядокъ, поэтому, онъ не можетъ допустить, чтобы съ церковной каѳедры читали какія-либо объявленія безъ его разрѣшенія. Что касается посланія еп. Волончевскаго, то онъ его не порицаетъ, не хвалитъ, потому что содержанія его не знаетъ, но что, когда найдетъ нужнымъ, тогда онъ самъ обратится къ своему стаду, а пока не можетъ позволить, чтобы съ послѣднимъ говорили словами инаго пастыря. Въ заключеніе, когда генералъ-губернаторъ позволилъ выразить сомнѣніе въ вѣрноподданническихъ чувствахъ епископа, послѣдній сказалъ, что ни за нимъ и ни за кѣмъ въ свѣтѣ онъ не признаетъ права дѣлать ему подобные упреки, что, присягнувъ на вѣрность государю, онъ отдаетъ себя на его судъ, если его поведеніе въ чемъ-либо вызываетъ подозрѣніе. Муравьевъ сразу перемѣнилъ тонъ разговора. Любезно простился и извинился въ томъ, что безпокоилъ вызовомъ въ Вильну.

Озабоченный вопросомъ о своемъ рукоположеніи, Лубенскій послалъ одного ксендза въ Яновъ къ еп. Шиманскому, узнать, не согласится ли онъ у себя исполнить этотъ священный обрядъ. Получивъ благопріятный отвѣтъ, Лубенскій послалъ другаго ксендза въ Ловичъ— просить еп. Плятера прибыть на церемонію, на что тотъ также согласился. Въ началѣ декабря 1863 г. черезъ Ломжу и Тыкоцинъ Лубенскій отправился въ Яновъ. Между тѣмъ, еп. Плятеръ заболѣлъ. Снова пришлось искать другаго епископа. Люблинскій епископъ Барановскій согласился пріѣхать въ Яновъ. Въ ожиданіи прибытія еп. Барановскаго, Лубенскій съѣздилъ въ Бѣлу, отстоящую въ нѣсколькихъ миляхъ, поклониться св. мощамъ Іосафата Кунцевича, архіепископа полоцкаго, замученнаго въ 1623 г. Останки его были погребены въ алтарѣ костела базиліанскаго монастыря. Лубенскій отслужилъ обѣдню, обратился со словомъ назиданія къ послушникамъ, убѣждая ихъ мужественно отстаивать свою вѣру. Настоятель монастыря, между прочимъ, разсказалъ ему о попыткѣ выкрасть мощи святаго, которая, впрочемъ, не удалась.

20-го декабря состоялось въ Яновѣ торжественное рукоположеніе Лубенскаго въ санъ епископа. Участвовали въ немъ: епископъ подляскій, капуцинъ Веніаминъ Шиманскій, его суффраганъ—Тваровскій и люблинскій еп.-суффраганъ Барановскій. Отъѣзжая въ Яновъ, Лубенскій увѣдомилъ объ этомъ гр. Берга, который въ качествѣ на-

мѣстника заступалъ вел. кн. Константина Николаевича. Мѣстный военный губернаторъ, по приказанію изъ Варшавы, прислалъ отрядъ войска, опасаясь нападенія повстанцевъ, которые незадолго передъ тѣмъ занимали Яновъ. Гражданскій губернаторъ командировалъ чиновника высшаго ранга для выслушанія присяги епископа на вѣрность государю. Присутствовалъ также военный генералъ, начальникъ расположенныхъ въ окрестностяхъ войскъ. Помѣщиковъ собралось не много вслѣдствіе затрудненій съ паспортами, зато простой людъ переполнялъ храмъ. Изъ родственниковъ епископа присутствовали его отецъ и племянникъ гр. Павелъ Лубенскій.

По возвращеніи въ Сейны, Лубенскій рѣшилъ приступить къ капитальному ремонту каѳедральнаго костела. Сейнскій костелъ и при немъ монастырь доминикановъ построилъ въ 1602 г. Георгій Грудзинскій, владѣтель Сейнъ.

Работы обошлись больше, чѣмъ въ 13.000 руб., при чемъ значительную часть этой суммы пожертвовалъ самъ Лубенскій.

Второю заботою епископа Лубенскаго было устройство клира. Не легко это ему досталось. Помощниковъ у него въ этомъ дѣлѣ не было. Прелатъ Буткевичъ съ самаго начала, какъ мы знаемъ, всталъ въ оппозицію. Оставалось одно—самому лично знакомиться съ духовенствомъ. Съ этою цѣлью епископъ предпринялъ объѣздъ епархіи.

Семинарія тоже находилась въ плачевномъ состояніи. Въ нижнемъ этажѣ по-монастырскаго зданія помѣщались конюшни и хлѣвы, а часть зданія, въ которомъ жили семинаристы, была отдана подъ квартиры публичныхъ женщинъ... Преподаваніе шло далеко неудовлетворительно.

Всѣ недостатки и упущенія были исправлены имъ въ короткое время.

Возстаніе стало утихать. М. Н. Муравьевъ рѣшилъ приступить къ новой организаціи края. Но, предварительно, задумалъ представить государю адресъ отъ имени населенія Литвы съ выраженіемъ раскаянія и съ просьбою о забвеніи вины. Адресъ этотъ должна была представить Муравьеву, въ Вильнѣ, депутація, составленная изъ духовенства, шляхты, мѣщанъ, крестьянъ и евреевъ. Пока Лубенскій ѣздилъ въ Яновъ, въ Августовской губерніи начали собирать подписи для адреса. И, вотъ, когда на возвратномъ пути епископъ остановился въ Сувалкахъ, мѣстный губернаторъ пригласилъ его къ себѣ, для подписанія адреса. Лубенскій отказалъ подписаться. Отказъ мотивировалъ тѣмъ, что часть духовенства его епархіи дѣйствительно скомпрометтировала себя своимъ участіемъ въ народномъ движеніи, поэтому и адресъ государю могъ бы быть поданъ лишь отъ этого

именно духовенства. Но для этого властямъ надлежало снестись съ нимъ, епископомъ, какъ главою духовенства, относительно необходимости посылки такого адреса и содержанія послѣдняго. Въ такомъ адресѣ подпись его должна находиться на первомъ мѣстѣ, помѣщеніе же ея на 6 или 7 страницѣ, послѣ подписей очень многихъ, занимающихъ различныя положенія, лицъ уже не имѣло бы такого значенія, а носило бы только личный характеръ. Между тѣмъ, онъ никакого участія въ возстаніи не принималъ, не поддерживалъ его, не симпатизировалъ ему, поэтому, ни только не можетъ просить о забвеніи вины, но даже не можетъ и признаваться въ ней безъ оскорбленія правды, которая является первою его обязанностью въ отношеніи монарха. Въ заключеніе Лубенскій прибавилъ, что онъ готовъ составить отдѣльный адресъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Написалъ адресъ и послалъ его Муравьеву для представленія государю. Въ адресѣ своемъ епископъ, выразивъ чувства вѣрноподданнической преданности монарху и сожалѣніе по поводу происшедшихъ въ краѣ событій, ясно представилъ нужды римско-католической церкви и упомянулъ о ея правахъ. Отказъ подписать адресъ, о чемъ губернаторъ донесъ въ Вильну, произвелъ тамъ—какъ и слѣдовало ожидать—непріятное впечатлѣніе.

Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство.

Возвращаясь изъ Янова, епископъ Лубенскій остановился въ Ломжѣ. На другой день предстояла смертная казнь черезъ разстрѣляніе двухъ повстанцевъ. Просьбу епископа о помилованіи ихъ не уважили. Ему только разрѣшили приготовить ихъ къ смерти. Епископъ отправился въ тюрьму, исповѣдалъ осужденныхъ и подкрѣпилъ ихъ духъ словами утѣшенія. Передъ зданіемъ тюрьмы собралась большая толпа народа. Обратившись къ ней, Лубенскій сказалъ: „теперь, дѣти, пойдемъ въ костелъ помолиться за умирающихъ!“ Толпа съ плачемъ бросилась за епископомъ. Скоро костелъ не могъ вмѣстить всѣхъ, желавшихъ помолиться. Передъ главнымъ алтаремъ епископъ громко прочиталъ положенныя молитвы за умирающихъ. Когда раздались выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что казнь уже совершилась, епископъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ: „вѣчный покой подай имъ, Господи!“ По этому поводу епископу предъявили отъ имени губернатора 29 вопросныхъ пунктовъ, требуя на нихъ письменнаго отвѣта. „Пункты“ привезъ въ Сейны, нарочно командированный, какой-то бригадный казачій генералъ изъ состоящихъ въ распоряженіи ген.-губернатора с.-з. края. Лубенскій отказался дать письменный отвѣтъ. Онъ обратилъ вниманіе генерала на то, что въ дѣла духовныя, въ отношеніи его, епископа, къ своему стаду никто не имѣетъ права вмѣшиваться, что онъ, какъ епи-

скопъ въ духовной іерархіи стоитъ выше губернатора и поэтому, послѣдній отъ него, какъ отъ лица выше стоящаго, не имѣетъ права требовать объясненій, но что онъ готовъ каждую минуту отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ государю. Такой отвѣтъ удовлетворилъ генерала, который на все смотрѣлъ черезъ очки военной субординаціи, только въ Вильнѣ остались имъ недовольны. Муравьевъ, получивъ донесеніе о происшествіи въ Ломжѣ, рапортъ губернатора объ отказѣ Лубенскаго подписать общій всеподданнѣйшій адресъ и адресъ, составленный епископомъ, приказалъ послѣднему немедленно явиться къ нему, въ Вильну.

Отправляясь въ Вильну, еп. Лубенскій не разсчитывалъ вернуться обратно. Онъ не сомнѣвался, что его вышлютъ. Поэтому, сдѣлалъ всевозможныя распоряженія, взялъ съ собою побольше вещей и даже вызвалъ изъ Петербурга, по телеграфу въ Вильну, брата Томаша, чтобы проститься съ нимъ. По пріѣздѣ въ Вильну, къ епископу явился сенаторъ Булычевъ, состоявшій въ распоряженіи Муравьева. Онъ сообщилъ о часѣ пріема и совѣтовалъ гр. Томашу также представиться главному начальнику края. На другой день, призвавъ на помощь Остробрамскую Царицу Небесную, Лубенскій вмѣстѣ съ братомъ, отправился въ епископскій дворецъ, гдѣ тогда жилъ Муравьевъ.

Сурово встрѣтилъ на этотъ разъ Муравьевъ епископа. Началъ онъ разговоръ съ того, что обратилъ вниманіе Лубенскаго на ту выгоду, которая ожидаетъ его и цѣлый край, если онъ пойдетъ рука объ руку съ нимъ. Видя, что епископъ молчитъ, Муравьевъ перемѣнилъ разговоръ и предложилъ подписать общій адресъ. Лубенскій отказался, приведя тѣ же, извѣстные намъ, мотивы. Тогда Муравьевъ сталъ стараться вызвать у него признаніе въ томъ, что мѣстныя власти вымогаютъ силою у населенія подписи. На это Лубенскій отвѣтилъ обиняками такъ осторожно, что изловить его на словахъ Муравьеву не удалось... Епископъ, въ свою очередь, спросилъ Муравьева: отослалъ ли онъ въ Петербургъ его адресъ? Въ отвѣтъ на это Муравьевъ вынулъ изъ ящика адресъ епископа, прочиталъ его вслухъ и пришелъ въ неописанную ярость при упоминаніи о притѣсненіяхъ римско-католической церкви и края. Епископъ старался его успокоить, обѣщая переписать адресъ. Муравьевъ согласился. Стали обсуждать текстъ. Муравьевъ настаивалъ, чтобы въ адресѣ не было никакихъ упоминаній о притѣсненіяхъ римско-католической церкви и края, также обращенія къ справедливости и великодушію монарха. Епископъ, съ своей стороны, не соглашался признаваться въ какой бы то ни было винѣ, доказывалъ, что таковой за собою не чувствуетъ. Въ результатѣ явилось письмо епископа къ государю,

заключавшее въ общихъ чертахъ выраженіе его вѣрноподданническихъ чувствъ. Такое письмо не удовлетворило Муравьева. Объ этомъ онъ объявилъ тутъ же епископу и далъ ему еще „подумать" нѣсколько часовъ. Затѣмъ любезно проводилъ его до пріемной залы, гдѣ ожидали „диктатора Литвы" просители, чиновники съ докладами и представлявшіеся. Въ числѣ послѣднихъ находился гр. Томашъ Лубенскій. Муравьевъ, узнавъ отъ него, что онъ пріѣхалъ повидаться съ братомъ, отозвался о послѣднемъ съ большой похвалою. Между тѣмъ, епископъ твердо рѣшилъ не уступать. На другой день, въ 4 часа утра, Муравьевъ призвалъ къ себѣ адъютанта, приказалъ ему разбудить въ 5 час. утра еп. Лубенскаго и объявить ему, чтобы немедленно отправлялся въ Сейны. Письмо къ государю Муравьевъ впослѣдствіи напечаталъ въ газетахъ въ измѣненной нѣсколько редакціи. Недруги епископа воспользовались этимъ и сообщили текстъ письма въ Римъ.

Кардиналъ Антонелли въ письмѣ къ Лубенскому выразилъ сожалѣніе, что послѣдній въ своемъ адресѣ не коснулся нарушенія правъ католической церкви. На это епископъ представилъ обстоятельное объясненіе.

Приключеніе съ адресомъ побудило епископа глубже вникнуть въ разсмотрѣніе вопроса относительно той части духовенства сейнской епархіи, которая скомпрометтировала себя въ глазахъ правительства выраженіемъ сочувствія повстанцамъ. Уличенныхъ въ этомъ ксендзовъ онъ перемѣстилъ въ дальніе приходы. Этимъ онъ спасалъ ихъ вдвойнѣ: убиралъ съ глазъ свѣтской власти и лишалъ возможности впредь себя компрометтировать.

19-го февраля стараго стиля 1864 г. объявлено освобожденіе крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ сейнской епархіи были крестьяне, проживавшіе на приходскихъ и монастырскихъ земляхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ числу духовныхъ имуществъ принадлежало право пропинаціи, т. е. исключительной торговли напитками. Лубенскій былъ того мнѣнія, что предварительно измѣненія правъ духовныхъ крестьянъ—правительству надлежало снестись по этому предмету, если не съ апостольскою столицею, то во всякомъ случаѣ съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ и испросить согласіе на такое измѣненіе. Свои соображенія епископъ изложилъ въ письмѣ генералу Крыжановскому, присланному въ Сувалкскую губернію вводить новое положеніе. Муравьевъ, разсерженный протестомъ, выразилъ ему оффиціальнымъ путемъ свое неудовольствіе. Вскорѣ послѣ того епископъ отправился въ Варшаву. Поѣхалъ на лошадяхъ, желая, кстати, по пути посѣтить костелы своей епархіи. На другой день по выѣздѣ получилъ депешу отъ Муравьева. Послѣдній требовалъ его возвра-

щенія назадъ, въ виду того, что „въ епархіи, вслѣдствіе отсутствія епископа, не совсѣмъ спокойно“.

Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 19-го октября 1863 г., великій князь Константинъ Николаевичъ уволенъ отъ должности намѣстника Царства Польскаго. Власть его перешла къ гр. Бергу. Рескриптъ обѣщалъ возвращеніе великаго князя послѣ усмиренія возстанія. Въ ожиданіи этого, великій князь проводилъ время то въ Петербургѣ, то въ его окрестностяхъ.

Между тѣмъ, изданіе указа 19-го февраля 1864 г., а особенно созданіе учредительнаго комитета явились симптомами новаго порядка управленія въ Царствѣ Польскомъ. Тогда великій князь выѣхалъ за границу, для поправленія здоровья. Гр. Томашъ Лубенскій телеграфировалъ брату изъ Петербурга о днѣ и часѣ выѣзда изъ столицы великаго князя. Лубенскій зналъ, что великій князь относится къ нему симпатично и имѣетъ большое вліяніе на государя. Поэтому рѣшилъ представиться великому князю и, если удастся, „открыть ему глаза“ на дѣятельность Муравьева. На ст. Мавруци, слѣдующей за Ковно, онъ встрѣтилъ великаго князя. Константинъ Николаевичъ очень ласково его принялъ, пригласилъ въ свой вагонъ и до самой границы, т. е. Вержболова, они провели время въ оживленной бесѣдѣ. Великій князь съ большимъ интересомъ слушалъ разсказы епископа о положеніи края и объ управленіи Муравьева. Лубенскій умолялъ великаго князя исходатайствовать у государя императора возвращеніе Августовской губерніи подъ управленіе Царства Польскаго. Великій князь обѣщалъ исполнить просьбу. Муравьевъ остался страшно недоволенъ, когда узналъ о свиданіи еп. Лубенскаго съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Немедленно телеграфировалъ епископу, чтобы тотъ впередъ ни подъ какимъ видомъ не оставлялъ Сейнъ. Епископъ отвѣтилъ Муравьеву, что требованія его не исполнитъ, такъ какъ обязанъ посѣщать свою епархію, этого требуютъ отъ него и папа и государь. Тогда Муравьевъ телеграфировалъ, чтобы епископъ не выѣзжалъ изъ Сейнъ безъ предварительнаго каждый разъ увѣдомленія объ этомъ губернатора. И, вотъ, съ тѣхъ поръ, всякій разъ, какъ только Лубенскій садился въ экипажъ, хотя бы ѣхалъ на прогулку,—экипажъ окружали казаки, не пускали далѣе 7 верстъ отъ города и никуда не позволяли заѣзжать... Тѣмъ временемъ шла ломка административнаго управленія Августовской губерніи. Увольняли прежнихъ чиновниковъ, назначали новыхъ. Муравьевъ началъ вмѣшиваться въ судопроизводство... Какъ вдругъ, при проѣздѣ своемъ за границу, императоръ Александръ II, котораго Муравьевъ встрѣтилъ на одной изъ станцій, объявилъ, что Августовскую губернію надобно передать подъ управленіе Царства Польскаго. На

границѣ Царства, подъ Ковно, ожидалъ государя намѣстникъ, графъ Бергъ. Императоръ, поздоровавшись, обратился къ нему со словами:

— Я снизошелъ къ вашему желанію и вернулъ подъ ваше управленіе Августовскую губернію.

Графъ Бергъ, хотя и не дѣлалъ по этому предмету никакихъ представленій, не желая ссориться съ Муравьевымъ, но, какъ тонкій царедворецъ, не проявилъ ни малѣйшаго удивленія и съ выраженіемъ величайшаго почтенія поблагодарилъ государя за милость. Оказалось, что великій князь Константинъ Николаевичъ не забылъ просьбы еп. Лубенскаго.

Въ маѣ 1864 г. Лубенскій пріѣхалъ въ Варшаву. Здѣсь ему пришлось познакомиться съ новымъ русскимъ дѣятелемъ въ Польшѣ, кн. В. А. Черкасскимъ. „Черкасскій принадлежалъ къ той группѣ русскихъ молодыхъ мечтателей, которые считали цивилизацію запада уже отжившею свой вѣкъ, „сгнившею", какъ они любили выражаться, и находили необходимымъ стремиться къ распространенію въ мірѣ новой цивилизаціи, въ основу коей должны были лечь преданія и обычаи русскіе, вѣрнѣе, московскіе".

Правительство смотрѣло на нихъ снисходительно, общество относилось равнодушно. Когда вспыхнуло польское возстаніе, мечтатели предложили правительству свои услуги. Правительство, считая ихъ—какъ бы то ни было—вполнѣ русскими людьми, рѣшило послать въ Польшу и Литву. Они потянули за собою цѣлую фалангу чиновниковъ, своихъ единомышленниковъ, или только старавшихся прикинуться такими, ради созданія карьеры. Богатый край раздражалъ ихъ аппетитъ... Новые культуртрегеры начали съ того, что стали ломать „прежніе порядки" и водворять на ихъ мѣсто свои, новые. Къ ихъ дѣятельности правительство относилось сначала безразлично, когда же они приступили къ осуществленію своихъ идей, то оно уже не выдержало и всѣхъ ихъ устранило отъ власти.

Кн. Черкасскій появился въ Варшавѣ въ качествѣ главнаго директора правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Это былъ человѣкъ еще молодой и очень пылкій. При первой же встрѣчѣ съ еп. Лубенскимъ впалъ въ откровенность и открылъ ему свои взгляды и планы. Онъ упрекалъ польское духовенство въ недостаткѣ патріотизма. „Правительственная власть—пояснялъ князь свою мысль—стремится къ организаціи національныхъ церквей и будущность будетъ принадлежать тѣмъ, которые посвятятъ себя осуществленію этой мысли". По его мнѣнію, человѣкъ съ такимъ положеніемъ и способностями, какъ Лубенскій, при такомъ умственномъ движеніи, при новой организаціи могъ бы встать сразу на самой высокой іерархической ступени. Епископъ отвѣтилъ на это князю

изложеніемъ ученія „о единствѣ и высотѣ римско-католической церкви, въ лонѣ которой, какъ единой хранительницы истинной вѣры Христовой, исключительно возможно спасеніе человѣческихъ душъ". Тутъ только Черкасскій увидѣлъ, что въ разговорѣ съ католическимъ епископомъ попалъ впросакъ. Молча выслушалъ и разстался съ Лубенскимъ очень любезно. Но съ этого же времени почувствовалъ къ епископу непримиримую вражду. Отношенія между ними, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, обострились до крайности. Лубенскій видѣлъ въ Черкасскомъ опаснаго врага и для себя, и для всей римско-католической церкви.

„Надо благодарить Бога—говаривалъ не разъ епископъ,—что не долго продолжалось господство Черкасскаго и его партіи. Отъ людей съ взглядами подобнаго рода можно было ожидать всего". Высылка епископовъ изъ края при управленіи Черкасскаго, была введена въ систему. Организація національной церкви при современномъ положеніи дѣлъ могла достигнуть своего осуществленія. Въ рядахъ тогдашняго католическаго духовенства навѣрное нашлись бы люди, которые были бы не прочь продать независимость своей церкви за чечевичную похлебку...

Теперь, когда, по соображеніямъ Лубенскаго, опасность грозила не однѣмъ единичнымъ личностямъ, но всей римско-католической церкви, онъ нашелъ нужнымъ быть болѣе осторожнымъ. „Нѣтъ ничего легче—говаривалъ онъ,—какъ поссориться съ мѣстнымъ губернаторомъ и этимъ дать предлогъ себя выслать, но гораздо труднѣе, не дѣлая уступокъ, сидѣть на мѣстѣ, мучиться, бороться, хлопотать, для того, чтобы не оставить эту бѣдную епархію, этотъ бѣдный край, столько непросвѣщенныхъ и столько заблуждающихся безъ пастыря и учителя, дарованнаго имъ Богомъ". Этимъ объясняется, почему епископъ Лубенскій не сочувствовалъ всякимъ безсмысленнымъ и безсильнымъ манифестаціямъ и почему въ каждомъ трудномъ обстоятельствѣ старался найти возможный выходъ.

27-го октября стараго стиля 1864 г. появился указъ о монашествующемъ духовенствѣ въ Царствѣ Польскомъ. На основаніи указа, большую часть монастырей закрыли, имущество и капиталы конфисковали. На содержаніе очень немногихъ оставшихся монастырей назначили средства изъ казны. Послѣднія были очень ограничены и ихъ едва хватало. Указъ уничтожилъ званіе настоятелей (przełożonych) и зависимость монашествующихъ лицъ отъ „провинціаловъ" и генераловъ орденовъ. Возложилъ на епархіальныхъ преосвященныхъ обязанности надзора и управленія въ монастыряхъ и отмѣнилъ новиціатъ, пока смерть не уменьшитъ числа иночествующихъ до опредѣленной закономъ цифры. Съ изданіемъ указа 27-го октября 1864 г. возникалъ

важный вопросъ: не нарушатъ ли епископы основной привилегіи монашескихъ орденовъ — независимости отъ епархіальной власти (immunitas), подчиняя себѣ монастыри? Всѣ епископы Царства Польскаго порѣшили обратиться за разъясненіемъ въ Римъ. Одинъ Лубенскій, основываясь на постановленіи Тридентскаго собора, что въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, если бы возникли какіе-либо безпорядки въ монастырѣ, а обращеніе къ непосредственной власти стало затруднительнымъ или невозможнымъ, епископы обязаны посѣщать монастыри и даже могутъ подчинить ихъ своей власти [1],—рѣшилъ не дѣлать оппозиціи. Онъ предвидѣлъ возможность назначенія настоятелей отъ правительства, возможность задержки выдачи содержанія монашествующему духовенству, а кромѣ того, не хотѣлъ ставить курію въ новое затруднительное положеніе. Римско-католическая церковь предоставляетъ епископу большую власть и независимость и требуетъ отъ него иниціативы, требуетъ дѣйствія и борьбы, и епископу никогда не слѣдуетъ уклоняться отъ этого. Другое дѣло, если бы свѣтская власть возлагала на епископа обязанности, превышающія его аттрибуцію, тогда дѣятельность его была бы незаконна и тогда онъ въ правѣ былъ бы сказать non possumus.

Тѣмъ не менѣе, получивъ помянутый указъ, епископъ счелъ нужнымъ довести о немъ до свѣдѣнія апостольской столицы и просить уполномочія для приведенія его въ исполненіе. Свой запросъ епископъ направилъ оффиціальнымъ путемъ, черезъ правительственную коммиссію духовныхъ дѣлъ. Директоръ коммиссіи, т. е. тотъ же кн. Черкасскій, возвратилъ запросъ посредствомъ губернатора, требуя измѣненія содержанія и выраженій. Епископъ вернулъ бумагу губернатору. Написалъ гр. Бергу, указавъ на незаконность и неприличіе такого требованія. Предвидя же, что запросъ не дойдетъ до папы, приступилъ къ объѣзду монастырей. Своимъ спутникомъ выбралъ ломжинскаго настоятеля и декана Андрушкевича, предполагая назначить его впослѣдствіи визитаторомъ монастырей, согласно § 21 новаго указа.

Въ сейнской епархіи существовало восемь монастырей. Изъ нихъ правительство оставило четыре: капуциновъ и бенедиктинокъ—въ Ломжѣ, реформатовъ—въ Смолянахъ и маріановъ—въ Маріамполѣ. Послѣдній находился въ исключительномъ положеніи. Орденъ маріановъ основанъ въ 1674 г. піаромъ Станиславомъ Попчинскимъ. Задача его, подобно ордену тринитаріевъ, заключалась въ освобожденіи поляковъ изъ бусурманской неволи. Прочное основаніе ордену положила пренская старостина Франциска Щука, построивъ въ 1765 году, среди лѣсовъ, костелъ и монастырь и отдавъ ихъ маріанамъ. Здѣсь

[1]) Conc. Trid. sess. XXV. Cap. XIII.

возникъ потомъ городъ Маріамполь. Въ Маріамполѣ жилъ „генералъ" ордена. Въ Царствѣ Польскомъ маріане проживали въ семи пунктахъ. По изданіи указа ихъ перевезли въ Маріамполь. При наличности генерала епископъ не могъ вмѣшиваться въ дѣла маріанскаго монастыря. Лубенскій убѣдилъ генерала, человѣка весьма преклоннаго возраста, добровольно сложить съ себя это званіе. Образъ дѣйствій въ этомъ дѣлѣ въ Римѣ одобрили и прочимъ епископамъ поставили въ примѣръ [1]).

Однако, какъ ни старался Лубенскій уклониться отъ противодѣйствія свѣтской власти въ дѣлѣ приведенія въ дѣйствіе указа о монашествующемъ духовенствѣ, все-таки ему пришлось встать въ оппозицію ей въ томъ же вопросѣ, хотя и по другому поводу. Въ январѣ 1865 г. епископъ представилъ ксендза-декана Андрушкевича на должность визитатора монастырей. Кн. Черкасскій отказалъ въ утвержденіи Андрушкевича въ должности, мотивируя тѣмъ, что „кандидатъ епископа не имѣетъ достаточной энергіи для исполненія своихъ обязанностей". У кн. Черкасскаго былъ свой кандидатъ. Епископъ находилъ его кандидата во всѣхъ отношеніяхъ несоотвѣтственнымъ и не соглашался его представить. По этому предмету возникла между ними обширная переписка, завершившаяся въ 1867 г., уже послѣ паденія Черкасскаго, утвержденіемъ въ должности визитатора епископскаго кандидата, настоятеля и декана въ Сувалкахъ, ксендза-каноника Вержбовскаго.

Въ маѣ 1865 г. черезъ Сувалкскую губернію проѣзжалъ государь императоръ съ государынею императрицею изъ-за границы, по смерти наслѣдника престола, вел. кн. Николая Александровича. Изъ писемъ епископа къ брату Томашу, относящихся къ тому времени, видно, что епископъ разсчитывалъ быть представленнымъ императору Александру II во время остановки государя въ Вержболовѣ, и, что въ надеждѣ на это, выѣзжалъ на станцію. Но гр. Бергъ, несмотря на видимое къ нему расположеніе, воздержался почему-то отъ представленія его государю. Всякій разъ, какъ только епископъ заводилъ объ этомъ разговоръ, Бергъ уклонялся отъ него. Это обстоятельство тѣмъ не менѣе не помѣшало тому же Бергу обратиться къ содѣйствію еп. Лубенскаго въ новомъ, довольно серьезномъ вопросѣ.

Послѣ высылки варшавскаго архіепископа Фелинскаго, въ управленіе архіепископіею вступилъ, въ качествѣ администратора, прелатъ Ржевускій. Будучи человѣкомъ недальновиднымъ, Ржевускій объявилъ церковный трауръ. На основаніи каноническаго права западной церкви и правилъ епархіальныхъ польскихъ синодовъ, въ случаѣ,

---

[1]) Пис. еп. Лубенскаго къ брату отъ 31-го мая 1865 года.

если епископъ будетъ насильно сведенъ съ каѳедры, налагается въ епархіи церковный трауръ и послѣдній долженъ оставаться до тѣхъ поръ, пока епископъ не возвратится па каѳедру. Если это будетъ архіепископъ, то трауръ распространяется на цѣлую митрополію. Тогда прекращается звонъ колоколовъ, пѣніе и музыка въ костелахъ, воскресныя процессіи отправляются въ молчаніи. Прелатъ Ржевускій, наложивъ у себя въ епархіи трауръ, поставилъ въ извѣстность всѣхъ епископовъ Царства Польскаго. Лубенскій нашелъ распоряженіе Ржевускаго уже отжившимъ свой вѣкъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ неумѣстнымъ и не объявилъ его въ своей епархіи. Послѣ новаго—1864 года всѣ епископы сняли церковный трауръ. Одинъ Ржевускій не отмѣнилъ его. Въ концѣ іюня 1865 г. Лубенскій былъ въ Варшавѣ. При свиданіи съ нимъ гр. Бергъ жаловался на неустройство церковныхъ дѣлъ, вызванное поступкомъ администратора Ржевускаго. Лубенскій совѣтовалъ намѣстнику возвратить архіепископа Фелинскаго. На это гр. Бергъ замѣтилъ, что возвращеніе архіепископа Фелинскаго возможно только въ томъ случаѣ, если онъ самъ выразитъ сожалѣніе по поводу своихъ поступковъ и станетъ просить о прощеніи. Тогда епископъ, съ согласія графа-намѣстника, написалъ Фелинскому письмо, въ которомъ просилъ для пользы церкви отказаться отъ епископской каѳедры. Послѣдовалъ ли на это отвѣтъ и если послѣдовалъ, то какой именно—въ бумагахъ Лубенскаго нѣтъ никакого слѣда. Въ томъ же году Ржевускаго выслали изъ Варшавы. Къ несчастію, Фелинскій предвидѣлъ возможность ссылки Ржевускаго и на этотъ случай рекомендовалъ капитулу каноника Щигельскаго, а если бы что-либо воспрепятствовало Щигельскому вступить въ отправленіе обязанностей администратора епархіи, то указалъ на Домогальскаго. Домогальскій тоже былъ высланъ. По возвращеніи онъ сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ сліянія Польши съ Россіею. Щигельскаго правительство не допустило до управленія епархіею, а предложило капитулу выбрать новаго администратора. Выборъ палъ на прелата Зволинскаго, настоятеля костела на Прагѣ. Зволинскій хорошо понималъ незаконность своего выбора. Онъ отправился къ еп. Лубенскому и заявилъ ему объ этомъ, добавивъ, что принялъ званіе администратора лишь для того, чтобы избавить архіепархію отъ большихъ еще замѣшательствъ. Зволинскій обѣщалъ въ управленіи епархіею ничего не предпринимать безъ секретнаго каждый разъ полномочія каноника Щигельскаго. Въ то же время онъ секретнымъ образомъ сносился съ Римомъ, ходатайствуя о своемъ утвержденіи. Изъ Рима пришелъ отвѣтъ, что апостольская столица такой дуализмъ власти—оффиціальной и дѣйствительной—„должна терпѣть". На самомъ дѣлѣ отношенія между

*

двумя администраторами были далеко не дружелюбны. Епископъ рѣшилъ ихъ примирить другъ съ другомъ. Будучи въ Варшавѣ, онъ пригласилъ на обѣдъ обоихъ администраторовъ, а также, находившихся въ Варшавѣ епископовъ—сандомірскаго Южинскаго и келецкаго—Маерчака. Зволинскій и Щигельскій дали слово не ссориться и подали другъ другу руки. Тѣмъ не менѣе управленіе Зволинскаго варшавскою архіепископіею не внесло мира въ дѣла р.-католической церкви въ Царствѣ Польскомъ. Кн. Черкасскій, узнавъ объ обѣдѣ, данномъ еп. Лубенскимъ, приказалъ ему немедленно ѣхать въ епархію и ни подъ какимъ видомъ послѣдней не оставлять.

Возвратившись въ Сейны, Лубенскій нашелъ новый указъ, отъ 14 декабря ст. ст., о свѣтскомъ (т. е. не монашествующемъ) духовенствѣ. Въ силу этого указа всѣ церковные имущества и капиталы отходили въ казну. Взамѣнъ ихъ свѣтская власть назначала опредѣленное содержаніе духовенству. Лубенскій рѣшилъ не принимать никакого участія въ дѣлѣ отобранія у костеловъ имуществъ. 26 января 1866 г. коммиссія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ запросила епископа: какимъ, по его мнѣнію, настоятелямъ приходовъ сейнской епархіи онъ полагалъ бы назначить содержаніе по 500 рублей въ годъ и какимъ—по 400 руб. При этомъ правительственная коммиссія просила сообщить статистическія свѣдѣнія, которыми она могла бы руководствоваться при разрѣшеніи вопроса о назначеніи жалованья духовенству. Епископъ сообщилъ статистическія данныя, что же касается вопроса о размѣрѣ жалованья настоятелямъ приходовъ, то отвѣтилъ, что дать своего заключенія не можетъ, такъ какъ подобное разграниченіе приходовъ не согласуется съ каноническими законами. То же самое онъ изложилъ въ частномъ письмѣ кн. Черкасскому. Почти одновременно съ тѣмъ епископъ внесъ въ ту же коммиссію два представленія: одно на имя папы, другое—на имя государя. У папы онъ просилъ полномочій для своихъ дѣйствій. Передъ государемъ ходатайствовалъ поддержать его просьбу въ Римѣ и отмѣнить нѣкоторые пункты указа, не согласные съ требованіями апостольской столицы, а равно позволить воздержаться исполненіемъ подобныхъ пунктовъ указа до полученія отвѣта изъ Рима. Вскорѣ послѣ того, по порученію кн. Черкасскаго, пріѣхалъ въ Сейны сувалкскій губернаторъ съ цѣлью уговорить епископа взять оба представленія обратно. Епископъ не согласился. 5 марта Черкасскій сообщилъ ему, что оба его представленія направилъ къ намѣстнику. При этомъ Черкасскій прибавилъ, что тѣмъ не менѣе указъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе во всѣхъ его частяхъ, и вторично поставилъ вопросъ о классификаціи приходовъ въ отношеніи назначенія содержанія духовенству, предупредивъ, что въ случаѣ замедленія отвѣтомъ будетъ задержана вы-

плата жалованья всему духовенству сейнской епархіи. На это Лубенскій отвѣтилъ, что онъ не думаетъ противиться указу, но что вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ и превышать своей власти, что, по его мнѣнію, можно было бы установить временно размѣръ жалованья для всѣхъ настоятелей приходовъ—по 300 рублей. По приказанію гр. Берга, сувалкскій губернаторъ вторично пріѣзжалъ въ Сейны. Лубенскій остался непреклоннымъ. Наконецъ, 4 апрѣля 1866 г., кн. Черкасскій увѣдомилъ епископа, что государь императоръ изволилъ устно приказать намѣстнику дать знать епископу, что тотъ обязанъ, не ожидая отвѣта изъ Рима, безпрекословно и въ точности исполнить всѣ требованія указа, въ чемъ только они относиться къ нему будутъ. На основаніи этого Черкасскій потребовалъ отъ епископа въ теченіе семи дней отвѣта по вопросу о классификаціи приходовъ, предупреждая, что уклоненіе отъ прямаго отвѣта будетъ считаться равносильнымъ неповиновенію монаршей волѣ. 9 апрѣля епископъ послалъ кн. Черкасскому письмо, въ которомъ оправдывалъ себя: онъ не противится волѣ монарха, на основаніи 11 ст. указа, не епископъ, а правительственная коммиссія должна сдѣлать классификацію приходовъ, такимъ образомъ, отвѣтственность за неприведеніе въ исполненіе указа должна падать не на него, а на коммиссію, поэтому угрозы кн. Черкасскаго онъ считаетъ незаконными. На другой день Лубенскій отправилъ гр. Бергу три письма. Первое, адресованное на имя совѣта управленія Царства Польскаго, заключало въ себѣ жалобу на кн. Черкасскаго, какъ главнаго директора правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Содержаніе жалобы было аналогично съ содержаніемъ письма кн. Черкасскому. Во второмъ изложилъ свои соображенія—кому изъ настоятелей слѣдовало бы назначить высшій окладъ жалованья, кому—низшій. Въ третьемъ—частномъ письмѣ на имя гр. Берга—просилъ дать движеніе двумъ первымъ, но лишь въ томъ случаѣ, если намѣстникъ не признаетъ достаточнымъ его отвѣтъ кн. Черкасскому, данный 9 апрѣля. Гр. Бергъ, 1 іюня н. ст. 1866 г., сообщилъ епископу, что жалобѣ его на кн. Черкасскаго не далъ движенія, такъ какъ она могла бы вызвать крупныя непріятности, и просилъ не возобновлять ея. Епископъ отвѣтилъ намѣстнику протестомъ противъ „своеволія кн. Черкасскаго". На это Бергъ поручилъ генералу, командовавшему войсками, стоявшими въ Августовской губерніи, отправиться въ Сейны и выразить Лубенскому свое неудовольствіе по поводу его послѣдняго письма. Вскорѣ послѣ того послѣдовалъ высочайшій указъ, запрещавшій совѣту управленія принимать жалобы на высшихъ чиновниковъ отъ ихъ подчиненныхъ. Второе письмо епископа гр. Бергъ, по всему вѣроятію, отослалъ кн. Черкасскому, такъ какъ въ непродолжительномъ времени правительственная ком-

миссія прислала свое заключеніе по вопросу о классификаціи приходовъ и увѣдомила, что жалованье духовенству уже ассигновано. Выплативъ духовенству содержаніе, правительственная коммиссія пожелала знать: всѣ ли настоятели, администраторы и викаріи приходовъ законно занимаютъ свои мѣста? Дѣло въ томъ, что еще въ 1818 г. состоялось распоряженіе свѣтской власти, въ силу котораго епархіальные епископы при назначеніи настоятелей и ксендзовъ-викаріевъ на приходы обязаны были увѣдомлять объ этомъ правительственные органы. Въ теченіе 1863—1864 гг. много ксендзовъ было выслано. Съ назначеніемъ на ихъ мѣста замѣстителей правительство не спѣшило. Выше мы уже говорили, что еп. Лубенскій перемѣщалъ изъ одного прихода въ другой тѣхъ священнослужителей, которые себя скомпрометтировали передъ правительствомъ. О такихъ перемѣщеніяхъ онъ, разумѣется, не могъ доводить до свѣдѣнія свѣтской власти. Коммиссія духовныхъ дѣлъ узнала объ этомъ. Она теперь потребовала представить кандидатовъ на должности настоятелей. Лубенскій не хотѣлъ смѣщать ксендзовъ, уже занимавшихъ мѣста настоятелей. Возникла продолжительная корреспонденція по этому дѣлу. Дѣло уладилось лишь по уходѣ Черкасскаго, въ 1867 г. Преемникъ Черкасскаго, Мухановъ утверждалъ всѣхъ ксендзовъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя они уже занимали. Недоразумѣнія съ кн. Черкасскимъ и отказъ гр. Берга дать движеніе жалобѣ на Черкасскаго—подали Лубенскому мысль обратиться къ защитѣ в. кн. Константина Николаевича. Писать в. князю у Лубенскаго былъ предлогъ: в. князь поддерживалъ его кандидатуру въ епископы, его обязанность—представить в. князю доказательства того, что онъ оправдалъ довѣріе и не нарушалъ послушанія монарху. Въ обширной запискѣ, представленной в. князю черезъ своего брата, Томаша, епископъ указалъ на тѣ недоумѣнія, съ которыми онъ встрѣтился въ указахъ 1864 г.—о монастыряхъ и 1865 г.—о свѣтскомъ духовенствѣ, далѣе изложилъ, что, желая быть добрымъ пастыремъ, онъ вынужденъ былъ обратиться за разъясненіями къ апостольской столицѣ, что сношеніямъ его съ послѣднею не дано ходу, наконецъ, что между властію свѣтскою и властію духовною сношенія необходимы и что послѣднія чаще бываютъ болѣе нужны свѣтскому правительству, нежели церкви; въ заключеніе коснулся отношеній къ себѣ кн. Черкасскаго. Въ январѣ 1867 г. гр. Бергъ увѣдомилъ телеграммою епископа объ отставкѣ кн. Черкасскаго и выразилъ желаніе встрѣтиться съ Лубенскимъ на ст. Лапы С.-ПБ.-Варшавской ж. д. Епископъ видѣлся съ намѣстникомъ и совершилъ съ нимъ небольшое путешествіе до ст. Малкинъ.

Послѣ Черкасскаго для завѣдыванія духовными дѣлами въ Царствѣ Польскомъ была организована особенная канцелярія при управленіи

намѣстника. Во главѣ ея сначала, не долго, стоялъ гр. Коскуль. Его смѣнилъ Мухановъ, молодой, интеллигентный человѣкъ, женатый на дочери петербургскаго богача Фелейзена. Мухановъ въ дѣлахъ служебныхъ твердо помнилъ совѣтъ Талейрана, что слово дано человѣку для того, чтобы скрыть мысль. Мухановъ сообщилъ епископу въ утонченно-вѣжливомъ письмѣ на французскомъ языкѣ о своемъ вступленіи въ управленіе и просилъ съѣхаться съ нимъ въ Лапахъ, въ первой половинѣ мая, для переговоровъ о текущихъ дѣлахъ. Свиданіе состоялось, но не въ Лапахъ, а въ домѣ настоятеля прихода Ванево на берегу Нарева. Лубенскій остался очень доволенъ своимъ знакомствомъ съ Мухановымъ, о чемъ и не замедлилъ написать брату. По всѣмъ спорнымъ вопросамъ, а такихъ возникало немало, Лубенскій сносился съ Мухановымъ посредствомъ гр. Томаша. Но не долго продолжались ихъ пріязненныя отношенія. Столкновеніе произошло изъ-за уніатовъ.

Одиннадцатаго мая ст.ст. 1866 г., за № 74, кн. Черкасскій разослалъ циркулярное распоряженіе епископамъ, въ которомъ приглашалъ ихъ поставить въ извѣстность римско-католическое и грекоуніатское духовенство, чтобы на будущее время священники одного обряда не отправляли обѣдни въ храмахъ другаго обряда и не совершали таинствъ. Въ сейнской епархіи находилось восемь уніатскихъ приходовъ. Содержаніе этого циркуляра Лубенскій въ своей епархіи не объявлялъ, несмотря на неоднократныя напоминанія. 19 октября 1867 г. Мухановъ въ частномъ письмѣ упрекалъ епископа за то, что онъ не приводитъ въ исполненіе помянутаго циркуляра. „Епископъ Веніаминъ Шиманскій,—писалъ Мухановъ,—этотъ усерднѣйшій латинизаторъ уніатовъ, и тотъ не поколебался дать подчиненному ему духовенству распоряженія, изложенныя въ циркулярѣ кн. Черкасскаго". Еп. Лубенскій не только не послушался, но еще предписалъ секретно духовенству своей епархіи, что въ случаѣ, если бы свѣтская власть потребовала отъ духовенства представленіе ей, или уніатскимъ священникамъ, списковъ лицъ, принадлежащихъ къ латинскому обряду, но которыхъ правительство желало бы видѣть греко-уніатами, писать не только о тѣхъ, относительно которыхъ встрѣчается сомнѣніе, къ какому обряду они должны принадлежать, но даже и объ уніатахъ, что они латинскаго обряда. Впослѣдствіи, отправляя брата своего Томаша въ Римъ, Лубенскій поручилъ ему выяснить вопросъ относительно присоединенія упомянутыхъ уніатовъ къ латинскому обряду. Гр. Томашу Лубенскому съ большимъ трудомъ удалось этого добиться и то лишь въ отношеніи очень ограниченнаго числа.

Между тѣмъ затрудненія, возникшія въ дѣлѣ управленія варшав-

свой архіепархіи, не прекратились. Каноникъ Щигельскій обратился въ Римъ съ прошеніемъ объ увольненіи его отъ должности администратора и о назначеніи на его мѣсто каноника Зволинскаго. Кромѣ этого прошенія, поданнаго оффиціальнымъ путемъ, Щигельскій послалъ другое прошеніе папѣ секретно. Отвѣтъ на это послѣднее былъ ему данъ посредствомъ Лубенскаго. Щигельскаго скоро арестовали. Полагаютъ — по доносу того же Зволинскаго. По дѣлу Щигельскаго нарядили слѣдственную коммиссію подъ предсѣдательствомъ полк. Тухолки. Щигельскій, оправдываясь передъ коммиссіею ссылками на каноническіе законы, сталъ также ссылаться и на инструкціи, полученныя изъ Рима черезъ епископа Лубенскаго. Такимъ образомъ онъ выдалъ послѣдняго. Коммиссія довела объ этомъ до свѣдѣнія намѣстника, ходатайствуя о привлеченіи къ слѣдствію Лубенскаго. Гр. Бергъ разрѣшилъ ей спрашивать епископа по этому дѣлу посредствомъ письменныхъ съ нимъ сношеній. Слѣдственная коммиссія потребовала отъ епископа объясненій по поводу сношеній его съ Ватиканомъ. Лубенскій признался, что сношенія съ Римомъ онъ, какъ епископъ, дѣйствительно, имѣетъ и будетъ имѣть. Коммиссія потребовала отъ него предъявленія ей корреспонденціи. Епископъ сначала ей отказалъ. Потомъ, опасаясь обыска, пересмотрѣлъ всю свою переписку съ римскою куріею и часть ея сжегъ въ печи, а остальную часть, собравъ въ два обширные фоліанта, препроводилъ при письмѣ намѣстнику. Гр. Бергъ, разсмотрѣвъ корреспонденцію, удивился, что епископъ велъ ее секретнымъ образомъ, тогда какъ могъ бы вести ее безъ всякихъ затрудненій оффиціальнымъ путемъ. Отзывомъ отъ 16—28 іюня 1867 г., за № 287, намѣстникъ увѣдомилъ Лубенскаго, что государь императоръ, при представленіи ему слѣдствія по дѣлу Щигельскаго, изволилъ повелѣть прекратить дѣло дальнѣйшимъ производствомъ въ отношеніи Лубенскаго. При этомъ гр.-намѣстникъ предлагалъ епископу воздерживаться на будущее время отъ непосредственныхъ сношеній съ Римомъ, подъ угрозою высылки во внутреннія губерніи имперіи. Почти одновременно появился высочайшій указъ, датированный 10 мая 1867 г., воспрещавшій епископамъ непосредственныя сношенія съ римскою куріею. Согласно указу, сношенія между епархіальными властями и папскимъ престоломъ должны впредь производиться исключительно посредствомъ р.-католической дух. коллегіи въ Петербургѣ. Коллегія эта, какъ мы уже говорили, существовала давно. На нее всегда смотрѣли, какъ на передаточную станцію. Но въ данномъ случаѣ, по смыслу указа, она получала новую аттрибуцію. Это обстоятельство, какъ увидимъ далѣе, вызвало Лубенскаго на борьбу съ нею.

Приближалась четвертая годовщина управленія Лубенскаго епар-

хіею, или срокъ, по минованіи котораго, епископы обязаны сами отправиться ad limina Apostolorum, или черезъ своихъ уполномоченныхъ представить отчетъ о своей дѣятельности. Къ этому времени также кончался срокъ различныхъ привилегій духовнаго характера, данныхъ епископу папою. Онѣ требовали возобновленія. Возникло, благодаря смутнымъ обстоятельствамъ, много вопросовъ, хотя большинство ихъ было разрѣшено епископомъ, но въ удовлетворительномъ рѣшеніи ихъ онъ самъ не былъ увѣренъ. Необходимо было знать мнѣніе апостольской столицы. Ѣхать въ Римъ епископъ не имѣлъ возможности. Запрещеніе, полученное имъ въ концѣ 1865 г., выѣзжать изъ епархіи еще не было отмѣнено. Лѣтомъ 1867 г. онъ просилъ разрѣшеніе навѣстить отца — и не получилъ. Заграничнаго паспорта ему не выдали бы. Поэтому онъ вызвалъ въ Сейны своего брата Томаша. Посвятилъ его во всѣ подробности дѣлъ, снабдилъ бумагами и отправилъ вмѣсто себя въ Римъ. Для того, чтобы не возбуждать подозрѣній русскаго правительства, гр. Т. Лубенскій отправился сначала въ Вѣну, подъ предлогомъ навѣстить тяжко больнаго своего брата Эдварда. Эдвардъ Лубенскій оставилъ Россію, по эмиграціонному паспорту въ 1845 г. и принялъ папское подданство. Онъ долго проживалъ въ Римѣ, потерялъ тамъ свою первую жену, урожденную Гижицкую. Вторая его жена пожелала перевезти тѣло мужа въ фамильный склепъ, въ Римъ. Гр. Томашъ, присутствовавшій при кончинѣ брата, исходатайствовалъ разрѣшеніе на перевезеніе его тѣла. Онъ прибылъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ Римъ 8 декабря 1867 г. Послѣ похоронъ представился кардиналу Антонелли, сдѣлалъ визиты представителямъ мѣстной и польской аристократіи, высшему духовенству и два раза былъ принятъ папою. Здѣсь ему пришлось защищать брата-епископа отъ разныхъ на него нареканій и подозрѣній, явившихся результатомъ сплетенъ и доносовъ, на которые не скупились его враги—ярые повстанцы и эмигранты. Гр. Т. Лубенскій настолько проникнулся интересами католической церкви, что Пій IX на прощальной аудіенціи замѣтилъ ему, шутя:

— Mais cher comte, Vous êtes presque un évêque Vous même [1]).

2 февраля 1868 г. гр. Томашъ выѣхалъ изъ Рима. Ѣхать прямо въ Сейны считалъ опаснымъ. Поэтому братья отложили свиданіе до второй половины мѣсяца марта. Они встрѣтились въ Василевичахъ, близъ Гродна, въ имѣньѣ Воловичей. Гр. Томашъ отдалъ брату подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и даже, по желанію епископа, изложилъ письменно данныя ему куріею указанія. Еп. Лубенскаго особенно интересовалъ взглядъ римской куріи относительно закон-

---

[1]) „Но любезный графъ, вы сами почти епископъ".

ности существованія р.-католической коллегіи въ Петербургѣ. Монсиньоръ Франки, уполномоченный куріею вести переговоры съ гр. Томашемъ, выслушавъ свѣдѣнія о дѣятельности коллегіи, сказалъ, что если бы коллегія сохранила характеръ чисто административный, то апостольская столица не имѣла бы повода заниматься ея дѣятельностью, но если коллегія имѣетъ намѣреніе выполнять какую-либо юрисдикцію, то ея дѣятельность и всякое участіе въ ея трудахъ являются непристойными (illicites) и не могутъ быть терпимы. Тогда же Лубенскій посовѣтовалъ брату написать намѣстнику письмо, въ которомъ разсказать о посѣщеніи Рима, дабы, такимъ образомъ, предупредить возможность доносовъ въ преувеличенномъ видѣ. Гр. Т. Лубенскій отправилъ 2 апрѣля письмо гр. Бергу. Написалъ, что, по семейнымъ обстоятельствамъ, ему пришлось быть въ Римѣ, что онъ тамъ видѣлся съ высокими свѣтскими и духовными сановниками, бесѣдовалъ съ ними о положеніи р.-католической церкви въ Россіи и Польшѣ, коснулся вопроса о коллегіи и т. п.

Черезъ нѣсколько времени Лубенскій получилъ изъ Рима запросъ слѣдующаго содержанія: „не слѣдовало ли бы теперь, въ виду того положенія, въ какомъ очутилась рамско-католическая церковь въ Россіи и Польшѣ, по распоряженію конкордата 1847 года [1]), часть церкви, состоящую подъ русскимъ скипетромъ, признать въ положеніи миссіи?“ На это епископъ отвѣтилъ обширною запиской. Онъ не находитъ необходимымъ объявлять р.-католическую церковь въ Россіи „въ положеніи миссіи“. Такой шагъ, по его мнѣнію, вызвалъ бы репрессіи, выдвинулъ бы опять вопросъ о національной церкви и, конечно, свѣтская власть нашла бы себѣ услужливыхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ изъ среды того же духовенства. Взамѣнъ этого епископъ предлагалъ открытіе спеціальной временной конгрегаціи, подъ предсѣдательствомъ такого сановника церкви, какими прежде бывали кардиналы-протекторы разныхъ народностей или націй, указывая на то, что такая конгрегація облегчила бы открытіе со временемъ нунціатуры въ Петербургѣ, если бы когда-либо снова объ этомъ зашла рѣчь.

Лѣтомъ 1868 года епископъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи отпуска на нѣсколько недѣль въ Цѣхоцинокъ, для лѣченія минеральными водами. 2-го августа Мухановъ сообщилъ ему, что фельдмаршалъ гр. Бергъ согласился на его просьбу, но онъ проситъ пока не уѣзжать, такъ какъ собирается въ Сейны по служебнымъ дѣламъ. 8-го августа епископъ получилъ циркуляръ отъ 4 числа того же

---

[1]) Конкордатъ съ Римомъ упраздненъ высочайшимъ указомъ отъ 27 ноября 1866 года.

мѣсяца, за № 3964, который требовалъ, по высочайшему повелѣнію, немедленно выбрать изъ числа духовенства сейнской епархіи и прислать въ Петербургъ въ духовную коллегію делегата-„ассесора". На другой день пріѣхалъ Мухановъ. Онъ пробылъ въ Сейнахъ почти двое сутокъ. Обѣдалъ у епископа. На обѣдѣ присутствовало 15 человѣкъ—по преимуществу духовенство,—въ томъ числѣ и мѣстный губернаторъ. Послѣ обѣда Мухановъ очень долго бесѣдовалъ съ епископомъ. Разговоръ касался, главнымъ образомъ, петербургской коллегіи и ея функцій. Лубенскій отрицалъ коллегію въ принципѣ, ставилъ вопросъ: зачѣмъ приглашаются въ нее делегаты и въ чемъ будутъ заключаться ихъ обязанности? Мухановъ читалъ выдержки изъ XI тома „Свода законовъ", гдѣ изложены права и обязанности делегатовъ. Но и этимъ не могъ убѣдить епископа, который смотрѣлъ на дѣло съ точки зрѣнія каноновъ католической церкви и инструкціи, привезенной братомъ изъ Рима. Прощаясь съ Мухановымъ, епископъ просилъ дать ему время подумать и обѣщалъ не замедлить отвѣтомъ. По отъѣздѣ Муханова, Лубенскій получилъ письмо отъ намѣстника. Гр. Бергъ писалъ: „Г. Мухановъ только-что возвратился и доложилъ мнѣ, что вы между собою выяснили недоумѣнія, касавшіяся католической коллегіи въ Петербургѣ. Я очень доволенъ, узнавъ, что Вы заняты окончательнымъ выборомъ делегата, и пишу эти нѣсколько строкъ, чтобы просить не откладывать этого выбора и кончить это дѣло до отъѣзда въ Варшаву и за границу". 21 августа Лубенскій созвалъ капитулъ въ Вилковышки, для выбора ассесора. Онъ указалъ на кс. Фрац. Андржеевскаго, маріампольскаго декана и настоятеля въ Словикѣ, человѣка заслуженнаго, осторожнаго, основательно ознакомленнаго съ каноническимъ правомъ. Къ тому же Андржеевскій хорошо зналъ русскій языкъ, такъ какъ въ теченіе шести лѣтъ пробылъ въ ссылкѣ въ Россіи. Капитулъ согласился. Епископъ увѣдомилъ намѣстника письмомъ о состоявшихся выборахъ и выѣхалъ въ Варшаву. Изъ Варшавы онъ предполагалъ, по дорогѣ въ Цѣхоцинокъ, заѣхать въ Плоцкъ къ епископу В. Попелю. Лубенскаго все еще безпокоила мысль относительно посылки въ коллегію ассессора. Онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ товарищемъ. Въ Варшавѣ епископъ пробылъ только два дня и видѣлся съ Мухановымъ. Попеля уже не засталъ въ Плоцкѣ. Его за отказъ прислать делегата выслали на жительство въ Новгородъ. Епископъ Лубенскій прожилъ въ Цѣхоцинкѣ шесть недѣль. Лѣченіемъ онъ не занимался. Надобности въ немъ не представлялось. Поѣздка на воды была лишь предлогомъ выбраться изъ августовской лѣсной трущобы и повидаться съ нужными людьми. Епископъ пригласилъ къ себѣ своего родственника Карла Боденгама. Боденгамъ былъ родомъ англичанинъ. Боденгамъ былъ преданный

католикъ. Его хорошо знали въ Римѣ. Онъ имѣлъ доступъ къ самому Пію IX. Въ то время Боденгамъ гостилъ въ Опоровѣ у своей тещи. Зиму онъ собирался провести въ Римѣ; этимъ задумалъ воспользоваться Лубенскій. Онъ составилъ обширную записку о своей пастырской дѣятельности за послѣднее время, далъ Боденгаму устныя указанія и просилъ представить записку, кому слѣдуетъ въ Римѣ. Въ то же время епископъ не терялъ надежды побывать въ Римѣ на слѣдующій годъ. Дѣло въ томъ, что Ватиканъ разослалъ католическимъ епископамъ цѣлаго свѣта приглашеніе прибыть въ Римъ на вселенскій соборъ, который долженъ былъ собраться въ 1869 г. Епископъ Лубенскій предполагалъ просить о выдачѣ заграничнаго паспорта. Если бы паспорта ему не дали, онъ рѣшилъ тайно переправиться черезъ границу, гдѣ-нибудь подъ Вержболовомъ или подъ Сувалками, а потомъ письменно объяснить властямъ, почему онъ такъ поступилъ, вѣдь, онъ не могъ не послушать приказаній главы церкви. Послѣ же собора предполагалъ возвратиться обратно и понести наказаніе, которое угрожало ему за его поступокъ. Жить въ Римѣ епископъ предполагалъ вмѣстѣ съ Боденгамами. Въ виду этого, Боденгамъ рѣшилъ нанять въ Римѣ на будущій годъ обширное палаццо.

Проживая въ Цѣхоцинкѣ, епископъ не оставлялъ занятій служебными дѣлами. Вмѣстѣ съ нимъ постоянно работали трое секретарей. Отсюда онъ отправилъ Муханову, по адресу предсѣдательствующаго въ духовной коллегіи, протоколъ избранія Андржеевскаго ассесоромъ коллегіи.

Едва возвратился въ Сейны, какъ получилъ увѣдомленіе изъ Петербурга, что министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ выборы ассесора и приказалъ ассигновать послѣднему прогонныя деньги. Епископъ пригласилъ къ себѣ кс. Андржеевскаго и далъ ему письменную и устную инструкціи: какъ ему поступать, въ обсужденіи, какихъ дѣлъ онъ можетъ принимать участіе и въ обсужденіи какихъ—не имѣетъ права, привелъ его къ присягѣ, а затѣмъ разрѣшилъ ѣхать. Передъ самымъ отъѣздомъ кс. Андржеевскаго случилось несчастіе: лошадь ударила его въ ногу. Пришлось слечь. Къ этому приключилась другая болѣзнь—воспаленіе легкихъ. Объ отъѣздѣ нечего было и думать. Между тѣмъ Мухановъ и Бергъ, письмами на имя епископа, требовали отъѣзда въ Петербургъ ассесора. Тогда епископъ представилъ свидѣтельство двухъ врачей и двухъ духовныхъ особъ о томъ, что Андржеевскій дѣйствительно боленъ, лежитъ въ постели и пріѣхать не можетъ. Несмотря на это, приказано было взять Андржеевскаго съ постели и отправить въ Петербургъ.

Не успѣлъ еще Боденгамъ доѣхать до Рима, какъ тамъ всѣ уже

знали и о высылкѣ еп. Попеля и о томъ, что Лубенскій намѣренъ послать въ Петербургъ ассесора. Письмомъ, посланнымъ съ одною русскою дамою, которая изъ Рима, черезъ Венецію, отправлялась въ Петербургъ, епископа увѣдомили его друзья, что въ Римѣ весьма недовольны его образомъ дѣйствій. Происходило это во второй половинѣ ноября... Епископъ попросилъ у намѣстника позволенія пріѣхать въ Варшаву. Получивъ его, онъ явился къ гр. Бергу, представилъ ему всю трудность своего положенія и просилъ разрѣшенія съѣздить въ Римъ оправдаться. Намѣстникъ отвѣтилъ, что выдать ему паспорта за границу не можетъ, совѣтовалъ вооружиться терпѣніемъ и не прибѣгать ни къ какимъ рискованнымъ средствамъ. Тогда Лубенскій отправилъ Боденгаму письмо, въ которомъ оправдывался, на сколько—конечно—могъ и просилъ исходатайствовать ему въ Римѣ указанія, какъ онъ долженъ поступать дальше. Боденгамъ прибылъ въ Римъ въ первыхъ числахъ января 1869 г., былъ у кардинала Антонелли и у папы. О своей аудіенціи онъ сообщилъ епископу письмомъ, отправленнымъ съ довѣреннымъ лицомъ. Боденгамъ подтверждалъ, что папа очень недоволенъ поступкомъ епископа, желаетъ, чтобы онъ исправилъ свою ошибку, и требуетъ отозванія ассесора изъ коллегіи. Епископу Лубенскому оставалось повиноваться. Онъ хорошо понималъ, что ему грозило въ случаѣ отозванія изъ Петербурга кс. Андржеевскаго... И, вотъ, онъ сталъ готовиться къ этому рѣшительному шагу, Регенсу семинаріи приказалъ приготовить всѣхъ воспитанниковъ къ посвященію въ разныя іерархическія степени. Однихъ для того, чтобы можно было скорѣе посвятить въ ксендзы, а другихъ, чтобы путемъ посвященія въ низшія іерархическія степени избавить отъ военной службы.

Написалъ пастырское посланіе „ко всему духовенству и всѣмъ вѣрнымъ епархіи“, въ которомъ приказалъ, подъ страхомъ суроваго наказанія, всѣмъ пастырямъ и пасомымъ отказывать въ послушаніи тому, кто возьметъ въ свои руки епархіальную власть, не имѣя на то уполномочія апостольской столицы, просилъ прощенія за соблазнъ, который допустилъ, отправивъ въ Петербургъ ассесора, и объявилъ, что, согласно волѣ св. отца, его отзываютъ. Посланіе переписали во множествѣ экземпляровъ въ епископской канцеляріи секретнымъ, разумѣется, образомъ. Кс. Андржеевскому, который продолжалъ болѣть въ Петербургѣ, предложилъ вернуться въ приходъ. Въ частномъ письмѣ къ нему епископъ совѣтовалъ не спѣшить предъявленіемъ властямъ его распоряженія, но воспользоваться имъ тогда, когда до него дойдетъ извѣстіе, что епископа уже вывезли. Андржеевскій, какъ извѣстно, такъ и поступилъ. Предъявивъ предложеніе епископа, онъ попросилъ выдать паспортъ. Ему отказали. Тогда пересталъ бывать въ засѣданіяхъ.

Обезпечивъ, по мѣрѣ возможности, нужды своихъ пасомыхъ, епископъ сталъ думать о томъ, какія надо принять мѣры, чтобы всю отвѣтственность передъ правительствомъ взять на себя. Съ этою цѣлью, 19 марта 1869 г., онъ написалъ извѣстное письмо гр. Бергу. Въ письмѣ онъ не скрылъ о сношеніи своемъ съ римскою куріею посредствомъ К. Боденгама, о гнѣвѣ папы, о затруднительномъ своемъ положеніи, о томъ, что въ составѣ и дѣйствіяхъ римско-католической духовной коллегіи въ Петербургѣ онъ не можетъ принимать участія, что, посылая въ эту коллегію, въ качествѣ делегата, кс. Андржеевскаго, онъ допустилъ ошибку, которая обратила на себя вниманіе высшей духовной власти и которую онъ теперь сознаетъ, почему и делегата своего отзываетъ. Письмо закончилъ просьбою довести о принятомъ имъ рѣшеніи до свѣдѣнія государя императора, „коего—писалъ Лубенскій—монаршей мудрости и великодушной справедливости, проникнутый чувствомъ непоколебимой вѣрности и безграничной преданности его особѣ и престолу, имѣю счастіе отдать себя съ наиподданнѣйшею покорностію и съ сыновнимъ довѣріемъ ко всему, что справедливымъ признать и приказать соизволитъ". Содержаніе письма намѣстнику онъ сообщилъ, въ копіяхъ, всѣмъ епископамъ и управляющимъ епархіями въ Царствѣ Польскомъ и въ имперіи, не исключая тѣхъ, которые были высланы. Сдѣлалъ онъ это для того, чтобы епископы, на основаніи его письма, могли отозвать своихъ делегатовъ.

Нѣкоторые епископы отвѣтили письмами, полными восторга, усматривая въ дѣйствіяхъ Лубенскаго „побѣду и тріумфъ церкви", и послѣдовали его примѣру—отозвали своихъ делегатовъ. Помня расположеніе къ себѣ в. кн. Константина Николаевича, Лубенскій нашелъ нелишнимъ посвятить и его въ эту свою исторію. Въ заключеніе онъ написалъ собственноручно, на латинскомъ языкѣ, письмо Пію IX. Донося объ отозваніи делегата и принося чистосердечное раскаяніе за допущенный проступокъ, епископъ проситъ распоряженій, въ виду весьма вѣроятной его высылки, относительно управленія епархіею, умоляетъ св. отца уволить его, ради неспособности управлять, отъ столь тяжелыхъ обязанностей и назначить сейнскимъ епископомъ другаго, болѣе достойнаго. Написалъ онъ также письма кард. Антонелли и Рейсаху,—одному изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ коллегіи кардиналовъ, котораго Пій IX назначилъ предсѣдателемъ предстоявшаго собора, монсиньору Чацкому и Боденгаму. Приложилъ къ нимъ, въ переводѣ на французскій языкъ, копіи своихъ писемъ и распоряженій оффиціальныхъ и секретныхъ. Съ этою корреспонденціею онъ отправилъ въ Римъ гр. Павла Лубенскаго, своего кузена и зятя, женатаго на родной, единственной, сестрѣ епископа, Маріи. Гр. П. Лубенскій поѣхалъ черезъ Парижъ, гдѣ, по порученію епи-

скопа, долженъ былъ выхлопотать у институціи, заботившейся о распространеніи вѣры и заграничныхъ миссій, увеличенія субсидіи для сейнской семинаріи. 14 апрѣля прибылъ въ Римъ гр. Павелъ и остановился въ отелѣ „Minerva", подъ именемъ „г. Помяни". Въ инструкціи, данной ему Лубенскимъ, запрещалось оправдывать послѣдняго въ глазахъ высшихъ сановниковъ церкви, напротивъ, надлежало указывать, что епископъ сознаетъ свою вину (pater peccavi) и покорно подчиняется приговору апостольской столицы. Монсиньоръ Чацкій занимался этимъ дѣломъ и старался помочь чѣмъ только могъ. 29 апрѣля онъ вручилъ гр. Павлу, для передачи еп. Лубенскому, breve св. отца. 8-го мая Павелъ Лубенскій былъ уже въ Сейнахъ и передалъ breve по назначенію. Епископъ всталъ на колѣни посреди зала, принялъ бреве, поцѣловалъ его, поднялся со слезами на глазахъ, перекрестился, сорвалъ печати и прочиталъ. Пій IX хвалилъ послѣдніе шаги Лубенскаго, выражалъ надежду, что ассесоръ уже отозванъ и вернулся въ епархію, давалъ знать, что отреченіе его, Лубенскаго, отъ епископской каѳедры не принимаетъ, а наоборотъ желаетъ, чтобъ онъ продолжалъ трудиться съ обычною ревностію къ славѣ Божіей и на пользу св. церкви.

Согласно желанію еп. Лубенскаго, изложенному въ письмѣ намѣстнику, гр. Бергъ довелъ до свѣдѣнія государя императора о содержаніи письма епископа и о намѣреніи послѣдняго отозвать делегата сейнской епархіи изъ Петербурга. По имѣющимся въ бумагахъ епископа свѣдѣніямъ, государь, получивъ донесеніе гр. Берга, очень разгнѣвался. Онъ и раньше еще, когда ему докладывали о проявленіяхъ оппозиціи со стороны еп. Лубенскаго, всегда волновался, хотя въ то же время отдавалъ ему должное. „Это—единственный человѣкъ, который сумѣлъ согласить свои обязанности преданнаго католика и вѣрнаго подданнаго—говорилъ о Лубенскомъ императоръ Александръ Николаевичъ. Прочитавъ рапортъ намѣстника, государь воскликнулъ

— Ah! diable, que je n'entende plus parler de cet homme [1]).

За ослушаніе монаршей волѣ еп. Лубенскій, конечно, подлежалъ наказанію. Но какому? Мнѣнія совѣтниковъ государя раздѣлились. Гр. Бергъ предлагалъ выслать его за границу, министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ старался дать дѣлу благопріятный оборотъ.

Рѣшающій перевѣсъ должно было имѣть мнѣніе министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстаго, вліяніе котораго въ то время уже начало сказываться. Еще за двѣ недѣли до высылки еп. Лубенскаго, пріѣзжавшій черезъ Варшаву въ Парижъ ген. Ѳ. Ѳ. Треповъ сообщилъ гр. Бергу, по приказанію государя, что еп. Лубен-

---

[1]) А, чортъ возьми, чтобъ я не слышалъ бы больше объ этомъ человѣкѣ.

скій не будетъ высланъ, а останется на мѣстѣ, въ Сейнахъ. Шла „война“ между партіею умѣренныхъ и партіею ультра-красныхъ—эпигонами М. Н. Муравьева, Н. Милютина, кн. Черкасскаго, божкомъ которыхъ былъ М. Н. Катковъ. Гр. Бергъ, который велъ съ этой партіею скрытую борьбу, однако, не отважился выступить съ нею въ открытый бой... Онъ уступилъ... Сильнаго врага встрѣтилъ Лубенскій въ Мухановѣ. Копія письма епископа в. кн. Константину Николаевичу была сообщена изъ Петербурга гр. Бергу. Мухановъ, боясь за свое положеніе и желая погубить противника, съ необыкновеннымъ усердіемъ началъ розыскивать „вины“ послѣдняго. Нашли, что епископъ занимается пропагандою католичества въ виленской епархіи, для чего подолгу проживаетъ на восточной границѣ своей епархіи, что часто и тайно видится съ епископами имперіи.

Далѣе Мухановъ потребовалъ отъ всѣхъ епископовъ и администраторовъ епархіи копіи писемъ, съ которыми къ нимъ обращался епископъ касательно духовной коллегіи и т. д. Въ результатѣ партія ультра-красныхъ восторжествовала. Рѣшили епископа Лубенскаго выслать въ Пермь.

Въ два часа ночи на 31 мая 1869 года, со стороны Сувалокъ, выѣхалъ въ Сейны генералъ Меллеръ съ жандармами. Генералъ отъ самой Варшавы ѣхалъ не по желѣзной дорогѣ, а на перекладныхъ, опасаясь, чтобы кто-нибудь его не замѣтилъ и не предупредилъ епископа. Онъ имѣлъ инструкцію застать епископа врасплохъ. Генералъ заѣхалъ къ начальнику уѣзда. Здѣсь собралась вся городская полиція. Въ 3 часа отправились къ епископу. Окружили его домъ. Генералъ позвонилъ. Вышелъ заспанный лакей. Генералъ приказалъ ему разбудить епископа. Лакей отвѣтилъ, что никогда не будитъ его преосвященства раньше 5 часовъ. Но когда генералъ ругнулъ его, перепуганный лакей бросился въ спальню и сталъ будить преосвященнаго. Лубенскій, проснувшись, сѣлъ на кровати, перекрестился, прочиталъ краткую молитву, одѣлся и вышелъ въ залъ.

Ген. Меллеръ былъ съ нимъ уже знакомъ. Онъ передалъ преосвященному письмо Муханова. Послѣдній писалъ, что за отозваніе ассесора, за подговоры къ тому же другихъ епископовъ, за тайное сношеніе съ Римомъ—онъ удаляется изъ предѣловъ епархіи. Мѣсто ссылки указано не было. Въ концѣ письма предоставлялось епископу право назначить администратора епархіи. Генералъ прибавилъ, что даетъ два часа на сборы въ дорогу и что имѣетъ распоряженіе опечатать и забрать съ собою всѣ бумаги преосвященнаго. Епископъ отвѣтилъ, что сопротивляться онъ не думаетъ и не можетъ, но проситъ позволенія отслужить обѣдню. Меллеръ отказалъ, ссылаясь на недостатокъ времени. На вопросъ епископа—можетъ ли кто-нибудь

изъ его домашнихъ ѣхать съ нимъ?—генералъ отвѣтилъ, что можетъ одинъ слуга. На вопросъ: можно ли написать нѣсколько писемъ?—Меллеръ отвѣтилъ, что можно.

Епископъ выбралъ повара Леона, который давно у него жилъ и пользовался его довѣріемъ. Затѣмъ, онъ сѣлъ въ другой комнатѣ и написалъ четыре письма: кс. Андрушкевичу, назначая его администраторомъ епархіи, капитулу, Муханову и своему отцу. Первыя два отдалъ своему племяннику, а послѣднія два вручилъ ген. Меллеру. Тѣмъ временемъ генералъ, вмѣстѣ съ мѣстными чиновниками и жандармами, отпирали столы, шкафы, комоды,—всюду искали бумагъ и когда ихъ находили—вкладывали въ конверты и послѣдніе запечатывали. Потомъ въ столовой подали для всѣхъ чай. Затѣмъ епископъ, вмѣстѣ со своимъ капеланомъ и племянникомъ, перешелъ въ домовую каплицу, прочиталъ вслухъ „Te Deum", „Memorare" и „Salve Regina", благословилъ на три стороны и велѣлъ присутствующимъ быть свидѣтелями того, что благословилъ всѣхъ, оставилъ деньги на уплату долговъ и на благотворительныя учрежденія, которыя поддерживалъ въ городѣ, простился съ племянникомъ и, въ предшествіи генерала, окруженный жандармами, направился къ повозкѣ. Часовая стрѣлка показывала половину 6-го. Мѣстечко проснулось. Жители собрались передъ домомъ и старались пробиться къ епископу, чтобы проститься съ нимъ. Жандармы не пускали. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторымъ удалось протискаться. Они съ плачемъ бросились къ преосвященному, цѣловали его руки, одежду, ноги... Среди плача и крика двинулись въ путь три повозки: впереди бричка съ вещами и двумя жандармами, за нею карета съ епископомъ и генераломъ, а за ними еще бричка съ поваромъ Леономъ и нѣсколькими жандармами.

Поѣздъ направился на Гродно. Первая станція отъ Сейнъ—Копціово (Kopciow)—не большая, затерянная въ лѣсу, деревушка съ костеломъ. Заѣхали на почтовую станцію. Было половина 10 утра. Мѣстный ксендзъ попросилъ разрѣшенія приготовить обѣдъ. Генералъ позволилъ, но приказалъ повару Леону пробовать каждое кушанье. Онъ опасался отравы. Когда собрались въ дальнѣйшій путь, оказалось, что мостъ въ концѣ деревни на шоссе испорченъ. Пришлось идти черезъ деревню пѣшкомъ. Народъ, узнавъ отъ своего ксендза, что „везутъ епископа", высыпалъ на улицу, съ пѣніемъ гимновъ и съ плачемъ провожалъ епископа. Проходя мимо костела, Лубенскій распростерся передъ нимъ и молился нѣсколько минутъ, потомъ благословилъ всѣхъ и поѣхалъ дальше. Слѣдующая станція—мѣстечко Сопоцкинъ. Пріѣхали въ 4 часа по полудни. Остановились у ксендза. Узнавъ, что въ Сопоцкинѣ находится Куземскій, послѣдній холм-

скій уніатскій епископъ, пріѣхавшій визитировать костелъ своего обряда, епископъ Константинъ два раза посылалъ къ Куземскому, приглашая его къ себѣ, но тотъ не пожелалъ придти, отвѣтивъ, что не желаетъ имѣть никакого дѣла съ еп. Лубенскимъ.

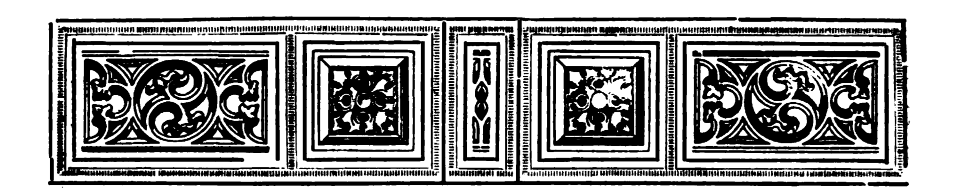
Вечеромъ были въ Гроднѣ. Остановились въ гостиницѣ. Заняли три комнаты. Среднюю, безъ дверей въ коридоръ, отдали епископу. Въ боковыхъ помѣстились жандармы. Когда входилъ въ комнату епископа, или выходилъ оттуда Леонъ, жандармы его обыскивали, ища записокъ. Въ Гроднѣ ген. Меллеръ простился съ епископомъ и вечеромъ, по желѣзной дорогѣ, уѣхалъ въ Варшаву, захвативъ съ собою отобранныя у епископа бумаги. Меллера смѣнилъ жандармскій полковникъ К. На другой день, утромъ, двинулись дальше, по петербургской желѣзной дорогѣ. Епископъ съ полковникомъ ѣхали въ I классѣ, а Леонъ съ 2 жандармами—въ III-мъ. На каждой станціи, гдѣ останавливался поѣздъ, жандармы и полиція, увѣдомленные раньше, по телеграфу, окружали вагонъ, въ которомъ находился Лубенскій. Въ Вильнѣ обѣдали. Полковникъ провелъ епископа въ отдѣльный залъ, куда никого не впускали. Въ Динабургѣ пришлось ждать цѣлую ночь поѣзда на Смоленскъ. Епископъ встрѣтилъ знакомаго, ѣхавшаго изъ Петербурга въ Варшаву, и успѣлъ всунуть ему въ руку клочекъ бумаги, на которомъ карандашемъ написалъ нѣсколько словъ привѣтствія и благопожеланія отцу, братьямъ, сестрѣ и теткѣ—извѣстной Августовой-Потоцкой. Въ Орелъ пріѣхали 3 іюня. Здѣсь Лубенскій ночевалъ не въ гостиницѣ, а въ какомъ-то частномъ домѣ, куда его привезъ полк. К. Послѣ обѣда епископъ почувствовалъ сильныя боли въ желудкѣ и его нѣсколько разъ тошнило. 4 іюня были въ Москвѣ. Остановились въ отелѣ Дюссо. Боли не прекращались. Епископъ просилъ пригласить доктора и ксендза. Полковникъ обратился за разрѣшеніемъ къ мѣстнымъ властямъ. Послѣднія запросили по телеграфу министра внутреннихъ дѣлъ. Пришелъ отвѣтъ—ѣхать безостановочно до мѣста назначенія. На другой день выѣхали изъ Москвы, а 6 іюня пріѣхали въ Нижній-Новгородъ. Тутъ епископъ расхворался не на шутку. К—ій телеграфировалъ въ Петербургъ. Приказали остановиться. На слѣдующій день больнаго перевезли со станціи въ гостиницу „Кама". Лубенскій продолжалъ просить доктора и ксендза. Ему сначала отказывали, но когда о болѣзни епископа узнали въ высшихъ петербургскихъ сферахъ и приказали удовлетворить его желаніе, тогда жандармскій полковникъ пригласилъ къ больному доктора Штюрмера, а за два дня до смерти, на консиліумъ, еще двухъ докторовъ фонъ-Путерена и Эша (Eshe).

Положеніе больнаго становилось безнадежнымъ. Наканунѣ смерти

допустили къ нему мѣстнаго кс.-викарія Орлицкаго со св. дарами. Больной находился еще въ сознаніи, но говорить уже не могъ. Увидя ксендза, расплакался, взялъ его голову, прижалъ къ своей груди и перекрестилъ его. Исповѣдаться и пріобщиться св. таинъ уже не могъ. Кс. Орлицкій даже не зналъ, кого онъ приглашенъ напутствовать. Только когда приступилъ къ соборованію, то догадался, что предъ нимъ католическій епископъ. Ксендзъ хотѣлъ помазать ладони рукъ, больной отдергивалъ руку и знаками показывалъ, что слѣдуетъ налить масло на внѣшнюю сторону руки, ибо такой существуетъ въ римско-католической церкви чинъ соборованія епископовъ.

На вопросъ Леона: не надо ли телеграфировать отцу, гр. Генриху?—епископъ ничего не могъ отвѣтить, только обильныя слезы покатились по его щекамъ. Больной ужасно страдалъ. По движенію губъ можно было догадаться, что онъ молился. Послѣднюю ночь онъ не выпускалъ изъ рукъ Распятія... Въ 7 час. утра 16 іюня 1869 года не стало епископа Константина Лубенскаго. Погребеніемъ занялось мѣстное духовенство. Тѣло, одѣтое въ епископское облаченіе, было выставлено на катафалкѣ въ гостинницѣ. На другой день послѣ смерти, гр. Бергъ, получивъ донесеніе, прислалъ къ гр. Томашу Лубенскому своего адъютанта съ увѣдомленіемъ о кончинѣ брата.

Г. А. Воробьевъ.



Изъ дневника М. И. Михайлова.

I.

Въ послѣдній день августа, поутру, я зашелъ зачѣмъ-то въ книжную лавку Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ. Я стоялъ у прилавка и перелистывалъ какую-то книгу. Въ это время туда явился, гремя саблей, приземистый жандармскій офицеръ въ шинели,—судя по апломбу и по немолодой корявой рожѣ, уже въ штабскихъ чинахъ. Онъ обратился къ стоявшему около меня приказчику съ вопросомъ, гдѣ тутъ живетъ управляющій домомъ. Приказчикъ сказалъ, что въ глубинѣ двора, и прибавилъ, что можно пройти черезъ магазинъ. Жандармъ попросилъ провести его и пошелъ вслѣдъ за приказчикомъ.

Другой приказчикъ, на другой сторонѣ лавки, старый мой пріятель, Василій Яковлевичъ Лаврецовъ, пришелъ въ неописанное волненіе отъ этого неожиданнаго визита.

— Да вѣдь это Ракѣевъ!—кричалъ онъ мнѣ.—Ракѣевъ вѣдь!

— Какой Ракѣевъ? спросилъ я.

— Вы Ракѣева не знаете? Ракѣева? — восклицалъ Лаврецовъ. — Вѣдь это онъ меня въ третье отдѣленіе бралъ.

Лаврецовъ былъ довольно долго библіотекаремъ въ публичной библіотекѣ Крашенинникова (бывшей Смирдинской), на Михайловской площади, и тамъ я съ нимъ познакомился. Его знаніе своего дѣла, симпатичный характеръ, страсть къ чтенію и большая любознательность сблизили его скоро со многими молодыми людьми, посѣщавшими библіотеку для своихъ ученыхъ и литературныхъ занятій. Какъ бѣдный мѣщанинъ, Лаврецовъ не получилъ никакого образованія и обязанъ былъ всѣмъ себѣ. Въ 1857, кажется, году, онъ былъ арестованъ за то, что выдавалъ для чтенія абонентамъ библіотеки нѣсколько лондонскихъ русскихъ изданій, собрать которыя стоило

ему большаго труда. Его продержали нѣсколько времени въ тайной канцеляріи и затѣмъ отправили изъ Петербурга въ Вятку, подъ надзоръ полиціи, правительство тогда еще либеральничало, вертя передъ публикой радужную призму будущихъ реформъ и воображая, что можетъ держаться однимъ краснорѣчіемъ, не купая рукъ въ крови. Около того же времени, помнится, въ газетахъ было напечатано, что кто-то (кажется, Мухинъ по фамиліи) читалъ въ одномъ трактирѣ въ Петербургѣ во всеуслышаніе „Колоколъ" и былъ за это только сосланъ подъ полицейскій надзоръ въ Петрозаводскъ или куда-то въ другое мѣсто на сѣверъ. Теперь за это шлютъ уже въ каторгу. Лаврецова вскорѣ возвратили, и онъ поступилъ приказчикомъ въ книжный магазинъ Кожанчикова.

— Онъ это! онъ! — продолжалъ Лаврецовъ волноваться. — Ракѣевъ! Его лицо. Я его хорошо помню,—не ошибусь. Это вѣдь Ракѣевъ былъ?—обратился онъ къ возвратившемуся приказчику.—Зачѣмъ онъ?

Я вскорѣ ушелъ и, конечно, забылъ бы объ этой встрѣчѣ, если бы о ней не напомнило мнѣ очень ясно слѣдующее утро.

II.

Въ это утро, то-есть 1-го сентября, когда только-что начинало свѣтать, меня разбудили торопливые шаги горничной мимо моей спальни къ двери прихожей.

— Что такое? спросилъ я.

— Къ вамъ кто-то; того и гляди, колокольчикъ оборвутъ.

Тутъ и мнѣ послышался звонокъ, который надо было рвать слишкомъ сильно, чтобы у меня было его слышно.

Въ отворяемой двери прихожей загремѣли сабли, и около двери спальни тотчасъ же показалась высокая фигура полковника съ краснымъ воротникомъ. Слегка притворяя дверь, онъ произнесъ:

— Потрудитесь одѣться, m-r Михайловъ. Мы обождемъ.

Лицо этого господина мнѣ было нѣсколько знакомо; но я не сразу вспомнилъ, гдѣ его видѣлъ.

Цѣль, съ которой онъ прибылъ, для меня тотчасъ объяснилась, когда изъ-за него выглянулъ голубой мундиръ и исковыренное лицо вчерашняго полковника. Съ ними былъ еще квартальный, длинный, испитой и блѣдный.

Когда я набросилъ халатъ и вышелъ въ кабинетъ, ранніе гости отрекомендовались мнѣ:

— Полковникъ Золотницкій.

— Полковникъ Ракѣевъ.

Первый, полиціймейстеръ званіемъ, объявилъ мнѣ съ должными извиненіями, что они имѣютъ порученіе произвести у меня маленькій обыскъ.

Затѣмъ онъ спросилъ, гдѣ кончается моя квартира, и затворилъ дверь кабинета въ половину Шелгуновыхъ.

— Вы, какъ имѣется свѣдѣніе, привезли что-то недозволенное изъ-за границы, — объяснилъ Золотницкій. — Позвольте посмотрѣть ваши бумаги, книги.

Жандармскій усѣлся за мой письменный столъ, спросилъ, нѣтъ ли у меня въ немъ денегъ и драгоцѣнныхъ вещей, и сталъ выдвигать ящики, вынимать бумаги, письма и проч.

— Это что-съ?

— Это семейныя письма.

— Это мы не станемъ смотрѣть.

— А это-съ?

— Это корректура журнальныхъ статей.

— Все больше по литературной части?

— Да.

— Какой у васъ порядокъ во всемъ! Пріятно видѣть.

Онъ, можетъ быть, хотѣлъ сказать: „пріятно производить обыскъ".

Иное онъ клалъ назадъ, въ ящики,—другое оставлялъ на столѣ. Полицеймейстеръ тоже бралъ какую-нибудь бумагу или тетрадь, и опять опускалъ на столъ, говоря: „Что же тутъ, ничего такого"...

— А вотъ нѣтъ ли у васъ какихъ запрещенныхъ книгъ? — обратился онъ ко мнѣ:—или „Колокола", напримѣръ? Я уже давненько его не читалъ. Вы вѣрно привезли послѣдніе нòмерки. Интересно бы прочесть.

Между прочимъ, имъ попался мой заграничный паспортъ.

— Это мы отложимъ. Какъ же вы это не представили? Вѣдь слѣдовало по пріѣздѣ тотчасъ предъявить въ канцелярію генералъ-губернатора.

Этого вовсе не слѣдовало; но слѣдовало, чтобы тотчасъ по пріѣздѣ адресъ мой былъ записанъ въ кварталѣ,—а этого дворникъ не сдѣлалъ, хотя я воротился уже больше мѣсяца.

По этому поводу Золотницкій сообщилъ мнѣ, что меня очень долго искали, не зная, гдѣ справиться объ адресѣ. Заграничный паспортъ и аттестатъ мой объ отставкѣ, служившій мнѣ видомъ на жительство, онъ отложилъ, чтобы взять съ собой.

Въ столѣ и въ бумагахъ ничего не оказалось. Да при томъ полковники, кажется, и сами не знали, чего ищутъ.

— Да нѣтъ ли у васъ чего? — стали они приставать ко мнѣ.—Вотъ изъ книгъ-то, изъ книгъ-то. Вы ужъ лучше скажите!

Обиліе книгъ, повидимому, смущало ихъ.

— Да какихъ же вамъ запрещенныхъ книгъ? Вотъ смотрите!—Ну, вотъ Прудонъ былъ прежде запрещенъ, Луи Бланъ. А теперь не знаю. Да у кого же нѣтъ такихъ книгъ?

— На французскомъ?

— Да.

— Нѣтъ-съ, это что? Вотъ на русскомъ вы чего-нибудь.

Мнѣ такъ надоѣли эти господа, что я готовъ былъ сунуть имъ что-нибудь, чтобы они только уѣхали поскорѣе. Имъ же, кажется, не хотѣлось уѣзжать съ пустыми руками.

— Ну, вотъ Пушкина есть берлинское изданіе, сказалъ я, сымая съ полки книгу.

— Что же Пушкинъ! помилуйте! — воскликнулъ Ракѣевъ, глядя на меня своими маленькими свѣтлосѣрыми зрачками, которые почти сливались съ раскраснѣвшимися воспаленными бѣлками.

Я замѣтилъ потомъ, что эти воспаленные бѣлки одно изъ характеристическихъ отличій жандармскихъ лицъ. Не оттого ли, что ихъ часто будятъ по ночамъ?

— Пушкинъ!—продолжалъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ Ракѣевъ.—Это, можно сказать, великій былъ поэтъ! честь Россіи!

— Да-съ, не скоро, я думаю, дождемся мы втораго Пушкина. Какъ ваше мнѣніе?

Онъ задвигалъ какъ-то особенно нелѣпо своими колючими подстриженными усами и заговорилъ почти трогательно:

— А знаете-съ? вѣдь и я попаду въ исторію! да-съ, попаду! Вѣдь я-съ препровождалъ... Назначенъ былъ шефомъ нашимъ препроводить тѣло Пушкина. Одинъ я, можно сказать, и хоронилъ его. Человѣкъ у него былъ,—Осипомъ, кажется, или Семеномъ звали... что за преданный былъ слуга! Смотрѣть даже было больно, какъ убивался. Привязанъ былъ къ покойнику, очень привязанъ. Не отходилъ почти отъ гроба; не ѣстъ, не пьетъ.—Да-съ, великій былъ поэтъ Пушкинъ, великій!

И Ракѣевъ вздохнулъ.

Полицеймейстеръ перелистывалъ между тѣмъ взятую книгу и съ нѣкоторою любовью остановился на отрывкахъ изъ Гавриліады.

— Да вѣдь тутъ, — обратился онъ къ жандармскому, называя его по имени и по отчеству: — тутъ все запрещенные стихи Пушкина. Это надо, я думаю, взять.

— А! если такъ, — воскликнулъ съ явнымъ удовольствіемъ жандармскій: — отложите! Да нѣтъ ли у васъ еще чего-нибудь въ этомъ родѣ?—обратился онъ ко мнѣ.

Золотницкій подошелъ къ одному изъ шкафовъ и тупо читалъ заглавія книгъ.

— Это вотъ-съ что такое?—спросилъ онъ.—О революціи, кажется?

— Да, Французская революція Карлейля.

— А! ну это ничего! Да ужъ вѣрно у васъ есть что-нибудь изъ русскаго заграничнаго.

И онъ началъ придвигать книги къ задней стѣнѣ, къ которой онѣ были поставлены не вплоть, — и какъ-разъ тотъ рядъ, гдѣ было нѣсколько лондонскихъ изданій.

Я начиналъ уже терять терпѣніе:

— Ну, вотъ вамъ брошюрка! — сказалъ я: — она можетъ быть и запрещенная. Въ Лондонѣ напечатана.

Это были рѣчи международнаго революціоннаго комитета, изданныя подъ заглавіемъ „Народный Сходъ".

— А! вотъ-съ, вотъ-съ!

И полицеймейстеръ передалъ ее жандармскому.

— Отложимъ, отложимъ, — произнесъ Ракѣевъ.

Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ одному шкафу, поглядѣлъ на книги, подвигалъ ихъ, къ другому, къ третьему, наконецъ, и онъ и Золотницкій подошли къ столу между окнами и стали раскрывать и закрывать коробки съ бумагами.

Золотницкій взялъ лежавшій на столѣ альбомъ и готовъ былъ раскрыть его, но въ это же время разсматривалъ портретъ Герцена въ простѣнкѣ, разбирая подъ нимъ факсимиле.

Я очень опасался, чтобы онъ не сталъ разсматривать альбомъ и не наткнулся въ немъ на подписи Огарева и Герцена: тогда альбомъ прощай! Я рѣшился пожертвовать портретомъ, чтобы не лишиться альбома.

— Это вѣдь Герцена портретъ, — объяснилъ я.

Ни полицеймейстеръ, ни жандармскій должно быть никогда не видали его портрета и снявши принялись разсматривать съ великимъ вниманіемъ. Маневръ мой былъ удаченъ относительно альбома: его отложили въ сторону и совсѣмъ забыли.

— Это надо взять, непремѣнно надо взять,—сказали оба почти въ одинъ голосъ.

— Какъ же вы это такъ на виду его держали?—съ укоризной замѣтилъ Золотницкій.—А это кто?

Онъ указалъ на другой портретъ.

— Это Гейне.

— Ну, это другое дѣло. Это вѣдь, кажется, нѣмецкій сочинитель.

— Да.

Квартальный все это время стоялъ, держась за спинку креселъ около дивана, и молчалъ. Только на предложеніе мое выкурить папиросу, отвѣчалъ, что не можетъ, потому что боленъ, вчера былъ съ

вечера въ банѣ, думалъ, все пройдетъ, да только хуже разломило всего; а тутъ еще и соснуть не удалось.

— Ну-съ, я думаю, и актъ можно составить?—замѣтилъ жандармскій, овладѣвъ портретомъ.—Нѣтъ ли у васъ чемодановъ, сундуковъ?

— Нѣтъ.

Полицеймейстеръ пошелъ въ спальню, отворилъ столикъ около постели, заглянулъ туда, взглянулъ на стѣны и воротился въ кабинетъ.

— Я думаю, можно ужъ и актъ составить? — повторилъ жандармскій.

— Но полицеймейстеръ снова, чуть не въ десятый разъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, нѣтъ ли у меня еще чего.

Вообще, этотъ идіотъ съ оловянными глазами, какимъ-то нелѣпымъ завиткомъ на лбу и конусообразной головой, при томъ съ развязными гвардейскими манерами, казался мнѣ вдесятеро гаже жандармскаго.

— Садитесь,—обратился Ракѣевъ къ квартальному.—Вы знаете, какъ пишутся акты?

— Знаю-съ.

Квартальный сѣлъ и принялся выводить писарскимъ почеркомъ: „Сентября 1-го дня сего 1861 года, прибывъ, по приказанію высшаго начальства“, и такъ далѣе.

Ракѣевъ диктовалъ, повторяя фразы раза по два, чтобы слогъ вышелъ лучше.

— Какъ-съ вы эти французскія-то книги называли? — спросилъ онъ меня.—Это, я думаю, тоже записать не лишнее?—обратился онъ къ Золотницкому.

— Имѣютъ ли они право ихъ держать?

— Да, записать! записать!—подвердилъ Золотницкій, граціозно раскачиваясь на ногахъ.

— Такъ какъ же-съ вы ихъ назвали?—спросилъ меня Ракѣевъ.

— Луи Бланъ, Прудонъ.

„При обыскѣ найдены сочиненія Луи-Блана и Прудона на французскомъ языкѣ“, диктовалъ онъ.

Съ заботами о слогѣ, диктовка длилась не менѣе получаса. Весь же обыскъ продолжался навѣрное часа два слишкомъ.

Наконецъ, полковники подписали актъ и попросили расписаться меня, потомъ завернули двѣ книжки и портретъ, и запечатали моей и своею печатью, и къ великому удовольствію моему удалились съ прежнимъ грохотомъ сабель. При прощаніи были, разумѣется, разныя извиненія, что обезпокоили.

Эта деликатность была особенно некстати послѣ того, какъ эти незваные гости, заслышавъ въ другой комнатѣ стукъ чашекъ и ложекъ, напрашивались тонкимъ образомъ на чай,—именно замѣчали,

что на дворѣ холодно, и, что они не успѣли еще въ это утро напиться чаю. Они, видно, не считали своего посѣщенія непріятнымъ для меня. Я, однакожъ, остался глухъ къ ихъ намекамъ.

На сверткѣ съ портретомъ и книгами они попросили меня написать, что эти вещи дѣйствительно взяты у меня. Я написалъ. Имъ, конечно, нуженъ былъ мой автографъ.

III.

Почти вслѣдъ за отъѣздомъ двухъ полковниковъ я отправился къ Цѣпному мосту, въ третье отдѣленіе, чтобы узнать отъ Шувалова о причинѣ обыска.

Въ пріемной меня встрѣтилъ Золотницкій, только-что вышедшій изъ кабинета, и очень удивился моему пріѣзду.

— Зачѣмъ вы? Вѣдь ничего у васъ не нашли,—говорилъ онъ мнѣ.—Развѣ васъ призвали сюда?

— Нѣтъ.

— Такъ уѣзжайте лучше. Что вамъ тутъ съ нимъ разговаривать?

Я, однакожъ, остался.

Шуваловъ, выйдя, пригласилъ меня въ кабинетъ, тотъ самый кабинетъ, гдѣ мнѣ послѣ того случилось быть еще не одинъ разъ,—и спросилъ о причинѣ моего пріѣзда къ нему. Я, въ свою очередь, спросилъ о причинѣ бывшаго у меня непріятнаго посѣщенія. Онъ немного замялся. Я сказалъ, что, кажется, къ этому не было съ моей стороны никакого повода.

— Развѣ только мой образъ мыслей кому-нибудь не понравился?—прибавилъ я.

— Помилуйте,—возразилъ на это Шуваловъ.—Дѣло не въ образѣ мыслей. Я самъ человѣкъ либеральный.

Слышать такое золотое изреченіе отъ шпіона en chef и не засмѣяться—стоило мнѣ нѣкотораго усилія.

Видя, однакожъ, что я не уйду безъ объясненія, Шуваловъ сказалъ мнѣ, что на меня есть подозрѣніе по дѣлу московскихъ студентовъ, у которыхъ открыта тайная типографія и литографія; но что такъ какъ дѣло это передано изъ III-го отдѣленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, то я оттуда получу на-дняхъ вопросные пункты.

— Вы вѣдь никуда не собираетесь ѣхать изъ Петербурга?

— Никуда.

IV.

Вѣсть о московскихъ студентахъ немного удивила меня. Я зналъ, что съ ихъ стороны не можетъ быть на меня ничего, кромѣ голословныхъ показаній. Только на другой день, на сходкѣ у Николая Курочкина по поводу шахматнаго клуба, узналъ я объ арестѣ Всеволода Костомарова. Но и тутъ мнѣ въ голову не приходило, чтобы третье отдѣленіе могло что-нибудь знать о листѣ „Къ молодому поколѣнію". Въ этотъ именно вечеръ оно было распространено по Петербургу. Между тѣмъ, какъ потомъ оказалось, Костомаровъ успѣлъ уже объяснить Шувалову все, что зналъ о прокламаціи и что даже только подозрѣвалъ. Собственно зналъ-то онъ немного. У меня искали именно ее.

Послѣ того, какъ прокламація распространилась, старанія найти ея источникъ были, разумѣется, удвоены. За мной, вѣроятно, слѣдили и особенно старался въ Петербургѣ и въ Москвѣ частный приставъ Путилинъ. Этотъ усердный молодой человѣкъ, какъ я узналъ потомъ въ тайной канцеляріи, былъ тамъ правой рукой.

Какъ же было и не усердствовать какому-нибудь частному, когда агентами шпіонскаго отдѣленія съ величайшею готовностью соглашались быть и особы въ генеральскихъ чинахъ, не имѣющія надобности хлопотать о Владимірѣ въ петлицу, и при томъ совсѣмъ посторонняго вѣдомства? Ты, конечно, помнишь, какъ меня удивила записка отъ цензурнаго глухаря, барона Медема, о томъ, не я ли доставилъ къ нему какую-то небывалую статью о бельгійской конституціи. Курьеръ ждалъ отъ меня тотчасъ же отвѣта, точно дѣло шло о пожарѣ или наводненіи. Мою записку я видѣлъ потомъ въ III-мъ отдѣленіи. Ее сличали съ двумя рукописями, взятыми у Костомарова (вѣрнѣе—представленными имъ) и нашли, что я писалъ то, чего никогда не писалъ.

V.

Я дѣлалъ разныя предположенія, прежде чѣмъ арестовали; но мнѣ ни разу не пришло въ голову, что Костомаровъ подлецъ (уже потомъ я слышалъ, что одинъ близкій къ III-му отдѣленію человѣкъ говорилъ одному литератору: „хороши ваши литераторы! Сваливаютъ другъ на друга". Это относилось именно къ Костомарову).

Кажется, дня черезъ четыре послѣ бывшаго у меня обыска, заѣхалъ ко мнѣ Г., никогда прежде у меня не бывавшій, чтобы сказать, что хотятъ сдѣлать обыскъ въ какой-то деревнѣ, тогда какъ у меня никакой деревни нѣтъ и я никуда не ѣздилъ изъ Петербурга. Откуда

могли идти такія вѣсти? Тотъ же Г. говорилъ, что въ III отдѣленіи убѣждены, что подозрѣнія на меня вполнѣ основательны и что у нихъ есть мои рукописи, компрометтирующія меня.

Всѣ эти глухіе слухи не просвѣтили меня, къ несчастію, относительно Костомарова, и я продолжалъ относить всю вину на человѣка, который былъ нисколько въ этомъ не виноватъ, да и быть-то виноватъ не могъ. Мнѣ совѣстно думать теперь объ этомъ подозрѣніи.

А между тѣмъ, Костомаровъ, въ послѣдній пріѣздъ свой изъ Москвы, произвелъ на меня далеко не такое пріятное впечатлѣніе, какъ прежде. Я въ этотъ разъ убѣдился, что онъ любитъ мать,—и когда онъ мнѣ разсказывалъ, что братъ грозитъ ему доносомъ, не вѣрилъ ему и потому слушалъ его довольно хладнокровно. Я думаю, что все это вздоръ, и никакой братъ не думалъ на него доносить; но, если это была даже правда, отчего онъ не постарался уничтожить улики?

Я припоминаю теперь еще одно обстоятельство, которому, впрочемъ, не хочу придавать важности. Упомяну о немъ только потому, что оно не разъ приходило мнѣ на умъ въ продолженіе слѣдствія надо мной. Ты знаешь, какъ часто жаловался Костомаровъ на свою бѣдность, на то, что литература не даетъ денегъ, что журналисты не платятъ, и пр. Именно, въ послѣднее свое свиданіе со мной, онъ говорилъ, что, если будетъ такъ продолжаться, онъ поступитъ въ жандармы. Онъ прибавилъ, что сдѣлалъ бы это во вкусѣ Конрада Валенрода, и говорилъ шутя; но слова его чрезвычайно непріятно подѣйствовали на меня.

О Костомаровѣ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Какъ бы то ни было, я вовсе не подозрѣвалъ, что дѣло идетъ именно о прокламаціи „Къ молодому поколѣнію". Если я принялъ кой-какія предосторожности, уничтожилъ разныя письма и бумаги, и пр., то лишь потому, что думалъ, подозрѣніе можетъ пасть на меня по какому-нибудь новому поводу.

Меня мало тревожили и слухи о томъ, что меня арестуютъ, распространявшіеся не разъ по городу. Помнишь, пріѣздъ Блюмеръ и ея предложеніе спрятать меня въ своей квартирѣ и потомъ выпроводить за границу?

Второй обыскъ нагрянулъ совсѣмъ неожиданно. Свѣдѣнія были собраны уже довольно обстоятельныя, и можно было явиться ко мнѣ съ двойнымъ трезвономъ и съ большею наглостью.

VI.

Утро 14-го сентября было такъ богато разными наглыми и возмутительными подробностями, что его нельзя забыть. И при всемъ

этомъ, извѣстная деликатность обращенія! Не деликатенъ развѣ былъ только звонокъ, которымъ можно бы на смерть испугать больнаго.

А все остальное (даже призывъ въ твою спальню, для присутствія при твоемъ одѣваньѣ бабы Аграѳены) было такъ все свѣтски и гвардейски вѣжливо. Черту неделикатности выказалъ, правда, также одинъ изъ свидѣтелей или понятыхъ,—помнишь, тотъ, что былъ одержимъ глухотой и облеченъ въ зеленый сюртукъ съ гербовыми пуговицами. Онъ садился все въ разныхъ мѣстахъ, и гдѣ ни сядетъ, непремѣнно возьметъ со стола бумагу какую-нибудь, или письмо, и примется читать. Но вѣдь это даже нельзя и неделикатностью назвать. Просто глупости. При томъ же, какъ только я сказалъ, что это мнѣ не нравится, гвардейскіе любезники его тотчасъ остановили. Благодушный полковникъ Щербацкій наклонилъ также свою мягкую физіономію къ моимъ письмамъ и также не безъ любопытства почитывалъ ихъ. Но вѣдь это было полнымъ его правомъ. А какая тонкость въ обращеніи жандармскаго полковника Житкова! (Вы твердо изволите писать, или добро въ вашей фамиліи?" спрашивалъ его тотъ же квартальный, на этотъ разъ уже здоровый, выписывая начало акта.—„Те... Жит..., а не Жид..."—отвѣчалъ полковникъ). У него бѣлки были тоже красные, всѣ въ напряженныхъ жилахъ. Но какъ ласково онъ смотрѣлъ! Какъ мило улыбался! Наибольшую серьезность хранилъ черный сыщикъ Путилинъ, показавшійся всѣмъ намъ особенно загадочнымъ лицомъ, но и онъ раза два улыбнулся, и голосъ у него былъ такой мягкій. Его глаза съ черными масляными зрачками и съ какою-то синеватою тѣнью подъ вѣками и на бѣлкахъ, я готовъ бы признать такими же характеристическими для шпіона, какъ красные для жандарма: но не слишкомъ ли ужъ это будетъ? А именно точь-въ-точь такіе глаза и такой же видъ, почему-то напоминающій воронъ, былъ и у слѣдователя, который трудился выклевать у меня признаніе въ тайной канцеляріи.

Воспоминаніе объ этомъ гнусномъ утрѣ до сихъ поръ возбуждаетъ во мнѣ желчь. Эта куча народа, вѣдь однихъ солдатъ жандармскихъ и полицейскихъ было человѣкъ 10 (не считая бабы и 4-хъ высшихъ шпіоновъ, расхаживавшихъ съ двумя понятыми по всѣмъ комнатамъ), эти поганые глаза, осквернившіе своимъ взглядомъ столько чистыхъ страницъ, эти дрянныя воровскія руки, готовыя пачкать все своимъ прикосновеніемъ, это расхаживанье изъ комнаты въ комнату и собачье обнюхиванье всего, эта наглость, сопровождаемая или предшествуемая извиненіями, наконецъ, самая продолжительность этой пытки, тянувшейся съ 5 час. утра чуть не до часу по-полудни,—у меня теперь, отъ одного того, что я припомнилъ ихъ, сохнетъ во рту, какъ сохло въ то утро.

До сихъ поръ я не могу объяснить себѣ одного факта. Когда жандармскій сидѣлъ въ гостиной, пересматривая твои письма, а Щербацкій занимался сниманьемъ съ полокъ и перелистываньемъ книгъ у меня въ кабинетѣ, Путилинъ, притворивъ дверь, въ прихожей шептался съ высокой, красивой и молодой дамой, къ которой его вызвали. Этой дамѣ онъ, кажется, что-то передавалъ, и чуть ли она не два раза тутъ была. Я пріотворилъ дверь и смотрѣлъ на нихъ; но ничего не слыхалъ. Я тутъ же спросилъ Путилина, что это значитъ. Онъ глухо отвѣчалъ, что это къ нему, по постороннему дѣлу. Я потомъ очень хорошо узналъ эту даму во дворѣ 3 отд. Она не разъ проходила тамъ.

VII.

Уже судя по продолжительности и по тщательности обыска (при которомъ все-таки ничего особеннаго не найдено), можно было догадаться, что меня не оставятъ дома. Если бы имъ вздумалось тутъ же читать груду бумагъ и писемъ, безъ толку набранныхъ у меня и Шелгунова, имъ пришлось бы тутъ гостить дня два. Когда коробки съ бумагами были запечатаны и въ домѣ ничего не осталось не обшареннаго, даже до чердака, полковникъ Житковъ, предпославъ приличное извиненіе, объявилъ мнѣ, что „принужденъ пригласить меня съ собой“.

Я только-что умылся и принялся одѣваться въ спальнѣ, какъ ко мнѣ вошелъ жандармскій и конфиденціально спросилъ, какъ же я оставлю свои вещи, и нужно ли ихъ опечатать и передать кому-либо.

Я сказалъ, что пусть онѣ остаются какъ есть, у васъ на рукахъ, безъ всякаго опечатанія.

— Я долженъ, однакожъ, васъ предупредить,—сказалъ онъ еще конфиденціальнѣе:—что и они (онъ кивнулъ на кабинетъ), можетъ быть, должны будутъ быть удалены изъ квартиры. Впрочемъ,—продолжалъ онъ, какъ бы соображая: — покамѣстъ можно будетъ оставить. Теперь вы поѣдете только одни.

Ты, разумѣется, помнишь, что онъ говорилъ вродѣ утѣшенія:

— Вы, вѣроятно, часа черезъ полтора узнаете о нихъ (т.-е. обо мнѣ).

Это было сказано съ цѣлью, именно для меня, и я слишкомъ поздно догадался, съ какою.

Я былъ сильно встревоженъ, когда мнѣ пришлось прощаться со всѣми. У меня точно было уже предчувствіе, что дѣло разыграется именно такъ глупо, какъ оно разыгралось. Преслѣдованіе было слиш-

комъ нагло, и мнѣ поневолѣ думалось, что оно не можетъ же основываться на какихъ-нибудь пустякахъ.

Уже сходя съ лѣстницы, я былъ какъ будто охваченъ всѣми тѣми мыслями, которыя потомъ все росли и давили меня въ тайной канцеляріи. Я простился внизу съ Николаемъ Васильевичемъ и Веней' но подумалъ взглянуть на верхъ, на окна нашей квартиры, только ужъ тогда, какъ карета отъѣхала отъ воротъ.

VIII.

На передней лавкѣ кареты помѣстили коробки съ бумагами и чемоданъ мой съ бѣльемъ и кой-какими книгами, взятыми мною на время ареста. Рядомъ со мною сидѣлъ жандармскій въ шинели.

Мнѣ смутно помнится, что утро было яркое и не холодное, и слышался церковный звонъ (былъ праздникъ Воздвиженья). Близъ нашихъ воротъ, у сосѣдняго дома, на углу, у гимназіи, стояло не мало народа, явно привлеченнаго жандармами въ воротахъ и у воротъ.

Это любопытство не понравилось моему полковнику.

— Я всегда говорю,—замѣтилъ онъ:—что обыски гораздо лучше дѣлать по ночамъ, какъ прежде дѣлали. А этакъ по утру — непремѣнно наберутся любопытные.

Мы, сколько помнится, ѣхали Большой Морской, потомъ, кажется, Б. Милліонной, къ Лѣтнемъ саду.

Житковъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, можетъ быть, съ цѣлью, а можетъ быть и такъ, именно: давно ли я вернулся изъ-за границы, долго ли тамъ проѣздилъ и гдѣ жилъ.

Я чувствовалъ такую сухость и горечь во рту, что мнѣ не хотѣлось и слова сказать. Было какъ разъ время завтрака, а я утромъ выпилъ только стаканъ чаю безъ хлѣба. Я сказалъ, что поѣздка въ III отд. не дала мнѣ и позавтракать.

— Какъ жаль, что теперь не вечеръ, — замѣтилъ на это Житковъ:—а то мы могли бы заѣхать съ вами въ какой-нибудь ресторанъ и закусить.

Дѣйствительно, жаль. Какое было бы прекрасное препровожденіе времени!

— Впрочемъ, вы можете спросить, чего вамъ угодно и тамъ.

Это тамъ было уже почти здѣсь.

Мы переѣхали Цѣпной мостъ; но опытный извозчикъ не повернулъ по набережной, гдѣ мнѣ было извѣстно парадное крыльцо канцеляріи, а поѣхалъ въ Пантелеймоновскую (кажется, такъ) улицу, и

въ концѣ ея повернулъ направо въ ворота, въ которыхъ стояли жандармы.

— Вы посидите покамѣстъ въ каретѣ, — проговорилъ Житковъ, выскакивая.—Я сейчасъ.

И точно, минуты черезъ двѣ, онъ явился къ дверцамъ и попросилъ меня слѣдовать за собой. Тутъ же подъ воротами въ подъѣздъ стали мы подыматься по довольно опрятной лѣстницѣ. Здѣсь вышелъ къ намъ навстрѣчу въ 2 этажѣ (изъ двери, на которой я прочелъ „Зарубинъ") офицеръ съ краснымъ воротникомъ и обще-армейскимъ лицомъ. Это былъ еще человѣкъ молодой, бѣлокурый и самаго беззаботнаго вида.

— Вотъ-съ г. Михайловъ,—объяснилъ ему Житковъ.—Помѣстите ихъ. А мнѣ надо спѣшить. Мое почтенье, m-r Михайловъ.

И мой провожатый съ архангельскою легкостью запорхалъ внизъ по лѣстницѣ, по-архангельски гремя о ступени своимъ длиннымъ мечемъ.

— Пожалуйте за мной,—обратился ко мнѣ Зарубинъ, какъ оказалось смотритель дома, смотритель каземата при тайной канцеляріи, экономъ, однимъ словомъ, въ родѣ домашняго генія этихъ милыхъ мѣстъ.

Мы и безъ того были уже высоко; но пришлось подыматься еще выше,—и, наконецъ-то, пройдя еще десятка три ступеней, я вступилъ въ дверь, гдѣ капитану брякнулъ на караулъ ружьемъ солдатъ.

— Охъ, высоко!—проговорилъ и смотритель, отдуваясь, хотя бѣгать взадъ и впередъ по этой лѣстницѣ ему было, вѣроятно, въ привычку.

Тутъ я очутился въ какой-то горницѣ, похожей и на грязную лакейскую въ безпорядочномъ помѣщичьемъ домѣ, и отчасти на буфетъ какой-нибудь захолустной харчевни, и, наконецъ, на сторожку. — Тутъ пахло сапогами и угаромъ, и возился около стола съ чайными чашками и сапожными щетками высокій и неуклюжій человѣкъ, видомъ и одеждой похожій на дворника.

— Гдѣ же вахтеръ? — крикнулъ смотритель. — Вахтера послать!

Вахтеръ, черный, приземистый, въ сѣрой шинели, былъ легокъ на поминѣ.

Въ двери, выходившей въ описанную мною комнату, повернулся большой ключъ, и передо мною распахнулась моя первая тюрьма.

Въ тайной Канцеляріи.

I.

Это была довольно просторная комната, очень обыкновеннаго вида, оклеенная обоями, съ двумя большими окнами. Что это тюрьма, напоминали, однакожъ, очень ясно желѣзныя перекладины за этими окнами. Кромѣ койки, былъ тутъ небольшой столъ, довольно удобный диванъ и нѣсколько стульевъ, и въ одномъ углу снарядъ, показывавшій, что изъ этой комнаты нельзя выходить даже по крайней надобности.

Изъ оконъ виднѣлись только крыши да трубы; дворъ внизу представлялся чѣмъ-то въ родѣ колодца, такъ высоко поднялась эта тюрьма.

Смотритель велѣлъ внести мой чемоданъ и сказалъ, что сейчасъ придетъ дежурный—записать мое имя и осмотрѣть вещи. Самъ онъ ушелъ.

Вскорѣ явился гусарскій офицеръ глупаго вида и молодой, съ одной особенно одутловатой щекой, которая была будто во флюсѣ; но этотъ флюсъ—потомъ я увидалъ—былъ постоянный. Гусаръ принесъ шнуровую книгу. За нимъ вошелъ вахтеръ съ кучкой бѣлья. Чемоданъ мой поставили на полъ.

Гусаръ спросилъ мое имя, званіе и пр., и записалъ въ своей книгѣ. Потомъ онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ раздѣться и надѣть все казенное. Мнѣ пришлось снять съ себя все дочиста—даже чулки. Взамѣнъ мнѣ дали казенные чулки, бѣлые штаны съ костяными пуговицами, сшитые на человѣка, вдвое выше и толще меня, рубашку и поверхъ всего бѣлый больничный халатъ, а на ноги старые стоптанные башмаки.

Пока я переодѣвался, черномазый противный вахтеръ производилъ обыскъ по всѣмъ карманамъ моего платья, которое выворачивалъ и опять вправлялъ. Все, что было въ нихъ, я заранѣе выложилъ на столъ. Бѣлье изъ чемодана тоже было выложено, переписано въ книгу; все, что было на мнѣ, тоже; часы, кошелекъ съ деньгами, шапка... „ничего изо всего этого, объявилъ мнѣ гусаръ съ флюсомъ, не можетъ быть оставлено при мнѣ".

— А книги?

— Книги тоже надо передать въ экспедицію. Тамъ просмотрятъ. Только сегодня ужъ некому — праздникъ.

Гусаръ обѣщалъ современемъ хорошаго шпіона. Мало того, что при немъ были обшарены мои карманы — онъ велѣлъ вахтеру вскрыть запечатанный ящикъ съ папиросами, взятый мною изъ дому, и когда вахтеръ раскрылъ его, онъ началъ перерывать папиросы своею пястью

съ самымъ серьезнымъ видомъ и даже чуть ли не съ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Ему было на видъ лѣтъ 20; усы маленькіе; бороду онъ едва-ли еще брилъ. Надежды подаетъ пріятныя. Впрочемъ, такихъ милыхъ юношей въ мундирахъ разныхъ полковъ я видѣлъ больше десятка во время пребыванія моего у Цѣпнаго моста. Всѣ они прикомандированы къ начальнику III отд. въ чаяніи мѣстъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій по жандармеріи; состоятъ тутъ какъ-бы на испытаніи и должны зарекомендовать свою скромность и показать отчасти свою дѣятельность. Шляясь по трактирамъ и по гостямъ въ свободные отъ дежурства дни, они обязаны отъ времени до времени поддерживать хорошее мнѣніе о себѣ въ глазахъ начальства легкими доносиками. Должно быть, они очень дорожатъ своимъ положеніемъ, потому что отвѣчаютъ самымъ уклончивымъ образомъ даже на самые обыкновенные вопросы, въ родѣ справокъ о погодѣ.

Обобравъ меня дочиста, офицеръ съ вахтеромъ ушли, и дверь за ними была заперта. Я ужъ не помню теперь, была ли она стеклянная, какъ въ другомъ помѣщеніи, или съ квадратнымъ оконцемъ, прикрытымъ снаружи желѣзнымъ клапаномъ, какъ въ тюрьмѣ. Въ этой комнатѣ я пробылъ слишкомъ не долго.

Смотритель, уходя, спросилъ меня, не хочу ли я обѣдать или чаю. Я спросилъ чаю, и мнѣ принесъ его тотъ косолапый, похожій на дворника, человѣкъ, о которомъ я упоминалъ.

Чай, конечно, не успокоилъ моего нервнаго раздраженія послѣ этого отвратительнаго утра. У меня разбаливалась голова. Я попробовалъ лечь на койку и задремать; но сонъ не шелъ, хоть я и не выспался въ эту ночь, какъ слѣдуетъ. При томъ я не могъ отдѣлаться отъ разныхъ предположеній относительно своего ареста; но въ нихъ все-таки не подходилъ даже и близко къ настоящему ихъ поводу, доносу Костомарова. Мнѣ хотѣлось, чтобы хоть эта нерѣшительность скорѣе миновала,—чтобы меня позвали на допросъ.

II.

Вскорѣ опять явился смотритель и за нимъ вахтеръ съ моими сапогами и платьемъ.

— Потрудитесь одѣться, сказалъ смотритель, — мы васъ переведемъ въ другой номеръ.

Я сталъ одѣваться и спросилъ, — зачѣмъ.

— Здѣсь высоко, неудобно и далеко отъ экспедиціи, сказалъ смотритель, — а васъ часто будутъ спрашивать. Велѣли поближе перевести.

Мы спустились съ лѣстницы въ сопровожденіи вахтера, несшаго за нами больничный халатъ и стоптанные башмаки. Пройдя 1-й дворъ, загроможденный страшнымъ количествомъ дровъ (смотритель говорилъ мнѣ потомъ съ гордостью, что у нихъ на шпіонную канцелярію выходитъ ихъ въ годъ на 8.000 р.), мы вступили на 2-й дворъ, неправильной формы и поменьше. Дальше были еще ворота, въ которыя виднѣлся жалкій садикъ. Не доходя до нихъ, вправо, почти въ углу, была небольшая дверь, около которой стоялъ жандармскій часовой. Дверь была отворена; но вахтеръ, въ темныхъ и грязныхъ сѣняхъ, откуда шла вверхъ такая же грязная лѣстница, позвонилъ въ какой-то разбитый, но громкій колокольчикъ. Онъ давалъ знакъ наверхъ о прибытіи начальства.

Мы поднялись на второй этажъ. Тутъ передъ нами оказалась тяжелая дверь изъ продольныхъ желѣзныхъ жердей, какъ у звѣриныхъ клѣтокъ, съ тяжелымъ замкомъ. За дверью полумракъ; тамъ въ недлинномъ коридорѣ, шаговъ въ 30, виднѣлись солдаты съ ружьями, двое или трое.

Вахтеръ отомкнулъ замокъ, и мы прошли въ самую глубь коридора, мимо трехъ одностворчатыхъ дверей, со стеклами въ верхней половинѣ, которыя снаружи были задернуты бѣлымъ коленкоромъ. Такую же дверь (это была крайняя) отперли мнѣ.

Новый номеръ былъ далеко не такъ изященъ, какъ первый. Стѣны голыя, просто выбѣленныя; диванъ крошечный, стараго фасона; вмѣсто стола какой-то шкапчикъ и два старомодныхъ стула. Койка была такая же желѣзная, какъ и тамъ. Около нея у самой печки (больше некуда было поставить) возвышался громадный ящикъ, крышка котораго не совсѣмъ плотно прикрывалась. Постоянная отрава изъ этого ящика слышалась въ тепло натопленной комнатѣ. Потолокъ былъ низкій, опять таки не то, что въ первомъ моемъ помѣщеніи, гдѣ онъ былъ и высокъ да вдобавокъ еще и съ лѣпными какими-то украшеніями. И печь, выходившая на полкирпича въ комнату, была самая простая, а тамъ изразцовая и съ разными художественными орнаментами. Къ счастію, въ моей новой комнатѣ было два окна, и оба еще объ одной рамѣ. Ихъ можно было отворять. Рѣшетки были въ нихъ такія же.

Номеръ имѣлъ форму трапеціи, какъ и дворъ передъ окошками. Кровать стояла у стѣны, образовавшей тупой и острый углы.

Опять раздѣванье, и опять я былъ въ бѣломъ халатѣ. Смотритель съ вахтеромъ ушли; я остался одинъ и сталъ смотрѣть въ окно.

Во дворѣ было пусто. Изрѣдка проходилъ какой-нибудь жандармъ, то солдатъ, то въ офицерской шинели, пріѣзжалъ курьеръ въ телѣжкѣ, съ пакетами, баба проходила или дама. Появленіе дамъ заставило меня предположить, что въ самомъ зданіи есть шпіонскія квартиры,

*

со шпіонами и шпіонятами. Имъ-то, конечно, принадлежали эти окна въ третьемъ этажѣ, справа отъ моихъ оконъ, завѣшанныя гардинами, съ горшками цвѣтовъ. Этажемъ ниже были видны въ окна столы, этажерки съ бумагами и всѣ проч. обычныя принадлежности присутственнаго мѣста. Это было, какъ я предположилъ, самое ядро шпіонской дѣятельности. У одного изъ оконъ показывался то дежурный гусаръ съ флюсомъ, то чиновникъ со свѣтлыми пуговицами, должно быть, тоже дежурный.

Я заслышалъ шаги у своихъ дверей и оглянулся. Бѣлая занавѣска, заслонявшая съ той стороны стекла, была отдернута, и ко мнѣ глядѣло солдатское лицо съ черными усами и бакенбардами, въ какой-то бѣлой курткѣ. Вслѣдъ затѣмъ повернулся ключъ въ замкѣ, и этотъ самый длинный солдатъ, нѣсколько облысѣвшій спереди, съ худощавымъ и довольно добродушнымъ лицомъ, внесъ ко мнѣ нанизанные на ремень судки съ обѣдомъ. Онъ постлалъ на шкапчикѣ, замѣнявшемъ столъ, салфетку, вынулъ изъ него солонку и затѣмъ разставилъ судки, показывая мнѣ содержаніе каждой глиняной чашки, словно хотѣлъ плѣнить меня. „Вотъ супъ, ваше вбдіе, а вотъ холодное, а вотъ жареное, — а огурцы тутъ (огурцы лежали въ застывшемъ говяжьемъ салѣ); а вотъ и пирожное на закуску, ваше вбдіе“.

Несмотря на чувство какъ будто голода, я не могъ ѣсть. Непріятное раздраженіе все еще не проходило. Я хлебнулъ ложки двѣ жидкаго трактирнаго супу, и мнѣ показалось, что если я съѣмъ еще ложки двѣ, меня, пожалуй, стошнитъ. Къ супу была серебряная ложка; но къ остальнымъ блюдамъ такихъ опасныхъ орудій, какъ ножъ и вилка, не полагалось.

III.

Только къ сумеркамъ я сталъ немного успокоиваться; но успокоился не на долго. Опять слегка отдернулась занавѣска, опять повернулся ключъ въ двери. Вошелъ черный вахтеръ съ моимъ платьемъ и предложилъ мнѣ одѣться.

— Куда?

— Не могу знать-съ.

Я одѣлся.

Тутъ пришелъ гусаръ съ флюсомъ и сказалъ, что меня просятъ въ „Экспедицію“.

Когда въ коридорѣ вслѣдъ за нами хотѣли направиться въ видѣ конвоя два солдата, гусаръ развязно махнулъ имъ рукой и сказалъ гуманно и современно: „Не надо!“

Мы вышли во дворъ, потомъ въ ворота направо, гдѣ былъ цвѣтникъ, обошли его кругомъ и по разнымъ лѣстницамъ и коридорамъ пришли къ двери, на которой было написано: „2-е отд-ніе". Я прочелъ эту надпись совершенно равнодушно, еще вовсе не подозрѣвая, что она почти равняется для меня, по значенію, надписи надъ вратами Дантова ада.

Прихожая; потомъ что-то въ родѣ канцеляріи. Тутъ за тремя или четырьмя столами сидѣло человѣкъ пять, несмотря на праздникъ, и строчило какую-то черноту (Дѣла, какъ я замѣтилъ потомъ, тутъ много. Все пишутъ и пишутъ). Прогрессъ давалъ о себѣ знать тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ господъ вставали съ мѣста и закуривали у камина папиросы. Какъ вообще всякій чиновникъ, они желали высказать свой вѣсъ тутъ, при постороннемъ: проходя мимо, принимали какую-то особенно развязную походку и безпечный видъ. Лица, разумѣется, пошлыя, какъ и слѣдуетъ имѣть мелюзгѣ.

— Посидите, пожалуйста, здѣсь, — обратился ко мнѣ опухшій гусаръ, а самъ отправился доложить.

Черезъ нѣсколько минутъ дальнѣйшая дверь отворилась, и оттуда сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ высокій чиновникъ во фракѣ съ свѣтлыми пуговицами и съ Станиславомъ на шеѣ. Остановясь почти посрединѣ комнаты, онъ обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ:

— Не угодно ли вамъ пожаловать сюда, г. Михайловъ?

Я пошелъ и, черезъ маленькую проходную комнату, очутился въ самомъ сердцѣ 2-й эксп-ціи. Дверь чиновникъ за собою затворилъ.

IV.

Тутъ стояли все шкапы кругомъ и одинъ только письменный столъ.

Чиновникъ, стоявшій теперь передо мной лицомъ къ лицу, былъ еще почти молодой человѣкъ (онъ сказалъ мнѣ какъ-то потомъ, что ему 36 лѣтъ). Лицо у него было сухое, безстрастное и не злое. Въ выраженіи было что-то напряженное, какъ будто онъ постоянно прислушивался къ чему-то; фамилія чиновника — Горянскій. Экономъ и сторожъ называли его не иначе, какъ Ѳедоръ Ивановичъ. Онъ былъ худощавъ, съ нѣсколько втянутыми щеками, съ тонкими и постоянно запекшимися губами, какъ будто отъ долгаго поста или отъ долгаго молчанія. Черные волосы, черные глаза съ синевой подъ вѣками, тонкій носъ, смуглый цвѣтъ лица сообщали ему вороній характеръ. Эти черты были почти постоянно въ нервномъ движеніи такъ же, какъ и сухія руки.

— Я очень уважаю вашъ талантъ, г. Михайловъ, — сказалъ онъ съ

возможно любезнымъ видомъ, — и очень сожалѣю, что мнѣ приходится познакомиться съ вами при такихъ обстоятельствахъ.

Какъ будто я могъ бы познакомится съ нимъ при другихъ!

— Да въ чемъ дѣло? — спросилъ я. — Въ чемъ меня подозрѣваютъ?

— На васъ падаетъ сильное подозрѣніе, во-первыхъ, въ сочиненіи прокламаціи къ крѣпостнымъ людямъ, во-вторыхъ, въ привозѣ изъ-за границы другаго печатнаго воззванія „Къ молодому поколѣнію“ и въ распространеніи его.

— Да на чемъ же основываются эти подозрѣнія?

— Противъ васъ есть показанія нѣкоторыхъ лицъ, и, кромѣ того — вотъ-съ!

Онъ взялъ со стола письмо и подошелъ съ нимъ ко мнѣ. Я сѣлъ у окна.

— Извѣстна вамъ эта рука?

Довольно было взглянуть разъ на рукопись, чтобы узнать почеркъ Костомарова. Въ первыхъ же строчкахъ бросилось мнѣ въ глаза: „М. Михайловъ“.

— Чье это письмо, не знаю, сказалъ я. — Дайте прочесть.

Горянскій боялся дать мнѣ его въ руки. Онъ положилъ его на окно и придерживалъ сверху, вѣроятно, чтобы я не схватилъ и не разорвалъ его.

Въ письмѣ Костомарова, адресованномъ къ Костовцову, говорилось, что на него, Костомарова, сдѣланъ доносъ его собственнымъ братомъ, и при этомъ украдены рукописи, изъ коихъ одна писана рукою М. Михайлова и можетъ его сильно компрометтировать. Далѣе онъ просилъ справиться у Плещеева о моемъ адресѣ и поѣхать или послать ко мнѣ въ ПБ., предупредить меня, чтобы я (вотъ что было умнѣе всего) „принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры уничтожить“ — не то, чтобы уничтожилъ, а именно сдѣлалъ со своей стороны все возможное, чтобы уничтожить всѣ до единаго экземпляры „Молодаго поколѣнія“ (и это подчеркнуто для большей выразительности).

Какое сцѣпленіе мыслей заставило Костомарова писать подобныя вещи, когда за нимъ наблюдали (онъ и это упомянулъ въ письмѣ),— зачѣмъ понадобилось ему извѣщать меня, когда пять строкъ, написанныхъ моею рукой, безъ его собственнаго показанія, не подали бы никакого повода подозрѣвать не только меня, но и кого бы то ни было,—понять все это очень трудно. Если это письмо было написано не съ преднамѣренною цѣлью выдать меня, то въ это время въ головѣ Костомарова происходилъ странный процессъ. И добро бы оно обличало торопливость, состояло изъ набросанныхъ наскоро бѣглыхъ строчекъ! Нѣтъ, оно было довольно длинно и написано спокойной рукой. Только тупоумный человѣкъ могъ дописать его до конца, не уничтоживъ. И хоть бы это писалось въ другой городъ; а то въ томъ

городѣ посылать подобную цидулку съ горничной, съ изумительной логикой: „за мною слѣдятъ, такъ я посылаю это письмо съ Александрой“ (такъ, кажется, была названа горничная).

Дальнѣйшее содержаніе письма просто озлобило меня своею подлостью. Костомаровъ прямо говорилъ, что онъ ничего не скроетъ про московскихъ студентовъ, потому, видите ли, что они не стоятъ того, чтобы ихъ беречь!

Я ужъ никакъ не могу сказать, чтобы поступалъ умно въ III отд. Но этому не мало содѣйствовало опасеніе, что откровенія, сдѣланныя уже Костомаровымъ (какъ я уже сразу увидѣлъ изъ словъ Горянскаго), могутъ сопровождаться еще большими откровеніями.

— Вы признаете руку Костомарова?—спросилъ меня Горянскій. Онъ призналъ это письмо.

Я промолчалъ и еще разъ перечиталъ письмо.

Горянскій въ это время говорилъ, что упорство мое въ показаніяхъ только повредитъ мнѣ, именно заставитъ перевести меня въ крѣпость, гдѣ я буду содержаться съ величайшей строгостью. Этимъ онъ, кажется, хотѣлъ испугать меня, но, конечно, безъ толку.

— Третьему отд.,—продолжалъ онъ,—хорошо извѣстны и лица, содѣйствовавшія вамъ въ распространеніи воззванія. Ужъ и теперь арестованы нѣкоторые, но придется арестовать и другихъ.

Онъ назвалъ нѣсколько именъ.

— Мы давно уже не арестовывали женщинъ,—продолжалъ Горянскій:—а теперь должны были прибѣгнуть и къ этой мѣрѣ. Арестованы мать и сестра Костомарова. Часа черезъ $1^1/_2$ послѣ васъ взята и полковница Шелгунова.

Перечитывая письмо Костомарова, я думалъ, какъ бы объяснить его такъ, чтобы оно не могло служить обвиненіемъ мнѣ. Я, разумѣется, прежде него не призналъ бы самого письма, если бы меня не сбили немного съ толку слова Горянскаго.

Мнѣ казалось самымъ удобнымъ сказать, что изъ-за границы я дѣйствительно привезъ нѣсколько экземпляровъ воззванія (именно 10), но ихъ не распространялъ, а уничтожилъ, боясь отвѣтственности; что Костомаровъ видѣлъ у меня только одинъ экземпляръ, что было совершенно справедливо; а что касается рукописей, то я не помню, какія у него могутъ быть компрометтирующія меня бумаги. Пусть мнѣ покажутъ.

— Ихъ у насъ нѣтъ,—отвѣчалъ Горянскій,—онѣ переданы слѣдственной коммиссіи, назначенной надъ студентами, но вы ихъ увидите завтра.

Вскорѣ его потребовали къ „графу Петру Андреевичу“, и онъ попросилъ меня выйти съ нимъ опять въ канцелярію и тамъ подождать.

V.

Тутъ на этотъ разъ былъ Путилинъ въ черномъ фракѣ и со Станиславомъ на шеѣ. Этотъ Станиславъ здѣсь чуть не на каждомъ шагу. Онъ немедленно подступилъ ко мнѣ съ сладкой улыбкой и сталъ тоже предлагать вопросы. Я отвѣчалъ ему вскользь. Онъ возбуждалъ во мнѣ особенное отвращеніе.

Онъ обратился ко мнѣ прежде всего съ вопросомъ:

— Вѣдь вы изволите знать Благолюбова?

— Нѣтъ, не знаю.

— Какъ не знаете-съ? Онъ-съ вѣдь въ одномъ съ вами журналѣ участвуетъ.

— Нѣтъ, такого не участвуетъ.

— Ахъ, виноватъ-съ. Я хотѣлъ сказать, Добролюбова. Его знаете-съ?

— Знаю.

— Давно съ нимъ видѣлись?

— Недавно.

— На той недѣлѣ-съ?

— Не помню.

— Вы вѣдь изволили съ нимъ вмѣстѣ за границей быть?

— Вовсе нѣтъ.

— Но съ нимъ тамъ видѣлись?

— И того нѣтъ.

Все въ такомъ дикомъ родѣ.

Смеркалось уже. Зажигали свѣчи. Глупые вопросы Путилина были прерваны приходомъ Горянскаго, который попросилъ меня идти съ нимъ къ Шувалову.

Я прошелъ разными коридорами и лѣстницами въ ту самую пріемную, гдѣ дожидался Шувалова въ день бывшаго у меня обыска. Горянскій юркнулъ сначала къ нему въ кабинетъ, потомъ ушелъ изъ пріемной. Тутъ былъ только дежурный, развязно садившійся то на тотъ, то на другой стулъ, но не гусаръ съ флюсомъ, а другой. Шуваловъ взглянулъ и позвалъ меня.

VI.

У него горѣла свѣча на письменномъ столѣ и топился каминъ. Этотъ кабинетъ, куда, какъ въ лужу, стекаются эссенціи доносовъ и шпіонства, былъ уже мнѣ знакомъ, но я его еще не описалъ. Довольно большая комната эта была тоже обставлена съ одной стороны

довольно красивыми шкафами. Почти по серединѣ, задомъ къ камину, письменный столъ. На каминѣ часы, канделябры. Нѣсколько мягкихъ креселъ, кажется, и дивановъ. Вообще, кабинетъ имѣлъ видъ болѣе домашній, чѣмъ оффиціальный.

Шуваловъ остановился по одну сторону стола, я по другую. У него лицо какъ-то странно подергивало.

— Вы не хотите сказать, г. Михайловъ, той правды, которая намъ очень хорошо извѣстна,—началъ онъ.—Когда вы были у меня, тогда я уже очень хорошо зналъ вашу виновность; а теперь все окончательно подтвердилось. Теперь вы заставляете меня дѣйствовать, какъ бы мнѣ и не хотѣлось.

(Тутъ же мнѣ пришлось узнать, что онъ не только либеральный, но и честный человѣкъ. Онъ увѣрялъ въ этомъ, ударяя себя въ грудь).

Затѣмъ, тѣ же вопросы почти повторилъ мнѣ и Шуваловъ, которые я слышалъ уже отъ Горянскаго.

Онъ все увѣрялъ меня, что я писалъ прокламацію къ крѣпостнымъ людямъ, и говорилъ, что я, несомнѣнно, и подтверждается это сличеніемъ ея съ моимъ почеркомъ сколькими-то сенатскими секретарями.

Я стоялъ на своемъ и требовалъ, чтобы мнѣ показали рукописи.

— Хорошо-съ, завтра вы ихъ увидите,—сказалъ Шуваловъ.—Я не хочу брать у васъ признанія нахрапомъ.

А онъ вѣрно къ этому привыкъ въ полиціи.

— Вы привезли съ собою не десять экземпляровъ печатанной прокламаціи, какъ говорите. Это что? Пустяки! Изъ-за этого васъ бы нечего и преслѣдовать. Вы привезли ее въ большомъ количествѣ и распространяли со своими пріятелями. У меня есть очень вѣрныя данныя. Одному Костомарову вы предлагали для Москвы сто экземпляровъ. Вѣдь предлагали?

Я, конечно, отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Костомаровъ самъ вамъ это сейчасъ подтвердитъ.

Шуваловъ подошелъ къ двери и спросилъ громко:

— Что, привезли арестантовъ... изъ крѣпости?—прибавилъ онъ, вѣроятно, для устрашенія меня.

Я сильно сомнѣваюсь, сидѣлъ ли Костомаровъ въ крѣпости.

Минуты черезъ двѣ (въ кабинетѣ было молчаніе; Шуваловъ закурилъ крошечную папироску, ни онъ, ни я не садились) вошелъ Костомаровъ. Я не вдругъ бы узналъ его въ какомъ-то толстомъ пальто и обросшаго большой бородой. Онъ мнѣ улыбнулся; но у меня не нашлось въ отвѣтъ улыбки.

Извѣстное письмо лежало уже на столѣ у Шувалова. Онъ положилъ передъ Костомаровымъ и сказалъ, указывая на извѣстныя буквы:

— Что это такое? Къ молодому поколѣнію?

Костомаровъ молчалъ.

— Г. Михайловъ сознаетъ, что это такъ.

— Если онъ сознаетъ,—сказалъ Костомаровъ,—то это дѣйствительно такъ.

— Предлагалъ онъ вамъ сто экземпляровъ?

Тутъ я перебилъ его, чтобы (глупое заблужденіе) дать знать Костомарову, чего ему держаться въ своихъ показаніяхъ.

— Я не могъ ему предлагать и не предлагалъ такое количество, потому что у меня самого было всего 10 экземпляровъ. Но и ихъ Костомаровъ у меня не видалъ. Онъ видѣлъ только одинъ экземпляръ.

— Такъ ли это, Костомаровъ?

— Такъ.

— Ступайте!—сказалъ ему Шуваловъ.

Я остался. Шуваловъ чрезъ минуту выглянулъ изъ кабинета и спросилъ:

— Ушелъ?

Ему тамъ отвѣчали.

— Вы можете тоже теперь идти,—обратился онъ ко мнѣ.

Не успѣлъ я выйти изъ кабинета, какъ ко мнѣ вынырнулъ откуда-то изъ мрака Путилинъ и сказалъ по секрету:

— Попросите у графа, чтобы онъ возвратилъ письма г-жѣ Шелгуновой. Полковникъ давеча взялъ ихъ къ себѣ въ карманъ. Ихъ, пожалуй, представятъ при слѣдствіи.

Отъ этихъ словъ меня покоробило, но я промолчалъ.

Гусаръ съ флюсомъ ждалъ уже меня, и мы отправились.

VII.

Когда, пройдя дворъ съ садикомъ, мы вышли въ ворота, я взглянулъ на окна своего каземата. Окно рядомъ съ моими окнами было освѣщено. Штора не была спущена, и мнѣ показалось—у окна сидитъ дѣвушка, бѣлокурая, съ распущенными на плечи волосами. Горянскій, значитъ, не вралъ о женскихъ арестахъ. Это меня встревожило.

Нашъ коридоръ былъ освѣщенъ газомъ. Вахтеръ явился за одеждой. Самохваловъ (такъ звали сторожа—длиннаго унтера съ черными баками) принесъ стаканъ чаю съ хлѣбомъ.

Ночь я провелъ тревожно и почти не спалъ до самаго свѣта. Если эта ночь была первая, то не послѣдняя.

Когда я легъ въ постель, Самохваловъ принесъ ночникъ, поставилъ его на окно, опустилъ шторы, потушилъ свѣчу и пожелалъ мнѣ

спокойной ночи. Затѣмъ, онъ заперъ дверь и вынулъ изъ нея ключъ, который днемъ обыкновенно оставался въ замкѣ. Я думалъ, сердился и на себя, и на Костомарова, волновался, обсуживалъ и проворочался всю ночь съ боку-на-бокъ. Понятно, какого рода мысли не давали мнѣ спать. Я упрекалъ себя, что не стоялъ на совершенномъ отрицаніи всего, что сознался и въ десяти экземплярахъ, хотя дѣло и могло окончиться въ этомъ случаѣ непродолжительнымъ арестомъ. Я чувствовалъ уже, что Костомаровъ не поддержитъ меня. Мнѣ становилось ясно, что Костомаровъ высказалъ все, что зналъ, и даже, что подозрѣвалъ. И въ то же время мнѣ не хотѣлось такъ дурно думать о немъ. (Это-то и сгубило меня). Я придумывалъ, какъ поступать дальше; но видѣлъ, что уже сразу испортилъ дѣло. И надо всѣмъ этимъ господствовало опасеніе, какъ бы въ дѣло не впутали другихъ.

Во дворѣ было отъ времени до времени движеніе. Слышалось бряцанье сабель, пріѣзжали какія-то телѣжки. Я вставалъ и смотрѣлъ въ окно, отогнувши штору. Мнѣ воображались цѣлыя исторіи арестовъ, и только къ утру движеніе совершенно прекратилось, за исключеніемъ мѣрныхъ шаговъ смѣны, при чемъ слышалась команда и бряцанье ружей. Тогда раздавались громкіе шаги и въ нашемъ коридорѣ. Гремѣла желѣзная дверь, шагали солдаты, отдергивалась занавѣска у двери, и лица съ усами смотрѣли, что дѣлаетъ арестантъ. И часовой, оставшись уже одинъ у дверей, тоже по временамъ заглядывалъ.

Ночникъ у меня сталъ гаснуть. Мнѣ не хотѣлось вставать, чтобы поправить его. Вдругъ я услыхалъ голоса во дворѣ и потомъ на лѣстницѣ.

— Что жъ это? тамъ ночникъ погасъ. Зажечь!

— Эй, Самохваловъ! въ № 6 ночникъ.

— Что, погасъ?

— Да. Дежурный увидалъ.

— Сейчасъ.

Я всталъ, поправилъ свѣтильню спичкой, и она ярко загорѣлась. Мнѣ не хотѣлось, чтобы ко мнѣ лѣзли и ночью, и Самохваловъ, заглянувъ въ мою дверь, остался по виду очень доволенъ и произнесъ съ удивленіемъ:

— Горитъ (ъ sic).

Съ тяжелой головой пролежалъ я до разсвѣта, почти не умѣя еще сообразить и часовъ по смѣнѣ. Я слышалъ и звонъ къ заутренѣ, и ранней обѣднѣ, и заснулъ, видно, всего часа на полтора.

Чтобы позвать къ себѣ сторожа, нужно было только постучать въ стекло двери. Часовой передавалъ требованія дальше.

Самохваловъ принесъ умывальникъ и полотенце, подалъ мнѣ умыться, убралъ постель, вымелъ комнату и потомъ вскорѣ принесъ

чаю. Онъ спросилъ меня, не желаю ли я чего-нибудь читать, и, сказалъ, что у нихъ есть книги, которыя переходятъ изъ № въ №, казенныя. Я просилъ принести. Это были разрозненные №№ „Русской Бесѣды", „Библіотеки для чтенія", „Revue étrangère". Читать въ нихъ было нечего, да и охоты у меня не было.

Часовъ до 12 я ходилъ изъ угла въ уголъ или смотрѣлъ въ окно. Во дворѣ проходили опять то жандармы, то чиновники, то дамы, вѣроятно, шпіонки, жены и дочери. Точно такъ же, какъ и наканунѣ, пріѣзжалъ въ телѣжкѣ курьеръ съ бумагами, и пр. Окна не были закрашены.

VIII.

Часовъ въ 12 вахтеръ принесъ платье, пришелъ дежурный офицеръ, уже другой, другаго полка, и я пошелъ опять въ экспедицію. Тотъ же Горянскій выложилъ передо мною двѣ извѣстныя мнѣ прокламаціи: къ солдатамъ и къ крѣпостнымъ людямъ, разумѣется, придерживая ихъ слегка.

При этомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Костомаровъ показываетъ, что онъ взялъ эти рукописи въ квартирѣ студентовъ Петровскаго и Сороки.

Это меня очень смутило возможностью новыхъ компрометтирующихъ показаній.

Можетъ быть, это и глупо было съ моей стороны, но опасеніе худшаго заставило лишь сказать, что только одно изъ этихъ воззваній могъ онъ взять у Сороки, а другое получилъ отъ меня.

Когда я указалъ на строчки, написанныя мною въ прокламаціи къ солдатамъ, Горянскій былъ, повидимому, удивленъ. По ихъ соображеніямъ выходило (вопреки показанію Костомарова), что, напротивъ, прокламація къ крестьянамъ написана моей рукой.

Вотъ и все почти, что произошло въ это свиданіе. Да, я забываю одно.

Наканунѣ я видѣлъ въ экспедиціи взятыя у меня коробки съ бумагами, еще завязанными и запечатанными. Теперь не было на нихъ уже ни бичевокъ, ни печатей, и все изъ нихъ было, повидимому, выбрано. Это я замѣтилъ тотчасъ, какъ вошелъ, и тотчасъ же спросилъ Горянскаго, почему не призвали меня и не распечатали этихъ коробокъ при мнѣ. Я могъ бы при этомъ кое-что объяснить. Да къ тому же для чего иначе было прикладывать къ коробкамъ мою печать?

Горянскій принялъ при этомъ нѣсколько торжественный видъ, на сколько это было возможно, при его фигурѣ, и замѣтилъ съ гордостью:

— Вы забываете, г. Михайловъ, что здѣсь канцелярія его величества. Печать ваша не имѣетъ здѣсь значенія.

И я-то наивенъ! Какъ будто не зналъ, что тутъ-то именно и письма спеціальнымъ образомъ подпечатываются.

IX.

Только-что воротился я въ свой №, сторожъ принесъ обѣдъ, совершенно похожій на вчерашній. Но я не съѣлъ и двухъ глотковъ супу, какъ Горянскій явился ко мнѣ въ №. Обѣдъ и безъ того былъ мнѣ противенъ; а тутъ я, разумѣется, уже и въ ротъ не могъ его взять. Я сказалъ, чтобы его убрали.

Горянскій старался отбросить свой оффиціальный, чиновничій характеръ, но это ему не удавалось. Онъ сѣлъ, попросилъ позволенія закурить папиросу и спросилъ меня, не знаю ли я, гдѣ въ настоящую минуту студенты Сорока и Петровскій. Ихъ найти не могутъ. Оказалось, что до показанія Костомарова на нихъ и подозрѣнія никакого не падало. Я уже, напротивъ, по слухамъ думалъ, что Сорока арестованъ.

Потомъ Горянскій спросилъ:

— А гдѣ братъ Костомарова, вы не знаете?

— Какой братъ?

— А, вотъ, про котораго онъ пишетъ, что донесъ на него?

— Да вы развѣ не знаете этого?—спросилъ я съ удивленіемъ.— Я-то его и не видывалъ никогда.

— Мы его давно ищемъ и не знаемъ, гдѣ онъ.

Я тогда же началъ думать, что доносъ брата — выдумка Костомарова. Хотѣлось бы разъяснить эту исторію.

Скажу нѣсколько словъ о Горянскомъ. Вообще, это рѣдкій подлецъ, подлецъ до глубины души, до мозга костей. Я сказалъ, что въ выраженіи лица у него не было злаго; но подлость характера артистически отпечатывалась въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи мускуловъ. У меня было довольно времени всмотрѣться въ это гадкое лицо. Со втораго дня моего ареста онъ меня посѣщалъ ежедневно въ теченіе двухъ недѣль. Заходилъ и потомъ, но уже не такъ часто. Любопытнѣе всего было наблюдать за той игрой, которую онъ старался искусственно сообщить своему лицу. Игра эта не удавалась ему. Сухое, черствое лицо не поддавалось усиліямъ выразить то, что требовалось выразить въ данную минуту, на основаніи тонкихъ шпіонскихъ соображеній. Но въ усердіи съ его стороны въ этомъ отношеніи не было недостатка. Напротивъ, онъ иногда, можно сказать, весь пре-

вращался въ это усердіе. Надежды терять, впрочемъ, нечего. Онъ еще молодъ. Къ старости, того и гляди, постоянная практика сдѣлаетъ свое, и его теперь неподатливое лицо будетъ принимать какую угодно маску, если только мы будемъ оставаться покорными зрителями этого вертепа у Цѣпнаго моста.

X.

Съ этого втораго дня моего ареста я могу болѣе или менѣе одинаково охарактеризовать всѣ дни моего заключенія. Въ первыя двѣ недѣли я не зналъ ни одной спокойной минуты. Только вечеромъ, да и то послѣ извѣстнаго часа, могъ я не ждать посѣщенія Горянскаго или Путилина, или того, что меня потребуютъ въ экспедицію или къ Шувалову.

Говорить съ этими господами было для меня истинной пыткой. Они постоянно дѣлали мнѣ въ разговорѣ разные пугавшіе меня намеки, на которые я старался не выказывать никакого ни любопытства, ни вниманія, тогда какъ внутренно они меня очень тревожили. На принесенные мнѣ Горянскимъ вопросные пункты о прокламаціи „Къ молодому поколѣнію", я отвѣтилъ то же, что и на словахъ (рукописи, конечно, казались имъ не особенно важнымъ дѣломъ). По этимъ отвѣтамъ со мною нельзя бы было сдѣлать ничего особеннаго. Я рѣшился стоять на этомъ до конца, и еслибъ не страхъ, что Костомаровъ замѣшаетъ еще кого-нибудь, дѣло окончилось бы развѣ высылкой меня изъ Петербурга. Намеки не сходили у Горянскаго съ языка. Онъ игралъ передо мною, какъ фокусники играютъ ножами, разными именами, не уставая повторять ихъ. Между прочимъ мнѣ предлагали вопросы о Венѣ (Евген. Петр. Михаэлисъ), давно ли онъ пріѣхалъ изъ деревни, былъ ли въ Петербургѣ. Когда я вернулся изъ-за границы. Но это было много спустя, почти передъ самымъ переводомъ меня въ крѣпость (вѣроятно, въ это время держали его въ III отдѣленіи, дожидаясь, что я скажу).

Говоря объ этихъ ежедневныхъ вопросахъ, мучившихъ меня и сами по себѣ, и особенно тѣми тревожными мыслями, которыя они всякій разъ оставляли во мнѣ,—я говорю собственно о посѣщеніяхъ Горянскаго, у котораго я былъ, кажется, главнымъ предметомъ наблюденія все это время. Путилинъ, не знаю почему (вѣрно, по глупости своей) былъ для меня еще противнѣе; но онъ заходилъ рѣже, и я почти ни на одинъ его вопросъ не отвѣчалъ, такъ что онъ долженъ былъ поневолѣ уходить отъ меня довольно скоро.

Оригинальнѣе всего были разспросы Шувалова, къ которому меня

водили разъ пять или шесть. Онъ обыкновенно спрашивалъ въ такомъ родѣ:

— Какъ вы ни запирайтесь, а г-жа Шелгунова знала объ этомъ дѣлѣ. Это мнѣ извѣстно какъ нельзя лучше.

— Не знала.

— Нѣтъ, знала.

— Нѣтъ, не знала.

— Нѣтъ, знала.

И т. д. до злости.

— Ну, я понимаю, — перемѣнялъ онъ тему: — что вы не хотите выдавать женщину; но братъ ея зналъ. Мы не можемъ оставить его безъ наказанія.—Нѣтъ, не зналъ.—Нѣтъ, зналъ и помогалъ вамъ.—Нѣтъ, не зналъ.—И что вы его защищаете? Зналъ.—Нѣтъ, не зналъ.—Зналъ, я вамъ говорю.—А я вамъ говорю, что не зналъ.

Это онъ должно быть называлъ: не брать нахрапомъ.

Примѣръ допроса, приведенный мною, я взялъ изъ времени, слѣдовавшаго уже за моимъ показаніемъ. До этого вопросы были и другіе, но характеръ изслѣдованія былъ тотъ же.

— Зачѣмъ вы не хотите сказать, что распространяли прокламаціи вы? — Да я не распространялъ.—Распространяли.—Нѣтъ.—Распространяли.—Нѣтъ же!

Кромѣ допросовъ Горянскаго, меня, впрочемъ, ничто не смущало. Онъ съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ умѣлъ разнообразить свои вопросы и томить меня по цѣлымъ часамъ.

XI.

Дни, разнообразные только по моимъ безпокойнымъ думамъ, тянулись такъ. Я вставалъ около 7, 8 часовъ. Слѣдовало умыванье, питье чая, къ которому не подавалось молока и давалась 3-хъ-копеечная булка. Потомъ начиналось досадное ожиданіе посѣщеній. Я пробовалъ читать, но не находилъ въ этомъ развлеченія. Я спросилъ у Шувалова газетъ, и мнѣ приносили „Петербургскія Вѣдомости“, „Инвалидъ“. Но это было только въ первую недѣлю. Потомъ газетъ мнѣ не стали давать. Такимъ образомъ я лишь случайно узналъ по попавшему ко мнѣ отдѣльному № „Р. Міра“, что университетъ закрытъ. Объ этомъ событіи я, правда, слышалъ отъ Путилина и отъ смотрителя, но не совсѣмъ имъ повѣрилъ. Достаточно было пробыть тутъ 3—4 дня, чтобы видѣть, что изо всего разсказываемаго по меньшей мѣрѣ 3/4 оказывается ложью.—По утру обязанъ ходить по №№ дежурный съ вопросомъ, не желаетъ ли аре-

станть чего-нибудь. Но ко мнѣ дежурный не всегда заходилъ. Эта подающая надежды молодежь часто ограничивалась тѣмъ, что, отдернувъ занавѣску двери, заглядывала ко мнѣ въ стекло. Утромъ же довольно часто заходилъ ко мнѣ смотритель, капитанъ Зарубинъ. Онъ сообщалъ мнѣ преимущественно театральныя новости. На каждую новую пьесу онъ ѣздилъ. Вдавался иногда и въ политику, и либеральничалъ. А вслѣдъ затѣмъ жаловался на бездну хлопотъ въ III отдѣленіи. Все, говорилъ, такъ было хорошо. Сколько времени почти всѣ №№ стояли пустыми, а теперь не знаешь, дѣвать куда всѣхъ, кого арестуютъ.—Правительство, вѣдь, идетъ же по-немножку впередъ, разсуждалъ онъ.—Нельзя же вдругъ. А вы, господа-прогрессисты, очень ужъ торопитесь. Все бы вамъ сразу.

День, 2, 3 и 4 я не прикасался къ обѣду. Не говоря о томъ, что онъ успѣвалъ простыть по пути изъ трактира (откуда его брали), а если его подогрѣвали, то воня́лъ саломъ и вообще былъ довольно противенъ, я не могъ ѣсть его и потому, что приносили его въ 12, въ часъ. Это случалось, значитъ, или непосредственно вслѣдъ за пріятными бесѣдами со мной моихъ милыхъ слѣдователей, или въ ожиданіи ихъ, или же, наконецъ, во время самыхъ визитовъ. Только въ сумеркахъ я какъ-будто чувствовалъ себя немного легче. Безпрестанныя отворянья желѣзной коридорной двери, голоса разныхъ мѣстныхъ распорядителей, шаги ихъ и распоряженія по коридору только тутъ умолкали. Въ остальное время, прислушиваясь къ этимъ голосамъ и шагамъ, я того и ждалъ, что вотъ идутъ мучить меня разговорами. Это такъ и случалось. Капитанъ Зарубинъ былъ наибольше сноснымъ исключеніемъ. Онъ, повидимому, не имѣлъ ни обязанности, ни особеннаго призванія разузнавать у меня что-нибудь, говорилъ больше самъ, и все-таки я узнавалъ отъ него, хоть урывками, кой-какія новости. Я ему сказалъ, что совсѣмъ не могу ѣсть такъ рано, и онъ мнѣ предложилъ присылать обѣдъ въ 4 или въ 5 час. Въ 12 же я хотѣлъ имѣть кофе. Онъ и на это согласился. Около сумерекъ чиновники расходились изъ присутствія по домамъ, Шуваловъ (если бывалъ въ III отд.) тоже уѣзжалъ. Значитъ, можно было вздохнуть посвободнѣе. Я слѣдилъ обыкновенно изъ окна, какъ они расходятся. Перемѣна времени обѣда не прибавила мнѣ, однакожъ, аппетита. Я замѣтилъ нѣкоторое измѣненіе въ характерѣ блюдъ и спросилъ у Самохвалова, не изъ другаго ли это трактира обѣдъ. Онъ сказалъ мнѣ, что объ эту пору они изъ трактира обѣдъ не берутъ, а этотъ отъ капитана Зарубина, который снабжаетъ имъ всѣхъ арестантовъ, обѣдающихъ такъ поздно, какъ я. Въ это время и самъ онъ обѣдаетъ.—Такая эта капитанша милосердная,—замѣчалъ Самохваловъ,—что поискать другой.—Его удивляла моя умѣренность. Я

рѣдко ѣлъ что-нибудь кромѣ супа да салата, иногда развѣ только оставлялъ у себя кусокъ какого-нибудь сухого пирожнаго. — Что вы не кушаете, ваше высокоблагородіе? — говорилъ онъ ласковымъ и добродушнымъ тономъ.—Развѣ не нравится вамъ?—Нѣтъ, не ѣстся что-то.—Да вы огорчаетесь, я полагаю, ваше высокоблагородіе? Такъ вы не огорчайтесь. Что ни Богъ! что ни Богъ, ваше высокоблагородіе! У насъ иные и по 10 мѣсяцевъ сидѣли, да на волю выходили. Что ни Богъ, ваше высокоблагородіе! — Не было почти дня, чтобы у меня не болѣла голова и не билось сердце до тошноты. Я продолжалъ мучиться безсонницей. Ночь проходила у меня въ вознѣ съ боку на бокъ. Если я и засыпалъ на полчаса, на часъ, то этого нельзя назвать сномъ. Какая-то чуткая дремота это была, наполненная въ то же время безпорядочными и непріятными грезами. Въ нихъ все продолжались и допросы, и думы мои, и опасенія. Малѣйшій шумъ въ коридорѣ будилъ меня. Сплошь и рядомъ я не могъ разобрать, дремалъ ли я, или просто думалъ. Я съ тоской ждалъ, считая смѣны, скоро ли дневной свѣтъ сдѣлаетъ ненужною эту лампадку, тихо потрескивающую на окнѣ. Я потребовалъ на 3-й или 4-й день взятыя съ собою книги и хотѣлъ начать писать. Мнѣ дали и бумаги, и перьевъ, и чернилъ. Но книгъ моихъ разомъ мнѣ не дали, а давали по одной, по двѣ. Мнѣ казалось, что во время письма мнѣ удастся лучше сосредоточить свои мысли на чемъ-нибудь постороннемъ. Но это было заблужденіе. Писать мнѣ было еще труднѣе, чѣмъ читать. Только сильнѣе разбаливалась и тяжелѣла голова. Я бросилъ и это, и оставаясь одинъ, только ходилъ изъ угла въ уголъ, считая концы. Такимъ образомъ и тутъ (какъ потомъ, въ крѣпости) мнѣ случалось насчитывать въ теченіе дня до 1.500 концовъ. Уставъ ходить, я ложился на постель и разсѣянно читалъ. Иногда, заставъ меня лежащимъ, Самохваловъ замѣчалъ:—Вы опять на койкю (онъ произносилъ именно такъ мягко) легли, ваше высокоблагородіе, должно быть все огорчаетесь. Что ни Богъ, ваше высокоблагородіе. У насъ что,—вотъ, не дай Богъ, въ крѣпости! А здѣсь что? Подержать, да и выпустять. Что ни Богъ, ваше высокоблагородіе!

— Я вступалъ съ нимъ иногда въ разговоръ и старался его поразспросить кой-о-чемъ. Но онъ трусилъ отвѣчать, понижалъ голосъ и косился на двери. Онъ жаловался, что дѣла ему много, что всѣ №№ въ его отдѣленіи заняты, что съ одними обѣдами хлопотъ пропасть. А тамъ еще уборка комнатъ, чай и пр., что нѣкоторые арестанты такъ пачкаютъ полъ и сорятъ сигарами, что надо каждый день мыть; что нѣкоторые очень капризны, сердятся, кличутъ каждую минуту за вздоромъ, безпрестанно спрашиваютъ, который часъ.— Хочу ужъ часы въ коридорѣ повѣсить. Есть тамъ въ сторожкѣ.

Пусть тутъ бьютъ.—Онъ и сдѣлалъ это. Но боемъ часовъ я наслаждался всего дня два. Начальство приказало ихъ снять. Вѣрно, считало это баловствомъ. Моихъ часовъ мнѣ не давали, хотя я просилъ не разъ.—Я спросилъ Самохвалова, есть ли между арестантами женщины. Онъ сначала не хотѣлъ отвѣчать, но потомъ сказалъ шопотомъ, что теперь нѣтъ, а бывали. Только имъ прислуживаютъ бабы, а не онъ. Мнѣ хотѣлось знать, кто же это около меня. Онъ сказалъ, что это молодой человѣкъ, совсѣмъ мальчикъ, волосы по плечамъ. Я догадался, потомъ, что это былъ московскій студентъ. Я видѣлъ его, изъ окна, во дворѣ въ студенческомъ мундирѣ, и думалъ, что его выпускаютъ на свободу; но—какъ мнѣ указали потомъ въ слѣдующ. комнату—его перевели только изъ III отд. на съѣзжую (кажется, Оберъ-Миллеръ фамилія). Въ другой разъ я увидалъ въ окно—какъ мнѣ показалось—Владимира Обручева, идущаго съ дежурнымъ офицеромъ, вѣроятно, въ экспедицію. Я думалъ, не ошибся ли. Но это потомъ подтвердилось. Но чаще всего, по нѣсколько разъ въ день, видѣлъ я одного арестанта: господина съ сѣдой французской бородкой, въ сѣромъ инвернесѣ. Меня удивляло, что его такъ часто допрашиваютъ; но Самохваловъ объяснилъ мнѣ, что онъ ходитъ просто гулять по садику. Я могъ бы тоже отправляться на прогулку, но у меня не было на это ни малѣйшей охоты.

Предъ арестомъ моимъ я слышалъ, что въ III отд. взятъ нѣкто Перцовъ, тоже отчасти литераторъ. Я почему-то рѣшилъ, что это именно онъ. Разъ онъ вышелъ съ какимъ-то узелкомъ. Во дворѣ стояла извѣстная карета. Онъ сѣлъ въ нее одинъ и уѣхалъ. Я такъ и думалъ, что его освободили. Видя его потомъ во дворѣ, я предполагалъ, что онъ приходилъ за какими-нибудь справками. Но жандармы, везшіе меня до Тобольска, сказали мнѣ, что онъ все еще содержится у Цѣпного моста, а тогда ѣздилъ, въ сопровожденіи вахтера, въ торговыя бани.—Раза 2—3 проходилъ по двору Б. Онъ смотрѣлъ на мои окна, и, вѣроятно, зналъ меня. Я нарочно становился ближе и смотрѣлъ въ открытую форточку. Однажды онъ поднялъ руку ко рту и сдѣлалъ какъ будто три воздушныхъ поцѣлуя. Можетъ быть они относились къ Обручеву, а можетъ быть и къ обоимъ намъ.—Я забылъ сказать и скажу теперь кстати, что меня не разъ спрашивали, не извѣстно ли мнѣ, откуда идетъ „Великоруссъ“. На отрицательный отвѣтъ мнѣ замѣчали: „знаете, да сказать не хотите“. Но и только.

XII.

Почти двѣ недѣли допросовъ и надоѣданій не подвинули дѣла моего ни на шагъ, и я уже начиналъ думать, что тѣмъ все и кон-

чится.—Однажды, призванный къ Шувалову, я услыхалъ отъ него слѣдующее:—Я имѣю положительныя данныя, что прокламацію „Къ молодому поколѣнію“ написали вы.—Какія же?—Мнѣ говорилъ одинъ литераторъ, что вы читали прокламацію свою въ рукописи еще другому литератору—т. е. не литератору, а брату литератора, именно Серно-Соловьевичу, что вы на это скажете?—Какой вамъ это литераторъ говорилъ?

— Да Костомаровъ; вы съ Соловьевичемъ совѣтовались, и онъ еще говорилъ вамъ, что вы этою прокламаціей возстановите противъ себя всѣхъ помѣщиковъ. Вы ему читали это предъ своимъ отъѣздомъ въ Лондонъ.

— Что это вздоръ, ясно ужъ изъ того, что я съ Серно-Соловьевичемъ познакомился по пріѣздѣ изъ-за границы. Шуваловъ нѣсколько смутился.

— Дѣйствительно?

— Да.—Объ этомъ потомъ онъ уже не поминалъ.

XIII.

Вскорѣ послѣ этого ко мнѣ явился Путилинъ съ портфелемъ подъ мышкой. Онъ вынулъ оттуда печатку въ видѣ ручки съ бархатнымъ рукавомъ, и спросилъ, знаю ли я эту печатку. Она была очень хорошо мнѣ знакома.

— Нѣтъ.

— Онъ вынулъ нѣсколько конвертовъ, прошнурованныхъ и пропечатанныхъ, и показалъ мнѣ адреса.—А это вы писали?

— Я.

— Это были адреса моихъ писемъ къ Костомарову. Онъ вынулъ еще два пакета и показалъ мнѣ:

— А это?

— Это не я.

— Вы только себѣ вредите, не сознаваясь,—замѣтилъ Путилинъ.—Это ваша же рука, и печать вотъ эта ваша.—Онъ повернулъ пакеты другой стороной.

Довольно долго приставалъ онъ ко мнѣ и съ другими вопросами, слышанными мною уже сто разъ. Наконецъ, сказалъ, что Костомаровъ прямо говоритъ, что прокламацію привезъ я въ большомъ количествѣ, предлагалъ ему взять въ Москву сто экз. и продать.—Вы это отъ него самого услышите-съ,—прибавилъ онъ.—Вамъ дадутъ съ нимъ очную ставку. Онъ это все на очной же ставкѣ показалъ. Тутъ изъ Москвы есть одинъ господинъ теперь.

Не добившись отъ меня ничего, Путилинъ ушелъ.

Не больше какъ чрезъ $^1/_4$ ч. послѣ его ухода меня позвали въ экспедицію.

XIV.

Тамъ встрѣтилъ меня Горянскій почти тѣми же вопросами, какъ и Путилинъ. Онъ говорилъ, что „нравственное“ убѣжденіе ихъ, т. е. III отд., въ моей виновности такъ сильно, что они употребятъ всѣ средства добраться до конца въ своихъ открытіяхъ. На сцену опять явились печать, конверты и пр. Онъ что-то заговорилъ было о чернилахъ, о сургучѣ; но, видно, самъ увидалъ, что зарапортовался, и потому поспѣшилъ поправить дѣло, показавъ мнѣ отвѣты Костомарова на предложенные ему вопросные пункты.—Эти отвѣты были дѣйствительно очень компрометтирующаго характера. Въ нихъ онъ говорилъ о прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“, какъ о моей брошюрѣ, утверждалъ, что ни у кого и быть ея не могло въ Петербургѣ, кромѣ меня; о числѣ привезенныхъ мною экземпляровъ онъ не упоминалъ, но въ то же время на вопросъ, зачѣмъ я привезъ ихъ, отвѣчалъ,—вѣроятно, по его мнѣнію, остроумно—что, конечно, не съ тою цѣлью, чтобы оклеить экземплярами воззванія стѣны своего кабинета вмѣсто обоевъ. Онъ подтверждалъ также, что разсказывалъ въ Москвѣ о моемъ предложеніи ему взять прокламацію съ собой,—и еще не мало было глупостей самаго сквернаго свойства въ этихъ отвѣтахъ.—По особому тупоумію меня болѣе всего поразилъ, помню, отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ онъ, Костомаровъ, предупреждалъ меня письмомъ?—Затѣмъ,—отвѣчалъ Костомаровъ,—чтобы Михайловъ, получивши письмо, уничтожилъ всѣ экземпляры (!!) и тогда, еслибъ письмо и попалось въ руки полиціи (?), то нельзя было бы никакъ догадаться, о чемъ съ нимъ идетъ рѣчь.—Этотъ отвѣтъ, чуть ли не дважды подчеркнутый Горянскимъ краснымъ карандашемъ, какъ особенно замѣчательный, разсмѣшилъ меня. На все краснорѣчіе Горянскаго я отвѣтилъ однимъ, что къ тому, что сказалъ разъ, въ своихъ отвѣтахъ, я ничего не прибавлю, да и прибавлять мнѣ нечего.

— Вотъ сейчасъ самъ г. Костомаровъ будетъ здѣсь. Вы поговорите съ нимъ.

Я и не думалъ, какой оборотъ могло принять и приняло это свиданіе. Я рѣшился не принимать на себя ничего болѣе того, что уже принялъ, и конечно, выдержалъ бы свое рѣшеніе, еслибъ Костомаровъ не вывелъ меня изъ терпѣнія своими упреками. Онъ пришелъ въ сопровожденіи Путилина. Горянскій попросилъ его объяснить разные пункты въ его отвѣтахъ. Я уже не помню хорошенько

этихъ объясненій, но мнѣ памятно, что Костомаровъ какъ-то неловко старался вывернуться изъ ихъ нелѣпыхъ фразъ. Напр., относительно того, что онъ воззваніе постоянно именовалъ моей брошюркой или статьей, онъ сказалъ Горянскому что-то въ родѣ этого:—„Вѣдь, говоря про этотъ стулъ, на которомъ вы сидите, что этотъ стулъ вашъ, я этимъ не хочу сказать, что онъ принадлежитъ вамъ. Когда дѣло дошло до разсказовъ его въ Москвѣ о прокламаціи, Путилинъ съ сладостною улыбкою сообщалъ, что г. Костомаровъ подтвердилъ сказанное въ отвѣтахъ сейчасъ на очной ставкѣ. Горянскій спросилъ его. Онъ сначала молчалъ, потомъ сказалъ, что онъ дѣйствительно подтвердилъ сейчасъ на очной ставкѣ да и теперь подтверждаетъ, что разсказывалъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ можетъ добыть сколько угодно экземпляровъ воззванія. Я на это замѣтилъ ему, что онъ могъ говорить такую вещь и не имѣя на это прочнаго основанія.—Всякому изъ насъ,—сказалъ я:—случалось въ разговорахъ преувеличивать. И вы, вѣрно, не станете утверждать, что говорили на этотъ разъ правду.—Я уже начиналъ сильно сердиться. Костомаровъ стоялъ на своемъ. Я очень кротко, стараясь выбирать выраженія, напомнилъ ему одинъ примѣръ сдѣланнаго имъ преувеличенія въ разговорѣ со мной. Онъ вдругъ вспыхнулъ и разсердился.

— Вы хотите, кажется, свалить все на мою голову,—сказалъ онъ потомъ мнѣ.—Валите, валите!

— Я ничего на васъ не валю, да и нечего мнѣ валить. Напротивъ, все, что касалось меня въ вашемъ дѣлѣ, я объяснилъ, хоть и со вредомъ для себя.

— Говорите, г. Костомаровъ,—сказалъ Горянскій.

— Да что мнѣ говорить?—возразилъ Костомаровъ.—Онъ (указывая на меня) хочетъ играть роль невинной жертвы. Ну, обвиняйте меня!

— Намъ не обвинить кого-нибудь нужно, а узнать истину,—сказалъ Горянскій.—Говорите, г. Костомаровъ.

Костомаровъ помолчалъ и потомъ рѣзко сказалъ:

— Не удивительно, что я молчу, а удивительно, что молчитъ онъ,—онъ показалъ на меня.

— Что такое вы сказали?—вскричалъ Горянскій. Это замѣчаніе важное, и вы должны написать его.

Онъ положилъ листъ бумаги на конторку, облокотясь на которую стоялъ Костомаровъ и подавалъ ему перо. Костомаровъ не бралъ пера.

— Нѣтъ, вы должны это написать, должны,—настаивалъ Горянскій.—Въ вашихъ словахъ намекъ очень серьезный, и онъ долженъ быть разъясненъ. Пишите же, г. Костомаровъ. Какъ это вы сказали? Не удивительно, что молчите вы, а то удивительно, что молчитъ г. Михайловъ. Извольте написать эти слова.

Костомаровъ все еще колебался. Я едва сдерживалъ злобу, которая раскипалась во мнѣ.

— Горянскій, Костомаровъ никогда не покажетъ несправедливо,— вмѣшался сладкимъ голосомъ Путилинъ, вообще мало тутъ говорившій и бывшій, вѣроятно, лишь въ качествѣ свидѣтеля. Я ихъ довольно хорошо знаю по Москвѣ.—Пишите, Костомаровъ,—сказалъ и я.

Онъ уже взялъ перо, но только занесъ его надъ бумагой, я остановилъ его словами, что у меня было гораздо большее число экземпляровъ, чѣмъ я показывалъ. Я сказалъ тогда, кажется, что 150, но потомъ въ показаніи прибавилъ еще 100, потому что иначе не могъ достичь нужнаго правдоподобія.—Длить эту сцену очной ставки въ экспедиціи мнѣ стало омерзительно. Я боялся, что она приметъ еще гаже характеръ, и уже не въ ущербъ мнѣ, а можетъ быть и другимъ. Надо было покончить. Костомаровъ отошелъ къ окну, опустился на столъ и началъ плакать, говоря безсвязно:—Ко мнѣ пристаютъ съ утра до вечера. Мать моя въ горячкѣ...—Путилинъ предложилъ ему выпить стаканъ воды. Онъ подошелъ къ столу, выпилъ и сказалъ, что желалъ бы уйти. Горянскій объявилъ, что это можно.—Я забылъ упомянуть, что какъ только я сказалъ о томъ, что у меня было 150 экземпляровъ воззванія, Горянскій обратился и ко мнѣ съ требованіемъ, чтобы я написалъ это. Я отказался наотрѣзъ и сказалъ, что мнѣ въ такомъ случаѣ мало писать одну цифру, что я напишу все, что нужно у себя въ №, а отвѣчать на отдѣльные вопросы теперь не стану, не хочу. Горянскій выразилъ было какое-то колебаніе; но Путилинъ обратился къ нему (обычная уловка) съ такими словами:—Да г. Михайловъ напишутъ. Развѣ можно въ этомъ сомнѣваться? ужъ если они разъ сказали, то, конечно, напишутъ.—Вслѣдъ за Костомаровымъ ушелъ въ свой № и я.

XV.

Горянскій сталъ томить меня еще чаще своими посѣщеніями. Онъ уже не предлагалъ мнѣ вопросныхъ пунктовъ, а сказалъ, чтобы я написалъ просто показаніе. Ты знаешь уже это показаніе, въ его позднѣйшей формѣ. Прежде чѣмъ оно приняло ее, оно было вдвое короче. Но я долженъ былъ прочесть его Шувалову въ черновой рукописи, и многія подробности явились только вслѣдствіе того, что имъ въ первоначальномъ видѣ не удовольствовались бы и все-таки предложили бы мнѣ еще не мало вопросныхъ пунктовъ. Я не помню теперь всего; но укажу кое-что. Такъ, напримѣръ, у меня сначала было глухо сказано, что я привезъ воззваніе съ собою, а о проис-

хожденіи его не говорилось. Это прибавлено. Такъ точно не упоминалось въ немъ и вашего имени. Но Шуваловъ и всѣ его клевреты говорили, что я пріѣхалъ вмѣстѣ съ вами, и что въ Лондонѣ вы должны были находиться вмѣстѣ со мною. Надо было и на это отвѣтить. Вообще многое, что казалось мнѣ самому потомъ совершенно излишнимъ (когда мнѣ прочли это показаніе предъ судомъ), было вызвано назойливыми вопросами и придирками въ III отдѣленіи. Когда, повидимому, все было удовлетворено, Шуваловъ, прослушавъ показаніе, сказалъ мнѣ:—Вамъ, конечно, все это непріятно. Но, согласитесь сами, принявши единожды это мѣсто, не могъ же я поступать иначе.—Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ стараться и надѣется, что меня не болѣе какъ отправятъ куда-нибудь въ отдаленную губернію на жительство.—Но можетъ, конечно, случиться, что государь захочетъ меня предать суду.—Потомъ прибавилъ (повторилъ увѣреніе въ своей честности), что у него было въ рукахъ нѣсколько писемъ, взятыхъ во время обыска жандармскимъ полковникомъ, но такъ-какъ мнѣ могло бы быть непріятно, если они попадутъ въ чужія руки, то онъ передалъ ихъ запечатанными вамъ. Это (какъ оказалось) было вранье, которымъ онъ поддерживалъ вранье Путилина. Писемъ никакихъ Житковымъ не было взято.

Горянскій пришелъ ко мнѣ вскорѣ съ просьбой указать ему кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, кто сообщилъ бы ему о моихъ прежнихъ литературныхъ занятіяхъ. Это было нужно ему, какъ онъ говорилъ, для будущаго доклада государю.—Я пошелъ бы къ А. Н. Майкову, или къ Н. А. Некрасову. Я ихъ нѣсколько знаю. Но вы вѣдь знаете, какъ на насъ смотрятъ. Скажутъ: шпіонъ!!—Онъ особенно выразительно произнесъ слово шпіонъ, словно хотѣлъ передать во всей силѣ то презрѣніе, съ какимъ его обыкновенно произносятъ. Горянскій, какъ онъ говорилъ мнѣ какъ-то, сочинялъ стихи и чуть ли не носилъ какую-то поэму своего произведенія къ Некрасову. Я вызвался лучше самъ ему продиктовать, что ему нужно. Только послѣ этого показанія я сталъ немного покойнѣе и по ночамъ пересталъ метаться безъ сна. Чтеніе, однако, все-таки плохо развлекало меня, хотя, признавъ за собою всю вину, я уже пересталъ тревожиться за спокойствіе другихъ. Другая тревога, за себя, была слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ тою.

XVI.

Я почти забылъ, что письмо Костомарова сдѣлало меня прикосновеннымъ и къ другому дѣлу, по которому слѣдствіе производилось

особенной коммиссіей. Забыть было и не трудно. Оно было слишкомъ ничтожно для III отд. сравнительно съ тѣмъ, что имъ нужно было узнать, для чего у меня было произведено два обыска, и самъ я былъ арестованъ. Нѣтъ сомнѣнія, что будь у нихъ въ виду только эта прикосновенность моя, и обыскъ у меня не повторился бы, и меня позвали бы въ слѣдующую комнату, не арестуя.

Совершенно неожиданно принесли мнѣ разъ вечеромъ платье, и смотритель пришелъ объявить, что я поѣду сейчасъ въ слѣдственную коммиссію для отобранія отъ меня показанія. Я поѣхалъ въ извѣстной каретѣ, въ сопровожденіи молодаго офицера, капитана Ѳедорова, не знаю, какого полка, будущаго кандидата въ жандармы, прикомандированнаго съ этою цѣлью къ Шувалову. На козлы, рядомъ съ кучеромъ, сѣлъ вахмистръ. Рѣдко встрѣчалъ я такихъ дураковъ, какъ этотъ офицеръ. Глупость его высказывалась въ разныхъ разсужденіяхъ, съ которыми онъ не отставалъ отъ меня всю дорогу отъ Цѣпнаго моста по Б. Милліонной и Б. Морской. Не знаю даже, могу ли я назвать этого господина и не вполнѣ испорченнымъ человѣкомъ. Онъ выказывалъ, что стыдится своего положенія, и старался какъ-будто оправдаться въ томъ, что поступилъ въ жандармскій штабъ съ тѣмъ, чтобы получить со временемъ мѣсто въ провинціи, что-нибудь въ родѣ адъютанта при жандармскомъ штабъ-офицерѣ. Онъ въ то же время съ какою-то завистливою восторженностью говорилъ о быстрой и блестящей карьерѣ Шувалова и изумилъ меня не мало, когда вдругъ произнесъ отъ слова до слова формальный списокъ шпіонскаго начальника. Онъ какъ-то упомянулъ, что былъ сначала преподавателемъ исторіи гдѣ-то въ военно-учебномъ заведеніи. Въ хронологіи дѣйствительно былъ силенъ. Онъ только-что не называлъ мнѣ мѣсяцевъ и чиселъ, когда Шуваловъ былъ произведенъ въ такой-то чинъ, переведенъ на такое-то мѣсто; но года приводилъ онъ съ точностью хронологической таблицы. Чтобы оправдать свои жандармскія стремленія, онъ пускался въ восхваленіе гуманности Шувалова и говорилъ, что всѣ стремленія этого добродѣтельнаго сановника направлены на то, чтобы „облагородить“ службу по жандармскому вѣдомству, чтобы люди все служили образованные (при этомъ бывшій преподаватель исторіи имѣлъ, вѣроятно, въ виду и себя), чтобы уничтожить всякіе тайные допросы (мнѣ-то это было кстати разсказать) и предоставить всѣ дѣла, бывшія прежде исключительною спеціальностью III отдѣленія, обыкновенному суду, а самимъ только наблюдать за чиновниками по всей имперіи: не брали бы взятокъ, и проч.—Мнѣ любопытнѣе было узнать что-нибудь про городскія новости; но онъ ничего не зналъ или не хотѣлъ говорить, кромѣ того, что дебютировалъ въ итальянской оперѣ какой-то новый пѣвецъ,

да что пріѣхала какая-то новая танцовщица. Онъ выразилъ мнѣ, кромѣ того, свое сочувствіе къ литературѣ, сказалъ, что предпочитаетъ всѣмъ журналамъ „Время“, и пожалѣлъ, что въ этотъ мѣсяцъ „Современникъ“ запоздалъ.

Странное чувство не оставляло меня во весь этотъ недалекій переѣздъ. Окна кареты были опущены, и я съ какою-то жадностью смотрѣлъ по сторонамъ, всматривался въ лица проходившихъ по освѣщеннымъ тротуарамъ Б. Морской, будто хотѣлъ узнать въ толпѣ хоть одно знакомое лицо. Мнѣ хотѣлось въ то же время ударить по виску и оглушить этимъ моего спутника, вмѣшаться въ толпу и вдругъ неожиданно явиться у Аларчина моста.

— Нельзя ли намъ проѣхать мимо бывшей моей квартиры,— сказалъ я не умолкавшему жандармскому кандидату.—Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть хоть на ея окна.

— А гдѣ вы жили?

Я сказалъ.

— Ахъ, жаль, что не по дорогѣ.

— Я, знаете, съ удовольствіемъ бы, но это въ сторону. Какъ бы чего не вышло. Вонъ вахтеръ вѣдь у насъ на козлахъ.

Я не настаивалъ. Первая адмиралтейская часть находится на Б. Морской, рядомъ почти со зданіемъ почтамтскихъ каретъ, откуда я провожалъ тебя въ предпослѣднюю нашу поѣздку за границу. Тутъ-то собиралась коммиссія по дѣлу печатанія и распространенія московскими студентами запрещенныхъ сочиненій подъ предсѣдательствомъ, какъ сообщилъ мнѣ мой проводникъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Собѣщанскаго.

XVII.

Мы въѣхали во дворъ, поднялись по довольно узкой лѣстницѣ во второй, а можетъ и въ третій (ужъ не помню) этажъ, и я вошелъ въ тускло-освѣщенную, довольно большую комнату, гдѣ стоялъ посрединѣ письменный столъ и сидѣли мои слѣдователи, весело разговаривая и куря. Проводникъ офицеръ остался въ комнатѣ рядомъ, между прихожей и той, гдѣ производилось слѣдствіе. Въ числѣ слѣдователей мнѣ было одно знакомое лицо. Это былъ Стороженко, котораго два раза или три встрѣчалъ у Дружинина. Изъ остальныхъ я ни съ кѣмъ не встрѣчался прежде. Кромѣ предсѣдателя Стороженко и Собѣщанскаго, я узналъ имена фонъ-Визина и Любимова (оберъ-секретаря Сената). Кажется, это были и всѣ, не считая канцелярскихъ чиновниковъ, сидѣвшихъ за другими столами. О коммиссіи этой,

собственно говоря, нечего бы и поминать; я описываю только для полноты фактъ моего визита въ 1-ю адмиралтейскую часть. Слѣдователи (на сколько я могу судить по двумъ сдѣланнымъ мнѣ допросамъ) были все люди порядочные. Имъ по крайней мѣрѣ, не для чего было заранѣе считать меня преступникомъ, какъ это было въ тайной канцеляріи. Мнѣ предложили въ оба раза по нѣсколько вопросовъ такого рода: зачѣмъ были у меня взятые при обыскѣ 2 книги и портретъ?— Справедливо ли показаніе Костомарова, что одна изъ взятыхъ у него рукописей писана мной? Зачѣмъ я передавалъ ихъ?—Я отвѣтилъ, что одна рукопись дѣйствительно переписана мной съ дурнаго списка, гдѣ были пропуски, а другая, не помню откуда, попала ко мнѣ, какъ интересная новость въ рукописи, что передавалъ я рукописи для прочтенія—и только. Пока изготовляли вопросы, за столомъ шелъ общій разговоръ о другихъ предметахъ. Я сидѣлъ насупротивъ предсѣдателя и принималъ въ разговорѣ участіе. Тутъ я узналъ, что студенты по дѣлу типографіи всѣ содержатся при полиціи, а не въ III отдѣленіи, что нѣкоторыхъ они распускаютъ по домамъ, что одного, выпущеннаго, не имѣвшаго при себѣ ни гроша, пріютилъ въ своей квартирѣ Стороженко, что они собираются всею компаніей въ Москвѣ, для полученія свѣдѣній на мѣстѣ. Оба раза я ѣздилъ въ слѣдственную коммиссію вечеромъ, съ тѣмъ же глупымъ офицеромъ, и возвращался въ свой 6 № у Цѣпнаго моста часовъ около 9 или 10; между допросами были дня три промежутка.

XVIII.

Хотя ко мнѣ послѣ того, какъ я отдалъ свое показаніе, стали рѣже заглядывать шпіонскія физіономіи, но я, все-таки, не былъ настолько спокоенъ, чтобы чѣмъ-нибудь заниматься въ теченіе дня. Читать давали только старые русскіе журналы, давно мною читанные. Только подъ вечеръ я сталъ пробовать хоть переводить что-нибудь въ стихахъ изъ тома „Chamber'а“, бывшаго у меня. Нѣсколько тревоги, хотя и много удовольствія доставила мнѣ вѣсть, принесенная Зарубинымъ о безпорядкахъ въ университетѣ. Хоть онъ говорилъ и глухо какъ-то, но я могъ понять, что дѣло не шуточное. Онъ же сообщилъ мнѣ потомъ о множествѣ арестовъ, и говорилъ, что арестованы всѣ, кто издавалъ „Великорусса“.

Разъ во время обѣда, пришелъ Путилинъ, какъ я понялъ, съ цѣлью узнать впечатлѣніе мое при вѣсти объ арестѣ студентовъ, именно первомъ, когда былъ арестованъ и Веня. Я спокойно выслушалъ его разсказъ, что студенты надѣлали „глупостей“ въ универси-

тетѣ, нагрубили начальству и что многіе арестованы и университетъ закрытъ. Вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы вызвать у меня вопросъ, не арестованъ ли Михаэлисъ, Путилинъ сказалъ мнѣ: „ваши всѣ здоровы, кланяются вамъ“. Повидимому, онъ такъ и ждалъ, что я спрошу: „А гдѣ вы ихъ видѣли?“ и „по какому случаю?“ Но въ тонѣ его на этотъ разъ было столько фальши, что я былъ убѣжденъ, что онъ вретъ, и не спросилъ ничего, даже не сказалъ ни слова. Въ этотъ или въ другой разъ онъ сказалъ мнѣ, что Костомарова очень огорчаетъ, что я на него сержусь за его образъ дѣйствій, и что онъ просилъ его, Путилина, передать мнѣ его огорченіе. Къ этому времени относятся предложенные мнѣ Шуваловымъ вопросы о Венѣ, которые я привелъ выше. Въ это время онъ, вѣроятно, сидѣлъ въ III отдѣленіи.

XIX.

Горянскій, заходя ко мнѣ, говорилъ обыкновенно, что онъ является не какъ чиновникъ, а какъ частное лицо, и принималъ при этомъ огорченный видъ. Онъ предлагалъ мнѣ въ то же время, понижая голосъ, передать что-нибудь—на словахъ и пожалуй письмомъ—моимъ друзьямъ. Нашелъ дурака. Въ разговорѣ у него то и дѣло проскакивали фразы, изъ которыхъ ясно было видно, что ему хочется вывѣдать отъ меня еще кое-что. Онъ началъ, между прочимъ, говорить мнѣ, что для доклада государю мнѣ слѣдуетъ изложить дѣло какъ можно короче, въ формѣ письма,—что всего показанія моего государь читать не станетъ (слишкомъ длинно), и что резолюція на такомъ письмѣ рѣшитъ мое дѣло. Безъ этого письма, какъ онъ утверждалъ, я не избѣгну суда, который можетъ кончиться для меня плохо, а главное—что судъ не ограничится мною однимъ, а постарается притянуть и всѣхъ, кто только былъ со мною въ дружныхъ отношеніяхъ. Какой могъ быть назначенъ судъ, я не зналъ, и мнѣ представлялись тѣ судебныя коммиссіи, которыя отличались въ царствованіе Николая Павловича. Я не настолько былъ убѣжденъ въ нашемъ прогрессѣ, чтобы предполагать невозможною такую коммиссію, какъ, напримѣръ, по дѣлу Петрашевскаго. Слѣдствіе въ Адмиралтейской части не могло успокоить. Я видѣлъ очень хорошо, что III отдѣленіе смотрѣло на дѣло московскихъ студентовъ далеко не такъ серьезно, какъ на мое.

XX.

Порядокъ жизни шелъ между тѣмъ неизмѣнно въ нашемъ коридорѣ, и въ моемъ № нарушеніе его заключалось только въ томъ, что

въ окно вставили двойныя рамы. Когда въ моемъ № возился стекольщикъ съ мальчикомъ, на меня напала особенная злость. Какъ-будто я долженъ былъ остаться тутъ на зиму! Потомъ раза два случалась необычная возня по коридору, съ крикомъ и растворяніемъ желѣзныхъ створовъ.—Что это тамъ было такое? спрашивалъ я Самохвалова.—Кровать вносили.—Какую? Зачѣмъ?—Да вотъ тутъ въ №. Тамъ 1 кровать, такъ теперь другаго туда еще сажаютъ. Другую и койку надо.—Развѣ ужъ мѣста нѣтъ?—Должно быть, что нѣтъ, ваше высокородіе. А впрочемъ, не знаю. Раза 2—3 Самохваловъ объявлялъ мнѣ о томъ, что ждутъ Шувалова, что онъ собирается обойти всѣ №№ по случаю скораго возврата князя (Долгорукова). Самохваловъ съ особенною тщательностью теръ полы мокрой шваброй и потомъ душилъ меня дымомъ какихъ-то благовонныхъ порошковъ, которыми окуривалъ коридоръ и №№. Но Шуваловъ такъ и не былъ. Онъ вскорѣ послѣ моего показанія (т. е. послѣ студенческой исторіи) совершенно пересталъ ѣздить въ III отдѣленіе, гдѣ бывалъ до того ежедневно. Эти свѣдѣнія сообщалъ мнѣ Самохваловъ, да я и самъ могъ знать, когда Шуваловъ тутъ, когда нѣтъ, по его экипажу во дворѣ. До меня стали доходить слухи, что онъ боленъ, что собирается вскорѣ за границу; Самохваловъ говорилъ, что вмѣсто его назначенъ Анненковъ, братъ апокалиптическаго критика; но это не подтвердилось.

XXI.

Взамѣнъ ожидаемаго Шувалова, ко мнѣ въ № явился неожиданный мною вовсе шпіонъ генеральскаго чина Кранцъ, со звѣздою на фракѣ. Это былъ господинъ значительно пожилой, довольно высокій, но немного согнутый, съ вьющимися русыми волосами съ просѣдью, лицо круглое, слегка рябоватое, не особенно непріятное, кромѣ маленькихъ глазъ, которыми онъ не смотрѣлъ прямо и которыя какъ будто хотѣлъ спрятать подъ сильными очками.— Я его видѣлъ постоянно во фракѣ со звѣздой; сапоги были у него безъ каблуковъ, и онъ ступалъ неслышно, какъ кошка. Голосъ мягкій и тихій, впрочемъ, какъ у всѣхъ въ этомъ шпіонскомъ царствѣ.— Онъ началъ свое знакомство со мной почти тѣми же словами, какъ и Горянскій: объявилъ, что очень уважаетъ мой талантъ, но къ этому прибавилъ, что я сдѣлалъ непростительную („извините за мое выраженіе, но я вамъ говорю отъ души") ошибку. Ошибка была, видите ли, въ томъ, что я не хотѣлъ понять, что государь совершенно одинаковаго со мной образа мыслей! — По словамъ Кранца, онъ былъ въ отсутствіи, ѣздилъ

въ свою деревню, только-что воротился и лишь вкратцѣ успѣлъ познакомиться съ моимъ дѣломъ.

Онъ повторилъ мнѣ слова Горянскаго о необходимости письма къ государю, чтобы дѣло было предоставлено административному рѣшенію. — Потомъ онъ попросилъ у меня позволенія закурить папиросу (онъ курилъ тоненькія папиросы, самыя легкія, дамскія какія-то, что было какъ-то некстати въ тайной канцеляріи), сѣлъ и началъ меня спрашивать о Герценѣ: когда я съ нимъ познакомился, когда видѣлся въ послѣдній разъ, какъ онъ живетъ и гдѣ, большое ли у него знакомство въ Лондонѣ. — Я отвѣчалъ общими мѣстами. — А правда ли, спросилъ онъ, — что Герценъ былъ нынче въ Гамбургѣ и оттуда собирался въ Петербургъ. — Вамъ это лучше знать, отвѣчалъ я: — а я ничего подобнаго не слыхалъ.

XXII.

Не помню, въ тотъ ли же день или на другой, только что-то вскорѣ послѣ перваго визита этого почтеннаго старца, ко мнѣ пришелъ Горянскій и тоже (чего прежде съ нимъ не бывало) началъ разспрашивать меня о Герценѣ. — Онъ только-что вошелъ ко мнѣ, какъ сказалъ: — Знаете, какіе нелѣпые слухи распространились о васъ по городу, г. Михайловъ. Разсказываютъ, что васъ здѣсь, въ III отд., отравили. Ну, есть ли въ этотъ смыслъ? Кажется, кромѣ уваженія, вамъ здѣсь ничего не оказывается. — Затѣмъ Горянскій, разумѣется, сказалъ, что онъ пришелъ побесѣдовать со мною какъ человѣкъ, а не какъ чиновникъ, и почти ex-abrupto перешелъ къ вопросамъ, очень интересовавшимъ его какъ человѣка, а не какъ чиновника, именно о частной жизни Герцена. На большую часть вопросовъ я ему отвѣчалъ, что онъ можетъ это узнать изъ „Колокола“ (напр. о квартирѣ) или же изъ „Былое и Думы“. — Затѣмъ на нѣкоторые я отзывался незнаніемъ, а на другіе отвѣчалъ явную дичь, которую Горянскій тѣмъ не менѣе благоговѣйно принималъ къ свѣдѣнію. Въ вопросахъ этихъ не было ничего любопытнаго. Это были все большей частью справки о томъ, хорошо ли, т. е. богато ли Герценъ живетъ, много ли онъ получаетъ отъ своихъ изданій, большой ли у него кругъ знакомыхъ, бываетъ ли онъ въ такихъ домахъ, напримѣръ, у важныхъ членовъ парламента, гдѣ бываетъ и наше посольство, — и т. п. — Наконецъ онъ спросилъ: — А русскія газеты онъ получаетъ? — Какъ же. — А есть у него портреты русскихъ кого-нибудь. — Есть. — Колекція? — Да, и довольно большая. — Мнѣ казалось, онъ имѣетъ въ виду извѣстное, очень распространенное свѣ-

дѣніе о томъ, что у Герцена есть портреты шпіоновъ, находящихся на посылкахъ у тайной канцеляріи. — А есть у него любовница? спросилъ подконецъ Горянскій. — Я ужъ тутъ не могъ удержаться отъ смѣха. Онъ, должно быть, понялъ всю неловкость своего вопроса послѣ того извѣстія, которымъ началъ разговоръ со мною, пробормоталъ что-то о томъ, что онъ интересовался всѣмъ этимъ лично, какъ человѣкъ, а не какъ чиновникъ, и поспѣшилъ удалиться.

XXIII.

Кранцъ приходилъ ко мнѣ еще раза три. Разъ онъ принесъ показаніе мое и говорилъ, что оно неудовлетворительно.

— Чѣмъ же?

— Вы не одни распространили воззваніе, — это разъ. Потомъ, вы не показали, кому вы передали остальные экземпляры. Вы привезли ихъ больше.

— Къ тому, что мною написано, отвѣчалъ я, — я не имѣю ничего прибавить.

— Скажите лучше, не хотите.

— Не имѣю.

— Я не буду настаивать, сказалъ онъ, — но вамъ не избѣгнуть отвѣта на эти вопросы.

— Вы знаете мой отвѣтъ.

Потомъ онъ принесъ мнѣ два или три конверта, въ которыхъ была разослана прокламація, и сказалъ, показывая ихъ:

— Это не вы писали?

— Нѣтъ, я.

— Это не ваша рука.

— Я измѣнилъ свой почеркъ.

— Это женская рука.

— Можетъ быть и похоже на женскій почеркъ, а писалъ-то все-таки я.

— И это?

— И это я.

Кранцъ ушелъ, это было уже въ концѣ мѣсяца послѣ моего ареста.

XXIV.

Ровно черезъ мѣсяцъ, именно 14 октября, Кранцъ пришелъ ко мнѣ по утру, говоря, я что я, желая, чтобы мое дѣло кончилось административно и въ него не были впутаны другіе, долженъ напи-

сать короткое письмо къ государю, и что это надо сдѣлать сегодня же, потому что пріѣзда его ждутъ съ часу на часъ. — Какъ ни возмущалось все во мнѣ противъ этого, но судъ страшилъ меня тѣмъ, что къ нему будетъ призванъ Костомаровъ, и его отвѣты запутаютъ дѣло и бросятъ тѣнь подозрѣнія на кого-нибудь, кромѣ меня. Я послѣ увидалъ, что въ правѣ былъ этого бояться, если бы Костомарова III-е отд. не выгородило изъ суда. — Я постарался написать покороче, съ строгимъ соблюденіемъ казенныхъ формъ, и только подтвердилъ въ немъ тѣ мотивы, которыми оправдывалъ распространеніе прокламаціи и въ показаніи. — Въ 3 ч. старецъ со звѣздой зашелъ ко мнѣ опять, сказалъ, что онъ сейчасъ ѣдетъ къ Шувалову, взялъ мое письмо въ карманъ и тотчасъ ушелъ. — Не прошло и получаса, какъ ко мнѣ явился Горянскій съ похоронно вытянутымъ лицомъ, и вздыхая, сказалъ мнѣ, что принесъ мнѣ непріятную вѣсть. — Что такое? — Сію минуту пришло высшее повелѣніе о преданіи васъ суду. (Потомъ я узналъ, что оно пришло наканунѣ, или даже за день). — Какъ же письмо-то? — Мы ужъ отправили его; но повелѣніе пришло по телеграфу сейчасъ. — Меня злость взяла. — Тутъ только я слишкомъ поздно догадался, что вся эта махинація была подведена, чтобы я не могъ отказаться передъ судомъ отъ моего показанія. — Письмо считалось актомъ полнаго сознанія, и отречься теперь отъ показанія значило бы удвоить свою виновность. Я хотѣлъ сдѣлать передъ судомъ другое, именно объяснить причины написанія этого письма. Ты знаешь, отчего я этого не сдѣлалъ.

— Вы сегодня переѣдете отъ насъ въ крѣпость, дополнилъ свое извѣстіе Горянскій. — Вотъ какъ смеркнется. Мы употребляли всѣ старанія, продолжалъ онъ: — чтобы дѣло обошлось тише, и не такъ ужасно для васъ, какъ оно, вѣроятно, кончится; но въ городѣ было слишкомъ много толковъ и неудовольствія. Литераторы подавали адресъ объ освобожденіи васъ изъ-подъ ареста. На насъ идутъ такія нареканія! А вотъ вы сами видѣли, есть ли на что жаловаться. Выдумываютъ про III отд. Богъ знаетъ что! Будто здѣсь есть какіе-то опускные полы, что сѣкутъ у насъ. Покамѣстъ я не служилъ здѣсь, я самъ всему этому вѣрилъ. Но это такой вздоръ! Въ крѣпость свезетъ васъ смотритель. Мы отпустимъ съ вами ваши книги, бумагу возьмете, карандаши. Вамъ это все позволятъ. Мы ужъ распорядилися.—Прощайте-съ! Не браните насъ. Такое ужъ наше собственно положеніе.

Горянскій засталъ меня за обѣдомъ. Понятно, что его извѣстіе отшибло у меня всякую охоту ѣсть. Я сказалъ по уходѣ его Самохвалову, чтобы онъ убралъ со стола и взамѣнъ обѣда далъ мнѣ чаю. Когда я сказалъ ему, что переѣзжаю въ крѣпость, онъ всплеснулъ руками. — Ахъ, жаль, ваше высокородіе! Жаль! — Ну, да —

что ни Богъ, ваше высокородіе, можетъ, и опять вернетесь сюда; а тамъ и выпустятъ. — Послѣ чаю пришелъ ко мнѣ гусаръ съ флюсомъ и съ прошнурованной книгой, чтобы я росписался въ обратномъ полученіи своихъ вещей, которыя и были всѣ принесены вахтеромъ. Потомъ пришелъ и Зарубинъ, когда я былъ совсѣмъ одѣтъ. Кошелекъ съ деньгами передалъ гусаръ ему, такъ что я не могъ и на водку дать Самохвалову. Зарубинъ на это не согласился. — Вахтеръ пришелъ сказать, что карета готова. Совсѣмъ ужъ стемнѣло. Было часовъ 7. Я въ послѣдній разъ прошелъ по нашему освѣщенному газомъ коридору и спустился съ лѣстницы. Мой чемоданъ, книги, свертокъ бумаги лежали уже въ каретѣ. Вахтеръ сѣлъ на козлы и скомандовалъ кучеру: — Въ крѣпость! — Вечеръ былъ холодный, и мнѣ зяблось послѣ чаю и теплаго 6-го № въ моемъ пальто. Зарубинъ сидѣлъ около меня ужъ въ шубѣ. Но дорога была недолга. Мы скоро миновали Лѣтній садъ и поѣхали по мосту. — Какъ теперь помню, именно на мосту спросилъ я Зарубина, открыли ли, наконецъ, университетъ и выпущены ли изъ-подъ ареста студенты. — Гдѣ же такъ скоро ихъ разобрать! возразилъ онъ. — Да ихъ сколько взято? — Легко сказать! вѣдь больше 300. — Онъ однакожъ не хотѣлъ объяснить дѣло подробно и отдѣлывался на все общими фразами. — Наконецъ, мы въѣхали въ ворота крѣпости. Мы остановились передъ комендантскимъ подъѣздомъ, гдѣ я потомъ прощался съ тобой. Въ сѣняхъ, налѣво отъ входа, ты помнишь, можетъ быть, небольшую дверь. За этою дверью помѣщается канцелярія, и туда вошелъ я съ капитаномъ.

XXV.

Въ Петропавловской крѣпости.—Канцелярія.—Невская куртина.—Крѣпостныя права.—Начальство и солдаты.—Арестованные солдаты.

Въ первой комнатѣ, куда мы вошли, было очень яркое освѣщеніе. Она была очень не велика, но въ ней горѣло по малой мѣрѣ восемь свѣчей. При свѣтѣ на трехъ или четырехъ небольшихъ столахъ производился скрипъ перьевъ дюжиною военныхъ писарей. На сколько я могъ судить по взгляду мелькомъ на ихъ работу, они составляли какіе-то списки. Бумага была разграфлена. Это были, вѣроятно, списки арестованныхъ студентовъ.

Въ дальнѣйшей комнатѣ, еще меньшаго размѣра, стоялъ только одинъ столъ, и изъ-за него всталъ намъ навстрѣчу небольшаго роста человѣкъ съ конусообразной бѣлокурой головой и полицейски любезнымъ выраженіемъ лица. Онъ былъ въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и опять таки со Станиславомъ на шеѣ.

— Что это? воскликнулъ онъ, подавая руку Зарубину:—долго ли вы еще будете возить? Куда я помѣщать-то стану?—Тоже изъ студентовъ? спросилъ онъ, обращаясь отчасти какъ будто ко мнѣ.

— Нѣтъ-съ, господинъ Михайловъ, сочинитель. Ужъ вы, пожалуйста, отведите номеръ получше.

— И радъ бы, да нѣту.

— Вотъ и вещи ихъ тутъ.

-- Не угодно ли садиться?

Я сѣлъ у стола и взялъ номеръ „Русскаго Инвалида", лежавшій тутъ.

Человѣкъ съ краснымъ воротникомъ (дѣлопроизводитель канцеляріи и—какъ я узналъ потомъ, правая рука тайной канцеляріи въ крѣпости) вызвалъ Зарубина въ другую комнату, пошептался тамъ съ нимъ, потомъ сказалъ громко, что пойдетъ доложить коменданту.

Я прочиталъ, между тѣмъ, въ Инвалидѣ не мало удивившій меня приказъ по военному вѣдомству о преданіи суду и арестѣ Семевскаго, Энгельгарта и Штрандена за участіе въ безпорядкахъ, производимыхъ студентами.

Когда Зарубинъ воротился къ столу, у котораго я сидѣлъ, я спросилъ его, что значитъ это, и развѣ не одни студенты были виновниками безпорядковъ.

Капитанъ присѣлъ на мѣсто дѣлопроизводителя и, наклоняясь ко мнѣ, произнесъ.

— Да вѣдь тамъ цѣлый бунтъ былъ. Войско надо было вывести. Съ окровленіемъ дѣло то было, съ окровленіемъ.

Больше онъ, однако-жъ, ничего не разсказывалъ.

Дѣлопроизводитель, воротясь, сказалъ, что комендантъ не совсѣмъ здоровъ и меня къ нему водить не нужно. Онъ расписался въ книгѣ, привезенной Зарубинымъ, что получилъ въ цѣлости какъ меня, такъ и вещи мои, и когда тотъ удалился, онъ пригласилъ меня идти съ нимъ, а самъ распорядился, чтобы слѣдомъ принесли вещи.

Мы пошли только вдвоемъ.

Всю дорогу отъ комендантской квартиры до куртины, гдѣ меня заключили, онъ болталъ безъ умолку: извинялся, что теперь у нихъ нѣту помѣщенія лучше—все биткомъ набито, говорилъ, что кой-какія улучшенія сдѣланы въ содержаніи, что даютъ теперь утромъ и вечеромъ чай, что прежде не было, что съ 1-го ноября и въ ночникахъ будетъ горѣть деревянное масло.

— Нельзя же въ наше время, заключилъ онъ:—держаться старыхъ порядковъ.

Мы поднялись по темной лѣстницѣ въ длинный каменный коридоръ, который тускло освѣщался висѣвшимъ со свода фонаремъ.

Жалкая свѣтильня еле мерцала, какъ въ уличныхъ фонаряхъ самыхъ далекихъ и глухихъ петербургскихъ захолустьевъ. По корридору медленно шагали или стояли въ полумракѣ солдаты съ ружьями. Часовой у входной двери, едва вступили мы въ корридоръ, громко крикнулъ:

— Старшаго!

Возгласъ этотъ прошелъ до самаго конца корридора, и скоро навстрѣчу намъ шелъ, гремя ключами съ оплывшей сальной свѣчей въ рукѣ, унтеръ-офицеръ въ каскѣ, въ шинели и въ тесакѣ.

— Отвори восьмой номеръ. Да гдѣ плацъ-адъютантъ?

— Они въ баню ушли.

— Ну, хорошо. Отвори.

Я не припомню только хорошенько—восьмой ли это былъ номеръ или шестой. Знаю, что онъ былъ крайній направо по корридору.

Отворили тяжелую дверь, и на меня пахнуло еще худшимъ сырымъ и затхлымъ воздухомъ, чѣмъ какой былъ въ корридорѣ. Не было тутъ только масляной копоти и чада, какъ тамъ.

Я очутился подъ совершенно круглымъ, отъ самаго пола идущимъ сводомъ, но въ номерѣ настолько просторномъ, что въ немъ помѣщалось шесть кроватей. Два полукруглыхъ и довольно длинныхъ окна, закрашенныхъ снаружи, съ мелкимъ переплетомъ, бѣлѣли въ глубокихъ темныхъ амбразурахъ, будто занесенныхъ снѣгомъ. Стѣны были закоптѣвшія, съ примѣтами сырости, со свода висѣла бахромой паутина.

— Это у насъ было больничное отдѣленіе, замѣтилъ смотритель:— да больше теперь рѣшительно нигдѣ мѣста нѣтъ. Если они привезутъ еще кого-нибудь, помѣстить будетъ некуда.—Эй!—крикнулъ онъ ефрейтору:—крикни людей. Вынесть отсюда лишнія койки.

Пришло нѣсколько солдатъ, и вынесли.

Смотритель взялъ свѣчу и поднялъ ее у себя надъ головой, разсматривая потолокъ.

— Эй! паутину обмести. Возьми метлу кто-нибудь! обмети паутину.

Двѣ метлы зашаркали по своду. Паутина, бѣлила, пыль летѣли намъ въ изобиліи на голову.

— Ночникъ подай!

Старый, сгорбленный сторожъ, инвалидъ, въ какомъ-то рубищѣ, не напоминавшемъ его военнаго званія, принесъ жировой ночникъ, отъ толстой свѣтильни котораго подымалась толстой струей копоть.

Я спросилъ, нельзя ли получить свѣчу.

— Я думаю, можно будетъ, конечно, на ваши собственныя деньги, отвѣчалъ смотритель.—Вотъ какъ плацъ-адъютантъ воротится изъ

бани, вы ему скажите. Покамѣстъ вы останетесь въ своей одеждѣ. Онъ ужъ тамъ всѣмъ распорядится.. Онъ скоро. До свиданія-съ покамѣстъ.

— Курить-то у васъ позволяется?

— Разумѣется-съ, сколько угодно.

И онъ ушелъ. Дверь затворилась, ключъ тяжело повернулся въ замкѣ, и я остался одинъ въ моемъ новосельѣ.

Деревянная койка стояла въ довольно широкомъ простѣнкѣ между окнами, изголовьемъ къ стѣнѣ, впрочемъ, не близко. И въ тайной канцеляріи постель не отличалась опрятностью и удобствомъ, а ужъ здѣсь и подавно. Парусинный мѣшокъ, скудно набитый соломой былъ прикрытъ грязною простыней, подушка была тяжелая, изъ нея торчали острыми концами перья, и летѣли во всѣ стороны, только-что прикоснешься. Наволочка старая, видно на подушку вдвое больше, была чистотою подстать простынѣ.

Впрочемъ, подушекъ было двѣ, но нижняя соломенная. Одѣяло изъ толстаго солдатскаго сѣраго сукна было (вѣроятно и годъ тому назадъ) подшито толстой холстинкой.

Около изголовья направо стоялъ небольшой столикъ безъ столешника, на немъ помѣщалась оловянная кружка съ крышкою, для воды. Около стола стоялъ стулъ съ глухимъ деревяннымъ сидѣніемъ.

Больше ничего не было въ номерѣ.

Тутъ было не холодно, но я скоро почувствовалъ сырость. Только краешекъ желѣзной печки, топившейся въ корридорѣ выходилъ сюда.

Какъ ни противна была мнѣ эта непріятная постель, но надо было примириться съ нею, я вѣдь не зналъ, какъ долго придется мнѣ спать на ней. Какъ ни пасмурна и печальна была окружающая меня обстановка, даже въ сравненіи съ казематомъ тайной канцеляріи, у меня было какъ-то легче на душѣ. Сознаніе, что я перестану видѣть передъ собою ежедневно шпіонскія физіономіи, снимало какъ будто какую-то ненавистную тяжесть и съ моего мозга. Вообще я радъ былъ своему темному своду, какъ перемѣнѣ къ лучшему.

Я промѣрялъ разъ пятьдесятъ мой номеръ изъ угла въ уголъ, иногда въ забывчивости утыкаясь лбомъ въ сводъ, потомъ прилегъ на постель.

Ночникъ безпрестанно нагоралъ, и когда я лѣнился встать, чтобы поправить свѣтильню, принесенными для этой цѣли лучинками (ночникъ стоялъ на окнѣ), по своду слабымъ сіяніемъ ложился свѣтъ корридорнаго фонаря, сквозь стеклянную раму надъ дверью. Отраженіе рамы протягивалось вечеромъ по своду, и чѣмъ больше меркъ мой ночникъ, тѣмъ ближе тянулись эти радіусы слабаго свѣта къ моей постели.

*

Когда я лежалъ, такимъ образомъ, поджидая плацъ-адъютанта, у меня все звенѣло почему-то слово Зарубина: „съ окровленіемъ“,— и въ этотъ первый мой вечеръ въ крѣпости сложились у меня въ головѣ извѣстные тебѣ стихи съ этимъ припѣвомъ. Они можетъ быть и плохи, но я ими въ тотъ вечеръ былъ очень доволенъ.

Прошло, вѣроятно, болѣе полутора часа прежде, чѣмъ опять-раздался окликъ: „старшаго!“ загремѣли ключи, и ко мнѣ вошелъ въ шинели съ мѣховымъ воротникомъ толстый плацъ-адъютантъ съ большими черными усами и съ выпуклымъ лбомъ, старательно прикрытымъ рѣдкими черными волосами.

— Вы студентъ-съ?—спросилъ онъ меня, отрекомендовавшись и пожавши мнѣ руку.

— Нѣтъ.

Я назвалъ свою фамилію.

— А! вы сочинитель! это вѣрно по прокламаціи.

— Да.

— Это все пустяки.

Онъ говорилъ съ такою увѣренностью, какъ будто самъ онъ долженъ былъ произносить надо мною судъ.

— Васъ скоро выпустятъ.

Старшій принесъ, между тѣмъ, арестантскую одежду.

Въ числѣ улучшеній въ крѣпости дѣлопроизводитель, провожая меня въ куртину, упомянулъ, между прочимъ, о томъ, что они (онъ говорилъ мы) выхлопотали, чтобы бѣлье было потоньше—кадетское.

Рубашка и все прочее, принесенное мнѣ, было ужасно сыро, почти мокро, и я могъ только надѣяться, что согрѣюсь въ шинели изъ сѣраго солдатскаго сукна, которая замѣнила мнѣ здѣсь больничный халатъ тайной канцеляріи.

Я переодѣлся и свою одежду переписалъ карандашемъ на бумагѣ. Старшій связалъ ее веревкой, употребивъ вмѣсто завертки мое пальто, и унесъ. Книги плацъ-адъютантъ у меня оставилъ, но бумагу, карандашъ взялъ для спроса у коменданта. Свѣчу обѣщалъ онъ мнѣ доставить завтра, а пока обойтись ночникомъ. Часы тоже взялъ.

Впрочемъ, они были и не нужны. Куранты на соборѣ разыгрывали то и дѣло разныя колѣнца, не считая ужъ, „Коль славенъ нашъ Господъ въ Сіонѣ“ и „Боже, царя храни“.

Послѣдній гимнъ особенно здѣсь кстати. Такъ какъ его никто, конечно, не можетъ повторить сознательно, то лучше всего было предоставить это занятіе безсознательнымъ мѣднымъ языкамъ колокольни.

— А что, ужинать еще не давали?—спросилъ плацъ-адъютантъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчалъ старшій.—Сейчасъ подадутъ.

— Давай!

Въ дверь вошла цѣлая процессія въ родѣ той, которая выходитъ изъ царскихъ вратъ, вынося разныя ложечки и плошечки и поминая Анну Павловну королеву нидерландскую. Только блеску, разумѣется, того не было. Это вѣдь были просто солдаты, несшіе арестанту ужинать.

Одинъ принесъ глиняную пустую кружку и налилъ ее, поставивъ на столъ, чаемъ изъ чернаго отъ копоти большаго мѣднаго чайника, другой, съ корзиной въ рукахъ, вынулъ и положилъ на столъ бѣлую булку, два куска сахару и два ломтя чернаго хлѣба, третій принесъ оловянную чашку съ кускомъ жареной говядины и соленымъ огурцомъ, четвертый солонку. Этотъ ужъ вполнѣ уподобился тому огромному попу, который выноситъ какую-то вилочку и на долю котораго, именно, приходится поминать королеву нидерландскую Анну Павловну. Да, еще одного забылъ, перемѣнившаго воду въ оловянной кружкѣ!

Поставивши передо мною эту трапезу, солдаты разошлись, а вслѣдъ за ними ушелъ и плацъ-адъютантъ, пожелавъ мнѣ спокойной ночи. Меня заперли до слѣдующаго утра.

Въ первый разъ послѣ моего ареста я почувствовалъ дѣйствительный аппетитъ, а тутъ, какъ нарочно, ѣда была самая непривлекательная. Я перенесъ ночникъ съ окна на столъ и при его тускломъ освѣщеніи принялся за говядину. Она была жестка и, какъ водится, не разрѣзана, но я уже въ третьемъ отдѣленіи успѣлъ привыкнуть ѣсть, какъ ѣдятъ звѣри въ звѣринцахъ. Я съ трудомъ отрывалъ зубами волокна жесткаго, жаренаго мяса и купалъ руки въ маслѣ, я уничтожилъ его весь, добрался потомъ до трехъ картофелинъ, съѣлъ и огурецъ, самъ изумляясь своему аппетиту. Такъ сильно было, однакожъ, во мнѣ довольство, что я не въ третьемъ отдѣленіи, что я не ограничился одною говядиною, но и съѣлъ весь черный хлѣбъ и бѣлую булку, поданную къ чаю. Чай—надо правду сказать—подавался мало похожій на чай. Это была какая-то трава безъ запаха и безъ вкусу. Но къ чему нельзя привыкнуть? Привыкъ я и къ нему. Послѣ этого ужина я почувствовалъ себя отчасти, какъ дома, въ крѣпости. Спать еще было рано, и я уложилъ на окнѣ въ порядкѣ свои книги. Еще въ первый разъ, по выѣздѣ изъ дому, у меня оказывалось ихъ такое большое количество. Какъ я уже сказалъ прежде, въ третьемъ отдѣленіи мнѣ сразу ихъ не давали, вѣроятно, чтобы не баловать слишкомъ.

Спалъ я въ своемъ печальномъ новосельѣ тоже лучше, чѣмъ въ тайной канцеляріи; но къ несчастію мнѣ пришлось раза три про-

буждаться отъ самаго сладкаго сна. Часовой, ходившій мѣрными шагами по корридору, частенько приподымалъ желѣзный ставень надъ оконцемъ моей двери, и, замѣтивъ, что ночникъ у меня гаснетъ, стучалъ въ стекло оконца, и кричалъ, приложившись къ нему лицомъ:

— Ночникъ!

Я просыпался, вскакивалъ, надѣвалъ на босую ногу башмаки, подходилъ къ окну и поправлялъ лучиной толстую и обгорѣвшую грибомъ свѣтильню.

Поставить же ночникъ на столъ, поближе къ себѣ, чтобы, не поднимаясь съ постели, поправлять его, я не рѣшался. Онъ слишкомъ ужъ коптѣлъ.

Въ эти промежутки между сномъ, меня поражалъ болѣе всего — это я замѣчалъ во все пребываніе свое въ крѣпости — тяжелый храпъ спавшихъ въ корридорѣ солдатъ, чередовавшійся съ бредомъ и порой съ пронзительными криками, такъ что часовой обыкновенно начиналъ будить спящаго, чтобы избавить его, вѣроятно, отъ мучительной грезы.

При воспоминаніи о крѣпостномъ моемъ заключеніи всего яснѣе представлялись мнѣ именно тамошнія ночи. Ночь длилась особенно долго, потому что разсвѣтъ надъ моими сводами начинался поздно, этакъ въ исходѣ десятаго, а въ три, и даже въ половинѣ третьяго днемъ нельзя уже было даже близко къ окну читать. И эти четыре-пять часовъ свѣта нельзя назвать днемъ. Ложась на койку при наибольшемъ свѣтѣ, читать было невозможно. Только у окна еще не совсѣмъ утомлялись глаза.

Ночникъ, данный мнѣ въ первую ночь, былъ еще изъ лучшихъ, пока съ 1 ноября (какъ объявлялъ мнѣ дѣлопроизводитель) не стали жечь деревяннаго масла. А то приносилась плошка, вонявшая на весь номеръ и коптѣвшая такъ, что на утро тяжело было поднять съ подушки голову, и копоть была не только въ носу, но и въ горлѣ. Чтобы избѣжать этой непріятности, я сталъ зажигать на всю ночь стеариновую свѣчу, а ночникъ гасилъ. Но это было не долго. Мнѣ объявили, что комендантъ отдалъ приказаніе, чтобы вездѣ, въ десять часовъ гасить свѣчи и зажигать ночники. Поводомъ было, какъ объяснилъ плацъ-адъютантъ, что студенты засиживаются при свѣчахъ долго. Такимъ образомъ, я не избѣгъ ни ночника въ стаканѣ на окнѣ, ни вонючей плошки въ углу на полу, ни нежданнаго постукиванія часоваго въ стеклышко двери съ окликомъ:

— Ночникъ!

Точно также скверно горѣлъ фонарь и въ корридорѣ. Это я лучше всего могъ слѣдить по отраженію надъ дверной рамой на моемъ сводѣ. Иногда и при потухающемъ нагорѣвшемъ ночникѣ у меня

мерцаніе на потолкѣ слабѣло, слабѣло, и, наконецъ, совсѣмъ исчезало. Тогда часовой будилъ сторожа, и я слышалъ скрипъ блока и звонъ опускаемаго на немъ фонаря. Свѣтлый вѣеръ на потолкѣ, впрочемъ, не долго же оставался свѣтлымъ. Иногда меня будилъ часовой и не произвольно. Не разъ, вѣроятно, задремавши, онъ ронялъ ружье на полъ, и брякъ его раздавался громко по безмолвному корридору. Слабая полоска свѣта ложилась и на полъ одного изъ оконъ отъ фонаря, прибитаго снаружи стѣны. Въ ночной тишинѣ звонъ крѣпостныхъ часовъ съ ихъ патріотической музыкой раздавался громче Номеръ на ночь холодѣлъ и въ немъ больше чувствовалась сырость. Печку, правда, топили два раза, утромъ и вечеромъ, но она была слишкомъ мала, чтобы нагрѣвать мою тюрьму. Къ утру она совсѣмъ остывала и мнѣ только-только было сносно подъ одѣяломъ и сверхъ того подъ толстою шинелью.

Я поднимался съ постели довольно рано, обыкновенно часа за два до свѣта, и взамѣнъ ночника зажигалъ свѣчу. Большею частью мнѣ приходилось ждать, когда совсѣмъ разсвѣтетъ, чтобы умыться. Часовъ около десяти, а иногда и позже слышался окликъ: „Старшаго“. и я зналъ уже, что это идетъ плацъ-адъютантъ.

Ключи гремѣли, а ко мнѣ, можно сказать, вламывалось чуть не десятокъ солдатъ—подъ предводительствомъ дежурнаго ефрейтора—каждый съ чѣмъ-нибудь въ рукахъ. Вслѣдъ за ними входилъ плацъадъютантъ, впрочемъ, иногда входилъ и одинъ только ефрейторъ. Вся эта многочисленная военная прислуга какъ-будто торопилась дѣлать дѣло и выказывала при этомъ такую косолапость, какой я, по-правдѣ, вовсе и не ожидалъ отъ русскаго солдата, проходящаго такую длинную и тяжелую школу всевозможныхъ выправокъ. Старикъ сторожъ кидался стремглавъ сначала къ ночнику, потомъ къ кружкѣ съ водой, потомъ къ ящику съ глухой крышкой въ углу номера, что нужно, онъ мылъ, что нужно, выносилъ, двое принимались скрести метлами по сухому полу или же (это бывало, кажется, черезъ день) поливать его, и пускать въ ходъ швабры. Приносился стулъ, тазъ и одинъ изъ солдатъ подавалъ мнѣ умываться изъ кружки. Кромѣ того, явились, какъ и вечеромъ, хлѣбодары и чаечерпіи со всѣми принадлежностями. Утромъ только чай давали безъ всякаго инаго завтрака, кромѣ булки.

Одинъ изъ ефрейторовъ, бойкій, грамотный малый, о которомъ я скажу подробнѣе потомъ, особенно заботился о воздухѣ въ моемъ номерѣ. Воздухъ, былъ, дѣйствительно, ужасенъ: сырость и затхлость поражали при входѣ, послѣ посѣщенія этого десятка солдатъ оставался при томъ запахъ сапожной кожи, чадъ отъ ночника, вонь отъ корридорнаго фонаря, запахъ грязной воды отъ сыраго пола,—все это

сгущалось такъ, что запахъ табаку (а я курилъ довольно) совершенно пропадалъ и оставался только дымъ. Крошечная форточка въ одномъ окнѣ совсѣмъ не освѣжала, а иногда въ нее еще валилъ новый запахъ и чадъ кухонный, вѣроятно, изъ подвальнаго этажа.

Заботливый ефрейторъ кропилъ стѣны и полъ ждановской жидкостью, и курилъ на раскаленномъ кирпичѣ квасомъ, и только это немного и не надолго улучшало воздухъ.

Умывшись и напившись чаю, я оставался опять одинъ до обѣда, если не заходилъ ко мнѣ комендантъ и плацъ-маіоръ. Ихъ посѣщеніе, конечно, не имѣло ничего похожаго на тѣ визиты, отъ которыхъ я изнывалъ въ тайной канцеляріи. Комендантъ Сорокинъ, сухой военный формалистъ, заходилъ лишь изрѣдка и ограничивался краткими вопросами о моемъ здоровьѣ, о томъ, всѣмъ ли я доволенъ и проч. Напротивъ, посѣщенія добраго и любезнаго плацъ-маіора доставляли мнѣ удовольствіе.

Часовъ около двухъ приносили мнѣ обѣдъ, который вовсе не возбуждалъ во мнѣ желанія прикасаться къ нему, если это не были щи да каша. Къ сожалѣнію, эти простыя блюда подавались рѣдко; считалось нужнымъ разнообразить обѣдъ и придавать ему, отчасти, „дворянскій“ характеръ. Вѣдь крѣпость не просто острогъ. Поэтому давали еще, напримѣръ, и макароны, или супъ и говядину съ соусомъ изъ хрѣна, или супъ съ говядиной и картофелемъ. Всегда два кушанья, только раза два или три прибавлялся къ этому пирогъ съ кашей. Для обѣда на арестанта ассигновано было одиннадцать копѣекъ въ сутки. На этакія деньги при петербургской дороговизнѣ не очень-то разгуляешься, особенно какъ въ этомъ же счету кладется и поддержка ночниковъ. Неудивительно, поэтому, что супъ обыкновенно не представлялъ никакого отличія отъ грязной горячей воды, что говядина была похожа, по выраженію Хлестакова, на топоръ, что масло было горькое и проч. Искусство крѣпостнаго повара особенно проявлялось въ приготовленіи макаронъ. Онѣ подавались въ видѣ какой-то плотной массы, которую нужно было рѣзать, чтобы ѣсть. Но у меня, какъ я уже сказалъ, не было не только ножа или вилки но и ложки, чтобы размѣшивать чай. Одинъ изъ ефрейторовъ, видя, что я мѣшаю чай однимъ изъ концовъ лучинки, другимъ концомъ которой поправлялъ свѣтильникъ ночника, принесъ безъ взякаго намека даже съ моей стороны двѣ лучинки обструганныя одна въ видѣ лопаточки, а другая—въ видѣ вилки. Послѣднюю я сломалъ, а лучинная ложечка у тебя.

Дня черезъ два мнѣ такъ опротивѣлъ крѣпостной обѣдъ, что я принялся бы, конечно, довольствоваться чаемъ, если бы...

Вскорѣ послѣ переселенія моего въ крѣпость, именно дня черезъ

четыре меня потребовали въ судъ, въ Сенатъ. За мною пришелъ городской плацъ-адъютантъ Панкратьевъ. О судѣ я буду говорить дальше особо, а теперь упоминаю, кстати, по случаю обѣда.

Кромѣ книгъ, бывшихъ со мной, я сталъ получать здѣсь журналы, и только тутъ началъ вполнѣ понимать, что читаю. Почти все время и до обѣда, и послѣ обѣда, и вечеромъ я читалъ. Писать у меня какъ-то не было охоты, да при томъ комендантъ выдалъ мнѣ всего одинъ листъ бумаги.

Часто послѣ обѣда я спалъ, потому что засиживался вечеромъ долго и вставалъ по-утру слишкомъ рано.

Вечеромъ, я съ какимъ-то особеннымъ нетерпѣніемъ почти съ жадностью ожидалъ чая и ужина. Послѣ скуднаго обѣда меня обыкновенно уже часовъ въ пять начиналъ пронимать голодъ.

За ужиномъ слѣдовала такая ночь, какую я уже описывалъ.

Вотъ какъ тянулся день за днемъ, безъ всякаго разнообразія.

Особенно памятны остались мнѣ только мои поѣздки въ Сенатъ, пріѣздъ Суворова, о назначеніи котораго генералъ-губернаторомъ я еще не зналъ, и потому думалъ, что это Игнатьевъ ко мнѣ пріѣхалъ. Въ первый визитъ свой онъ пробылъ у меня очень не долго и сдѣлалъ только нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ: какое мое дѣло? Откуда я? Не желаю ли чего-нибудь? Доволенъ ли содержаніемъ? и том. под.

Потомъ осталось у меня въ памяти утро въ ноябрѣ, въ которое, по случаю царскихъ какихъ-то крестинъ, палили въ крѣпости изъ пушекъ.

Грусть часто-таки нападала на меня все это время, хотя я всячески старался побороть ее или чтеніемъ, или, по крайней мѣрѣ, не выказывать передъ тѣмъ, кто меня видѣлъ.

Особенная горечь на сердцѣ, помню, была у меня въ тотъ день, какъ выпалъ первый снѣгъ. Я отворилъ крохотную форточку свою и увидалъ, что комендантскій садъ съ его голыми деревьями (только этотъ садъ, да окружающій его сѣрый заборъ и видно было въ эту форточку) побѣлѣлъ. Помню, мнѣ живо представилась печальная и дальная дорога, которой я, дѣйствительно, и не миновалъ. Въ уныломъ саду, расположенномъ передъ окнами моей тюрьмы, я видѣлъ раза два только прогуливавшихся тамъ студентовъ, но меня имъ нельзя было видѣть. Разъ я встрѣтилъ ихъ также во дворѣ, отпросившись у коменданта погулять и хоть немного освѣжиться. Они шли, кажется, изъ бани, и я могъ раскланяться съ Залѣсскимъ, въ енотовой шубѣ и лѣтней шляпѣ съ широкими полями. Въ прогулкѣ этой (снѣгу тогда еще не было, кажется) меня сопровождалъ плацъ-адъютантъ. Я вышелъ съ нимъ за ворота крѣпости и посмотрѣлъ—

это было въ послѣдній разъ—на угрюмый и сѣрый Петербургъ, на мерзнущую Неву, на сердито-нахмуренный вдалекѣ Зимній дворецъ.

XXVI.

Судъ въ Сенатѣ.—Три допроса.—Встрѣчи по лѣстницѣ.—Объявленіе конфирмаціи.

Я не сидѣлъ, кажется, еще и пяти дней въ крѣпости, какъ плацъ-адъютантъ, войдя ко мнѣ по утру, вскорѣ послѣ чая, сообщилъ мнѣ, что меня требуютъ въ Сенатъ. Я одѣлся въ свое платье, и въ мой номеръ вскорѣ пришелъ, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ плацъ-адъютантомъ, плацъ-адъютантъ городской, Панкратьевъ. Мнѣ подали было обѣдъ (это было ужъ часовъ около двѣнадцати), чтобы я поѣхалъ не на тощій желудокъ, но я предпочелъ пообѣдать потомъ, по возвращеніи, и велѣлъ пока все убрать. Мы вышли изъ куртины и прошли къ дому, гдѣ помѣщается — если не ошибаюсь — крѣпостной плацъ-маіоръ. Противъ подъѣзда этого дома стояла извощичья четвероместная карета. Я думалъ сначала, что мы поѣдемъ только вдвоемъ; но Панкратьевъ сказалъ мнѣ, что будутъ еще два провожатыхъ „архангела". Съ подъѣзда дѣйствительно сошли два жандарма. Они молча помѣстились въ каретѣ напротивъ насъ, задернули тафтяныя занавѣски на окнахъ двери, и мы поѣхали...

Мостъ былъ еще не разведенъ, и дорога шла по Дворцовой набережной; тутъ, отогнувъ немного занавѣску со своей стороны, я замѣтилъ огромный съѣздъ у государственнаго совѣта. Но вотъ мы проѣхали и площадь, въѣхали подъ арку Сената, и тутъ повернули въ первыя ворота направо. И передъ воротами, и во дворѣ была толпа народу, такъ-что карета едва подвигалась. Панкратьевъ не зналъ, кажется, гдѣ остановиться, и мы проѣхали почти вглубь двора, гдѣ стояло порядочное количество экипажей.

Панкратьевъ вышелъ изъ кареты и побѣжалъ справиться. Въ это время два-три кучера, привезшіе должно быть сенаторовъ, указывали на меня въ отворенную дверь кареты и, вѣроятно, острили надо мной, потому что разражались самымъ веселымъ смѣхомъ. Жандармскому унтеръ-офицеру это не понравилось, и онъ притворилъ дверь.

Намъ пришлось вернуться къ подъѣзду у самыхъ воротъ опять въ толпу, которую я никакъ не приписывалъ своему пріѣзду. Я предполагалъ, что по обилію дѣлъ въ Сенатѣ здѣсь всегда такая толпа.

Жандармы вышли изъ каретъ первые, выхватили изъ ноженъ свои палаши и стали по бокамъ выхода изъ кареты. Я пошелъ, съ ними по сторонамъ и Панкратьевымъ, по лѣстницѣ, тоже переполненой народомъ.....

Секретарская комната передъ присутствіемъ V департамента (гдѣ я долженъ былъ подождать) очень не велика. Тутъ первое лицо, обратившее на себя мое вниманіе, былъ священникъ, сидѣвшій въ уголкѣ и державшій завернутые въ епитрахиль крестъ и евангеліе. Я сѣлъ поближе къ столу секретаря. Въ комнату навѣдывались разные господа, и сенаторы въ мундирахъ, и чиновники помельче. Оберъ-секретарь Кузнецовъ съ толстымъ корявымъ и тупымъ лицемъ, затянутый въ мундиръ выходилъ отъ времени до времени изъ присутствія и справлялся, кажется, готова ли для меня вопросные пункты. Мнѣ пришлось, впрочемъ, ждать очень не долго, не болѣе четверти часа.

Кузнецовъ опять вышелъ и, какъ-то минуя меня своимъ тупымъ взглядомъ, сказалъ:

— Пожалуйте.

Я вошелъ.

За длиннымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и украшеннымъ зеркаломъ, сидѣло пять сенаторовъ въ своихъ позлащенныхъ одеждахъ. По неподвижной важности лица и позъ . они показались мнѣ очень похожими на позолоченныхъ бурхановъ.

Особенно выдавались изъ нихъ двое: Корніолинъ-Пинскій, своею умною, но злобно-хитрою физіономіей, съ длинными безпорядочно торчавшими на головѣ волосами, да еще Бутурлинъ, но этотъ напротивъ обличалъ лицемъ своимъ и что-то закоснѣло-солдатское; у него была крошечная голова, и крашеные усы на одутловатомъ дрябломъ лицѣ, глаза смотрѣли довольно свирѣпо. Низенькій старичекъ Карнѣевъ имѣлъ видъ крайне-добродушный—вотъ и все, что можно сказать про него. Венцель обратилъ на себя мое вниманіе особенно-неподвижною и прямою своею посадкой; онъ сидѣлъ на своемъ креслѣ, будто верхомъ на лошади передъ фронтомъ, и вытянувъ длинную и тонкую свою шею, глядѣлъ на меня совсѣмъ безсмысленно своими сѣрыми глазами. Предсѣдатель, Митусовъ, былъ лицо не вполнѣ для меня незнакомое ты знаешь, что я видѣлъ его на свадьбѣ доктора Матвѣева, у котораго онъ былъ посаженымъ отцомъ. Про его наружность сказать совсѣмъ нечего, — чиновникъ, какъ чиновникъ. За отдѣльнымъ столомъ у окна, сидѣлъ оберъ-прокуроръ (фамилію его я слышалъ, но не помню), самое антипатичное для меня по наружности лицо, даже антипатичнѣе противной рожи оберъ-секретаря Кузнецова, хотя и гораздо красивѣе, таково было общее впечатлѣніе его на меня; но я не могу припомнить, даже какого характера было у него лицо. Изъ судей моихъ, возсѣдавшихъ за краснымъ сукномъ, двое было въ военныхъ мундирахъ, именно Бутурлинъ и Венцель, остальные въ гражданскихъ.

Не мѣшаетъ кстати упомянуть, что одинъ изъ моихъ судей, и, какъ мнѣ говорили, самый злостный, былъ мнѣ извѣстенъ по разсказамъ отца. Это былъ именно Корніолинъ-Пинскій. Онъ началъ свою карьеру скромно—учителемъ гимназіи въ Симбирскѣ.

Отецъ мой служилъ уже тогда, но недовольный своимъ жалкимъ образованіемъ, соблазнилъ кой-кого изъ своихъ сослуживцевъ просить Корніолина-Пинскаго читать мнѣ лекціи особо отъ гимназистовъ. Тотъ согласился, и отецъ—помню—всегда вспоминалъ о немъ съ какимъ-то благоволеніемъ. Онъ приписывалъ ему пробужденіе въ себѣ серьезной мысли, любознательности и здравыхъ понятій о значеніи образованія.

Оберъ-секретарь указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ я долженъ былъ встать передъ судьями, въ концѣ краснаго стола, и самъ помѣстился около меня, тоже стоя въ полоборота ко мнѣ. У него была въ рукахъ бумага.

Не помню, объявилъ ли мнѣ сначала на словахъ Митусовъ съ другаго конца стола, что я преданъ по высочайшему повелѣнію суду, или прямо обратился къ оберъ-секретарю съ приказаніемъ прочесть мнѣ отношеніе шефа жандармовъ, заключавшее въ себѣ это повелѣніе.

Оберъ-секретарь началъ читать громко и внятно. Едва-ли къ кому шла въ такой мѣрѣ, какъ къ нему, знаменитая характеристика „Фамусова“ — съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Главное съ чувствомъ читалъ. При словахъ „государь императоръ“ или „Высочайше повелѣть соизволилъ“ онъ принималъ торжественно благоговѣйный тонъ; произнося слова „государственное преступленіе“, онъ упиралъ на нихъ съ какимъ-то трагическимъ паѳосомъ.

Слова о государѣ императорѣ и о высочайшемъ его величества повелѣніи произвели на судей моихъ (совершенно для меня неожиданное) внезапное дѣйствіе. Точно всѣхъ ихъ жигнулъ кто-нибудь прутомъ сзади. Они вдругъ вскочили со своихъ мѣстъ, какъ вскакиваютъ лакеи въ передней, когда проходитъ баринъ, и выслушали они повелѣніе стоя благоговѣйно на вытяжку. Я едва удержался отъ улыбки. Трудно представить себѣ весь комизмъ этого вскакиванія, которое пришлось мнѣ видѣть два раза. У большей ихъ части ноги видно были уже не тверды въ колѣняхъ отъ старости, и чтобы разомъ подняться съ креселъ, нужно было помочь руками упереться въ столъ. Особенно смѣшонъ былъ Бутурлинъ, у котораго ноги какъ-то разъѣзжались при этомъ, словно всѣ пружины ослабли. Послѣ той бурхатской важности, съ которою они сидѣли на своихъ мѣстахъ, такой пассажъ былъ мнѣ совершеннымъ сюрпризомъ.

Прочиталъ оберъ-секретарь, и они опять усѣлись. Предсѣдатель показалъ мнѣ тутъ мое показаніе, препровожденное изъ тайной канцеляріи вмѣстѣ съ экземпляромъ листка „Къ молодому поколѣнію“, и спросилъ меня, признаю ли я это показаніе.

Я отвѣчалъ:

— Признаю

— Прочтите!—обратился онъ къ оберъ-секретарю.

И опять началось то же чувствительное чтеніе.

Когда онъ кончилъ, Митусовъ сказалъ мнѣ:

— Мы имѣемъ дать вамъ нѣсколько вопросныхъ пунктовъ; но предварительно священникъ сдѣлаетъ вамъ духовное увѣщеваніе. — Пригласите его сюда, прибавилъ онъ, обращаясь къ оберъ-секретарю.

Оберъ-секретарь направился къ дверямъ комнаты, куда я былъ предварительно введенъ; но этого могъ бы онъ и не дѣлать. Оттуда въ полуотворенную дверь любопытно глядѣли къ намъ головы чиновниковъ, и попу вѣрно сейчасъ же передали, что часъ его приспѣлъ.

Онъ вступилъ въ комнату суда во всеоружіи своемъ, въ епитрахили и съ воздѣтыми руками — въ одной евангеліе, въ другой крестъ.

Остановившись передо мной на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ до этого оберъ-секретарь, попъ началъ жиденькимъ голосомъ читать заученную вѣроятно заранѣе рѣчь о важности присяги и ея нарушеніи, о необходимости раскрыть преступленіе во всѣхъ его подробностяхъ, о неукрываніи никого изъ сообщниковъ (на это онъ особенно напиралъ), потомъ сталъ разсказывать безвязно, дико и при томъ ни къ селу, ни къ городу какую-то притчу изъ евангелія о рыбаряхъ и о мрежахъ, рѣшительно мнѣ неизвѣстную.

Видя, что попъ уже слишкомъ зарапортовался и началъ говорить совсѣмъ дичь, Митусовъ нѣсколько разъ говорилъ ему: „Довольно, батюшка! довольно!“ но онъ никакъ не хотѣлъ отстать, не кончивъ своей исторіи и не примазавъ къ ней какой-то морали, вѣроятно изъ начатковъ христіанскаго благочестія протоіерея Кочетова. Я имѣлъ время въ подробности разсмотрѣть безобразную живопись на крестѣ и на евангеліи, пока попъ разглагольствовалъ.

Наконецъ-то онъ отсталъ и ушелъ, а оберъ-секретарь вооружился тетрадкой вопросныхъ пунктовъ.

Судъ выразилъ свою снисходительность ко мнѣ тѣмъ, что оберъ-секретарь прочелъ мнѣ сразу, одинъ за другимъ, вопросные пункты. Потомъ сталъ онъ читать каждый пунктъ, и на каждый пунктъ я сначала отвѣчалъ словесно, а потомъ отходилъ съ оберъ-секретаремъ къ стоявшему въ сторонѣ большому письменному столу, садился тамъ и давалъ письменно отвѣтъ, данный передъ тѣмъ на словахъ. Ни одинъ изъ судей не спрашивалъ меня ни полсловомъ о чемъ-нибудь, не находившемся въ вопросныхъ пунктахъ. Они выслушивали мои отвѣты въ мертвомъ молчаніи, и только глядѣли на меня.

О содержаніи вопросныхъ пунктовъ не стоитъ и говорить. Они ничего не прибавляли къ показанію моему, и ихъ, пожалуй, можно

бы было и вовсе не предлагать мнѣ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ ни смутить меня, найти врасплохъ. Я слишкомъ хорошо все обдумалъ.

Во второй допросъ, когда оберъ-секретарь сказалъ предсѣдателю, чтобы онъ точно такъ же, какъ и въ первый, прочелъ мнѣ сначала всѣ вопросы сряду, я отказался отъ этой снисходительности, сказавши:

— Зачѣмъ это? Читайте одинъ вопросъ, я отвѣчу, потомъ другой, и т. д.

На лицахъ судей показалось удивленіе, и Венцель, переглянувшись со всѣми, особенно внимательно устремилъ на меня глаза.

Во второй и въ третій допросы, такіе же пустые по содержанію, какъ и въ первые, не всѣ сенаторы одинаково хранили прежнее суровое молчаніе. Они должно быть увидали, что я вовсе не бука и что со мною можно говорить. Не думай, впрочемъ, чтобы это былъ дѣйствительно разговоръ, а такъ какіе-то вовсе не идущіе къ дѣлу вопросы. Съ ними обращались ко мнѣ только два: Корніолинъ-Пинскій и Митусовъ. Первый спросилъ, напримѣръ, почему-то, говорю ли я по-англійски. И еще два, три вопроса были такого же рода ни важнѣе, ни интереснѣе.

Только въ послѣдній допросъ Митусовъ рѣшился на вопросъ, повидимому, болѣе серьезный. По поводу двухъ прокламацій, найденныхъ у Костомарова, онъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— А вы не ходили въ казармы къ солдатамъ и словесно не возбуждали ихъ къ неповиновенію?

— Нѣтъ.

— И крестьянъ тоже не собирали, не ѣздили по деревнямъ, чтобы подстрекать ихъ?

— Нѣтъ.

Я теперь не могу уже припомнить, въ какіе именно дни были три допроса мнѣ въ Сенатѣ. Знаю только, что между первымъ и вторымъ былъ краткій промежутокъ, а третьяго допроса я ждалъ что-то очень долго.

Во второй разъ такая же толпа была на лѣстницахъ.

Въ третій разъ приняли видно мѣры, и обратно провели меня какими-то задними ходами. Сенатскіе чиновники, за то, проявляли страшное любопытство и собирались сотнями на моей дорогѣ, или глядѣли, толпясь въ дверяхъ, когда меня привозили и увозили.

Тебѣ едва-ли не лучше меня извѣстно, что происходило въ промежутки между моими допросами. Два мѣсяца, проведенныхъ мною въ крѣпости, слились у меня въ памяти въ однообразный рядъ длинныхъ и скучныхъ дней и только ярко свѣтлыхъ въ этихъ тюремныхъ потемкахъ нѣсколько отрадныхъ минутъ, о которыхъ пока я не въ правѣ говорить.

. . . .

Въ Сенатъ сопровождалъ меня все тотъ же Панкратьевъ. Изъ жандармовъ унтеръ-офицеръ былъ всегда тотъ же Ефимьевъ, выражавшій желаніе проводить меня и до Тобольска. Другой жандармъ мѣнялся.

Кажется, послѣ третьяго допроса, которымъ, собственно говоря, кончался мой судъ, перевели меня изъ невской куртины въ главную гауптвахту, о чемъ я скажу потомъ. Но до него, если не ошибаюсь, я былъ призванъ къ коменданту, который подалъ мнѣ бумагу и просилъ сѣсть къ столу, чтобы отвѣчать на нее.

Это были еще вопросные пункты отъ слѣдственной коммиссіи, съ которою я еще познакомился въ зданіи первой адмиралтейской части. Тутъ я, какъ нельзя лучше понялъ, чего могъ я ожидать отъ Костомарова, еслибъ онъ былъ призванъ со мною вмѣстѣ къ суду и ему были предложены вопросы относительно моего дѣла. Каждый изъ вопросовъ, бывшихъ теперь у меня въ рукахъ, начинался словами: „Корнетъ Всеволодъ Костомаровъ показываетъ, что...“ или „Корнетъ Всеволодъ Костомаровъ на очной ставкѣ показалъ...“, и проч.

Читая эти вопросы, можно было только одному удивляться, для чего было говорить о томъ, что именно никто не зналъ кромѣ меня, да и знать не могъ.

Подумавши, я увидалъ, однако-жъ, что этими показаніями вся вина сваливается на меня и на московскихъ студентовъ.

Стараясь въ отвѣтахъ своихъ оградить по возможности послѣднихъ, я не выгораживалъ себя.

Во все это время, начиная со втораго сенатскаго допроса, меня болѣе всего томило ожиданіе, скоро ли, наконецъ, рѣшеніе. Надо вспомнить, что во второй разъ, когда возили въ Сенатъ, отъ меня уже была отобрана подписка, что при судѣ и слѣдствіи мнѣ не было дѣлано пристрастія. Изъ этого можно было заключить, что вопросовъ болѣе предлагать мнѣ не будутъ, и дѣйствительно, то, что спрашивали меня на третьемъ допросѣ, были совершеннѣйшіе и безполезнѣйшіе пустяки.

Вѣсть о назначенномъ мнѣ наказаніи, разумѣется, огорчила меня, но не столько, сколько огорчило бы меня помилованіе, если бы оно послѣдовало, вслѣдствіе глупой выходки моей, безпокоящей меня и до сей поры. Я, впрочемъ, никакъ не ждалъ такого большаго срока каторжной работы.

Мнѣ помнится, я при тебѣ читалъ какъ-то статьи закона, касающіяся „преступленій“ въ родѣ моего, и мнѣ постоянно думалось, что высшимъ срокомъ должно быть шесть лѣтъ.

Еще до произнесенія мнѣ приговора въ Сенатѣ, получилъ я извѣстные стихи и письмо отъ заключенныхъ въ крѣпости студентовъ.

И тѣ и другое письмо меня растрогали. Я не могъ удержаться отъ слезъ и тотчасъ же отвѣчалъ имъ стихами, которые ты знаешь.

Кажется, 7-го декабря пріѣхала за мною карета, чтобы свезти меня въ послѣдній разъ въ Сенатъ. Панкратьевъ вошелъ въ новое мое помѣщеніе, сообщилъ мнѣ, что мнѣ будетъ прочитана конфирмація. Выкурилъ папиросу, пока я обѣдалъ,—и мы поѣхали. На этотъ разъ я былъ, кажется, потребованъ раньше, чѣмъ въ прежнія мои поѣздки.

Полиція, разумѣется, приняла мѣры, чтобы прежнихъ любопытствующихъ не было на лѣстницахъ и во дворѣ, и точно, когда [мы пріѣхали, было довольно пусто у входа.

Въ этотъ разъ меня провели въ другую комнату, вѣроятно, канцелярію отдѣленія, но тоже выходящую дверями съ другой стороны въ палату, гдѣ производились мнѣ допросы. Формальности, съ которыми сопряжено было произнесеніе въ Сенатѣ приговора, были уже мнѣ извѣстны.

Мнѣ пришлось прождать тутъ съ четверть часа. Около меня образовался цѣлый кружокъ чиновниковъ, большею частью молодежи. Нѣкоторые рекомендовались мнѣ, другіе прямо заговаривали.

Тутъ мнѣ сказали, что „съ моей легкой руки“ еще начинается въ Сенатѣ дѣло такого же рода, какъ мое. Вѣдь на мнѣ былъ сдѣланъ первый въ Россіи опытъ обыкновеннаго суда надъ политическимъ преступникомъ. Теперь, какъ мнѣ сказали, былъ преданъ суду за распространеніе „Великорусса“, Владиміръ Обручевъ, и съ нимъ еще четверо или пятеро молодыхъ людей, и, между прочимъ, мой знакомый докторъ Боковъ. Потомъ, какъ я узналъ, всѣ, кромѣ Обручева, были освобождены отъ суда и слѣдствія.

Наконецъ, сенаторы изготовились къ произношенію мнѣ приговора. Обѣ половинки дверей въ мѣсто изъ засѣданія были отворены, позвали пріѣхавшихъ со мной жандармовъ, велѣли имъ обнажить палаши и поставили ихъ по сторонамъ двери на порогѣ. Позвали меня.

Оберъ-секретарь Кузнецовъ, съ бумагою въ рукѣ, стоя по эту сторону порога, указалъ мнѣ на него и сказалъ: остановитесь тутъ.

Я сталъ между жандармами, и Кузнецовъ началъ чтеніе своимъ источнымъ и торжественнымъ голосомъ. Онъ могъ бы быть хорошимъ діакономъ.

Все, что онъ читалъ, за исключеніемъ мнѣнія Государственнаго Совѣта, было мнѣ уже хорошо извѣстно. Чтеніе длилось долго, и я пользовался этимъ временемъ, чтобы наблюдать за моими судьями. Они сидѣли за тѣмъ же столомъ, но, въ нѣсколько иномъ порядкѣ, и между ними я увидалъ совершенно незнакомаго генерала.

Кто-то изъ чиновниковъ говорилъ мнѣ передъ этимъ:

— Карніолинъ-Пинскій нарочно сѣлъ сегодня задомъ, чтобы не смотрѣть на васъ. Видно, совѣстно же стало подъ конецъ.

Это предположеніе было несправедливо. Онъ дѣйствительно сѣлъ задомъ, но весь повернулся въ мою сторону и одинъ изъ всѣхъ сенаторовъ смотрѣлъ на меня такъ пристально, не отводя ни на минуту своихъ прищуренныхъ злобныхъ глазъ. Сѣдые волосы его и безъ того торчали, но онъ безпрестанно еще болѣе ерошилъ ихъ, запуская въ нихъ пальцы. Другой, не менѣе пристальный взглядъ, былъ направленъ на меня сбоку, отъ того стола, за которымъ я писалъ отвѣты на вопросные пункты. Тутъ сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ аристократическаго вида въ мундирѣ (какомъ именно, я не помню), и подавшись впередъ на своемъ стулѣ, тоже не спускалъ съ меня своихъ глазъ.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта зашевелило во мнѣ злобу на себя, и я радъ былъ только тому, что и самъ Государственный Совѣтъ понялъ, повидимому, всю искренность моего обращенія къ государю и не принялъ его во вниманіе.

Когда Кузнецовъ, пріостановившись съ чтеніемъ на минуту, прокашлялся и съ еще большею торжественностью возгласилъ громогласно: „На мнѣніе Государственнаго Совѣта, собственнаго его императорскаго...“ и т. д. позлащенные сенаторы вскочили съ своихъ мѣстъ.

Слова резолюціи: „Ограничиваю каторгу шестью годами, и впрочемъ, быть по сему“, Кузнецовъ прочиталъ уже совсѣмъ достойно діакона, возглашающаго многолѣтіе.

Передъ тѣмъ, какъ меня позвали выслушивать это чтеніе,—сказалъ мнѣ, чтобы я не смѣялся, во время его, хоть мнѣ подъ часъ хотѣлось улыбнуться, слушая тонкія соображенія Сената надъ фактами, которые были ему извѣстны въ такомъ превратномъ видѣ.

Тѣмъ не менѣе я, говорятъ, заслужилъ неудовольствіе сенаторовъ и даже самого государя, что выслушалъ рѣшеніе не съ достаточнымъ благоговѣніемъ и страхомъ. Вѣрно, нужно было, по ихъ мнѣнію, стоять, вытянувъ руки по швамъ, а я держалъ ихъ скрестивши, и не измѣнялъ положеніе даже въ то время, какъ сенаторы вскочили со своихъ мѣстъ.

По прочтеніи конфирмаціи, Кузнецовъ вынесъ мнѣ бумагу для подписи.

— Что же написать? Что я доволенъ вашимъ рѣшеніемъ?

— Только имя и фамилію произнесъ Кузнецовъ, тревожно и суетливо кладя передо мною.

Что такое было тутъ написано, я не прочиталъ, и прямо подписалъ: Михаилъ Михайловъ.

И вся прихожая, гдѣ я надѣвалъ пальто и галоши, и вся длинная площадка, и значительная часть лѣстницы были полны любопытныхъ. Сенатскіе чиновники вѣрно забросили тоже въ эту минуту свои дѣла, догнали меня, чтобы пожать мнѣ руку на прощаніе. Въ толпѣ стоялъ Боковъ, и, когда я проходилъ, выдвинулся проститься со мной. Я былъ очень радъ его вниманію и отъ души пожалъ ему руку.

. . . .

Внизу, когда я вышелъ уже съ подъѣзда, справо послышались женскіе голоса: „Михаилъ Иларіоновичъ! Прощайте“. Это были Варенька и Машенька. Онѣ бросились ко мнѣ, и я поцѣловался съ ними. У Машеньки глаза были полны слезъ. Варенька протянула ко мнѣ руку, когда я уже въ карету сѣлъ.

— Куда прикажете?—спросилъ извозчикъ.

— Въ крѣпость!—крикнулъ Панкратьевъ и вскочилъ въ карету.

XXVII.

Переселеніе на главную гауптвахту.—Солдатскія бесѣды.—Студенты.—Строгости и шпіонство.—Попъ съ исповѣдью.—Ожиданіе казни.

Ты, можетъ быть, знаешь лучше меня, что заставило крѣпостное начальство перевезти меня изъ невской куртины на главную гауптвахту. Плацъ-маіоръ говорилъ мнѣ, что это дѣлаетъ для большаго моего спокойствія плацъ-адъютантъ, что меня хотѣли удалить отъ студентовъ, которые туда переводятся. Послѣдній, впрочемъ, не зналъ сначала, что меня переведутъ, именно па гауптвахту, и не безъ соболѣзнованія говорилъ, что меня, кажется, хотятъ помѣстить въ алексѣевскомъ равелинѣ.

Я зналъ, что тамъ сидитъ, между прочимъ, Владиміръ Обручевъ, и не находилъ въ этомъ ничего удивительнаго.

Какъ бы то ни было, но меня перевели. Когда именно, я не помню, но скоро послѣ третьяго допроса—около 20-го ноября.

Я это предполагаю, потому, что еще въ куртинѣ узналъ о смерти бѣднаго Добролюбова, а 20-го я написалъ стихи на его смерть, уже на гауптвахтѣ. Это былъ день его похоронъ.

Отъ крыльца невской куртины до главной крѣпостной гауптвахты лишь шаговъ полтораста. Я перешелъ туда поутру вмѣстѣ съ однимъ изъ плацъ-адъютантовъ. Тутъ, кстати сказать, что два крѣпостные плацъ-адъютанта раздѣляли сначала между собою всѣхъ крѣпостныхъ арестантовъ по двѣ половины, и каждый завѣдывалъ своей половиной. Потомъ они нашли болѣе удобнымъ для себя раз-

дѣлиться днями: такимъ образомъ, два дня приходилось дежурить одному, да два другому. Тутъ я познакомился ближе и съ другимъ крѣпостнымъ плацъ-адъютантомъ Пинкорнелли, котораго видалъ до тѣхъ поръ изрѣдка.

Пока еще не время характеризовать этихъ двухъ ближайшихъ ко мнѣ лицъ изъ крѣпостнаго начальства; но я не могу не вспоминать съ особеннымъ теплымъ чувствомъ добраго и милаго Пинкорнелли.

Новое помѣщеніе мое было гораздо лучше. Комната была меньше, чѣмъ въ невской куртинѣ, но тутъ былъ за то прямой потолокъ, и меня уже не давилъ этотъ тяжелый сырой сводъ. Окно было одно, но за то большое и свѣтлое, хотя тоже забѣленное снаружи и съ еще болѣе крѣпкими рѣшетками. Въ довольно большую форточку я могъ видѣть невскія ворота крѣпости, гдѣ было, обыкновенно, не мало проѣзжихъ и прохожихъ. Однимъ изъ украшеній здѣшней моей жизни была, между прочимъ, большая круглая печь. Она топилась у меня и топка ея всегда развлекала меня. Еще развлеченіе, кромѣ смотрѣнія въ форточку и печки, представляли бесѣды солдатъ въ караулкѣ рядомъ со мной, которая отдѣляла мой номеръ отъ кордегардіи. Все, что тутъ говорилось, слышно было у меня какъ нельзя лучше, и я очень часто, въ особенности подъ вечеръ, ложился на постель и слушалъ солдатскія пренія и разговоры. Въ постели тоже произошло улучшеніе—здѣсь былъ волосяной матрасъ сверхъ соломы. Платье мое хранилось тутъ у меня же, а не уносилось, какъ прежде, ефрейторомъ на сбереженіе куда-то.

Вотъ и всѣ измѣненія, а затѣмъ все шло точно такъ же, какъ въ куртинѣ. У дня былъ тотъ же порядокъ и прислуживали мнѣ тѣ же лица.

Я былъ особенно доволенъ, когда на дежурствѣ былъ бойкій бѣлокурый ефрейторъ небольшаго роста, тотъ самый, который выстругалъ мнѣ изъ лучинокъ вилку и мѣшалку для чая. Онъ былъ грамотный и либералъ. Еще когда я былъ въ куртинѣ, онъ обратился разъ ко мнѣ съ просьбой дать ему какую-нибудь книжку почитать. У меня изъ русскихъ книгъ была только скучная и глупая всемірная исторія Вебера. Онъ взялъ первый томъ, но вскорѣ возвратилъ мнѣ его, какъ вещь незанимательную. Въ караулкѣ при гауптвахтѣ онъ, обыкновенно, читалъ вслухъ, и здѣсь, слушая это чтеніе и разсужденіе солдатъ, я могъ убѣдиться еще разъ (если бъ не былъ и прежде убѣжденъ), какъ нелѣпо сочинять какую-то особую литературу для солдатъ, для народа и проч. Ефрейторъ читалъ солдатское чтеніе или что-то подобное, разсказывавшее о воинскихъ подвигахъ, какіе-то историческіе разсказы о Петрѣ Великомъ и объ Александрѣ. Тонъ разсказа, съ поддѣлкою подъ народный говоръ, никому не нравился, и самое содержаніе казалось невѣроятнымъ.

*

— Это такъ только для насъ написано, замѣчали нѣкоторые, а ничего этого быть не могло.

За то всѣхъ приводило въ восторгъ чтеніе пушкинскихъ повѣстей Бѣлкина. Эти повѣсти читались нѣсколько вечеровъ, и особенно заняли всѣхъ разсказы „Барышня-крестьянка“ и „Станціонный смотритель“.

Солдатскій либерализмъ тоже замѣчателенъ.

Когда либеральный ефрейторъ былъ дежурнымъ, я не подвергался тому шпіонству, которое почему-то явилось недѣли за двѣ до моего отъѣзда въ ссылку. Что было причиною внезапныхъ строгостей, новый ли плацъ-маіоръ, какой-то мямля, или какія-нибудь инструкціи свыше, я не знаю; но только все чаще и чаще солдаты поднимали покрышку двернаго оконца и наблюдали за мною, и я слышалъ иногда вопросы и отвѣты: „не пишетъ ли?“, „нѣтъ, лежитъ, читаетъ“. Подглядыванье это, сопровождаемое шушуканьемъ, меня сердило.

Разъ я слышалъ разговоръ, который очень смутилъ меня. И самъ комендантъ сталъ должно быть внимательнѣе и строже. Онъ замѣтилъ у меня какъ-то на столѣ не крѣпостную чашку съ серебряной ложкой, и изъ-за этого, какъ я увидалъ изъ солдатскихъ разговоровъ, вышло что-то въ родѣ слѣдствія и допросовъ находившимся въ караулѣ солдатамъ.

Глядя изъ своей форточки, я часто видѣлъ арестованныхъ студентовъ. Почти какъ разъ противъ моего окна было крыльцо другаго отдѣленія невской куртины, и на немъ нерѣдко собирались студенты, сидѣли, курили, уходили и вновь приходили. Тутъ я видѣлъ Веню (Михаэлисъ), Ш. . . . . . и разъ явственно слышалъ, какъ они говорили: „это Михайловъ, кажется“.

Дня за четыре до произнесенія мнѣ приговора на площади я почти все утро простоялъ у форточки, глядя на роспускъ ихъ по домамъ. Наѣхало пропасть мужчинъ и дамъ, вѣрно все родныхъ, и студенты все сновали по крыльцу, подбѣгали къ подъѣзжавшимъ санямъ, пожимали руки и весело разговаривали. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ родныхъ или знакомыхъ проходили на крыльцо, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ содержатся люди въ крѣпости. Слышалъ слова:

— Можно?

— Идите, ничего. Можно.

— Да вѣдь нельзя, господа! и т. под.

Внятнѣе всего доносился до меня голосъ Пинкорнелли, суетливо распоряжавшагося въ куртинѣ.

Признаюсь, я позавидовалъ этимъ юношамъ, выпархивающимъ на волю изъ тюремной западни.

Явственно слышалъ я и такіе вопросы:

— Что, стихи-то взялъ?

— У тебя списаны стихи?

Я предполагалъ, что дѣло идетъ о моихъ стихахъ, и, кажется, не ошибался. Мнѣ было извѣстно, что они переписывали ихъ для себя.

Я, однако-жъ, потерялъ хронологическую нить своего разсказа. Надо вернуться къ тому утру, когда мнѣ была прочитана конфирмація въ Сенатѣ.

Только что вернулся я изъ Сената, ко мнѣ пришелъ комендантъ и привелъ съ собою попа, Михаила Архангельскаго, какъ онъ мнѣ отрекомендовался, и оставилъ его со мной.

Еще прежде спрашивалъ онъ меня (въ куртинѣ), не желаю ли я побесѣдовать со священникомъ; но я отказывался.

Попъ былъ человѣкъ еще молодой, хотя и лысый. Мнѣ не понравилось въ немъ что-то лисье. Онъ заговорилъ со мною объ исповѣди, о томъ, что мнѣ слѣдовало бы выслушать и божественную литургію, и все въ этомъ родѣ; но въ то же время онъ велъ какъ будто какой-то допросъ: спрашивалъ, не было ли у меня какихъ сообщниковъ, не собираюсь ли я избѣжать наказанія посредствомъ бѣгства и еще что-то въ этомъ родѣ. Особенно налегалъ на побѣгъ.

Все послѣднее время у меня была одна тревога; я страшился, что вамъ придется ѣхать изъ Петербурга раньше меня, и каждая вѣсть, приходящая отъ васъ, все болѣе и болѣе утверждала меня въ моихъ опасеніяхъ.

Изъ доставленной мнѣ статьи свода закона и церемоніи, совершаемой на площади, я узналъ, что попъ обязанъ меня усовѣщевать двѣ недѣли, если я выражу нежеланіе исповѣдаться. Эти двѣ недѣли могли рѣшить ваше дѣло, и я тотчасъ же рѣшился не выставлять попу своихъ убѣжденій, а исполнить себѣ формальность, на которой онъ настаивалъ.

Я сказалъ ему, что, чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ лучше.

— Въ такомъ случаѣ исповѣдайтесь завтра.

— Хорошо!

— Онъ зашелъ ко мнѣ и вечеромъ въ тотъ день, принесъ святцы и евангеліе, прочиталъ мнѣ нѣсколько молитвъ, а въ евангеліи заложилъ лентой главу отъ Іоанна: „да не смущается сердце ваше“ и совѣтовалъ прочесть ее.

Просидѣлъ онъ у меня довольно долго; мы говорили о всякой всячинѣ,—но не разъ обращался въ разговорѣ къ моей судьбѣ и все старался изобразить яркими красками тѣ ужасы, которые ожидаютъ меня, если буду столь неблагоразуменъ, что рѣшусь на побѣгъ.

Откуда шли вѣсти, что я собираюсь бѣжать съ дороги, или что

меня хотятъ отбить отъ жандармовъ,—не знаю, но объ этихъ вѣстяхъ я слышалъ не отъ одного попа.

Я въ свою очередь спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ о днѣ, когда будетъ объявлена мнѣ на площади сентенція суда, и вообще повезутъ ли меня для этого на площадь, но попъ отзывался невѣдѣніемъ—и вралъ, потому что ему, какъ я потомъ догадался, извѣстенъ этотъ день. Вопросы о томъ же, обращенные мною къ коменданту и плацъ-маіору, тоже оставались безъ опредѣленнаго отвѣта. Они отвѣчали только: „не знаю, да не знаю". Одно только говорили мнѣ утвердительно, что я не буду изъ крѣпости перевезенъ въ острогъ, какъ это требуется закономъ. Впрочемъ, объ этомъ я и самъ могъ догадаться, такъ какъ ко мнѣ явился попъ со своимъ увѣщеваніемъ.

На слѣдующее утро (это было, если не ошибаюсь, 12 декабря) плацъ-адъютантъ пришелъ звать меня въ церковь при комендантскомъ домѣ, какъ меня наканунѣ предувѣдомилъ о. Михаилъ. Эта маленькая домашняя церковь была совсѣмъ пуста. Меня встрѣтилъ тутъ комендантъ съ попомъ, комендантъ удалился, а попъ пригласилъ меня на исповѣдь къ аналою, поставленному передъ царскими дверьми.

Исповѣдывалъ онъ по какой-то книжкѣ гражданской печати, которую скрывалъ отъ моихъ глазъ; въ нее у него была вложена какая-то записочка.

Всѣ вопросы почти исключительно касались моего дѣла; попъ разспрашивалъ, не скрылъ ли я именъ сообщниковъ въ дѣлѣ, не принялъ ли болѣе, чѣмъ слѣдовало, и потомъ, не уговаривался ли я съ кѣмъ-нибудь о побѣгѣ.

Послѣ исповѣди онъ живо отслужилъ обѣдню.

Какъ, однако, онъ ни торопился, я успѣлъ продрогнуть въ нетопленой церкви и былъ очень доволенъ, когда по окончаніи этой церемоніи комендантъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ и меня, и отца Михаила, и угостилъ насъ горячимъ чаемъ съ ромомъ.

Передъ сумерками, часа въ три, пріѣхалъ ко мнѣ Суворовъ и сообщилъ, что на-дняхъ будетъ мнѣ позволено видѣться съ моими друзьями. Онъ назвалъ по имени всѣхъ. Остался онъ у меня довольно долго, говорилъ о томъ, что въ дорогѣ мнѣ будутъ предоставлены всѣ удобства, жалѣя, что не можетъ спасти меня отъ кандаловъ, и т. д. Между прочимъ, онъ спрашивалъ меня (это по англійски), знакомъ ли я съ Герценомъ и съ Долгорукимъ,—и замѣтилъ, что Герценъ совсѣмъ не то, что издатель „Будущности". Все, что ни пишетъ Герценъ, все такъ gentlemanlike, тогда какъ Долгорукій и бездаренъ, и мало видно въ немъ честности.

Суворовъ въ заключеніе сказалъ, что онъ еще зайдетъ ко мнѣ проститься.

Только въ этотъ вечеръ я сообразилъ, что, вѣроятно, мнѣ будетъ произнесенъ приговоръ на площади въ четвергъ, т. е. 14 декабря,— и это вотъ почему: попъ намекнулъ мнѣ по утру, что не мѣшало бы мнѣ выслушать послѣ завтра литургію, но я наотрѣзъ отказался.

Наканунѣ 14-го декабря я уже съ большею увѣренностью ожидалъ церемоніи и вслѣдъ за нею свиданія съ вами; послѣднее ты знаешь очень хорошо. Я и ждалъ, что вы пріѣдете посмотрѣть на мою казнь и въ то же время боялся, не узнаете о ней; въ газетахъ, какъ мнѣ говорили, не было еще объявлено.

13-го я нарочно легъ раньше въ постель, чтобы встать по утру пораньше самому, а не дожидаться, пока разбудятъ [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Утромъ въ 5 часовъ 14-го декабря, Михайлова вывезли на эшафотѣ, или на позорной колесницѣ, спиною къ возницѣ, въ сѣрой арестантской куртке и въ арестантской шапкѣ, на Мытнинскую площадь, что на Петербургской сторонѣ. Тамъ, при барабанномъ боѣ, его поставили на колѣни, и прочитавъ приговоръ, палачъ переломилъ надъ его головой шпагу. Площадь была почти пуста, такъ какъ было еще темно, а близкіе друзья Михайлова ничего не знали. Милый старикъ Пинкорнелли, крѣпостной плацъ-адъютантъ, былъ очень глухъ, и хотя М. просилъ его съѣздить къ Шелгуновымъ и сказать имъ, что его вывезутъ на площадь, но онъ этого не слыхалъ и не съѣздилъ.

Въ этотъ день къ Михайлову пріѣзжали всѣ его друзья, а вечеромъ его посадили въ казенную повозку съ двумя жандармами, а его возокъ съ жандармами поѣхалъ впередъ. Это было устроено на тотъ случай, если бы молодежь вздумала отбивать Михайлова.

Рано по утру кибитка въѣхала въ ворота Шлиссельбургской крѣпости. Къ вышедшему изъ возка М. тотчасъ же явились сторожа съ полотенцами и стали обвязывать ему кандалы.

— Чтобы какъ-нибудь не обезпокоить сидящихъ, объяснили ему.

Корридоръ былъ устланъ толстымъ войлокомъ, такъ что тишина въ крѣпости была мертвая. М. ввели въ номеръ, на окнѣ котораго сидѣло нѣсколько голубей. Вскорѣ подали чай, на прекрасной посудѣ, съ хорошими булками, совсѣмъ по-домашнему, и къ чаю пришелъ комендантъ, и много говорилъ о Сибири, гдѣ онъ служилъ.

Изъ Шлиссельбурга вывезли тѣмъ порядкомъ: сначала ѣхалъ возокъ, а сзади кибитка съ Михайловымъ. Когда они миновали станцію Шальдику, откуда дорога сворачивала въ имѣніе родныхъ Шелгуновыхъ, то М. посадили въ его возокъ, а повозка уѣхала обратно. Засады нигдѣ не оказалось.

явилъ своему прусскому союзнику, что не потерпитъ разрушенія никакихъ памятниковъ въ Парижѣ. Іенскій мостъ былъ спасенъ, но подъ условіемъ перемѣны названія; съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался мостомъ Инвалидовъ. Хотя русскій царь ничего не требовалъ, но изъ уваженія къ его желанію Аустерлицкій мостъ былъ переименованъ въ Жарденъ-дю-Руа.

Также, благодаря содѣйствію Веллингтона, и, по всей вѣроятности, императора Александра, Блюхеръ долженъ былъ отказаться отъ контрибуціи въ 100 милліоновъ, которую онъ уже подумывалъ наложить на Парижъ. Онъ грозилъ отправить въ Пруссію префекта Сены. Въ концѣ-концовъ стараго маршала удалось убѣдить, что наложеніе столь крупной контрибуціи должно быть предварительно разсмотрѣно союзными министрами и „что, во всякомъ случаѣ, всѣ выгоды, достигнутыя посредствомъ военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ сообща, не могутъ идти въ пользу исключительно однихъ пруссаковъ“.

Все это Блюхеръ въ письмѣ къ женѣ называлъ „мученіемъ“ и утѣшался изысканными обѣдами у Вери и очень крупной игрой въ № 113 въ Палѣ-Роялѣ.

Его солдаты, не будучи въ состояніи доставить себѣ столь дорогихъ удовольствій, находили другія развлеченія. Они грабили съ оружіемъ въ рукахъ, били мужчинъ, наносили оскорбленія женщинамъ. У заставъ Иври и Итальянской они останавливали прохожихъ, отнимая отъ нихъ деньги, часы и обувь. Въ улицѣ Гобеленъ одиннадцать солдатъ совершили гнусное насиліе надъ шестнадцатилѣтней дѣвушкой. Въ предмѣстьяхъ Сенъ-Жанъ и Сенъ-Марсо они грабили дома, опустошали погреба, похищали экипажи съ лошадьми и, возвращаясь въ Люксембургъ, къ своему бивуаку, устраивали форменныя распродажи награбленнаго, почти на глазахъ своихъ офицеровъ. Въ предмѣстьяхъ дѣло обстояло еще хуже. Къ югу отъ Парижа шли непрерывные грабежи, къ сѣверу, гдѣ деревни были покинуты жителями, царило запустѣніе. Здѣсь послѣдовательно побывали пруссаки, бельгійцы, браунгшвейгцы и ганноверцы. Проходя по улицамъ нѣкоторыхъ деревень, приходилось идти по клочьямъ разорваннаго бѣлья, по грудамъ битой посуды, стекла и обломкамъ мебели. Въ зіяющія отверстія сорванныхъ дверей и выбитыхъ оконъ можно было видѣть совершенно пустыя комнаты съ разбитыми зеркалами и оборванной обивкой стѣнъ. Въ окрестностяхъ, неподалеку отъ сожженныхъ овиновъ и грудъ пепла на пепелищахъ, англійскія лошади привольно паслись на поляхъ созрѣвшей пшеницы.

Шабріоль и Деказъ обращаются съ жалобами къ Талейрану, который въ свою очередь дѣлаетъ предписаніе союзнымъ министрамъ. Веллингтонъ самъ заявляетъ, что было бы желательно остановить

эти „грабежи и разрушенія, устраиваемыя ради забавы“. Напрасный трудъ. Если англичане еще сохраняли нѣкоторую дисциплину, то пруссаки, съ согласія Блюхера, продолжали свои неистовства.—Ну, что жъ за бѣда!—весело говорилъ Блюхеръ,—вѣдь они могли бы сдѣлать гораздо больше.

Но не одни только солдаты давали чувствовать иго ихъ нашествія. Крайніе роялисты, эмигранты, укрывавшіеся въ Гентѣ и внутри страны, распоряжались теперь въ Парижѣ, словно въ завоеванномъ городѣ. Они спѣшили отомстить бонапартистамъ, примѣшивая къ этой же категоріи и либераловъ, и конституціоналистовъ, и просто безпартійныхъ, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, которые не раздѣляли ихъ крайнихъ убѣжденій. Они проявили, напримѣръ, поразительную жестокость въ отношеніи генерала Лагранжа, капитана сѣрыхъ мушкетеровъ, вся вина котораго состояла въ томъ, что онъ не послѣдовалъ за королемъ въ Гентъ. И вотъ, они наносятъ ему оскорбленія дѣйствіемъ, бьютъ его, отсѣкаютъ ему руку, отнимаютъ шпагу, срываютъ крестъ и эполеты. Вечеромъ 8-го іюля, — какъ разъ въ день возвращенія короля, — они устраиваютъ разгромъ кафе Монтансье, въ Палѣ-Роялѣ, сопровождая все это криками:—Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ миръ! Долой якобинцевъ! Долой палача! Долой кровопійцъ! — На слѣдующій день, въ Амбигю, они встрѣчаютъ свистками одного актера, о которомъ имъ передавали, какъ о храбрецѣ, отважно защищавшемъ Обервилье, въ рядахъ стрѣлковъ. Они требуютъ, чтобы онъ на колѣняхъ просилъ прощенія за то, что смѣлъ стрѣлять въ союзниковъ короля. 10-го іюля роялисты учиняютъ расправу надъ очаровательной m-lle Марсъ, которая въ продолженіе ста дней выступала во всѣхъ пьесахъ, съ фіалками въ рукахъ или за корсажемъ. Ея появленіе встрѣчаютъ теперь свистомъ и шиканьемъ и, по требованію публики, она должна прокричать: — „Да здравствуетъ король!“ — Спустя нѣсколько минутъ, стихъ, съ которымъ г-жа Перпель обращается къ Эльмирѣ: „Votre conduite en tout est tout à fait mauvaise“ — вызываетъ бурю апплодисментовъ. Послѣ того г-жу Марсъ снова хотятъ заставить кричать: „Да здравствуетъ король!“ — но она протестуетъ, ссылается на то, что уже выполнила это; однако, шумъ и крики усиливаются; публика начинаетъ потрясать табуретами, ломать скамьи. Артистка сквозь слезы исполняетъ требованіе. Два дня спустя противъ нея подготовляется новый заговоръ, но при ея выходѣ на сцену, вся публика въ залѣ, словно одинъ человѣкъ, подымается со своихъ мѣстъ и апплодируетъ ей въ продолженіе пяти минутъ. Эта бурная и горячая овація отрезвляюще дѣйствуетъ на манифестантовъ.

Послѣ войны противъ фіалокъ, начинается гоненіе на красныя

гвоздики,—цвѣтокъ, который почему-то начинаетъ считаться новой наполеоновской эмблемой. Патрули національныхъ гвардейцевъ предлагаютъ прохожимъ, имѣющимъ этотъ цвѣтокъ въ петлицѣ, немедленно бросить его, въ противномъ случаѣ арестуютъ. Но они, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ это вѣжливо. Королевскіе же гвардейцы чрезвычайно грубо выполняютъ эту полицейскую мѣру, которую имъ даже никто не препоручалъ, они срываютъ запрещенные цвѣты изъ петлицъ у мужчинъ, или съ корсажей дамъ, и если замѣчаютъ на какомъ-нибудь окнѣ горшокъ съ гвоздиками, они безцеремонно врываются въ домъ и выбрасываютъ изъ окна недозволенное растеніе, рискуя попасть въ случайныхъ прохожихъ подъ окномъ. Ежедневно, въ кафе, въ театрахъ, на прогулкахъ происходятъ столкновенія, ссоры, драки, дуэли. Если національная гвардія вмѣшивается съ цѣлью прекратить буйство, королевскіе солдаты нападаютъ на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Во время одной изъ такихъ схватокъ было ранено семь милиціонеровъ. Недовольство противъ королевскихъ гвардейцевъ, красныхъ жандармовъ и всѣхъ родовъ мушкетеровъ становится такъ велико, что одинъ изъ полицейскихъ рапортовъ отмѣчаетъ легкое повышеніе ренты, при распространившемся слухѣ, будто король намѣренъ упразднить свою свиту.

Съ 12-го іюля въ полицейскихъ рапортахъ уже начинаютъ появляться сообщенія о томъ, что число бѣлыхъ кокардъ сильно уменьшается, вслѣдствіе неистовствъ, которыя позволяютъ себѣ союзныя войска.

— Нашъ добрый король лучше сдѣлалъ бы, если бы остался во Фландріи,—говорили нѣкоторые,—и не вызывалъ сѣверныхъ варваровъ для порабощенія французской націи. Молодежь на просьбы нищихъ говорила:

— Идите къ вашему доброму королю.

По рукамъ ходили каррикатуры, на которыхъ король былъ представленъ сидящимъ, опустивъ ноги въ чанъ съ кровью, а по обѣимъ его сторонамъ стоятъ англичанинъ и пруссакъ. 19-го іюля, по предмѣстью Сенъ-Марсо изъ кабака въ кабакъ водили свинью, у которой подъ хвостомъ былъ подвѣшенъ цвѣтокъ лиліи, и пили за здоровье „толстаго папеньки“. Менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли съ 10-го по 23-ое іюля исправительный судъ постановилъ сорокъ пять судебныхъ приговоровъ за оскорбленіе величества словесно или въ манифестаціяхъ. За возгласы: „Да здравствуетъ императоръ!“ или „Долой короля!“ полагалось двѣ недѣли тюремнаго заключенія. За ношеніе гвоздики въ петличкѣ—два дня. За пѣніе „Марсельезы“—двѣ недѣли; не снявшій шляпы при проѣздѣ короля наказывался четырьмя днями ареста. За возгласъ „Долой королевскую гвардію“,—недѣльный арестъ; стоило

сказать, что Бонапартъ находится при луарской арміи, чтобы попасть въ тюрьму на мѣсяцъ. Одна простая женщина отсидѣла недѣлю въ тюрьмѣ за то, что сказала, если бы къ ней поставили пруссаковъ на постой, она отравила бы ихъ.

Оскорбленный Парижъ не только фрондировалъ, но и возмущался, протестовалъ, защищался. Офицеры королевской свиты не рѣшались показываться въ одиночку на улицахъ изъ боязни нападеній. Озлобленіе противъ королевскихъ гвардейцевъ было такъ велико, что имъ разрѣшалось даже въ не служебное время выходить не въ формѣ. Хотя это разрѣшеніе дано было не гласно, но оно осталось непримѣненнымъ, такъ какъ солдаты считали чѣмъ-то въ родѣ долга чести—не повиноваться. Повсюду и во всякое время между солдатами союзныхъ войскъ и обитателями Парижа происходили столкновенія, драки, иногда даже кровопролитныя. Вооруженные солдаты, конечно, брали верхъ, но жители съ своей стороны выжидали благопріятныхъ случаевъ для мести, и горе было такому подвыпившему солдату, который осмѣливался показаться ночью на пустынной набережной! На другой день его трупъ находили въ Сенѣ. Веллингтонъ встревожился. „Мы вступаемъ въ критическую фазу,—писалъ онъ англійскому послу,—если въ Парижѣ сдѣланъ будетъ хоть одинъ выстрѣлъ съ нашей стороны, то, можно съ увѣренностью сказать, что весь народъ подымется противъ насъ". Прусскій губернаторъ Парижа Мюффлингъ принялъ мѣры предосторожности. 24-го іюля онъ издалъ приказъ о сосредоточеніи войскъ на случай народнаго бунта. Предполагалось, что предупредительнымъ сигналомъ будутъ три пушечныхъ выстрѣла. При этомъ сигналѣ, жители должны немедленно разойтись по домамъ.

Покинувъ Мальмезонъ, Наполеонъ, спустя нѣсколько часовъ, остановился въ замкѣ Рамбулье.

23-го іюня, онъ принималъ завѣдующаго портомъ Рошефоръ, доставившаго письмо морскаго префекта, капитана флота Боннефу, который отвѣчалъ на депешу Бекера, посланную изъ Пуатье. „Рейдъ плотно блокируется англичанами,—мнѣ кажется, для нашихъ фрегатовъ въ высшей степени опасно стараться прорваться. Нужно выждать благопріятнаго случая, который едва-ли скоро представится. Силы, блокирующія насъ, не оставляютъ ни малѣйшей надежды на то, что намъ удастся вывести наши суда".

Боннефу боялся отвѣтственности и преувеличивалъ затрудненія, препятствія и опасности, хотя, дѣйствительно, англійская эскадра, подъ командой адмирала Готама, крейсировала у береговъ, но на

рейдѣ у Рошфора не было ни въ іюнѣ, ни послѣ того, болѣе одного англійскаго корабля „Bellerophon“ и одного изъ двухъ маленькихъ судовъ, заходившихъ по очередно и вооруженныхъ отъ 16 до 24 орудіями.

Письмо капитана Боннефу чрезвычайно встревожило императора. „Казалось,—говоритъ префектъ Бушъ,—онъ былъ доведенъ до отчаянія, но, въ то же время, оваціи жителей Ніора какъ-будто разбудили его дремлющія надежды“.

— Правительство,—сказалъ онъ Бушу,—плохо знаетъ духъ Франціи. Если бы оно приняло мои послѣднія предложенія, дѣло получило бы совсѣмъ иной оборотъ. Я еще могъ бы оказать отъ имени націи большое вліяніе на политическія дѣла, подкрѣпляя свои доводы арміей, для которой мое имя могло бы служить объединяющимъ началомъ.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онъ настойчиво просилъ Бекера увѣдомить исполнительную коммиссію о препятствіи къ выходу фрегатовъ и еще разъ предложить ей „воспользоваться службой императора въ качествѣ простаго генерала, воодушевленнаго однимъ лишь желаніемъ быть полезнымъ родинѣ“.

Но Фуше и его коллеги отнюдь не помышляли о томъ, чтобы защищать Парижъ, а тѣмъ паче воспользоваться для этой цѣли шпагою Наполеона. Императоръ производилъ еще удивительное обаяніе на ихъ воображеніе, но самъ онъ уже не обольщался никакими иллюзіями на счетъ своего положенія. Единственный достойный для себя выходъ онъ видѣлъ въ томъ, чтобы добровольно сдаться англичанамъ.

Въ 8 часовъ утра, 3-го іюля, когда Наполеонъ выходилъ изъ кареты передъ морской префектурой, суда были уже готовы къ отплытію.

Со стороны моряковъ было предложено много проектовъ, чтобы устроить Наполеону свободный проѣздъ въ Америку, но онъ упорно держался своей мысли искать убѣжища въ Англіи. Съ этою цѣлью онъ написалъ письмо принцу-регенту въ Англію.

Оставшись наединѣ съ Гурго, Наполеонъ показалъ ему черновикъ письма къ принцу-регенту.

„Гонимый заговорами, терзающими мою страну, и непріязнью главнѣйшихъ европейскихъ державъ, я кончилъ мою политическую карьеру и, подобно Ѳемистоклу, сѣлъ у очага британскаго народа. Я отдаюсь подъ покровительство его законовъ, котораго прошу и у вашего высочества, какъ у самаго могущественнаго, самаго постояннаго и самаго великодушнаго изъ моихъ враговъ“.

Читая эти строки, Гурго, который отнюдь не былъ изъ мягкосердечныхъ, чувствовалъ, что слезы навертываются у него на глазахъ.

Императоръ желалъ, чтобы это его письмо было передано принцу-регенту въ собственныя руки и обязательно ранѣе того, какъ въ отношеніи къ нему будетъ принято какое-либо рѣшеніе. Онъ поручилъ Гурго быть его посломъ въ послѣдній разъ. Для этой миссіи онъ счелъ нужнымъ дать ему письменныя инструкціи, и вотъ, Гурго взявъ перо изъ рукъ императора, набросалъ слѣдующія строки подъ быструю диктовку Наполеона:

„Мой адъютантъ, Гурго, отправится на англійскую эскадру вмѣстѣ съ графомъ Лаказъ. По указанію, которое пришлетъ командиръ этой эскадры, онъ поѣдетъ или къ адмиралу, или въ Лондонъ. Онъ постарается получить аудіенцію у принца-регента и вручить ему мое письмо. Если къ выдачѣ паспортовъ, для проѣзда въ Америку, не найдутъ препятствій, я буду очень радъ, такъ именно этого я желаю, но я не хочу ѣхать ни въ какую колонію. Въ случаѣ, если въ Америку нельзя, то я лучше предпочту отправиться въ Англію, чѣмъ въ какую-либо другую страну. Я назовусь полковникомъ Мюиронъ (Muiron).

„Если мнѣ придется ѣхать въ Англію, то я желалъ бы имѣть помѣщеніе въ деревенскомъ домѣ, въ десяти или двѣнадцати лье отъ Лондона. Я хотѣлъ бы проѣхать туда по возможности incognito. Помѣщеніе потребуется довольно большое, чтобы было мѣсто для всего моего штата. Я желалъ бы, и это, вѣроятно, не пойдетъ въ разрѣзъ съ видами англійскаго правительства, избѣжать заѣзда въ Лондонъ. Если министерство пожелаетъ приставить ко мнѣ англійскаго коммиссара, то оно должно позаботиться только о томъ, чтобы это не имѣло слишкомъ назойливаго характера“.

Въ этомъ предписаніи, которое походитъ на послѣднія распоряженія относительно похоронъ своей свободы, онъ выражаетъ только слабую надежду на отъѣздъ въ Америку. Правда, онъ говоритъ еще объ этомъ желаніи, но своему уполномоченному не даетъ предписанія настаивать на полученіи свободнаго пропуска. Гурго долженъ только обставить по возможности лучше условія его полу-плѣна въ Англіи.

Въ четвертомъ часу Лаказъ, въ сопровожденіи Гурго, въ третій разъ отправился на „Bellerophon“. Кромѣ того, уполномоченный въ роли гофмаршала, онъ долженъ былъ осмотрѣть и приготовить помѣщенія для императора и его свиты на кораблѣ. При этомъ онъ вручилъ Мейтланду полный списокъ всѣхъ лицъ, которыя будутъ сопровождать императора, а также письмо гофмаршала, извѣщавшаго о предстоящемъ пріѣздѣ императора на слѣдующее утро. При первомъ же отливѣ „императоръ“, добавлялъ Бертранъ, „охотно уѣдетъ въ Америку, если адмиралъ пришлетъ намъ пропуски; за не-

имѣніемъ этихъ пропусковъ, онъ охотно отправится въ Англію, какъ частное лицо, чтобы пользоваться тамъ покровительствомъ законовъ вашей страны".—Мейтландъ оказалъ самый любезный пріемъ парламентерамъ.

— Меня томило одно только желаніе,—говорилъ онъ впослѣдствіи—покончить дѣло, которое я удачно подвелъ уже такъ близко къ концу.

Прочитавъ копію съ письма принцу-регенту, приложенную къ письму Бертрана, онъ отдалъ приказаніе командиру корвета „Slaney" принять на свое судно Гурго и приготовиться къ отходу въ тотъ же вечеръ. Положившись на любезныя обѣщанія Мейтланда, Гурго уже вообразилъ, что его тотчасъ повезутъ въ Лондонъ. Между тѣмъ, „Slaney" долженъ былъ встать на якорѣ въ Плимутѣ, потомъ на рейдѣ въ Торбэй съ развѣвающимся карантиннымъ флагомъ, чтобы къ нему не могли приближаться никакія другія суда.

Съ наступленіемъ ночи Лаказъ удалился въ свою каюту, какъ вдругъ, спустя нѣкоторое время, Мейтландъ, какъ ураганъ, ворвался къ нему. Его перекосившееся лицо, пылающіе глаза и свистящій голосъ изобличали сильнѣйшій гнѣвъ.

— Графъ де-Лаказъ,—воскликнулъ онъ,—я обманутъ! Тѣмъ временемъ, какъ я веду съ вами переговоры, лишаю себя одного изъ моихъ судовъ, меня извѣщаютъ, что Наполеонъ ускользнулъ отъ меня. Это поставитъ меня въ ужасное положеніе передъ моимъ правительствомъ!

Онъ походилъ на тигра, у котораго отняли добычу. Лаказъ ужаснулся. У него вдругъ мелькнуло предчувствіе печальной участи, ожидающей Наполеона. Онъ хотѣлъ было дать знать, предупредить императора. Но никакихъ средствъ сообщенія не было. Несмотря на охватившую его скорбь, въ сердцѣ его вдругъ шевельнулась надежда. Что, если ему сказали правду и императору, дѣйствительно, удалось покинуть островъ Э и выйти въ открытое море?

— Въ которомъ часу по вашимъ извѣстіямъ—спросилъ онъ, едва скрывая свою тревогу,—уѣхалъ императоръ?

— Въ полдень.

— Въ такомъ случаѣ, — съ грустью добавилъ Лаказъ,—это извѣстіе не вѣрно, потому что я разстался съ императоромъ въ четыре часа.

Тѣмъ временемъ, какъ Мейтландъ (Maitland) въ лихорадочной тревогѣ ожидалъ слѣдующаго утра, сомнѣваясь вплоть до послѣдней минуты въ такомъ великомъ счастьѣ, — видѣть Наполеона своимъ плѣнникомъ, комендантъ порта Боннефу, сильно взволнованный, пріѣхалъ на фрегатъ „Saale". Его сопровождалъ баронъ Ришаръ, быв-

шій членъ конвента, участникъ цареубійства и другъ Фуше, кстати, первымъ дѣломъ королевскаго правительства было—назначеніе его префектомъ Нижней Шаренты. Ришаръ привезъ изъ Парижа инструкціи отъ новаго морскаго министра, графа Жокуръ. Коменданту Боннефу предписывалось задержать Бонапарта на „Saale", препятствуя всякой попыткѣ съ его стороны возвратиться во Францію, какъ равно и всякому сношенію, которое онъ попытался бы возстановить съ англійскимъ крейсеромъ и, наконецъ, предписать фрегату „Meduse" немедленно вернуться въ портъ. Не трудно догадаться, что королевскій совѣтъ затѣвалъ противъ Наполеона рѣшительныя мѣры. Дѣйствительно, капитанъ фрегата де-Риньи уже находился на пути къ Рошфору съ секретной миссіей. Онъ долженъ былъ взять у Боннефу шлюпки, чтобы отправиться на англійскій крейсеръ и тамъ передать командиру приказъ Крокера, секретаря адмиралтейства, и письмо Жокура къ капитану Филиберу, командиру „Saale".

Письмо Жокура гласило слѣдующее:

„Наполеонъ Бонапартъ, находящійся на суднѣ, которымъ вы управляете, отнынѣ считается фактически плѣнникомъ, котораго имѣютъ право потребовать всѣ европейскіе монархи. Король не одинъ требуетъ его. Теперь королю даже было бы невозможно поддаться враждебному ему чувству великодушія. Онъ дѣйствуетъ не самостоятельно и не ради своей только личной выгоды, преслѣдуя Наполеона Бонапарта. Его цѣль общее благо, какъ равно и цѣль всей Европы, вооружившейся противъ Наполеона, совпадаетъ съ его личной цѣлью. Всѣ силы, нападающія на Наполеона, будутъ дѣйствовать во имя короля. Вотъ почему французы, которые не желаютъ быть мятежниками противъ ихъ законнаго короля и ихъ родины, должны считать союзниками и друзьями всѣхъ командировъ сухопутныхъ и морскихъ, которые, если бы обстоятельства того потребовали, вступили въ борьбу для задержанія Наполеона. На основаніи этого предупреждаю васъ, что командиру англійской эскадры, блокирующей рошфорскій рейдъ, предоставляется право потребовать отъ командира фрегата, на которомъ находится Наполеонъ, немедленной выдачи этого послѣдняго. Требованіе это будетъ предъявлено не отъ одного только имени е. в. короля великобританскаго, но также и отъ имени короля, вашего законнаго государя. Вы не должны видѣть въ командирѣ англійскихъ морскихъ силъ, который передаетъ вамъ это письмо, исключительно англійскаго офицера. Въ настоящій моментъ онъ является офицеромъ всѣхъ монарховъ, состоящихъ въ союзѣ съ его величествомъ, Слѣдовательно, онъ также офицеръ французскаго короля. Вотъ почему я приказываю вамъ передать англійскому командиру, который вручитъ вамъ настоящій приказъ, Наполеона Бонапарта,

по первому его требованію. Если бы вы оказались настолько виновнымъ или настолько ослѣпленнымъ, чтобы воспротивиться тому, что я вамъ предписываю, то поступокъ вашъ будетъ сочтенъ открытымъ мятежемъ и на васъ падетъ отвѣтственность за возможное пролитіе крови и истребленіе вашего судна".

15 іюля, на восходѣ солнца, Наполеонъ перешелъ на „Epervier". Онъ былъ при шпагѣ, на немъ была небольшая шляпа и зеленоватый сюртукъ полковника его стрѣлковой гвардіи. Эту форму онъ надѣлъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ Мальмезонъ. Командиръ брига, лейтенантъ Журданъ де-ла Посардьеръ принялъ императора съ подобающими почестями. Всѣ матросы были выставлены въ рядъ на палубѣ; всѣ они были взволнованы, охвачены трепетомъ и съ глазами, полными слезъ. Наполеонъ прошелъ по фронту, привѣтствуемый какъ въ дни побѣдъ, но только теперь въ возгласахъ: vive l'empereur!—звучало рыданіе. Лейтенантъ Борни-Дебордъ, присланный съ „Saale", сказалъ Журдану по секрету: „Нужно торопиться, такъ какъ могутъ явиться люди, которымъ поручено задержаніе императора".—Но только не на „Epervier!"—гордо и рѣшительно воскликнулъ Журданъ,—или по крайней мѣрѣ не тогда, пока я живъ.

Начали сниматься съ якоря. Бекеръ, сопровождавшій императора на бригъ, подошелъ къ Наполеону и дрожавшимъ отъ волненія голосомъ сказалъ:—Государь, угодно ли будетъ вашему величеству, чтобы я сопровождалъ васъ до англійскаго крейсера, согласно инструкціямъ правительства?—Наполеонъ устремилъ на него глубокій и пристальный взоръ:—Нѣтъ, генералъ Бекеръ,—съ грустью сказалъ онъ,—возвращайтесь на островъ Э. Не нужно, чтобы говорили, что Франція выдала меня англичанамъ!

По условіямъ парижской капитуляціи армія должна была удалиться за Луару. Переходъ этотъ совершался медленно и въ безпорядкѣ. Отчаянье и гнѣвъ переполняли сердца солдатъ. Въ то же время въ войскахъ не было никакой дисциплины. Пѣхотинцы, драгуны, гусары и артиллеристы дезертировали массами. Напрасно генералы въ частыхъ своихъ приказахъ дѣлали попытки ободрить солдатъ и сулили имъ всяческія блага. Солдаты не вѣрили; инстинктивно они чувствовали, что все кончено. Угрозы оставались столь же безплодными, какъ и обѣщанія. Онѣ не производили дѣйствія, такъ какъ не опирались ни на какой авторитетъ. Несмотря на приказы маршала Даву, генералъ не рѣшился, напримѣръ, разстрѣлять двухъ дезертировъ, изъ боязни, что никто изъ солдатъ не согласится выпол-

нить его распоряженіе. Опасались главнымъ образомъ солдатскихъ бунтовъ, во время которыхъ офицеры подвергнутся опасности.

Во избѣжаніе безпорядковъ и массоваго дезертирства, генералы увѣряли войска, что исполнительная коммиссія и палаты держатъ сторону арміи, что онѣ будутъ отстаивать права націи, что форма правленія не измѣнится и что трехцвѣтное знамя сохранится навсегда.

Даву разослалъ во всѣ военные округа копіи съ акта изъявленія покорности. Впрочемъ, нѣкоторые предпочли послать рапорты объ отставкѣ, вмѣсто требуемой отъ нихъ подписи. Въ общемъ согласіе офицеровъ было достигнуто гораздо легче и скорѣе, нежели можно было думать всего десять дней тому назадъ, когда армія покинула Парижъ. Рейль былъ уполномоченъ представить королю актъ покорности арміи. Самъ онъ подписалъ его безо всякаго колебанія. — Я не хочу стоять въ хвостѣ Бонапарта, — объявилъ онъ.

Теперь оставалось объявить войскамъ о резолюціи, принятой ихъ командирами, а также взять у нихъ имперское знамя, и въ замѣнъ его заставить принять бѣлую кокарду. Даву рѣшился приступить къ этому 16 іюля. Его приказъ вызвалъ сильнѣйшее волненіе среди генераловъ. Нѣкоторые просили отсрочки, ссылаясь на то, что перемѣна кокарды не можетъ произойти вдругъ и что въ такомъ дѣлѣ необходимо дѣйствовать осторожно, медленно и тактично. „Армія разбѣжится — писалъ Фрейндъ: — бѣлая кокарда ненавистна солдату“. — „Ничто не можетъ быть вреднѣе солдату“, — писалъ Башлю. — „Я откладываю исполненіе вашего приказанія“, — написалъ Клозель. — „Нужно приготовить войска, ибо знаю, что всѣ предосторожности будутъ напрасны. Тотъ часъ, когда мои солдаты должны будутъ надѣть бѣлую кокарду, будетъ также часомъ окончательнаго распаденія арміи. Генералъ Декенъ сообщилъ мнѣ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мои опасенія.“ — „Ни одинъ солдатъ не останется въ рядахъ арміи, если не будутъ сохранены національныя цвѣта, — писалъ Ламаркъ. — Генрихъ IV не уклонялся отъ посѣщенія католической мессы, и я увѣренъ, что во избѣжаніе междоусобной войны, онъ согласился бы имѣть звѣзду въ эмблемѣ своего герба“.

Полковникъ Дюшанъ, чтобы не заставлять своихъ канонировъ надѣть кокарду эмигрантовъ, предпочелъ отказаться отъ должности и изложилъ въ слѣдующихъ патетическихъ выраженіяхъ свой приказъ по войскамъ, въ которомъ выразилось настроеніе вообще всей арміи: „Офицеры, унтеръ-офицеры и капралы, примите мой прощальный привѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь командовать вами, вы составляли всю мою гордость. Наши труды, наша храбрость были

безполезны... Товарищи, до нынѣшняго дня я переносилъ ужасное несчастіе видѣть нашу родину опозоренной вторженіемъ иноземцевъ и былъ лишенъ возможности пролить свою кровь за ея отмщеніе. Но новыя обстоятельства понуждаютъ меня къ такимъ условіямъ, на которыя я не могу согласиться. Мои принципы, моя честь, моя душа, все протестуетъ противъ меня. Нѣтъ, я никогда не обращусь къ вамъ съ иною рѣчью, съ какою обращался на поляхъ Ватерло, и не я поставлю среди васъ новое знамя."

Генералы и корпусные командиры не послѣдовали примѣру Дюшанъ, они подчинились. Но побѣги солдатъ до того участились, что во всей арміи насчитывалось уже не болѣе 45.000 человѣкъ. Даже самые послушные солдаты съ ропотомъ снимали свои трехцвѣтныя кокарды, не замѣняя ихъ, однако, бѣлой. Другіе же только прикрыли ее и то открывали, то закрывали, смотря по настроенію и обстоятельствамъ, и такъ продолжалось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ Блуа войска встрѣтили приказъ Даву криками: „Да здравствуетъ императоръ!" — Затѣмъ разбрелись по городу, неистовствуя и избивая всѣхъ, въ комъ они заподозрѣвали роялистовъ. Въ Турѣ и во многихъ другихъ городахъ войска произвели разгромъ домовъ, которые были украшены бѣлыми флагами. Въ Нантѣ одинъ жандармъ выстрѣлилъ себѣ въ сердце изъ пистолета, говоря, что не хочетъ пережить такого позора.

Между тѣмъ нѣкоторые слишкомъ пылкіе сторонники роялистской партіи находили, что съ наказаніемъ банапартистовъ слишкомъ медлятъ. Въ аристократическихъ сферахъ, среди приближенныхъ къ принцамъ, даже въ аппартаментахъ самого короля, негодовали и возмущались. Въ министерство полиціи въ Тюильри поступали цѣлыя кипы анонимныхъ доносовъ и рецептовъ репрессивныхъ мѣръ. Наконецъ, газеты ежедневно печатали тенденціозныя извѣстія, коварные намеки и убійственныя инсинуаціи противъ дѣятелей имперіи и революціи.

13 іюля представители союзныхъ державъ вручили Талейрану ноту, въ которой французское правительство приглашалось дать разъясненія касательно мѣръ, которыя надлежитъ принять противъ членовъ семьи Бонапарта и другихъ лицъ, присутствіе которыхъ завѣдомо несовмѣстимо съ общественнымъ порядкомъ.

Это повелительное требованіе было передано королю и подверглось первому обсужденію между нимъ, Талейраномъ и Фуше. Талейранъ совѣтовалъ противопоставить этому предписанію прокламацію въ Камбрэ, авторомъ которой онъ въ сущности былъ самъ и въ которой поручалось палатѣ указать виновныхъ. Фуше предлагалъ полную амнистію. Но онъ еще ранѣе связанъ былъ съ англичанами и также

съ крайней партіей негласными договорами, за что тѣ и постарались провести его въ новый кабинетъ. Къ тому же Фуше чувствовалъ въ прокламаціи Камбрэ нѣкоторую угрозу и для себя лично, такъ какъ до 23 марта онъ былъ министромъ Наполеона. Вотъ почему онъ имѣлъ самое серьезное основаніе желать, чтобы этотъ вопросъ объ отвѣтственности былъ рѣшенъ разъ навсегда и именно въ то время, пока онъ находится у власти.

Если Фуше падетъ, то что помѣшаетъ внести его имя въ списки преступниковъ, на-ряду съ Карно, Коленкуромъ, Ровиго и другими участниками узурпаторскаго правительства? Фуше былъ предусмотрителенъ. Коль скоро ему представится возможность самому составить проскрипціонные списки, то онъ, конечно, постарается, чтобы его имя въ нихъ не попало. Впрочемъ, Фуше считалъ себя въ полномъ правѣ прибѣгнуть къ слѣдующему софизму: лучше высказаться за королевскую справедливость, чѣмъ за мстительность аристократовъ и роялистскихъ депутатовъ и, пожертвовавъ 50 или 60 лицами, спасти тысячи. Къ тому же, не пора ли успокоить тревоги среди офицеровъ и чиновниковъ, оставшихся и послѣ 20 марта на службѣ при Наполеонѣ? Ходили слухи, что число преслѣдуемыхъ по суду составляетъ 2.000, 3.000 и даже 4.000 лицъ. Королевскій приказъ, ограничивая число виновныхъ и указывая ихъ поименно, возвратитъ спокойствіе массѣ людей, которые чувствовали себя подъ подозрѣніемъ.

Талейранъ протестовалъ вяло, какъ вообще имѣлъ обыкновеніе протестовать, и наконецъ уступилъ. Людовикъ XVIII далъ свое согласіе безъ спора. Фуше было поручено, или онъ самъ взялся, составить проскрипціонный листъ. Есть основаніе предполагать, что ему помогали Витроль и другія лица. — „Имена льются словно изъ водосточныхъ трубъ Тюильри“ — говорилъ онъ.

Король объявилъ въ прокламаціи въ Камбрэ, что виновники революціи 20 марта будутъ указаны палатой и по ея предписанію подвергнуты судебному преслѣдованію; онъ объявилъ также, что онъ, никогда не обѣщавшій ничего напрасно, обѣщаетъ простить все, что случилось послѣ 23 марта. Отдавая свой приказъ отъ 24 іюля, Людовикъ XVIII дважды нарушилъ свое королевское слово. Онъ самъ указывалъ виновныхъ и причислялъ къ нимъ генераловъ, чиновниковъ и депутатовъ, которые и послѣ 23 марта оставались совершенно не причастными къ политикѣ.

Изъ пятидесяти семи лицъ, внесенныхъ въ списокъ, только 31 могли быть преданы суду за то, что болѣе или менѣе способствовали Наполеону въ его походѣ на Парижъ, или приняли отъ него общественныя должности до 23-го марта. Во всемъ этомъ сказывалась гораздо больше злоба и мстительность, нежели правосудіе.

20-го іюля, въ главномъ штабѣ луарской арміи уже распространились слухи, что готовятся самыя строгія мѣры, какъ-то казни и изгнанія. Даву отказался этому вѣрить.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда, 27 іюля, уже отпечатанные экземпляры приказа со спискомъ виновныхъ были получены Даву. Послѣ этого никакихъ сомнѣній быть не могло. Маршалъ почувствовалъ глубокую скорбь и тѣмъ большую горечь, что онъ до нѣкоторой степени долженъ былъ винить самого себя въ томъ, что изъ-за его излишней довѣрчивости пострадаютъ офицеры, о которыхъ онъ, какъ главный командиръ, долженъ былъ заботиться. Не будь онъ одураченъ такими господами, какъ Витроль, Фуше и Сенъ-Сиръ, онъ не выдалъ бы на казнь или изгнаніе стольких своихъ офицеровъ. Отвлекши ихъ сначала отъ защиты Парижа, потомъ убѣдивъ сдаться королю, онъ какъ бы дважды обезоружилъ ихъ, а теперь предавалъ еще мстительности военныхъ судовъ. Возмущенный и глубоко опечаленный, онъ тотчасъ же написалъ Гувіону де-Сенъ-Сиръ протестъ, въ которомъ сказывались его былыя гордость и твердость. Письмо его начиналось слѣдующимъ весьма оскорбительнымъ ироническимъ замѣчаніемъ: „Если я долженъ придавать какую-нибудь вѣру вашимъ словамъ, г. министръ, то мнѣ слѣдуетъ считать полученный списокъ вымышленнымъ“. Далѣе Даву благородно требовалъ освободить отъ обвиненія подчиненныхъ ему генераловъ. „Они повиновались только приказаніямъ, которыя я имъ отдавалъ въ качествѣ военнаго министра, которымъ былъ въ то время. Вотъ почему слѣдуетъ замѣнить ихъ имена моимъ... и пусть на меня одного падутъ всѣ кары! Это милость, которую я требую въ интересахъ короля и родины... Заклинаю васъ подъ угрозою отвѣтственности передъ королемъ и всею Франціей, показать это письмо королю“.

Письмо Даву, какъ ни было оно благородно и великодушно, не только не могло принести никакой практической пользы, но, скомпрометтировавъ и самого Даву, нисколько не облегчило участи его товарищей по оружію. Вмѣсто всякаго отвѣта онъ получилъ отъ Сенъ-Сира извѣщеніе, что маршалъ Макдональдъ назначенъ на его мѣсто командующимъ арміею, расположенною по ту сторону Луары. Герцогъ Тарентскій простеръ свою преданность королю до того, что принялъ на себя трудную, печальную и нисколько не завидную роль распустить армію. Въ инструкціяхъ, полученныхъ имъ отъ военнаго министра, уже послѣ его бесѣды съ королемъ, ему предписывалось удалить всѣхъ генераловъ, внесенныхъ во второй списокъ, и въ точности привести въ исполненіе содержаніе перваго. Макдональдъ прибылъ въ Буржъ 31-го іюля. На слѣдующій день, Даву и штабъ-офицеры тѣхъ частей, которыя квартировали въ городѣ или его

окрестностяхъ, тотчасъ же явились въ полномъ составѣ, представиться ему. Онъ сказалъ имъ: „Пусть тѣ, которые имѣли несчастье попасть въ фатальные списки, подумаютъ о своей безопасности. Имъ нельзя терять времени. Съ минуты-на-минуту могутъ прибыть гонцы съ предписаніями, которыхъ я уже не въ силахъ буду остановить“. Дѣйствительно, въ тотъ же вечеръ, въ главную квартиру явилось тайно нѣсколько лицъ изъ кордегардіи, переодѣтыхъ въ штатское платье и снабженныхъ приказами объ арестахъ. Эти предписанія они должны были передать жандармскимъ офицерамъ.

Когда они явились къ маршалу, тотъ сказалъ имъ:

— Старайтесь не показываться, такъ какъ при нынѣшнемъ настроеніи умовъ, я не поручусь за вашу безопасность. Подождите, пока я немного ихъ успокою. Завтра мы посмотримъ, а теперь оставайтесь здѣсь, я распоряжусь, чтобы васъ покормили и приготовили вамъ ночлегъ.

Жандармы начали протестовать, говоря, что должны немедленно исполнить королевскія повелѣнія, и говорили, что ничего не боятся.

— Въ такомъ случаѣ,—смѣясь, сказалъ Макдональдъ,—зачѣмъ же вы переодѣвались?

Въ концѣ-концовъ, они рѣшили воспользоваться предложеннымъ гостепріимствомъ, а маршалъ для большей безопасности велѣлъ запереть ихъ на ключъ. Послѣ того онъ поспѣшно отправился къ Даву, и посовѣтовалъ послать немедленно во всѣ мѣстности военныхъ стоянокъ, предупредить объ опасности заинтересованныхъ офицеровъ, чтобы они могли бѣжать въ ту же ночь.

Лефевръ-Деноэль сбрилъ свои генеральскіе усы и уѣхалъ подъ видомъ комми-вояжера. Амейль, также обрившись, переодѣлся въ базарнаго торговца. Делабордъ, сильно страдавшій отъ подагры и еле двигавшійся, нашелъ пристанище на фермѣ близъ Буржа, гдѣ нѣсколько крестьянъ великодушно спрятали его, пока онъ не былъ въ состояніи покинуть Францію. „Тамъ спитъ мой дѣдушка, онъ только теперь задремалъ послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни“,—говорила фермерша пришедшимъ жандармамъ.

6-го августа, изо-всѣхъ генераловъ, упомянутыхъ въ спискахъ, при луарской арміи оставался только одинъ Вандамъ. Сильный сознаніемъ нравственной своей правоты и оказанныхъ имъ услугъ, онъ не хотѣлъ оставить своего поста до тѣхъ поръ, пока Макдональдъ формально не устранитъ его отъ командованія его частью. Этотъ приказъ онъ получилъ 7-го августа и тотчасъ же покинулъ свою главную квартиру.

Гувіонъ Сенъ-Сиръ, когда нужно было убѣдить армію сдаться королю, обѣщалъ, что „король сдѣлаетъ для арміи даже больше того,

что она можетъ пожелать". Двѣ недѣли спустя, главные командиры, одни, какъ Даву, были устранены, другіе, какъ Друэ-д'Эрлонъ осуждены на ссылку, а нѣкоторые, какъ Ней, преданы казни. И сама армія была распущена.

При извѣстіи объ отреченіи Наполеона, роялистская революція вспыхнула въ двадцати южныхъ городахъ. Въ началѣ іюля мѣсяца жители Ліона такъ же горячо были воодушевлены на защиту императора, какъ и противъ непріятеля.

Ліонъ, при его выгодномъ отъ природы стратегическомъ положеніи, при цѣпи укрѣпленій, опоясывавшей его, при 300 пушкахъ, при достаточно многочисленномъ гарнизонѣ, наконецъ, при его патріотически настроенномъ населеніи и при арміи Сюшэ, которая, несмотря на дезертирство, представляла еще весьма внушительную силу въ 16.000 штыковъ, могъ выдержать атаку сильнаго врага. Однако, Сюшэ, смущенный и парализованный извѣстіями изъ Парижа, рѣшился перейти на сторону короля, а городъ сдать австрійцамъ.

13-го іюля, два австрійскихъ офицера, присланныхъ въ качествѣ парламентеровъ, проѣзжали черезъ городъ, направляясь къ главной квартирѣ Сюшэ. Видъ ихъ приводилъ въ негодованіе толпу, собравшуюся на площади Белькуръ. Австрійскихъ офицеровъ осыпали бранью и угрозами.

Солдаты негодовали на то, что не могли найти вождя, который продолжалъ бы войну. Они шли въ полномъ безпорядкѣ, браня маршала и крича: „Да здравствуетъ императоръ!" Когда они пришли въ Монбризонъ и увидѣли бѣлые флаги, то это возбудило ихъ сильнѣйшій гнѣвъ. Они угрожали сжечь городъ, если не будетъ возстановлено трехцвѣтное знамя. Городскія власти не рѣшались удовлетворить это требованіе, тогда солдаты начали громить дома роялистовъ. Офицеры не только не останавливали, но, казалось, даже поощряли своихъ солдатъ. Пришлось уступить и временно замѣнить бѣлые флаги трехцвѣтными. Такія же сцены террора произошли въ Роаннѣ и Болю.—„Никогда,—говорили солдаты,—мы не признаемъ другаго монарха, кромѣ императора. Онъ возвратится черезъ полгода, и мы уносимъ оружіе, чтобы сражаться за него".

Въ Тулонѣ роялисты начали дѣйствовать съ побѣжденными очень круто. Въ одномъ изъ донесеній военному министру прямо говорится: „На-ряду съ нѣкоторыми актами правосудія, совершается очень много личной мести". Множество мужчинъ и женщинъ, все преступленіе которыхъ состояло лишь въ платоническомъ сочувствіи Наполеону, были заключены въ казематы форта Ламальгъ. Въ то время,

когда ихъ арестовывали, эти женщины кричали жандармамъ:—неужели насъ садятъ въ тюрьму только за то, что мы любимъ императора? Если такъ, то „Да здравствуетъ императоръ!“ „Да здравствуетъ Наполенъ II!“ Болѣе тысячи человѣкъ покинули городъ, чтобы избѣжать преслѣдованій.

14-го іюля была съ эстафетой получена въ Авиньонѣ вѣсть о вступленіи короля въ Парижъ. Чувства авиньонцевъ, сдерживаемыя въ теченіе двухъ недѣль, шумно вырвались наружу. Несмотря на увѣщанія, на застращиваніе штыками, народъ толпами хлынулъ на площадь Д'Армъ, крича: „Да здравствуютъ Бурбоны!“ „Долой разбойниковъ!“ И тысячи бѣлыхъ флаговъ появились изъ оконъ. Войска, не считая безопаснымъ оставаться долѣе въ городѣ, отступили, и почти тотчасъ на смѣну имъ явились роялистскія дружины подъ командой маіора Ламбо.

Маіоръ Ламбо и его воины смотрѣли на Авиньонъ, какъ на взятый осадой городъ и на первое время ихъ руководительницей и вдохновительницей была мѣстная чернь. Съ перваго же дня подверглись разгрому кафе „Уль“ и „Меридіанъ“, кромѣ того, двадцать домовъ были разграблены и разгромлены съ подваловъ до чердаковъ, а десять другихъ сожжены. Отъ двухъ до трехсотъ лицъ, инвалиды, отцы, братья и жены были съ побоями и насмѣшками заключены въ тюрьму. На слѣдующій день убійства возобновились и не прекращались въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ. Убійцы для своей забавы разнообразили способы казней. Они то разстрѣливали своихъ жертвъ, то топили въ Ронѣ.

2-го августа въ 10 часовъ утра вступилъ маршалъ Брюнъ. На привалѣ маршалъ имѣлъ смѣлость отпустить свой конвой, состоявшій изъ отряда 14-го стрѣлковаго полка, такъ какъ почтовыя лошади были сильно утомлены.

Тѣмъ временемъ, какъ перепрягали лошадей, маршалъ Брюнъ оставался въ экипажѣ, но въ дверцу прохожіе замѣтили маршальсвую шляпу, которую Брюнъ имѣлъ странную фантазію надѣть при штатскомъ платьѣ. Онъ былъ узнанъ. Спустя нѣсколько минутъ, по всему городу распространилась вѣсть, что маршалъ Брюнъ въ Авиньонѣ. Тотчасъ же на площади Уль собралась огромная толпа народа. По адресу маршала начались оскорбительныя выкрикиванія: — Разбойникъ! Негодяй! Убійца!.. Онъ носилъ воткнутой на пику голову принцессы де-Ланбаль. — Не обращая на это вниманіе, маршалъ ѣлъ персики, которые, по его просьбѣ, ему принесла въ коляску г-жа Молинъ, хозяйка гостиницы Палэ-Рояль, находившейся рядомъ съ почтовой станціей. Чрезвычайно встревоженная угрожающимъ настроеніемъ толпы, эта женщина посовѣтовала маршалу подняться въ комнату но-

ваго префекта, барона де-Санъ Шаманъ, который пріѣхалъ наканунѣ и остановился у нея. Префектъ встрѣтилъ маршала очень любезно, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ на площадь и попытался убѣдить толпу расходиться. Грозные крики, покрывавшіе совершенно его голосъ, указывали на размѣры опасности. —Уѣзжайте скорѣй!—сказалъ онъ маршалу,—каждая минута увеличиваетъ опасность! Но мой паспортъ?—возразилъ Брюнъ.—Я пришлю его вамъ съ жандармомъ, который догонитъ васъ на дорогѣ въ Оранжъ... — Возбужденное населеніе противилось выѣзду экипажей. Но префектъ еще разъ вмѣшался. Возницы подогнали лошадей и экипажи тронулись въ путь.

У Ульскихъ воротъ патруль національныхъ гвардейцевъ пропустилъ бѣглецовъ, которыхъ преслѣдовала возбужденная толпа; но въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ разстоянія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога идетъ по очень узкому пространству, между валомъ и берегомъ Роны, вооруженная группа человѣкъ въ пятнадцать, вышедшая изъ другихъ воротъ и предупредившая путниковъ, съ криками остановила лошадей.—Казнить! Въ Рону! Смерть убійцѣ!—Префектъ, увѣдомленный однимъ изъ адъютантовъ Брюна, поспѣшилъ на мѣсто происшествія вмѣстѣ съ нѣсколькими чиновниками, нѣсколькими національными гвардейцами и капитаномъ Верже, который привезъ, наконецъ, паспортъ. Ни ихъ увѣщанія, ни просьбы, ни угрозы не помогали. Развѣ могло это утолить жажду крови! Въ экипажи полетѣли камни. Одинъ носильщикъ тяжестей, съ разстегнутымъ воротомъ рубахи, съ засученными рукавами, выхватилъ ружье изъ рукъ національнаго гвардейца и закричалъ:—Пустите меня! Пустите меня, я его убью!

Совершенно растерявшіеся префектъ и капитанъ Верже стали просить обезумѣвшую толпу дать имъ возможность отвезти Брюна въ Авиньонъ. Это была злополучная мысль. На дорогѣ, гдѣ было не болѣе сорока человѣкъ, какой-нибудь неожиданный случай, какое-нибудь энергичное движеніе еще могли спасти маршала; въ городѣ же, такъ сказать, въ самомъ очагѣ возмущенія, гибель его была неизбѣжна. Брюнъ держался спокойно, но имѣлъ неосторожность необдуманно согласиться на совѣтъ префекта. Экипажи повернули назадъ и поѣхали въ городъ, при неистовыхъ крикахъ торжества и угрозъ сопровождавшей толпы. На площади Уль маршала Брюна и его адъютантовъ удалось ввезти во дворъ гостиницы. Большія массивныя и крѣпкія ворота тотчасъ были заперты за ними, и Брюнъ былъ отведенъ въ комнату № 3, во второмъ этажѣ. Окно ея выходило во дворъ, но отъ дверей шелъ длинный корридоръ, въ концѣ котораго находился балконъ, обращенный къ площади. Маршалъ остался здѣсь одинъ безъ своихъ адъютантовъ, такъ какъ,

чтобы спасти хоть этихъ послѣднихъ, ихъ втолкнули въ залу нижняго этажа и тамъ заперли на ключъ.

Теперь толпа начинала уже ломиться въ ворота, пыталась разбить ихъ топорами, пиками, даже взорвать порохомъ. Но массивныя ворота выдерживали всѣ натиски.

Было уже около двухъ часовъ. Съ половины одиннадцатаго утра Брюнъ чувствовалъ себя въ когтяхъ смерти, самой ужасной смерти, Гулъ разъяренной черни доносился до его комнаты. Въ горлѣ у него пересохло, онъ чувствовалъ жажду. Наконецъ, онъ позвонилъ и попросилъ г-жу Молинъ принести ему краснаго вина и графинъ воды. Кромѣ того онъ попросилъ ее принести ему его пистолеты, которые находились въ экипажѣ.—Я не хочу, чтобы самый послѣдній мерзавецъ поднялъ руку на маршала Франціи.—Однако, г-жа Молинъ не рѣшилась пойти за его оружіемъ и стала увѣрять маршала, что онъ не подвергается никакой опасности, что власти сумѣютъ оградить его. У префекта, который зашелъ къ нему на минуту, а затѣмъ у командира національныхъ гвардейцевъ Гюга, онъ также настойчиво просилъ, чтобы ему принесли его пистолеты.—Дай мнѣ твою саблю,—сказалъ онъ одному изъ милиціонеровъ, по фамиліи Будонъ, — и ты увидишь, какъ сумѣетъ умереть храбрый.

Дверь комнаты оставалась полуоткрытой. Одинъ изъ наблюдавшихъ за нимъ, нѣкто Жираръ, замѣтилъ, что маршалъ рветъ какія то письма.

— Развѣ вы находитесь въ перепискѣ съ Луарской арміей? — спросилъ этотъ человѣкъ.

— Это письма моей жены,—возразилъ Брюнъ.

Мало-по-малу комната наполнилась людьми. Здѣсь было человѣкъ пятнадцать, въ числѣ которыхъ находился капитанъ національной гвардіи Сулье. Между нимъ и маршаломъ завязался слѣдующій странный разговоръ:

— Нужно признаться,—сказалъ Брюнъ,—что никогда еще я не былъ въ такомъ положеніи.

— Конечно, вы были не въ такомъ положеніи тогда, когда носили на концѣ вашей пики голову принцессы Ланбаль.

— Молодой человѣкъ, знаете ли вы, кто я?

— Да, я знаю и именно потому, что знаю, я такъ и говорю.

— Замолчите! Замолчите!

— Молчи ты самъ! Приближается моментъ, когда ты получишь возмездіе, достойное твоихъ преступленій.

Брюнъ оставилъ споръ съ этимъ безумцемъ и, присѣвъ къ столу, началъ писать письмо своей женѣ.

Но Сулье сказалъ правду, „моментъ приближался". Носильщикъ

тяжестей Гвидонъ, по прозвищу Рокфоръ, ткачъ шелковой тафты Фаржъ, одинъ стрѣлокъ національной гвардіи и еще три или четыре человѣка изъ такой же категоріи перебирались съ крыши сосѣдняго дома на крышу гостиницы, проникли черезъ слуховое окно на чердакъ, а оттуда спустились въ корридоръ верхняго этажа.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Потомъ, по знаку Гвидона, его товарищи вошли гурьбой въ комнату Брюна, крича:—Смерть ему! Смерть ему!—Маршалъ поднялся и встрѣтилъ толпу лицомъ къ лицу. Фаржъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но промахнулся. Пуля только слегка задѣла лобъ Брюна и ударилась въ потолокъ.—Неловкій,—сказалъ Брюнъ. Тогда Фаржъ приставилъ свой пистолетъ къ груди маршала и выстрѣлилъ, но пистолетъ далъ осѣчку. — Я-то ужъ не промахнусь! — сказалъ Гвидонъ, успѣвшій проскользнуть за Брюна. Затѣмъ онъ быстро поднялъ карабинъ и выстрѣлилъ въ маршала сзади. Пуля попала въ затылокъ и вышла въ переднюю часть шеи. Брюнъ упалъ мертвымъ.

Послѣ такого подвига Гвидонъ съ торжествующимъ видомъ выбѣжалъ на балконъ и сказалъ: Aco's fa (дѣло сдѣлано). Толпа перестала выкрикивать требованія смерти, и принялась кричать: „Браво“. Маіоръ Ламбо сошелъ на площадь и объявилъ:

— „Добрые авиньонцы, этотъ человѣкъ самъ совершилъ надъ собой правосудіе. Онъ умеръ. Не подражайте каннибаламъ революціи. Расходитесь!“ Тотчасъ же составленъ былъ протоколъ о самоубійствѣ, подписанный снисходительными или запуганными свидѣтелями. Потомъ, когда толпа стала угрожать, что ворвется въ гостиницу для того, чтобы убѣдиться въ смерти маршала, трупъ Брюна поспѣшили вынести. Гробовщики уложили его въ простенькій, бѣдный гробъ, но имъ не дали даже времени заколотить верхнюю крышку, какъ гробъ понесли уже на кладбище. Толпа слѣдовала, словно стая гіенъ. Кто-то крикнулъ: „Онъ не достоинъ погребенія!“ Эти слова вновь пробудили жестокіе инстинкты толпы. Тѣло Брюна было выброшено изъ гроба, его принялись топтать ногами, валять въ грязи, словно куклу на карнавалѣ, и все это сопровождалось гиканіемъ и громкимъ хохотомъ. На опушкѣ лѣса его бросили въ Рону. Чья-то невѣдомая рука написала мѣломъ на откосѣ каменнаго вала: „Здѣсь кладбище маршала Брюна“. Вечеромъ ликующій народъ устроилъ хороводы и танцы.

Въ Нимѣ большинство кальвинистовъ приняло сторону императора, между тѣмъ какъ почти всѣ католики оставались горячими приверженцами короля. Но самые крайніе питали одинаковую непримиримую ненависть, какъ къ бонапартистамъ, такъ и къ роялистамъ. Многіе изъ этихъ кровожадныхъ дѣятелей дѣйствовали болѣе изъ

личной мести, или изъ своекорыстныхъ цѣлей, нежели по политическимъ убѣжденіямъ, или изъ религіознаго рвенія.

Одинъ изъ этихъ головорѣзовъ прославился, сдѣлался даже извѣстностью. Портретъ его былъ выгравированъ. Это былъ штабсъ-капитанъ національной гвардіи, нѣкто Жакъ Дюпонъ, по прозвищу Третальонъ, а въ Юзѣ былъ такой же типъ, прозванный Кватретальонъ; онъ былъ изъ солдатъ и въ 1815 году занимался мародерствомъ въ арміи герцога Ангулемскаго. Имя его было Графонъ.—Всѣ бонапартисты, — говорилъ онъ, — какъ протестанты, такъ и католики, умрутъ отъ моей руки не только они, но и ихъ дѣти. Этотъ страшный самозванный судья до того терроризировалъ маленькій городъ, что власти совершенно подчинялись ему. 5-го августа онъ явился въ тюрьму, въ которой были заключены подозрѣваемые въ бонапартизмѣ, и потребовалъ, чтобы ему выдали шестерыхъ узниковъ. Тюремщикъ повиновался, такъ какъ онъ имѣлъ словесный приказъ отъ мѣстнаго коменданта, дрожавшаго за свою голову, не оказывать сопротивленія шайкѣ Графона. Шесть человѣкъ были разстрѣлены на эспланадѣ при крикахъ: „Да здравствуетъ король!“.—„Насъ не могутъ упрекнуть въ пристрастіи,—объявилъ Графонъ,—тутъ было три протестанта и три католика“. Послѣ казни убійцы приподняли за волосы одинъ изъ труповъ, поставили его на колѣни и надѣли ему на носъ очки.— Смотри теперь,—говорили они, смѣясь,—не видишь ли ты приближенія разбойниковъ изъ Гардонекъ! Три недѣли спустя, су-префектъ поручилъ Графону военную миссію; тотъ выполнилъ ее на свой ладъ, приказавъ разстрѣлять шестерыхъ національныхъ гвардейцевъ въ Санъ-Морисѣ за то только, что они пытались бѣжать при его приближеніи.

Реакція угрожала также Тулузѣ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, роялисты чувствовали на себѣ довольно тяжелую руку генерала Декаена и терпѣли заносчивое и оскорбительное владычество бонапартистовъ. Гарнизонъ, не желая надѣть бѣлую кокарду, покинулъ Тулузу. Ликующее и въ то же время грозное населеніе высыпало на улицы. Изъ Капитолія былъ взятъ бюстъ Наполеона, который на веревкѣ, надѣтой петлей на шеѣ бюста, потащили къ Гароннѣ. Деревья свободы вырывались и сжигались. Доносы шли своимъ чередомъ, принося ежедневно новые аресты. Роялисты подраздѣлялись: на конституціоналистовъ и на чистыхъ, эти послѣдніе негодовали на слабость Людовика XVIII въ 1814 году, „слабость, которая все погубила“. Они хотѣли бы дѣйствій, настоящей репрессіи, суда надъ убійцами Людовика XVI, отмѣны великой хартіи и правительство съ неограниченной властью.

На слѣдующій день,—это былъ праздникъ Успенія—Рамель, ко-

мандующій войсками, въ полной парадной формѣ, участвовалъ въ религіозной процессіи.

Въ восьмомъ часу вечера генералъ направился къ себѣ. Не дойдя нѣсколькихъ шаговъ до своего дома, онъ вдругъ услышалъ позади крики:—Долой Рамеля!—Онъ обернулся и увидѣлъ группу человѣкъ въ тридцать или сорокъ, съ вызывающимъ и грознымъ видомъ, слѣдовавшихъ за нимъ.—Это я Рамель,—холодно сказалъ онъ,—что вамъ нужно?—Но они продолжали кричать:—Долой Рамеля! Долой Рамеля! Долой разбойника! Да здравствуетъ король!—Рамель снялъ шляпу и также воскликнулъ:—Да здравствуетъ король!—Между тѣмъ толпа росла вокругъ него, такъ что онъ съ трудомъ могъ пробраться до порога своего дома, гдѣ стоялъ солдатъ-часовой.—Исполните вашъ долгъ, защищайте меня—сказалъ Рамель, обращаясь нему. Но у часоваго ружье не было заряжено. Рамель обнажилъ шпагу, часовой же приготовился защищать его штыкомъ, но въ ту же минуту онъ упалъ, сраженный нападавшими. Почти одновременно выстрѣломъ, сдѣланнымъ кѣмъ-то изъ толпы, Рамель былъ раненъ въ низъ живота и упалъ со словами:—Я умираю!—гулъ выстрѣла и общій шумъ, послѣдовавшій затѣмъ, прервали танцы.

Секретарь и лакей генерала перенесли его въ квартиру, которую онъ занималъ въ первомъ этажѣ этого дома. Они положили его на диванѣ, а сами ушли, ища помощи. Оставшись одинъ, Рамель слышалъ крики толпы и стукъ въ двери, которыя она пыталась выломать. Хотя нападавшіе знали, что онъ раненъ, даже думали, что онъ въ агоніи, тѣмъ не менѣе не могли отказать себѣ въ жестокомъ удовольствіи прикончить его. Со страха, что можетъ быть растерзаннымъ озвѣрѣвшей толпой, несчастный кое-какъ выползъ на лѣстницу и поднялся во второй этажъ; здѣсь онъ постучался къ нѣкоему Бульону, квартиранту второго этажа, и попросилъ спрятать его.—Вы только подведете меня!—отвѣтилъ ему этотъ человѣкъ. Рамель поднялся на слѣдующій этажъ, оставляя на каждой ступенькѣ слѣды крови. Къ обитателямъ третьяго этажа онъ обратился съ тою же просьбой, но получилъ тотъ же отказъ. Тогда онъ забрался на чердакъ и совершенно обезсиленный упалъ, лицомъ внизъ.

Здѣсь онъ былъ найденъ полчаса спустя прибывшимъ хирургомъ, нѣсколькими офицерами и національными гвардейцами. Они перенесли генерала въ его квартиру, раздѣли и уложили на кровать. Хирургъ наложилъ первыя повязки.

Скопленіе толпы не было разсѣяно, но только оттѣснено. Она же кричала, что Рамель будто стрѣлялъ въ толпу и что онъ убилъ часоваго ударомъ шпаги. Послышались крики:—смерть Рамелю!

Дверь была выбита дубовой балкой. Послѣ того толпа разбойни-

ковъ хлынула по лѣстницѣ и ворвалась въ спальню Рамеля. Около него не было никакой защиты, двое или трое лицъ, ухаживавшихъ за нимъ, были слишкомъ слабы, чтобы оказать сопротивленіе, къ тому же они были запуганы. Тогда передъ глазами безпомощнаго Рамеля открылась та страшная картина самосуда озвѣрѣвшей толпы, отъ которой онъ пытался избавиться два часа тому назадъ, забравшись на чердакъ. На него ринулась эта толпа каннибаловъ, потрясавшихъ оружіемъ. Они съ остервенѣніемъ принялись рубить его саблями, опьяненные этой кровавой расправой. Думая, что Рамель умеръ, они оставили его. Но онъ прожилъ еще до слѣдующаго дня. Передъ кончиной, спрошенный слѣдователемъ, онъ отказался указать примѣты своихъ убійцъ и прошепталъ:—Я ихъ прощаю!

Это было всепрощеніе, превышающее человѣческое милосердіе.

Въ Тюильрійскомъ дворцѣ, между тѣмъ, слѣдовали одинъ за другимъ парадные и торжественные пріемы фельдмаршаловъ, посланниковъ, министровъ, принцевъ и коронованныхъ особъ. Сегодня французскій король принималъ русскаго императора, завтра—австрійскаго, послѣ завтра—короля прусскаго. Кромѣ того, торжественные пріемы устраивались принцу Орлеанскому, великимъ князьямъ Михаилу и Николаю Павловичамъ и принцу Вильгельму прусскому. Происходилъ обмѣнъ привѣтствій, поздравленій, выраженій любезности; монархи жаловали ордена св. Духа, св. Андрея Первозваннаго, св. Людовика, св. Стефана, и орловъ всѣхъ цвѣтовъ. Въ оперѣ шли торжественныя представленія, на которыхъ давалось „Счастливое возвращеніе“; на бульварахъ устраивались смотры союзныхъ войскъ, на которыхъ парадировалъ графъ Артуа. Монархи обѣдали въ Тюильри, французскій король обѣдалъ въ Елисейскомъ дворцѣ у русскаго императора, и въ отелѣ принца Ваграмъ у австрійскаго императора.

Газеты восхваляли прелести мира, превозносили до небесъ Людовика XVIII, который возвратилъ этотъ миръ съ новымъ расцвѣтомъ своихъ королевскихъ лилій.

Въ дѣйствительности же миръ существовалъ только въ отношеніяхъ между Людовикомъ XVIII, его любезными братьями и союзными монархами. Для дипломатовъ же, для генераловъ, для коалиціи и для несчастной Франціи военное положеніе все еще продолжалось.

Захудалыя европейскія арміи съ жадностью кинулись грабить богатыя французскія провинціи. Съ каждымъ днемъ нашествіе распространялось, прогрессивно расплываясь, словно жирное пятно, по всей картѣ Франціи.

Во Франціи, охваченной пожарами и народнымъ воплемъ, при

королевской власти, непризнанной пока непріятелемъ, ненавистной большинству народа и арміи, едва терпимой крайними партіями, шуанами и „зеленоватыми", которые уже мечтали о Карлѣ X, король могъ располагать во всей полнотѣ своей властью только для того, чтобы наказывать и карать, такъ какъ въ этомъ одномъ онъ могъ угодить иностранцамъ и роялистамъ.

Генералъ де-ла Бедоэръ былъ арестованъ 2 августа. Въ луарской арміи онъ запасся паспортомъ для проѣзда въ Соединенные Штаты и денежнымъ чекомъ на 55.000 фр., подписаннымъ Увраромъ. Но прежде чѣмъ покинуть родину, онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ увидѣть свою молодую жену и сына. Сѣвъ въ дилижансъ въ Ріомѣ, онъ прибылъ въ Парижъ 2 августа въ 10 часовъ вечера.

Часъ спустя, явились агенты арестовать его, по доносу двухъ негодяевъ, которые ѣхали вмѣстѣ съ нимъ; говорятъ, это были офицеры. Дѣло повели очень быстро. 14 августа ла-Бедоэръ уже предсталъ передъ первымъ военнымъ судомъ, который въ одно засѣданіе единогласно приговорилъ его къ смертной казни. Его кассаціонная жалоба была отвергнута 19 августа ревизіоннымъ совѣтомъ, и генералъ былъ растрѣлянъ въ тотъ же день.

Передъ военнымъ судомъ молодой генералъ (ему было всего 29 лѣтъ) безъ малодушія призналъ измѣну и мятежъ противъ короля, въ которыхъ онъ провинился въ Гренобдѣ, но онъ старался оправдаться, ссылаясь на настроеніе, которое царило повсюду въ мартѣ 1815 года. Но предсѣдатель прервалъ его:—„Политическія разсужденія къ дѣлу вашей защиты не относятся".—Тогда ла-Бедоэръ смутился. Надѣясь, быть можетъ, на снисходительность судей, или на милосердіе короля, онъ сталъ говорить о прекрасныхъ качествахъ Людовика XVIII.

Въ теченіе четырехъ дней, послѣдовавшихъ между осужденіемъ и отказомъ на кассаціонную жалобу, г-жа де-ла-Бедоэръ усиленно хлопотала, просила и молила Талейрана, Паскье и Деказа о томъ, чтобы быть допущенной упасть къ ногамъ короля и вымолить у него помилованіе для своего мужа.

Людовикъ XVIII, не любившій патетическихъ сценъ, отказался принять просительницу. Но 19 августа она, одѣтая въ глубокій трауръ, проникла въ прихожую дворца Тюильри въ то время, когда король выходилъ, чтобы сѣсть въ экипажъ. Она упала къ ногамъ короля и прошептала:—Умилосердитесь, государь! Помилуйте!

— Сударыня—отвѣтилъ король,—я понимаю ваши чувства и чувства вашей семьи. Никогда еще мнѣ не было такъ тяжело, какъ теперь, произнести отказъ.—И онъ прошелъ мимо. Г-жа де-ла-Бедоэръ упала безъ чувствъ на плиты подъѣзда. Ее перенесли въ

улицу Таранъ, гдѣ она жила. Придя въ себя и движимая предчувствіемъ, она взяла ребенка, сѣла снова въ карету и приказала везти себя къ тюрьмѣ аббатства. Она пріѣхала какъ разъ къ тому времени, когда изъ тюрьмы вывозили осужденнаго. Жандармы хотѣли было удалить несчастную женщину, но она упросила ее оставить, они сжалились и уступили. Скоро подъѣхала другая карета, предназначавшаяся для Бедоэра. Двери тюрьмы открылись, и онъ вышелъ въ сопровожденіи аббата Дюлонделя. Жена съ воплемъ бросилась къ нему на шею и снова лишилась чувствъ. Ея обморокомъ воспользовались, чтобы перенести въ карету. Генералъ въ послѣдній разъ поцѣловалъ ее. Потомъ онъ взялъ ребенка, поцѣловалъ также и тихо опустилъ на колѣни все еще не приходившей въ сознаніе матери. Собравъ все свое мужество, онъ сѣлъ, наконецъ, въ другую карету, которая везла его на смерть.

По пріѣздѣ на равнину Гренель, мѣсто, гдѣ по преимуществу совершались казни надъ военными, де-ла-Бедоэръ еще нѣсколько минутъ поговорилъ съ аббатомъ Дюлондель, затѣмъ самъ сталъ у знаменитаго столба.—У меня не могутъ отнять удовольствія въ послѣдній разъ скомандовать храбрымъ товарищамъ: „Друзья мои, стрѣляйте въ меня, но не промахнитесь“.—Ветераны прицѣлились, потомъ по его командѣ:—Пали—грянулъ залпъ, и Бедоэръ упалъ мертвый.

Казнь эта произвела самое выгодное впечатлѣніе въ политическихъ сферахъ. На слѣдующій день газеты восхваляли „великій актъ только-что совершившагося правосудія“.

Спустя нѣсколько дней Шатобріанъ, предсѣдатель избирательной коллегіи въ Луарэ, поднесъ королю адресъ, блиставшій фразами въ родѣ нижеслѣдующихъ:

„Вы приняли въ свои руки мечъ, который вручается небеснымъ Царемъ государямъ земнымъ, какъ залогъ спокойствія народовъ... Наступилъ моментъ положить конецъ вашему неизсякаемому милосердію... Ваша отеческая строгость становится въ первомъ ряду вашихъ благодѣяній“.

Прежде чѣмъ рѣшить участь Франціи, союзники занялись окончательнымъ рѣшеніемъ участи Наполеона. Самъ онъ говорилъ, что добровольно отдается подъ защиту Англіи. Но если вѣроломныя рѣчи Мейтланда укрѣпили его въ этомъ намѣреніи, то англійское правительство, въ сущности, не принимало по отношенію къ нему никакихъ обязательствъ.

Въ то же время, затративъ болѣе 20 милліардовъ на то, чтобы

его побѣдить, Англія, разумѣется, не могла не желать поставить его въ такое положеніе, чтобы онъ не могъ вторично бѣжать съ о-ва Эльбы.—Нужно было по выраженію лорда Розбери,—„парализовать силы и умъ, оказавшіеся слишкомъ гигантскими для того, чтобы не опасаться за безопасность міра".—Герцогъ Суссекскій и лордъ Голландъ составили протестъ противъ образа дѣйствій торійскаго министерства. Въ „Morning Chronicle" напечатана была консультація Капель Лофти, при чемъ этотъ юрисконсультъ заявлялъ, что Бонапартъ, отдавшись подъ защиту англійскихъ законовъ, могъ потребовать отъ лорда канцлера письменную гарантію habeas corpus. Одинъ морской офицеръ вздумалъ было сослаться на Наполеона въ качествѣ свидѣтеля, но пострадалъ не только самъ, но и подвелъ своего адмирала. Тѣ немногіе англичане, которые вѣрили въ англійское гостепріимство, шли, такъ сказать, наперекоръ общественному мнѣнію. „Times", „Morning Post", „Courrier" и вообще большинство газетъ метали громы противъ „самаго гнуснаго изъ преступниковъ". Однѣ требовали, чтобы Бонапартъ былъ повѣшенъ, другія настаивали на его выдачѣ Людовику XVIII, нѣкоторыя желали, чтобы онъ былъ заключенъ въ цитадели Дюмбортонъ, или въ Лондонскомъ Тоуэрѣ, или же сосланъ куда-нибудь на край свѣта, наконецъ, находились и такія, которыя совѣтовали посадить Бонапарта въ желѣзную клѣтку. „Если мы не имѣемъ права повѣсить Бонапарта,—говорилось въ „Times",—такъ стало быть мы не будемъ имѣть права и задержать его узникомъ". И въ заключеніе „Times" приходилъ къ выводу, что Наполеона слѣдуетъ повѣсить. Нѣкій Леви Гольдшмидтъ обратился къ союзнымъ монархамъ съ открытымъ письмомъ, въ которомъ предлагалъ предать Бонапарта суду европейскаго трибунала, который приговорилъ бы его къ смертной казни.

Во Франціи, среди экзальтированныхъ монархистовъ, замѣчалось такое же ожесточеніе, та же кровожадность.

Элегическій поэтъ ла-Буисъ писалъ Веллингтону: „Франція нуждается въ великомъ примѣрѣ. Заговорщики должны погибнуть, въ особенности необходимо пожертвовать главаремъ преступниковъ, этимъ узурпаторомъ, запятнаннымъ преступленіями и нанесшимъ оскорбленіе вашей великодушной націи своей надеждой получить убѣжище среди васъ. Бонапартъ не монархъ, это даже не человѣкъ, это—чудовище. Онъ долженъ умереть. Только этою цѣною между Франціей и Англіей можетъ состояться искреннее сближеніе".

Узнавъ о задержаніи Наполеона, представители иностранныхъ державъ въ Парижѣ предположили сначала, что онъ будетъ пожизненно заточенъ въ фортѣ Св. Георгія на сѣверѣ Шотландіи. Но не таково было намѣреніе англійскаго кабинета. 21 іюля Ливерпуль

писалъ англійскому послу: „Самымъ лучшимъ средствомъ покончить съ Бонапартомъ, по нашему мнѣнію, чтобы французскій король приказалъ его повѣсить или разстрѣлять, но, если это неудобно и если союзники желаютъ, чтобы мы занялись имъ, то мы согласны. Но только мы не желаемъ держать его здѣсь въ заключеніи. Могутъ возникнуть кое-какіе маленькіе процессуальные вопросы, которые будутъ крайне стѣснительны. Можно опасаться также, что онъ сдѣлается предметомъ народнаго сочувствія и состраданія. Если онъ останется въ Европѣ, это будетъ поводомъ къ непрестанному броженію во Франціи. Министръ Гарроу предлагаетъ островъ Св. Елены, какъ лучшее мѣсто ссылки. Тамъ имѣется превосходная цитадель, въ которой онъ могъ бы жить. Никакіе заговоры и интриги тамъ невозможны. Къ тому же это такъ далеко! Тамъ Бонапартъ скоро будетъ забытъ". На совѣщаніи 28 іюля англійскій посолъ представилъ на разсмотрѣніе пословъ Австріи, Россіи и Пруссіи предложеніе Сенъ-Джемскаго кабинета. Послы приняли его почти безъ возраженій и потребовали только добавленія: чтобы на островѣ Св. Елены отъ каждой изъ великихъ державъ находился свой коммиссаръ. Англійскій посолъ не протестовалъ и въ протоколъ внесено было слѣдующее выраженіе: „Все, что правительство Великобританіи предприметъ для того, чтобы перевезти и содержать въ надежномъ мѣстѣ Наполеона Бонапарта, дастъ ей новыя данныя на признательность Европы. Пять дней спустя, а именно 2 августа, вдругъ обнаружилось, что французскій король также заинтересованъ въ этомъ вопросѣ. Тогда они соблаговолили увѣдомить тюильрійскій кабинетъ о принятомъ рѣшеніи и предложили назначить также одного французскаго коммиссара на островъ Св. Елены. Талейранъ избралъ маркиза де-Моншеню (Montchenu). —Это невѣжественный и педантичный глупецъ, — говорилъ онъ, — скучнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Вотъ моя единственная месть Наполеону.

Проектъ высылки Наполеона былъ уже не новостью, онъ существовалъ цѣлый годъ. Въ 1814 году, во время вѣнскаго конгресса, велась усиленная внѣконгрессная агитація въ пользу проекта переселенія Наполеона съ острова Св. Эльбы на какой-либо еще болѣе отдаленный островъ. Тогда уже указывали на островъ Св. Троицы и главнымъ образомъ на островъ Св. Елены, убійственный климатъ котораго скоро избавилъ бы Европу отъ столь опаснаго плѣнника. Если въ 1815 г. не избрали острова Санта-Лучіа, то это, конечно, было не отъ избытка гуманности. Находясь въ архипелагѣ, недалеко отъ американскаго материка, этотъ островъ представлялъ нѣкоторыя удобства для побѣга; островъ же Св. Елены, такъ называемый „малый островъ", затерявшійся въ океанѣ, неприступный, за исключеніемъ

*

одной лишь бухты, мимо котораго суда даже избѣгали проходить, соединялъ всѣ самыя желательныя условія для надежной охраны узника. Впрочемъ, островъ Св. Елены, при его температурѣ, колеблющейся между 10 и 21 градусами по Реомюру, съ его періодическими дождями, съ его муссонами, отнюдь не могъ считаться въ климатическомъ отношеніи безусловно вреднымъ для здоровья, а потому было бы ошибочно утверждать, что ссылка Наполеона на этотъ островъ была равносильна смертному приговору, при чемъ роль палача возлагалась на климатъ.

Составъ новой палаты былъ самый реакціонный.

Выборы идутъ хорошо,—говорили министры, узнавъ первые результаты. Скоро они убѣдились, что выборы прошли даже слишкомъ хорошо. Въ особенности, это было сюрпризомъ для Фуше. Герцогъ Отранскій еще до собраній избирателей уже предвидѣлъ бурю. Его чрезвычайное возвышеніе, назначеніе министромъ короля, грозило въ концѣ концовъ оказаться жестокой химерой. Списокъ замѣшанныхъ, составленный имъ 24 іюля, вооружилъ противъ него всю его прежнюю партію.—„Куда же мнѣ идти, измѣнникъ?"—писалъ ему Карно, на что Фуше отвѣтилъ припиской, сдѣланной въ концѣ того же письма:—„Куда хочешь, глупецъ!"—Но если Фуше издѣвался такъ надъ якобинцами, не придавая никакого значенія ни ихъ негодованію, ни ихъ упрекамъ, то для этого ему нужна была поддержка монархистовъ. Между тѣмъ роялисты, такъ усердно добивавшіеся того, чтобы Людовикъ XVIII принялъ его въ свой совѣтъ, пока они ожидали отъ него открытія воротъ Парижа, начали говорить, послѣ совершившейся реставраціи, что и онъ также былъ цареубійцей. Когда онъ являлся къ королю, то видѣлъ, какъ придворные отъ него сторонились и слышалъ ихъ враждебный шопотъ. Однажды, до крайности раздраженный этимъ шушуканьемъ, онъ подошелъ къ герцогу X, который былъ полицейскимъ агентомъ во время эмиграціи короля, и сказалъ ему насмѣшливымъ тономъ:—Господинъ герцогъ, кажется, я уже не состою больше въ числѣ вашихъ друзей. Впрочемъ, вѣдь мы живемъ въ лучшія времена. Теперь министру полиціи не нужно подкупать людей для того, чтобы знать о томъ, что дѣлаетъ король въ Гертвелѣ.—Въ салонахъ, въ общественныхъ мѣстахъ, въ избирательныхъ собраніяхъ монархисты громко возмущались противъ присутствія въ министерствѣ Талейрана, Паскье и въ особенности Фуше. Въ тюильрійскомъ саду кричали:—Да здравствуетъ король! Долой министерство!—Одно тайное общество, называемое „возрожденные французы", составилось спеціально для того,

чтобы слѣдить за дѣятельностью предателя Фуше. Общество это находилось подъ негласнымъ покровительствомъ Деказа, который сгоралъ желаніемъ встать на мѣсто герцога Отранскаго. Даже въ самомъ кабинетѣ коллеги относились къ Фуше съ затаенной враждой; они старались избавиться отъ этого слишкомъ компрометтирующаго ихъ товарища, отъ этого „камня на шеѣ“.

Чтобы защищаться, Фуше повелъ атаку. Онъ началъ подогрѣвать свою былую популярность, блеснулъ ею передъ своими вчерашними креатурами и удержался въ министерствѣ. 5 августа, во время засѣданія совѣта, онъ медленно вынулъ изъ кармана объемистый докладъ и съ равнодушнымъ видомъ, который сдѣлался ему привычнымъ, началъ чтеніе. Это былъ обвинительный актъ противъ союзниковъ. Фуше указывалъ на то, что они не оправдали своихъ торжественныхъ обѣщаній, изобличалъ их требовательность и жестокости и въ заключеніе приводилъ слѣдующую угрозу: „Приближается моментъ, когда придется совѣтоваться только съ отчаяньемъ. Безропотная покорность можетъ смѣниться ослѣпленнымъ гнѣвомъ. Каждый шагъ иностранныхъ солдатъ будетъ запечатлѣнъ кровью. Народъ въ тридцать милліоновъ душъ можетъ исчезнуть съ лица земли. Но въ этой братоубійственной войнѣ однихъ противъ другихъ, какъ среди угнетенныхъ, такъ и среди угнетателей, предстоитъ еще много жертвъ“.

Министры, изъ которыхъ никто не былъ предупрежденъ, за исключеніемъ, можетъ быть, одного Талейрана, слушали съ недоумѣніемъ. Однако король съ обычной своей находчивостью наставительно замѣтилъ: — „Эта картина очень мрачна, но коль скоро герцогу Отранскому положеніе дѣлъ кажется таковымъ, то онъ хорошо сдѣлалъ, представивъ его мнѣ такимъ, какимъ онъ его видитъ“. Эта откровенность уже потому не можетъ имѣть никакихъ неудобныхъ послѣдствій, что все здѣсь происходящее должно храниться въ глубокой тайнѣ, не выходя за предѣлы совѣта. Докладъ дѣйствительно точно передавалъ настроеніе всѣхъ провинцій, занятыхъ иностранными войсками, но обнародованіе его могло имѣть серьезныя послѣдствія на исходъ переговоровъ. Вотъ почему предпочтительнѣе было оставить его въ тайнѣ. Но это противорѣчило планамъ Фуше, который, выступивъ выразителемъ настроенія угнетенныхъ французовъ, надѣялся создать въ свою пользу непреодолимое теченіе въ общественномъ мнѣніи. Однако, онъ не сталъ настаивать на томъ, чтобы докладъ его непремѣнно былъ напечатанъ въ „Moniteur“. У него была своя цѣль. Спустя нѣсколько дней, онъ прочелъ на совѣтѣ министровъ второй докладъ, въ которомъ, также какъ и въ первомъ, онъ дѣйствительно передавалъ настроеніе почти всей Франціи, но при этомъ

указывалъ на угрожающую контръ-революцію, на возстанія на западѣ и на массовыя избіепія на югѣ. Безчисленное количество копій особыхъ докладовъ онъ тайно пустилъ въ обращеніе.

Результатомъ были: гнѣвъ союзниковъ, бѣшенство роялистовъ и негодованіе въ Тюильри. Галлофобъ Штейнъ составилъ громовой протестъ, въ которомъ пруссаки превозносились до небесъ, какъ мстители за Европу, а цареубійцы смѣшивались съ грязью, назывались негодяями, убійцами и ворами. „Оглашенія въ печати докладовъ равносильно измѣнѣ союзникамъ",—писалъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Юстусъ Грюнеръ начальникъ полиціи союзниковъ предложилъ Фуше опровергнуть приписываемые ему доклады. Но Фуше отвѣтилъ, не отрицая, впрочемъ, своего авторитета, что текстъ докладовъ сильно измѣненъ. Спокойствіе возстановилось среди дипломатовъ, тѣмъ болѣе, что Веллингтонъ продолжалъ еще поддерживать Фуше, но въ монархической партіи на „гнуснаго цареубійцу" продолжали сыпаться самыя ожесточенныя нападки. Его даже называли „самымъ отвратительнымъ изо всѣхъ революціонеровъ". Не заходя тркъ далеко, Паскье, Талейранъ и другіе министры, а также и Витаоль, убѣждали короля, что Фуше, положительно, не можетъ сбросить своей старой кожи измѣнника. Ненадежность его была вопіющей. Нуженъ былъ лишь поводъ для того, чтобы избавиться отъ него. Людовикъ XVIII, чрезвычайно раздраженный тѣмъ, что герцогъ Отранскій нарушилъ его приказаніе относительно сохраненія тайны о засѣданіяхъ совѣта, охотно поддался на убѣжденія на счетъ его отставки, и что на слѣдующій день Паскье представитъ королю къ подписи приказъ. Между тѣмъ въ скоромъ времени въ Парижъ должна была пріѣхать герцогиня Ангулемская. — Слава Богу, — весело говорилъ король, — бѣдная герцогиня не будетъ вынуждена встрѣтиться съ этой отвратительной фигурой.

Но Фуше не напрасно былъ министромъ полиціи. Онъ вó-время узналъ объ этомъ маленькомъ дворцовомъ заговорѣ и попросилъ Веллингтона вмѣшаться. Тотъ отправился во дворецъ къ королю. — Устраненіе Фуше, — сказалъ онъ, — было бы большой ошибкой. Вѣдь, онъ является единственной связью между вами и одной изъ партій вашего народа. — Король еще разъ подчинился волѣ Веллингтона. Фуше восторжествовалъ; теперь, увѣренный, въ томъ, что отставка его не будетъ принята, онъ самъ началъ говорить, что желаетъ выйти въ отставку. Но онъ не обманывался; онъ прекрасно сознавалъ, что это только затишье среди бури. Начавшіе съѣжаться въ Парижъ депутаты были настроены чрезвычайно враждебно противъ него. Ленэ, котораго прочили въ предсѣдатели палаты на предстоящую сессію, откровенно заявилъ Паскье, что министерству, имѣя въ своемъ составѣ

цареубійцу, нельзя будетъ явиться передъ парламентомъ. Это предостереженіе тотчасъ же возымѣло дѣйствіе. „Еще недостаточно, чтобы Фуше покинулъ министерство, — сказалъ Талейранъ, — онъ долженъ уѣхать изъ Франціи,“ и 15 сентября герцогъ Отранскій былъ назначенъ посланникомъ въ Дрезденъ.

Для великаго агитатора, Фуше, назначеніе въ Дрезденъ было равносильно ссылкѣ Наполеона на островъ Эльбу. Однако, Фуше принялъ это скромное назначеніе и объявилъ, что не будетъ засѣдать въ палатѣ, куда онъ такъ же былъ избранъ депутатомъ отъ департамента Сены. Едва-ли отреченіе это было искренно, во всякомъ случаѣ Фуше остался въ Парижѣ. Но внезапно, подъ вліяніемъ ли какой-нибудь тайной угрозы, или испуганный разбушевавшейся реакціей, онъ уѣхалъ тайкомъ къ мѣсту своего новаго назначенія. Ему не суждено было долго его занимать. Три мѣсяца спустя, онъ былъ устраненъ отъ должности и, подпавъ подъ дѣйствіе закона о цареубійцахъ, изгнанъ навсегда изъ Франціи. Вѣчный жидъ въ изгнаніи, онъ былъ гонимъ изъ города въ городъ, какъ-будто люди боялись его, словно заразы. Презираемый, гонимый, повсюду окруженный шпіонами, Фуше влачилъ жалкое существованіе въ Дрезденѣ, въ Прагѣ, въ Линцѣ и въ Тріестѣ. Онъ умеръ въ 1820 году. Наканунѣ отъѣзда въ Рошфоръ Наполеонъ сказалъ: — Мнѣ слѣдовало повѣсить Фуше, эту заботу я оставляю Бурбонамъ. — Казнь, правда, была менѣе унизительной, за то она продолжалась дольше.

Уходъ Фуше не спасъ министерства. Талейранъ торжествовалъ все 24 часа. — „На этотъ разъ я свернулъ ему шею“. — говорилъ онъ, но и самъ онъ поскользнулся на той же дорожкѣ. Новые депутаты собирались ежедневно въ библіотекѣ палаты. Когда вѣсть объ отставкѣ Фуше была тамъ получена, кто-то сказалъ: — Король хорошо сдѣлалъ. Но когда же онъ прогонитъ другаго! — Этотъ „другой“ — былъ также уволенный Талейранъ.

17 сентября, Паскье далъ понять королю, что министерство намѣрено выйти въ отставку, что, повидимому, не составило для короля никакого непріятнаго сюрприза. Потомъ 18 или 19 сентября Талейранъ оффиціально увѣдомилъ короля о намѣреніи, принятомъ министрами. Людовикъ XVIII не сдѣлалъ никакого возраженія. — Я выберу другаго министра, — спокойно сказалъ онъ. Потомъ, разставаясь съ Талейраномъ, онъ попросилъ его не разглашать нѣсколько дней объ отставкѣ, чтобы имѣть время обдумать составъ новаго кабинета.

24 сентября герцогъ Ришелье, эмигрантъ временъ первой рево-

люціи, бывшій губернаторъ Одессы, пользовавшійся личнымъ расположеніемъ русскаго императора, былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Далѣе: Кларкъ получилъ портфель военнаго министра, Вобланъ внутреннихъ дѣлъ и Деказъ — полиціи. Это былъ однородный и реакціонный кабинетъ. — Вотъ превосходный выборъ,— сказалъ Талейранъ, — герцогъ Ришелье навѣрное лучше, чѣмъ ктолибо изъ французовъ, знаетъ Крымъ. — Эта же палата и осудила Нея.

Газеты торжествовали по поводу казни Мюрата, разстрѣляннаго въ Калабріи. Парижскій окружной судъ приговорилъ къ смертной казни Лавалета. Верхняя палата пэровъ разбирала дѣло маршала Нея.

Ней покинулъ Парижъ 6 іюля, запасшись нѣсколькими паспортами на свое имя, а также на имя Фализъ и Нейбурга. ВъЛіонѣ онъ узналъ, что дороги, ведущія въ Швейцарію, охраняются австрійцами. Тогда онъ повернулъ обратно въ Парижъ и остановился на нѣсколько дней на водахъ Сенъ-Альбанъ, не зная, что предпринять. 24 или 25 іюля одно довѣренное лицо, посланное женою Нея, посовѣтовало ему устроиться у одной ея родственницы въ ея замкѣ Бессонье, на границы департаментовъ Канталь и Ло. Онъ отправился туда. Но на дорогѣ былъ узнанъ. Какой-то негодяй донесъ кантальскому префекту о проѣздѣ „незнакомца, очень похожаго на маршала Нея". Префектъ направилъ жандармовъ по указаннымъ слѣдамъ, и 3 августа Ней былъ арестованъ.

— Это будетъ назидательнымъ примѣромъ,—сказалъ Талейранъ, узнавъ объ этомъ арестѣ. Гувіонъ де-Санъ-Сиръ потребовалъ у Фуше выдачи арестованнаго, какъ подлежащаго военному суду, и обязался препроводить его въ Парижъ подъ сильнымъ и надежнымъ конвоемъ. По прибытіи въ Парижъ Ней былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму Консьержери 19 августа, въ день казни генерала ла-Бедоэра. Къ сбору военнаго суда было приступлено немедленно. Засѣдать въ немъ были назначены маршалы: Монсей, Массена, Ожеро, Мортье, генералы: Мезонъ, Клапаредъ и Виллатъ; Массена устранился, ссылаясь на свое слабое здоровье. Ожеро также прислалъ письмо, сообщая, что боленъ и лежитъ въ постели. Но министръ не перемѣнилъ назначеній. Только Мезонъ, прекрасно принятый при дворѣ, добился устраненія отъ участія въ судѣ, ссылаясь на свое старшинство и преклонный возрастъ, которые избавляютъ его отъ этихъ обязанностей. Журданъ получилъ приказаніе предсѣдательствовать на судѣ вмѣсто Монсей. Этотъ послѣдній рѣшительно отказывался судить своего товарища. Онъ началъ съ того, что сослался на состояніе своего здоровья и потерю одного глаза. Однако, военный министръ не внялъ его доводамъ и пригрозилъ примѣнить къ нему статью VI закона отъ 13 брюмера, 5 года, грозящую разжалованіемъ

и тюремнымъ заключеніемъ за отказъ отъ участія въ военномъ судѣ, безъ законныхъ причинъ. Людовикъ XVIII послалъ къ нему Витроля, чтобы побѣдить его упрямство. Онъ остался непреклоннымъ и очень почтительно въ то же время съ большимъ достоинствомъ высказалъ свои мотивы отказа въ письмѣ къ королю.

„Могу ли я быть судьей обвиняемаго, которому наши законы даютъ право устранить меня, какъ судью, такъ какъ ему, конечно, небезызвѣстно, что это я первый передалъ въ руки вашего величества фактическое доказательство измѣны, открыто выразивъ при этомъ мое негодованіе.

„Оставаясь твердымъ въ моемъ рѣшеніи, я, быть можетъ, навлекаю на себя всяческое неодобреніе вашего величества, но каково было бы мнѣніе вашего величества обо мнѣ, если бы я, пройдя безупречно всю мою служебную карьеру, на склонѣ лѣтъ пересталъ слушаться голоса совѣсти?"—Отвѣтомъ Людовика XVIII былъ слѣдующій королевскій приказъ: „г. маршалъ Монсей подвергается разжалованію и трехмѣсячному тюремному заключенію".

Слѣдствіе, несмотря на желаніе судей вести его энергично, подвигалось, однако, очень медленно. Военный судъ могъ собраться только 9 ноября. Маршалъ Ней не хотѣлъ быть судимымъ военнымъ судомъ. „Эти мерзавцы рады были бы разстрѣлять меня, какъ кролика", сказалъ онъ. Защитники возбудили протестъ, указывая на неподсудность дѣла военнымъ судьямъ. Мотивировалось это тѣмъ, что московійскій князь былъ пэромъ Франціи въ то время, когда совершались тѣ дѣянія, за которыя его предали суду, въ виду же того, что онъ не утратилъ своего маршальскаго званія, онъ долженъ быть преданъ суду членовъ палаты пэровъ. Эти требованія могли быть оспариваемы. Но члены военнаго суда, которымъ не было рѣшительно ничего заманчиваго въ томъ, чтобы судить маршала Нея, т. е. осудить его, съ радостью ухватились за этотъ предлогъ и, послѣ четвертичасоваго совѣщанія между собой, вынесли постановленіе, что не считаютъ себя въ правѣ разбирать этотъ процессъ.

Около короля кричали, что это измѣна, въ публикѣ же говорили, что военные судьи проявили мудрость Понтія Пилата. Слово было жестокое, но оно казалось справедливымъ. Поспѣшность, съ которой Журданъ, Ожеро и другіе ухватились за поводъ къ отказу отъ судейскихъ обязанностей, очень сильно свидѣтельствовала за то, что они, дѣйствительно, осудили бы маршала. Если бы они считали возможнымъ постановить иное рѣшеніе, они не такъ поспѣшно сложили бы свои полномочія. Генералъ Рошешуаръ высказалъ даже, что „члены военнаго суда были приблизительно почти также виновны, какъ и подсудимый, а потому они едва ли-осмѣлились бы вынести ему

смертный приговоръ". Однако, если принять во вниманіе малодушіе и слабость человѣческой натуры, то вѣрнѣе было предположить, что эти судьи, которые чувствовали, что сами они находятся подъ подозрѣніемъ, будутъ болѣе склонны къ строгости. Къ тому же проступокъ Нея былъ слишкомъ очевиденъ и развѣ могъ военный совѣтъ не примѣнить закона? Вотъ почему Ней имѣлъ полное основаніе надѣяться, что палата пэровъ, члены которой менѣе подобострастны и, какъ избираемые пожизненно, могутъ скорѣе послушать голоса ихъ сердца и разсудка.

Но правительство создало въ Люксембургѣ атмосферу террора. Передавая палатѣ пэровъ королевское предписаніе приступить немедленно къ разбору дѣла Нея, первый министръ Ришелье принялъ тонъ обвинителя и даже обвинителя отъ имени Европы. „Не только отъ имени короля,—говорилъ онъ съ большимъ воодушевленіемъ, но отъ имени давно негодующей Франціи, а также Европы, мы призываемъ васъ судить маршала Нея. Палата пэровъ обязана передъ всѣмъ свѣтомъ дать блистательный примѣръ правосудія. Рѣшеніе ея должно быть быстро, такъ какъ необходимо сдержать негодованіе, подымающееся со всѣхъ сторонъ—вы не потерпите, чтобы дальнѣйшая безнаказанность породила новыя бѣдствія".—На языкѣ перваго министра правосудіе означало осужденіе, а осужденіе—смертную казнь. Всѣ поняли это. Молодой Ремюза писалъ матери: „Эта рѣчь привела въ восхищеніе г-жу де-Ш. Вообще дѣло идетъ наилучшимъ образомъ. Возможно, что обвиняемый будетъ казненъ къ тому времени, когда вы получите это письмо".

Однако, случились нѣкоторыя задержки, къ сильнѣйшей досадѣ свѣтскихъ кумушекъ, которыя положительно говорили: „И къ чему заставлять томиться его и насъ". Процессъ начался 21 ноября. Прочитанъ былъ обвинительный актъ. Защита привела нѣкоторыя данныя, указывающія на невыполненіе нѣкоторыхъ формальностей; затѣмъ, несмотря на упорныя возраженія генеральнаго прокурора Белара, палата пэровъ отложила разборъ дѣла до 4 декабря, чтобы позволить подсудимому вызвать новыхъ свидѣтелей.

На засѣданіяхъ 4 и 5 декабря изъ допроса маршала, какъ равно и изъ свидѣтельскихъ показаній, даже наиболѣе враждебныхъ подсудимому, съ полной очевидностью выяснилось, что Ней дѣйствовалъ безъ предумышленной цѣли. Выѣхавъ изъ Парижа съ твердымъ намѣреніемъ задержать Наполеона, онъ въ продолженіе 5 дней употреблялъ всѣ старанія, чтобы поддержать повиновеніе въ своемъ слабомъ отрядѣ и произвести нападеніе на флангъ бонапартійской колонны. Но видя, что революціонное движеніе увлекаетъ всѣхъ вокругъ него, что населеніе городовъ и деревень переходитъ на сто-

рону Бонапарта, что трехцвѣтный флагъ развѣвается на всѣхъ колокольняхъ, что половина его войскъ бѣжала, чтобы присоединиться къ императору, а другая—готова была поднять мятежъ, онъ растерялся, смутился и уступилъ общему движенію.—Ужь не вы ли пошли бы?—сказалъ Ней Бурмону, который, будучи вызванъ въ качествѣ свидѣтеля, началъ показывать во вредъ подсудимаго, тогда какъ въ дѣйствительности самъ Бурмонъ былъ до нѣкоторой степени сообщникомъ измѣны Нея. Впрочемъ, измѣна Нея сама по себѣ не имѣла никакого значенія. Не онъ сдалъ свою армію. Солдаты увлекли своего начальника.

Но если не было предварительнаго умысла, если причиной было увлеченіе, мимолетный порывъ, фатальныя обстоятельства, то преступное „посягательство", по выраженію обвинительнаго акта, или, вѣрнѣе, измѣна были слишкомъ очевидны.

По мнѣнію Берье и Дюпэна, адвокатовъ Нея, обвинительный приговоръ, болѣе или менѣе суровый, былъ неизбѣженъ. Вотъ почему они старательно искали повода доказать неподсудность Нея.

Нея перевели во второй этажъ дворца, въ маленькую комнату, съ желѣзной рѣшеткой на окнѣ, служившую ему тюрьмой. Наканунѣ объявленія смертнаго приговора, онъ поужиналъ съ большимъ аппетитомъ и, когда одинъ изъ сторожей, повидимому, удивился, Ней сказалъ:—„Я увѣренъ, что Беларъ не обѣдаетъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ я".—Затѣмъ, онъ сжегъ нѣкоторыя бумаги, выкурилъ сигару и легъ спать не раздѣваясь. Въ половинѣ четвертаго утра онъ былъ разбуженъ секретаремъ палаты пэровъ, нѣкіимъ кавалеромъ Коши, который явился, чтобы прочесть ему приговоръ палаты. Приговоръ изложенъ былъ на десяти страницахъ и Коши читалъ, не пропуская ни одного слова.—„Къ дѣлу! Къ дѣлу! воскликнулъ выведенный изъ терпѣнія Ней,—оставьте всѣ эти мотивировки".—Однако, онъ очень спокойно и холодно выслушалъ вѣсть, что будетъ разстрѣлянъ въ то же утро. Палата постановила, что казнь состоится по правиламъ декрета отъ 12 мая 1793 г., т. е. днемъ. Видимо, съ нимъ торопились покончить. За послѣдніе дней 10—12 ходили слухи, что офицеры составляютъ заговоръ, съ цѣлью увезти маршала. Приняты были самыя тщательныя мѣры охраны. 5.000 національныхъ гвардейцевъ находились подъ ружьемъ, готовые выступить по первому призыву, охрана Люксембургскаго дворца была усилена цѣлой ротой ветерановъ унтеръ-офицеровъ, многочисленные патрули жандармовъ разъѣзжали по сосѣднимъ улицамъ. Въ самой комнатѣ узникъ день и ночь долженъ былъ терпѣть присутствіе двухъ сторожей, одѣтыхъ въ форму гренадеровъ полка Роше-жа-келэнъ.

Вскорѣ послѣ Коши, къ Нею вошелъ совсѣмъ юный генералъ

Рошешуаръ (ему было всего 27 лѣтъ). Блестящій эмигрантъ, только-что назначенный комендантомъ Парижа, онъ долженъ былъ также сдѣлать распоряженія о приготовленіяхъ къ казни. Теперь онъ явился къ осужденному сообщить ему, что король разрѣшаетъ „принять только трехъ лицъ: жену, нотаріуса и духовника“.

— „Я повидаюсь сначала съ натаріусомъ, — сказалъ Ней, — потомъ я приму мою жену и дѣтей. Что же касается духовника, то пусть меня оставятъ въ покоѣ“. При этомъ произошло нѣчто, дѣйствительно, поразительное, одинъ изъ мнимыхъ гренадеръ вдругъ осмѣлился сказать:—Вы не правы, г. маршалъ. Никогда я съ такой отвагой не шелъ въ огонь, какъ послѣ того, какъ препоручалъ свою душу Богу. — „Ты, быть можетъ, правъ, любезный“,—сказалъ Ней, похлопавъ его по плечу, потомъ, обернувшись къ полковнику Монтиньи, завѣдующему дворцомъ, онъ попросилъ его пригласить священника, котораго обѣщалъ принять послѣ свиданія съ женой.

Около пяти часовъ утра жена Нея прибыла со своею сестрою. На порогѣ комнаты она громко вскрикнула и упала безъ чувствъ въ объятія мужа. Онъ усадилъ ее къ себѣ на колѣни, поцѣловалъ и попытался утѣшить. Она рыдала и не слушала его. Когда она немного успокоилась, Ней перенесъ ее на рукахъ въ кресло, потомъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, разсуждая вслухъ о своей участи.—„Я пожертвовалъ собой, чтобы предотвратить междоусобную войну. Я поступилъ, какъ Курцій, бросившись въ бездну!“—О, ты будешь отомщенъ!—воскликнула жена.—„Нѣтъ, мой другъ, ты научишь прощенію нашихъ дѣтей... Что значитъ смерть!“ Между тѣмъ, въ комнату вошли дѣти, только трое старшихъ, изъ которыхъ самому старшему было двѣнадцать лѣтъ, четвертаго не хотѣли будить. Ней всѣхъ ихъ поцѣловалъ по нѣсколько разъ. Однако, онъ тщетно боролся, стараясь владѣть собой, и спѣшилъ окончить эту сцену, которая надрывала его сердце! Вдругъ, г-жа Ней сказала, не переставая рыдать.—„Но ты можешь получить еще помилованіе, я поѣду къ королю, буду на колѣняхъ умолять его!“ Онъ ухватился за этотъ поводъ.— „Если ты рѣшилась на это, моя милая, то тебѣ пора ѣхать“. Они оба зарыдали, слезы ихъ смѣшивались, наконецъ, они еще разъ поцѣловались, онъ, зная, что это уже послѣднее прощаніе, она, сохраняя еще послѣднюю надежду на милосердіе короля.

Когда г-жа Ней удалилась, ввели аббата Пьера, кюре церкви Сенъ-Сюльписъ. Наконецъ, оставшись одинъ со своими сторожами, Ней бросился на постель и заснулъ такъ же спокойно, какъ наканунѣ битвы.

Онъ проснулся самъ, съ чисто военной аккуратностью, въ чет-

верть девятаго. Рошешуаръ попросилъ аббата увѣдомить осужденнаго.—Я готовъ,—сказалъ Ней, какъ только вошелъ кюре. Онъ твердой поступью спустился по лѣстницѣ, ведущей на парадный дворъ. Погода была настоящая декабрьская; было темно, сыро, холодно.—Какой отвратительный день,—сказалъ Ней, усаживаясь съ аббатомъ и двумя жандармскими офицерами въ фіакръ. Конвой, сопровождавшій экипажъ, былъ очень великъ и состоялъ изъ жандармовъ, гренадеръ, ветерановъ, унтеръ-офицеровъ и національныхъ гвардейцевъ, пѣшихъ и конныхъ. Вся эта группа, тихо, черезъ садъ, достигла конца аллеи обсерваторіи. Въ шагахъ пятидесяти отъ рѣшетки, которой замыкалась эта аллея, карета остановилась.—Уже пріѣхали!—сказалъ Ней, полагавшій, что будетъ разстрѣлянъ на равнинѣ Гренель, подобно всѣмъ осужденнымъ изъ военныхъ. Войска начали выстраиваться. Маршалъ гордо отказался отъ того, чтобы ему завязали глаза, а также не пожелалъ встать на колѣни.—Такой человѣкъ, какъ я, не становится на колѣни. Затѣмъ онъ спросилъ у адъютанта Сенъ-Біэ, куда ему слѣдуетъ встать. Тотъ указалъ ему строющуюся стѣну, возлѣ которой сталъ Ней. Сенъ-Біэ приказалъ исполнительиому отряду, состоявшему изъ двѣнадцати ветерановъ, унтеръ-офицеровъ, выстроиться и прицѣлиться. Ней сдѣлалъ шагъ впередъ, опустилъ руку на сердце и заговорилъ твердымъ голосомъ:—Французы, я протестую противъ моего осужденія!—„Пали!"—скомандовалъ вдругъ Сенъ-Біэ, забывшій даже въ своемъ волненіи, что сигналъ стрѣлять онъ долженъ былъ сдѣлать шпагой. Ней упалъ. Барабаны забили, войска закричали: „Да здравствуетъ король!"

Тѣмъ временемъ г-жа Ней находилась въ Тюильри. Болѣе чѣмъ въ продолженіе часа ей и ея сестрѣ пришлось простоять возлѣ лѣстницы Флоры передъ стражей и лакеями, сидѣвшими на лавкахъ.—Вамъ невозможно видѣть короля,—сказалъ ей одинъ изъ полицейскихъ офицеровъ,—это можетъ испортить ему завтракъ.—Когда мимо нея прошелъ военный министръ Кларкъ, подымаясь къ королю, она подбѣжала къ нему, уцѣпилась за его мундиръ, но онъ грубо оттолкнулъ ее, и, не сказавъ ни слова, прошелъ мимо и сталъ подыматься по лѣстницѣ. Наконецъ, одинъ офицеръ провелъ ее въ частные аппартаменты герцога Дюра. Она, рыдая, умоляла, чтобы ее отвели къ королю, или, если тотъ не можетъ ее принять, то къ герцогинѣ Ангулемской. Дюра былъ тронутъ ея слезами, но ему былъ данъ строгій наказъ, котораго онъ не смѣлъ нарушить. Между тѣмъ, она не хотѣла покинуть дворца. Она въ отчаяніи продолжала ждать. Въ десять часовъ утра, когда все было уже кончено, герцогъ Дюра получилъ отъ короля отвѣтъ, что „аудіенція, испрашиваемая г-жей Ней, была бы отнынѣ безполезной". Онъ сказалъ на ухо г-жѣ Гамо, что

„уже поздно“. Тогда эта послѣдняя, въ порывѣ негодованія, нервно схватила сестру за руку, воскликнувъ:

— Пойдемъ, твое мѣсто не здѣсь!

Вдова маршала Нея поняла. Она упала безъ чувствъ на полъ.

Въ тотъ же вечеръ герцогъ Беррійскій счелъ удобнымъ отправиться во французскую комедію. Появленіе его было встрѣчено аплодисментами. Маркизъ де-П., потирая руки, сказалъ ему: „еще двѣ или три маленькихъ казни, и Франція будетъ у вашихъ ногъ“.

Старый эмигрантъ, очевидно, подразумѣвалъ Лавалета, который уже двѣ недѣли ожидалъ въ тюрьмѣ Консьержери отвѣтъ на его просьбу о помилованіи. Осужденный окружнымъ судомъ, Лавалетъ менѣе опасался смерти, нежели способа казни... „Для насъ, старыхъ солдатъ, смерть не страшна,—писалъ онъ Мармону—сколько разъ въ честномъ ратномъ бою, мы смотрѣли ей прямо въ глаза. Но гильотина... О! вотъ это-то ужасно. Во имя нашей старой дружбы, во имя нашихъ былыхъ опасностей, не допустите, чтобы одинъ изъ вашихъ старыхъ товарищей по оружію вошелъ на эшафотъ. Пусть лучше горсть храбрыхъ гренадеръ покончатъ его жизнь“. Мармонъ отнесъ это письмо королю, который прочелъ его до конца и сухо сказалъ: „Нѣтъ, онъ долженъ быть гильотинированъ“. Людовикъ XVIII уже не былъ тѣмъ добродушнымъ монархомъ, какимъ его знали въ 1814 году. Страхъ передъ палатой, страхъ передъ дворомъ, страхъ передъ союзниками, страхъ бонапартизма, якобизма герцога Орлеанскаго, графа Артуа, страхъ третьяго изгнанія и страхъ, какъ друзей, такъ и враговъ дѣлали безпощаднымъ этого короля, который главнымъ образомъ желалъ только своего спокойствія.

Между тѣмъ, Лавалетъ пользовался, за исключеніемъ лишь крайнихъ партій, всеобщей симпатіей. Его процессъ взволновалъ Парижъ даже болѣе, чѣмъ процессъ маршала Нея, для котораго, правду сказать, потребовалась трагическая смерть, чтобы освѣжить нѣсколько поблекшій ореолъ славы на его челѣ. Всѣ хотѣли спасти Лавалета; не только Мармонъ, но и Паскье, и Готривъ, и принцесса де-Водемонъ, и Жерандо, и Моле, и Барбе-Марбуа, и Деказъ, и даже самъ баварскій король. Ходатайства и просьбы получались со всѣхъ сторонъ. Ришелье согласился, наконецъ, передать королю меморандумъ, въ которомъ Готривъ излагалъ всѣ мотивы политики и правосудія, въ силу которыхъ отмѣна казни была разумной необходимостью. „Болѣе ста тысячъ лицъ во Франціи столь же виновны, какъ и онъ. Его смерть не добавитъ ничего, въ смыслѣ назидательности“,—писалъ онъ. Рискуя впасть въ немилость, Мармонъ нарушилъ королевскій

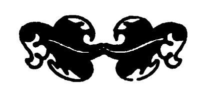
приказъ и позволилъ впустить графиню Лавалетъ въ залу тѣлохранителей въ Тюильри въ то время, когда король слушалъ мессу. По выходѣ его изъ капеллы, она упала къ его ногамъ и подала приготовленное заранѣе прошеніе.—Сударыня,—сказалъ король,—я вполнѣ сочувствую вашему большому горю, но на меня возложены обязанности, которыхъ я не могу не исполнить. Въ это время стража крикнула: „Да здравствуетъ король!“ Г-жа Лавалетъ, оставаясь на колѣняхъ, протянула второе прошеніе герцогинѣ Ангулемской, слѣдовавшей за Людовикомъ XVIII. Но та уклонилась въ сторону, кинувъ на г-жу Лавалетъ гнѣвный взглядъ. Эта набожная принцесса, которую называли „французской Антигоной“, приняла за правило „не просить у короля о помилованіяхъ“.

Даже самые высокопоставленные изъ друзей Лавалета не могли спасти его. Но то, чего не могла сдѣлать цѣлая коалиція жалости, удалось осуществить женскому риску и отвагѣ. 20 декабря, наканунѣ дня казни, г-жа Лавалетъ пріѣхала обѣдать съ мужемъ въ тюрьму Консьержери. Она привезла съ собой свою дочь Жозефину, двѣнадцати лѣтъ. Въ камерѣ она сняла съ себя шляпку и большую мѣховую шубу, затѣмъ вынула изъ ридикюля юбку изъ черной тафты и сказала мужу.—Этого совершенно достаточно, чтобы тебѣ переодѣться. Въ семь часовъ ты выйдешь, опираясь на руку Жозефины. Старайся идти потише и, проходя мимо часовыхъ, приложи платокъ къ глазамъ... Проходя въ дверяхъ, которыя очень низки, не забудь наклонить голову, чтобы не зацѣпиться перьями шляпки, иначе все будетъ проиграно. Затѣмъ она предупредила, что по выходѣ изъ тюрьмы, на дворѣ его будетъ ожидать кресло на колесикахъ, которымъ она пользовалась, такъ какъ уже двѣнадцать лѣтъ страдала болѣзнью ногъ и едва могла ходить. Вскорѣ его долженъ былъ встрѣтить г. Бодо, пересѣсть въ кабріолетъ и привести въ надежное мѣсто. Увѣдомленный только наканунѣ объ этомъ безумно-смѣломъ проектѣ Лавалетъ протестовалъ. Онъ считалъ планъ неосуществимымъ; въ особенности же онъ возмущался противъ того, чтобы оставить больную жену на произволъ грубыхъ и озлобленныхъ солдатъ.—Не спорь—просто сказала г-жа Лавалетъ,—если ты умрешь, я также умру.

Побѣгъ совершился точь въ точь такъ, какъ проектировала г-жа Лавалетъ. Узникъ безъ всякой помѣхи вышелъ съ дочерью изъ Консьержери, нашелъ кресло на колесикахъ съ носильщиками, на нѣкоторомъ разстояніи онъ оставилъ ручную телѣжку и пересѣлъ въ кабріолетъ, гдѣ для него было приготовлено платье лакея. На углу улицы Плюме и аллеи Бретейль онъ вышелъ изъ кабріолета и пѣшкомъ послѣдовалъ за Бодо, вплоть до улицы Бакъ. Бодо нашелъ ему убѣжище, въ которомъ никто, а въ особенности герцогъ Ришелье,

не вздумалъ бы его искать. Онъ помѣстилъ его въ самомъ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ, въ квартирѣ кассира Брессона. Во время революціи добрые вогезскіе крестьяне пріютили его и его жену. Въ память этого случая г-жа Брессонъ дала обѣтъ спасти одного политическаго осужденнаго. Бодо зналъ объ этой клятвѣ. Онъ разсказалъ о Лавалетѣ этой благородной женщинѣ, которая отвѣтила ему въ порывѣ искренняго участія:—Пусть онъ придетъ. Моего мужа нѣтъ дома. Но мнѣ не нужно совѣтоваться съ нимъ. Онъ одобритъ мое рѣшеніе.

Этотъ романическій побѣгъ былъ для Парижа предметомъ радости. „Населеніе готово было устроить иллюминацію",—говорилъ герцогъ де-Брольи. Толпы народа съ пѣніемъ расхаживали по улицамъ. Торговки Центральнаго рынка восторгались поступкомъ г-жи Лавалетъ. За то при дворѣ воцарилось глубокое уныніе, въ палатѣ же—сильнѣйшее негодованіе. Ришелье писалъ Деказу: „Обязательно нужно, во что бы то ни стало, найти Лавалета, такъ какъ иначе послѣдствія будутъ ужасныя". Вообще вообразили, что отъ этого случая государство въ опасности, и монархія поколеблена. Депутаты требовали назначенія коммиссіи, для того чтобы провѣрить дѣятельность министровъ. Это предложеніе, которое, какъ надѣялись въ Бурбонскомъ дворцѣ, должно было повлечь къ обвиненію хранителя печати и министра полиціи, было принято къ свѣдѣнію. „Встрѣчались люди,—говоритъ Бони де-Кастеланъ,—которые казались столь опечаленными побѣгомъ Лавалета, какъ будто имъ самимъ предстояло быть заключенными въ Консьержери и подвергнуться участи, которая предназначалась ему". Графиню Лавалетъ продержали, несмотря на ея болѣзненное состояніе, еще съ мѣсяцъ въ нездоровой камерѣ, которую раньше занималъ Ней. Маленькая Жозефина Лавалетъ отвезена была въ монастырь; ея товарки смотрѣли на нее съ ужасомъ за то, что она помогла спасти отца. Отъ нея всѣ сторонились, мамаши другихъ воспитаницъ называли ее „маленькой плутовкой".



Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. СЕНТЯБРЬ. 1906 годъ

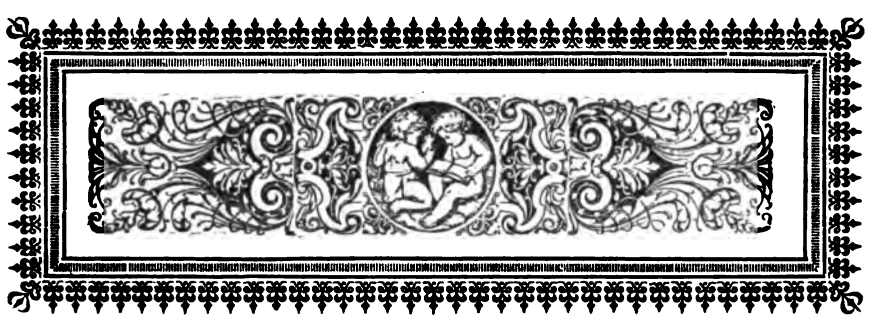
СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1906 года.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.



Записки императрицы Екатерины Второй.

V [1]).

После Святой мы отправились въ Ораніенбаумъ. Передъ отъѣздомъ императрица позволила мнѣ увидать моего сына въ третій разъ послѣ его рожденія. Къ нему въ комнату надо было проходить черезъ всѣ покои ея величества. Его держали въ страшной духотѣ, какъ я уже говорила. Въ Ораніенбаумѣ мы были свидѣтелями оригинальнаго зрѣлища. Его императорское высочество, которому голштинцы безпрерывно твердили о долгахъ, и которому всѣ совѣтовали отпустить домой этихъ безполезныхъ людей, тѣмъ болѣе, что онъ могъ видать ихъ лишь тайно и урывками, вдругъ расхрабрился и вздумалъ выписать себѣ изъ Голштиніи цѣлый отрядъ. Это были опять шутки негоднаго Брокдорфа, который льстилъ господствующей страсти своего государя. Шуваловыхъ онъ увѣрилъ, что, глядя сквозь пальцы на эту дѣтскую забаву, они навсегда обезпечатъ себѣ расположеніе великаго князя, что они займутъ его этимъ и могутъ быть увѣрены, что онъ всегда будетъ доволенъ ихъ прочими распоряженіями. Императрица терпѣть не могла Голштиніи и всего голштинскаго; она видѣла, какъ подобныя военныя забавы повредили во мнѣніи Петра I и русскаго общества отцу великаго князя, герцогу Карлу-Фридриху; и потому сначала, кажется, ей ничего не говорили о выпискѣ голштинскаго отряда, или представляли это такою ничтожною вещью, о которой не стоило говорить. Впрочемъ, одного присутствія графа Шувалова было достаточно, чтобы это дѣло не полу-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1906 г.

чило никакого важнаго значенія. Отплывъ изъ Киля, голштинскій отрядъ прибылъ въ Кронштадтъ и затѣмъ въ Ораніенбаумъ. Великій князь, бывало, при Чоглоковѣ надѣвалъ голштинскій мундиръ только у себя въ комнатѣ, какъ бы украдкою; теперь же почти не носилъ другаго и снималъ его только въ куртаги; между тѣмъ онъ былъ подполковникомъ Преображенскаго полка, и, кромѣ того, имѣлъ свой кирасирскій полкъ въ Россіи. По совѣту Брокдорфа, онъ всячески старался скрывать отъ меня пріѣздъ этого войска. Признаюсь, когда я узнала о томъ, то не могла безъ ужаса представить себѣ, какое неблагопріятное для великаго князя впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ поступокъ на русскую публику и на самую императрицу, образъ мыслей которой былъ мнѣ хорошо извѣстенъ. Мы стояли съ Александромъ Шуваловымъ на балконѣ въ Ораніенбаумѣ, когда проходилъ этотъ отрядъ. Шуваловъ только помаргивалъ глазомъ; въ сущности онъ не одобрялъ того, на что самъ и родственники его согласились смотрѣть сквозь пальцы. Дворецъ въ Ораніенбаумѣ охранялся Ингерманландскимъ полкомъ, который чередовался съ Астраханскимъ. Я узнала, что солдаты, глядя на голштинскія войска, говорили: „Эти проклятые нѣмцы всѣ проданы прусскому королю; вотъ навезли въ Россію измѣнниковъ“. Вообще всѣ были озадачены появленіемъ голштинцевъ; самые преданные люди пожимали плечами, самые умѣренные находили это страннымъ; въ сущности оно было весьма неблагоразумное ребячество. Что касается до меня, то я молчала, а когда заговаривали со мною, то не скрывала своего мнѣнія, всѣ знали, что я вовсе не одобряю этихъ забавъ, что я считаю ихъ во всѣхъ отношеніяхъ вредными для благосостоянія великаго князя. Въ самомъ дѣлѣ, разобравши дѣло, можно ли было иначе о немъ думать? Удовольствіе, которымъ онъ пользовался, никакъ не могло вознаградить его за ущербъ въ общественномъ уваженіи. Но его императорское высочество былъ въ восторгѣ отъ своего войска, велѣлъ устроить для него лагерь, расположилъ его въ немъ и предался безпрерывнымъ упражненіямъ. Однако, войско надо было кормить, а объ этомъ вовсе не подумали. Начались споры съ гофмаршаломъ, котораго очень удивило новое требованіе. Наконецъ, онъ уступилъ, и придворные лакеи съ гвардейскими солдатами Ингерманландскаго полка должны были носить кушанья новоприбывшему войску изъ дворцовой кухни въ лагерь. Тѣ и другіе носили безъ всякой платы за трудъ; лагерь былъ довольно далеко отъ кухни; можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было производить это мудрое распоряженіе. Солдаты Ингерманландскаго полка говорили: „Вотъ мы стали лакеями этихъ проклятыхъ нѣмцевъ“. Придворная прислуга говорила: „Насъ заставляютъ ухаживать за грубою сволочью“. Узнавши и увидавши все это, я твердо

рѣшилась держаться какъ можно дальше отъ этой вредной ребяческой игры. Семейные кавалеры нашего двора жили въ Ораніенбаумѣ съ женами; такимъ образомъ у меня было довольно большое общество; самимъ кавалерамъ нечего было дѣлать въ голштинскомъ лагерѣ, откуда его императорское высочество почти не выходилъ. Такимъ образомъ я оставалась посреди моихъ придворныхъ и безпрестанно ходила съ ними гулять, но всегда въ противоположную сторону; къ лагерю же мы не подходили ни близко, ни издали.

Въ это время мнѣ пришла фантазія развести себѣ садъ въ Ораніенбаумѣ, но я знала, что великій князь не дастъ мнѣ для этого ни клочка земли, и потому попросила князей Голицыныхъ продать или уступить мнѣ 100 десятинъ съ давнихъ поръ заброшенной и пустопорожней земли, которою они владѣли возлѣ самаго Ораніенбаума. Земля эта принадлежала восьми или десяти лицамъ изъ ихъ семьи, она не приносила имъ никакого дохода, и они охотно уступили мнѣ ее. Я принялась чертить планы и разбивать садъ, и такъ какъ въ первый разъ занималась планами и постройками, то все выходило у меня огромно и неловко. Старый мой хирургъ Гіонъ по этому случаю говорилъ мнѣ: „Къ чему все это? Помните мое слово, предсказываю вамъ, что вамъ придется все это оставить“. Предсказаніе его сбылось; но мнѣ въ то время нужно было чѣмъ-нибудь развлекаться и занимать воображеніе. Сначала въ разбивкѣ сада мнѣ помогалъ ораніенбаумскій садовникъ Ламберти, бывшій садовникомъ императрицы въ Царскомъ Селѣ, когда она была еще принцессою. Онъ занимался предсказаніями и, между прочимъ, предсказалъ императрицѣ ея восшествіе на престолъ. Онъ же говорилъ мнѣ много разъ и повторялъ безпрестанно, что я буду русскою императрицею-самодержицею, что я увижу сыновей, внуковъ и правнуковъ и умру въ глубокой старости, слишкомъ 80 лѣтъ; мало того, онъ назначилъ годъ моего восшествія на престолъ за шесть лѣтъ до событія. Это былъ очень странный человѣкъ; онъ говорилъ съ такою увѣренностью, что ничѣмъ нельзя было разубѣдить его. Онъ увѣрялъ, что императрица не любитъ его за то, что онъ предсказалъ случившееся съ нею; что она его боится, и по этой причинѣ перевела изъ Царскаго Села въ Ораніенбаумъ.

Кажется, на Троицынъ день, намъ велѣно было ѣхать изъ Ораніенбаума назадъ въ городъ. Около этого времени прибылъ въ Россію англійскій посланникъ, кавалеръ Вильямсъ; въ свитѣ его находился полякъ, графъ Понятовскій, отецъ котораго нѣкогда держалъ сторону короля шведскаго Карла XII. Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ, мы возвратились въ Ораніенбаумъ, гдѣ императрица приказала отпраздновать Петровъ день. Сама она не пріѣхала, не желая праздно-

*

вать первыя именины моего сына Павла, приходившіяся въ этотъ день. Оставшись въ Петергофѣ, она сѣла къ окну и, кажется, просидѣла такъ цѣлый день, потому что всѣ, проѣзжавшіе въ Ораніенбаумъ, говорили, что видѣли ее у окна. Къ намъ наѣхало много народа; въ залѣ, выходившей въ мой садъ, танцовали и потомъ ужинали. Тутъ были также посланники и иностранные министры. Помню, что за ужиномъ возлѣ меня сидѣлъ англійскій посланникъ, кавалеръ Вильямсъ, и что мы вели съ нимъ очень живой и пріятный разговоръ, потому что онъ былъ умеиъ, начитанъ и зналъ всю Европу. Послѣ мнѣ сказывали, что ему также было пріятно разговаривать со мною въ этотъ вечеръ, что онъ отзывался обо мнѣ съ похвалою. Такъ случалось всегда, когда я встрѣчалась съ людьми, которые были со мною въ уровень. Въ то время у меня было меньше завистниковъ, и меня по большей части обыкновенно хвалили. Я слыла умницею, и многія лица, знавшія меня ближе, чтили меня довѣріемъ, повѣрялись мнѣ, спрашивали моего совѣта и съ пользою слѣдовали тому, что я совѣтовала имъ. Великій князь съ давнихъ поръ называлъ меня Madame la Ressource, и какъ бы ни дулся и ни гнѣвался на меня, но, какъ скоро въ чемъ бы то ни было былъ въ затруднительномъ положеніи, тотчасъ, по своему обыкновенію, опрометью вбѣгалъ ко мнѣ, требовалъ моего мнѣнія и, выслушавши его, точно также опрометью убѣгалъ назадъ. Помню еще, что въ этотъ вечеръ, когда мы праздновали Петровъ день въ Ораніенбаумѣ, глядя на графа Понятовскаго, который танцовалъ, я заговорила съ кавалеромъ Вильямсомъ объ отцѣ его и о томъ злѣ, которое онъ причинилъ Петру I. Англійскій посланникъ говорилъ мнѣ много хорошаго о сынѣ и подтвердилъ то, что я уже знала, именно, что старикъ Понятовскій и семья жены его, Чарторыйскіе, въ то время были главными представителями русской партіи въ Польшѣ; что они послали молодаго графа въ Россію и поручили его Вильямсу для того, чтобы воспитать въ немъ доброе расположеніе къ Россіи. „Я надѣюсь,—замѣтилъ Вильямсъ, что этотъ молодой человѣкъ сдѣлаетъ успѣхи въ Россіи". Ему тогда могло быть около 22 или 23 лѣтъ. Я отвѣчала, что, по моему мнѣнію, Россія можетъ служить для иностранцевъ пробнымъ камнемъ ихъ достоинствъ, и, что кто успѣетъ въ Россіи, тотъ навѣрно можетъ разсчитывать на успѣхъ во всей Европѣ. Я всегда считала это замѣчаніе вполнѣ справедливымъ, потому что нигдѣ такъ не замѣчаютъ слабыхъ, смѣшныхъ и дурныхъ сторонъ иностранца, какъ въ Россіи; иностранецъ можетъ быть увѣренъ, что ему ничего не простятъ, и это оттого, что всякій русскій отъ природы, въ глубинѣ души своей, чувствуетъ нѣкоторое отвращеніе къ иностранцу.

Около этого времени я узнала, до какой степени Сергѣй Салтыковъ не умѣрялъ поведенія своего въ Швеціи и Дрезденѣ, и что, кромѣ того, онъ не останавливался ни передъ одною женщиною, какая ему попадалась. Сначала я не хотѣла ничему этому вѣрить; но, наконецъ, со всѣхъ сторонъ ко мнѣ доходило одно и то же, и даже друзья не въ состояніи были оправдать его. Въ этотъ годъ я особенно подружилась съ Анной Нарышкиной. Этому много способствовалъ братъ ея мужа, Левъ, который бывалъ съ нами всегда третьимъ и ни на минуту не прекращалъ своихъ дурачествъ. Онъ говаривалъ намъ: кто изъ васъ обѣихъ будетъ лучше вести себя, для той у меня готовится подарокъ, за который вы поблагодарите меня. На слова его обыкновенно не обращали вниманія, и никто не любопытствовалъ узнать, что за подарокъ у него на умѣ.

Осенью голштинскія войска поплыли назадъ, а мы возвратились въ городъ, въ Лѣтній дворецъ. Въ это время Левъ Нарышкинъ заболѣлъ горячкою, и въ продолженіе болѣзни своей писалъ мнѣ записки; но я хорошо знала, что онѣ не всѣ отъ него. Я посылала ему мои отвѣты. Въ запискахъ онъ обыкновенно просилъ у меня то варенья, то какихъ-нибудь другихъ бездѣлицъ, и получивши присылалъ записки съ изъявленіемъ благодарности. Записки эти были отлично писаны и въ очень веселомъ тонѣ. Онъ говорилъ, что онъ поручаетъ писать ихъ своему секретарю. Наконецъ, я узнала, что этотъ секретарь ни кто иной, какъ графъ Понятовскій, который не отходилъ прочь отъ Льва Нарышкина и дружился съ семьею Нарышкиныхъ.

Изъ Лѣтняго дворца, въ началѣ зимы, мы переѣхали въ деревянный выстроенный императрицею Зимній дворецъ, находившійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Чичериныхъ. Дворецъ этотъ занималъ цѣлый кварталъ, до противолежащаго дома графини Матюшкиной, который въ то время принадлежалъ Наумову. Окошки мои были напротивъ этого дома, гдѣ тогда жили фрейлины. Переѣхавши туда, я была сначала очень удивлена высотою и величиною отведенныхъ намъ комнатъ. На мою долю было четыре большихъ переднихъ комнаты и двѣ заднія съ кабинетомъ; столько же отведено было и великому князю. Мои комнаты были довольно хорошо расположены, такъ что можно было спасаться отъ сосѣдства великаго князя, что уже составляло великое удобство. Графъ Александръ Шуваловъ, замѣтивъ, что я довольна моимъ помѣщеніемъ, тотчасъ же пошелъ передать императрицѣ, что я очень хвалила просторъ и количество отведенныхъ мнѣ комнатъ, и потомъ самъ сказалъ мнѣ о томъ съ нѣкотораго рода удовольствіемъ, выраженнымъ посредствомъ морганія и улыбки.

Въ это время и долго послѣ главною городскою забавою великаго князя было чрезвычайное множество маленькихъ куколокъ, или сол-

датиковъ, деревянныхъ, свинцовыхъ, восковыхъ и изъ трута. Онъ разставлялъ ихъ на узенькихъ столахъ, которыми загромаждивалъ цѣлую комнату, такъ что между столами едва можно было пройти. Вдоль столовъ прибиты были узкія мѣдныя рѣшетки, а къ нимъ привязаны шнурки, и если дернутъ за шнурокъ, то мѣдная рѣшетка издавала звукъ, который, по его мнѣнію, походилъ на бѣглый ружейный огонь. Онъ съ чрезычайною точностью, въ каждый придворный праздникъ, заставлялъ войска свои стрѣлять ружейнымъ огнемъ. Кромѣ того, онъ ежедневно посылалъ ихъ на стражу, т.-е. бралъ съ каждаго стола по нѣсколько солдатиковъ, назначенныхъ выстаивать извѣстные часы. На такомъ парадѣ онъ присутствовалъ въ мундирѣ, сапогахъ, шпорахъ, въ крагенѣ и съ шарфомъ; лакеи, которыхъ онъ удостоивалъ приглашеніемъ на эти экзерциціи, также были обязаны являться во всей формѣ. Въ этотъ годъ, передъ наступленіемъ зимы, мнѣ показалось, что я опять беременна, и мнѣ отворяли кровь. У меня сдѣлался флюсъ въ обѣихъ щекахъ, или, по крайней мѣрѣ, я такъ воображала себѣ, но послѣ нѣсколькихъ дней боли у меня выпали четыре большіе зуба, съ каждой челюсти по два крайнихъ. Пользуясь нашимъ просторнымъ помѣщеніемъ, великій князь еженедѣльно устраивалъ балы и концерты, на которыхъ бывали только фрейлины и кавалеры нашего двора съ женами. На балахъ бывало весело, смотря по тому, кто бывалъ на нихъ; многолюдными нельзя было назвать ихъ. Тутъ бывала семья Нарышкиныхъ, люди болѣе другихъ общительные. Я къ нимъ причисляю Сенявину и Измайлову, которыя были сестры Нарышкиныхъ, и жену старшаго брата, о которой я упомянула выше. Левъ Нарышкинъ съ каждымъ днемъ больше дурачился. Всѣ считали его пустымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ и дѣйствительно былъ. Обыкновенно онъ безпрестанно перебѣгалъ изъ комнаты великаго князя ко мнѣ, нигдѣ не оставаясь подолгу. Подходя къ моимъ дверямъ, онъ начиналъ мяукать по-кошачьи; если я ему отвѣчала, это значило, что онъ можетъ войти. 17-го декабря, между 6 и 7 часами вечера, я услышала у дверей его мяуканье, и впустила его. Онъ принесъ мнѣ поклонъ отъ своей невѣстки, говоря, что она не очень здорова. Потомъ вдругъ сказалъ: но вамъ слѣдуетъ провѣдать ее.— Мнѣ самой хотѣлось бы этого,—отвѣчала я,—но вы знаете, что я не могу выйти изъ дома безъ позволенія, и мнѣ ни за что не позволятъ навѣстить ее.—Я васъ проведу,—сказалъ онъ.—Съ ума вы сошли,—возразила я.—Какъ мнѣ идти съ вами? Васъ посадятъ за это въ крѣпость, а мнѣ будутъ Богъ знаетъ какія непріятности.—И!—сказалъ онъ,—никто не узнаетъ; мы будемъ осторожны.—Какъ такъ?—Тогда онъ сказалъ: я приду за вами черезъ часъ или черезъ два; великій князь пойдетъ ужинать (я съ давнихъ поръ оставалась эти часы у себя въ

комнатѣ подъ предлогомъ, что не ужинаю) и просидитъ за столомъ до полночи, напьется пьянъ и уйдетъ спать (послѣ родовъ моихъ онъ, по большей части, спалъ особо). Для большей предосторожности одѣньтесь по-мужски, и мы пойдемъ вмѣстѣ къ Аннѣ Никитичнѣ.— Его предложеніе начало соблазнять меня. Я цѣлые дни просиживала у себя въ комнатѣ за книгами, безъ всякаго общества. Наконецъ, чѣмъ дальше спорила я съ нимъ объ этомъ похожденіи, въ сущности нелѣпомъ, и на которое сначала я не хотѣла согласиться, тѣмъ болѣе оно казалось мнѣ возможнымъ. Отчего, рѣшила я, не доставить себѣ нѣсколько часовъ развлеченія и удовольствія? Нарышкинъ ушелъ. Я кликнула моего калмыка-парикмахера и приказала принести мужское платье и все, что нужно для мужскаго наряда, сказавши, что кому-то хочу подарить его. Калмыкъ этотъ не отличался разговорчивостью; съ нимъ гораздо труднѣе было завести рѣчь, чѣмъ другихъ заставить молчать. Онъ въ ту же минуту исполнилъ мое приказаніе и принесъ все, что было мнѣ нужно. Я притворилась, что у меня болитъ голова, и сказала, что поэтому раньше лягу спать; только-что Владиславова уложила меня и ушла, какъ я встала, одѣлась съ ногъ до головы по-мужски и подобрала какъ можно лучше волосы (къ чему мнѣ было не привыкать, и что я ловко умѣла дѣлать). Въ назначенный часъ Левъ Нарышкинъ прошелъ комнатами великаго князя къ дверямъ моимъ и замяукалъ. Я отворила ему; мы прошли черезъ небольшую прихожую комнату въ сѣни и сѣли въ его карету, никѣмъ не замѣченные и помирая со смѣху. Левъ Нарышкинъ жилъ въ одномъ домѣ съ женатымъ братомъ своимъ. Мы застали дома Анну Никитичну, которая никакъ не ожидала насъ. Тамъ же былъ и графъ Понятовскій. Л. Нарышкинъ рекомендовалъ его, какъ одного изъ друзей своихъ, просилъ принять въ расположеніе, и мы провели полтора часа самымъ веселымъ и забавнымъ образомъ. Я преблагополучно возвратилась домой, по-прежнему никѣмъ не замѣченная. На другой день было императрицино рожденіе; по утру при дворѣ и вечеромъ на балу мы, участвовавшіе въ секретѣ, не могли смотрѣть другъ на друга, чтобы не разразиться смѣхомъ при воспоминаніи о вчерашнемъ похожденіи. Черезъ нѣсколько дней Левъ Нарышкинъ предложилъ отдачу визита; т.-е., чтобы гости собрались ко мнѣ, онъ точно также привелъ ихъ въ мою комнату и потомъ благополучно вывелъ. Такъ начался 1756 годъ. Намъ чрезвычайно полюбились эти секретныя свиданія; мы стали еженедѣльно собираться по одному, по два и даже иногда по три раза, то у того, то другаго; если же кто изъ нашего общества занемогалъ, то непремѣнно у больнаго. Случалось, что, сидя въ комедіи, по разнымъ ложамъ и иные въ партерѣ, мы, не говоря ни слова, подавали другъ другу извѣстные условные знаки, куда со-

бираться, и никогда не путались. Два раза только мнѣ пришлось возвращаться домой пѣшкомъ; но это было вмѣсто прогулки.

Въ то время готовились къ войнѣ съ Пруссіею. По договору съ австрійскимъ домомъ императрица должна была выслать на помощь 30 тысячъ человѣкъ: такъ разсчитывалъ великій канцлеръ, графъ Бестужевъ; но австрійскій домъ желалъ, чтобы Россія помогла ему всѣми своими войсками. Чтобы добиться этого, вѣнскій посланникъ, графъ Эстергази, употреблялъ всѣ находившіяся во власти его средства и часто дѣйствовалъ въ одно и то же время разными путями. Противниками Бестужева были вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ, и Шуваловы. Императрица Елисавета съ этого времени стала часто занемогать; сначала не знали, какая у нея болѣзнь, и приписывали ея нездоровье прекращенію мѣсячныхъ очищеній. Часто замѣчали, что Шуваловы ходятъ весьма огорченные и озабоченные, и отъ времени до времени они становятся необыкновенно предупредительны съ великимъ княземъ. Придворные шушукали между собою, увѣряя, что ея величество въ положеніи, несравненно опаснѣйшемъ, нежели говорятъ о томъ; одни называли ея болѣзнь истерическими припадками, другіе обмороками, третьи корчами, раздраженіемъ нервовъ и т. д. Это продолжалось всю зиму съ 1755 по 1756 годъ. Наконецъ, весною мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ ѣдетъ командовать арміею, которой велѣно было идти противъ Пруссіи. Передъ отъѣздомъ явилась къ намъ съ младшею дочерью своею жена его проститься. Я сообщила ей мои опасенія насчетъ здоровья императрицы и сказала, между прочимъ, что мнѣ жаль ея мужа, что онъ уѣзжаетъ въ такое время, когда сила Шуваловыхъ не слишкомъ надежна, что я считаю Шуваловыхъ первыми моими врагами, которые терпѣть не могутъ меня за то, что я предпочитаю имъ ихъ противниковъ, именно графовъ Разумовскихъ. Апраксина все это пересказала мужу, и тотъ былъ очень доволенъ моимъ отзывомъ, равно и графъ Бестужевъ, который не любилъ Шуваловыхъ и былъ хорошъ съ Разумовскими (на одной изъ ихъ племянницъ онъ женилъ своего сына). Фельдмаршалъ Апраксинъ могъ служить полезнымъ посредникомъ между противными партіями, ибо дочь его была въ любовной связи съ графомъ Петромъ Шуваловымъ. Говорили, будто она сдѣлалась его любовницею съ вѣдома отца и матери. Кромѣ того, я хорошо понимала и видѣла ясно, какъ день, что Шуваловъ черезъ Брокдорфа болѣе, чѣмъ когда-либо, старался отдалить отъ меня великаго князя; для этого они употребляли всѣ возможныя средства. Но, несмотря на то, великій князь тогда еще имѣлъ ко мнѣ невольное довѣріе, которое необъяснимымъ образомъ почти всегда сохранялось въ немъ, хотя онъ самъ не замѣчалъ и не подозрѣвалъ того. Въ это время онъ по-

ссорился съ графиней Воронцовой и влюбился въ дѣвицу Теплову, племянницу Разумовскихъ: ему хотѣлось видѣть ее, и онъ совѣтовался со мной, какъ убрать комнату, чтобы она лучше ей понравилась, и для того притащилъ множество ружей, гренадерскихъ киверовъ, перевязей и проч., такъ что комната походила на арсеналъ. Все это онъ показывалъ мнѣ, я ничего не сказала на это и ушла. Кромѣ того, по вечерамъ къ нему приводили маленькую нѣмку-пѣвицу, которую онъ содержалъ, и которую звали Леонорой; она обязана была съ нимъ ужинать. Съ графиней Воронцовой его поссорила принцесса курляндская. Я поистинѣ не умѣю себѣ объяснить, по какой причинѣ эта принцесса пользовалась въ то время при дворѣ извѣстнымъ значеніемъ. Ей тогда было около 30 лѣтъ, она была мала ростомъ, дурнолица, горбата, какъ я говорила выше. Она сумѣла войти въ расположеніе къ императрицыну духовнику и къ старымъ камерфрау ея величества, и ей все прощалось, чтобы она ни дѣлала. Они жила съ фрейлинами ея величества, состоявшими подъ ферулою нѣкоей мадамъ Шмидтъ.

Эта мадамъ Шмидтъ была родомъ чухонка, отличалась необыкновенною толщиною и массивностью, съ повелительными манерами, съ очень грубымъ и мужицкимъ тономъ, оставшимся ей отъ ея молодости. Тѣмъ не менѣе она играла при дворѣ извѣстную роль и находилась подъ непосредственнымъ покровительствомъ старыхъ нѣмокъ и шведокъ, императрицыныхъ камерфрау, а слѣдовательно, и гофмаршала Сиверса, который самъ былъ родомъ изъ Финляндіи и женатъ былъ на дочери мадамъ Крузе; а сестра сей послѣдней, какъ я уже говорила, была одною изъ первыхъ любимицъ. Мадамъ Шмидтъ надзирала за домашнею жизнею фрейлинъ и обращалась съ ними болѣе строго, чѣмъ благоразумно. Сама она никогда не являлась ко двору; въ публикѣ, во главѣ фрейлинъ бывала принцесса курляндская, которой мадамъ Шмидтъ тайно поручала смотрѣть за ихъ поведеніемъ при дворѣ. Отдѣленіе, въ которомъ онѣ помѣщались, состояло изъ ряда комнатъ; на одномъ концѣ жила мадамъ Шмидтъ, на другомъ принцесса курляндская. Фрейлины жили по двѣ, по три и по четыре въ комнатѣ, у каждой своя постель съ занавѣсью; особыхъ выходовъ не было. Съ перваго взгляда казалось, что при такомъ расположеніи комнатъ фрейлены рѣшительно недоступны, потому, что непремѣнно надо было проходить комнатами либо мадамъ Шмидтъ, либо принцессы курляндской; но мадамъ Шмидтъ часто бывала больна разстройствомъ желудка отъ всѣхъ этихъ жирныхъ пироговъ и другихъ лакомыхъ блюдъ, которыя ей присылались родителями фрейлинъ, и такимъ образомъ оставался одинъ выходъ—комната принцессы курляндской. Злые языки говорили, что она взимала плату за проходъ:

можетъ быть это выдумка, но вѣрно то, что принцесса курляндская въ теченіе многихъ лѣтъ совершенно по своему усмотрѣнію распоряжалась замужествомъ императрицыныхъ фрейлинъ, давала за нихъ слово и потомъ брала назадъ, какъ ей хотѣлось. О платежѣ за проходъ разсказывали мнѣ многіе, въ томъ числѣ Левъ Нарышкинъ и графъ Бутурлинъ, что съ нихъ она брала плату, но не деньгами.

Любовныя похожденія великаго князя съ дѣвицею Тепловою продолжались до отъѣзда нашего въ деревню; тамъ они прекратились, потому что лѣтомъ его высочество былъ невыносимъ. Не видя его, Теплова требовала, чтобы онъ писалъ къ ней, по крайней мѣрѣ, разъ или два въ недѣлю, и, думая заохотить его къ такой перепискѣ, прислала ему письмо въ четыре страницы. Получивъ его, онъ пришелъ ко мнѣ въ комнату съ весьма озабоченнымъ видомъ и, указывая на письмо Тепловой, бывшее у него въ рукахъ, сказалъ довольно гнѣвно и нетерпѣливо: «Представьте, она прислала мнѣ письмо на цѣлыхъ четырехъ страницахъ, и воображаетъ, что я стану читать все это, да еще писать ей отвѣтъ, между тѣмъ какъ мнѣ надо идти на ученье (голштинскія войска снова прибыли), потомъ обѣдать, потомъ стрѣлять, потомъ смотрѣть репетицію оперы и балетъ, который будутъ танцовать кадеты; я ей пошлю сказать начисто, что у меня нѣтъ времени; если она разсердится, я брошу ее до зимы». Я отвѣчала, что, безъ сомнѣнія, это будетъ кратчайшій путь. Не правда ли, что все это черты характеристическія? Я поэтому нарочно и привожу ихъ здѣсь. Кадеты очутились въ Ораніенбаумѣ слѣдующимъ образомъ. Весною 1756 г., чтобы отвлечь великаго князя отъ голштинскихъ войскъ, Шуваловы придумали, по ихъ мнѣнію, весьма политическую мѣру. Они убѣдили императрицу поручить его императорскому высочеству начальство надъ сухопутнымъ кадетскимъ корпусомъ, единственнымъ въ то время заведеніемъ этого рода. Въ помощники ему по этой должности былъ опредѣленъ Мельгуновъ, ближайшій другъ и повѣренный тайнъ Ивана Ивановича Шувалова. Жена Мельгунова, нѣмка, была камерфрейлина и одна изъ любимицъ императрицы. Такимъ образомъ Шуваловы имѣли въ комнатахъ великаго князя человѣка, который всегда могъ говорить съ нимъ и былъ совершенно преданъ имъ. Человѣкъ со сто кадетъ были привезены въ Ораніенбаумъ для такъ называемыхъ оперныхъ балетовъ. Съ ними пріѣхалъ и Мельгуновъ и преданнѣйшіе ему корпусные офицеры. Всѣми ими Шуваловы могли пользоваться, какъ соглядатаями. Въ числѣ учителей, пріѣхавшихъ съ кадетами въ Ораніенбаумъ, былъ рейтмейстеръ Циммерманъ, слывшій за лучшаго верховаго ѣздока во всей Россіи. Такъ какъ моя осенняя беременность оказалась ложною, то я вздумала брать уроки у Циммермана, чтобы усовершенствоваться

въ верховой ѣздѣ. Я сказала о томъ великому князю; онъ не представилъ никакихъ возраженій; всѣ прежнія запрещенія и правила, введенныя Чоглоковыми, были давно забыты. Александръ Шуваловъ или не зналъ ихъ, или не соблюдалъ. Впрочемъ, и самъ по себѣ онъ не пользовался уваженіемъ; мы смѣялись надъ нимъ, надъ его женою, дочерью, зятемъ, почти въ глаза имъ. Они должны были выносить насмѣшки, потому что были самые ничтожные, самые дрянные люди. Графиню Шувалову я прозвала солянымъ столбомъ. Она была сухощавое, маленькое, низенькое существо: скупость проглядывала даже въ ея нарядѣ, она носила узкія юбки, всегда однимъ полотнищемъ меньше, чѣмъ было нужно, и чѣмъ у другихъ женщинъ. Дочь ея, графиня Головкина, наряжалась точно также; въ ихъ головномъ уборѣ, въ дрянныхъ нарукавникахъ, всегда чего-нибудь недоставало. Хотя онѣ были очень достаточные и богатые люди, но соотвѣтственно своимъ душенкамъ любили все мелкое и узкое. Начавши правильные уроки верховой ѣзды, я снова пристрастилась къ этому упражненію. Я вставала въ 6 часовъ утра, одѣвалась по-мужски и шла въ садъ свой, тамъ у меня было устроено особое мѣсто на чистомъ воздухѣ, служившее мнѣ манежемъ. Успѣхи мои были такъ быстры, что часто Циммерманъ подбѣгалъ ко мнѣ изъ середины манежа и въ какомъ-то невольномъ восторгѣ со слезами на глазахъ цѣловалъ у меня сапогъ. Однажды онъ воскликнулъ: «Во всю жизнь у меня не было ученика, которымъ бы я могъ такъ гордиться, и который бы дѣлалъ такіе успѣхи въ такое короткое время»! — На этихъ урокахъ присутствовали только старый хирургъ мой Гіонъ, одна камерфрау и нѣсколько человѣкъ лакеевъ. Я была очень прилежна и брала эти уроки каждое утро, кромѣ воскресенья; и, по правиламъ манежа, Циммерманъ въ награду трудовъ моихъ подарилъ мнѣ серебряныя шпоры. Въ три недѣли я прошла весь курсъ верховой ѣзды, и къ осени Циммерманъ привелъ лошадь для вольтижированья, и затѣмъ хотѣлъ дать мнѣ стремена; но накануне того дня, когда я должна была начать вольтижированье, пришлось отложить его до слѣдующей весны, потому что намъ приказано было ѣхать въ городъ.

Этимъ лѣтомъ графъ Понятовскій ѣздилъ въ Польшу, откуда потомъ возвратился въ качествѣ министра польскаго короля. Передъ отъѣздомъ онъ пріѣзжалъ въ Ораніенбаумъ проститься съ нами. Съ нимъ былъ тогда графъ Горнъ, привезшій въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ моей бабушки, матери шведскаго короля. Шведскій король нарочно далъ ему это порученіе, чтобы спасти его отъ преслѣдованія французской партіи, или партіи шапокъ, враждовавшей съ партіею колпаковъ, которая была привержена къ Россіи. Преслѣдованіе это на сеймѣ 1756 г. достигло такихъ размѣровъ, что почти всѣ пред-

ставители русской партіи были перебиты. Графъ Горнъ самъ говорилъ мнѣ, что и ему не избѣжать бы этой участи, если бы онъ не пріѣхалъ въ Петербургъ. Графъ Понятовскій и графъ Горнъ оставались въ Ораніенбаумѣ двое сутокъ; въ первый день великій князь обращался съ ними очень хорошо, на второй они ему наскучили, потому что онъ тогда занятъ былъ свадьбою одного егеря, и ему хотѣлось идти туда на попойку; видя же, что графы Понятовскій и Горнъ не уѣзжаютъ, онъ бросилъ ихъ и предоставилъ мнѣ хозяйничать въ домѣ. Послѣ обѣда я повела оставшееся мнѣ общество, которое было не очень многолюдно, показать внутренніе покои великаго князя и мои. Когда мы пришли въ мой кабинетъ, моя маленькая болонка выбѣжала къ намъ навстрѣчу и принялась изо всѣхъ силъ лаять на графа Горна, но, увидавъ графа Понятовскаго, можно сказать, чуть не взбѣсилась отъ радости. Такъ какъ кабинетъ былъ не великъ, то, кромѣ Льва Нарышкина, его невѣстки и меня, казалось, никто не замѣтилъ этого; но графъ Горнъ догадался, въ чемъ дѣло, и когда я проходила черезъ комнаты назадъ въ залу, онъ дернулъ за полу графа Понятовскаго и сказалъ ему: «другъ мой, нѣтъ ничего опаснѣе на свѣтѣ маленькой болонки: женщинамъ, которыхъ я любилъ, я всегда даривалъ прежде всего маленькую болонку, и черезъ нее всегда узнавалъ, есть или нѣтъ у меня соперникъ; это вѣрное и надежное правило. Вы видѣли, собачка чуть не съѣла меня, потому что она меня не знаетъ, между тѣмъ какъ, увидавъ васъ, она не знала, куда дѣваться отъ радости; нѣтъ сомнѣнія, что вы попались ей на глаза не въ первый разъ». Графъ Понятовскій хотѣлъ все это обратить въ шутку, но не могъ его разувѣрить. Графъ Горнъ просто сказалъ ему: «не бойтесь ничего, я человѣкъ скромный». На утро они уѣхали. Графъ Горнъ говаривалъ, что если онъ влюблялся, то всегда въ трехъ женщинъ разомъ. Онъ исполнилъ это на нашихъ глазахъ и въ Петербургѣ ухаживалъ за тремя дѣвушками. Черезъ два дня послѣ того Понятовскій уѣхалъ къ себѣ на родину. Во время его отсутствія кавалеръ Вильямсъ увѣдомилъ меня черезъ Льва Нарышкина, что великій канцлеръ Бестужевъ противодѣйствуетъ возвращенію графа Понятовскаго и проситъ его написать графу Брюлю, бывшему тогда любимцемъ и министромъ короля польскаго, чтобы тотъ не посылалъ Понятовскаго въ Россію. Вильямсъ не исполнилъ этой коммиссіи, но не сказалъ о томъ великому канцлеру, боясь, чтобы тотъ не поручилъ ея кому-нибудь другому, кто, можетъ быть, исполнилъ бы ее съ большою точностію. Вильямсъ говорилъ Нарышкину, что не хотѣлъ вредить своему другу, желавшему непремѣнно возвратиться въ Россію. Онъ подозрѣвалъ, что графъ Бестужевъ съ давнихъ поръ распоряжается польско-саксонскими министрами, и хо-

четъ имѣть на этомъ мѣстѣ кого-нибудь изъ преданныхъ себѣ людей. Тѣмъ не менѣе, Понятовскій получилъ его и къ зимѣ возвратился въ качествѣ польскаго посланника; саксонская же миссія осталась въ непосредственномъ распоряженіи графа Бестужева. За нѣсколько времени передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Ораніенбаума туда пріѣхали князь и княгиня Голицыны вмѣстѣ съ Бецкимъ; они отправились въ чужіе края для здоровья; въ особенности же Бецкому нужно было разгуляться послѣ глубокой горести, причиненной ему кончиною принцессы Гессенъ-Гамбурской, урожденной княгини Трубецкой: княгиня Голицына была ея дочь отъ перваго брака съ господаремъ валашскимъ, княземъ Кантемиромъ. Княгиня Голицына и Бецкій были старые мои знакомые, потому я старалась принять ихъ въ Ораніенбаумѣ какъ можно лучше, и все имъ показывала. Мы ѣздили по окрестностямъ Ораніенбаума, и я возила княгиню Голицыну въ кабріолетѣ, которымъ сама правила. Княгиня Голицына была женщина довольно странная и очень ограниченная; дорогою она начала дѣлать мнѣ намеки, изъ которыхъ я должна была заключить, что она думаетъ, будто я на нее сержусь. Я говорила, что я противъ нея вовсе ничего не имѣю и даже не понимаю, за что бы я могла на нее сердиться, такъ какъ у насъ никогда не было никакихъ споровъ. «Я боюсь, отвѣчала она, что графъ Понятовскій очернилъ меня въ глазахъ вашихъ». Это меня чрезвычайно озадачило: я принялась увѣрять ее, что все это ей только такъ кажется, и что графъ Понятовскій никакъ не могъ чернить ее, и особливо въ моихъ глазахъ, потому что онъ давно уѣхалъ, я же встрѣчалась съ нимъ только въ обществѣ, какъ съ иностранцемъ. Я прибавила, что не понимаю, откуда пришло ей все это въ голову. Возвратившись домой, я позвала Льва Нарышкина и передала ему этотъ разговоръ, который мнѣ казался столь же не скромнымъ и дерзкимъ, какъ и глупымъ. Тотъ на это сказалъ мнѣ, что въ теченіе послѣдней зимы княгиня Голицына всѣми мѣрами старалась привлечь къ себѣ графа Понятовскаго, который изъ вѣжливости и приличія долженъ былъ оказывать ей нѣкоторое вниманіе, что она была съ нимъ необыкновенно предупредительна, но онъ съ своей стороны, разумѣется, не могъ платить ей тѣмъ же, потому что она была стара, дурна, глупа и вздорна, можно сказать, даже взбалмошна; видя, что онъ вовсе не отвѣчаетъ ея желаніямъ, она, по всему вѣроятію, стала подозрѣвать, изъ-за какихъ причинъ онъ безпрестанно бываетъ у Нарышкиныхъ и проводитъ время со Львомъ и его невѣсткой. Во время короткаго пребыванія княгини Голицыной въ Ораніенбаумѣ у меня была страшная перебранка съ великимъ княземъ изъ-за моихъ фрейлинъ, въ которыхъ онъ безпрестанно влюблялся. Замѣтивъ, что онѣ во многихъ случаяхъ

пренебрегаютъ своими обязанностями, иногда даже не оказываютъ мнѣ должнаго повиновенія и почтенія, я однажды послѣ обѣда пошла въ ихъ отдѣленіе и стала дѣлать имъ выговоры, напоминая имъ долгъ ихъ относительно меня и увѣряя, что пожалуюсь императрицѣ, если онѣ впередъ будутъ вести себя такъ. Однѣ всполошились, другія обидѣлись, третьи стали плакать; но только-что я ушла, онѣ немедленно пересказали великому князю о томъ, что происходило въ ихъ комнатахъ. Его императорское высочество взбѣленился, тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ и началъ говорить, что больше нѣтъ никакихъ средствъ жить со мной, что я съ каждымъ днемъ становлюсь болѣе горда и высокомѣрна, что я требую отъ фрейлинъ повиновенія и почтенія и отравляю имъ жизнь, такъ что онѣ цѣлый день проливаютъ горькія слезы; что я обращаюсь съ ними, какъ съ служанками, между тѣмъ какъ онѣ благороднаго сословія; что если я вздумаю жаловаться на нихъ императрицѣ, то онъ самъ пожалуется на меня, на мою гордость, на мое коварство, на мою притязательность, и Богъ знаетъ чего еще не наговорилъ онъ мнѣ. Я выслушала его также не безъ волненія и отвѣчала, что онъ можетъ говорить обо мнѣ, что ему угодно, что если дѣло дойдетъ до тетушки, то она, безъ сомнѣнія, найдетъ наилучшимъ прогнать дрянныхъ сплетницъ, которыя своими пересказами ссорятъ ея племянника съ племянницей; что для возстановленія согласія между имъ и мною, и чтобы ей больше не надоѣдали подобными жалобами, — ея величество выберетъ именно этотъ путь, и что дѣло кончится непремѣнно ссылкою фрейлинъ. Тутъ онъ присмирѣлъ; онъ былъ очень подозрителенъ; ему показалось, что я знаю намѣренія императрицы относительно фрейлинъ больше, чѣмъ показываю, и что онѣ въ самомъ дѣлѣ могутъ быть изъ-за этого сосланы. «Скажите, пожалуйста,—сталъ говорить онъ,— развѣ вы знаете что-нибудь объ этомъ? развѣ объ этомъ уже говорили?» Я отвѣчала, что если дѣло дойдетъ до того, что надо будетъ довести его до свѣдѣнія императрицы, то я не сомнѣваюсь, что она покончитъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ. Тогда онъ задумался, началъ ходить по комнатѣ большими шагами, совсѣмъ притихъ, почти пересталъ на меня дуться и потомъ ушелъ. Въ тотъ же вечеръ я призвала одну изъ фрейлинъ, которая мнѣ казалась умнѣе другихъ, и передала ей, какую сцену я имѣла, благодаря ихъ неблагоразумнымъ переносамъ; съ этихъ поръ онѣ стали осторожнѣе и уже не прибѣгали къ крайнимъ мѣрамъ, боясь, чтобы самимъ не попасть въ бѣду.

Осенью мы возвратились въ городъ. Вскорѣ затѣмъ кавалеръ Вильямсъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Англію. Онъ не достигъ своей цѣли въ Россіи. На другой же день послѣ своего представленія

императрицѣ, онъ предложилъ заключить союзъ между Россіей и Англіей; графъ Бестужевъ получилъ соизволеніе и полномочіе на этотъ договоръ; дѣйствительно, договоръ былъ подписанъ великимъ канцлеромъ, и посланникъ не могъ нарадоваться своему успѣху, какъ на другой день графъ Бестужевъ прислалъ ему ноту, въ которой извѣщалъ, что Россія присоединяется къ конвенціи, заключенной въ Версалѣ между Австріей и Франціей. Это было громовымъ ударомъ для англійскаго посланника, который, такимъ образомъ, какъ казалось, былъ проведенъ и обманутъ въ этомъ дѣлѣ великимъ канцлеромъ, но дѣло въ томъ, что самъ графъ Бестужевъ былъ не властенъ въ своихъ поступкахъ: его пріятели начинали брать надъ нимъ верхъ; они интриговали, или, лучше сказать, подчинялись интригамъ, имѣвшимъ цѣлью увлечь ихъ во французско-австрійскую партію, къ которой, впрочемъ, и сами они были склонны; Шуваловы, и особливо Иванъ Ивановичъ, до безумія любили Францію и все французское. Имъ помогалъ вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ, получившій за эту услугу отъ Людовика XV мебелей для дома, который онъ тогда выстроилъ въ Петербургѣ; это были старыя мебели, которыя начинали надоѣдать маркизѣ Помпадуръ; она съ барышемъ продала ихъ королю, своему любовнику. Вице-канцлеръ, кромѣ выгоды, имѣлъ еще другое побужденіе, именно, ослабить кредитъ непріятеля своего, графа Бестужева, и перепродать его мѣсто Петру Шувалову; ему хотѣлось захватить въ свои руки всю торговлю русскимъ табакомъ для того, чтобы продавать его во Францію.

Къ концу этого года графъ Понятовскій возвратился въ Петербургъ министромъ польскаго короля. Зимою съ 1756 на 1757 годъ мы вели точно такой же образъ жизни, какъ и въ прошедшую зиму: тѣ же балы, тѣ же концерты, тѣ же сходки. По возвращеніи нашемъ въ городъ, гдѣ я могла ближе видѣть вещи, я стала замѣчать, что интриганъ Брокдорфъ началъ очень вкрадываться въ расположеніе великаго князя, въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ себѣ довольно много помощниковъ въ голштинскихъ офицерахъ, которыхъ, по его внушенію, великій князь оставилъ на эту зиму въ Петербургѣ. Число ихъ простиралось, по крайней мѣрѣ, до двадцати человѣкъ, не считая въ томъ числѣ еще нѣсколькихъ голштинскихъ солдатъ. Офицеры постоянно были въ обществѣ великаго князя, а солдаты служили у него въ комнатѣ камерлакеями, на побѣгушкахъ, и употреблялись на всякаго рода послуги; въ сущности, все это были соглядатаи, разставленные гг. Брокдорфомъ и К°. Въ эту зиму я выжидала благопріятной минуты, чтобы серьезно поговорить съ великимъ княземъ и откровенно высказать ему мои мысли о людяхъ, которые его окружали, и о проискахъ, которые я замѣчала. Случай представился, и я

не пропустила его. Самъ великій князь однажды пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ сказать, что его убѣждаютъ употребить мѣру, будто бы неизбѣжную, и послать въ Голштинію секретную бумагу съ приказомъ взять подъ стражу Элендсгейма. Этотъ Элендсгеймъ былъ мѣщанскаго происхожденія, но своими свѣдѣніями и способностями достигъ значительнаго мѣста, пріобрѣлъ большое значеніе и былъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ Голштиніи. Я спросила великаго князя, какія на него есть жалобы, и что онъ такое сдѣлалъ, за что слѣдуетъ арестовать его. На это онъ мнѣ отвѣчалъ: „видите, говорятъ, что его подозрѣваютъ въ лихоимствѣ. — Кто же обвинители? — спросила я. — О! обвинителей нѣтъ, — сказалъ онъ съ большою увѣренностью:—ибо въ Голштиніи всѣ его боятся и уважаютъ; поэтому и слѣдуетъ взять его подъ стражу; меня увѣряютъ, что, какъ скоро я прикажу его арестовать, обвинителей найдется множество". Меня ужаснули эти слова, и я отвѣчала: „если поступать такимъ образомъ, то въ мірѣ не найдется невиннаго человѣка; стоитъ только какому-нибудь завистнику распустить въ публикѣ какой вздумается пустой слухъ, сказавши, что обвиненія и преступленія найдутся послѣ, можно арестовать кого угодно; этакъ дѣлаютъ варвары, мой другъ, какъ говорится въ пѣснѣ (c'est à la façon de Barbarie, mon ami); вамъ совѣтуютъ поступить вопреки вашей славѣ и вопреки вашему чувству справедливости. Кто даетъ вамъ такіе дурные совѣты? — позвольте мнѣ васъ спросить объ этомъ". Мой великій князь нѣсколько смутился этимъ вопросомъ и сказалъ: „вы всегда хотите быть умнѣе другихъ". Тогда я ему отвѣчала, что говорю не для того, чтобы блеснуть умомъ своимъ, но потому, что ненавижу неправду и думаю, что онъ никакимъ образомъ не захочетъ добровольно сдѣлать неправду. Тутъ онъ принялся ходить по комнатѣ большими шагами, и потомъ вышелъ, болѣе волнуясь, нежели сердясь на меня. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и сказалъ: „подите ко мнѣ; Брокдорфъ разскажетъ вамъ дѣло Элендсгейма; вы увидите сами и убѣдитесь, что я долженъ его арестовать". Я отвѣчала: „очень рада, пойду къ вамъ и, коли вамъ угодно, выслушаю, что онъ будетъ говорить вамъ". Дѣйствительно, я нашла Брокдорфа въ комнатѣ великаго князя, который сказалъ ему: „говорите съ великой княгиней". Брокдорфъ нѣсколько смутился, поклонился великому князю и сказалъ ему: „по приказанію вашего высочества, я буду говорить съ великою княгинею". Тутъ онъ сдѣлалъ паузу и потомъ сказалъ: „это дѣло такого свойства, что его надо вести съ великою тайною и благоразуміемъ". Я слушала. „Вся Голштинская земля наполнена разсказами о мздоимствѣ и притѣсненіяхъ Элендсгейма. Правда, что обвинителей нѣтъ, потому что всѣ его боятся; но, когда онъ будетъ

подъ арестомъ, то обвинителей можно найти сколько угодно". Я спросила его, въ чемъ именно заключаются эти притѣсненія и взятки и увидала, что утайки денегъ даже и не могло быть, потому что деньги великаго князя были не у него въ рукахъ; мздоимствомъ же называли то, что во всякомъ судебномъ дѣлѣ одна изъ тяжущихся сторонъ обыкновенно жаловалась на несправедливость и говорила, будто противная сторона выиграла дѣло, подкупивъ судей, а Элендсгеймъ завѣдывалъ судебнымъ департаментомъ. Впрочемъ, Брокдорфъ могъ, сколько ему угодно, блистать краснорѣчіемъ и познаніями, онъ не убѣдилъ меня, и я продолжала, въ присутствіи великаго князя, утверждать, что его высочество сдѣлаетъ вопіющую несправедливость, послушавшись своихъ совѣтниковъ и пославъ приказаніе арестовать человѣка, противъ котораго не было ни формальной жалобы, ни формальнаго обвиненія. Я говорила Брокдорфу, что такимъ манеромъ великій князь можетъ во всякую минуту приказать его запереть въ сундукъ, сказавши, что вина и обвиненія найдутся послѣ, и что въ судебныхъ дѣлахъ вовсе неудивительно, если проигравшій дѣло жалуется и говоритъ, что съ нимъ поступили несправедливо. Я прибавила къ этому, что великій князь болѣе, чѣмъ кто-либо, долженъ соблюдать осторожность въ подобныхъ случаяхъ, потому что горькій опытъ показалъ ему, до чего могутъ довести взаимное преслѣдованіе и ненависть партій; не дальше какъ два, или много три года тому назадъ, по моему ходатайству, его высочество приказалъ даровать свободу Гольмеру, котораго лѣтъ шесть или восемь держалъ въ заточеніи, требуя отъ него отчета въ дѣлахъ, совершившихся въ Голштиніи во время малолѣтства великаго князя, и когда Голштиніею правилъ опекунъ его, наслѣдный принцъ Шведскій. Гольмеръ, состоявшій при семъ послѣднемъ, уѣхалъ за нимъ въ Швецію и возвратился оттуда уже въ то время, когда великій князь подписалъ и выслалъ бумагу, въ которой формально одобрялъ все сдѣланное во время его малолѣтства; но, тѣмъ не менѣе, его убѣдили арестовать Гольмера и назначить коммиссію для разбора дѣлъ, совершившихся во время управленія принца Шведскаго; коммиссія эта, начавши дѣйствовать съ большою строгостію, открыла обширное поприще всякаго рода доносамъ, и потомъ, ничего не нашедши, за неимѣніемъ дѣлъ заснула летаргическимъ сномъ; но несчастный Гольмеръ все это время томился въ заточеніи, разлученный съ женою, дѣтьми, друзьями и родственниками; наконецъ, вся Голштинія пришла въ негодованіе по поводу этого дѣла, которое велось съ вопіющею несправедливостью и деспотизмомъ и, конечно, протянулось бы еще очень долго, если бы я не посовѣтовала великому князю разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ, пославши приказаніе даровать Гольмеру свободу и уничтожить ком-

миссію, стоившую сверхъ того немало денегъ, между тѣмъ какъ казна великаго князя въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ и безъ того была очень истощена. Но напрасно я приводила этотъ разительный примѣръ; великій князь, какъ кажется, не слушалъ и думалъ о чемъ-то другомъ, а Брокдорфъ, закоренѣлый въ зложелательствѣ, ограниченный умомъ и упрямый, какъ чурбанъ, не прерывалъ меня, потому что ему нечего было возразить; а когда я ушла, онъ сказалъ великому князю, что я все это говорила изъ властолюбія, что я всегда возстаю противъ тѣхъ мѣръ, которыя присовѣтованы не мною, что я ничего не понимаю въ дѣлахъ, что женщины всегда во все хотятъ мѣшаться и только портятъ дѣло, и что въ особенности мѣры рѣшительныя выше ихъ пониманія. Наконецъ, онъ добился, того, что одержалъ верхъ намъ моимъ мнѣніемъ, и убѣжденный имъ, великій князь велѣлъ сочинить, подписалъ и отправилъ приказъ объ арестованіи Элендсгейма. Я узнала о томъ отъ секретаря великаго князя, Зейца, который состоялъ при Пехлинѣ и былъ женатъ на дочери моей повивальной бабушки. Вообще партія Пехлина не одобряла этихъ насильственныхъ и неумѣстныхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ Брокдорфъ наводилъ страхъ на нее и на всю Голштинію. Какъ скоро я узнала, что Брокдорфъ своими происками одержалъ верхъ надо мною въ столь несправедливомъ дѣлѣ и сдѣлалъ напрасными всѣ мои представленія великому князю, я твердо рѣшилась дать ему почувствовать вполнѣ мое негодованіе. Я сказала Зейцу и велѣла сказать Пехлину, что съ этой минуты я смотрю на Брокдорфа, какъ на чуму, отъ которой надо бѣжать, и употреблю всѣ зависящія отъ меня [средства, чтобы удалить его отъ великаго князя. Дѣйствительно, я старалась при всякомъ случаѣ выказывать презрѣніе и отвращеніе, внушаемыя мнѣ поступками этого человѣка; я осыпала его всѣми возможными насмѣшками, и всякому, кто ни попадался мнѣ, передавала мое мнѣніе о немъ. Левъ Нарышкинъ и другіе молодые люди помогали мнѣ въ этомъ и потѣшались надъ нимъ. Когда Брокдорфъ проходилъ по комнатамъ, всѣ кричали ему вслѣдъ: „баба птица! баба птица!“ Это было его прозвище. Эта птица самая безобразная изъ всѣхъ извѣстныхъ птицъ, точно такъ же, какъ Брокдорфъ былъ безобразнѣйшій изъ людей и по внутреннимъ качествамъ, и по внѣшнему виду. Онъ былъ высокаго роста, долгошея, сверхъ того рыжій и носилъ парикъ на мѣдныхъ пружинахъ; голова его была толстая и плоская; глаза впалые, маленькіе, почти безъ рѣсницъ и бровей; углы рта понижались къ подбородку, отъ чего онъ имѣлъ какой-то жалобный и недовольный видъ. О внутреннихъ его качествахъ сказано выше; надо еще прибавить, что онъ былъ чрезвычайно корыстолюбивъ и бралъ деньги отъ вся-

каго, кто ему давалъ, и чтобы августѣйшій государь его со временемъ не сталъ взыскивать съ него за взятки, онъ воспользовался его постоянною нуждою и убѣдилъ его послѣдовать своему примѣру, и, такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, доставлялъ ему денегъ, продавая ордена и титулы голштинскіе тѣмъ, кто хотѣлъ за нихъ платить, либо заставляя великаго князя хлопотать въ русскихъ присутственныхъ мѣстахъ и Сенатѣ по разнаго рода дѣламъ, часто несправедливымъ, иногда вреднымъ для государства, какъ-то по монополіямъ и пошлинамъ, которыя безъ его ходатайства, конечно, не удались бы, потому что были противны законамъ Петра I. Кромѣ того, благодаря Брокдорфу, великій князь все болѣе и болѣе предавался пьянству и бражничеству; Брокдорфъ окружалъ его всякаго рода искателями приключеній, людьми изъ казармъ и трактировъ, какъ нѣмецкихъ, такъ и петербургскихъ, не имѣвшими ни вѣры, ни совѣсти, занимавшимися исключительно питьемъ, ѣдою, куреньемъ и грубымъ, пошлымъ балагурствомъ. Я старалась словомъ и дѣломъ ослабить вліяніе Брокдорфа; но видя, что все это не удается, и что, напротивъ, великій князь еще больше привязывается къ нему, я рѣшилась передать графу Шувалову мои мысли объ этомъ предметѣ и сказала, что считаю Брокдорфа человѣкомъ, котораго чрезвычайно опасно оставлять подлѣ молодаго князя, долженствующаго со временемъ вступить на престолъ великой имперіи, и что я поставила себѣ долгомъ совѣсти поговорить съ нимъ объ этомъ, дабы онъ могъ предупредить императрицу, или принять мѣры, какія найдетъ приличными. Онъ спросилъ, позволю ли я сослаться на меня. Я отвѣчала, что да и что если императрица станетъ спрашивать меня самоё, то я не запрусь и разскажу ей все, что знаю и вижу. Графъ Шуваловъ очень внимательно слушалъ меня и моргалъ, но онъ никогда не рѣшался дѣйствовать, не поговоривъ напередъ съ братьями, роднымъ Петромъ и двоюроднымъ Иваномъ. Долго онъ ничего не говорилъ мнѣ; наконецъ, дано мнѣ знать намеками, что, можетъ быть, императрица войдетъ со мною въ объясненія по этому предмету. Тѣмъ временемъ, въ одно прекрасное утро, великій князь явился ко мнѣ въ комнату, подпрыгивая; за нимъ вслѣдъ вбѣжалъ его секретарь Зейцъ съ бумагою въ рукѣ. Великій князь сказалъ мнѣ: „посмотрите, вотъ несносный человѣкъ! Я вчера много пилъ и нынче еще хмѣленъ, а онъ вздумалъ приставать ко мнѣ съ дѣлами. Взгляните, цѣлый листъ — одинъ только списокъ дѣлъ, которыя онъ хочетъ, чтобъ я кончилъ. Я не могу отъ него спастись даже въ вашей комнатѣ“. Зейцъ сказалъ мнѣ: „На все это нужно только да или нѣтъ; все можно кончить въ четверть часа“. Я сказала: „Ну, такъ что же? Попробуйте, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, вы кончите ско-

рѣе, чѣмъ думали". Зейцъ началъ читать, и по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, я говорила да или нѣтъ. Это понравилось великому князю, и Зейцъ сказалъ ему: „Вотъ, ваше высочество, если бы вы позволили такъ дѣлать по два раза въ недѣлю, ваши дѣла не останавливались бы; это пустяки, но надо, чтобы они шли своимъ чередомъ; великая княгиня кончила все, сказавши шесть *да* и шесть *нѣтъ*". Съ этихъ поръ его императорское высочество сталъ присылать ко мнѣ Зейца всякій разъ, какъ тотъ требовалъ отъ него *да* или *нѣтъ*. Черезъ нѣсколько времени я сказала ему, чтобы онъ далъ мнѣ подписанный указъ, какія дѣла я могу рѣшать и какія нѣтъ, безъ его спросу. Онъ согласился на это, и объ этомъ распоряженіи знали только Пехлинъ, Зейцъ, да я. Пехлинъ и Зейцъ были въ восторгѣ; когда нужно бывало подписывать, великій князь подписывалъ то, что напередъ было рѣшено мною. Дѣло Элендсгейма оставалось въ рукахъ Брокдорфа; но такъ какъ Элендсгеймъ уже былъ подъ арестомъ, то Брокдорфъ не торопился рѣшеніемъ его участи; собственно, ему только и хотѣлось удалить Элендсгейма отъ дѣлъ и показать въ Голштиніи свое значеніе при великомъ князѣ. Однажды, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ и выбравши минуту, я сказала великому князю, что если ему такъ скучно заниматься голштинскими дѣлами, то по этому образчику онъ можетъ судить, какъ много у него будетъ дѣла, когда ему достанется Русская имперія, и поэтому онъ долженъ впередъ сообразить, какъ тяжело ему будетъ тогда заниматься дѣлами. На это онъ сказалъ мнѣ то же, что я много разъ слышала отъ него прежде, именно, что онъ чувствуетъ, что не рожденъ для Россіи, что ни онъ не годенъ для русскихъ, ни русскіе для него, и что ему непремѣнно придется погибнуть въ Россіи. На этотъ счетъ я сказала ему тоже, что онъ слышалъ отъ меня также много разъ прежде, именно, что ему не слѣдуетъ предаваться такой фаталистической идеѣ, что онъ долженъ, по мѣрѣ возможности, стараться о пріобрѣтеніи любви каждаго русскаго и просить императрицу, чтобы она позволила ему знакомиться съ государственными дѣлами; по моему настоянію, онъ сталъ просить позволенія участвовать въ конференціяхъ, которыя заступали мѣсто совѣта; онъ, дѣйствительно, сказалъ о томъ Шуваловымъ, и императрица позволила ему бывать на конференціяхъ всякій разъ, когда она сама на нихъ будетъ; но это значитъ почти, что онъ совсѣмъ не допущенъ, потому что императрица засѣдала съ нимъ на конференціяхъ всего два или три раза, и послѣ ни она, ни онъ больше не ходили туда. Вообще я давала великому князю благіе и полезные для него совѣты; но тотъ, кто совѣтуетъ, не можетъ совѣтывать иначе, какъ по своему разуму и по своему образу мыслей, согласно съ тѣмъ, какъ онъ самъ понимаетъ вещи и

обращается съ ними; великій же князь считалъ мои совѣты дурными, потому что его образъ дѣйствій и обращенія съ вещами вовсе не похожи были на мой, и по мѣрѣ того, какъ мы старѣли годами, это различіе все больше обнаруживалось. Я старалась всегда во всѣхъ случаяхъ, сколько могла, стремиться къ справедливости; онъ, напротивъ, съ каждымъ днемъ удалялся отъ нея, такъ что, наконецъ, сдѣлался отъявленнымъ лгуномъ. Путь, по которому онъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ, весьма замѣчателенъ, и потому я постараюсь показать его; можетъ быть, черезъ это обнаружится направленіе человѣческаго ума въ этомъ случаѣ, и это послужитъ къ предостереженію или исправленію людямъ, чувствующимъ въ себѣ наклонность къ такому пороку. Первая ложь, выдуманная великимъ княземъ. была слѣдующая. Чтобы похвастаться передъ молодыми женщинами и дѣвушками, онъ воспользовался ихъ невѣдѣніемъ и сталъ разсказывать, будто, когда объ былъ въ Голштиніи у отца своего, отецъ далъ ему начальство надъ отрядомъ гвардейцевъ и послалъ овладѣть египетскимъ войскомъ, которое бродило въ окрестностяхъ города Киля и совершало, по его словамъ, страшныя опустошенія; онъ передавалъ подробности этихъ опустошеній, разсказывалъ, какія хитрости были употреблены имъ, чтобы окружить египтянъ, какъ онъ дрался съ ними, оказывалъ въ этихъ сраженіяхъ чудеса храбрости и ловкости и какъ, наконецъ, захватилъ и привелъ египтянъ въ Киль. Сначала онъ имѣлъ осторожность разсказывать все это людямъ несвѣдущимъ; мало-по-малу сталъ смѣлѣе и пускался въ розсказни передъ людьми, на скромность которыхъ могъ разсчитывать и зналъ, что они не изобличатъ его во лжи; но когда онъ вздумалъ изложить свое сочиненіе въ моемъ присутствіи, я спросила его, за сколько лѣтъ до смерти его отца произошло это событіе. „Года за три, за четыре“, отвѣчалъ онъ, нисколько не задумавшись. „Ну, такъ вы очень рано начали совершать храбрые подвиги,—возразила я,—потому что за три или за четыре года до смерти герцога, отца вашего, вамъ всего было шесть или семь лѣтъ; вы остались послѣ него одиннадцати лѣтъ, подъ опекою дяди моего, наслѣднаго принца Шведскаго. Кромѣ того,—прибавила я,—вы были единственный сынъ, и въ дѣтствѣ, какъ я слышала, не пользовались крѣпкимъ здоровьемъ; поэтому мнѣ удивительно, какимъ образомъ отецъ могъ посылать васъ ловить разбойниковъ, и при томъ еще въ такомъ нѣжномъ возрастѣ. Великій князь страшно разсердился на меня, говоря, что я унижаю его во мнѣніи публики и хочу, чтобы его считали лгуномъ. Я отвѣчала, что его изобличаю не я, а календарь; что пусть онъ самъ разсудитъ, есть ли человѣческая возможность посылать ребенка 6-ти или 7-ми лѣтъ, единственнаго сына и наслѣднаго принца, всю на-

дежду отца—ловить египтянъ. Онъ замолчалъ, я также. Онъ долго послѣ этого дулся на меня; но потомъ забылъ, что я ему говорила, и сталъ по-прежнему, даже въ моемъ присутствіи, разсказывать свою повѣсть, разнообразя ее до безконечности. Послѣ этого онъ выдумалъ другую ложь, несравненно болѣе постыдную и вредную для него, но о ней я скажу въ своемъ мѣстѣ. Въ настоящее время мнѣ невозможно припоминать всѣхъ выдумокъ и бредней, которыя онъ выдавалъ за настоящія событія, и въ которыхъ не было тѣни правды. Достаточно, думаю, приведеннаго образчика.

Въ исходѣ масленицы, въ четвергъ, у насъ былъ балъ. Я сидѣла между невѣсткой Льва Нарышкина и его сестрою, Сенявиной; мы смотрѣли, какъ Марина Осиповна Закревская, фрейлина императрицы и племянница графовъ Разумовскихъ, танцовала менуетъ; она въ то время была ловка и легка; говорили, что графъ Горнъ очень влюбленъ въ нее; но такъ какъ онъ всегда влюблялся разомъ въ трехъ, то разсказывали, будто онъ волочится еще за двумя другими фрейлинами императрицы, графиней Марьей Романовной Воронцовой и Анной Алексѣевной Хитровой. Мы находили, что Закревская, танцовавшая съ Львомъ Нарышкинымъ, довольно мила и танцуетъ хорошо. По этому случаю невѣстка и сестра Льва Нарышкина сказали мнѣ, что мать хочетъ женить его на Хитровой, племянницѣ Петра и Александра Шуваловыхъ, сестра которыхъ была за Хитровымъ. Сей послѣдній часто ѣздилъ въ домъ къ Нарышкинымъ, и мать Льва стала думать объ этомъ бракѣ. Ни Сенявина, ни невѣстка ея вовсе не дорожили родствомъ съ Шуваловыми, которыхъ онѣ не любили, какъ я сказала выше. Что касается до Льва, то онъ и не подозрѣвалъ намѣренія матери, онъ былъ влюбленъ въ упомянутую выше графиню Марью Воронцову. Услышавши это, я сказала Сенявиной и Нарышкиной, что непремѣнно надо разстроить этотъ бракъ, такъ какъ Хитрову никто терпѣть не могъ (она была интриганка и вздорная сплетница), и что слѣдуетъ дѣйствовать рѣшительно и дать Льву жену, которая бы была заодно съ нами, и для этого женить его на помянутой племянницѣ графовъ Разумовскихъ, тѣмъ болѣе, что Сенявина и Нарышкина любили ее, и она постоянно бывала у нихъ въ домѣ. Обѣ онѣ согласились со мною. На другой день, на придворномъ маскарадѣ, я подошла къ фельдмаршалу Разумовскому, бывшему тогда украинскимъ гетманомъ, и сказала ему напрямикъ, какъ ему не стыдно не похлопотать для своей племянницы о такой прекрасной партіи, какъ Левъ Нарышкинъ; что мать хочетъ женить его на Хитровой, но сестра его, невѣстка и я находимъ, что ему гораздо лучше жениться на Закревской; и что онъ, Разумовскій, долженъ, не теряя времени, приняться за дѣло. Фельдмаршалъ одобрилъ нашъ проектъ,

сообщилъ его своему тогдашнему фактотуму Теплову, который тотчасъ же передалъ его старшему графу Разумовскому и получилъ его согласіе. На другой день Тепловъ отправилъ къ петербургскому архіепископу купить за 50 рублей разрѣшеніе на бракъ, и какъ скоро оно было получено, фельдмаршалъ съ женою явились къ теткѣ своей, матери Льва, и умѣли такъ ловко взяться за дѣло, что та противъ воли согласилась. Хорошо, что они поспѣшили, потому что Нарышкина въ этотъ самый день должна была дать слово отцу Хитровой. Затѣмъ, фельдмаршалъ Разумовскій, Сенявина и ея невѣстка принялись за Льва и убѣдили его жениться на дѣвушкѣ, о которой онъ даже не помышлялъ. Онъ далъ согласіе, хотя любилъ другую. Впрочемъ, сія послѣдняя была почти уже сговорена за графа Бутурлина; о Хитровой онъ вовсе не жалѣлъ. Получивъ согласіе жениха, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ племянницу, которая нашла этотъ бракъ слишкомъ выгоднымъ, чтобы отказаться отъ него. На другой же день, въ воскресенье, оба графа Разумовскіе обратились къ императрицѣ съ просьбою о соизволеніи на бракъ, и тотчасъ получили. Шуваловы узнали обо всемъ этомъ, когда императрица уже дала соизволеніе, и не мало удивлялись, какъ мы провели ихъ и Хитровыхъ. Дѣло сдѣлано, назадъ идти было нельзя, и Левъ, который влюбленъ былъ въ одну дѣвушку, котораго мать прочила для другой, женился на третьей, о которой никто, ни онъ самъ, три дня тому назадъ, вовсе не думалъ. Этотъ бракъ Льва Нарышкина еще болѣе сдружилъ меня съ графами Разумовскими, которые очень привязались ко мнѣ за то, что я устроила для ихъ племянницы такую прекрасную и значительную партію, и сверхъ того были довольны, одержавъ верхъ надъ Шуваловыми. Сіи послѣдніе даже не могли жаловаться и должны были скрывать свою досаду. Это я имъ еще разъ насолила. Любовныя похожденія великаго князя съ дѣвицею Тепловою весьма не ладились: главною причиною было то, что они должны были видаться украдкою, а это надоѣдало великому князю, который больше не хотѣлъ знать никакихъ помѣхъ, точно такъ, какъ не любилъ отвѣчать на получаемыя письма. Въ исходѣ масленицы его волокитства начали становиться дѣломъ партіи. Я узнала однажды отъ принцессы курляндской, что графъ Романъ Воронцовъ, отецъ двухъ фрейлинъ (бывшій, сказать мимоходомъ, не въ особенной милости у великаго князя, какъ и его пятеро дѣтей), позволяетъ себѣ весьма неумѣренныя рѣчи насчетъ его высочества и между прочимъ говоритъ, что ему стоитъ только захотѣть, и нерасположеніе великаго князя не только пройдетъ, но и обратится въ милость, что для этого нужно только угостить Брокдорфа, напоить его англійскимъ пивомъ и на прощанье положить ему въ карманъ бутылокъ шесть для его высо-

чества, что послѣ этого онъ и его младшая дочь сдѣлаются первыми лицами у великаго князя. Въ тотъ же вечеръ, на балу, я замѣтила, что его высочество безпрестанно шепчется съ графиней Марьей Воронцовой, старшею дочерью графа Романа (Воронцовы были искренно дружны съ Шуваловыми, у которыхъ Брокдорфъ всегда находилъ ласковый пріемъ), и съ неудовольствіемъ убѣдилась, что дѣйствительно графиня Елисавета Воронцова можетъ сдѣлаться любимицей. Чтобы помѣшать этому, я пересказала великому князю вышеприведенные отзывы ея отца. Онъ взбѣленился и съ великимъ гнѣвомъ сталъ спрашивать, откуда я знаю объ этихъ отзывахъ. Долго я не хотѣла сказывать; но онъ сказалъ, что, такъ какъ я не могу назвать лица, то онъ подозрѣваетъ, что я сочинила эту исторію, чтобы повредить графу Воронцову и его дочерямъ. Напрасно я говорила, что никогда въ жизни не занималась подобнаго рода сочиненіями. Наконецъ, я должна была назвать принцессу курляндскую. Онъ сказалъ, что тотчасъ напишетъ къ ней записку и спроситъ, правду ли я сказала, и если окажется, что я хоть малѣйшимъ образомъ солгала, то онъ пожалуется императрицѣ на мои выдумки и интриги, послѣ чего онъ ушелъ изъ моей комнаты. Опасаясь отвѣта принцессы курляндской и чтобы она не сказала ему чего-нибудь двусмысленнаго, я написала къ ней записку, въ которой просила, чтобы она ради Бога сказала сущую и чистую правду, о чемъ у нея спросятъ. Записка была тотчасъ отнесена и пришла во-время, т.-е. прежде записки великаго князя. Принцесса курляндская написала ему всю правду, и онъ могъ видѣть, что я не солгала. Это еще на нѣсколько времени удержало его отъ связи съ дочерьми человѣка, который имѣлъ о немъ такое дурное понятіе, и котораго вдобавокъ онъ самъ не любилъ. Но, чтобы еще больше помѣшать этой связи, Левъ Нарышкинъ убѣдилъ фельдмаршала, графа Разумовскаго, приглашать къ себѣ великаго князя по секрету на вечера, разъ или два въ недѣлю: это былъ почти замкнутый кружокъ, потому что въ вечерахъ этихъ участвовали только самъ фельдмаршалъ, Марья Павловна Нарышкина, великій князь, жена Теплова и Левъ Нарышкинъ. Собранія эти происходили Великимъ постомъ и подали поводъ еще къ новой выдумкѣ. Домъ фельдмаршала былъ въ то время деревянный; въ отдѣленіи фельдмаршальши обыкновенно собирались гости, и такъ какъ хозяева, мужъ и жена, любили играть, то тамъ происходила постоянная игра. Фельдмаршалъ приходилъ и уходилъ; у него въ отдѣленіи, когда не бывало великаго князя, собиралась своя бесѣда, но, нѣсколько разъ бывая у меня, на моихъ тайныхъ вечеринкахъ, онъ хотѣлъ, чтобы и наше общество пріѣзжало къ нему. Намъ отведены были двѣ или три комнаты въ нижнемъ этажѣ, и это онъ называлъ своимъ эрмитажемъ.

Гости должны были прятаться другъ отъ друга, потому что мы, какъ я уже говорила, не смѣли выѣзжать безъ позволенія; и такимъ образомъ въ одномъ и томъ же домѣ собирались по три, по четыре разныхъ общества, и фельдмаршалъ переходилъ отъ одного къ другому. Мы все знали, что происходило въ домѣ, тогда какъ объ насъ никто не подозрѣвалъ.

Къ веснѣ скончался Пехлинъ, министръ великаго князя по голштинскимъ дѣламъ. Предвидя его кончину, великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, посовѣтовалъ мнѣ, чтобы я рекомендовала великому князю нѣкоего Штамбке; его вызвали, и онъ поступилъ на мѣсто Пехлина. Великій князь далъ ему приказъ за своею подписью работать вмѣстѣ со мною, что̀ тотъ и дѣлалъ. Такимъ образомъ я имѣла возможность свободно сноситься съ графомъ Бестужевымъ, который довѣрялся г. Штамбке. Въ началѣ весны мы переѣхали въ Ораніенбаумъ. Здѣсь образъ жизни былъ тотъ же, что и прежде, съ тою разницею, что число голштинскаго войска и разныхъ авантюристовъ, занимавшихъ въ немъ офицерскія мѣста, съ каждымъ годомъ увеличивалось; войско это уже не могло помѣщаться въ небольшой Ораніенбаумской деревушкѣ, гдѣ вначалѣ было всего 28 хижинъ, и потому его выводили въ лагерь. Число его никогда не превышало 1.300 человѣкъ. Офицеры обѣдали и ужинали при дворѣ; но такъ какъ придворныхъ дамъ, считая въ томъ числѣ женъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, было не больше 15 или 16, а великій князь страстно любилъ большіе обѣды и давалъ ихъ очень часто у себя въ лагерѣ и во всѣхъ углахъ и закоулкахъ Ораніенбаума, то въ обѣдахъ этихъ участвовали не только пѣвицы и танцовщицы его оперы, но цѣлая толпа простыхъ женщинъ самаго дурнаго общества, которыхъ ему привозили изъ Петербурга. Какъ скоро я узнавала, что на пиру будутъ танцовщицы и пр., то нарочно не приходила и обѣдала у себя въ комнатѣ самъ-другъ или самъ-третій; сначала я говорила, что не прихожу потому, что пью воды; потомъ сказала великому князю, что опасаюсь гнѣва императрицы и для того не хочу бывать въ такомъ пестромъ обществѣ; и дѣйствительно ни разу не приходила, какъ скоро узнавала, что великій князь хочетъ быть черезчуръ гостепріименъ, и если онъ приглашалъ меня, я посылала на мѣсто себя фрейлинъ. На маскарады, которые онъ давалъ въ Ораніенбаумѣ, я надѣвала самое простое платье, безъ всякихъ уборовъ и брильянтовъ, что также нравилось императрицѣ, не любившей и не одобрявшей этихъ ораніенбаумскихъ празднествъ, которыя за обѣдомъ дѣйствительно обращались въ вакханаліи; тѣмъ не менѣе, она ихъ терпѣла, по крайней мѣрѣ, не запрещала. Мнѣ сказывали, что ея величество говорила: „эти праздники не нравятся ни мнѣ, ни великой княгинѣ; она

бываетъ на нихъ въ самомъ простомъ нарядѣ и никогда не садится за столъ съ тамошнею сволочью". Я въ то время разводила и сажала въ Ораніенбаумѣ такъ называемый садъ мой; остальное время гуляла пѣшкомъ, ѣздила верхомъ и въ кабріолетѣ, а, когда оставалась въ комнатѣ, то читала.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки кн. Адама Чарторыйскаго).

(1795—1805).

VIII [1]).

(1801 — 1802).

Нашъ тайный совѣтъ.—Бесѣды съ государемъ.—Партія молодыхъ людей.—Назначеніе Строганова и Новосильцева.—Значеніе Ла-Гарпа.—Пріѣздъ принцессы Баденской.—Лѣто 1801 года.—Отставка и удаленіе Панина.—Назначеніе Кочубея.—Облегченіе участи ссыльныхъ поляковъ.—Коронованіе Александра.—Весна 1802 г.—Иностранная политика Кочубея.—Свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Мемелѣ.—Конвенція о раздачѣ духовныхъ нѣмецкихъ владѣній.

Мнѣнія и взгляды Александра, которыми я такъ восхищался, повидимому, остались прежніе; но уже съ того времени, когда императоръ Павелъ приблизилъ его къ власти, и теперь, когда онъ уже самъ сталъ неограниченнымъ властителемъ, мнѣнія эти естественно должны были нѣсколько поколебаться, хотя въ глубинѣ своего сердца онъ все-таки не измѣнилъ своимъ прежнимъ идеаламъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ, онъ сохранилъ ихъ въ глубинѣ своей души, лелѣя и оберегая отъ посторонняго вліянія, какъ тайную страсть, которую онъ не рѣшался раскрыть передъ обществомъ, неспособнымъ понимать ее, но которая постоянно властвовала надъ нимъ и увлекала его, какъ только представлялась возможность ей подчиниться. Мнѣ еще неоднократно придется говорить объ этомъ для объясненія характера Александра, потому что во многихъ случаяхъ своей жизни императоръ, проникнутый сознаніемъ справедливости этихъ принциповъ и сопряженныхъ съ ними обязанностей, могъ бы уподобиться человѣку, который находитъ удовольствіе въ старыхъ игрушкахъ своего дѣтства,

---

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1906 г.

но чувствуетъ съ сожалѣніемъ, что уже настало время покинуть ихъ для болѣе серьезныхъ занятій, отвѣчающихъ требованіямъ дѣйствительности.

О былыхъ мечтахъ и крайнихъ либеральныхъ стремленіяхъ, конечно, уже не было рѣчи; императоръ не вспоминалъ уже болѣе о своемъ намѣреніи отказаться отъ престола, не говорилъ уже со мною о запискѣ, которую нѣкогда заставилъ меня написать, и, которая, видимо, ему такъ понравилась. Въ то же время, онъ не переставалъ думать и заботиться о практическомъ осуществленіи излюбленныхъ своихъ идей: объ усовершенствованіи правосудія, объ освобожденіи народа, о справедливыхъ реформахъ въ цѣломъ рядѣ либеральныхъ учрежденій. Конечно, онъ уже сознавалъ неизбѣжность препятствій, нерѣдко непреодолимыхъ, которыя самыя элементарныя реформы должны встрѣтить въ Россіи; но онъ всегда стремился доказать близкимъ къ нему людямъ, что чувства, которыя онъ имъ нѣкогда высказывалъ, оставались неизмѣнными. Несмотря на его настоящее положеніе, онъ сознавалъ, что ему невозможно высказывать свои чувства откровенно и проявлять ихъ передъ обществомъ, столь мало подготовленнымъ къ воспріятію этихъ идей, и которое встрѣтило бы ихъ съ недоумѣніемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ. Вотъ почему правительственная машина продолжала функціонировать на прежнихъ основаніяхъ, согласно старой рутинѣ, и Александръ волей-неволей былъ принужденъ считаться съ прежними теченіями.

Чтобы до извѣстной степени смягчить это печальное противорѣчіе съ самимъ собою, Александръ образовалъ родъ тайнаго совѣта, составленнаго изъ лицъ, которыхъ онъ считалъ своими личными друзьями, раздѣлявшими его взгляды и убѣжденія. Ядро этого совѣта составили графъ Павелъ Строгановъ, Новосильцевъ и я. Всѣ мы трое, какъ я уже упомянулъ, были связаны самой искренней дружбой. Теперь же отношенія наши приняли болѣе серьезный характеръ. Всѣхъ насъ особенно сближало сознаніе необходимости сгруппироваться около особы императора и всѣми силами поддерживать таившееся въ немъ искреннее стремленіе къ реформамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ союзъ нашъ могъ считаться образцомъ самой искренней, неизмѣнной дружбы; желаніе стать выше всякихъ личныхъ интересовъ, отказываться отъ всѣхъ почестей и наградъ—было девизомъ нашего союза. Девизъ этотъ не могъ, конечно, вполнѣ акклиматизироваться въ тогдашней придворной средѣ, но вполнѣ согласовался съ юношескими взглядами императора и внушалъ ему особенное уваженіе къ своимъ друзьямъ.

Я былъ единственнымъ искреннимъ приверженцемъ этого девиза, который по справедливости подходилъ къ моему особенному поло-

женію. Онъ не всегда приходился по вкусу моимъ товарищамъ, и самъ императоръ сталъ, въ концѣ-концовъ, тяготиться сподвижниками, желавшими отличиться въ его глазахъ, отказываясь отъ наградъ, къ которымъ всѣ такъ жадно стремились.

Первоначальное основаніе этому союзу, какъ я уже упомянулъ выше, было положено въ Москвѣ, во время коронованія императора Павла. Всѣ мы уже давно связаны были дружескими узами и ежедневно собирались у стараго графа Строганова. Четвертый членъ этого союза, принятый императоромъ, былъ Кочубей. Племянникъ Безбородки, вліятельнаго министра Екатерины, онъ съ раннихъ лѣтъ вступилъ на служебное поприще. Онъ былъ назначенъ на постъ въ Константинополь, будучи еще молодымъ человѣкомъ. Во время поѣздки моей за границу, я встрѣтилъ его въ Вѣнѣ, откуда онъ направлялся на востокъ. Это былъ едва не единственный изъ русскихъ дипломатовъ, съ которымъ хорошо обращались въ этой столицѣ. То было время нашего великаго сейма, въ царствованіе императора Леопольда, когда русскіе не пользовались успѣхомъ въ вѣнскихъ салонахъ. У него была чисто европейская складка, изящныя манеры, привлекавшія къ нему иностранцевъ, и въ обществѣ онъ пользовался всеобщимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Честолюбіе, недостатокъ, до извѣстной степени свойственный всѣмъ людямъ, но въ особенности являющееся національною чертою русскихъ и всѣхъ вообще славянъ,—дѣлало Кочубея предметомъ нападокъ со стороны завистниковъ. Но онъ на это мало обращалъ вниманія, благодаря прирожденной мягкости характера. Въ дѣлахъ онъ былъ достаточно свѣдущъ, но глубокими и обширными познаніями не обладалъ. У него былъ прямой, хотя и не глубокій умъ, много мягкости характера и еще болѣе доброты и искренности,—явленіе довольно рѣдкое среди русскихъ.

Всѣ эти качества, не исключая, однако, нѣкоторыхъ слабостей и недостатковъ, свойственныхъ его народу: огромнаго стремленія къ почестямъ, служебнымъ повышеніямъ и денежнымъ наградамъ, необходимымъ, какъ для личныхъ его расходовъ, такъ и для весьма многочисленной его семьи. Нельзя также не указать на чрезвычайную слабость его натуры, благодаря которой онъ особенно охотно подлаживался къ господствующимъ мнѣніямъ. Съ нами онъ охотно высказывалъ либеральныя мнѣнія, хотя съ нѣкоторою сдержанностью, такъ какъ подобнаго рода взгляды не сходились съ его личными мнѣніями. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить особенное честолюбіе, которое у него проявлялось невольно и подвергало его саркастическимъ насмѣшкамъ двухъ другихъ коллегъ, и отъ которыхъ я, по возможности, воздерживался, цѣня его другія качества и дружбу. Послѣднюю онъ неоднократно мнѣ доказывалъ много лѣтъ спустя.

Въ то время, мы пользовались особенною привилегіею являться къ столу государя безъ особаго приглашенія, совѣщанія наши происходили два—три раза въ недѣлю. Послѣ кофе и краткой бесѣды съ окружающими, императоръ удалялся въ свои покои. Въ то время, какъ другіе приглашенные уходили, мы четверо проходили черезъ корридоръ во внутренніе аппартаменты и являлись въ небольшой кабинетъ, гдѣ уже находился императоръ. Здѣсь въ откровенной и непринужденной бесѣдѣ, онъ обсуждалъ съ нами планы будущихъ реформъ. Не было предмета, болѣе или менѣе важнаго государственнаго вопроса, который бы не былъ затронутъ во время этихъ бесѣдъ. Императоръ съ большою откровенностью высказывалъ здѣсь свои мысли и взгляды, и, хотя эти собранія въ теченіе долгаго времени являлись бесѣдами интимнаго, частнаго характера, тѣмъ не менѣе не было важнаго вопроса, касающагося внутренняго устройства государства, который не получилъ бы здѣсь принципіальнаго одобренія и утвержденія. Настоящій совѣтъ, т. е. Сенатъ и министры, тѣмъ не менѣе управлялъ и двигалъ дѣлами; императоръ, по выходѣ изъ нашего тайнаго собранія, снова находился подъ вліяніемъ старыхъ министровъ, повидимому, не былъ въ силахъ провести въ жизнь намѣченныхъ имъ реформъ.

Нашъ тайный союзъ, которому все-таки не удалось укрыться отъ подозрѣній двора, и который получилъ названіе „партіи молодыхъ людей“, чрезвычайно волновался и негодовалъ на пассивность своей роли. Неоднократно дѣлались попытки убѣдить государя въ необходимости проведенія въ жизнь выработанныхъ нами реформъ, но вся наша энергія разбивалась о характеръ Александра, желавшаго идти путемъ уступокъ и избѣгавшаго рѣзкихъ мѣръ. При томъ же онъ считалъ еще свое положеніе недостаточно окрѣпшимъ и не рѣшался прибѣгать къ мѣрамъ энергичнымъ и рѣзкимъ. Самой горячей головой нашего союза былъ Строгановъ; Новосильцевъ былъ наиболѣе опытнымъ; Кочубей—наиболѣе умѣреннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всѣхъ горѣлъ желаніемъ играть активную роль въ дѣлахъ управленія, что касается меня, то, какъ наименѣе заинтересованный, я старался примирить и успокоить болѣе нетерпѣливыхъ.

Тѣ, которые побуждали императора къ принятію немедленныхъ мѣръ, выказывали совершенное незнаніе его характера. Всякій рѣзкій шагъ всегда его тревожилъ и вызывалъ недовѣріе къ лицу, дававшему такой совѣтъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что онъ постоянно жаловался на своихъ министровъ и не любилъ ни одного изъ нихъ, мы рѣшили, прежде чѣмъ убѣдить его въ необходимости смѣнить то или другое лицо,—перейти изъ области мечтаній къ реальной дѣйствительности. Строгановъ рѣшилъ сдѣлаться оберъ-прокуроромъ перваго

департамента Сената; Новосильцевъ былъ назначенъ однимъ изъ статсъ-секретарей—должность, дававшая ему значительныя преимущества, ибо всякая бумага, адресованная на имя государя, проходила черезъ его руки, и онъ имѣлъ право объявлять высочайшіе указы. Былъ еще одинъ пятый членъ нашего тайнаго союза. То былъ извѣстный Ла-Гарпъ, наставникъ Александра, который прибылъ въ Петербургъ навѣстить своего ученика, ставшаго теперь неограниченнымъ монархомъ.

Ла-Гарпъ не участвовалъ въ нашихъ послѣобѣденныхъ собраніяхъ, но онъ имѣлъ частыя бесѣды съ императоромъ и представлялъ ему множество записокъ по разнымъ государственнымъ и административнымъ вопросамъ. Записки эти прочитывались сначала на нашихъ совѣщаніяхъ; а затѣмъ, въ виду ихъ чрезвычайной обширности, передавались намъ для прочтенія на дому. Ла-Гарпу въ это время было сорокъ лѣтъ съ лишнимъ; онъ состоялъ членомъ Швейцарской директоріи и постоянно носилъ присвоенную этой должности форму, съ большой саблей на боку. Онъ казался намъ всѣмъ гораздо ниже своей репутаціи, несмотря на высокое о немъ мнѣніе Александра, искренно любившаго его, какъ наставника и человѣка. То былъ одинъ изъ тѣхъ людей, воспитанныхъ на философскихъ идеяхъ конца XVIII вѣка, которые считали, что ихъ доктрины, подобно философскому камню, являлись всеобщей панацеей, и думали, что при помощи нѣсколькихъ сакраментальныхъ доктринъ можно достигнуть всеобщаго блага и уврачевать всѣ язвы страждущаго человѣчества.

Самъ императоръ, быть можетъ, втайнѣ сознавалъ, что обаяніе его бывшаго наставника уже значительно поколебалось, тѣмъ не менѣе, онъ всюду и во всемъ поддерживалъ его въ нашихъ глазахъ. Онъ не любилъ, когда кто-нибудь изъ насъ иронически относился къ его несбыточнымъ проектамъ, и всегда старался увѣрить его, что его идеи имъ вполнѣ одобрены и будутъ примѣнены при первой возможности. Пребываніе его въ Петербургѣ въ началѣ царствованія Александра, въ дѣйствительности, не имѣло серьезнаго значенія, и самъ онъ весьма мало оказалъ вліянія на будущія реформы Александра. Онъ имѣлъ настолько такту, что самъ не пожелалъ участвовать въ нашихъ собраніяхъ, и императоръ, вѣроятно, былъ также этимъ доволенъ, несомнѣнно, сознавая странную роль, которую пришлось бы играть швейцарскому гражданину и революціонеру при обсужденіи предстоящихъ для русской имперіи реформъ. Впрочемъ, изъ вѣжливости, ему было сказано, что онъ считается членомъ нашего совѣта, и что на собраніяхъ нашихъ для него заготовлено кресло. Уѣзжая изъ Россіи, онъ сказалъ намъ, что мысленно всегда будетъ присутствовать на нашихъ совѣщаніяхъ.

Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Александра, Петербургъ посѣтила принцесса Баденская, мать императрицы Елисаветы Алексѣевны. Она прибыла въ Россію вмѣстѣ со своимъ супругомъ, старшимъ сыномъ царствующаго великаго герцога Баденскаго, горя желаніемъ увидѣть свою дочь послѣ семи-лѣтней разлуки. Съ русскимъ дворомъ ее соединяли двойныя родственныя связи, такъ какъ она была родной сестрой первой супруги Павла Петровича, великой княгини Натальи Алексѣевны, рожденной принцессы Гессенъ-Дармштадтской. Высокаго роста, величественной наружности, она въ молодости блистала красотою и пользовалась въ Германіи репутаціей женщины необычайно умной, образованной и тактичной. Будучи убѣжденной противницей политическихъ взглядовъ и принциповъ Ла-Гарпа, она, повидимому, должна была сойтись съ императрицею-матерью, какъ извѣстно, не сочувствовавшей идеямъ наставника Александра. Между тѣмъ, на дѣлѣ вышло иначе. Какъ мать, принцесса Баденская не могла примириться съ второстепенной ролью, которую играла дочь ея, императрица Елисавета Алексѣевна, въ то время, какъ императрица-мать пользовалась всѣми прерогативами царствующей государыни. Вступивъ на престолъ, императоръ Александръ, въ стремленіи своемъ смягчить горе своей матери послѣ ужасной катастрофы, прекратившей дни Павла, сохранилъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ назначенную ей покойнымъ императоромъ ежегодную сумму въ милліонъ рублей, супругѣ же своей оставилъ скромную сумму, получаемую ею въ качествѣ великой княгини. Молодая императрица подчинилась этому распоряженію, которое впослѣдствіи не разъ ставило ее въ затруднительное положеніе, лишая возможности удовлетворять просьбамъ о помощи, съ которыми къ ней обращались.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вдовствующей императрицѣ предоставлено также вѣдѣніе всѣми благотворительными и воспитательными учрежденіями, которыми она руководила въ минувшее царствованіе. Все это вмѣстѣ взятое сильно огорчало принцессу Баденскую, считавшую не безъ основанія, что дочь ея въ качествѣ супруги царствующаго императора должна была также пользоваться прерогативами своего сына и имѣть возможность оказывать широкую помощь, которую подданные могли ожидать отъ своей государыни.

Я былъ представленъ принцессѣ, которая отнеслась ко мнѣ чрезвычайно милостиво и неоднократно бесѣдовала со мною, при чемъ темою этихъ бесѣдъ почти исключительно служилъ императоръ. Она высказывала при этомъ опасеніе, что многія изъ задуманныхъ имъ реформъ окажутся несвоевременными, безполезными и даже вредными, и всегда стремилась разубѣдить его въ этихъ замыслахъ. Она также открыто высказывала, что не одобряетъ стремленій Александра упро-

стить церемоніалы и блескъ его двора и чрезвычайную простоту его обращенія съ приближенными къ нему лицами, что, по мнѣнію ея, пагубно вліяетъ на окружающихъ и придаетъ неподобающій для двора монарха оттѣнокъ. При этомъ, она всегда проводила параллель между Александромъ и первымъ консуломъ, который, несомнѣнно, хорошо зналъ людей и тѣмъ не менѣе постоянно окружалъ себя пышностью и блескомъ, столь необходимыми для поддержанія престижа верховной власти.

Принцесса Баденская старалась возбудить честолюбіе Александра, указывая на дѣятельность Бонапарта, о славныхъ дѣлахъ котораго уже гремѣла вселенная; она хотѣла бы, чтобы примѣръ этого геніальнаго человѣка вдохновилъ русскаго императора и чтобы государственная дѣятельность послѣдняго носила такой же отпечатокъ величія, могущества и энергіи, которыя одинаково необходимы для русскаго народа, какъ и для Франціи. Съ своей стороны, считая, что многіе взгляды принцессы, несомнѣнно, правильны, я нерѣдко передавалъ Александру содержаніе нашихъ бесѣдъ, но всегда замѣчалъ, что онѣ не производили на него должнаго впечатлѣнія. Правда, онъ также нерѣдко восхищался геніемъ перваго консула, но, повидимому, не считалъ себя въ силахъ брать съ него примѣръ. При томъ же, это были двѣ совершенно противоположныя натуры, и только значительно позже Александръ, передъ угрозой неминуемой опасности и непомѣрнаго честолюбія императора французовъ, выказалъ дѣйствительно великія качества, но, всегда оставаясь, такъ сказать, въ оборонительномъ положеніи, что, впрочемъ, не мѣшало ему выйти побѣдителемъ въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ.

Принцесса Баденская съ своимъ супругомъ вскорѣ оставила Петербургъ и направилась въ Стокгольмъ навѣстить свою младшую дочь, королеву шведскую, вышедшую за Густава IV, бывшаго жениха великой княжны Александры Павловны. Во время этого пребыванія въ Швеціи принцесса-мать скончалась послѣ несчастнаго паденія изъ кареты.

Въ теченіе лѣта 1801 года тайный совѣтъ нашъ продолжалъ собираться. Единственною важною мѣрою, явившеюся результатомъ этихъ совѣщаній, передъ отъѣздомъ въ Москву на коронацію, была отставка и удаленіе Панина. Императоръ давно уже желалъ избавиться отъ этого человѣка, который былъ ему ненавистенъ, подозрителенъ и вообще стѣснялъ его. Въ принципѣ, послѣ удаленія Палена, ближайшая очередь была за Панинымъ, и императоръ только колебался о способѣ и времени его удаленія. Вопросъ этотъ былъ предметомъ долгаго обсужденія, и, въ концѣ-концовъ, было рѣшено отнять у графа Панина портфель министра иностранныхъ дѣлъ и

передать его Кочубею. На этотъ разъ императоръ сдержалъ слово, тѣмъ болѣе, что выборъ Кочубея вполнѣ сходился съ его взглядами. Рѣшено было, что Панинъ предварительно получитъ разрѣшеніе оставаться въ Петербургѣ послѣ своей отставки. Высочайшее повелѣніе было объявлено Панину письменно, и Кочубей немедленно вступилъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей къ удовольствію государя и нашего комитета.

За все время пребыванія Панина въ Петербургѣ, онъ находился подъ надзоромъ агентовъ, зорко слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ. Ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ разъ императоръ получалъ самые подробные доклады о томъ, что дѣлалъ и съ кѣмъ видѣлся въ теченіе дня опальный графъ. Все это доказывало, что императоръ чрезвычайно стѣснялся пребываніемъ Панина въ столицѣ и подозрѣвалъ его въ тайныхъ переговорахъ. Видя все это, утомленный постояннымъ преслѣдованіемъ, Панинъ, наконецъ, самъ удалился изъ Петербурга. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ прямое повелѣніе, запрещавшее ему въѣздъ въ Петербургъ и пребываніе въ тѣхъ вообще мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться императоръ. Повелѣніе это осталось неотмѣненнымъ, и Панинъ удалился въ свои московскія имѣнія, гдѣ съ тѣхъ поръ жилъ въ совершенномъ уединеніи.

Такимъ образомъ, трое изъ членовъ нашего комитета получили назначенія, давшія имъ возможность принимать активное участіе въ дѣлахъ внутренняго управленія и внѣшней политики. Что касается меня, который никогда не стремился къ занятію какой-нибудь оффиціальной должности, то я по-прежнему оставался членомъ тайнаго совѣта, внѣ всякихъ должностей. Положеніе это тѣмъ не менѣе всегда меня тяготило, и я болѣе чѣмъ когда-либо стремился какъ можно скорѣе снова очутиться на родинѣ и увидать своихъ родныхъ. Единственное, что меня удерживало здѣсь, это была моя личная привязанность къ императору и желаніе принести пользу моей родинѣ. Но надежда эта постепенно уничтожалась, и я рѣшилъ окончательно покинуть Петербургъ. Александръ изрѣдка по-прежнему говорилъ со мною о Польшѣ и судьбѣ ея народа, но разговоры эти уже не носили прежняго характера. Изрѣдка онъ утѣшалъ меня, но въ большинствѣ случаевъ сохранялъ молчаніе по вопросу, нѣкогда служившему основаніемъ нашей дружбы, а теперь видимо все болѣе и болѣе его стѣснявшему. Избѣгая серьезныхъ бесѣдъ по этому вопросу, Александръ тѣмъ не менѣе желалъ убѣдить меня, что чувства его и намѣренія остались неизмѣнными. Но что могъ онъ сдѣлать въ его положеніи? Могъ ли я самъ, разсуждая благоразумно, ожидать отъ него какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій?

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ царствованія Александра, я имѣлъ

счастіе оказать услуги многимъ моимъ соотечественникамъ, сосланнымъ въ Сибирь при Екатеринѣ и при Павлѣ, и почти позабытымъ въ ссылкѣ. Многіе изъ нихъ получили при Александрѣ свободу и были возвращены семьямъ. Судебные процессы ихъ были прекращены, конфискованныя имущества были имъ возвращены; польскіе эмигранты, служившіе во Франціи и иностранныхъ легіонахъ, получили разрѣшеніе вернуться на родину. Мало того, Александръ принялъ мѣры къ облегченію участи многихъ поляковъ, заключенныхъ въ крѣпости Шпильбергъ и въ другихъ австрійскихъ тюрьмахъ. Аббатъ Коллонтай, одинъ изъ главныхъ польскихъ революціонеровъ, получилъ свободу и вернулся на родину въ одну изъ провинцій русской Польши. Огинскій и многіе другіе поляки также вернулись на родину и получили обратно свои обширныя владѣнія. Словомъ, время преслѣдованій и политическихъ процессовъ миновало, и снова наступила эпоха тишины, спокойствія и мира.

Императоръ пожелалъ также улучшить административное и судебное устройство въ польскихъ губерніяхъ и, съ этою цѣлью, предоставилъ много должностей наиболѣе выдающимся по своимъ способностямъ полякамъ. Благодаря этому большинство процессовъ были закончены быстро и справедливо, какъ на мѣстахъ, такъ и въ Петербургѣ въ III департаментѣ Сената, въ которомъ сосредоточены были дѣла по судебному и административному управленію польскихъ провинцій. Въ число сенаторовъ этого департамента назначены были нѣкоторые поляки. Всѣ эти прекрасныя и благородныя мѣропріятія императора заслуживали полную признательность поляковъ, но не могли къ сожалѣнію возвратить Польшѣ уничтоженную и утраченную національность, и, конечно, были далеки отъ тѣхъ плановъ и проектовъ, которые нѣкогда составляли предметъ нашихъ юношескихъ бесѣдъ и мечтаній.

Обо всемъ этомъ я съ полною откровенностью продолжалъ бесѣдовать съ императоромъ, отъ котораго я по-прежнему ничего не скрывалъ и полнымъ довѣріемъ котораго я по-прежнему продолжалъ пользоваться. И дѣйствительно, я убѣдился, что со мною онъ по-прежнему чувствовалъ себя болѣе свободнымъ и довѣрялъ мнѣ болѣе другихъ. Съ своей стороны я лучше другихъ понималъ его мысли и имѣлъ возможность болѣе откровенно высказывать ему правдивые взгляды на людей, на вещи и на него самого.

Путешествіе двора въ Москву на коронацію прекратило на время наши совѣщанія. Весь придворный штатъ, министры и петербургская знать отправились въ Москву. Воспоминанія объ этомъ времени произвели на меня, какъ это ни странно, тяжелое впечатлѣніе. Всѣ эти празднества, пріемы, балы и увеселенія произвели на меня впечатлѣніе

пустоты, скуки и нѣкоторой грусти; все было такъ натянуто, строго распредѣлено по этикету, напыщенно, что невольно приходишь къ сознанію пустоты и тщетности, и суеты дѣлъ человѣческихъ. Естественная веселость здѣсь очевидно отсутствуетъ именно потому, что все указано заранѣе и дѣлается по обязанности. Подобныхъ торжествъ и пышныхъ празднествъ въ Россіи чрезвычайно много, и мнѣ пришлось ихъ видѣть столько, что воспоминаніе о нихъ для меня чрезвычайно тягостно, и я съ особенной радостью всегда старался избѣгать ихъ, когда это возможно.

Молодая и прекрасная чета, которая шла на коронованіе, не имѣла счастливаго вида, не могла внушать радости и распространять среди окружающихъ тѣхъ чувствъ, которыхъ Александръ и его супруга, повидимому, сами не испытывали. Александръ не владѣлъ искусствомъ властвовать и увлекать умы; качества эти, столь необходимыя для монарха, у него отсутствовали, въ особенности въ первые годы его царствованія. При томъ же коронаціонныя торжества были для него источникомъ усиленной грусти: трагическія событія послѣднихъ лѣтъ вызывали въ немъ тяжелыя воспоминанія, и никогда, быть можетъ, угрызенія совѣсти не мучили его болѣе, чѣмъ теперь, при мысли о невольномъ соучастіи въ кончинѣ отца. Цѣлыми часами оставался онъ въ глубокомъ размышленіи, и въ такомъ мрачномъ душевномъ настроеніи, что приближенные боялись за его разсудокъ. Пользуясь, какъ я уже говорилъ, его довѣріемъ, я въ эти часы входилъ въ его кабинетъ и всѣми мѣрами старался смягчить это мрачное настроеніе и разными доводами примирить его съ самимъ собою. Хотя я не всегда достигалъ полнаго успѣха, но слова мои, несомнѣнно, возвращали ему самообладаніе, и наружно, въ присутствіи постороннихъ, онъ уже держалъ себя вполнѣ спокойно, несмотря на происходившую въ немъ внутреннюю тяжелую борьбу. Вотъ почему воспоминаніе объ этихъ дняхъ оставило на мнѣ самое грустное впечатлѣніе на всю мою жизнь, и я, до сихъ поръ, безъ сердечной боли не могу говорить объ этомъ времени.

Зимою дворъ вернулся въ Петербургъ, и жизнь вошла въ обычный порядокъ. Послѣобѣденныя совѣщанія у государя продолжались и въ скоромъ времени утеряли свое значеніе, къ тому же они были прерваны новой поѣздкой государя, которую онъ предпринялъ весною 1802 года съ дипломатической цѣлью.

Кочубей руководилъ русскою дипломатіей, при чемъ самъ государь сталъ уже спеціально заниматься внѣшней политикой. Система, которую принялъ Кочубей и которая сходилась съ взглядами самого государя, заключалась въ томъ, чтобы держаться во внѣшней политикѣ по возможности въ сторонѣ отъ европейскихъ дѣлъ, не вмѣ-

шиваясь въ дѣла другихъ державъ, дабы тѣмъ самымъ имѣть возможность посвятить болѣе времени внутреннимъ реформамъ и улучшеніямъ. По мнѣнію Кочубея, Россія была достаточно велика и могущественна благодаря своему пространству, населенію и географическому положенію, чтобы не бояться своихъ сосѣдей при условіи невмѣшательства въ ихъ дѣла. Она къ сожалѣнію слишкомъ часто нарушала этотъ принципъ, вмѣшиваясь постоянно въ дѣла другихъ державъ, почему и вовлекалась въ многочисленныя и дорого стоившія ей, но нерѣдко безполезныя для нея войны. Русскій императоръ можетъ между тѣмъ оставаться въ мирѣ со всѣмъ свѣтомъ и всецѣло предаться благодѣтельнымъ для страны внутреннимъ реформамъ, не опасаясь, чтобы кто-нибудь воспрепятствовалъ ему въ этихъ благородныхъ и полезныхъ стремленіяхъ. Россія прежде всего нуждается во внутреннемъ порядкѣ, въ утвержденіи правосудія, въ финансовыхъ реформахъ, въ развитіи ея торговли, промышленности и земледѣлія. Какое дѣло Россіи до европейскихъ войнъ, въ которыя ее такъ часто вовлекали и ради которыхъ она жертвовала столько людей и денегъ? Истинныя пользы государства требовали мирной и мудрой администраціи, а отнюдь не вмѣшательства въ дѣла чуждыхъ ей народовъ

Таковы были взгляды Кочубея, которымъ въ эту эпоху вполнѣ сочувствовалъ императоръ, все еще мечтавшій о всеобщемъ мирѣ и о проведеніи въ жизнь своихъ завѣтныхъ реформъ для Россіи. Система эта въ общихъ чертахъ была та, которой въ настоящее время держится Франція, при Людовикѣ-Филиппѣ не имѣющая, однако, того выгоднаго географическаго положенія, которымъ пользуется Россія и которую усиленно проповѣдуютъ англійскіе радикалы. Система эта, имѣющая несомнѣнно свои хорошія стороны, можетъ тѣмъ не менѣе пагубно вліять на дѣла государства, которое слѣдуетъ ей слѣпо, сдѣлавъ его послушнымъ оружіемъ въ рукахъ болѣе дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ державъ. Она также требуетъ высокаго дипломатическаго такта и, такъ сказать, пассивной твердости въ политикѣ чуждой полу-мѣръ, которыхъ такъ трудно избѣжать при современномъ положеніи европейскихъ сношеній. Недостатки ея дали себя вскорѣ почувствовать.

Монархи Россіи и Пруссіи выразили взаимное желаніе встрѣтиться. Король прусскій видѣлъ въ этомъ свиданіи удобный способъ покончить съ выгодою дѣло о секуляризаціи духовныхъ владѣній, которое велось подъ вліяніемъ Франціи. Александръ просто хотѣлъ лично сойтись съ своимъ сосѣдомъ и родственникомъ. Къ этому же еще съ гатчинскихъ временъ онъ сохранилъ, какъ бы по наслѣдству отъ отца, склонность къ Пруссіи, ея королю и особенно ея арміи, о которой онъ былъ очень высокаго мнѣнія. Прусскій военный уставъ,

прусская выправка, парады и смотры интересовали Александра, какъ гатчинца, не менѣе, чѣмъ его брата Константина. Не менѣе привлекалъ молодаго императора и образъ красавицы-королевы Луизы и весь ея дворъ, вслѣдствіе чего мысль о поѣздкѣ въ Берлинъ была ему очень по душѣ. Во время этого путешествія Александра сопровождали министръ иностранныхъ дѣлъ Кочубей, Новосильцевъ, въ качествѣ статсъ-секретаря, флигель-адъютанты и лица свиты и оберъ-гофмаршалъ гр. Толстой, который завѣдывалъ его дворомъ еще въ бытность его великимъ княземъ и который неотлучно находился при немъ. Это былъ человѣкъ усердный, искренне преданный государю, но недалекаго ума и мало образованный; императоръ, хотя и довѣрявшій его преданности, нерѣдко подымалъ его на смѣхъ.

Александръ и прусскій король встрѣтились въ Мемелѣ, небольшомъ городкѣ восточной Пруссіи, ставшимъ впослѣдствіи мѣстомъ новаго свиданія тѣхъ же монарховъ, но уже при значительно измѣнившихся обстоятельствахъ. Начались парады, смотры, празднества и балы въ честь высокаго гостя. Къ этому времени положено было основаніе той тѣсной дружбѣ между русскимъ государемъ и королемъ Пруссіи, благодаря которому послѣдній имѣлъ возможность сохранить цѣлость своей монархіи. Король Фридрихъ немедленно воспользовался этимъ свиданіемъ и дружбой съ Александромъ, чтобы заручиться поддержкой Россіи въ дѣлѣ раздачи бывшихъ духовныхъ владѣній свѣтскимъ государямъ Германіи въ цѣляхъ увеличенія прусскихъ владѣній на счетъ Германіи.

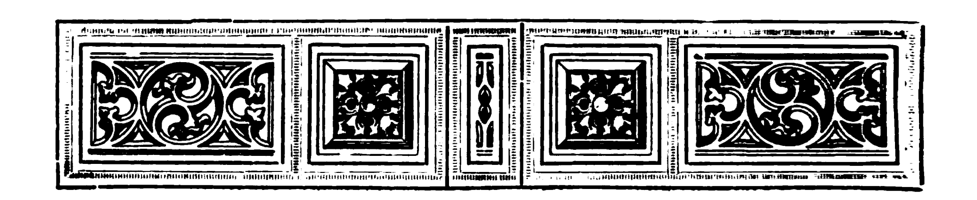
Министръ иностранныхъ дѣлъ Кочубей, бывшій противъ этой поѣздки, все время старался убѣдить Александра въ ея нежелательности для Россіи. Участіе въ вопросѣ о вознагражденіяхъ въ Германіи совершенно нарушало принятую имъ систему невмѣшательства и явно противорѣчило русскимъ интересамъ, тѣмъ болѣе, что главную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ первый консулъ, который велъ все дѣло самостоятельно. Но всѣ усилія Кочубея не могли убѣдить Александра, который велъ лично всѣ переговоры съ королемъ и уже установилъ главные пункты соглашенія.

Во время этого перваго свиданія въ Мемелѣ началось то платоническое ухаживаніе императора за прусской королевой, которое особенно нравилось Александру и которому онъ охотно посвящалъ свои досуги. Объ этомъ много говорили и писали, преувеличивая значеніе этого чисто свѣтскаго увлеченія, тѣмъ болѣе, что мнѣ хорошо извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ добродѣтель дамъ, пользовавшихся благоволеніемъ Александра, весьма рѣдко находилась въ опасности. Королева почти всегда находилась въ обществѣ своей сестры, принцессы Сальмской (нынѣ герцогини Кумберлэндской), по-

вѣренной ея тайныхъ мыслей и руководительницы ея дѣйствій. Во время одного изъ посѣщеній Берлинскаго двора, Александръ, въ то время увлекавшійся другою женщиною, сообщилъ мнѣ откровенно, что его очень обезпокоило расположеніе комнатъ, сообщавшихся съ его спальней, которую онъ, во избѣжаніе недоразумѣній, рѣшилъ запереть на ключъ изнутри. Онъ даже высказалъ это двумъ дамамъ Берлинскаго двора, съ откровенностью и рѣшительностью, почти несвойственными его обычному изыскано-вѣжливому обращенію съ женщинами.

По возвращеніи изъ Мемеля трактатъ о раздѣлѣ духовныхъ нѣмецкихъ владѣній былъ опубликованъ. Это было настоящее хищеніе, которымъ больше другихъ воспользовалась Пруссія. Всѣ церковныя земли, распредѣленныя между свѣтскими государями Германіи, раздавались фактически въ Парижѣ, съ утвержденія перваго консула и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Талейрана, учредившаго здѣсь родъ аукціона, на которомъ право оцѣнивалось звонкими аргументами и политическими разсчетами. Германія была перекроена въ интересахъ Пруссіи, пользовавшейся покровительствомъ Бонапарта и тѣхъ владѣтелей, которые заручились поддержкой въ Парижѣ. Престижъ и вліяніе Франціи сильно поднялись. Россія же потеряла его, играя второстепенную роль и принимая участіе въ соглашеніи, далеко не основанномъ на принципахъ права и справедливости. Кочубей былъ сильно огорченъ и смущенъ, слушая въ салонахъ нападки на внѣшнюю политику и упреки по адресу дипломатіи, низведшей Россію до столь ничтожнаго положенія. Франція гордилась своими успѣхами и вліяніемъ, а берлинскіе министры потирали руки. Все это значительно уронило Александра въ мнѣніи высшихъ классовъ и общества. Чтобы позолотить пилюлю, первый консулъ предоставилъ нѣкоторыя преимущества Вюртенбергскому и Баденскому дворамъ, родственнымъ съ Россіей. Впрочемъ, эти послѣдніе хорошо сознавали, что обязаны этимъ исключительно Франціи, оказавшей какъ бы милость Россіи. Что касается герцога ольденбургскаго, зятя императрицы Маріи Θеодоровны, то послѣдній тщетно жаловался на неправильное распредѣленіе и нечего не достигъ, такъ какъ Наполеонъ имѣлъ причины быть недовольнымъ его рѣзкими выходками по адресу Франціи.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Изъ дневника М. И. Михайлова[1]).

. . . . . . Я разговорился съ ними[2]); они стали разспрашивать о моемъ дѣлѣ, я разсказалъ, что считалъ для нихъ интереснымъ; они начали разсказывать о томъ, что слышали обо мнѣ, и, такимъ образомъ, въ первый же день между нами водворилось взаимное довѣріе. Они тотчасъ послѣдовали моему совѣту, опустить свои сабли, отъ которыхъ имъ неловко было сидѣть, и снять мѣшавшіе имъ пистолеты. Вечеромъ, въ Новой Ладогѣ, гдѣ мы ужинали рыбной селянкой въ гостиницѣ при почтовомъ дворѣ, мы уже были какъ будто старые знакомые.

Изъ разсказовъ ихъ я узналъ слѣдующее: между ними былъ слухъ, въ вѣрности котораго они были совершенно убѣждены, что волненіе въ университѣ было произведено мной, что я былъ „всѣмъ студентамъ голова". Затѣмъ они, на основаніи слуховъ, шедшихъ отъ начальства, были увѣрены, что меня собрались отнять и отбить у нихъ на первой станціи отъ Петербурга, въ Ижорѣ, и опять-таки студенты и что ихъ тамъ должно было собраться человѣкъ двадцать. Вслѣдствіе этого меня отправили не въ моемъ возкѣ, а въ мой возокъ посадили другихъ жандармовъ, и на одного изъ нихъ надѣли мою арестантскую шапку, чтобы его можно было принять за меня. Впереди поѣхалъ фельдъегерь.

Затѣмъ Каменевъ показалъ мнѣ маршрутъ, котораго сначала никакъ не хотѣлъ вынимать, потому что не велѣно, и я увидалъ, что меня повезутъ дорогой, которой я никогда не ѣзжалъ, — именно на Мологу, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь и т. д.

---

[1]) См. „Русскую Старину", августъ 1906 г.

[2]) Въ доставленной въ редакцію рукописи г-жи Шелгуновой недостаетъ одной страницы. Изъ дальнѣйшаго видно, что рѣчь идетъ о сопровождавшихъ Михайлова жандармахъ.

Въ какой мѣрѣ установилось между нами довѣріе, яснѣе всего увидалъ я на другое утро.

Не за долго до свѣта пріѣхали мы въ Тихвинъ, гдѣ при почтовой станціи были прекрасныя комнаты (даже съ зеркальными стеклами въ окнахъ), и мы расположились тутъ пить чай. Мнѣ очень захотѣлось написать вамъ нѣсколько строкъ, что я и сдѣлалъ совершенно явно. Когда мы вышли садиться, я сказалъ Бурундукову, чтобы онъ бросилъ письмо въ ящикъ, прибитый у почтамта, насупротивъ станціи, и видѣлъ самъ, какъ онъ опустилъ его.

Когда я въ первый разъ вынулъ свою запыленную книжку, и сталъ въ ней писать карандашемъ, Каменевъ спрашивалъ меня: „не жизнь ли вы свою описываете?“ Я отвѣчалъ утвердительно, и онъ потомъ обыкновенно говорилъ мнѣ при каждомъ удобномъ случаѣ: „А что, записали про то, какъ опрокинулись? А про то, какъ смотритель содралъ за студень цѣлковый, не забыли?“ и т. под.

Его очень интересовало, чтó такое могло быть написано въ листѣ, за который меня не только ссылали, но и заковали. Послѣднее, какъ говорили они, было для нихъ совершенною неожиданностію и очень ихъ смутило; имъ случалось уже препровождать, такимъ образомъ, разныхъ господъ, но въ кандалахъ никого не возили. „Ужъ видно бѣдовый!“ Потомъ, когда я передалъ имъ, сообразно ихъ понятіямъ, содержаніе воззванія, Каменевъ очень серьезно замѣтилъ, что со мной поступаютъ несправедливо, что дѣло было тамъ написано, что я за правду пострадалъ. И онъ повторялъ это часто во все продолженіе дороги. Особенное впечатлѣніе произвели на него, кажется, мои слова о томъ, что крестьянъ обманули волей и что необходимо уменьшить срокъ службы солдатамъ.

Впрочемъ, мы скоро обо всемъ переговорили, и я большую часть дороги могъ молча предаваться моимъ безконечнымъ, тяжелымъ и грустнымъ думамъ.

Разъ я какъ-то началъ говорить о томъ, какая гадость жандармская обязанность, какой позоръ служить въ третьемъ отдѣленіи, какая низость всякій доносъ и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Провожатые мои, особенно Каменевъ, слушали меня съ большимъ вниманіемъ. Имъ казалось это совершенно ново.

— Ну, чтó, правду я говорю?—спросилъ я, наконецъ.

— Правду,—отвѣчалъ, задумавшись, Каменевъ.—Вотъ хоть бы у насъ былъ какой случай. Что ужъ гаже можетъ быть? А есть этакіе подлецы!

И онъ мнѣ разсказалъ объ одномъ жандармѣ, который за какое-то преступленіе былъ приговоренъ къ шпицрутенамъ. Онъ прошелъ сквозь тысячу человѣкъ. Когда его привезли въ лазаретъ, одинъ изъ

товарищей, видя страшное положеніе его, подошелъ къ нему съ сожалѣніемъ и предложилъ ему чарку вина, чтобы подкрѣпился; наказанный жандармъ, почти умиравшій, не нашелъ ничего другаго сказать товарищу, что онъ донесетъ на него за это противузаконное предложеніе.

Я такъ засидѣлся въ послѣдніе три мѣсяца, что мнѣ безпрестанно хотѣлось ходить, хотя этому и значительно мѣшали кандалы. Какъ только мы отъѣхали станціи три отъ Шлиссельбурга, я сталъ выходить изъ возка почти при каждой перемѣнѣ лошадей. Меня смущало только, отчасти, бряцанье моихъ цѣпей; но сдѣлать ихъ менѣе звонкими мнѣ не удалось. Станціи за двѣ до Новой Ладоги, Бурундуковъ принялся обматывать ихъ нашедшимся у насъ холстомъ; но это не помогло. Главное неудобство заключалось въ томъ, что въ городахъ, гдѣ не случалось на станціи ничего поѣсть, нельзя было, не возбудивъ придирокъ, идти въ гостиницу, или въ трактиръ, особенно, если онъ еще былъ далеко отъ почтоваго двора. Одинъ непріятный случай такого рода я сейчасъ разскажу, а теперь стану продолжать по порядку.

Я ужъ сказалъ, что въ Тихвинъ мы пріѣхали рано утромъ 16-го декабря. Хозяинъ долго не хотѣлъ здѣсь взять ничего съ меня за чай, сливки, хлѣбъ, говоря, что это было бы грѣхъ. Здѣсь еще не привыкли къ „несчастнымъ“, ѣдущимъ въ своемъ экипажѣ. Дальше, около Тобольска и за Тобольскомъ, наоборотъ, кажется, потому и норовили взять съ меня за все подороже, что я—„секретный“, а ѣду самъ по себѣ, а не тащусь съ порученіемъ.

Когда я садился въ возокъ въ Тихвинѣ, ко мнѣ подошла нищая и стала просить. И ямщикъ, и всѣ стоявшіе близко начали останавливать ее, крича: „развѣ не видишь? Развѣ у такихъ просятъ? Ты посмотри ему на ноги-то?“ И тутъ разница между мѣстами, близкими отъ Сибири и далекими. Здѣсь я уже не встрѣчалъ больше нищихъ; а тамъ, то есть подальше отъ Петербурга, они на всякой почти станціи обступали меня, и я бралъ постоянно мѣдныя деньги у Каменева, которому жалко было платить ихъ не только даромъ, но и за дѣло, хоть бы, напримѣръ, за ѣду, за чай.

На слѣдующее утро мы пріѣхали въ Устюжну во время обѣдни. День былъ воскресный и надъ городомъ стоялъ гулъ благовѣста. Здѣсь при станціи была гостиница; мы остались поѣсть, потому что больше трудно было разсчитывать на обѣдъ, и я очень обрадовался тремъ-четыремъ нумерамъ „Сѣверной пчелы“, въ которыхъ, впрочемъ, не было ровно ничего интереснаго.

Такъ какъ было еще рано—обѣдня только-что начиналась,—и въ трактирѣ еще не было посѣтителей, то мы расположились въ общей

залѣ, рядомъ съ билліардной. Тамъ скоро раздалось стуканье билліардныхъ шаровъ, и въ полуотворенную дверь было мнѣ видно, какъ тамъ какой-то офицеръ принялся играть съ маркеромъ. Онъ то и дѣло заглядывалъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ, и, наконецъ, вошелъ.

— Вы, вѣроятно, господинъ Михайловъ? — спросилъ онъ меня и отрекомендовался офицеромъ Софійскаго пѣхотнаго полка.

Его особенно интересовало студенческое дѣло. Онъ спрашивалъ меня, выпущены ли студенты изъ крѣпости, и на какихъ основаніяхъ, много ли изъ нихъ сослано, куда именно, на долго ли. Я, на сколько могъ, удовлетворилъ его любопытству.

Замѣчу, кстати, что вѣсть о моей ссылки какъ-то особенно быстро прошла по всей дорогѣ, которую я совершалъ. Не говоря уже о городахъ, не было почти станціи, гдѣ бы смотритель не узналъ моего имени и, завидѣвъ жандармовъ, не спрашивалъ: „не Михайловъ ли это?“ Жандармы не разъ выражали мнѣ свое удивленіе по этому поводу.

Вечеромъ на четвертый день по выѣздѣ изъ Шлиссельбургской крѣпости мы добрались скучной и утомительной дорогой до Ярославля. Цѣлый день мнѣ не удалось нигдѣ перекусить. Богатый торговый городъ Рыбинскъ тоже не выручилъ: гостиница была гдѣ-то за версту отъ станціи, а въ другой по близости ничего не готовили, по случаю поста. Я рѣшился перетерпѣть голодъ до Ярославля.

На станціи тоже ничего нельзя было достать здѣсь, кромѣ чая.

Жандармы мои рѣшили ѣхать въ гостиницу, куда привели бы и почтовыхъ лошадей. Мы отправились, и скоро возокъ мой остановился у хорошо освѣщеннаго подъѣзда очень большаго зданія, какія рѣдко встрѣчаются въ нашихъ губернскихъ городахъ.

Бурундуковъ пошелъ справиться, есть ли отдѣльный номеръ, и послѣ какихъ-то долгихъ переговоровъ, пришелъ съ трактирнымъ слугой во фракѣ объяснить, что свободные два-три номера есть только въ третьемъ этажѣ. Въ общихъ залахъ довольно-таки гостей, а идти въ номера можно по корридору только мимо ихъ. Бурундуковъ замѣчалъ, что это „ничего“. Я вынулъ изъ дорожнаго мѣшка два полотенца и опуталъ ими кандалы; но они не брякали только до входа моего въ большую, очень хорошо убранную прихожую, гдѣ передо мной растворилъ дверь весьма приличный швейцаръ. Эта прихожая и широкая, устланная ковромъ, лѣстница напоминали мнѣ хорошія заграничныя гостиницы, и я никакъ не могъ не подумать, что тамъ нигдѣ не былъ бы возможенъ визитъ въ родѣ моего.

Слуга слегка поддерживалъ меня, чтобы я могъ ступать не такъ твердо, когда мы входили по лѣстницамъ и шли по широкимъ и свѣтлымъ корридорамъ. Кандалы мои предательски позвякивали, не-

смотря на мои старанія ступать какъ можно осторожнѣе. Мы прошли мимо ярко-освѣщенной столовой. Двери въ корридоръ были отворены; но господа, бывшіе тамъ, были слишкомъ заняты разговоромъ или обѣдомъ и не слыхали интереснаго звяканья. Рядомъ были отворены двери и изъ билліардной. Тамъ шла игра; но одинъ господинъ взглянулъ таки на меня въ корридоръ. Замѣчательно то, что звука кандаловъ нельзя принять ни за что другое. Всякій сейчасъ же устремлялъ на меня глаза, и никакъ не подумаетъ, какъ бы тихо они ни брякали, что это звенятъ мѣдныя деньги въ карманѣ, или что-нибудь другое. Выглянувшій господинъ, къ счастію, не отличался, вѣрно, чуткостью.

Наконецъ, взобрались мы въ третій этажъ, въ просторную и чистую комнату, и я заказалъ обѣдъ. Мы еще не успѣли кончить обѣда, какъ явился въ комнату какой-то маленькій горбунъ, слабое подобіе Квазимодо, въ черномъ сюртукѣ. Это, какъ оказалось, былъ староста со станціи, явившійся за полученіемъ денегъ.

Онъ, впрочемъ, не удовольствовался тѣмъ, что взялъ прогоны и, надѣясь, вѣроятно, получить еще хоть цѣлковый, поднялъ вопросъ о томъ, имѣли ль право жандармы въѣзжать со мною, „секретнымъ“ арестантомъ, въ гостиницу.

— Это такъ нельзя оставить,—говорилъ онъ гадкимъ, разбитымъ голосомъ.—Мнѣ законы извѣстны. Вамъ слѣдовало въѣхать въ станціонный домъ. Вы еще за это отвѣтите.

Бурундуковъ вспылилъ.

— Прогоны ты получилъ? — раскричался онъ: — такъ и ступай себѣ. Что ты тутъ за начальникъ, что пришелъ спрашивать? Да я и отвѣчать-то тебѣ не хочу. Почемъ ты знаешь, какія у меня инструкціи? Вонъ сейчасъ отсюда!

Горбунъ, вѣроятно, ждавшій мировой сдѣлки, началъ ворчать что-то подъ носъ себѣ, изъ чего можно было разобрать только:

— Здѣсь, вѣдь, тоже есть и ваше начальство... Штабъ-офицеръ... Здѣсь же назадъ-то поѣдете... Заставятъ васъ отвѣтить!

— Пошелъ, тебѣ говорятъ, вонъ!.. Жалуйся, кому знаешь!—крикнулъ Бурундуковъ уже такъ рѣшительно, что поганый горбунъ разсудилъ убраться поскорѣе отъ грѣха.

Каменевъ все это время сидѣлъ молча и, съ совершенно безстрастнымъ спокойствіемъ въ лицѣ, пилъ чай, стаканъ за стаканомъ. Надо замѣтить, что хоть ему и были ввѣрены деньги и бумаги, но онъ старшинствомъ уступалъ Бурундукову и былъ облеченъ довѣріемъ начальства, вѣроятно, въ этомъ случаѣ только по знанію своему грамоты да по примѣрной своей „умѣренности и аккуратности“. Даже у меня въ возкѣ принадлежало ему лишь второстепенное мѣсто.

Онъ сидѣлъ задомъ къ кучеру, на чемоданѣ моемъ вмѣсто скамейки, и только когда особенно уставалъ и хотѣлъ спать, Бурундуковъ уступалъ ему мѣсто, да и то большею частью лишь тогда, когда самъ уже хорошо выспался.

Только по уходѣ горбуна, Каменевъ, опрокидывая стаканъ на блюдечко, замѣтилъ:

— Чего ему, дураку, нужно было?

Мы выѣхали изъ города благополучно; но насъ какъ-будто преслѣдовало проклятье горбуна. Зимняя дорога шла Волгой. Вскорѣ послѣ того, какъ мы выѣхали, поднялся вѣтеръ, не особенно сильный, но со снѣгомъ, и поднялъ небольшую метель. Мы преспокойно задремали, никакъ не воображая, чтобы, ѣдучи по льду рѣки, можно было, даже при сильной метели, сбиться съ дороги. Но это именно случилось.

Когда кто-то изъ насъ проснулся и тотчасъ разбудилъ другихъ, мы стояли надъ полыньей. Ямщикъ не зналъ, что дѣлать и гдѣ дорога. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ рѣшилъ, что мы не по той дорогѣ ѣдемъ, и повернулъ назадъ. Потомъ онъ еще раза два ворочался и, наконецъ, съ самымъ твердымъ убѣжденіемъ заявилъ, что дорога найдена, и что теперь остается до станціи не больше половины пути. Спалъ онъ что ли, или ѣхалъ въ первый разъ, или по какой разсѣянности потерялъ, дѣйствительно, занесенную снѣгомъ дорогу,—но онъ сваливалъ все на какихъ-то проѣзжихъ въ саняхъ, которые, видимо, обошли его. Мы безпрестанно спрашивали его, скоро ли же, наконецъ, станція. Онъ отвѣчалъ все, что сейчасъ.

Ночь была довольно темна, но скоро на снѣгу можно было разсмотрѣть чернѣющія строенія, а за ними бѣлѣющую церковь.

— Это станція?

— Станція.

Не успѣли мы успокоиться на этомъ извѣстіи, какъ ямщикъ, повернувшись ко мнѣ, какъ-то странно проговорилъ:

— А вѣдь это не станція.

— Такъ что же?

— Да я и самъ не знаю.

Это былъ—снова Ярославль, но ямщикъ, какъ Одиссей, вынесенный на родной берегъ, не узналъ его, онъ долго не хотѣлъ соглашаться и съ жандармами, когда тѣ начали увѣрять его, что онъ обратно привезъ насъ въ Ярославль.

Когда онъ убѣдился, наконецъ, въ этомъ, отчаяніе его было невообразимо, и онъ и дорогой, и по пріѣздѣ на почтовый дворъ не переставалъ изумляться своей ошибкѣ и изрекать проклятія на встрѣтившіяся ему сани, и на какихъ-то лѣшихъ, сидѣвшихъ въ нихъ.

Къ досадѣ его прибавилось еще что-то въ родѣ лихорадки: отыскивая дорогу, онъ вымокъ по поясъ въ сугробахъ и зажорахъ.

Горбунъ, вѣроятно, удовлетворенный нашею неудачной поѣздкой (оказалось, что мы плутали пять часовъ), смотрѣлъ уже кротко и помалчивалъ. Но для производства слѣдствія явился почто-содержатель, какой-то отставной офицеръ, и распорядился, чтобы съ нами отправился провожатый съ фонаремъ.

Въ утѣшеніе, онъ сообщилъ, что и самъ начальникъ губерніи этой же дорогой ѣздитъ всегда и недавно еще застрялъ гдѣ-то въ зажорѣ.

На этотъ разъ мы доѣхали до станціи, хоть и тащились опять пять часовъ.

Если бы не это плутанье, по утру могли бы мы быть въ Костромѣ, но были только въ Нерехтѣ, а въ Кострому проѣхали только въ серединѣ дня.

Я былъ уже сильно истомленъ дорогой, потому-что нигдѣ не отдыхалъ; но мнѣ хотѣлось сдѣлать хоть половину пути, который казался мнѣ безконечнымъ. Спутники мои мнѣ надоѣли и опротивѣли; въ головѣ была какая-то путаница отъ неизвѣстности того, что меня ожидаетъ; на сердцѣ горько и одиноко, сны видѣлись все о свободѣ, да о бѣгствѣ, да о васъ,—а иногда и такіе, что просыпался отъ испуга. Съ самаго отъѣзда изъ Петербурга и до Тобольска я вообще былъ словно растерянный какой и не могъ ничего сообразить хорошенько,—и все какъ-будто что-то щемило мнѣ сердце. Спать приходилось мнѣ сидя, и это еще болѣе утомляло меня. Протянуть ноги значило только подвергнуть ихъ холоду. И такъ онѣ у меня безпрестанно зябли, несмотря на толстые и теплые сапоги. Какъ ни старался я укрывать свои кандалы, они быстро холодѣли; холодѣли и кольца, которыя какъ когти охватывали мнѣ ноги, и ноги начинали ныть и тосковать.

Но мнѣ хотѣлось ѣхать скорѣе, чтобы скорѣе добраться до мѣста. Я лишь не на долго остановился въ Вяткѣ, чтобы пообѣдать да написать письмо, которое ты и получила. Хозяйка дома, въ которомъ помѣщается почта, видя, какъ я изнеможенъ, упрашивала меня остаться переночевать, а на ночь сходить попариться въ баню. О банѣ, разумѣется, нечего было и думать, потому что я не могъ бы снять съ себя брюкъ при узкихъ кольцахъ кандаловъ; но и ночевать, несмотря на явное желаніе и моихъ провожатыхъ отдохнуть немного, я не хотѣлъ остаться. „Доѣду хоть до Перми, и тамъ отдохну. Все-таки хоть половина первой части дороги будетъ позади“, думалъ я, и такъ и сдѣлалъ.

Утро Рождества встрѣтили мы въ только-что отстроенной, сѣрой и

холодной станціонной избѣ. Горница была очень большая; вездѣ отъ стѣнъ дуло; изъ оконъ тоже. Одиночныя рамы въ окнахъ дрожали и скрипѣли отъ жестокаго вѣтра, который вылъ, какъ бѣшеный около одиноко-стоящаго дома. Это былъ праздникъ только для Каменева. Онъ могъ разговориться и перестать завидовать мнѣ, что я пью чай съ молокомъ, когда случалось найти молоко. Въ горницѣ ярко топилась большая печь, и мы оттащили столъ изъ передняго угла къ ней, и тутъ напились чаю; съ одного боку подпекала насъ печка, а съ другаго обдувалъ вѣтеръ; такъ что пламя свѣчи на столѣ колебалось и сало оплывало. Было еще темно.

Въ ночь этого же дня добрались мы, наконецъ, до Перми. Мы пріѣхали туда часу во второмъ. Отдохнуть было уже рѣшительно необходимо: у меня ломило спину и всѣ кости; ноги были какъ онѣмѣвшія. Дорога становилась все хуже и хуже—то ухабы, то снѣгъ по колѣна, то снѣгъ сдуло съ дороги. Въ иныхъ мѣстахъ такъ было выбито, что я ѣхалъ съ постоянно замирающимъ сердцемъ: вотъ сейчасъ ухабъ! и каждый толчокъ экипажа отдавался рѣзкой болью у меня въ головѣ.

Во второмъ этажѣ пермскаго почтоваго дома было нѣчто въ родѣ гостинницъ—три-четыре просторныхъ комнаты съ узкими диванами по стѣнамъ и съ голыми кроватями. Побоявшись клоповъ, я улегся на диванъ и проспалъ ночь, какъ убитый, несмотря на скованныя ноги. Утромъ я чувствовалъ какое-то дрожанье во всемъ тѣлѣ, вѣроятно, застоявшаяся кровь расходилась, хотѣлъ было написать къ тебѣ письмо, но у меня было какое-то отупѣніе въ головѣ, и руки дрожали, какъ у горькаго пьяницы. Мнѣ почему-то думалось, что я получу здѣсь какую-нибудь вѣсточку отъ васъ. Спросилъ, не справлялись ли обо мнѣ до моего пріѣзда—нѣтъ. Утромъ увидалъ я, идетъ казакъ. Дѣйствительно, онъ справлялся, кто пріѣзжіе; но, собственно, мною никто не интересовался, значитъ, письма ко мнѣ не было. Зашелъ на нѣсколько минутъ бывшій студентъ Петербургскаго университета, полякъ, остановившійся тутъ же, рядомъ со мной. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга до волненій въ университетѣ на службу сюда. Мнѣ не понравился онъ, и самую фамилію его я забылъ.

Изъ оконъ моей комнаты виднѣлась огромная пустынная площадь, вся перекрытая снѣгомъ. Праздничный звонъ гудѣлъ, поводъ еще болѣе тоски,—и я торопилъ жандармовъ ѣхать.

Во всю почти дорогу отъ Вятки, чуть не на каждой станціи, приходилось слышать:

— Вотъ недавно изъ Варшавы двухъ провезли.

Или:

— Третьяго дня ксендзъ проѣхалъ изъ Варшавы съ жандармами

Въ Кунгурѣ, гдѣ я былъ вечеромъ въ тотъ день, мнѣ сказали, что тутъ провезли, одного вслѣдъ за другимъ, шесть ксендзовъ.

Тутъ меня еще болѣе напугали дорогой. Отсюда-то только и начинаются ухабы.

Это оправдалось какъ нельзя лучше. Безконечные обозы съ чаями потянулись навстрѣчу, и до самой Тюмени почти не прерывались. Дорога, дѣйствительно, была безпримѣрно выбита. Селенія, правда, начинали смотрѣть нѣсколько зажиточнѣе: не кидалась уже въ глаза та голая, вопіющая нищета, какая возбуждала тягостную тоску въ Вологодской, въ Вятской губерніяхъ. Но за то горько и тяжело было отъ другаго зрѣлища. Около каждой деревни темнѣли средь глубокаго снѣга сѣрые частоколы этаповъ. Но раннимъ утромъ около ихъ воротъ стояли бабы съ калачами, съ молокомъ для несчастныхъ. Попадались партіи ссыльныхъ: скованные по четверо вмѣстѣ желѣзными поручнями, съ заиндевѣвшими бородами, шли впередъ каторжные; безъ оковъ сзади, въ жалкой одежонкѣ, въ куцыхъ негрѣющихъ казенныхъ полушубкахъ, отправляющіеся на поселеніе; еще дальше—дровни съ бабами, съ больными, съ дѣтьми, закутанными въ разное жалкое тряпье. Солдаты и казаки шли, какъ пастухи за стадомъ.

Екатеринбургъ проѣхалъ я въ три часа ночи съ 27-го на 28-е число. Я, вѣроятно, остался бы до утра, если бъ братъ Павелъ былъ въ это время здѣсь; но мнѣ сказали на почтѣ, что онъ не пріѣзжалъ.

О дальнѣйшей дорогѣ до Тобольска нечего было бы и говорить, если бъ съ нами не случилось смѣшнаго происшествія, станціи за двѣ за три отъ города Тюмени.

На этой станціи мы рано пообѣдали, чѣмъ нашлось. Когда выходили садиться, ямщикъ, еще молодой парень, съ круглымъ, краснымъ лицомъ, съ смѣлыми глазами сдѣлалъ намъ упрекъ, что мы долго слишкомъ прохлаждались съ чаемъ, что лошади не стоятъ.

— Ну, такъ поѣзжай скорѣе!

И дѣйствительно лошади помчались, какъ стрѣла.

— Не гони; пристанутъ потомъ — станція длинная!—остановилъ его Каменевъ.

Вдругъ лошади остановились.

— Что такое?

— Гдѣ у васъ ямщикъ-то?—спрашивалъ мужикъ, стучась въ затворенное окно.

Оказалось, что ямщикъ слетѣлъ съ козелъ и остался позади.

Когда онъ догналъ насъ, мы увидѣли, что онъ еле держится на ногахъ. Видно, на морозѣ его разобрало.

— Да ты, парень, пьянъ? того и гляди опять слетишь да и повозку повалишь.

— Пьянъ! такъ закачу, только держись.

— Легче! легче!

Онъ погналъ опять, какъ сумасшедшій. Возокъ трещалъ на ухабахъ.

На шестой верстѣ лошади вдругъ стали, какъ вкопанныя. Какъ ни кричалъ на нихъ ямщикъ и съ козелъ, и слѣзши, онѣ не дѣлали ни шага впередъ. Такъ простояли мы, по меньшей мѣрѣ, четверть часа.

Бурундуковъ вышелъ изъ терпѣнія и выскочилъ изъ возка.

— Вѣдь говорили тебѣ, чтобы ты не гналъ? Вотъ, стали теперь лошади.

Ямщикъ вдругъ разразился самою свирѣпою бранью. Его уже совсѣмъ разобрало.

— Оттого и стали, что ты гналъ меня, кричалъ онъ, чуть не къ каждому слову прибавляя отвратительное русское ругательство,— ты и меня всего избилъ! Саблей—меня въ бокъ тыкалъ!

Онъ вралъ все это.

Шагахъ въ двадцати виднѣлась крайняя изба, только-что проѣханная нами, маленькой деревушки.

— Что съ нимъ толковать?—обратился ко мнѣ Бурундуковъ.— Онъ пьянъ и какъ одурѣлый какой-то. Надо тутъ спросить лошадей въ деревнѣ; эти не довезутъ, онъ ихъ совсѣмъ загналъ.

Изъ деревни кто-то ужъ увидалъ, что съ нашимъ возкомъ что-то случилось, и тутъ какъ разъ подошло мужиковъ пять, шесть. Лошадей у нихъ не оказалось. Ямщикъ, обрадовавшись слушателямъ, началъ кричать съ тою же бранью еще громче.

Въ каждомъ словѣ его выражалось то ожесточеніе, которое глубоко таитъ въ себѣ простолюдинъ противъ всякаго, въ особенности же противъ военнаго начальства. Въ солдатѣ онъ привыкъ видѣть не собрата своего, который несчастнымъ случаемъ попалъ самъ чуть что не въ каторгу, а грабителя своего и притѣснителя. Да, впрочемъ, и не изъ чего было вынести иный взглядъ? Особенно жандармъ долженъ быть ненавистенъ, по своему произволу, по безнаказанности.

Ямщикъ ругался и кричалъ, не умолкая. Онъ на каждомъ словѣ клеветалъ на своихъ провожатыхъ.

— Они избили меня,—вопіялъ онъ;—гнали во всю мочь. Только и кричали, что пошелъ да пошелъ. Съ козелъ меня столкнули.— А ты кто такой?—обращался онъ къ Бурундукову, размахивая руками:—Генералъ ты, что ли, какой? ты солдатъ (и крѣпкое словцо)— солдатъ безштанный (и опять крѣпкое словцо).

Бурундуковъ и Каменевъ объяснялись, между тѣмъ, съ мужиками, и изъ этихъ объясненій оказалось, что въ деревушкѣ всего-то три двора и лошадей нѣтъ.

— Надо съѣздить назадъ на станцію, за лошадьми. Помогите-ка кто-нибудь отпречь пристяжную.

Мужики не двигались.

— Что жъ вы?

— Не замай, братцы!—кричалъ ямщикъ.

— Что жъ—наше дѣло тутъ сторона. Чего жъ мы?

— И то, братцы.

Бурундуковъ пошелъ отпрягать лошадь.

— Нѣтъ, ты не смѣешь отпречь,—закричалъ ямщикъ.—Не дамъ я тебѣ.

Онъ рванулся было къ нему, но свалился и едва приподнялся, скользя на обледенѣломъ снѣгу дороги.

— Видите, какъ онъ пьянъ,—замѣтилъ Каменевъ мужикамъ.

— Точно, что маленько выпивши.

Но не успѣлъ Каменевъ отойти шага на два на три, какъ они принялись наускивать ямщика:

— Не давай, паря, не давай!

Ямщикъ кинулся—и на этотъ разъ удачнѣе,—да поздно. Вдвоемъ жандармы успѣли уже отпречь лошадь, и Бурундуковъ сѣлъ на нее верхомъ.

Тутъ-то разразился нашъ ямщикъ.

Въ то время, какъ Бурундуковъ удалялся отъ насъ назадъ, онъ напустился на Каменева, который, какъ и товарищъ его—надо признаться—велъ себя, какъ нельзя лучше во всей этой исторіи.

Теперь ямщикъ далъ другой оборотъ своимъ ругательствамъ.

— Ты кого везешь?—кричалъ онъ, все съ тѣми же неизбѣжными приговорками.—Ты секретнаго везешь. Вотъ кого! Не генерала ты везешь, а секретнаго. А въ чемъ ты его везешь? Я, братъ, законы знаю. Развѣ въ этакой избушкѣ секретныхъ возятъ. На это перекладная есть. А ты его проходной везешь.

— Молчи ты, когда съ тобой не разговариваютъ,—попробовалъ кротко замѣтить ему Каменевъ.

— Не стану молчать!—еще громче голосилъ ямщикъ.—Секретнаго-то ты въ избушкѣ въ этой везешь? Ты кто такой? Жандаръ ты... (словцо). А сабля у тебя гдѣ? Захочу я тебя все равно расхлещу. Съ секретнымъ ты ѣдешь, а гдѣ у тебя сабля? А!... Жандаръ ты, а я плевать хочу на тебя. А пистолетъ у тебя гдѣ? Секретнаго ты везешь... Секретнаго али нѣтъ?... А какъ же ты его безъ сабли везешь.

Каменевъ подошелъ къ растворенной дверцѣ возка и началъ говорить со мной.

Тутъ совершилось нѣчто совсѣмъ неожиданное.

Пользуясь, вѣроятно, тѣмъ, что жандармъ не обращаетъ на него никакого вниманія и подзадоренный мужиками, ямщикъ вдругъ вскочилъ на козлы, крикнулъ на лошадей въ источный голосъ, и лошади, вѣроятно, съ испугу помчались. Я захлопнулъ поскорѣе дверцу возка и отворилъ маленькое оконце впереди.

— Стой! куда ты? Остановись! Держи лошадей!—кричалъ я ямщику.

Но онъ ничего не слушалъ, размахивалъ кнутомъ, какъ сумасшедшій и только отчаянно ухалъ на лошадей,

— Что, плохо везу? Плохо?—восклицалъ онъ повременамъ. — Пристали лошади? А! Вотъ, какъ я на парѣ троихъ везу.

Ясно было, что онъ ничего не помнитъ.

Видя, что слова мои не помогаютъ, я схватилъ его за полы, потомъ за плечо, но толку никакого не было: онъ продолжалъ гнать все сильнѣе.

Наконецъ уже, онъ какъ-то неловко пошатнулся, неловко потянулъ возжи, и лошади круто повернули въ сторону, и уперлись въ сугробъ. Мы проскакали версты три.

Тутъ догналъ насъ Каменевъ верхомъ. Мужики испугались, видя, что можетъ выйти плохо для нихъ, и поспѣшили дать ему лошадь. Онъ съ великимъ трудомъ усадилъ ругающагося ямщика на козлы, сѣлъ съ нимъ самъ, и мы поѣхали назадъ, чтобы встрѣтиться съ Бурундуковымъ.

Замѣчательнѣе всего то, что когда, стоя около сугроба, ямщикъ опять принялся за ругательства, и опять кричалъ: „ты секретнаго везешь... Какъ же ты его въ избушкѣ везешь?“ и проч., и когда я крикнулъ ему: „Да перестанешь ли ты ругаться?“, — онъ вдругъ нѣсколько присмирѣлъ, подошелъ къ окошку, въ которое я глядѣлъ, снялъ шапку и принялся оправдываться передо мной, называя меня „ваше превосходительство“. Не думайте, чтобы въ этомъ названіи, какъ и вообще въ обращеніи ко мнѣ, была хоть искра ироніи.

Когда мы отъѣхали немного назадъ, и Бурундуковъ встрѣтился намъ въ саняхъ съ посланнымъ со станціи и съ парою свѣжихъ лошадей, на подкрѣпленіе остальныхъ, ямщикъ перепугался и повидимому совсѣмъ отрезвѣлъ. Лошадей припрягли, и онъ, извиняясь, сталъ просить, чтобы ему дозволили довезти насъ до слѣдующей станціи. Онъ и повезъ насъ—уже тихо и смирно, и довезъ исправно.

Если бъ мнѣ въ то время, какъ мы мчались только вдвоемъ съ пьянымъ ямщикомъ, попался какой-нибудь исправникъ или становой,

Противъ ожиданія, въ приказѣ не было пусто. Тамъ было человѣкъ десять,—повидимому, служащихъ тутъ чиновниковъ. Это можно было заключить развѣ по тому, что нѣкоторые изъ нихъ писали, нѣкоторые расхаживали, какъ дома, съ развязностью хозяевъ этихъ грязноватыхъ мѣстъ, и всѣ обступили меня съ разспросами, съ предложеніемъ погрѣться у громадной желѣзной печи, которая, какъ адъ, пылала въ углу, или сѣсть, или покурить. Но если бы судить по одеждѣ, ихъ никакъ бы не принять за чиновниковъ. Такіе жалкіе костюмы можно встрѣтить, да и то не всегда, развѣ въ казармѣ, гдѣ помѣщаются ссыльные изъ бѣдныхъ слоевъ общества. Продранные сапоги, продранные валенки, покрытые заплатами штаны, замасленные до послѣдней степени сюртуки съ оборванными пуговицами и продранными локтями, какія-то онучки на шеѣ вмѣсто галстуха, какія-то страннаго покроя (и тоже въ дырахъ) одежды—не то ваточные халаты, не то пальто, обличающіе подъ широкими рукавами отсутствіе хоть какой-нибудь рубашки. Говорятъ, что приказные эти побираются гривенниками и даже пятаками отъ несчастныхъ, проходящихъ черезъ ихъ руки. Оно и не удивительно. Кромѣ звѣрообразнаго воспитанія, полученнаго большею ихъ частью, они лишены всякой иной возможности добыть себѣ денегъ на существованіе. Послѣдній лакей получаетъ болѣе лучшаго изъ нихъ; а работы много. Мнѣ невольно пришло въ голову: если такая голь—управляющіе судьбою людей, въ число которыхъ попалъ и я, то какова же голь должны быть управляемые. Я теперь сомнѣваюсь, чтобы и каторжный согласился обмѣняться своимъ мѣстомъ, платьемъ и дѣломъ съ кѣмъ-либо изъ канцелярскихъ чиновниковъ Тобольскаго приказа о ссыльныхъ.

Ямщикъ въ мохнатой бѣлой шубѣ, вверхъ шерстью, привезшій меня, вошелъ почти вслѣдъ за нами въ канцелярію, попросилъ у одного изъ жандармовъ моихъ папироску и закурилъ ее у печки. Куря, какъ дома, онъ съ такимъ сознаніемъ своего превосходства смотрѣлъ на приказныхъ, что они казались еще жалче. Когда кто-нибудь изъ нихъ заговаривалъ съ нимъ, онъ отвѣчалъ съ такимъ достоинствомъ, что заговорившій какъ будто еще болѣе умалялся и чуть ни начиналъ заискивать его расположенія. А, между тѣмъ, этотъ ямщикъ ждалъ отъ меня гривенника на водку.

Кто-то изъ приказныхъ, болѣе приличнаго и пріятнаго вида, побѣжалъ къ управляющему приказомъ съ пакетомъ и извѣстіемъ о моемъ пріѣздѣ. Прошло минутъ двадцать, пока онъ возвратился и объявилъ, что управляющій скоро будетъ самъ. Надо подождать. Я прождалъ еще минутъ десять. Тутъ пришелъ еще какой-то посланный и сказалъ, что управляющій не велѣлъ ждать его, а приказалъ отвезти меня въ тюремный замокъ.

Поѣхали. До замка было не далеко, и мы скоро были уже у желѣзныхъ рѣшетчатыхъ воротъ, около которыхъ стояло и сидѣло съ десятокъ бабъ, торговокъ калачами, молокомъ и пр. Зданіе тюрьмы имѣетъ довольно внушающій видъ: оно ново, выбѣлено начисто и не напоминаетъ унылыя, полуразвалившіяся тюрьмы этаповъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ.

Часовой, стоявшій за рѣшеткой воротъ, дернулъ за звонокъ, проведенный въ кордегардію; на звонокъ его вышелъ съ ключомъ дежурный старшій и отперъ передъ нами завизжавшія на петляхъ ворота.

Тутъ тотчасъ очутился передо мной смотритель замка, толстенькій невысокаго роста человѣчекъ съ какимъ-то сѣроватымъ лицомъ и заговорилъ скороговоркой, раза по три повторяя почти каждое слово. Онъ чуть открывалъ ротъ, когда говорилъ, и такъ торопился, что надо было съ напряженіемъ слушать его, чтобы понять.

— Вещи ваши, вещи ваши, полноте-съ, суетился онъ.—Жандармъ, жандармъ, выкладывай. Продерни, ямщикъ, возокъ-то, возокъ-то.

Возокъ продернули изъ воротъ во дворъ, довольно просторный, окруженный со всѣхъ сторонъ бѣлыми стѣнами. Прямо противъ въѣздныхъ воротъ были другія растворенныя ворота, проходившія подъ такого же почти объема, какъ и наружная часть острога, зданіемъ о трехъ этажахъ. Справа и слѣва были каменныя, бѣлыя стѣны, отдѣлявшія главный дворъ отъ дворовъ разныхъ отдѣловъ тюрьмы. И съ той и съ другой стороны въ этихъ стѣнахъ было по двое воротъ.

— Выкладывай тутъ все изъ возка, изъ возка!—торопливо распоряжался смотритель.

Жандармы вынимали мои пожитки и клали все въ кучу, на землю.

— Все вынимай! все вынимай. А то вѣдь тутъ оставить ничего нельзя. Какъ разъ растащутъ, растащутъ, анаѳемы. Войлочекъ-то вынь. Окна-то не сымаются ли?

И онъ расшатывалъ окна, предполагая, вѣроятно, что и ихъ могутъ утащить.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ въ канцелярію. Ты побудь тутъ покамѣстъ, покарауль,—крикнулъ онъ одному изъ жандармовъ.

Я не понималъ да и теперь не понимаю, зачѣмъ мнѣ нужно было подыматься чуть ли не въ третій этажъ, въ грязную и пустую комнату, именовавшуюся канцеляріей. Каменевъ, пошедшій со мной, предлагалъ смотрителю принять отъ него мои деньги, но онъ возсталъ противъ этого всѣми силами и говорилъ о нихъ, какъ будто это были раскаленные угли, до которыхъ его рукамъ страшно притронуться.—(Потомъ полицеймейстеръ разбранилъ его за это и велѣлъ

получить отъ жандарма мои деньги). Онъ исчезъ минутъ на десять, я походилъ изъ угла въ уголъ, посидѣлъ и ужъ начиналъ, признаюсь, сильно злиться на эти проволочки, какъ смотритель вернулся.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!—заговорилъ онъ опять такъ же торопливо.

Мы спустились.

— Пожалуйте за мной-съ! Эй вы! берите, берите вещи! Несите сюда, сюда!

Два, три не то казака, не то мужика взвалили мою поклажу на плечи и понесли все за мной. Мы прошли въ среднія ворота, на такъ называемый кандальный дворъ; посреди его стояло невысокое зданіе о двухъ этажахъ (верхній, впрочемъ, больше похожъ былъ на чердакъ). Тутъ влѣво отъ воротъ виднѣлась надъ дверьми крупная надпись славянскими буквами, какой-то текстъ. Это былъ входъ въ церковь. Дворъ, собственно говоря, обходилъ вкругъ этого зданія, лишь какъ корридоръ.

Мы повернули влѣво, потомъ за уголъ. Солдатъ отперъ рѣшетчатую тяжелую дверь. Мы вошли въ темный, сырой и довольно зловонный корридоръ съ тюремными дверями по одну сторону. Одна изъ этихъ дверей была передъ нами распахнута, и я вошелъ въ назначенное мнѣ помѣщеніе.

Это была комната саженей въ шесть квадратныхъ. Она еле освѣщалась маленькимъ полукруглымъ окномъ, которое ближе было къ потолку, чѣмъ къ полу. По двумъ сторонамъ приложены были къ стѣнѣ нѣсколько покатыя широкія нары. Стѣны были запотѣвшія и покрытыя плѣсенью. Воздухъ спертый, пропитанный махоркой, сапожной кожей и прѣлью. На нарахъ помѣщались два арестанта — оба пожилые небольшаго роста. Одинъ зашивалъ себѣ что-то, другой сидѣлъ свѣся ноги.

— Вотъ вы въ уголокъ тутъ, въ уголокъ пристройтесь,— посовѣтовалъ мнѣ смотритель.—А ты оттащи свою-то лопать да подушку-то, крикнулъ онъ спавшему въ углу арестанту.

Уголокъ весь заросъ зеленою плѣсенью.

— Нѣтъ, ужъ я лучше въ серединѣ помѣщусь,—замѣтилъ я:—тамъ сыро слишкомъ.

— Какъ угодно-съ. Да ихъ и вывести отсюда можно. Вотъ надо надзирателю, надзирателю сказать.

Надзиратель, худощавый, старый казакъ вошелъ вмѣстѣ съ нами.

— А впрочемъ погодить можно; вы покамѣстъ, покамѣстъ не раскладывайтесь. Можетъ, полицеймейстеръ прикажутъ васъ отсюда перевести.

Вещи мои сложили на нары, я сѣлъ около нихъ.

Тутъ вошелъ молодой караульный офицеръ.

— Вамъ угодно-съ, угодно-съ будетъ освидѣтельствовать вещи?— спросилъ смотритель.

— Нѣтъ, не нужно,—отвѣчалъ офицеръ, поклонился мнѣ и ушелъ.

— У васъ можетъ чернильница есть?—спросилъ меня смотритель.

— Есть.

— Здѣсь вѣдь не позволено-съ. Въ канцеляріи-съ только дозволяется писать, если что нужно.

— Мнѣ нечего писать теперь, и она у меня далеко заложена. Потомъ объ этомъ.

— Очень хорошо-съ. Такъ вы извольте посидѣть-съ покуда здѣсь, а я къ полицеймейстеру съѣзжу-съ.—Ты ужъ побудь здѣсь, обратился онъ къ надзирателю:—чтобы не безпокоили ихъ, не безпокоили. Или понадобится что.

Я закурилъ папироску и сталъ ждать. Мнѣ пришлось просидѣть тутъ съ полчаса. Я былъ такъ озлобленъ, что я все еще какъ будто не на мѣстѣ, что меня бѣсилъ каждый вопросъ надзирателя. А онъ считалъ, кажется, своею обязанностью занимать меня, какъ гостя. Арестанты, сидѣвшіе тутъ, какъ оказалось изъ его словъ, были только подсудимые. Они то выходили изъ камеры, то опять приходили. Вѣроятно слухъ о новопріѣзжемъ „кандальщикѣ“ изъ благородныхъ разнесся по всему отдѣленію. Дверь ко мнѣ безпрестанно отворялась, и то высовывалось любопытное лицо съ обритой на половину головой, то смѣло переступалъ порогъ вѣроятно болѣе опытный ссыльный, и, чтобы имѣть возможность постоять тутъ и взглянуть на меня (а можетъ и попользоваться какою мелочью), начиналъ какую-нибудь пустяшную просьбу. Надзиратель едва успѣвалъ отдѣлывался отъ этихъ посѣтителей, крича имъ: „Потомъ придешь! — Что вы лѣзете сюда?—Пошелъ вонъ!—Не смѣть растворять дверь“! Это не помѣшало ему увѣрять меня, что мнѣ было бы гороздо лучше, если бъ я остался въ его вѣдѣніи, что для меня можно бы очистить „секретную“ получше другихъ, и проч. Мои чемоданы замѣтно внушали ему уваженіе, и онъ разсчитывалъ, что, теряя меня, теряетъ очень выгоднаго жильца.

— Право, лучше бы вамъ здѣсь было,—шепнулъ онъ мнѣ и тогда, какъ явился смотритель съ извѣстіемъ, что полиційместеръ приказалъ перевести меня въ дворянское отдѣленіе.

Я, разумѣется, не увлекся совѣтомъ надзирателя. Если въ дворянскомъ будетъ не лучше, то вѣдь и хуже не можетъ быть—трудно по крайней мѣрѣ.

Опять понесли мои вещи, той же дорогой. Мы вышли на главный дворъ, потомъ влѣво во вторыя ворота, около которыхъ выходилъ сюда узкою стороной съ однимъ высокимъ, маленькимъ полу-

круглымъ окномъ флигель, гдѣ помѣщалось дворянское отдѣленіе. Подъ навѣсомъ неподалеку я увидалъ свой возокъ.

Смотритель, идя со мной, объяснялъ скороговоркой:

— Вы покамѣстъ вдвоемъ-съ, вдвоемъ-съ будете. Одинъ молодой тамъ человѣкъ. Тоже изъ дворянъ. Номеровъ теперь свободныхъ нѣтъ-съ. А вотъ-съ, вотъ-съ какъ партію отправимъ—вамъ отдѣльную можно будетъ дать-съ.

На небольшой продолговатый дворъ, куда мы вступили, флигель смотрѣлъ довольно длиннымъ рядомъ такихъ же маленькихъ окошекъ и казался подслѣповатымъ. У крыльца, на дальнѣйшемъ концѣ, стоялъ часовой около будки. Рѣшетчатыхъ дверей не было, а простыя,—и тѣ не заперты. Вотъ ужъ и лучше, значитъ.

Смотритель просто толкнулъ изъ сѣней дверь. Она тяжко растворилась, притягиваемая кирпичемъ на веревкѣ вмѣсто блока,—и меня охватило удушливымъ тепломъ и маслянымъ чадомъ.

Такой же мрачный (развѣ немножко лишь свѣтлѣе) корридоръ и съ такими же окнами подъ потолкомъ, какъ и въ кандальномъ отдѣленіи, былъ передо мной. Отъ грязныхъ половъ и отсырѣвшихъ, покрытыхъ темными пятнами стѣнъ онъ казался еще темнѣе. При томъ онъ наполненъ былъ сѣроватымъ паромъ или чадомъ, и сразу я ничего не могъ разсмотрѣть.

Двери номеровъ были и здѣсь лишь по одну сторону. Мнѣ назначалась шестая дверь отъ входа.

Приходъ мой, сопровождаемый необычнымъ здѣсь бряканьемъ цѣпей, возбудилъ конечно любопытство моихъ новыхъ товарищей. Изъ дверей выглядывали то мужчины, то женщины; два расхаживавшіе по корридору арестанта, одинъ въ сѣромъ арестантскомъ длинномъ до пятъ халатѣ, другой въ дикаго цвѣта какомъ-то пальто, остановились посмотрѣть на мое лицо и на мои ноги. Откуда-то слышался крикъ груднаго и повидимому новорожденнаго младенца.

Въ отведенной мнѣ комнаткѣ, которая была меньше Шлиссельбургской, встрѣтилъ меня мой сожитель, Станиславъ Крупскій, какъ онъ мнѣ тотчасъ отрекомендовался. Смотритель насъ оставилъ.

— Вы меня застали за обѣдомъ,—сказалъ онъ: — не хотите ли вмѣстѣ?

У него стояли на столѣ двѣ оловянныя тарелки съ жирною бараниной и кашей.

Говорить по-русски онъ затруднялся, и я предложилъ ему, чтобы онъ говорилъ по-польски, а я буду отвѣчать по-русски; но онъ мнѣ сказалъ, что охотно и хорошо говоритъ по-нѣмецки.

Это былъ молодой человѣкъ, двадцати трехъ-лѣтъ, довольно хорошаго роста, не полный, но очень крѣпко сложенный и очень кра-

сивый: прекрасные свѣтлые глаза, прекрасные свѣтло-русые волосы и свѣжій, юношескій цвѣтъ лица. У него было то типическое выраженіе, которое можно замѣтить у большей части поляковъ. Въ губахъ и глазахъ—какая-то смѣсь горечи и ласковой хитрости; въ улыбкѣ что-то полупечальное, полу-злое, полу-насмѣшливое, на Крупскомъ была почти новенькая синяя венгерка польскаго покроя, пестренькій цвѣтной галстухъ. Вообще видно было, что онъ занимается собою даже посреди всей этой тюремной грязи.

У него тутъ было и кой-какое хозяйство: маленькій самоваръ, маленькій погребецъ, чемоданъ, окованный сундучекъ. Когда внесли вдобавокъ все мое имущество, намъ почти повернуться было негдѣ. Въ комнатѣ была одна только койка, и надо было устроиться какъ-нибудь.

Крупскій съ услужливостью младшаго брата принялся суетиться, передвигать чемоданы, развѣшивать по гвоздямъ шубы и проч. Онъ отстранялъ меня отъ всего, и я съ благодарностью принялъ его услуги, потому-что еле шевелился отъ усталости. Ноги у меня ныли страшно.

Когда все было приведено въ нѣкоторый порядокъ, я спросилъ Крупскаго, нельзя ли распорядиться на счетъ чая. Онъ прибылъ сюда дней за пять до меня и успѣлъ уже приноровиться ко всѣмъ здѣшнимъ обычаямъ.

— Здѣсь все можно достать, замѣтилъ онъ:—и вообще ничего, можно еще жить. Тутъ два человѣка для прислуги.—Василій! крикнулъ онъ, выглядывая въ корридоръ.

— Сейчасъ, ваше благородіе.

И немедленно явился пересыльный Василій Непомнящій, какъ оказалось потомъ, удержанный временно въ острогѣ для услугъ въ дворянскомъ отдѣленіи, невысокаго роста черноволосый малый лѣтъ тридцати пяти, съ бойкими, нѣсколько плутовскими черными глазами, съ черными усами, съ бритой бородой и сережкой въ ухѣ. На немъ была ситцевая рубашка, подвязанная тонкимъ пояскомъ; по бойкости и развязности движеній, по изысканности фразъ онъ напоминалъ полового изъ трактира. Онъ взялъ самоваръ Крупскаго и унесъ его грѣть въ корридоръ. Впослѣдствіи я познакомился съ Василіемъ ближе и очень жалѣлъ, что ему пришлось покидать острогъ раньше меня.

Когда мы сѣли за чай, къ намъ вошелъ высокій рыжій арестантъ съ очень рѣшительнымъ, нѣсколько какъ будто болѣзненнымъ лицомъ. У него была густая круглая борода почти огненнаго цвѣта; половина головы, какъ я замѣтилъ, всматриваясь потомъ, была у него вѣрно брита, но волосы успѣли на ней такъ отрости, что сразу этого не видно было. Нѣсколько наглые глаза его смотрѣли прямо, но они были нѣсколько мутны.

— Что вамъ угодно? спросилъ Крупскій.

— Я къ нимъ-съ, отвѣчалъ онъ, показывая на меня и кланяясь мнѣ слегка.

Тутъ я повторилъ ему вопросъ, что ему нужно; но вмѣсто отвѣта онъ самъ спросилъ меня:

— Вы изъ Петербурга изволите слѣдовать?

— Изъ Петербурга.

— Въ крѣпости изволили содержаться?

— Въ крѣпости.

— Er will ein Paar Groschen haben, мимоходомъ ввернулъ Крупскій. возясь около самовара.—Wenn Sie kein Kleingeld haben ich will ihm Etwas geben, und mag er wegspazieren.

— Lassen Sie ihn sich ausreden,—отвѣчалъ я.

— Я вамъ помѣшалъ-съ,—деликатно замѣтилъ нежданный гость.

— Нѣтъ, нисколько,—отвѣчалъ я.

— Позвольте спросить, въ крѣпости плацъ-маіоромъ все еще полковникъ Новоселовъ?

— Нѣтъ, теперь другой.

— Кто же-съ?

— Не помню фамилію.

— А полковника Новоселова изволите знать?

— Знаю.

— Я имъ премного былъ обязанъ... Во время содержанія въ крѣпости... Добрѣйшій, могу сказать, полковникъ.

— А вы въ крѣпости содержались?

— Точно такъ-съ. Вы вѣрно изволили слышать о моемъ дѣлѣ. Я Ѳедоръ Ивановъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А тогда много было-съ шуму въ Петербургѣ. Смѣю васъ спросить, вы въ каторжную слѣдуете?

— Да.

— По какому дѣлу, если смѣю спросить?

— По политическому преступленію.

— Это значитъ, какъ я же-съ?

— А вы тоже политическій?

— Какъ же-съ!

Это меня заинтересовало.

— Мнѣ это удивительно, что вы не изволили обо мнѣ слышать, продолжалъ онъ.—Кажется, про Ѳедора Иванова всѣ тогда извѣстны были въ Петербургѣ. Въ газетахъ было писано.

— Ну ужъ извините! Я ничего не слыхалъ. Да когда жъ это было?

— Въ шестидесятомъ году насъ судили-съ.

— А вы не одни?

— Нѣтъ-съ, шайка насъ была цѣлая. Большіе тогда грабежи происходили.

— А!

— Сквозь тысячу я прошелъ-съ.

— Was ist das? Von was für Tausend spricht er?— спросилъ меня Крупскій.

— Spitzruthen,—отвѣчалъ я.

— Точно такъ-съ шпицрутенами былъ наказанъ, подтвердилъ рыжій гость.

— Schicken Sie in doch weg!—повторилъ Крупскій, — wollen Sie Kleingeld? Man muss mit die Kerls vorsichtig sein.

— Wozu?

Я дѣйствительно имѣлъ случай достаточно убѣдиться впослѣдствіи, что за не многими исключеніями (къ нимъ, впрочемъ, принадлежалъ и Ѳедоръ Ивановъ) всякій грабитель, воръ, убійца и разбойникъ честнѣе и во сто разъ чище душевно разныхъ Путилиныхъ, Горянскихъ, Кранцовъ и Шуваловыхъ. Мнѣ часто представляется, какъ шли бы къ ихъ мѣднымъ лбамъ черныя клейма здѣшнихъ бѣдныхъ варнаковъ.

Мнѣ, впрочемъ, съ дороги и самому начинала уже нѣсколько надоѣдать бесѣда съ Ѳедоромъ Ивановымъ, хотя новость и привлекала меня.

— Вы можетъ быть имѣете еще что-нибудь сказать мнѣ?—спросилъ я.

— Издержали въ дорогѣ-съ... Теперь же надо будетъ скоро дальше идти. Вотъ на сапоги извольте взглянуть.

— Nun ja!—воскликнулъ Крупскій, обращаясь ко мнѣ съ укоризной:—hab'ich's Ihnen nicht voraus gesagt. Sie wollten mir nur nicht glauben. Haben Sie Kleingeld? Ich kenne schon gut diese Schurken.

Только-что удалился Ѳедоръ Ивановъ, пришелъ еще одинъ господинъ, котораго я встрѣтилъ при входѣ прохаживавшимся по корридору, именно арестантъ въ дикомъ пальто, небольшаго роста, полякъ, съ мягкимъ голосомъ, съ мягкими глазами и съ мягкими манерами. Онъ слѣдовалъ чуть ли не за воровство какое на поселеніе, съ семьей, женой и двумя дѣтьми. Это былъ одинъ изъ ближайшихъ моихъ сосѣдей по корридору (Ѳедоръ Ивановъ помѣщался въ кандальномъ отдѣленіи). У него былъ чрезвычайно опрятный видъ, такъ же какъ и у жены его и дѣтей; но по всему было видно, что они очень бѣдны. Раза два, лишь намеками, онъ вызывался въ теченіе моего сосѣдства съ нимъ на мои сигары, и то дѣлалъ видъ, что хотѣлъ

бы лишь попробовать. Потомъ онъ уже не заходилъ ко мнѣ въ комнату, и я встрѣчался и здоровался съ нимъ только въ коррадорѣ, гдѣ онъ обыкновенно прохаживался взадъ и впередъ чуть не цѣлый день.

На этотъ разъ онъ вошелъ съ величайшими извиненіями попросить у Крупскаго на подержаніе чайнаго блюдечка.

Въ этотъ же день у меня было еще нѣсколько посѣтителей, но уже другаго рода. Предсѣдатель губернскаго правленія, учитель словесности здѣшней гимназіи, два доктора,—это все были лица, съ которыми я потомъ познакомился ближе, и которымъ былъ обязанъ многими удобствами, смягчавшими для меня тюремное заключеніе.

Отдохнувъ немного, я вздумалъ пройтись по двору. Крупскій надѣлъ красную конфедератку, и мы пошли вмѣстѣ. Гулять во дворѣ позволялось сколько угодно, только не изъ кандальнаго отдѣленія, или по крайней мѣрѣ не въ кандалахъ. Поэтому я обращалъ на себя особенное вниманіе всѣхъ попадавшихся мнѣ товарищей моего заключенія изъ другихъ отдѣленій острога. Нѣкоторые заговаривали со мной, хотя съ замѣтною сдержанностью, будто съ опасеніемъ. Дворы были почти пусты. Мы обошли ихъ всѣ.

Сожитель мой успѣлъ уже близко познакомиться съ тюремными порядками. Онъ зналъ гдѣ, кто и что помѣщается.

— Вотъ это кухня,—говорилъ онъ, указывая.—Можно все заказать къ обѣду, что нужно. Баба тутъ кухарка ходитъ ко мнѣ. Супъ будутъ вамъ давать больничный; ну, а жаркое или тамъ что другое лучше заказывать. Она ужъ все купитъ. Телятину, рябчиковъ, что угодно, однимъ словомъ. А вонъ здѣсь пересыльный дворъ,—говорилъ онъ, входя со мною подъ ворота: тутъ мужское отдѣленіе, а вонъ съ той стороны женское. Это баня, это столовая... Обѣдаютъ они тутъ. Это, вонъ, пекарня.

Мы обошли дворъ справа отъ главныхъ воротъ (и нашей стороны); потомъ обошли дворъ и слѣва.

— Вотъ это женское отдѣленіе, а вонъ прачешная и т. д.

Больница помѣщалась въ заднемъ фасадѣ главнаго строенія.

Во дворѣ намъ такъ мало попадалось, вѣроятно оттого, что былъ порядочный морозъ, и мы тоже воротились скоро. За то въ кельѣ нашей становилось все тѣснѣе, и съ покатаго окна катилась довольно широкими потоками сырость. Кромѣ печи въ самомъ номерѣ, съ топкою изъ корридора, почти противъ самой двери нашей устроена была большая желѣзная печь, труба которой перекидывалась черезъ корридоръ. Къ вечеру эта печь топилась и нагрѣвала нашу келью съ избыткомъ. Къ утру однако жъ становилось опять сыро и холодно.

Надо сказать нѣсколько словъ о сожителѣ. Въ первый же день

разсказалъ онъ мнѣ свою исторію; но признаюсь, я не много понимаю въ ней и до сихъ поръ. Станиславъ Крупскій—австрійскій подданный, бывшій студентъ Краковскаго университета, а затѣмъ, сыщикъ при краковской, а потомъ при варшавской полиціи. Онъ старался объяснить мнѣ политическими цѣлями поступленіе свое какъ въ ту, такъ и въ другую должность; но опять-таки трудно было что-нибудь положительное извлечь изъ его словъ. Онъ говорилъ, что ему самъ полицеймейстеръ краковскій предложилъ поступить въ его агенты, чтобы шпіонить въ университетѣ; на это онъ согласился, предупредивъ объ этомъ студентовъ. Онъ разъѣзжалъ на счетъ полиціи по разнымъ городамъ и доносилъ о готовящихся демонстраціяхъ, но всегда назначалъ срокомъ ихъ день раньше или день позже. Пріобрѣтя довѣріе въ краковскомъ полицейскомъ мірѣ, Крупскій предложилъ начальству командировать его секретно въ Варшаву, для узнанія будто бы подробностей по большому общепольскому заговору, готовящемуся тамъ, а въ сущности для установленія сношеній между краковскими и варшавскими академиками, т. е. студентами. Въ послѣднемъ пунктѣ Крупскій сбивался: разъ онъ говорилъ, что онъ ѣхалъ именно съ помянутою цѣлью, въ другой, что онъ былъ посланъ для устройства пересылки оружія, въ третій разъ опять наоборотъ. Если онъ говорилъ правду въ томъ или другомъ случаѣ, то мнѣ удивительно только то, что человѣкъ съ такимъ невѣжествомъ въ политическихъ вопросахъ и незнаніемъ даже позднѣйшихъ польскихъ происшествій могъ быть на что-нибудь полезенъ польскимъ патріотамъ. Онъ былъ даже не на столько хитеръ, чтобы обманывать долго варшавскую полицію, хотя этимъ онъ хвалился очень. Вообще, въ каждомъ разсказѣ его главнымъ пунктомъ было то, что онъ могъ отлично жить на счетъ полиціи, разъѣзжать по театрамъ и гульбищамъ, тратить денегъ сколько вздумается и проч., а что именно сдѣлалъ онъ, этого-то и не выходило изъ его разсказа. Онъ говорилъ только, что старался отклонять вниманіе полиціи отъ дѣйствительныхъ движеній своими выдумками: сочинялъ и представлялъ ей рѣчи мнимаго тайнаго общества, наклеивалъ на улицахъ самимъ имъ написанные плакаты и потомъ указывалъ на нихъ и т. д. Я полюбопытствовалъ потомъ посмотрѣть въ Тобольскомъ приказѣ его статейный списокъ. Рѣшеніе судебной коммиссіи подтверждало его слова и прямо называло его вину — составленіемъ фальшивыхъ доносовъ. Между прочимъ, тамъ упоминалось о посланныхъ Крупскимъ безыменныхъ письмахъ къ пяти главнымъ сановникамъ Варшавы съ цѣлью устрашить ихъ готовящимся будто бы большимъ уличнымъ мятежомъ и заставить удалиться изъ Варшавы. Крупскому, какъ онъ говорилъ мнѣ, предложили на выборъ: просидѣть четыре года въ крѣпости и

быть переданнымъ Австріи, или отправиться въ Сибирь на поселеніе. Онъ выбралъ послѣднее.

Вообще, онъ произвелъ на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Не говоря уже о его крайнемъ неразвитіи умственномъ, я не замѣтилъ въ немъ никакого политическаго, не то чтобы организма, но даже просто энтузіазма, свойственнаго такому возрасту, и мнѣ никакъ не вѣрится, чтобы въ такомъ человѣкѣ могло быть хоть зерно того, что составляетъ сущность характера и дѣйствій Конрада Валленрода. Временами онъ пѣлъ патріотическія пѣсни, но онѣ выходили у него не выразительнѣе какой-нибудь „Ваньки-Таньки". Зато съ особеннымъ жаромъ пѣвалъ онъ глупыя нѣмецкія тривіальности, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, которую купилъ въ Тобольскѣ на послѣднія свои деньги.

Крупскій предлагалъ мнѣ свою постель, но мнѣ совѣстно было отнимать у него привычное мѣсто, и потому я постлалъ на полу бывшій у меня войлокъ и подушку и сидѣнья изъ возка, и легъ, прикрывшись полушубкомъ. Такимъ образомъ, между койкой и моимъ ложемъ оставалось только такое мѣстечко, чтобы съ осторожностью пройти одному человѣку. Я улегся очень рано, не для того, чтобы спать, но хоть немного расправить разбитую спину. Но большой отрады мнѣ не могло быть, я съ какимъ-то болѣзненнымъ напряженіемъ думалъ о томъ, какъ бы это было хорошо сбросить съ ногъ кандалы, снять съ себя штаны и чулки и вытянуться въ опрятной постели. Крупскій сѣлъ на постель и разсказывалъ свою исторію. Я только по временамъ дѣлалъ ему вопросы.

Вотъ прошла повѣрка. Въ нашу полуотворенную дверь заглянули юркій смотритель, караульный офицеръ и солдатъ съ ружьемъ, и пошли дальше. Сосчитавши арестантовъ, они удалились. Мало-по-малу въ корридорѣ прекращались шаги и разговоры, все утихало, только грудное дитя кричало болѣзненнымъ голосомъ, да щелкали временами дрова въ затопленной на ночь желѣзной печи. По мѣрѣ того, какъ все угомонялось у насъ, все слышнѣе и слышнѣе слышались шаги солдата подъ нашимъ окномъ. Крупскій говорилъ тихо, я слушалъ вяло, полудремля, и только вздрагивалъ, пока не привыкъ, когда съ покатаго подоконника вдругъ сливалась быстрымъ ручьемъ на полъ накопившаяся вода.

Вотъ какъ я встрѣтилъ новый тысяча восемьсотъ шестьдесятъ второй годъ.

Я думалъ скоро уснуть, когда мы погасили свѣчу (здѣсь не требуется теплить ночникъ, хоть и слѣдуетъ по закону); но и это мнѣ не удалось. Только-что въ комнатѣ нашей водворилась тишина и темнота, въ углахъ поднялась шумная возня мышей. Не то, чтобы

я боялся ихъ, но одна мысль, что мышь можетъ забраться ко мнѣ подъ полушубокъ или разгуливать на моей подушкѣ, способна была не дать мнѣ заснуть до утра. Я уже обрекалъ себя на безсонную ночь. Мыши возились все больше. Я попробовалъ пугнуть ихъ, ворочаясь и гремя цѣпями; но онѣ видно были тутъ какъ дома и угомонялись развѣ на минуту. Сколько ни старался я не думать о нихъ, это мнѣ не удавалось. При томъ, онѣ такъ постоянно напоминали о себѣ. Я слышалъ ихъ быстрые шаги по полу почти у себя подъ носомъ... Надо было зажечь свѣчу, что я тотчасъ и сдѣлалъ.

Крупскій еще не спалъ и предложилъ мнѣ помѣняться мѣстомъ.

— Мнѣ все равно,—говорилъ онъ:—я сейчасъ же усну, хоть онѣ у меня на лицѣ сиди.

И точно, не успѣли мы улечься каждый на новомъ мѣстѣ, какъ онъ заснулъ легкимъ съ храпомъ.

Утромъ къ намъ явилось не мало поздравителей съ новымъ годомъ. Прежде всего пришелъ какой-то солдатъ съ трубой и принялся съ великимъ усердіемъ трубить передъ нашею дверью. Потомъ наша корридорная прислуга, Василій Непомнящій, въ новой цвѣтной рубахѣ и обильно напомаженный коровьимъ масломъ, и Иванъ, товарищъ его, съ большой окладистой русой бородой, нѣсколько вялый на видъ, съ голубыми кроткими глазами и очень пріятнымъ лицомъ, тоже въ рубашкѣ, хоть не столь элегантный и не такъ тщательно причесанный. Голосъ этого Ивана и его манера говорить напоминали чрезвычайно Огарева. Въ самой походкѣ, пріемахъ и даже отчасти въ лицѣ было много сходнаго съ Николаемъ Платоновичемъ. Онъ расположилъ меня къ себѣ больше, чѣмъ Василій Непомнящій, имѣвшій видъ опытнаго и ловкаго двороваго, хотя Иванъ, какъ потомъ оказалось, былъ вовсе не такъ интересенъ. Иванъ былъ москвичъ.

Поздравивъ съ праздникомъ, Василій обратился къ намъ съ вопросомъ, не изъ насъ ли кто обронилъ въ корридорѣ двѣнадцать рублей бумажками. Крупскій еще вчера, ложась спать, хватился денегъ и нигдѣ не могъ ихъ найти. Больше у него и не было, и потому понятно, какъ онъ обрадовался честности Василія Непомнящаго и его находкѣ.

За служителями пришелъ съ поздравленіемъ надзиратель нашего отдѣленія, изъ казаковъ, невысокаго роста, косой, съ рѣдкими, вьющимися черными волосами, тихій, смирный, съ какимъ-то женскимъ голосомъ, съ тихимъ пріятнымъ смѣшкомъ, вообще, насколько я узналъ его потомъ, человѣкъ очень добрый и хорошій.

— Geben Sie ihm Etwas vom Kleingeld,—замѣтилъ мнѣ Крупскій, вынимая и самъ деньги изъ портмонне.

— So ein Rubel ungefähr.

— Не слѣдовало бы брать съ васъ, господа,—отвѣчалъ онъ:—да человѣкъ-то я семейный. Благодарю васъ нижайше. Желаю вамъ всего наилучшаго.

Поздравленіе и этимъ не кончилось.

Къ намъ вошелъ господинъ въ форменномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, съ грубымъ худощавымъ лицомъ, мутноватыми сѣрыми глазами и почтительно-подобострастною улыбкой подъ густыми рыжеватыми усами. Онъ ловко отправилъ къ себѣ подъ мышку черную мохнатую папаху, расшаркался и протянулъ мнѣ руку.

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастіемъ, Михаилъ Ларіонычъ... Такъ имя и отчество, если не ошибаюсь?

Я кивнулъ головой.

— Мнѣ жандармы ваши сказывали. А я-съ—имѣю честь рекомендоваться—я помощникъ здѣшняго смотрителя, Константинъ Ивановъ сынъ Полетаевъ... Если вамъ что будетъ угодно—извольте только мнѣ сказать. Вонъ съ ними мы уже знакомы. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, панъ Крупскій.

— Auch Diesem?—спросилъ я Крупскаго, видя, что онъ опять взялся за портмоне.

— O durchaus!—отвѣчалъ Крупскій, узнавшій уже всѣ обычаи острога.

— Благодарю васъ, господа. Чувствительнѣйше меня обязали. Позвольте присѣсть одохнуть и выкурить папироску.

Его, впрочемъ, тотчасъ же кликнули; но онъ минутъ черезъ десять явился съ извѣстіемъ, что полицеймейстеръ приказалъ снять съ меня кандалы.

Принесли большую гирю съ вѣсовъ во дворѣ, молотокъ и ножъ, и ужъ потрудились же съ петербургскими заклепками. Константинъ Ивановичъ сѣлъ на кровать, курилъ папиросу и представлялъ изъ себя руководителя этой операціи. Но—надо признаться—руководство его мало помогало, хоть онъ очень выразительно говорилъ:

— Правѣй, анаѳема! Какъ ты бьешь? А!

Не разъ онъ порывался и самъ приняться; но я его останавливалъ, говоря, что, вѣдь, когда-нибудь разрубятся заклепки, какъ ни мягко ихъ желѣзо, а что торопиться некуда. У него, замѣтно, дрожали руки.

Сначала надъ ногами моими трудился Иванъ. Онъ разъ тридцать ударилъ молоткомъ по ножу и сдѣлалъ лишь чуть замѣтную надрубку на заклепкѣ. Потомъ пришелъ косой надзиратель и, посмотрѣвъ, сказалъ:

— Эхъ, не такъ! Давай сюда. Я это лучше сдѣлаю.

Но тоже ничего не сдѣлалъ, только вспотѣлъ.

— Дозвольте мнѣ-съ!—предложилъ свои услуги Василій Непомнящій.—Мигомъ разобью-съ. Дѣло знакомое.

— Ну, валяй!

Но и Василій, несмотря на свою опытность, долженъ былъ взмахнуть молоткомъ разъ по двадцати надъ каждою заклепкой, прежде чѣмъ онѣ разлетѣлись.

Константинъ Ивановичъ, вѣроятно, успѣвшій надуматься во время этой работы, принялся врать немилосердно. Онъ утверждалъ, что если бъ не онъ, съ меня кандаловъ не сняли бы, что онъ выставилъ передъ полицеймейстеромъ всю незаконность и безполезность такого,—„можно сказать, тиранскаго обращенія“ со мной.

— Если бъ былъ порядочный человѣкъ смотритель у насъ,—продолжалъ онъ:—а то такая скотина, дуракъ. Вмѣсто того, чтобы разъяснить все, какъ слѣдуетъ, полицеймейстеру, онъ только и знаетъ, что глазами хлопаетъ. Долженъ бы, кажется, понять, какой вы человѣкъ, Михаилъ Ларіонычъ. Вотъ, хоть бы я... Я теперича вижу, какіе вамъ люди вистуютъ. Вчера вице-губернаторъ заѣзжалъ къ вамъ и прочіе. Какъ же я-то не стану вистовать. Это надо, развѣ, такимъ олухомъ быть, какъ нашъ Захарка...

Смотрителя звали Захаръ Ивановичъ.

Такъ разсуждалъ Полетаевъ довольно долго, пока не пришелъ самъ Захаръ Ивановичъ и не сказалъ, что меня требуютъ въ приказъ о ссыльныхъ.

— Вотъ вы съѣздите съ ними, Константинъ Иванычъ.

— Кстати, у меня кошева готова.

И мы отправились въ его кошевѣ.

На этотъ разъ приказъ представлялъ очень унылое зрѣлище. Сѣни и корридоръ, наканунѣ совершенно пустые, были теперь биткомъ набиты. Мужчины и женщины, въ кандалахъ и безъ кандаловъ, но большею частью, въ арестантскихъ шинеляхъ, толпились тутъ. Это была пришедшая въ то утро партія ссыльныхъ. Кто стоялъ, кто сидѣлъ на полу съ устали; тутъ были и дѣти—и грудныя, и уже умѣющія ходить. Мы пробрались сквозь толпу къ дверямъ и вошли въ ту же комнату, что вчера. И она была полна народомъ. Бабы сидѣли тутъ, поближе къ печкѣ, съ дѣтьми въ рукахъ, подъ полушубками. Всѣ остальные стояли ряда въ три, ожидая вызова. Шелъ пріемъ ихъ и повѣрка по статейнымъ спискамъ. Посрединѣ комнаты стояла мѣра для роста. Оборванные чиновники скрипѣли перьями за всѣми столами. Какихъ выраженій не было на лицахъ этой тѣсной толпы ссыльныхъ—отъ спокойствія до страданія, отъ робости до наглости, отъ какого-то подобострастнаго сми-

ренія до дерзкой гордости, отъ плутовства до честнаго и прямаго взгляда, отъ злобы и ожесточенія до тихой доброты. Лица были большею частію утомленныя; особенно жаль было смотрѣть на женщинъ. Кто былъ въ кандалахъ, на томъ онѣ сіяли, какъ серебряныя: отчистила ихъ дальняя дорога; у кого была подбритая съ одной стороны голова, онѣ были повязаны кой-какими тряпками.

Управляющій приказомъ, недавно назначенный сюда изъ Петербурга, нѣкто Фризель, маленькій, коренастый и плотный человѣчекъ, съ какой-то бычачьей головой, съ бычачьимъ выраженіемъ въ лицѣ и выставленнымъ впередъ лбомъ, какъ будто онъ хочетъ бодаться, стоялъ передъ строемъ „несчастныхъ" съ бумагой въ рукѣ, около него еще какой-то чиновникъ и тутъ же два солдата или казака.

— Три съ половиной вершка,—восклицалъ приказный у мѣры.

Изъ мѣры вышелъ старый „кандальщикъ", въ заплатанномъ полушубкѣ, со сморщеннымъ лицомъ, съ больными, гноящимися глазами, нетвердый на ногахъ.

— Сюда!—отрывисто произнесъ управляющій.

Старикъ сталъ передъ нимъ.

— Клейма есть?

И управляющій смотрѣлъ въ списокъ.

— Посмотрѣть, цѣлы ли клейма у него?

Не то солдатъ, не то приказный какой стащилъ съ головы старика тряпичную повязку, поднялъ свалившіеся на лобъ, свалявшіеся волосы.

— Не видать ничего,—произнесъ управляющій, отрывистымъ, холоднымъ голосомъ:—подправить клейма.—На щекахъ покажи.

Старика повертываютъ за голову сначала одной щекой, потомъ другою.

— Клейма подправить, — громко распоряжался управляющій:— на лбу и на лѣвой щекѣ.

— Пошелъ!

Ссыльный отходилъ.

— Митрофановъ, Андрей!—возглашаетъ управляющій по списку.

— Здѣсь,—раздается въ толпѣ, и выдвигается Митрофановъ.

— Въ мѣру!

— Не подгибай колѣнъ, стой прямо.—Вершокъ и три четверти.

— Клейма стерлись. Поправить клейма.

Вотъ какія сцены засталъ я, войдя въ канцелярію приказа о ссыльныхъ.

Глядя на тупую, деревянно-полицейскую фигуру управляющаго приказомъ, слушая его барабанный голосъ, такъ отчетливо распоряжающійся, я невольно вспомнилъ, какъ смотрительша только на

предпослѣдней станціи къ Тобольску расхваливала мнѣ его. Она сообщила о его недавнемъ пріѣздѣ и называла не иначе, какъ „милый человѣкъ“. Вѣдь, можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ милый.

— Потрудитесь подождать немного, Monsieur(!!) Михайловъ! обратился онъ ко мнѣ бычачьимъ своимъ лбомъ, когда провожавшій меня Константинъ Иванычъ, вдругъ принявшій самый уничиженно-подобострастный и испуганнѣйшій видъ, доложилъ ему.

Я присѣлъ на ближайшій стулъ.

— Айбетовъ, Ибрагимъ!

— Здѣсь.

— Въ мѣру.

— Два вершка ровно.

— Клейма есть?—Пошелъ!

Такимъ образомъ было принято еще человѣка три.

— Пожалуйте сюда, Monsieur Михайловъ, въ присутствіе.

Собственно говоря, мнѣ рѣшительно незачѣмъ было ѣздить въ приказъ. Управляющій спросилъ меня только (на плохомъ французскомъ языкѣ), не родня ли я какому-то Михайлову, дѣйствительному статскому совѣтнику и камергеру, сказалъ, что мой статейный списокъ и указъ Сената еще не получены; что поэтому мнѣ нечего еще торопиться подавать просьбу объ отправкѣ меня далѣе не по этапу, съ партіей, а одного, на свой счетъ, и съ любезностью, достойною дѣйствительно „милаго человѣка“, присовокупилъ, что „все, что только зависитъ отъ него, будетъ сдѣлано по моему желанію“.

Я отправился назадъ и встрѣтилъ своихъ жандармовъ. Они зашли потомъ ко мнѣ и выражали, кажется, неподдѣльное удовольствіе, что видятъ меня въ моемъ платьѣ и безъ кандаловъ. Я поручилъ кому-нибудь изъ нихъ зайти ко мнѣ еще разъ передъ самымъ отъѣздомъ за письмомъ къ тебѣ. Ты его получила.

Въ этотъ день у меня было еще больше посѣтителей, чѣмъ наканунѣ; что бы ни привело ихъ ко мнѣ—дѣйствительное ли сочувствіе, или простое любопытство—я былъ радъ большей части этихъ посѣщеній. Въ сочувствіи нѣкоторыхъ я не могу сомнѣваться, и у меня вѣроятно сохранится навсегда теплое благодарное чувство къ этимъ лицамъ. Во все время моего пребыванія въ Тобольскѣ, я пользовался самымъ дружескимъ, почти родственнымъ вниманіемъ многихъ. Мнѣ не давали ни скучать, ни чувствовать какое-нибудь лишеніе. Я былъ буквально засыпаемъ журналами, книгами; мнѣ присылали со всѣхъ сторонъ всевозможныя газеты въ самый день полученія почты; справлялись о моемъ дѣлѣ и о приказѣ, и у губернатора, и во врачебной управѣ; предлагали мнѣ отправлять письма. Каждое утро къ чаю являлись превосходныя сливки, разное печенье, къ обѣду

жареные рябчики, всякія сласти, сыръ, масло, наливки и т. п. Обо мнѣ не забывали ни на одинъ день. Я рѣшительно не могъ отказываться отъ этихъ „подаяній", потому-что въ большей части случаевъ не зналъ, кого и благодарить. Крупскій былъ чрезвычайно удивленъ этими знаками общаго сочувствія ко мнѣ и говорилъ, что ему воображалось, будто въ Сибири всѣ въ родѣ нашего помощника смотрителя. Особенно поразило его то, что въ этотъ день подъ вечеръ, когда мы сидѣли съ нимъ въ полумракѣ, къ намъ вошла дама, привезшая мнѣ букетъ цвѣтовъ вмѣсто поздравленія съ новымъ годомъ. Сибирскій букетъ былъ не пышенъ: гвоздика, геранiй, миртъ, и нѣсколько полуразвернувшихся китайскихъ розъ, но онъ былъ конечно пріятнѣе мнѣ, чѣмъ въ иное время и въ иномъ мѣстѣ самые красивые и дорогіе цвѣты. Я суевѣрно сберегъ нѣсколько листковъ и лепестковъ его, какъ свѣтлое предвѣстье, что, можетъ, быть, не весь этотъ годъ будетъ такъ теменъ для меня, какъ его начало. Цвѣты нашли меня въ тюрьмѣ; неужто любовь и дружба не найдутъ меня въ ссылкѣ.

Доступъ ко мнѣ былъ не труденъ. Слѣдовало, правда, имѣть для этого записку отъ полицеймейстера; но полицеймейстеръ, круглый какъ шарикъ маленькій человѣчекъ самаго не полицейскаго вида, едва-ли кому отказывалъ. Захаръ Иванычъ былъ большой формалистъ и безъ билета никого не пропускалъ, если не проникался благоговѣйнымъ страхомъ передъ большимъ чиномъ и высокимъ саномъ посѣтителя, или если посѣтитель или посѣтительница не были членами попечительнаго тюремнаго комитета. Но дѣло и въ другихъ случаяхъ обходилось безъ Захара Иваныча. Или вытребовался его помощникъ, который считалъ обязанностью „вистовать" мнѣ потому-что мнѣ „вистуютъ такія лица", или, наконецъ, дѣлалось еще проще. Ко мнѣ ходили три студента Казанскаго университета, здѣшніе, удаленные частью по послѣднимъ безпорядкамъ, частью по исторіи о панихидѣ за Антона Петрова [1]) и убитыхъ съ нимъ вмѣстѣ мучениковъ. Одинъ изъ этихъ студентовъ обыкновенно на спросъ дежурнаго ефрейтора у воротъ, есть ли у него билетъ для пропуска, вытаскивалъ изъ кармана какую-нибудь случившуюся тутъ бумажку, показывалъ ее не развертывая и командовалъ: „Отпирай"! И ворота передъ нимъ отпирались. Разъ на такой вопросъ отвѣчалъ, что не только у него билетъ есть, но даже и особое предписаніе, и при этомъ вытащилъ изъ кармана цѣлую пачку какихъ-то бумагъ. Послѣ этого его ужъ и спрашивать перестали. Одно время, правда, вдругъ начались особенныя строгости въ этомъ отношеніи—кажется, потому, что ждали ге-

[1]) Убитъ при усмиреніи крестьянскаго бунта въ Казанской губерніи.

нералъ-губернатора западной Сибири. Часовые, обыкновенно расхаживавшіе молча подъ нашими окнами, начали даже кричать по ночамъ „слушай!". Но это продолжалось, кажется, всего дня два. Получилось извѣстіе, что генералъ-губернаторъ (онъ же былъ новый) отсрочилъ свой пріѣздъ, и строгости отмѣнились, и „слушай!" умолкло.

Съ 3 числа, со дня своего рожденія, я много разъ и самъ выѣзжалъ изъ тюрьмы. Дня черезъ два, черезъ три меня стали приглашать на обѣды, и я, конечно, пользовался каждою возможностью— хоть временно почувствовать, будто я на свободѣ. Но я скажу объ этомъ потомъ, а теперь стану разсказывать послѣдовательно. Въ недавно полученномъ мною письмѣ твоемъ ты говоришь, чтобы я писалъ тебѣ все какъ можно подробнѣе, гдѣ чихну, такъ и то бы тебѣ писалъ. Такъ не брани же меня за мою многорѣчивость. Подробности же, которыя я буду приводить, мнѣ кажутся довольно характеристичными въ исторіи моихъ тюремныхъ похожденій.

Надо разсказать еще кое-что о нашемъ помощникѣ смотрителя.

Вечеромъ въ первый день новаго года онъ явился къ намъ съ странною просьбой.

— Господа, я съ надеждой одолжиться у васъ двумя вещами, заговорилъ онъ, расшаркиваясь и ловко подбросивъ подъ мышку свою черную папаху.

— Что такое?

— Дочь пристаетъ—ѣхать въ маскарадъ. Такъ не одолжите-ли... хочу и я нарядиться... Не одолжите ли вашей фуражечки, господинъ Крупскій, и сертучка. Буду, знаете, этакой лихой полякъ.

— Да будетъ ли вамъ въ пору?

— А вотъ-съ я и примѣрю сейчасъ.

Онъ мгновенно сбросилъ съ себя свой форменный сюртукъ и натянулъ на свою ситцевую рубашку щегольскую венгерку Крупскаго, надѣлъ на бекрень его красную конфедератку и представился намъ такимъ смѣшнымъ, что мы оба расхохотались. Крупскій, съ усердіемъ театральнаго костюмера, принялся оправлять его и учить, какъ придать себѣ болѣе польскій видъ, какъ заправить сапоги въ штаны; на который крючекъ застегнуть венгерку, какъ приличнѣе надѣть czapke wolnosci, и прочее. Помощникъ (какъ именовали обыкновенно вкратцѣ Константина Иваныча) былъ совершенно доволенъ. Для полноты костюма нуженъ былъ еще жилетъ, но у него таковаго не оказывалось. Пришлось ему и жилетъ дать. Онъ нашелъ, что весьма прилично было бы украсить жилетъ часовой цѣпочкой, и что вообще если онъ будетъ при часахъ, то никто—зная его скудныя средства— его не узнаетъ. Дали мы ему и часы. Онъ ужъ и переодѣваться не сталъ, а только сверху накинулъ свою баранью шубу и удалился.

На слѣдующее утро, возвращая намъ съ благодарностью маскарадный костюмъ, онъ утверждалъ, что, еслибъ не дочь, ему и въ голову не пришло бы наряжаться „на старости лѣтъ“ и разъѣзжать чуть не полъ-ночи изъ дому въ домъ. Это святочное обыкновеніе сохранилось въ Тобольскѣ во всей своей старинной силѣ даже въ домахъ мѣстныхъ „аристократовъ“.

— Ну, а весело было?

— А какъ же-съ! Домахъ мы никакъ въ двадцати были. Вездѣ графинчикомъ просятъ. Нельзя и отказаться: самъ хозяинъ вистуетъ. Перепустилъ таки вчера немного.

Объ этомъ нечего было и разсказывать. Довольно было взглянуть на его измятое лицо и мутные глаза. Букетъ сивухи, принесенный имъ въ нашу келью, обличалъ, что онъ успѣлъ ужъ и опохмѣлиться.

— И нигдѣ-то меня не узнали, продолжалъ онъ. — Въ одномъ только домѣ по дочери чуть не догадались, потому она была татаркой и какъ малаго роста, такъ примѣтно. Господа! не откажите какъ-нибудь почтить меня своимъ посѣщеніемъ, съ семействомъ моимъ познакомиться. Вы вотъ по двору изволите гулять, такъ милости прошу ко мнѣ. Во всякое время радъ. Я вѣдь не то, что нашъ смотритель. Что же вы и хотите отъ какого-нибудь солдата? Конечно, я самъ по несчастію теръ эту лямку. Такъ какъ я изъ кантонистовъ (онъ ударилъ на о)...

И онъ принялся разсказывать намъ свою біографію, какъ только вслѣдствіе несправедливости начальства попалъ въ строй, а то былъ бы теперь совсѣмъ не то. Эту исторію онъ начиналъ почти при каждомъ появленіи своемъ къ намъ, точно такъ же, какъ и брань свою на смотрителя.

Захаръ Иванычъ, въ свою очередь, приходя ко мнѣ утромъ или заходя вечеромъ, при повѣркѣ, пожелать спокойной ночи и пріятнаго сна, тоже не упускалъ случая сказать своею невнятной скороговоркой, что „помощникъ дурной и дрянной человѣкъ“.

Онъ не прибавлялъ къ этому, что Константинъ Иванычъ вдобавокъ клянча и надоѣда, но это я уже зналъ и безъ него, и старался поскорѣе выпроваживать его отъ себя, когда онъ являлся со своими росказнями.

Однимъ вечеромъ маскарада онъ не удовольствовался и на другой вечеръ опять пришелъ просить тѣхъ же вещей, кромѣ венгерки. На этотъ разъ ему нуженъ былъ полушубокъ. Онъ, видите ли, хотѣлъ изобразить собою „наемщика“ въ солдатѣ. Полушубокъ, предложенный Крупскимъ, показался ему не довольно изящнымъ, и онъ взялъ мой.

Смотритель, на третій день послѣ моего пріѣзда, завелъ съ нами

рѣчь тоже о маскарадѣ, но совсѣмъ другаго рода, именно о банѣ. Полицеймейстеръ дозволилъ намъ, т. е. Крупскому и мнѣ, съѣздить въ торговую баню, если мы этого хотимъ. Мы охотно согласились и отправились туда въ такъ называемой кошевѣ, саняхъ въ родѣ глубокаго ящика, набитыхъ до верху сѣномъ, въ которомъ можно было утонуть по горло. Насъ сопровождалъ и служилъ намъ банщикомъ казакъ.

Крупскій, кромѣ того, почти каждый день ходилъ по-утру съ косымъ надзирателемъ въ городъ „на базаръ". Иногда, они заходили и въ трактиръ, гдѣ Крупскій игралъ на билльярдѣ. Пользуясь его частыми странствованіями въ городѣ, я давалъ ему разныя порученія, и онъ закупалъ мнѣ вещи, необходимыя даже для тюремнаго хозяйства: самоваръ, погребецъ, чай, сахаръ и пр.

Я былъ очень радъ, когда съ отходомъ первой партіи очистился одинъ изъ нумеровъ въ нашемъ корридорѣ, и въ него перевели Крупскаго. Тѣснота и безпорядокъ, и постоянное присутствіе человѣка, съ которымъ не имѣешь ничего общаго, успѣли мнѣ надоѣсть въ три, четыре дня. Мнѣ при томъ хотѣлось иногда писать, но я долженъ былъ отказываться отъ этого; не было ни мѣста, ни нужнаго для этого одиночества. Потомъ я началъ въ Тобольскѣ романъ, о которомъ говорилъ тебѣ при послѣднемъ свиданіи нашемъ у коменданта, и перевелъ послѣднюю сцену „Протестъ", посланную къ тебѣ изъ Иркутска. Наконецъ, на пятый или на шестой день по пріѣздѣ, я сталъ полнымъ хозяиномъ своей комнатки. Она тотчасъ получила и болѣе опрятный, и болѣе порядочный видъ. Простору, конечно, стало тоже больше. На рисункѣ, который ты видѣла, она, впрочемъ, все-таки кажется лучше, чѣмъ была въ дѣйствительности. Отъ сырости и чада, забиравшагося изъ корридора, я не разъ страдалъ сильною головною болью.

Ужъ по первому свиданію моему съ управляющимъ приказомъ о ссыльныхъ и по разговорамъ съ знающими тобольскіе порядки посѣтителями могъ я увидать, что мнѣ придется остаться здѣсь дольше, чѣмъ я предполагалъ. Не будь губернаторъ такой формалистъ, такая сухая приказная строка (я его не видалъ, но таковъ общій голосъ, оправдавшійся на мнѣ), я, конечно, могъ бы пробыть въ Тобольскѣ не болѣе недѣли, много двухъ, однимъ словомъ, столько, сколько бы мнѣ хотѣлось; а я прожилъ тутъ цѣлый мѣсяцъ [1]).

Какъ прошло это время, ты очень хорошо увидишь, если я тебѣ

[1]) Объ умѣ здѣшняго губернатора можетъ дать понятіе слѣдующій случай, бывшій во время моего пребыванія въ Тобольскѣ. Кто-то явился здѣсь въ маскарадъ, сдѣлавъ себѣ маску въ видѣ свинаго рыла, и повѣсилъ орденъ на шею. Губернаторъ принялъ на свой счетъ и велѣлъ вывести гостя.

подробно опишу и одинъ день моей тобольской острожной жизни. Всѣ они болѣе или менѣе похожи были другъ на друга.

Вставалъ я довольно рано, никогда не позже семи часовъ. Около этого времени, хотя бывало еще совершенно темно, начиналось уже движеніе въ корридорѣ. Прислуга носила дрова, воду, затопляла печи, мела полы. Подымались и сосѣди; слышались дѣтскіе голоса, и Василій съ Иваномъ (оба чрезвычайно нѣжные къ дѣтямъ) начинали ласково разговаривать съ двухъ-лѣтней дѣвочкой пересыльнаго почтмейстера или казначея и шестилѣтнимъ мальчикомъ поляка, о которомъ я говорилъ. Одна изъ моихъ сосѣдокъ, слѣдовавшая за мужемъ, разрѣшилась, сказывали мнѣ, тутъ въ тюрьмѣ. Особенно забавна была дѣвочка, не умѣвшая еще хорошенько говорить. Василій Непомнящій училъ ее отвѣчать на разные вопросы, напримѣръ: кто создалъ міръ? Богъ.—Кто былъ первый человѣкъ? Адамъ. — Гдѣ лучше, на волѣ или въ острогѣ? На волѣ.

Какъ только я зажигалъ свѣчу, вставалъ и растворялъ въ корридоръ дверь нахолодавшаго за ночь корридора, Василій несъ ко мнѣ шайку и ковшъ съ водой для умыванья, а Иванъ самоваръ, всегда уже заранѣе поставленный. Иванъ былъ довольно молчаливъ; но Василій не могъ пробыть минуты безъ разговора. Подавая мнѣ умываться, онъ обыкновенно сообщалъ мнѣ всѣ тюремныя новости.

— Партія сейчасъ пришла-съ, ваше благородіе, кандальщиковъ ужасть какъ много.

— Къ намъ никого нѣтъ?

— Слава Богу, никого. И такъ ужъ у насъ тѣснота.

Или онъ сообщалъ, что партія въ этотъ день отправляется дальше. Въ первый разъ, на такое извѣщеніе, я сказалъ, что пойду смотрѣть. Василій на это замѣтилъ:

— Это что́ смотрѣть-съ! Партія самая ничтожная. На заводы-съ. И всего-то сотни нѣтъ. А вотъ передъ вашимъ самымъ пріѣздомъ отправка была. Точно, что посмотрѣть стоило. Не мало ужъ я по острогамъ-то шатался, а этого видать не случалось.

— Что такое?

— Пятьдесятъ семей тутъ гнали—по бунту... Безъ всякаго, говорятъ, безъ суда. Бабъ-то, дѣтей-то, дѣвокъ-то! Шли не мало изъ Казанской губерніи, а все видно привыкнуть-то не могли. Пришли, вой да стонъ стоитъ, пошли, еще хуже того. Старухи-то съ причетами воютъ, бабы такъ голосятъ. Дѣти малыя, на нихъ глядя, тоже ревъ этакой подняли. Потому, разорены, какъ есть въ конецъ. Надзиратель нашъ смотрѣлъ, смотрѣлъ въ воротахъ, да и ушелъ поскорѣе, слеза прошибла. Говорилъ я съ ними тоже—вина-то ихъ какая! Объявили фальшивую волю, они и пошли помѣщика спрашивать,—какъ

онъ, значитъ, царскій манифестъ скрылъ. Помѣщикъ за войскіемъ. Стали стрѣлять, убито сколько. А этихъ, кого въ кандалы, кого такъ, да въ каторгу. И суда, говорятъ, никакого. А то просто, сердце мретъ, глядя-то. Я тоже могу это хорошо понимать, какъ самъ изъ этого званія—господскій бывшій.

Въ другой разъ Василій разсказывалъ:

— Купчиха вчера-сь изъ Тюмени пріѣхала. Овдовѣвшая, такъ на поминъ души двѣсти рублей содержающимъ—сама и раздавала, по всѣмъ камерамъ ходила. Провизіи тоже прислано ею много: трое саней съ таньгами однѣми.

Или:

— А у насъ ноньче похороны, ваше благородіе.

— Кто умеръ?

— Содержающій одинъ. Его хоронить будутъ. Здоровенный былъ такой. Въ одной партіи съ нами шелъ. Такъ его назначили въ отправку, а ему идти было не охота. Онъ и пилъ табакъ здѣсь и поступилъ въ гошпиталь. Эта глупость есть тоже, ваше благородіе. Оно точно, что совсѣмъ будетъ казать какъ хворой. Да онъ видно впервой. Не въ мѣру, значитъ. А можетъ и такъ что попритчилось, и впрямь сталъ расхварываться. Вотъ ноньче хоронить будутъ.

Послѣ чаю я обыкновенно ходилъ гулять по двору. Онъ вообще рѣдко не бывалъ пустъ, развѣ производилась перекличка партіи, отправляемой въ приказъ, или партіи, возвратившейся изъ приказа. Да иногда послѣ мятели, бывшей наканунѣ, арестанты занимались разгребаніемъ снѣга и чисткою двора.

Рѣдкое утро проходило безъ того, чтобы у меня кто-нибудь не бывалъ. Если же не пріѣзжалъ никто изъ гостей, то можно было поручиться, что придетъ надоѣдать или помощникъ, или турецкій капитанъ съ поздравленіемъ.

— Поздравляю васъ, милостивый господинъ.

— Да съ чѣмъ же?

— Съ понедѣльникомъ.

— Развѣ праздникъ?

— Нѣтъ, но это такъ у насъ обычай.

Турецкій капитанъ этотъ—лицо замѣчательное и по своей горькой судьбѣ, и по правосудію нашего правительства. Я засталъ его уже въ острогѣ Тобольскомъ, и когда уѣхалъ, онъ остался еще тамъ, ожидая себѣ новаго рѣшенія изъ Петербурга.

Это уже старый человѣкъ, ему шестьдесятъ лѣтъ; но по всему видно; еслибъ не тюрьма и не тюремныя бѣдствія и лишенія, онъ и теперь поспорилъ бы силой съ любымъ молодымъ здоровякомъ. Довольно коротко остриженные волосы у него на головѣ еще со-

всѣмъ черны, и только частью, усы да длинная и густая борода въ родѣ наполеоновской посѣдѣли. Большіе сѣрые глаза его были бы очень хороши, такъ же, какъ и всѣ остальныя черты его лица, правильныя и строгія, еслибъ на лицѣ не лежало постоянно выраженія слезной сиротливости и нѣкотораго подобострастія, къ которымъ пріучило его скитанье по тюрьмамъ. Оно же вѣрно заставило его придавать своему голосу какую-то льстиво-мягкую интонацію.

Привыкнуть ко всему этому было у него время. Семь лѣтъ проскитался онъ по русскимъ острогамъ. Стоило посмотрѣть на него, чтобы видѣть, какъ успѣлъ онъ обжиться въ своемъ положеніи. Жалкая изношенная одежда его показывала, что ему хотѣлось и въ тюрьмѣ сохранить хоть нѣкоторые внѣшніе признаки своего прежняго достоинства. Онъ постоянно ходилъ въ какой-то странной шапочкѣ комической формы, собственноручно сшитой изъ синей крашенины и вѣроятно похожей на ту, которую онъ посилъ нѣкогда, будучи воиномъ. Сѣрую арестантскую шинель онъ тоже какъ-то особенно передѣлалъ, воротникъ подрѣзалъ и обшилъ его какими-то синими и красными заплаточками, можетъ быть похожими на его прежній турецкій мундиръ или на народный черногорскій костюмъ. Несмотря на службу въ турецкомъ войскѣ, онъ славянинъ. Все остальное въ его одеждѣ, за исключеніемъ шапочки и шинели, впрочемъ, тоже очень ужъ замасленныхъ, представляло жалчайшія отрепья: и платокъ, которымъ онъ широко обматывалъ свою старую, черную истрескавшуюся шею, и въ особенности обувь. Трудно было сказать, что у него на ногахъ. Онъ самъ сшилъ себѣ что-то странное изъ кусковъ войлока, обрывковъ кожи и холстины.

Дѣло его очень просто и тѣмъ ужаснѣе. Въ послѣднюю войну, когда военныя дѣйствія происходили еще на Дунаѣ, несчастный капитанъ перебѣжалъ къ намъ съ шестью товарищами. Ихъ взяли наши лазутчики и пользовались ихъ услугами. Когда театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ въ Крымъ, и войска съ Дуная двинулись обратно, турецкіе перебѣжчики по какому-то случаю отстали отъ арміи. Догоняя ее, они попали въ руки земской полиціи. Военачальники не позаботились снабдить паспортами, по-русски никто изъ нихъ не зналъ ни слова, и ихъ признали людьми подозрительными. Произвели немедленно слѣдствіе, понятно, какъ хорошо, представили въ судъ, и судъ приговорилъ ихъ, какъ бродягъ, къ вѣчному поселенію въ Сибирь. Они не разъ поднимали дѣло о несправедливости ихъ приговора, пріостанавливаясь по дорогѣ въ губернскихъ тюрьмахъ; но сначала должно быть некогда было заняться, или по случаю военныхъ хлопотъ, а потомъ и само принявшее ихъ подъ свой кровъ военное начальство старалось затушить ихъ протестъ, потому,

что само было во всемъ виновато. Шесть товарищей нашего капитана успѣли умереть въ это время, кто въ городской тюрьмѣ, кто на этапѣ, кто и средь дороги. Остался только онъ одинъ, но не переставалъ вопіять о несправедливости. Вслѣдствіе этихъ-то постоянныхъ жалобъ онъ и попалъ въ Тобольскъ такъ поздно. Пріостанавливаясь въ каждомъ городѣ и вездѣ жалуясь или прокурору, или стряпчему, онъ дошелъ впрочемъ до Тамбова, съ этапомъ. Тутъ на него жалобы пришло распоряженіе отправить его въ Николаевъ, вѣроятно, потому, что онъ хотѣлъ представить объясненіе Константину Николаевичу, который гдѣ-то его видѣлъ. Изъ Тамбова его препроводили тѣмъ же способомъ, по этапу, такъ какъ ему нечѣмъ было платить за подводу. Въ Николаевѣ посадили въ острогъ, продержали что-то долго, но ничего не спрашивали, никуда не водили, и вдругъ въ одно прекрасное утро перевели куда-то въ другой острогъ, въ другой городъ, и отправили опять въ Сибирь съ партіей преступниковъ. И шелъ онъ опять годъ безъ двухъ недѣль до Тобольска. Здѣсь опять поднялъ свое дѣло чрезъ прокурора, и пришло изъ Петербурга приказаніе, чтобы онъ все изложилъ подробно (вѣроятно въ сотый разъ) для врученія его объясненія въ собственныя руки его величества. Онъ и сидитъ теперь и ждетъ новаго рѣшенія, по которому можетъ быть опять препроводятъ его по этапу въ Петербургъ, а оттуда опять назадъ въ Тобольскъ, если онъ не отдастъ гдѣ-нибудь на дорогѣ Богу свою многострадальную душу.

Можетъ быть я что-нибудь и не такъ разсказалъ, плохо понимая рѣчь бѣднаго капитана, въ которой онъ мѣшалъ русскія, сербскія, нѣмецкія и турецкія слова; но сущность-то осталась въ моемъ разсказѣ. О вопіющей несправедливости относительно этого несчастнаго говорили мнѣ и прокуроръ, и предсѣдатель губернскаго правленія. Не подобнаго ли рода покровительство такъ вдохновляетъ славянофиловъ, когда они мечтаютъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы нашъ двуглавый орелъ осѣнилъ своимъ могучимъ крыломъ всѣ остальныя славянскія племена?

Приходя по утрамъ ко мнѣ, турецкій капитанъ (такъ его звали всѣ въ острогѣ, и я не узналъ его имени) поздравлялъ меня не только съ понедѣльникомъ, но и со вторникомъ, и со средой, и т. д. Принимаясь обыкновенно за свои жалобы, онъ имѣлъ всегда въ виду попросить у меня или табаку, или чаю, или сахару. Онъ старался подвести разговоръ къ своей просьбѣ исподволь, но послѣ двухъ-трехъ визитовъ его я уже старался предупреждать его просьбы и избавлять себя отъ его долгихъ дипломатическихъ разсказовъ. Эти разсказы, въ которыхъ можно было понять изъ десяти одно слово, способны были вывести всякаго изъ терпѣнія. Онъ не только каждую

фразу повторялъ раза по два, но каждый фактъ принимался пересказывать въ другой разъ, едва успѣвши кончить. Я думалъ, не облегчить ли его, если онъ будетъ говорить мнѣ по-сербски, а я буду отвѣчать ему по-русски. Но я не радъ былъ, что предложилъ ему это. Онъ дѣйствительно началъ говорить на своемъ языкѣ; но каждое слово переводилъ на русскій, а иногда и на турецкій, и сколько ни толковалъ я ему, что по-сербски понимаю его лучше, чѣмъ по-русски, ничто не помогало.

Турецкій капитанъ былъ едва-ли не самый смирный изъ всѣхъ жильцовъ нашего корридора, по крайней мѣрѣ онъ менѣе всего доставлялъ работы прислугѣ; обтирался всегда мокрой тряпкой, служившей ему вмѣсто полотенца, а не умывался, чай заваривалъ когда было у самого) изъ чужаго самовара, остатки обѣда самъ разогрѣвалъ у желѣзной печки себѣ къ ужину, и надо признаться, не разъ производилъ несносный чадъ по корридору, расплескавъ какъ-нибудь свои щи на раскаленное желѣзо печки. Руки у него слегка дрожали.

Впрочемъ, ни на кого нельзя было пожаловаться изъ всего корридора. Одинъ только попался строптивный арестантъ; но онъ при мнѣ и трехъ дней не пробылъ—ушелъ съ партіей. Онъ былъ крайне недоволенъ фамильярнымъ обращеніемъ съ собою прислуги.

— Ты забываешь, каналья, съ кѣмъ ты говоришь?

— Да чего тутъ помнить-то!

— Какъ! ты еще смѣешь, подлецъ, этакія мнѣ грубости говорить! Кто ты такой? Бродяга какой-нибудь, — человѣка, можетъ, убилъ. А я дворянинъ. Понимаешь ли ты, подлая твоя воровская рожа, — дворянинъ!

— Здѣсь, сударь, всѣ равны.

— Всѣ равны! Никогда я тобою не буду равенъ, подлецъ. Вздумалъ себя равнять съ благороднымъ человѣкомъ! Тебя только убить, мерзавца, а не то, что разговаривать съ тобой.

— Вы съ руками-то подальше! подальше! Я вѣдь и сдачи дамъ.

— Что такое? въ чемъ дѣло? раздается голосъ Константина Иваныча.

— Да вотъ-съ они обидѣлись, что я имъ сказалъ: сударь, а не ваше благородіе.

— Опять вы шумѣть! Я вамъ найду мѣсто, гдѣ нельзя вамъ будетъ шумѣть. Что вы въ самомъ дѣлѣ расходились? И еще на весь корридоръ крикъ подымаете! Есть здѣсь почище васъ, да не кричатъ! Я вамъ говорю—найду я вамъ мѣсто, найду!

Смотритель дворянина угомоняетъ; но Константинъ Иванычъ не оставляетъ безъ должнаго наставленія и Василья Непомнящаго.

— А ты что горло дерешь? а! Гдѣ нахлестался, анаѳема?

— Маковой росинки не было...

— Молчать! Знаю я васъ, анаѳемъ!

Но я вѣдь началъ было разсказывать, какъ проходилъ у меня день обыкновенно, а ужь это исключительный случай.

Пока Крупскій не отправлялся въ дальнѣйшій путь, мы заказывали себѣ обѣдъ вмѣстѣ здѣшней кухаркѣ—щи, лапшу или супъ, и жареный кусокъ баранины или телятины съ картофелемъ. Къ этому у меня находилась всегда еще какая-нибудь прибавка. Потомъ мы заказывали себѣ иногда кашу, и посылали къ воротамъ за топленымъ молокомъ; торговки не отходили отъ нихъ весь день.

Кухарка питала большое сочувствіе къ Крупскому, приходила иногда къ нему вечеромъ посидѣть и называла его „милый человѣкъ". Ей было лѣтъ пятьдесятъ, и она любила выпить. Крупскій угощалъ ее только чаемъ. На меня она почему-то смотрѣла какъ на человѣка болѣе гордаго, пока я ей не поднесъ, придя въ нумеръ Крупскаго, стакана водки. Это ее примирило со мной, и она тутъ же стала называть и меня „милымъ человѣкомъ". Ее, какъ она говорила, смущало во мнѣ и то, что я—какъ всѣ у нихъ въ острогѣ разсказываютъ—несмѣтный богачъ, въ какомъ вонъ возкѣ пріѣхалъ, да и дальше не съ партіей пойду,—и еще то, что я долженъ быть очень „строгій" человѣкъ, потому что хотѣлъ царя убить.

— А это вы откуда узнали?

— Да всѣ разсказываютъ.

Я полюбопытствовалъ узнать, она-то кто такая.

— Ахъ, милый человѣкъ!—принялась она разсказывать,—не тѣмъ бы мнѣ теперь быть, чѣмъ я есть. Съ первымъ-то мужемъ мы хорошо жили. Онъ былъ строгаго такого нрава человѣкъ. Вотъ ты самъ посуди! малымъ еще мальчикомъ былъ,—такъ засталъ разъ мать съ любовникомъ... И такъ ему это запретило, запретило—выдержать не могъ и бѣжалъ.—Ну, а я, грѣшница, хоть и за вторымъ мужемъ теперь... Я вѣдь, милый человѣкъ, какъ вдовѣла-то, четыре года съ офицеромъ жила... Теперь ужь гдѣ до офицеровъ-то. А грѣшница, что говорить!

За обѣдъ, изготовленный этою старой грѣшницей, мы садились обыкновенно въ часъ или много что въ два. Только въ это время позволялъ себѣ заходить иногда ко мнѣ нашъ косой надзиратель. Онъ былъ человѣкъ очень деликатный, не любилъ мѣшать не въ пору своимъ присутствіемъ и заходилъ-то не потому въ обѣдъ, что его угостятъ виномъ или сигарой—онъ ни того, ни другаго не бралъ въ ротъ. Онъ являлся ко мнѣ обыкновенно за совѣтами, какъ ему поступить со своимъ маленькимъ сыномъ (котораго онъ разъ при-

водилъ ко мнѣ), оставить ли его кончать курсъ въ уѣздномъ училищѣ, или теперь же перевести въ гимназію, а потомъ, если онъ пойдетъ изъ гимназіи въ университетъ, то высвободится ли, наконецъ, изъ казачьяго сословія, и т. д. Ему очень желалось, чтобы сынъ его былъ докторомъ. Самъ онъ былъ простой казакъ и жилъ только тѣмъ, что получалъ въ острогѣ жалованія, на водку отъ „дворянъ" да за стирку бѣлья, которое брала его жена.

Въ теченіе мѣсяца, который довелось мнѣ пробыть въ Тобольскѣ, я, какъ ужь сказалъ, нѣсколько разъ обѣдалъ внѣ тюрьмы. Это случалось разъ около десяти. Обыкновенно за мною заѣзжалъ тотъ, кто меня пригласилъ, или полицеймейстеръ, и отправлялся съ ними. Вечеромъ возвращался я, какъ случится, или съ кѣмъ-нибудь, или одинъ. Обыкновенно я пріѣзжалъ обратно въ острогъ пораньше, часамъ къ семи, много что къ половинѣ осьмаго, чтобы поспѣть къ повѣркѣ, хоть этой тонкости могъ бы и не наблюдать.

Когда я оставался дома, въ началѣ сумерокъ обыкновенно у насъ въ корридорѣ бывала нѣкоторая музыка, и я могъ услаждаться ею, отворивъ свою дверь. Или пѣлъ турецкій капитанъ какую-то въ высшей степени странную турецкую пѣсню, всегда одну чрезвычайно быструю и монотонную; это должно быть какая - нибудь очень веселая пѣсня, но она выходила унылою въ устахъ капитана. Голосъ у него былъ еще свѣжій и ровный. Совсѣмъ наоборотъ—очень хорошія и горькія пѣсни выходили у Курпскаго какими-то безжизненными и безхарактерными, когда онъ начиналъ заливаться съ гитарой въ своемъ нумерѣ. „Jeszcze polska nie zginela", пѣлъ онъ какимъ-то плясовымъ напѣвомъ; чудная пѣсня Корнеля Уейскаго выходила дикою, тогда какъ въ ней каждое слово и каждая нота кажутся такимъ отчаяннымъ воплемъ „Съ дымомъ пожаровъ".

Лучше бы ужь онъ не пѣлъ этого гимна.

Иногда (это было впрочемъ не болѣе трехъ разъ) изъ глубины корридора рѣзко доносился тонкій и звенящій, какъ хрусталь, голосъ, пѣвшій „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ" или какіе-нибудь ирмосы. Я не понималъ, кто это такъ звонко поетъ—то, казалось мнѣ, будто женщина, то—будто дитя.

— Это кто запѣлъ?—спросилъ я Василія, когда услыхалъ его въ первый разъ.

— Содержающій-съ.

— Знаю, да кто такой?

— Андрей-съ—вы видѣли. Онъ еще судится-съ—подсудимый.

Я дѣйствительно видалъ его въ корридорѣ; но не обращалъ на него никакого вниманія. Это былъ высокій молодой человѣкъ, постоянно ходившій въ арестантской шинели. Онъ былъ тутъ какъ свой—

видно давно ужь содержался; надзиратель звалъ его не иначе, какъ Андрюша.

Вскорѣ какъ-то послѣ перваго его пѣнія онъ остановилъ меня въ корридорѣ вопросомъ, не знаю ли я, когда будетъ манифестъ объ тысячелѣтіи. Я отвѣчалъ, что кажется въ августѣ.

— А освободятъ ли меня-съ? спросилъ онъ.

— Да вы за что судитесь?

— Я-съ—по скопчеству.

Вглядѣвшись попристальнѣе въ его одутловатое, дряблое и безбородое лицо, можно было заподозрѣть его тайну и не слыхавши его пѣнія. Онъ разсказалъ мнѣ весь ходъ своего дѣла; но такъ какъ въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего любопытнаго, то я и умолчу о немъ.

Меня поразило въ немъ болѣе всего одно. По вечерамъ, преимущественно послѣ повѣрки (она большею частью проходила раньше срока, то-есть половины восьмаго, въ сумеркахъ) значительная часть нашихъ жильцовъ собиралась въ корридорѣ на общую бесѣду, или, лучше сказать, на сказки, которыя мастерски разсказывалъ Василій Непомнящій. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, прежде чѣмъ Василій принялся за разсказъ, зашелъ разговоръ о томъ краѣ, откуда былъ скопецъ, чуть ли не о Березовѣ,—и я былъ пораженъ одушевленіемъ, съ которымъ этотъ человѣкъ говорилъ о природѣ. Онъ разсказывалъ, какъ отрадно тамъ встрѣчаютъ весну послѣ долгой зимы, какъ начинаетъ все зеленѣть, какіе цвѣты расцвѣтаютъ, какія птицы пролетаютъ. Онъ называлъ каждый цвѣтокъ по имени, описывалъ его краски и листки, и спрашивалъ, есть ли здѣсь такіе; такъ же и птицъ онъ называлъ, и разсказывалъ и о манерѣ ихъ полета, и объ отливѣ ихъ перьевъ—та словно золотомъ отливаетъ, та словно серебромъ, а эта—радугой свѣтитъ. Какъ въ этомъ человѣкѣ, такъ враждебно ставшемъ въ отношеніи къ своей собственной природѣ, могло сохраниться и развиться это живое чувство любви къ природѣ внѣшней? Имя одно смѣнилось другимъ. Переставши понимать красоту женщинъ, онъ можетъ быть сталъ сильнѣе чувствовать то, что говоритъ только зрѣнію, слуху?...

Вечернія бесѣды въ корридорѣ происходили обыкновенно такимъ образомъ. Прежде всего вызывался Василій Непомнящій, и около него садились, кто на длинной скамьѣ, кто на табуретахъ, Иванъ, Андрюша-скопецъ, косой надзиратель и еще человѣка три-четыре изъ „содержающихъ"; послѣдніе смѣнялись, но первые трое оставались постоянно главными слушателями. Василій разсказывалъ громко, внятно, украшая свои сказки разными подробностями своего изобрѣтенія. Онъ зналъ ихъ огромное количество, и русскихъ, и изъ „Тысячи одной ночи". Случалось ему заводить такія длинныя, что въ одинъ вечеръ

трудно было досказать. Слушатели обыкновенно не отставали и требовали, чтобы онъ докончилъ; но разсказчикъ самъ начиналъ дремать и говорилъ, что если станетъ досказывать въ этотъ вечеръ, сказка хуже выйдетъ. Мнѣ незачѣмъ было выходить въ корридоръ, чтобы слушать. Бесѣда располагалась неподалеку отъ моего нумера, и я могъ отлично слѣдить за разсказами и разговорами, отворивъ дверь и улегшись на койку, что я и дѣлалъ почти каждый вечеръ. Василій оканчивалъ обыкновенно каждую свою сказку извѣстною прибауткой: „Я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало, дали мнѣ мылкъ, я въ ворота шмыгъ, бѣжалъ, бѣжалъ, да въ острогъ и попалъ. Вотъ и теперь тутъ сижу“. Послѣ длинныхъ богатырскихъ сказокъ, разсказывавшихся въ теченіе двухъ вечеровъ, слушатели обыкновенно требовали, чтобы Василій разсказалъ что-нибудь покороче да посмѣшнѣе, не про царевичей ужъ, а про попа. И про попа Василій разсказывалъ и про попадью.

Но у него были въ запасѣ и не такія еще сказки. Разъ принялся онъ разсказывать „Истинное происшествіе“, про нѣкоего солдата Ивана Долгова и про фрейлину государынину княгиню Нарышкину. Эта исторія заняла всѣхъ едва-ли не болѣе всѣхъ остальныхъ сказокъ Василія. И было, впрочемъ, чѣмъ заинтересоваться. Ее стоило бы стенографировать, и я жалѣю, что не сдѣлалъ этого. Что за обиліе фантазіи выказывалъ тутъ Василій, и въ то же время какую историческую достовѣрность прибавлялъ всему самыми мелкими подробностями. Онъ обрисовывалъ намъ физіономіи, манеры каждаго дѣйствующаго лица въ своемъ разсказѣ и представлялъ все въ самыхъ живыхъ краскахъ и образахъ. Я не разъ думалъ, что, родись Василій въ другомъ сословіи, да получи образованіе, изъ него непремѣнно вышелъ бы замѣчательный романистъ.

Въ главныхъ чертахъ исторія Ивана Долгова заключается въ слѣдующемъ. Это былъ солдатъ и стоялъ во дворцѣ на часахъ. Какъ очень красивый и высокій малый, онъ обратилъ на себя вниманіе фрейлины княгини Нарышкиной, отличавшейся вкусами Елизаветы и Екатерины. Княгиня узнала стороной, кто такой, какого полка и пр. плѣнившій ее красавецъ-солдатъ. Василій описывалъ ее любовь очень выразительно, какъ она и ѣсть-то не могла (тутъ перечислялись всѣ прелести царскаго стола), какъ она и спать-то не могла по ночамъ— все только и думала что объ Иванѣ Долговѣ. Наконецъ, отпросилась она у императрицы въ отпускъ, будто бы въ отъѣздъ въ имѣнье свое (губернія, уѣздъ, названіе деревни, количество душъ и пр.), а сама между тѣмъ наняла себѣ квартиру въ Петербургѣ, въ домѣ Жукова (о его табачной фабрикѣ и какъ онъ разбогатѣлъ) на углу Садовой и Гороховой. Тутъ опять-таки со всѣми околичностями и гораздо боль-

шими, чѣмъ прежде, разсказывалось о каждомъ свиданіи влюбленной княгини съ солдатомъ, о томъ, какъ она посылала его въ баню, какое бѣлье ему дарила, какими амбре душила и проч., о великой хитрости самого Ивана Долгова, какъ онъ просрочивалъ въ казармѣ къ зарѣ, сталъ принебрегать службой, забросилъ „всѣ эти ихніе гультики и пунтики", не ночевалъ, подкупалъ и старшаго и ротнаго, а потомъ и баталіоннаго командира. Дѣло кончилось тѣмъ, что плѣненный молодцоватостью Ивана Долгова и тронутый любовью къ нему княгини Нарышкиной, покойный императоръ Николай Павловичъ произвелъ его, не въ примѣръ прочимъ, въ полковники, а потомъ тотчасъ въ генералы, и сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Иванъ Долговъ, конечно, женился на княгинѣ Нарышкиной и все пошло какъ по маслу.

Исторія эта возбудила въ корридорѣ государственный вопросъ о томъ, могло ли бы это случиться теперь. По мнѣнію косаго надзирателя, могло, потому что все въ царской волѣ, но Василій Непомнящій не соглашался съ мнѣніемъ надзирателя. Онъ прежде всего обратился къ причинамъ,—и разъяснилъ, что этого не можетъ быть по случаю измѣненія формы. У солдата въ нынѣшней формѣ нѣтъ уже той молодцоватости, какая была при прежнихъ мундирахъ, и потому никакая княгиня Нарышкина плѣниться имъ не можетъ. А форму кто измѣнитъ? Нынѣшняя царица, какъ она большая богомолка. „Что это,—говоритъ,—за гадость такая, что брюхо не прикрыто у солдата? И задъ почти что не прикрытъ! Кромѣ—говоритъ—непристойности, ничего хорошаго". Вотъ царь и послушался, и далъ новые мундиры. Надзиратель былъ вполнѣ согласенъ съ высочайшимъ мнѣніемъ, что, дѣйствительно, прежняя была безстыжая какая-то форма.

Въ другой разъ Василій разсказывалъ, какъ онъ провелъ три года въ бѣгахъ и заходилъ домой повидаться съ матушкой, съ родными. Разсказъ былъ трогательный, задушевный. Надзиратель только поддакивалъ какимъ-то особенно мягкимъ и кроткимъ голосомъ: „Да... да... Эхъ, что и говорить!.. Точно, что горько, братъ..." и т. д. Иванъ все молчалъ, и ему, видно, сгрустнулось; когда Василій кончилъ, онъ тихо проговорилъ: „Да, все бы ничего, только съ матушкой охота бы повидаться. Никого не жаль, опричь ея. Были бы крылья, сейчасъ бы, кажется, взвился и полетѣлъ. Посмотрѣлъ бы хоть".

У надзирателя была значительная склонность къ мистицизму, и онъ заводилъ иногда рѣчь о разныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, о встающихъ изъ могилы мертвецахъ, объ оборотняхъ и проч. Василій относился ко всему этому скептически и вступалъ съ надзирателемъ въ споръ, приводилъ въ примѣръ разные случаи, какъ мо-

шенники являлись привидѣніями, чтобы обокрасть, или напугать, и проч. Но надзиратель былъ непоколебимъ.

— А вотъ, недавно еще, въ Омскѣ, часовому мертвецъ ноги обглодалъ. На это ты что скажешь?

Василій сталъ, дѣйствительно, въ тупикъ.

— Одно я тебѣ скажу, — заключалъ надзиратель: — Бога человѣкъ долженъ всегда держать на умѣ, вотъ что.

Разсказы тянулись иногда довольно долго. Когда всѣ расходились по своимъ мѣстамъ, и двери номеровъ затворялись, мнѣ не разъ случалось слышать продолженіе бесѣды между Васильемъ и Иваномъ, уже въ постели. Иванъ часто вдавался въ печальныя размышленія о домашнихъ и о родной сторонѣ; Василій же все соображалъ, какъ ему лучше сдѣлать, дойти ли до завода и оттуда бѣжать, или тамъ объявиться, или бѣжать не доходя до завода, съ дороги. „Тяжко ужъ мнѣ больно безъ имени-то быть". Потомъ онъ приходилъ совѣтоваться со мной, какъ ему поступить, и я справлялся ему по законамъ, что для него выгоднѣе.

Василій съ Иваномъ спали въ корридорѣ на полу, и, разумѣется, нисколько не стѣснялись постоянною бѣготней мышей, которая начиналась въ огромныхъ размѣрахъ, какъ только гасла свѣча въ корридорѣ; свѣтъ отъ топящейся желѣзной печи нисколько не смущалъ ихъ. Меня мыши порядочно-таки безпокоили. Виною были, можетъ быть, голова сахара, стоявшая въ углу, да крошки хлѣба на полу. Онѣ были рѣшительно безстрашны, лѣзли иногда по одѣялу ко мнѣ на постель, и я нѣсколько разъ всю ночь не гасилъ свѣчу, чтобы хоть сколько-нибудь угомонить ихъ. При извѣстномъ тебѣ отвращеніи моемъ отъ кошекъ, я добылъ себѣ даже котенка, и онъ, хоть не ловилъ мышей, но все-таки пугалъ ихъ, пыжась и сердито шипя надъ ихъ норами.

Вотъ какъ обыкновенно проходили дни мои въ тобольскомъ острогѣ. Раза два въ недѣлю, еще до разсвѣта, начиналось мытье половъ въ корридорѣ и въ камерахъ. Его особенно стали учащать въ ожиданіи скораго пріѣзда новаго генералъ-губернатора. Полонъ корридоръ нагоняли бабъ изъ женскаго отдѣленія пересыльныхъ и часа два продолжалась эта пачкотня, скобленье и проч. На цѣлый день оставался вездѣ отвратительный запахъ сырости, въ дополненіе къ постоянному почти чаду.

Потомъ разъ въ недѣлю приходили партіи (обыкновенно по понедѣльникамъ) и отправлялись по назначенію разъ или два, смотря по тому, куда имъ слѣдовать. Отправился въ своей повозкѣ, хоть и съ партіей, упомянутый мною казначей, вмѣстѣ съ женой, дѣтьми и скуднымъ хозяйствомъ, отправлялся полякъ, отправлялся не разста-

вавшійся съ своимъ дворянскимъ достоинствомъ арестантъ. Изъ вновь поступавшихъ въ наше отдѣленіе пересыльныхъ не было никого интереснаго.

Отправка одной изъ партій не обошлась безъ порки. Услыхавъ по утру особенное движеніе и говоръ въ корридорѣ, я вышелъ спросить, что случилось. Всѣ наши дворяне, прислуга и самъ надзиратель взмостились на скамейки, и смотрѣли въ высокія окна корридора, которыя выходили на пересыльный дворъ.

— Наказываютъ,—отвѣчали мнѣ на мой вопросъ.

Я взлѣзъ на одну изъ скамеекъ и увидалъ густую толпу совсѣмъ готовыхъ въ путь „несчастныхъ". Посреди ея подымались и опускались поочередно два толстыхъ пучка длинныхъ розогъ. Константинъ и Захаръ Иванычи суетливо распоряжались около этихъ розогъ, но наказываемаго не было видно. Пріятное напутствіе въ такую легкую дорогу! Я спросилъ, за что? Оказывалось за то, что, имѣя одинъ полушубокъ годный, виновные взяли въ приказѣ по другому полушубку и вшили ихъ одинъ въ одинъ.

Вотъ, наконецъ, простился со мной и Крупскій. Онъ купилъ себѣ кибитку за три съ полтиной, уложилъ свое хозяйство, не забылъ и гитару. Самое начало его путешествія не предвѣщало ничего добраго. Онъ выбралъ, какъ нарочно, такую партію, въ которой не было никого изъ „дворянъ", и у него у одного была своя подвода. Она оказывалась лишнею противъ того числа, къ которому подрядчикъ обязался поставлять лошадей. Онъ не хотѣлъ давать Крупскому лошади и требовалъ прогонныхъ денегъ. Его едва убѣдили; но явно, что такія прижимки должны были повториться.

— Вамъ надо лошадь купить, — совѣтовали Крупскому.

Хорошо было такъ совѣтовать; но исполнить, даже при здѣшней дешевизнѣ, совѣтъ этотъ Крупскій могъ только, обрекши себя на многія лишенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія В. Н. Никитина.

Авторъ „Воспоминаній", Викторъ Никитичъ, происходитъ изъ существовавшихъ въ старину кантонистовъ. Такихъ заведеній въ Россіи было болѣе 40, а въ нихъ воспитывалось до 270.000 мальчиковъ, стоившихъ казнѣ около 2.570.000 р. въ годъ. Затѣмъ онъ послѣдовательно прослужилъ въ разныхъ учрежденіяхъ болѣе 50, изъ нихъ 35 лѣтъ въ качествѣ директора С.-Петербургскаго тюремнаго комитета посвятилъ облегченію участи военныхъ, морскихъ, въ особенности гражданскихъ заключенныхъ и ихъ семействъ, а также интересамъ комитета, при чемъ постоянно имѣлъ непосредственныя сношенія со множествомъ правительственныхъ общественныхъ дѣятелей, участвовалъ своими трудами въ 27-ми ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ изданіяхъ; многочисленныя [1]) его сочиненія, по различнымъ отраслямъ знаній, сочувственно встрѣчались русскою печатью, а нѣкоторыя даже переводились на иностранные языки. Благодаря всему сказанному, онъ видѣлъ, слышалъ и на себѣ испыталъ всякія превратности, а потому изложенные въ „Воспоминаніяхъ" факты и свѣдѣнія составляютъ значительный общественный интересъ и значеніе, тѣмъ болѣе, что касаются извѣстныхъ лицъ и наглядно характеризуютъ ихъ образъ дѣйствій на различныхъ поприщахъ.

---

[1]) Отдѣльныя сочиненія В. Н. Никитина: „Жизнь заключенныхъ", „Общественныя и законодательныя погрѣшности", „Многострадальные", „Бытъ военныхъ арестантовъ въ крѣпостяхъ", „Жажда богатства", „Тюрьма и ссылка", „Благотворительные подвиги", „Евреи земледѣльцы", „Обломки разбитаго корабля", „Еврейскія поселенія", „Разнообразіе" и пр. и пр.

I.

Мое воспитаніе въ батальонѣ военныхъ кантонистовъ. — Школьное, научное и фронтовое образованіе.—Судебное дѣло за 100 рублей и два куля муки.— Мое фальшивое положеніе.—Всемогущій писарь Зотовъ и полковникъ Фроловъ.—Въ статистахъ.—Въ походѣ.—Грабежи солдатами крестьянъ.— Жестокость начальства.—Пребываніе въ Петербургѣ.—Начальникъ отдѣленія Нельговскій.—Пріемъ писаремъ Зотовымъ генераловъ и пріемъ генераломъ Фроловымъ полковаго командира.—Царскій смотръ.—Въ Боровичахъ.—Смерть Николая I.—Походъ въ Нарву.—Появленіе и дѣйствія непріятельскаго флота.— Возвращеніе полка въ Боровичи.—Мой переводъ въ Петербургъ.

Волею судебъ я попалъ, девяти лѣтъ отъ роду, въ 1848 г., въ кантонисты неранжированнаго баталіона 4-го учебнаго карабинернаго полка (въ Нижнемъ Новгородѣ), а въ этомъ баталіонѣ, называвшемся въ просторѣчіи „живодернею“, кантонистовъ держали впроголодь, одѣвали скверно, муштровали и истязали безпощадно... Какъ и что съ ними творили, подъ видомъ воспитанія, я всесторонне изобразилъ въ книгѣ „Многострадальные“, изд. 1872 года, а здѣсь и черезъ 50 слишкомъ лѣтъ затрудняюсь повторить, даже хоть вкратцѣ; такъ все представляется мнѣ, по воспоминаніямъ, отвратительнымъ, безчеловѣчнымъ издѣвательствомъ надъ обездоленными дѣтьми...

Не могу, однако, скрыть, что лично мнѣ жилось въ „живодернѣ“ несравненно лучше, чѣмъ другимъ, но исключительно по протекціи крестнаго моего отца Никиты Ермолаевича Валова. Онъ, происходившій тоже изъ кантонистовъ, въ ту пору, къ которой относится мой разсказъ, былъ уже пожилымъ губернскимъ секретаремъ и пользовался среди городской аристократіи—репутаціею отличнаго учителя; отъ полковаго командира—полнымъ довѣріемъ, какъ опытнѣйшій, исправный дѣлопроизводитель полковаго хозяйственнаго комитета, по которому производились денежныя операціи не на одну сотню тысячъ рублей въ годъ; значительнымъ вліяніемъ на малограмотныхъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, да и уваженіемъ молодыхъ офицеровъ, между которыми находились и бывшіе ученики его, такъ какъ онъ съ 1820-хъ годовъ учительствовалъ въ барскихъ домахъ и училищѣ для дѣтей гражданскихъ чиновниковъ. И вотъ, зная, что онъ обо мнѣ заботился, они, въ угоду ему, не только сами зря меня не обижали, но запрещали дѣлать это и своимъ подчиненнымъ фельдфебелямъ и капральнымъ унтеръ-офицерамъ.

Такимъ образомъ протекція спасала меня отъ многоразличныхъ невзгодъ, безпрерывно постигавшихъ товарищей. Мало того, мнѣ предоставляли разнаго рода привилегіи, напр., одежду и обувь я всегда носилъ крѣпкую, по всѣмъ праздникамъ меня отпускали и даже посылали со двора къ крестному; учителей унтеръ-офицеровъ прину-

ждали, подъ страхомъ наказанія, носить солдатскую форму и при отлучкахъ изъ казармъ, а мнѣ разрѣшали надѣвать вмѣсто грубыхъ казенныхъ—собственныя, изъ тонкаго сукна сшитыя, на счетъ крестнаго, курточку и брюки, въ томъ вниманіи, что въ его квартирѣ меня видѣли разные господа, а въ числѣ ихъ и наши офицеры, которые въ казармахъ за отстегнутую пуговицу били кулаками или драли кантонистовъ розгами.

Отъ крестнаго я, по его приказанію, ходилъ иногда къ матери крестной, проживавшей въ качествѣ воспитанницы или чтицы, этого я не зналъ,—у богатой, чванной старухи, генеральши Григорьевой, къ которой вся мѣстная аристократія являлась на поклонъ. Крестная, молодая, красивая дѣвица лѣтъ 23-хъ—26-ти, обходилась со мною дружески, но упрочить наши отношенія мѣшало намъ то, что она сама жила въ людяхъ и больше получаса намъ никогда не удавалось провести вмѣстѣ. Каждый разъ она представляла меня ворчливой старухѣ Григорьевой, которая здоровалась со мною, я цѣловалъ ея ручку, она гладила меня по головѣ, повторяя: „бѣдный сиротка,—я ужо позабочусь о тебѣ“, приказывала мнѣ дать гостинцевъ и отпускала меня въ людскую обѣдать.

Однажды меня засталъ возлѣ нея губернаторъ, свитскій генералъ, князь Урусовъ. Отодвигаясь назадъ, чтобы его пропустить къ ней, я съ испугу уронилъ легенькій стулъ. Старуха хотя и обратила это въ шутку, но, наслышавшись о безобразіяхъ, творившихся въ „живодернѣ“,—упрекнула губернатора въ плохомъ наблюденіи за нашимъ начальствомъ и пригрозила ему написать обо всемъ военному министру, князю Чернышеву, ея давнишнему якобы знакомому. Губернаторъ, уходя, въ передней громко сказалъ, что за полученный имъ выговоръ изъ-за меня велитъ меня отпороть, но услышавшіе это крестная и старикъ, братъ Григорьевой, упросили его этого не дѣлать, а напротивъ заступиться за насъ. Онъ записалъ меня и уѣхалъ, а въ слѣдующее воскресенье утромъ прислалъ за мною въ казарму своего адъютанта.

Начальство мое сильно переполошилось, но отпустило меня. Адъютантъ привезъ меня къ губернатору и ввелъ въ его кабинетъ. Тамъ я увидѣлъ, сидѣвшими вокругъ стола, губернатора въ эполетахъ, статскаго генерала со звѣздою на груди, проживавшаго въ одномъ домѣ съ крестнымъ, пожилаго, полковаго нашего учителя унтеръ-офицера Теплыгина въ формѣ (солдатскомъ мундирѣ) и пожилаго же мужика въ перепачканомъ кафтанѣ. Всѣ четверо запросто, какъ равные, разговаривали. Губернаторъ ласково поздоровался со мною и сталъ было разспрашивать меня о нашемъ житьѣ-бытьѣ, но мужикъ и учитель отсовѣтовали ему это дѣлать, доказывая, что онъ безсиленъ улучшить

нашъ бытъ. Губернаторъ согласился съ ними и обѣщалъ при поѣздкѣ въ Петербургъ тамъ похлопотать о насъ, а меня отправилъ въ людскую, гдѣ меня отлично накормили и просвѣтили: Теплыгинъ училъ губернаторскихъ дѣтей, а за это пользовался его милостью и въ казармахъ службы не несъ, а мужикъ былъ богатый хлѣбный торговецъ Бугровъ, хоть и раскольникъ, но въ угоду губернатору выстроилъ каменный театръ и впослѣдствіи подарилъ его городу, да и жертвовалъ значительныя деньги на богадѣльню и прочее, поэтому удостоивался особеннаго вниманія губернатора.

Часа черезъ полтора чиновникъ доставилъ меня въ казарму, съ объясненіемъ начальству, что губернаторъ остался мною очень доволенъ; тѣмъ не менѣе меня потомъ тормошили допросами обо всемъ, что я слышалъ въ дворцѣ, а такъ какъ я боялся открыть истину, то отвѣчалъ, что губернаторъ хвалилъ наше начальство, но оно, навѣрно, сомнѣвалось въ моихъ словахъ, потому что вспомнило о скрытіи мною отъ него первой моей встрѣчи съ губернаторомъ, и за это подвергло меня одному изъ легкихъ взысканій—продержало на часахъ полъ-ночи.

Страшась ежечасныхъ каръ, я велъ себя безукоризненно, скоро заучилъ артикулы, маршировки и команды. За это, да подъ вліяніемъ той же протекціи, меня постепенно возвышали въ десяточные, капральные ефрейторы, знаменщики и ординарцы. Надъ всѣмъ господствовала суровая шагистика съ ея нелѣпыми пріемами, и лишь она одна почиталась наилучшею воспитательною системою, предъ которою всѣ преклонялись. До какой степени это вѣрно, свидѣтельствуетъ вотъ какой фактъ: однажды я, въ качествѣ ординарца, по приказанію инспектора учебныхъ полковъ, генералъ-лейтенанта Петра Николаевича Фролова, въ двѣ минуты раздѣлся донага и подъ его команду совершенно голый маршировалъ минутъ десять по огромному залу губернаторской квартиры, въ которой онъ, Фроловъ, останавливался, тихимъ, скорымъ, вольнымъ и бѣглымъ шагомъ, при чемъ отъ безошибочныхъ моихъ дѣйствій онъ впалъ въ такой восторгъ, что къ удовольствію присутствовавшаго тамъ же моего непосредственнаго начальства, собственноручно наградилъ меня серебрянымъ пятачкомъ...

Школьное наше образованіе находилось, напротивъ, въ полномъ пренебреженіи, отчего кантонисты охотно уклонялись отъ классовъ, гдѣ за лѣность, невнимательность или какую-либо шалость учителя тоже колотили и драли кантонистовъ по своему произволу. Обремененный фронтовыми занятіями я, въ теченіе четырехъ лѣтъ, едва научился читать, писать и четыремъ правиламъ ариѳметики, но за то же время пріобрѣлъ ненависть ко всему окружавшему меня въ

„живодернѣ“ и страстно желалъ вырваться изъ нея, но какъ и куда не понималъ. Я слышалъ, правда, что въ полковой канцеляріи занимались кантонисты и имъ жилось привольно, но какимъ способомъ они туда попадали—мнѣ не было извѣстно, да и я сознавалъ, что совсѣмъ еще не годился въ писаря. Крестный, какъ я догадывался изъ отрывочныхъ его отзывовъ, считалъ шагистику—безполезною, а мое отвращеніе къ ней,—не безосновательнымъ, но просить его объ облегченіи моей доли я не рѣшался. Впрочемъ, онъ своевременно самъ позаботился обо мнѣ: формально—его начальникъ, а частно—пріятель, полковой казначей, поручикъ Кузичкинъ (также изъ кантонистовъ полка и женатый на богатой помѣщицѣ), часто видалъ меня у крестнаго и у себя (я хаживалъ къ нему съ записками отъ крестнаго), зашелъ однажды въ классъ, отыскалъ меня, сказалъ что-то инспектору, древнему чиновнику Гомоюнову, а мнѣ велѣлъ идти съ нимъ и привелъ меня въ полковую канцелярію учиться писать. Это было въ 1852 году.

Не успѣлъ я оглянуться, какъ вошелъ, знавшій меня лично, полковой командиръ, полковникъ Веймарнъ, увидѣлъ меня и спросилъ: зачѣмъ я тамъ очутился? Кузичкинъ доложилъ ему, что взялъ меня для приготовленія въ писаря. Веймарнъ возразилъ, что я, какъ знаменщикъ и ординарецъ,—нуженъ въ ротѣ, что писарство для меня еще рано и, что я, по способностямъ къ фронту, со временемъ буду хорошимъ унтеръ-офицеромъ, а потому приказалъ было отослать меня обратно въ роту, но Кузичкинъ и крестный отъ себя и отъ имени женъ и крестной (онъ ихъ зналъ), съ большимъ трудомъ упросили Веймарна оставить меня въ канцеляріи. Затѣмъ, сомнѣваясь, какъ бы я не избаловался на свободѣ среди писарей, рядовыхъ и кантонистовъ, трудившихся въ канцеляріи, — Кузичкинъ и крестный рѣшили помѣстить меня на жительство и продовольствіе къ состоящему въ вѣдѣніи казначея, завѣдывавшему цейхгаузами холостому унтеръ-офицеру Алексѣеву, слывшему за человѣка религіознаго, отличнаго поведенія и имѣвшему въ казармѣ отдѣльную квартиру изъ трехъ маленькихъ комнатъ и солдата для услугъ. Названному Алексѣеву поручили они быть моимъ попечителемъ и надзирателемъ, а мнѣ велѣли повиноваться ему и безъ его спроса, кромѣ канцеляріи, никуда не ходить. Меня послали съ запиской въ роту сдать свои обязанности по капральству и распрощаться съ товарищами.

Съ невыразимою радостью я въ тотъ же день перебрался къ Алексѣеву въ отведенный мнѣ уголокъ, гдѣ поставили для меня кровать со всѣми принадлежностями и ящикъ для складыванія моихъ мизерныхъ пожитковъ. Когда я совсѣмъ прибрался, Алексѣевъ

угостилъ меня хорошимъ обѣдомъ, потомъ разспросилъ меня о моемъ положеніи у крестнаго и Кузичкина и, наконецъ, объявилъ мнѣ, что солдатъ будетъ мнѣ приносить изъ цейхгауза: еженедѣльно—чистое постельное и тѣльное бѣлье, а по мѣрѣ надобности—и другія вещи; что я буду вкусно обѣдать, ужинать, по утрамъ и вечерамъ пить чай, а иногда получать лакомства, если только съумѣю хранить въ тайнѣ все, что услышу или увижу въ его квартирѣ; если же кому-нибудь о чемъ-нибудь проговорюсь, то мнѣ придется ѣсть въ общей кухнѣ скверную пищу, бѣлье и вещи—доставать въ ротѣ, да и онъ меня возненавидитъ, какъ фискала. Я охотно поклялся ему держать языкъ за зубами, потому что желалъ пользоваться всѣмъ, что онъ мнѣ посулилъ.

Почему именно требовалъ онъ отъ меня строгаго молчанія, я догадался въ тотъ же вечеръ: къ нему пришла, какъ я услыхалъ отъ солдата, возлюбленная, красивая молодая женщина. Онъ долго съ ней шептался, потомъ позвалъ меня къ себѣ, и она меня угостила чаемъ съ кренделями, приголубила, обѣщала снабжать всѣмъ, что мнѣ понадобится, и тоже настойчиво совѣтывала обо всемъ молчать. Я ей обѣщалъ это тѣмъ въ большею откровенностью, что она сразу мнѣ понравилась своимъ ласковымъ, простымъ обхожденіемъ со мною. Послѣ ужина съ ними, они отпустили меня спать. Освободившись внезапно отъ страшнаго ротнаго начальства, я проспалъ всю ночь, какъ убитый, а рано утромъ они напоили меня чаемъ, а Анна Михайловна, какъ звали женщину, предъ уходомъ съ Алексѣевымъ, подарила еще мнѣ цѣлковый, — капиталъ, какой я впервые считалъ своимъ. Я поцѣловалъ ей руку, а она меня въ щеку.

Я отправился въ канцелярію и пробрался въ ту комнату, гдѣ былъ наканунѣ и гдѣ помѣщались казначейская и квартирмейстерская части. Тамъ, несмотря на восемь часовъ,—рядовые и кантонисты уже писали. Одинъ изъ первыхъ Сергѣевъ, согласно полученному имъ съ вечера приказанію, указалъ мнѣ мѣсто и положилъ предо мною очиненное гусиное перо (стальныя еще тогда не употреблялись), чистый, нографленый листъ бумаги и красиво написанный рапортъ, съ котораго велѣлъ мнѣ списывать слово въ слово, букву въ букву.

Я принялся за работу, но она не спорилась: я капалъ чернила, пропускалъ слова, вралъ грамматически и сбивался съ графъ. Сергѣевъ вглядывался въ мой трудъ, находилъ его негоднымъ, рвалъ и мѣнялъ листы, съ досады, что я его утруждалъ, готовъ былъ побить меня, а новые мои товарищи назойливымъ подтруниваніемъ надъ моею пачкотнею довели меня до слезъ: мнѣ становилось обиднымъ, что я, бывши въ ротѣ въ почетѣ, тутъ сдѣлался посмѣшищемъ со стороны кантонистовъ же.

Занимавшихся постепенно прибавлялось, и каждый подходилъ ко мнѣ, всматривался въ мое писанье, морщился и конфузилъ меня. Къ девяти часамъ явилось пятеро въ галунахъ, а въ числѣ ихъ старшій казначейскій писарь Григорьевъ. Онъ пересадилъ меня между мѣстами крестнаго и чиновника Шипилова, куда никто не могъ подойти ко мнѣ, велѣлъ Сергѣеву еще разъ перемѣнить мнѣ листы, а мнѣ отдохнуть. Изъ громкаго разговора галунниковъ я узналъ, что за ношеніе ими сѣро-нѣмецкихъ шинелей, калошъ и длинныхъ волосъ Веймарнъ, если ему попадались, приказывалъ драть попадавшихся, и какой-то кандидатъ даже умеръ отъ жестокаго наказанія за калоши.

Къ десяти часамъ пришли: старый чиновникъ Шипиловъ, квартермистръ, пожилой поручикъ Пономаревъ, Кузичкинъ и крестный. Всѣ предъ ними вставали, они здоровались съ подчиненными, выслушали ихъ сѣтованія на тяжесть службы и о смерти наказаннаго кандидата Иванова, отвѣтили надеждою на лучшее будущее и сѣли на свои мѣста. Водворилась такая тишина, что слышенъ былъ только скрипъ перьевъ. Крестный преподалъ мнѣ урокъ чистописанія, а потомъ занялся самъ бумагами. Около 11-ти вошелъ Веймарнъ, и всѣ вытянулись въ струнку. Окинувъ пристальнымъ взглядомъ стоявшихъ, онъ замѣтилъ длинные волосы Григорьева и приказалъ было отстричь его на барабанѣ: это считалось позорнымъ. Кузичкинъ вступился за него, объяснивъ, что, какъ извѣстно и лѣкарямъ, голова Григорьева золотушная и остричь ее наголо вредно для его здоровья. Видя, что Григорьевъ ускользнулъ отъ наказанія, Веймарнъ рѣзко спросилъ: кто виновенъ въ пропускѣ въ требовательной вѣдомости какихъ-то 5.000 рублей? Шипиловъ принялъ вину на себя. Веймарнъ замѣтилъ, что виновныхъ дерутъ и его, чиновника, тоже слѣдуетъ отодрать. Шипиловъ съ покорностью отвѣтилъ, что его, Веймарна, воля карать или миловать. Кузичкинъ, желая смягчить раздражительность Веймарна, доложилъ ему, что когда онъ, Кузичкинъ, скоро поѣдетъ въ Москву за пріемкою вещей, то тамъ, по знакомству въ коммисаріатѣ, устроитъ возвратъ 5.000 рублей. Веймарнъ возразилъ, что пошлетъ другаго офицера. Кузичкинъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ 5.000 пропадутъ. Вельмарнъ пригрозилъ, что 5.000 рублей, пропущенные по казначейской части, потребуетъ съ него, Кузичкина, но онъ на это отозвался, что тогда рапортомъ донесетъ, что 5.000 р. вовсе полку не причитается и докажетъ разными отчетами, что никакой ошибки не случилось... Вмѣшавшійся, въ видахъ умиротворенія, Пономаревъ, получилъ отъ Веймарна замѣчаніе за опозданіе куда-то. Пономаревъ оправдывался тѣмъ, что былъ на панихидѣ Иванова, умершаго отъ наказанія. Веймарнъ вспыхнулъ и ушелъ гнѣвный...

Изъ всего, мною слышаннаго, мнѣ стало ясно, что служившимъ въ канцеляріи тоже скверно жилось, и я въ умѣ рѣшилъ стараться ни въ чемъ запретномъ не попадаться. Всѣ занимались писаньемъ до 3-хъ часовъ, а тогда разошлись: офицеры, чиновники и женатые учителя, унтеръ-офицеры и писаря—по домамъ, а остальные — въ кухню обѣдать. Отобѣдалъ и я у Алексѣева и вернулся въ канцелярію, гдѣ, по обыкновенію, съ 5 до 9, проводили за работою всѣ нижніе чины и кантонисты, а кончивъ занятія въ канцеляріи, я засталъ въ квартирѣ Алексѣева троихъ его товарищей, такихъ же, какъ онъ, завѣдывавшихъ разными частями полковаго хозяйства. Узнавъ кто я, и что я постоянный жилецъ Алексѣева,—они обошлись со мною очень любезно и также, какъ и онъ, предупредили меня, для общей пользы, тщательно скрывать отъ всѣхъ все, что я увижу или услышу въ его квартирѣ, а увидѣлъ и услышалъ я, какъ они пили водку и вино и играли въ карты на деньги далеко за полночь... Убѣдившись потомъ въ моемъ полномъ молчаніи, Алексѣевъ совсѣмъ пересталъ меня остерегаться, а его Анюта баловала меня и расположила къ себѣ, какъ младшаго брата.

Называвшіеся штабными 8 — 10 унтеръ-офицеровъ завѣдывали разными частями громаднаго полковаго хозяйства, заключавшагося въ мастерскихъ, магазинахъ, цейхгаузахъ, складахъ и проч., на четыре тысячи солдатъ и на 4—5000 кантонистовъ, при чемъ всѣ эти ундера извлекали изъ своихъ должностей значительные доходы, на которые щедро содержали своихъ возлюбленныхъ, кутили и играли въ карты по вечерамъ и ночами, по-фельдфебельски, другъ у друга, поочередно. Алексѣевъ былъ однимъ изъ нихъ, а потому я исподволь ознакомился со всѣми ихними темными дѣлишками и удивлялся только, какъ ничего не доходило ни до Кузичкина, ни до крестнаго, ни, въ особенности, до Веймарна, который всюду ходилъ и зорко слѣдилъ за всѣми подчиненными. Мнѣ казалось, что если бы онъ узналъ хоть о части продѣлокъ штабныхъ, онъ бы всѣхъ ихъ въ одинъ день разжаловалъ и запоролъ, а Кузичкина и Пономарева—выгналъ бы въ отставку, несмотря на ихъ дѣловитость среди полуграмотныхъ офицеровъ и на то, что они занимали должности по выбору офицеровъ.

Не рѣдко меня, правда, одолѣвалъ страхъ, какъ бы, въ случаѣ обнаруженія плутней Алексѣева, и мнѣ не досталось бы за молчаніе, почему я неоднократно покушался разсказать хоть кое-что крестному, но у меня все духу не хватало: я зналъ, что днемъ штабные исправно служили, все аккуратно исполняли, отличались проворствомъ, повиновеніемъ; ходили по субботамъ—ко всенощной, по воскресеньямъ—къ обѣднѣ и отлично умѣли охранять свою репутацію безу-

коризненною, а при этихъ обстоятельствахъ я вѣдь легко могъ прослыть лгуномъ и лишиться тѣхъ благъ, какими пользовался. Чувство самосохраненія и удерживало меня отъ риска, и я продолжалъ молчать, а тѣ вечера, когда Анна Михайловна не приходила, я, отъ скуки, просиживалъ до ночи въ канцеляріи и старательно учился красиво писать.

И вотъ однажды часовъ въ десять вечера полковой аудиторъ, коллежскій секретарь Петровъ заставилъ меня переписать показанія двухъ солдатъ, признавшихся въ кражѣ изъ кожевеннаго завода кожи, изъ которой сдѣлали верхъ на возокъ ротнаго командира, капитана Савина, безъ его вѣдома, и получили отъ него вознагражденія по рублю. Съ теченіемъ времени я совершенно забылъ про свое писанье. Между тѣмъ, Алексѣевъ готовился къ экзамену на офицерскій чинъ и его, въ числѣ другихъ, поучалъ старшій аудиторскій писарь, старикъ. Разъ, во время вечерняго урока, я лежалъ на своей постелѣ, а старикъ, въ доказательство необходимости офицеру подписывать судныя дѣла по всѣмъ ихъ страницамъ, разсказалъ ему, по секрету, что солдаты украли съ завода кожу по приказанію Савина, но, когда его задержали въ возкѣ и онъ предалъ солдатъ,— они упорно показали, что совершили преступленіе по его приказанію, по заключеніи же дѣла аудиторъ, подкупленный Савинымъ двумя кулями муки и 100 р., какъ самъ, выпивши, сознался, вышилъ солдатскія показанія, исправилъ ихъ въ томъ смыслѣ, что они украли кожи по собственному почину, заставилъ кого-то переписать передѣланныя показанія, самъ вшилъ ихъ въ дѣло, отправилъ его, куда слѣдовало, и получился приговоръ прогнать солдатъ сквозь строй чрезъ 150 человѣкъ, а Савинъ остался непричастнымъ къ дѣлу.

Выслушавъ все это, я вскочилъ съ кровати, выбѣжалъ къ нимъ, да объявилъ имъ, что я самъ переписалъ эти показанія и долженъ объ этомъ объявить, чтобы солдатъ избавили отъ наказанія. Оба единогласно отперлись отъ того, что одинъ разсказалъ, а другой— слышалъ. Отъ обиды я расплакался. Они смѣло меня увѣряли, что мнѣ все почудилось отъ простуды, напоили меня пуншемъ и уложили спать, отчего я и проспалъ до обѣда слѣдующаго воскреснаго дня, потомъ провалялся весь день отъ головной боли, а въ понедѣльникъ, рано утромъ, солдатъ дѣйствительно прогнали сквозь строй въ манежѣ, куда я бѣгалъ убѣдиться, правду ли говорилъ старикъ. Экзекуція произвела на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что я отъ него долго не могъ освободиться: и на яву, и во снѣ мнѣ часто представлялось, какъ привязанныхъ руками къ ружейнымъ стволамъ раздѣтыхъ по поясъ донага осужденныхъ тащили, посреди двухъ рядовъ солдатъ, которые стегали ихъ длинными палками по

голымъ спинамъ и бокамъ, какъ изъ ихъ тѣла брызгала кровь, вырывались куски, какъ они бросались изъ стороны въ сторону, падали, ихъ поднимали и опять тащили, а отчаянные крики заглушались барабаннымъ боемъ...

Мало-по-малу я свыкся съ своимъ фальшивымъ положеніемъ, сдѣлался скрытнымъ, выучился писать и настолько ознакомился съ порядками, что крестный посылалъ меня съ журналами къ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ, чтобы подписывали ихъ, и я уже не страшился этихъ грозныхъ начальниковъ.

Вдругъ стали готовиться къ инспекторскому смотру, и насъ заставили даже подписывать шнуровыя книги за разныхъ маіоровъ и капитановъ. Огласилось о пріѣздѣ инспектора, знакомаго генерала Фролова со своимъ любимымъ писаремъ Зотовымъ. Насъ, занимавшихся въ канцеляріи, тоже, на всякій случай, нарядили въ смотровыя вещи. Съ восьми часовъ утра всѣ военные, отъ полковника до послѣдняго прапорщика,—находились на плацу, въ ожиданіи прибытія туда Фролова, инспектировавшаго обыкновенно только фронтовую часть, а административную и хозяйственную самостоятельно ревизовалъ Зотовъ, и потому предъ нимъ трепетало все наше начальство.

Въ 11 часу Зотовъ подъѣхалъ въ колясвѣ, на парѣ вороныхъ, важно вошелъ въ канцелярію въ запретныхъ, для нашихъ писарей, сѣронѣмецкой тонкой шинели, замшевыхъ бѣлыхъ перчаткахъ и калошахъ. Всѣ писаря, рядовые и кантонисты адъютантской части сразу встали и поклонились ему. Онъ привѣтливо отвѣтилъ имъ кивкомъ головы, унтеръ-офицеръ снялъ съ него шинель и повѣсилъ ее на вѣшалку, а онъ, скинувъ калоши,—спокойно прошелъ въ нашу комнату, расцѣловался съ крестнымъ, какъ старымъ хорошимъ знакомымъ, остальнымъ всѣмъ, также вставшимъ, поклонился по сторонамъ и сѣлъ въ казначейское кресло. Чиновники, учителя и писаря всей канцеляріи живо собрались къ намъ, а рядовымъ и кантонистамъ приказали выдти въ общую комнату, куда послѣдовалъ было и я. Однако, Зотовъ почему-то подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ, какъ меня зовутъ. Крестный представилъ меня ему, какъ своего крестника. Онъ погладилъ меня по головѣ и предложилъ крестному взять меня въ свой штабъ, чтобы скоро произвести въ писаря, но крестный заявилъ ему, что мнѣ надо года два еще поучиться, а потомъ ужъ онъ воспользуется его предложеніемъ. Онъ велѣлъ мнѣ сѣсть на свое мѣсто, что я и исполнилъ, но покамѣстъ я стоялъ предъ нимъ,—я разглядѣлъ на немъ отличный сюртукъ съ галунами, высунутый изъ-подъ его воротника, бѣлоснѣжный, накрахмаленый воротникъ рубашки, такія же манжеты, въ нихъ—золотыя запонки, по борту сюртука толстую, золотую же цѣпочку, а на его пальцахъ—

кольца съ блѣстѣвшими бриллiантами. Лицо его, чисто выбритое, показалось мнѣ прiятнымъ, а выглядѣлъ онъ средняго роста, тѣлосложенiя и возраста. Онъ вынулъ изъ кармана брюкъ золотой портсигаръ, открылъ его съ двухъ сторонъ, досталъ съ одной папироску, а съ другой—спичку, чиркнулъ ее объ столъ, закурилъ папиросу (никто и изъ офицеровъ не смѣлъ въ канцелярiи курить) и вступилъ въ разговоръ съ окружавшими его. Отъ его платья и папироснаго дыма комната наполнилась душистымъ запахомъ.

Меня смутили въ особенности его спички, такъ какъ они находились подъ такимъ сильнымъ запретомъ, что за недѣлю предъ тѣмъ жестоко отодрали одного изъ музыкантовъ за то, что онъ откуда-то принесъ и держалъ въ казармѣ опасныя три коробки сѣрныхъ спичекъ, которыя не были въ употребленiи, а огонь добывался ударомъ кремня по огнивѣ, которую держали вмѣстѣ съ трутомъ, и онъ вспыхивалъ.

Зотовъ спокойно покуривалъ, внимательно слушалъ жалобы учителей и писарей на тяжесть службы, обхожденiе съ ними Веймарна и полковаго адъютанта, молодаго еще поручика изъ дворянъ Домашнева, съ удовольствiемъ присутствовавшаго при тѣлесныхъ наказанiяхъ на гауптвахтѣ. Всѣ просили заступничества Зотова вообще и въ частности по различнымъ личнымъ дѣламъ. Онъ обѣщалъ, а потомъ слегка просматривалъ какiя-то дѣла и книги.

Часа черезъ три явились: Кузичкинъ и Пономаревъ, уже видѣвшiеся съ Зоторымъ, а за ними и Домашневъ. Зотовъ при всѣхъ сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчанiй начальническимъ тономъ, отчего онъ только краснѣлъ. Спустя нѣкоторое время пришли и 4 баталiонные командира и тоже почтительно здоровались съ Зотовымъ, а онъ и при нихъ продолжалъ курить. Подполковникъ Филатовъ вкрадчиво освѣдомился у Зотова, гдѣ онъ будетъ обѣдать въ тотъ день, и получилъ отвѣтъ, что у Кузичкина. Онъ же, пригласивъ всѣхъ ихъ и крестнаго, прибавилъ, что угоститъ всѣхъ, какъ казначей—послѣднiй разъ, потому служба очень ужъ стала тяжела, въ ней онъ не нуждается и подастъ въ отставку, чтобы угодить женѣ, которая при его служебныхъ занятiяхъ, безъ дѣтей, скучаетъ въ одиночествѣ.

Едва кто-то замѣтилъ, что истинная причина желанiя Кузичкина уйти кроется въ его разладѣ съ Веймарномъ, какъ онъ самъ вошелъ, за руку поздоровался съ Зотовымъ, взялъ его подъ руку и увелъ. Немного погодя и все высшее начальство разошлось, а нижнiе чины и кантонисты, продолжавшiе занятiя до установленныхъ сроковъ, опечалились вѣстью о скорой смѣнѣ Кузичкина, никого не притѣснявшаго и не обижавшаго, тогда какъ вмѣсто него ожидали суроваго офицера, какими считались почти всѣ. Лично меня въ то

утро сильно изумило то, что предъ Зотовымъ, такимъ же, какъ наши, писаремъ, все наше начальство подобострастно заискивало, низко ему кланялось, а онъ предъ нимъ разыгрывалъ роль всевластнаго надъ нимъ начальника.

На другой день утромъ къ канцеляріи подъѣхали въ коляскѣ же самъ грозный Фроловъ и Зотовъ. Въ дверяхъ ихъ встрѣтило все начальство.

— Казначей и квартирмейстеръ, наши старые знакомцы, и ихъ мы провѣримъ дома,—донесся до насъ басистый голосъ Фролова,—а вотъ адъютанта проревизуй, Александръ Ивановичъ, здѣсь, да хорошенько, чтобы было за что пробрать его, драчуна, почувствительнѣе, меня же пустите, полковникъ, на минуту въ казначейскую повидать почтеннаго учителя Валова и его крестника, котораго я уже не видалъ въ ординарцахъ.

Онъ вошелъ къ намъ въ растворенныя заранѣе настежь двери и пробасилъ „здорово, ребята". Нижніе чины и кантонисты гаркнули „здравія желаемъ, ваше превосходительство", а Кузичкинъ, Пономаревъ, крестный и Шипиловъ низко ему поклонились, онъ протянулъ крестному руку.

— Отъ казначейства, повторяю, ты, Кузичкинъ, не отказывайся,—произнесъ онъ,—офицеры тебя любятъ, мы также, а полковникъ хоть строгонекъ, но надѣюсь не обидитъ тебя; вѣдь гдѣ строгость, тамъ и милость.

— Мои, ваше превосходительство, глаза сильно ослабли, да и весь я утомился, мнѣ и необходимъ отдыхъ.

— Я гораздо больше тебя утомился, но служу, а ты барствовать хочешь съ молодою женою, благо разбогатѣлъ по ея милости. Впрочемъ, ужо вечеромъ я съ Александромъ Ивановичемъ пріѣду къ тебѣ чай пить и самъ потолкую съ твоею женою; она, моя землячка, разумная женщина, а тебя я вѣдь помню унтеръ-офицеромъ, фельдфебелемъ, а теперь ты всего-то только поручикъ и ужъ усталъ. Не пожалѣешь насъ угостить?

— Сочту себя осчастливленнымъ вашимъ посѣщеніемъ.

— Коли такъ, то я за компанію зову къ тебѣ въ гости и васъ, Пономаревъ и Валовъ.

Оба низко ему поклонились въ знакъ согласія.

— А зачѣмъ ты, Валовъ, лишилъ меня ординарца въ лицѣ этого клопа? Онъ со временемъ былъ бы отличнымъ офицеромъ, а ты его усадилъ бумагу марать!

— Простите, ваше превосходительство,—отвѣтилъ крестный;—онъ не склоненъ къ фронту, а здѣсь я сдѣлаю изъ него хорошаго писаря.

— Разумѣется, для моего штаба? Я буду его ждать и зачислю непремѣнно въ унтеръ-офицеры, а потомъ произведу въ офицеры, ты, я увѣренъ, вполнѣ его образуешь. Поди-ка, клопъ, ко мнѣ?

Я выскочилъ изъ-за стола и вытянулся передъ нимъ въ струнку.

— Покажи мнѣ съ лѣвой ноги портянку?

Я живо снялъ сапогъ и исполнилъ его приказаніе.

— Чиста. Надѣнь, а потомъ переверни свою куртку подкладкою наружу, чтобы я ее увидѣлъ.

Я исполнилъ и это приказаніе.

— Опрятна. Хорошо. Надѣвай свою куртку и отвѣчай мнѣ, не знаешь ли, сколько полагается полковому казначею жалованья въ годъ?

— По чину поручика 380 р., ваше превосходительство.

— Угадалъ онъ, Кузичкинъ?

— Вѣрно-съ.

— Если казначей уволится, сможешь ты его мѣсто занять?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Отчего же нѣтъ?

— Оттого, ваше превосходительство, что казначеемъ можетъ быть только офицеръ, а я кантонистъ.

— Такъ ты развѣ только кантонистъ?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— Жаль, жаль, а какой я имѣю чинъ?

— Генералъ-лейтенантъ и кавалеръ разныхъ орденовъ, ваше превосходительство.

— Учись хорошенько, выростай скорѣй, и я тебя сдѣлаю казначеемъ. Офицеромъ-то ты, конечно, надѣешься быть?

— Плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ, ваше превосходительство.

— Откуда тебѣ это извѣстно?

— Изъ артикуловъ, ваше превосходительство.

— Кто первый это предсказалъ?

— Знаменитый русскій полководецъ, генералиссимусъ Александръ Васильевичъ, князь италійскій, графъ Суворовъ рымникскій, ваше превосходительство.

— Браво, браво. Непремѣнно будешь офицеромъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство, за вашу доброту.

— Отъ кого ты слыхалъ, что я добрый?

— Отъ своихъ начальниковъ, ваше превосходительство.

— Пересчитай мнѣ, кто тутъ твои начальники.

— Полковой командиръ и кавалеръ, полковникъ Веймарнъ, пол-

ковой казначей, поручикъ Кузичкинъ, губернскій секретарь Валовъ и старшій писарь Алексѣй Григорьевъ, ваше превосходительство.

— Григорьевъ, правда, что ты считаешь меня добрымъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство, откликнулся Григорьевъ; всѣ называютъ васъ очень добрымъ.

— Спасибо друзья, спасибо, а кѣмъ тебѣ приходится этотъ губернскій секретарь Валовъ?

— Крестнымъ отцомъ, ваше превосходительство.

— Разуважилъ ты меня своими знаніями, вполнѣ, братъ, разуважилъ. Молодецъ. А тебя, Валовъ, я благодарю, дважды благодарю отлично вышколилъ крестника, и изъ него будетъ прокъ, такъ какъ ты слывешь мудрымъ учителемъ. Его накорми за меня пирожнымъ, а я радъ еще разъ пожать тебѣ руку.

Исполнивъ это, онъ ушелъ самодовольный, а послѣ его ухода всѣ меня расхвалили за бойкіе отвѣты, даже Веймарнъ благодарилъ за меня крестнаго... Тѣмъ временемъ Зотовъ ревизовалъ адъютантскую часть, сидя въ креслахъ, а Домашневъ стоялъ передъ нимъ. Зотовъ ко всему придирался, говорилъ Домашневу колкости и вразумлялъ его не обижать писарей. Домашневъ трусилъ передъ Зотовымъ, точно такъ же, какъ передъ нимъ трусили писаря, они же, всматриваясь и вслушиваясь въ происходившее между Зотовымъ и Домашневымъ, злорадствовали... Инспектированіе продолжалось цѣлую недѣлю. И чѣмъ сердитѣе дѣлались Фроловъ и Зотовъ, тѣмъ первый—дѣлалъ больше ученій, а послѣдній—сильнѣе рылся въ дѣлахъ и надергивалъ болѣе упущеній, смотря по количеству обнаруженныхъ погрѣшностей—начальство потомъ расплачивалось съ ними изъ „благоразумной экономіи", она же была столь значительна, что Веймарнъ, какъ я впослѣдствіи слышалъ отъ бывшихъ полковыхъ казначеевъ, ежегодно отсылалъ въ одесскій банкъ по 20.000—30.000 р. совершенно открыто, ибо полки давались для наживы. Не зѣвали, разумѣется, и казначей, квартирмейстеръ, батальонные, ротные командиры до завѣдывавшихъ хозяйствомъ штабныхъ унтеровъ включительно. Смотръ окончился обычнымъ опросомъ Фроловымъ нижнихъ чиновъ и кантонистовъ: не имѣли ли они претензій на начальство, но претензій никто никакихъ не смѣлъ имѣть; всѣ твердо помнили, что за претензіи потомъ „попадало на орѣхи"—по-просту драли.

Послѣ отъѣзда Фролова все приняло обычный характеръ, т. е., вкусная пища прекратилась, смотровыя вещи замѣнились худенькими, а изнурительная шагистика и прерванныя на время смотра безпощадные побои и экзекуціи возстановились въ прежней силѣ...

Вскорѣ Кузичкинъ сдалъ казначейскую должность поручику Никифорову, не за долго передъ тѣмъ переведенному изъ арміи въ полкъ

*

по просьбѣ его отца, отставнаго полковника, проживавшаго въ Нижнемъ. Старикъ этотъ былъ глухой и давно на столько хорошо знакомъ съ крестнымъ, что они въ складчину выписывали „Московскія Вѣдомости“, читали ихъ по-очередно, а потомъ сходились для обсужденія прочитаннаго. Я и носилъ газеты отъ крестнаго къ старику, нравился ему за то, полагаю, въ особенности, что на его вопросы я во все горло кричалъ ему на ухо отвѣты, и онъ всегда цѣловалъ меня при встрѣчахъ и чѣмъ-нибудь непремѣнно угощалъ. И сынъ его, естественно, сошелся съ крестнымъ и меня тоже узналъ.

Чуть не съ первыхъ же дней казначейства Никифорова, отецъ его, не взирая на совмѣстное ихъ жительство (сынъ былъ холостой) повадился, какъ бы къ нему, къ намъ въ канцелярію, и проводилъ въ ней часа по два, а я, по его желанію, выкрикивалъ ему разговоръ его съ крестнымъ, Пономаревымъ и съ писарями. Хотя онъ и мѣшалъ всѣмъ заниматься, но его посѣщенія казались пріятными всѣмъ. Онъ нравился, какъ добродушный старикъ. Казначей Никифоровъ, изъ кадетъ, по-тогдашнему считался настолько образованнымъ и умнымъ, что живо понялъ всѣ обязанности и сталъ самъ сочинять бумаги, чего прежніе казначеи никогда не дѣлали. Передъ Веймарномъ держался онъ почтительно, но спокойно и самостоятельно, даже возражалъ ему по дѣламъ. Домашнева, который билъ всѣхъ писарей, предварилъ, чтобы никого изъ казначейскихъ не смѣлъ трогать, а если кто провинится, передавалъ бы о томъ ему, прямому ихъ начальнику. Со своими подчиненными обращался онъ сдержанно, объясненія выслушивалъ внимательно и ни рѣзкихъ словъ, ни угрозъ, ни ругани никто отъ него не слыхалъ. Короче, онъ подчиненными, а подчиненные имъ оказались вполнѣ довольными, а занимавшіеся въ другихъ частяхъ канцеляріи завидовали намъ за пріобрѣтеніе такого еще не бывалаго начальника.

Занятія наши совершенно неожиданно вдругъ уменьшились въ изрядной степени: Веймарнъ освободилъ казначея и квартирмейстера отъ завѣдыванія мастерскими, фурштадтскою командою, огородами и проч., а поручилъ все обширное это хозяйство малограмотному прапорщику Шугурову (изъ солдатъ, женившемуся на богатой купчихѣ) съ тѣмъ, чтобы онъ велъ все самостоятельно и лично ему представлялъ отчеты, для составленія которыхъ подчинилъ ему штабныхъ и ихъ писарей. Распоряженіе это толковалось троякимъ манеромъ: одни говорили, что Веймарнъ его сдѣлалъ въ увѣренности, что Шугуровъ, по своей тупости, не сумѣетъ ничего утаить въ свою пользу; другіе полагали, что Шугуровъ, какъ богатый, по убѣжденію Веймарна просто не станетъ плутовать, и въ обоихъ случаяхъ всѣ доходы

сполна перейдутъ къ Веймарну, а третьи разсуждали, что Веймарну затруднительно было вертѣть стойкимъ Никифоровымъ, который по чести сразу уменьшилъ его доходы, а дабы Никифоровъ и его отецъ не обидѣлись за умаленіе его значенія, Веймарнъ и предпочелъ отнять мастерскія отъ него и квартирмейстера. Что именно изъ сказаннаго составляло истину—рѣшать не берусь, но вечерній досугъ достался намъ какъ нельзя болѣе кстати.

Въ городскомъ театрѣ представлялись разныя пьесы, для которыхъ требовались статисты, а для этого посылались солдаты, но спектакли кончались поздно, а солдатъ рано поднимали на ученья и съ кѣмъ-то изъ нихъ произошелъ какой-то казусъ, поэтому кто-то предложилъ замѣнить ихъ нами изъ канцеляріи, а наше начальство, по настоянію Никифорова, разрѣшило намъ ходить въ статисты за установленную плату по 7-ми коп. человѣку за спектакль. Театръ меня чрезвычайно заинтересовалъ, но иногда представлялись такія пьесы, которыя меня пугали; напримѣръ, византійскаго полководца „Велизарія" игралъ извѣстный потомъ актеръ Рыбаковъ (огромнаго роста, плечистый), а онъ, находясь на сценѣ ослѣпленнымъ и въ оковахъ, такъ ими потрясалъ и негодовалъ, что я дрожалъ отъ страха; другой разъ роль „Отелло",—игралъ настоящій арабъ Айро-Ольриджъ (тоже высокаго роста, тучный) и онъ, задушивъ на сценѣ Дездемону, такъ рычалъ, отчаянно стоналъ, глаза его дико сверкали, зубы оскалились, а звѣрское лицо искажалось въ судорогахъ, что я со страха убѣжалъ въ корридоръ театра.

Въ антрактахъ за кулисами возлѣ молодыхъ актрисъ, особенно помню по фамиліи Шмидгофъ, постоянно увивались разные франты, моментально, впрочемъ, исчезавшіе, какъ только появлялся губернаторъ со своимъ адъютантомъ. Оба приставали къ актрисамъ, заигрывали съ ними и бѣгали за пими по сценѣ. Однажды губернаторъ нечаянно толкнулъ меня, и я упалъ. Актрисы потребовали, чтобы онъ меня вознаградилъ. Адъютантъ вынулъ бумажникъ, но онѣ его вырвали у него изъ рукъ, расхватали деньги, изъ нихъ дали намъ, статистамъ 10 рублей, а пустой бумажникъ возвратили адъютанту. Какъ онъ, такъ и губернаторъ посмѣялись и вмѣстѣ съ актрисами ушли въ уборную, гдѣ адъютантъ раньше еще приготовилъ шампанское и фрукты, чтобы, какъ онъ, помню, выразился, заодно ужъ кутнуть и закатиться. Театръ всю зиму развлекалъ насъ и оживилъ нашу унылую жизнь. Къ лѣту я уже успѣлъ узнать кое-какіе канцелярскіе порядки и, чувствуя твердую опору въ крестномъ и Никифор безъ робости разносилъ по полковому лагерю къ подписи батальонныхъ и ротныхъ командировъ журналы хозяйственнаго комитета, а съ осени опять ходилъ въ статисты въ театръ.

Такъ однообразно, но благополучно текла наша мизерная жизнь. Стали и до меня доходить слухи и рѣчи о происходившей войнѣ, но гдѣ, у кого и съ кѣмъ, я не допытывался и потому не зналъ. Вдругъ въ канцеляріи получилось предписаніе приготовиться полку къ походу на войну. Всѣ муштровки и наказанія сразу прекратились, а начальство растерялось: со времени сформированія полка, въ 1826 г., онъ дальше лагеря (версты за двѣ отъ города) и деревень Нижегородскаго уѣзда (съ августа по октябрь), за 100 верстъ никуда не удалялся. Были, правда, офицеры, участвовавшіе въ турецкой кампаніи 1829 года и въ усмиреніи польскаго мятежа 1831 года, но они, изъ солдатъ же, по старости лѣтъ ничего уже не помнили. Оттого совершившій венгерскую кампанію 1849 года,—казначей Никифоровъ (ему было лѣтъ 30), оказался самымъ свѣдущимъ, и Веймарнъ, проведшій всю свою 25-лѣтнюю службу въ гвардіи, — началъ ежедневно звать его на совѣтъ о томъ, какъ и что предпринять. Большинство офицеровъ не желало разставаться съ своими семьями и съ покоемъ, а потому нехотя собирались въ походъ, а солдаты напротивъ радовались походу: они надѣялись, что жизнь ихъ улучшится. Среди приготовленій и канцелярію раздѣлили: на предназначенныхъ въ походъ и на оставленіе на мѣстѣ, при батальонѣ кантонистовъ, казармахъ, мастерскихъ и полковомъ лазаретѣ, ввѣренномъ крестному, а онъ, по моему желанію, согласился отпустить меня въ походъ подъ покровительствомъ Никифорова, какъ полковаго казначея.

Приблизилось время выступленія полка въ походъ (въ февралѣ 1854 г.). Наканунѣ вечеромъ крестный произнесъ мнѣ длинное наставленіе какъ себя вести, благословилъ меня образкомъ, вручилъ на нужду 10 рублей, а жена его снабдила меня мѣшкомъ съ разными необходимыми вещами и съѣстными припасами на нѣсколько дней, и я распростился съ ними. На слѣдующее солнечное утро, всѣ три батальона солдатъ въ начищенныхъ тяжелыхъ мѣдныхъ каскахъ, съ кремневыми ружьями, въ ранцахъ, туго набитыхъ вещами и въ шиненяхъ стояли фронтомъ на площади между городскимъ соборомъ и губернаторскимъ дворцомъ. Отслужили молебенъ, окропили всѣхъ святою водой, губернаторъ поздравилъ полкъ съ походомъ, пожелалъ ему одолѣть враговъ, выпилъ за его здоровье, а за нимъ и другія власти. Солдатамъ дали по чаркѣ водки, фунту вареннаго мяса и по калачу отъ раскольника Бугрова. Послѣ этого парада скомандовали: направо по отдѣленіямъ, и 3.600 человѣкъ солдатъ съ офицерами тронулись вольнымъ шагомъ, въ ногу, въ путь, подъ веселые звуки нашихъ музыкантовъ и пѣсельниковъ, сверкая блестѣвшими въ воздухѣ штыками, касками, манерками, тесаками и пуговицами на шинеляхъ. За строевыми потянулись безоружные — нестроевые, писаря,

рядовые и кантонисты, принадлежавшіе къ канцеляріи, музыкантскому и пѣвческому хорамъ (собственно кантонистовъ было до 40 человѣкъ), а сзади нихъ потянулся обозъ подводъ въ 100... Мы, кантонисты, одѣтые въ курткахъ, сверхъ нихъ въ шинеляхъ, суконныхъ наушникахъ, шапкахъ и на ногахъ подъ сапогами въ каразеевыхъ портянкахъ, группами съ охотки весело прошли первыя 10 верстъ до привала, гдѣ офицеры окончательно распрощались съ провожавшими ихъ женами, родными и знакомыми. Съ привала приказано было вести солдатъ весь путь фронтомъ по 4 версты въ часъ и направили батальоны, или какъ ихъ называли эшелоны: первый — за 20, второй—за 15, а третій—за 10 верстъ, чтобы въ дальнѣйшей дорогѣ шли приблизительно на такомъ же другъ отъ друга разстояніи, для удобнѣйшаго размѣщенія на ночлегахъ и дневкахъ. Канцелярской нашей командѣ приказано было слѣдовать при послѣднемъ батальонѣ, какъ вздумаемъ, т. е. безъ опредѣленія числа верстъ и не фронтомъ, но ночевать вмѣстѣ съ батальономъ, и чтобы старшіе наши по утрамъ рапортовали батальонному командиру о нашемъ благополучіи, для перевозки же нашихъ вещей дали намъ подводу. Мы бодро отшагали остальную часть станціи, помѣстились 30 человѣкъ въ двухъ избахъ, поѣли кто что имѣлъ, натаскали со дворовъ и разбросали по полу солому и сѣно, разлеглись на нихъ и заснули богатырскимъ сномъ. Въ 5 часовъ утра пронзительный барабанный бой разбудилъ насъ. Мы повскакали, живо умылись свѣжимъ снѣгомъ, закусили, уложили свои пожитки и въ 6 пустились дальше по рыхлому снѣгу, отъ оттепели превращавшемуся въ грязь...

Такъ начался и однообразно продолжался нашъ походъ. Для поддержанія солдатскихъ силъ свыше послѣдовало приказаніе давать всѣмъ ежедневно по фунту мяса и въ обѣдъ и ужинъ по чаркѣ водки, слабосильныхъ и поклажу везти на подводахъ; но эшелонные и прочіе начальники сразу же принялись за наживу: самую пищу варили плохую, за версту отъ деревни, чтобы меньше было охотниковъ ходить туда ѣсть, мяса раздавали едва по полуфунту, а водки по получаркѣ въ непостные лишь дни, садиться на подводы никому не позволялось до полнаго изнеможенія, подводъ брали наполовину меньше положеннаго числа, а контрмарками выводили въ расходъ полностью, оставшіяся же и отжиленныя отъ крестьянъ продавали въ уѣздныя казначейства. Ранцы съ вещами, каски, ружья и аммуницію солдаты обязывались нести на себѣ, при чемъ всѣ металлическія вещи ежедневно чистили, чтобы блестѣли, какъ на смотру. Хотя тащиться во всеоружіи при скудномъ питаніи было очень тяжело, тѣмъ не менѣе солдаты предпочитали походную жизнь—казарменной: наказывать въ пути начальство совсѣмъ перестало; почти безотлучное пре-

бываніе офицеровъ при солдатахъ сближало обѣ стороны и вынуждало первыхъ снисходительно относиться къ послѣднимъ, какъ отъ утомленія, такъ и изъ самосохраненія: въ темные вечера и утра они сами рисковали подвергнуться нападенію изъ-за угла, какъ это и случилось на первыхъ же порахъ. По примѣрамъ и подстрекательствамъ офицеровъ солдаты смотрѣли на крестьянское имущество, какъ на военную добычу, и все, что кому попадалось, напр., курицъ для офицеровъ, масла для себя—тащили безнаказанно...

Собственно насъ, канцелярскую команду, пожитки наши не обременяли: ихъ везли на подводѣ, къ намъ начальство не придиралось, но насъ отягощали 20—30 верстныя разстоянія, хожденіе за пищей въ поле, откуда приходилось носить ее въ ведрахъ версту и больше, отчего она простывала и превращалась въ какое-то пойло, въ которомъ и сухари не размокали; спанье въ тѣснотѣ, грязи и часто на голомъ полу; мытье и чистка платья, писаніе на дневкахъ цѣлыми днями строевыхъ рапортовъ: изъ каждаго попутнаго города ихъ посылалось о благополучномъ вступленіи и выступленіи полка около сотни. Въ теченіе первой же недѣли мы крайне заморились отъ холода, голода, слякоти, втихомолку плакали и проклинали свою судьбу, но шли и шли... Офицеровъ дворянство угощало въ городахъ обѣдами, а о солдатахъ и объ насъ, безпомощныхъ, никто не вспоминалъ. Офицеры въ знакъ благодарности за угощеніе заставляли нашихъ измученныхъ и голодныхъ музыкантовъ—играть, а пѣсельниковъ—пѣть по нѣсколько часовъ предъ домами, въ которыхъ угощались, а это еще сильнѣе раздражало солдатъ, и они умудрялись впотьмахъ опустошать принадлежавшія жителямъ кладовыя, лавочки, лари со съѣстными припасами...

Встрѣчать Св. Пасху пришлось намъ на дневкѣ, въ уѣздномъ городѣ Покровѣ, куда мы пришли въ страстную субботу нарочно безъ привала, часовъ въ пять по полудни и помѣстились всѣ 30 человѣкъ канцеляріи въ полуразвалившійся домишко, а отдохнувъ немного, отправились въ единственную городскую баню. Такъ какъ платить намъ нечѣмъ было, то мы просто гурьбой ворвались въ предбанникъ и остолбенѣли: мы увидѣли спокойно раздѣвавшихся и одѣвавшихся мущинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ чел. 20—30, но, не взирая на произведенный переполохъ, мы живо раздѣлись и вбѣжали въ горячую баню, гдѣ мылись сидя на лавкахъ и на полкѣ тоже 30—40 мущинъ и женщинъ. Мы похватали у нихъ мыло, шайки и вѣники, изъ-за которыхъ завязалась перебранка, перешедшая въ драку между нами и вольными людьми. Однако мы ихъ одолѣли и изгнали, а на свободѣ вымылись сами и вымыли свое бѣлье, а одѣваясь расхитили у неуспѣвшихъ одѣться вольныхъ разныя вещи,

изъ которыхъ надѣлали себѣ потомъ портянки, нагрудники и кацавейки.

Въ продолженіе мѣсячнаго похода субалтернъ-офицеры шли вмѣстѣ съ солдатами, ротные командиры со станціи выступали съ ротами пѣшкомъ, потомъ ѣхали, а близъ слѣдующихъ станцій вылѣзали изъ экипажей, присоединялись къ ротамъ и съ ними пѣшкомъ вступали на ночлежныя квартиры. Эшелонные командиры, обозрѣвъ утромъ выступавшихъ, уѣзжали впередъ на слѣдующія станціи, гдѣ ожидали прибывавшихъ. Казначей и квартирмейстръ отправились прямо въ Москву, приготовить полку все нужное, а адъютантъ Домашневъ и Веймарнъ уѣзжали впередъ въ города, гдѣ Домашневъ свирѣпствовалъ надъ писарями, а Веймарнъ выходилъ версты за двѣ встрѣчать эшелоны, для узнанія, въ порядкѣ ли всѣ шли, а если замѣчалъ отступленія или оплошности, распекалъ офицеровъ и приказывалъ имъ взыскивать съ провинившихся нижнихъ чиновъ, но эти приказанія офицеры не исполняли изъ самосохраненія и отъ усталости.

Предъ Москвой устроили нарочно дневку, на которую стянули весь полкъ, и онъ тщательно вычистился, вычинился, выстригся, выбрился, вымылся и приободрился, такъ что вступилъ въ столицу точно на парадъ съ музыкою и пѣснями, хотя душевно и физически всѣ страдали. Помѣстили полкъ въ казармы 2-го учебнаго полка, ушедшаго въ походъ, и недѣли двѣ откармливали, отпаивали и нѣсколько разъ водили на смотры къ Фролову. Собственно мы, канцелярія, хотя и цѣлые дни и вечера писали, но зато ѣли сытно, спали въ теплѣ, чистотѣ и на тюфякахъ, оставленныхъ ушедшею канцеляріею. Едва мы оправились, послѣдовалъ приказъ отправиться дальше. Раннимъ, холоднымъ утромъ провели насъ чрезъ всю Москву (тутъ только мы ее разглядывали), прямо на платформу Николаевской желѣзной дороги, пересчитали и загнали въ длинные, широкіе открытые ящики съ глубокимъ дномъ и поперечными скамейками, на которыя усадили вплотную локоть къ локтю, а самые ящики оцѣпили вокругъ, чрезъ торчавшія палки, веревками, чтобы сидѣвшіе съ краевъ, не могли вывалиться. Затѣмъ намъ приказали перекреститься, машина пронзительно свистнула, запыхтѣла, и мы покатили... Сначала мы удивлялись и радовались, а потомъ, черезъ полчаса, стали разочаровываться: изъ машинной трубы дымъ застилалъ намъ глаза, искры прожигали наши сермяги и попадали въ лицо, холодный вѣтеръ со всѣхъ сторонъ пронизывалъ насъ до костей, а полившій дождь свободно мочилъ насъ... Проѣхавъ станцій десять, поѣздъ остановился и намъ приказали выходить, но отъ вѣтра глаза слезились, отъ неподвижнаго сидѣнья ноги отекли, отъ холода тѣло окоченѣло, а отъ дождя вся одежда смокла, поэтому мы съ неимовѣрнымъ усиліемъ выбрались

на платформу и, усердно разминая окоченѣвшіе члены, направились въ поле, за версту обѣдать. Пища была плохая и остывшая, но, проголодавшись, назябшись, и выпивъ по чаркѣ данной намъ водки, мы поѣли, вернулись въ свои ящики и поѣхали дальше; ужинали также въ полѣ, ту же бурду, а ночью, пользуясь темнотой, забирались поочередно подъ лавки, растягивались во весь ростъ, и лежа, проклинали придумавшихъ такіе ящики-вагоны. Утромъ, по жалобѣ нашихъ старшихъ на несносную ѣзду, намъ дали по стакану водки, отъ которой натощакъ мы охмѣлѣли и намъ стало сноснѣе... Обѣдали мы и ужинали опять въ полѣ, а на ночь насъ, мальчиковъ, въ видѣ милости, пустили въ темные вагоны къ лошадямъ, гдѣ въ теплѣ и сушѣ мы отлично проспали ночь на сѣнѣ. Утромъ же, не взирая на всѣ наши мольбы, оставить насъ съ лошадьми, насъ выгнали на наши мѣста въ открытые ящики... На третьи сутки, подъ вечеръ, насъ предварили, что приближаемся къ Петербургу, а потому приказали хорошенько обчиститься, застегнуться и сидѣть смирно, но бодро, а солдаты обтерли каски, ружья, аммуницію, надѣли ранцы, взяли ружья на плечо, и въ сидячемъ фронтѣ въѣхали подъ крышу вокзала уже впотьмахъ.

Все наше начальство осмотрѣло съ фонарями въ рукахъ солдатъ, выстроило и повело ихъ тихонько, точно крадучись, а о насъ, по своей трусости, оно забыло. Мы и остались подъ крышею ждать часа на два, покамѣстъ за нами явился офицеръ и повелъ насъ по проливному дождю, лужамъ и грязи, среди непроницаемой тьмы. Онъ нѣсколько разъ сворачивалъ по сторонамъ, заплутался, наткнулся на будку, вызвалъ будочника, который проводилъ насъ до слѣдующаго, а тотъ тоже къ слѣдующему, такъ что, кажется, пятый по счету привелъ насъ, во 2-мъ часу ночи, на Пески, въ деревянный домъ (помню Холодковскаго), противъ церкви Рождества Христова, гдѣ квартирою намъ отвели чердакъ, съ прогнившей крышей, со слуховыми окнами безъ стеколъ и множествомъ щелей со всѣхъ сторонъ... Мы разгребли руками мокрые песокъ и мусоръ и полегли на нихъ, положивъ подъ головы ладони и шапки. Чердакъ былъ, къ тому же, такъ малъ, что на немъ едва хватило мѣста на 30 человѣкъ канцеляріи и если кто хотѣлъ повернуться на другой бокъ, то долженъ былъ встать на ноги, чтобы другихъ не безпокоить. Физическое и нравственное изнеможеніе смежили наши вѣки, и мы заснули.

Въ шесть часовъ утра зычный голосъ Домашнева разбудилъ насъ. Онъ раскричался, чтобы мы безотлагательно принялись писать. Старшій полковой писарь Ивановъ (человѣкъ пожилой и пользовавшійся общимъ уваженіемъ) доложилъ ему, что мы всѣ простужены и намъ негдѣ, да и не на чемъ писать. За это онъ получилъ отъ Домашнева

пару звонкихъ оплеухъ и приказаніе писать лежа на полу. Изъ насъ одни выравнивали землю руками, другіе принесли изъ сарая канцелярскія принадлежности, и мы всѣ разлеглись на полу писать, когда дрожали отъ лихорадочнаго состоянія, а Домашневъ обходилъ чердакъ и всматривался, красиво ли пишемъ рапорты о благополучномъ вступленіи полка. Кровь приливала къ головѣ, руки дрожали, въ глазахъ темнѣло, но всѣ напрягали свои силы и писали. Писавшій рядомъ со мною, нѣжный юноша Лазаревъ, съ испугу отъ крика Домашнева, капнулъ чернилами на свое писаніе. Увидѣвъ это, обозленный Домашневъ ударилъ его каблукомъ со шпорою по головѣ столь сильно, что изъ его носа и рта хлынула кровь, онъ протяжно вздохнулъ и свалился на меня. Я потолкалъ, было, его, но напрасно: онъ уже былъ недвижимъ. Я вскочилъ на ноги и крикнулъ: „померъ". За это Домашневъ меня тоже ударилъ кулакомъ по головѣ, и я на кого-то свалился, а пока очнулся и всталъ, — всѣ перестали писать и укоризненно глядѣли на Домашнева. Немного погодя, Лазарева снесли на рогожѣ во дворъ, въ походный лазаретъ, и фельдшеръ оповѣстилъ насъ, что онъ, дѣйствительно, умеръ, а въ приказѣ по полку на другой день объявили о его смерти „отъ тифозной горячки", но когда и гдѣ его похоронили — мы такъ и не узнали.

Тѣмъ временемъ, въ происшедшей на чердакѣ суматохѣ, старшій казначейскій писарь Григорьевъ незамѣтно ушелъ съ чердака, розыскалъ въ томъ же домѣ казначея Никифорова и разсказалъ ему о всѣхъ нашихъ злоключеніяхъ. Онъ тотчасъ же переселился на жительство къ квартирмейстеру Пономареву, а свою большую комнату уступилъ намъ и квартирмейстерскимъ писарямъ. Насъ живо созвали туда, напоили чаемъ, оба дали Григорьеву денегъ на наше пропитаніе, накупили съѣстныхъ припасовъ, мы поѣли и получили отдыхъ отъ занятій, тогда какъ адъютантскіе писаря цѣлый день писали на чердакѣ голодные и мокрые.

Черезъ три дня полку отвели, для жительства, Семеновскія казармы, куда мы и перешли. Въ казармахъ было свѣтло, сухо, просторно, пищу варили порядочную, но спать всѣмъ приходилось на голыхъ нарахъ. Отъ дорожныхъ мытарствъ, перемѣны климата и, какъ говорили, отъ невской воды среди нашихъ солдатъ появились болѣзни и смертность. Это встревожило столичное наше начальство и оно потребовало отъ нашего объясненія, но оно, не зная, что писать, обратилось, частнымъ образомъ, за совѣтомъ въ департаментъ военныхъ поселеній, къ начальнику отдѣленія, надв. сов. Нельговскому (въ его отдѣленіи производились всѣ дѣла 4-хъ учебныхъ полковъ), который сочинилъ причины и въ числѣ ихъ неимѣніе постельныхъ принадлежностей. Съ его проектомъ всѣ 4 командира ра-

портовали и черезъ недѣлю всѣмъ полкамъ отпустили, какъ я слышалъ изъ разговора Никифорова съ Пономаревымъ, по 7.000 рублей каждому полку. Изъ этихъ денегъ купили отъ завѣдывавшаго казармами и имуществомъ ушедшаго въ походъ Семеновскаго полка старыя постельныя принадлежности и роздали, въ числѣ прочихъ, и намъ, изъ полученныхъ же денегъ удѣлили Нельговскому 1.000 рублей. Узналъ я это потому, что мнѣ, признанному наиболѣе смышленымъ и вращавшемуся среди господъ, пришлось, по порученію Никифорова, снести ихъ въ конвертѣ съ надписью „въ собственныя руки".

— По приказанію командира 4-го учебнаго полка, представляю вашему высокородію конвертъ, а въ полученіи его благоволите росписку,—рапортовалъ я заученныя слова Нельговскому, изящному пожилому франту въ золотыхъ очкахъ, въ его кабинетѣ.—Полковникъ свидѣтельствуетъ вамъ усерднѣйшее почтеніе.

— Спасибо, — отозвался онъ, распечаталъ конвертъ, сосчиталъ деньги, положилъ ихъ въ столъ, написалъ росписку и, подавая ее мнѣ вмѣстѣ съ рублемъ, прибавилъ:—а это тебѣ на чай. Кланяйся полковнику.

Въ казармахъ нашихъ старшихъ навѣщали вечерами бывшіе въ нашей же „живодернѣ" кантонистами, а тогда уже писаря департаментовъ, канцеляріи военнаго министра и даже одинъ изъ канцеляріи наслѣдника цесаревича, со звѣздою на груди. Всѣ они были щегольски одѣты и до того смѣлы, что предъ входившимъ въ комнату Домашневымъ не вставали, а на его замѣчанія подтрунивали надъ нимъ, заводили съ нимъ пререканія, перебранку и угрожали ему донести о его жестокостяхъ своему начальству, такъ что онъ отъ трусости стушевывался передъ ними, а за его отдѣлку ими—мы восторгались счастливыми, какъ намъ казалось, столичными писарями. Нѣсколько дней спустя, Веймарнъ вдругъ велѣлъ Никифорову послать въ помощь заниматься въ штабъ Фролова именно меня, въ надеждѣ, что: во 1-хъ, Зотовъ, по знакомству съ крестнымъ, меня, хотя и не важно писавшаго, не забракуетъ, а, напротивъ, покажетъ Фролову, онъ вспомнитъ мое ординарчество и охотно станетъ балагурить со мною, во-2-хъ, коль скоро я, не зная улицъ, аккуратно доставилъ Нельговскому конвертъ, значитъ, способенъ исполнять порученія, если изъ штаба меня будутъ посылать. Меня сводили въ баню, остригли подъ гребенку, нарядили въ лучшую обмундировку, наказали мнѣ вести себя прилично, осторожно и отправили съ утра въ штабъ съ письмомъ на имя Зотова, котораго на конвертѣ величали „благородіемъ". Я явился въ гостиницу Волкова (въ Большой Конюшенной), гдѣ располагался штабъ. Лакей провелъ меня чрезъ нѣсколько комнатъ, и я предсталъ предъ Зотовымъ, сидѣвшимъ въ

креслахъ въ разстегнутомъ писарскомъ сюртукѣ предъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами. Онъ встрѣтилъ меня очень радушно, около часа разспрашивалъ меня, какъ мы совершили походъ, какъ насъ содержали и пр. Я откровенно разсказалъ ему о претерпѣнномъ нами холодѣ, голодѣ и пр. Разсказъ мой такъ сильно его интересовалъ, что когда дежурный офицеръ почтительно доложилъ ему о желаніи полковаго командира 3-го полка видѣть его, онъ велѣлъ просить его подождать, а продолжалъ бесѣдовать со мною. Потомъ тотъ же офицеръ доложилъ о бригадномъ командирѣ, и онъ приказалъ его впустить, а мнѣ остаться тамъ же. Я сталъ въ углу возлѣ стола. Ввалился тучный генералъ въ эполетахъ, орденахъ и лентѣ черезъ плечо, протянулъ обѣ руки Зотову, сѣлъ противъ него и сталъ его просить сочинить отвѣтъ на какой-то полученный имъ запросъ. Зотовъ предложилъ ему прислать адъютанта, котораго обѣщалъ научить, какъ написать. Генералъ поблагодарилъ его, распрощался съ нимъ за руку же и удалился. Тогда онъ позвалъ писаря и приказалъ ему дать мнѣ переписать бумагу, которую прислать ему со мною же. Когда я явился чрезъ часъ съ бумагою, я засталъ его спорящимъ съ полковникомъ и ждалъ.

— Я тебя, Александръ Иванычъ, жду не дождусь, а ты тутъ лясы точишь,—забасилъ неожиданно вошедшій Фроловъ. Онъ былъ въ красной рубашкѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, въ широкихъ плисовыхъ шароварахъ и въ зеленыхъ туфляхъ. — Вы, полковникъ, — продолжалъ онъ, — зачѣмъ здѣсь, когда вамъ надо готовить полкъ къ смотру государя императора.

— Я приглашенъ объясниться, ваше превосходительство,—растерянно отвѣтилъ полковникъ.

— О чемъ вамъ тутъ объясняться въ столь горячее время?

— По приказанію вашего превосходительства я просилъ г. полковника разъяснить, почему въ полковомъ строевомъ рапортѣ ошибки въ числѣ людей,—сказалъ Зотовъ.

— Ка-акъ? Ошибки?—закричалъ Фроловъ.—Я этого не потерплю. За это я васъ на гауптвахту...

— По неопытности я не досмотрѣлъ за писарями и адъютантомъ, на которыхъ положился.. Я позволяю себѣ думать...

— Думаютъ только индѣйскіе пѣтухи. Я врагъ тѣхъ, которые думаютъ, а не исполняютъ своей обязанности, а вы изъ гвардіи полковникъ, просто ариѳметики не знаете. Чрезъ часъ наивѣрнѣйшій рапортъ представьте, не то непремѣнно запрячу васъ на гауптвахту. Ступ-пайте!

Полковникъ удалился красный, какъ ракъ.

— О чемъ ты спорилъ съ этимъ щеголемъ?—допытывался Фроловъ.

— Я ему доказывалъ, что нельзя разсылать рапорты съ ошибками, а онъ мнѣ возразилъ, что рапорты эти читаютъ только любопытные писаря, т. е. оскорблялъ меня въ вашемъ лицѣ.

— Ахъ онъ, прощалыга этакій! Напрасно ты, братецъ, при немъ мнѣ этого не сказалъ; я бы его, шишимору, прямо арестовалъ. Впрочемъ, онъ, дуракъ, еще не знаетъ, что ты — это все равно, что я, ну и сболтнулъ. Однако нѣ-ѣтъ, я его не представлю къ утвержденію командиромъ полка, ни за что не представлю! Отмѣть это на память. А это что у тебя за клопъ?—перевелъ онъ рѣчь, разглядѣвъ меня.

— Я взялъ изъ всѣхъ полковъ по переписчику въ подмогу нашимъ, а онъ одинъ изъ присланныхъ, и вы его изволите знать: онъ бывалъ у васъ ординарцемъ въ Нижнемъ и крестникъ учителя Валова, котораго вы удостаивали своимъ вниманіемъ за его ученость.

— Ахъ да, помню, отлично обоихъ помню. Стоишь ты, клопъ, молодцомъ. А не забылъ, какъ являлся ко мнѣ ординарцемъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Отчего же ты, однако, въ курточкѣ?

— Я кантонистъ, ваше превосходительство.

— Опять кантонистъ, да еще въ походѣ и на войну идешь!.. Это что за фокусъ?

— Судя по строевымъ рапортамъ, всѣ командиры привели кантонистовъ въ числѣ писарей, пѣвчихъ и музыкантовъ, — разъяснилъ Зотовъ. Это совершенный произволъ командировъ и, если свыше замѣтятъ, трудно будетъ отписаться.

— Да, эти черти, командиры, совсѣмъ ошалѣли и подведутъ меня, ей Богу подведутъ!.. Сегодня же предпиши имъ, чтобы ни одного кантониста здѣсь не было черезъ 24 часа; пусть хоть проглотятъ ихъ.

— Вы, вѣроятно, изволите приказывать зачислить всѣхъ ихъ въ рядовые?

— Ну да, ну да, въ рядовые ли, въ фельдфебеля ли, мнѣ все равно, только бы кантонистовъ не было здѣсь, а его произведи, Александръ Ивановичъ, въ писаря.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, ни одной вакансіи.

Такъ въ унтеръ-офицеры, въ любой полкъ и оставь его при себѣ. Онъ давно мнѣ вѣдь нравится.

— Въ унтеръ-офицеры установлено производить непремѣнно изъ рядовыхъ и не моложе 25 лѣтъ, а ему всего-то 15-й годъ, значитъ, нельзя...

— Жаль, жаль, а мнѣ бы хотѣлось видѣть его въ галунахъ, но коли ты думаешь рапо,—пусть будетъ по-твоему. А сколько, скажи мнѣ, клопъ, полагается жалованья рядовому въ треть?

— Одинъ рубль тридцать пять копѣекъ, ваше превосходительство.

— Вѣрно. А сколько государь даетъ мнѣ жалованья?

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— И прекрасно: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

Онъ скорчилъ гримасу, показалъ мнѣ языкъ и ушелъ въ сопровожденіи Зотова въ свои комнаты, а я вернулся въ канцелярію, проработалъ до 2-хъ часовъ, потомъ обѣдалъ, въ числѣ другихъ, вкусную пищу, отдохнулъ съ часъ, затѣмъ опять писалъ до 7-ми часовъ, пилъ чай съ булками и отпущенъ былъ ночевать въ полкъ, съ наказомъ на другой день явиться къ 10 утра.

Со слѣдующаго же дня я, въ числѣ многихъ кантонистовъ полка, считался уже рядовымъ, да еще 18 лѣтъ; право на это званіе имѣли только достигшіе этого возраста, потому всѣмъ, кому не хватало—просто набавили по 2—3 года. Мы возгордились тѣмъ, что станемъ получать 1 р. 35 коп. въ треть. Ежедневныя хожденія въ штабъ тяготили меня лишь тѣмъ, что на улицѣ приходилось снимать шапку передъ всѣми офицерами, а ихъ, по случаю войны, встрѣчалось такъ много, что отъ безпрестаннаго сниманія и надѣванія шапки рука до крайности уставала. Занятій въ штабѣ было дѣйствительно такъ много, что 10 человѣкъ съ утра до вечера охотно писали въ будни и праздники, потому что съ нами обходились деликатно, кормили насъ хорошо, а въ праздники намъ, приходившимъ въ штабъ, Зотовъ давалъ по полтиннику за стараніе. Самъ онъ сочинялъ по полсотнѣ бумагъ въ день, перечитывалъ переписанныя и подавалъ ихъ къ подписи Фролова, да еще принималъ 20—30 человѣкъ отъ генераловъ до прапорщиковъ включительно, выслушивалъ отъ нихъ доклады и снабжалъ: однихъ—совѣтами, другихъ—распоряженіями, а третьихъ—нотаціями, при чемъ нерѣдко, въ отсутствіе Фролова—въ спѣшныхъ случаяхъ даже удачно расчеркивался его фамиліею на бумагахъ, по его уполномочію. Два инспекторскихъ адъютанта офицера находились также въ распоряженіи Зотова, знаніямъ, трудолюбію и энергіи котораго всѣ удивлялись.

Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль моихъ занятій въ штабѣ я убѣдился, что разсказы мои и другихъ, присланныхъ изъ полковъ въ штабъ писать, послужили Зотову темами для различныхъ запросовъ, замѣчаній и выговоровъ полковымъ командирамъ.

Предстоялъ царскій смотръ, а муштровать солдатъ запрещалось, да еще приказывалось хорошо кормить ихъ и отпускать имъ винную порцію, а отступать отъ предписаній было опасно: высшія власти могли внезапно явиться и замѣтить нарушенія. Полковое начальство злобствовало безсильно и до того растерялось, что просило солдатъ постараться отличиться на смотру, хотя солдаты и сами этого жаждали. Насталъ день смотра. Раннимъ утромъ солдаты тихо одѣлись

по-парадному, были въ корридорахъ безмолвно тщательно осмотрѣны по порядку всѣмъ полковымъ начальствомъ и въ 7 часовъ утра выведены на плацъ, а тамъ въ 8 часовъ подверглись поочередно осмотру полковымъ, бригаднымъ командирами, Фроловымъ, директоромъ департамента военныхъ поселеній, генералъ-лейтенантомъ барономъ Пиларъ-фонъ-Пильхау и главнокомандующимъ, генераломъ-отъ-инфантеріи Арбузовымъ, затѣмъ всѣ трое встрѣтили военнаго министра, генералъ-адъютанта князя Долгорукова, тоже объѣхавшаго фронтъ. Фигуры трехъ вмѣстѣ поражали: Фроловъ—тѣлосложеніемъ и ростомъ выглядѣлъ Голіафомъ, Пильхау—длинный, худой, точно жердь, а Арбузовъ—маленькій, казался карликомъ. Наконецъ, прибыла царская свита, а за нею пріѣхалъ, пересѣлъ на лошадь и показался на плацъ величественный царь Николай I-й. Музыка заиграла, смотръ начался и продолжался часъ. Царь хвалилъ маршировку, ружейные пріемы, а солдаты восторженно кричали: „рады стараться, ваше императорское величество".

Къ концу смотра я опрометью побѣжалъ въ штабъ и доложилъ о царскихъ похвалахъ Зотову, согласно его наказу. Во время моего разсказа въ кабинетъ Зотова ввалился въ мундирѣ, звѣздахъ, орденахъ и лентѣ сіявшій Фроловъ, опустился въ кресло и отпыхивался. Зотовъ поздравилъ его съ благополучнымъ смотромъ. Онъ спросилъ, откуда ему это извѣстно? Зотовъ признался, что отъ меня, по его порученію. Фроловъ назвалъ меня молодцомъ, приказалъ наградить меня тремя рублями, всталъ, отъ избытка радости, поцѣловалъ меня въ голову и ушелъ съ Зотовымъ завтракать, а насъ велѣлъ отпустить гулять.

Въ награду за этотъ смотръ роздали всѣмъ нижнимъ чинамъ, въ томъ числѣ писарямъ и числившимся рядовыми, по рублю, такъ какъ въ рапортахъ набавили человѣкъ на 300 въ каждомъ полку, для увеличенія общей суммы. Затѣмъ, для внушенія нашимъ молодымъ солдатамъ понятія о войнѣ,—прикомандировали къ полкамъ унтеровъ изъ роты дворцовыхъ гренадеръ, или золотой роты, какъ ихъ называли, а въ виду приступа къ Аландскимъ островамъ непріятельскаго флота, послали для усиленія состава войскъ въ Финляндіи нашъ полкъ въ Выборгъ (въ маѣ 1854 г.); тяжелое же полковое имущество и половину канцеляріи оставили въ Петербургѣ въ казармахъ, откуда я продолжалъ ходить заниматься въ штабъ. Напрасно, однако, прождавъ все лѣто непріятеля,—полкъ вернулся въ Петербургъ, а отсюда осенью распредѣлили всѣ наши полки на зимнія квартиры: 1-й—въ село Медвѣдь, Новгородской губерніи, гдѣ онъ постоянно помѣщался; 2-й—въ Москву, тоже во-свояси; 3-й—не помню куда (онъ располагался въ Ярославлѣ), а нашъ 4-й—въ Боровичскій уѣздъ,

Новгородской губерніи, Фроловъ же со своимъ штабомъ собрался въ Москву, куда Зотовъ хотѣлъ и меня взять, но я предпочелъ остаться въ полку, среди товарищей, и онъ меня отпустилъ.

Полкъ нашъ провезли на тѣхъ же открытыхъ платформахъ желѣзной дороги до Валдайской станціи, а оттуда прогнали пѣшкомъ верстъ 60 до Боровичей, въ октябрѣ 1854 г. Тамъ основались полковой штабъ и для карауловъ 2—3 роты солдатъ, а остальныхъ разослали по окрестнымъ деревнямъ, откуда они поочередно должны были приходить на смѣну занимать городскіе караулы. Городишко былъ невзрачный, маленькій, потому насъ размѣстили по 2—4 человѣка въ домѣ. Жители были бѣдные, преимущественно ремесленники, но почти всѣ считались купцами 3-й гильдіи, чтобы избавиться отъ рекрутчины.

Я съ товарищемъ попалъ квартировать къ столяру, у котораго мы застали еще постояльца, инвалиднаго солдата, худаго, какъ щепку Всю первую же ночь онъ не далъ намъ уснуть: страшно кашлялъ, и въ передышку, на наше соболѣзнованіе, разсказалъ намъ, что за упускъ арестанта его прогнали сквозь строй и палками отбили ему всю внутренность, почему онъ и кашлялъ, а лѣчился рѣдечнымъ сокомъ [1]). На утро мы прибрали войлокъ и столярныя стружки, на которыхъ лежали на полу, и отправились въ канцелярію, а тамъ освѣдомились отъ товарищей, что довольныхъ квартирами набиралось едва 5—7 и то только попавшіе къ раскольникамъ, которые за обѣщаніе не курить въ ихъ домахъ и не хватать ихъ посуды,—дали подушки, отвели отдѣльныя горницы и обѣщали хорошо кормить ихъ.

По приказанію старшихъ мы обошли весь городъ, узнали квартиры полковаго и батальоннаго командировъ, адъютанта, казначея, квартирмейстра, аудитора, священника и гауптвахты, дабы въ случаѣ надобности не плутать, а проходя мимо домовъ названныхъ начальственныхъ лицъ исправно снимать шапки. Занимавшіеся въ казначейской части вчетверомъ зашли мы къ казначею Никифорову. Онъ обласкалъ насъ, велѣлъ вести себя скромно, ходить аккуратно: по субботамъ—ко всенощной, по воскресеньямъ—къ обѣднѣ, а изъ церкви къ нему—чай пить, разспросилъ, какъ мы провели дорогу, помѣстились, и далъ намъ по рублю на нужду.

Съ слѣдующаго дня начались наши занятія: съ 9-ти утра до часу и съ двухъ по полудни до 8-ми, а иногда до 10 вечера; досугами же мы чинили свои вещи, мыли бѣлье, отдыхали, ходили другъ къ другу,

---

[1]) Въ теченіе зимы онъ пилъ этотъ сокъ: сперва—по чайной ложкѣ, потомъ—по чашкѣ, наконецъ—по стакану,—два раза въ день и къ лѣту не только выздоровѣлъ, но даже потолстѣлъ.

либо слонялись по улицамъ, субботними вечерами и по воскресеньямъ днемъ угощались у Никифорова, а квартирмейстерскіе писаря—у Пономарева, такъ какъ оба не только никого не обижали и не били, а заботились о своихъ подчиненныхъ, облегчали ихъ грустное положеніе. Напротивъ, адъютантъ Домашневъ по-прежнему истязалъ своихъ подчиненныхъ: билъ, дралъ ихъ, ставилъ съ ранцами съ пескомъ на часы на цѣлыя ночи, добился разжалованія двоихъ унтеръ-офицеровъ въ рядовые, и одинъ изъ нихъ даже покушался повѣситься съ отчаянія, но его сняли съ петли и отодрали.

Квартировавшіе въ деревняхъ ротные командиры съ солдатами занялись ихъ муштровкою, да отжиливаніемъ и утайкою отъ ихъ домохозяевъ солдатскихъ пайковъ за ихъ прокормленіе. Батальонные командиры сводили счеты съэкономленныхъ на подводахъ контромарокъ, которыя сбывали уѣздному казначею за удешевленную плату. Веймарнъ, какъ старшій всѣхъ въ городѣ чиномъ и привыкшій властвовать, ежедневно обходилъ весь городъ, заходилъ въ острогъ, инвалидную казарму, частные дома, трактиры, лавки, все вездѣ высматривалъ и требовалъ: отъ городничаго—древняго, раненаго маіора—чтобы улицы очищались отъ снѣга и грязи, трактиры и кабаки—открывались не ранѣе девяти часовъ утра, закрывались—не позже 9 часовъ вечера, а въ нихъ чтобы водворилась тишина и солдатъ не впускали, чтобы жители ночами не шлялись по улицамъ, въ особенности съ бумажными фонарями (городскаго освѣщенія никакого не было), чтобы лавочники вели себя пристойно, а въ базарные дни квартальный и будочники дежурили на площади и наблюдали за поведеніемъ торговцевъ; отъ инвалиднаго начальника—стараго штабсъ-капитана—чтобы его солдаты ходили въ формѣ, въ чищенной аммуниціи и отнюдь не появлялись на улицахъ не трезвыми, отъ обоихъ и уѣзднаго судьи—чтобы въ острогѣ было чисто, опрятно, арестованные кормились бы исправно, не содержались бы напрасно; подлежавшіе отсылкѣ не задерживались бы, а дѣла ихъ не затягивались бы безцѣльно; наконецъ, отъ городскаго головы,—чтобы жители помѣщали своихъ квартирантовъ солдатъ, писарей и музыкантовъ въ приличныхъ, со свѣжимъ воздухомъ комнатахъ, обходились съ ними пристойно и продовольствовали бы ихъ порядочно; со своими же подчиненными расправлялся просто: поролъ нижнихъ чиновъ—розгами, а офицеровъ—наряжалъ въ караулъ безъ очереди, выговорами и арестами. Однажды, напр., явились къ нему въ канцелярію два вновь прибывшихъ офицера и за то, что осмѣлились признаться ему въ невѣдѣніи, гдѣ квартируетъ батальонный командиръ,—посадилъ ихъ на гауптвахту, на трое сутокъ.

Когда зима окончательно установилась,—Веймарнъ сперва отпу-

стилъ въ отпускъ нѣсколькихъ офицеровъ, а потомъ и самъ уѣхалъ съ Никифоровымъ въ Нижній, оставивъ за себя старшаго батальоннаго командира, подполковника Бакаева, человѣка значительно менѣе его суроваго. Всѣ обрадовались временному хотя избавленію отъ строгостей и распустились. Офицеры стали ѣздить въ гости къ окрестнымъ помѣщикамъ, заводили знакомства въ городѣ и устраивали у себя пирушки, на которыхъ покучивали и дурачились. Напримѣръ, полковые аудиторъ и священникъ квартировали вмѣстѣ и по очереди тоже сзывали гостей, а они, выпивши, однажды переодѣли священника въ солдатскую форму, закричали „пожаръ", выбѣжали на улицу и погнали по ней священника, на потѣху зѣвакамъ. Глядя на высшихъ, и нижніе чины повадились вечерами на „посѣдки", гдѣ мѣстныя молодыя женщины, дѣвушки и парни плясали и пѣли пѣсни. Наши дружно оттѣснили мѣстныхъ кавалеровъ и завладѣли ихъ дамами. Это сопровождалось обоюдными драками, но побѣда дорого стоила нашимъ: очень многіе заразились сифилисомъ и за это въ сумеркахъ били дамъ и вымазывали ворота ихъ домовъ дегтемъ, а полковой лазаретъ переполнился больными. Кромѣ того, къ старику—мѣщанину, занимавшемуся лѣченіемъ, валили толпами писаря, музыканты и унтера, которымъ зазорно казалось лѣчиться въ лазаретѣ. Лѣченіе старика обходилось въ 2—3 рубля и заключалось въ томъ, что въ жарко натопленной банѣ влѣзали на полокъ больные, а старикъ намазывалъ пораженное тѣло сулемой, квасцами и крѣпкой водкой и вѣникомъ парилъ, а чтобы легче выносили боль—поилъ ихъ водкою, настоенною на стрючковомъ перцѣ. Отъ 3-хъ—4-хъ такихъ бань раны засыхали, а послѣ 6—7 дневныхъ такихъ бань выздоравливали, перенеся страшныя мученія. Слава старика такъ быстро разрослась, что и офицеры, даже младшій полковой лѣкарь Краснопольскій у него пользовались.

Но вотъ вернулся Веймарнъ, и всѣ гульбища сразу прекратились, а началась расправа: онъ подвергнулъ недѣльному аресту: аудитора—домашнему, а священника—въ лазаретѣ на слабой порціи. Лѣкарь, разруганный имъ, доложилъ ему, что онъ самъ боленъ сифилисомъ, лѣчится у старика, лѣчитъ до двадцати офицеровъ и до трехсотъ солдатъ, что, по свѣдѣніямъ уѣзднаго врача, по всему уѣзду женщины одержимы этимъ недугомъ и заражаютъ мужчинъ. Веймарнъ распорядился строжайшимъ опросомъ лазаретныхъ больныхъ, отъ какихъ именно женщинъ заразились, потомъ созвалъ: городничаго, уѣзднаго врача, исправника и потребовалъ отъ нихъ наказанія виновныхъ и освидѣтельствованія всѣхъ женщинъ, но тѣ выразили опасеніе взбунтовать этимъ народъ, указанныхъ же женщинъ принялись ловить и свидѣтельствовать. Изъ больныхъ офицеровъ: одни—ночью тайкомъ ходили

*

къ старику въ баню, или къ лѣкарю, или же онъ къ нимъ, а другіе—удирали въ отпускъ долѣчиваться. Городское населеніе, особенно благородное, вознегодовало за нападки на женщинъ, которыя перестали показываться на улицѣ, даже днемъ.

Всѣ впали въ сильное уныніе, точно предчувствуя новую еще бѣду, которая дѣйствительно не замедлила разразиться. Вдругъ днемъ, въ будни, зазвонили въ церковные колокола. Мы выскочили изъ канцеляріи (помѣщалась въ центрѣ города) на улицу и услышали, что будочники приказывали торговцамъ запирать лавочки, но они не повиновались, а требовали разъясненія причины.

— Въ церковь, въ церковь, шалыганы, маршъ!—кричалъ самъ уже квартальный. Царь, волею Божіею, скончался. Слышите. Пошли присягать, прися-гать...

— Враки, братцы!—оралъ толстякъ-торговецъ;—за этакія рѣчи ей, ребята, и бока переломать впору.

— Присягать? ужъ не хранцузу ли?—подхватилъ другой. Ни въ жисть! Мы, вспомните, православные, вѣдь потомки Мареы Посадницы, обвязаны постоять за себя, да за Русь святую...

— Манифестъ присланъ и въ церкви будетъ читаться, продолжалъ квартальный, потому идите туда... Тамъ и присягать. Ослушникамъ морды на сторону сверну, поронцу зад-дамъ...

Возраставшая на шумъ и перебранку толпа нехотя направилась къ собору, съ полнымъ недовѣріемъ къ словамъ будочниковъ и квартальнаго. Въ оградѣ городничій повторилъ толпѣ о печальной вѣсти, но она и ему не повѣрила и даже его бранила. На паперть вышелъ, въ облаченіи, старикъ-священникъ съ манифестомъ въ рукахъ и позвалъ всѣхъ въ соборъ, куда толпа и послѣдовала, а окончательно народъ увѣровалъ въ случившееся только послѣ того, какъ солдатъ на площади привели къ присягѣ (20-го февраля 1855 г.).

Однако, и величайшей важности событіе это не ослабило возникшую ожесточенную вражду между начальствомъ нашимъ и мѣстнымъ населеніемъ, которое перестало кормить насъ приваркомъ, а отъ начальства, въ подрывъ его доходовъ, настойчиво требовало и съ злорадствомъ брало нашъ паекъ до весны—ухода полка, въ отместку за хулу на женщинъ.

Описаннымъ уже порядкомъ выступили мы снова въ походъ. Холодъ, голодъ, ненастья и другія невзгоды опять были нашими спутниками. Такъ, валяясь дорогою въ грязи, мы въ Гдовскомъ уѣздѣ вмѣсто бани мылись, какъ крестьяне, въ просторныхъ ихъ избенныхъ печкахъ: сперва натапливались, потомъ внутрь ихъ настилали на подъ солому, втаскивали, въ ведрахъ, горячую воду, влѣзали и, сидя или лежа, мылись, даже парились вѣниками и вылѣзали одурѣ-

лые отъ жары и угару. Въ г. Ямбургѣ, по недостатку помѣщенія, мы ночевали въ одной изъ камеръ острога, рядомъ съ арестованными, подъ замкомъ и карауломъ. На другой день погонщики изъ жалости подвезли насъ, и я, мокрый, уснулъ въ телѣгѣ и настолько простудился, что прибылъ въ Нарву въ сильной лихорадкѣ (въ апрѣлѣ 1855 г.). По чьему-то, не помню ужъ, совѣту, я влилъ теплую воду въ бутылку, всыпалъ туда 1/4 фунта нюхательнаго табаку, взболтнулъ бутылку и выпилъ изъ нея стаканъ воды, отчего меня нѣсколько часовъ сряду рвало... Меня свезли въ госпиталь, гдѣ я пробылъ въ безпамятствѣ двѣ недѣли, а черезъ мѣсяцъ выздоровѣлъ и вернулся въ канцелярію.

Въ крѣпости различныя войска помѣщались тѣсно и на виду другъ у друга, потому невольно дружились между собою; только двѣ дружины петербургскаго ополченія квартировали на форштадтѣ, гдѣ дружинные офицеры, люди знатные и богатые, вели себя по вольности дворянства: устраивали безпрерывные пиры, созывали на нихъ офицеровъ всего гарнизона; за угощеніе и плату наши офицеры и унтера обучали ратниковъ, а писаря—вели письменную часть и отчетность. Весь гарнизонъ подчинялся коменданту и его управленію. Комендантъ былъ глухой старикъ, инженерный генералъ-лейтенантъ Ярмерштетъ, плацъ-маіоръ, подполковникъ съ обвязанною головою отъ ранъ, а плацъ-адъютантъ горбатый и двигался съ помощью костыля. Всѣми тремя самостоятельно управлялъ писарь Чушкинъ такъ же, какъ Зотовъ Фроловымъ.

Въ теченіе поллѣта войска спокойно производили обычныя ученья. Вдругъ огласилось, что съ Балтійскаго моря приближается непріятельскій флотъ, и всѣ власти, начиная съ коменданта, встрепенулись; къ заливу на устье р. Наровы (за 12 верстъ отъ крѣпости), откуда непріятель могъ высадиться на сушь, направили артиллерію, пѣхоту и казаковъ; глубокіе рвы между тремя крѣпостными стѣнами тщетно пытались наполнить водою: протоки заросли травою и землею; къ размѣщеннымъ на крѣпостныхъ стѣнахъ пушкамъ приставили артиллеристовъ, подвезли порохъ и снаряды, да напрасно старались стрѣлять, пушечныя внутренности отъ времени заржавѣли, а плохой порохъ не дѣйствовалъ; въ опредѣленное мѣсто рѣки, откуда предполагался приходъ непріятельскихъ кораблей, опустили боченки съ порохомъ и пробовали его взорвать подъ водою, но съ крѣпостной стѣны лишь смыло всю краску, къ огорченію коменданта. Внутри крѣпости и вокругъ нея усилили караулъ, патрули, подняли разводные черезъ рѣку мосты на крѣпостныя ворота, а войска расположили по площадямъ. Короче, приготовились къ бою. Изъ любопытства мы сновали повсюду, такъ какъ занятія наши прервали. И вотъ, къ ко-

мендантскому управленію казачій патруль привелъ задержаннаго имъ въ полѣ, какъ „фискалу",—рыжаго молодаго человѣка въ сѣромъ платьѣ. Я пробрался за казаками въ управленіе и услышалъ, какъ они объяснили, что фискалъ что-то рисовалъ. Вышелъ комендантъ, и рыжій заявилъ ему, что онъ чиновникъ канцеляріи военнаго министра, Шубертъ, сынъ члена военнаго совѣта, полнаго генерала, гоститъ у знакомаго помѣщика, близъ водопада и лѣсопильнаго завода, дѣйствительно чертилъ карандашемъ на папкѣ, но казаки его заподозрили въ шпіонствѣ и привели, ибо онъ отъ волненія сильно заикался и не могъ ихъ вразумить. Комендантъ, плохо говорившій по-русски, заговорилъ съ Шубертомъ по-нѣмецки, увелъ его къ себѣ и потомъ отпустилъ, а казаковъ распекъ за неосмотрительность. Однако, часа черезъ два другой патруль опять привелъ Шуберта [1]), какъ шпіона, къ коменданту, который отправилъ его домой въ своей уже коляскѣ, а за это прослылъ среди солдатъ измѣнникомъ.

Бродя по улицамъ крѣпости, я остановился случайно возлѣ однихъ воротъ, подъ которыми содержались, въ отдѣльныхъ казематахъ нижняго этажа, какіе-то „важные преступники", къ которымъ раньше близко никого не подпускали, а на этотъ разъ караулы занимали ратники, относившіеся къ своимъ обязанностямъ зря... Изъ окна черезъ рѣшетку выглядывалъ сѣдой человѣкъ, спросившій меня: отчего происходитъ сильное движеніе? Я отвѣтилъ ему, что непріятель подступаетъ. Онъ освѣдомился, съ кѣмъ воюемъ? Я отозвался, съ нехристями. Онъ пожелалъ, чтобы непріятель взялъ крѣпость, а тогда выпустили бы его изъ заключенія. Я полюбопытствовалъ, за что онъ заточенъ и кто такой? Онъ отвѣтилъ за то, что старался водворить равенство и правду, а содержится подъ нумеромъ, который извѣстенъ только въ Петербургѣ. Вдругъ часовой крикнулъ: „полковникъ идетъ", и я отскочилъ съ большимъ сожалѣніемъ о заточенномъ, завернулъ за уголъ къ казармѣ крѣпостной арестантской роты, гдѣ въ воротахъ стояла толпа арестантовъ, а судя по слышанному мною ихъ говору, они желали: одни—тоже нашего плѣненія непріятелемъ и освобожденія ихъ изъ неволи, а другіе—„въ первѣйшій огонь за вѣру, царя и отечество".

Къ вечеру я вернулся домой, переполненный самыхъ разнородныхъ ощущеній. Намъ велѣно было спать одѣтыми, чтобы при первой же тревогѣ выскочить на улицу. Мы легли на нары, но сонъ мой былъ очень тревожный, а подъ утро я проснулся и, почувствовавъ страстное желаніе видѣть войну, тихонько разбудилъ товарища-сосѣда

---

[1]) Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника правителемъ канцеляріи главнаго штаба арміи, на театрѣ войны 1878 г.

и предложилъ ему отправиться вмѣстѣ на устье. Онъ охотно согласился. Крадучись, вышли мы въ 5 часу изъ казармы, направились къ подземному ходу, по которому многократно раньше ходили изъ любопытства, нашли его отвореннымъ, пробрались черезъ него версты двѣ до открытаго поля и опустились на землю. Солнце ярко озаряло зеленѣвшую окрестность, а въ воздухѣ ничего не шелохнулось. Подышавъ свѣжимъ воздухомъ и отдохнувъ, мы пустились дальше, а не доходя съ версту до устья, мы разглядѣли сверкавшіе солдатскіе каски и штыки; приблизившись же къ мѣсту расположенія войска—разсмотрѣли, какъ круглый шаръ ударился о крышу деревянной рыбацкой избы, лопнулъ, и крыша запылала... Изъ избы выскочили начальникъ отряда, нашъ подполковникъ Бакаевъ и нѣсколько офицеровъ, приказавшіе солдатамъ спасать изъ избы и со двора ея запасы водки и провизіи. Покамѣстъ солдаты исполняли приказаніе, новыя бомбы подожгли избу съ разныхъ сторонъ, а одна бомба упала близъ стоявшаго баталіона, взбороздила землю и зарылась въ песокъ. Въ сумятицѣ насъ, пришельцевъ, никто и не замѣтилъ.

Изъ поставленныхъ, по берегу, на лафетахъ 10 орудій, одно поодаль отъ другаго, отвѣтили залпомъ, и всѣ очутились въ клубахъ густаго дыма, а земля подъ нами, кажется, задрожала отъ пальбы; но когда дымъ разсѣялся, мы увидали, что наши ядра шлепались въ воду, далеко отъ кораблей. Стрѣльба безцѣльно повторилась съ обѣихъ сторонъ. Стали палить изъ ружей, но тоже безполезно; пули, посвиставъ въ воздухѣ, падали въ воду, шаговъ за 100—150 отъ насъ... Принялись снова стрѣлять изъ пушекъ, но одна изъ нихъ не дѣйствовала, и Бакаевъ подошелъ къ ней, велѣлъ вложить двойной зарядъ и выпалить. Это было исполнено и... и Бакаева не стало; разорвало на части его и пушку. Въ этотъ же моментъ непріятельская бомба ударилась о смежную пушку, и два трупа артиллеристовъ покатились на землю, а пушка слетѣла съ лафета въ песокъ... На всѣхъ напалъ паническій страхъ, увеличившійся еще тѣмъ, что корабли подплыли ближе къ намъ, и мы ихъ отчетливо разсматривали... Наша артиллерія продолжала стрѣлять, а пѣхота отодвинулась подальше отъ берега, даже безъ команды, потому что офицеры растерялись... Тогда увѣшанный крестами и медалями старикъ-унтеръ золотой роты выступилъ впередъ, всматриваясь въ направленіе непріятельскихъ снарядовъ и командовалъ: „вправо, влѣво, назадъ“ и едва это исполняли, какъ на опустѣвшее мѣсто падалъ снарядъ и либо разрывался, либо зарывался въ песокъ. Такъ продолжалось цѣлый день, въ теченіе котораго изъ нашихъ артиллеристовъ было 8 убитыхъ и 10 раненыхъ и столько же контуженныхъ. Однако, подъ вечеръ и наши бомбы на столько удачно попали въ первый корабль, что онъ зака-

чался, пронзительно просвисталъ и тихо поплылъ въ море, окруженный остальными... Когда корабли скрылись изъ виду, всѣ перекрестились, ружья составили въ козлы, сбитыя съ лафетовъ пушки втащили на свои мѣста (три оказались попорченными), розыскали куски тѣлъ убитыхъ и снесли въ сарай, и раненыхъ перевязали, а здоровые роптали на неудачу, на неимѣніе даже лодокъ, на которыхъ многіе готовы были бы плыть къ кораблямъ и тамъ сразиться съ врагомъ въ рукопашную...

Сварили кашицу, выпили по чаркѣ, поѣли и полегли спать на голой землѣ. Ночь была лунная, теплая и тихая... Рано утромъ снарядили повозки, уложили раненыхъ и повезли въ крѣпость. Съ ними отправились и мы, удовлетворенные пришельцы, во-свояси и вернулись въ свою казарму благополучно, такъ какъ изъ начальства: на устьѣ растерянное—насъ не замѣтило, а въ крѣпости—озабоченное приготовленіями къ отраженію врага—не хватилось насъ, двухъ мальчишекъ. Въ свою очередь, и мы, во избѣжаніе бѣды за самовольную отлучку, тщательно скрыли ее отъ всѣхъ. Между тѣмъ, войска все еще стояли на площадяхъ, а въ ратушѣ и нѣкоторыхъ домахъ оконныя стекла разбились отъ отдаленной стрѣльбы, которая съ полудня возобновилась на устьѣ и доносилась до крѣпости... Всѣ впали въ уныніе почти на сутки, пока съ устья получилась вѣсть, что непріятель ушелъ далеко въ море, а еще черезъ сутки, когда все высшее начальство съѣздило на устье, всѣ успокоились и мирное житіе возстановилось. Тогда отправили въ Петербургъ донесеніе о происшедшемъ и объ оказанныхъ войсками подвигахъ, а оттуда вскорѣ же прислали въ награду болѣе отличившимся офицерамъ чины, ордена, солдатамъ 15 георгіевскихъ крестовъ и на всѣхъ участвовавшихъ—по рублю; рублей же оказалось столько надбавленныхъ противъ наличнаго состава бывшихъ на устьѣ нижнихъ чиновъ, что писарямъ канцеляріи дали по два, а намъ—по одному рублю. Послѣ пережитыхъ треволненій, обычное времяпровожденіе всѣмъ казалось уже скучнымъ, тоскливымъ. Тѣмъ не менѣе насъ продержали въ Нарвѣ до глубокой осени (до половины ноября 1855 г.).

Зима стала рано и сразу. Въ морозы, вьюги и снѣжныя мятели побрели мы опять въ Боровичи. Дорогою мы по-прежнему питались скверно, дрогли, мерзли ужасно. На протяженіи, напр., одной станціи до Гатчины изъ 40 человѣкъ канцеляріи, счетомъ 30 отморозили: кто—пальцы, кто—уши, кто—носъ, кто—щеки. Въ Гатчинѣ мы случайно нашли Никифорова, онъ далъ нашему старшему денегъ, и мы въ трактирѣ, въ кипяткѣ, отогрѣвали окоченѣвшія руки и ноги, а изъ Гатчины въ Петербургъ пріѣхали, по распоряженію Никифорова же, въ товарномъ вагонѣ съ сѣномъ. Узнавшій объ этомъ нарушеніи

порядка Домашневъ доложилъ Веймарну, а онъ за это распекъ Никифорова. Тѣмъ не менѣе изъ Петербурга до Валдайской станціи провезли насъ, по его ходатайству, тайно въ вагонѣ съ лошадьми, а остальныя 60 верстъ мы добрались до Боровичей пѣшкомъ въ двое сутокъ.

Въ день прибытія полка въ Боровичи, Веймарнъ объявилъ строгій приказъ, чтобы дважды въ недѣлю всѣмъ нижнимъ чинамъ производить тѣлесный осмотръ, съ тѣмъ, чтобы при обнаруженіи больныхъ сифилисомъ: унтеръ-офицеровъ—разжаловать въ рядовые, а рядовымъ—отсчитывать по сотнѣ розогъ. Домохозяева, помня прошлогодній переполохъ и хулу на ихъ женщинъ, — встрѣтили насъ, постояльцевъ, враждебно, при чемъ одни—совершенно отказывались кормить, другіе—требовали впередъ паекъ, третьи—помѣщали ихъ въ конурахъ, четвертые—и ихъ не топили и т. д., на веселыя посѣдки рѣшительно никого уже не впускали. И намъ пришлось очень жутко, въ качествѣ зачумленныхъ и полуголодныхъ, потому мы поневолѣ коротали дни и вечера въ канцеляріи, гдѣ мучились физически и нравственно, безъ малѣйшей надежды на облегченіе нашей участи...

Зима эта досталась намъ столь жуткою, что мы не чаяли и пережить ее... Однако, судьба какъ бы сжалилась надъ нами: получились послѣдовательно три вѣсти: сперва—о перемиріи, потомъ—о заключеніи мира (19-го марта 1856 г.), наконецъ,—объ отправкѣ полка во-свояси—въ Нижній-Новгородъ. Всѣ обрадовались: офицеры—возврату домой, горожане—избавленію отъ опротивѣвшихъ имъ постояльцевъ, а послѣдніе—солдаты—походу и возобновленію мелкихъ льготъ, сопровождавшихся дорожною жизнью.

Съ самыми разнородными чувствами выступили мы (въ апрѣлѣ 1856 г.) въ послѣдній походъ, но чѣмъ ближе приближались къ Нижнему—тѣмъ грустнѣе становилось на душѣ нижнихъ чиновъ, при невольномъ воспоминаніи забытой было тягостной казарменной жизни... Мы вступили въ Нижній чрезъ два года послѣ ухода изъ него, правда, также съ музыкою и пѣснями, но одинъ видъ знакомыхъ казармъ, въ которыхъ ровно ничего не измѣнилось, производилъ, по воспоминаніямъ, грустное впечатлѣніе: все видѣнное и пережитое въ походѣ значительно развило во всѣхъ сознаніе своего унизительнаго положенія, изъ котораго не предвидѣлось исхода, а терпѣть казалось всѣмъ чрезъ чуръ ужъ несправедливо, тяжело... Полку дали 10-ти дневный отдыхъ на посѣщеніе родныхъ и знакомыхъ. Солдаты слонялись по улицамъ, точно осужденные, которыхъ ожидало наказаніе.

Крестный и жена его встрѣтили меня очень радушно и изъ моихъ отвѣтовъ на ихъ разспросы убѣдились, что я изрядно поумнѣлъ.

Сидя за обѣдомъ съ ними и бывшимъ дружиннымъ офицеромъ, я долго прислушивался къ его самодовольной рѣчи, какъ его сослуживцы и самъ онъ разживались походомъ въ Кіевъ и обратно.

— Ну, а ты, что нажилъ?—ласково спросила меня жена крестнаго.

— Ломоту въ рукахъ и ногахъ, да ненависть ко всему нашему начальству, кромѣ казначея и квартирмейстра,—отозвался я;—только они двое насъ жалѣли и помогали намъ, голоднымъ, холоднымъ и измученнымъ ходьбою и писаніемъ.

— Ка-акъ? что ты говор-ришь?—освѣдомился крестный, вспыхнувъ.—За что могла зародиться въ тебѣ, малосмысленномъ мальчишкѣ, ненависть къ начальству?

— За то, что оно насъ мучило и обкрадывало самымъ безсовѣстнымъ манеромъ, вотъ какъ они разсказывали...

— Большаго я и не ожидала отъ нашихъ бурбоновъ,—вставила жена крестнаго.

— Такихъ словъ нигдѣ никогда не смѣй употреблять: услышатъ и тебя накажутъ,—вразумлялъ меня крестный.—Твое дѣло не осуждать, а уважать начальство, которое за свои хорошіе и дурные поступки отвѣтитъ предъ Богомъ и высшимъ начальствомъ. Слышишь?

— За то, что оно насъ тиранило, отжиливало наши копѣйки, даже подводныя контрмарки — уважать? Нѣ-ѣтъ-съ, простите, не мог-гу...—заключилъ я и зарыдалъ.

— Терпѣніе есть добродѣтель, а она вознаграждается по заслугамъ,—поучалъ меня крестный.—Вотъ ты что помни, а теперь уймись, не рюмь.

Мои сотрапезники поспѣшили перемѣнить разговоръ, а я понемногу успокоился, но съ этого же раза пересталъ откровенничать.

Въ казармахъ возобновились шагистика и истязанія, но уже въ меньшихъ, противъ прежняго, размѣрахъ: офицеры нѣсколько охладѣли къ мучительству, а солдаты стали смѣлѣе и заботливѣе о своемъ тѣлѣ, отчего офицеры сдѣлались осторожнѣе. Въ канцелярію проникло неожиданно солнце: Домашневъ уволился въ отставку, а его замѣнилъ молодой, порядочный поручикъ Мисюревъ. Занимавшіеся въ адъютантской части унтеръ-офицеры, писаря, рядовые и кантонисты отслужили, въ складчину, молебенъ за избавленіе ихъ отъ тирана Домашнева, котораго и офицеры едва терпѣли: онъ и ихъ обижалъ.

Лично меня томила скука, даже тоска, а почему, я не могъ разсудить. Крестный, замѣчая это и желая доставить мнѣ развлеченіе, часто бралъ меня съ собою въ гости къ разнымъ своимъ знакомымъ

господамъ, которые охотно меня принимали и ласкали, какъ видавшаго свѣтъ и войну — маленькаго героя. Между прочимъ, мы были, однажды, у богача, отставнаго поручика Огурцова, у котораго въ ту пору гостилъ его землякъ—поэтъ и художникъ Т. Г. Шевченко, освобожденный изъ солдатъ Оренбургскаго гарнизона и возвращавшійся въ Петербургъ. Онъ выглядѣлъ простымъ хохломъ, но гости наперерывъ за нимъ ухаживали, разспрашивали и внимательно его слушали. По его спросу ему подали въ бумажкѣ горсточку зеренъ. Онъ взялъ изъ кучки одно, показалъ его и сказалъ: «вотъ вамъ старшій надъ всѣми», потомъ бросилъ его въ кучку и добавилъ: „вотъ уже и нѣтъ его: такъ и люди могутъ". Всѣ удивлялись его мудрости, а крестный, идучи со мною отъ Огурцова домой, разъяснилъ мнѣ загадку Шевченко тѣмъ, что власти отъ Бога поставлены, а потому всѣ обязаны подчиняться старшимъ и своевольничать грѣшно, а Шевченко, какъ невѣрующій, пострадалъ уже за свои прегрѣшенія, но такъ какъ не унимается, то Богъ его еще накажетъ за вольнодумство. Такое же мнѣніе слышалъ я, потомъ, отъ старика Никифорова и бывшаго казначея Кузичкина, молодой же Никифоровъ съ ними не соглашался, а почему — я не могъ разобрать. Хожденіе по гостямъ меня все-таки мало оживляло, и я продолжалъ хандрить.

Прошло мѣсяца два моего угнетеннаго состоянія духа. Вдругъ пришло изъ департамента военныхъ поселеній предписаніе объ отправкѣ меня въ департаментъ, а слѣдомъ я получилъ отъ бывшаго товарища по „живодернѣ", писаря департамента Воронкова, письмо, которымъ онъ извѣщалъ меня, что бумага послана по его просьбѣ, вызванной его желаніемъ мнѣ добра, въ память того, что мы были дружны и дѣлились: я съ нимъ гостинцами, а онъ со мною — хлѣбомъ, который его мать набирала „Христа ради".

Меня обмундировали во все новое, снабдили кормовыми на 20 сутокъ (я долженъ былъ ѣхать 50 верстъ въ сутки—1014 верстъ до Петербурга) и прогонами до Москвы на одну лошадь, всего помню 15 руб. 40 коп., бумагою въ московское комендантское управленіе на полученіе оттуда свидѣтельства на даровой проѣздъ по желѣзной дорогѣ въ 3 классѣ до Петербурга и билетомъ о моемъ званіи, съ означеніемъ въ немъ, что я командированъ въ департаментъ военныхъ поселеній, потомъ я подвергся осмотру Веймарномъ, выслушалъ наставленіе крестнаго молиться Богу, почитать начальство, служить прилежно и вести себя безупречно, чтобы выдти въ люди, получилъ отъ него благословеніе, на нужду 10 руб., наказъ писать ему аккуратно обо всемъ, да отъ его жены разныя вещи и съѣстные припасы на нѣсколько дней, попрощался съ обоими, уложилъ свои

пожитки въ чемоданчикъ, рано утромъ прибылъ на почтовый дворъ, сѣлъ въ данную мнѣ по листу подводу и одинокимъ, беззащитнымъ 17-ти лѣтнимъ юношею пустился въ путь съ самыми радужными мечтами объ ожидавшемъ меня счастьѣ. Выводилъ я его изъ распоряженія департамента объ отправкѣ меня не по этапу, какъ солдата, а одного, какъ офицера, да изъ слуховъ, что въ департаментѣ служить хорошо.

Первыя 10 станцій проѣхалъ я въ двое сутокъ безъ особенныхъ задержекъ, но на 11-й просидѣлъ нѣсколько часовъ, а смотритель все твердилъ мнѣ, что лошадей нѣтъ. Подъѣхалъ на собственной тройкѣ пожилой баринъ, увидѣлъ меня въ слезахъ, освѣдомился о моемъ горѣ, сжалился надо мною, велѣлъ: кучеру спрятать мой чемоданчикъ въ ящикъ подъ тарантасъ, а мнѣ—сѣсть къ нему въ тарантасъ и до Москвы не только даромъ довезъ и отлично кормилъ меня своими запасами, но еще ласково разговаривалъ со мною обо всемъ, что я понималъ, а я ему за это прислуживалъ на станціяхъ во время отдыховъ и кормленія его лошадей.

По пріѣздѣ въ Москву баринъ остановился въ гостиницѣ. Я поблагодарилъ его за участіе ко мнѣ и направился въ комендантское управленіе уже въ сумеркахъ, разсчитывая получить тотчасъ же билетъ и уѣхать съ ночнымъ поѣздомъ въ Петербургъ, но дежурный офицеръ приказалъ помѣстить меня ночевать въ караульную. Я пытался разъяснить ему, что я не пересылаюсь, а ѣду свободнымъ и мнѣ нуженъ только билетъ, но онъ повелительно повторилъ приказаніе и меня провели по длинному корридору и впустили съ чемоданчикомъ въ огромный казематъ... Обиженный и испуганный, сѣлъ я въ углу на чемоданчикѣ и озирался вокругъ. Понемногу отъ слабаго свѣта разглядѣлъ я дымъ столбомъ отъ накуренной махорки, почувствовалъ, какъ дыханіе спиралось отъ сквернаго воздуха, увидѣлъ толпу, человѣкъ 40—50, лежавшихъ, сидѣвшихъ на нарахъ и слонявшихся по каземату. Изъ нихъ: одни пѣли пѣсни, другіе—бранились, третьи—играли въ кости, а четвертые—пили водку... Хаосъ этотъ продолжался за полночь... Я просидѣлъ неподвижно до утра, когда нѣкоторыхъ, а въ числѣ ихъ и меня позвали въ канцелярію. Голова кружилась, я чувствовалъ тошноту, но напрягъ остатокъ силъ и, шатаясь,—пришелъ, таща чемоданчикъ въ канцелярію, гдѣ другой уже офицеръ прочелъ мои бумаги, далъ мнѣ билетъ и наказъ отправиться прямо на машину. Выскочивъ на улицу, я освѣжился, нанялъ извозчика, пріѣхалъ на вокзалъ, показалъ начальнику станціи бумагу, получилъ билетъ 3-го класса, дождался поѣзда, забрался въ вагонъ и покатилъ въ дальнѣйшій путь. Однако, мысль о соночлежникахъ всю дорогу, трое сутокъ, вертѣлась у меня въ

головѣ: я соболѣзновалъ о нѣкоторыхъ и желалъ когда-нибудь быть полезнымъ такимъ несчастнымъ...

II.

Переводъ мой въ департаментъ военныхъ поселеній. — Первая встрѣча съ экзекуторомъ.—Характеръ директора департамента Пиларъ-фонъ-Пильхау.— Безалаберный бытъ писарей.—Посѣщеніе мною театра и катастрофа.—Маіоръ Пайкуль.—Пиларъ - ф.-Пильхау и Сухозанетъ.—А. И. Воричинъ, противуположность Пильхау.—Николаевскій генералъ Длотовскій.—Освобожденіе кантонистовъ.—Занятія въ кварталѣ.—У графа Орлова-Давыдова.—Въ канцеляріи военнаго министерства.—Чиновники канцеляріи. -И. Г. Устряловъ, князь Сумароковъ-Эльстонъ, князь Васильчиковъ.—Секретный рапортъ ф.-деръ Лауница и „Колоколъ".—Военный министръ Сухозанетъ.—Случай при погребеніи Котомина. -Директоръ Лихачевъ.—Льгота нижнимъ чинамъ.—К. П. фонъ Кауфманъ.—Его отношенія къ подчиненымъ.—Мои литературныя начинанія.—Военный цензоръ Штюрмеръ.—Мои знакомства съ Костомаровымъ, Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Некрасовымъ.—Полученіе мною прокламацій.—Генералъ Мордвиновъ. —Мой переводъ къ оберъ-полицеймейстеру.

Въ Петербургѣ я явился въ іюнѣ 1856 г., уже подъ вечеръ (въ домѣ Лисицына, противъ церкви Спаса Преображенія: тамъ жили департаментскіе писаря), прямо къ Воронкову. Онъ дружески встрѣтилъ меня, угостилъ чаемъ, разспросилъ, доволенъ ли я, что вырвался изъ полка, какіе тамъ порядки, какъ проѣхалъ я дорогу и проч., а потомъ провелъ меня по всему помѣщенію писарей. Видъ занятыхъ ими до 20 комнатъ (человѣкъ по 10—20 въ каждой) показался мнѣ очень неказистымъ: собственныя разнообразныя, не казистыя постельныя принадлежности, мѣстами комоды, стулья и столики свидѣтельствовали о бѣдности писарей, которые въ сюртукахъ, халатахъ и въ одномъ бѣльѣ прохаживались, сидѣли, лежали на кроватяхъ, разговаривали, спорили, пѣли и даже бранились между собою... Все это смутило меня. Воронковъ конфузливо признался, что они далеки отъ счастья, но имъ все-таки несравненно лучше живется, нежели въ полку: у нихъ нѣтъ тамошнихъ ни субординаціи, ни взысканій, досугами они зарабатываютъ даже деньги на нужду, а исправныхъ писарей начальство поощряетъ, даже въ чиновники производитъ. Онъ свелъ меня ужинать въ столовую, тамъ столы были покрыты скатертями, а ѣли съ тарелокъ вкусную, изъ двухъ блюдъ, пищу, подававшуюся служителями. Къ положенному казенному пайку прибавляли, какъ Воронковъ пояснилъ мнѣ, по 50 коп. въ мѣсяцъ изъ жалованья писарей, а распоряжались продовольствіемъ выборные писарями—артельщики и старосты, въ родѣ комитета.

Послѣ ужина въ комнатѣ, гдѣ жилъ Воронковъ, человѣкъ 10 усѣлись на двухъ кроватяхъ, и одинъ изъ нихъ сталъ читать вслухъ книгу — романъ „Ледяной-Домъ“, который очень заинтересовалъ всѣхъ, а меня въ особенности: никакихъ книгъ я дотолѣ никогда еще не читалъ, а потому мое воображеніе распалялось отъ описанія замороживанія людей и проч. Часа чрезъ три неслышно вошелъ къ намъ фельдфебель и внушительно предложилъ всѣмъ ложиться спать. Нѣкоторые постарше просили его позволенія почитать еще хоть часъ, но онъ на это не согласился, оговорившись, что пусть скажутъ ему спасибо и за то, что онъ скроетъ о бывшемъ чтеніи отъ экзекутора, который за это сажаетъ въ карцеръ. Всѣ молча повиновались.

Легли и мы спать съ Воронковымъ на его кровати, но едва мы уснули, какъ насъ разбудила раздавшаяся удалая, въ два голоса, пѣсня. Всѣ вскочили съ кроватей и кто упрашивалъ пѣсельниковъ прекратить пѣніе, кто угрожалъ имъ призвать фельдфебеля, жаловаться экзекутору, кто поддерживалъ пьяныхъ пѣвуновъ, упрекалъ товарищей въ шпіонствѣ и т. д. Шумъ, споръ, брань продолжались часа два.

Утромъ всѣ прибрались и кто имѣлъ—напился чаю съ ситнымъ, или закусили хлѣба, принесеннаго изъ кухни, а въ 9 час. всѣ писаря, чел. 200, подъ командою фельдфебеля, отправились фронтомъ въ департаментъ, тамъ же въ воротахъ фельдфебель позвалъ меня къ экзекутору. Онъ, пожилой маіоръ, средняго роста, сухощавый, съ угреватымъ лицомъ и сизымъ носомъ, окинулъ меня суровымъ взглядомъ и произнесъ: „здравствуй“. Я, вытянувшись предъ нимъ въ струнку, отвѣтилъ: „здравія желаю, ваше вскбродіе“.

— Ты службу знаешь — это хорошо. Вольнодумствомъ, смотри, не заразись, не то драть буду. Какъ ты станешь заниматься писаніемъ—мнѣ наплевать, а за отступленіе отъ формы, за чтеніе разныхъ вздорныхъ книжекъ, за уходъ безъ спроса со двора и за непочтительность—я наказываю. Держи ты постоянно въ умѣ, что я, одинъ я, твой начальникъ, воленъ тебя въ галунники пожаловать и въ дальній гарнизонъ сослать. Ступ-пай.

Я вышелъ въ корридоръ къ дожидавшемуся меня Воронкову, совершенно растерянный, перепуганный слышанною нотаціею, но онъ разсѣялъ мой страхъ, говоря, что хотя экзекуторъ и очень суровъ, но самъ, подчиненный правителю канцеляріи, служащихъ въ ней (я поступилъ въ нее) не смѣетъ трогать: правитель добръ и своихъ въ обиду никому не даетъ, а потому и мнѣ нечего опасаться. Онъ посадилъ меня рядомъ съ собою, и мы занялись перепискою бумагъ. Вошелъ пожилой чиновникъ, и всѣ писавшіе за разными

столами, челов. 15 писарей, привстали и развязно поклонились ему. Онъ отвѣтилъ поклономъ же и словами „здравствуйте, братцы", приблизился ко мнѣ, посмотрѣлъ мой почеркъ и похвалилъ его.—„Радъ стараться, ваше вскбродіе",—отозвался я. Онъ деликатно объявилъ мнѣ, что чиновниковъ принято не титуловать, а звать по имени и отчеству, погладилъ меня по головѣ, отошелъ къ своему отдѣльному столу, сѣлъ и сталъ разбирать кипы бумагъ. Воронковъ съ гордостью разъяснилъ мнѣ, что подходившій ко мнѣ чиновникъ, изъ писарей, но важное лицо—докладчикъ директора, коллежскій ассесоръ Никитинъ. Вначалѣ 11-го часа явился красивый, высокій брюнетъ, лѣтъ 35, секретарь канцеляріи, коллежскій ассесоръ, Ив. Лук. Лосевъ, а за нимъ, плавною поступью, плотный, почти старикъ, въ очкахъ, правитель канцеляріи, ст. сов. Вас. Яковл. Васильевъ. Всѣ разомъ вскочили и низко поклонились обоимъ. Они съ привѣтливыми улыбками кивнули намъ головами. Воронковъ представилъ имъ меня.

— Здравствуй, любезный, здравствуй,—ласково заговорилъ правитель.—Служба у насъ нетрудная, но какъ и что дѣлать—Воронковъ тебя научитъ, съ него же бери примѣръ, какъ себя вести: мы имъ вполнѣ довольны.

— Заниматься мы тебя не торопимъ,—продолжалъ Лосевъ, отдохни день-другой, познакомься съ будущими сослуживцами, осмотри городъ.

Я доложилъ ему, что знаю городъ, не усталъ и радъ занятію. Оба удалились, но ихъ обходительность сразу расположила меня къ нимъ и вытѣснила дурное впечатлѣніе экзекуторскаго обращенія и ночнаго казуса. Мы продолжали писать. Въ 12 часовъ прозвонилъ колоколъ. Въ нашей комнатѣ вскорѣ же сошлись Васильевъ и Лосевъ съ одной, а маленькаго роста старенькій генералъ—съ другой стороны. Онъ намъ кивнулъ головою, а съ Васильевымъ, Лосевымъ и Никитинымъ — поздоровался за руку и о чемъ-то поговорилъ. Васильевъ вызвалъ меня съ моимъ почеркомъ на средину комнаты къ генералу.

— Пишетъ онъ довольно красиво,—обрадовалъ меня генералъ, но ростомъ, ахъ ростомъ не великъ и показывать его директору, право, нельзя: велитъ отослать его назадъ подрости...

— Произведемъ его, по бывшимъ примѣрамъ, въ управленіе вами, Дмитрій Петровичъ, департаментомъ.

— Разумѣется, а покамѣстъ служи, братецъ, усердно, веди себя добропорядочно и памятуй, что начальство о тебѣ позаботится.

Онъ прошелъ со всѣми тремя въ свой кабинетъ.

Во второмъ часу колоколъ рѣзко прозвонилъ два раза. Всѣ начали охорашиваться, а трое, малаго роста писарей, быстро удали-

лись; за ними, по совѣту Воронкова, послѣдовалъ и я, чтобы директоръ меня не увидалъ. Въ сортирѣ столпилось насъ 30—40 писарей, рядовыхъ и кантонистовъ, скрывавшихся отъ директора, который, какъ я потомъ дознался, самъ былъ громаднаго роста, но малыхъ не производилъ ни въ писаря, ни въ чиновники, не принималъ даже чиновниковъ на службу въ департаментъ. Когда ему представлялись разные люди, одобрялъ большихъ, а остальнымъ приказывалъ „подрости". Такъ какъ никакіе резоны на него не дѣйствовали, то производили и опредѣляли во время его отлучекъ въ управленіе департаментомъ вице-директора, маленькаго Данилова, котораго онъ тоже презиралъ за его ростъ, но терпѣлъ за дѣловитость, ибо самъ плохо понималъ и говорилъ по-русски, поэтому его легко дурачили. Обходилъ онъ департаментъ для наблюденія за чистотою, обмундировкою писарей, всѣ ли чиновники въ формѣ и не пахнетъ ли гдѣ табакомъ: курить всѣмъ въ зданіи строжайше воспрещалось. Чрезъ часъ сторожъ оповѣстилъ насъ, что директоръ ушелъ, и мы вернулись къ своимъ занятіямъ.

Въ 3 часа, по звону въ колоколъ, мы отправились фронтомъ же домой, прямо обѣдать, а выходя изъ столовой, Воронковъ подалъ фельдфебелю записку за подписью Лосева о разрѣшенныхъ намъ Васильевымъ ежедневныхъ отлучкахъ до 10—11 часовъ вечера. Мы вышли на улицу. Мимо директорскаго дома прошли безъ шапокъ, которыя снимали предъ всѣми, встрѣчавшимися офицерами, затѣмъ, бродя въ разныя стороны, я узналъ отъ Воронкова, что ни въ Лѣтній садъ, ни въ Александровскій театръ, ни въ Публичную библіотеку, ни въ Академію Художествъ, ни даже въ трактиры на чистую половину писарей, какъ нижнихъ чиновъ, не пускали... Мы удовольствовались прогулкою по Александровскому парку и усталые вернулись домой и легли спать....

Со всѣмъ пыломъ юности предался я службѣ, вникалъ во все, что говорилось и происходило вокругъ меня, при чемъ постепенно узналъ, къ удивленію моему, многое, чего никакъ не подозрѣвалъ. Такъ, почти всѣ высшіе, средніе и низшіе чиновники и писаря издѣвались, втихомолку, надъ директоромъ генералъ-лейтенантомъ барономъ Пиларомъ фонъ-Пильхау, за его дурачества, а онѣ выходили изъ всякихъ границъ: подававшіяся, напр., ему къ подписи бумаги онъ тщательно разсматривалъ на свѣтъ и, если находилъ подскобки— рвалъ, считая ихъ подложными, не разборчивыя, съ росчерками подписи на рапортахъ, получавшихся отъ подчиненныхъ ему учрежденій и лицъ—онъ терпѣть не могъ и взыскивалъ за это съ виновныхъ. Напр., увидавъ такую скрѣпу на рапортѣ — онъ приказалъ вызвать къ нему изъ Чугуева, по эстафетѣ, подписавшагося адъютанта воен-

наго поселенія и, когда предъ нимъ предсталъ бравый, высокій капитанъ-нѣмецъ,—онъ смягчился, распекъ его по-нѣмецки, но все таки принудилъ уѣхать домой за 2.000 верстъ за его счетъ. Резолюціи писалъ онъ на бумагахъ только: „по закону“, „къ дѣлу“ и „читалъ“. Это возмущало просителей, и иные крупные подрядчики вступали съ нимъ, изъ-за лаконическаго содержанія резолюцій, въ препирательства, кончавшіяся всегда, впрочемъ, тѣмъ, что ихъ выгоняли изъ пріемной. Однажды фельдъегерь привезъ ему отъ военнаго министра нужный запросъ. Онъ написалъ на немъ „къ дѣлу“, позвалъ дежурнаго чиновника, приказалъ ему найти дѣло, котораго запросъ касался, вшить въ него бумагу и принести къ нему дѣло. Чиновникъ тщетно докладывалъ ему о необходимости отвѣта, но онъ настоялъ на своемъ, получилъ дѣло и оставилъ его у себя. Ночью фельдъегерь пріѣхалъ за отвѣтомъ и, узнавъ отъ чиновника о происшедшемъ—отправился къ директору и съ трудомъ убѣдилъ его по-нѣмецки, что министръ ждетъ отвѣта. Онъ отдалъ дѣло, фельдъегерь съѣздилъ къ Данилову и Васильеву, они пріѣхали въ департаментъ, сочинили отвѣтъ, онъ подписалъ, и фельдъегерь увезъ его уже подъ утро. Хотя Даниловъ, Васильевъ и другіе чиновники были дѣльные, опытные начальники, но справиться съ упрямымъ директоромъ никакъ не могли, особенно, если дѣло касалось нарушенія дисциплины — онъ былъ неумолимъ, а этимъ пользовался экзекуторъ, по докладамъ котораго директоръ приказывалъ драть и ссылать въ гарнизонъ писарей за ношеніе брюкъ безъ кантовъ, за позднее возвращеніе домой, за ночлегъ внѣ дома, безъ разрѣшенія, за игру въ карты, буйство на улицѣ, грубость фельдфебелю, обруганіе даже будочника. Оттого хоть разъ провинившіеся въ чемъ-либо писаря,—а такихъ было большинство,—постоянно трепетали за цѣлость своихъ тѣлъ и галуновъ.

Положеніе подобныхъ мнѣ прикомандированныхъ рядовыхъ и кантонистовъ вообще было также пресквериое: по тѣснотѣ помѣщенія и неимѣнію средствъ на покупку собственныхъ кроватей и принадлежностей, они спали: въ комнатахъ—на полу, въ столовой—на скамейкахъ и въ департаментѣ—на сдвинутыхъ стульяхъ, да прислуживали писарямъ за стаканъ чая; кантонисты же, не получая ничего — поневолѣ ходили обтрепанными, въ грязномъ бѣльѣ, отъ нечисти заболѣвали и умирали въ госпиталѣ безъ чьего-либо сожалѣнія...

Писарямъ, отличавшимся примѣрнымъ усердіемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ въ праздничные и будничные вечера — послѣ раздачи жалованья жутко доставалось дома: пьянство и буянство происходили въ самыхъ широкихъ размѣрахъ далеко за полночь и ихъ преднамѣренно раздражали и вовлекали въ скандалы, чтобы портить

ихъ репутаціи; самые же скандалы устраивали преимущественно замѣченные неоднократно въ дурныхъ поступкахъ, по пословицѣ „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“. Департаментское военное и гражданское начальство (кромѣ чиновниковъ были штабъ и оберъ-офицеры), за исключеніемъ правителя канцеляріи и секретаря, въ образъ жизни и дѣйствій писарей внѣ департамента не вмѣшивалось, сколько по равнодушію къ низшимъ своимъ подчиненнымъ, столько же, если еще не больше потому, что вслѣдствіе тупости и дурачества директора—всячески открыто старалось наживаться отъ начальства подвѣдомственныхъ, кажется, 10 разныхъ казачьихъ войскъ, да 30 окружныхъ, военныхъ поселеній, пѣхотныхъ солдатъ, мастеровыхъ командъ, учебныхъ полковъ, баталіоновъ кантонистовъ, строительныхъ управленій и проч., и проч. Словомъ, каждое изъ 10 отдѣленій представляло доходное мѣсто. Глядя на начальство, и смышленые, ловкіе писаря обрабатывали маленькія уже дѣлишки, напр., сообщали: подрядчикамъ—секретныя цѣны поставокъ, офицерамъ—о наградахъ, переводахъ, какъ увернуться отъ взысканій, кого подкупить изъ начальства и т. д. Хотя оно нерѣдко и само подсылало писарей къ заинтересованнымъ въ крупныхъ дѣлахъ, чтобы шли къ нему съ взятками, но когда иные писаря, случалось, попадали впросакъ, тогда начальство само же возбуждало противъ нихъ преслѣдованіе, и они подвергались наказаніямъ розгами, разжалованію и ссылкѣ въ дальніе гарнизоны.

Безалаберный бытъ писарей претилъ мнѣ, а департаментскіе порядки изумляли меня, но, помня пословицу—„всякъ сверчокъ—знай свой шестокъ,“—я, изъ самосохраненія, велъ себя чрезвычайно осторожно, трудился неутомимо, столь быстро и удачно перенялъ считавшійся лучшимъ почеркъ Воронкова, что не разъ спѣшные, объемистые доклады переписывали мы вдвоемъ, и начальство не могло отличить, гдѣ кто изъ насъ кончилъ и кто началъ, хотя мы это дѣлали иногда среди страницы. За это стараніе и поведеніе произвели меня, не въ примѣръ другимъ, черезъ 7 мѣсяцевъ по прибытіи изъ полка, въ писаря 3 класса (7 февраля 1857 г.) Производство это, обыкновенно дававшееся черезъ 2—3 г., сильно взбудоражило сослуживцевъ, изъ которыхъ многіе изрядно омрачили мою радость незаслуженными упреками и бранью... Я надѣлъ галуны, сверхъ всякаго ожиданія, едва достигнувъ 18 лѣтъ. Крестный поздравилъ меня 25 руб. и длиннымъ письмомъ, какъ слѣдовало самостоятельно жить на свѣтѣ. Мнѣ отвели освободившееся послѣ умершаго писаря мѣсто для кровати, я купилъ себѣ ее, принадлежности къ ней, писарскую форму и сталъ, такъ сказать, на собственныя ноги.

Формально писарямъ многократно запрещалось заниматься какою-либо частною перепиской, но съ дозволенія начальниковъ отдѣленій,

смѣлыхъ столоначальниковъ и даже самовольно большинство писарей вечерними досугами занималось въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ лицъ запретною перепискою, да и у себя дома дѣлали то же самое. Лосевъ часто рекомендовалъ Воронкова на эту же самую работу, которую мы выполняли вдвоемъ, а плату за нее расходовали на совмѣстныя наши мелкія нужды безъ всякаго противорѣчія другъ другу: мы вели дружбу неразрывную и охотно во всемъ соглашались между собою, такъ что деньги у насъ, людей скромныхъ, аккуратныхъ, постоянно водились. И вотъ на второй день масляницы мы, прогуливаясь по улицамъ, случайно очутились въ сумеркахъ возлѣ Александровскаго театра, гдѣ какой-то человѣкъ присталъ къ намъ съ предложеніемъ билетовъ на спектакль, а на наше заявленіе, что опасаемся запрета ходить въ театръ,—увѣрялъ насъ, что запрета не придерживаются и клялся намъ, что никакое начальство насъ не увидитъ. Поколебавшись, мы купили у него два билета по 50 коп., набожно перекрестились, пробрались, съ оглядками, въ театръ на свои мѣста и благополучно прослушали музыку и часть „Гамлета". Вдругъ, когда онъ съ грустію проговорилъ Офеліи:

О, еслибъ... Ахъ, Офелія. О, ангелъ,
Въ своей молитвѣ чистой помяни
Мои страшные грѣхи...

кто-то силою дернулъ насъ сразу за шиворотъ... Мы оглянулись и обмерли отъ страха... Жандармъ вывелъ насъ, растерявшихся, въ корридоръ, провелъ по нему, впустилъ въ темную каморку, заперъ ее снаружи и исчезъ... Очнувшись, мы чрезъ щели разглядѣли человѣка и взмолились объ освобожденіи насъ изъ заключенія. Онъ запросилъ за это 5 р. Мы предложили ему всѣ деньги, какія при насъ были. Онъ, старикъ-капельдинеръ, отперъ дверь, вошелъ къ намъ, заперъ ее снаружи, обшарилъ всѣ наши карманы, набралъ изъ нихъ помню 3 р. 40 к., отперъ дверь и произнесъ: „бѣгите прямо внизъ по лѣстницѣ". Мы вылетѣли стрѣлою на улицу, перевели духъ и почти бѣгомъ благополучно добрались домой, а тамъ рѣшили скрыть отъ всѣхъ случившееся и о существованіи театра—разъ навсегда забыть.

Переписку носилъ намъ очень часто старикъ, отставной майоръ Великопольскій, разсказывавшій намъ, что въ молодости служилъ въ Семеновскомъ полку, а послѣ его раскассированія (въ 1820 годахъ) за бунтъ, вышелъ въ отставку, хозяйничалъ въ своемъ имѣніи и разорился, вслѣдствіе отказа ему вольноэкономическимъ обществомъ въ привилегіи на изобрѣтенный имъ способъ выдѣлки льна изъ волокнистыхъ растеній. Объ этомъ дѣлѣ онъ составлялъ и подавалъ безчисленное множество прошеній, записокъ, жалобъ всѣмъ властямъ,

а въ промежуткахъ сочинялъ стихи, комедіи и водевили, которые мы тоже переписывали. Онъ хвастался намъ также бывшимъ своимъ знакомствомъ съ знаменитыми поэтами: Рылѣевымъ, кн. Одоевскимъ, Пушкинымъ и другими, о которыхъ мы тогда и не слыхивали.

Послѣ крымской войны въ Петербургѣ появилось множество героевъ, украшенныхъ разными регаліями, и съ ними всѣ старались сводить знакомство, дружбу. Такъ поступилъ и Великопольскій съ однимъ молодымъ офицеромъ, проживавшимъ въ гостиницѣ рядомъ съ нимъ, а когда офицеру понадобился переписчикъ—свелъ съ нимъ Воронкова. Молодой совсѣмъ офицеръ съ капитанскими эполетами, аксельбантомъ, Георгіемъ въ петлицѣ, крестами на груди, сказалъ Воронкову, что онъ адъютантъ какого-то Штаба, долженъ получить изъ коммиссаріата 1000 руб. и предложилъ ему переписать удостовѣреніе на бланкѣ Штаба. Воронковъ это сдѣлалъ, получилъ отъ него рубль, ушелъ и забылъ о немъ. Прошло довольно долго. Вдругъ обнаружилось, что офицеръ, пересрочившій отпускъ, прапорщикъ Тимковскій, по добытому гдѣ-то бланку и фальшивымъ подписямъ и печати получилъ 1000 руб., за что очутился подъ судомъ ордонансъгауза, а, онъ, по наведеннымъ справкамъ и отличительному почерку, призналъ Воронкова соучастникомъ Тимковскаго, и потому ордонансъгаузъ [1]) потребовалъ его къ себѣ подъ арестъ. Васильевъ и Лосевъ бумагою отъ департамента возразили, что Воронковъ только свидѣтель, почему и послали его къ допросу съ депутатомъ департаментскимъ оберъ-аудиторомъ Абрамовымъ, а по возвращеніи ихъ оттуда Васильевъ, Лосевъ и Абрамовъ долго совѣщались, отправили вторую бумагу, что о запрещеніи заниматься частною перепиской Воронкову не объявлялось и онъ не зналъ, но все-таки арестованъ при департаментѣ, гдѣ ему и велѣно было остаться на жительство въ канцеляріи.

Въ то же время всѣмъ писарямъ строго воспретили заниматься частною перепиской и отлучаться со двора дольше 9 часовъ вечера. Запретъ этотъ возмутилъ писарей, и они:—съ одной стороны, дознавшись, что онъ послѣдовалъ якобы по винѣ Воронкова—яростно упрекали насъ обоихъ, а съ другой стороны—обозлившись на экзекутора Макарова за то, что тщательно слѣдилъ, чтобы никто ничего дома не писалъ и къ 9 вечера всѣ были налицо (за неисполненіе распекалъ, сажалъ въ карцеръ, а иныхъ дралъ), съ азартомъ слали чуть не ежедневно доносы военному министру на Макарова, обвиняя его въ самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ и добились увольненія его въ отставку, какъ разъ ко времени освобожденія Ворон-

---

[1]) Нынѣ комендантское управленіе.

кова изъ-подъ ареста, по разрѣшенію Васильева, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ 5 разъ посылавшаго Абрамова въ ордонансъ-гаузъ освѣдомиться о положеніи дѣла.

Въ экзекуторы поступилъ изъ учебнаго полка майоръ Пайкуль, великанъ, нѣмецъ и ревностный поборникъ дисциплины. И вотъ онъ за грубость сторожа такъ сильно ударилъ его кулакомъ по виску, что тотъ упалъ и померъ. Живо пущены были доносы на него военному министру, но онъ, узнавъ это, созвалъ въ свою квартиру старшихъ писарей, обласкалъ ихъ и просилъ защитить его при дознаніи. Они потребовали возстановленія прежнихъ льготъ относительно частной переписки и хожденія со двора. Онъ согласился, и его обѣлили, а за это онъ честно сдержалъ свое обѣщаніе, и всѣ умиротворились. Даже злѣйшему своему врагу Макарову простили его прегрѣшенія. Онъ, отставнымъ, — совсѣмъ уже спился и повадился ходить въ гости къ писарямъ, которые дружелюбно его принимали, почти постоянно содержали на всемъ готовомъ, а когда онъ отъ сильной простуды расхворался—въ госпиталь носили ему папиросы, булки и мелкія деньги, а умершаго—схоронили въ складчину.

На другой день похоронъ Макарова весь департаментъ, помню, всполошился: начальниковъ отдѣленій: проектовъ и смѣтъ—полковника Павловскаго и строительнаго — подполковника До-Витте (оба были инженеры), столоначальника,--кол. сов. Бочковскаго, нѣсколько другихъ еще чиновниковъ и писарей внезапно арестовали, а какіе-то посторонніе военные и статскіе цѣлый день рылись въ дѣлахъ названныхъ отдѣленій и общаго присутствія департамента, да забрали многія дѣла съ собою. Происшествіе это перепугало почти всѣхъ, отчего прочіе начальники отдѣленій и столоначальники нѣсколько дней сряду тщательно приводили въ порядокъ свои дѣла, разбирали бумаги, рвали и жгли ихъ, да переговаривались между собою, а директоръ Пилларъ бѣгалъ по департаменту, точно угорѣлый, и не обращалъ уже никакого вниманія ни на чистоту, ни на ростъ офицеровъ, чиновниковъ и писарей, а только спорилъ и кричалъ съ другимъ вице-директоромъ, инженеромъ и генераломъ Рербергомъ, завѣдывавшимъ отдѣленіями, начальство которыхъ провинилось.

Внимательно вслушиваясь въ разговоры, я тогда же и впослѣдствіи узналъ, что послѣ окончательнаго замиренія по настоянію, какъ увѣряли, бывшаго начальника штаба крымской арміи, свитскаго генерала князя Викт. Иллар. Васильчикова, образована была, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Пав. Алексѣев. Тучкова, особая слѣдственная коммиссія для разбора злоупотребленій крымской арміи. Коммиссія эта, разслѣдовавъ въ Крыму все, что тамъ происходило, по провіантской, коммиссаріатской, госпитальной и про-

чимъ частямъ, переселилась въ Петербургъ и, по обнаруженнымъ въ разныхъ мѣстахъ слѣдамъ, убѣдилась, что по нашему департаменту подрядчики, по стачкамъ съ его воротилами, получили сотни тысячъ за бараки, которыхъ не строили, за матеріалы, которыхъ не заготовляли, или доставили лишь часть, такъ что прикосновенными оказались, кромѣ прямо обвинявшихся арестованныхъ, генералъ Рербергъ, члены общаго присутствія, его дѣлопроизводитель, ст. сов. Бемъ, да и самъ директоръ Пилларъ, въ сущности, за свое непониманіе того, что подписывалъ, но, какъ самолюбивый и гордый нѣмецъ, онъ изъ себя выходилъ за причиненное ему огорченіе и грозившую отвѣтственность.

Опасеніе Пиллара усилилось еще потому, что покровительствовавшій ему военный министръ, генералъ-адъютантъ князь Вас. Андр. Долгоруковъ былъ уже шефомъ жандармовъ и главнымъ начальникомъ III-го отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, а военнымъ министромъ — генералъ - отъ - артиллеріи Никол. Онуфр. Сухозанетъ, который не возлюбилъ его съ перваго же знакомства съ нимъ, требовалъ, чтобы докладывалъ ему обстоятельно, по-русски, а какъ онъ не могъ, то говорилъ ему колкости, въ родѣ того, что директоръ русскаго департамента долженъ быть русскій и т. под.

Въ то же время приблизилась свадьба сына Пиллара на дочери генералъ-адъютанта графа Клейнмихеля. По этому поводу понадобилось письмо отъ Пиллара къ оберъ-полицій́мейстеру, генералу Галахову, чтобы онъ былъ въ церкви на бракосочетаніи, куда ожидались высочайшія особы. Письмо это изъ одного слова Лосевъ передѣлывалъ разъ 15-ть; Пилларъ не допускалъ: „пожаловать“, ибо жалуетъ только государь; „присутствовать“—забраковалъ онъ, такъ какъ присутствуютъ лишь въ департаментѣ; „прибыть“—отвергалъ онъ потому, что бить Галахова не смѣлъ; „пріѣхать“ — не хотѣлъ онъ оттого, что для него было безразлично, пріѣдетъ, или придетъ Галаховъ; „явиться“—считалъ онъ приказаніемъ, а приказывать Галахову не имѣлъ права. Короче, Лосевъ истощилъ все свое терпѣніе и краснорѣчіе на переводъ Пиллару по-нѣмецки роковаго слова (онъ хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ), но угодить не могъ. Между тѣмъ Сухозанетъ чаще сталъ звать къ себѣ Данилова, а Пиллара настойчиво выживалъ. Это случилось въ бытность государя въ Варшавѣ, а кн. Долгорукова—при немъ. Пилларъ приказалъ Лосеву составить прошеніе объ отставкѣ и письмо къ князю Долгорукову, а подписавъ обѣ бумаги, велѣлъ отослать письмо тотчасъ же, а прошеніе министру—чрезъ пять дней спустя, но весь департаментъ желалъ избавиться отъ Пиллара, и потому Лосевъ, которому онъ больше

всѣхъ довѣрялъ и надоѣлъ, поступилъ наоборотъ. Прошло недѣли двѣ, и въ департаментѣ вдругъ къ всеобщей радости получился печатный приказъ объ отставкѣ Пиллара, а въ тотъ же день самъ онъ, весь багровый, просто вбѣжалъ въ канцелярію, приблизился къ стоявшему среди комнаты Лосеву и, тыкая пальцемъ правой руки въ находившуюся въ лѣвой его рукѣ бумагу, кричалъ, что Лосевъ обманулъ его, отправивъ прежде прошеніе, а потомъ письмо, на которое Долгоруковъ отвѣтилъ ему, что за позднимъ его полученіемъ не могъ оказать ему никакой поддержки. Лосевъ, спокойно прослушавъ крикъ Пиллара, громко предложилъ ему, какъ отставному, удалиться изъ присутствія департамента. Пилларъ плюнулъ и съ дикимъ смѣхомъ быстро ушелъ.

Директоромъ поступилъ 30-го августа 1856 г. пожилой, симпатичный на видъ, генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Веригинъ [1]). Онъ живо вникъ во все и, между прочимъ, въ бытъ писарей, которыхъ почти сразу облегчилъ разрѣшеніемъ: являться въ департаментъ и уходить изъ него не къ 9-ти, а къ 10-ти утра и не фронтомъ, а группами; проходя мимо его дома, шапокъ не снимать; за столами сидѣть въ разстегнутыхъ сюртукахъ; со двора отлучаться до полуночи, частною перепискою заниматься, а стѣснять только отличавшихся дурнымъ поведеніемъ, но и ихъ запретилъ онъ наказывать тѣлесно, разжаловать и ссылать въ гарнизонъ. Перечисленныя льготы вызвали въ писаряхъ глубокое уваженіе къ директору, породили въ нихъ сознаніе необходимости вести себя пристойно, духъ товарищеской пріязни и быстро уменьшили проступки и скандалы, отъ которыхъ ревностно воздерживали другъ друга. Среди ликованій за льготы мы и не замѣтили, что Даниловъ тоже вышелъ въ отставку. Онъ обидѣлся, что его обошли директорствомъ, послѣ пробытія его вице-директоромъ лѣтъ 20-ть и считалъ особенною своею заслугою то, что, будучи 16-ти-лѣтнимъ артиллерійскимъ прапорщикомъ, произвелъ изъ пушки первый выстрѣлъ въ отечественную войну въ Бородинскомъ сраженіи. Вмѣсто него прибылъ, служившій въ резервной кавалеріи начальникомъ штаба, пожилой генералъ-майоръ Эрастъ Константиновичъ Длотовскій. Вошелъ онъ впервые въ канцелярію департамента въ сопровожденіи экзекутора, майора Пайкуля, и увидалъ, что мы хотя встали, но разстегнутые.

— Это что за безобразіе? — крикнулъ онъ. — За это вы, маіоръ, съ завтрашняго дня — на гауптвахту на трое сутокъ, а ихъ — сегодня же всѣхъ передрать.

---

[1]) Умеръ членомъ Государственнаго Совѣта, генераломъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантомъ, 21 декабря 1891 г.

Пайкуль почтительно доложилъ ему, что директоръ разрѣшилъ намъ заниматься разстегнутыми.

— Вздоръ, такого разрѣшенія быть не могло. За это важное нарушеніе дисциплины, сквозь строй гоняютъ. Всегда всѣмъ быть застегнутыми; васъ, маіоръ, заморю на гауптвахтѣ, уволю, а ихъ буду пор-роть, разжаловать.

Пайкуль убѣдительно просилъ его испросить разрѣшеніе директора на отмѣну его распоряженій.

— Не разсуждать, а дѣлать то, что я приказываю. Я всѣхъ под-тяну.

Онъ прошелъ въ свой кабинетъ, а Пайкуль къ Васильеву съ докладомъ о случившемся. Немного погодя, Длотовскій вышелъ въ нашу комнату и увидѣлъ насъ уже застегнутыми, а сидѣвшій близъ дверей Никитинъ всталъ и поклонился ему.

— Эй, ты, налей-ка мнѣ чернилъ,—приказалъ онъ ему.—Въ чернильницѣ одна гуща, лѣнтяй этакій.

— Чернила наливаютъ сторожа, а я надворный совѣтникъ, — отвѣтилъ Никитинъ, такъ будьте, ваше превосходительство, деликатны.

— Надворный, да еще совѣтникъ? Ну, и совѣтуйте на дворѣ! Жаль, надворныхъ совѣтниковъ не дерутъ, а то я бы велѣлъ отсчитать горячихъ за дерзкій мнѣ отвѣтъ. На гауптвахту!

— Я отправлюсь туда только тогда, когда директоръ мнѣ это прикажетъ: я подчиненъ лишь ему и самъ пожалуюсь на ваше обхожденіе со мною.

— Мол-чать! Я изъ васъ выгоню духъ неповиновенія,—гаркнулъ онъ, топнувъ ногой.—Дисциплина!..

Изъ смежной комнаты выскочилъ въ статскомъ платьѣ Лосевъ.

— Кто такой этотъ длинноволосый стрикулистъ?

— Я секретарь канцеляріи департамента, коллежскій ассесоръ Лосевъ, а не стрикулистъ, и за это названіе, какъ дворянинъ, попрошу извѣстнаго удовлетворенія вашего превосходительства.

— Я, вице-директоръ, вашъ начальникъ, посажу васъ на гауптвахту за появленіе не въ формѣ.

— Ваша власть на меня не распространяется, и я вашего распоряженія не исполню, а за оскорбленіе меня подамъ на васъ рапортъ.

— Тотъ не подчиненъ, другой не подчиненъ!.. все это выдумки, и я всѣхъ васъ заставлю слушаться меня, заставлю!..

На сцену плавно выступилъ Васильевъ и деликатно просилъ Длотовскаго умѣрить тонъ и успокоиться.

— Вы еще что за персона?—озадачилъ онъ Васильева.

— Я правитель канцеляріи департамента, ст. сов. Васильевъ, покорнѣйше прошу васъ не смущать служащихъ въ моей канцеляріи, а вѣдаться со мною.

— Не желаю, да и не о чемъ мнѣ съ вами говорить.

Онъ вернулся въ кабинетъ и захлопнулъ за собою дверь, а потомъ послалъ курьера за начальникомъ отдѣленія Чернявскимъ, который вскорѣ же пришелъ къ нему. Мы навострили уши.

— Докладывайте мнѣ, — донесся до насъ громкій голосъ Длотовскаго.

— Позвольте мнѣ прежде сѣсть, — сказалъ Чернявскій.

— Подчиненный долженъ стоять предъ начальникомъ.

— Военный во фронтѣ — да, а я, статскій совѣтникъ, докладываю директору и даже военному министру сидя; по ордену же св. Владиміра, что у меня, какъ видите, на шеѣ, имѣю право на стулъ и въ Сенатѣ. Такъ угодно вамъ, чтобы я докладывалъ сидя?

— Нѣтъ и нѣтъ: это противъ дисциплины.

— Въ такомъ случаѣ прощайте: я ухожу.

И онъ ушелъ съ бумагами въ свое отдѣленіе. За нимъ слѣдомъ выдержали съ Длотовскимъ такія же столкновенія начальники отдѣленій: ст. сов. Безверховъ и надв. сов. Нельговскій. Всѣ обиженные пожаловались Веригину, а онъ созвалъ къ себѣ ихъ и Длотовскаго и примирилъ всѣхъ, а Длотовскій [1]) пересталъ являться въ департаментъ недѣли двѣ до составленія и утвержденія инструкціи, какія именно дѣла и лица подлежали его вѣдѣнію и чѣмъ могъ онъ распоряжаться, онъ же, испытавъ въ первый день рядъ неудачъ—ни къ кому болѣе уже не придирался, уразумѣвъ, вѣроятно, что коль скоро не могъ поднять дисциплину, то заботиться о ней не было смысла.

И, дѣйствительно, прежняя суровая система послѣдовательно разрушалась, отчего и ея представители-нѣмцы, напримѣръ, генералъ-лейтенанты, начальники: южныхъ поселеній — фонъ-деръ-Лауницъ, пѣхотныхъ солдатъ — фонъ-деръ-Бриггенъ, фонъ-деръ-Ротъ и другіе были уволены отъ должностей, а общія облегченія начались съ объявленія закона объ увольненіи (по манифесту 26 августа 1856 г.) солдатскихъ сыновей изъ заведеній кантонистовъ къ ихъ отцамъ, матерямъ, родственникамъ и благотворителямъ, а также объ исключеніи изъ военнаго вѣдомства остававшихся еще въ деревняхъ, не взятыхъ въ заведенія мальчиковъ (ихъ къ 1856 г. считалось: въ заведеніяхъ—42.681 и на воспитаніи въ деревняхъ—329.384 чел., а къ 1859 г. осталось въ заведеніяхъ 12.451 чел., такъ какъ остальныхъ исключили изъ принадлежавшихъ къ военному вѣдомству).

---

[1]) Умеръ полнымъ генераломъ и предсѣдателемъ главнаго военнаго суда.

Затѣмъ въ 1857 г. объявили разъяснительный благодѣтельный приказъ, по которому и состоявшіе уже на службѣ нижніе чины, въ томъ числѣ и писаря, происходившіе изъ кантонистовъ и не достигшіе, къ времени обнародованія приказа, совершеннолѣтія, также могли быть освобождены отъ службы по просьбамъ родителей и ближайшихъ родственниковъ для призрѣнія ихъ въ старости. Молодые писаря энергично принялись: во-1-хъ, — переписываться со своими здравствовавшими родителями и родственниками о скорѣйшемъ начатіи дѣлъ, во-2-хъ, не имѣвшіе настоящихъ — подыскиваніемъ и пріобрѣтеніемъ фиктивныхъ родственниковъ, для подачи за 3—5 руб. готовыхъ, отъ ихъ имени, прошеній объ увольненіи жаждавшихъ свободы; въ-3-хъ, рыться въ архивныхъ формулярахъ и дѣлать ихъ соотвѣтственными приказу, т. е. чтобы совершеннолѣтія не выходило и въ-4-хъ, сноситься съ бывшими товарищами по полковымъ и баталіоннымъ „живодернямъ“ о присылкѣ подходящихъ справокъ. Словомъ, фабрикація документовъ и просителей производилась самая азартная, открытая, благо начальство смотрѣло на это не только равнодушно, но даже одобрительно: освѣдомившись о предстоявшемъ упраздненіи самаго департамента, оно желало: отъ дурныхъ подчиненныхъ—избавиться, а хорошимъ—лучшаго будущаго, по этому писаря увольнялись ежедневно десятками. Глядя на другихъ, и Воронковъ попросился на волю, ради избѣжанія дурныхъ послѣдствій за писаніе Тимковскому. Васильевъ послалъ Абрамова въ ордонансъгаузъ, дознаться о положеніи дѣла и когда онъ принесъ отвѣтъ, что тамъ предположили разжаловать Воронкова въ рядовые и сослать въ гарнизонъ,—въ одинъ день оформили его увольненіе въ податное состояніе, и онъ тогда же уѣхалъ съ откупщикомъ Закревскимъ въ Пермскую губернію (всѣхъ уволенныхъ кантонистовъ, рядовыхъ и писарей къ 1859 г. набралось 378.000 чел.).

Правда, я тоже могъ получить свободу, но, по робости своей, не рѣшился показывать дважды уже передѣланный свой формуляръ. Впрочемъ, съ этого времени положеніе писарей значительно улучшилось; вечернія повѣрки прекратились, въ проступки впадали все рѣже, да и тѣ карались только выговорами, дежурствами внѣ очереди, вечернею работою въ департаментѣ и рѣдко — кратковременными арестами въ карцерѣ, отчего экзекуторъ и фельдфебель почти бездѣйствовали. Прежнія оргіи замѣнились приличными развлеченіями съ появившимися къ намъ изъ магазиновъ мастерицами и ученицами, съ которыми писаря подъ гитару учились танцовать, пѣли пѣсни, романсы, гуляли по Александровскому парку, Елагиному острову и другимъ отдаленнымъ мѣстамъ; для поддержанія предъ ними своей репутаціи водворили у себя опрятность, деликатность и отъ празд-

ника до праздника нетерпѣливо ихъ ждали, а когда приходили — угощали, ревновали и отбивали ихъ другъ отъ друга; смѣльчаки, располагавшіе деньжонками, — обзаводились даже партикулярнымъ платьемъ, чтобы, гуляя по улицамъ со своими дамами, не снимать шапокъ предъ всѣми офицерами. Короче, жизнь наша приняла совсѣмъ новое, дотолѣ неслыханное, направленіе.

Такъ прошли лѣто и осень, а въ началѣ зимы вдругъ огласилось, что фельдфебелямъ сапернаго баталіона начальствомъ разрѣшено устраивать въ казармахъ, по воскресеньямъ, танцовальные вечера съ музыкою, съ платою за входъ по двадцати копѣекъ съ кавалера и его дамы. И въ нервое же воскресенье къ 7-ми часамъ вечера наши комнаты опустѣли: почти всѣ писаря группами съ дамами и безъ нихъ отправились на вечеринку. Пошелъ туда и я, изъ любопытства. Въ дверяхъ длиннѣйшаго корридора, заплативъ 20 копѣекъ, я разглядѣлъ, что корридоръ тускло освѣщенъ сальными свѣчами, воткнутыми въ ружейные штыки, привязанные къ деревяннымъ обручамъ, прикрѣпленнымъ къ потолку веревочками, за вбитые гвозди, на манеръ люстръ, по стѣнамъ въ пирамидахъ красовались ружья и каски, а подъ ними стояли деревянныя, для сидѣнья, скамейки, по серединѣ корридора, около стола, играли музыканты, а по всему корридору паръ двѣсти, въ самыхъ разнокалиберныхъ нарядахъ, формахъ и костюмахъ, съ увлеченіемъ танцовали кадриль, отъ тѣсноты сбивались, хохотали, подпѣвали, бранились, прыгали, шаркали и топали ногами. Надъ головами танцовавшихъ стояло синее облако пыли и дыма; многіе курили папиросы и трубки. Музыканты заиграли галопъ и всѣ вихремъ понеслись по корридору, съ азартомъ толкая и сшибая съ ногъ другъ друга, падавшіе ушибались, вскрикивали, вскакивали и неслись дальше, несмотря на струившійся съ ихъ лицъ потъ, прямо на морозъ прохладиться въ однихъ сюртукахъ, платьяхъ, съ открытыми головами и шеями. Въ антрактахъ по корридору чинно прохаживались гуськомъ, парами, ревностно искали знакомыхъ, свободныхъ для сидѣнья мѣстъ, оторванныя пуговицы, куски платьевъ и главное буфетъ, гдѣ усердно угощались самыми дешевыми выпивками, закусками и прохладительными. Не поддѣльная веселость и влеченіе свѣтились на лицахъ огромнаго большинства участвовавшихъ и глазѣвшихъ писарей, лакеевъ, ремесленниковъ и ихъ дамъ. Изъ танцовавшихъ нѣкоторые, проскользнувъ безплатно, оставались въ верхней одеждѣ, успѣвали подвыпить, придирались къ своимъ дамамъ, заводили шумъ, перебранку. Распорядители-фельдфебеля, собравъ деньги, для уменьшенія гостей, заставили раздѣтыхъ солдатъ проносить въ ушатахъ воду и плескать ее на полъ, но танцы продолжались и по лужамъ, мокротѣ, даже еще

оживленнѣе. Видя, что это не дѣйствуетъ, солдаты насыпали по полу нюхательнаго табаку, отчего началось всеобщее чиханье, которое тоже, однако, не мѣшало танцорамъ. Тогда, около 12 ч. ночи, вдругъ начали гасить огни. Всѣ кинулись за верхнимъ платьемъ. торопливо одѣвались, выходили во дворъ, комками снѣга промывали глаза и лицо отъ пыли, копоти и табаку, потомъ также довольные, веселые провожали во-свояси своихъ дамъ и вернулись домой, иные лишь утромъ. Описанныя казарменныя вечеринки сдѣлались лучшимъ постояннымъ праздничнымъ развлеченіемъ писарей всего Петербурга, какъ самымъ удобнымъ мѣстомъ для пріобрѣтенія привязанностей и даже женъ, въ лицѣ ловкихъ горничныхъ вліятельныхъ начальниковъ, по ходатайствамъ которыхъ ихъ мужей потомъ производили, случалось, и въ чиновники.

Стремясь разсѣяться отъ томившей меня, на досугѣ, скуки и имѣть хоть крошечныя средства на свои скромныя нужды, я, по рекомендаціи сослуживцевъ, поступилъ заниматься въ кварталъ съ 7 до 10 утра и съ 6 до 12 ночи за 6 руб. въ мѣсяцъ. Въ кварталѣ вскорѣ же узналъ я, что ни паспортистъ, ни письмоводитель никакого жалованья не получали, а напротивъ сами платили квартальному за право занимать названныя должности по 50—100 руб., да подобнымъ мнѣ 3—4 переписчикамъ по 6—10 руб. въ мѣсяцъ,—все изъ своихъ доходовъ, которые вымогали со всѣхъ рѣшительно за все; напр., чиновникъ, осужденный Сенатомъ въ смирительный домъ, не могъ быть посаженъ собственно потому, что изъ квартала за сто руб. доносили, что онъ тяжко боленъ; купецъ, требовавшійся въ уголовную палату по обвиненію въ поджогѣ, показывался выбывшимъ далеко изъ столицы; настоящими и фальшивыми паспортами торговали совершенно открыто; скрыть отъ кредиторовъ имущество охотно помогали должникамъ, а отъ заключенія въ долговое отдѣленіе—ихъ спасали различными обманными способами; мазурикамъ всячески покровительствовали, а за это они дѣлились крадеными деньгами и вещами; всѣмъ синклитомъ квартальная тля роскошно обѣдала и ужинала въ трактирахъ даромъ; являвшихся за справками—сажали въ кутузку, если отказывались платить; подъ видомъ охраны имущества одинокихъ умершихъ—разграбливали его; судъ и расправу чинили моментально; при чемъ бѣдныхъ колотили и даже драли безъ разбора. Въ комнатахъ утрами и вечерами раздавались слезы, крики и стоны, на которые никто не обращалъ никакого вниманія: къ нимъ всѣ привыкли. Наглядѣвшись на все, что творилось, я содрогался, мнѣ страшно стало, и я, едва выдержавъ мѣсяцъ,—отказался отъ занятій въ кварталѣ, прозванномъ разбойничьимъ вертепомъ, во главѣ котораго стоялъ квартальный.

Отдохнувъ отъ тревожившихъ меня квартальныхъ мерзостей, я, по рекомендаціи Лосева, явился къ богатѣйшему графу А. П. Орлову-Давыдову переписывать какія-то бумаги. Онъ, важный, пожилой баринъ принялъ меня привѣтливо и предварилъ, что обо всемъ, что я буду переписывать и слышать—я долженъ буду сохранять въ величайшей тайнѣ, потому что это касалось возникшаго предположенія объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а это дѣло, дескать, чрезвычайной важности. Я охотно обѣщалъ исполнить его желаніе въ точности. Ходилъ я къ нему вечерами,—когда собиралось у него множество господъ. Они говорили, спорили и составляли разныя записки, которыя я переписывалъ. При сужденіяхъ они часто поминали „Колоколъ", какъ въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, такъ и для устрашенія какихъ-то противниковъ, но что значилъ „Колоколъ"—я тогда не понималъ. За освобожденіе крестьянъ желали: одни—отмѣну тѣлесныхъ наказаній, сокращенія солдатской службы и состава арміи; другіе—гласный судъ, свободу печати; третьи—право вѣровать, кто какъ хочетъ, и даже гражданскій бракъ; четвертые—находили, что по безграмотности большинства Россіи всякая свобода вредна, а крестьянами должны управлять помѣщики. Часто группами гости подходили ко мнѣ, смотрѣли мой почеркъ, хвалили его, потомъ, по разнымъ вопросамъ спрашивали моего мнѣнія. Я отвѣчалъ, какъ могъ, и они отставали отъ меня, но разъ мой отвѣтъ такъ всѣмъ понравился, что нѣсколько человѣкъ надарили мнѣ въ сложности 40 руб., а одинъ изъ нихъ рыженькій, худенькій, въ очкахъ, молодой человѣкъ еще поцѣловалъ меня, въ пылу удовольствія моимъ отвѣтомъ. Подъ конецъ гостей стало убавляться, а изъ приходившихъ роптали на стѣсненія ихъ въ сужденіяхъ и негодовали на властей. Въ послѣдній мой приходъ парадная лѣстница оказалась освѣщенною очень слабо, гостей я уже не нашелъ, а графъ уныло объявилъ мнѣ, что на слѣдующій день уѣзжаетъ за границу, потому мнѣ больше нечего у него дѣлать. Онъ щедро заплатилъ мнѣ за труды и распрощался со мною. Отъ этого занятія я пріобрѣлъ, за 35 вечеровъ, 225 руб.—огромный тогда для меня капиталъ.

Сдѣлавшись внезапно богачемъ, я рѣшился хлопотать объ улучшеніи своего положенія, по примѣру другихъ. Изъ лучшихъ, по почеркамъ, писарей департамента переводили въ 1 и 2 отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи и въ кавказскій и сибирскій комитетъ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ писаря носили щегольскую, чиновничью форму и партикулярное платье, когда ходили со двора; получали они по 200—300 руб. жалованья въ годъ, да постолько же наградныхъ, а если до производства въ классный чинъ, совершали проступки—ихъ, въ видѣ милости, возвращали въ

департаментъ, либо безжалостно ссылали въ гарнизонные батальоны. Въ этомъ отношеніи особенною строгостью отличалось начальство кавказскаго комитета. Я вѣрилъ, что „гдѣ строгость, тамъ и милость", да надѣялся, что не проштрафлюсь. Въ комитетѣ служили двое моихъ знакомыхъ. Я и обратился къ ихъ содѣйствію о переводѣ меня туда, но они прямо отговаривали меня, многократно доказывая мнѣ, что хотя они и одѣвались франтами и имѣли постоянно деньги, но обязывались круглый годъ ежедневно сидѣть въ канцеляріи съ 9-ти утра до обѣда—2-хъ по полудни, потомъ съ 3-хъ до 11-ти вечера и все время каллиграфически выводить буквы, при чемъ ни малѣйшихъ поправокъ въ писаньѣ не допускалось; то, что можно было переписать въ часъ—заставляли ихъ корпѣть 5 часовъ, чтобы занять все ихъ время; въ теченіе ночи по нѣсколько разъ повѣряли: не отлучился ли кто изъ нихъ, точно институтокъ, сторожили ихъ; продовольствовали вмѣстѣ съ начальническими лакеями, кучерами и истопниками, которые получали жалованье изъ суммъ канцеляріи, какъ бы сторожа. Считалось на службѣ въ канцеляріи до 30 чиновниковъ-аристократовъ, но занималось только пять, а остальные хотя и не знали дороги въ канцелярію, но аккуратно являлись съ визитами къ управлявшему дѣлами комитета, государственному секретарю Владиміру Петровичу Буткову и его женѣ и за это получали въ награду чины и ордена, да по заведенному обычаю назначались, по письмамъ Бутковыхъ, прямо вице-губернаторами. Канцеляріею управлялъ правитель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гулькевичъ, на котораго Бутковъ кричалъ, топалъ ногами и ругалъ его, какъ лакея, а онъ отъ него все сносилъ за то, что изъ мелкаго чиновника вывелъ его въ генералы и вполнѣ обезпечилъ, но зато всѣ свои непріятности—онъ вымещалъ на нихъ, писаряхъ, считавшихъ себя каторжными. Около 2-хъ мѣсяцевъ, чуть ли не чрезъ день, ходилъ я къ нимъ вечерами бесѣдовать, присматривался къ ихъ житью-бытью, убѣдился въ справедливости ихъ разсказовъ и самъ раздумалъ проситься къ нимъ служить, не взирая на всю казавшуюся издали блестящую имъ карьеру.

Тѣмъ временемъ опорочившій себя департаментъ раздѣлили на части и передали: строительную—въ инженерный, уголовную — въ аудиторіатскій, строевую—въ инспекторскій департаменты, учебную—въ штабъ военно-учебныхъ заведеній. Для южныхъ поселеній и пахотныхъ солдатъ—образовали распорядительный комитетъ, а для казачьяго сословія—учредили управленіе иррегулярныхъ войскъ, при чемъ въ послѣднее попалъ и я, подъ начальство того же Лосева, принявшаго временно должность секретаря же (1 января 1858 г.). Служить въ управленіи никому почти не хотѣлось, хотя никто, ка-

жется, не могъ объяснить причины. Въ числѣ мечтавшихъ уйти изъ управленія былъ и я. Наслышавшись, что писаря канцеляріи военнаго министерства пользовались свободою и расхваливали свое начальство, я, чрезъ служившаго тамъ бывшаго моего сослуживца по департаменту, заявилъ желаніе перейти туда, почеркъ мой понравился тамъ, а Лосевъ аттестовалъ меня очень хорошо и меня перевели въ законодательное отдѣленіе канцеляріи (18 іюня 1858 г.).

Выгодность службы въ канцеляріи противъ департаментовъ и управленія заключалась въ томъ, что писарямъ за обязательныя ихъ занятія во всѣ праздники полагалось жалованья 50 р. и наградныхъ отъ 50 до 150 руб. въ годъ, тогда какъ въ департаментахъ получали наивысшее жалованье 33 руб., а наградныхъ 50 руб. въ годъ, зато всѣ табельные дни праздновали; за частныя занятія никого не преслѣдовали, не стѣсняли, а внѣ службы дисциплины для писарей не существовало. (Это, какъ я потомъ убѣдился, было положительно вредно: многіе пьянствовали и безобразничали до крайности).

Всѣхъ отдѣленій въ канцеляріи было пять, да юрисконсультская часть причислялась къ ней же. Въ каждомъ изъ отдѣленій насчитывалось 10—12 чиновниковъ и столько же писарей, но собственно штатныхъ чиновниковъ не было больше пяти. Въ то время, когда въ департаментахъ огромное большинство чиновниковъ были пожилые, бѣдные, семейные и мало ученые, но труженики,—это же большинство въ канцеляріи составляли молодые, принадлежавшіе къ родовитымъ аристократамъ, а отчасти къ богатѣйшимъ купеческимъ семействамъ, всѣ къ окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и обладавшимъ связями и протекціями. Сверхштатные, ни въ чемъ не нуждаясь,—считали канцелярію мѣстомъ для пріятнаго препровожденія времени: они съѣзжались въ каретахъ, колясках, щегольскихъ дрожкахъ, а иные даже верхами въ 1-мъ часу, раскладывали свои обложки, уходили въ дежурную комнату, а тамъ разсматривали платье другъ друга, сообщали гдѣ, кто, какъ провелъ наканунѣ вечеръ, разные анекдоты и оказіи, а иные привозили различные музыкальные инструменты, наигрывали и напѣвали, что кто умѣлъ, спорили о достоинствахъ игры инструментовъ, о талантахъ актрисъ, о ихъ нарядахъ и любовныхъ похожденіяхъ, потомъ гурьбою отправлялись завтракать въ сосѣднюю кондитерскую, откуда чрезъ часъ возвращались веселыми, присаживались на нѣкоторое время къ столамъ, какъ бы заниматься, потомъ выбирались вновь въ дежурную и поднимали возню съ бывшими двумя дурковатыми товарищами, которые носили ихъ на спинахъ по такъ называвшемуся дубовому залу, а когда это имъ надоѣдало—потихоньку уѣзжали.... Вели они себя вполнѣ пристойно лишь въ дни засѣданій военнаго совѣта, да пріемовъ мини-

стромъ просителей и личныхъ докладовъ директоровъ. Желая образумить и пріучить къ дѣлу этихъ сверхштатныхъ молодыхъ людей—начальство заставило ихъ самихъ по очереди дежурить по канцеляріи, а такъ какъ они не умѣли да и лѣнились, то нанимали себѣ въ помощь чиновниковъ изъ писарей и писарей, которымъ платили: первымъ—по 10—15 р., а послѣднимъ—по 3—5 руб. за дежурство. Оно продолжалось сутки, а потому по окончаніи должностнаго времени изъ ближайшихъ лучшихъ гостиницъ лакеи приносили обѣдъ на 10—12 чел., комнаты обставлялись цвѣтами, къ дежурнымъ являлись родные, знакомые, даже дамы, и обѣды сопровождались „разливнымъ моремъ“ до 10, когда обѣдавшіе уходили, а новые гости приходили навѣстить дежурнаго къ чаю,—потомъ играли въ карты и ужинали до 2—3-хъ час. ночи, такъ что каждое дежурство стоило дежурнымъ сотни, а иногда и тысячи руб. Особенно отличался мотовствомъ сынъ откупщика Ал. Степ. Воронинъ, старавшійся этимъ способомъ сдружиться съ аристократами. Производили сверхштатные дурачества открыто безъ всякаго стѣсненія предъ ближайшимъ начальствомъ, которое ограничивалось только замѣчаніями, но это не дѣйствовало, хотя выслушивали ихъ почтительно. Къ ихъ чести, впрочемъ, надо прибавить, что они уважали умныхъ, дѣльныхъ старшихъ, отличались доброжелательствомъ, помогали бѣднымъ, хлопотали за писарей, крестили у женатыхъ дѣтей, пристраивали ихъ дряхлыхъ родственниковъ и родственницъ въ пріюты, богадѣльни, даже платили за нихъ, выписывали журналы и сочувствовали предполагавшимся реформамъ.

Пытливо вслушиваясь и внимательно вникая во все, вокругъ меня происходившее, я мѣсяца въ два узналъ какъ описанное, такъ и многое другое, меня лично не касавшееся, а потому я старался прежде всего зарекомендовать себя, чѣмъ могъ. Я, напр., одѣвался опрятно, трудился—прилежно, даже напрашивался на работу, а это замѣтилъ мой начальникъ отдѣленія, коллежскій совѣтникъ Иванъ Герасимовичъ Устряловъ и обратилъ на меня благосклонное вниманіе, которымъ я очень дорожилъ и гордился.

Здѣсь кстати передамъ кое-что о немъ и о другихъ начальникахъ. Онъ былъ лѣтъ 35—7, чрезвычайно деликатный, добрый, простой, трудолюбивый и слылъ очень умнымъ, какъ его братья: старшій—Ник. Гр. былъ профессоръ, академикъ, а второй—раньше управлялъ дѣлами военнаго совѣта, а потомъ коммиссаріатскимъ департаментомъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Герасимовичъ. Происходили они изъ крѣпостныхъ, но съумѣли проложить себѣ дорогу. Служить въ канцеляріи вообще издавна стремились кромѣ родовитыхъ, какъ я уже отмѣтилъ, кончившіе курсъ въ университетѣ сыновья купцовъ-богачей, а изъ нихъ выдавались такіе даровитые, которые далеко опе-

режали дворянъ и создавали себѣ блестящія служебныя карьеры; напр., въ мое время дѣлами военнаго совѣта управлялъ въ чинѣ тайнаго совѣтника, Ал. Ант. Котоминъ; подавали надежды: Новаковъ, Веретенниковъ (оба умерли тайн. сов.), наилучшимъ помощникомъ И. Г. Устрялова считался нѣкто Масленниковъ.

Вице-директоромъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ. Посланный въ Казанскую губернію усмирить бунтъ, онъ передралъ и сослалъ много народа; объ этомъ было напечатано въ „Колоколѣ", и его отчислили отъ должности.

Директоромъ канцеляріи состоялъ, съ 1857 г., помянутый мною раньше генералъ-адъютантъ князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ, который, несмотря на свой аристократизмъ и богатство, очень цѣнилъ познанія и опытность Котомина, Устрялова и имъ подобныхъ, происходившихъ изъ низшаго сословія. Князя всѣ хвалили, особенно за нѣкоторые факты изъ его служебной дѣятельности: такъ, онъ отличался на войнѣ, провелъ въ Севастополѣ мѣсяцевъ 10, до его сдачи непріятелю, насмотрѣлся, какія нужды перетерпѣли войска отъ злоупотребленій коммиссаріатскихъ, провіантскихъ и госпитальныхъ чиновъ, а послѣ войны затратилъ большія собственныя деньги на раскрытіе этихъ злоупотребленій, былъ самымъ ярымъ: сперва—членомъ состоявшей подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Павла Алексѣевича Тучкова коммиссіи, обслѣдовавшей злоупотребленія, потомъ—ея предсѣдателемъ, но и, сдѣлавшись директоромъ канцеляріи, продолжалъ зорко слѣдить за движеніемъ этого дѣла и домогаться суда надъ всѣми виновными, въ числѣ которыхъ называлъ и бывшаго главнокомандующаго князя М. Д. Горчакова [1]).

Въ Петербургѣ образовалась изъ торговцевъ, извозчиковъ и бродягъ шайка грабителей, во главѣ съ писаремъ коммиссаріатской коммиссіи Жуковымъ. Шайка эта наводила одно время страхъ на жителей. Когда ее открыли и переловили, то всѣхъ, въ ней участвовавшихъ, предали военному суду, а онъ приговорилъ ихъ чел. 7—10—прогнать сквозь строй. Къ назначенному для наказанія виновныхъ часу (утра) повелѣно было прислать въ Михайловскій манежъ,

[1]) Вслѣдствіе его неудачъ, во время войны, посланъ былъ слѣдить за его дѣйствіями, съ секретною инструкціею, бывшій директоръ канцеляріи, генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, въ сопровожденіи фельдъегеря Ручкина и писаря Максимова, а когда Вревскій былъ убитъ—Горчаковъ, по разсказу Максимова и Ручкина, потребовалъ отъ нихъ бумаги Вревскаго, но они, по его приказанію, добровольно не дали ихъ, несмотря на угрозы повѣсить ихъ, а ухитрились сообщить въ Петербургъ, откуда послѣдовало повелѣніе вернуть ихъ съ бумагами и по прибытіи—обоихъ произвели въ офицеры, за особенное ихъ отличіе. Я зналъ обоихъ уже офицерами.

для присутствованія при экзекуціи, всѣхъ писарей, служившихъ въ Петербургѣ, во всѣхъ вѣдомствахъ. Когда доложили объ этомъ князю, онъ смѣло измѣнилъ распоряженіе—предоставилъ на волю писарей идти или не идти въ манежъ, и охотниковъ нашлось лишь нѣсколько человѣкъ, а это очень понравилось князю, находившему, что обязательно смотрѣть, какъ людей бичевали, скверно.

Командиръ корпуса внутренней стражи, генералъ-фонъ-деръ-Лауницъ секретнымъ рапортомъ просилъ ходатайства военнаго министра объ отводѣ гарнизоннымъ батальонамъ губернскихъ городовъ казенныхъ лѣсовъ для рубки въ нихъ: палокъ—для битья гоняемыхъ сквозь строй и розогъ—для дранья солдатъ. Рапортъ этотъ, покамѣстъ думали, что по немъ сдѣлать,—оказался цѣликомъ напечатаннымъ въ „Колоколѣ", получавшемся всѣми высшими властями и въ канцеляріи кѣмъ-то изъ значительныхъ чиновниковъ. Поднялся сильный переполохъ; тогда лишь я узналъ за достовѣрное, что „Колоколъ" газета. Военный министръ приказалъ непремѣнно отыскать—кто списалъ копію съ рапорта и послалъ ее въ Лондонъ. По произведенному дознанію, подозрѣніе пало на писаря Григорьева (раньше служилъ при военномъ агентѣ въ Берлинѣ, графѣ Адлербергѣ 3-мъ). Этотъ писарь выдавался изъ ряда способностями, велъ какія-то дѣла, отлично одѣвался, всегда имѣлъ значительныя деньги и носилъ золотые часы, перстни и проч. У Григорьева, жившаго на вольной квартирѣ, хотя онъ былъ холостой,—сдѣлали обыскъ, нашли „Колоколъ", чьи-то письма и запрещенныя книжки. Его тотчасъ же арестовали и ему грозило, по меньшей мѣрѣ, разжалованіе въ рядовые и ссылка въ гарнизонъ. Когда доложили дѣло о немъ князю, онъ приказалъ Григорьева освободить, а дѣло о немъ прекратить, такъ какъ „Колоколъ" получали, по его словамъ, многіе, въ томъ числѣ и онъ, но никого за это не преслѣдовали, подозрѣніе—не доказательство виновности Григорьева; а то, что рапортъ попалъ въ „Колоколъ" и Лауницъ въ немъ обруганъ, князь считалъ его достойнымъ ругани за дикій свой рапортъ. Рѣшеніе это почти всѣмъ чиновникамъ понравилось, а писаря были отъ него въ восторгѣ. Какъ князь объяснилъ о результатѣ разслѣдованія Сухозанету, да и докладывалъ ли ему—осталось въ тайнѣ, но всѣ утверждали, что князь былъ очень гордъ, а съ Сухозанетомъ не ладилъ, но по своимъ связямъ и настойчивости заставлялъ его во многомъ уступать ему. Твердость характера князя выражалась вырѣзаннымъ на его печати девизомъ: „служба царю, а честь никому". Императоръ Александръ II лично зналъ князя и благоволилъ къ нему, почему онъ черезъ годъ, 17-го апрѣля 1858 г., повышенъ былъ въ товарищи военнаго министра, но желаніе его привлечь Горчакова къ отвѣтственности по дѣлу о злоупотребленіяхъ

крымской арміи не осуществилось, главнокомандующихъ вѣдь не судятъ,—а ему въ вознагражденіе его трудовъ и затратъ, пожалованъ былъ орденъ Св. Анны 1-й степени. Фельдъегерь Ручкинъ, какъ разсказывалъ, подалъ ему, въ его домашнемъ кабинетѣ, пакетъ и поздравилъ его съ наградою, но онъ, вспыхнувъ, скомкалъ бумагу и бросилъ на полъ, а звѣзду швырнулъ о стѣну, и она сломалась, Ручкину же приказалъ передать этотъ отвѣтъ, кому слѣдовало, т. е. Сухозанету. За отъѣздомъ Сухозанета за границу лѣчить глаза, князь вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, и всѣ полагали, что онъ вскорѣ же будетъ военнымъ министромъ. Вдругъ нѣкоторое время спустя Сухозанетъ прислалъ изъ Варшавы приказъ о своемъ вступленіи въ должность и благодарность князю за хорошее управленіе во время его отсутствія. Князь такъ сильно обидѣлся, что разорвалъ бумагу и, кажется, въ тотъ же день уѣхалъ за границу, а оттуда прислалъ просьбу объ отставкѣ. Просьбу задержали, попытались перепиской съ нимъ отговорить его, но онъ остался непреклоннымъ, потому былъ отчисленъ отъ должности (въ 1861 г.) и поселился въ своемъ имѣніи. Впослѣдствіи ему неоднократно предлагали всякія должности, напр., наказнаго атамана войска Донскаго, генералъ-губернатора, но онъ отъ всего отказывался, а вышелъ въ отставку въ 1867 г., былъ потомъ земскимъ гласнымъ, мировымъ судьею и умеръ въ Лебедянскомъ уѣздѣ, въ 1870-хъ годахъ.

Самъ Сухозанетъ въ первый же день своего вступленія въ должность министра (17-го апрѣля 1856 г.) произвелъ о себѣ исключительное впечатлѣніе слѣдующимъ приказомъ: „вступая въ отправленіе обязанностей, призвавъ въ помощь Бога,—употреблять всѣ силы для исполненія долга службы по присягѣ. Надѣюсь найти во всѣхъ и въ каждомъ содѣйствіе и рвеніе. Ура! Боже, царя храни! Приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ, управленіяхъ и учрежденіяхъ, къ министерству принадлежащихъ“. Приказъ этотъ, какъ своеобразное произведеніе, всѣ для себя списывали, запоминали и декламировали. Потомъ, по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ нимъ распространилось, что онъ старикъ хитрый, иностранныхъ языковъ вовсе не зналъ, въ русскомъ правописаніи былъ не силенъ, въ обхожденіи—крутъ, въ расходахъ—скупъ, писать ему доклады, а отъ его имени бумаги, приказалъ онъ самымъ крупнымъ почеркомъ, такъ какъ страдалъ будто бы слабостью зрѣнія, отчего ему было тяжело читать мелкое письмо; многіе же опытные люди, напротивъ, увѣряли, что въ крупномъ письмѣ мудренѣе подскабливать, почему старикъ полагалъ обезопаситься отъ подлоговъ.

Грубость его выводили изъ фактовъ. Напримѣръ, директоръ инженернаго департамента, инженеръ-генералъ Денъ попросился у

него въ отпускъ, а онъ при всѣхъ сказалъ ему: „въ отпускъ вы желаете, а крыши на казармахъ сгнили и протекаютъ, такъ исправьте-ка напередъ крыши". Назначенный правителемъ канцеляріи новаго управленія открытыхъ военныхъ училищъ, вмѣсто заведеній кантонистовъ, вышепоминавшійся ст. сов. Нельговскій устроилъ на дачѣ большое пиршество. Сухозанетъ узналъ объ этомъ, призвалъ Нельговскаго и потребовалъ отъ него объясненія о причинѣ пиршества. Онъ доложилъ ему, что справлялъ женины именины. Старикъ на всю пріемную крикнулъ ему: „мнѣ извѣстно, что вы долго шиковали на взятки отъ начальства кантонистскихъ заведеній, такъ если вы намѣрены продолжать вымогательство, то ошибетесь, я васъ прогоню. Ступ-пайте". Старухѣ, важной генеральшѣ, на ея просьбу о пособіи, отвѣтилъ онъ: „не мотайте, а живите скромно и большой вашей пенсіи вамъ на все хватитъ. На казну всѣ смотрятъ, какъ на дойную корову, но и у нея молоко тоже пропадаетъ". Напротивъ, со стариками-швейцарами онъ любезно разговаривалъ о былыхъ походахъ, которые они когда-то совершали, служившими съ нимъ въ войскахъ, а раздававшимся писарямъ наградамъ (по сотнѣ рублей) поражался и твердилъ, что такихъ денегъ въ арміи и полковники никогда не получали, когда отъ нихъ все требовалось по всей строгости дисциплины, тогда какъ писаря-солдаты не знаютъ дисциплины, которую онъ поддерживалъ во всемъ. Однако, разъ поразилъ онъ всѣхъ разрѣшеніемъ дочери генералъ-лейтенанта, помню Давыдова, вступить въ бракъ съ простымъ гарнизоннымъ солдатомъ, бывшимъ раньше вѣстовымъ у ея умершаго отца, тогда какъ солдатамъ жениться воспрещалось, а Давыдова, какъ помѣщица, по замужествѣ не въ правѣ была владѣть крѣпостными, но онъ всѣмъ пренебрегъ изъ-за того, какъ выразился, что любилъ солдатъ, проведя съ ними десятки лѣтъ.

Писать грамматически былъ онъ дѣйствительно не мастеръ; напримѣръ, вмѣсто „госпиталь" писалъ онъ „гошпиталъ", и надъ его правописаніемъ подсмѣивались. Узналъ ли онъ это, или не располагалъ досугомъ, или же по слабости зрѣнія—только вдругъ перестакъ выпускать собственноручныя резолюціи, а они стали выходить писанными на всѣхъ докладахъ рукою состоявшаго при немъ, привезеннаго имъ изъ арміи писаря Харжевскаго, но безъ его подписи. Обстоятельство это одно начальство—навело на сомнѣніе, не самовольствовалъ ли Харжевскій, а другое начальство--стало обижаться, что подпало подъ подчиненіе писаря. Когда о томъ и другомъ дошло до Сухозанета, онъ испросилъ разрѣшеніе государя на производство Харжевскаго въ коллежскіе регистраторы, съ зачетомъ на слѣдующіе чины всего времени бытности Харжевскаго писаремъ,—12-ти лѣтъ, и черезъ мѣсяцъ онъ сдѣлался коллежскимъ ассесоромъ, а тогда сталъ уже

писать резолюціи: „г. министръ приказалъ“ то-то сдѣлать и подписывался. Хотя онъ былъ безспорно умный человѣкъ и велъ себя со всѣми—осторожно, а съ высшимъ начальствомъ—почтительно, но его, какъ выскочку, не взлюбили, хотя онъ трудился день и ночь, будучи тучнымъ, вскорѣ умеръ отъ паралича мозга. Послѣ него перемѣнилось у Сухозанета [1]) нѣсколько, такъ называвшихся докладчиковъ, изъ молодыхъ, образованныхъ чиновниковъ, но никто не могъ ему угодить, пока нашелся, наконецъ, пожилой чиновникъ изъ писарей, которому удалось вполнѣ замѣнить ему Харжевскаго.

Прибавлю кстати, что писаря очень гордились именно тѣмъ, что докладчиками служили писаря: у морскаго министра, адмирала Мѣтлина—Юрьевъ, у путейскаго, генерала Чевкина—Степановъ, у дежурнаго генерала Катенина—Акимовъ, у главноуправляющаго собственною его императорскаго величества канцеляріею графа Блудова—Климовъ и т. д. Впослѣдствіи, я лично зналъ Акимова и Климова, умершихъ: первый—тайнымъ совѣтникомъ, а послѣдній дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта.

Говоря объ умершихъ, я невольно вспомнилъ два выходившихъ изъ ряда событій, въ то же время совершившихся. Вышепомянутаго, долго болѣвшаго и умершаго управляющимъ дѣлами военнаго совѣта, тайн. сов. Ал. Ант. Котомина отпѣвали въ Никольскомъ соборѣ, въ присутствіи генералитета и многочисленной публики. Послѣднимъ взобрался на катафалкъ прощаться съ покойнымъ старикъ, еврей Розенбергъ и дребезжащимъ голосомъ произнесъ, при общей тишинѣ, рѣчь о томъ, что 30 лѣтъ назадъ былъ богачемъ, но военными подрядами постепенно разорился, а ведя по этому предмету съ военнымъ вѣдомствомъ тяжбу, впалъ въ нищету, покойный же въ продолженіе десятковъ лѣтъ не успѣлъ разсмотрѣть его дѣло; поэтому, просилъ его хоть на томъ свѣтѣ заняться имъ, и, когда онъ явится, вскорѣ же туда,—объявить ему рѣшеніе. Кончивъ свою оригинальную рѣчь и положивъ на грудь покойнаго памятную записку о дѣлѣ, онъ въ изнеможеніи упалъ съ катафалка навзничь, на полъ, его подняли, вынесли изъ церкви и отвезли въ полицію, а его поступокъ произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе и черезъ нѣсколько дней, по особому повелѣнію, Розенбергу выдали до рѣшенія дѣла, пособіе въ 10.000 руб. и отправили его на родину.

По упраздненіи учебныхъ полковъ, всесильнаго ихъ инспектора Фролова произвели въ полные генералы и назначили членомъ воен-

[1]) Уволенъ отъ должности въ 1861 г., съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а умеръ въ іюлѣ 1871 г.

наго совѣта. Привыкнувъ въ Москвѣ чрезвычайно широко жить на счетъ полковъ, онъ, когда ихъ не стало въ Петербургѣ, впалъ въ долги, уплатить ихъ ему нечѣмъ было, а разсчитывать на казну ему не приходилось; въ большомъ пособіи Сухозанетъ ему отказалъ. Тогда обозленные кредиторы подали просьбу объ увольненіи его въ отставку, для заключенія въ долговое отдѣленіе. Въ тотъ же день получилъ онъ письмо, что сынъ его, полковникъ, уже посаженъ, въ Парижѣ, въ долговое отдѣленіе за долги же. Старикъ не выдержалъ, отъ удара скончался. Послѣ него, проживавшаго съ дочерью, пожилою дѣвицею, осталось лишь нѣсколько рублей, почему хоронилъ его на казенный счетъ, казначей канцеляріи, а на кладбищѣ провожатыми оказались только бывшій его камердинеръ, старикъ Лазарь, да я, освобожденный Устряловымъ, по моей просьбѣ, отъ службы на этотъ день. Устряловъ, услышавъ почему я желаю проводить покойнаго, похвалилъ еще мой поступокъ.

Службою своею подъ начальствомъ Устрялова (высшаго, мы, писаря, никогда не видали), я былъ очень доволенъ, но и онъ все увеличивалъ благоволеніе ко мнѣ. Видя мои скромность, стараніе и любознательность, онъ поручилъ мнѣ, подъ руководствомъ ближайшаго своего помощника Масленникова: сперва—составить опись отдѣленской библіотеки, а потомъ—завѣдывать ею, состоявшею изъ военныхъ, морскихъ и гражданскихъ законовъ, журналовъ и юридическихъ книгъ, наполнявшихъ пять большихъ шкафовъ. Получались также газеты „Русскій Инвалидъ“, „Сѣверная Пчела“, „С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости“. Днемъ я, какъ другіе писаря, переписывалъ бумаги, а вечерами, на досугѣ, добровольно устанавливалъ по шкафамъ разбросанныя днемъ чиновниками книги, знакомился съ ихъ заглавіемъ и содержаніемъ, а въ мѣсяца два—три такъ овладѣлъ своею обязанностью, что по первому спросу Устрялова мигомъ подавалъ ему нужные законъ и книги. Онъ не только разрѣшилъ мнѣ ихъ читать, но еще давалъ мнѣ изъ своей домашней библіотеки сочиненія своего брата, Пушкина, Лермонтова, Кольцова и другихъ, призывалъ меня къ себѣ въ квартиру, а тамъ разспрашивалъ, какъ и что я понялъ изъ прочитаннаго, совѣтовалъ заниматься самообразованіемъ и поощрялъ меня чѣмъ могъ. Напримѣръ, въ отдѣленіи составлялись продолженія къ св. воен. постановл., онъ и научилъ меня вырѣзывать изъ собранія узаконеній отмѣченныя имъ статьи и наклеивать ихъ на особыхъ листахъ и повѣрять корректуру (онъ самъ редактировалъ), а за мой трудъ по выпускѣ продолженія давалъ мнѣ особыя награды по 50—70 руб. Годовые отчеты по всему военному вѣдомству составлялъ чиновникъ особыхъ порученій, дѣйств. ст. сов. Н. П. Безакъ, которому Устряловъ рекомендовалъ меня внѣ службы

переписывать отчеты.—Безакъ, славный старикъ, прослуживщій, какъ говаривалъ мнѣ, въ стольких мѣстахъ, сколько мнѣ было отъ роду лѣтъ (22), но нигдѣ не нашедшій справедливости, пріучилъ меня подбирать доставлявшіеся ему, въ огромномъ количествѣ, матеріалы и составлять изъ нихъ разныя вѣдомости—приложенія къ отчету, а за этотъ трудъ выхлопатывалъ мнѣ тоже особыя награды по 80—100 р. ежегодно, изъ кабинетныхъ суммъ самого государя. Мало того, военный министръ разрѣшилъ зачесть мнѣ въ унтеръ-офицерскую службу время бытности моей въ полковой канцеляріи рядовымъ до производства меня въ писаря департамента почти три года. Короче, я радовался не только моральному, но и матеріальному положенію; я получалъ въ сложности слишкомъ 300 руб. въ годъ, больше, нежели армейскій поручикъ, а такъ какъ всѣ мои потребности заключались только въ приличной обмундировкѣ, чаѣ, да закускѣ, то я располагалъ постоянно деньгами. Хотя я уже говорилъ, что противъ большихъ наградъ писарей возставалъ самъ Сухозанетъ, но замѣнившій князя въ должности директора (17-го апрѣля 1857 г.) генералъ Лихачевъ, по настоянію начальниковъ отдѣленій, умѣлъ убѣждать Сухозанета, что отъ степени вознагражденія писарей зависѣло имѣть необходимыхъ хорошихъ тружениковъ.

Тутъ я считаю умѣстнымъ сказать, что помню, о самомъ Лихачевѣ. Когда онъ явился директорствовать, никто у насъ не зналъ его. Тихо, безъ всякихъ приготовленій, обошелъ онъ канцелярію, ласково со всѣми поздоровался, освѣдомился отъ начальниковъ отдѣленій, какія производятся у нихъ дѣла, предложилъ имъ ходить къ нему съ докладами за-просто, ушелъ и больше уже не показывался, кромѣ дней засѣданій военнаго совѣта, въ которыхъ засѣдалъ (докладывали совѣту дѣла начальники отдѣленій), а начальники отдѣленій вели съ нимъ дѣла въ его казенной квартирѣ, въ томъ же домѣ. Вскорѣ установилось о Лихачевѣ единогласное мнѣніе, что онъ отличался умомъ, сообразительностью, спокойствіемъ и пренебреженіемъ къ „весьма нужнымъ бумагамъ"; что бы отъ него ни требовалось послѣ 4-хъ часовъ по полудни, онъ все откладывалъ до слѣдующаго утра, самъ почти никогда вечерами дома не бывалъ, а часто и не ночевалъ, зато съ 11-ти часовъ утра до 4-хъ по полудни занимался онъ неутомимо и очень проворно, писалъ много самъ, и, какъ увѣряли, прекраснымъ слогомъ; тратить время на разговоры съ кѣмъ бы то ни было онъ не любилъ; начальниковъ отдѣленій пріучилъ докладывать ему сжато, кратко, потому что быстро овладѣвалъ всякими предметами; дежурныхъ чиновниковъ къ себѣ не требовалъ и мелочами не интересовался, почему знатные и богатые чиновники перестали сами дежурить, а нанимали за себя бѣдныхъ чиновниковъ

изъ писарей. Никакихъ ни перемѣнъ въ личномъ составѣ, ни казусовъ при немъ въ канцеляріи не происходило, а все шло порядкомъ, существовавшимъ раньше при князѣ, съ которымъ онъ участвовалъ въ коммиссіи о раскрытіи злоупотребленій крымской арміи. Характера онъ былъ доброжелательнаго, богатый, но не тщеславный, а потому ничего для себя не добивался, не взирая на представлявшіеся удобные случаи. Напримѣръ, послѣ отказа князя отъ должности товарища министра и во время отсутствія Сухозанета онъ управлялъ не разъ министерствомъ, но велъ себя по-прежнему просто, а дѣла разрѣшалъ безъ затрудненій, правильно и гораздо скорѣе самого Сухозанета. Оттого всѣ желали и прочили его въ товарищи министра, благо должность оставалась вакантною.

Между тѣмъ, всѣ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ; товарищемъ министра назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Дм. Ал. Милютинъ (30-го августа 1860 г.) и къ нему какъ-то просто и незамѣтно для всѣхъ переходило кормило правленія, а нѣкоторое время спустя Лихачевъ отчислился отъ должности; фактъ этотъ объясняли различно: одни,—что онъ не сошелся съ Милютинымъ во взглядахъ и долженъ былъ уступить ему, другіе,—что ему просто надоѣло служить, а какъ онъ имѣлъ хорошее состояніе и былъ одинокимъ, то предпочелъ удалиться на покой, а третьи,—что по болѣзни онъ вынужденъ былъ уѣхать на долго за границу лѣчиться. Такъ или иначе, но всѣ очень сожалѣли о его уходѣ, такъ какъ считали его прекраснымъ начальникомъ; несмотря на усложнившіяся затѣянными преобразованіями занятія канцеляріи, онъ никого не обременялъ ни непомѣрною работою, ни придирчивостью, а во всемъ поступалъ безпристрастно и хладнокровно.

Законодательное отдѣленіе, послѣ долговременнаго застоя, считалось тогда, по времени, главнѣйшимъ: въ него поступали изъ всѣхъ департаментовъ быстро назрѣвавшіе законодательные вопросы, которые въ отдѣленіи разбирались окончательно оформливались, Устряловъ докладывалъ военному совѣту, по предварительно составленнымъ и имъ одобреннымъ заключеніямъ, формировалъ проекты новыхъ законовъ, посылавшіеся для обнародованія въ Сенатъ, а потомъ включавшіеся въ продолженіе къ св. воен. постановл. Все это требовало разнообразныхъ значительныхъ познаній и усиленныхъ постоянныхъ трудовъ, но пригодныхъ помощниковъ Устряловъ имѣлъ только трехъ, поэтому онъ, какъ человѣкъ скромный и трудолюбивый, — работалъ не только всѣ дни въ канцеляріи, но вечера и ночи дома, куда, случалось, я носилъ ему дѣла.

— За то, что ты пришелъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды вечеромъ,— я порадую тебя пріятною и для писарей новостью: всѣмъ нижнимъ

чинамъ сокращается обязательная служба на 5 лѣтъ, а въ унтеръ-офицерскомъ званіи до чина вмѣсто 20 устанавливается 12 лѣтъ; прослужившимъ же въ этомъ званіи 12 лѣтъ, если въ это время нѣтъ офицерскихъ и чиновничьихъ вакансій, предоставляется остаться еще на 5 лѣтъ на службѣ кандидатомъ, съ жалованьемъ по 100 р. въ годъ, а потомъ выйти въ отставку съ этою же сторублевою пенсіею, кромѣ того, кандидаты какъ на службѣ, такъ и въ отставкѣ избавляются отъ тѣлесныхъ наказаній даже и по суду, учреждаются также для награжденія и медали. Сегодня объ этомъ утвержденъ журналъ военнаго совѣта, и ты, какъ домой вернешься—можешь поздравить сослуживцевъ.

Сослуживцы, узнавъ отъ меня о перечисленныхъ существенныхъ льготахъ, съ радости устроили „спрыски" почти на всю ночь, а по обнародованіи объ этомъ приказѣ (8 сентября 1859 г.) вновь угостилися до положенія ризъ, причемъ въ короткое время многіе сдѣлались кандидатами, какъ выслужившіе 12 лѣтъ. Собственно меня ни кандидатство, ни пенсія не прельщали: во-1-хъ, я носилъ галуны только около 4-хъ лѣтъ, слѣдовательно, мнѣ долго приходилось еще ждать благодати; во-2-хъ, кандидатъ не освобождался отъ сниманія шапокъ предъ офицерами, а обязывался по прежнему всѣмъ и во всемъ подчиняться, да и по выходѣ въ отставку называться тѣмъ же солдатомъ; въ-3-хъ, писарь, со дня производства его въ чиновники,— сразу становился отъ всякой дисциплины свободнымъ бариномъ, а какъ „плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ", то и я предпочиталъ пробраться, со временемъ, въ чиновники.

Разработывавшееся „освобожденіе крестьянъ" тоже коснулось военнаго министерства: къ оружейнымъ его заводамъ издавна прикрѣплены были мастеровые съ ихъ потомствами, въ его вѣдѣніи находились также пахотные солдаты, а тѣхъ и другихъ приходилось также уволить отъ обязательныхъ работъ. И по этому предмету Устряловъ трудился съ лихорадочною поспѣшностью, такъ какъ страстно желалъ всѣмъ избавиться отъ крѣпостной зависимости, тяготѣвшей и надъ его предками. Короче, разболѣвшись — онъ пересталъ являться въ канцелярію, а занимался дома дѣлами. Въ день обнародованія манифеста 19-го февраля 1861 г., я, по его зову, утромъ отправился къ нему, по дорогѣ видѣлъ торжествующія лица не только крестьянъ, но и господъ; встрѣчавшіеся поздравляли другъ друга, крестились и цѣловались; настроеніе всѣхъ представлялось восторженнымъ. Я засталъ Устрялова въ халатѣ, полулежавшимъ на кушеткѣ и на его разспросы, что замѣтилъ я на улицѣ, — я разсказалъ ему все видѣнное.

— И моего труда есть частица въ освобожденіи,—молвилъ онъ

болѣзненнымъ голосомъ и вытеръ катившіяся изъ его глазъ слезы. Слава Богу хоть дожилъ, дожилъ....

День этотъ праздновали и мы, писаря, слонялись, изъ любопытства, по улицамъ въ предположеніи лицезрѣть ожидавшійся, какъ говорили, бунтъ, но все дневное время прошло преспокойно. Къ самому освобожденію писаря отнеслись, какъ къ не касавшемуся ихъ факту,—совершенно равнодушно, ибо считали себя сословіемъ гораздо высшимъ, чѣмъ „мужичье". По объявленіи воли почти вся аристократія ушла изъ канцеляріи въ мировые посредники, отчего личный составъ чиновниковъ очень понизился родовитостью и просвѣщенностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и ихъ разсужденія о посторонних дѣлахъ. Наступило лѣто, и Устрялова не стало: онъ скончался 4-го мая того же года, и я искренно оплакивалъ его, моего безкорыстнаго покровителя и наставника. Его замѣстилъ ст. сов. Ив. Ефим. Андреевскій [1]), человѣкъ тоже хорошій, но легкомысленный и довольно лѣнивый, почему воспользоваться его руководствомъ мнѣ уже не удавалось.

Послѣ назначенія Д. А. Милютина военнымъ министромъ (9-го ноября 1861 г.) началась смѣна директоровъ вообще. Обстоятельство это нежданно, негаданно отразилось на мнѣ, самой крошечной спицѣ въ громаднѣйшей колесницѣ. Дѣло въ томъ, что въ директоры канцеляріи поступилъ (28-го ноября того же 1861 г.) свитскій генералъ-маіоръ К. П. фонъ-Кауфманъ [2]) и приказалъ назначить въ личное его распоряженіе такого молодаго писаря, который извѣстенъ былъ безукоризненнымъ поведеніемъ, толковостью, опрятностію, скромностью и умѣніемъ вести себя съ разными лицами. По настойчивой рекомендаціи И. Е. Андреевскаго и экзекутора П. И. Писаревскаго выборъ палъ на меня. Я прифрантился насколько могъ и предсталъ предъ Константиномъ Петровичемъ въ казенной его квартирѣ дома министерства. Онъ окинулъ меня добродушнымъ взглядомъ, ласково поздоровался со мною, разспросилъ меня: сколько я лѣтъ служу, какое получаютъ писаря жалованье, какъ продовольствуются, размѣщаются, сколько времени проводятъ на службѣ, имѣютъ ли, кромѣ служебныхъ, частныя занятія и, въ утвердительномъ смыслѣ,—велики ли ихъ заработки и проч. Тонъ его былъ такъ простъ, что я сразу почувствовалъ къ нему расположеніе и отвѣтилъ ему обо всемъ откровенно.

---

[1]) Умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника казанскимъ губернаторомъ.

[2]) Родился въ 1818 г., назначенъ: директоромъ канцеляріи военнаго министерства въ 1861 г., генералъ-губернаторомъ: виленскимъ—въ 1865 г., туркестанскимъ—въ 1867 г., умеръ инженеръ-генераломъ—въ 1882 г., въ послѣдней должности.

— Ты будешь мнѣ докладывать о посѣтителяхъ и просителяхъ, по мѣрѣ ихъ прихода сюда,—пояснилъ онъ мнѣ будущія мои обязанности. Исключенія дѣлай только для важнѣйшихъ лицъ, напр., членовъ военнаго совѣта, полныхъ генераловъ и директоровъ департаментовъ нашего министерства: о нихъ мнѣ говори внѣ очереди. Держи себя со всѣми одинаково почтительно, ни съ кѣмъ ни въ какія разсужденія не пускайся, но на вопросы всѣхъ—отвѣчай, что по службѣ знаешь—кратко, внятно и деликатно. Содержаніе секретныхъ бумагъ, которыя будешь видѣть и писать, никому, ни подъ какимъ предлогомъ, не сообщай. Одѣвайся постоянно такъ же чисто, какъ теперь ты одѣтъ: неряхамъ здѣсь быть нельзя. Выборомъ тебя, изъ 40 писарей, ты отличенъ за свое благонравіе, смышленость и стараніе, чѣмъ и долженъ дорожить. Вотъ главное, что ты, надѣюсь, будешь исполнять въ точности, а труды твои безъ вниманія не останутся.

Съ того же утра началась моя новая служба, заключавшаяся, кромѣ сказаннаго, еще въ пересмотрѣ, всѣ ли бумаги подписалъ К. П., въ передачѣ ихъ и входящихъ—журналисту, въ отдѣленія, въ собираніи для него справокъ, въ приглашеніи къ нему, кого онъ спрашивалъ, въ отправкѣ важныхъ и перепискѣ секретныхъ бумагъ, въ записи адресовъ высшихъ посѣтителей, а равно какіе доклады посланы къ военному министру, получены отъ него и т. п., да въ раздачѣ по субботамъ приходившимъ 15—20 старухамъ, по ихъ книжкамъ, 10—15 руб., изъ собственныхъ его средствъ. Находился я въ пріемной съ 10 утра до 5 пополудни и съ 9 вечера до 2-хъ ночи, за исключеніемъ очень рѣдкихъ вечеровъ, когда К. П. ѣздилъ съ семействомъ въ театръ или въ гости. Посѣтители и просители повалили къ нему толпами, самое меньшее въ день являлось ихъ 20, и всѣхъ принималъ онъ у себя въ кабинетѣ.

— Отъ ихъ словоохотливости я не успѣваю дѣлами заниматься,— сказалъ онъ мнѣ черезъ недѣлю,—поэтому слѣди, пожалуйста, по часамъ, за временемъ пребыванія ихъ у меня и какъ минетъ 15 минутъ—такъ входи и говори мнѣ о другихъ, чтобы догадывались, что имъ пора уходить.

Однако, и этотъ способъ выпроваживанія посѣтителей далеко не удавался, и К. П. продолжалъ съ ними бесѣдовать, а по ихъ уходѣ—сѣтовать на нихъ. Я предложилъ ему выходить къ нимъ въ пріемную для выигрыванія времени.

— Нѣтъ, братъ, такъ не годится дѣлать,—отозвался онъ.—Никому не охота оглашать своихъ личныхъ дѣлъ при другихъ, а моя обязанность—быть внимательнымъ ко всѣмъ.

— Ежели можете удовлетворять ихъ просьбы—они будутъ, напротивъ, только благодарны вамъ.

— Удовлетворить нельзя и половины просителей, а доступностью и обѣщаніемъ все-таки меньше ихъ огорчишь.

День проходилъ незамѣтно среди посторонних разговоровъ, справокъ, записей и проч., а вечерами пріѣзжали: иногда — великій князь Николай Николаевичъ, а частенько—редакторъ военнаго сборника, генералъ Меньковъ, засиживавшійся за полночь. Набѣгавшись день,—ночью, сидя въ тиши, поневолѣ, бывало, задремлешь, и К. П. нѣсколько разъ выходилъ будить меня. И вотъ, чтобы одолѣть сонъ, я досугами сталъ читать книги, чѣмъ заслужилъ его одобреніе и разрѣшеніе брать даже газеты, которыя я, какъ онъ узналъ, раньше усердно читалъ въ бытность мою въ законодательномъ отдѣленіи. И вотъ я, однажды, прочелъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ фельетонѣ, озаглавленномъ „Московская лѣтопись“ [1]), строкъ 30 сравненія писарей съ собаками-дворняжками, которыхъ за негодностью авторъ совѣтовалъ вышвыривать вонъ, какъ собакъ, при этомъ прибавилъ, что писаря выскочки и нахалы, достойные презрѣнія. Я почувствовалъ себя оскорбленнымъ этимъ отзывомъ, спросилъ мнѣнія одного изъ молодыхъ чиновниковъ Д. А. Азаревича, и онъ мнѣ посовѣтовалъ напечатать возраженіе. Я разинулъ ротъ отъ изумленія: я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, какъ это дѣлалось.

— Обдумай, какъ и что желаешь отвѣтить на обидную часть фельетона, напиши да и снеси для напечатанія въ газетѣ,—поучалъ онъ меня.—Опроверженія, не стѣсняйся, печатаются.

Я послѣдовалъ его совѣту, сочинилъ, переписалъ и показалъ ему рукопись. Онъ снесъ ее на просмотръ служившему въ канцеляріи же молодому чиновнику, литератору — Дмитрію Александровичу Саранчову. Тотъ прочиталъ, одобрилъ, оба достали мнѣ отъ казначея канцеляріи рекомендательное письмо къ его двоюродному брату, редактору „Русскаго Инвалида“, полковнику Н. Г. Писаревскому, а онъ черезъ недѣлю помѣстилъ въ прибавленіи къ „Русскому Инвалиду“, отъ 10-го января 1862 г. за № 6, передъ статьею, впослѣдствіи извѣстнаго критика Д. И. Писарева. Возраженіе мое, въ 486 строкъ, почти 4 столбца большаго газетнаго листа, прочли всѣ служившіе въ канцеляріи, а Азаревичъ не сдержался, разгласилъ, что авторъ я. Содержаніе возраженія большинство хвалило, а меньшинство сочло вольнодумнымъ, даже дерзкимъ. Меня, какъ автора, водили напоказъ къ нѣкоторымъ членамъ военнаго совѣта, а писаря изъ всѣхъ учре-

[1]) Авторомъ лѣтописи былъ, какъ я потомъ узналъ, авторъ книгъ „Исторія кабаковъ въ Россіи“, „Нищіе на Руси“ и проч. И. Г. Прыжовъ, въ 1871 г. осужденный по политическому дѣлу въ каторгу, въ числѣ многихъ, изъ коихъ онъ былъ самый старшій лѣтами (46 л). Я видѣлъ его среди узниковъ въ бывшей Виленской каторжной тюрьмѣ.

жденій министерствъ: военнаго, морскаго, путей сообщенія, государственныхъ имуществъ и проч., недѣли двѣ сряду приходили меня благодарить за защиту всѣхъ отъ несправедливыхъ нападокъ.

Я былъ упоенъ „славою соблазнительною". Правда, многіе сослуживцы, старые писаря, предрекали мнѣ разныя непріятности, ибо сочинителей, по ихъ словамъ, всегда подвергали гоненію; напр., служившихъ раньше въ канцеляріи же М. Е. Салтыкова [1]) сослали въ 1848 г., а Н. В. Кукольника въ 1857 г. уволили въ отставку, хотя онъ былъ прославленный сочинитель и даже генералъ. Напротивъ, Саранчовъ пригласилъ меня къ себѣ домой, принялъ меня радушно, разсѣялъ мои опасенія, настойчиво совѣтовалъ мнѣ продолжать сочинять, приносить ему рукописи и надѣяться на его помощь и успѣхъ. Онъ далъ мнѣ тему изобразить въ разсказѣ достаточное житье крестьянина съ дочерью и ея сыномъ, отецъ котораго взятъ въ солдаты, потому мать и дѣдъ лелѣяли сына и внука, но по достиженіи имъ 10-ти лѣтняго возраста его взяли въ кантонисты, къ горю матери и дѣда, затѣмъ черезъ 6—7 лѣтъ—юноша, исхудалый и разслабленный муштровкою въ заведеніи, — возвращается домой, по манифесту объ упраздненіи кантонистскихъ заведеній, дѣдъ, мать и уволенный изъ полка, раненый на войнѣ, отецъ, встрѣтили юношу съ распростертыми объятіями и всѣ зажили въ согласіи и довольствіи. Я съ увлеченіемъ сочинилъ разсказъ, Саранчовъ кое-что въ немъ исправилъ, назвалъ его „Стерпится—слюбится" и сдалъ въ редакцію какого-то журнала. Миновало двѣ недѣли. Вдругъ знакомый мнѣ писарь Лукьяновъ, служившій при военномъ цензорѣ, генералъ-маіорѣ Штюрмерѣ, позвалъ меня къ нему къ 8-ми час. слѣдующаго утра, для какихъ-то объясненій, какъ онъ мнѣ сказалъ, о моемъ сочиненіи. Съ лихорадочною дрожью въ всемъ тѣлѣ шелъ я къ цензору, долго прождалъ, по его приказанію, въ кухнѣ, а потомъ лакей провелъ меня въ переднюю. Ко мнѣ вышелъ генералъ Штюрмеръ съ моею тетрадкою, положилъ ее на столикъ, ткнулъ въ нее пальцемъ и грозно спросилъ меня:

— Ты смастрилъ эту мерзость?

— Точно такъ-съ,—сдавленнымъ голосомъ процѣдилъ я.—Я, простите, ваше превосходительство, написалъ, кажется, правду-съ...

— За твою дерзкую правду тебя слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, отодрать,—продолжалъ онъ.—Ты, солдатъ, осуждаешь законъ, существовавшій о кантонистахъ. Да какъ ты это смѣлъ, кто тебя на это надоумилъ, отвѣч-чай?..

— Виноватъ, ваше превосходительство, я не зналъ, что нельзя,

---

[1]) Щедринъ.

къ тому же законъ объ уничтоженіи кантонистскихъ заведеній я вѣдь хвал-лю-съ...

— Ты, солдатъ, хвалишь?—прервалъ онъ меня, побагровѣвъ.— Да кому нужна твоя похвала? Никому!.. Да за это тебя въ гарнизонъ, въ арестантскую роту надо сослать: это, повторяю, дерзость, мерзость...

— Мнѣ, простите, ваше превосходительство, казалось можно... я по совѣту знающаго...

— Тебѣ, солдату, ничего, понимаешь ли, рѣшительно ничего казаться не долж-жно!.. И осмѣлься ты еще хоть строчку такой гадости написать, непремѣнно въ арестантскую роту попадешь, а за это я сегодня же напишу твоему директору, чтобъ тебя выдрали.

— Тѣлесное наказаніе безпорочныхъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскаго званія отмѣнено, ваше превосходительство,—почтительно напомнилъ я ему, съ досады за руготню.

— Отмѣнено? И ты смѣешь это говорить мнѣ? такъ я настою, чтобы тебя разжаловали, а потомъ выдрали. Пошелъ вонъ, рак-калія эдакая...

Онъ швырнулъ мнѣ въ лицо тетрадку и топнулъ на меня ногою. Я подхватилъ тетрадку и, точно ошпаренный, выскочилъ на улицу. Меня объялъ невообразимый страхъ, который отразился и на моихъ дневныхъ служебныхъ дѣйствіяхъ: я перепуталъ двѣ-три фамиліи посѣтителей, уронилъ въ кабинетѣ бумаги на полъ и отвѣтилъ К. П. невпопадъ. Онъ замѣтилъ мою растерянность и вечеромъ, на свободѣ, освѣдомился, что со мною произошло? О моемъ сочинительствѣ онъ хотя слышалъ, но ничего мнѣ не говорилъ, такъ что я мнѣнія его не зналъ. Тѣмъ не менѣе я доложилъ ему о причинѣ и объ обхожденіи со мною цензора.

— Сочиненія цензоръ можетъ перечеркивать, сколько ему угодно,— отозвался онъ, покраснѣвъ, что означало, что онъ разсердился,—но съ авторами сочиненій обязанъ быть вѣжливымъ, ты же, какъ авторъ, для цензора ни солдатъ, ни офицеръ, а просто частный человѣкъ, и онъ не въ правѣ ни бранить, ни стращать тебя. Пиши, сколько хочешь и о чемъ хочешь, а господина цензора, генералъ-маіора Штюрмера пригласи ко мнѣ, запискою въ третьемъ лицѣ, для объясненій, по дѣламъ службы, завтра къ часу дня.

Къ назначенному времени Штюрмеръ явился, свирѣпо смѣрилъ меня глазами, да молча погрозилъ мнѣ пальцемъ. Я доложилъ о немъ и впустилъ его въ кабинетъ. Какой вели между собою разговоръ два генерала—я, при всемъ стараніи,—подслушать не могъ: посѣтители мѣшали, но, когда Штюрмеръ вышелъ изъ кабинета, то тихонько подозвалъ меня къ выходной двери и вполголоса произнесъ:

— Смѣй только сочинять, такъ я тебя мерз-завца...—онъ вторично погрозилъ мнѣ всѣмъ уже кулакомъ.—Что бы ты ни писалъ, я все зачеркну,—заключилъ онъ и удалился.

Проглоченная мною, за сочинительство, пилюля не только не образумила меня, но, напротивъ, еще усилила во мнѣ стараніе сдѣлаться сочинителемъ, благо вечерами я располагалъ досугомъ, а отрывокъ моего разсказа былъ напечатанъ съ моею фамиліею въ какомъ-то журналѣ, изъ котораго Саранчовъ досталъ мнѣ оттискъ. Обстоятельство это возбудило во мнѣ страстную энергію, и я живо написалъ другой разсказъ, но Штюрмеръ весь его запретилъ. Я погоревалъ, а потомъ накаталъ третій разсказъ, который постигла та же участь. Между тѣмъ, миновать Штюрмера мнѣ не удавалось: содержаніе моихъ произведеній касалось лишь военнаго быта, а объ этомъ все отовсюду попадало исключительно къ нему на цензуру.

Однажды, будучи ночью въ веселомъ настроеніи, К. П. спросилъ меня, какъ шли мои литературныя занятія? Я опять пожаловался ему на Штюрмера. Онъ велѣлъ мнѣ напомнить ему объ этомъ при приходѣ къ нему, его пріятеля редактора „Военнаго Сборника“, генерала Менькова. Я воспользовался случаемъ и подалъ ему двѣ рукописи, которыя онъ поручилъ Менькову прочесть и сообщить ему свое мнѣніе, какъ о моихъ писаніяхъ, такъ и о томъ, правильно ли Штюрмеръ браковалъ ихъ.

— Генералъ Меньковъ пишетъ мнѣ, что, при стараніи, изъ тебя выйдетъ дѣльный писатель,—объявилъ мнѣ К. П., черезъ недѣлю.— По его мнѣнію, ты обладаешь способностью и наблюдательностью, и, что, если бы онъ былъ цензоромъ, то безпрепятственно, дескать, пропустилъ бы твои труды въ печать. Разубѣдить генерала Штюрмера, при его устарѣвшихъ взглядахъ и упрямствѣ, просто невозможно, а ты сходи со своими рукописями и моею карточкою къ редактору „Чтеніе для солдатъ“, генералъ-маіору Гейроту, и передай ему мою просьбу постараться помѣстить, въ его журналѣ, что можно изъ твоего труда.

Маленькій старичекъ, генералъ Гейротъ, принялъ меня очень любезно, даже посадилъ противъ себя, долго говорилъ со мною, самъ мнѣ жаловался на чрезмѣрную строгость Штюрмера, который и его сильно притѣснялъ, но все-таки обѣщалъ сдѣлать угодное директору, а черезъ мѣсяцъ самъ принесъ К. П. и мнѣ по книжкѣ журнала, съ помѣщеннымъ въ немъ опять-таки только отрывкомъ изъ моей работы. Уходя, Гейротъ посовѣтовалъ мнѣ брать сюжеты изъ гражданской жизни, чтобы миновать военную цензуру, но воспользоваться его совѣтомъ я не могъ, по незнанію этой жизни.

Съ тѣхъ поръ К. П. хоть часто о многомъ разспрашивалъ меня, внимательно выслушивалъ мои отвѣты и даже сужденія о томъ, чего не спрашивалъ, но о моихъ литературныхъ упражненіяхъ перестал ъ интересоваться, такъ что съ ними я продолжалъ обращаться къ Саранчову, а онъ хотя и охотно занимался ими и ободрялъ меня, но успѣха я не имѣлъ. Это меня крайне огорчало, и я сталъ разсѣяннымъ, задумчивымъ, за что надо мною подтрунивали не только товарищи, но и нѣкоторые начальники.

— Отчего ты, съ нѣкотораго времени, сентябремъ смотришь?— спросилъ меня разъ начальникъ отдѣленія, И. Е. Андреевскій.

— Меня тяготитъ притѣсненіе военнаго цензора.

— Такъ брось неудачное свое сочинительство и успокойся, или сходи, пожалуй, я тебѣ дамъ записку къ моему брату, профессору, можетъ статься, онъ и направитъ тебя на эту дорогу. Поговори со своимъ руководителемъ Саранчовымъ.

Саранчовъ призналъ для меня полезнымъ воспользоваться предложеніемъ. Я и отправился съ толстою рукописью и письмомъ къ профессору И. Е. Андреевскому [1]). Никакихъ профессоровъ я до тѣхъ поръ никогда не видалъ, а по слухамъ считалъ ихъ важнѣе военныхъ генераловъ, предъ которыми, по привычкѣ видѣть ихъ, я ужъ не стѣснялся. Оттого смущенный вошелъ я въ квартиру И. Е. Андреевскаго и подалъ горничной письмо. Немного погодя, она вернулась, провела меня, чрезъ двѣ комнаты, въ кабинетъ, обставленный красивою мебелью и шкафами съ книгами, блестѣвшими переплетами. Я рисовалъ себѣ профессоровъ согбенными старцами, въ очкахъ, со всклокоченными волосами и огромными бѣлыми бородами. Вдругъ изъ боковой двери вошелъ средняго роста худенькій, бѣлокурый, съ маленькими бакенбардами и гладко причесанными волосами молодой человѣкъ. Я принялъ его за сына профессора и слегка поклонился ему.

— Здравствуйте, молодой человѣкъ,—ласково заговорилъ онъ.— Братъ проситъ меня ввести васъ, его сослуживца, въ литературный міръ. Я очень буду радъ, если въ состояніи быть вамъ полезнымъ. Садитесь, пожалуйста.

Его ростъ, молодость и веселый тонъ разрушили мое представленіе о величіи профессоровъ, а величаніе меня, писаря, „вы“, подача мнѣ руки и названіе моего начальника моимъ сослуживцемъ,—все это сконфузило и совершенно разстроило меня, но онъ, вопросами о моихъ служебныхъ правахъ и обязанностяхъ и о своемъ братѣ, постепенно ободрялъ меня, потомъ полистовалъ мою рукопись, мѣстами

[1]) Умеръ ректоромъ Петербургскаго университета, тайнымъ совѣтникомъ.

почиталъ ее, затѣмъ пожалѣлъ, что самъ постоянно ни въ одномъ изъ журналовъ не участвовалъ, почему лично содѣйствія оказать мнѣ не могъ, но тотчасъ же написалъ и далъ мнѣ письмо къ другому профессору Н. И. Костомарову.

— Если ваше произведеніе подходитъ къ журналу, въ которомъ онъ работаетъ, то онъ, будьте увѣрены, непремѣнно его пристроитъ,—обнадеживалъ онъ меня,—или отрекомендуетъ васъ кому слѣдуетъ: онъ со всѣми въ сношеніяхъ.

Онъ опять за руку распрощался со мною и проводилъ меня до передней, т. е. оказалъ мнѣ, какъ я уже зналъ, по свѣтскому этикету, большую честь.

Возвращаясь медленно домой, я тщательно дорогою размышлялъ: во-первыхъ,—почему профессоръ обошелся со мною столь различно отъ военныхъ полковниковъ и генераловъ, которымъ я тоже не былъ подчиненъ; во-вторыхъ,—какъ такой молодой человѣкъ успѣлъ сдѣлаться профессоромъ, а сдѣлавшись, такъ простъ, что подаетъ руку писарю, въ сущности вѣдь солдату; наконецъ, въ-третьихъ,—отчего, по его словамъ, Костомаровъ работаетъ, будто бы плотникъ, когда самъ же И. Е. надписалъ ему на конвертѣ „его превосходительству", значитъ, онъ генералъ, да еще ученый. Размышляя обо всемъ этомъ, я приблизился на углу Невскаго проспекта, къ картинному магазину Даціаро, въ окнѣ увидѣлъ печатную, на длинной, узкой лентѣ, надпись: „портретная галлерея писателей", а среди нихъ разглядѣлъ на портретѣ, по подписи, Костомарова, который оправдалъ мое фантастическое понятіе о профессорахъ: онъ выглядѣлъ изнуреннымъ, почти старикомъ, съ окладистою бородою, длинными волосами и въ ѳчкахъ. Это успокоило меня.

На другой день, утромъ въ праздникъ (ночью К. П. отпустилъ меня до 3-хъ часовъ по полудни), я отправился къ Костомарову. Старикъ, по гладко выстриженной головѣ и щетинистымъ усамъ, похожій на отставнаго солдата, въ отрепанномъ сюртукѣ,—впустилъ меня въ переднюю. Тамъ на полу и окнѣ лежали книги, газеты и тюки, на видъ, съ бумагами. Старикъ пошелъ съ письмомъ, а я, бросивъ свою шинель на скамейку,—обтянулъ сюртукъ, взялъ свою рукопись подъ мышку и тщетно старался успокоиться. Старикъ вернулся и, молча, кивнулъ мнѣ головой на дверь. Я вошелъ въ большую, свѣтлую комнату, въ которой по всей мебели и на полу валялись въ безпорядкѣ также книги, а по срединѣ комнаты возлѣ письменнаго стола, тоже заваленнаго книгами, сидѣлъ въ пальто, нагнувшись надъ бумагою, самъ Костомаровъ [1]). Увидѣвъ меня, онъ выпрямился и пытливо оглянулъ меня чрезъ очки.

[1]) Знаменитый историкъ; умеръ въ 1885 г.

— Здравія желаю, ваше превосходительство, — прерывающимся голосомъ произнесъ я, смутившись.

— Здравствуй, братъ, здравствуй, — громко, но сухо, произнесъ онъ.—Величаніе излишне: я не генералъ. Сядь вотъ сюда,—указалъ онъ мнѣ на стулъ, свободный отъ книгъ. — Покажи-ка мнѣ свою работу.

Дрожащими руками подалъ я ему, чрезъ столъ, свою рукопись, которую онъ началъ перелистывать и мѣстами читать, а я усѣлся на кончикъ стула и дрожалъ отъ волненія.

— Я, братецъ, отъ „Русскаго слова" уже отсталъ,—продолжалъ онъ,—потому самъ хлопотать о помѣщеніи твоего труда не могу, но я отрекомендую тебя одному изъ редакторовъ „Современника", куда это, какъ я полагаю, подходитъ, а онъ, Чернышевскій, человѣкъ съ отзывчивой душой, — выдвинетъ тебя, если твоя работа ему понравится, а если онъ признаетъ ее дрянью, то ты прямо брось ее въ печку: онъ цѣнитель хорошій, безпристрастный. Теперь только еще 12 часовъ, и онъ дома. Я и напишу ему записку, а ты отправляйся прямо къ нему, чтобы время напрасно не тратить.

Онъ что-то написалъ на почтовомъ листочкѣ, вложилъ его въ конвертъ, надписалъ и заклеилъ.

— Это ты про кантонистовъ написалъ, — вполнѣ современная тема,—продолжалъ онъ.—Кантонистская школа была, помню, и въ Саратовѣ, гдѣ я долго жилъ и слыхалъ про нее очень много дурнаго. Впрочемъ, судя по твоему цвѣтущему виду, ты отлично сохранился отъ школьныхъ голодухи и трепокъ... Желаю тебѣ успѣха. Валяй, братъ, скорѣй, чтобы застать Чернышевскаго дома.

Я всталъ, поклонился ему, взялъ свою рукопись и письмо и началъ было безсвязно благодарить его и извиняться за безпокойство.

— Ничего, ничего,—перебилъ онъ меня.—Я увѣренъ, что Чернышевскій сдѣлаетъ все, что можно. Прощай, братъ, прощай, а если я тебѣ понадоблюсь,—приходи ко мнѣ вечеромъ: тогда я свободенъ и потолкую съ тобою, а можетъ и помогу тебѣ въ чемъ-нибудь.

Онъ кивнулъ мнѣ головою, нагнулся къ столу и принялся писать.

Несмотря на холодный пріемъ Н. И., я остался вполнѣ доволенъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что онъ соотвѣтствовалъ моему идеалу ученаго по наружности, манерѣ и обстановкѣ.

Я вошелъ въ полутемную переднюю квартиры Чернышевскаго и передалъ письмо служанкѣ. Минутъ черезъ пять ко мнѣ вышелъ въ халатѣ мужчина и произнесъ:—„милости прошу сюда"—и пошелъ по коридору, а я за нимъ. Мы очутились въ небольшой, посредственно убранной комнатѣ, въ которой въ шкафахъ, на окнахъ и на мебели было также множество книгъ.

— Прежде всего, здравствуйте, — мягкимъ голосомъ заговорилъ Н. Г. Чернышевскій, протягивая мнѣ руку, которую я почтительно пожалъ.—Потомъ положите сюда на столъ вашу рукопись, скажите, какъ васъ зовутъ, садитесь безъ всякаго стѣсненія, да говорите со мною откровенно, какъ съ равнымъ. А ты, Марья, подай намъ сюда чаю.

Покамѣстъ онъ говорилъ, я его разглядывалъ. Онъ былъ бѣлокурый, почти рыжеватый, въ очкахъ, съ длинными, назадъ закинутыми волосами, длиннолицый, худощавый, со впалыми щеками, безъ усовъ и бороды, на видъ лѣтъ 30, а простотою онъ сразу мнѣ понравился. Я почувствовалъ себя съ нимъ совершенно свободнымъ.

— Разскажите мнѣ, вкратцѣ, гдѣ и чему вы учились, давно ли на службѣ, гдѣ служите и что побудило васъ, въ тяжеломъ солдатскомъ положеніи,—заняться сочинительствомъ.

Покамѣстъ я разсказывалъ,—онъ внимательно слушалъ и всматривался въ меня, а самъ о чемъ-то, казалось мнѣ, соображалъ.

— Коль скоро вы протянули такую суровую лямку, то изъ васъ можетъ выйти дѣльный человѣкъ,—замѣтилъ онъ, когда я замолчалъ.—Судя по вашимъ словамъ, ваше теперешнее начальство хорошее, а это отрадно. Но начальство это читаетъ книги, журналы, разсуждаетъ объ нихъ?

— Чиновники, особенно молодые, ежедневно разсуждаютъ и вспоминаютъ и хвалятъ ваши сочиненія.

— Я добиваюсь не похвалъ, — молвилъ онъ, улыбнувшись,—а того, чтобы читатели думали и дѣйствовали такъ, какъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ. И вы читайте тоже для того, чтобы усвоить себѣ правильное понятіе о прочитанномъ и чтобы это понятіе примѣнять, по возможности, къ средѣ, въ которой вращаетесь.

— Постар-раюсь... Извините, если я спрошу васъ...

— Спрашивайте, сдѣлайте одолженіе, о чемъ угодно.

— Не вы ли, года три тому назадъ были, однажды вечеромъ у графа Орлова-Давыдова? Я тогда переписывалъ ему бумаги и за мои отвѣты, при спорѣ господъ объ освобожденіи крестьянъ, подарили мнѣ еще 5 рублей, да еще поцѣловали меня.

— Ахъ, да, припоминаю, я самый, и теперь я узнаю васъ, — съ живостію отвѣтилъ онъ, снова пожавъ мнѣ руку. — Я радъ, очень радъ, что вы съ тѣхъ поръ настолько развились, что начали писать.

— Рукопись вашу я прочту, и если только будетъ хоть малѣйшая возможность, помѣщу ее. Не нуждаетесь ли въ деньгахъ?

— Нѣтъ-съ. Вотъ если бы напечатали, несказанно порадовали бы меня.

— Вы много потерпѣли, значитъ, закалились, ну, такъ еще потерпите, можетъ, и порадуетесь.

Онъ свелъ разговоръ на наше житье-бытье. Вдругъ, вошелъ, безъ доклада, высокій, плотный, серьезный молодой человѣкъ въ очкахъ, безъ усовъ, но съ бородою, какъ нѣмецкіе пасторы [1]). Они поздоровались на „ты“, и хозяинъ представилъ меня гостю, который тоже подалъ мнѣ руку, но сосредоточенное, грустное выраженіе лица его, рѣзкій, какъ мнѣ показалось, голосъ смутили меня. Онъ спросилъ меня, гдѣ я воспитывался? Я отвѣтилъ, въ баталіонѣ.

— Ба, такъ мы съ вами, вѣдь, земляки, — почти весело продолжалъ онъ.—А есть у васъ въ Нижнемъ родители, родственники?

Я назвалъ крестнаго.

— Да, вѣдь, мы съ вами, значитъ, дѣтьми играли въ церковномъ саду, послѣ обѣдни, когда вашъ отецъ бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ. Припоминаете?

— Вы, стало-быть, сынъ протоіерея Покровской церкви?

— Ну, да, да. И такъ бывшіе: я — семинаристъ, а вы — кантонистъ, вотъ гдѣ встрѣтились. Такъ будемте вмѣстѣ сбирать въ наше ополченіе, по примѣру нашего предка Минина. Я охотно занялся бы вашимъ произведеніемъ, да жаль, уѣзжаю послѣзавтра за границу [2]).

— Не безпокойтесь, пожалуйста, — вмѣшался хозяинъ, — я не обижу его.

Вошелъ пожилой, высокій господинъ съ французскою бородкою, истомленнымъ, добрымъ лицомъ и сиплымъ голосомъ. Оба встали и поздоровались съ нимъ, какъ младшіе со старшимъ, — почтительно. Хозяинъ извинился передъ нимъ, что не успѣлъ одѣться, сказалъ ему про меня и показалъ письмо Костомарова, а землякъ просилъ его оказать мнѣ вниманіе, какъ товарищу его дѣтства. Оба называли его Николаемъ Алексѣевичемъ.

— Пиши, пиши, братецъ, хорошенько, поддержимъ, — протяжно заговорилъ пожилой, потрепавъ меня по плечу. — Ты изъ народа — говори намъ его устами, правду про его радости и печали.

— А вы читали стихотворенія Некрасова?—спросилъ меня Добролюбовъ.

— Нѣкоторыя въ „Современникѣ“ читалъ.

— Такъ вотъ онъ самъ поэтъ передъ вами.

— Я выпучилъ глаза и замеръ отъ охватившаго меня волненія, ибо въ канцеляріи всѣ его превозносили, и я его представлялъ себѣ неземнымъ существомъ.

— Если ты читалъ только нѣкоторыя, такъ дайте ему, Николай Гавриловичъ, всѣ. Прочитай, братецъ, и скажи: можетъ ли народъ понимать ихъ?

---

[1]) Добролюбовъ.

[2]) Умеръ въ 1861 г.

Добролюбовъ досталъ, тѣмъ временемъ, изъ шкафа три книги, завернулъ ихъ въ газету и подалъ мнѣ.

— Прочитайте, пожалуйста, внимательно,—внушалъ мнѣ Чернышевскій, — чтобы въ вашей памяти сохранились, изображенныя поэтомъ, картины и лица. Рукописью вашею я непремѣнно займусь, а вы недѣли черезъ три зайдите ко мнѣ, утромъ же, въ праздникъ: на досугѣ побесѣдуемъ.

Я всталъ, раскланялся всѣмъ; они подали мнѣ руки, и я ушелъ въ величайшемъ восторгѣ, что въ одно утро удостоился лицезрѣть и говорить съ четырьмя свѣтилами тогдашней литературы.

Назначенный Ч—скимъ трехнедѣльный срокъ пережилъ я въ большомъ волненіи и ежедневно отсчитывалъ, сколько дней оставалось мнѣ ждать. Затѣмъ въ условленное время я явился къ нему, но онъ извинился, что не успѣлъ еще прочесть, разспросилъ меня, понялъ ли я стихотворенія Некрасова, многія изъ нихъ онъ зналъ, къ удивленію моему, наизусть, предлагалъ мнѣ опять денегъ, отъ которыхъ я снова отказался, сообщилъ мнѣ, что Добролюбовъ сильнѣе за границею расхворался и подарилъ мнѣ на память свою фотографическую карточку. Когда я пришелъ къ нему еще чрезъ двѣ недѣли, онъ объявилъ мнѣ, что рукопись прочелъ.

— Мысли, факты, негодованіе противъ угнетателей, — все это у васъ прекрасные,—началъ онъ,—но все это нужно выставить поярче, а сами вы едва-ли сумѣете сдѣлать такъ, какъ нужно. Вы, вѣдь, не спѣшите?

— Нѣтъ, могу ждать, сколько угодно, только бы напечатать.

— Въ такомъ случаѣ, я самъ это сдѣлаю, если не будете меня торопить. Еще вотъ что: пишите, какъ говорите, просто, прямо, а то у васъ книжный языкъ-съ.

Я на все согласился. Онъ спросилъ меня, долго ли мнѣ до чина остается служить? Я отвѣтилъ—почти 7 лѣтъ.

— О, это много еще можетъ постигнуть васъ стѣсненій по милости вашей формы. Вамъ надо выбраться въ гражданское вѣдомство. На досугѣ я поразспрошу знакомыхъ, какъ это дѣлается, и постараюсь пособить вамъ превратиться въ статскаго, а это порадуетъ и Николая Александровича. Адресъ вашъ у меня есть, и я васъ извѣщу обо всемъ.

Изъ всей рѣчи Чернышевскаго слова „книжный языкъ" точно колоколъ звенѣли у меня въ ушахъ, и я недоумѣвалъ, что значили эти слова, а мысль выбраться въ гражданское вѣдомство мнѣ понравилась: я сразу пожелалъ избавиться отъ насмѣшекъ нѣкоторыхъ товарищей и нѣсколькихъ начальниковъ, изъ которыхъ самымъ опаснымъ представлялся мнѣ вице-директоръ, полковникъ Д. С. Мордви-

новъ: онъ, прежде благоволившій ко мнѣ, со времени прочтенія моего возраженія, сталъ относиться ко мнѣ пренебрежительно, а иногда и непріязненно.

Безвинная эта непріязнь меня, правда, огорчала, но самое огорченіе въ значительной степени умалялось, по моему разумѣнію, тѣмъ, что я возмечталъ, съ обѣщанною мнѣ Чернышевскимъ помощью, скоро сдѣлаться сочинителемъ, а потомъ и освободиться изъ военной службы, къ которой я еще съ дѣтства не питалъ расположенія, съ тѣхъ же поръ, какъ я предался сочинительству, я воспылалъ къ ней антипатіею, за то, прежде всего, что развившееся во мнѣ самолюбіе мое страдало отъ обязанности предъ всѣми офицерами снимать на улицѣ шапку, а предъ генералами становиться еще во фронтъ. Продолжая, однако, по необходимости, усердно служить при К. П., да досугами заниматься самообразованіемъ, я, однажды вечеромъ, столь сильно углубился въ чтеніе, помню „Исторіи законодательства" Неволина, что не слыхалъ, какъ ко мнѣ приблизился К. П. и ласково спросилъ, что я читаю? Я вздрогнулъ, вскочилъ на ноги и, въ замѣшательствѣ, подалъ ему книгу. Онъ посмотрѣлъ заглавіе и освѣдомился, понимаю ли я содержаніе читаемаго. Я признался, что стараюсь кое-что понять.

— Старайся, старайся,—продолжалъ онъ,—это принесетъ тебѣ, со временемъ, пользу, а я вышелъ порадовать тебя съ измѣненіемъ порядка отдаванія нижними чинами высшимъ чести на улицахъ; вмѣсто сниманія шапокъ, устанавливается прикладывать руку къ козырьку шапки, какъ дѣлаютъ офицеры. Это вамъ облагораживающая новая монаршая милость. Холостые твои товарищи, вѣроятно, еще не спятъ: вѣдь, только еще 10 часовъ, такъ сходи къ нимъ на верхъ, поздравь ихъ отъ меня съ благимъ нововведеніемъ и вернись: ты мнѣ нуженъ будешь.

Писаря, услышавъ мое объявленіе, очень обрадовались, тотчасъ же собрали между собою, въ складчину, денегъ и устроили на нихъ пирушку, которая у нихъ такъ затянулась, что я ее еще засталъ, по возвращеніи со службы около 2-хъ часовъ ночи, а два дня спустя, писаря съ удовольствіемъ читали приказъ (отъ 3-го марта 1862 г., № 47) и горделиво репетировали, какъ, согласно приказу, слѣдовало дѣлать офицерамъ честь подъ козырекъ.

Освобожденіе кантонистовъ отъ обязательнаго поступленія въ баталіоны, увольненіе солдатскихъ сыновей въ податное состояніе, сокращеніе срока службы нижнимъ чинамъ, дарованіе кандидатамъ изъ нихъ пенсіи, отмѣна: крѣпостнаго права, винныхъ откуповъ, формы для студентовъ и другія существенныя улучшенія народнаго быта должны бы, казалось, вызвать всеобщую признательность правитель-

ству, а между тѣмъ, по мѣрѣ введенія реформъ, нарождались и увеличивались разныя смятенія, начавшіяся съ студенческихъ волненій и хожденія ихъ тысячною толпою (среди нея не мало офицеровъ) изъ университета къ ректору, генералу Филипсону (на Владимірскую улицу), домогаться отмѣны преподанныхъ имъ матрикулъ (въ 1861 г.), потомъ обнаружились ярые недовольные, желавшіе сразу все измѣнить, сочиняли и распространяли возмутительныя воззванія, за которыя они же жестоко страдали. Такъ, изъ вычитанной мною бумаги, я узналъ, что поручикъ Обручевъ осужденъ былъ генералъ-аудитаріатомъ въ каторжныя работы за то, что хотѣлъ произвести въ Россіи революцію (что она значила—я тогда положительно не понималъ). Профессоръ Павловъ прочелъ въ благородномъ собраніи такую рѣзкую статью о тысячелѣтіи Россіи, что его выслали изъ Петербурга. Затѣмъ, однажды вечеромъ, въ отсутствіе К. П. изъ дома, въ мою „пріемную" вошелъ какой-то приличный господинъ, подалъ мнѣ два толстыхъ пакета со словами: „одинъ—для директора, другой—для васъ съ товарищами: внимательно прочтите интересную эту книжку", и ушелъ. Я снесъ въ кабинетъ К. П. одинъ, а другой пакетъ—распечаталъ, вынулъ изъ него 4 печатныхъ листка и покуда читалъ ихъ, чувствовалъ то жаръ, то ознобъ, ибо дерзкое содержаніе листковъ произвело на меня одуряющее впечатлѣніе, а вернувшись въ казарму, я не могъ всю ночь уснуть: все думалъ о прочитанномъ, на утро же далъ, по секрету, прочесть листки казавшимся мнѣ наиболѣе надежными, двумъ сослуживцамъ, но изъ нихъ одинъ назвалъ дуракомъ сочинителя листковъ, а другой—такъ ими заинтересовался, что отжилилъ ихъ у меня. Съ тѣхъ поръ я часто сталъ получать чрезъ швейцара печатные же и писанные листки, которыхъ никому уже не показывалъ. Въ то же время почти ежедневно слышалъ, какъ молодые чиновники кружками читали и обсуждали тѣ же листки и рукописныя стихотворенія, озаглавленныя, напр., одно — „Заштатный чиновникъ" — кончалось словами: „возьму свой ножъ заржавленный и кровію хлѣбъ куплю", другое же начиналось словами: „Милый другъ, я умираю оттого, что былъ я честенъ, но за то родному краю вѣрно буду я извѣстенъ", въ третьемъ—узникъ говорилъ: „О, еслибъ мнѣ силу и власть, чтобы я могъ все поднять, сдвинуть, потрясать, — я залилъ бы кровію предѣлы земли, чтобы новые люди родиться могли", четвертое — „На смерть друга" привожу, насколько сохранилось въ моей памяти, а именно:

Жаждой правды изнывая
Въ темномъ царствѣ лжи и зла,
Жизнь зачахла молодая —
Гнета не снесла...

И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Отстрадавшій братъ.
Но скорбный голосъ говоритъ изъ гроба,
Что жъ молчитъ въ васъ, братья, злоба,
Что любовь молчитъ.
Или силы для отпора
Въ вашей злобѣ нѣтъ и т. д.

Нѣкоторое время спустя огласилось, что сочинителей листковъ и стиховъ переловили и посадили, а у многихъ, заподозрѣнныхъ, дѣлали обыски, поэтому я, изъ самосохраненія, сжегъ всѣ листки, но и послѣ того внимательно прислушивался къ разговорамъ по этому предмету чиновниковъ, а они не преминули сообщать другъ другу: сперва о предстоявшемъ объявленіи на площади приговора сочинителю послѣдняго стихотворенія, за какія-то прокламаціи, найденныя въ его квартирѣ въ мраморномъ бюстѣ, а потомъ—о назначенномъ днѣ объявленія приговора. Разсуждали они объ этомъ громко, безъ всякаго стѣсненія, потому и мнѣ стало извѣстно. И вотъ я, рано утромъ, отправился на Конную площадь взглянуть на того, кто волновалъ мое воображеніе и лишалъ меня сна. И я видѣлъ поставленнаго, въ статскомъ платьѣ, на эшафотѣ смуглаго, блѣднаго, худощаваго человѣка въ очкахъ, слышалъ, какъ квартальный читалъ что-то вслухъ, запомнилъ только изъ его чтенія, что онъ назвалъ человѣка губернскимъ секретаремъ Михаиломъ Михайловымъ, видѣлъ, какъ палачъ ставилъ его къ черному столбу, вдѣвалъ его руки въ желѣзныя кольца, вынималъ ихъ, ставилъ его на колѣни, ломалъ надъ его головою шпагу, переодѣлъ его въ сѣрую арестантскую куртку, свелъ его съ эшафота, всадилъ въ карету, и она укатила, а глазѣвшая толпа разошлась въ разныя стороны... Печальное это зрѣлище глубоко врѣзалось мнѣ въ память, и я долго это помнилъ и жалѣлъ несчастнаго, о которомъ и молодые наши чиновники, съ Саранчовымъ во главѣ, горячо, случалось, спорили, а иные восхваляли его стихотворный и беллетристическій таланты.

Смолкшіе было толки о немъ вдругъ снова поднялись, вслѣдствіе появившагося разсказа, будто бы, по привозѣ его въ Сибирь, тамошнія власти разрѣшили ему переодѣться изъ арестантскаго въ статское платье и снять кандалы, будто бы изъ нихъ сдѣлали браслеты, устроили балъ и на немъ будто бы были: онъ—гостемъ во фракѣ, а мѣстныя дамы—въ желѣзныхъ браслетахъ (онъ былъ уроженецъ Сибири и имѣлъ тамъ родственниковъ), будто бы обо всемъ этомъ донесъ въ Петербургъ жандармскій начальникъ, а отсюда властей уволили и наказали. Молва эта усилилась и передавалась какъ бы за правду, по случаю преданія военному суду полковника

Н. В. Шелгунова [1]), по обвиненію, между прочимъ, въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Михайлову (добровольно сопровождалъ его въ Сибирь), въ перепискѣ съ разжалованнымъ въ рядовые офицеромъ Костомаровымъ, въ написаніи не пропущенной цензурою статьи, доказавшей вредный образъ его мыслей.

Терпѣливо ожидая появленія моего труда въ печати, я, вслѣдствіе происходившихъ разныхъ безпорядковъ и громаднаго пожара, отъ котораго сгорѣлъ Апраксинъ рынокъ (въ Духовъ день въ 1862 г.), будто бы отъ поджога его тѣми же смутьянами,—я сталъ безпокоиться, отчего Чернышевскій очень ужъ долго держалъ меня въ невѣдѣніи объ участи моего труда, и кончилъ тѣмъ, что пошелъ напомнить ему о себѣ, благо онъ столь дружески меня принималъ. Однако, несмотря на трехкратные мои звонки, никто не отворялъ мнѣ двери въ его квартиру. Желая дознаться причины, я отыскалъ, во дворѣ дома, дворника и спросилъ его: „не выѣхалъ ли Чернышевскій [2]) въ другую квартиру?"

— Да, выѣхалъ, выѣхалъ въ казенную квартиру даже,—отозвался онъ;—въ крѣпости, подъ замкомъ, братецъ, квартируетъ ужъ славный баринъ. Забрали его, всѣ его книги и бумаги, а семья его опосля къ родителямъ въ провинцію направилась сердешная. И ты, милый другъ, уходи скорѣе отселева, поколь цѣлъ: фискалы тутъ ловятъ дураковъ, которые его спрашиваютъ, а тебя, глупаго, мнѣ жаль отдавать имъ въ руки, потому натерпишься муки.

Выслушавъ дворника, я, крайне огорченный, покорно послѣдовалъ его совѣту,—побрелъ домой, а на другой день Саранчовъ, на мой вопросъ, подтвердилъ мнѣ печальную вѣсть, слышанную мною отъ дворника. Тогда я заключилъ, что моя мечта разлетѣлась, какъ дымъ!.. Мало того: мною овладѣлъ страхъ, какъ бы и меня не постигла бѣда за то, что я бывалъ у Чернышевскаго, а невольно вспоминая, при

[1]) Происходилъ изъ дворянъ, кончилъ курсы: въ Лѣсномъ и Межевомъ институтѣ прапорщикомъ въ 1841 г.—17 лѣтъ, въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ, съ отличнымъ успѣхомъ подпоручикомъ въ 1843 г., потомъ послѣдовательно служилъ: подлѣсничимъ, запаснымъ лѣсничимъ, лѣснымъ ревизоромъ, ученымъ лѣсничимъ, начальникомъ отдѣленія лѣснаго департамента, а назначенный астраханскимъ губернскимъ лѣсничимъ (24-го ноября 1861 г.), отказался туда ѣхать, а уволился въ отставку полковникомъ съ мундиромъ и пенсіею по 285 р. 90 к. въ годъ 7-го мая 1862 г. Въ продолженіе службы за ученыя сочиненія по лѣсной части получилъ разновременно 4 раза премiи по 250 р., а разъ—400 р. и брилліантовый перстень, командировывался за границу съ ученою цѣлью въ 1856 г. на 6 мѣсяцевъ и въ 1861 г.—на 4 мѣсяца. Рѣшеніе генералъ-аудиторіата о лишеніи Шелгунова пенсіи, мундира и ссылкѣ на житье на отдаленную губернію, подъ надзоръ полиціи, утверждено было 28-го октября 1864 г.; умеръ онъ въ Петербургѣ въ 1891 г.

[2]) Арестованъ 2-го іюля 1862 г.

этомъ, что грозило Воронкову за переписку бумаги Тимковскому, мнѣ нерѣдко чудилось, что я уже тоже въ ордонансъ-гаузѣ, подъ судомъ и меня осуждаютъ къ тѣлесному наказанію, а за что именно— мнѣ не объявляютъ. Оттого я, изъ самосохраненія, съ невыразимою радостью дважды прочелъ общій указъ объ отмѣнѣ клейменія и стеганія плетьми и военный приказъ о прекращеніи гонянія сквозь строй и дранья розгами всѣхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ тѣхъ, которые считались штрафованными (17-го апрѣля 1863 г.). Милосердные эти акты облегчали, какъ мнѣ казалось, мое угнетенное состояніе духа, и я напрягалъ всѣ усилія заглушить свое горе служебными рачительными трудами.

Между тѣмъ К. П., дотолѣ домосѣдъ, вдругъ началъ, нерѣдко, куда-то отлучаться изъ Петербурга недѣли на двѣ, а въ это время исправлялъ его должность Мордвиновъ, и я долженъ былъ дежурить при немъ, а онъ, какъ я полагалъ, нарочно унижалъ меня: при лакеѣ, напримѣръ, приказывалъ мнѣ подавать уходившимъ генераламъ шинели, убирать со стола тарелки, дѣлалъ мнѣ выговоры, то—за длинные волосы, то — за отстегнутую пуговицу, то — за стояніе предъ нимъ не на вытяжку, то — за поздній приходъ, то — за дурно запечатанный конвертъ и такъ далѣе, при чемъ каждый разъ приплеталъ, съ сарказмомъ, мое сочинительство. Я, что называется, изъ кожи лѣзъ, чтобы потрафить ему, но всѣ мои усилія пропадали напрасно: онъ съ какимъ-то какъ бы злорадствомъ терзалъ меня.

Все это я высказывалъ близкимъ товарищамъ, а между ними и однокашнику Львову, служившему старшимъ телеграфистомъ при генералъ-губернаторѣ, свѣтлѣйшемъ князѣ Суворовѣ, который благоволилъ къ нему, а потому и всѣ состоявшіе при князѣ генералы, офицеры и чиновники были къ Львову тоже внимательны. Львовъ и узналъ мнѣ, что въ канцелярію оберъ-полицеймейстера изстари переводили военныхъ писарей, съ переименованіемъ ихъ въ писцы и до производства въ классный чинъ, они считались какъ бы чиновники, да вызвался, при случаѣ, устроить мнѣ переводъ чрезъ одного изъ вліятельныхъ чиновниковъ особыхъ порученій генералъ-губернатора.

Пословица „нѣтъ худа безъ добра" понудила меня рискнуть. Я несъ разъ отъ К. П. бумаги и по пути разсматривалъ ихъ. Это Мордвиновъ увидѣлъ и при многихъ закричалъ на меня:

— Я жду бумагъ, а ты, скотина этакая, прохлаждаешься съ ними. Я тебя такъ приструню, что забудешь свою дурь—сочинительство и любопытство.

— Я просматриваю бумаги по приказанію директора,—отвѣтилъ я смѣло,—чтобы помнить, какія когда передалъ, и вы незаслуженно изволите бранить меня.

— Ты еще разсужд-дать. Въ гарнизонъ сошлю за дерзость!...

— Прежде, чѣмъ безвинно сошлете меня,—я самъ отъ васъ уйду.

— Молча-ть!....

Я повиновался, но въ тотъ же вечеръ бросился къ Львову, а онъ на другой же день отвѣтилъ мнѣ, что пришлютъ запросъ о томъ, нѣтъ ли къ моему переводу препятствій, а чтобы они не встрѣтились,—я обратился съ просьбою къ К. П. Онъ удивился моему желанію уйти отъ него и спросилъ меня о причинѣ. Я разсказалъ ему о систематическомъ преслѣдованіи меня Мордвиновымъ.

— Я объ этомъ уже слышалъ,—отозвался онъ,—и не разъ намекалъ Дмитрію Сергѣевичу, чтобы былъ съ тобою сдержаннѣе, но онъ видимо, этого не желалъ, а мирить тебя, писаря, съ нимъ, вице-директоромъ, полковникомъ, я, къ сожалѣнію, не могу: между вами слишкомъ большая разница. Однако, прямо предложить ему быть къ тебѣ справедливымъ—я готовъ.

— Самое лучшее, будьте столь добры, отпустите меня въ переводъ. Этимъ вы меня навсегда осчастливите.

— Я тобою вполнѣ доволенъ и, ежели бъ ты еще немного при мнѣ послужилъ—я бы тебя непремѣнно произвелъ въ чиновники гораздо раньше срока,—да и взялъ бы съ собою при предстоящемъ мнѣ повышеніи.

— Вы часто изволите уѣзжать, а во время вашего отсутствія мнѣ страшно оставаться при немъ.

— Да, онъ можетъ тебя обидѣть, это правда, а когда буду я назначенъ—еще неизвѣстно.

— Въ такомъ случаѣ окажите мнѣ милость—отпустите меня.

— Пожалуй, переводись съ Богомъ: можетъ, и счастливѣй будешь. За службу твою, я тебя письмомъ отрекомендую оберъ-полицеймейстеру, чтобы обратилъ на тебя особенное вниманіе. Понадобится тебѣ что-нибудь—пожалуйста, приходи ко мнѣ или напиши мнѣ безъ всякаго стѣсненія: кѣмъ бы и гдѣ бы я ни былъ,—я всегда буду тебѣ полезнымъ во всемъ, что только пожелаешь.

И переводъ мой въ три дня состоялся (1-го октября 1863 г.). Хотя я въ точности не зналъ, что именно ждало меня впереди, тѣмъ не менѣе я на прощанье съ воинскою дисциплиною справилъ товарищамъ „отвальную". За угощеніемъ мнѣнія о томъ, выгадаю ли я или прогадаю уходомъ—распались почти пополамъ.

— Разумѣется, прогадаешь,—настаивалъ старикъ Волковъ.—Здѣсь ты со временемъ былъ бы министерскимъ чиновникомъ, а тамъ ты сдѣлаешься полицейскимъ крючкомъ, крючковъ же этихъ въ департаменты, ау, братъ, уже не переводятъ за ихъ крючкотворства... И все глупое твое сочинительство виною: оно и на дѣтяхъ, помни, дурно

отзывается: Булгаринъ былъ знаменитый сочинитель, а сыну его, хоть и давно служитъ у насъ и кончилъ всякіе курсы,—штатной должности все-таки не даютъ; остерегаются, какъ бы не сталъ печатать противъ начальства.

— А печатать бы вѣдь нужно, охъ, какъ нужно,—возразилъ другой, Колобовъ.—Напримѣръ, нашъ казначей г. Писаревскій, какъ вчера окончательно выяснилось,—промоталъ двадцать пять тысячъ казенныхъ денегъ, а уходитъ въ отставку съ полною пенсіею съ слѣдующимъ хоть статскимъ, но генеральскимъ чиномъ, денежки же пополнятъ изъ жалованья чиновниковъ, а имъ сквитаютъ вычетъ при наградѣ къ Пасхѣ. Когда обнаружилась растрата нашего казначея—велѣли внезапно обревизовать всѣхъ казначеевъ и открыли, что казначей инспекторскаго департамента, полковникъ Монтандръ, спустилъ сорокъ тысячъ, потому и его отпускаютъ съ миромъ, чтобы только не огласилось: боятся печатанія объ этихъ оказіяхъ. Хвалить нашего директора тоже надо погодить: человѣкъ при немъ проторчалъ слишкомъ три года, дни и ночи насквозь, а онъ не рѣшается: ни приказать вице-директору, ни придраться къ этому человѣку, ни даже дать этому человѣку на прощанье награду за каторжную службу: боится, что это не понравится вице-директору...

— Хорошо бы напечатать также и про тестя нашего вице-директора,—вставилъ Ивановъ.—Я самъ слышалъ, какъ онъ разсказывалъ, что крестьяне за то, что тесть лишалъ невинности всѣхъ бывшихъ его крѣпостныхъ дѣвицъ послѣ обнародованія воли, подстерегли его въ саду и въ клочья разорвали, такъ что и хоронить нечего было. Онъ, Мордвиновъ, и ѣздилъ замять это дѣло, чтобы не потерять женина наслѣдственнаго помѣстья: за жестокое обращеніе помѣщика съ крестьянами оно должно бы перейти въ казну.

На утро я одѣлся въ статское платье и впервые смѣло пошелъ на новую службу, но въ воротахъ наткнулся на Мордвинова и только слегка поклонился ему.

— Стой, какъ ты смѣлъ такъ одѣться?—крикнулъ онъ. Разжал-лую...

— Опоздали-съ,—отвѣтилъ я,—вслѣдствіе вашихъ придирокъ и угрозъ—я уже не подчиненный вамъ писарь, а гражданскій писецъ, почти чиновникъ.

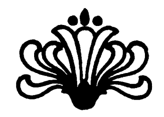
— Что-о?—злобно проговорилъ онъ, покраснѣвъ, врешь!

— Нѣтъ, правду говорю вамъ. Прощайте, мнѣ пора на службу [1]).

---

[1]) Переводъ мой состоялся въ тайнѣ отъ него. Онъ потомъ былъ директоромъ канцеляріи, а умеръ членомъ военнаго совѣта, полнымъ генераломъ и генералъ-адъютантомъ.

Я повернулся и, какъ побѣдитель, направился дальше, благословляя судьбу за право безъ страха проходить мимо генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, даже не дѣлать имъ подъ козырекъ.... Мое тогдашнее настроеніе способенъ былъ понять, какъ я полагалъ, лишь тотъ, кто послѣ долгаго нахожденія въ казематѣ вдругъ очутился на волѣ....



Мнѣ еще не минуло и пяти лѣтъ, какъ, сначала отецъ мой, а затѣмъ мать были арестованы и отвезены въ Вильно на перекладныхъ. Мать вернулась скоро, отецъ мѣсяцевъ пять спустя. Я очень хорошо помню день возвращенія моего отца. Онъ пріѣхалъ утромъ, когда мы сидѣли за чаемъ. Блѣдный, истомленный, обросшій бородою, онъ вошелъ, снялъ шубу и, не говоря ни слова, направился въ комнату, гдѣ у насъ былъ маленькій алтарь у иконы Остробрамской Божьей Матери, палъ на колѣни и зарыдалъ. Мы всѣ также плакали. Мнѣ уже 65 лѣтъ, но этой минуты я забыть не могу и, вѣроятно, не забуду до гроба. Въ чемъ обвиняли моихъ родителей, я тогда не зналъ и мнѣ не говорили, но впослѣдствіи мать разсказала намъ, что они арестованы были по доносу борисовскаго городничаго, ренегата, оклеветавшаго ихъ, будто они находились въ сношеніяхъ съ какимъ-то эмиссаромъ, котораго они, какъ оказалось на слѣдствіи, и въ глаза никогда не видѣли. Городничій былъ сердитъ на моихъ родителей и мстилъ имъ за то, что они нѣсколько разъ пріютили въ своемъ домѣ жену его, которую онъ тиранилъ и выгонялъ вонъ отъ себя.

Впрочемъ, то было время, когда не только городничій, всесильный въ то время представитель власти, но и самый маленькій чиновникъ могъ погубить человѣка.

Домъ, въ которомъ мы жили, находился неподалеку отъ почтовой станціи. Почти ежедневно приходилось видѣть намъ по нѣсколько почтовыхъ кибитокъ, запряженныхъ парою, на которыхъ обыкновенно сидѣли по серединѣ какой-нибудь статскій въ кандалахъ, а по бокамъ два вооруженныхъ жандарма. Намъ при этомъ объясняли, что это „москали везутъ поляковъ въ Сибирь“, и, къ сожалѣнію, это была правда. Естественно, что въ мою душу рано начало закрадываться нерасположеніе и страхъ ко всему русскому.

Такія печальныя условія жизни и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, въ то ужасное время, были явленіями обычными, и благодаря, имъ воспитаніе польскаго юношества въ дѣтства, какъ-будто нарочно и систематически направлялось къ тому, чтобы озлобить и создать изъ подрастающей польской молодежи непримиримаго врага Россіи.

Для польскаго народа и для большинства населенія Литвы, Украйны и Бѣлоруссіи такая система управленія имѣла самыя роковыя послѣдствія, и наступило время сказать, что огромную долю вины въ послѣдующихъ несчастіяхъ этихъ окраинъ должна принять на себя тогдашняя администрація края, озлоблявшая безъ толку и безъ пользы противъ Россіи польскую интеллигенцію и народъ. Гоненія на языкъ, на вѣру, обращеніе посредствомъ кнута и ссылокъ массы народа въ православіе—вѣдь это не забудется никогда.

Кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ неминуемо пожнетъ бурю, которая когда-нибудь скажетъ правду объ этихъ сѣятеляхъ.

Что я не сгущаю красокъ и пишу лишь сущую правду, рекомендую прочесть „Записки полковника Ломачевскаго“ („Вѣстникъ Европы“ 1863 г.), бывшаго въ то время начальникомъ минскаго губернскаго жандармскаго управленія. Въ запискахъ этихъ подробно изложенъ рядъ фактовъ того страшнаго террора и тѣхъ инквизиціонныхъ и безправныхъ порядковъ, которые практиковались администраціей края при генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ. Факты, сообщенные г. Ломачевскимъ, должны вызвать не только краску стыда, но и угрызенія совѣсти у каждаго честнаго русскаго человѣка.

Поляковъ обвиняютъ въ отсутствіи терпѣнія, въ неумѣніи сдерживать себя, въ крайней горячности. Я утверждаю, что наступитъ время и оно уже недалеко, когда исторію станутъ писать не чиновники, умѣющіе искусно подтасовывать факты, а люди честные, и тогда терпѣніе поляковъ войдетъ въ поговорку и будетъ служить примѣромъ. Столько страданій, столько ужасовъ, сколько вынесъ польскій народъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ и за это время только два раза серьезно запротестовалъ противъ такой исторической несправедливости и грубаго насилія—это ли еще не доказательство сверхъ-терпѣнія?! Если такое терпѣливое отношеніе къ своей участи есть заслуга, то поляки этимъ качествомъ похвалиться имѣютъ полное право.

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, меня отдали въ Брестскій кадетскій корпусъ. Ближайшая причина, побудившая родителей моихъ избрать для меня военную карьеру, заключалась въ желаніи избавить меня отъ необходимости служить простымъ рядовымъ, такъ какъ по закону, существовавшему въ то время (конскрипція), который императоръ Николай I считалъ къ тому же привилегіей, оставленной полякамъ, старшіе сыновья польскихъ дворянъ, а я былъ таковымъ, обязаны были служить въ военной службѣ, начиная съ рядоваго, съ правомъ, впрочемъ, выслуги, что при тогдашнихъ строгихъ военныхъ порядкахъ было крайне тяжело.

О томъ, какъ насъ учили и воспитывали въ корпусѣ, я подробно изложилъ въ моихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1895 г. въ іюнѣ и въ ноябрѣ, и повторять этого не буду, считаю, однако, нужнымъ прибавить, что проведенное мною время въ корпусѣ, особенно въ періодъ пребыванія Брестскаго корпуса въ Москвѣ [1]), подъ вліяніемъ, съ одной стороны, милыхъ и добрыхъ

[1]) Совпавшій съ воцареніемъ императора Александра II-го и коренными реформами.

товарищей, а съ другой,—прекрасныхъ, гуманныхъ и образованныхъ преподавателей, — подѣйствовало на меня до такой степени благотворно, что инстинктивный страхъ и злоба ко всему русскому уступило мѣсто твердому желанію поближе и обстоятельнѣе познакомиться съ русской жизнью, съ русской исторіей и литературой. Такой переворотъ во взглядахъ случился, впрочемъ, не съ однимъ мною.

Насъ, поляковъ, въ Брестскомъ корпусѣ было болѣе половины всего состава. Сначала мы держались въ сторонѣ отъ товарищей русскихъ, но къ концу моего пребыванія въ корпусѣ мы жили дружно и согласно. Между нами водворились миръ и уваженіе къ національнымъ и религіознымъ убѣжденіямъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что исторія Брестскаго корпуса, какъ воспитательнаго заведенія, можетъ служить образцомъ, какъ слѣдуетъ воспитывать польское юношество, чтобы въ результатѣ явилась полная гармонія между двумя братскими народами и разъ навсегда закончилась вражда, стоющая и жертвъ, и страданій [1]). Теперешнимъ школамъ въ Польшѣ и Литвѣ съ ихъ безсердечнымъ направленіемъ и руссофильскими тенденціями, дошедшими до озлобленія противъ всего польскаго, не достигнуть этого никогда. Отъ такихъ школъ, гдѣ идутъ еще глупыя и безцѣльныя пререканія на счетъ того, на какомъ языкѣ дѣти должны молиться, ничего хорошаго не выйдетъ. Ту „заразу", которую этимъ путемъ хотятъ искоренять — сугубо распространяютъ.

Вѣчная благодарность воспитателямъ Брестскаго корпуса отъ русскихъ и польскихъ ихъ воспитанниковъ!!

Я вышелъ изъ корпуса съ полнымъ сознаніемъ того, что въ несчастіяхъ польскаго народа ни русское образованное общество, ни даже русскій народъ никакой активной и сознательной роли не принимали. Они были въ полномъ невѣдѣніи того, изъ-за чего существуетъ вражда, кто правъ, кто виноватъ. Исторіи этихъ отношеній они не знали и знать не интересовались. И общество, и народъ въ польско-русскихъ отношеніяхъ ограничились лишь тѣмъ, что повторяли съ чужихъ голосовъ сказки, что поляки бунтовщики и поджигатели, но въ то же самое время не только злобы, но даже особой непріязни къ полякамъ не имѣли. Несмотря на десятки тысячъ брошюръ, въ родѣ такихъ, напр., какъ „Русская правда и польская

---

[1]) Конечно, это было явленіе случайное, такъ какъ такая система воспитанія не лежала въ программѣ корпуснаго воспитанія, а лишь явилась слѣдствіемъ вліянія того счастливаго времени, когда высшее начальство опускало руки и мало обращало вниманія на то, что творилось въ сферѣ преобразованія умственнаго развитія молодежи кадетскихъ корпусовъ.

кривда", „Польскій катехизисъ" и т. п., распространяемыхъ среди народа,—въ сознаніи русскихъ озлобленія къ полякамъ не привито. Въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, въ разнаго рода анекдотахъ, въ сценическихъ представленіяхъ осмѣиваются жидъ, нѣмецъ, англичанинъ, даже французъ,—но полякъ никогда, или очень рѣдко. Это фактъ, чрезвычайно характерный и интересный. Народъ живетъ чутьемъ и чутьемъ доискивается правды [1]).

Я провелъ среди русскаго народа, безвыѣздно, въ самыхъ его центрахъ, слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, я не забылъ ни своего языка, ни вѣры, ни своихъ обычаевъ, сохранилъ привязанность къ моей родинѣ и въ этомъ направленіи воспиталъ своихъ дѣтей. Ни мое польское происхожденіе, котораго я никогда не скрывалъ, ни моя религія, ни мои взгляды, которые я откровенно высказывалъ, — не мѣшали мнѣ въ моихъ отношеніяхъ къ русскому обществу. Мое происхожденіе не препятствовало мнѣ занимать выборныя должности и въ городѣ и въ земствѣ. Десять лѣтъ къ ряду, по выбору дворянства, я состоялъ директоромъ тюремнаго комитета. И все это время ни юлить, ни увертываться мнѣ не приходилось. Однимъ словомъ, проведенное мною время среди русскаго общества я считаю счастливѣйшимъ періодомъ въ своей жизни и теперь, на старости лѣтъ, вернувшись на родину и ознакомившись съ тѣмъ, какъ на родинѣ жилось моимъ соотечественникамъ, въ теченіе этихъ пятидесяти лѣтъ, я прихожу въ ужасъ при одной мысли о томъ, сколько мнѣ пришлось бы выстрадать, если бы это время я провелъ на родинѣ. Говорятъ, на міру и смерть красна, но если бы это была смерть, — это была цѣлая система издѣвательствъ надъ тѣмъ, что человѣку дорого и что онъ привыкъ считать за святыню.

Когда предъ выпускомъ изъ корпуса насъ опрашивали, кто куда желаетъ выйти, я просилъ назначить меня въ такой полкъ, который стоялъ въ центральной Россіи. Просьбу мою удовлетворили, и я былъ назначенъ въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ на широкихъ квартирахъ [2]), въ г. Муромѣ и въ Муромскомъ и Меленковскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи, на родинѣ Ильи Муромца и Соловья разбойника.

Въ Муромъ, гдѣ находился штабъ полка, я пріѣхалъ осенью 1859 года. Первое время, пока я ознакомился съ городомъ и съ полковыми товарищами, я ходилъ, какъ потерянный. Послѣ кадет-

---

[1]) Насъ душили чиновники, большинство которыхъ были нѣмцы. Теперь Россія на своей шкурѣ испробовала, до чего довела ее эта мерзкая клика.

[2]) Полкъ, расквартированный по деревнямъ какого-либо уѣзда съ полковымъ штабомъ въ уѣздномъ городѣ—считался на широкихъ квартирахъ.

*

скаго корпуса, гдѣ жизнь можно было изучать только по книгамъ и при томъ съ лучшей ея стороны, дѣйствительность сразу разнилась отъ того, что я полагалъ встрѣтить. Я не нашелъ ничего, о чемъ я мечталъ, и не удивительно, если принять въ соображеніе, замкнутую жизнь въ корпусѣ. И люди, и обстановка ихъ жизни совсѣмъ не подходили къ тому, что я видѣлъ до сего времени. Все это было для меня ново и совсѣмъ незнакомо. Даже языкъ населенія былъ какъ будто не тотъ, какимъ меня научили говорить въ корпусѣ.

Скоро, однако, я ознакомился съ полковыми товарищами и вошелъ въ колею полковой жизни. Штабные офицеры нашего полка были, большею частью, „старой службы служивые люди", стараго закала, но, тѣмъ не менѣе, люди очень хорошіе. Жизнь, которую они вели, мнѣ, однако, не нравилась. Безпрестанные званые обѣды, вечера, выѣзды къ окрестнымъ помѣщикамъ, и все одна и та же толчея шла постоянно, неизмѣнно съ утра до вечера и съ вечера до утра. И это дѣлалось серьезно, не шумя, объ этомъ заботились, говорили, будто такъ и должно быть, будто въ этомъ состояла жизнь. Я спрашивалъ моихъ сослуживцевъ—„и это все?" Мнѣ отвѣчали— „чего же тебѣ еще нужно? Развѣ мало? А вотъ обожди, скоро упекутъ тебя въ деревню, тамъ будетъ другое, но врядъ ли тебѣ это понравится".

Ни въ городѣ, ни въ полку не было библіотеки, а отъ частныхъ лицъ достать книгъ было невозможно, ихъ тоже ни у кого не было. Изъ числа десяти штабныхъ офицеровъ одинъ только выписывалъ газету, а къ полковому командиру какимъ-то чудомъ затесался журналъ „Атеней" за 1858 г., издаваемый Коршемъ. Это объясняется тѣмъ, что старые офицеры читать не любили, какъ, вообще, не любило въ то время читать и все образованное русское общество, молодые же офицеры, любившіе читать, при штабѣ не состояли, а распредѣлены были по ротамъ, по деревнямъ.

И мнѣ не долго пришлось пожить въ Муромѣ. Меня командировали въ село Бутылицы, Меленковскаго уѣзда, гдѣ была расположена та рота, въ которую меня зачислили.

Бутылицы—сплошь были заселены старообрядцами. Въ селѣ была православная церковь, но она, даже въ большіе праздники,—пустовала.

Хотя то время было самымъ тяжелымъ временемъ гоненій на старообрядцевъ всѣхъ толковъ, крестьяне села Бутылицы не испытывали этого. За извѣстную мзду съ души приходскому священнику и консисторіи—старообрядцы села числились по спискамъ всѣ православными и аттестовались примѣрными исполнителями обрядовъ православной церкви. Батюшка разсуждалъ такъ: „и имъ спокойно, и мнѣ

хорошо; начнемъ съ ними канителиться,—съ голоду помремъ". И по-моему батюшка разсуждалъ правильно.

Здѣсь, въ Бутылицахъ, я впервые узналъ о старообрядцахъ. Въ корпусѣ намъ твердили, что русскій народъ весь исповѣдуетъ православіе. Тутъ такъ же я узналъ и о гоненіяхъ на сектантовъ, до того я былъ увѣренъ, что въ Россіи полная свобода совѣсти. Отъ Спиридона Пафнутьева, главнаго начетчика бутылицкихъ старообрядцевъ, я услышалъ, что гоненія на старообрядцевъ—ужасны, и впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что это правда. Пафнутьевъ мнѣ разсказывалъ, что гоненія особенно усилились съ конца царствованія императора Александра I-го. Въ началѣ своего царствованія императоръ обнаруживалъ полную вѣротерпимость. Онъ говорилъ духоборамъ: „я вашъ заступникъ". Въ послѣдніе же годы его царствованія, когда вошелъ въ силу Фотій, начались гоненія противъ всѣхъ, кто хотѣлъ вѣрить по-своему. Этотъ ограниченный фанатикъ, сынъ деревенскаго дьячка, властно вошелъ во дворецъ и подчинилъ себѣ волю умнѣйшаго и образованнѣйшаго человѣка своего времени. Пользуясь набожностью царя, онъ отуманилъ его, заговорилъ о соблазнахъ, объ искушеніяхъ, заставлялъ кланяться себѣ въ ноги: „не человѣку, но Богу въ лицѣ человѣка" [1]).

Ротнымъ командиромъ нашей роты былъ выслуженный изъ рядовыхъ, польскій дворянинъ, сданный по конскрипціи капитанъ Ѳома Матвѣевичъ К*. Солдаты его любили. Онъ былъ изъ числа тѣхъ отцовъ командировъ, про которыхъ сложилась пѣсня: „онъ за дѣло хвалитъ и за дѣло бьетъ" и, вѣроятно, умѣлъ сохранить равновѣсіе между тѣмъ и другимъ, что въ то драчливое время, когда и хвалили-то кулакомъ, мало кому удавалось. Старшій офицеръ, послѣ ротнаго командира, шт.-кап. Г*, высокій статный мужчина, любилъ франтовато одѣваться, на всѣхъ почти пальцахъ носилъ кольца, и ходокъ былъ по женскимъ дѣламъ. Разсказы его о своихъ похожденіяхъ въ крымскую войну и о томъ, какъ онъ нажилъ тамъ деньги, были до того циничны, что они возмущали меня. Онъ напр., разсказывалъ, что, завѣдуя похороннымъ паркомъ какого-то отряда подъ Севастополемъ, имѣлъ лишь въ наличности нѣсколько гробовъ и нѣсколько సавановъ, между тѣмъ, какъ казна отпускала на каждаго умершаго на похороны значительную сумму. Какъ онъ обходился этимъ количествомъ гробовъ и сазановъ—это уже его тайна. Разсказывалъ онъ и много другихъ и своихъ и чужихъ продѣлокъ, практиковавшихся въ то безцеремонное время, но не стоитъ объ этомъ и вспоминать. Обижен-

[1]) Начетчикъ Пафнутьевъ былъ очень умный старикъ, всѣ его уважали и слушали, тѣмъ не менѣе къ концу моего пребыванія въ Бутылицахъ, по доносу мѣстнаго исправника консисторіи, онъ былъ сначала заключенъ въ тюрьму въ г. Меленкахъ, а потомъ сосланъ въ какой-то монастырь,—гдѣ вскорѣ умеръ.

ный солдатъ давно уже покрылъ славой этотъ позоръ своего начальства.

Кромѣ этого печальнаго героя крымской войны, были еще въ ротѣ два субалтерна, оба недавно вышедшіе изъ корпуса, чрезвычайно добрые и милые юноши.

Нашъ ротный командиръ любилъ очень много говорить и, само собою разумѣется, что намъ приходилось его слушать. Разсказы его, какъ человѣка бывалаго, могли бы быть очень интересны, но онъ ихъ такъ скучно передавалъ, такъ мямлилъ и тянулъ, что мы, наконецъ, теряли терпѣніе и рѣшились какимъ-нибудь образомъ отъ этихъ его нескончаемыхъ повѣствованій избавиться. Онъ былъ очень тученъ и боялся удара. Мы этимъ воспользовались и просили нашего баталіоннаго доктора, которому онъ вѣрилъ, чтобы докторъ посовѣтовалъ ему, для сохраненія его здоровья какъ можно раньше ложиться спать и какъ можно меньше говорить. Какъ ему ни было трудно исполнить совѣты доктора, онъ исполнялъ ихъ съ полною аккуратностью и этимъ хоть отчасти избавилъ насъ отъ обязанности слушать его разсказы, часто за полночь.

Въ томъ, что ротный командиръ рано ложился спать, была еще и другая для насъ выгода.

По сосѣдству съ селомъ Бутылицы жило очень много помѣщиковъ, къ которымъ мы ѣздили въ гости. Чаще всѣхъ, однако, мы бывали въ семействѣ Т., людей зажиточныхъ, съ привлекательнымъ магнитомъ въ видѣ трехъ очень хорошенькихъ дочерей. За старшей изъ нихъ нашъ ротный ухаживалъ. Нѣкоторое время, повидимому, онъ охотно видѣлъ насъ въ своей компаніи, когда мы бывали, но скоро однако, надо полагать, струсилъ и, боясь, чтобы кто-нибудь изъ насъ не подпустилъ ему, какъ говорили тогда въ полку, брандера, всякій разъ какъ собирался въ гости къ Т., чтобы избавиться отъ нашей компаніи, давалъ намъ различныя порученія по службѣ.

Въ то счастливое время военная служба особенно для офицеровъ, даже въ лѣтнее время, была не трудная, а зимою мы ровно ничего не дѣлали, и тѣмъ не менѣе нашему ротному командиру удавалось изобрѣтать для насъ разныя служебныя порученія, такъ что мы не могли по цѣлымъ недѣлямъ бывать у Т., и вотъ, какъ только по совѣту доктора ротный сталъ рано ложиться спать, наши служебныя командировки покончились, и мы, почти ежедневно, стали снова ѣздить къ Т.

Что касается меня, то ротный командиръ К* напрасно боялся моей конкурренціи его сердечнымъ дѣламъ. Я былъ еще такъ молодъ, мечталъ о поступленіи въ военную академію, хотѣлъ учиться, что мнѣ и въ голову не приходили не только матримоніальныя затѣи,

но даже и легкія ухаживанія. Если я бывалъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, посѣщалъ семьи священниковъ, зажиточныхъ крестьянъ, присутствовалъ на престольныхъ праздникахъ ближайшихъ деревень, проживалъ по нѣсколько дней въ окрестныхъ монастыряхъ,—вездѣ я искалъ другаго интереса. Мнѣ хотѣлось ознакомиться съ бытомъ русскихъ помѣщиковъ и духовенства и съ настоящею мужицкою жизнью, о чемъ я никакого понятія не имѣлъ. Мнѣ любопытно было все это знать, чтобы имѣть возможность сравнить эту жизнь съ жизнью крестьянъ польскаго и литовскаго края, а главное съ отношеніями пановъ къ хлопамъ, о чемъ мнѣ приходилось читать и слышать всевозможные ужасы и безобразіе, щедро распространяемые въ русскомъ обществѣ. Отзывы эти поражали меня и будоражили мою совѣсть и мое національное самолюбіе. Я ставилъ себѣ такой вопросъ: неужели въ самомъ дѣлѣ польское культурное общество пало такъ низко, неужели оно стояло ниже русскаго общества и дѣйствительно заслуживало той исторической кары, которая постигла его? Или, быть можетъ, русское общественное мнѣніе, имѣя полный просторъ для самыхъ чудовищныхъ инсинуацій и измышленій, никѣмъ не оспариваемыхъ, не заботясь о провѣркѣ фактовъ, слагалось во вредъ полякамъ только подъ вліяніемъ политическаго озлобленія, а слѣдовательно было преувеличено. Послѣднее предположеніе было тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что мнѣ, до нѣкоторой степени, было уже въ то время извѣстно, что русскій, даже образованный человѣкъ, относясь снисходительно ко всему, что происходитъ у него дома, какъ бы это безобразно ни было, какъ будто русскому человѣку все простительно, все можно и все-то онъ дѣлаетъ хорошо, въ то же время чрезмѣрно строго и сурово относится къ другой національности, какъ будто русскому народу дана кѣмъ-то особая привилегія—все дурное у себя считать хорошимъ, а, по крайней мѣрѣ, осуждая же дурное у другихъ,—забывать, что совершенно такое же зло и еще въ большей степени было у себя. Такая строгая и несправедливая оцѣнка всегда особенно ярко выражалась, если это касалось поляковъ.

Возражать голословно на нападки русскаго общества, на общественные недостатки и грѣхи польскаго культурнаго общества не достигало бы цѣли, и поэтому я рѣшилъ употребить все свое умѣніе, всѣ свои молодыя силы на то, чтобы, ознакомившись съ русскою жизнью, во всѣхъ ея общественныхъ слояхъ [1]), дать себѣ добросовѣстные отвѣты на тѣ обвиненія, которыя безпокоили мою совѣсть и мучили мое самолюбіе.

---

[1]) И сравнивая жизнь русскаго культурнаго общества съ такою же жизнью въ Польшѣ и Литвѣ.

Въ характерѣ русскаго купечества того времени было два пятна: невѣжество и недостатокъ честности. Огромное большинство купцовъ не обладало даже элементарными началами образованія. Я знавалъ такихъ, и это гораздо позднѣе описываемаго мною времени, которые совсѣмъ не знали грамотѣ и вели свои счеты на биркахъ.

Обмѣръ и обвѣсъ былъ повсемѣстенъ. О торговлѣ на европейскій ладъ и понятія не имѣли. Банковъ не существовало. Не только въ дѣлахъ торговыхъ, но и вообще во всѣхъ вопросахъ житейскихъ и нравственныхъ, тогдашнее купечество было очень снисходительно въ своихъ сужденіяхъ и расположено было восхищаться ловкостью человѣка, хотя бы не всегда честнаго, особенно, если онъ при этомъ наживалъ деньги. Я не имѣю намѣренія утверждать, что эти отрицательныя свойства русскаго купечества составляютъ особенность русскаго характера; въ настоящее время немыслимо уже допустить возможность такого, напр., факта, какой былъ въ 1860 г., когда императоръ Александръ II не принялъ хлѣба и соли отъ нижегородскаго ярмарочнаго купечества за то, что при продажѣ огромной партіи холстины калмыцкимъ инородцамъ холстъ этотъ, для увеличенія его вѣса, былъ пропитанъ не клейстеромъ (аппретурой), а толстымъ слоемъ извести, отчего, при носкѣ, на тѣлѣ образовывалась сначала сыпь, а затѣмъ язвы [1]).

Купечество того времени, почти все, придерживалось старины, даже въ одеждѣ. Петръ Іоновичъ Губонинъ, котораго знала не только вся Россія, но и вся финансовая Европа, строитель самыхъ большихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, статскій совѣтникъ, никогда не носилъ, даже представляясь государю, другаго костюма, какъ длиннополый купеческій кафтанъ, что, кстати сказать, придавало ему какое-то спокойное достоинство, составлявшее пріятный контрастъ съ тѣми его прихлебателями, которые были всегда одѣты по послѣдней модѣ и отъ самыхъ дорогихъ портныхъ; это не мѣшало, однако, Губонину и его женѣ Маринѣ Севастьяновнѣ въ грошъ ихъ не ставить. Губонинъ былъ человѣкъ высокомѣрный и подчасъ дерзкій. Я помню такой случай. На одномъ танцовальномъ вечерѣ у Губонина, которые онъ часто устраивалъ въ своихъ Московскихъ палатахъ, въ Татарской, для служащей у него молодежи, и Марина Севястьяновна, женщина простая, но умная, также недолюбливающая оравы прихлебателей своего мужа, которыхъ она безъ церемоніи называла или „наши молодцы", или „наши полотеры", замѣтивъ, что одинъ изъ нихъ, нѣкто К*, не танцуетъ, обратилась къ нему съ такимъ предложеніемъ: „а ты,

---

[1]) Калмыки, киргизы, и вообще среднеазіатскіе народы полотна, ситцы и др. подобные товары покупали въ то время на вѣсъ, а не на аршины.

голубчикъ, если не хочешь плясать, потѣшилъ бы меня и Петрушу и прошелся бы на четверинкахъ по залѣ". К*., несмотря на то, что былъ въ мундирѣ и съ ученымъ знакомъ на груди, исполнилъ просьбу М. С. и при общемъ „браво" гостей прошелся на четверинкахъ изъ одного конца обширнаго Губонинскаго зала въ другой. Сдѣлалъ это онъ не даромъ. Черезъ нѣкоторое время К* получилъ высшее назначеніе на одной изъ губонинскихъ дорогъ. И съ тѣхъ поръ этотъ жалкій человѣчекъ все шагалъ выше и выше, потершись двадцать лѣтъ около тугой мошны Губонина, сталъ ворочать милліонами, сдѣлался вершителемъ судебъ обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ и считался способнѣйшимъ желѣзнодорожнымъ дѣльцомъ, пока, наконецъ, не довелъ управляемыхъ имъ дорогъ до разоренія, а самъ при этомъ нагрѣлъ руки, доведя свое состояніе свыше милліона рублей.

Вообще купцы любили окружать себя всякаго рода прихвостнями изъ разныхъ сферъ общества до генераловъ включительно. Дѣлали они это не изъ какихъ-либо разсчетовъ, а просто изъ удовольствія видѣть у себя чиновныхъ и титулованныхъ гостей и тѣмъ возвысить свое значеніе среди собратьевъ. Они кормили и поили ихъ до отвала и изрѣдка снабжали деньгами, конечно безъ надежды получить ихъ обратно.

Въ Муромѣ я знавалъ купца П*. Большую часть года проживалъ онъ въ большомъ торговомъ селѣ Рожествено, неподалеку отъ Мурома. Это былъ человѣкъ почти неграмотный, но чрезвычайно богатый. На счетъ происхожденія его богатства ходили разные слухи, но я повторять ихъ не буду. Домъ П. въ селѣ Рожественѣ выглядѣлъ прямо дворцомъ. Зданія въ нѣсколько этажей изъ краснаго кирпича, со складами и службами, составляли почти цѣлый кварталъ. Въ обширномъ этомъ домѣ всѣ полы были паркетные; дворцовыхъ размѣровъ, громадный залъ въ два свѣта съ хорами, въ немъ роскошный плафонъ очень художественной работы какого-то ссыльнаго поляка, огромныя зеркала, дорогіе канделябры, малахитовые столы, два фортепіано Эрара, очень дорогая мебель и тяжелыя драпировки. Войдя въ эти роскошныя комнаты, сразу видно было, что онѣ не предназначались для повседневнаго жилья. Строгая симметричность, какой-то особенный отпечатокъ неодушевленности, свойственный нежилымъ помѣщеніямъ, показывали, что все стоитъ точно такъ, какъ было установлено драпировщиками и мебельщиками. Эти парадныя комнаты открывались для торжественныхъ случаевъ; въ пріѣздъ губернатора, въ именины хозяевъ и вообще не больше трехъ-четырехъ разъ въ году, въ остальное же время хозяева съ семьей жили въ нижнемъ этажѣ, въ грязныхъ комнатахъ, пропитанныхъ запахомъ постной кухни, меблированныхъ крайне простою и дешевой мебелью.

Во Владимірской и Ярославской губерніяхъ такихъ купеческихъ палатъ можно было встрѣтить чуть ли не въ каждомъ большомъ селѣ.

Въ то время, когда дворянству и купечеству жилось привольно и въ довольствѣ, православное духовенство и особенно сельское, чувствовало себя скверно и странно, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ было сплошное православное населеніе.

Я бывалъ въ семьяхъ многихъ священниковъ и повсюду встрѣчалъ жизнь, граничащую съ нищетою. Только тамъ духовенству жилось нѣсколько получше, гдѣ большинство населенія въ приходѣ было старообрядческое. Въ то время все великорусское населеніе оффиціально числилось православнымъ, сектантовъ и старообрядцевъ не полагалось, а между тѣмъ ихъ было много и, чтобы духовенство не притѣсняло исповѣдующихъ „старую вѣру", не заставляло ихъ ходить въ церковь, крестить дѣтей, вѣнчаться, говѣть и хоронить по православному обряду—за все за это ему платили. Выкупъ этотъ, говоря по совѣсти, не былъ особенно великъ, но для деревенскаго бѣднаго священника, обремененнаго семьей, такая помощь была чуть ли не кладомъ. На однихъ православныхъ прихожанъ надежда была очень плохая, свое духовенство они обезпечивали крайне скупо.

Несмотря на возможность старообрядцамъ откупаться за сохраненіе своей вѣры, гоненіе на нихъ въ описываемое мною время было ужасное; оно совпало съ гоненіемъ на уніатовъ, не желающихъ возсоединиться съ православіемъ. Мало кому изъ русскихъ извѣстна эта печальная уніатская исторія безумнаго своеволія и насилія надъ совѣстью и церковно-полицейскихъ безобразій. Много пролилось крови и слезъ, много было перенесено ужасныхъ мукъ. Потрясающія драмы разыгрывались подъ бѣдной кровлей бѣлорусскаго мужика.

Громадное большинство „упорствующихъ" не исповѣдывалось, не крестилось, жили безъ брака и хоронили своихъ покойниковъ безъ участія духовенства болѣе сорока лѣтъ, такъ какъ ксендзы отказывались преподавать требы, боясь строгаго наказанія, а уніатскихъ поповъ не было.

Послѣ перваго указа императора Николая I въ 1835 г. о возсоединеніи уніатовъ съ православіемъ, гоненія на упорствующихъ, которыя были одинаково жестоки какъ и послѣ втораго указа 1862—1863 г., но они какъ-то скоро прекратились, а по крайней мѣрѣ смягчились. Происходило это оттого, что тогдашнее духовенство православное Западнаго края, бывшее раньше уніатское и возсоединившееся съ православіемъ больше по принужденію, чѣмъ по доброй волѣ, по развитію своему стояло несравненно выше русскаго православнаго духовенства и естественно не желало принимать активнаго участія

въ преслѣдованіяхъ бывшихъ своихъ единовѣрцевъ, несмотря на безпощадное къ нимъ отношеніе виленскаго митрополита Іосифа Симашко, главнаго иниціатора возсоединенія уніи съ православіемъ. Кромѣ того, литовскіе чиновники того времени, почти сплошь поляки-католики, исполняли по отношенію уніатовъ распоряженія церковно-полицейскаго высшаго начальства со всевозможными послабленіями и снисхожденіемъ.

Съ 1863 г., когда стали обращать уніатовъ въ православіе, въ Царствѣ Польскомъ гоненія на упорствующихъ дошли, благодаря поддержкѣ духовенства, выписаннаго въ Польшу изъ Россіи, и русскихъ чиновниковъ—до полнаго ужаса и смягчены они были только благодаря нынѣ царствующему государю.

И со старообрядцами тоже не церемонились. Ихъ преслѣдовали едва-ли не хуже, чѣмъ уніатовъ, преслѣдовали безъ отдыха и безъ всякой жалости. У нихъ заступниковъ не было, развѣ только деньги. До восьмидесятаго года тюрьмы были ими переполнены. Въ Москвѣ, въ преображенской тюрьмѣ, содержащихся за „вѣру“ (такъ обыкновенно отвѣчали старовѣры, когда ихъ опрашивали, за что они заключены), было до тысячи человѣкъ. Я не преувеличиваю. Мнѣ это извѣстно было хорошо, такъ какъ мнѣ неоднократно приходилось занимать караулы въ этой тюрьмѣ и въ качествѣ начальника караула производить арестованнымъ перекличку.

И администрація, и духовенство пользовались при каждомъ удобномъ случаѣ несчастнымъ положеніемъ сектантовъ, и тѣ и другіе наживались.

Вотъ совершенно достовѣрный фактъ.

Смотритель одной тюрьмы, гдѣ также содержались старовѣры, носящій громкую фамилію, замѣтивъ вѣроятно, что во время моихъ дежурствъ въ этой тюрьмѣ я неоднократно выражалъ сочувствіе несчастнымъ заключеннымъ, страдающимъ за привязанность къ вѣрѣ отцовъ—сдѣлалъ мнѣ однажды предложеніе не препятствовать пропуску въ камеры тюрьмы для совершенія требъ и моленій старообрядческаго архіерея, за что предлагалъ мнѣ въ видѣ подарка золотые часы.

Я подарка не принялъ, но свое согласіе на пропускъ далъ, не находя по совѣсти въ своемъ поступкѣ ничего предосудительнаго, и если бы я за это отвѣчалъ передъ закономъ, то передъ Богомъ не только бы не отвѣтилъ, но Онъ, я вѣрю, зачислилъ бы мнѣ это въ заслугу.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ знакомиться съ русской литературой, всѣ безусловно нападали на взяточничество и на взятки. Не похвалю и я такого порядка. Но, когда только посредствомъ взятки

въ то темное и безправное время можно было человѣку честному добиться правды и облегченія невинному его страданій, я благословляю существованіе этого способа обороны.

Несомнѣнно, взятка дѣлала много зла, но по тому времени она неизмѣримо больше дѣлала для безправнаго общества и добра. Какъ ужасно было бы существованіе общества при томъ строѣ русской жизни, какой былъ до реформъ императора Александра II, если бы никто не хотѣлъ дѣлать уступокъ, если бы и служители администраціи, и представители закона и служители церкви твердо и неуклонно исполняли волю властей, хотя бы это было даже противно ихъ совѣсти.

Это въ конецъ убило бы въ людяхъ все доброе, все честное.

Когда жизнь регламентируется не только закономъ, но и произволомъ высшихъ и низшихъ органовъ правительства, и каждый человѣкъ на каждомъ шагу можетъ быть лишенъ чести и свободы по усмотрѣнію какого-либо самодура,—существованіе взятки было спасительно, и русскому человѣку особенно пенять на это зло не слѣдовало. Взятка выручала его на каждомъ шагу, и въ то ужасное время она была его конституціей, единственной его защитницей.

Часто она выручаетъ насъ и теперь, и вотъ относительно не совсѣмъ отдаленный примѣръ.

Лѣтъ 15 тому назадъ я поѣхалъ на лѣто съ семьей изъ Саратова, гдѣ я служилъ, въ одну изъ губерній Сѣверо-Западнаго края. Для обученія моей малолѣтней дочери, я пригласилъ гувернантку-польку, съ дипломомъ, окончившую курсъ педагогическихъ курсовъ гимназіи, считая, что имѣю на это право, да мнѣ и въ голову не приходило, что можетъ быть въ русскомъ государствѣ такой уголъ, а не то цѣлый край, гдѣ, по усмотрѣнію генералъ-губернатора, гувернатку-польку держать въ польской семьѣ воспрещается, а равно воспрещается учить по польскимъ учебникамъ, изданнымъ при этомъ въ Россіи подъ строгой цензурой.

Гувернантка оказалась вполнѣ свѣдущая и съ прекрасными педагогическими пріемами, такъ что дочь моя въ короткій промежутокъ времени подъ ея руководствомъ сдѣлала большіе успѣхи, между прочимъ и въ знаніи русскаго языка.

Въ одинъ прекрасный день, совершенно неожиданно является ко мнѣ въ усадьбу становой съ урядникомъ, но безъ понятыхъ. Спрашиваетъ меня, гувернантку, всю прислугу, дѣлаютъ обыскъ въ учебной комнатѣ, отбираютъ польскіе учебники и въ концѣ-концовъ объявляютъ мнѣ, что на основаніи распоряженія генералъ-губернатора Оржевскаго я долженъ немедленно удалить отъ себя гувернантку, польскіе же учебники подлежатъ конфискаціи. За неисполненіе же

обязательнаго распоряженія генералъ-губернатора я и гувернантка будемъ привлечены къ „законной“ административной отвѣтственности.

Когда я немного оправился отъ поразившей меня неожиданности, въ моей головѣ родилась мысль, не мистификація ли это, не самозванецъ ли этотъ становой, не хочетъ ли онъ меня напугать и этимъ путемъ сорвать съ меня обывательскую дань? Но, къ счастію, становой оказался Щедринскій; милый, пріятный, изъ образованныхъ, бывшій полякъ, но лѣтъ пять передъ тѣмъ обратившійся въ искони-русскаго человѣка. Когда онъ замѣтилъ, что я сомнѣваюсь, онъ вѣжливо вынулъ изъ портфеля какую-то печатную бумаженку и показалъ мнѣ циркуляръ генералъ-губернатора; мнѣ ничего больше не оставалось, какъ покориться этому спеціальному закону для польскихъ гражданъ Западнаго края. Но когда я сталъ излагать передъ становымъ трудность моего положенія въ пріисканіи для дочери моей новой гувернантки русскаго происхожденія, онъ меня скоро понялъ и вошелъ въ мое положеніе. За 50 р. становому и 10 р. уряднику дѣло съ гувернанткой окончилось къ общему удовольствію, и до конца моего пребыванія въ усадьбѣ вопроса этого не возникало, и съ становымъ и урядникомъ я былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и не разъ пользовался ихъ помощью и протекціей.

Тамъ, гдѣ могутъ существовать такія дикія стѣсненія, тамъ всегда люди будутъ изыскивать и способы, какъ ихъ обойти, и всегда найдутся сомнительные исполнители такихъ генералъ-губернаторскихъ фантазій. Объ этомъ генералъ-губернаторы должны помнить.

Еще на школьной скамейкѣ я слышалъ, приходилось и читать, что большинство православнаго духовенства, особенно низшаго, вымогаетъ деньги съ прихожанъ, отказываясь, зачастую, совершать требы, пока не будетъ уплачена требуемая сумма. Мои православные товарищи по корпусу, не стѣсняясь, говорили: „Попъ деретъ и съ живаго и съ мертваго“.

Долгое время этому я не вѣрилъ, можетъ быть, потому, что мнѣ ничего подобнаго не приходилось слышать о духовенствѣ католическомъ, а по крайней мѣрѣ о томъ, которое было у насъ въ Литвѣ. Напротивъ, мнѣ было извѣстно, что оно, какъ среди интеллигенціи края, такъ и среди простаго народа, пользовалось всегда высокимъ почтеніемъ, что, конечно, не могло быть, если бы это духовенство притѣсняло народъ поборами.

Къ прискорбію, я впослѣдствіи убѣдился, что всѣ эти разсказы о православномъ духовенствѣ нисколько не были преувеличены. Доискиваясь причинъ такого ненормальнаго явленія, я пришелъ къ заключенію, что это иначе и быть не могло и что измѣнить такой порядокъ можетъ только коренная реформа духовенства. Матеріальное

положеніе большинства православныхъ священниковъ и остальнаго приходскаго клира и ихъ семей въ описываемое мною время было по истинѣ ужасающее. Нищенское ихъ существованіе, въ сравненіи съ духовенствомъ католическимъ, поражало меня. А между тѣмъ, жить надо было и, прилично сану, воспитывать дѣтей и, въ то же время, оплачивать благочинныхъ, консисторію и т. п. Трудно себѣ представить, какимъ униженіямъ подвергался священникъ, чтобы доставить себѣ и семьѣ своей скудное пропитаніе и необходимыя средства на воспитаніе дѣтей. Я самъ неоднократно видѣлъ, какъ крестьянину, во время обхода священника съ крестомъ на праздникахъ, или во время престольнаго праздника, жаль было каждой горсти ржи, каждаго яйца, которыя надо было ему дать. Иные запирали двери передъ нимъ, какъ бы не находясь дома.

Это меня поразило до крайности, тѣмъ болѣе, что я постоянно слышалъ, что русскій крестьянинъ религіозенъ, и самъ видѣлъ, какъ онъ истово крестится передъ каждымъ образомъ, соблюдаетъ посты, посѣщаетъ церкви; но фактъ остается фактомъ, что своихъ духовныхъ пастырей онъ почитаетъ гораздо меньше, чѣмъ полякъ, литвинъ и жмудинъ.

Такое непочтеніе къ своему духовенству русскаго крестьянина я готовъ объяснить развѣ тѣмъ, что сельское православное духовенство, обремененное въ большинствѣ семьями, было такъ же бѣдно, какъ его паства, что сказать о католическихъ ксендзахъ нельзя, особенно въ описываемое мною время.

Я шатался по чисто русскимъ губерніямъ много лѣтъ, прожилъ долго на Волгѣ и нигдѣ не встрѣчалъ вполнѣ зажиточнаго православнаго сельскаго священника. Несмотря на вѣчную работу около дома и пашни, это была сплошь—бѣднота.

Я хорошо зналъ одного сельскаго священника о. Симеона, приходъ котораго былъ близко г. Нерехты, Костромской губерніи. Хотя это было очень давно, но я и до сихъ поръ еще не забылъ его низенькій домикъ, перешедшій къ нему отъ его тестя, выговорившаго себѣ уголъ въ кухнѣ. О. Симеонъ былъ очень высокаго роста, обстоятельство, повидимому, ничтожное, составляло, однако, крупное пособіе всей его жизни. Когда онъ учился въ семинаріи и проглатывалъ уже премудрость богословскаго класса, его едва не забрили въ солдаты: то было время, когда на учившуюся семинарскую молодежь сами эпархіальные архіереи смотрѣли, какъ на рекрутовъ, пригодныхъ для гвардіи, и семинарскіе классы чуть совсѣмъ не превратились въ рекрутскія присутствія. Въ архивѣ Костромской консисторіи я видѣлъ донесеніе архіерея губернатору въ 1855 г., что изъ числа окончившихъ курсъ семинаріи въ 1855 году можетъ быть взято

въ военную службу 22 человѣка, аттестованныхъ архіереемъ похвально.

О. Симеонъ уже стоялъ передъ архіереемъ и былъ бы отправленъ подъ мѣрку, если бы придерживался чарки и буянилъ, но кроткій нравъ и „смиренство", засвидѣтельствованные ректоромъ, спасли его отъ лямки и ранца. Когда онъ вышелъ изъ семинаріи, ему задали задачу, съ трудомъ разрѣшимую, искать невѣсты съ мѣстомъ, разумѣется,—священническимъ. Искалъ онъ долго, ходя пѣшкомъ и присаживаясь на облучкѣ у проѣзжихъ мужиковъ, выспрашивалъ и прислушивался и дознался объ одной такой, которая была и безобразна, и перестарокъ, и всѣми женихами была обойдена, и успѣла уже обозлиться на свое долгое дѣвичество и сдѣлалась капризною. Тѣмъ не менѣе, сочетался онъ съ нею бракомъ на тестевъ счетъ и вскорѣ поталкиваемый кулаками въ спину и съ трудомъ изгибаясь услышалъ надъ своею головою великое слово „аксіосъ".

Мужики того села, гдѣ священствовалъ о. Семеонъ, хвастались передъ сосѣдями, что о. Симеонъ „попъ смирный, курицы не обидитъ, не взыскателенъ", что была совершенная правда. Онъ самъ ничего отъ мужиковъ не требовалъ, а прихожане забыли его совсѣмъ. Я жилъ около полугода въ этомъ селѣ и, зная бѣдность о. Симеона, часто упрекалъ крестьянъ, что они забываютъ своего батюшку, но они отвѣчали мнѣ: „когда батюшка самъ ѣсть не проситъ, значитъ—сытъ, намъ напрашиваться нечего", а когда я передалъ объ этомъ о. Симеону, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— „Я по евангельскому слову живу, не заботясь о завтрашнемъ днѣ".

На немъ былъ всегда одинъ и тотъ же нанковый, подержанный подрясникъ, подпоясанный широкимъ соловецкимъ ремнемъ, съ желѣзной петлей, подареннымъ ему проходившимъ богомольцемъ, котораго онъ накормилъ щами и кашей. Поверхъ подрясника носилъ онъ рясу изъ самой грубой домотканной крестьянской сермяги. О. Симеонъ былъ человѣкъ молчаливый, съ угловатыми манерами, съ робкимъ взглядомъ и въ высшей степени тихій и смиренный. Я бывалъ у него почти ежедневно и любилъ за его безхитростную и почти евангельскую жизнь. Если бы такому человѣку дать немного больше образованія и обезпечить его существованіе способомъ менѣе оскорбительнымъ, чѣмъ выпрашивать чуть ли не каждый кусокъ хлѣба, каждую копѣйку,—какой бы это былъ полезный и достойный служитель христіанской церкви, какой бы это былъ разумный учитель темнаго народа. Но никто объ этомъ не позаботился.

Съ о. Симеономъ я часто ѣздилъ по базарамъ и ярмаркамъ. Покупалъ онъ очень немного, — четвертку чаю, да фунтъ сахару и только всего и то на случай „наѣзда" о. благочиннаго. Товарищи

знали, что не отъ скупости, а отъ „неизглаголанной“ скудости у о. Симеона и сермяжная ряса на плечахъ, и въ домѣ бѣдно, и часто за душой нѣтъ ни гроша, и вздыхали, когда заходила о немъ рѣчь. Чѣмъ онъ жилъ, онъ и самъ на этотъ мудреный вопросъ не съумѣлъ бы отвѣтить. Одно было всѣмъ извѣстно, что умудрилъ его Господь Богъ на слесарное дѣло и къ „механикѣ“ онъ имѣлъ склонность. Въ Нерехтѣ часы поправлялъ и чистилъ и разъ цѣлый органъ исправилъ у одного помѣщика. Для мужиковъ чинилъ ружья и исправлялъ вѣтряныя мельницы. Слесарныя работы и починка часовъ увеличивали временно количество мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ, но бѣды и нужды далеко не предотвращали.

Сколько такихъ полунищихъ служителей церкви было въ то время на Руси!

А что стоили такимъ бѣднымъ сельскимъ священникамъ проѣзды архіереевъ по эпархіи. Нужно было ублаготворить и о. протодіакона, и о. иподіакона, и лакея келейника, и пѣвчихъ. Архіерейскій поваръ и тотъ въ каждую поѣздку привозилъ домой не малое количество ассигнацій, собранныхъ отъ сельскихъ попадей.

Кромѣ бѣдности, положеніе сельскаго духовенства ухудшалось еще отношеніями къ нему помѣщиковъ, которые, въ то еще время, не отличали „поповъ“ отъ крѣпостныхъ, несмотря на то, что изъ числа сельскаго духовенства я знавалъ пастырей достойныхъ полнаго уваженія. Ихъ отношенія къ своимъ прихожанамъ были добрыя, они старались честно исполнять свои обязанности и, несмотря на крайнюю скудость своихъ средствъ, давали своимъ дѣтямъ хорошее образованіе, такъ что многіе изъ нихъ играютъ выдающуюся роль и въ наукѣ, и на поприщѣ государственной службы.

Чтобы закончить мой очеркъ о положеніи сельскаго православнаго духовенства въ Россіи въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, я позволю себѣ воспроизвести чрезвычайно яркую и въ то же время правдивую картину, характеризующую бытъ этого духовенства, нарисованную А. И. Левитовымъ въ его автобіографіи „Мое дѣтство“.

Вотъ что онъ тамъ пишетъ:

На другой день, послѣ выдержанія мною экзамена въ семинаріи, мы съ отцомъ (отецъ А. И. Левитова былъ сельскій священникъ) встали еще до свѣту, и онъ, собираясь въ дорогу, сталъ говорить мнѣ съ искренними слезами, так что всего его лихорадка била, чтобы я какъ можно старался учиться получше. „Богъ дастъ, — говорилъ отецъ, — окончишь курсъ, поступишь въ попы, такъ, по крайности, поможешь сестрамъ въ честное замужество выйти. Не кончишь —, шабашъ! Сестры твои шинки откроютъ, мы съ матерью побираться

пойдемъ, потому мы къ тому времени всѣ жилы изъ себя повымотаемъ".

Потомъ я проводилъ отца до заставы. Было холодно и дождь лилъ, какъ изъ ведра. Около заставы стоялъ кабакъ, мы вошли въ него. Тамъ горѣла тускло сальная свѣча и сидѣли мужики съ красными задумчивыми лицами. Отецъ вынулъ изъ-за пазухи кошель и всѣ деньги высыпалъ мнѣ. Въ кошелькѣ оказалось три серебряныхъ цѣлковыхъ и гривенъ шесть мѣдныхъ.

— Вотъ,—говоритъ, — тебѣ до Рождества. Кормись. А за квартиру самъ заплачу, когда за тобой пріѣду брать тебя на Рождество.

Я сталъ говорить ему, чтобы онъ взялъ у меня цѣлковый, но онъ отказался отъ рубля и отсчиталъ себѣ только три гривенника, изъ которыхъ одинъ тутъ же и пропилъ. Я спросилъ его: „какъ же ты съ двугривеннымъ полтораста верстъ пройдешь? Что ѣсть будешь?— Ничего, какъ-нибудь пройду. Притворюсь дежурнымъ изъ консисторіи, попадьи, надо полагать, кормить будутъ... Дай-ка мнѣ еще гривенникъ, я выпью". Я далъ ему гривенникъ, и онъ выпилъ. Выпивши, обнялъ онъ меня, заплакалъ и, рыдаючи, сказалъ: „Несчастные мы! Несчастнѣе насъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого... Всю жизнь, всю жизнь-жизненскую майся безъ отдыха. Отовсюду за тобой голодъ и холодъ, насмѣшки паскудныя, брань мерзкая и ничего не подѣлаешь, никакими средствами не вылѣзешь... Кабы не вы, ребята,—засѣлъ бы я въ любомъ кабакѣ и поколѣлъ бы тамъ.—Ну, прощай! Да будетъ воля Господня! Смотри же, другъ, учись, старайся! Выручай!.."

Отецъ пошелъ...

Если провести параллель между сельскимъ духовенствомъ въ Россіи католическимъ и православнымъ, то въ описываемое время разница выйдетъ очень большая въ пользу духовенства католическаго. Польскіе и литовскіе ксендзы были по большей части все люди зажиточные и прекрасно образованные. Они умѣло вели свои дѣла по управленію приходами и оказывали большія услуги дѣлу образованія юношества. Доминиканцы и піоры имѣли образцовыя школы, даже базиліанскія школы, принадлежащія уніатскому духовенству, стояли на высотѣ въ дѣлѣ воспитанія юношества. Изъ соображеній политическихъ, всѣ эти школы давно уже закрыты и культура края отъ этого много потеряла. Ничего подобнаго мы не видимъ въ періодъ того же времени среди духовенства православнаго, монашествующаго [1]). Естественно, за такіе полезные труды католическаго

---

[1]) Обиліе монастырей и монаховъ въ Россіи—хоть отбавляй. Монашествующее духовенство живетъ и богато, и привольно, но нужно отдать ему справедли-

духовенства и интеллигенція края и помѣщики, а въ свою очередь и крестьяне не только не игнорировали католическаго и уніатскаго духовенства, но относились къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. Даже новое, православное духовенство, перешедши, послѣ 1835 г., изъ уніи въ православіе, будучи высокообразованно и сохраняя съ мѣстнымъ населеніемъ прежнюю связь, часто даже родственную, пользовалось попрежнему общимъ уваженіемъ всего народонаселенія. Прихожане и помѣщики, несмотря на разницу религіи, не закрывали передъ ними дверей своихъ жилищъ, а, напротивъ, рады были подѣлиться и съ ними, чѣмъ кто могъ. Впослѣдствіи, въ приходахъ, бывшихъ уніатскими, весь мѣстный клиръ замѣненъ былъ духовенствомъ изъ Великороссіи, и какія теперь существуютъ отношенія—я не знаю, но думаю, что уже не прежнія.

Здѣсь совершенно будетъ у мѣста сказать нѣсколько словъ о значеніи уніи. До уничтоженія уніи въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ не было костела, а была только уніатская церковь и гдѣ народонаселеніе было смѣшанное, въ праздники всѣ, и католики и уніаты, шли въ уніатскій храмъ, забывая разницу вѣроисповѣданія. Здѣсь крестили цѣлыя поколѣнія дѣтей и католиковъ, и уніатовъ, исповѣдывали, вѣнчали, хоронили, слушали обѣдню и усердно молились одному Богу. И, наоборотъ, уніаты шли въ костелъ, гдѣ не было уніатской церкви. Правда, крестьяне чувствовали разницу между католической и уніатской вѣрой, но какъ-то поверхностно: первую они называли „панской вірой", вторую „вірой хлопской", но догматической разницы для нихъ не существовало. Всѣ требы, всѣ таинства, какъ для католиковъ, такъ и для уніатовъ были священны, исполнялъ ли ихъ ксендзъ въ костелѣ, или попъ въ церкви. Обращались туда, куда было ближе и кому было удобнѣе. Распѣвали гимны, кто по-польски, кто по-бѣлорусски, всѣ на одинъ мотивъ — выходило и гармонично и всѣмъ понятно. Массы легко усваивали это пѣніе, это было не трудно подъ аккомпаниментъ органа. Эти общія пѣснопѣнія были главнымъ проводникомъ возвышенныхъ началъ христіанскаго единенія. Унія для идеи религіознаго братства была великимъ двигателемъ. Съ обращеніемъ уніатскихъ церквей въ православныя, эти общенародныя пѣнія были запрещены въ церквахъ, католики перестали посѣщать церковную службу православную, какъ совершенно уже чуждую для нихъ, уніа-

вость, что оно имѣетъ самое ничтожное вліяніе на общественную жизнь. Быть можетъ, былыя ихъ просвѣтительныя заслуги огромны, но теперь онѣ уже давно былью поросли. Теперь православные монастыри не содержатъ даже школъ грамотности, не обучаютъ крестьянъ вѣрѣ. Крестьяне тоже не знаютъ молитвъ, однимъ словомъ, монастыри ни духовной, ни матеріальной цѣны для народа не представляютъ по крайней мѣрѣ такъ было въ то время, о которомъ я говорю.

тамъ же посѣщеніе костеловъ, куда они охотно шли, было строго запрещено.

Уничтоженіе уніи создало много хлопотъ для поляковъ и вызвало рядъ новыхъ чрезвычайно чувствительныхъ притѣсненій и при томъ совершенно незаконныхъ. Возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ дало право православному духовенству требовать, чтобы дѣти тѣхъ католическихъ родителей, которые были крещены уніатскими священниками, хотя бы даже за долго до акта возсоединенія — числились бы православными, а такихъ было очень много. Не было никакихъ средствъ избавиться отъ такого насилія. Всѣ власти края были, въ этомъ случаѣ, на сторонѣ этой драконовской мѣры. Я знавалъ много такихъ польскихъ семей, гдѣ всѣ дѣти были католики и только одинъ, потому что его крестилъ уніатскій священникъ, долженъ быть, волею-неволею, православнымъ и что за симъ слѣдовало—русскимъ. Въ то время было нѣчто въ родѣ аксіомы, что всякій православный долженъ непремѣнно считать себя русскимъ; а, по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ не полякомъ. И, вслѣдствіе этого, выходила въ семьяхъ путаница и религіозная, и національная, тѣмъ болѣе непріятная, что давала право вмѣшиваться въ дѣло семьи и духовенству, и полиціи. Послѣдствія этого были иногда крайне прискорбны. Очень часто бывали случаи, что родители уклонялись исполнять требованія духовенства и полиціи, и за симъ слѣдовала ссылка или тюрьма. Въ доказательство того, до чего доходило преслѣдованіе въ этихъ случаяхъ, я приведу фактъ, бывшій даже здѣсь, въ Петербургѣ, лѣтъ тому тридцать. Одна очень почтенная польская семья уніатскаго вѣроисповѣданія, не присоединившаяся къ православію, но, вѣроятно, числящаяся по спискамъ у полиціи православною, похоронила взрослую свою дочь по католическому обряду и на католическомъ кладбищѣ. Спустя года два послѣ похоронъ, по доносу минской консисторіи семья эта должна была, по настоянію властей, перенести покойницу на православное кладбище, а тотъ католическій священникъ, который хоронилъ, лишенъ былъ прихода. И всѣ эти безобразныя требованія исполнялись безъ протеста, протестовать и жаловаться и некому и некуда.

Уніатскій вопросъ, забытый было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, обострился при виленскомъ диктаторѣ Муравьевѣ. Вновь за унію пошли аресты и ссылки. Достаточно было самой пустой придирки, напр., такой, что кто-нибудь, будучи католикомъ, часто посѣщалъ до возсоединенія уніатскую церковь, или былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ уніатскимъ священникомъ, чтобы заставляли его принимать православіе, которое, говоря безъ преувеличенія, сдѣлалось для населенія Западняго края прямо страшилищемъ; тѣмъ болѣе,

что Муравьевъ сдѣлалъ распоряженіе провѣрить все населеніе—по метрикамъ и, создалъ для этой цѣли особую коммиссію, которая и до сихъ поръ, кажется, еще не упразднена.

Случались и курьезы, но тѣмъ не менѣе съ плачевнымъ концомъ, другаго конца не полагалось. Въ 1864 г., по распоряженію Муравьева, сослана была въ Казань за участіе въ манифестаціи г-жа С. Мужъ проживалъ въ то время въ Сибири, гдѣ имѣлъ аптеку. Онъ числился православнымъ, такъ какъ происходилъ изъ уніатской семьи, хотя и его семья и семья его жены были издревне поляки. Узнавъ, что жена его сослана, онъ поѣхалъ въ Вильно хлопотать за жену. Разсчитывая на свое православіе, какъ на серьезный козырь, онъ подалъ Муравьеву прошеніе объ освобожденіи жены и отдачѣ ея ему на поруки. На бѣду С. онъ по паспорту и по метрической выписи значился по имени Фердинандомъ, и такимъ именемъ подписалъ свое прошеніе Муравьеву. Муравьевъ считалъ, что всѣ православные должны быть русскими и потому, принимая отъ С. прошеніе, онъ его спросилъ: „какой же вы русскій, когда вы Фердинандъ“, и, не разговаривая больше, приказалъ навести справки о благонадежности С. Когда по справкамъ оказалось, что вся семья С. польская, дѣти имѣютъ польскія имена, вся семья говоритъ по-польски. — Муравьевъ вмѣсто отдачи г. С. его жены на поруки приказалъ заключить самого С. въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ 5 мѣсяцевъ, аптека его пошла прахомъ, что разорило его въ конецъ. Вотъ какими мѣрами воздѣйствія насаждали православіе и увеличивали русскую народность въ Западномъ краѣ.

Теперь уніатскаго вопроса въ Западномъ краѣ пока не существуетъ, но я увѣренъ, что онъ еще всплыветъ на поверхность. Еще много есть людей, оффиціально признанныхъ православными, въ тайнѣ исповѣдующихъ католичество, за невозможностью придерживаться уніи. Если уничтоженіе уніи и такое жестокое глумленіе надъ совѣстью двухмилліоннаго населенія нужно было для какихъ-то политическихъ цѣлей, и что быть можетъ до нѣкоторой степени и достигнуто, то зато на долгое время посѣяна—рознь, между людьми — одного и того же племени, что въ жизни народовъ важнѣе всѣхъ политическихъ соображеній.

Въ русскомъ обществѣ сложилось убѣжденіе, принимаемое большинствомъ за непреложную истину, что въ Россіи православное духовенство вѣротерпимѣе духовенства католическаго. Если этотъ фактъ разсматривать съ точки зрѣнія уставовъ каноническихъ — вопросъ выйдетъ слишкомъ сложный и моему разсужденію не подлежащій, ссылка на инквизицію въ доказательство невѣротерпимости католическаго духовенства выйдетъ также не къ дѣлу, такъ какъ, если не

такая постоянно дѣйствующая, то не менѣе жестокая инквизиція существовала и въ Россіи. Исторія про это знаетъ. Впрочемъ, я беру времена не столь отдаленныя; съ точки зрѣнія обыденныхъ житейскихъ отношеній православное духовенство, въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы православной религіи въ государственномъ значеніи существенно не страдаютъ, быть можетъ, вѣротерпимѣе и, по крайней мѣрѣ, снисходительнѣе и уступчивѣе католическаго. Происходитъ это оттого, что въ большинствѣ случаевъ русское духовенство въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ ограничивалось лишь соблюденіемъ формальныхъ обрядовъ и церемоній, предписываемыхъ церковью и, кромѣ того, оно пользовалось несравненно лучшимъ положеніемъ въ государствѣ, нежели духовенство католическое, что и сама религія православная лучше обезпечена отъ какихъ бы то ни было посягательствъ на нее, къ ея услугамъ и полиція, и всѣ другіе органы правительства. Что можно священнику православному, того нельзя ксендзу, даже и тогда, когда онъ станетъ въ защиту коренныхъ основъ своей религіи. Исторія съ виленскимъ епископомъ Звѣревичемъ въ концѣ прошлаго вѣка вполнѣ оправдываетъ это мое заключеніе, а вѣдь онъ только исполнялъ свою обязанность и присягу, данную имъ передъ государемъ и церковью [1]). Католическое духовенство обвиняютъ въ томъ, что оно, независимо исполненія своихъ религіозныхъ обязанностей, вмѣшивается въ частную жизнь своихъ прихожанъ, вноситъ въ религію политику и на этой почвѣ дѣйствуетъ совѣтами и увѣщаніями. Главный же пунктъ обвиненія заключается въ томъ, что католическое духовенство всѣми мѣрами старается разстраивать браки католиковъ съ православными. Кому извѣстны законоположенія и административныя мѣры по этому вопросу во всѣхъ случаяхъ въ пользу православія и въ ущербъ католичества, того не должны удивлять отношенія католическаго духовенства къ такимъ бракамъ и обвиненіе его безусловно несправедливо. Не нужно издавать такихъ законовъ, которые ставили бы кого-либо въ ложное положеніе и „заставляли дѣйствовать“ противъ совѣсти. Неужели можно требовать отъ католическаго ксендза, чтобы онъ поступалъ въ такихъ случаяхъ индифферентно, когда своимъ вліяніемъ онъ можетъ не допустить до смѣшаннаго брака, ставящаго католиковъ въ какое-то ненормальное, приниженное положеніе. Виноватъ тутъ не ксендзъ, который только исполняетъ свои обязанности, а законъ, ради какихъ-то проблемати-

---

[1]) Въ 1899 г. епископа Звѣревича сослали въ Тверь за то, что онъ издалъ распоряженіе по эпархіи, чтобы родители не посылали дѣтей-католиковъ въ церковно-приходскія школы, такъ какъ въ этихъ школахъ не разрѣшалось преподавать законъ Божій католическаго обряда, и дѣти, посѣщающія эти школы, совершенно не обучались религіи.

ческихъ политическихъ выгодъ, нарушающій равенство не только христіанскихъ религій, но и равенство гражданъ. Уничтожьте оскорбительный законъ при смѣшанныхъ бракахъ для католиковъ, и ксендзъ противодѣйствовать этимъ бракамъ не только не будетъ, но не будетъ имѣть къ тому никакого основанія.

При болѣе близкомъ знакомствѣ съ исторіею борьбы православія съ расколомъ хваленая вѣротерпимость православнаго духовенства окажется прямо таки миѳомъ. Въ настоящее время, когда во всемъ образованномъ мірѣ свобода совѣсти признана основнымъ закономъ гражданственности повсюду у насъ, въ Россіи, на миссіонерскихъ съѣздахъ даже въ послѣднее время лучшіе представители православнаго духовенства рекомендовали отнимать дѣтей у ихъ родителей—раскольниковъ, если они не воспитываютъ ихъ въ вѣрѣ православной и случаи отбиранія дѣтей бывали неоднократно.

Будучи въ теченіе десяти лѣтъ директоромъ царицынской тюрьмы, въ Саратовской губ. (отъ 1879—1889 г.), я былъ свидѣтелемъ, какъ сотнями проходили черезъ эту тюрьму сектанты, высылаемые на Кавказъ по доносамъ священниковъ. Гдѣ же тутъ вѣротерпимость?

При этомъ удобномъ случаѣ я не могу не высказать нѣкоторыхъ моихъ соображеній, основанныхъ на многолѣтнемъ близкомъ знакомствѣ съ русскимъ народомъ.

Существовало убѣжденіе, что истинно-русскій человѣкъ долженъ быть непремѣнно православный. Въ настоящее время взглядъ такой уже устарѣлъ не только среди интеллигенціи, но и среди народа. Теперь мы видимъ, что секты даже съ протестантскимъ направленіемъ быстро распространяются, очевидно, что неразрывности связи между русскою народностью и православіемъ не существуетъ уже въ народномъ сознаніи. И признаніе свободы совѣсти законодательствомъ стоитъ на очереди. Никакой законъ, никакія кары не заставятъ меня вѣрить такъ, какъ я вѣрить не хочу.

Нѣтъ тѣхъ мрачныхъ красокъ, которыя можно было бы изъять, дѣлая характеристику временъ крѣпостничества. Воспоминанія о томъ, что я видѣлъ, приводили меня въ ужасъ. Нѣтъ того горя, нѣтъ тѣхъ страданій, нѣтъ такого беззаконія, которыя не преслѣдовали русскій народъ, благодаря ужаснымъ условіямъ крѣпостной жизни. Въ моихъ воспоминаніяхъ эти мрачныя картины повседневныхъ страданій лишь изрѣдка смягчались присутствіемъ среди народа характеровъ цѣльныхъ, сильныхъ и вѣрующихъ въ лучшее будущее, на созерцаніи которыхъ отдыхало сердце, измученное зрѣлищемъ горя, слезъ, страданій и вѣчнаго издѣвательства надъ человѣкомъ. Общее впечатлѣніе всего того, что я видѣлъ, было такое, что казалось, что на всей землѣ русской не было угла, гдѣ не слышно было бы стоновъ и не видно

было слезъ. Дѣти и тѣ никогда не веселились. Большинство представляли людей загнанныхъ, забитыхъ, кроткихъ, безсловесныхъ, терпѣливо выносящихъ всѣ невзгоды, обиды и поношенія. Обезличенные и обездоленные, они съ покорностью старались вымолить себѣ у судьбы и у людей право, если не на счастье, то хотя бы на самое горемычное существованіе и одними лишь стонами протестовали противъ рушащихся на нихъ неправдъ и всякаго рода поношеній.

Въ противоположность этимъ кроткимъ страдальцамъ рисуется передо мною рядъ личностей, которыя подъ вліяніемъ тѣхъ же горестныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ доходили до мрачнаго ожесточенія. Это натуры страстныя, хищныя, крутыя, глубоко сосредоточенныя, за каждую обиду старавшіяся отплатить вдесятеро. Въ старину изъ такихъ людей составляли полчища понизовой вольницы, они избирали своими товарищами темный лѣсъ, да булатный мечъ. Въ описываемое мною время такіе люди бродяжничали, подчасъ разбойничали, заливая свою горькую участь зеленымъ виномъ. Въ то время типомъ этихъ послѣднихъ былъ извѣстный на всю Россію „разбойникъ“ Ланцовъ, въ своемъ родѣ Ринальдо-Ринальдини, личность этическая, воспѣтая въ народныхъ пѣсняхъ, слышанныхъ мною еще въ прошломъ году.

Я лично зналъ Ланцова и неоднократно бесѣдовалъ съ нимъ. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ содержался въ московскомъ бутырскомъ тюремномъ замкѣ, въ такъ называемой сѣверной пугачевской башнѣ, закованный въ ручные и ножные кандалы. Меня очень интересовалъ Ланцовъ, и я, будучи въ караулѣ, подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ со мною откровененъ. Ланцовъ въ сравнительно короткій срокъ совершилъ девятнадцать убійствъ, десять разъ бѣгалъ изъ тюрьмы и съ этаповъ, въ томъ числѣ три раза изъ пугачевской башни. Прогнанный четыре раза „сквозь строй“, одинъ разъ черезъ четыре тысячи человѣкъ (это не выдумки), въ 1861 году онъ ожидалъ еще такого же наказанія въ пятый разъ. Когда я входилъ къ Ланцову въ башню (мы входили къ нему всегда безъ оружія, такъ какъ былъ случай, что вошедшаго къ нему солдата онъ убилъ его собственнымъ оружіемъ и бѣжалъ), мнѣ всегда припоминалась извѣстная надпись на воротахъ Дантова ада: „Нѣтъ для тебя больше надежды“.

Ланцовъ былъ крѣпостной извѣстнаго въ свое время крѣпостника и собственника музыкальнаго хора, съ которымъ онъ ѣздилъ даже за границу,—князя Юрія Александровича Голицына, изъ села Самлыковъ, Тамбовской губ., изъ сектантовъ, хорошо грамотный, что на то время было рѣдкостью. Изъ его разсказовъ я заключилъ, что въ юности онъ былъ малый смирный и работящій. Отецъ его занимался

скотоводствомъ и поручалъ сыну сопровождать гурты по скотопрогоннымъ трактамъ на ярмарки. На 21 году управляющій имѣніемъ безъ всякаго основанія сдалъ Ланцова въ солдаты, несмотря на то, что отецъ давалъ за него значительный выкупъ. Это его озлобило. Когда же онъ уже былъ въ полку, онъ случайно узналъ, что, по сдачѣ его въ солдаты, тотъ же управляющій пристроилъ къ себѣ въ любовницы его красавицу-сестру. Не долго думая, онъ бѣжитъ изъ полка и на двадцатый день изъ царства польскаго, гдѣ стоялъ его полкъ, приходитъ въ г. Козловъ.

Тутъ я повторю его подлинный разсказъ:

„Всю дорогу отъ злобы я скрежеталъ зубами и била меня лихорадка. Въ Козловѣ я немного успокоился— отъ Козлова до нашего села было 120 верстъ. Я вышелъ вечеромъ изъ города, шелъ мелкій снѣгъ, и свѣтилъ блѣдный мѣсяцъ. Близость родины, чудная ночь зажгли въ моемъ сердцѣ любовь къ Богу и къ людямъ. Я началъ молиться, но какой-то холодный, неумолимый голосъ говорилъ мнѣ: „О чемъ ты молишь? Сколько ни молись—пощады тебѣ у людей не будетъ.“ Я пересталъ молиться и шелъ. Шелъ, и съ каждымъ шагомъ страшно горѣвшую кровь мою охватывало непреодолимое желаніе мести.

— На третью ночь по выходѣ изъ Козлова, не заходя въ свое село, въ барской усадьбѣ, я убилъ управляющаго и мою сестру, найдя ихъ въ одной постели... Съ тѣхъ поръ двѣнадцать уже лѣтъ я мыкаюсь по острогамъ, совершаю преступленіе за преступленіемъ, и скоро наступитъ мой конецъ—умереть подъ палками. Скорѣй бы! Душа моя черна, но ихъ еще чернѣе—закончилъ онъ и утеръ слезу рукавомъ арестантской сорочки.

Ланцовъ и сотни ему подобныхъ—это продуктъ того „горя злосчастія“, которое народъ воспѣваетъ во множествѣ пѣсенъ и былинъ, олицетворяя въ видѣ чудовища, которое преслѣдуетъ людей отъ колыбели до могилы и отъ котораго некуда схорониться „доброму молодцу“ ни въ „пескахъ сыпучихъ“, ни въ „лѣсахъ дремучихъ“.

Самымъ страшнымъ бичемъ въ то ужасное время былъ не столько помѣщикъ, сколько „свой братъ—мужикъ“, облеченный властью бурмистра или приказчика. Это были люди вымуштрованные, прошедшіе сквозь огонь и воду и потерявшіе совѣсть. Вѣрные и жестокіе, какъ псы, готовые продать своего роднаго отца, они были незамѣнимыми людьми тамъ, гдѣ нужно было караулить, ловить, не пускать и вообще исполнять какой угодно безчеловѣчный приказъ, и чѣмъ онъ былъ труднѣе, жесточе, тѣмъ больше онъ приходился по вкусу ихъ дикой натурѣ. Эти собачьи качества, эта собачья выдержка, неумолимость и при томъ, по большей части, безотчетная вѣрность помо-

гали имъ зачастую дѣлать хорошую карьеру у богатыхъ господъ: они получали вольныя, богатѣли въ то время, когда „свой братъ“, загрызаемый ими безъ всякой пощады, смотрѣлъ на нихъ, какъ на изверговъ. Много разъ приходилось мнѣ видѣть ихъ звѣрства и жестокости надъ крестьянами, исполняемыя съ жестокимъ хладнокровіемъ и безъ всякаго милосердія. Сколько такихъ бурмистровъ играли, а, быть можетъ, играютъ и теперь выдающуюся роль съ спокойною совѣстью, какъ будто нѣтъ на нихъ ни сучка, ни задоринки. Какъ жаль, что у насъ мало знаютъ и совсѣмъ не интересуются прошлымъ, даже общественныхъ дѣятелей. А такой аттестатъ былъ бы очень полезенъ. Онъ оберегалъ бы общество отъ многихъ мерзостей и отъ опасныхъ людей.

Жизнь въ русской деревнѣ была для меня тогда новостью. Поселившись въ деревнѣ, я не зналъ ни обычаевъ, ни порядковъ крестьянскихъ, а между тѣмъ жизнь эта показалась мнѣ въ высшей степени интересной. Я сталъ приглядываться, изучать, скоро какъ-то свыкся съ крестьянскимъ обиходомъ и сдѣлался, на сколько это было возможно, своимъ человѣкомъ. Теперь такія мои отношенія къ крестьянамъ обратили бы на меня вниманіе урядника и причинили бы мнѣ много хлопотъ, въ то же время урядниковъ еще, слава Богу, не было, да и о какихъ-либо агитаторахъ никто и не помышлялъ. Воспоминанія о проведенной мною жизни среди русскихъ крестьянъ, несмотря на грустныя и тоскливыя картины прошлаго, на грубость нравовъ, на жестокость и произволъ всякихъ властей, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ остались отрадныя. Въ ушахъ моихъ и до сихъ поръ раздается неразборчивый гулъ рабочаго деревенскаго дня. Припоминаю эти жестокіе, сѣверные, владимірскіе морозы и визгливыя метели; время отъ времени пролетитъ лихая помѣщичья тройка, неистово позвякивая валдайскимъ колокольчикомъ и громыхая безчисленными бубенчиками, за тройкой прорыщутъ сельскіе ребятишки въ отцовскихъ тулупахъ и мохнатыхъ шапкахъ. Вижу, вижу и теперь, какъ мрачно рисуются растрепанныя массы крышъ изъ почернѣвшей гнилой соломы, развалившіяся закоптѣлыя избы съ маленькими окнами и безобразно заваленныя сѣрымъ прѣлымъ навозомъ. Въ одной изъ такихъ избъ я имѣлъ свое мѣстожительство. Кругомъ вижу людей загнанныхъ, забитыхъ, кроткихъ, терпѣливо выносящихъ обиды и надругательства. Въ эту страшную стужу вижу деревенскихъ пропойцевъ въ рваныхъ зипунишкахъ, идущихъ въ кабакъ или изъ кабака. Бывало, и я изъ любопытства заглядывалъ въ эти кабаки. Тамъ можно было насмотрѣться на разнообразные виды русскаго мужицкаго горя, заглушаемаго водкою, шумомъ и гамомъ, неистовыми взвизгиваніями, бѣшеною пляскою трепака и

подчасъ кровавою потасовкою въ смутномъ чаду похмѣлья. И по сердцу же былъ русскому мужику кабакъ! Тамъ только онъ былъ свободенъ, тамъ онъ забывалъ и барина, и бурмистра, и свою горемычную долю.

Знаемъ уже, кто такой былъ бурмистръ, а кто же такой былъ русскій баринъ?

Всматриваясь въ длинную исторію русскаго барства, приходимъ къ убѣжденію, что въ однобразныхъ равнинахъ Великороссіи, въ однообразнѣйшихъ, все подводящихъ подъ одинъ знаменатель условіяхъ естественныхъ, экономическихъ и политическихъ не было возможности самостоятельно выдѣлиться изъ этого однообразія чему-нибудь такому, въ смыслѣ привилегированности, чтобы хоть капельку равнялось въ прочности привилегированнымъ, исторически сложившимся установленіямъ стараго европейскаго міра. Только казенное право ограждало барству его привилегированное положеніе, безъ этого казеннаго огражденія ему не было никакихъ резоновъ стоять выше даже мужика. Русскому барину не было надобности развивать въ должной мѣрѣ тотъ запасъ эгоизма, которымъ долженъ жить человѣкъ; ему не съ кѣмъ было воевать за свое привилегированное положеніе, потому что у него и враговъ-то не было никакихъ. За высокой и сильной оградой своихъ казенныхъ правъ онъ сидѣлъ одинъ, точно въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи, и отъ ничегонедѣланія положительно сходилъ съ ума. Даже отъ времени такъ называемыхъ „настоящихъ баръ“ въ назиданіе потомству, не осталось рѣшительно ничего. Изъ отрывочныхъ разсказовъ о прошломъ, которые уцѣлѣли въ воспоминаніи старожиловъ, и изъ того, что я самъ видѣлъ, мало можно поразсказать хорошаго, хотя и въ хорошихъ людяхъ недостатка не было. Но зато цѣлые томы можно писать о разнообразныхъ звѣрствахъ, возводимыхъ на степень удовольствія, о безчинствахъ противъ слабыхъ и безсильныхъ, тоже дѣлаемыхъ больше на потѣху и развлеченіе, но не похожихъ на удовольствія здоровыхъ людей. Чтобы пороть и этимъ наслаждаться, надобно быть больнымъ, чтобы приклеить спящему попу бороду къ столу, надо быть пьянымъ и совсѣмъ некультурнымъ человѣкомъ; вывалять становаго въ дегтю и пуху и потомъ заплатить ему,—затѣя человѣка мало того что не трезваго, но и грубаго. Цѣлая литература исписана по поводу такихъ затѣй, перечислять ихъ почти невозможно. Не вдаваясь въ слишкомъ подробныя воспоминанія старо-барскаго житья-бытья, приходишь къ убѣжденію, что мозгъ, умъ, воля и сердце плохо и нездорово работали у людей, обитавшихъ въ этихъ обширныхъ, блистательныхъ барскихъ дворцахъ и помѣщичьихъ хоромахъ.

Въ русскомъ обществѣ сложилось убѣжденіе, что польскіе и ли-

товскіе паны несравненно хуже обращались съ хлопами, чѣмъ русскіе помѣщики съ своими крестьянами. Цѣлые томы исписаны объ ужасныхъ гоненіяхъ, чинимыхъ магнатами въ Украйнѣ и Малороссіи, и это, къ несчастію, совершенная правда. Исторія, однако, указываетъ на громадную разницу въ причинахъ, которыя вызывали эти расправы. И по совѣсти и ради исторической правды причины эти слѣдуетъ взять въ соображеніе. Во всякомъ случаѣ, эти безобразія и ужасы не были ради потѣхи и удовольствія подъ пьяную руку. Магнаты и хлопы украинскіе—то были враги политическіе и религіозные, кто одолѣвалъ, тотъ и чинилъ расправы огнемъ и мечемъ и всевозможными иными способами. Та и другая сторона были безжалостные хищники, были волки. Тутъ обѣ стороны были виноваты, это была борьба не на жизнь, а на смерть, она и кончилась смертью.

А русскій баринъ? Засѣкалъ безправнаго мужика на смерть ради скуки, ради потѣхи; билъ направо и налѣво, колобродилъ и распутствовалъ, не подвергая себя никакой опасности. Вѣдь у русскаго барина не было никакой причины, ни религіозной, ни политической—стать во враждебныя отношенія къ мужику, такъ какъ и мужикъ не думалъ съ нимъ враждовать. Бунты Остраницы, Наливайки, гайдамацкія движенія, Гонты и Желѣзняка, возстаніе Хмѣльницкаго,—то была борьба политическая и религіозная, за которую исторія осудила безобразные порядки польскаго государства. Движеніе Пугачева и Разина и многихъ другихъ—это были протесты черни противъ самоуправства и безчеловѣчнаго обращенія барина. Такою постановкою вопроса я вовсе не хочу защищать польскихъ пановъ и магнатовъ, какія бы ни были причины, тѣмъ, кто страдалъ отъ этого было не легче, но я констатирую только разницу причинъ и положеніе сторонъ и чтобы быть справедливымъ — этого забывать не слѣдуетъ.

Послѣ присоединенія польскихъ областей къ Россіи и послѣ закрѣпощенія Екатериной II-й крестьянъ этихъ провинцій къ помѣщикамъ, разницы въ обращеніи этихъ послѣднихъ къ мужикамъ по сравненію съ русскимъ помѣщикомъ не было никакой. Оба, къ стыду человѣчества, охулки на руки не клали. И я позволю себѣ примѣнить къ нимъ обоимъ одну польскую пословицу:

Wart Pac Pałaca i Pałac Paca (по-русски—„оба хороши").

II.

Выступленіе изъ села Бутылицъ въ Муромъ.—Нашъ полковой командиръ.—Его бесѣда съ крестьянами по поводу солдатскаго пайка.—Характеристика старыхъ и молодыхъ офицеровъ.—Кончина императора Николая.—Начало реформъ.—Одушевленіе общества.—Вліяніе реформъ на войска.—Измѣненія въ полковой жизни.—Грамотность въ войскахъ.—Городъ Муромъ и его обыватели.—Пріемы помѣщиковъ.—Рѣчи о крестьянской реформѣ.—Современная русская женщина. -Дворянскій клубъ.—Походъ въ Москву.

Съ наступленіемъ весны рота наша, въ томъ числѣ и я, покинули село Бутылицы и широкія деревенскія квартиры, гдѣ мнѣ жилось хорошо, и перешли въ Муромъ для весеннихъ военныхъ упражненій.

Послѣ Крымской кампаніи, которая воочію доказала, что прежняя система выправокъ въ арміи ни къ чему не годилась, что для того, чтобы побѣждать, даже съ такой образцовой, по храбрости, арміей, какъ наша, недостаточно было умѣть ходить церемоніальнымъ маршемъ на плацъ-парадахъ и соблюдать при этомъ идеальное равненіе, что условія войны, благодаря новымъ вооруженіямъ, измѣнились въ основаніи. Вслѣдствіе этого, началась коренная военная реформа. И обмундированіе, и вооруженіе, и всѣ тактическія условія прежняго строя мало-по-малу измѣнились. Фронтовыя ученія, бывшія до сихъ поръ жесточайшею мукою, сдѣлались похожими больше на развлеченіе и въ періодъ моей службы въ полку мало уже обращали вниманія на равненіе, на церемоніальные марши, а учили солдатъ стрѣльбѣ изъ новыхъ ружей, учили грамотѣ и заботились о развитіи солдатъ. Розги, шпицрутены все рѣже касались солдатскаго тѣла, при чемъ кормили солдатъ лучше, меньше обкрадывало ихъ начальство и обращались съ ними человѣчнѣе. Всему этому Россія обязана гуманнымъ взглядамъ императора Александра II.

Полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь начать свою службу, былъ одинъ изъ блестящихъ полковъ русской арміи. Полковымъ командиромъ былъ нѣкто М*, полякъ по происхожденію. Командуя Охотскимъ полкомъ, въ Крымскую кампанію онъ оказывалъ чудеса храбрости. М* былъ, по натурѣ своей, чрезвычайно подвижной, онъ постоянно кипятился, кричалъ, но, въ общемъ, былъ человѣкъ хорошій. Съ офицерами онъ иногда воевалъ и, главнымъ образомъ, изъ-за формы одежды и дисциплины.

„Форма одежды и дисциплина, господа,—говорилъ онъ:—давали направленіе великимъ событіямъ. Не будь этого, былъ бы хаосъ, и мы никогда и ничего не сдѣлаемъ, если не будемъ держаться этого принципа“.

Пріѣхалъ полковникъ М* къ намъ въ село для провѣрки ротныхъ ученій. Мужички, у которыхъ солдаты нашей роты стояли на

квартирахъ и пользовались ихъ хлѣбомъ и приваркомъ, пришли къ полковому командиру просить о выдачѣ имъ солдатскаго пайка. Обыкновенно, этотъ паекъ, 1 п. 32 ф. на человѣка, мужики „прощали", но въ чью пользу этотъ прощеный паекъ поступалъ, мнѣ неизвѣстно, хотя, навѣрное, знаю, что въ пользу солдатъ не шло ни копѣйки. На этотъ разъ мужики „прощать" пайка не „пожелали" и собрались кучкой у воротъ той хаты, гдѣ остановился полковой командиръ. Выйдя изъ избы и поглядывая полугрозно полудобродушно изъ-подъ нависшихъ бровей на стоявшихъ у воротъ мужиковъ, онъ подошелъ къ нимъ и крикнулъ свое обычное военное привѣтствіе: „здорово, ребята!"

— Здравія желаемъ, ваше сіятельство!—гаркнули мужички.

— Зачѣмъ я вамъ нуженъ, братцы? — спросилъ онъ, обращаясь къ мужикамъ.

— Да мы къ вамъ, ваше сіятельство, какъ, значитъ, наслышаны о вашей милости.

— Ладно! Ладно. Знаю, что наслышаны... О пайкѣ?

— Такъ точно... Объ чемъ же больше... Знамо, объ немъ.

Мужики всѣ вразъ что-то заговорили, стараясь возможно почтительнѣе и опредѣленнѣе объяснить полковнику, въ чемъ дѣло.

— Смирно!—крикнулъ, вдругъ, полковникъ командирскимъ голосомъ:—Слушать командиры! Объясняй, когда команда будетъ! Отойди къ сторонѣ.

Мужики совершенно растерялись при такомъ оборотѣ дѣла и поспѣшили сбиться въ кучу.

— Кто у васъ тутъ старшій?

Вышелъ сѣдой старикъ.

— Доложи.

— Мы, ваше сіятельство, какъ значится,—началъ свою рѣчь старикъ,—какъ мы изволили вамъ докладывать, выходитъ, что ежели...

— У ротнаго были?

— Это, значитъ, у Ѳомы Матвѣевича?

— Ну, да!

— Были-съ... Ну, только упирается, послалъ къ вашей милости, говоритъ, что это дѣло ему не подстать; а вашей милости въ самый разъ.

— „Нашей милости". Бѣлоручки! — выкрикивалъ полковникъ, — нашей милости солдатскіе пайки, а имъ, великія дѣла! Наполеоны! Ступайте къ нему, — крикнулъ полковникъ, сверкая глазами, — кругомъ—маршъ!

Паекъ мужикамъ возвратили.

Такія сцены повторялись часто, касалось ли это пайка, отвода

квартиръ, поставки подводъ подъ полковое имущество, отпуска деревней дровъ и т. п. и только не въ одномъ нашемъ полку. Полковые командиры были въ то время почти всѣ на одинъ манеръ. Грубоватые по наружности, въ концѣ-концовъ, люди добродушные и доступные и всегда, до извѣстной степени, честные.

Когда мы вернулись съ просторныхъ квартиръ въ Муромъ, насъ, офицеровъ, въ Муромѣ собралось до семидесяти человѣкъ.

Наше общество состояло изъ офицеровъ двухъ поколѣній: стараго, произведенныхъ въ офицеры за долго до Крымской кампаніи, въ числѣ ихъ было нѣсколько выслуженныхъ изъ солдатъ и произведенныхъ изъ юнкеровъ, и молодаго, произведенныхъ послѣ кампаніи, это были все изъ кадетскихъ корпусовъ временъ либеральныхъ, шестидесятыхъ годовъ. Въ числѣ первыхъ были люди, до извѣстной степени, образованные и съ хорошимъ воспитаніемъ, но съ замашками „моншеровъ", какъ тогда ихъ называли. Этотъ типъ въ литературѣ извѣстенъ, началъ его первый выводить на сцену Чужбинскій, знатокъ военнаго быта. Поступали они на службу, какъ поступала въ былыя времена, большая часть нашей братіи—дворянъ, безъ опредѣленной цѣли, безъ яснаго сознанія объ избираемомъ поприщѣ. Жилось имъ безъ всякихъ тревогъ, и жизнь ихъ не была богата приключеніями. Средствъ къ жизни было у нихъ достаточно, и потому въ ихъ жизни не было ни бурь, ни катастрофъ, ничего такого, что называется драмою, что зовется борьбою. Боролись они, порою, только съ кредиторами. Это были все славные, добрые ребята. Когда нужно было, умѣли храбро и весело сражаться въ бою, умѣли лихо пообѣдать, по-барски, здорово выпить въ веселый часъ, но только хорошимъ виномъ, пропонтировать до разсвѣта. И приростали они къ полку всѣми живыми силами души своей, всѣмъ существомъ своимъ и службу считали дѣломъ святымъ. Свободное время,—а его было черезчуръ много,—проводили они исключительно въ игрѣ. Начинали ералашемъ, кончали штоссомъ. И какъ играли! На совѣсти упрека ни малѣйшаго, понтировали и хладнокровно и умно, не пускали брандеровъ не въ пору и не жались, какъ аптекаря. И въ выигрышѣ и въ проигрышѣ—виновата была лишь судьба, проигравшійся до нитки давалъ зарокъ никогда не брать карты въ руки, но, выспавшись и успокоившись физически и нравственно, онъ уже снова хлопоталъ о возстановленіи своихъ фондовъ. Приглашался полковой портной, Берко Надельбергъ—общій офицерскій кредиторъ, дѣлался заемъ у казначея, или у квартирмейстера, словомъ, пускались въ ходъ всѣ политико-экономическія мѣры, имѣющія практическое приложеніе къ офицерской, наполненной финансовыми кризисами, жизни. А къ вечеру онъ уже первый усаживался за покрытый зеленымъ сукномъ столикъ.

Несмотря на то, что съ солдатами подчасъ они обращались жестоко, такое уже было время,—солдаты ихъ любили.

И куда бы ихъ судьба ни занесла, въ глухіе ли городишки Малороссіи и Литвы, въ Польшу ли, въ Бессарабію, не говоря уже о центральной Россіи, вездѣ ихъ любили, всюду они были желанными гостями, своими людьми, всегда вѣжливые, деликатные, умѣющіе оберегать и свою честь, и честь своего мундира, и защищать честь другихъ. Удали и шалостей было много, но никто не слышалъ ни грязныхъ скандаловъ, ни грубыхъ придирокъ, ни дуэлей изъ-за пустяковъ. Прибытіе полка въ городъ на стоянку сопровождалось всегда общей радостью, выходъ его изъ города—общею печалью. Что это были за хорошія и счастливыя времена! Въ свои отношенія они не вносили ни оффиціальнаго тона, ни политики, ни религіозной нетерпимости. Даже въ Польшѣ, наканунѣ возстанія въ 1862 году, полки, выступавшіе оттуда, народонаселеніе провожало обѣдами, пикниками, продолжавшимися часто по недѣлѣ, а солдатъ кормили до-отвала.

Интрижки офицеровъ съ прекраснымъ поломъ отличались джентельменствомъ и благородствомъ, и я не знаю случая, когда бы такая интрижка окончилась позоромъ, до этого ни одинъ офицеръ допустить не имѣлъ права. Если были случаи противнаго, то очень рѣдко.

Это молодое поколѣніе офицеровъ радикально разнилось отъ офицеровъ николаевской эпохи. Старые офицеры отдавались службѣ всѣмъ своимъ существомъ, молодежь же службу въ полку считала лишь переходной стадіей. Каждый изъ нихъ думалъ, тѣмъ или инымъ путемъ, рано или поздно вырваться изъ полка и сдѣлать или военную карьеру въ генеральномъ штабѣ, или перейти въ гражданскую и даже частную службу, лишь бы на хорошіе оклады. Военная служба была въ то время не въ почетѣ.

Прежней службы военные были люди цѣльные, съ крѣпко сложившимися убѣжденіями, съ яснымъ и опредѣленнымъ, хотя съ весьма ограниченнымъ міросозерцаніемъ, съ ясными, твердо установившимися, не скажу—принципами, но формами общественной жизни. Отдавъ дань молодости, побаловавшись байронствомъ и онѣгинско-печоринскимъ разочарованіемъ, они, войдя въ зрѣлые годы, обыкновенно откладывали въ сторону эту напускную фанаберію, сущность которой большинство не понимало, а увлекалось ею, какъ модною канителью, вполнѣ добросовѣстно отдавались тому дѣлу, на которое ихъ судьба и долгъ поставили. Служить въ военной службѣ обязывали честь и долгъ каждаго дворянина, ну и служили до старости.

Крымская кампанія, результатами которой всѣ были недовольны, радикально измѣнила направленіе мыслей всѣхъ, даже людей самыхъ

простодушныхъ. Какъ-будто всѣхъ пришибло, какъ-будто въ чемъ-то усумнились, отъ чего-то пришли въ ужасъ и негодованіе и, какъ заблудшіе, искали свѣта и правды. Налетѣлъ шквалъ и низвергнулъ всѣхъ старыхъ боговъ, которымъ такъ долго поклонялись.

Россія проснулась... Величавый обликъ грознаго императора, державшаго въ своей мощной длани всю необъятную Русь, неожиданно въ полномъ развитіи истинно-царственной мощи отошелъ въ вѣчность, будучи не въ силахъ перенесть того погрома, который обнаружилъ немощность и мертвенность духа горячо любимой имъ Россіи.

Съ воцареніемъ императора Александра II начался періодъ реформъ, общество заволновалось, засуетилось; появилось новое слово „прогрессъ", которымъ объясняли все, которое прикладывали ко всему. Небывалое одушевленіе овладѣло всѣми. Всѣ устремились сбросить съ себя все старое, ветхое и облечься въ новое, сшитое съ иголочки, хотя не всегда по мѣркѣ, и какъ готовое—на одинъ ростъ. Преемственная духовная связь между прежними поколѣніями, между отцами и дѣтьми разомъ оборвалась.

Началось очень хорошее время, какъ легко жилось и дышалось! Многіе и донынѣ еще вспоминаютъ о томъ времени, какъ о чемъ-то прекрасномъ.

Въ военной средѣ прогрессъ этотъ коснулся прежде всего молодежи, старыхъ же героевъ Крымской войны, подъ вліяніемъ того же направленія, стали увольнять со службы и, въ крайнемъ случаѣ, терпѣть до поры, до времени. Къ нимъ относились съ презрительнымъ сожалѣніемъ, какъ къ жалкимъ обломкамъ сгнившаго прошлаго. Не щадили никого, былъ ли это генералъ, ничѣмъ себя не запятнавшій, или мелкій по чину офицеръ. Справедливости никто не ждалъ. На бульварахъ и улицахъ Москвы и Петербурга ежеминутно можно было встрѣтить отставныхъ и раненыхъ офицеровъ, протягивающихъ руку съ злорадствомъ, съ просьбою, чаще всего на французскомъ языкѣ: „Donnez moi quelque chose pour manger et boire", или „Подайте бѣдному офицеру на хлѣбъ". Бывали случаи, что протягивали руку къ общественной помощи и генералы. Стыдно вспомнить объ этомъ, но это такъ было.

Борьба новаго со старымъ началась раньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, ломкой въ военномъ вѣдомствѣ. Требованія коренныхъ измѣненій въ военной жизни сдѣлались повсемѣстны. Прежняя система обращенія съ солдатами, система розогъ, шпицрутеновъ, фухтелей была осуждена безповоротно. Бывали случаи, что офицеры отказывались производить приговоры по суду, если нужно было наказывать солдатъ розгами и „гонять" сквозь строй, а если исполняли, то со всевозможными послабленіями. Мнѣ самому пришлось, на основаніи приказа по полку,

исполнять приговоръ суда и наказать 250 ударами розогъ какого-то мелкаго полковаго воришку. Я не отказался отъ исполненія, но сдѣлалъ распоряженіе бить по полушубку и при томъ дано было только 50 ударовъ, такъ какъ солдаты, производящіе экзекуцію, вели счетъ розгамъ съ большими пропусками. Во время экзекуціи въ Москвѣ надъ рядовымъ Паршинымъ, которому по суду назначено было 300 ударовъ шпицрутенами, офицеры, производившіе экзекуцію, несмотря на протесты полковаго аудитора, ходили сзади солдатъ и приказывали бить легче. За такое гуманное отношеніе солдаты боготворили молодыхъ офицеровъ, и дисциплина въ полку отъ такого обращенія нисколько не страдала. Мой денщикъ Яковъ Поповъ, котораго я принялъ къ себѣ въ услуженіе на третій день послѣ учиненія надъ нимъ жестокой экзекуціи, за какую-то пустую провинность и котораго всѣ старые офицеры считали отъявленнымъ негодяемъ, подъ вліяніемъ гуманнаго съ нимъ обращенія былъ лучшимъ денщикомъ въ цѣломъ полку, и когда я вышелъ въ отставку и онъ одновременно окончилъ свой срокъ службы, оставался при мнѣ еще 9 лѣтъ, до самой своей кончины. Это былъ до того честный и привязанный солдатъ, что забыть его невозможно. Волосы ставали на головѣ, слушая его разсказы о старой, Николаевской службѣ. Не мудрено, что служба эта изъ людей дѣлала озвѣрѣвшихъ истукановъ.

Эти новыя вѣянія проникали въ полковую жизнь безъ всякаго протеста со стороны стараго поколѣнія офицеровъ. Эти герои Крымской войны, не умѣвшіе покрыть себя славой, не по своей, впрочемъ, винѣ, чувствовали, что пѣсенка ихъ спѣта. Свое паденіе они переносили молча, съ достоинствомъ, не понимая хорошенько, что вокругъ нихъ творилось, но сохраняя въ душѣ своей глубокое уваженіе и любовь къ этой старой службѣ и ея порядкамъ. Мнѣ пришлось быть заочнымъ свидѣтелемъ такого безпредѣльнаго уваженія къ погибающему прошлому.

Идя походомъ по Владимірской губерніи, рота наша остановилась на дневку въ имѣніи генерала Л*, уволеннаго въ числѣ многихъ другихъ генераловъ въ отставку, послѣ Крымской войны. Генералъ пригласилъ насъ, офицеровъ, къ себѣ обѣдать. Во время обѣда одинъ изъ насъ позволилъ себѣ критически, правда рѣзко, отнестись къ прежнимъ порядкамъ въ арміи. Боже, что вышло! Генералъ плакалъ, кричалъ, гналъ насъ изъ своего дома; жена и дѣти, даже лакей—всѣ плакали вмѣстѣ съ нимъ, и все это выходило такъ чистосердечно, такъ естественно, что всѣ мы почувствовали стыдъ и укоръ за причиненную ему глубокую обиду. Только наша искренняя и безхитростная просьба къ генералу простить нашего опрометчиваго товарища успокоила генерала Л* и его почтенную семью. Когда началась

ломка, сколько такихъ людей, какъ этотъ генералъ Л*, падали, какъ мухи осенью.

Полковая жизнь начала устраиваться по-новому. Попойки прекратились, картежная игра сдѣлалась рѣже, время проводили въ товарищескихъ бесѣдахъ, въ спорахъ, въ чтеніи. Того беззавѣтнаго служенія знамени, того закрѣпощенія себя всѣми живыми силами души своей къ полку уже не было. Стали интересоваться всѣмъ, что интересовало общество, что было общей злобой дня. Быть только полковымъ офицеромъ, жить въ узкой сферѣ полковыхъ интересовъ не удовлетворяло уже никого. Начали серьезно учиться, чтобы выбиться изъ полковой колеи, и кто былъ поэнергичнѣе, трудолюбивѣе и умнѣе, тотъ выдвигался на новое поприще и дѣлалъ карьеру. Въ мое трехлѣтнее пребываніе въ полку около 20 офицеровъ оставило его. Но пока удавалось достигнуть этого, нужно было служить. Въ такомъ собирательномъ учрежденіи, какъ полкъ, жить особнякомъ нельзя, это ставило бы каждаго въ положеніе лишняго человѣка, поэтому заставляло офицеровъ собираться въ тѣсные товарищескіе кружки. Кружки такіе, на сколько я помню, организовались въ полкахъ повсюду, вскорѣ послѣ окончанія Крымской войны. Когда начался періодъ реформъ и новыхъ идеаловъ, интересъ къ нимъ проникъ и въ военныя сферы и выразился въ формѣ полнаго сочувствія всѣмъ идеямъ, въ основѣ которыхъ лежалъ принципъ абсолютной свободы. Весь матеріалъ для образованія такихъ воззрѣній черпался нами, конечно, не изъ жизни, не изъ общенія съ другими въ общемъ трудѣ надъ какими-либо соціальными задачами, такъ какъ ни такой жизни, ни такихъ задачъ у насъ не существовало, а изъ книгъ, изъ теорій, надъ практическимъ смысломъ которыхъ мы тогда еще мало разсуждали. Бюхнеръ, Молешотъ, Дарвинъ, Штраусъ, Ренанъ, Берндъ, Милль, Смайльсъ, Спенсеръ, Лассаль и т. п. были настольными нашими книгами, на которыя тратились послѣднія деньги изъ ничтожнаго офицерскаго жалованья. Все это читалось, читалось усердно, но понималось мало, потому что читалось безъ всякой системы, безъ всякой подготовки. Номера „Колокола“ и другихъ заграничныхъ изданій мы или выписывали на общія средства кружка, или доставали отъ постороннихъ лицъ, что было въ то время вовсе не трудно. Такимъ образомъ, чтеніе этихъ и другихъ имъ подобныхъ книгъ дѣлало свое дѣло и создавало въ молодыхъ умахъ разнообразныя воззрѣнія и убѣжденія на различные вопросы.

Въ этомъ хаосѣ всяческихъ убѣжденій не только въ офицерскихъ кружкахъ, но во всемъ русскомъ обществѣ не послѣднее мѣсто занимали и убѣжденія политическія. Но что это были за убѣжденія, чего хотѣли, никто себѣ яснаго отчета дать не умѣлъ. Освобожденіе

крестьянъ—было закончено. Реформа земская и судебная уже назрѣвали, оставались намѣченными какіе-то политическіе вопросы, но какіе, никто ясно формулировать не могъ. Пѣли и кричали много, но о чемъ „пѣли", кому „пѣли"—не знали. Свобода и только. Пѣли и „Дубинушку" съ подобающимъ текстомъ, пѣли и „Соловья" съ инымъ текстомъ, въ которомъ говорилось „передъ кнутомъ не трусь", но ничего опредѣленнаго ни въ одной пѣснѣ не выражалось.

Такое, однако, направленіе умовъ военной молодежи въ первые годы царствованія императора Александра II никакого вреднаго значенія не имѣло, это были только рефлексы общаго одушевленія послѣ тяжелаго николаевскаго режима, которое естественно не могло не выразиться въ разныхъ теоретическихъ химерахъ. Переходное время всегда и вездѣ имѣло такой характеръ. Время борьбы новаго со старымъ характерно тѣмъ, что во всѣхъ понятіяхъ проявляется шаткость, колебаніе изъ стороны въ сторону. И люди въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются не твердыми путеводными началами, а становятся рабами случайностей, и оттого часто дѣлаютъ ошибки, и, что всего хуже, вредятъ и дѣлу и себѣ.

Тѣмъ не менѣе, однако, военная молодежь того времени не заслуживаетъ упрека въ томъ, чтобы она не исполняла своихъ обязанностей, напротивъ, ея увлеченія новыми вѣяніями послужили мощнымъ двигателемъ для созданія цѣлаго поколѣнія грамотныхъ солдатъ, надъ развитіемъ котораго эта молодежь занималась со всѣмъ рвеніемъ, со всею страстностью честныхъ людей. Молодежь эта доказала, что ея увлеченія разными химерическими теоріями не были безполезны. Неуклонное стремленіе военнаго министра графа Милютина, посредствомъ развитія солдата, положить основаніе для распространенія грамотности среди населенія Россіи встрѣчено было военною молодежью съ полнымъ сознаніемъ необходимости содѣйствовать всѣми силами этимъ возвышеннымъ начинаніямъ графа Милютина. И она со славою исполнила свой долгъ.

Вотъ въ какое общество офицеровъ я попалъ по возвращеніи изъ села Бутылицъ въ Муромъ. Скоро я пристроился къ кружку молодежи, состоящему изъ моихъ однокашниковъ, которые готовились въ разныя военныя академіи, что было также и моимъ желаніемъ. Такимъ образомъ, это были все люди, желающіе учиться, а не бить баклуши и пользоваться жизнью по-старому.

Кружокъ этотъ былъ для меня симпатиченъ еще и потому, что всѣ, сколько насъ было, мы избрали своею спеціальностью изученіе исторіи. Какъ руководство мы выбрали Шлоссера, но читали Бокля, Маколея и другихъ. Занимались мы этимъ предметомъ серьезно, разумѣется, на столько, на сколько мы были подготовлены въ корпусѣ

*

нашими преподавателями по учебникамъ, утвержденнымъ совѣтомъ военно-учебныхъ заведеній.

Когда мы подошли къ изученію историческихъ фактовъ польскаго государства и особенно его отношеній къ Россіи и стали сравнивать ихъ съ тѣмъ изложеніемъ и тѣми выводами, которые имѣютъ мѣсто въ учебникахъ, по которымъ насъ учили, мы натолкнулись на полное извращеніе и фактовъ и мотивовъ этихъ историческихъ событій. Объ исторической правдѣ эти составители учебниковъ не заботились. Когда насъ учили этому историческому вздору, несмотря на наши дѣтскіе еще умишки, мы тѣмъ не менѣе чутьемъ понимали, что ложь ихъ имѣла цѣлью, съ одной стороны, посѣять вражду между двумя славянскими народами, что, конечно, достигнуто во вредъ обоимъ этимъ народамъ, и обезславить прошлое народа. Кому нуженъ былъ этотъ историческій шантажъ и для чего? Неужели для того, чтобы озлоблять души юношей, послѣдствіемъ чего было много горя и страданій. Для другой цѣли эта историческая ложь никуда не годилась, она была слишкомъ груба, даже дѣтей не могла ввести въ заблужденіе. Сѣяла только вѣтеръ, чтобы потомъ собрать бурю, послѣ которой въ полвѣка еще оправиться трудно. Скажутъ исторія—не математика. Какъ бы ни безпристрастно и объективно историкъ изучалъ свой предметъ, онъ самъ, охваченный волною жизни, и имѣя дѣло съ повѣствованіемъ о жизни, неизбѣжно вноситъ въ изслѣдованіе какія-либо „патріотическія", какъ обыкновенно говорятъ, или субъективныя идеи и побужденія. Можно, а пожалуй даже и должно, руководствоваться въ историческомъ изслѣдованіи тѣми или другими политическими соображеніями, но лгать все-таки не слѣдовало, потому что такая ложь въ концѣ-концовъ приноситъ результаты, обратные тѣмъ, какіе имѣлись въ виду. И вотъ доказательства. Въ нашемъ кружкѣ было девять человѣкъ. Только я одинъ былъ полякъ, остальные все русскіе. Убѣдившись, что все то, чему насъ учили о польскомъ народѣ, была завѣдомая и неблаговидная ложь, они разъ на всегда покончили съ такими источниками, мало того они перестали вѣрить вообще источникамъ русскимъ и изучали польскую исторію по капитальнымъ сочиненіямъ польскихъ и иностранныхъ историковъ, и вслѣдствіе этого польско-русскія отношенія, особенно конца восемнадцатаго и первой половины девятнадцатаго вѣка, явились въ совершенно иномъ свѣтѣ, какъ то намъ старались представить въ корпусѣ. И когда началось въ 1863 году польское возстаніе, двое изъ нашего кружка вышли въ отставку и примкнули къ возстанію, а трое занимаются литературой и хотя изрѣдка, но печатно разоблачаютъ ложь и невѣжество по польскимъ вопросамъ „патріотическихъ" исторіографовъ... Вредъ, который при-

чиняется юношеству опорочиваніемъ польскаго народа въ учебникахъ исторіи, назначенныхъ для преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, давно замѣченъ компетентными учеными, и пора эту глупую недобросовѣстную и вредную затѣю оставить. Польскій народъ дѣлалъ ошибки, но дѣлалъ и великія дѣла, съ этимъ согласиться нужно, и этому учить слѣдуетъ, потому что это правда.

Живя въ Муромѣ и будучи совершенно еще молодыми людьми, мы, офицеры, помимо научныхъ занятій, не отказывались пользоваться и тѣми удовольствіями, которыя можно было получить въ такомъ неприхотливомъ уѣздномъ городкѣ, какимъ былъ въ то время Муромъ, родина Ильи Муромца, такъ какъ село Карачарово, гдѣ родился Муромецъ, находится въ верстѣ отъ города. Какая это была въ то время трущоба, окруженная со всѣхъ сторонъ дремучими, непроходимыми лѣсами, достаточно сказать, что по большому тракту отъ Мурома, чрезъ г. Судогду во Владиміръ, въ двухъ верстахъ разстоянія одинъ отъ другаго, стояли вооруженные крестьянскіе пикеты, оберегающіе транспорты, слѣдующіе на нижегородскую макарьевскую ярмарку, а также почту, проѣзжихъ и прохожихъ отъ грабежа и разбоевъ „добрыхъ молодцевъ“, которыхъ и въ муромскихъ лѣсахъ и по всему тракту было довольно.

Почта въ Муромъ приходила только два раза въ недѣлю, а осенью и весною во время разлитія рѣкъ и дождей въ двѣ недѣли одинъ разъ. Муромъ и тогда уже былъ значительнымъ фабричнымъ городомъ; фабриковали канаты, буксиры, троссы, парусину, равендукъ и даже высшіе сорта полотна. Купцы, въ числѣ которыхъ было очень много крупныхъ капиталистовъ, но совсѣмъ мало людей грамотныхъ, ходили въ сибирскихъ кафтанахъ, въ высокихъ поярковыхъ шляпахъ, такъ называемыхъ гречушникахъ, въ сапогахъ съ высокими голенищами. Женщины лѣтомъ и зимою наряжались въ шубейки разнаго цвѣта изъ шелка и бархата, а нерѣдко изъ очень дорогой парчи.

Я не помню, чтобы гдѣ-нибудь въ великорусскихъ губерніяхъ я встрѣтилъ женщинъ красивѣе муромскихъ мѣщанокъ. У меня сохранились типы, срисованные съ натуры съ нѣкоторыхъ мѣщанокъ, отличающихся выдающеюся красотою,—вообще муромская горожанка, не особенно большаго роста, деликатнаго, нѣсколько даже сухопараго, сложенія, почти всегда съ блѣднымъ, но не болѣзненнымъ лицомъ, съ мелкими чертами, умными, плутоватыми глазами и вздернутымъ носомъ. Если бы любую изъ этихъ „бабъ“ или дѣвокъ одѣть въ настоящій салонный туалетъ, она, пожалуй, сразу бы превратилась въ свѣтскую шикарную даму, до такой степени во всѣхъ ихъ была выдержка, порядочность, даже нѣкоторая виртуозность, особенно въ

интонаціяхъ голоса и въ манерѣ говорить, которая пріобрѣтала особенную прелесть отъ великорусскаго акцента на—о.

Муромъ, главнымъ образомъ, раскинулся по нагорному берегу Оки. Это было неудобно въ смыслѣ его длинноты, но зато выходило очень живописно, особенно по причинѣ множества садовъ, церквей, красивыхъ купеческихъ домовъ и громадныхъ фабрикъ съ красными и зелеными крышами. Осенью и весною грязи на улицахъ сколько угодно.

Несмотря на дурную репутацію муромскихъ лѣсовъ, окружающихъ городъ со всѣхъ сторонъ, въ описываемое мною время, Муромъ былъ самымъ безопаснымъ, мирнымъ и спокойнымъ городомъ. Съ семи часовъ, особенно зимою, во всѣхъ купеческихъ и мѣщанскихъ домахъ и на большинствѣ фабрикъ начали уже гасить огни, а въ ту минуту, когда на соборной колокольнѣ било восемь часовъ—большинство жителей Мурома покоились въ объятіяхъ Морфея.

Лѣтъ пять тому я, по дѣламъ, побывалъ въ Муромѣ. Городъ расширился и застроился, обыватели уже не ложатся спать съ восьми часовъ, а время проводятъ въ кафешантанахъ, театрахъ и садахъ, гдѣ гремитъ музыка и поютъ пѣвички,—пароходы и желѣзная дорога сдѣлали изъ него большой торговый пунктъ. Купцы не носятъ уже длиннополыхъ кафтановъ и сибирокъ, а жены ихъ душегрѣекъ, но за это время Ока съузилась почти на половину и сильно обмелѣла, отчего прежній живописный видъ городъ утратилъ. Вспоминая прежнее наше житье въ этомъ городѣ, мнѣ показалось, что теперь живутъ хуже; слишкомъ много разгула.

Несмотря на то, что сорокъ лѣтъ тому большая часть жителей Мурома спали съ восьми часовъ сномъ праведниковъ и самъ городъ погруженъ былъ въ полную тишину и непроглядную темь, такъ какъ фонарей на улицахъ не было, только передъ квартирой городничаго,—офицерство, дворянство и уѣздное высшее чиновничество, котораго тогда было въ десять разъ меньше, чѣмъ теперь, проводили время весело.

Общества, въ широкомъ смыслѣ этого слова, собственно говоря, въ Муромѣ, какъ и вообще въ Россіи, не существовало. Тогда, въ дореформенное время даже привилегированные классы были замкнуты въ приказныя формы управленія, общественнаго голоса не слышно было даже въ дворянскихъ собраніяхъ, не было его на судѣ, при формахъ прежняго процесса, не было въ печати, стѣсненной до послѣднихъ предѣловъ, не было въ учрежденіяхъ, гдѣ всѣ сословія совѣщались бы о своихъ нуждахъ, не было и самыхъ учрежденій общественныхъ. Каждый осужденъ былъ жить особо, самъ по себѣ, каждый уходилъ въ свою скорлупу, въ свой кружокъ, не имѣющій никакихъ общихъ цѣлей и стремленій, а лишь общія привычки, обычаи и общіе нравы.

Центры этихъ кружковъ, такъ сказать ядро, какъ въ городѣ, такъ и по деревнямъ составляли дворяне, около которыхъ группировались чиновники и офицерство.

Жизнь вели безсодержательную и пустую, но ѣли и пили на славу, и любознательный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ могъ съ полнымъ правомъ говорить, „что, разъѣзжая отъ Ноздрева къ Собакевичу и отъ Коробочки къ Манилову, обѣдая съ ними, выпивая и поигрывая въ шашки, онъ изучаетъ жизнь благороднаго дворянства". И дѣйствительно ничего другаго ему дѣлать тамъ не приходилось.

И по моимъ личнымъ наблюденіямъ, хотя посѣщалъ благородное дворянство много позже Чичикова, но и тогда и въ обширныхъ барскихъ палатахъ и среди дворянства, средняго по состоянію, дѣлали одно и то же, съ тою лишь разницей, что въ усадьбахъ съ утра до вечера играли въ карты, въ палатахъ играли въ крокетъ, въ усадьбахъ сплетничали про Анну Ивановну, Елизавету Петровну, интересовались дѣлами и помыслами Матрены Карповны, ругали Ивана Ивановича; въ палатахъ разсказывали faits et gestes какой-нибудь княжны Вава, графини Тата и если не ругали, то осуждали какого-нибудь князя Мишу, графа Нику, ахали и умилялись надъ добродѣтелью какой-нибудь Бетси. Въ усадьбахъ никогда не дѣлали никакихъ parties de plaisir, а просто ходили въ лѣсъ за грибами, или къ сосѣдямъ; живущіе въ палатахъ постоянно ѣздили въ линейкахъ тюльбери, верхомъ, но интереса въ этихъ поѣздкахъ было не больше, чѣмъ въ хожденіи за грибами. Читали ли что-нибудь,—я, право, затрудняюсь сказать, потому что мнѣ никогда не приходилось слышать ни споровъ, ни разсужденій по поводу прочитаннаго, да и книгъ я что-то мало гдѣ видалъ.

Такъ ли жили дворяне польскіе? Нѣтъ, не такъ. У нихъ были общіе интересы, о которыхъ нужно было думать и ради которыхъ работать...

Насъ, офицеровъ, всюду принимали хорошо и въ палатахъ, и въ усадьбахъ, особенно мы были свои люди тамъ, гдѣ были барышни. Ѣздили мы обыкновенно гуртомъ и тогда въ самомъ скучномъ домѣ становилось весело. И дѣйствительно, скучать рѣшительно было некогда. Утромъ охота, потомъ вкусный обѣдъ съ изрядными винами, вечеромъ игра на фортепіано и пѣніе, а тамъ танцы, до утра. Приходилось мнѣ бывать у помѣщиковъ на званыхъ годовыхъ праздникахъ,—это были или именины, или рожденіе кого-либо изъ семьи. Праздники эти справлялись обыкновенно съ большою торжественностью. Къ такому празднику съѣзжались гости изъ далека, даже верстъ за сто. Въ этихъ случаяхъ гостили обыкновенно дня по три, по четыре, и гдѣ только не спали: и на сѣновалахъ, и въ банѣ, и

въ ткацкихъ, и на сушильнѣ, точно ярмарка! Въ тотъ день въ домѣ, гдѣ бывали праздники, всѣ подымались съ пастухами: суматоха, суета, горничныя бѣгаютъ черезъ дворъ съ юбками, всѣ озабочены, въ столовой разставляютъ посуду, вынимаютъ серебро. Часамъ къ двумъ въ гостиной уже полно. Тамъ тихо и церемонно, дамы одна около другой сидятъ возлѣ стѣнъ, многія молчатъ, нѣкоторыя разговариваютъ вполголоса съ сосѣдками. На диванѣ и около дивана на креслахъ, сидятъ самыя почетныя дамы, тутъ же съ ними предводитель и кто-нибудь изъ отставныхъ генераловъ съ орденами, прилизанный и важный. На балконѣ, если это было лѣто, сидятъ дамы помоложе, разговоры тамъ оживленнѣе и даже слышенъ звонкій смѣхъ. Всѣ разряжены, но туалеты ихъ нѣсколько странны, мѣстной моды. Нынѣшнимъ дамамъ костюмы того времени показались бы каррикатурными, но зато онѣ, навѣрно бы, позавидовали брилліантамъ; смѣло можно поручиться, что поддѣльныхъ не было.

Мужчины собрались въ кабинетъ и толкуютъ о предстоящей „волѣ“, о кормѣ скота, о собакахъ, о лошадяхъ и, нечего грѣха таить, о смазливыхъ бабенкахъ. Первые слухи о крестьянской реформѣ встревожили всѣхъ, хотя мало кто хотѣлъ этому вѣрить. Только и слышно было въ отвѣтъ на передаваемые слухи: „да вы всѣ, кажется, съ ума сошли“. Старыя помѣщицы по-своему разсуждали объ этомъ: „можетъ ли статься“, говорили онѣ, „чтобы могло быть такъ, что бабы не будутъ больше приносить мнѣ яицъ, циплятъ и домотканнаго холста, а горничныхъ, кухарокъ я буду нанимать за деньги“. Тѣ, которые вѣрили въ возможность реформы, утѣшали себя тѣмъ, что крестьянамъ дадутъ волю безъ земли:—„крестьяне,— разсуждали они,—не птицы небесныя, имъ нужно будетъ и пить. и ѣсть, и они рады будутъ работать за очень дешевую плату“. Очень мало было людей, желающихъ реформы, вообще же всѣ были настроены мрачно и боялись неизбѣжнаго разоренія. Были и такіе, которые утверждали, что „волю“ затѣяли поляки, которые хотятъ взбунтовать народъ противъ властей и помѣщиковъ. Я тогда не зналъ, что сваливаніе на поляковъ „этой затѣи“ имѣло нѣкоторую долю основанія, такъ какъ первое всеподданнѣйшее обращеніе къ государю о дарованіи крестьянамъ свободы дѣйствительно воспослѣдовало отъ помѣщиковъ литовскихъ губерній.

Барышни подъ руки линіями ходятъ по дорожкамъ, а болѣе всего на площадкѣ передъ окнами столовой, гдѣ съ утра стоятъ закуски и сидятъ мужчины. Барышни, проходя мимо нихъ, смѣются звучнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ и ведутъ невинные разговоры. Онѣ показываютъ нѣкоторое, не то, чтобы пренебреженіе, а скорѣе невниманіе къ мужчинамъ, когда тѣ смотрятъ на нихъ. Вообще, ба-

рышни того времени были крайне наивны и хотя въ умѣніи кокетничать имъ отказать нельзя было и тогда, но кокетство это было невинное по формѣ и не опасное по результатамъ.

О женской эмансипаціи никто тогда еще не думалъ и даже слова этого не существовало. Женщины въ дореформенное время рѣдко воспитывались въ институтахъ, а если и воспитывались, то весьма немногія. Это были или дочери вельможъ, или важныхъ чиновниковъ. Большинство же росли дома, въ обществѣ нянекъ и горничныхъ, всѣ познанія получали отъ священника и „мамзелей“, личности, занимавшей средину между прислугой и гувернанткой. Чадолюбивые родители, даже изъ числа образованныхъ, преслѣдовали своихъ дочерей моралью о приличныхъ манерахъ и требовали, чтобы онѣ береглись отъ загара, читать же имъ особенно много не позволяли, боясь, что онѣ, зачитавшись, создадутъ свой мечтательный міръ и будутъ рваться изъ того, въ которомъ ихъ держатъ. Я знавалъ очень много русскихъ женщинъ отъ природы умныхъ, даже талантливыхъ, но, за отсутствіемъ образованія и совершеннаго обезличенія, ни къ чему не пригодныхъ и вѣчно недовольныхъ жизнью. Даже воспитаніе женщинъ высшаго круга все сводилось на то, чтобы сдѣлать ее барышней очень нарядной, очень чопорной, брянчащей на фортепіано, равнодушной ко всему и ко всѣмъ, любящей только блистать въ свѣтѣ, стремящейся только къ блестящему замужеству. Польская образованная женщина того времени безспорно стояла много выше. Оставаясь хорошею матерью и хозяйкой, воспитывая дѣтей въ религіозныхъ и патріотическихъ началахъ, она въ то же время умѣла жить и работать для общества и даже, въ случаѣ необходимости, и жертвовать собою. Этимъ я вовсе не хочу сказать, чтобы въ это же время не было русскихъ женщинъ съ высокими и святыми побужденіями, чему краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ жены декабристовъ, послѣдовавшія за своими мужьями въ ссылку, но ихъ было такъ немного, и онѣ принадлежали къ такому обществу, что вполнѣ естественно, что ихъ поступокъ былъ окруженъ ореоломъ героизма и воспѣтъ поэтами. Тысячи польскихъ женщинъ, почти побираясь, шли также въ ссылку за своими отцами, мужьями, братьями, исполняя также свою святую обязанность, не разсчитывая ни на связи, ни на протекціи, а имѣя въ перспективѣ лишь нужду и страданія.

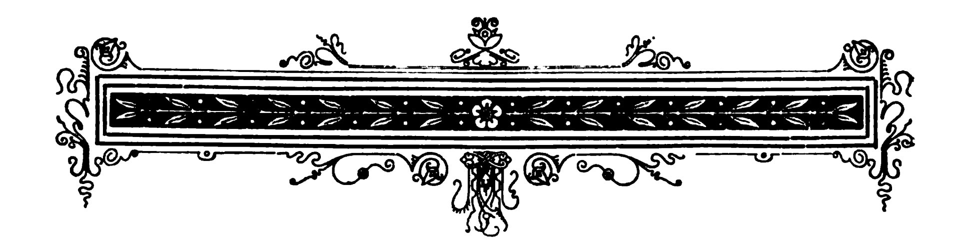
Въ самомъ городѣ Муромѣ былъ дворянскій клубъ; въ то время, привилегію устройства клубовъ имѣли только одни дворяне, англичане и нѣмцы. Въ этомъ клубѣ, въ будни, засѣдали картежники, въ праздники, по вечерамъ, являлась молодежь, пріѣзжали маменьки съ дочерьми и, подъ звуки прекрасной полковой музыки,—танцовали до

зари. Послѣ такихъ вечеровъ сердце то того, то другаго изъ моихъ товарищей оказалось побѣжденнымъ; годовое мое пребываніе въ Муромѣ на моемъ сердцѣ не оставило никакихъ слѣдовъ, оно было еще свободно „отъ постоя", какъ говорили у насъ въ полку.

Въ 70 верстахъ отъ Мурома былъ огромный чугуноплавильный и желѣзодѣлательный Выксинскій заводъ, принадлежащій Шепелевымъ. Шепелевы жили, какъ владѣтельные князья: богато, широко и весело. Они содержали прекрасный драматическій и оперный театръ и имѣли превосходную музыку, исключительно организованную изъ дворовыхъ людей. На сценѣ драматическаго театра за годъ до моего пріѣзда въ Муромъ, въ первый разъ, разыграна была „Свадьба Кречинскаго", авторъ которой Сухово-Кобылинъ былъ главноуправляющимъ дѣлами Шепелевыхъ. Во время моего пребыванія въ Муромѣ дѣла Шепелева шли къ упадку, но театръ все-таки еще довольно долго существовалъ. Сухово-Кобылина я нѣсколько разъ видѣлъ въ Муромѣ; ходилъ слухъ, что „Свадьба Кречинскаго" написана не Сухово-Кобылинымъ, а его любовницей С—ной. Я знавалъ эту С—ну, это была вовсе не такъ развитая женщина, чтобы ей было подъ силу написать такую капитальную вещь, и думаю, что слухъ этотъ не больше, какъ сплетня.

Заканчивая мои воспоминаніи о нашемъ пребываніи въ Муромѣ, я долженъ сказать, что мнѣ тамъ жилось очень хорошо. Это была жизнь простая, веселая, занятая и на то время вполнѣ удовлетворяющая меня. Мы, поляки, о русской общественной жизни имѣли самое плохое представленіе. Причинъ этому было много, и всѣ онѣ имѣли одно основаніе—національную вражду, а нѣтъ на свѣтѣ порока слѣпѣе и опаснѣе этой вражды, и нѣтъ предразсудковъ глупѣе тѣхъ, которые на ней держатся. Но это грѣхъ не однихъ поляковъ. Повинны въ немъ и русскіе!..

Осенью 1860 года полкъ нашъ выступилъ въ Москву.



Воспоминанія стараго кавказца.

Въ 1846 г. умеръ мой отецъ. Смерть пришла вдругъ отъ внезапнаго остраго воспаленія легкихъ, и мнѣ довелось застать лишь послѣднія минуты его жизни. Одиноко лежа въ своей городской квартирѣ въ г. Калугѣ, гдѣ его застала болѣзнь, онъ, откашливаясь и захлебываясь кровью, имѣлъ силы лишь безмолвно указать мнѣ на стоявшій въ углу крестъ съ мощами, которымъ, такимъ образомъ, безмолвно меня благословилъ онъ на жизненный путь [1]).

Я росъ беззаботнымъ барчукомъ-помѣщикомъ и долго не зналъ, что послѣ смерти отца, благодаря ея внезапности, судьба распорядилась такъ, что я, самый младшій изъ всѣхъ братьевъ, не унаслѣдовалъ ничего, кромѣ этой святыни. Жилось намъ въ нашемъ Мещовскомъ имѣніи привольно. Староста доставлялъ къ барскому столу положенные съ души сборы — яйцами, курами, баранами и прочею снѣдью. Господская дворня, стрѣлки-охотники, сѣнныя и дворовыя дѣвушки—состоявшія на застольной и мѣсячинѣ, молодые дворовые парни, бывшіе въ ученіи мастеровые, побросавшіе своихъ хозяевъ и вернувшіеся домой отъ строгостей ученія—вотъ, что составляло нашъ жизненный кругъ и наше общество. Нечего говорить, что привольная благословенная жизнь эта была до крайности узка и замкнута въ своихъ маленькихъ интересахъ.

Всѣ они сводились къ барскому коротанію времени. Намъ, молодымъ барчукамъ, волею-неволею приходилось продолжать жизнь отцовъ: въ тѣ времена, когда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни нынѣ-

[1]) Этотъ крестъ съ заключенными въ него частицами мощей, поименованныхъ на его обратной сторонѣ, находится въ нашемъ роду болѣе 200 лѣтъ.

шней популярности печати, наукъ и искусствъ, не могла жизнь вдругъ перемѣниться сама собою. Не могло явиться и побудительныхъ мотивовъ къ тому.

Жилось день за днемъ. Коротали время игрою въ городки, катаніемъ яицъ (если дѣло было о Пасхѣ) и проч. Не только барчуки забавлялись этимъ, но и престарѣлые отцы наши.

По вечерамъ развлекались пѣснями доморощенныхъ пѣсельниковъ, балалаечниковъ [1]), хороводами.

Сказки, какъ, вѣроятно, то нашелъ бы изслѣдователь моего времени, замѣняли намъ теперешнюю литературу.

Надоѣдятъ ли или притомятъ господское вниманіе сказки — иныя развлеченія, болѣе игривыя являлись имъ на смѣну. Помню, напримѣръ, былъ у отца дворовый человѣкъ—Чекмарь,—спортативной спеціальностью котораго были щелчки. Боже ты мой, какія чудеса онъ ими продѣлывалъ! Оттяжкою средняго пальца онъ дробилъ старинныя помадныя банки и сковородки. Обаяніе этого феномена еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что, бывало, по рублю серебромъ предлагалось желающему испытать на своемъ лбу искусство его, но таковыхъ среди дворни, однако, не находилось.

Изъ числа подобныхъ спортсменовъ я невольно припоминаю еще нѣкоего Антона Астахова, сухиничскаго прасола. Этотъ 40 разъ клалъ правой рукою двойникъ (2-хъ пудовую гирю) на одно плечо, потомъ на другое—послѣ чего, бывало перекреститъ себя имъ и, поцѣловавъ въ донышко, бережно поставитъ на полъ. Другой — нѣкій Линьковъ, закручивалъ о столъ правой рукой въ трубочку полтинники.

Амбары всегда бывали полны волчатами — ихъ строго приказывалось на охотѣ не рѣзать, а струнить и брать живьемъ. Съѣдутся гости — устраиваются садки этихъ волчатъ (либо зайцевъ) и—идетъ ярое соревнованіе въ рѣзвости собакъ.

А сколько бывало во дворѣ всякихъ бойцовыхъ гусей, да пѣтуховъ! Сколько соловьевъ, перепеловъ, жаворонковъ, наловленныхъ весною на лучки, зимовало въ горницахъ. Эти ловли, охоты, поѣздки за грибами въ Мальчино, когда живалось на лонѣ природы недѣлями... Отецъ, бывало, охотится, а мы съ теткой Василисой сбираемъ грибы, которые тутъ же солятся въ каткахъ... И мило и какъ странно все это теперь вспомнить! До какой степени все не похоже на теперешнюю жизнь!

---

[1]) Гармонія въ деревню въ тѣ поры еще не проникла. Уже значительно позже, будучи юнкеромъ, я везъ къ святкамъ двухтонную гармонію и, какъ теперь помню, по дорогѣ учился на ней играть, покуда не застудилъ рукъ. *Авторъ.*

Какъ вспомню — про существованіе газетъ на Божьемъ свѣтѣ узналъ я едва-ли не послѣ своего возвращенія съ Кавказа. Книги же были своего рода рѣдкостью и даже довольно исключительною.

Нужно ли говорить, что объ обученіи дѣтей заботились немного. Оно и не по силамъ было большинству мелкопомѣстныхъ дворянъ, да и надобности въ немъ не ощущалось. Большинство дворянъ жило исключительно доходами съ земли, коммерческими сдѣлками никто не занимался, банковъ не было — единственно былъ опекунскій совѣтъ. И вотъ заложитъ баринъ имѣніе—деньги выйдутъ и поневолѣ усядется на деревенскія харчи. Къ чести нужно сказать, впрочемъ, что никогда даже мелкопомѣстный дворянинъ не ронялъ свои достоинства: выѣзды, пріемы всегда по средствамъ, пили наливочки да настоечки, закусывали груздочками и т. п. Такъ и жилось ни шатко, ни валко. Нужно ли было какое-нибудь особое обученіе для продолженія дѣтьми этой же жизни! Даже безплатный пріемъ дворянскихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса многихъ не соблазнялъ. Уже значительно позже законъ принудилъ обратить вниманіе на образованіе дѣтей, такъ какъ третьему неслужилому поколѣнію угрожала перспектива переписки въ податное состояніе.

Наше первоначальное обученіе, по мѣрѣ подрастанія, возлагалось на дядьку Дмитрія Трефилыча—немного грамотнаго, затѣмъ его смѣнилъ сельскій дьяконъ; послѣ чего всѣ мы, братья, одинъ за другимъ поступали въ Мещовское уѣздное училище, которое со славою кончали, вынося оттуда или очень немного или вѣрнѣе ничего.

По-тогдашнему—для дворянина курсъ уѣзднаго училища почитался совершенно достаточнымъ, такъ какъ онъ давалъ цензъ для зачисленія на службу хотя-бы писцомъ губернскаго правленія.

Изъ учителей ярче прочихъ запечатлѣлся въ моей памяти почему-то Андрасовъ — учитель русскаго языка, который какъ-то особенно больно дрался.

На-ряду съ подобными педагогами, впрочемъ, были и дѣйствительно достойные люди, какъ, напр., учитель отечественый исторіи и географіи Конст. Григ. фонъ-Плеве (отецъ покойнаго министра внутр. дѣлъ).

Вотъ собственно въ чемъ состояла подготовка наша къ самостоятельной жизни, которую мы унаслѣдовали отъ отцовъ. Набросавъ слишкомъ бѣглыми чертами всю эту картинку быта среднихъ помѣщиковъ захолустныхъ деревень первой половины прошлаго вѣка, я не хочу тѣмъ самымъ входить въ осужденіе или въ оправданіе многихъ сторонъ жизни, утратившей теперь все свое raison d'être. Достаточно вѣдь вспомнить, что то было время, когда самая купля-продажа, совершаемая надъ людьми, не вызывала какихъ-нибудь колебаній прав-

ственнаго самосознанія, а часто даже являлась предметомъ простаго развлеченія.

Останавливаться на этомъ, описывать подробно время, оцѣнку которому дала и великая реформа 19 февраля и послѣдующая исторія— едва-ли нужно.

„Запросовъ“, какъ говорятъ теперь, тогда не ощущалось. Извнѣ они притечь ни откуда не могли; — зародиться? Они и зарождались послѣ, но серьезнаго значенія двигающаго начала имъ еще не суждено было имѣть.

Чтобы перейти къ намѣченной мною задачѣ, мнѣ приходится коснуться памяти, теперь уже, вѣроятно, покойныхъ опекуновъ нашихъ послѣ смерти отца. О мертвыхъ справедливо говорится — aut bene, aut nihil, но и, кромѣ того, я затруднился бы сказать про нихъ что бы ни было. Постоянно смѣняя одинъ другаго, по назначенію опекунскаго совѣта, они получали, по положенію по 5 коп. съ каждаго доходнаго рубля, и мы, барчуки, ихъ въ глаза не видывали. Не помню, какъ и какими судьбами назначенъ былъ къ намъ опекуномъ отставной поручикъ Андр. Петр. Матовъ, женатый на дальней нашей родственницѣ.

Это былъ вполнѣ порядочный человѣкъ, воспитанный и, къ довершенію своихъ хорошихъ качествъ, охотникъ.

Охота, какъ всякая откровенная страсть, вообще сближаетъ людей; я же оказался хорошимъ стрѣлкомъ и на мою долю выпало особенное вниманіе этого добраго человѣка. Обласканный имъ, я сталъ бывать у него и подъ его вліяніемъ началъ впервые подумывать надъ своимъ положеніемъ недоросля-барчука, вдобавокъ оставшагося безъ своей доли отцовскаго наслѣдства.

Постоянные разсказы А. П. о военной службѣ подкупали меня впечатлѣніемъ какой-то праздничной невинной веселости, которая проникала всѣ недавнія еще воспоминанія этого, видимо, неиспорченнаго человѣка и скоро опредѣлили мое будущее положеніе.

Въ 1852 г. послѣ уборки хлѣба и осенней выручки денегъ А. П. повезъ меня въ Москву для опредѣленія въ военную службу.

Одинъ мой родственникъ, офицеръ 6-го корпуса, настоятельно совѣтовалъ намъ обратится къ Андрееву. Андреевъ этотъ былъ великою персоною въ военной іерархіи корпуса, несмотря на свой ничтожный рангъ—штабнаго писаря.

Какъ теперь помню визитъ этого Андреева у насъ въ гостиницѣ Чалышовой. Въ безукоризненномъ штатскомъ платьѣ, „tiré à quatres épingles“, весь въ бриллiантахъ, въ шубѣ съ бобрами.... возможно,

что впечатлѣніе этотъ выкрестъ изъ жидковъ производилъ пестрое и нелѣпое. Помню только: меня онъ положительно ошеломилъ.

Опекунъ мой распорядился закусочкою, по хорошему обыкновенію, чѣмъ Богъ послалъ; но каково же было наше изумленіе, когда А—въ отказался отъ водочки, промолвивъ, что предпочитаетъ джинъ, а послѣ закуски „привыкъ" пить шампанское.

Требованіе дорогаго гостя, въ другое время, конечно, показавшееся бы нахальнымъ, въ виду важности, которую являлъ собою его пріѣздъ, было уважено.

Условившись о днѣ моей явки въ корпусный штабъ, А—въ откланялся. Мы по гостепріимному деревенскому обычаю вышли его проводить. У подъѣзда его ожидалъ сѣрый рысакъ-одиночка.

Андрей Петровичъ, любитель лошадей, залюбовался лошадью и поинтересовался узнать цѣну. Андреевъ бросилъ вскользь, подавая руку изъ-подъ своихъ „бобровъ", что этого онъ по случаю купилъ за тысячу, но что вотъ у жены его караковая пара для выѣзда—пять тысячъ, тѣ лошади дѣйствительно недурны, а эта—такъ себѣ [1]).

Въ назначенный Андреевымъ день явились мы въ штабъ. Встрѣтилъ насъ также А — въ, но уже въ образѣ обыкновеннаго писаря.

Меня пригласили въ кабинетъ дежурнаго штабъ-офицера (они замѣняли нынѣшнихъ офицеровъ генеральнаго штаба).

На столѣ книги, бумага. У меня послѣ деревенской жизни и при храбрости развѣ противу зайцевъ душа, какъ говорится, ушла въ пятки.

— Садитесь. Разскажите основаніе Рима.

— Ромулъ и Ремъ... они основали Римъ...

Добрый экзаменаторъ, видя мое смущеніе, перешелъ къ математикѣ. Задача съ грѣхомъ пополамъ сдѣлана, но общій результатъ, какъ и надо было ожидать: „вамъ слѣдуетъ повторить, что вы знаете, и подготовиться".

Ни что же сумняшеся, я отвѣчаю, что виноватъ тутъ Андреевъ, что онъ не предупредилъ меня объ экзаменѣ. Штабъ-офицеръ съ улыбкой отвѣтилъ, что съ Андреевымъ это бываетъ.

По выходѣ моемъ изъ кабинета, отыскали мы Андреева. Тотъ снисходительно меня успокоилъ и обѣщалъ вечеркомъ завернуть къ намъ вмѣстѣ съ учителемъ изъ корпусныхъ топографовъ.

Вечеромъ снова устроили мы подобающій пріемъ—вопросъ рѣшался вѣдь слишкомъ серьезный! Андреевъ подпившій, слегка, раз-

---

[1]) Впослѣдствіи на Кавказѣ снова довелось мнѣ увидѣться съ Андреевымъ; но это былъ уже разжалованный писарь, пережившій и утратившій безповоротно свою славу и богатство.

откровенничался. Онъ говорилъ, что „все можетъ устроить", какъ устроилъ же моего родственника ***, отставленнаго отъ производства „за слабостью по фрунту" самимъ корпуснымъ командиромъ [1]).

Онъ даже посвятилъ насъ въ тайны этого искусства, признавшись, что для этого при составленіи списка, онъ при переносѣ на страницу оставляетъ мѣсто, куда вписываетъ своего protegé, разумѣется, послѣ подписанія списка.

Однимъ словомъ, не оставалось сомнѣнія, что этотъ талантливый человѣкъ, дѣйствительно, что угодно можетъ сдѣлать. Нужно ли было въ самомъ началѣ добавлять, какъ это я сдѣлалъ, вставивъ вскользь, —что Андреевъ былъ изъ выкрещенныхъ евреевъ.

Невѣроятнымъ кажется это теперь. Тогда же не въ диковинку случалось, что въ юнкера поступали зачастую простаки неграмотные. Дѣлалось это черезъ посредничество Андреевыхъ, при помощи подставныхъ наемниковъ (изъ студентовъ) на экзаменахъ, да и мало ли какихъ „старыхъ" способовъ.

Къ слову вспомнить, въ бытность мою юнкеромъ у меня были два товарища, братья К—скіе, совершенно неграмотные; не знаю, выучились ли они съ производствомъ въ офицеры. Дѣлаю эту оговорку потому, что, уже будучи офицеромъ, я зналъ нѣкоего С—тина, который читать хотя и читалъ, но писать—не былъ обученъ.

На вопросъ моего опекуна, откуда у него такія, повидимому, большія средства, Андреевъ развязно продолжалъ свои откровенныя изліянія.

— Вы сочтите, сколько въ корпусѣ юнкеровъ да и... господъ офицеровъ накиньте. По рублику съ каждаго если—и то выйдетъ порядочная сумма; а бываетъ, что и въ большихъ чинахъ обращаются за помощью!.. Всѣмъ пособи: тому—награду, пособіе, этому—командировку, повышеніе... А Андреевъ-то одинъ!

Занятія мои съ топографомъ пошли успѣшно. Слѣдуетъ сказать, впрочемъ, что и самая программа-то юнкерскаго экзамена была не особенно мудреная, такъ что черезъ мѣсяцъ я уже чувствовалъ себя вполнѣ подготовленнымъ.

Послѣ первыхъ дней хлопотъ, затѣмъ за хлопотами подготовки, прошло много времени, прежде чѣмъ мы выбрали время навѣстить въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ моего родственника кадета (Домогацкаго). Не безъ удивленія узнали мы отъ него, что въ сущности какой-то Андреевъ въ дѣлѣ моего поступленія въ военную службу вовсе ни

---

[1]) И стоило это подношеніе Андрееву ста рублей и золотыхъ часовъ.

при чемъ, такъ какъ я имѣю полнѣйшее право подать теперь же бумаги въ кадетскій корпусъ и держать экзамены тамъ.

Забраны справки, подано прошеніе и—всего лишь черезъ нѣсколько дней я блистательно выдерживаю экзамены.

Съ полученнымъ свидѣтельствомъ я явился снова въ штабъ корпуса для подачи просьбы о зачисленіи на службу въ 69-й Рязанскій полкъ, который квартировалъ въ Москвѣ, а 4-й батальонъ его стоялъ въ Козельскѣ—мѣстѣ моей родины.

Скоро состоялся приказъ, и вотъ я слуга царю и отечеству.

Четвертые батальоны являли тогда собою кадры, куда зачислялись всѣ вновь принятые рекруты (также и юнкера) для прохожденія курса строеваго обученія до перечисленія въ разрядъ старо-служащихъ.

Командовалъ нашимъ батальономъ полковникъ Іосифъ Яковлевичъ Рашковскій—прекраснѣйшій и очень любимый нами начальникъ.

Какъ подобало барчуку, я взялъ съ собою изъ деревни для услугъ крѣпостнаго человѣка Александра. Изъ деревни же я получалъ масло, яйца и проч. провизію. Съ товарищами я скоро сдружился. Все это былъ въ большинствѣ хорошій молодой, а подчасъ и не молодой, народъ,—въ громадномъ большинствѣ изъ мѣстныхъ же дворянскихъ дѣтей, отчисленныхъ за тихіе успѣхи изъ учебныхъ заведеній.

Были среди нихъ и тридцатитипялѣтніе молодцы, нерѣдко съ просѣдью въ волосахъ —унтеръ-офицеры учебнаго батальона, называемаго нами Сморганьскою академіей, обязанные 12-лѣтнею службою въ войскахъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи для производства въ офицеры.

Вообще же все это былъ народъ праздный, благодушный и безшабашный.

Учебными занятіями насъ не особенно допекали, учителями были тѣ же свои товарищи—унтеръ-офицеры, выслужившіе уже срокъ на производство въ офицеры и ожидавшіе только приказа.

Съ оффиціальной стороны юнкеръ былъ очень плохо обставленъ.

Довольствіе и квартиры полагались отъ обывателей (многіе же получали на руки свой паекъ—1 п. 32 ф. 48 зол. муки и $^1/_{15}$ гарнца крупы въ мѣсяцъ).

Одежда полагалась казенная или требовалась во всякомъ случаѣ форменная: солдатская шинель, форменный сапогъ, и, избави Богъ, если нижнее бѣлье бывало изъ полотна или тонкой неформенной матеріи. Остриженъ юнкеръ долженъ былъ быть всегда подъ гребенку (спереди длинные, сзади же нѣсколько короче), виски зачесаны впе-

редъ; усы—въ гренадерской ротѣ, впрочемъ, только—непремѣнно нафабрены растопленнымъ воскомъ съ сажею при помощи гребенки.

Благодаря другой неоффиціальной сторонѣ нашего положенія эти сѣрыя условія насъ ничуть не тяготили. Жили мы въ большинствѣ случаевъ по собственнымъ квартирамъ, товарищескими общежитіями, по 3—4 человѣка, часто отказываясь отъ привилегій казеннаго довольствія. У каждаго имѣлся собственный мундиръ изъ тонкаго сукна, шинель—хотя и солдатская, но съ тонкимъ воротникомъ и со многими „модными“ отступленіями отъ формы, въ видѣ складочекъ назади, строченый бортъ, перехваченная талія, шапочка-конфедератка...

Юнкеръ бывалъ всегда желаннымъ гостемъ въ лучшихъ семьяхъ. Какъ кавалера на вечеринкахъ его нельзя было замѣнить никѣмъ. Окрестные помѣщики души въ насъ не чаяли, лошади ихъ всегда бывали къ нашимъ услугамъ. Такое радушіе было понятно еще и потому, что у большинства изъ нихъ были свои дѣти—либо тоже юнкера, либо судьба которыхъ была такая же

Въ частной своей жизни жили мы, конечно, прежде всего неуютно, на холостую ногу. Это, впрочемъ, было тогда въ модѣ. Чубуки въ углу, табакъ по окнамъ, на столѣ остывшій самоваръ, краюха хлѣба—угощеніе для зашедшаго во всякое время товарища.

Теперь бы, можетъ быть, и не захотѣлъ снова очутиться въ такой обстановкѣ; тогда же—молодость ли говорила за себя—не знаю, только наша жизнь катилась праздничнымъ колесомъ.

По странной случайности вопросъ ѣды былъ центромъ, вокругъ котораго вращались не только всѣ наши интересы, но иногда и развлеченія. Большою любовью, напримѣръ, пользовалось среди насъ упражненіе въ рубкѣ гречишниковъ или черепенниковъ [1]), составленныхъ въ различныя фигуры. Требовалось на споръ взмахомъ тесака или ножа срѣзать ихъ извѣстнымъ образомъ, не нарушивъ фигуры. Выигравшій тутъ же, къ зависти своихъ товарищей, поѣдалъ свой призъ въ видѣ румяныхъ рыхлыхъ гречишниковъ. Спортъ этотъ особенно оживлялъ юнкеръ Дробовичъ. Добродушный, длинный и съ виду худощавый малый, онъ чаще всѣхъ проигрывалъ. Между тѣмъ, какъ онъ вѣчно былъ голоденъ и обладалъ какимъ-то волчьимъ, неукротимымъ аппетитомъ. Оффиціально, приказомъ по полку, ему положенъ былъ двойной паекъ, котораго ему все-таки не хватало.

Прошла зима 1852 года. Съ первымъ наступленіемъ весны, съ первою пѣснею жаворонка, прокатилась внезапная вѣсть: ѣдетъ смо-

[1]) Каравайчики изъ блиннаго гречишнаго тѣста.

трѣть спеціально юнкерскую команду командиръ полка. Нужно сказать, что командиръ полка, полковникъ Дуссекъ, былъ истинною грозою юнкеровъ. Ему доставляло особое удовольствіе поймать юнкера въ какомъ-либо отступленіи отъ формы. Юнкера обѣгали его обыкновенно за нѣсколько кварталовъ, но разъ попался на глаза (отступленія отъ формы всегда были на-лицо), моментально на гауптвахту, гдѣ раздѣвали раба Божія съ ногъ до головы; тутъ же рвалось и уничтожалось все не форменное (будь то нижнее бѣлье даже); на барабанѣ, что считалось верхомъ позора, остригались волосы на головѣ, послѣ чего преступника, перенесшаго цѣлый адъ издѣвательствъ, ввергали въ карцеръ или наряжали внѣ очереди на мѣсяцъ въ караулъ за рядоваго.

Юнкерская команда наша была численностью до 60 человѣкъ. Я, какъ первогодникъ, былъ на лѣвомъ флангѣ не въ строю и безъ аммуниціи.

Смотръ былъ на городской площади.

Помню лужи, талый снѣгъ съ навозомъ. Сначала смотрѣлось фронтовое ученіе—ружейные пріемы, маршировка, разсыпной строй. Звучитъ сигналъ—„то, тіи, тіа, тіа", въ переводѣ на житейскій языкъ: „ложись и ползи!"

Послѣ смотра полнѣйшій разносъ нашему симпатичному командиру полковнику Рашковскому, всѣхъ строевыхъ въ караулъ, учителямъ (кандидатамъ на производство въ офицеры) вмѣсто ружей—въ руки по метлѣ и лопатѣ, а насъ, юнкеровъ, тутъ же на площади разставили на часы.

Наступило лѣто. Собрался весь батальонъ изъ окрестныхъ селъ и деревень, по которымъ былъ расквартированъ, на тѣсный сборъ. Начались одиночныя ученія—по капральствамъ въ каждой изъ четырехъ ротъ, кромѣ старослужащихъ солдатъ и полнаго комплекта рекрутъ. Основательно пройдя стойку въ строю, повороты, перешли къ маршировкѣ. Маршировка учебнымъ шагомъ была въ три пріема. Съ первой командой—„разъ" выносился впередъ носокъ правой ноги, подъ протяжный счетъ „два-а" нога подымалась на аршинъ отъ земли и съ командой „три"—шлепала по землѣ, и начиналась описанная процедура съ лѣвой ногой.

Послѣ одиночнаго обученія перешли къ обученію съ ружьемъ. Ружье—12 фунтовъ вѣсомъ по командѣ „на плечо" держалось въ лѣвой рукѣ подъ прикладъ такъ, чтобы стволъ равнялся съ носомъ, если смотрѣть сбоку.

Равненіе въ строю не только требовалось по-шереножно и въ

затылокъ, но и чтобы ружья были одинаково поставлены. Чуть колыхнулся, не удержавъ вертикально ружья,—разносъ.

Маршировать съ ружьемъ, по описанному выше рецепту, было чистою мукой. А неровенъ шагъ или нѣтъ равненія,—разносъ и соотвѣтствующее наказаніе.

Лѣтомъ слѣдующаго 1853 года батальонъ ходилъ уже на полковой сборъ подъ Москву.

Наконецъ, объявлено было, что наша 18-я дивизія выступаетъ на Кавказъ на усиленіе кавказскаго корпуса. Начались сборы, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ потянулись мы съ сѣвера на югъ.

Шли по-эшелонно: два дня походъ—день отдыха (дневка); второй маршъ—три дня и снова дневка и т. д.

Ночлеги бывали по селеніямъ,—иногда квартирьеры ведутъ куда-нибудь въ сторону отъ дороги, чуть не за 5—7 верстъ. Походъ этотъ, вообще тяжелый, для меня лично былъ легче, нежели для другихъ моихъ товарищей. Благодаря добротѣ ротнаго командира моего Н. Л. Похвиснева, я запасся лошадью съ санями, пригласилъ къ себѣ моего же одноротца юнкера Юнакова, и ѣхали мы съ нимъ въ родѣ путешественниковъ. Такія условія позволяли намъ и другимъ товарищамъ оказывать посильную помощь, принимая отъ нихъ въ наши сани ранцы съ тяжелою аммуниціей.

Закончивъ переходъ, я возился обыкновенно съ лошадью—отпрягалъ, убиралъ; на дневкахъ запасался овсомъ, а Юнаковъ тѣмъ временемъ хлопоталъ по хозяйству—разводилъ бывшій съ нами самоварчикъ, иногда къ большому изумленію хозяевъ, видавшихъ впервые эту машину. Чаще всего приходилось по окончаніи чаепитія въ томъ же самоварѣ отваривать спасительные въ пути пельмени, которые мастерски дѣлалъ тотъ же Юнаковъ.

Закусивъ ими, мы укладывались спать, хотя часто и рано бывало. Но занять себя бывало нечѣмъ; кромѣ того, день, проведенный на воздухѣ, утомлялъ, да и о слѣдующемъ днѣ нужно было подумать: нужно было встать вѣдь раньше „сбора", чтобы успѣть убраться съ лошадью и закусить на дорогу.

Въ Орловской и Курской губерніяхъ присоединились къ намъ резервные солдаты, назначенные для укомплектованія до штатовъ военнаго времени.

Въ городахъ и большихъ селахъ, повсюду по пути—встрѣчи, угощенія, водка, пироги христолюбивому воинству.

Далѣе, все далѣе...

Ни снѣга, ни вьюга не замедляли нашего маршрута.

Во Владикавказѣ, единственно, задержали насъ обвалы на главномъ перевалѣ что-то съ недѣлю; затѣмъ обвалъ въ укрѣпленіи Ларсъ на 3 дня—пока былъ расчищенъ путь.

Наконецъ, перевалили черезъ Казбекъ, спустились на р. Араксъ и пришли въ Душетъ.

Въ горахъ мы размѣщались въ палаткахъ. Объ отопленіи, конечно, и рѣчи не могло быть. Дровъ, вѣрнѣе сучьевъ, по 10 коп. фунтъ, едва можно было закупить для варки пищи полку.

Наконецъ, насталъ давно жданный день вступленія въ Тифлисъ.

Въ преддверіи на р. Іоръ собрался весь полкъ.

Корпусный командиръ генералъ Реадъ пожелалъ видѣть полкъ на походѣ при вступленіи въ Тифлисъ.

Вся предъидущая ночь прошла безъ сна за чисткою и приведеніемъ всего въ порядокъ. Вычистившись „подъ зубокъ", въ полной боевой аммуниціи, въ шиняляхъ съ поддѣтыми подъ нихъ мундирами—по зимнему положенію—такъ какъ былъ еще только апрѣль 1854 года и тѣмъ не менѣе „разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ" — такъ какъ на солнцѣ было болѣе + 20°, гремя пѣснями и оглашая воздухъ музыкой, вступили мы на слѣдующій день въ городъ.

Стоялъ чудный ясный день.

Полкъ развернулся по Головинскому проспекту въ ожиданіи начальства, и тутъ-то началась чуть не поголовная валка съ ногъ солдатъ отъ солнечнаго удара.

Я не избѣжалъ участи большинства—не помню, какъ добрался я до ротныхъ кухонь и повалился гдѣ-то возлѣ котла.

Пришедшій въ себя я кое-какъ добрелъ до мцхетскихъ казармъ, отведенныхъ полку, гдѣ голодный на голыхъ нарахъ уснулъ тяжелымъ сномъ.

Проснулся уже поздно, весь искусанный блохами. Этотъ солнечный ударъ не прошелъ для меня безслѣдно—съ головы клочьями падали мои русыя кудри.

Нечего говорить, что на слѣдующій день мы увидѣли кавказскія войска въ лѣтней формѣ и сами облеклись, конечно, во все бѣлое.

Въ Тифлисѣ насталъ для насъ полный отдыхъ—первый послѣ непрерывныхъ шести мѣсяцевъ маршей сквозь мятели и вьюги, пока, наконецъ, встрѣтили ласкающее солнце Кавказа.

Зажили мы не столько беззаботной и веселой, сколько болѣе или

менѣе осѣдлой жизнью, которая при всѣхъ, даже самыхъ удобныхъ путешествіяхъ, всегда манитъ путника прелестью своего уюта.

Служба наша состояла лишь въ несеніи караульныхъ нарядовъ общихъ съ кавказскими войсками.

Размѣщены мы были окончательно въ прекрасныхъ Покровскихъ казармахъ. Офицерство помѣщалось здѣсь же, хотя большая часть расположилась по частнымъ квартирамъ. 14 мая 1854 года я былъ произведенъ въ офицеры.

Послѣ перенесенныхъ неудобствъ походной жизни нижняго чина (съ саночками я принужденъ былъ разстаться съ приближеніемъ къ Кавказу и съ началомъ оттепели) производство въ офицеры явилось счастьемъ ни съ чѣмъ несоизмѣримымъ. Впереди предстояла вѣдь долгая, быть можетъ еще болѣе тяжелая служба Кавказа.

Генералъ такъ не радовался генеральскимъ эполетамъ, какъ я прапорщичьимъ.

Поручили мнѣ въ батальонѣ штуцерную команду. Команда эта была вооружена нарядными бельгійскими штуцерами. (Ихъ полагалось по 3 на роту). Заряжались они съ дула пулею Минье—съ ушками шомполомъ. Послѣ 3—4 выстрѣловъ, однако, съ слѣдующею пулею ничего нельзя было подѣлать—хоть подсаливай или обрѣзай ушки.

Въ караулѣ я уже заступалъ какъ начальникъ караула.

Первый выходъ мой въ караулъ былъ не лишенъ комизма.

Волнуясь чуть не съ вечера, одѣлъ я чуть ли не въ первый разъ мундиръ съ короткими фалдами назади и шарфомъ съ кистями сбоку, бѣлыя брюки на выпускъ и съ иголочки одѣтый пришелъ на казарменный дворъ раньше своего караула.

Товарищи юнкера изъ окна зазвали меня къ себѣ показать себя имъ во всей красѣ. Посидѣвъ у нихъ, я вышелъ къ разводу и—о, ужасъ! вмѣсто моихъ изумительно бѣлыхъ брюкъ на мнѣ было что-то пестрое. Я весь былъ покрытъ блохами.

— Какъ же вы живете и главное можете спать въ такомъ обществѣ?—крикнулъ я имъ со двора, показывая на свой костюмъ. Нѣсколько голосовъ сразу мнѣ благодушно крикнули:

— А ты думалъ, что это можетъ нравиться? Конечно, спать мы выходимъ на дворъ.

На такомъ мирномъ положеніи прожили мы недѣли двѣ или три.

Свободное время, котораго было много, коротaлось или въ гостиницѣ, куда сходилось все офицерство, или въ саду намѣстника, гдѣ устраивались гулянья и играла музыка. Ни кутежей, ни холостаго разгула я не помню. Народъ мы были уже больно не богатый. Жа-

лованье выдавалось за треть да еще не впередъ, а по прослуженіи. Приходилось систематически устраивать жизнь въ кредитъ у маркитанта. Жалованьемъ уплачивался долгъ, послѣ чего снова приходилось должать. Нѣкоторые офицеры, благодаря этому, лошадей кормили хлѣбомъ и булками—такъ какъ у маркитантовъ не бывало запасовъ сѣна.

Вскорѣ моя радость производства въ офицеры еще увеличилась. Получился приказъ—нашему батальону выступать за Душетъ: за Черной рѣчкой показались скопища Шамиля.

Я былъ дежурнымъ по батальону.

Обязанность на походѣ состояла идти позади батальона наблюдать за отсталыми. Шли мы скорымъ форсированнымъ маршемъ—безъ приваловъ. Съ непривычки ходить пѣшкомъ я такъ натеръ себѣ ноги, что подъ конецъ дневнаго перехода едва не ползъ на четвереньках. На другой день, не будучи въ силахъ обуть сапоги, я, по совѣту изобрѣтательнаго денщика, вдѣлъ ступни ногъ въ голенища сапогъ, привязалъ ихъ веревочками къ ногамъ и воспользовался уже мѣстомъ на ротномъ котлѣ.

Въ Душетѣ, на мое счастье, мы простояли около недѣли; ноги мои, конечно, поджили. Ротные командиры и нѣкоторые офицеры побогаче обзавелись верховыми лошадьми—ѣздоки по большей части были плохіе; и вотъ у одного ротнаго командира (капитана Сеноженскаго) лошадь оказалась неспокойною—нужно было сбыть, и онъ предложилъ мнѣ въ долгъ на самыхъ подходящихъ условіяхъ.

Вскорѣ весь нашъ полкъ двинули къ турецкой границѣ. Командовалъ полкомъ полковникъ Рылѣевъ.

Къ намъ присоединились драгуны—Сѣвскій и Переяславскій полки и артиллерія. Колонна была подъ командой гр. Нирода. На походѣ получены были свѣдѣнія, что изъ Ардагана турки вышли, и нашей колоннѣ предстояло совершить фланговый маршъ въ виду Карса на присоединеніе къ главному корпусу.

Оставалось пройти верстъ десять, когда вдругъ надъ нами нависла туча и разразилась гроза съ сильнѣйшимъ ливнемъ. Командиръ нашъ одного за другимъ посылаетъ гонцовъ впередъ подъ прикрытіемъ темноты отыскать мѣсто расположенія полка и дорогу. Наконецъ, дошла очередь и до меня, какъ одного изъ адъютантовъ.

Мѣстность была совершенно незнакомая—приходилось ѣхать наугадъ. Вокругъ темень—хоть глазъ выколи, рвы, овраги, и сверху проливной дождь. Благодаря, должно быть, инстинкту лошади, выѣхалъ я къ лагерю корпуса.

По счастливой случайности я какъ разъ выѣхалъ къ палаткѣ товарища своего (бывшаго вмѣстѣ со мною юнкеромъ) офицера Бѣлевскаго полка Воейкова.

Обрадовались встрѣчѣ,—какихъ-нибудь свѣдѣній отъ него я получить не могъ; лагерь спалъ. У Воейкова нашлась рюмка водки, и я, продрогшій и вымокшій, соблазнился ею и, наконецъ, рѣшивъ подождать разсвѣта, растянулся на буркѣ.

На утро, вывѣдавъ мѣсто расположенія полка, я безъ труда разыскалъ своихъ, такъ какъ они простояли всю ночь подъ ружьемъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ я оставилъ ихъ наканунѣ—сбившись въ кучу передъ оврагомъ. Сгоряча командиръ всѣхъ насъ гонцовъ арестовалъ, но потомъ, впрочемъ, смѣнилъ гнѣвъ на милость, сознавъ полную нашу безпомощность сдѣлать что-либо.

По занятіи мѣста въ общемъ районѣ корпуса, начались передвиженія, перемѣны позицій, рекогносцировки, фуражировки...

Ближе, ближе къ Карсу...

Началась постепенная блокада крѣпости. Въ одну изъ фуражировокъ отрядъ угодилъ подъ пушечные выстрѣлы съ крѣпостныхъ валовъ и вмѣстѣ съ захваченною провизіей привезъ въ лагерь много раненыхъ.

Въ Карсѣ, наконецъ, по нѣкоторымъ признакамъ, съ іюля или августа 1855 года, началъ замѣчаться голодъ: стали являться одиночные перебѣжчики—ихъ отправляли въ тылъ въ кр. Александрополь; затѣмъ перебѣжчики стали являться цѣлыми партіями—этихъ по большей части послѣ опросовъ возвращали обратно.

Какихъ-либо политическихъ извѣстій мы не имѣли, о ходѣ военныхъ дѣйствій, о намѣреніяхъ нашего правительства мы имѣли скудныя представленія, газетъ никто не получалъ, да и невозможно было, такъ какъ почта приходила, можетъ быть, разъ въ мѣсяцъ. Прочитывали старыя письма и тѣмъ ограничивались. Отъ скуки офицеры „болѣли“, чтобы имѣть предлогъ съѣздить въ Александрополь, гдѣ лѣкарствомъ служили карты. Игра тамъ велась большая—нѣкоторые возвращались „богачами“, большая же часть, увы! съ весьма плачевными ресурсами. Въ самомъ лагерѣ игра шла своимъ чередомъ и тоже довольно крупная. „Досадно было—боя ждали“! Наконецъ, пришла къ намъ изъ Александрополя осадная артиллерія—4 чугунныхъ пушки, запряженныя каждая четырьмя парами буйволовъ, и 7 ноября послѣдовалъ приказъ общаго штурма.

Приказы тогда отдавались по барабану. Въ главномъ штабѣ подавался сигналъ—призывъ адъютантовъ; сигналъ подхватывался дежурными въ частяхъ сигналистами и трубачами,—и дежурные адъютанты съ тетрадками приказовъ мчались въ штабъ. Дежурный штабъ-офицеръ диктовалъ приказъ, послѣ чего адъютантами же онъ развозился по своимъ дивизіямъ, гдѣ переписывался, затѣмъ въ бригады и въ полковые штабы.

По приказу надлежало выступать въ 11 часовъ вечера. Нашъ полкъ прикрывалъ осадную артиллерію и какъ резервъ поступалъ подъ команду командира корпуса генерала Бриммера (послѣ генерала Реада).

Нахожу умѣстнымъ вставить здѣсь, что полковникъ Рылѣевъ былъ хорошій служака, очень добрый человѣкъ, но имѣлъ пагубное для себя пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Въ такомъ состояніи онъ продѣлывалъ иногда совершенно неожиданныя вещи.

Такъ, напр., въ періодъ блокады, командуя колонной по сопровожденію транспорта съ продовольствіемъ, онъ вдругъ ночью приказалъ бить тревогу, чѣмъ поднялъ на ноги весь лагерь.

Какъ-то разъ я, какъ адъютантъ, былъ вызванъ въ главную ставку; пріѣзжаю назадъ—докладываю командиру: „господинъ полковникъ, васъ требуетъ къ себѣ главнокомандующій".

— Людвигъ!—крикнулъ полковникъ Рылѣевъ своего вѣстового:— жженнаго кофе. Живо! „Бѣлый Медвѣдь" зоветъ!

„Бѣлымъ Медвѣдемъ" полковникъ Рылѣевъ звалъ Муравьева.

Видя мое недоумѣніе по поводу жженнаго кофе, Рылѣевъ мнѣ не замедлилъ объяснить:

— Когда вамъ случится выпить, а васъ потребуетъ начальство,— всегда это дѣлайте.

Весь штурмующій корпусъ дѣлился на 4 колонны:

наша, подъ командой гр. Нирода, наступала съ фронта и должна была начать штурмъ, оттянувъ на себя вниманіе противника;

2-я подъ командой кн. Гагарина наступала по направленію на Ширахскія высоты.

3-я, подъ командой ген. Майделя, двигалась на Карадагскія, и

4-я—Бакланова—на Чахмахскія.

Вѣроятно, начальники колоннъ имѣли планы мѣстности и имѣли представленіе о расположеніи высотъ и о занятіяхъ ихъ турецкими войсками; но что же касается до начальниковъ частей,—я положительно утверждаю, что ни у кого этихъ плановъ не имѣлось. По должности своей я не могъ не быть въ этомъ отношеніи освѣдомленнымъ.

Въ концѣ штурма справедливость моего наблюденія подтвердилась. По занятіи указанныхъ диспозиціею мѣстъ всѣ приказанія отдавались шопотомъ; тщательно избѣгалась всякая суета, шумъ; войска выстраивались въ полнѣйшемъ молчаніи.

Ночь была темная, тихая.

Подо мною былъ сѣрый конь.

Проѣзжавшій мимо генералъ Бриммеръ приказалъ мнѣ прикрыть коня буркой, хотя разстояніе до крѣпости было, по крайней мѣрѣ, 4—5 верстъ.

Сохраняя глубочайшую тишину, въ 12 час. ночи двинулась наша колонна.

Въ часъ раздалась пушечная стрѣльба, затѣмъ блеснули огненные языки вокругъ укрѣпленій Карсскихъ высотъ, направленные въ сторону непріятеля; тотчасъ безпорядочно заблестѣли отвѣтные—пальба участилась и разразилась громовымъ „ура".

„Ура" прокатилось по всей линіи. Громче загремѣли пушки съ валовъ, чаще, безпокойные засверкали язычки ружейныхъ выстрѣловъ. Ихъ все меньше, меньше и все дружнѣе, громче „ура"...

Наши заняли укрѣпленныя передовыя высоты.

Не могу не вспомнить, что наша осадная артиллерія за все время штурма не тронулась и не сдѣлала ни одного выстрѣла.

Наша колонна продвинулась къ подножію Ширахскихъ высотъ. Занималась заря дивнаго утра въ горахъ и на фонѣ ея вырисовалась картина всѣхъ ужасовъ тыла наступленія. Несли раненыхъ... кто брелъ самъ, придерживая руку; кто ползъ къ своимъ, которые безсильны были помочь.

Нашъ—1-й баталіонъ изъ резерва былъ двинутъ для встрѣчи и укрытія раненыхъ. Мы попали подъ огонь непріятельскихъ орудій, но снаряды пролетали съ высоты внизъ, не причиняли урона. Раненые направлялись въ вагенбургъ позади баталіона. Нѣкоторымъ тутъ же дѣлалась ампутація рукъ и ногъ.

Нашъ корпусъ. командиръ стоялъ вмѣстѣ съ главнокомандующимъ на одной высотѣ съ Ширахскими высотами. Отъ главнокомандующаго скачетъ ординарецъ съ приказаніемъ „баталіону Рязанскаго полка съ надежнымъ штабъ-офицеромъ (командиръ полка „отдыхалъ" подъ осаднымъ орудіемъ) двинуться впередъ на штурмъ". Но отъ поспѣшности, или отъ того, что ему попался на глаза случившійся здѣсь дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Кауфманъ, онъ передалъ приказаніе: „съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ".

Полковникъ Кауфманъ тотчасъ вступилъ въ командованіе.

„Баталіонъ въ ружье!"—„На плечо!" и—впередъ.

Эта ошибка ординарца, какъ послѣ выяснилось, принесла громадную пользу всему отряду.

Лишь только баталіонъ на глазахъ главнокомандующаго поднялся на высоты и занялъ такъ называемыя ворота—то мѣсто, гдѣ стояли наши подбитыя полевыя батареи, на которыя были направлены съ замкнутыхъ непріятельскихъ редутовъ выстрѣлы, Кауфманъ скомандовалъ: „бѣгомъ", и нашъ баталіонъ миновалъ эти адскія, какъ ихъ потомъ называли, ворота съ незначительными потерями.

Всѣ штурмующія войска, занявъ передовыя укрѣпленія, сдѣла-

лись обладателями только небольшой полосы; редуты же съ замкнутыми горками остались во владѣніи непріятеля.

Командиръ Ряжскаго полка полковникъ Ганецкій со знаменемъ въ рукахъ нѣсколько разъ во главѣ сильно порѣдѣвшаго своего полка кидался на редутъ и—поневолѣ отводилъ полкъ.

Вся бѣда наша, какъ послѣ выяснилось, была въ томъ, что, идя на штурмъ, мы не имѣли ни веревокъ съ крючками, ни мѣшковъ—забрасывать рвы, никакихъ, однимъ словомъ, штурмующихъ приспособленій.

Впереди занятыхъ нами укрѣпленныхъ лагерей на пространствѣ между турецкими редутами и нами бродили кучки нашихъ раненыхъ и отставшихъ отъ своихъ частей, которые разстрѣливались турками.

Кауфманъ, какъ дежурный штабъ-офицеръ (по-нынѣшнему—офицеръ генеральнаго штаба), уяснялъ себѣ расположеніе нашихъ и турецкихъ войскъ.

Онъ увѣренно непоколебимо командовалъ лишь одно: „впередъ, впередъ, молодцы!!“

Нигдѣ не остановясь, ни отвлекшись въ сторону, мы атаковали по пути три укрѣпленныхъ лагеря, двигаясь все впередъ, впередъ, и съ громкимъ дружнымъ „ура“ вышли на противуположную сторону къ колоннѣ Бакланова, выведя съ собою всѣхъ блуждавшихъ между редутами, которые присоединялись по пути къ намъ.

Между тѣмъ, лишь только баталіонъ проскочилъ тѣ адскія ворота, о которыхъ я упоминалъ, какъ изъ Карса на виду главнокомандующаго, не спускавшаго съ насъ глазъ, выскочила кавалерія и пѣхота и—замкнули эти ворота у насъ въ тылу, къ ужасу главнокомандующаго.

Отдохнувъ въ колоннѣ Бакланова, съ наступленіемъ дня, нашъ баталіонъ въ обходъ высотъ возвратился къ своему первоначальному мѣсту по диспозиціи, приведя съ собою до 3-хъ тысячъ самой пестрой толпы.

Главнокомандующій при приближеніи насъ подъѣхалъ къ Кауфману. На глазахъ его были слезы. Онъ подозвалъ къ себѣ знаменщика, раненаго въ ногу, обнялъ его и повѣсилъ ему знакъ отличія военнаго ордена. Убыль въ баталіонѣ была болѣе 100 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ и раненъ 1 офицеръ.

Случай этотъ интересенъ тѣмъ, что, какъ ошибка въ такой нешуточной обстановкѣ, могущая быть роковой и повлечь за собою гибель цѣлаго баталіона, въ данномъ случаѣ имѣла столь счастливыя послѣдствія.

Послѣ этого штурма, не рѣшившаго, противъ ожиданія, окончательно участи крѣпости, выяснились многія причины нашей неудачи.

Одною изъ причинъ, какъ я уже сказалъ, было то, что у насъ не было необходимыхъ приспособленій для штурма; другою, какъ я вскользь замѣтилъ, если читатель помнитъ,—это, что, вопреки Суворовскому совѣту, идя на штурмъ, у насъ далеко не каждый воинъ понималъ „свой маневръ“ и даже командиры частей не знали опредѣленно своихъ задачъ.

При самомъ началѣ штурма начальники колоннъ князь Гагаринъ и баронъ Майдель были ранены. На одномъ изъ приступовъ былъ раненъ въ руку Ганецкій.

Замѣстители выбывшихъ, если они не были также случайно, какъ въ разсказанномъ мною эпизодѣ, не были освѣдомлены о намѣреніяхъ главнокомандующаго и не уясняли себѣ свои частичныя задачи. Между тѣмъ — сложись обстоятельства иначе, удержись и укрѣпись мы на Ширахскихъ и Карадагскихъ высотахъ (какъ разъ предлежавшихъ колоннамъ кн. Гагарина и бар. Майделя), которыя командовали надъ Карсскими высотами и крѣпостью,—кончилась бы вся кампанія.

Колонна гр. Нирода, какъ я сказалъ, не могла принести существенной пользы штурму. Значеніе ея, какъ наступающей фронтально, было болѣе демонстративное да и главную массу ея, сколько помню, при этомъ составляла конница.

Послѣ штурма мы снова отошли на свои позиціи.

Участокъ нашего полка какъ разъ прилегалъ къ вагенбургу, въ который свозились раненые изъ всѣхъ колоннъ. При общей численности потерь, свыше 7 тысячъ, — раненыхъ было много. Читатель, быть можетъ, ожидаетъ описанія устройства тогдашней санитарной части по уходу за ранеными,—но что можно сказать о тѣхъ, слава Богу, давно минувшихъ, временахъ, когда доктора, какъ нашъ, напр., лѣкарь, въ дни сраженій отъ сознанія безнадежности и полной своей безпомощности, напивались пьяными. Не было ни операціонныхъ, ни перевязочныхъ приспособленій, даже не бывало бинтовъ, корпіи, пораненія же бывали ужасны. Санитары, обученные носильщики въ войскахъ, сестры милосердія—можно ли было тогда думать обо всемъ этомъ!

Роль фельдшеровъ исполняли ротные цирульники. Раненые сами себѣ перевязывали раны; помогали имъ—неумѣлыми, грубыми,—но какими любящими руками,—свои же землячки-солдатики.

По мѣрѣ силъ, и мы, офицеры, облегчали страданія несчастныхъ, которые нуждались въ самомъ необходимомъ.

Офицерскія палатки наши соприкасались совсѣмъ близко съ палатками раненыхъ. И вотъ, бывало, ночью они ползутъ... подбираются подъ наши палатки, умоляя дать имъ напиться или—покончить съ ними... Ужасно это теперь, когда является возможность сравнивать съ иными условіями полнаго, можно сказать, санитарнаго благополучія. И тѣмъ болѣе еще ужасно это сознаніе тѣмъ, что какъ могло тогда это все не казаться ужаснымъ!

Изъ нашего вагенбурга, бывшаго, конечно, лишь временнымъ пріютомъ для раненыхъ, они отправлялись въ Александрополь въ госпиталь. Отправка заняла нѣсколько дней. Наряжались фуры и арбы отъ полковъ и на нихъ безъ всякихъ, конечно, приспособленій размѣщались раненые.

Весь транспортъ, который бывалъ фуръ по 200, двигался колонною по нѣсколько повозокъ въ рядъ.

Въ пути останавливались для варки пищи и для ночлега.

Иногда въ пути заставалъ дождь—тогда конвоировавшіе солдаты прикрывали своими шинелями лихорадящихъ больныхъ.

Слава Богу еще, что Онъ миловалъ отъ особыхъ стихійныхъ явленій, обычныхъ въ этой мѣстности, — когда вѣтеръ срывалъ палатки.

Освободившись отъ раненыхъ, войска стали устраиваться на зимовку: — рыть землянки, строить бараки. Строительный матеріалъ приходилось собирать въ покинутыхъ турецкихъ аулахъ, разбирая для этого крыши саклей, такъ какъ вокругъ не только лѣсу,—хворостинки, кажется, нельзя было достать. Мѣстными жителями лѣсъ доставлялся изъ Саганлугскаго хребта.

Сакли, какъ можетъ быть небезызвѣстно читателю, строятся изъ камня, и лишь плоскіе верхи крышъ въ нихъ дѣлаются изъ дерева. При такихъ условіяхъ, строительнаго матеріала аулы могли дать намъ весьма немного, кромѣ же того, за нимъ приходилось иногда посылать за десятки верстъ. Кто имѣлъ лошадь, конечно, могъ раньше другихъ обезпечить себя.

Типъ этихъ землянокъ-бараковъ выработала сама необходимость и способность человѣка приспособляться къ обстоятельствамъ. Выкапывалось въ землѣ квадратное углубленіе аршина на два, ставились по угламъ стойки, дѣлался скатъ въ одну сторону и настилался плоскими камнями, дерномъ, засыпался землею. Бока забирались, при возможности, досками, заваливались камнями или землею.

Въ передней стѣнѣ дѣлался входъ, иногда еще подобіе окна, которое заклеивалось просаленной бумагой.

Внутри устраивался очагъ, подобіе камина, и размѣщались мы въ такихъ землянкахъ не безъ комфорта, благодаря персидскимъ коврамъ.

Нижніе чины строили себѣ землянки такого же типа—по одной на роту; выстроили бани, кухни и зажили припѣваючи, продолжая держать въ осадѣ Карсъ.

Большіе холода еще не наступали.

Августовскія извѣстія, предшествовавшія еще штурму, что войска въ крѣпости терпятъ недостатокъ въ продовольствіи—стали ярче и ярче подтверждаться: перебѣжчики тощіе, опухшіе стали появляться уже значительными партіями, покорно прося о помощи.

Странно вспомнить, что относились мы къ нимъ совершенно безразлично и безъ лишнихъ разговоровъ прогоняли обратно.

Они, между прочимъ, намъ говорили, что войска давно уже довольствуются третной дачею и что новый нашъ штурмъ, несомнѣнно, вызоветъ сдачу.

Внезапно объявлено было войскамъ, что къ намъ на позиціи ожидается пріѣздъ главнокомандующаго турецкой арміей Вилліамса.

Приказано было встрѣтить молодцами.

Въ день пріѣзда по линіямъ частей были устроены игры—пѣли пѣсни, гремѣли бубнами; нѣкоторые солдатики, хотя былъ уже, кажется, октябрь мѣсяцъ, полѣзли даже купаться въ Арпа-чай близъ моста, гдѣ долженъ былъ прослѣдовать Вилліамсъ съ своимъ эскортомъ.

Пріѣздъ диковинныхъ гостей производилъ эффектное впечатлѣніе. Всадники въ турецкихъ пестрыхъ мундирахъ, на прекрасныхъ сытыхъ арабскихъ коняхъ, поражали щеголеватостью, хотя чувствовалось, что это послѣдній ходъ противника, не желающаго открыто признать, что игра имъ проиграна.

Результатомъ свиданія этихъ главнокомандующихъ было перемиріе и, наконецъ, сперва глухо, потомъ все увѣреннѣе и увѣреннѣе сталъ носиться слухъ, что обѣими сторонами ведутся переговоры о сдачѣ Карса.

Пользуясь наступившими досугами въ періодъ перемирія, многіе офицеры-охотники, въ ихъ числѣ и я (и даже не охотники), нарубали изъ пуль подобіе дроби и отыскали мѣста для охоты по Арпачаю вверхъ.

Богъ мой, сколько было тамъ дичи!

Встрѣчавшіеся изрѣдка турки, мирные жители изъ-подъ Карса, помню, сильно недоумѣвали,—какъ это „урусъ“ можетъ стрѣлять птицу на-лету. Они убѣждены были, что мы стрѣляемъ пулями. О ружейной охотѣ дробью они понятія не имѣли.

Солдатики тоже импровизировали себѣ охотничьи развлеченія. Богъ вѣсть, какими способами, чуть не руками, въ омутахъ Карсъ-чая они ловили рыбу; и сомовъ таскали такое количество, что чуть не двадцатифунтоваго сома можно было купить за двугривенный—тридцать копѣекъ.

Такъ мирно жили-поживали мы до средины ноября 1855 года.

15-го числа состоялся приказъ вступать на утро слѣдующаго дня въ крѣпость. Карсъ палъ.

Главнокомандующій, какъ предсказали намъ нѣкоторыя предположенія, не вполнѣ довѣрялъ кавказскимъ войскамъ, опасаясь съ ихъ стороны проявленія хищеній и мародерствъ, а потому для первоначальнаго занятія какъ Карса, такъ и укрѣпленныхъ высотъ, вокругъ крѣпости назначена была наша 18-я дивизія, при чемъ нашъ 1-й баталіонъ Рязанскаго полка долженъ былъ занять цитадель.

Не желая, впрочемъ, бросить незаслуженную тѣнь на своихъ кавказскихъ товарищей, я позволяю себѣ высказаться нѣсколько пространнѣе по этому поводу.

Кавказскіе полки были у себя дома, какъ бы на штабъ-квартирахъ; они были обезпечены вполнѣ обозами, имѣя по нѣсколько повозокъ на роту, тогда какъ мы, пришедшіе изнутри Россіи, ровно ничего не имѣли. Такъ что сами условія вынуждали насъ быть безкорыстными въ отношеніи къ чужому добру.

Съ ранняго утра, основательно приготовившись къ походу, запасшись провизіей и продуктами отъ маркитантовъ, имѣя въ виду, что въ Кореѣ мы ничего не найдемъ, двинулись полки впередъ.

Въ виду крѣпости, мы развернулись въ линейный порядокъ, передъ которымъ долженъ былъ продефилировать оставившій оружіе въ крѣпости гарнизонъ.

Часамъ къ тремъ дня показались нестройныя толпы турецкихъ войскъ.

Пропустивъ ихъ, съ криками „ура“ съ музыкой, хотя и болѣе чѣмъ скромной [1]), конечно, не безъ предосторожностей — выславъ впередъ авангардъ, вступили мы въ городъ.

---

[1]) Хоръ составляли 12 горнистовъ и 12 барабанщиковъ въ полку. Трубили, однако, довольно стройно различные марши—конечно, на самыя простѣйшія мелодіи.

Въ узкихъ улицахъ полки могли съ трудомъ продвинуться впередъ черезъ толпы жителей, наступавшихъ на насъ съ жалобными криками: „курсакъ пропалъ"—т. е. дай хлѣба, мы голодны.

Пока нашъ батальонъ добрался до воротъ цитадели, уже спустилась темная и внезапная, какъ это бываетъ на югѣ, ночь. Обозъ, т. е. ротныя кухни-вьюки, у кого были — все еще гдѣ-то далеко позади колесило по кривымъ улицамъ.

Цитадель стояла на юру, на самой вершинѣ, и вокругъ гулялъ такой вѣтеръ, что люди, какъ цыплята, застигнутые бурей, безпомощно жались къ стѣнамъ.

Маіоръ Центиловичъ, командиръ батальона, просилъ меня съѣздить розыскать гдѣ-нибудь наши кухни и вьюки, чтобы хоть какъ-нибудь устроить ночлегъ.

Розыскавъ кухни и указавъ имъ путь, я взялъ съ собою свою вьючную лошадь и лошадь Центиловича.

По возвращеніи, батальона я уже не засталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ—всѣ укрылись въ отыскавшейся по близости казармѣ.

Войдя туда, я нашелъ полнѣйшую темноту. Люди стояли, сидѣли—жались другъ къ другу, точно въ церкви передъ пасхальнымъ богослуженіемъ.

Изъ вьюка я досталъ стеариновыя свѣчи, бывшія у меня въ запасѣ, и къ общему восторгу зажегъ одну изъ нихъ.

Моментально свѣчи были разобраны по рукамъ, и начался осмотръ помѣщеній. Среди живыхъ нашлось до 20 турецкихъ труповъ.

Очистивъ отъ нихъ казарму, люди поснимали ранцы, составили ружья и, перекусивъ сухаремъ (о кухняхъ нечего было и думать до утра), стали укладываться на спокой.

Какъ всегда бываетъ въ жизни, особенно же военной — неудобства быстро смѣняются лучшими условіями, которыя совершенно сглаживаютъ непріятныя впечатлѣнія, такъ было и на этотъ разъ.

Съ утра, поднявшись съ зарею, солдатики сходили на кухни, подкрѣпились вчерашней ѣдой, раздобылись, чѣмъ было можно изъ имущества; принесли офицерскіе вьюки и—закипѣла жизнь!

Для офицеровъ нашлось отдѣльное помѣщеніе, въ которомъ мы недурно устроились, а главное же явилась возможность вытянуться на постели послѣ кое-какъ проведенной ночи. Устроившись на новосельи и отдохнувъ, мы пошли осмотрѣть цитадель и ознакомиться съ крѣпостью.

Повсюду— въ мечетяхъ, въ казармахъ— вездѣ, гдѣ находились люди, были во множествѣ навалены турецкіе трупы. Въ городѣ на каждомъ шагу насъ встрѣчали знакомые намъ крики: „курсакъ пропалъ".

Уборка труповъ шла самая энергичная.

Цитадель съ амбразурами и пушками имѣла внушительный видъ. Съ внутренняго двора велъ потайной довольно крутой спускъ къ водѣ.

Мы этимъ спускомъ не пользовались, такъ какъ онъ могъ имѣть цѣну, конечно, лишь для крѣпости во время осады.

Цитадель съ прилегающимъ къ ней дворомъ и казармами расположена была на высокой отвѣсной скалѣ надъ Арпа-чаемъ. Видъ съ высоты на долину рѣки и на синѣющія вдали прихотливыми красками горы былъ чрезвычайно живописный, хоть вокругъ не было ни одного деревца. Что меня больше всего поразило—это безчисленное множество орловъ въ окрестностяхъ, лѣниво парящихъ надъ самой землей въ чаяніи добычи.

На третій день по занятіи крѣпости прибылъ главнокомандующій. Онъ прежде всего отправился къ намъ на цитадель. Всѣ офицеры его сопровождали.

Отчетливо помню я, какъ онъ сѣлъ на тотъ самый камень, на которомъ, онъ говорилъ, отдыхалъ точно также послѣ взятія нами Карса въ 1828 году. Отдыхая и теперь на этомъ же камнѣ, онъ намъ много говорилъ о прошлой войнѣ—что именно я затрудняюсь, конечно, вспомнить, онъ сравнивалъ обѣ войны, высказывалъ свое удовольствіе намъ по поводу счастливаго окончанія кампаніи. Въ заключеніе онъ высказалъ надежду, что мы сохранимъ турецкое оружіе въ цѣлости—въ особенности штуцера, въ которыхъ наша армія нуждалась.

Насколько хорошо было въ дѣйствительности турецкое оружіе, я теперь затрудняюсь сказать.

Да и въ немъ надо было понимать толкъ. Какъ-то съ Адамовичемъ, моимъ пріятелемъ, поѣхали мы верхомъ въ окрестности на ставшія намъ родными, Ширахскія высоты. По дорогѣ въ оврагахъ вездѣ снова попадались намъ сваленные трупы.

Турки, видимо, покидая лагери, не могли забрать всего своего достоянія, и мы нашли палатки пашей, брошенныя со всѣмъ ихъ внутреннимъ убранствомъ.

Хотѣлось взять что-нибудь на память, но глаза разбѣгались въ выборѣ—что можетъ быть интереснымъ. Ковры были тяжелые, оружіе въ большинствѣ плохое. Адамовичъ, впрочемъ, взялъ какой-то коверъ, я же не могъ ничего лучшаго пріискать, какъ горсть пистоновъ, и потомъ еще захватили мы съ нимъ по кремневому пистолету съ турецкой насѣчкой.

Доморощенные знатоки восторгались, повторяя: „Дамаскъ, Дамаскъ", но тѣмъ не менѣе впослѣдствіи эти пистолеты оказались никуда негодными.

Впрочемъ, изъ числа турецкаго имущества многіе изъ насъ позабирали еще прекрасныхъ борзыхъ собакъ (Ванской породы), принадлежащихъ турецкимъ пашамъ и теперь во множествѣ бродившихъ среди труповъ въ оставленныхъ лагеряхъ.

Гарнизонъ крѣпости ограниченъ былъ, наконецъ, двумя полками нашей девизіи. Его составили Тульскій и Бѣлевскій полки.

Комендантомъ былъ назначенъ командиръ этой бригады Неёловъ.

Другая же (первая) бригада нашей дивизіи назначалась для занятія пограничныхъ армянскихъ ауловъ.

Нашъ полкъ занялъ селеніе Сульды на турецкой границѣ, а штабъ полка и одна рота стояли въ крѣпостѣ Ахалкалакахъ.

Форштадтъ крѣпости былъ населенъ армянами—торговцами.

Народъ этотъ вполнѣ сохранялъ турецкіе обычаи—полную замкнутость и охраненіе женскаго пола отъ нечистыхъ взоровъ и ко всему этому присущія ему расовыя черты любостяжанія и хитрости.

По-русски никто изъ нихъ не говорилъ; только къ веснѣ коекакъ научились мы размѣниваться знаками, замѣнявшими намъ живой языкъ въ обращеніи съ туземцами.

Пограничныя армянскія сакли, въ которыхъ квартировали полки, представляли собою нѣчто ужасное.

При приближеніи къ ним, они казались какими-то кладбищами: холмики, на нихъ выдѣляются каменныя плиты...

Это человѣческія жилища—сакли.

Распланировка ихъ самая безпорядочная, чуждая какой-либо правильности. Чтобы войти въ саклю, нужно спуститься куда-то внизъ, въ подземелье. Здѣсь вы попадаете въ какой-то лабиринтъ съ множествомъ закоулковъ, по которымъ размѣщены коровы, буйволы, ишаки и проч. домашній скотъ.

Къ одной стѣнѣ примыкаетъ отгороженное помѣщеніе для людей. Оно возвышается надъ поломъ аршина на $1^1/_2$, и это единственное его отличіе отъ прочихъ закоулковъ.

По серединѣ этой горницы въ стѣнѣ каминъ, отапливаемый кизяками; въ потолкѣ окно для свѣта, воздуха и выхода дыма.

Не будь этого спасительнаго окна, дѣйствительно можно задохнуться отъ ужасной атмосферы совмѣстнаго жилья со скотомъ.

Помимо того, что рядомъ бокъ-о-бокъ зимуетъ скотъ, рядомъ же съ жильемъ устроены и нѣкоторыя удобства для человѣческой зимовки.

Теперь, черезъ полвѣка, тошно вспомнить эти условія, въ которыхъ приходилось зимовать нашимъ солдатикамъ.

Сосѣдства скота, конечно, не было, но это все же немногимъ улучшало обстановку.

За Ахалкалакскими укрѣпленіями по равнинѣ раскидывались наши духоборскія селенія.

Это была поразительная противоположность армянскимъ ауламъ. Я впервые познакомился тогда съ этимъ хорошимъ жизнеспособнымъ народомъ. Послѣ армянской грязи мы прямо душою отдыхали въ этихъ селеніяхъ.

И что это за радушный, привѣтливый былъ народъ!

Исправныя лошади, сытый скотъ, удобныя хозяйственныя фуры, заимствованныя ими у южныхъ колонистовъ въ мѣстностяхъ ихъ первоначальнаго поселенія какъ сектантовъ... Словомъ, во всемъ замѣтенъ достатокъ.

Положимъ, что кампанія дала имъ тогда громадный заработокъ, потому что вся перевозка (провіанта и пр.) для отряда лежала исключительно на нихъ.

Я выразился, что мы отдыхали душою подъ гостепріимными кровлями молоканъ. Это не только былъ отдыхъ для насъ, какъ для отщепенцевъ, закинутыхъ, Богъ вѣсть, въ какую даль отъ родины, но въ душѣ каждаго изъ насъ смутно отдыхалъ „русскій человѣкъ“ подъ впечатлѣніемъ этой воплощенной мечты крестьянскаго благополучія, которую являли собою молоканскія общины. Въ баринѣ-крѣпостникѣ глухо зарождалась идея благополучія свободнаго крестьянина.

Жизнь наша на турецкой границѣ протекала мирно и спокойно.

Съ условіями скитальческой жизни кавказцевъ мы положительно сроднились. Отсутствіе извѣстій съ родины (почта бывала развѣ разъ въ мѣсяцъ) насъ даже не тяготило. Мы жили какой-то игрушечной жизнью, придуманной нами самими: устраивали кавалькады, поѣздки въ горы—для чего неимѣвшіе лошадей принанимали у жителей, либо обходились ишаками; мастерили самодѣльныя сани и катались на нихъ; охотились.

Охота была здѣсь довольно удачная—больше всего за лисицами, которыхъ было здѣсь много.

При такой небогатой впечатлѣніями жизни просто поразительно, до какой степени нѣкоторыя мелочи ея глубоко запечатлѣлись въ памяти.

Помню, напр., одинъ эпизодъ изъ такихъ охотъ.

Нужно сказать, что сохраняли на зиму свой хлѣбъ въ ямахъ, обложенныхъ изнутри и закиданныхъ сверху камнями.

Хорошій теплый денекъ.

Мы выѣхали съ собаками по снѣжку.

И вотъ я вмѣстѣ съ лошадью угодилъ въ одну изъ такихъ ямъ, которая на мое несчастіе оказалась пустою.

Выбрался я, только ставъ на сѣдло ногами и при помощи спущеннаго мнѣ товарищемъ (Сухотинымъ), пріѣхавшимъ на мой голосъ, ремня.

Съ лошадью пришлось, конечно, много повозиться.

Вспоминаю еще одну характерную черточку нашей жизни.

Къ командиру роты, составлявшей караулъ крѣпости, пріѣхала жена—совсѣмъ молоденькая женщина.

Была она некрасива, но тѣмъ не менѣе это была единственная наша дама.

И, Боже ты мой, какъ она перевернула все наше существованіе. Мы наперерывъ ухаживали всѣ до единаго за этою доброю женщиною, не оказывавшею, однако, исключительнаго благоволенія кому-либо въ отдѣльности—но, могу сказать, вѣрною всѣмъ.

Съ наступленіемъ лѣта полкъ въ полномъ составѣ собирался въ лагери подъ Ахалкалаками.

Такъ мы стояли по мартъ мѣсяцъ 1856 г. вплоть до заключенія мира, послѣ чего были передвинуты на Лезгинско-кавказскую линію, по которой растянули насъ по-батальонно въ пяти верстномъ удаленіи батальонъ отъ батальона.

Къ снаряженію каждаго солдата, кромѣ ружья, добавили по топору. Намъ надлежало дѣлать просѣки, сквозь полосу вѣковѣчныхъ чинаръ, каргачей и орѣховыхъ деревьевъ. Работа эта была долгая, изнурительная и опасная.

Требовался большой надзоръ офицеровъ, игравшихъ роль десятниковъ.

Для болѣе успѣшной свалки деревья подрубливали подъ рядъ всѣ съ одной стороны.

Подрубивъ такимъ образомъ значительную площадь, валили крайнія на всю эту массу.

Долгій непрерывный трескъ несся по лѣсу, точно стонъ вѣковѣчныхъ красавцевъ. И бѣда, если въ этой свалкѣ случайно запутался солдатикъ.

Къ зимѣ обстроились мы казармами — въ карэ поставлены были бараки для ротъ и въ серединѣ карэ расположились офицерскіе бараки.

Все расположеніе охранялось пикетами, выставляемыми впередъ.

Жили мы спокойно и въ нѣкоторомъ довольствѣ.

Бараки были теплы, удобны.

Въ недѣлю разъ вдоль по линіи снаряжалась „оказія“: съ крайняго участка выступала особо наряженная вооруженная команда; въ

ней присоединялись ротныя телѣги и повозки съ артельщиками и каптенармусами, которымъ поручалось что купить, получить провіантъ и т. д. Вся эта „оказія“ двигалась вдоль линіи, увеличиваясь въ числѣ повозокъ, и, такимъ образомъ, мы поддерживали связь съ внѣшнимъ міромъ.

Охотникамъ было раздолье!

Я былъ тогда начальникомъ охотничьей команды въ батальонѣ.

Добычею бывало иногда штукъ десять оленей, либо козъ, также и кабановъ.

Конечно, все это шло на улучшеніе пищи.

Охота являлась, кромѣ того, и интереснымъ похожденіемъ.

По установившемуся обычаю, а также и по объявленному распоряженію начальства застигнутые въ лѣсу лезгины считались не мирными, а потому встрѣча съ ними придавала еще исключительную окраску охотѣ.

Мнѣ, однако, подобныхъ качагъ, какъ ихъ называли, не доводилось ни разу встрѣтить.

Съ наступленіемъ лѣта мы должны были начать горныя экспедиціи противъ лезгинскихъ ауловъ.

Командиромъ полка къ намъ былъ назначенъ полковникъ князь Шаликовъ, опытный кавказецъ.

Ему мы были много обязаны тѣмъ, что онъ насъ научилъ дѣлать походы въ горахъ, а это дѣйствительно требовало обученія и опытнаго руководства.

Наши экспедиціи въ горы начались вступленіемъ въ Дидойское общество (въ 1857 году), колонна была въ составѣ 2 батальоновъ, взвода артиллеріи и тушинской сотни.

Движеніе происходило слѣдующимъ порядкомъ: сотня занимала впередъ пикъ горы; затѣмъ шла команда нижнихъ чиновъ съ шанцевымъ инструментомъ, пробивая и расчищая зигзагами тропу, достаточную для свободнаго движенія человѣка и лошади съ вьюкомъ; за ними одинъ за однимъ двигалась вся колонна.

Она растягивалась иногда полосою верстъ въ 7; безъ остановки можно было пройти шаговъ 20—утомлялось дыханіе; а остановится одинъ впереди, остановки отзываются въ хвостѣ.

Большею частью путь избирался гребнями горъ—чтобы видѣть по сторонамъ.

Сначала не обходилось дня безъ несчастій.

По сторонамъ кручи—иногда не видишь дна: то оскользнется кто-нибудь изъ людей, то сорвется вьюкъ съ лошади, а нѣтъ и сама лошадь вмѣстѣ съ вьюкомъ.

На верхушкѣ горы—остановка.

Долой шомпола изъ ружей, и начинается самое безжалостное уничтоженіе посѣвовъ; лезгины разстрѣливаются; ихъ аулы, иной разъ расположенные словно орлиныя гнѣзда на недоступныхъ кручахъ, берутся съ боя, пока не уйдутъ оттуда послѣдніе защитники.

Иногда 10—20 человѣкъ, засѣвшихъ въ башнѣ, задерживали всю колонну на день.

Скотъ забирали съ собою и двигались дальше въ слѣдующее общество.

Спускъ съ горъ бывалъ, кажется, еще опаснѣе, нежели подъемъ.

Нервы же рекомендовалось имѣть во всякомъ случаѣ какъ для того, такъ и другаго—крѣпкіе.

Одинъ нашъ офицеръ (Сперанскій) могъ подвигаться только держась за шинель горниста, при чемъ барабанщикъ долженъ былъ сзади поддерживать его за шинель.

До сумерекъ старались заканчивать переходъ на ночлегъ, при этомъ останавливались непремѣнно на возвышенныхъ мѣстахъ. Дѣлали это съ тою цѣлью, чтобы лезгины не могли пускать внизъ съ кручъ каменья. Палатокъ было по двѣ на роту—главнымъ образомъ для больныхъ; ложились спать, какъ придется, завернувшись въ бурку или шинель. Вслѣдствіе ли хорошей погоды, горнаго воздуха,—а быть можетъ и вслѣдствіе того, что больной оказывался въ безпомощномъ положеніи, либо долженъ былъ слѣдовать верхомъ—отсталыхъ и больныхъ не бывало. Нервы ли мои были покрѣпче другихъ, не знаю—только я все время ѣхалъ верхомъ; при чемъ оказывалъ еще великое одолженіе товарищамъ, позволяя въ пути держаться за хвостъ лошади.

Кромѣ весьма блѣднаго описанія всей тяготы этихъ горныхъ движеній я не могу опять не вспомнить плачевное матеріальное положеніе офицерства, что увеличивало еще больше эту тяготу.

Трудно, почти немыслимо было запастись въ походъ всѣмъ. А приходилось запасаться дѣйствительно всѣмъ отъ котелка и чайника до лишней пары сапогъ; и нести большую часть всего этого на себѣ, чтобы не перегружать денщика, и безъ того несущаго на себѣ весь свой домъ.

Зато съ какою свѣтлою радостью вспоминаю я горный чистый воздухъ, ключи съ прозрачною холодною водой, мягкую сочную травку и кусты рододендрумовъ, усѣянныхъ цвѣтами, по склонамъ кручъ.

Описывая порядокъ нашего восхожденія, я упомянулъ о нашихъ колонновожатыхъ—тушинахъ. Съ удовольствіемъ остановлюсь на болѣе подробномъ описаніи этихъ людей.

Рослые, суровые съ виду, они походили на аскетовъ. Храбрость, доходящая до какого-то поразительнаго равнодушія къ смерти, честность и прямота—были ихъ отличительными качествами.

Зимами они жили со своими стадами по Алазанской долинѣ. Аулы же ихъ были въ горахъ и отдѣлялись отъ лезгинскихъ иногда однимъ лишь неприступнымъ оврагомъ.

Оба племени были въ непонятной намъ исконной враждѣ между собой, носившей какой-то религіозный характеръ.

Убить лезгина—это былъ долгъ каждаго порядочнаго тушина, какъ и наоборотъ.

Убившій лезгина тушинъ отрѣзалъ правую кисть его руки и бралъ съ собою какъ трофей, и, наоборотъ, трофеемъ лезгина была лѣвая рука тушина.

Эти трофеи прибивались къ саклямъ и служили показателями храбрости, исключая занесенія въ формуляръ.

Интересенъ слѣдующій обычай.

Молодой тушинъ, убившій въ первый разъ лезгина, вырѣзывалъ у него сердце и приносилъ матери, которая, разрѣзавъ это сердце, мазала его кровью лицо сына.

Тушинъ становился съ этого момента „юнакомъ".

На торжество этого своеобразнаго рыцарскаго посвященія собирались всѣ старые юнаки, и оно было общимъ праздникомъ.

У насъ по избранію князя Шаликова, былъ главнымъ колонновожатымъ особенно славный своими подвигами тушинъ, нѣкій Качо́ или Хадже, уже старый воинъ, имѣвшій на саклѣ у себя до 80 кистей.

Это былъ страхъ и гроза лезгинъ.

Къ нему, какъ къ патріарху этой религіи человѣкоубійствъ, обращались слабые и престарѣлые тушины, въ случаѣ убійства лезгинами кого-либо изъ членовъ ихъ семействъ, и старый Хачо, какъ патріархъ, не отказывалъ въ своемъ покровительствѣ вѣрующимъ—всегда шелъ въ горы и отмщалъ обиду врагу.

Съ начала весны, какъ только показалась трава въ горахъ, тушины перекочевывали со своими стадами въ горы.

Нужно было видѣть способъ переселенія этихъ людей по тѣмъ самымъ кручамъ, которыя мы преодолѣвали съ такимъ трудомъ.

Вотъ впереди суровый, грустный ѣдетъ самъ глава семьи. Онъ либо посвистываетъ сквозь зубы, либо издаетъ себѣ подъ носъ какіе-то гортанные звуки, непохожіе на пѣсню. За нимъ слѣдомъ безъ привязи бредутъ вьючныя лошади и изъ переметныхъ сумъ ихъ выглядываютъ дѣтскія головки. Женщины—въ черномъ, тоже верхами. Но имъ не до дѣтей. Онѣ гонятъ стада козъ и овецъ.

Въ горныхъ экспедиціяхъ мы не задерживались долго—самое большее по сентябрь. Въ это время въ горахъ уже начинались снѣжныя бури и наступала зима—двигаться впередъ было немыслимо.

По окончаніи экспедиціи, мы спускались съ горъ, снова брались за топоры и приступали къ рубкѣ лѣса.

Такъ продолжалась наша служба до 1859 года.

Въ 1859 году нашъ полкъ двинулся въ Дагестанъ, въ обходъ хребта противъ Шамиля. Въ это время я былъ уже командиромъ 1-й стрѣлковой роты; вооружена моя рота была тѣми же гладкоствольными штуцерами, какъ и прочія; отличалась же отъ нихъ лишь подборомъ молодыхъ людей и характеромъ службы—отъ насъ больше требовался разсыпной строй, лучшая стрѣльба, хотя изъ штуцеровъ этихъ на 200 шаговъ бывало пулей въ мишень нельзя было попасть!

Долженъ сказать здѣсь, что на время горныхъ экспедицій полкъ нашъ переформировался изъ 4-хъ батальоннаго въ 3-хъ батальонный составъ; съ передвиженіемъ на Дагестанскую линію, онъ снова переформировался.

Потребовались лошади для 4-го батальона.

Командиромъ полка былъ у насъ уже полковникъ Краузъ, прозванный нами „юнкерецъ". Онъ съ юнкерскаго чина до полковничьяго прослужилъ все время въ Кабардинскомъ полку. Это былъ рѣдкій офицеръ по своимъ боевымъ качествамъ и еще болѣе рѣдкій товарищъ.

Я пользовался довѣріемъ, весьма лестнымъ для меня, этого человѣка, умѣвшаго, какъ онъ самъ говорилъ, отличать офицеровъ. Полковникъ Краузъ командировалъ меня за покупкою и приводомъ лошадей, для чего я долженъ былъ съ Лезгинской линіи отправиться въ Моздокскія степи (къ Пятигорску) и затѣмъ, закупивъ лошадей, пригнать ихъ на Лезгинскую же линію къ укрѣпленію Закаталы, гдѣ останется вновь сформированный 4-й батальонъ.

Попутно съ этимъ, сдавъ лошадей, я долженъ былъ принять слабосильную команду, какая будетъ оставлена при этомъ батальонѣ прочими батальонами, и съ этою командою нагонять полкъ. Въ помощь мнѣ давалась команда въ 30 человѣкъ, при 2 унтеръ-офицерахъ.

Не долго мѣшкая съ сборами, забравъ книгу для взиманія провіанта въ пути, я выступилъ съ командою въ путь-дорогу, сообразуясь лишь въ направленіяхъ съ картой, такъ какъ изслѣдованнаго колеснаго пути тогда еще не было,—черезъ перевалы, минуя Тифлисъ во Владикавказъ.

Хотя и труденъ былъ путь, но, слава Богу, дошли мы благополучно до Владикавказа. По спускѣ съ горъ, гдѣ климатъ ровный,

прохладный, въ жаркій зной равнинъ люди начали заболѣвать лихорадкой. Двухъ изъ команды моей пришлось оставить въ госпиталѣ во Владикавказѣ.

Сдѣлавъ дневку, я отправился дальше, но дня черезъ три въ моей командѣ еще оказалось пять, которые не могутъ слѣдовать. Оставлять еще этихъ я рѣшительно не имѣлъ возможности. Лошадей мнѣ предстояло купить 80 головъ и затѣмъ гнать ихъ табуномъ—люди были нужны.

Предвидя возможность заболѣваній, я еще во Владикавказѣ купилъ банку хинина и теперь по-неволѣ исполнялъ роль, если не доктора, то фельдшера. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что, для того, чтобы сдать больныхъ въ пути, нужно было идти дней пять до какого-нибудь госпиталя, гдѣ бы могли ихъ принять.

Придя въ Змѣйскую станицу, я принужденъ былъ сдать 8 человѣкъ въ страшнѣйшей лихорадкѣ. Въ довершеніе всѣхъ несчастій, самъ я въ пути заболѣлъ тою же лихорадкой.

Пароксизмы были столь сильны, что послѣ нихъ я по пяти часовъ лежалъ въ безсознательномъ состояніи. Самочувствіе мое было отчаянное. На рукахъ казенныхъ денегъ свыше пяти тысячъ рублей и порученіе, которое я долженъ былъ исполнить возможно скорѣе, такъ какъ батальонъ безъ лошадей меня ожидаетъ на линіи.

Не доходя Новогеоргіевской крѣпости, я окончательно слегъ. Мой старшій унтеръ-офицеръ (Матвѣевъ) распорядился запречь мою телѣжку и, даже уже не спрашиваясь, повезъ меня въ Новогеоргіевскъ. Дорогой я пришелъ въ сознаніе и приказалъ уже самъ везти къ комендантской квартирѣ.

Вошедши въ домъ, я уже стоять на ногахъ не могъ и повалился на стулъ. Пришедшій комендантъ (полковникъ Ясинскій) смутился.

— Господинъ офицеръ, потрудитесь встать!

На это приказаніе я только могъ снять съ шеи сумку съ деньгами; затѣмъ, назвавъ себя, я объяснилъ, для чего командированъ, просилъ отправить меня въ госпиталь и, если возможно, выручить меня съ покупкой лошадей, такъ какъ я не имѣю права мѣшкать съ этимъ порученіемъ.

Комендантъ отъ пріема денегъ отказался, говоря, что закупать лошадей для полка и отправлять ихъ по назначенію онъ не имѣетъ возможности, что единственно онъ можетъ отправить меня въ госпиталь, если я пожелаю.

Инстинктивно опасаясь госпиталя,—мнѣ казалось, что именно тамъ я надолго останусь, благодаря чему не выполню порученія и подорву къ себѣ довѣріе моего командира,—я сталъ на квартирѣ—точно это могло быть менѣе страшно.

Докторъ прописалъ мнѣ тотъ же хининъ, только въ порошкахъ, а не на глазъ, какъ я принималъ. Этимъ и ограничилось его лѣченіе. Подправившись (конечно, вылѣчиться совсѣмъ такъ скоро было немыслимо), вѣрнѣе, научившись съ помощью хины регулировать свою болѣзнь, я выѣзжалъ на ярмарки, закупалъ лошадей, ставилъ ихъ въ огороженный загонъ, и, набравъ, наконецъ, нужное количество, тронулся въ обратный путь, команду свою изъ пѣшей превративъ въ конную.

Ѣхали мы безъ промедленій, останавливаясь лишь для ночлеговъ,—гдѣ была получше трава и по близости отъ воды.

Дорогой подлѣчились всѣ, кто недомогалъ.

Наконецъ, сдалъ лошадей и, можно сказать, отдохнулъ душою,—лихорадка же все еще допекала.

Въ это время разнесся слухъ, что нашъ полкъ, выступившій въ Дагестанъ, возвращается съ дороги въ Россію.

Магическое дѣйствіе этого слуха было то, что къ моему выступленію съ слабосильными вслѣдъ за полкомъ этихъ выздоровѣвшихъ слабосильныхъ, выписавшихся изъ госпиталя, набралось до 220 человѣкъ!

Вновь запасся я книгами на требованія въ пути, открытымъ листомъ на взиманіе двухъ подводъ (двухъ арбъ, запряженныхъ волами), и выступилъ со всею командою.

Къ счастію, судьба сжалилась надо мною и послала мнѣ помощника и товарища въ лицѣ выписавшагося изъ госпиталя юнкера (Смирнова).

На этотъ разъ команда моя была лучше обезпечена.

Самое главное,—что у людей были палатки.

Шли мы безъ всякаго маршрута; переходы и дневки дѣлали въ зависимости отъ обстоятельствъ. По Лезгинской линіи мы двигались благополучно, но впереди было еще, по крайней мѣрѣ, 700 верстъ. Лишь только перевалили мы въ Дагестанскую область, начались для насъ испытанія.

Туземцы говорятъ: „Пришелъ урусъ—принесъ зиму“.

Такъ именно и было съ нами. Только-что мы вступили въ долину—повалилъ снѣгъ. Погода была хотя и не холодная, не болѣе 5° мороза, но снѣгъ—довольно глубокій, затруднялъ движеніе безъ дорогъ. Горные ручейки обратились въ рѣки.

Случалось иногда переходить ихъ по колѣна.

Начались заболѣванія въ командѣ, и самого меня снова забила лихорадка.

По Дагестанской линіи тянулись казачьи посты, которые изрѣдка чередовались со станціями, гдѣ мѣнялась почтовая передача.

Вотъ и все жилье, что мы встрѣчали по пути, избушка и вокругъ дворъ.

О ночлегахъ въ нихъ для команды нечего было и думать. Слава Богу, если нѣсколько тяжело больныхъ можно было помѣстить ночь въ теплѣ.

Лѣчить снова пришлось самому.

Практика моя расширилась.

Кромѣ хинина, которымъ я пробавлялъ по-старому команду, у меня былъ еще чай и перецъ.

При разстройствахъ я давалъ жевать и глотать сухой чай, при желудочныхъ боляхъ—зерна перца.

Наконецъ—наконецъ, въ укрѣпленіи Дашлагаръ нагналъ я штабъ нашего полка.

По прибытіи я остановился у моего замѣстителя, командовавшаго моей ротой, Соловьева.

Послѣ мѣсяца душевной и физической муки, я только теперь оцѣнилъ всю драгоцѣнность отдыха.

Взвинченные нервы сразу упали, и меня охватилъ пароксизмъ.

Это былъ какой-то апоѳеозъ страданій.

Придя въ сознаніе, я встрѣтилъ испуганное и недоумѣвающее, доброе лицо Соловьева, который въ какомъ-то страхѣ повторялъ:

— Боже мой, да какъ же вы могли. Да я бы, кажется, умеръ—не вынесъ этого.

Только на второй день нашелъ я достаточно силы явиться командиру полка.

Видъ мой его тронулъ. Онъ крѣпко расцѣловалъ меня и сказалъ, что, отправляя меня, онъ хорошо понималъ всю трудность своего порученія, а также и то, на кого это порученіе возлагалъ.

Этотъ случай сблизилъ меня съ Краузомъ. Я часто бывалъ у него и положительно чувствовалъ, какъ его заботы обо мнѣ, его угощенія „кофейкомъ“ и подливанія „ромку“ въ чай меня исцѣляли отъ моего упорнаго недуга.

Не вполнѣ оправившись, я вступилъ въ командованіе ротою. Особенно ретивой службы и не требовалось: самъ Краузъ недолюбливалъ уставныя захожденія, ружейные пріемы и проч.

Какъ старый кавказскій рубака, онъ даже считалъ ихъ вредными для дѣла.

Охотничьи экскурсіи свои (уже не съ сборною командою, а съ своею стрѣлковой ротою) я продолжалъ. И могу сказать, что онѣ являлись истинною школою для солдатъ въ отношеніи развитія въ

нихъ смѣтливости и расторопности: на роту свою я положительно не могъ достаточно нарадоваться. Это были ребята — молодецъ къ молодцу—открытыя довѣрчивыя лица, а стрѣлки—на подборъ!

Охоты въ камышахъ по взморью за кабанами бывали всегда удачны, такъ что люди получали иной разъ по фунту на человѣка.

Командиръ мой не былъ охотникомъ и, однажды, заинтересованный нашей большой добычей, онъ просилъ меня взять и его съ собою, заранѣе поставивъ условіемъ свое полное подчиненіе моимъ распоряженіямъ.

Въ охотѣ приняли участіе многіе офицеры, и она имѣла характеръ праздника, особенно же для роты моей, для которой она являлась въ то же время смотромъ начальства.

Удача наша была особенно велика: мы убили что-то около 12-ти матерыхъ кабановъ, взяли живьемъ до 30-ти поросятъ и настрѣляли массу фазановъ.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю этотъ эпизодъ потому, что мнѣ необыкновенную радость доставляло послѣ того сознаніе, что и я за заботы обо мнѣ, въ свою очередь, могъ доставить удовольствіе Краузу.

Къ характеристикѣ этого прекраснаго командира, какъ товарища, я добавлю слѣдующее: командуя ротою, я былъ въ чинѣ поручика, тогда какъ въ полку были капитаны, не командовавшіе ротами. Это не было ненормальнымъ. Старшинство въ то отвѣтственное время у насъ, на Кавказѣ, не соблюдалось обязательно. Старшіе въ чинахъ, не командовавшіе ротами, назначались субалтернъ-офицерами къ болѣе старымъ ротнымъ командирамъ.

Ко времени нашего возвращенія въ Россію [1]), подоспѣлъ приказъ о томъ, что капитаны, которые не командовали ротами, должны были отставляться отъ производства.

Краузъ, не колеблясь, отставилъ меня отъ командованія ротою, поручилъ мнѣ въ походѣ обязанность квартирьера отъ полка. На моей обязанности было слѣдовать впереди съ командою ротныхъ артельщиковъ заготовлять для полка мясо, разсчитываться за фуражъ и провіантъ.

Я ѣхалъ преспокойно въ своей телѣжкѣ впередъ, отводилъ квартиры, по подходѣ полка, сдавалъ отчетъ и, заручившись снова деньгами, отправлялся опять впередъ.

Подъ сидѣньемъ у меня было два боченка съ порохомъ, который при выступленіи надлежало потопить, какъ излишній; но я, какъ охотникъ, никакъ не могъ этого сдѣлать, потому что зналъ, какъ онъ въ Россіи дорогъ и какъ трудно его доставать.

---

[1]) Мы только-что пришли въ укрѣпленіе Чиръ-Юртъ.

Этимъ я и закончу свои блѣдныя воспоминанія.

Описывать особые подвиги личной храбрости я избѣгалъ, находя это бахвальствомъ, такъ какъ исключительной доблести за ними я никогда не признавалъ, почитая долгомъ всякаго честнаго человѣка— разъ служишь, смотрѣть смѣло въ лицо всякой опасности, вѣруя только въ неисповѣдимый промыселъ Божій, а также памятуя, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба никогда не пропадетъ.

Господь хранилъ меня, хотя вся служба на Кавказѣ была изо дня въ день суровою борьбою за жизнь не только благодаря условіямъ войны съ туземцами, но и природѣ, потому что, по-истинѣ, покоряя Кавказъ, мы покоряли и его суровую природу. А за царемъ?— конечно, служба не пропала. Только она мнѣ и помогла—изъ недоросля-барчука, лишеннаго капризомъ судьбы отцовскаго наслѣдія, встать, какъ говорится, на ноги и поставить на ноги всѣхъ моихъ дѣтей.

И. Е—скій.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1906 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

1. Книги, доставленныя въ редакцію (на оберткѣ іюльской книги).
2. **Послѣ войны о нашей арміи.** А. Геруа. Тип. А. С. Суворина. 1906 г. (на оберткѣ августовской книги).
3. Перечень книгъ (тамъ же).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

на 1906 годъ.

Тридцать седьмой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА", имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ журналъ издается въ теченіе 36 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться по
выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художникам
налъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается у
по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп. д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1905 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.